

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАНИЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

за 1882 годъ.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К^о, Леонт., пер., д. № 14
1882.

ПРИБАВЛЕНІА
КЪ ИЗДАНІЮ
ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАНИЮ ТВОРЕНІЙ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ

за 1882 годъ.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и К^о, Леонт., пер., д. № 14
1882.

Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ.

Статья Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, митрополита Московскаго.

Когда скончался патріархъ Іосифъ (15-го апр. 1652 г.), всѣ въ Москвѣ могли догадываться, что преемникомъ его на патріаршей каѳедрѣ будетъ не кто другой, какъ Новгородскій митрополитъ Никонъ, который и при жизни Іосифа былъ главнымъ совѣтникомъ царя Алексѣя Михайловича въ дѣлахъ церковныхъ и возвышался надъ всѣми, сколько своими личными достоинствами, столько же или даже болѣе неограниченною довѣренностію и любовію къ нему государя. Никону пророчили патріаршество еще въ то время, лишь только онъ сдѣлался митрополитомъ. Сохранилось сказаніе, что когда онъ, прибывъ въ Новгородъ, поѣхалъ въ хутынскій монастырь къ проживавшему тамъ на покоѣ своему предмѣстнику, митрополиту Аѳеонію, мужу святой жизни, но, по старости и безпамятству, добровольно оставившему свою каѳедру, и началъ просить у него себѣ благословенія, то Аѳеоній отвѣчалъ: „ты меня благослови“, и послѣ долгаго препирательства между ними объ этомъ, сказалъ наконецъ: „благослови меня, патріарше“. Никонъ замѣтилъ: „нѣтъ, отче святой, я грѣшный

митрополить, а не патриархъ"... „Будешь патриархомъ, и благослови меня“, пояснилъ свою мысль Аѳеоній, и дѣйствительно первый принялъ благословеніе отъ Никона, а за тѣмъ благословилъ его. Для подобнаго предсказанія о патриаршествѣ Никона было уже тогда достаточно оснований.

Но случилось такъ, что послѣ кончины патриарха Іосифа, довольно долго Никона не было въ Москвѣ: онъ путешествовалъ въ соловецкій монастырь, чтобы перенести отсюда въ столицу мощи святителя Филиппа. И нашлись люди, которые хотѣли воспользоваться отсутствіемъ Никона и не допустить его до патриаршаго престола. Извѣстный протопопъ Юрьевца-Повольскаго Аввакумъ рассказываетъ въ своей автобіографіи, что духовникъ государевъ,—тоже лице, имѣвшее великую силу у Алексѣя Михайловича,—протопопъ благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевъ цѣлую седмицу постился „съ братією“ и молился Богу о дарованіи Россіи новаго патриарха. И, по окончаніи седмицы, братія, вмѣстѣ съ казанскимъ митрополитомъ Корнилиемъ, подали, за собственно-ручными подписями, царю и царицѣ челобитную „о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть въ патриархахъ“. Кто же были эти люди, которыхъ Аввакумъ называетъ „братією“? Это были, какъ видно изъ автобіографіи и изъ другихъ сочиненій Аввакума, протопопъ казанскаго собора въ Москвѣ Иванъ Нероновъ, человѣкъ весьма сильный въ московскомъ духовенствѣ и близкій къ царю, самъ онъ—протопопъ Аввакумъ, протопопы—костромскій Даниилъ и муромскій Логгинъ, и вообще тѣ самыя лица, которыя явились впоследствии первыми противниками Никона въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ и первыми виновниками раскола. Такимъ образомъ еще прежде, нежели Никонъ сдѣлался патриархомъ, люди эти уже

питали къ нему чувства непріязни, хотя онъ въ то время, по свидѣтельству самаго Аввакума, былъ и считался ихъ другомъ. Эти люди, особенно Вонифатьевъ и Нероновъ, привыкшіе, при слабомъ патріархѣ Іосифѣ, заправлять дѣлами въ церковномъ управленіи и судѣ, желали и теперь удержать за собою всю власть надъ церковію и, не безъ основанія, опасались Никона, достаточно ознакомившись съ его характеромъ. Зналъ ли, или не зналъ Вонифатьевъ о челобитной, поданной о немъ „братією“ царю и царицѣ, но онъ имѣлъ настолько благоразумія, что отказался отъ чести, ему испрашиваемой, и даже самъ будто бы указалъ царю на митрополита Никона, какъ достойнѣйшаго кандидата для занятія патріаршей кафедры. Тогда царь отправилъ къ Никону посланіе (это было уже къ концу мая), въ которомъ, извѣщая его о смерти патріарха Іосифа и величая самого Никона своимъ „возлюбленнымъ любимцемъ и собинымъ другомъ, душевнымъ и тѣлеснымъ“, писалъ къ нему: „возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ обираться на патріаршество именемъ Θεогноста (т. е. Богу извѣстнаго), а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся“, и еще далѣе: „и ты, владыко святой, помолись, чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему—Свѣту годенъ, имя вышеписанное; а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору; а сего мужа три челоуѣка вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный (т. е. Вонифатьевъ), тай не въ примѣръ, а сказываютъ: святъ мужъ“. Никонъ, безъ сомнѣнія, понималъ, что рѣчь была о немъ. И, возвратившись въ Москву 9-го іюля, когда принесены были въ нее мощи святителя Филиппа, спѣшилъ съ поклонами и ласками къ своимъ друзьямъ, Вонифатьеву и прочей братіи, чтобы не случилось ему отъ нихъ какой помѣхи достигнуть

патріаршества. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ Аввакумъ ¹⁾).

Для избранія новаго патріарха составленъ былъ „чинъ“, по которому оно должно было совершаться. Въ чинѣ говорилось, что благочестивый царь, не желая видѣть церковь какъ бы вдовствующею, разослалъ грамоты во всѣ концы своего государства, ко всѣмъ святителямъ, и извѣщая ихъ о смерти патріарха Иосифа, приглашалъ ихъ собраться въ Москву для избранія новаго верховнаго пастыря, и что, вслѣдствіе этого, въ Москву прибыли четыре митрополита: новгородскій Никонъ, казанскій Корнилій, ростовскій Варлаамъ, сарскій Серапіонъ и три архіепископа: вологодскій Маркелль, суздальскій Серапіонъ и рязанскій Мисаиль, со множествомъ архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ и священниковъ, а прочіе архіереи, которые почему либо не могли прійти, прислали священному собору повольныя грамоты о своемъ согласіи. Собраннымъ святителямъ царь приказалъ: „ко избранію на патріаршескій престолъ написать двѣнадцать мужей духовныхъ“. Святители исполнили волю царя, и, написавши, „прислаша къ нему имена 12-ти духовныхъ мужей“. Юля въ 22-й день послалъ царь своего боярина Василя Васильевича Бутурлина да думнаго дьяка Волошенинова сказать святителямъ и всему собору, чтобы они изъ тѣхъ 12-ти мужей избрали одного достойнѣйшаго

¹⁾ Шушерин. Житіе Никона. стр. 11, Москв. 1871; Аввак. Автобіогр. его—въ Матеріал. для исторіи русск. раскола, издав. братствомъ Св. Петра митрополита, т. V, стр. 17—19; А. Э. IV, № 57, стр. 77-81. Протопопъ Иванъ Нероновъ также говорилъ впоследствии самому Никону отъ лица своей братіи, что до патріаршества онъ былъ ихъ другомъ, и не прекословилъ, когда, по совѣту государева духовника Стефана, назначались лица въ митрополиты, архіепископы, епископы, въ архимандриты, игумены и протопопы (Матер. для исторіи раскола, 1, 47).

быть патриархомъ „мужа благоговѣйнаго и преподобнаго“, и потомъ пришли въ золотую палату извѣстить о томъ государю. Святители, со всѣмъ соборомъ, исполнили и эту царскую волю, и когда пришли въ золотую палату, то казанскій митрополитъ Корнилій возвѣстили государю отъ лица всѣхъ, что они изъ 12-ти духовныхъ мужей избрали на патриаршій престолъ Никона митрополита новгородскаго, а за тѣмъ предложилъ государю идти, „для такова великаго дѣла“, въ соборную церковь и помолиться, чтобы Господь Богъ, по предстательству Пресв. Богородицы и св. чудотворцевъ московскихъ, „то великое дѣло совершилъ“. Государь велѣлъ впередъ идти въ соборную церковь святителямъ съ прочимъ духовенствомъ и, переговоривъ съ своими боярами объ избраніи патриарха, пошелъ туда и самъ. Въ церкви совершены были всѣмъ соборомъ молебствія: Пресв. Троицѣ, Духамъ безплотнымъ, Пресв. Богородицѣ съ акаеистомъ, св. апостоламъ и св. чудотворцамъ московскимъ — Петру, Алексію, Іонѣ и Филиппу. По окончаніи молебствій, царь, посовѣтовавшись съ Корниліемъ казанскимъ и со всѣмъ соборомъ, послалъ „по новоизбраннаго патриарха“ на новгородское подворье митрополита сарскаго да архіепископа рязанскаго, и съ ними боярина Бутурлина, окольного князя Ромодановскаго и думнаго дьяка Волошенинова. Такъ все это должно было происходить по напередъ составленному чину избранія, и нѣтъ основанія сомнѣваться, что такъ дѣйствительно и происходило. Но за симъ послѣдовало неожиданное отступленіе отъ чина. По чину предполагалось, что какъ только Никонъ услышитъ отъ посланной къ нему депутаціи повелѣніе государя явиться въ соборную церковь, по случаю избранія его на патриаршество, онъ тотчасъ явится, ска-

жетъ рѣчь государю, приметъ отъ него и отъ всѣхъ поздравленіе и проч. Вышло однакожь не такъ: Никонъ не захотѣлъ идти въ соборную церковь, — о чемъ депутація и возвѣстила царю и всему собору. Посылали за Никономъ еще не однажды, не дважды, а много разъ: Никонъ не покорялся. Послалъ, наконецъ, государь главнѣйшихъ своихъ бояръ и архіереевъ, чтобы они взяли Никона противъ его воли и привели на соборъ: Никонъ былъ приведенъ. И началъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, духовенствомъ и народомъ умолять Никона, да будетъ патріархомъ въ Москвѣ и Россіи; но Никонъ не соглашался, называя себя смиреннымъ, неразумнымъ и немогущимъ пасти словесныхъ овецъ стада Христова. Прошло много времени въ напрасныхъ мольбахъ. Наконецъ, царь и всѣ присутствовавшіе въ церкви пали на землю и со слезами молили Никона принять патріаршество. И не вытерпѣвъ Никонъ, при видѣ царя въ такомъ положеніи, заплакалъ самъ вмѣстѣ со всѣми и, вспомнивъ, что сердце царя, по писанію, въ рудѣ Божіи, обратился къ нему и ко всѣмъ, находившимся въ церкви, съ такими словами: „вы знаете, что мы отъ начала приняли св. Евангеліе, вѣщанія св. апостоловъ, правила св. отцевъ и царскіе законы изъ православной Греціи, и потому называемся христіанами; но на дѣлѣ не исполняемъ ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ, ни законовъ благочестивыхъ царей греческихъ.... Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, дайте мнѣ ваше слово и произнесите объѣтъ въ этой соборной церкви предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ и Его Пречистою Матерію, ангелами и всѣми святыми, что вы будете содержать евангельскіе догматы и соблюдать правила св. апостоловъ и св. отцевъ и законы благочестивыхъ царей. Если общаетесь слушаться и

меня, какъ вашего главнаго архинастыря и отца, во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ, въ такомъ случаѣ я, по вашему желанію и прошенію, не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства“. Тогда царь, и всѣ бояре, и весь освященный соборъ произнесли предъ св. Евангелиемъ и предъ св. чудотворными иконами обѣтъ исполнять все, что предлагалъ Никонъ. И Никонъ, призвавъ во свидѣтели Господа, Пресв. Богородицу, ангеловъ и святыхъ, изрекъ свое согласіе быть патріархомъ. Правда, все это объ избраніи Никона мы знаемъ только изъ его собственнаго разсказа. Но, излагая этотъ разсказъ, Никонъ говорилъ: „Господь Богъ свидѣтель есть, яко тако бысть“, и смѣло повторялъ этотъ разсказъ предъ самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и предъ своими врагами, которые могли бы обличить его въ неправдѣ, а еще прежде смѣло указывалъ на это событіе даже въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ²⁾.

Юля 23-го происходило нареченіе новоизбраннаго патріарха по прежде составленному чину, а 25-го Никонъ посвященъ былъ въ санъ патріарха казанскимъ

²⁾ Выходы государей, стр. 261; письмо Никона къ цареград. патріарху Діонисію, въ Записк. Отдѣленія русской и славянск. Археологіи, II. 511—513; Возраженія Никона Стрѣшневу и Паксію 1 и 26, тамъ же стр. 480—481; предисл. къ Служебнику 1655 г.—въ прибавленіи къ онис. старопечат. книгъ графа Толстова и Царск., № 89. Чинъ избранія, нареченія и посвященія патр. Никона сохранился, въ подлинникѣ, доселѣ (Москов. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла духовныя, годъ 7160 (1652), іюль). Послѣ этого все, что связано въ Житіи суздальскаго митрополита Иларіона, составленномъ не раньше начала XVIII вѣка, будто вмѣстѣ съ Никономъ избранъ были на патріаршество еще два кандидата, іеромонахъ спасо-преображенскаго монастыря на Юнгѣ Антоній и третій, неизвѣстный по имени, будто брошенъ былъ жребій, кому изъ нихъ быть патріархомъ, будто жребій палъ на Антонія, и Антоній только по старости и болѣзни отказался отъ такой чести и уступилъ ее Никону, все это не заслуживаетъ никакого вниманія. (Житіе Иларіона, митропол. суздальскаго, стр. 5, Казань 1868).

митрополитомъ Корнилиемъ и другими архіереями въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи самаго государя. Въ тотъ же день царь давалъ обѣдъ въ грановитой палатѣ для новаго патріарха и всѣхъ духовныхъ властей, причемъ находились и нѣкоторые знатнѣйшіе бояре. Въ обычное время Никонъ вставалъ изъ-за стола и ѣздилъ кругомъ Кремля на осляти, — а ослия подъ патріархомъ водили бывшіе съ нимъ за столомъ бояре: князь Алексѣй Трубецкій, князь Ѳеодоръ Курякинъ, князь Юрій Долгорукій, и окольничіе: князь Димитрій Долгорукій, да Прокопій Соковнинъ. Святители, участвовавшіе въ поставленіи патріарха Никона, дали ему настольную грамоту, за своими подписями и печатями, и въ ней, между прочимъ, сказали: „съ великою нуждою умолиша его на превьсочайшій святительскій престолъ“, — чѣмъ подтвердили его собственное о томъ сказанье ³⁾. Никону едва исполнилось тогда 47 лѣтъ отъ рожденія, и онъ вступилъ на патріаршій престолъ еще во всей крѣпости своихъ силъ.

Первое главное дѣло, или даже главнѣйшее изъ дѣлъ, патріаршествованія Никона — исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковной обрядности началось еще во дни патріарха Іосифа, и тогда же обозначи-

³⁾ Дворцов. Разряды. III, 322 — 323; Выходы государей стр. 261. О нареченіи и посвященіи патр. Никона изложено, со всею подробностію, въ вышеупомянутомъ чинѣ (см. примѣч. 2). Копія настольной грамоты, данной патр. Никону — въ Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла духовн., годъ 7160 (1652) іюль. Въ этой грамотѣ перечислены всѣ двѣнадцать мужей, первоначально избранные въ кандидаты на патріаршество, именно два митрополита: повгородскій Никонъ и казанскій Корнилій; три архіепископа: вологодскій Маркелль, рязанскій Мисаилъ и псковскій Макарій; шесть архимандритовъ монастырей: чудова Ѳерапонтъ, андроніева Сильвестръ, Саввы — сторожевскаго Гермогенъ, нижегородскаго печерскаго Стефанъ, ростовскаго богоявленскаго Іоаннъ, суздальскаго спасскаго Іосифъ, и одинъ игуменъ боровскаго пафнутаева монастыря Павелъ.

лись тѣ два начала или правила, которыми потомъ Никонъ постоянно руководствовался, занимаясь этимъ дѣломъ.

Богослужебныя книги правились у насъ при всѣхъ доселѣ бывшихъ патріархахъ, когда приготовляемы были къ печати. Но правились только по славянскимъ „добрымъ переводамъ“ или спискамъ (не упоминаемъ о несчастной попыткѣ преп. Діонисія и его сотрудниковъ). А какъ и добрые славянскіе списки, даже самые древніе, не чужды были погрѣшностей и не мало разнились между собою въ частностяхъ, то очень естественно, что и въ печатныхъ книгахъ, появившихся при первыхъ нашихъ патріархахъ, повторились всѣ эти погрѣшности и разности, доходящія иногда до противорѣчій. Подъ конецъ жизни патріарха Іосифа у насъ, наконецъ, ясно сознана была мысль, что исправлять церковныя книги по однимъ славянскимъ спискамъ недостаточно, а нужно вмѣстѣ исправлять и по греческому тексту. И вотъ самъ царь Алексѣй Михайловичъ обратился въ Кіевъ съ просьбою—прислать въ Москву ученыхъ мужей, знавшихъ греческій языкъ, чтобы они исправили, по тексту семидесяти толковниковъ, славянскую біблію, которую тогда намѣревались вновь напечатать. Ученые люди скоро прибыли въ Москву, и хотя нѣкоторые встрѣтили ихъ здѣсь непріязненно за самую ихъ ученость, хотя имъ не было поручено тотчасъ же приступить къ исправленію бібліи, но они успѣли, еще при жизни патріарха Іосифа, исправить по греческому тексту одну, уже оканчивавшуюся печатаніемъ, книгу „Шестодневъ“, и напечатали свои исправленія въ концѣ книги, чтобы всю ее не перепечатывать. Это была первая напечатанная въ Москвѣ церковная книга, исправленная не по славянскимъ только спискамъ, но и по греческому тексту, и въ этомъ выразился первый прин-

ципъ, котораго потомъ держался Никонъ: править богослужбныя книги по „добрымъ“ славянскимъ спискамъ и вмѣстѣ по греческому тексту ⁴⁾).

Въ отправленіи богослуженія у насъ съ давняго времени допускалось крайнее безчиніе, происходившее отъ „многогласія“ и отъ „хомоваго“ пѣнія. Службы совершались разомъ многими голосами: одинъ читалъ, другой въ тоже время пѣлъ, третій говорилъ эктению или возгласы, а иногда читали разомъ двое или трое и совершенно различное. А при господствовавшемъ хомовомъ пѣніи слова растягивались до безмыслія, съ перемѣною въ нихъ удареній, съ перемѣною полугласныхъ буквъ на гласныя, съ прибавленіемъ новыхъ гласныхъ. Противъ такого безчинія возставали еще стоглавыи соборъ и патріархъ Гермогенъ, а теперь, при патріархѣ Іосифѣ, возстали нѣкоторые даже изъ свѣтскихъ людей, каковъ былъ Ѳеодоръ Ртищевъ, и два самые авторитетные московскихъ протоіерея: казанскій—Нероновъ и благовѣщенскій—Вонифатьевъ, царскій духовникъ. Къ нимъ присоединились Новгородскій митрополитъ Никонъ и самъ царь. А патріархъ Іосифъ сначала колебался; но потомъ обратился съ просьбою къ цареградскому патріарху Паренію, чтобы онъ, вмѣстѣ съ другими греческими іерархами, рѣшилъ: „подобаетъ ли въ службахъ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ соблюдать единоголасіе?“ И когда изъ Царьграда полученъ былъ отвѣтъ, что чтеніе въ церквахъ должно совершаться единоголасно и пѣвцамъ подобаетъ пѣть согласно, а нерыканіемъ неподобнымъ, тогда патріархъ Іосифъ, съ соборомъ своихъ русскихъ архіереевъ, въ присутствіи самаго государя и его синклита, постановилъ, чтобы по всѣмъ церквамъ пѣли чинно, безмятежно и единоголасно и

⁴⁾ Подробнѣе—см. нашей Истор. Р. Церкви, въ т. XI.

читали въ одинъ голосъ, тихо и неспѣшно. Въ этомъ выразился второй принципъ, котораго также постоянно держался Никонъ: во всѣхъ важныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ при исправленіи церковной обрядности просить совѣта и рѣшенія восточныхъ перво-святителей ⁵⁾).

Явились новыя обстоятельства, которыя нудили не только не прекращать, напротивъ, съ большею энергіею продолжать начатое дѣло исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. При благочестивомъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще чаще, чѣмъ прежде, приходили въ Москву греческіе іерархи и другія духовныя лица для милостыни и иногда оставались у насъ довольно долго. Присматриваясь съ любопытствомъ къ нашей церковности, они не могли не замѣчать и дѣйствительно замѣчали въ нашей церкви нѣкоторыя разности отъ чиновъ и обрядовъ греческой церкви и нѣкоторыя новины или „новшества“, какимъ особенно казалось имъ употребленіе двуперстія для крестнаго знаменія: такъ какъ это новшество, несмотря на рѣшеніе Стоглаваго собора, доселѣ слабо проникавшее въ народъ, который издревле отъ предковъ привыкъ креститься тремя перстами, теперь именно, при патріархѣ Іосифѣ, будучи внесено въ нѣкоторыя учительныя и богослужебныя наши книги, наиболѣе стало распространяться и утверждаться и наиболѣе бросаться въ глаза приходившимъ къ намъ съ востока единовѣрцамъ. Въ числѣ другихъ пришельцевъ къ намъ находился и іерусалимскій патріархъ Паисій, принятый въ Москвѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Замѣтилъ и онъ наши новшества, и съ укоромъ указывалъ на нихъ царскому любимцу—Никону и другимъ. Встревоженные царь и патріархъ Іосифъ, прощаясь съ Паисіемъ, отпу-

⁵⁾ Подробнѣе—тамъ же, въ т. XI.

стали съ нимъ на востокъ своего старца Арсенія Суханова, чтобы онъ изучилъ тамъ церковныя чины и обряды и составилъ объ нихъ свѣдѣнія. Но Арсеній, двукратно возвращавшійся съ пути, по порученію Паисія, остановившагося въ Молдавіи, въ послѣдній разъ (8-го дек. 1650 г.) привезъ съ собою въ Москву статейный списокъ, въ которомъ подробно изложилъ свой жаркій споръ съ Греками о двуперстїи для крестнаго знаменія и о нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ предметахъ, которыми русскіе разнились тогда отъ Грековъ, и вмѣстѣ привезъ достовѣрное, имъ самимъ обследованное извѣстіе, что на Аѳонѣ монахи всѣхъ греческихъ монастырей, собравшись во едино, соборно признали двуперстїе ересью, сожгли московскія книги, въ которыхъ напечатано о немъ, какъ книги еретическія, и хотѣли съечь самого старца, у котораго нашли тѣ книги. Все это еще болѣе должно было встревожить царя и церковныя власти въ Москвѣ и показать имъ, до чего могутъ довести тѣ обрядовыя разности, которыя находили у насъ греки и прямо называли новшествами. Вмѣстѣ съ Арсеніемъ прибылъ въ Москву, съ письмами отъ іерусалимскаго патріарха Паисія, къ царю и къ патріарху Іосифу, назаретскій митрополитъ Гавріилъ, котораго очень полюбилъ Алексѣй Михайловичъ и всячески старался оставить на житье у себя въ Россіи: и этотъ митрополитъ также высказалъ свои укоризны на наши церковныя новшества ⁶⁾.

6) О патріархѣ Паисіѣ и Арсеніѣ Сухановѣ подробнѣе—тамъ же, въ т. XI. О назаретскомъ митрополитѣ Гавріилѣ, прибывшемъ къ намъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ (8 дек. 1650 г.), но уѣхавшемъ изъ Москвы прежде его отъѣзда (24 февр. 1651 г.)—Москов. главн. архив. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла греческ., связк. 29 № 11; *Суханов. Просвѣтитарій*, стр. 12—13, изд. въ Казани. Объ укоризнахъ этого митрополита Никону—см. „Слово отвѣтательно“ въ Скрижали, изд. Никономъ, т. 1.

Что же оставалось дѣлать нашему церковному правительству? Патріархъ Іосифъ былъ уже дряхль и слабъ, и скоро скончался. Но Никонъ, столько могущественный и при патріархѣ Іосифѣ, а теперь сдѣлавшійся его преемникомъ, могъ ли Никонъ быть спокоенъ и не отозваться со всею ревностію на всѣ эти укоризны Грековъ? И онъ дѣйствительно отозвался. Тотчасъ по вступленіи на патріаршую кафедру, Никонъ, какъ разсказывается въ предисловіи изданнаго имъ служебника, „упразднился отъ всѣхъ и вложися въ трудъ, еже бы святое писаніе рассмотреть, и входя въ книгохранильницу, со многымъ трудомъ, многи дни въ разсмотрѣніи положи“. Въ книгохранильницѣ онъ нашель подлинную уложенную грамоту объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, подписанную патріархами—Іеремією цареградскимъ и Іовомъ московскимъ и многими другими святителями, русскими и греческими; нашель также подлинную грамоту или книгу объ утвержденіи патріаршества въ Россіи, подписанную и присланную въ 1593 г. всѣми восточными патріархами, со множествомъ греческихъ епископовъ. Въ послѣдней грамотѣ онъ прочель, что московскій патріархъ есть братъ всѣхъ прочихъ православныхъ патріарховъ, единоличенъ имъ и сопрестоленъ, а потому долженъ быть согласенъ съ ними во всемъ. Наиболѣе же остановили на себѣ въ этой грамотѣ вниманіе Никона слѣдующія слова: „такъ какъ православная церковь получила совершенство не только въ догматахъ боговѣдѣнія и благочестія, но и въ священно-церковномъ уставѣ, то справедливость требуетъ, чтобы и мы потребляли всякую новину въ оградѣ церкви, зная, что новины всегда бывають причиною церковнаго смятенія и раздѣленія, и чтобы слѣдовали мы уставамъ св.отцевъ, и чему научились отъ нихъ, то хранили неповреж-

деннымъ, безъ всякаго приложенія или отъятія“.
Прочитавъ всю эту грамату, Никонъ впалъ въ великій страхъ, не допущено ли въ Россіи какого либо отступленія отъ православнаго греческаго закона, и началъ, прежде всего, разсматривать символъ вѣры. Онъ прочелъ символъ вѣры, начертанный греческими буквами на саккосѣ, который, за 250 лѣтъ предъ тѣмъ, принесенъ былъ въ Москву митрополитомъ Фотіемъ, и сравнилъ съ этимъ символомъ славянскій, какъ онъ изложенъ былъ въ новыхъ московскихъ печатныхъ книгахъ, и убѣдился, что въ славянскомъ символѣ есть несогласія съ древнимъ греческимъ. Разсматривалъ за тѣмъ, точно также, св. литургію, т. е. служебникъ, и нашелъ, что иное въ немъ прибавлено, другое отнято или превращено, а послѣ служебника узрѣлъ и въ другихъ книгахъ многія несходства ⁷⁾. Послѣ этого, проникнутый сознаниемъ своего долга быть во всемъ согласнымъ съ восточными патріархами и потреблять всякія новины, которыя могутъ вести къ несогласіямъ въ церкви, смутамъ и раздѣленію, и убѣдившись лично, что такія новины у насъ дѣйствительно есть въ печатныхъ церковныхъ книгахъ и въ самомъ даже символѣ вѣры, Никонъ рѣшился приступить къ исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ.

Первая попытка въ этомъ родѣ сдѣлана была Никономъ, слустя около семи мѣсяцевъ послѣ вступленія его на патріаршую кафедру, и касалась только двухъ новшествъ. Но при первой же этой попыткѣ обнаружались и ярые противники Никона и начатаго имъ дѣла. Предъ наступленіемъ великаго поста въ

7) Это предисловіе къ служебнику, изд. Никономъ въ 1655 г., перепечатано вполнѣ Строевымъ въ дополн. къ опис. старопеч. книгъ гр. Толстова и Царскаго, № 89.

1653 году Никонъ разослалъ по всѣмъ церквамъ московскимъ слѣдующую память: „по преданію св. апостоль и св. отецъ, не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны; еще и тремя персты бы есте крестились“. Въ такомъ сжатомъ видѣ передаетъ память протопопъ Аввакумъ, но относительно поклоновъ передаетъ не ясно и не точно, конечно, не безъ намѣренія. Никонъ,—въ чемъ мы убѣдимся впоследствии,—указывалъ вовсе не то, чтобы православные не клали вообще земныхъ поклоновъ въ церкви, а то лишь, чтобы въ св. Четырдесятницу, при чтеніи извѣстной молитвы св. Ефрема Сирина, не клали православные однихъ земныхъ многочисленныхъ (числомъ до 17-ти) поклоновъ, какъ дѣлалось у насъ тогда, но клали поклоны поясные, кромѣ только четырехъ земныхъ. Память эта прислана была и въ казанскій соборъ протопопу Ивану Неронову. Нероновъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ протопопа Аввакума, который проживалъ у него, и другихъ своихъ близкихъ. „Мы же,—разсказываетъ Аввакумъ,—задумались, сошедшея между собою; видимъ, яко зима хоцетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ идти въ церковь (т. е. казанскій соборъ), а самъ единъ скрылся въ чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: „время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати“. Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ; таже коломенскому епископу Павлу, потомъ Даніилу костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братіи. Мы же съ Даніиломъ, написавъ изъ книгъ выписки о сложеніи персть и о поклонѣхъ, и подали государю: много писано было. „Онъ же, не вѣмъ, гдѣ скрылъ ихъ,—мнится, Никону отдалъ“⁸⁾. Вотъ

8) Житіе Аввакума—въ Матер. для исторіи раскола, V, 18—19.

кто явились противниками Никона и какъ они начали борьбу съ нимъ! Чтожь подвигло ихъ на эту роковую борьбу? Ужели одна привязанность къ тѣмъ двумъ обрядамъ или обычаямъ, которыя хотѣлъ измѣнить Никонъ? Мы уже упоминали, что протопопы, казанскій Нероновъ и благовѣщенскій Воионатъевъ, были при патріархѣ Іосифѣ самые авторитетные люди въ московскомъ духовенствѣ, сильные предъ патріархомъ и царемъ, и что къ нимъ и подъ ихъ покровительство стекались и другіе, преимущественно иногородные протопопы, каковы были: Аввакумъ юрьевскій, Даниилъ костромскій, Логгинъ муромскій, составлявшіе вокругъ нихъ „братію“. Въ числѣ своихъ близкихъ и друзей временщики-протопопы считали и Никона, новаго царскаго любимца, пока онъ былъ архимандритомъ и даже новгородскимъ митрополитомъ. Но когда патріархъ Іосифъ скончался, эти мнимые друзья Никона, воспользовавшись его отсутствіемъ изъ Москвы, повели козни, чтобы недопустить его до патріаршества. Никонъ, по возвращеніи въ Москву, узналъ о козняхъ, и какъ только сдѣлался патріархомъ, то не сталъ, по выраженію протопопа Аввакума въ его автобіографіи, пускать къ себѣ бывшихъ друзей своихъ и въ крестовую. Такого униженія и оскорбленія не въ силахъ былъ перенести Нероновъ

Самъ Нероновъ въ письмѣ къ государеву духовнику Воионатъеву свидѣтельствуетъ, что голосъ отъ образа Сласова былъ къ нему именно въ 1653 г. на первой недѣлѣ великаго поста. Но, замѣчательно, содержаніе этого голоса передаетъ уже не то, какое прежде передавалъ Аввакуму и прочей братіи. Голосъ будто бы былъ такой: „Іоанне, дерзай и не убойся до смерти; подобаетъ ти укрѣпити царя о имени Моемъ, да не постраждетъ днесь Русія, якоже и ювнѣи (т. е. узятѣ)“. (Матеріал. для истор. раскола, 1, 99—100). Немножко подумаешь, да точно ли былъ этотъ голосъ, когда самъ Нероновъ передаетъ его различно, не выдумка ли это? На подобныя будто бы откровенія свыше у насъ тогда любили ссылаться для той или другой цѣли, и, какъ увидимъ, не разъ ссылался даже самъ Никонъ, и престоудшныи люди вѣрили.

съ своими приближенными, и они ждали только случая отомстить Никону. Случай, какъ имъ казалось, представился. Никонъ разослалъ „Память“ духовенству: они написали на нее опроверженіе изъ книгъ, выставляя ее, конечно, еретическою, и подали свою рукопись государю, рассчитывая уязвить Никона и повредить ему. Но ошиблись въ расчетѣ: Никонъ остался въ полной силѣ, а только еще болѣе раздражился противъ бывшихъ своихъ друзей. И началась борьба преимущественно изъ личныхъ побужденій, которая потому, какъ скоро увидимъ, въ самомъ уже началѣ своемъ приняла съ обѣихъ сторонъ самый рѣзкій характеръ. Но достойно замѣчанія, что Никонъ въ этотъ разъ какъ бы не обратилъ вниманія на поступокъ своихъ враговъ, не потребовалъ ихъ на судъ за оказанное сопротивленіе архипастырскому распоряженію и вовсе ихъ не преслѣдовалъ.

Между тѣмъ 16 апрѣля (1653 г.) прибылъ въ Москву еще одинъ изъ высшихъ святителей востока, бывший константинопольскій патріархъ Аѳанасій, съ довольно многочисленною свитою. Онъ три раза восходилъ на патріаршій престолъ; но оставался на немъ: въ первый разъ (1633 г.) только сорокъ дней, во второй (1634—1635) около года и въ третій разъ (1651) только пятнадцать дней. Въ послѣднее время Аѳанасій проживалъ въ волошской землѣ, въ городѣ Галацѣ, гдѣ имѣлъ въ своемъ управленіи монастырь Святителя Николая, откуда и прибылъ къ намъ. Государь принялъ, 22 апрѣля, патріарха Аѳанасія со всею его свитою уже не съ такою торжественностію, какъ прежде принималъ іерусалимскаго патріарха Паисія: то былъ дѣйствительный патріархъ, а этотъ патріархъ безъ кафедры. Принялъ—не въ царскомъ одѣяніи, не въ золотой палатѣ, не на престолѣ, а въ обыкновенномъ платьѣ и въ столовой избѣ. Аѳан-

насій билъ челомъ царю, поднесъ ему свои подарки: образъ Спасовъ въ кіотѣ, рѣзной деревянный крестъ, мощи евангелиста Матѳея, св. муро, и сказалъ рѣчь. Царь позвалъ Аѳанасія къ своей рукѣ, спросилъ его о спасеніи и пригласилъ сѣсть, а дьякъ тутъ же объявилъ Аѳанасію царское жалованье, которое составляли: серебряный кубокъ съ золоченою крышкою, камка, два атласа гладкихъ, два сорока соболей и деньгами сто рублей. Отпустивъ Аѳанасія, царь послалъ ему на кирилловское подворье, черезъ своего стольника, яства и питіе. Въ іюнѣ, съ дозволенія государя, Аѳанасій, со всею своею свитою, ходилъ въ Троице-Сергіеву Лавру, гдѣ встрѣтили его съ такими же почестями и дарами, съ какими прежде встрѣчали патріарха Паисія. По возвращеніи изъ Лавры, во время крестнаго хода въ срѣтенскій монастырь (23 іюня), Аѳанасій просилъ лично государя, указывая на свои обветшавшія святительскія одежды, пожаловать ему новыя, и государь приказалъ выдать ему, по прежнимъ примѣрамъ, на омофоръ, саккосъ и митру, двѣсти рублей. Въ августѣ Аѳанасій служилъ, по желанію государя, въ новоспаскомъ монастырѣ, и за то получилъ отъ государя сребропозлащенный кубокъ въ сорокъ двѣ гривенки, сорокъ соболей въ пятьдесятъ рублей и восемнадцать рублей деньгами. Въ октябрѣ Аѳанасій подалъ челобитную, чтобы государь пожаловалъ ему грамоту, по которой иноки его галацкаго николаевскаго монастыря могли бы приходить въ Москву за милостынею ежегодно, пока онъ, Аѳанасій, будетъ живъ, а по смерти его черезъ два года на третій. И въ той же челобитной писалъ еще: „да вели, государь, мнѣ же, богомольцу твоему, напечатать на своемъ дворѣ 500 разрѣшительныхъ грамотъ, потому что, какъ я ѣхалъ къ тебѣ въ Москву чрезъ войско запорожскихъ казаковъ, въ то, государь, время

приходили ко мнѣ на исповѣдь многіе черкасы и, по обычаю своему, просили у меня разрѣшительныхъ граматъ, и мнѣ некого было послать въ Кіевъ для напечатанія ихъ. А какъ я, богомолецъ твой, поѣду изъ Москвы назадъ, тѣ запорожскіе казаки опять начнутъ у меня разрѣшительныхъ граматъ просить, а иные вновь на исповѣдь приходятъ будутъ. Царь государь, смилуйся пожалуй“⁹⁾). Челобитная эта была уважена. Въ октябрѣ, 29 числа, патріархъ Аѳанасій совершалъ литургію на государевомъ дворѣ у Спаса—нерукотвореннаго образа, въ присутствіи самаго царя и всего царскаго семейства, — причемъ на обоихъ клиросахъ пѣли Греки. И удостоился получить отъ царя, царицы и царевенъ жалованье—1.200 рублей соболями. Въ ноябрѣ, 19 числа, выпросилъ у государя себѣ на панагію и для своего монастыря на иконы 50 рублей, также церковныя облаченія и сосуды. На-

⁹⁾ Надобно замѣтить, что и другіе патріархи, приходившіе къ намъ съ востока прежде и послѣ Аѳанасія, а по примѣру ихъ иногда и митрополиты греческіе, точно также раздавали отъ себя разрѣшительныя граматъ, въ Малороссіи и Россіи, людямъ всѣхъ званій, даже лицамъ царскаго семейства, и православныя русскіе съ вѣрою и благодарностію принимали или приобрѣтали себѣ такія граматъ. Но нѣкоторые изъ стороннихъ этимъ соблазнялись. На примѣръ, извѣстный сербскій попъ Юрій Крыжаничъ писалъ: „я видѣлъ напечатанныя въ Кіевѣ на русскомъ языкѣ разрѣшительныя граматъ, которыя продавалъ на Руси византійскій патріархъ Аѳанасій. Какимъ образомъ и по какой цѣнѣ онъ продавалъ ихъ, я не знаю. То лишь знаю, что такія отпустительныя граматъ нѣкоторые продавали знатнымъ людямъ за деньги; здѣсь разрѣшаютъ отъ всѣхъ грѣховъ, не упоминая ни слова объ исповѣди или покаяніи. А бѣдные люди берегутъ эти граматъ какъ великое сокровище, и завѣщаваютъ власть съ собою во гробъ.... Я видѣлъ одного митрополита, котораго, бывало, повсюду, куда ни придетъ къ знатному человѣку, прежде всего спроситъ его, не хочетъ ли онъ имѣть разрѣшеніе отъ грѣховъ. Тотъ выражаетъ желаніе, и митрополитъ, освятивъ воду въ домѣ этого человѣка, кропитъ его самаго и все его семейство; потомъ кладетъ руки и книгу на голову ховалина и читаетъ надъ нимъ длинное и подробнѣйшее отпущеніе грѣховъ, безъ всякой предъ тѣмъ исповѣди.... (Сочин. Крыжанича, изд. Безсоновымъ при „Русской Бесѣдѣ“, стр. 192, М. 1859).

конецъ, 13-го декабря, былъ патриархъ Аѳанасій со всею своею свитою на прощальномъ отпускѣ у государя, и государь пожаловалъ ему тогда 2.000 рублей соболями. Собираясь въ путь, Аѳанасій подаль ему одну грамоту—челобитную, въ которой и благодарилъ царя за его милости, и выражалъ предъ нимъ новыя свои нужды, и, между прочимъ, писалъ: „твоя царская премногая милость, какъ солнце, сіяетъ во всю вселенную; ты, государь, нынѣ на землѣ царь учинился всѣмъ православнымъ христіанамъ, а великій господивъ, святѣйшій Никонъ, патриархъ московскій и всея Руси, по благодати Божіей, глава церкви и исправленіе сущія православныя христіанскія вѣры, и приводитъ словесныхъ овецъ Христовыхъ во едино стадо... Только тебя, великаго государя, мы имѣемъ столпъ и утвержденіе вѣры, и помощника въ бѣдахъ, и прибѣжище намъ, и освобожденіе. А брату моему, государь, и сослужителю, великому господину, святѣйшему Никону—освящать соборную апостольскую церковь Софіи—премудрости Божіей (разумѣется, въ Константинополѣ)“... Въ послѣднихъ числахъ декабря Аѳанасій выѣхалъ изъ Москвы ¹⁰⁾. А въ февралѣ слѣдующаго 1654 г. извѣщаль царя Алексѣя Михайловича изъ Чигирина, что Гетманъ Богданъ Хмельницкій устроилъ его, Аѳанасія, на время въ одномъ изъ монастырей, именно лубенскомъ: здѣсь, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ, 5 апрѣля, Аѳанасій и скончался ¹¹⁾. Но для насъ важно посѣщеніе патриархомъ Аѳанасіемъ Москвы въ томъ преимущественно отно-

10) О прїѣздѣ въ Москву бывшаго цареградскаго патр. Аѳанасія—въ москов. главн. архивѣ Министер. иностр. дѣлъ, Греч. Дѣла, Связь. 29, № 8, послѣдняя половина, и связь. 31, № 27. Снес. Выходы Госуд. стр. 302.

11) А. Ю. и З. Россіи, X, № 6, ст. XIII, стр. 331; *Архид. Павла алектскаго*, Путешествіе автіох. патр. Макарія въ Россію, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1876, 1, отд. IV, 61—63.

шеніи, что и онъ, подобно другимъ восточнымъ пересвятителямъ, приходившимъ къ намъ прежде, „зазиралъ“ патріарху Никону „въ неисправленіи божественнаго писанія и прочихъ церковныхъ винахъ“, и тѣмъ вновь возбуждалъ его ревность къ исправленію нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ. Кромѣ того, Аѳанасій, во время своего пребыванія въ Москвѣ, написалъ для Никона сочиненіе, подъ названіемъ: „Чинъ архіерейскаго совершенія литургіи на востокѣ“, чтобы Никонъ ясно могъ видѣть, какія отступленія отъ того чина допущены въ Россіи ¹²⁾.

Еще въ то время, когда патріархъ Аѳанасій находился въ Москвѣ, произошло первое открытое столкновеніе у Никона съ его противниками и, прежде всего, съ протопопомъ Нероновымъ. Столкновеніе это описалъ самъ Нероновъ довольно подробно въ своей „росписи“, которую и послалъ царю Алексѣю Михайловичу, и нѣсколько короче въ своей челобитной, которую подалъ впоследствии патріархамъ. Въ іюлѣ 1653 года Никонъ созвалъ въ своей крестовой соборъ, на который приглашенъ былъ и протопопъ Нероновъ, и слушалъ на соборѣ отписку муромскаго воеводы на протопопа муромскаго Логгина, будто онъ похулилъ образъ Спасителя и образа пресв. Богородицы и всѣхъ святыхъ. Логгинъ, находившійся тутъ же, противъ отписки далъ объясненіе: „я не только словомъ, но и мыслію не хулилъ св. образовъ, ко-

¹²⁾ „Слово отвѣщательно“ патр. Никона въ его Скрижали, л. 1. Подлинная рукопись патр. Аѳанасія, на греческомъ языкѣ, хранится въ москов. Синод. библіотекѣ, № 245. Тогда же сочиненіе это, по приказанію Никона, переведено было на славянскій языкъ, подъ заглавіемъ: „Толкованіе божественныя литургіи, егда священнодѣйствуетъ архіерей, по чину и обычаю восточныя церкви Аѳанасій, прежній вселенскій патріархъ, на Москвѣ сице сподобившійся (священнодѣйствовать?) въ 1653 лѣтѣ, мѣсяца іюля, индикта 6“. Рукопись этого перевода хранится въ той же Синод. библіотекѣ, № 698.

торымъ поклоняюсь со страхомъ, а сказалъ только женѣ воеводы муромскаго, у него въ дому, когда она подошла ко мнѣ на благословеніе: не бѣлена ли ты? Слово мое подхватили гости и самъ воевода, и заговорили: ты, протопопъ, хулишь бѣлила, а безъ бѣлилъ не пишутся и образа. Я отвѣчалъ: какими составами пишутся образа, такіе и составляютъ писцы; а если на ваши рожи такіе составы положить, то вы не захотите. Самъ Спасъ и пресв. Богородица и всѣ святые честнѣе своихъ образовъ.“ Никонъ, выслушавъ Логгина и „не испытавъ истины, по отпискѣ того воеводы, осудилъ Логгина въ мученіе злomu приставу, мстя себѣ прежде бывшее обличеніе отъ того Логгина протопопа въ его Никоновѣ небрежнѣмъ и высокоумномъ и гордомъ житіи“ (значить, не Никонъ первый началъ вражду, а его перваго оскорбилъ муромскій протопопъ, позволивши себѣ рѣзко укорять своего патріарха въ небрежности и гордости). Нероновъ не вытерпѣлъ и сказалъ Никону: „за что отдавать Логгина жестокому приставу? Нужно прежде произвести розыскъ... Тутъ дѣло великое, Божіе и цареву, и самому царю, по истинѣ, слѣдуетъ быть на семъ соборѣ.“ На это Никонъ будто бы отвѣчалъ: „мнѣ-де и царская помощь не годна и не надобна, да таки-де на нее и плюю и сморкаю.“ А Нероновъ завопилъ: „патріархъ Никонъ! взбѣсился ты, что такія хульныя слова говоришь на государское величество...; всѣ св. соборы и благочестивыя власти требовали благочестивыхъ царей и князей въ помощь себѣ и православной вѣрѣ.“ И въ тотъ же день Нероновъ съ ярославскимъ протопопомъ Ермиломъ, ссылаясь и на ростовскаго митрополита Іону, будто бы слышавшаго тѣ недостойныя слова Никона о царѣ, донесли о нихъ государеву духовнику Стефану и самому государю. Никонъ чрезъ нѣсколько дней вновь

созвалъ духовныхъ властей на соборъ и жаловался имъ на Неронова, какъ на своего клеветника предъ государемъ, и утверждалъ, что такихъ словъ про государя не говорилъ. Ростовскій митрополитъ Иона сперва молвилъ: „было-де такъ, какъ Іоаннъ протопопъ говоритъ,“ да тотчасъ же заперся и произнесъ: „патріархъ Никонъ такихъ словъ не говаривалъ.“ Тогда разсерженный Нероновъ началъ изрыгать на Никона, въ присутствіи всего собора, дѣлйй потокъ укорицъ, едва давая Никону сказать нѣсколько словъ. *Никонъ*: „я сужу только по Евангелію.“ *Нероновъ*: „въ Евангеліи сказано: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ*; а ты и тѣхъ, кто добра тебѣ хочетъ, ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, тѣхъ ты любишь, и жалуешь, и слушаешь. Кто тебѣ огласитъ кого, хоть за пятьсотъ или за тысячу верстъ, ты вѣришь; а про богомольцевъ говоришь, послушавъ клеветы: вотъ что они дѣлаютъ, нечестивцы, а протопопы Стефанъ (Вонифатьевъ) и Іоаннъ (Нероновъ) имъ, ворами, потакаютъ...“ *Никонъ*: „я сужу по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ.“ *Нероновъ*: „въ правилахъ написано не вѣрить клеветникамъ, провѣрять ихъ истинными свидѣтелями, уличенныхъ же клеветниковъ наказывать безъ пощады; а тебѣ клеветники явно клеветуютъ на добрыхъ людей, и ты имъ вѣришь.“ Тутъ прервалъ было Неронова протодіаконъ патріарха Григорій своими укорицами противъ жены его и сына; но Нероновъ съ новою дерзостію продолжалъ къ Никону: „доселъ ты называлъ протодіакона Григорія и прочихъ, которые нынѣ у тебя въ крестовой совѣтниками его, врагами Божиими и разорителями закона Господня; а нынѣ у тебя на соборѣ то и добрые люди. Прежде ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ и его любимыми совѣтниками, и на домъ ты къ протопопу

Стефану часто прїѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда былъ игуменомъ, архимандритомъ и митрополитомъ. Которые боголюбцы присылаемы были государемъ къ патриарху Іосифу, чтобы онъ, по его государеву совѣту, поставилъ однихъ въ митрополиты, архіепископы и епископы, другихъ въ архимандриты, игумены и протопопы, — и ты съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ бывалъ тогда въ совѣтѣ и никогда не прикословилъ, и при поставленіи ихъ не говорилъ: недостойны. Тогда всё у тебя были непорочны, а нынѣ у тебя тѣже люди стали недостойны. И протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь, а друзей его разоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь. Доселѣ ты другъ нашъ былъ, — на насъ возсталъ. Нѣкоторыхъ ты разорилъ и на ихъ мѣста поставилъ иныхъ, и отъ нихъ ничего добраго не слыхать. Другихъ ты обвинилъ за то, что они людей мучать, а самъ безпрестанно мучишь: старца соловецкаго и въ воскресный день велѣлъ бить немилостиво. Властямъ зазираешь, а самъ безпрестанно мучишь ¹³⁾. Вотъ ты укоряешь новоуложенную книгу (т. е. Уложеніе), посохомъ ее попираешь и называешь не доброю; а ты и руку къ ней приложилъ, когда ее составляли: въ тѣ поры называлъ ее доброю. Приложилъ руку изъ земнаго страха, нынѣ же на соборѣ дерзаешь противъ той книги, потому что государь далъ тебѣ волю. А любящіе Бога не боялись нищеты, скорби и смерти, за истину страда-

¹³⁾ Такимъ образомъ Нероновъ самъ свидѣтельствуетъ, что жестокія наказанія, за которыя онъ столько укорялъ, теперь и послѣ, патриарха Никона, были тогда въ обычай и вообще у властей духовныхъ (какъ и свѣтскихъ), а не у одного Никона: таковъ былъ духъ времени. Впослѣдствіи Нероновъ жаловался, что Павелъ, митрополитъ сарскій и подонскій, гналъ и мучилъ его, Неронова, еще „паче Никона“ (Матеріал. для истор. раскола, 1, 239).

ли и стояли крѣпко, какъ нынѣ отъ тебя боголюбцы терпятъ скорби, и бѣды, и разоренія. *Никонъ*: „на тебя мнѣ подали челобитную за руками священники и діаконъ и всѣ причетники твоего собора.“ *Нероновъ*: „вели прочитатъ на соборѣ, въ чемъ меня обвиняютъ. Воистину, патріархъ, лжешь; развѣ тебѣ извѣщаль на меня вдовый попъ Лаврентій, котораго прежде ты послалъ подъ начало въ іосифовъ монастырь, а нынѣ освободилъ, чтобъ на меня ложь составилъ“. Тутъ опять не выдержалъ протодіаконъ и началъ кричать въ крестовой съ своими совѣтниками: „ты де великаго святителя кощунникомъ, и празднословцемъ, и мучителемъ, и лжесоставникомъ называешь.“ *Нероновъ*: „попустилъ самъ патріархъ всякія нелѣпныя слова говорить предъ собою на истинныхъ рабовъ Божиихъ, и я не знаю, чѣмъ назватъ сей соборъ вашъ... Что вы, Григорій, кричите и вопите? Я не во св. Троицу погрѣшилъ, и не похулилъ Отца и Сына и Св. Духа, но похуляю вашъ соборъ...“¹⁴⁾

Что же показываетъ это первое публичное столкновеніе протопопа Неронова съ патріархомъ Никономъ, которое мы изложили со словъ самого же Неронова? Нероновъ сначала заступился за одного изъ своихъ сторонниковъ, муромскаго протопопа Логгина, еще прежде дерзко укорявшаго Никона въ гордости, и упрекнулъ Никона въ жестокости. Потомъ донесъ царю на Никона, будто бы сказавшаго о царѣ неприличныя слова. А потомъ рѣзко укорялъ Никона, что онъ вѣритъ однимъ только клеветникамъ безъ всякаго разслѣдованія; что прежде былъ онъ другомъ Вонифатьева и его друзей, совѣтовался съ ними о всемъ, а теперь сдѣлался врагомъ Вонифатьева, вездѣ поноситъ его, а друзей его, про-

¹⁴⁾ Матеріал. для истор. раскола, 1, 41—51. 234—237.

топоповъ и поповъ, разоряетъ, мучить, на ихъ мѣста ставить другихъ, избралъ себѣ новыхъ совѣтниковъ, которыхъ прежде называлъ врагами Божиими; что прежде изъ страха подписалъ Уложеніе, а теперь порицаетъ его; что, наконецъ, лжетъ на него— Неронова и самъ настроилъ на него клеветника. И среди всѣхъ этихъ укоризнъ Никону нѣтъ ни слова противъ исправленія имъ церковныхъ обрядовъ, которое уже начиналось тогда; не видно и тѣни какой либо привязанности къ старымъ обрядамъ, на которые будто бы посягнулъ Никонъ. Во всемъ видна одна лишь личная вражда, ненависть, озлобленіе Неронова и его друзей противъ Никона за то, что онъ измѣнилъ имъ, лишилъ ихъ прежней власти, сталъ ихъ врагомъ, преслѣдуетъ ихъ. Этою-то ненавистію болѣе всего руководились они и впослѣдствіи, когда начали ратовать будто бы за старые обряды.

Озлобленіе Неронова не имѣло границъ, и онъ совершенно забылся, когда позволилъ себѣ на соборѣ и такъ дерзко порицать въ глаза и позорить своего патріарха, а наконецъ похулилъ и весь соборъ. Неудивительно, если св. соборъ, на основаніи 55 правила св. апостоловъ, которое гласитъ: „аще кто изъ клира досадитъ епископу, да будетъ изверженъ“, опредѣлили послать протопопа Неронова на смиреніе въ монастырь. Или, какъ подробнѣе объ этомъ рассказываетъ онъ самъ: „и за тѣ мои слова сосланъ я былъ въ спасскій монастырь на Новое подъ начало, и того же дня переведенъ изъ спасскаго монастыря въ симоновъ и отданъ подъ крѣпкое начало: мнѣ не велѣно было ходить въ церковь, а ночью сторожа меня со свѣчами держали и семь дней никого изъ людей не пуцали ко мнѣ, ни домашнихъ, ни стороннихъ. Въ осмой день привезли меня въ городъ на царе-борисовскій дворъ, и тутъ били неми-

лостивно; а когда везли меня изъ монастыря, то быстро скакали на телегѣ, хотѣли тряскою меня уморить. И привезли меня въ соборную церковь, и патриархъ Никонъ велѣлъ крутицкому митрополиту Сильвестру снять съ меня скуею. И какъ сняли скуею, опять послалъ меня патриархъ въ симоновъ монастырь, и на шею наложили мнѣ большую цѣпь. Въ 4-й день августа послалъ меня въ вологодскій уѣздъ на Кубенское озеро, въ каменской монастырь, подъ крѣпкое начало; а въ граматѣ о мнѣ ко властямъ было писано: за великое безчиніе велѣно въ черныхъ службахъ ходить“¹⁵⁾.

Лишь только Нероновъ подвергся опалѣ, друзья его, составлявшіе вокругъ него „братію“, не дремали. Они положили ходатайствовать за него предъ государемъ. Протопопы Аввакумъ и Даніилъ костромскій написали о томъ челобитную и отнесли къ государеву духовнику Стефану. Но осторожный Стефанъ началъ уже отдѣляться отъ своихъ задорныхъ друзей, затѣявшихъ неравную борьбу съ могущественнымъ патриархомъ, и, по выраженію Аввакума, „всяко ослабѣлъ“, и челобитной „государю не снесъ“. Братія, впрочемъ, нашли другой путь къ государю и свою челобитную ему подали, а государь передалъ ее патриарху. Между тѣмъ Аввакумъ отправился провозжать Неронова на каменный островъ. И когда воротился, пошелъ 13-го августа ко всеобщей въ казанскій соборъ, намѣреваясь, какъ бывало прежде, читать въ положенное время, вмѣсто протопопа Неронова, поученіе къ народу изъ толковаго евангелія. Но казанскіе священники не дали ему читать и ска-

¹⁵⁾ Матеріалъ для истор. раскола, 1, 50 — 51. А что Нероновъ осужденъ былъ не однимъ Никономъ, но всѣмъ соборомъ, на основаніи апостольскаго правила,—о немъ намѣренно умолчалъ въ своемъ разсказѣ Нероновъ,—см. тамъ же 1, 128—129.

зали: ты протопопъ въ Юрьевцѣ, а не намъ, и патріаршій архидіаконъ велѣлъ намъ самимъ читать поученія къ народу. Аввакумъ очень огорчился и не сталъ ходить въ казанскую церковь, а „завелъ свое всенощное“ въ сушилѣ, находившемся на дворѣ протопоба Неронова; переманилъ къ себѣ нѣскольکو прихожанъ казанской церкви, а чрезъ нихъ позывалъ и другихъ отъ церкви въ сушило, говоря: „въ нѣкоторое время и конюшня-де иные церкви лучше“. Священники казанскіе этого не стерпѣли и донесли о всемъ патріарху Никону. Поступокъ Аввакума былъ очень важенъ и противенъ канонамъ церкви: онъ самовольно устроилъ особую молельню, самовольно отдѣлялся самъ и отдѣлялъ другихъ отъ церкви въ самочинное сборище. По приказу патріарха, немедленно посланъ былъ Борисъ Нелединскій со стрѣльцами. Они окружили Аввакумову молельню, когда всеночная въ ней еще не кончилась, схватили самого Аввакума и богомольцевъ, числомъ тридцать три, да тутъ же взяли и челобитчиковъ, т. е. писавшихъ и подписавшихъ челобитную о Нероновѣ, такъ что всѣхъ взятыхъ было до сорока человѣкъ и больше. Аввакумъ отведенъ былъ на патріаршій дворъ, и на другой день въ оковахъ отвезенъ на телѣгѣ въ андроньевъ монастырь. А „братью“, т. е. взятыхъ богомольцевъ и челобитчиковъ, отослали въ тюрьму и держали въ ней цѣлую недѣлю. Въ слѣдующее воскресенье патріархъ велѣлъ привести всѣхъ ихъ въ церковь, и во время литургіи прочиталъ имъ изъ правилъ церковныхъ, которыя они нарушили своимъ самочиннымъ сборищемъ, и всѣхъ предалъ анаѳемѣ и отлучилъ отъ церкви. А тремъ протопопамъ, болѣе другихъ виновнымъ, какъ въ этомъ самочиніи, такъ и въ составленіи челобитной царю за Неронова, противъ патріарха, да и по самому ихъ духовному сану, было

особое наказаніе. Прежде всего, Никонъ „остригъ голову“ въ соборной церкви, въ присутствіи самаго царя, костромскому протопопу Данилу и, снявъ съ него однорядку, отослалъ въ чудовъ монастырь на работу въ хлѣбной, а чрезъ нѣсколько времени сослалъ въ Астрахань. Потомъ точно также остригъ въ соборной церкви и при царѣ, во время большаго выхода за обѣдню, муромскаго протопопа Логгина, снялъ съ него однорядку и кафтанъ и, въ цѣпяхъ, отослалъ въ богоявленскій монастырь, а потомъ отправилъ въ Муромъ, велѣвъ ему жить въ деревнѣ у отца подь началомъ. Дошла очередь и до Аввакума. Чрезъ десять дней, послѣ заключенія его въ андроніевой обители, онъ приведенъ былъ цѣшкомъ въ патріаршій приказъ и оставался здѣсь цѣлый день предъ судьями на распросѣ про челобитную, а потомъ снова отпущенъ въ тотъ же монастырь. Тамъ просидѣлъ онъ всего четыре недѣли. Въ Никитинъ день (15-го сентября), когда происходилъ въ Москвѣ крестный ходъ, привезли Аввакума къ успенскому собору. Самъ патріархъ совершалъ литургію; Аввакума держали у порога храма; всѣ ждали времени, какъ начнетъ патріархъ „стричь“ протопопа. Но когда оно настало, внезапно государь сошелъ съ своего мѣста, приблизился къ патріарху и упросилъ его не стричь Аввакума. Патріархъ уступилъ: Аввакуму, болѣе другихъ виновному, сдѣлано было снисхожденіе, онъ остался протопопомъ. Его передали только въ Сибирскій Приказъ и потомъ сослали, съ женою и дѣтьми, въ Тобольскъ, гдѣ мѣстный архіепископъ далъ ему и священническое мѣсто ¹⁶⁾. Если протопопъ

¹⁶⁾ Письмо протопопа Аввакума къ Неронову—въ Матер. для исторіи раскола, 1,20—26; письмо священника казанскаго собора къ Неронову—тамъ же, 1,26—34; Житіе Аввакума—тамъ же, V,22.

Нероновъ подвергся церковному наказанію вовсе не за ревность по вѣрѣ, а за величайшее оскорбленіе патріарха предъ лицомъ цѣлаго собора, то и три другіе протопопа, Даніиль, Логинъ и Аввакумъ, пострадали точно также вовсе не за ревность по вѣрѣ, а за то, что вздумали защищать предъ царемъ, въ укоръ патріарху, своего до крайности виновнаго патрона, а еще болѣе за то, что дерзнули устроить самочинное сборище. Неизвѣстно въ подробностяхъ, какъ происходилъ судъ надъ этими тремя протопопами и надъ тѣми богомольцами, которые взяты были въ молеельнѣ Аввакума; но они судились несомнѣнно по правиламъ церкви (смотри правила св. апостоловъ 31. 55 и св. Василия Вел. 1 и друг.), и если виновнымъ предложено было троекратное увѣщаніе, а они не раскаялись, то осуждены совершенно справедливо, хотя, безъ сомнѣнія, при наказаніи ихъ, можно было бы обходиться съ ними не съ такою жестокою и не предавать ихъ такому позору ¹⁷⁾.

Протопопа Неронова извѣстили въ его заточеніи, какая судьба постигла его ближайшихъ друзей—протопоповъ. И онъ написалъ къ государю (отъ 6-го ноября 1653 г.) ходатайственное письмо объ этихъ „заточенныхъ, и поруганныхъ, и изгнанныхъ“, утверждая, вопреки правдѣ, что они осуждены мѣр-

¹⁷⁾ Надобно однакожь сознаться, что сами эти протопопы своими крайне дерзкими выходками противъ Никона невольны вызывали его на крутыя мѣры. Мы уже видѣли, какъ грубо поносилъ своего патріарха протопопъ Нероновъ предъ цѣлымъ соборомъ, и упоминали, что протопопъ Логинъ въ лицо укорялъ патріарха за его будто-бы „небрежное и высокоумное и гордое житіе“. Теперь прибавимъ, что тотъ же Логинъ, когда его разстригли въ соборной церкви и сняли съ него однорядку и кафтанъ, во время большаго выхода, „Никона порицая, чрезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ, и схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ“..... (Аввакумъ: Автобіогр.—въ Матер. для исторіи раскола V.21).

скимъ судомъ, а не по правиламъ церкви, что много лѣтъ служили эти страдальцы и прежде, и порока въ нихъ никакого не замѣчалось, да и самъ Никонъ не дѣлалъ тогда на нихъ никакого извѣта; а нынѣ они оболганы, и Никонъ повѣрилъ клеветѣ на нихъ. Затѣмъ Нероновъ увѣрялъ, что не собственныя скорби и страданія понудили его вопить къ государю, но страхъ, какъ бы благочестіе не было въ поруганіи, и гнѣвъ Божій не излился на Россію, и умолялъ царя утишить бурю, смущающую церковь, прекратить брань, погубляющую сыновъ церкви. Царь самъ не отвѣчалъ Неронову; но духовникъ его Стефанъ, конечно, по его порученію, два раза писалъ къ бывшему своему другу, казанскому протопопу, и убѣждалъ его смириться, быть въ послушаніи патріарху, примириться съ нимъ, и извѣщалъ, что Никонъ патріархъ оправдываетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ противъ него, ожидаетъ отъ него и друзей его истиннаго покаянія и готовъ простить ихъ. Но неукротимый Нероновъ съ укорами отвѣчалъ (отъ 27 февраля 1654 г.) Вонифатьеву: зачѣмъ ты оскорбилъ меня?.. Я не могу принять твоего совѣта; мы ни въ чемъ не согрѣшили предъ отцомъ твоимъ Никономъ патріархомъ..., твой же отецъ Никонъ патріархъ напрасно оправдывается: онъ смиряетъ насъ неправильно, не по писанію, но страсть свою исполняетъ, и мучитъ насъ за правду... Онъ ждетъ, чтобы мы попросили у него прощенія: пусть и самъ онъ попроситъ у насъ прощенія и покается предъ Богомъ, что оскорбилъ меня туне... и проч. Отъ того же 27-го февраля Нероновъ отправилъ обширное посланіе и къ царю Алексѣю Михайловичу. Здѣсь, прежде всего, умолялъ о тѣхъ же „заточенныхъ, поруганныхъ, изгнанныхъ безъ всякія правды“ друзьяхъ своихъ, осужденныхъ будто бы мірскимъ су-

домъ, а не по правиламъ церкви, и напоминалъ царю о временахъ антихриста, когда Христовы рабы гонимы будутъ, носящіе на себѣ знаменіе небснаго царя. Потомъ указывалъ на извѣстную „Память“ или указъ Никона, содержавшій два его распоряженія: относительно поклоновъ во св. четыредесятницу и относительно троеперстія для крестнаго знаменія. Первое распоряженіе называлъ прямо „ересью непоклонническою“, и совершенно несправедливо: потому что такъ-называемая ересь неколѣнопоклонниковъ состояла въ томъ, чтобы на молитвѣ никогда не класть земныхъ поклоновъ и молиться всегда стоя; а Никонъ вовсе не запрещалъ употребленія земныхъ поклоновъ ни въ церковныхъ, ни въ домашнихъ молитвахъ; онъ предписывалъ только, чтобы во св. четыредесятницу, при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина, не клались одни земные поклоны (числомъ 17), а клались лишь четыре земныхъ, прочіе же всѣ поясные ¹⁸). Противъ втораго распоряженія Никона защищалъ двуперстіе для крестнаго знаменія, и ссылаясь на Мелетія антиохійскаго, Θεодорита, Максима грека: каковы эти доказательства, мы уже видѣли прежде ¹⁹). Далѣе увѣрялъ, что ничѣмъ не согрѣшилъ „предъ мнимымъ владыкою“, (т. е. Никономъ) и что говорилъ къ нему одну истину, вступившись за честь царскаго величества, имъ поругаемую и ни во что поставляемую, да и за своихъ страждущихъ братьевъ, и молилъ царя созвать со-

¹⁸) У Никона черногорца приведено изъ „Дамаскинова изложенія, еже о ересехъ“ слѣдующее опредѣленіе (91-й) ереси неколѣнопоклонниковъ: „сіи на всяко время молитвъ своихъ колѣну не хотятъ поклонити, но стояще *присно* молитвы своя творять“. Самое имя ереси по отношенію къ неколѣнопоклонникамъ устреблено, очевидно, не въ точномъ смыслѣ: потому что собственно ереси тутъ все нѣтъ.

¹⁹) См. нашей Исторіи Русск. Церкв. VIII, 116—129.

боръ, на которомъ бы присутствовали не одни архіереи, но и другія духовныя лица и добродѣтельные міряне всякаго чина. Подъ конецъ посланія выражался: „отъ патріарха. государь, разрѣшенія не ищю, потому что онъ осудилъ меня не по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ (совершенная неправда!), но своея ради страсти; я сказалъ ему правду, а онъ за то возненавидѣлъ меня, и не меня только, но всю братію — рабовъ Христовыхъ“. Прочитавъ это посланіе, царь далъ приказъ, чтобы Нероновъ впредь къ нему не писалъ. И Вонифатьевъ, передавая этотъ приказъ Неронову, извѣщалъ его вмѣстѣ, что царь удивляется его упрямству, и ни царь, ни царица, не одобряютъ его; что „царь-государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу“, и за патріархомъ ничего худова не видалъ; что относительно поклоновъ царь согласуется съ государемъ патріархомъ и со властями, а крестное знаменіе будетъ, какъ было издревле. Но Нероновъ и теперь остался непреклоненъ, и отъ 2 мая отвѣчалъ Вонифатьеву: пусть вы не блазнитесь о патріархѣ,—все онъ доброе творить; но я соблазнился и братія, потому что онъ принялъ на себя мучительскій санъ, и братію мучительски мучить, однихъ остригъ, другихъ проклялъ... Не вмѣняй въ упрямство, что я не прошу у патріарха прощенія: я не признаю себя согрѣшившимъ предъ нимъ... Если патріархъ ищетъ отъ насъ послушанія, то послушай и онъ Христа Спаса, повелѣвающаго не воздавать зломъ за зло и ударившему въ ланиту подставлять и другую .. и проч. ²⁰⁾.

Но намъ пора разстаться, на время, съ Нероновымъ и его друзьями и обратиться къ дѣлу, на кото-

²⁰⁾ Всѣ означенныя письма — въ Матеріал. для исторіи раскола, 1.34—41.51—94.

рое обращено было тогда все вниманіе патріарха Никона. Распоряженіе, сдѣланное имъ лично отъ себя предъ наступленіемъ великаго поста въ 1653 г. и направленное только противъ двухъ обрядовыхъ новшествъ, послужило для него какъ бы пробнымъ камнемъ, чтобы узнать, какъ отзовутся на задуманное имъ исправленіе церковныхъ обрядовъ и богослужбныхъ книгъ. И онъ понялъ и убѣдился изъ сопротивленія, оказаннаго Нероновымъ и его братією, что дѣйствовать тутъ одною своею патріаршескою властію недостаточно, а необходимо ему, патріарху, имѣть для себя опору въ болѣе сильной церковной власти— соборной. Проникнутый этимъ убѣжденіемъ, Никонъ просилъ царя Алексѣя Михайловича созвать соборъ, — о чемъ въ тоже время была просьба къ царю и отъ Неронова. Соборъ былъ созванъ въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1654 года, и происходилъ въ царскихъ палатахъ ²¹⁾. На соборѣ „предсѣдательствовалъ благовѣрный и христіюбивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя Россіи самодержецъ, и премудрый великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея великія и малыя Россіи“, и присутствовали: пять митрополитовъ: новгородскій Макарій, казанскій Корнилій, ростовскій Іона, крутицкій Сильвестръ, сербскій Михайлъ; четыре архіепископа: вологодскій Маркелль, суздальскій Софроній, рязанскій Мисаиль,

²¹⁾ Соборъ былъ послѣ 27 февраля и прежде 2 мая: потому что Нероновъ въ письмѣ къ царю отъ 27 февраля только еще просилъ о созваніи собора, а въ письмахъ къ царицѣ и царскому духовнику отъ 2 мая уже упоминаетъ о немилости, постигшей епископа Павла Коломенскаго, и дѣлаетъ возраженіе противъ сказаннаго Никономъ на соборѣ относительно поклоновъ (Матеріал. для истор. раскола, 1, 66, 79. 87—88). Кромѣ того извѣстно, что на этомъ соборѣ присутствовалъ самъ царь; а онъ 18 мая уѣхалъ изъ Москвы въ Литву къ своему войску, откуда возвратился только въ началѣ слѣдующаго года (Дворн. Разр. III, 412).

псковскій Макарій; одинъ епископъ—коломенскій Павелъ; одиннадцать архимандритовъ и игуменовъ, и тринадцать протопоповъ, всего, кромѣ председательствовавшихъ, 34 человекъ, „ту же и царскому свѣтлиту предстоящу“. Никонъ открылъ соборъ рѣчью. Высказавъ сначала общія мысли, что нѣтъ ничего богоугоднѣе, какъ поучаться въ заповѣдяхъ Божіихъ и крѣпко на нихъ утверждаться, и что, по словамъ благочестиваго царя Юстиніана, два величайшіе дара даровалъ Богъ людямъ по своей благодати: священничество и царство, изъ которыхъ одно служитъ божественнымъ, а другое править человѣческими (дѣлами), но оба, происходя отъ одного и того же начала, украшаютъ человѣческую жизнь, и что они тогда только могутъ выполнять свое призваніе, если будутъ заботиться о сохраненіи между людьми божественныхъ заповѣдей и церковныхъ правилъ, Никонъ продолжалъ: „посему должно и намъ блюсти заповѣди, преданныя отъ Господа и Спасителя нашего, отъ св. апостоловъ и отъ св. отцевъ, собиравшихся на седми вселенскихъ и православныхъ помѣстныхъ соборахъ. Итакъ какъ (отселѣ говорилъ Никонъ словами, наиболѣе поразившими его въ граматѣ восточныхъ патріарховъ объ утвержденіи русскаго патріаршества), такъ какъ православная церковь получила совершенство не только въ догматахъ боговѣдѣнія и благочестія, но и въ священно-церковномъ уставѣ, то справедливость требуетъ, чтобы и мы потребляли всякую новину въ оградѣ церкви, зная, что новины всегда бываютъ причиною церковнаго смятенія и раздѣленія, и чтобы слѣдовали мы уставамъ св. отцевъ, и чему научились отъ нихъ, то хранили неповрежденнымъ, безъ всякаго приложенія или отыатія. И мы, по первому правилу седьмаго вселенскаго собора, со услажденіемъ приедемъ божественныя правила св. апостоловъ, св. соборовъ все-

ленскихъ и помѣстныхъ и св. отцевъ, какъ просвѣщенныхъ отъ одного и того же Св. Духа, и кого они проклинали, и мы проклинаемъ, кого они низвергли, и мы низвергаемъ, кого они отлучили, и мы отлучаемъ, кого они запретили, и мы запрещаемъ. Послѣдуя этимъ апостольскимъ и соборнымъ правиламъ, и св. великій соборъ, бывший во дни благочестиваго царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Руси, возгласилъ и утвердилъ слѣдующее“. Вслѣдъ затѣмъ Никоиъ приказалъ прочитатъ, если не самъ прочиталъ, все сполна соборное Дѣяніе или грамату восточныхъ іерарховъ, собиравшихся въ Константинополь въ 1593 году и утвердившихъ патріаршество въ Россіи. При чтеніи этой граматы всѣ присутствовавшіе вновь слышали слова, приведенныя уже Никоиомъ, что должно по-треблять всякія повины въ церкви и все, преданное св. отцами, сохранять безъ всякаго поврежденія, приложенія и отгятія, а вмѣстѣ услышали и сумволъ вѣры, изложенный въ граматѣ восточными святителями, и не могли не замѣтить тѣхъ, хотя и не многихъ, прибавленій и измѣненій, какія находились въ употреблявшемся тогда у насъ сумволѣ. Когда чтеніе граматы кончилось, Никоиъ продолжалъ: „посему я долженъ объявить вамъ нововводныя чины церковныя. Въ служебникахъ московской печати положено, чтобы архіерейскія молитвы, которыми архіереи разрѣшаютъ многіе грѣхи людскіе, священникъ предъ совершеніемъ литургіи читалъ отъ своего лица за самого себя; а въ греческихъ служебникахъ и въ нашихъ старыхъ, писанныхъ за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ и болѣе, тѣхъ молитвъ не обрѣтается; положено еще предъ началомъ литургіи говорить отпустить (послѣ часовъ) на всю церковь, чего ни въ греческихъ, ни въ нашихъ старыхъ не положено; да есть разности и въ дѣйствіяхъ за литургією и въ эктеніяхъ. Посему прошу

рѣшенія: новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовать, или греческимъ и нашимъ старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показываютъ?“ Тогда царь и преосвященные митрополиты, архіепископы и епископъ, и весь освященный соборъ, всѣ единогласно отвѣчали: „достойно и праведно исправити противъ старыхъ—харатейныхъ и греческихъ“. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ предложеній и вопросовъ со стороны Никона и рѣшеній или отвѣтовъ со стороны собора. *Никонъ*: „въ уставахъ нашихъ написано—отверзати царскія двери, во время литургіи, только на малый выходъ и на великій, а у насъ теперь онѣ бывають постоянно отверзты отъ начала литургіи до великаго выхода. Скажите: по уставу ли дѣйствовать или по нашему чину? А Греки дѣйствуютъ согласно съ нашимъ уставомъ“. *Соборъ*: „и мы утверждаемъ быть также, какъ греческія и наши старыя книги и уставы повелѣвають“. *Никонъ*: „въ нашихъ уставахъ написано—въ воскресный день начинать литургію въ началѣ третьяго (по нынѣшнему, девятого) часа; а у насъ нынѣ, когда случается соборный молебень, литургія начинается въ началѣ седмаго и осмаго (т. е. перваго и втораго) часа. Что скажете: по уставу ли св. отцевъ начинать литургію, или по нашему обычаю въ началѣ седмаго и осмаго часа, о чемъ нигдѣ не написано?“ *Соборъ*: „быть по уставу св. отцевъ“. *Никонъ*: „по 7-му правилу седмаго вселенскаго собора, при освященіи церкви должно полагать въ нихъ мощи св. мучениковъ, а у насъ въ Россіи всѣ церкви освящаются безъ мощей; только въ антиминсѣ вшивають частицы мощей, подъ престоломъ же мощей не кладуть; а въ старыхъ нашихъ потребникахъ есть указъ о томъ, чтобы подъ престоломъ класть три части св. мощей. Что объ этомъ скажете?“ *Соборъ*: „быть по правиламъ св.

отцевъ и по уставу, какъ написано въ древнихъ потребникахъ.“ *Никонъ*: „по 15-му правилу лаодикійскаго собора, безъ малыхъ ризиць (стихара) никто не долженъ восходить въ церкви на амвонъ, чтобы читать и пѣть; а у насъ простецы, безъ благословенія, и двоеженцы, и троюженцы, читаютъ и поютъ въ церквахъ. Что скажете?“ *Соборъ*: „такъ же быть по правиламъ св. отцевъ“. *Никонъ*: „въ уставахъ греческихъ и въ нашихъ старыхъ написано о поклонахъ въ великую четыредесятницу, а въ новыхъ нашихъ уставахъ положено не согласно съ греческими и нашими старыми, — и о семъ должно истинно испытать“. *Соборъ*: „быть согласно съ древними уставами“. *Никонъ*: „въ нашихъ старыхъ потребникахъ и служебникахъ и въ греческихъ указано — служить на антиминсахъ; а нынѣ то не дѣлается, — антиминсы полагаютъ подъ покровомъ. И о семъ разсудите“. *Соборъ*: „добро есть исправить согласно съ старыми и греческими книгами“. Затѣмъ благочестивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и великій государь святѣйшій патріархъ Никонъ повелѣли написать это соборное уложеніе, ради совершеннаго его укрѣпленія, чтобы впредь быть исправленію церковныхъ книгъ, при печатаніи ихъ, по древнимъ харатейнымъ и греческимъ книгамъ, уставамъ, потребникамъ, служебникамъ и часословамъ. И Никонъ, вмѣстѣ съ митрополитами, архіепископами и епископомъ, съ архимандритами, игуменами, протопопами, и весь освященный соборъ утвердили соборное уложеніе подписями своихъ рукъ, „яко да иматъ въ предыдущія лѣта непремѣнно сему быти“²²).

²²) Дѣяніе этого собора было первоначально напечатано въ приложеніяхъ къ Скрижали Никоновой, а недавно (1873 г.) издано вновь Братствомъ Св. Петра митрополита съ подлиннаго списка, сверѣленнаго собственноручными подписями присутствовавшихъ на

Таковъ былъ первый у насъ соборъ по дѣлу исправленія нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ. Онъ не только призналъ необходимость исправленія ихъ, но утвердилъ самое начало или правило, какъ вести это исправленіе. Патриархъ Никонъ отнюдь не навязывалъ собору своихъ мыслей; онъ только напомнилъ своимъ сопастырямъ, отцамъ собора, ихъ священный долгъ хранить неизмѣнно все, преданное св. апостолами, св. соборами и св. отцами, и потреблять всякія новины въ церкви, а потомъ указалъ нѣкоторыя новины въ нашихъ тогдашнихъ книгахъ и церковныхъ обычаяхъ и спрашивалъ, что дѣлать. И самъ соборъ единогласно рѣшилъ: достойно и праведно исправить новопечатныя наши книги по старымъ—харатейнымъ и греческимъ. Противъ такого рѣшенія нельзя было ничего сказать: потому что лучшаго способа для исправленія нашихъ церковныхъ книгъ не представлялось. Можно было только не соглашаться, что тѣ или другіе обряды, на которые указалъ Никонъ, суть новины,—и такого рода несогласіе дѣйствительно заявилъ одинъ изъ присутствовавшихъ на соборѣ, епископъ Павелъ коломенскій. вмѣстѣ съ другими онъ подписался подъ соборнымъ уложеніемъ, но подписался такъ: „Смиренный епископъ Павелъ коломенскій и коширскій; а что говорилъ на святѣмъ соборе о поклонехъ, и тотъ уставъ харатейной во оправданіе положилъ здѣ, а другой пясмяной“. Своею подписью подъ актомъ собора Павелъ неоспоримо засвидѣтельствовалъ свое согласіе съ уложеніемъ собора, а прибавкою къ своей подписи ясно выразилъ, въ чемъ одномъ онъ не соглашался съ прочими отцами

соборѣ лицъ, хранящагося въ москов. синод. библиотекѣ за № 379. Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ изложены еще въ предисловіи къ служебнику 1655 года.

собора, противъ чего говорилъ на соборѣ. Надобно замѣтить, что епископъ Павелъ не въ первый разъ выражалъ теперь свое противорѣчіе Никону по вопросу о поклонахъ. Еще въ прошломъ году, когда предъ наступленіемъ великаго поста издана была Никономъ „Память“ относительно земныхъ поклоновъ, Павелъ находился въ числѣ лицъ, которые, вмѣстѣ съ протопопомъ Нероновымъ, возстали противъ этой „Памяти“, написали на нее возраженія и подали го-сударю. Потому-то особенно возраженія Павла на соборѣ относительно поклоновъ и могли раздражить Никона: въ нихъ онъ могъ увидѣть какъ бы повто-реніе прежнихъ возраженій всей враждебной ему партіи ²³⁾. А можетъ быть, Павелъ позволилъ еще себѣ въ спорѣ съ патріархомъ какія либо рѣзкія вы-ходки противъ него, въ родѣ тѣхъ, какія прежде, на иномъ соборѣ, позволилъ себѣ протопопъ Нероновъ, или, можетъ быть, осмѣлился вообще упорно отвер-гать нужду въ исправленія церковныхъ книгъ. Какъ бы ни было, только Никонъ разразился надъ несчаст-нымъ епископомъ страшною карою: низвергъ его съ каедръ снялъ съ него мантию, предалъ его тяжкому тѣлесному наказанію и сослалъ въ заточеніе.—вслѣд-ствие чего Павелъ сошелъ съ ума, и никто не видѣлъ, какъ погибъ бѣдный, звѣрями ли похищенъ, или въ рѣку упалъ и утонулъ ²⁴⁾. Самъ ли Никонъ, еди-

²³⁾ Подпись Павла, епископа Коломен., см. въ подлинномъ спискѣ соборнаго Уложенія, изд. Братствомъ Св. Петра. Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у игумена Феоктиста, проживавшаго при Нероновѣ въ спасокаменномъ монастырѣ, находилась „Отписка ко-ломенскаго епископа Павла къ протопопу Ивану Неронову на осми столбцахъ“ (Матеріалы для истор. русскаго раскола, 1,331): дока-зательство, что между этими лицами были близкія сношенія.

²⁴⁾ Такъ сказано въ опредѣленіи собора 1666 года о низверженіи Никона (Собр. Госуд. Грам IV, № 53, стр. 184). Равно и одинъ изъ епископовъ, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ, именно чер-ниговскій, Лазарь Барановичъ выражается, что „низверженіе“ Павла

полично и безъ суда, низвергъ епископа Павла, какъ говорили обвинители Никона на соборѣ 1666 года, или низверженіе Павла совершено было соборне, по правиламъ, какъ утверждалъ Никонъ на томъ же соборѣ, указывая на то, что дѣло о низверженіи Павла есть на патріаршемъ дворѣ: во всякомъ случаѣ такимъ жестокимъ наказаніемъ епископа Никонъ крайне повредилъ и себѣ и самому дѣлу, за которое ратовалъ: потому что еще болѣе ожесточилъ противъ себя своихъ противниковъ и возбудилъ къ нимъ сочувствіе въ народѣ²⁵⁾. Казнь постигла Павла вскорѣ, если не тотчасъ, послѣ собора, на которомъ онъ осмѣлился возражать противъ Никона.

„послужило причиною скоропостижной смерти его отъ умопомѣшательства“ (Письма *Лазаря Барановича*, письмо 38, Черниг. 1861). Но иначе передается дѣло у раскольническихъ писателей. Протоповъ Аввакумъ говоритъ въ своей біографіи, что „Никонъ напоследокъ огнемъ сжегъ его (Павла) въ новгородскихъ предѣлахъ“ (Матер. для исторіи русск. раск. V, 18). Федоръ Ивановъ, бывшій діакономъ московскаго благоуспенскаго собора, въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что Никонъ „въ ссылку сослалъ его (Павла) на Хутыню въ монастырь Варлаама преподобнаго; а тамо бысть архимандритъ Варяшко вѣкто, и того Павла епископа мучилъ, угождаи Никону, врагу Христову... Павелъ же той блаженный епископъ началъ уродствовать Христа ради; Никонъ же увѣщавъ и посла слугъ своихъ тамо въ новгородскіе предѣлы, идѣже онъ, ходя, страствовалъ. Они же обрѣтоша его и убиша его до смерти, и тѣло его сожгоша огнемъ, по Никонову велѣнію“ (тамъ же VI, 196). А въ другомъ мѣстѣ самъ же Федоръ говоритъ, что Никонъ „преслашеннаго Павла коломенскаго, добраго пастыря, разбойнически ободра, и кто же вѣсть, како его оконча“? (тамъ же VI, 284). Въ позднѣйшее время Семень Денисовъ въ своемъ вѣгиватомъ „Виноградъ Россійскомъ“ писалъ, будто Павелъ сосланъ былъ въ палеостровскій монастырь и находился тамъ „не малое время“, и что потомъ „позвочницы (а не Никонъ именно) оттуду въ новгородскимъ странамъ отвезше, по томзненіи многомъ, священнаго епископа въ срубѣ содѣланиомъ огнениѣи смерти предаша“ (Статья о Павлѣ Колом.).

²⁵⁾ Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у игумена Феоктиста, одна обозначена была такъ: „На столцѣ—о изверженіи коломенскаго епископа—писано на обохъ сторонахъ.“ (Матер. для исторіи русск. раскола, 1, 334). Не была ли это копія съ того подлиннаго дѣла о низверженіи Павла, на которое (дѣло) ссылался Никонъ на соборѣ?

Нероновъ, въ письмѣ изъ своего заточенія отъ 2 мая того же 1654 г. къ царицѣ Марьѣ Ильинишнѣ, уже умолялъ ее ходатайствовать предъ государемъ за „отца епископа Павла и братію: Данила протопопа костромскаго, и Аввакума протопопа юрьевского, и Логгина протопопа муромскаго и прочихъ,“ какъ пострадавшихъ совершенно будто бы невинно, а въ письмѣ отъ 13 іюля къ царскому духовнику Вонифатьеву выражался: „епископа Павла, якоже слышу отъ боголюбцовъ, и бездушная тварь, видѣвъ страждуща за истину, разсѣдся, показуя симъ церковныя красоты раздраніе“ ²⁶). Кромѣ этихъ нашихъ домашнихъ свидѣтельствъ, есть о томъ достовѣрное свидѣтельство и одного иноземца. Въ августѣ 1654 г., 17 числа, прибылъ въ Коломну антиохійскій патріархъ Макарій со свитою, въ которой находился и сынъ его, архидіаконъ Павелъ алеппскій. „Здѣсь,—какъ пишетъ этотъ самый архидіаконъ,—по приказанію царя и его министровъ, намъ велѣли остановиться въ покояхъ епископа, потому что епископъ за какую-то вину былъ сосланъ государемъ и патріархомъ въ Сибирь.“ Въ этихъ покояхъ прожилъ патріархъ Макарій со свитою, по случаю свирѣпствовавшаго тогда въ Москвѣ повѣтрія, болѣе пяти мѣсяцевъ сряду, пока не открылась возможность отправиться въ Москву. И во все это время, свидѣлствуетъ тотъ же архидіаконъ Павелъ, епископскою частію въ Коломнѣ завѣдывалъ соборный протоіерей: „ему всѣ крестьяне (епископа) приносили подати, а духовенство епархіи свои дѣла; онъ являлся вездѣ правителемъ и начальникомъ духовенства, получивъ надъ нимъ власть отъ царя и патріарха,“ и такъ продолжалось до самаго назначенія новаго епископа въ Коломну, Александра ²⁷).

²⁶) Матер. для истор. руск. раскола, 1, 79. 100—101.

²⁷) *Павла алеппск.* Путешествіе Макарія, патріарха антиохійска-

Противорѣчіе, какое услышалъ Никонъ отъ епископа Павла на самомъ соборѣ, разсуждавшемъ о необходимости исправленія нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, вразумило Никона, что въ такомъ важномъ дѣлѣ недостаточно опираться на одномъ только соборѣ своихъ русскихъ архіереевъ и духовенства, а нужно призвать на помощь и соборъ восточныхъ православныхъ іерарховъ. Сохранилась, въ двухъ спискахъ, грамота Никона къ цареградскому патріарху Паисію отъ 12 іюня 1654 года. Здѣсь Никонъ, сказавъ о священномъ долѣ каждого духовнаго пастыря и предстоятеля церковной области хранить „опасно, чисто и непорочно“ всѣ преданные догматы и благочиніе православной церкви, писалъ: „нынѣ же мы, разсмотривше прилѣжно въ книгахъ нашихъ, разнство въ нихъ обрѣтохомъ, отъ препиствующихъ ли, или отъ переводниковъ, невѣдущихъ языка греческаго, не вѣмы.“ Потомъ просилъ патріарха Паисія разсудить, вмѣстѣ съ прочими патріархами и архіереями, соборѣ и со всякимъ вниманіемъ о замѣченныхъ въ нашихъ книгахъ разностяхъ и новинахъ, для чего и

го, Книг. VI, отд. 8. 9; кн. XI, отд. 6, по англійскому переводу, въ т. I, стр. 310. 318—319, т. II, стр. 130. За что и куда былъ сосланъ епископъ коломенскій, Павелъ аленскій писалъ только по слухамъ, не совсемъ точнымъ, и именно слѣдующее: „одинъ коломенскій епископъ заупрямился и не хотѣлъ поднестись подъ соборнымъ актомъ (объ исправленіи церковныхъ книгъ), и говорилъ: „съ того времени, какъ мы стали христіанами, какъ наследовали вѣру отъ нашихъ отцевъ и дѣдовъ, которые отличались строгою привязанностію къ своимъ обрядамъ и постоянствомъ въ своей вѣрѣ, мы также ревностно стояли за свою вѣру и не примемъ новой“. Услышавъ это, царь и патріархъ сослали епископа, вмѣстѣ съ его монахами, слугами и всѣмъ имуществомъ, въ заточеніе, во глубину Сибири, за 1.500 верстъ, на берега моря, называемаго океаномъ, омывающаго земной шаръ. Тутъ съ древнихъ временъ находятся монастыри, сооруженные для ссыльныхъ. Епископа привезли въ одинъ изъ этихъ монастырей влечь жизнь, которой предпочтительнѣе смерть: такъ мрачно положеніе монастыря и невыносима жизнь среди постоянного мрака и голода“ (въ т. II, ст. 318).

перечислялъ эти новины, тѣ же самыя, и въ томъ же порядкѣ, какіе прежде предлагалъ на обсужденіе московскаго собора. Въ заключеніе, упомянувъ, что иѣкоторые у насъ, неученые и незнающіе греческаго языка, считаютъ эти новины не за разности, а за истину, дышать непокорствомъ, заводятъ пренія съ благочестивыми и возжигаютъ огонь ненависти. Никонъ просилъ Паисія ускорить отвѣтомъ и совѣтомъ, какъ относительно изчисленныхъ новинъ, такъ и о томъ, „что сотворити соблазняющимся о сихъ и непокорне прятчимся“ ²⁸⁾. Грамата послана была къ цареградскому патріарху съ Мануиломъ Грекомъ, можетъ быть, эта самая; но только въ посланной Никонъ, вмѣсто перечня немногихъ новинъ, указанныхъ имъ на недавно бывшемъ московскомъ соборѣ, изложилъ до 27-ми вопросовъ, на которые и просилъ отвѣта, въ томъ числѣ и относительно этихъ новинъ, и прямо назвалъ епископа Павла коломенскаго и протопопа Ивана Неронова, какъ людей непокорныхъ, которые держатся иныхъ книгъ, литургій и знаменія. Грекъ Мануиль Константиновъ, съ дядею своимъ Юріемъ Володимеровымъ и другими товарищами, прибылъ въ Путивль 17-го, а въ Москву 28-го февраля 1654 года, и 8-го марта представлялся государю. Мануиль привезъ изъ Царяграда, по порученію Алексѣя Михайловича, множество узорочныхъ товаровъ и драгоценныхъ камней, за которыя и получилъ изъ государственной казны иѣсколько тысячъ рублей. Въ маѣ онъ началъ уже собираться въ возвратный путь, и 11-го

²⁸⁾ Первый списокъ этой граматы, совершенно полный, сохранился въ москов. Синод. бібліотекѣ и недавно напечатанъ въ книгѣ: „Дѣяніе московскаго собора, бывшаго въ лѣто 1654“, приложен., № 1, москв. 1873. Второй списокъ, безъ иѣсколькихъ начальныхъ строкъ и всей послѣдней половины, гдѣ перечислены означенныя новины, сохранился въ москов. Главн. архивѣ Мин. Иностран. Дѣлъ, дѣла Греч., связка 32, № 23.

мая послѣдоваль указъ дать Мануилу Греку подводу и проводниковъ до Путивля и до границы, а 15-го мая приготовлена царская грамота Гетману Хмельницкому, чтобы Мануила нигдѣ въ Малороссіи не задерживали и проводили до волошской границы ²⁹⁾). Отсюда можемъ заключать, что Мануиль Грекъ выѣхалъ изъ Москвы отнюдь не позже іюня или іюля, и что грамота Никона къ патріарху Паисію, подписанная 12 іюня, отправлена въ Царь-градъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ ея подписанія.

Одновременно съ тѣмъ, какъ отправлена была въ Царьградъ грамота патріарха Никона, и даже прежде, чѣмъ она была отправлена изъ Москвы, здѣсь уже начали готовить всѣ мѣры, необходимыя для того, чтобы исполнить уложеніе московскаго собора объ исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ. Соборъ рѣшилъ исправлять эти книги по старымъ—харатейнымъ славянскимъ спискамъ. Царь и патріархъ приказали собрать въ Москву изъ всѣхъ древнихъ русскихъ книгохранилищъ славянскія книги, писанныя на хартѣ, и такія книги были высланы изъ монастырей: троице-сергіева, іосифо-волоколамскаго, новгородскихъ—юрьева и хутыня и изъ прочихъ. Соборъ рѣшилъ: исправлять наши церковныя книги не по однимъ славянскимъ—харатейнымъ спискамъ, но вмѣстѣ и по древнимъ греческимъ. Царь и патріархъ, находя, что старыхъ греческихъ книгъ въ Россіи мало, отправили за ними, со многою своею милостынею, на Аeonъ и въ другія старожитныя мѣста на востокъ извѣстнаго уже намъ старца Арсенія Суханова. Мы видѣли, что изъ первой своей по-

²⁹⁾ Москов. главн. архив. минист. инст. инст. Дѣль, дѣла греч., связк. 32, № 7. А вопросъ, съ какими обратился Никонъ къ патр. Паисію, узнаемъ изъ отвѣтной грамоты послѣдняго.

ѣздки на востокъ онъ возвратился въ іюнѣ 1653 года, и привезъ съ собой свой „Проскинитарій“, изъ котораго русскіе дѣйствительно могли убѣдиться, что православные востока во многомъ разнятся отъ нихъ при отправленіи церковныхъ службъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ обычаяхъ. Теперь на Арсенія возлагалась совсѣмъ другая задача: ему поручалось не то, чтобы описать, какъ отправляли церковныя службы и соблюдали церковныя обряды тогдашніе греки, около уже двухъ столѣтій страдавшіе подъ невыносимымъ игомъ мусульманъ, а то, чтобы собрать древнія греческія книги, изъ которыхъ можно было бы видѣть, какъ совершали церковныя службы древніе православные греки и, по примѣру ихъ, должны совершать всѣ православные. Мы видѣли также, что, при первой своей поѣздкѣ на востокъ, Арсеній велъ жаркія пренія съ греками о вѣрѣ, рѣзко отстаивалъ употреблявшееся въ Россіи двуперстіе для крестнаго знаменія, укорялъ грековъ въ разныхъ отступленіяхъ, и тогда же замѣтили, что не одинъ Арсеній, а и другіе современные ему русскіе книжники точно такъ смотрѣли и на двуперстіе и на грековъ³⁰⁾. Теперь Арсеній, проживши, по возвращеніи съ востока, довольно долго въ Москвѣ, въ то самое время, какъ Никонъ, прежде такъ же смотрѣвшій на грековъ и крестившійся двумя перстами, созналъ появившіяся въ нашей церкви новины, началъ обличать ихъ и старался возстановить древнее наше троеперстное крестное знаменіе, теперь Арсеній измѣнился въ своихъ мысляхъ, сталъ, вмѣстѣ съ другими, на сторону патріарха Никона, а не его противниковъ, и

³⁰⁾ Предислов. къ печатн. москов. служебнику 1655 года. А о прежней поѣздкѣ Арсенія на востокъ и преніяхъ съ греками о вѣрѣ см. нашей Истор. Р. Ц. въ т. XI.

сдѣлался ему совершенно единомысленнымъ. Потому-то Никонъ и возложилъ на Арсенія новое свое порученіе, а по исполненіи этого порученія Арсеніемъ, опредѣлили его однимъ изъ справщиковъ церковныхъ книгъ и вскорѣ сдѣлалъ келаремъ Сергіевой лавры. Арсеній отправленъ былъ за греческими книгами со многою казною въ самомъ началѣ 1654 г., и слѣдовательно еще до московскаго собора, бывшаго въ этомъ году: потому что 4-го февраля онъ уже находился въ Яссахъ, откуда и прислалъ царю отписку, сохранившуюся доселѣ, а въ іюлѣ уже находился въ Константинополь, какъ извѣщаль (отъ 29-го іюля 1654 г.) нашего государя патриархъ Пасій черезъ грека Юрія Константинова ³¹⁾. Арсеній неограничился одною аеонскою горою, а посѣтилъ и въ этотъ разъ, кромѣ Царьграда, Іерусалимъ и другія мѣста востока. Болѣе всего княжныхъ сокровищъ нашель Арсеній на Аѳонѣ въ монастыряхъ ватопедскомъ, хиландарскомъ, иверскомъ, пантократоровомъ, русскомъ, павловскомъ и другихъ, и оттуда доставлено было въ Москву до 500 древнихъ греческихъ книгъ. Въ числѣ ихъ находились книги библейскія, творенія св. отцевъ и книги собственно богослужебныя: служебники, требники, уставы, часословы, тріоди, минеи и другія. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ писаны были за 400 лѣтъ, другія за 500, или 600, или 700 лѣтъ и болѣе, а одно евангеліе даже за 1.050 лѣтъ. Кромѣ того не менѣе 200 древнихъ книгъ прислали іерархи, александрійскій, антиохійскій,

³¹⁾ Въ отпискѣ Арсеній писалъ: „по твоему государеву указу отпущень я во аеонскую гору, и февраля, государь, въ 4 день прѣхалъ я, богомолецъ твой, въ Яссы и былъ съ твоею государевою грамотою у молдавскаго у Стефана воеводы“. Отписка эта—въ москов. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, дѣла Греч., связк. 32, № 9. А означенное письмо патр. Пасіа къ царю—тамъ же связк. 33, № 3.

халкидонскій, никейскій, пекскій, охридскій, сербскій и другіе, которымъ посланы были просьбы изъ Москвы; а изъ Іерусалима прислалъ патріархъ евангеліе, писанное за 600 лѣтъ прежде ³²).

Въ ноябрѣ 1654 года Арсеній прислалъ къ государю отписку изъ волонской земли, и слѣдовательно находился уже на возвратномъ пути, а въ январѣ 1655 года, вѣроятно, возвратился уже въ Москву: по крайней мѣрѣ, въ это время прибылъ въ Москву архимандритъ эсфигменскаго монастыря Анѳимъ и привезъ съ Аѳона книги и грамоту, въ которой игумены, священники и старцы всѣхъ монастырей св. горы писали, что „они отъ государя посланнаго старца Арсенія приняли и отпустили честно, и его государское повелѣніе исполнили, и книжныя сокровища показали, и дали 498 книгъ, и съ тѣми книгами послали къ государю эсфигменскаго архимандрита Анѳима ³³). Впрочемъ не всѣ книги съ Аѳона при-

³²) Письмо Никона къ цареград. патр. Діонисію—въ записк. русск. и славян. археол. II, 519; Предислов. къ печати. Москов. Служеби. 1655 года. Архидіаконъ Павелъ аленскій также пишетъ: „Патріархъ и царь, по совѣщаніи, отравили Арсенія на св. гору съ щедромъ милостынею для монастырей и съ грамотами къ настоятелямъ о приѣздѣ древнихъ греческихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, какія у нихъ найдутся. Нужно замѣтить, что настоящій патріархъ и царь очень расположены къ греческимъ церковнымъ церемоніямъ и обрядности, замѣтивъ, что въ ихъ собственныя церковныя богослужебныя книги, съ теченіемъ времени, вкрались различныя измѣненія и ошибки... Арсеній отправился и вывезъ съ Аѳона около пятисотъ большихъ книгъ различнаго рода. Мы встрѣтились съ нимъ, когда онъ прибылъ въ Валахію (а въ Валахіи Арсеній находился въ первые мѣсяцы 1654 г.). Послѣ того онъ поѣхалъ въ Константинополь, и осмотрѣлъ тамъ всѣ достопримѣчательности. На возвратномъ пути онъ пріобрѣлъ, по приказу своего патріарха, множество кипарисныхъ досокъ для иконовъ: кипарисное дерево здѣсь очень дѣбится... За эти услуги Арсенія, патріархъ далъ ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ церковномъ управленіи, сдѣлавъ его келаремъ или намѣстникомъ Свято-троицкаго Сергіева монастыря“ (Путеш. Макарія, патр. аѳіох., кн. X, отд. 7, въ т. II, стр. 78—79).

³³) Москов. Главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч. связк. 33, № 3.

везены теперь: настоятели нѣкоторыхъ монастырей, наприм., павловскаго, хиландарскаго, сами доставили изъ своихъ монастырей книги уже въ іюлѣ того года ³⁴).

Для того, чтобы исправлять наши церковныя книги съ древнихъ греческихъ или вновь переводить книги съ греческаго языка на славянскій, нужны были люди, хорошо знакомые съ тѣмъ и другимъ языкомъ. И такихъ людей нашелъ Никонъ. Это были: іеромонахъ Епифаній Славеницкій, вызванный еще въ 1649 году изъ киево-братскаго училища; строитель и потомъ келарь сергіевой лавры Арсеній Сухановъ; архимандритъ иверскаго аеонскаго монастыря Діонисій, пріѣхавшій, впрочемъ, къ намъ съ св. горы уже въ 1655 г. іюня 26-го, для управленія греческимъ никольскимъ монастыремъ въ Москвѣ, и извѣстный подъ именемъ святогорца, и старецъ Арсеній Грекъ ³⁵). Послѣдній, едва ли не болѣе всѣхъ ихъ пользовавшійся довѣріемъ патріарха Никона, прибылъ къ намъ въ 1649 г. въ свитѣ іерусалимскаго патріарха Паисія, подъ именемъ уставщика. Въ Москвѣ Арсеній обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что зналъ многіе языки, и государь пожелалъ оставить его у себя, на что Паисій и согласился. Но Паисій лично почти не зналъ Арсенія и не могъ за него поручиться, принявъ его въ свою свиту лишь въ Кіевѣ во время своего странствованія въ Москву. Потому, когда отправился въ обрат-

³⁴) Тамъ же связк. 33, № 6.

³⁵) Въ расходныхъ книгахъ печатнаго приказа сохранились росписки, какъ Арсенія Суханова, такъ и Арсенія Грека и Діонисія святогорца въ полученіи ими жалованья изъ типографіи по должности справщиковъ (*Румянцев*. Древн. изданія москов. печати. двора стр. 13, 32, примѣч. 67). О времени пріѣзда къ намъ архимандрита Діонисія святогорца—москов. глав. арх. мин. иностр. Дѣлъ, дѣла греч., связк. 33, № 22.

ный путь и, остановившись въ Путивлѣ, услышалъ здѣсь отъ приходившихъ малоросскихъ старцевъ и людей волошкаго воеводы разные неблагопріятныя толки объ Арсеніи, то счелъ нужнымъ, при благодарственномъ письмѣ своемъ къ царю, отъ 1-го іюля 1649 г., за всѣ его милости, написать еще слѣдующія слова: „еще да будетъ вѣдомо тебѣ, благочестивый царь, про Арсенія, который остался въ твоёмъ царствѣ: испытайте его добрѣ, утверждёнъ ли онъ въ своей благочестивой христіанской вѣрѣ. Прежде былъ онъ инокомъ и священникомъ, и сдѣлался бусурманомъ; потомъ бѣжалъ къ ляхамъ, и у нихъ обратился въ униата, — способенъ на всякое злое бездѣліе: *испытайте его добрѣ, и все это найдете. Мнѣ все* подробно рассказали старцы, пришедшіе отъ гетмана: велите разспросить, что мнѣ рассказывали тѣ старцы и люди Матвѣя воеводы волошкаго, будетъ ли такъ, или нѣтъ, какъ я писалъ къ брату и сослужителю моему, патриарху Іосифу. Лучше прекратите эту молву, пока онъ самъ (Арсеній) здѣсь, чтобы не произошло соблазна церковнаго. А если я еще что провѣдаю подлинно, то напишѹ къ вашему величеству: ибо я долженъ, что ни услышу, о томъ извѣщать. Не подобаесть на нивѣ оставлять терніе, чтобы она вся не заросла имъ: нужно удалять и тѣхъ, которые держатся ереси и двуличны въ вѣрѣ. Я нашель его въ Кіевѣ и взялъ съ собою, а онъ не мой старецъ... Я того про него не вѣдалъ, а нынѣ узнавъ о томъ, пишу къ вашему величеству, да блюдете себя отъ таковыхъ, чтобы не оскверняли церкви Христовой такіе поганые и злые люди“ ³⁶). Вскорѣ за тѣмъ, именно 23-го іюля такія же вѣсти объ Арсеніи Грекѣ

³⁶) Москов. глав. арх. мин. иностр. Дѣлъ; дѣла греч., связк. 27, № 7.

прислалъ Алексѣю Михайловичу и Арсенію Сухановъ³⁷⁾. Вслѣдствіе этого царь приказалъ боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да думному дьяку Михаилу Волошенинову разспросить старца Арсенія, и 25-го іюля они разспрашивали его, гдѣ онъ родился и воспитывался, гдѣ и когда постригся и былъ ли священникомъ, бывалъ ли въ Римѣ и Польшѣ, и Арсеній показалъ: „родомъ онъ Грекъ турецкой области; отецъ его Антоній былъ попомъ и строителемъ въ великомъ новомъ селѣ города Трикала, и имѣлъ пять сыновъ, которые всѣ живы. Двое изъ нихъ Андрей и Иванъ живутъ въ мірѣ, третій — Димитрій протопопомъ, четвертый — Аванасій — архимандритомъ, а пятый — онъ Арсеній. Знающіе его, Арсенія, есть здѣсь на Москвѣ приѣзжіе Греки одного съ нимъ города: одного зовутъ Памфиломъ, другаго Иваномъ; прозвищъ ихъ не помнитъ. Крещенъ въ младенчествѣ, и, сказываютъ, воспріемникомъ ему былъ того же города архіепископъ. Граматѣ и церковному кругу учился у отца своего; а потомъ бралъ его съ собою, четырнадцати лѣтъ, въ венеціанскую землю брать его архимандритъ Аванасій

37) Въ 1666 г., февраля 10, царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ послать Посольскаго Приказа „на патриаршіи дворъ ко властямъ“ выписку „о старцѣ Арсеніи Грекѣ, который былъ у книжной справки“. Въ этой выпискѣ, между прочимъ, сказано, что 23 іюля 1649 г. писалъ царю государю троипкаго богоявленскаго монастыря строитель Арсеній Сухановъ; „іюля де во второй день сказывалъ ему, Арсенію, въ Путивлѣ іерусалимскаго патриарха Паисія казначей, старецъ Іоасафъ про того старца Арсенія, что онъ родомъ гречинъ и былъ черный попъ, и потомъ-де, невѣдомо какимъ случаемъ, былъ онъ бусурманъ, а изъ бусурманской вѣры ушолъ въ польскую землю, и былъ въ увіатской вѣрѣ, и пришелъ де изъ Польши, жилъ въ Кіевѣ. А какъ іерусалимскій патриархъ пришелъ въ Кіевъ, а дидакала его не стало, и патриархъ, вмѣсто своего дидакала, взялъ того старца Арсенія съ собою къ Москвѣ. И нынѣ патриархъ Паисій скорбитъ о томъ гораздо, чтобъ де тотъ старецъ Арсеній съ Москвы не ушолъ опять въ бусурманскую вѣру“ (Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 44, № 34).

для ученія, и въ Венеціи онъ выучился грамматикѣ. А изъ Венеціи тотъ же братъ свезъ его для ученія въ Римъ, гдѣ и былъ онъ пять лѣтъ, и учился въ школѣ Омирову и Аристотелеву ученію и семи соборамъ. Когда же дошло до осмаго и девятаго собора, то отъ него, Арсенія, потребовали присяги съ клятвою, что онъ приметъ римскую вѣру: ибо иначе того ученія никому не открываютъ и учить не велятъ. Видя то, онъ прикинулся больнымъ и уѣхалъ изъ Рима, чтобы не отпасть отъ греческой вѣры. “ Тутъ Арсенія спросили, у кого онъ жилъ въ Римѣ, и отъ кого приобщался св. Христовыхъ Таинъ, или онъ принималъ сакраментъ. И Арсеній сказалъ: „жилъ онъ въ Римѣ у греческой церкви св. Аеанасія великаго, гдѣ живетъ православный митрополитъ греческой вѣры съ пятью или шестью греческими старцами. Съ ними-то и жилъ онъ, Арсеній, и принималъ причастіе Христовыхъ Таинъ отъ того митрополита, а сакраментъ въ Римѣ не принималъ. Да и митрополитъ тотъ держитъ только семь соборовъ, а осмаго и девятаго не держитъ, и къ папѣ не приобщается. Только когда папа велитъ ему быть на соборѣ, онъ на соборы къ папѣ ходитъ и за папу Бога молить.“ Арсенію замѣтили, что онъ говоритъ ложь, будто жилъ въ Римѣ у греческой церкви, и митрополитъ тотъ не уніать, когда всему свѣту извѣстно, что папа приводитъ всѣхъ иновѣрцевъ въ Римѣ къ своей вѣрѣ посредствомъ уніи и другими мѣрами, не только учащихъ въ школахъ, но и приводимыхъ туда плѣнныхъ, и когда митрополитъ тотъ ходитъ къ папѣ на соборы и молится за него, и что ему, Арсенію, какъ бывшему сообщнику того митрополита и уніату, слѣдовало бы принести чистое покаяніе Богу и повиниться предъ государемъ и сказать правду. Арсеній отвѣчалъ: „онъ говоритъ правду, что находясь въ Римѣ, въ уніатствѣ не былъ

и сакраменту не принималъ. Не хотя приобщиться къ римской вѣрѣ, онъ изъ Рима переѣхалъ въ венеціанскій городъ Бадовъ, и тамъ три года учился философскимъ наукамъ и лѣкарскому ученію. А изъ Бадова онъ пришелъ въ Царь-городъ къ брату своему, архимандриту Аѳанасію, и желалъ постричься. Но постричь его не хотѣли, думая, что онъ въ римской вѣрѣ, и онъ сказалъ, что ни въ Римѣ, ни въ Венеціи, не бывалъ въ римской вѣрѣ, и предъ всѣми ту римскую вѣру проклялъ трижды. Братья хотѣли его женить, но онъ не согласился и постригся 23-хъ лѣтъ. На другой годъ поставленъ въ дьяконы, а вскорѣ затѣмъ въ попы, отъ ларійскаго епископа Каллиста. Послѣ того вскорѣ тотъ же епископъ поставилъ его на Кяеѣ островѣ въ богородицкій монастырь игуменомъ, и былъ онъ тамъ игуменомъ шесть мѣсяцевъ. Изъ монастыря ѣздилъ онъ, Арсеній, въ городъ Хію купить книгъ о семи соборахъ, но книгъ не добылъ и отправился въ Царьгородъ, и находясь у одного великаго человѣка, Грека Антонія Вабы, училъ сына его грамматикѣ. Изъ Царьгорода приѣхалъ въ мутьянскую землю къ воеводѣ Матвѣю и жилъ у него три мѣсяца. Отъ Матвѣя воеводы приѣхалъ въ молдавскую землю къ воеводѣ Василию и жилъ у него два года. Изъ Молдавіи переѣхалъ въ Польшу, въ городъ Львовъ, и тутъ ему сказали, что есть школа въ Кіевѣ, только безъ королевской грамоты его въ ту школу не примутъ. И онъ, Арсеній, ѣздилъ о томъ бить челомъ къ королю Владиславу въ Варшаву. Король былъ тогда боленъ камменною болѣзнію, и Арсеній, котораго рекомендовали королю, какъ искуснаго врача, вылѣчилъ его, и Владиславъ далъ въ Кіевъ къ митрополиту Сильвестру Коссову отъ себя грамоту, чтобы Арсенія въ школу приняли“. Арсенію сказали: „государю сдѣ-

лалось извѣстнымъ, что онъ, Арсеній, былъ уніатомъ, и, оставя чернецство и іерейство, былъ бусурманомъ, а изъ бусурманства былъ опять въ уніатствѣ, и онъ бы нынѣ про то сказалъ правду“. Арсеній: „то про него кто-то говорить неправду; уніатомъ и бусурманомъ онъ не бывалъ. А если кто уличить его, что онъ былъ уніатомъ и бусурманомъ, тогда пусть царское величество велить снять съ него кожу; милости въ томъ онъ у государя не просить“. Арсенію замѣтили, что бусурманство свое онъ, безъ сомнѣнія, таитъ; а когда оно обнаружится, ему нечѣмъ будетъ оправдаться. Арсеній повторялъ прежнія свои рѣчи и продолжалъ: „былъ тогда въ Царьградѣ патріархъ Пароеній, который хотѣлъ поставить его, Арсенія, епископомъ надъ двумя епископіями, моѳонскою и коронскою. Но визирь, узнавъ, что онъ, Арсеній, долгое время жилъ въ Венеціи, и будто привезъ оттуда многую казну, чтобы купить себѣ у патріарха тѣ епископіи и съ ними приложиться къ венеціанамъ, съ которыми у султана начиналась тогда война, велѣлъ схватить его, Арсенія. И было ему многое истязаніе, и платье съ него сняли и камилавку; надѣли на него чалму и вкинули его въ тюрьму. Сидѣлъ онъ въ той тюрьмѣ недѣли съ двѣ, и ушелъ изъ нея въ мутьянскую землю, а бусурманомъ не бывалъ“. Тогда Арсенію объявили, что о его уніатствѣ и бусурманствѣ писалъ государю и святѣйшему Іосифу самъ патріархъ Паисій, который слышалъ о томъ отъ кievскихъ старцевъ, пришедшихъ отъ гетмана. Арсеній: „тѣ кievскіе старцы сказывали про него патріарху Паисію ложь. Онъ уніатомъ и бусурманомъ не бывалъ; а какъ онъ, по наносу на него визирю, сидѣлъ въ тюрьмѣ и тамъ было ему мученье, о томъ онъ рассказалъ патріарху Паисію и во всемъ ему исповѣдывался, и патріархъ его во

всемъ простилъ“. Арсенію возразили, что патріархъ Паисій вовсе о томъ доселѣ не зналъ, какъ самъ пишетъ; а если бы зналъ, то онъ бы его, Арсенія, для риторскаго ученія въ московскомъ государствѣ не оставилъ... Арсеній: „въ томъ онъ предъ Богомъ грѣшенъ и предъ государемъ виноватъ, что такова дѣла царскому величеству не извѣстилъ, а обусурманенъ де онъ неволю. Когда же онъ послѣ того пришелъ въ волошскую землю, то митрополитъ янинской Іоасафъ, его, Арсенія, въ вѣрѣ исправилъ и муромъ помазаль. Да и патріарху Паисію онъ про то объявилъ же и покаяніе принесъ. И патріархъ въ томъ его простилъ и благословилъ, и грамоту прощальную и благословенную ему далъ, и та грамота патріархова и нынѣ у него, Арсенія. А государя онъ не извѣстилъ потому, что его Паисій патріархъ простилъ и служить ему велѣлъ. На Москвѣ жъ остался онъ не своею волею: про то извѣстно великому государю“. Тѣмъ и окончилось распросное дѣло Арсенія Грека, которое мы намѣренно привели цѣликомъ, чтобы всякій могъ судить, на сколько Арсеній виновенъ. Хотя и вѣроятно, что онъ принялъ унію въ Римѣ, какъ должны были принимать ее всѣ Греки, обучавшіеся въ римской греческой коллегіи, но самъ онъ въ этомъ не сознался и, по возвращеніи на родину, трикратно предъ всѣми прокиналъ римскую вѣру. Если онъ и былъ обусурманенъ, то обусурманенъ неволю, и потомъ покался въ этомъ, былъ присоединенъ къ церкви чрезъ муропомазаніе янинскимъ митрополитомъ, и отъ самого патріарха Паисія получилъ прощальную и благословенную грамоту. Въ Москвѣ, однакожъ, этимъ не удовольствовались. Іюля 27-го, по указу государя, описана была вся рухлядь Арсенія на ростовскомъ подворьѣ, гдѣ онъ остановился, въ томъ числѣ были многія греческія печатныя книги, бого-

служебныя, св. отцевъ — Кирилла іерусалимскаго, Златоуста, Іоанна Дамаскина, древнихъ писателей — Гомера, Аристотеля, и учебныя, грамматика, лексиконъ и другія. И того же числа данъ былъ указъ боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичу Львову сослать греческаго старца Арсенія въ соловецкій монастырь „для исправленья православныя греческія вѣры“; а 30-го іюля посланъ былъ отъ царя указъ въ соловецкій монастырь, чтобы, когда будетъ привезенъ Грекъ старецъ Арсеній „для исправленья православной христіанской вѣры“, то отдали бы его подъ крѣпкое начало уставщику Никодиму, и береженье къ нему велѣли держать большое, изъ монастыря его никуда не выпускали, а пищу и одежду и обувь давали ему братскую. Отъ 3-го сентября игумень и братія соловецкаго монастыря извѣстили государя, что старецъ Арсеній Грекъ къ нимъ прибылъ, и воля государева будетъ исполнена ³⁸⁾.

Въ соловецкомъ монастырѣ за Арсеніемъ внимательно слѣдили, подробно его спрашивали и составили о немъ краткое біографическое извѣстіе. Оказывается, что онъ въ молодые годы, когда обучался въ латинскихъ училищахъ, дѣйствительно перемѣнялъ вѣру и былъ въ униі, какъ сознался на исповѣди духовнику своему священнику Мартирію, потому что иначе не принимали въ тѣ училища. Но, возвратившись въ Грецію, снова принялъ православіе и даже посвященъ былъ во священника, постригшись въ монашество. Въ Соловкахъ прожилъ Арсеній око-

³⁸⁾ Подлинное дѣло о допросѣ старца Арсенія Грека и отправленіи его въ соловецкій монастырь находится въ моск. главн. арх. мин. явостр. дѣлѣ, дѣла Греч. Связк. 27. № 33. Оно же цѣлкомъ помѣщено и въ выпискѣ объ этомъ Арсеніи Грекѣ, каковая въ 1666 г. послана была изъ посольскаго приказа ко властямъ на патриаршій дворъ (тамъ же связк. 44, № 34).

до трехъ лѣтъ „въ добромъ послушаніи у инока Никодима“ и успѣлъ научиться славянской граматѣ и русскому языку. Послѣ столь продолжительнаго испытанія иноки соловецкіе убѣдились, что Арсеній вовсе не еретикъ, и „что въ немъ обрѣли здраво, въ томъ его и похвалили: обрѣли въ немъ здоровое исповѣданіе вѣры, безъ приложенія и безъ отъятія“. Но замѣтили, что онъ плохо исполнялъ внѣшніе обряды: поклоны, посты и проч. Онъ даже будто бы молился не тремя, а двумя перстами, какъ молились тогда иноки соловецкіе, и вообще восхвалялъ русскіе церковные обряды, а о Грекахъ говорилъ: „у насъ много потеряно въ неволѣ турецкой... нѣтъ ни поста, ни поклоновъ, ни молитвы келейной“... ³⁹⁾). Такіе добрые отзывы о вѣрѣ Арсенія Грека Никонъ могъ услышать въ самомъ соловецкомъ монастырѣ, когда приходилъ туда за мощами святителя Филиппа, и потомъ могъ передать и государю. Да и власти монастырскія обязаны были донести въ Москву, какимъ нашли Арсенія, который присланъ былъ оттуда въ ихъ обитель собственно на испытаніе. Наконецъ, и самъ Арсеній Грекъ билъ челомъ государю: „сосланъ де онъ въ соловецкій монастырь, и, по правиламъ св. отецъ, урочные лѣта въ запрещеніи ему прешли, по второму помѣстному собору, и государь бы пожаловаль, велѣлъ его изъ подъ начала свободить и быти въ монастырѣ, гдѣ государь укажетъ“ ⁴⁰⁾). Неудивительно, если Никонъ, основываясь на свидѣтельствѣ соловецкихъ иноковъ о правотѣ Арсенія послѣ трехлѣтняго его испытанія, лишь

³⁹⁾ Правосл. Собесѣдникъ 1858 г., III, 328—353.

⁴⁰⁾ Эта челобитная Арсенія Грека такъ же помѣщена въ выпискѣ, или справкѣ о немъ, какая послана была въ 1666 г. изъ посольскаго Приказа во властиамъ на патриаршій дворъ (Моск. главн. арх. М. И. Д. глба Греч.. Связк. 44, № 34).

только сдѣлался патріархомъ, рѣшился съ соизволенія государя, вызвать Арсенія къ себѣ, какъ чловека ученаго, правовѣрнаго и способнаго послужить своими знаніями на пользу церкви; далъ ему келлію въ своемъ патріаршемъ домѣ, сдѣлалъ его бібліотекаремъ своей патріаршей бібліотеки и однимъ изъ справщиковъ и переводчиковъ книгъ съ греческаго языка. А Нероновъ, можетъ быть, не зная объ этомъ свидѣтельствѣ о правовѣрїи Арсенія, или по одному лишь озлобленію противъ Никона, уже въ 1654 г. ставилъ ему въ укоръ, зачѣмъ онъ взялъ къ себѣ въ справщики книгъ Грека Арсенія, котораго патріархъ Паисій назвалъ будто бы еретикомъ ⁴¹). Надобно присовокупить, что, для удобнѣйшаго наблюденія за печатаніемъ новонаправленныхъ книгъ, царь приказалъ еще въ 1654 г. передать печатный дворъ, со всѣми его учрежденіями и справщиками книгъ, доселѣ находившійся въ вѣдѣніи приказа Большаго дворца, патріарху Никону въ его непосредственное и полное распоряженіе ⁴²).

Весьма важнымъ обстоятельствомъ для Никона, въ дѣлѣ исправленія книгъ, послужило послѣдовавшее тогда прибытіе въ Москву двухъ новыхъ патріарховъ: антиохійскаго Макарія и сербскаго Гавріила. Макарій еще въ 1653 г., отъ 15-го марта, писалъ царю Алексѣю Михайловичу, что прибылъ въ Молдавію и проживаетъ у молдованскаго воеводы Іоанна-Василія, а послѣ Пасхи, если дастъ Богъ здоровье, намѣренъ отправиться въ Россію, почему и просилъ, что-

⁴¹) Никонъ отвѣчалъ Неронову: „лгутъ де на него (Арсенія Грека); то де на него солгали, по ненависти, троицкой старецъ Арсеній Сухановъ, что въ Сергіевѣ монастырѣ кедарь, когда посланъ былъ по государеву указу и по благословенію Іосифа патріарха въ Іерусалимъ и въ прочія государства“ (Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 64. 150).

⁴²) Румянцев. Древн. знанія моск. печати. двора. стр. 33, прим. 69.

бы государь разрѣшилъ ему это и приказалъ путивльскимъ воеводамъ принять его и проводить къ Москвѣ. Въ февралѣ слѣдующаго года въ Москвѣ получена была вѣсть, что патриархъ Макарій находился уже въ мутьянской землѣ у воеводы Матѳея, что туда же прибылъ патриархъ сербскій и болгарскій, архіепископъ пекскій Гавріиль, и оба патриарха живутъ въ одномъ монастырѣ. Здѣсь они познакомились и положили между собою, чтобы прежде ѣхалъ къ царю сербскій патриархъ ⁴³). Къ 1-му мая 1654 г. онъ уже пріѣхалъ въ Путивль, и называя себя ватопедскаго вознесенскаго монастыря архіепископомъ, патриархомъ сербскимъ и болгарскимъ, объявилъ, что ѣдетъ въ Москву за милостынею по жалованной граматѣ царя Михаила Ѳеодоровича, данной означенному монастырю еще въ 1641 г., почему немедленно и былъ отпущенъ изъ Путивля въ Москву воеводою Степаномъ Пушкинымъ. Но когда извѣстіе объ этомъ получено было въ Москвѣ, то отсюда посланъ былъ путивльскому воеводѣ указъ, чтобы онъ впредь никого изъ греческихъ властей въ Москву не пропускалъ, потому что государя нѣтъ въ Москвѣ, онъ пошелъ на войну противъ своего недруга, польскаго короля, а на встрѣчу сербскому патриарху Гавриилу отправленъ былъ толмачъ посольскаго приказа Аѳанасій Букаловъ, чтобы остановить его и воротить въ Путивль. Изъ Путивля Гавріиль обратился съ просьбою къ патриарху Никону и только по его ходатайству получилъ позволеніе ѣхать въ Москву, куда и прибылъ къ 28-му мая. Затѣмъ 5-го іюня въ посольскомъ приказѣ патриархъ Гавріиль объявилъ, что въ области его

⁴³) Москов. главн. архив. М. П. Д., дѣла Греч., связк. № 34; связк. 32, № 8.

было 8 митрополитовъ и 32 епископа; выѣхалъ онъ изъ своей земли отъ насилія невѣрныхъ на житье въ Россію, и теперь мѣсто его никѣмъ не занято; привезъ онъ съ собою грамоты къ царю и патріарху Никону отъ антиохійскаго патріарха Макарія и отъ гетмана Хмельницкаго, да кромѣ того привезъ письменные книги—Типикъ и Сборникъ патріарха цареградскаго Михаила Кавасилы на латинскую ересь, да житія и повѣсти св. сербскихъ царей и патріарховъ, съ цѣлю, не найдетъ ли патріархъ Никонъ полезнымъ напечатать эти книги; еще привезъ три книги, которыми кланяется патріарху Никону: свитокъ житій святыхъ сербскихъ, тетради Кирилла философа и учителя Славянъ и книгу Св. Василия великаго съ тремя напечатанными литургіями. Государя въ Москвѣ Гавріиль дѣйствительно уже не засталъ; а черезъ полтора мѣсяца съ небольшимъ, по случаю открывшагося въ Москвѣ мороваго повѣтрія, удалился изъ нея и Никонъ съ царскимъ семействомъ. Гавріилу пришлось здѣсь быть свидѣтелемъ того страшнаго опустошенія, какое произвела свирѣпствовавшая эпидемія. Въ числѣ другихъ жертвъ, она похитила и многихъ изъ духовенства, такъ что нѣкоторыя церкви оставались безъ пѣнія. За отсутствіемъ Никона, стали обращаться съ просьбами къ сербскому первосвятителю, чтобы онъ ставилъ новыхъ поповъ и діаконовъ. Онъ отнесся къ Никону, и Никонъ прислалъ ему (въ декабрѣ 1654 г.) грамоту, которою уполномочивалъ его рукополагать ставленниковъ въ попы и діаконы согласно съ дѣйствовавшими въ Москвѣ патріаршими указами⁴⁴). Къ 20 числу іюля того же 1654 года прибылъ въ Путивль и антиохійскій патріархъ Макарій и чрезъ нѣсколько

⁴⁴) Тамъ же связк. 32, № 15.

дней отправился далѣе. Но когда онъ проѣхалъ уже Калугу, его встрѣтилъ присланный изъ Москвы переводчикъ посольскаго приказа Иванъ Боярчиковъ, объяснилъ ему, что въ столицѣ свирѣствуетъ повѣтріе, и отъ имени государя просилъ остановиться на время въ Коломнѣ, а между тѣмъ отъ 4 августа государь далъ указъ приготовить въ Коломнѣ для помѣщенія антиохійскаго патріарха и его свиты „коломенскаго епископа дворъ“ и давать патріарху и его свитѣ „хлѣбные и рыбные запасы изъ запасовъ коломенскаго епископа“. Прожить въ Коломнѣ патріарху пришлось болѣе пяти мѣсяцевъ. И такъ какъ въ городѣ этомъ не было тогда своего епископа (Павелъ былъ уже сосланъ въ заточеніе) то патріархъ Макарій часто совершалъ службы въ коломенскихъ церквахъ, а по прекращеніи эпидеміи, которая опустошила и Коломну съ ея округомъ, рукоположилъ многихъ священниковъ и діаконовъ для коломенской епархіи. Въ Москву прибылъ Макарій только 2 февр. 1655 г., за восемь дней до возвращенія въ нее государя изъ литовскаго края. По назначенію царя Алексѣя Михайловича, оба патріарха представлялись ему въ одинъ и тотъ же день — 12 февраля. Сначала представлялся антиохійскій Макарій, и принятъ былъ въ золотой палатѣ съ величайшими почестями, какъ прежде принимались іерусалимскіе патріархи Паисій и Теофанъ, и тутъ же получилъ отъ государя разрѣшеніе идти для представленія къ патріарху Никону. Послѣ Макарія представился государю и патріархъ сербскій Гавріиль; но принятъ былъ такъ, какъ прежде принимались митрополиты и архіепископы, и такіе же получилъ отъ государя дары, а затѣмъ пошелъ также явиться Никону и еще засталъ у него Макарія. Здѣсь, всѣ трое вмѣстѣ, приглашены были они къ царскому столу, по случаю бывшихъ въ тотъ день именинъ

царевича Алексѣя Алексѣевича. Антиохійскому патриарху, естественно, оказывали у насъ полное предпочтеніе предъ сербскимъ, такъ какъ послѣдній не былъ признаваемъ въ патриаршемъ достоинствѣ всею восточною церковію. Оба патриарха, антиохійскій и сербскій, оставались у насъ долго; оба, съ позволенія государя, путешествовали въ троице-сергіевъ и другіе монастыри, а такъ же въ Новгородъ; оба весьма часто приглашаемы были Никономъ совершать съ нимъ богослуженія. Но, — самое важное, — оба, особенно же антиохійскій, послужили Никону, какъ могли, въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ ⁴⁵⁾.

Случай къ тому скоро представился. Настала недѣля православія. Богослуженіе въ этотъ день совершалось въ успенскомъ соборѣ съ необыкновенною торжественностію. Въ немъ участвовали три патриарха, московскій, антиохійскій и сербскій, пять другихъ русскихъ архіереевъ и множество архимандритовъ, игуменовъ и прочаго духовенства. Храмъ былъ переполненъ мо-

⁴⁵⁾ О приѣздѣ антиох. патр. Макарія въ Россію и о назначеніи ему временнаго пребыванія въ Коломнѣ, тамъ же связк. 32, № 21. А о пребываніи его въ Коломнѣ и потомъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи — подробное сказаніе оставилъ сынъ его, архидіаконъ Павелъ аленскій въ книгѣ: „Путешествіе Макарія, антиох. патриарха“, напечатанной въ англійскомъ переводѣ въ Лондонѣ 1836 г., въ двухъ томахъ. Павелъ аленскій, который вообще, кажется, нѣсколько преувеличиваетъ то уваженіе, какое оказывали въ Москвѣ его отцу, патр. Макарію, говоритъ, что онъ принять былъ царемъ даже съ большими почестями, чѣмъ принимались прежніе патриархи, и это доказываетъ особенно тѣмъ, что прежде на встрѣчу іерусалим. патриарху Пансію царь сошелъ съ трона только на третью ступень, а теперь прошелъ значительное пространство для встрѣчи патр. Макарія, и когда отпуская Пансію, то не шелъ съ нимъ и не велъ его подъ руки до дверей, какъ поступилъ съ Макаріемъ, и проч. (кн. VIII, отд. 3 въ т. I, стр. 373—386). Въ слѣдующемъ отдѣленіи той же книги Павелъ говоритъ о приѣмѣ царемъ сербскаго патр. Гавріила, о представленіи обоихъ патриарховъ, Макарія и Гавріила, патр. Никону, и подробно описываетъ царскій обѣдъ, въ которомъ всѣ они участвовали (т. I, стр. 386—394). См. такъ же Дворц. Разряды, III, 457—458.

лящимися, въ числѣ которыхъ находился и самъ царь. Когда литургія окончилась, вмѣстѣ съ обрядомъ православія, происходившимъ тотчасъ послѣ трисвятаго, патріархъ Никонъ, сопровождаемый духовенствомъ, вышелъ на амвонъ, гдѣ уже приготовленъ былъ аналой. „Одинъ изъ діаконовъ, — какъ описываетъ очевидецъ событія, Павелъ алепскій, словами котораго мы и воспользуемся, — открылъ предъ патріархомъ книгу бесѣдъ, изъ которой онъ и началъ читать бесѣду, соответствующую дню, о поклоненіи св. иконамъ. А прочитавъ ее всю отъ начала до конца, присоединилъ къ ней еще собственныя объясненія и увѣщанія очень обширныя: онъ говорилъ противъ новыхъ иконъ. Нѣкоторые московскіе живописцы, мало по малу, при писаніи иконъ, переняли манеру польскихъ и франкскихъ живописцевъ, и иконы, написанныя такимъ образомъ, назывались новыми. Никонъ, будучи великимъ ревнителемъ и до крайности любя греческіе обряды, послалъ своихъ людей, которые и позабрали иконы новаго письма отовсюду, гдѣ ихъ ни находили, даже изъ домовъ самихъ знатныхъ сановниковъ, и принесли къ патріарху. Это происходило въ прошлое лѣто (т. е. 1654 г.), въ отсутствіе царя, до появленія мороваго повѣтрія. Никонъ приказалъ своимъ служителямъ выколоть глаза у собранныхъ новыхъ иконъ и въ такомъ видѣ носить ихъ по городу и объявлять царскій указъ, угрожавшій строгимъ наказаніемъ тѣмъ, кто впредь осмѣлится писать подобныя иконы. Москвитяне, весьма приверженные къ иконамъ, какъ бы онѣ ни были написаны..., увидя это, пришли въ сильное негодованіе и говорили, что патріархъ тяжко погрѣшилъ. Осыпая его бранью, они дѣлали сходбища, на которыхъ прямо называли его иконоборцемъ. Когда же, при такомъ настроеніи умовъ, обнаружилась моровая язва и случилось солнечное

затмѣніе, то всѣ стали говорить, что это наказаніе Господне за нечестіе патріарха, ругающагося надъ св. иконами. Озлобленіе на Никона было такъ велико, что покушались даже убить его... Теперь, когда царь находился уже въ Москвѣ и присутствовалъ въ церкви, патріархъ смѣло повелъ рѣчь противъ новыхъ иконъ и пространно доказывалъ, что писать иконы по франкскимъ образцамъ незаконно. При этомъ, указывая на нѣкоторыя новыя иконы, вынесенныя къ аналою, ссылаясь на нашего владыку патріарха во свидѣтельство того, что иконы тѣ написаны не по греческимъ, а по франкскимъ образцамъ. Затѣмъ оба патріарха предали анаѳемѣ и церковному отлученію всѣхъ, кто впредь будетъ писать или держать у себя въ домѣ франкскія иконы. Причемъ Никонъ бралъ одну за другою подносимыя ему новыя иконы и, каждую показывая народу, бросалъ на желѣзный полъ съ такою силою, что иконы разбивались, и, наконецъ, велѣлъ ихъ сжечь. Тогда царь, человѣкъ въ высшей степени набожный и богобоязненный, слушавшій въ смиренномъ молчаніи проповѣдь патріарха, тихимъ голосомъ сказалъ ему: „нѣтъ, батюшка, не вели ихъ жечь, а лучше прикажи зарыть въ землю“. Такъ и было поступлено. Каждый разъ, когда Никонъ бралъ въ руки какую-либо изъ незаконныхъ иконъ, онъ приговаривалъ: эта икона взята изъ дому такого-то вельможи, сына такого-то (все людей знатныхъ). Онъ хотѣлъ пристыдить ихъ всенародно, чтобы и другіе не слѣдовали ихъ примѣру“. Можно судить, до какой степени должна была поразить присутствовавшихъ въ церкви проповѣдь Никона, сопровождавшаяся такими дѣйствіями и свидѣтельствомъ антиохійскаго патріарха. Но Никонъ этимъ не ограничился: вслѣдъ за проповѣдію противъ новыхъ иконъ, онъ началъ проповѣдь еще противъ другаго новше-

ства, противъ двуперстнаго крестнаго знаменія. „Онъ говорилъ,—продолжаетъ Павелъ алеппскій,—съ такимъ же жаромъ, какъ прежде, о томъ, что москвитяне неправильно полагають на себѣ знаменіе креста: крестясь, они складывають персты руки не такъ, какъ складываемъ мы, а какъ святители благословляють. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, Никонъ опять сослался на нашего владыку: онъ-то и сказалъ Никону еще прежде, что не такъ слѣдуетъ креститься, какъ крестятся москвитяне. Владыка нашъ, призванный теперь Никономъ во свидѣтеля, обратившись къ народу, сказалъ черезъ переводчика: „въ Антиохіи, а не въ другомъ мѣстѣ, послѣдователи Христа начали, въ первый разъ, называться христіанами, и оттуда пошли всѣ церковные обряды. Но ни тамъ, ни въ Александріи, ни въ Константинополѣ, ни въ Іерусалимѣ, ни на горѣ Синаѣ, ни на св. горѣ, ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи, ни у козаковъ, никто не крестится такъ, какъ вы, а всѣ согласно употребляютъ иное перстосложеніе“ ⁴⁶⁾).

Прошло уже болѣе восьми мѣсяцевъ, какъ отправлено было Никономъ, съ Мануиломъ Грекомъ, посланіе къ цареградскому патріарху Паисію по вопросамъ церковнымъ; но отвѣта не было. Въ Москвѣ могли подумать, что или посланіе не доставлено по назначенію, при затруднительности тогдашнихъ сообщеній съ Константинополемъ, или самъ Паисій уже сверженъ съ кафедры, при тогдашней постоянной смѣнѣ цареградскихъ патріарховъ. Какъ бы, впрочемъ, ни было, только Никонъ рѣшился, не дождавшись отвѣта изъ Царьграда, созвать въ Москвѣ новый соборъ. Объ этомъ соборѣ сохранилось два современныхъ,

⁴⁶⁾ *Ивол. алеппск.* Путеш. Макарія, ант. патріарха, кн. IX, отд. 12, въ т. II, 48—51.

хотя и весьма краткихъ, сказанія. Первое принадлежить архидіакону Павлу атепскому и драгоцѣнно потому особенно, что ясно обозначаетъ время, когда происходилъ соборъ. Соборъ происходилъ, по свидѣтельству Павла, впродолженіе пятой седмицы великаго поста (которая въ 1655 г. обнимала числа съ 25 по 31 марта). И это свидѣтельство тѣмъ несомнѣннѣе, что Павелъ велъ какъ бы дневникъ событий, болѣе или менѣе касавшихся его отца, патріарха Макарія, со времени прибытія его въ Москву, и описалъ въ своемъ сочиненіи какъ то, что случилось замѣчательнаго прежде этой пятой седмицы великаго поста, такъ и то, что совершилось послѣ. О самомъ соборѣ Павелъ передаетъ слѣдующее: „соборъ созванъ былъ по тому случаю, что нашъ владыка (Макарій) обратилъ вниманіе Никона на разныя новины и недостатки въ ихъ церковныхъ обрядахъ. Ибо русскіе а) совершаютъ литургію не на антиминосѣ, какъ мы, съ изображеніями и частицею св. мощей, а просто на кускѣ бѣлаго холста; б) изъ просфоры, назначенной для Агнца, вынимаютъ не девять частицъ, а только четыре; в) въ символѣ вѣры дѣлаютъ ошибочныя измѣненія; г) прикладываются къ иконамъ только разъ или два въ году; е) не раздаютъ въ церкви антидора; ж) ошибочно творятъ знаменіе креста, слагая для того персты не такъ, какъ должно; з) ошибочно думаютъ о крещеніи Поляковъ, полагая, что ихъ нужно во второй разъ крестить (при обращенія въ православіе). На этомъ же соборѣ были разсматриваемы и другіе недостатки въ (русскихъ) обрядахъ и церемоніяхъ. Патріархъ московскій вообще много слушался совѣтовъ нашего владыки, и въ настоящемъ случаѣ перевелъ съ греческаго языка на русскій служебникъ такъ хорошо и съ такими поясненіями, что, кажется, и дѣти могли понимать те-

перь смыслъ греческихъ обрядовъ. Этого перевода Никонъ напечаталъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ и разослалъ ихъ по всѣмъ церквамъ страны. Велѣлъ также напечатать болѣе 15.000 антиминсовъ съ свящ. изображеніями, и, вложивъ въ нихъ частицы св. мощей, разослалъ по всѣмъ церквамъ... Въ заключеніе отцы собора объявили, что вторичное крещеніе Поляковъ незаконно, опираясь на мнѣніе нашего владыки патріарха и на постановленія, заключающіяся въ евхологіѣ и помоканонѣ: такъ какъ Поляки вѣруютъ и крещаются во св. Троицу, и не на столько разнятся отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, наприм. Шведы, Англичане, Венгры и другія франкскія секты, которыя не соблюдаютъ постовъ, не покланяются иконамъ, не творятъ на себѣ крестнаго знаменія и проч. Никонъ, любя все греческое, съ жаромъ принялся за такія исправленія и говорилъ на соборѣ присутствовавшимъ архіереямъ, настоятелямъ монастырей и пресвитерамъ: „я самъ русскій, и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія греческія“. На это нѣкоторые изъ членовъ высшаго духовенства съ покорностію отвѣчали: „вѣра, дарованная намъ Христомъ, ея обряды и таинства, все это пришло къ намъ съ востока“. Но другіе, — такъ какъ во всякомъ народѣ бывають люди упрямые и непокорные, — молчали, скрывая свое неудовольствіе, и говорили въ самихъ себѣ: „не хотимъ дѣлать измѣненій ни въ нашихъ книгахъ, ни въ нашихъ обрядахъ и церемоніяхъ, принятыхъ нами изстари“. Только эти недовольные не имѣли смѣлости говорить открыто, зная, какъ трудно выдержать гнѣвъ патріарха, какъ поступилъ онъ съ епископомъ коломенскимъ, котораго сослалъ въ заточеніе. Согласившись съ мнѣніемъ собора о незаконности перекрещиванія Поляковъ, Никонъ тутъ же передалъ нашему владыкѣ патріарху шесть

священниковъ, приведенныхъ въ плѣпъ изъ Польши⁴⁷. какъ видно изъ описанія, уніатскихъ, которыхъ потомъ антиохійскій первосвятитель и присоединилъ всѣхъ къ православной церкви не чрезъ крещеніе, а чрезъ миропомазаніе⁴⁷).

Другое современное сказаніе объ этомъ московскомъ соборѣ находится въ предисловіи къ Служебнику, напечатанному патриархомъ Никономъ. Здѣсь говорится, что на соборѣ присутствовали три патриарха, московскій Никонъ, антиохійскій Макарій и сербскій Гавріиль „съ митрополиты и архіепископы, со архимандриты и игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ“. Ни о царѣ, ни о епископахъ не упомянуто: потому что царь не задолго до собора, 11-го марта, въ воскресенье второй седмицы великаго поста, уѣхалъ на войну; а епископъ единственной тогда у насъ епископіи—коломенскій Павелъ еще въ прошломъ году былъ низложенъ и сосланъ въ заточеніе, преемникъ же ему еще не былъ назначенъ⁴⁸). Далѣе говорится, что на соборѣ занимались разсмотрѣніемъ древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописныхъ книгъ, къ которымъ антиохійскій патриархъ Макарій присовокупилъ и свой служебникъ и другія книги, — и „обрѣтоша древнія греческія съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующая; въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славянскими древними, многая несогласія и погрѣшенія“. Необходимо допустить, что хотя соборъ продолжался и цѣлую недѣлю, но такое сличеніе древнихъ книгъ съ новопечатными московскими сдѣлано было не на

⁴⁷) *Павл. александрск.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. 10, въ т. II, 85—86.

⁴⁸) *Объ отъѣздѣ Государя на войну—Дворц. Разряд.* III, 459 — 461. О низложеніи и заточеніи Павла коломенскаго см. выше прилѣч. 24.—27 и самый текстъ, къ которому они относятся.

самомъ соборѣ, а предварительно было подготовлено учеными справщиками Елиѳаніемъ Славеницкимъ, Арсеніемъ Грекомъ и другими, на соборѣ же было только прочитано или показано отцамъ и провѣрено ими. Наконецъ говорится, что соборъ, избравши изъ всѣхъ книгъ одну—Служебникъ и „во всемъ справя и согласну сотвори древнимъ греческимъ и славенскимъ“, велѣлъ напечатать ее въ Москвѣ и вмѣстѣ узаконилъ: исправить, согласно съ древними греческими и славянскими книгами, и прочія богослужебныя книги, въ которыхъ обрѣтаются погрѣшности. Разумѣется, что и исправленіе Служебника было подготовлено прежде справщиками, а на соборѣ только рассмотрѣно, провѣрено и одобрено. Но справедливость требуетъ замѣтить, что въ изложенномъ нами сказаніи о соборѣ 1655 г. допущена хронологическая ошибка, именно говорится, будто соборъ происходилъ уже послѣ того, какъ царемъ и Никономъ получено было отвѣтное соборное посланіе отъ цареградскаго патріарха Паисія на посланные ему вопросы, и будто это посланіе было даже прочитано, при открытіи собора, вмѣстѣ съ уложеніемъ московскаго собора 1654 года. Этого не могло быть, потому что, какъ сейчасъ увидимъ, означенное посланіе было доставлено въ Москву спустя болѣе мѣсяца по окончаніи разсматриваемаго нами собора. Вообще, составитель предисловія къ никоновскому служебнику, которое, вмѣстѣ съ служебникомъ, было напечатано уже по полученіи соборнаго посланія отъ патріарха Паисія, стараясь съ возможною краткостію изложить все начавшееся дѣло исправленія церковныхъ книгъ, мало заботился о хронологической точности, и не вездѣ соблюлъ порядокъ событій: говорить, наприм., будто царь и Никонъ, только получивъ и прочитавъ соборное посланіе или дѣяніе отъ патріарха Паисія, „изволиша“ отправить

старца Арсенія Суханова на аеонскую гору за греческими книгами, между тѣмъ какъ Арсеній посланъ былъ туда еще въ началѣ 1654 г., а въ началѣ 1655 г. уже возвратился въ Москву⁴⁹⁾.

⁴⁹⁾ Предисловіе къ Служебнику патр. Никона перепечатано сполна—въ Дополненіи къ описанію старопеч. книгъ Гр. Толстова и купца Царскаго, изд. Строевымъ, № 89. Есть и третье сказаніе о московскомъ соборѣ 1655 г., заимствованное будто бы изъ рукописной повѣсти 1668-го года, переходящей, въ коняхъ, изъ руки въ руки между глаголемыми старообрядцами. Оно помѣщено въ книжцѣ, составленной Павломъ Бѣлокриницкимъ и напечатанной, безъ означенія мѣста и времени печатанія, подъ заглавіемъ: „III часть, церковной исторіи“. Здѣсь говорится, во-первыхъ, будто Никонъ обращался съ своими вопросами ко всемъ восточнымъ патріархамъ, подкупилъ ихъ, нищенствующихъ, богатыми дарами, чтобы склонить на свои нововозмысленныя преланія, и, получивъ отъ патріарховъ отвѣтныя грамоты согласно своему желанію открылъ соборъ 1655 г., и на немъ въ первомъ же засѣданіи объявилъ эти отвѣтныя грамоты патріарховъ (стр. 28—37). Но Никонъ—а) вовсе не обращался съ своими вопросами ко всемъ восточнымъ патріархамъ, а обратился только къ одному патріарху цареградскому Паисію съ его соборомъ,—и б) открылъ въ Москвѣ соборъ 1655 года прежде, нежели получилъ отвѣтную грамоту отъ Паисія. Говорится, во-вторыхъ, будто на этомъ соборѣ епископъ Павелъ коломенскій цѣлѣхъ два засѣданія состязался съ Никономъ и защищалъ противъ него непричастность Пресв. Дѣвы Богородицы первородному грѣху, стоголавый соборъ, сугубую аллилую, трисоставный крестъ, имя Ісусъ, седмипрофгоріе, двунерстіе для крестнаго знаменія и проч.; — а) Павелъ коломенскій вовсе не присутствовалъ и не могъ присутствовать на соборѣ 1655 года, потому что, какъ мы видѣли, еще въ 1654 году былъ лишенъ сана и посланъ въ заточеніе; б) Никонъ вовсе не возбуждалъ вопросовъ ни о причастности Пресв. Дѣвы Богородицы первородному грѣху, ни о стоголавомъ соборѣ: по крайней мѣрѣ, объ этомъ ни откуда неизвѣстно; в) тѣ длинныя рѣчи противъ Никона, которыя будто бы говорилъ на соборѣ Павелъ, судя по складу ихъ и особливо по языку, не могли ему принадлежать, но свойственны только грамотѣю нѣтъшняго времени, въ чемъ легко убѣдиться изъ чтенія этихъ рѣчей; а если бы дѣйствительно Павломъ были произнесены такія длинныя и искусственныя рѣчи, ихъ бы никто изъ слышавшихъ не могъ запомнить въ точности, чтобы потомъ записать на бумагѣ. Говорится, въ третьихъ, будто Павла коломенскаго поддерживалъ на соборѣ, между прочимъ, Александръ епископъ вятскій (стр. 49. 67). Но—а) вятской епархіи тогда еще не существовало: она открыта только въ октябрѣ 1656 года, какъ видно изъ подлиннаго документа (Матер. для истор. раскола, I, 8—14); б) Александръ не былъ еще тогда епископомъ: онъ рукоположенъ во епископа коломенскаго, спустя два мѣсяца послѣ этого

Къ 1-му мая 1655 года пріѣхаль въ Путивль Грекъ Мануиль Константиновъ, тотъ самый, съ которымъ въ прошломъ году послана была изъ Москвы грамота къ цареградскому патріарху Паисію по церковнымъ вопросамъ. Изъ Путивля Мануиль поспѣшилъ въ Смоленскъ, чтобы представиться находившемуся тамъ государю, а оттуда прибылъ въ Москву, и 15-го мая въ посольскомъ приказѣ показалъ: послалъ его, Мануила, къ государю царю Алексѣю Михайловичу и къ святѣйшему патріарху Никону цареградскій патріархъ Паисій „съ грамотами и соборною книгою и о надобныхъ государевыхъ дѣлѣхъ съ изустнымъ приказомъ“. Выѣхаль онъ изъ Царяграда въ 27 день минувшаго декабря (т. е. 1654 г.), и хотя патріархъ велѣлъ ему ѣхать на спѣхъ, но „за воинскими людьми ему поспѣшить было не мочно“, и проч. Грамота Паисія къ царю, которую привезъ Мануиль, писана была 20 декабря 1654 года. Въ ней, послѣ обычныхъ привѣтствій, Паисій сначала извѣщалъ царя, что „получилъ грамоту отъ святѣйшаго Никона и отъ священнаго собора каѳолическія церкви съ вопросами о томъ, что потребно для православныхъ христіанъ“. Затѣмъ просилъ у царя извиненія, что „о церковныхъ потребахъ, о которыхъ писалъ святѣйшій Никонъ, позабѣшкалъ: вскорѣ учинить то было невозможно одному, безъ священнаго собора, а архіереи, по дальности разстояній, скоро прійдти не могли“. Наконецъ говорилъ: „какъ только свящ. соборъ къ намъ сошелся, мы то святое дѣло о церковныхъ потребахъ разсудили и совершили, и теперъ посылаемъ того же Мануила къ

собора, 3-го іюня 1655 года, по свидѣтельству очевидца (*Пала алетск.* Путешест. Макарія, кн. XI, отд. 6, въ т. II, 130). Вотъ такими-то исторіями-баснями обманываютъ неграмотный или малограмотный народъ, чтобы возбуждать въ немъ ненависть къ патріарху Никону и начатому имъ дѣлу исправленія церковныхъ книгъ.

вамъ „съ вашими царскими и святительскими потребами“⁵⁰⁾. Изъ этихъ подлинныхъ и несомнѣнныхъ документовъ очевидно, что отвѣтное посланіе патріарха Паисія, или точнѣе—соборное дѣяніе, соборная книга, было получено въ Москвѣ только 15 мая 1655 г., слѣд. спустя полтора мѣсяца послѣ московскаго собора, происходившаго въ концѣ марта. Впрочемъ, хотя посланіе Паисія получено въ Москвѣ и послѣ означеннаго собора, оно отъ того нисколько не потеряло своей силы и значенія. Оно послужило, съ одной стороны, новымъ подкрѣпленіемъ и оправданіемъ рѣшеній этого собора, а съ другой—новою опорой и побужденіемъ для Никона къ ревностному продолженію начатаго имъ дѣла. И потому заслуживаетъ полнаго нашего вниманія.

Посланіе свое цареградскій патріархъ Паисій, послѣ братскаго привѣтствія патріарху Никону, началъ слѣдующими словами: „Мы много благодарили и каждый день благодаримъ Бога послѣ того, какъ получили грамоты твоего преблаженства чрезъ возлюбленнаго сына нашего Мануила. Изъ нихъ мы узнали твое величайшее благоговѣніе къ Богу и пламенную ревность, какую имѣешь ты относительно предметовъ нашей православной вѣры и чиновъ нашей церкви. И это соединяешь ты,—какъ свидѣтельствуешь общая молитва приходящихъ изъ вашей страны,—съ крайнею разсудительностію и благоразуміемъ, съ безупречнымъ смиренномудріемъ и всякими другими благими дѣйствіями, какія украшаютъ истиннаго пастыря овецъ Христовыхъ. Да будетъ препрославлено во вѣки имя

⁵⁰⁾ Моск. главн. архив. мин. иностр. Дѣлъ, дѣла греч., Связк. 33, № 14. Въ концѣ этого дѣла упоминается, что когда царь, отпуская въ концѣ августа Мануила Грека, послалъ съ нимъ патріарху Паисію соборными на 300 руб. и царина—такъ же на 300 руб., то и отъ Никона къ Паисію была какая-то посылка и грамота.

Господа нашего Иисуса Христа, что Онъ изъ рода въ родъ воздвигаетъ людей достойныхъ служить назиданію Его церкви и благоустроенію Его стада. Да соблюдетъ тебя благодать Его на многія лѣта, да пасешь овецъ твоихъ какъ началъ, до конца, и да представишь стадо твое непорочнымъ пастыреначальнику Иисусу. Такимъ мы признаемъ тебя, и съ радостію отвѣчаемъ на твои вопросы, по благодати, какую благоволилъ подать намъ Духъ Святой, Котораго призываемъ всегда на всякое наше начинаніе. Но только молю твое преблаженство, что, если какой либо отвѣтъ нашъ покажется вамъ въ началѣ несогласующимся съ вашими обычаями, то не смущайтесь, а напишите къ намъ снова, чтобы узнать нашу мысль, да будемъ всегда соединены, какъ во единой вѣрѣ и во единомъ крещеніи, такъ и во единомъ исповѣданіи, говоря всегда одно и тоже едиными устами и единымъ сердцемъ и не разнясь между собою ни въ чемъ... Вижу изъ граматъ твоего преблаженства, что ты сильно жалуешься на несогласіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ, замѣчаемое въ помѣстныхъ церквахъ, и думаешь, не вредятъ ли разные обряды нашей вѣрѣ. Хвалимъ мысль: ибо кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ. Но исправляемъ опасеніе: ибо мы имѣемъ повелѣніе апостола бѣгать только еретиковъ, по первомъ и второмъ наказаніи, какъ развращенныхъ (Тит. 3, 11), равно и раздорниковъ, которые, хотя кажутся согласующимися съ православными въ главныхъ догматахъ, имѣютъ однакожъ свои особенныя ученія, чуждыя общему вѣрованію церкви. Но если случится какой-либо церкви разнствовать отъ другой въ нѣкоторыхъ уставахъ, не необходимыхъ и несущественныхъ въ вѣрѣ, т. е. касающихся не главныхъ членовъ вѣры, а вещей маловажныхъ, каковы: время служенія литургій,

или какими перстами долженъ благословлять священникъ и под.; то это не дѣлаетъ никакого раздѣленія между вѣрующими, лишь-бы только непреложно сохранялась одна и та же вѣра. Церковь наша не отъ начала приняла весь тотъ уставъ чинопослѣдованій, какой содержитъ нынѣ, а мало по малу. Прежде, какъ говоритъ св. Епифаній кипрскій, читали въ церкви одиннадцать псалмовъ, а потомъ больше, и имѣли разные степени постовъ и мясояденій... И прежде святыхъ Дамаскина, Космы (маюмскаго) и иныхъ пѣснотворцевъ мы не пѣли ни тропарей, ни каноновъ, ни кондаковъ. Но такъ какъ во всѣхъ церквахъ непреложно сохранялась одна и та же вѣра, то эта разность въ чинахъ не считалась тогда чѣмъ либо еретическимъ или раздорническимъ. Посему и нынѣ не должно думать, будто извращается наша вѣра православная, если кто либо творитъ послѣдованіе, не много отличное отъ другаго — въ вещахъ несущественныхъ, т. е. не касающихся догматовъ вѣры; только бы въ нужномъ и существенномъ оно было согласно съ соборною церковію“. Выказавъ такимъ образомъ свои общія мысли, какъ смотрѣть на разности въ церковныхъ чинахъ, и указавъ затѣмъ на книгу „Православное Исповѣданіе“, изъ которой можно узнавать, какіе суть нужные и существенные члены нашей вѣры, патріархъ Паисій перешелъ къ изложенію самихъ отвѣтовъ на присланные ему изъ Москвы вопросы. Не будемъ разбирать всѣхъ этихъ отвѣтовъ, а остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые, по тому времени, были наиболѣе важными. Въ первомъ и самомъ обширномъ отвѣтѣ Паисій изъяснилъ кратко не только составъ, но и таинственное знаменованіе того чина божественной литургіи, какой содержался тогда на всемъ востокѣ, и, въ заключеніе, присовокупилъ: „вотъ чинъ, который содер-

жимъ мы въ нашей литургіи, и который, надѣемся, держите и вы. Или, если въ чемъ-либо разнствуете, то согласуйтесь съ нами и вы по этому законоположенію, которое мы неизмѣнно хранимъ, какъ преданное отъ начала, да едиными усты и единымъ сердцемъ прославимъ, обои, единого Бога и Отца и Единороднаго Сына Его Господа нашего Иисуса Христа съ Пресвятымъ Духомъ“. Эту же самую мысль, только нѣсколько подробнѣе, повторилъ цареградскій первосвятитель и въ седьмомъ отвѣтѣ нашему патріарху: „вы пишете о распряхъ, происходящихъ у васъ относительно чина божественнаго тайнодѣйствія. Молимъ именовъ Господа нашего І. Христа, да укротить ихъ преблаженство твое разумомъ твоимъ: ибо *рабу Господню не подобаетъ сваритися* (2 Тимое. 2, 24), особенно въ вещахъ, которыя несущественны въ вѣрѣ и не суть догматы. Увѣщавай всѣхъ принять тотъ чинъ, о которомъ мы пишемъ къ вамъ, который содержится во всей восточной церкви и дошелъ до насъ, по преданію, изначала безъ малѣйшей перемѣны... Какъ древнія наши книги, содержащія литургію Златоустову и Василиеву и обрѣтающіяся въ различныхъ книгохранилищахъ, такъ и новыя не разнствуютъ между собою ни въ чемъ. Но если ваши не согласны съ нашими въ вещахъ нужныхъ, а не въ тѣхъ, которыя уставъ оставляетъ на волѣ настоятеля: пишите къ намъ, и разсудимъ о томъ соборнѣ“. Въ слѣдующихъ двухъ отвѣтахъ, осмомъ и девятомъ, Паисій писалъ: „о епископѣ коломенскомъ Павлѣ и о протопопѣ Іоаннѣ Нероновѣ вы говорите, что они не согласуются съ вами ни касательно книгъ и литургіи, ни касательно крестнаго знаменія, и отвергаютъ наши молитвы, какъ будто онѣ совершаются страха ради человѣческаго, а не страха Божія, и что будто-бы на литургіи патріархъ молится иначе, чѣмъ

другіе іерей... отвѣчаемъ: все это суть признаки ереси и раскола. и кто такъ говорить и вѣруетъ, тотъ чуждъ православной нашей вѣры... Итакъ, или пусть примутъ велицеюмъ все, что держитъ и догматствуетъ наша православная церковь, или, если, по первомъ и второмъ наказаніи, не исправятся, то отвергните и отлучите ихъ отъ овецъ Христовыхъ, да не питаютъ ихъ смертоноснымъ кормомъ, и вы будете имѣть и насъ и весь нашъ соборъ согласными на то. Ибо на какомъ соборѣ и у какого древняго отца они обрѣли, будто молитвы нашей церкви совершаются по челоуѣкоугодію, будто онѣ недостаточны и неудовлетворительны, почему и требуютъ ихъ дополненія? Блюдитесь крѣпко отъ такихъ волковъ: подъ образомъ исправленія, желая, по видимому, исправить недостатки церковные, они ищутъ привести въ нее свои ядовитыя плевелы..., приносятъ къ намъ новины свои и апокрифическія свои молитвы, въ качествѣ исправленій. Потому они должны быть отсѣчены отъ церкви, какъ гнилыя и неисцѣлимые члены, оставаясь нераскаивными; таковыя молитвы ихъ мы считаемъ богохульствомъ, такъ какъ они бросаютъ позорѣніе на молитвы нашихъ святыхъ и пытаются ввести новые порядки, которымъ мы никогда не учились отъ отцевъ, предавшихъ намъ вѣру". На вопросъ (24) о томъ, какими перстами должно христіанину изображать на себѣ крестъ, Писаній отвѣчалъ: „все мы имѣемъ древній обычай, по преданію, креститься тремя первыми перстами, сложенными вмѣстѣ, во образъ св. Троицы, просвѣщеніемъ Которой открыта намъ тайна воплощенія, и мы научены славить единого Бога въ трехъ лицахъ, Отца и Сына и Святаго Духа и да распинаемся на крестѣ вмѣстѣ съ Господомъ нашимъ Іисусомъ, Сыномъ Божиимъ, сошедшимъ съ небесъ и вочеловѣчившимся, и постра-

давшимъ плотію ради нашего спасенія. Представляет- ся это благословнымъ, потому что совокупленіемъ трехъ перстовъ мы воспоминаемъ таинство св. Троицы, и когда изображаемъ на себѣ крестъ Господа, то воспоминаемъ Его страданіе и воскресеніе, и ими и ради ихъ призываемъ отъ Бога помощь“. На вопросъ (25), какими перстами архіерею и іерею преподавать благословеніе христіанамъ, отвѣчалъ: „такъ какъ Богъ съ клятвою обѣщаль Аврааму, да *благословятся вси языцы земли о сѣмени его*, которое есть Іисусъ Христосъ, то церковь благословляетъ всѣхъ, начертывая рукою священническою имя Мессіи: *Іс. Хс.* Какими бы перстами кто ни изображалъ эти четыре буквы, разности не будетъ: только бы и благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что благословеніе нисходитъ отъ Іисуса Христа при посредствѣ руки священнической. Но пристойнѣе слагать персты въ томъ видѣ, въ какомъ живописуютъ самого Христа, т. е. слагать второй и третій персты такъ, чтобы они образовали собою *Іс.*, а первый, четвертый и пятый—такъ, что они представляли *Хс*“. На вопросъ (26-й) о поклонахъ при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина былъ отвѣтъ: „уставъ о поклонахъ, который вы держите, тотъ же самый, который держимъ и мы; разнствуемъ только въ томъ, что мы творимъ сперва три великіе поклона, потомъ двѣнадцать малыхъ, а наконецъ одинъ великій, и бываетъ всѣхъ поклоновъ шестнадцать, а не семнадцать, какъ у васъ“. Посланіе, присланное патріархомъ Пансіемъ въ Москву, заключало въ себѣ рѣшеніе не его одного, а цѣлаго собора, и потому подъ посланіемъ подписались, вслѣдъ за патріархомъ, 24 митрополита, 1 архіепископъ, 3 епископа и нѣсколько другихъ духовныхъ лицъ, занимавшихъ главныя церковныя должности при патріархѣ, въ томъ числѣ извѣстный своею ученостію

учитель великия церкви Мелетій Сиригъ, который, по порученію патріарха и собора, и составилъ это посланіе ⁵¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ Паисій прислалъ нашему патріарху и свое частное письмо, въ которомъ, извѣщая о бывшемъ въ Константинополѣ соборѣ и посылаемыхъ въ Москву соборныхъ отвѣтахъ, просилъ передать эти отвѣты „всѣмъ священнымъ лицамъ, да совершаютъ послѣдованіе и всякое священнодѣйствіе по чину великой (т. е. патріаршей) церкви, да не имѣемъ ни единой разности, какъ истинныя чада одной и той же матери, восточной апостольской и соборной церкви“. Далѣе Паисій писалъ Никону: „здѣсь слышно, что въ вашихъ церковныхъ чинахъ есть и еще нѣкоторыя вещи, несогласныя съ чиномъ великой церкви, и я удивляюсь, какъ ты не спрашиваешь и объ нихъ. И, прежде всего, въ самомъ символѣ св. отцевъ никейскихъ вы будто бы имѣете нѣкоторыя приложенія и слова, которыхъ мы не имѣемъ... Отъ многой любви къ Богу желаемъ, да исправятся всякія разности между нами“. Съ этою дѣлію Паисій прислалъ въ Москву и греческій символъ вѣры, буквально списанный съ того, какой составленъ былъ отцами перваго и втораго вселенскихъ соборовъ ⁵²⁾.

Опредѣленіе московскаго собора, бывшаго въ мартѣ 1655 года, о напечатаніи служебника скоро было исполнено. Въ 31 день августа того-же года служебникъ былъ уже выпущенъ изъ московской типо-

⁵¹⁾ Доселѣ это посланіе патр. Паисія и цареградскаго собора было извѣстно только въ славянскомъ переводѣ, напечатанномъ въ приложеніи къ Свиржали патр. Никона. Но недавно оно открыто въ подлинникѣ и напечатано, какъ въ греческомъ текстѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ (Христіан. чтен. 1881, 1, 303—353. 539—595). Отсюда желающіе могутъ подробнѣе ознакомиться съ содержаніемъ этого важнаго памятника.

⁵²⁾ Это письмо Паисія къ Никону напечатано въ предисловіи къ служебнику, изд. Никономъ.

графіи, а чрезъ одинадцать мѣсяцевъ изданъ вторично. И такъ какъ это была первая новоисправленная книга, то справщики или издатели, конечно, съ соизволенія самого Никона, въ предисловіи къ ней изложили довольно подробную исторію, какъ началось и велось все дѣло о исправленіи нашихъ книгъ, изъ которыхъ первая теперь являлась въ свѣтъ. Но Никонъ желалъ дать православнымъ не только новоисправленный служебникъ или чинъ божественной литургіи, а затѣмъ и другія новоисправленные книги, но желалъ вмѣстѣ дать и толкованіе на литургію и на прочія церковныя священнодѣйствія и обряды, чтобы православные могли лучше понимать таинственный смыслъ ихъ. Потому приказалъ перевести съ греческаго книгу „Скрижаль“, которая, по просьбѣ его, еще въ 1653 г. прислана была ему отъ вселенскаго патріарха Паисія. Книга эта, составленная греческимъ іеромонахомъ Іоанномъ Наѳанаиломъ, переведена на славянскій языкъ однимъ изъ справщиковъ, именно старцемъ Арсеніемъ Грекомъ, и въ октябрѣ 1655 года была окончена печатаніемъ. При Скрижали Никонъ велѣлъ напечатать все посланіе къ нему вселенскаго патріарха Паисія съ отвѣтами константинопольскаго собора относительно нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ: это посланіе служило для Никона главною опорою и оправданіемъ, въ глазахъ всѣхъ православныхъ, въ начатомъ имъ дѣлѣ исправленія книгъ. Велѣлъ такъ же напечатать при той же Скрижали нѣсколько статей по двумъ вопросамъ, считавшимся наиболѣе важными: по вопросу о крестномъ знаменіи и по вопросу о символѣ вѣры. То были—а) слово монаха иподіакона Дамаскина Студита въ недѣлю крестопоклонную: здѣсь, между прочимъ, изложено ученіе о троесперстіи для крестнаго знаменія; б) слово неизвѣстнаго „о еже конми пер-

сти десныя руки изображати крестъ“; здѣсь въ первый разъ довольно подробно опровергается ученіе о двуперстіи, разбираются свидѣтельства Мелетія антиохійскаго, Θεодорита, Максима Грека, и предлагаются убѣжденія православнымъ оставить двуперстіе и креститься тремя перстами; это, можетъ быть, есть то самое слово, которое, какъ мы упоминали, произнесъ Никонъ въ недѣлю православія, въ усупенскомъ соборѣ; в) Николая Малаксы, протоіерея навплійскаго, о сложеніи перстовъ для архіерейскаго и іерейскаго благословенія; г) Максима Грека о неизмѣняемости символа вѣры; д) монаха Зиновія отенскаго— противъ прибавки въ символъ: „истиннаго“..., и вообще о неизмѣняемости символа; е) Нила Кавасилы и другихъ учителей о томъ же, съ прибавленіемъ убѣжденій къ православнымъ не допускать никакихъ измѣненій въ символъ вѣры. Впрочемъ, напечатать книгу „Скрижаль“, съ перечисленными нами приложеніями, еще въ октябрѣ 1655 года, Никонъ не дозволилъ выпускать ее въ свѣтъ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ разсмотрѣна и одобрена соборомъ ⁵³).

Но созваніемъ собора патріархъ не снѣшилъ. На этомъ соборѣ онъ предполагалъ также произнести приговоръ противъ ученія о двуперстіи, которое упорнѣе всего отстаивали его противники, и потому хотѣлъ предварительно испытать, для вразумленія ихъ, еще нѣкоторыя, чрезвычайныя, мѣры. Въ 1656 году, 12 февраля, въ день памяти св. Мелетія антиохійскаго, а вмѣстѣ и святителя московскаго Алексія, въ чудовѣ монастырѣ совершалась праздничная заутреня, на которой присутствовали самъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, патріархи съ другими архіереями и

⁵³ Время напечатанія Скрижали въ октябрѣ 1655 г. обозначено въ предисловіи къ этой книгѣ (стр. 18).

множество народа. Когда въ положенное по уставу время прочитано было изъ Пролога, въ поученіе православному, извѣстное сказаніе о св. Мелетіѣ антиохійскомъ, какъ онъ сначала показалъ народу три перста, и не бысть знаменія, затѣмъ сложилъ два перста и къ нимъ пригнулъ одинъ, и отъ руки его произошелъ огонь, — сказаніе, на которое обыкновенно опираются защитники двуперстія, — тогда Никонъ во всеуслышаніе спросилъ патріарха Макарія, какъ понимать это сказаніе. И Макарій возгласилъ: „ мужіе всего православія, слышите: азъ, преемникъ и наслѣдникъ сего св. Мелетія престолу; вамъ извѣстно, яко сей св. Мелетій *три первыя персты разлучены* показа другъ отъ друга, отъ нихъ же и знаменія не бысть; тыя же паки *три соедини*, ими же и знаменіе показа. И аще кто сими тремя персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити, два послѣднія соединяя съ великимъ пальцемъ, да два великосредняя простерта имѣти, и тѣмъ образъ креста изображати, таковой арменоподражатель есть, арменове бо тако воображаютъ на себѣ крестъ “ ⁵⁴).

Достойно замѣчанія, что Греки первые начали называть у насъ двуперстіе армянскимъ обычаемъ, какъ мы видѣли и изъ преній старца Арсенія Суханова съ Греками о вѣрѣ; а уже вслѣдъ за Греками, которыми Армяне ближе были извѣстны, чѣмъ намъ, такъ начали называть двуперстіе и православные рускіе. Прошло еще двѣнадцать дней; настала недѣля православія (24 февр.). Собрались въ усупенскій соборъ на торжество всѣ находившіеся въ Москвѣ архіереи съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, царь со всѣмъ своимъ синклитомъ и безчисленное множество народа. Въ то

⁵⁴) Объ этомъ случаѣ свидѣтельствуетъ самъ Никонъ въ „Словѣ отвѣщательномъ“, напеч. въ началѣ его Скрижали (л. 10 об. — 11 об.).

яемя, когда начался обрядъ православія, и церковь, ублажая своихъ вѣрныхъ чадъ, изрекала проклятіе сопротивнымъ, два патріарха, антиохійскій Макарій и сербскій Гавріиль, и митрополитъ никейскій Григорій стали предъ царемъ и его синклитомъ, предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и народомъ,—и Макарій, сложивъ три первые великіе перста во образъ Св. Троицы и показывая ихъ, воскликнулъ: „симъ тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаеъ изображати на лицѣ своемъ крестное изображеніе; а иже кто по Θεодоритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ естъ“. То же проклятіе повторили, вслѣдъ за Макаріемъ, сербскій патріархъ Гавріиль и никейскій митрополитъ Григорій ⁵³). Вотъ кѣмъ и когда изречена первая анаѳема на упорныхъ послѣдователей двуперстія. Она изречена не Никономъ, не русскими архіереями, а тремя іерархами—представителями востока. И можно представить, какъ должна была подѣйствовать эта анаѳема на православныхъ, произнесенная въ самое торжество православія. Въ началѣ апрѣля прибылъ въ Москву молдавскій митрополитъ Гедсонъ отъ молдавскаго воеводы Стефана съ просьбою о принятіи молдавской земли подъ русскую державу, и въ Москвѣ, вмѣсто трехъ, было уже четыре восточныхъ святителя. Никонъ рѣшился обратиться ко всѣмъ имъ разомъ съ письменнымъ посланіемъ отъ лица своего и другихъ русскихъ архіереевъ, и, указывая на то, что въ Москвѣ „нѣдци воздвизаютъ прю“ относительно сложенія перстовъ для

⁵³) И объ этомъ см. тамъ же (л. 11 об.—12 об.). Никейскій митрополитъ Григорій прибылъ въ Москву 27-го іюня 1655 г. (Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Греч., Связк. 33, № 24). Слѣд. могъ присутствовать въ Москов. Успенскомъ соборѣ при торжествѣ православія. только въ 1656, а не въ 1655 году.

крестнаго знаменія, и одни крестятся тремя перстами десницы, а другіе двумя, умоляль этихъ святителей возвѣстить, гдѣ истина и какъ слѣдуетъ креститься. Въ отвѣтномъ посланіи Никону, антиохійскій патріархъ Макарій написалъ: „преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ св. апостоловъ, и св. отецъ, и св. седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста съ тремя первыми перстами десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако, по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала вѣры даже до дпесь, есть еретикъ и подражатель арменомъ. И сего ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Св. Духа и проклята: извѣщеніе истины подписахъ своею рукою“. Велѣдъ за антиохійскимъ патріархомъ тоже самое проклятіе повторилъ и подписалъ своею рукою сербскій патріархъ Гавріиль, а за нимъ повторили, каждый особо, и подписали митрополиты, никейскій Григорій и молдавскій Гедeonъ. Это отвѣтное посланіе четырехъ святителей, вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ къ нимъ, Никонъ немедленно велѣлъ напечатать и помѣстить въ качествѣ приложенія къ книгѣ „Скрижаль“³⁶⁾.

Когда такимъ образомъ восточные іерархи, находившіеся въ Москвѣ, изрекли свой приговоръ на крестящихся двумя перстами, не только устно, въ недѣлю православія, но и письменно, Никонъ счелъ благовременнымъ созвать на соборъ своихъ русскихъ архіереевъ, чтобы и они постановили рѣшеніе по тому же вопросу. Соборъ состоялся 23 апрѣля 1656 года. Присутствовали на соборѣ, кромѣ патріарха, три митрополита: новгородскій Макарій, казанскій Корни-

³⁶⁾ Тамъ же л. 9 об.—10. Посланіе напечатано въ прилож. къ скрижали безъ означенія счета листовъ. О времени пріѣзда въ Москву молдавскаго митрополита Гедeона—въ Полн. Собр. законовъ, 1, стр. 384.

лій, ростовскій Іона; четыре архієпископа: вологодскій Маркелль, тверской Лаврентій, астраханскій Іосифъ, псковскій Макарій; одинъ епископъ—коломенскій Александръ; двадцать два архимандрита, семь игуменовъ, одинъ строитель и одинъ намѣстникъ. Никонъ открылъ засѣданія собора довольно обширною рѣчью. Сказавъ сначала, какъ зазирали и поносили его приходившіе въ Москву восточные святители, Аѳанасій константинопольскій, Паисій іерусалимскій, Гавріиль назаретскій и другіе за разныя неисправности въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, въ томъ числѣ и за употребленіе двуперстія въ крестномъ знаменіи; какъ приступилъ онъ къ исправленію книгъ, собрали множество древнихъ халдейскихъ рукописей, славянскихъ и греческихъ, Никонъ объявилъ, что, на основаніи ихъ, онъ уже исправилъ нѣкоторыя церковныя книги, а вмѣстѣ съ ними велѣлъ перевести и напечатать, съ нужными приложеніями, и книгу „Скрижалъ“, представляемую имъ теперь на разсмотрѣніе собора. Въ особенности обратилъ Никонъ вниманіе отцевъ собора въ своей рѣчи на ученіе о двуперстіи, и говорилъ, что оно внесено въ наши книги „отъ Θεодоритова писанія невѣдѣніемъ“ и въ недавнее время: „прежде бо того вси трети первыми персты изображали во образъ Св. Троицы, якоже и нынѣ многихъ еще видѣти есть, елицы не вѣдаютъ Θεодоритова писанія, якоже въ простыхъ мужехъ и во всѣхъ женахъ, отъ древняго обычая держащихъ“; объяснялъ, что соединеніемъ, по Θεодоритову писанію, великаго перста съ двумя малыми неправо исповѣдуется таинство Пресв. Троицы, а совокупленіемъ двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, неправо исповѣдуется таинство воплощенія; напомнилъ, что отвѣчалъ цареградскій патріархъ Паисій съ своимъ соборомъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, какъ истолковалъ антиохійскій пат-

ріархъ Паисій въ церкви чудова монастыря сказаніе о св. Мелетіѣ антіохійскомъ, какъ изрекли въ недѣлю православія проклятіе на крестящихся двумя перстами три восточные святителя, и какъ тоже проклятіе повторили они, вмѣстѣ съ молдавскимъ митрополитомъ, въ своемъ письменномъ отвѣтѣ, и предложилъ собору русскихъ святителей и духовенства сказать свое слово о томъ же предметѣ. Присутствовавшіе на соборѣ занялись сначала свидѣтельствомъ книги Скрижали, „соборнѣ чтоша ее во мнози дни, съ великимъ прилежаніемъ всяку вещь и всяко слово со опаствомъ разсуждающе“, и обрѣли ее не только „безпорочну“, но и достойною всякой похвалы и удивленія, и много благодарили Бога за такое безцѣнное сокровище. Затѣмъ, обсудивъ то, что сказано о крестномъ знаменіи въ трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ Скрижали, въ посланіи цареградскаго патріарха Паисія, въ словѣ иподіакона Дамаскина и въ отвѣтномъ посланіи четырехъ восточныхъ іерарховъ, находившихся въ Москвѣ, а съ другой стороны принимая во вниманіе, что до напечатанія псалтырей и другихъ книгъ, въ которыя внесено ученіе о двуперстїи, въ Россіи существовалъ древній обычай креститься тремя перстами, котораго многіе еще держались и тогда, во дни собора, соборъ постановилъ слѣдующее правило: „аще кто отселѣ, *въдый, неповинится* творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ, якоже древле св. восточная церковь пріяла есть и якоже нынѣ четыре вселенстіи патріарси, со всѣми сущими подъ ними христіаны, повсюду вселенныя обрѣтающимися, имѣють, и якоже здѣ прежде православніи содержаша, до напечатанія слова Θεодоритова въ псалтыряхъ со возслѣдованіемъ московскія печати, еже трети первыми великими персты десныя руки изображати, во образъ святаго и единосушняго и нераздѣльнаго и равно-

поклоняемая Троицы, но имать творити сіе неприятное церкви, еже соединя два малыя персты съ великимъ пальцемъ, въ нихъже неравенство Св. Троицы извѣщается, и два великосредня, простерта суца, въ нихъ же заключати два Сына и два состава, по Несторіевѣ ереси, или инако изображати крестъ: сего имама, послѣдующе Св. Отець седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ помѣстныхъ правиломъ и св. восточныя церкви четыремъ вселенскимъ патриархомъ, всячески отлучена отъ церкви, вкупѣ и съ писаніемъ Θεодоритовымъ, яко и на пятомъ (соборѣ) прокляша его ложная списанія на Кирилла архіепископа александрійскаго и на правую вѣру, суцаѣя по Несторіевѣ ереси, проклинаемъ и мы“. Это правило свое, равно какъ и всю книгу „Скрижаль“ съ приложеніями, всѣ, находившіеся на соборѣ, скрѣпили своими подписями, 2-го іюня 1656 года: такъ долго тянулся соборъ! А Никонъ напечаталъ и помѣстилъ сказаніе объ этомъ соборѣ, съ изложеніемъ своей рѣчи къ нему, въ самомъ началѣ той же Скрижали, подъ заглавіемъ: „Слово отвѣщательно“... и велѣлъ выпустити книгу изъ типографіи въ свѣтъ ⁵⁷⁾. Такимъ образомъ еще въ 1656 году представители не только восточной православной, но и русской іерархіи изрекли уже проклятіе на *неповинующихся* церкви послѣдователей двуперстія въ крестномъ знаменіи и вообще на несоглашающихся креститься такъ, какъ издревле учила и учитъ св. церковь.

Въ томъ же году, 11 мая, въ воскресенье предъ Вознесеніемъ, былъ у насъ еще соборъ, въ крестовой палатѣ патриарха, по вопросу о перекрещиваніи латынянь-поляковъ, находившемуся въ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ о совершавшемся тогда у насъ

⁵⁷⁾ Скрижаль, г. 1—21.

исправленіи и печатаніи церковныхъ книгъ. Извѣстно, что, по „соборному изложенію“ и „указу“ патріарха Филарета Никитича, у насъ перекрещивали всѣхъ латынянъ, въ случаѣ обращенія ихъ къ православію, и всѣхъ бѣлорусцевъ, даже православныхъ, но крещенныхъ чрезъ обливаніе, и что эти уложеніе и указъ внесены были, при патріархѣ Іоасафѣ, въ печатные требники: теперь, когда, въ числѣ другихъ книгъ, приступали къ пересмотру и требника, необходимо было рѣшить, оставить ли въ немъ эти статьи и при новомъ его изданіи, или опустить. Съ другой стороны, тогда только-что присоединилась къ московской державѣ Малороссія и присоединялась Бѣлоруссія, гдѣ всѣ жители, даже православные, крещены были чрезъ обливаніе; тогда приводили въ Москву множество плѣнныхъ поляковъ, изъ которыхъ иные изъявляли желаніе принять православіе, и постоянно возникалъ вопросъ, какъ же смотрѣть на всѣхъ этихъ обливанцевъ, справедливо ли крестить ихъ вновь. Потому-то еще на московскомъ соборѣ 1655 года занимались этимъ вопросомъ, и хотя отцы собора и самъ Никонъ согласились тогда съ мнѣніемъ патріарха Макарія, что Поляковъ перекрещивать не должно, но на дѣлѣ не исполняли своего рѣшенія ³⁸). Признано было нужнымъ заняться вновь обсужденіемъ этого предмета. На новый соборъ приглашены были всѣ русскіе архіереи; въ числѣ другихъ прибылъ и митрополитъ казанскій. Антиохійскій патріархъ Макарій и теперь на-

³⁸) А. Э. IV, № 332. Въ концѣ Января 1656 года, въ числа плѣнныхъ поляковъ вторично крещенъ былъ въ Москвѣ, съ соизволенія самого патр. Никона, великій гетманъ Павелъ Потоцкій; „воспріемникомъ его при крещеніи былъ тестъ государя, и тогда его величество отдалъ Потоцкому въ управленіе всѣ его земли, оставивъ у себя въ залогъ его вѣрности только нѣсколько членовъ его семейства“. (*Павла алектск. Путеш. Макарія*, кн. XIII, отд. 11. 14, въ т. II, 237. 255).

становалъ, что латынянъ не слѣдуетъ крестить вторично, при обращеніи ихъ въ православіе, и имѣлъ жаркій споръ съ русскими іерархами. Онъ старался убѣдить ихъ ссылкой на ихъ собственныя книги закона и, кромѣ того, въ подтвержденіе своей мысли, представилъ выписку изъ какой-то древней греческой книги, принесенной съ Аѳона, представлявшую подробное изложеніе предмета, и тѣмъ заставилъ русскихъ архіереевъ невольно подчиниться истинѣ. Выписка эта, скрѣпленная подписью патріарха Макарія, была подана государю, переведена на русскій языкъ, напечатана и роздана по рукамъ, а государь издалъ указъ, которымъ запрещалось крещеніе поляковъ и другихъ послѣдователей той же вѣры. Недовольствуясь всѣмъ этимъ, Макарій, вскорѣ уѣхавшій изъ Москвы, прислалъ еще письмо къ Никону о томъ же предметѣ изъ Терговищъ (отъ 25 дек. 1656 г.). Онъ писалъ, что какъ только достигъ Угровлахіи, то и тамъ всячески старался найти что-либо для рѣшенія занимавшаго его вопроса, и что угровлахійскій митрополитъ Стефанъ указалъ ему, Макарію, какой-то древній греческій и славянскій номоканонъ, совершенно разъяснившій ему истину. Калвинистовъ и лютеранъ должно перекрещивать: потому что они истинные еретики, священства не имѣютъ и не признаютъ за таинство, евангельское преданіе отвергаютъ, и крещеніе ихъ неправильно и не священо. А латынянъ не должно перекрещивать: они имѣютъ священство и принимаютъ всѣ семь таинствъ и всѣ семь вселенскихъ соборовъ, поклоняются св. мощамъ и иконамъ и всѣ они крещены правильно во имя Отца и Сына и Св. Духа, съ призываніемъ Св. Троицы. Перекрещивать ихъ значило бы впадать въ ересь второкрещенцевъ и противорѣчить символу вѣры, гдѣ сказано: „исповѣдую едино крещеніе“. Мы признаемъ ихъ свя-

щенство, и никогда не хиротонисаемъ вновь латинскихъ священниковъ при обращеніи ихъ въ православіе: такъ же должны признавать ихъ крещеніе. Они только схизматики; а схизма не творитъ чело-вѣка невѣрнымъ и некрещеннымъ, а творитъ только отлученнымъ отъ церкви. Самъ Маркъ ефесскій, со-противникъ латынянъ, никогда не требоваль перекре-щеванія ихъ и признаваль крещеніе ихъ правильнымъ и проч. ⁵⁹).

Между тѣмъ, послѣ изданія первой новоисправлен-ной книги — Служебника, продолжалось исправленіе и печатаніе и другихъ церковныхъ книгъ. Въ мартѣ 1656 года вышла изъ типографіи Трїодъ постная, и въ послѣсловіи книги справщики свидѣтельствовали, что исправляли ее, по благословенію патріарха Ни-кона и всего освященнаго собора, „съ греческихъ и харатейныхъ славенскихъ и сербскихъ древнихъ книгъ, отъ себе же ничтоже совнесоша“. Въ маѣ того же года напечатанъ Ирмологій, вновь переведенный съ греческаго, и переводчики, прося себѣ прощенія въ недостаткахъ, какіе замѣчены будутъ въ этой книгѣ, говорили въ свое оправданіе: „многія и иныя книги, яже исправляхомъ, во время дѣланія ея, не мало препяша насъ добрѣ исправить ю“, — значить, рабо-та по исправленію книгъ велась тогда въ большихъ размѣрахъ. Въ томъ же году выпущенъ былъ изъ пе-чати новоисправленный Часословъ, и приготовленъ былъ къ печатанію Требникъ, другая важнѣйшая бого-служебная книга послѣ Служебника. По важности ея, она была пересмотрѣна на соборѣ, бывшемъ въ октя-брѣ 1656 года, и въ соборномъ актѣ сказано: „пе-

⁵⁹ *Павла алект.* Путешеств. Макарія, кн. XIV, отд. 8, въ т. II, 296—297. Подлинное письмо, на славянскомъ языкѣ, патр. Мака-рія къ Никону изъ Терговищъ находится въ Москов. Синод. библ., по каталогу рукописей 1823 г., за № 3.

реведше отъ греческихъ древле-писанныхъ книгъ на хартіяхъ св. книгу Требникъ, прочтохомъ ю на соборѣ со всякимъ прилѣжнымъ вниманіемъ и судивше ю издати во типографію, елицы чины и дѣянія разумѣхомъ правы быти. Егда же сія книга Потребникъ, Божією благодатію и нынѣшняимъ нашимъ соборнымъ дѣяніемъ исправленная, изъ печати издана будетъ, да не ктому кто начнетъ, развѣ сея исправленныя книги, дѣйствовати церковныхъ таинствъ“. Въ 1657 г. напечатаны: Псалтырь слѣдованная, послѣ „прилѣжнаго исправленія съ греческихъ книгъ“; Евангеліе на престольное и Апостоль, и вновь изданъ Ирмологій. Въ 1658 г. напечатанъ, наконецъ, исправленный и разсмотрѣнный на соборѣ Требникъ и вновь изданы исправленные: Служебникъ и слѣдованная Псалтырь ⁶⁰⁾.

Вмѣстѣ съ исправленіемъ церковныхъ книгъ Никонъ старался исправлять и церковные обряды и обычай и согласовать ихъ съ обрядами и обычаями церкви греческой: съ этою цѣлію онъ весьма часто приглашалъ антиохійскаго патріарха Макарія служить съ собою, внимательно присматривался къ его службѣ, замѣчалъ ея особенности, спрашивалъ о каждой особенности и просилъ его: „когда вы что-либо замѣтите неправильное въ нашихъ обрядахъ, говорите намъ, чтобы мы могли соображаться съ вами въ правильномъ совершеніи ихъ.“ И, по указаніямъ Макарія, Никонъ дѣйствительно исправилъ нѣкоторые обряды: на примѣръ, ввелъ или возстановилъ въ русской

⁶⁰⁾ Дополн. къ опис. старопеч. книгъ гр. Толстова и Царскаго, №№ 91, 92, 94; Хронологич. Указатель славяно-русск. книгъ церковной печати, №№ 712, 722, 723, 725, 737, 738—740; Описан. старопеч. книгъ гр. Толстова, № 121; Опис. рукоп. Моск. Синод. библ., III, 1, № 379. Соборное постановленіе о печатаніи новоисправленнаго Требникъ—въ Матер. для истор. русск. раскола, I, 13—14.

церкви обычай раздаяніа антидора за каждою литургіей; призналъ справедливымъ, при обрядѣ освященія елея въ великій четвергъ вливать въ елей вино, примѣнительно къ евангельскому сказанію о милосердомъ самарянинѣ, возлившемъ на раны больного масло и вино, и проч. ⁶¹⁾. Но еще болѣе, чѣмъ указаніямъ Макарія, Никонъ давалъ вѣру древнимъ греческимъ книгамъ. Въ одной изъ такихъ книгъ, привезенныхъ съ св. горы аѳонской, онъ нашелъ свидѣтельство будто бы Еводія, патріарха константинопольскаго, что освященіе воды на праздникъ Крещенія Господня должно совершать только однажды, и именно въ навечеріи праздника, и не въ церкви, а на рѣкѣ. И, несмотря на то, что дотолѣ и у насъ и на востокѣ было въ обычаѣ совершать водоосвященіе дважды: въ навечеріи крещенія въ церкви и въ самый день крещенія на рѣкѣ, а также, несмотря на всѣ убѣжденія Макарія, не отступать отъ этого обычая, Никонъ рѣшился отступить. Онъ созвалъ 16 декабря 1655 г., съ соизволенія государя, небольшой соборъ, на которомъ присутствовали два митрополита—ростовскій Іона и крутицкій Пителиръ, одинъ архіепископъ—тверскій Лаврентій и одинъ епископъ—коломенскій Александръ и девятнадцать архимандритовъ, игуменовъ и московскихъ протопоповъ. На соборѣ было постановлено: „по древнему преданію св. восточной церкви въ навечеріи Богоявленія Господня, по совершеніи божественной литургіи, исходить ко крестильницѣ (на рѣки или источники) и тамъ совершать водоосвященіе по чину, а въ самый день Богоявленія къ крестильницѣ не исходить и водоосвященія не совершать,—ибо едино крещеніе, по апостолу, а

⁶¹⁾ *Павла алект.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. 12; кн. XIV, отд. 7, въ т. II, 94. 290.

не два, да и древній чинъ восточной церкви такъ повелѣваетъ. Если же кто этого древняго преданія церкви не послушаетъ, да будетъ повиненъ церковной казни, т. е. проклятію и отлученію“. Соборное постановленіе Никонъ разослалъ тотчасъ же по всѣмъ епархіямъ для надлежащаго руководства. Равно и самъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ патриархомъ Макаріемъ и въ присутствіи государя, совершилъ водоосвященіе только въ навечеріи Крещенія въ наступившемъ 1656 году ⁶²). Впослѣдствіи соборъ 1667 года отмѣнилъ это рѣшеніе патриарха Никона. Очень любопытенъ рассказъ Павла алепскаго о томъ, какъ перемѣнилъ Никонъ русскій монашескій клобукъ (точнѣе—камилавку вмѣстѣ съ клобукомъ) на греческій. Послѣдній, по своей формѣ, очень нравился Никону, тогда какъ русскій очень не нравился. Но надѣтъ на себя греческій клобукъ Никонъ боялся, чтобы не подвергнуться нареканіямъ народа за отступленіе отъ древняго обычая. И что же придумалъ? Онъ велѣлъ приготовить себѣ греческіе камилавку и клобукъ, только бѣлый и съ изображеніемъ на немъ херувима, вышитаго золотомъ и жемчугами, и тайно перенести въ ризницу успенскаго собора. Насталъ большой праздникъ въ честь святителя Петра (21 дек. 1655 г.), всегда совершавшійся въ Москвѣ съ особенною торжественностію. Въ Успенскомъ соборѣ литургію совершали всѣ три патриарха со множествомъ духовенства, въ присутствіи безчисленнаго народа и самого государя. Когда литургія окончилась, и патриархи, разоблачившись, вышли изъ олтаря, чтобы привѣтствовать государя, Макарій антиохійскій, предварительно

⁶²) *Павла алект.* Путеш. Макарія, кн. XIII, отд. 11; кн. XIV, отд. 7, въ т. II, 237, 290; А. Э. IV, № 333. Постановленіе этого меньшаго собора, за подписями лицъ, на немъ присутствовавшихъ, въ позднѣйшемъ спискѣ, есть въ нашей бібліотекѣ.

упрошенный Никономъ и держа въ рукахъ приготовленный для послѣдняго новый клобукъ и камилавку, сказалъ государю: „насъ четыре патріарха въ православному мірѣ, и всѣ мы имѣемъ одинаковую одежду; съ нашего согласія и соизволенія сей братъ нашъ провозглашенъ патріархомъ московскимъ на мѣсто папы римскаго; особенность же папы состояла въ томъ, что онъ отличался отъ насъ своею бѣлою одеждою. Если твоему величеству будетъ благоугодно, то я желалъ бы, чтобы и вашъ патріархъ, подобно намъ, надѣлъ на себя и носилъ эту камилавку и клобукъ, которые я изготовилъ для него“. Царь отвѣчалъ: „добро, батюшка“, и, принявъ отъ него камилавку и клобукъ, поцѣловалъ ихъ и велѣлъ Никону снять прежніе камилавку и клобукъ и надѣть новые. Никонъ былъ въ восхищеніи: потому что новый головной уборъ, какъ нельзя болѣе, пришелся къ лицу его и осанкѣ. Бывшіе при этомъ архіереи и прочее духовенство, равно и весь народъ, тотчасъ же начали роптать за такое отступленіе отъ стараго русскаго обычая; но роптали тихо, боясь гнѣва государева. А чрезъ нѣсколько времени и всѣ владыки, всѣ иноки пожелали также перемѣнить свои камилавки и клобуки на греческіе; многіе обращались съ просьбою къ самому патріарху Макарію снабдить ихъ такими клобуками. Скоро пришла вѣсть въ Москву, что въ Троице-сергіевскомъ монастырѣ всѣ монахи, числомъ до пяти сотъ, пожелали также перемѣнить, съ благословенія патріарха, прежніе камилавки и клобуки на новые греческіе. А когда патріархъ Макарій посѣтилъ Новгородъ (въ концѣ августа и началѣ сентября 1655 г.), то его просили о томъ же два архимандрита важнѣйшихъ новгородскихъ монастырей, хутынскаго и юрьевскаго, и Макарій разрѣшилъ и благо-

словиць ⁶³). Такимъ-то образомъ русскіе, по своей привычкѣ къ извѣстнымъ церковнымъ обрядамъ и обычаямъ, естественно съ недоумѣніемъ и ропотомъ встрѣчавшіе всякія перемѣны въ нихъ, производимыя Никономъ, мало по малу мирились съ послѣдними и принимали ихъ.

Мирились, но не всё. Мы видѣли, что еще въ 1653 году, едва Никонъ издалъ первую свою „память“ о поклонахъ, какъ на него возстали четыре протопопа, считавшіеся прежде его друзьями, а потомъ сдѣлавшіеся его врагами, когда онъ взошелъ на патриаршую кафедру и будто бы возгордился предъ ними; видѣли, какъ рѣзко высказывали они Никону свои укоризны и сопротивленіе и какъ строго онъ наказалъ ихъ. Главнѣйшій изъ этихъ протопоповъ, Иванъ Нероновъ, сосланъ былъ (4 авг. 1653 г.) на кубенское озеро въ Спасо-каменскій монастырь подъ строгое начало на черныя службы. А между тѣмъ принять былъ въ монастырь настоятелемъ, архимандритомъ Александромъ, съ знаками особеннаго почета. Настоятель далъ ему не только келью, но и слугу, велѣлъ носить ему въ келью изъ монастырской кухни лучшую пищу, а въ церкви ставилъ его выше даже

⁶³) *Павла алект.* Путеш. Макарія, кн. XIII, отд. 8, въ т. II, 227—229. Въ рукописи московской синодальной библіотеки, № 93, съ самаго начала помѣщена „книга записная облаченіемъ и дѣйству великаго государя, святѣйшаго Никона, архіепископа царствующаго града Москвы и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи патриарха“. Въ книгѣ кратко записаны выходы и служенія Никона съ 10 декабря 1655 года, съ перерывами, до недѣли православія 1658 года (л. 1—129). Здѣсь, при описаніи патриаршаго служенія литургій въ 21 день декабря 1655 года, въ успенскомъ соборѣ, сказано только, что, по отпустѣ, разоблачась „антиохійскій патр. Макарей поднесъ государю святѣйшему патриарху (Никону) клобукъ бѣлый греческаго перевода, а сербскій патриархъ Гавріилъ поднесъ ему шапочку греческую (камилавку)“, и что Никонъ, возвратившись изъ собора въ свою вкрестовую палату, въ сопровожденіи своей свиты, „пожаловалъ своего архидіакона и іеродіакона греческими клобуками и камилавками“ (л. 4 об.—6).

келаря. Нероновъ скоро началъ вмѣшиваться въ монастырскія дѣла, указывать настоятелю, что читать за церковными службами, укорять его за безчиніе въ церкви, за поѣздки его изъ обители, за то, что онъ кормилъ рыбу монаховъ въ посты, а монаховъ укорять за ихъ пьянство и небрежность въ богослуженіи. Эти укоризны да страстной седмицѣ до того усилились, что архимандритъ въ великій пятокъ, по окончаніи службы, вышелъ изъ олтаря съ попами и дьяконами и сталъ кричать: „доколѣ намъ терпѣть отъ протопопа Іоанна? Онъ противится церкви“. И запретили ему ходить въ церковь, прогнали отъ него всѣхъ слугъ и оставили его одного въ кельи. Но не столько эти, сколько другія дѣйствія Неронова въ каменскомъ монастырѣ должны были огорчать патріарха Никона, къ которому послалъ теперь настоятель монастыря донесеніе о Нероновѣ. Нероновъ, проживая на кубенскомъ озерѣ, въ вологодскомъ уѣздѣ, въ не очень далекомъ разстояніи отъ Москвы, удобно пересылалъ въ Москву свои письма къ царю, царицѣ, царскому духовнику Воиফатьеву, и другимъ близкимъ своимъ знакомымъ, и въ этихъ письмахъ постоянно хулилъ Никона, какъ врага Божія, и возставалъ противъ начатаго имъ исправленія церковныхъ обрядовъ. Къ Неронову, въ каменскомъ монастырѣ, удобно пріѣзжали „отъ всѣхъ четырехъ странъ боголюбцы, многихъ градовъ люди и дворяне, посѣщенія ради“, и, безъ сомнѣнія, слышали отъ него такія же хульные рѣчи противъ патріарха. Нашелъ возможность посѣтить здѣсь Неронова и одинъ изъ ближайшихъ его единомышленниковъ, протопопъ Логинъ, хотя былъ сосланъ въ муромскіе предѣлы подъ строгій надзоръ своего отца ⁶⁴). Пришелъ сюда къ

⁶⁴) Матеріалы для истор. русск. раскола, I, 103, 112—118. Нѣ-

Неронову и остался при немъ, въ качествѣ ученика и писца, игумень московскаго златоустова монастыря Феоктистъ, который первый изъ монашествующаго духовенства присталъ къ четыремъ протопопамъ, врагамъ Никона. Послѣ этого не удивительно, если Никонъ, получивъ отъ настоятеля каменскаго монастыря донесеніе о Нероновѣ, далъ указъ (1 іюля 1654 г.) сослать Неронова на отдаленный сѣверъ въ кандалакшскій монастырь и тамъ держать его на цѣпи, въ желѣзахъ, и чернилъ ему не давать. Отправившись въ путь, Нероновъ остановился на время въ Вологдѣ, и отправилъ отсюда (13 іюля) два посланія: одно къ царскому духовнику, котораго извѣщаль, что „грядетъ на мученія, въ дальнія страны заточаемъ“; другое, окружное, ко всей „братіи, боголюбцамъ царствующаго града Москвы и прочихъ градовъ и всѣхъ купно странъ“, убѣждая своихъ духовныхъ друзей,

которые изъ жителей Муромъ, послѣ того, какъ протопопъ Логгинъ былъ осужденъ и удаленъ отъ нихъ, подали о немъ просьбу архіепископу рязанскому и муромскому Мисаиду, въ которой, какъ обыкновенно бываетъ, всячески восхваляли того, о комъ просили, и порицали своихъ противниковъ, способствовавшихъ его осужденію. И именно говорили, что Логгинъ, мужъ учительный „по вся дни и нощи и часы“, проповѣдывалъ слово Божіе, вразумлялъ невѣжественныхъ, а „враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. апостолъ, обличалъ и отъ стада Христова отгонялъ“; что эти-то злые люди, не терпя его обличеній, возстали на пастыря своего и сдѣлали на него доносъ (извѣстный уже намъ), а соборный попъ Ивалъ Сергѣевъ, желая быть протопопомъ на мѣстѣ Логгина, „выманявъ у стороннихъ людей писаніе, ему протопопу Логгину на укоризну“, приложилъ писаніе это къ доносу, и что, по удаленіи Логгина изъ Муромъ, въ городѣ открылись беззаконія: „въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе“, и церковные мятежники возстали на преслѣдователей благочестія, такъ что многимъ приходится бѣжать. Вслѣдствіе всего этого и просили возвратитъ въ Муромъ протопопа Логгина (Напечат. въ „Историч. описанія рязанской іерархіи“, стр. 97—112, изд. 1820 г.). Но эта просьба, конечно, осталась безъ удовлетворенія: протопопъ Логгинъ былъ судимъ, и осужденъ на соборѣ самимъ патр. Никономъ, и мѣстный епархіальный архіерей не могъ измѣнить такого рѣшенія.

чтобы они не скорбѣли о немъ, а радовались, чтобы облеклись во вся оружія Божія противу кознемъ діавольскимъ, и блюди себя отъ злыхъ дѣлателей. Кромѣ того, находясь въ Вологдѣ и посѣтивъ софійскій соборъ, Нероновъ позволилъ себѣ, по окончаніи литургіи, произнести здѣсь всенародно слѣдующую рѣчь: „священники и всѣ церковныя чада! Завелись у насъ новые еретики (такъ называлъ онъ Никона); мучать православныхъ христіанъ, творящихъ поклоны по отеческимъ преданіямъ, а также сложеніе перстовъ (для крестнаго знаменія) толкуютъ развращенно по своему умыслу“. Затѣмъ, въ крестовой архіерейской церкви, предъ соборомъ всѣхъ властей, говорилъ: „далъ благочестивый царь-государь Алексѣй Михайловичъ волю тебѣ (т. е. Никону), и ты, зазнавшись, творишь всякія поруганія, а ему-государю сказываешь: я-де дѣлаю по евангелію и по отеческимъ преданіямъ. Но ты творишь такъ, какъ сказано въ евангеліи: поругалися жидове истинному Христу... Да будетъ время, и самъ изъ Москвы побѣжишь, никѣмъ же гонимъ, токмо Божиимъ изволеніемъ. Да и нынѣ всѣмъ вамъ говорю, что если онъ насъ посылаетъ вдаль, то вскорѣ и самому ему бѣгать. Да и вы если о томъ станете молчать, всѣмъ вамъ пострадать. Не однимъ вамъ говорю, но и всѣмъ на Москвѣ и на другихъ мѣстахъ: за молчаніе всѣмъ злѣ страдать“. Когда о тѣхъ рѣчахъ донесено было дьяку съѣзжей избы въ Вологдѣ, то онъ утрапился, и поспѣшилъ выпроводить Неронова изъ Вологды въ дальнѣйшій путь ⁶⁵).

Къ сожалѣнію, зло, посѣянное Нероновымъ въ Москвѣ, успѣло уже не мало распространиться, и вражда противъ патріарха скоро обнаружилась. Царь

⁶⁵) Матеріалы для истор. раскола, I, 94—108, 119. 283.

въ то время находился на войнѣ; къ концу іюля, по случаю появившейся въ Москвѣ моровой болѣзни, уѣхалъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ, и патріархъ Никонъ. Повѣтріе усиливалось; народъ молился въ храмахъ. Въ 25 день августа, вмѣстѣ съ народомъ, присутствовалъ въ успенскомъ соборѣ за литургіей и московскій воевода, князь Пронскій съ товарищами, которому царь поручилъ свою столицу. Когда Пронскій вышелъ изъ церкви, то увидѣлъ подлѣ нея множество народа изъ разныхъ слободъ. Земскіе люди, держа въ рукахъ икону „Спасъ перукотворенный“, на которой ликъ былъ соскребенъ, приблизились къ боярину и начали говорить: „взять былъ этотъ образъ на патріарховъ дворъ у тяглеца новгородской сотни Софрона Лапотникова, и отданъ ему образъ изъ тѣвской избы для переписки; лице выскребено, а скребли образъ по патріархову указу“. (Это, очевидно, былъ одинъ изъ тѣхъ образовъ латинскаго письма, которые, какъ мы уже упоминали, отобраны были, по приказанію Никона, у владѣльцевъ, выскоблены и потомъ возвращены имъ для написанія православныхъ иконъ). Лапотниковъ присовокупилъ: „мнѣ было отъ этого образа явленіе; приказано показать его мірскимъ людямъ, а мірскіе люди за такое поруганіе должны стать“. И изъ толпы слышались голоса: „на всѣхъ теперъ гнѣвъ Божій за такое поруганіе; такъ дѣлали иконоборцы. Во всемъ виноватъ патріархъ, держитъ онъ вѣдомаго еретика, старца Арсенія, далъ ему волю, велѣлъ ему быть у справки печатныхъ книгъ, и тотъ чернецъ много книгъ перепортилъ (а между тѣмъ Арсеній и не могъ еще тогда перепортить книгъ, если бы даже и хотѣлъ; ни исправленіе, ни печатаніе книгъ въ августѣ 1654 г. еще не начались; былъ только соборъ въ Москвѣ, рѣшившій исправлять книги; въ

Царьградъ только еще посланы были о томъ вопросы: такъ — то преувеличивали дѣло и обманывали народъ враги Никона!); ведутъ насъ къ конечной гибели, а то тѣчернецъ за многія ереси, вмѣсто смерти, сосланъ былъ въ соловецкій монастырь. Патриарху пристойно было быть въ Москвѣ и молиться за православныхъ христіанъ; а онъ Москву покинулъ, и попы, смотря на него, многіе отъ приходскихъ церквей разбѣжались; православные христіане умираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Напишите, бояре, къ государю царю, къ царицѣ и царевичу, чтобъ до государева указа патриархъ и старецъ Арсеній куда нибудь не ушли“. Пронскій съ товарищами старался всячески успокоить народъ и говорилъ: „святѣйшій патриархъ пошелъ изъ Москвы по государеву указу, и когда сотскіе приходили къ нему бить челомъ, чтобы онъ въ нынѣшнее время изъ Москвы не уѣзжалъ, то патриархъ казалъ имъ грамоту, что онъ идетъ по государеву указу, а не по своей волѣ“. Толпы разошлись спокойно; но въ тотъ же день снова собрались у краснаго крыльца съ иконными досками, на которыхъ лики были соскребены, и кричали: „мы разнесемъ эти доски во всѣ сотни и слободы, и завтра придемъ къ боярамъ по этому дѣлу“. Пронскій послѣшилъ отписать къ царицѣ, царевичу и патриарху Никону, находившимся еще въ троице-сергіевомъ монастырѣ, и, по ихъ приказу, призвалъ къ себѣ сотскихъ и старость и лучшихъ людей черныхъ сотенъ и слободъ, и убѣждалъ ихъ, чтобы они не приставали къ совѣту худыхъ людей, уговорили свою братью отстать отъ такого злаго начинанія, и заводчиковъ воровства выдали боярамъ. Заводчиками оказались три кушца гостинной сотни Зайка, Баевъ и Нагаевъ; а кто стоялъ за этими кушцами, кто настраивалъ ихъ и ихъ сообщниковъ противъ Никона,

осталось неизвѣстнымъ ⁶⁶). Черезъ нѣсколько дней, въ началѣ сентября, явилась какая то женка Стефанида калужанка съ братомъ Терешкою, и оба начали разглашать, что имъ было видѣніе и велѣно книгъ не печатать и печатный дворъ запечатать. Пронскій допросилъ ихъ и распросныя рѣчи отослалъ къ царицѣ съ царевичемъ и Никону, отъ которыхъ и получилъ отвѣтъ: „та женка съ братомъ своимъ Терешкою въ рѣчахъ своихъ рознились: женка указывала въ видѣніи на образъ великом. Параскевы, именуемой Пятницею; а братъ ея Терешка указывалъ на образъ Пречистыя Богородицы; да женка-жь сказывала, что тотъ братъ ея отъ роду былъ нѣмъ, а Терешка самъ про себя сказалъ, что онъ говорилъ вѣмо, а не нѣмъ былъ. И то знатно, что они солгали, и вы-бъ впредь такимъ небыличнымъ врагамъ не вѣрили. А что они въ рѣчахъ своихъ говорили, чтобъ запечатать книги: то печатный дворъ запечатанъ давно и книгъ печатать не велѣно для мороваго повѣтрія, а не для ихъ бездѣльныхъ вракъ“ ⁶⁷).

Прошло болѣе года, какъ Нероновъ сосланъ былъ въ отдаленную кандалакшскую обитель. И хотя приказано было держать его тамъ на цѣпи и не давать ему чернилъ, но онъ и оттуда, въ 1655 г., имѣлъ письменныя сношенія съ царскимъ духовникомъ Воиофатьевымъ и съ братьями Плещеевыми въ Москвѣ, и прислалъ, за своею рукою, какія-то тетради архимандриту переславльскаго данилова монастыря Тихону. Десятаго же числа августа того же года Нероновъ бѣжалъ изъ своего заточенія съ тремя своими работниками и духовными дѣтьми. На пути съ

⁶⁶) Столбцы Приказа тайныхъ дѣлъ въ госуд. архивѣ, № 67. снес. примѣч. 46 и текстъ, къ которому оно относится.

⁶⁷) Долоян. къ А. И. III, № 119, ст. VI, стр. 446.

честію былъ принять архимандритомъ соловецкаго монастыря Илію и, снабженный всѣмъ, потребнымъ въ дорогѣ, отпущенъ на богомольной ладѣ. Не доѣзжая до Архангельска, вышелъ на берегъ и съ однимъ изъ работниковъ пѣшкомъ отправился въ Москву, куда и прибылъ благополучно, между тѣмъ какъ два остальные работника, пошедшіе другою дорогою, были задержаны въ Холмогорахъ и заключены въ темницу. Въ Москвѣ Нероновъ остановился прямо у царскаго духовника Вонифатьева, и много дней жилъ у него, тайно отъ патріарха; видѣлся здѣсь съ многими своими единомышленниками и самъ посѣщалъ ихъ дома. Вонифатьевъ доложилъ о приходѣ Неронова государю, и государь не только не сказалъ о томъ Никону, а еще послалъ грамоту въ Холмогоры, чтобы освободили изъ темницы двухъ работниковъ Неронова. Такимъ образомъ Вонифатьевъ и царь, хотя, повидимому, держали сторону Никона въ дѣлѣ исправленія книгъ, но тайно покровительствовали и Неронову въ его противодѣйствіяхъ Никону. Въ 25 день декабря 1655 г., т. е. на самый праздникъ Рождества Христова, Нероновъ постриженъ былъ въ монашество архимандритомъ переславльскаго данилова монастыря Тихономъ въ соборной монастырской церкви, по совѣту и по собственноручной отпискѣ государева духовника, протопопа Стефана, и нареченъ Григоріемъ. Послѣ постриженія прожилъ еще сорокъ дней у протопопа Стефана въ кельѣ, у Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что у государя на сѣняхъ. А потомъ, въ началѣ февраля 1656 года, удалился на житье въ спасо-ломовскую игнатіеву пустынь, гдѣ погребены были его родители, и куда нерѣдко ѣздилъ онъ и въ прежнее время. Между тѣмъ Никонъ, какъ только получилъ извѣстіе о побѣгѣ Неронова изъ кандалакшскаго монастыря, повсюду разослалъ свои при-

казы и гонцовъ, чтобы схватить его; строго наказалъ игумена и иноковъ кандалакшскаго монастыря и даже архимандрита соловецкаго монастыря Илію; но всѣ наказанія и поиски не привели ни къ чему. Никонъ узналъ о мѣстопробываніи Неронова, когда уже онъ, сдѣлавшись инокомъ, поселился въ игнатіевой пустыни. Патріаршіе боярскіе дѣти немедленно явились туда, чтобы взять бѣглеца; но онъ удалился въ сосѣднюю весь Телепшино, гдѣ крестьяне скрыли его и не захотѣли выдать посланнымъ отъ патріарха, несмотря на всѣ ихъ усилія, и даже оскорбили ихъ ⁶⁸). Тогда-то Никонъ рѣшился созвать соборъ въ Москвѣ, чтобы судить Неронова заочно. Соборъ состоялся 18 мая 1656 г., въ воскресный день послѣ Вознесенья. На соборѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, присутствовалъ и антиохійскій патріархъ Макарій, — и это было уже послѣднее личное участіе его въ тогдашнихъ соборахъ нашихъ, потому что чрезъ десять дней онъ уѣхалъ изъ Москвы на родину, щедро надѣленный царемъ и нашимъ патріархомъ ⁶⁹). Присутство-

⁶⁸) Матеріал. для истор. русск. раскола, I. 137—144. 283; Правосл. Соборъдн. 1858, II, 586—589.

⁶⁹) Антиохійскій патріархъ Макарій уѣхалъ - было изъ Москвы 25 марта 1656 года, получивъ отъ государя, при прощаніи, соболями на три тысячи руб., кромѣ разныхъ другихъ подарковъ. Но едва достигъ Болхова, какъ долженъ былъ, по приглашенію государя, воротиться въ Москву, и окончательно выѣхалъ изъ нея 29-го мая того же года, послѣ Троицкаго дня въ четвергъ (*Павла алект.* Путеш. Макарія, кн. XIV, отд. 3, 6, 10. въ т. II, 275—277. 286—289, 303). Сербскій патріархъ—архіепископъ Гавріилъ, очень тяготившійся строгостями жизни, которымъ долженъ былъ подчиняться въ Москвѣ, отпросился на богомолье въ Іерусалимъ, и еще 5 февраля 1656 г. имѣлъ прощальную аудіенцію у государя, а къ концу марта совсѣмъ уѣхалъ изъ Москвы. При прощаніи, государь пожаловалъ ему соболями только на четыреста рублей, какъ обыкновенно жаловалъ архіепископамъ и митрополитамъ, и потому же, по особымъ просьбамъ Гавріила, велѣлъ дать ему деньгами на саккосъ и подризникъ, подарилъ митру, посохъ и нѣсколько церковныхъ книгъ, а также изъ конюшни своей иноходца (Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., Связь. 32, № 15).

вали такъ же митрополиты: никейскій Григорій, молдавскій Гедеонъ, а изъ русскихъ—новгородскій Макарій, казанскій Корнилій, ростовскій Иона, архіепископы: суздальскій Иосифъ, тверскій Лаврентій, астраханскій Иосифъ, псковскій Макарій, и епископъ коломенскій Александръ, также множество архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповъ и дьяконовъ. Неронову вмѣнили въ вину то, что онъ: а) будучи сосланъ въ монастырь, не испросилъ себѣ прощенія у святаго собора, но бѣжалъ изъ монастыря и, обходя тайно разныя мѣста, возмущаетъ не утвержденныя въ вѣрѣ души; б) написалъ многое ложное о государѣ царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, о патріархѣ Никонѣ и о всѣхъ четырехъ вселенскихъ патріархахъ, отменяя греческаго православія, и укорилъ старыя св. книги, писанныя на хартіяхъ за двѣсти, триста, пятьсотъ и болѣе лѣтъ; в) не испросивъ благословенія и не примирившись съ св. церковію, постригся отъ своего единомысленника, архимандрита переславльскаго давилова монастыря Тихона (это второе лице изъ монашествующаго духовенства, открыто присоединившееся къ четыремъ протопопамъ, враждебнымъ Никону). Вслѣдствіе всѣхъ означенныхъ винъ соборъ судилъ отсѣчь Неронова, съ его единомысленниками, отъ св. церкви и постановилъ: „Иванъ Нероновъ, иже нынѣ въ чернцахъ Григорій, и съ своимъ единомысленники, иже непокаряющаго святому собору, отъ святаго единосущнаго Троицы и отъ св. восточныя церкви да будутъ прокляты“ ⁷⁰⁾. И если

⁷⁰⁾ *Павла алетт.* Путеш. Макарія, кн. XIV, отд. 9, въ т. II, 300. Подлинный актъ этого собора напечатанъ въ Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 124—133. Въ „записной книгѣ облач. и дѣйствъ патр. Никона“ написано, что малъ въ 18 день (1656 г.), въ седьмую недѣлю по пасхѣ, благовѣсть къ литургіи въ соборной церкви былъ очень продолжительный: „понеже соборъ былъ со властью въ крестовой (патріаршей) палатѣ въ благовѣсть на быв-

соборъ московскій 1656 года, начавшійся 23 апрѣля и закончившійся 2 іюня, изрекъ анаѹему, какъ мы видѣли, собственно на неповинующихся церкви въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, то настоящій соборъ изрекъ проклятіе вообще на единомысленниковъ Неронова, какъ не покоряющихся церкви во всемъ, въ чемъ не покорялся церкви Нероновъ и въ чемъ доселѣ не покоряются его послѣдователи: съ этого собора началось дѣйствительное отдѣленіе русскихъ раскольниковъ отъ православной церкви, начался русскій расколъ.

Инокъ Григорій Нероновъ, проживая въ игнатъевой пустыни или скрываясь въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть, и не слышалъ о соборномъ на него проклятіи. Но когда чрезъ нѣсколько времени онъ прибылъ въ Москву, то близкіе къ нему люди начали умолять его, чтобы онъ показался патріарху Никону, хотя другіе совѣтовали беречься. Григорій рѣшился идти къ Никону, взявъ съ собою недавно-изданную книжку „Скрижалъ“, которая произвела на него глубокое впечатлѣніе. Въ ней было напечатано, что креститься должно тремя перстами, что о томъ писали Никону всѣ четыре патріарха, а непокорныхъ предали клятвѣ, и Григорій сталъ размышлять: „кто я окаянный? Не хочу тво-

шаго протопопа Преч. Богородицы Казанскія Ивана Неронова“. По окончаніи собора Никонъ служилъ въ соборной церкви, вмѣстѣ съ патр. Макаріемъ, литургію, и во время малаго выхода, съ евангеліемъ, повелѣлъ своему архиѣакону „взяти на амвонъ и чести вся вины написанна бывшаго протопопа Ивана Неронова, что онъ протопопъ ему, великому государю, и всему освященному собору не покарается, да и св. соборъ весь укоряетъ. А по прочтеніи его Нероновыхъ вины велѣлъ архиѣакону возгласитъ: да будетъ проклятъ. И повелѣлъ государь патріархъ и антиохійскій патріархъ всему освященному собору иѣти: да будетъ проклятъ. И по нихъ иѣли дяки иѣвчіе по крилосамъ: да будетъ проклятъ. И вотомъ иѣли подъяки среди церкви: да будетъ проклятъ. И наки иѣли власти всѣ соборомъ: да будетъ проклятъ. И наки дяки и подъяки зряждь“. (Рукоп. москов. синод. библ. № 93, л. 65 об —68).

рить раздора со вселенскими патриархами, не буду имъ противенъ: ради чего мнѣ быть у нихъ подъ клятвою?“ И 4-го генваря 1657 года пришелъ Григорій на патриаршій дворъ, сталь у крестовой палаты и поклонился Никону, когда онъ шелъ къ божественной литургіи. Никонъ спросилъ: „что ты за старецъ?“ „Я тотъ, отвѣчалъ Григорій, кого ты ищешь, — казанскій протопопъ Іоаннъ, въ иночествѣ Григорій“. Никонъ пошелъ въ церковь, а Григорій, идя предъ нимъ, говорилъ: „что ты одинъ ни затѣваешь, то дѣло не крѣпко; по тебѣ будетъ иной патриархъ, все твое дѣло передѣлывать станетъ: иная тебѣ тогда честь будетъ, святой владыко“. Никонъ вошелъ въ соборную церковь, а Григорій остановился на порогѣ церковномъ. По окончаніи литургіи, патриархъ велѣлъ Григорію идти за собою въ крестовую. Здѣсь Григорій началъ говорить: „ты, святитель, приказалъ искать меня по всему государству и многихъ изъ-за меня обложилъ муками... Вотъ я предъ тобою: что хочешь со мною дѣлать? Вселенскимъ патриархамъ я не противлюсь, а не покорялся тебѣ одному... Ты писалъ на меня, какъ напечатано въ книгѣ „Скрижалъ“, ко вселенскимъ патриархамъ, что мы мятѣжь творимъ и противимся тебѣ въ вещахъ церковныхъ; а патриархи тебѣ отвѣчали, что подобаетъ креститься тремя перстами, не покоряющихся же заповѣдали предать проклятію и отлученію. Если ты съ ними согласенъ, то я этому не противлюсь; только смотри, чтобъ была истина: я подъ клятвою вселенскихъ патриарховъ быть не хочу“. Никонъ ничего не отвѣчалъ, но молчалъ. Григорій продолжалъ: „какая тебѣ честь, владыко святой, что всякому ты страшенъ, и про тебя, грозя другъ другу, говорятъ: знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ? Дивлюся, — государевой-царевой власти уже не слы-

хать, а отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники страшны всѣмъ болѣе царевыхъ"... И Никонъ отвѣчалъ: „не могу, батюшка, терпѣть“. И за тѣмъ подавая Григорію челобитныя (которыя поданы были царю протопопами Аввакумомъ и Давиломъ съ братією) сказалъ: „возьми, старецъ Григорій, и прочти“. Григорій продолжалъ: „святитель, прежде мы отъ тебя много разъ слышали: греки-де и малоруссы потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ. А нынѣ то у тебя и святые люди и учителя закона. Арсеній чернецъ порочный; Паисій патріархъ іерусалимскій писалъ о немъ государю, что онъ, Арсеній, еретикъ, и велѣлъ его остерегаться, потому что многія ереси содержитъ въ себѣ, былъ и въ римскомъ костелѣ и въ еллинскомъ злѣ. И благочестивый царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ Іосифомъ, сослалъ Арсенія въ соловецкій монастырь. А ты взялъ его изъ соловецкаго монастыря на смуту и устроилъ его учителемъ и правителемъ къ печатному тисненію. Есть много свидѣтелей, что онъ человѣкъ порочный“. Никонъ отвѣчалъ: „лгутъ-де на него старецъ Григорій,—то-де на него солгалъ, по ненависти, троицкій старецъ Арсеній Сухановъ, что въ сергіевѣ монастырѣ келарь, когда посланъ былъ, по государеву указу, и по благословенію Іосифа патріарха, въ Іерусалимъ и въ прочія государства. Григорій: „добро было бы тебѣ, святитель, подражать кроткому нашему учителю Спасу Христу, а не гордостію и мученіемъ санъ держать. Смирень сердцемъ Христочъ, учитель нашъ, а ты очень сердить“. Никонъ: „прости старецъ Григорій, не могу терпѣть“. Побесѣдовавъ еще нѣсколько въ томъ же родѣ, Григорій просилъ указать ему мѣсто для жительства. И Никонъ послалъ своего боярскаго сына на троицкое подворье объявить, чтобъ очистили тамъ келью для Григорія и онъ

не нуждался ни въ чемъ, и чтобъ за нимъ не наблюдали, куда онъ будетъ ходить и кто къ нему будетъ приходить. Скоро возвратился изъ похода противъ Шведовъ государь, и когда, послѣ обычной встрѣчи его въ соборной церкви (эта встрѣча происходила 14 янв. 1657 г.), власти провожали его, то онъ, увидѣвъ тутъ же старца Григорія, весело сказалъ Никону: „благослови его рукою“. Но Никонъ замѣтилъ: „изволь, государь, помолчать, — еще не было разрѣшительныхъ молитвъ“. „Да чего же ты ждешь?“ — спросилъ государь, и отошелъ въ свои палаты. Въ слѣдующее воскресенье за литургіей Никонъ приказалъ ключарю ввести въ соборную церковь, по замвонной молитвѣ, старца Григорія, и спросилъ его: „старецъ Григорій, приобщаешися ли святѣй соборнѣй и апостольской церкви?“ Григорій: „не знаю, что ты говоришь; я никогда не былъ отлученъ отъ церкви, и собора на меня никакого не было... Ты положилъ на меня клятву своею дерзостію, по своей страсти, гнѣваясь на меня, какъ проклялъ и черниговскаго протопопа Михаила и скуею съ него снялъ за то, что онъ въ книгѣ кирилловой не дѣломъ положалъ, что христіанамъ мученія не будетъ“... И Никонъ, вичего не отвѣчая, горько плакалъ и началъ читать разрѣшительныя молитвы. Плакалъ также и Григорій, пока читались надъ нимъ разрѣшительныя молитвы, и по разрѣшеніи причастился св. даровъ изъ рукъ Никона. Въ тотъ же день устроилъ у себя патриархъ, „за радость мира“, трапезу, за которою посадилъ Григорія выше всѣхъ московскихъ протопоповъ, а послѣ трапезы, одаривъ Григорія, отпустилъ съ миромъ. Въ слѣдующіе дни Григорій, посѣщая Никона, просилъ разрѣшить узниковъ, страждущихъ ради его — Григорія, и патриархъ тотчасъ послалъ грамоты, чтобы освободили всѣхъ ихъ, а Григорію отдалъ всѣ письма,

какія писалъ онъ на него — Никона къ царю, къ протопопу Стефану и къ прочимъ духовнымъ братіямъ, и примовилъ: „возьми, старецъ Григорій, твои письма“ ⁷¹⁾.

Никонъ, очевидно, желалъ искренне примириться съ Григоріемъ и, послѣ того какъ онъ воссоединился съ церковію и покорился церковной власти, готовъ былъ дѣлать ему всякое снисхожденіе; но не такъ отвѣчалъ ему Григорій. Однажды послѣдній сказалъ Никону: „иностранныя (греческія) власти нашихъ служебниковъ не хулятъ (Нероновъ разумѣлъ служебники, которыхъ самъ держался, напечатанные до служебника Никонова), но и похваляютъ“. И Никонъ отвѣчалъ: „*обои-де добры* (т. е. и прежде напечатанные и новоисправленные), — *все-де равно, но коимъ хочешь, по тѣмъ и служиши*“. Григорій сказалъ: „я старыхъ-де добрыхъ и держуся“, и, принявъ отъ патріарха благословеніе, вышелъ ⁷²⁾. Вотъ когда началось единовѣріе въ русской церкви! Самъ Никонъ благословилъ его и дозволилъ первому и главному вождю появившагося у насъ раскола, старцу Григорію Неронову, какъ только онъ покорился церкви, совершать богослуженіе по старопечатнымъ служебникамъ. А Григорій? Онъ не хотѣлъ въ душѣ примириться съ Никономъ и злобствовалъ на него. Въ день великомученицы Татіаны, 12 генваря, слѣд. уже 1658 года, царь и патріархъ были у всенощной въ соборной

⁷¹⁾ Матеріалы для истор. русск. раскола, I, 145—157. О томъ же кратко говорилъ впоследствии въ своей челобитной и самъ Нероновъ (тамъ же стр. 238). О встрѣчѣ царя въ успенскомъ соборѣ 14 генв. 1657 г. записано въ записной книгѣ облач. и дѣйствъ патр. Никона (л. 127—128).

⁷²⁾ Матеріал.—тамъ же I, 157. Равно и о самомъ себѣ Нероновъ говорилъ въ своей челобитной къ собору 1666 года: „доселѣ держалъ прежнія печатныя книги, служебники и потребники, а новопечатныя не хулилъ, токмо не пріимахъ“ (тамъ же стр. 242).

церкви; тутъ же былъ и старецъ Григорій. Когда Никонъ пошелъ въ алтарь, чтобы облачаться, государь, сошедши съ своего мѣста, приблизился къ Григорію и сказалъ: „не удайся отъ насъ, старецъ Григорій“. А старецъ въ отвѣтъ: „доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такого врага Божія? Смутилъ всю землю русскую и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать,—отъ него врага всѣмъ страхъ“. И государь, какъ бы устыдившись, скоро отошелъ отъ старца, ничего ему не сказавъ. По окончаніи службы Григорій сказалъ Патріарху: „время мнѣ, владыко, въ пустынь (игнатіеву) отъйти“. И патріархъ отпустилъ его, давъ довольную милостыню. Черезъ нѣсколько времени, въ томъ же 1658 году, старецъ Григорій опять пріѣхалъ въ Москву изъ своей пустыни и, принявъ благословеніе у патріарха, каждый день приходилъ въ его крестовую и въ келью, и былъ принимаемъ съ честью: такъ продолжалось много дней. Но неожиданно кто-то донесъ Никону, будто Григорій сожегъ новопечатный служебникъ, и тотчасъ велѣно было съискать Григорія. Посланные отъ патріарха не нашли Григорія въ его домѣ, но захватили многихъ, находившихся тамъ, духовныхъ и мірянъ, повлекли на патріаршій дворъ, допытывали ихъ и заключили въ оковы. Услышавъ объ этомъ, Григорій, сидѣвшій въ то время у рязанскаго архіепископа Иларіона, поспѣшилъ къ окольному Федору Михайловичу Ртищеву и закричалъ на него: „Иуда предатель! Съ тобою у меня была рѣчь о томъ, что слѣдуетъ сжечь новый служебникъ, а не дѣло“. Ртищевъ съ клятвою увѣрялъ Григорія, что не былъ на него клеветникомъ, и оба отправились къ патріарху, бывшему за всенощной въ соборной церкви. Когда дѣло объяснилось, Никонъ, по просьбѣ Григорія, немедленно приказалъ освободить всѣхъ, взятыхъ въ его домѣ,

и на другой день послалъ къ Григорію отъ себя столъ, довольно пици и питія, чтобы угостить невинно пострадавшихъ. Въ 21 день генваря 1658 года, за всенощной въ успенскомъ соборѣ, Никонъ приказалъ троить аллилуію и прибавлять: „слава тебѣ, Боже“. Григорій, бывшій тутъ же, сталъ укорять Никона и говорить, что преп. Евфросинъ псковскій былъ у вселенскихъ патріарховъ, вопрошая о вещи сей, и заповѣдалъ двоить аллилуію. Никонъ назвалъ сказаніе о Евфросинѣ ложнымъ. Но Григорій не успокоился. Онъ „умолилъ успенскаго протопопа съ братією, чтобы аллилуія въ соборной церкви на крылосахъ не троили. Тѣ послушали старца, говорили аллилуію на крылосахъ по дважды, а въ третье: „слава тебѣ, Боже“. Патріархъ же ничего имъ за это не замѣчалъ; только при чтеніи псалтыря поддьякъ троилъ аллилуію, по заповѣди патріарха. Во всѣ дни старецъ приходилъ въ соборную церковь, и аллилуія на крылосахъ протопопъ съ братією говорили по дважды до самаго отъѣзда старца изъ Москвы. Патріархъ же во всѣ дни посылалъ столы къ старцу и, отпуская его въ пустынь, далъ ему довольноую милостыню“. Такимъ дозволеніемъ двоить аллилуію даже въ успенскомъ соборѣ, по желанію старца Григорія, послѣ того какъ онъ присоединился къ церкви и покорился церковной власти, Никонъ еще разъ показалъ, что готовъ разрѣшить своимъ противникамъ употребленіе и такъ-называемыхъ ими старыхъ обрядовъ, если только эти противники будутъ въ единовѣрїи съ церковію и въ покорности ея богоучрежденной іерархіи. Никонъ и Нероновъ видѣлись и простились теперь въ послѣдній разъ: въ началѣ мая старецъ Нероновъ былъ уже въ своей пустынѣ, а 10 іюля того же 1658 г. Никонъ оставилъ патріаршую кафедру, удалившись въ Воскресенскій монастырь, и дѣятельность

Никона по исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ навсегда окончилась ⁷³⁾.

Что же должно сказать о всей этой дѣятельности, отъ ея начала до конца, если смотрѣть на нее безъ предубѣжденія. Никонъ не затѣвалъ ничего новаго, когда рѣшился приступить къ исправленію нашихъ церковныхъ книгъ: исправленіе этихъ книгъ совершалось у насъ и прежде, во время печатанія ихъ, при каждомъ изъ бывшихъ патріарховъ. Никонъ хотѣлъ только исправить книги лучше, чѣмъ исправлялись онѣ прежде. Прежде книги правились по однимъ славянскимъ спискамъ, которыя тѣми или другими справщиками признаваемы были „добрыми“. Никонъ пожелалъ исправить наши церковныя книги не по однимъ славянскимъ, но и по греческимъ спискамъ, и притомъ по спискамъ, славянскимъ и греческимъ, древнимъ, чтобы очистить эти книги отъ всѣхъ погрѣшностей, прибавокъ и новшествъ, какія вкрались въ нихъ съ теченіемъ времени, особенно въ два послѣднія столѣтія, и для многихъ уже не казались новшествами,—чтобы возстановить у насъ богослуженіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ существовало оно въ древней церкви, русской и греческой,—чтобы привести нашу церковь въ полное согласіе съ греческою и вообще со всею восточною православною, даже по церковнымъ обрядамъ. И за такое исправленіе книгъ Никонъ принялся не по прихоти или злонамѣренности, а по настоятельной нуждѣ. Его укоряли іерархи, приходившіе къ намъ съ востока, въ разныхъ отступленіяхъ нашей церкви отъ греческой, какимъ особенно казалось имъ двуперстіе въ крестномъ знаменіи. Онъ самъ лично убѣдился, вскорѣ по восшествіи на патріаршую кафедру, что такія отступ-

73) Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 157—163.

ленія дѣйствительно встрѣчаются въ нашихъ печатныхъ книгахъ и даже въ Символѣ вѣры. Онъ зналъ, какую важность приписывали нѣкоторымъ изъ этихъ отступленій Греки, какъ признали они еретическими и сожгли на Аѳонѣ московскія книги, въ которыхъ было напечатано ученіе о двуперстіи для крестнаго знаменія. Необходимо было устранить всѣ этого рода несогласія нашей церкви съ греческою, чтобы они не повели къ серьезнымъ столкновеніямъ и даже къ разрыву между обѣими церквами. И Никонъ началъ свое великое дѣло—исправленія нашихъ церковныхъ книгъ, но не самъ собою, а по рѣшенію и указаніямъ двухъ соборовъ, московскаго и константинопольскаго. Никонъ исправилъ книгу Служебникъ, но не прежде напечаталъ, какъ подвергнувъ ее тщательному разсмотрѣнію цѣлаго собора. Напечаталъ книгу Скрижалъ, но не выпускалъ ее въ свѣтъ, пока она не была вся пересмотрѣна и одобрена соборомъ. Приготовилъ къ печатанію книгу Требникъ и до напечатанія подвергъ ее также внимательному обсужденію на соборѣ. Никонъ изрекъ анаѳемѣ на непокорныхъ, неповиновавшихся церкви въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія; но изрекъ не одинъ, а вмѣстѣ съ соборомъ русскихъ архіереевъ, и уже послѣ того, какъ на этихъ непокорныхъ изрекли анаѳемѣ извѣстные восточные іерархи. Никонъ предалъ анаѳемѣ Неронова и егѳо единомысленниковъ, сопротивлявшихся церковной власти; но предалъ съ согласія всего собора, на которомъ находились и восточные святители, въ томъ числѣ антiохійскій патріархъ, и слѣдуя наставленію цареградскаго патріарха и собора относительно Неронова. Выходитъ, что вся дѣятельность Никона по исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ совершалась не имъ единолично, а съ согласія, съ одобренія и при живомъ участіи представителей не только

русскаго, но и восточнаго духовенства и всей церкви. На Никона нападали, что онъ былъ крайне строгъ къ своимъ противникамъ. Но онъ могъ быть слишкомъ строгимъ и даже несправедливымъ, могъ имѣть и другіе недостатки, могъ вредить своею горячностью успѣхамъ своего дѣла; а самое дѣло исправленія церковныхъ книгъ, тѣмъ не менѣе, оставалось чистымъ, законнымъ и святымъ,—не говоримъ уже, что строгія и суровыя наказанія вообще были въ духѣ того времени, и что противники Никона, по своей дерзости противъ него, заслуживали такой строгости.

Кто же были эти противники Никона? Первымъ и главнымъ противникомъ былъ протопопъ московскаго казанскаго собора Нероновъ, съ небольшимъ кружкомъ своихъ единомысленниковъ и друзей, въ составъ котораго входили три иногородные протопопа: костромскій Давилъ, муромскій Логгинъ, юрьевскій Аввакумъ и одинъ епископъ—коломенскій Павелъ. Но дѣятельность этихъ единомысленниковъ Неронова была необширна при Никонѣ и непродолжительна. Они возстали, вмѣстѣ съ Нероновымъ собственно только противъ двухъ первыхъ распоряженій Никона о поклонахъ и о троеперстїи для крестнаго знаменія, когда Никонъ еще не начиналъ исправленія книгъ, и немедленно сосланы были всѣ въ разныя заточенія. Протопопы сосланы были еще въ 1653 году: Давилъ въ Астрахань, гдѣ и скончался въ темницѣ; Логгинъ въ Муромъ, гдѣ также, вѣроятно, скоро скончался, такъ какъ о дѣятельности его не сохранилось болѣе никакихъ извѣстій; Аввакумъ—сперва въ Тобольскъ, а потомъ еще далѣе въ глубь Сибири на Лену, гдѣ и оставался, пока Никонъ занималъ патриаршую кафедру; а епископъ Павелъ заточенъ былъ около половины 1654 г. въ новгородскіе предѣлы, и болѣе никакихъ извѣстій о немъ, у самихъ раскольниковъ,

не сохранилось: вѣрно, скоро скончался. Одинъ Нероновъ, хотя также сосланъ былъ еще въ 1653 г. въ спасокаменскій монастырь, а потомъ въ отдаленный монастырь кандалакшскій, не переставалъ ратовать противъ Никона постоянно, во все время исправленія имъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, и своими письмами въ Москву и другія мѣста, своими устными бесѣдами приобрѣталъ себѣ многихъ послѣдователей и единомысленниковъ, изъ которыхъ извѣстны по именамъ: златоустовскій игуменъ въ Москвѣ Θεоктистъ и даниловскій игуменъ въ Переславлѣ Тихонъ. Другіе дѣятели раскола тогда еще не выступали: они сдѣлались извѣстными уже по удаленіи Никона съ патріаршей кафедрой. Какъ значительно было число сочувствовавшихъ Неронову, особенно въ Москвѣ, это обнаружилось послѣ бѣгства его изъ кандалакшскаго монастыря, когда всѣ старанія Никона отыскать и схватить бѣглеца оставались тщетными, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ безопасно скрывался въ самой столицѣ. Въ 18 день мая 1656 года Никонъ съ соборомъ русскихъ и нѣкоторыхъ греческихъ архіереевъ, изрекъ, наконецъ, анаѹему на Неронова и его единомысленниковъ, и получилъ начало русскій расколъ глаголемаго старообрядства. Но это начало было непрочно: потому что черезъ семь съ небольшимъ мѣсяцевъ самъ Нероновъ, глава раскола присоединился къ православной церкви, принявъ троеперстное крестное знаменіе, покоряясь голосу восточныхъ патріарховъ, похваляя книгу Скрижали, изданную Никонъ, и даже убѣждалъ къ тому же своихъ послѣдователей ⁷⁴⁾. Правда, Нероновъ, и по присоедине-

74) Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у бывшаго златоустовскаго игумена Θεоктиста, находилась „отписка Григорія Неронова за его рукою, что онъ вѣруетъ Скрижали“ (Матеріал. для исторіи русск. раскола 1, 338). Θεоктистъ касательно этой рукописи далъ

ніи къ церкви, желалъ держаться старыхъ печатныхъ книгъ; но Никонъ, вмѣстѣ съ соборомъ, предавъ проклятію не покорявшихся церкви изъ-за старыхъ книгъ и обрядовъ, отнюдь не проклиналъ самихъ этихъ книгъ и обрядовъ, и потому позволилъ Неронову, когда онъ покорился церкви, держаться и старопечатныхъ книгъ, назвалъ ихъ даже добрыми и сказалъ, что все равно, по старымъ ли или по новоисправленнымъ книгамъ, служить Богу; позволилъ, въ частности, и двоить и троить аллилуію въ самомъ успенскомъ соборѣ за однѣми и тѣми же службами. Отсюда можемъ заключать, что если бы продолжилось служеніе патріарха Никона, и онъ скоро не оставилъ своей каѳедры, то онъ, можетъ быть, дозволилъ бы и всѣмъ единомысленникамъ Неронова, приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, то же самое, что дозволилъ Неронову: лишь бы только они покорялись церкви и церковной власти. И тогда, сохраняя единство православной вѣры и подчиняясь одной и той же церковной іерархіи, русскіе, одни совершали бы службы по новоисправленнымъ книгамъ, а другіе по старымъ, исправленнымъ и напечатаннымъ прежде, несмотря на всѣ разности между ними, подобно тому, какъ до Никона одни совершали у насъ службы по старымъ служебникамъ и требникамъ, правленнымъ и напечатаннымъ при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ и Филаретѣ, а другіе по вновь исправленнымъ служебни-

слѣдующее показаніе: „что похваляя старецъ Григорей Скрижалъ духовную и сложеніе триехъ перстовъ за его Григорьевой рукою, тѣ отписки я взялъ у тѣхъ людей, къ кому онѣ писаны“ (тамъ же стр. 342). Да и самъ Нероновъ въ своей челобитной говорилъ: „увѣри мя (Никонъ) свидѣтельствомъ божественнаго писанія и пославіемъ святѣйшаго Паясія, вселенскаго православнаго патріарха, о сложеніи персть и о исповѣданіи православныя вѣры и о прочихъ церковныхъ догматѣхъ, о нихъ же я, убогій, въ сомнѣніи былъ“ (тамъ же стр. 233).

камъ и требникамъ, напечатаннымъ при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ, хотя между тѣми и другими служебниками и требниками есть значительныя разности ⁷⁵). Такимъ-образомъ расколъ, начавшійся при Никонѣ, мало по малу прекратился бы, и на мѣсто его водворилось бы такъ-называемое нынѣ единовѣріе.

Къ крайнему сожалѣнію, по удаленіи Никона съ каѳедры, обстоятельства совершенно измѣнились. Проповѣдники раскола нашли себѣ, въ наступившій періодъ между-патріаршества, сильное покровительство; начали рѣзко нападать на церковь и ея іерархію, возбуждать противъ нея народъ, и своею возмутительною дѣятельностію вынудили церковную власть употребить противъ нихъ каноническія мѣры. И тогда-то вновь возникъ, образовался и утвердился тотъ русскій расколъ, который существуетъ доселѣ, и который, слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ, получилъ свое начало не при Никонѣ, а уже послѣ него.

⁷⁵) Были уже у насъ и тогда люди, которые, хотя съ предубѣжденіемъ встрѣтили новоисправленныя книги, напечатанныя при Никонѣ, но вскорѣ начали смотрѣть и на новыя и на старопечатныя книги одинаково и совершать церковныя службы, какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ (Житіе суздальскаго митрополита Іларіона, стр. 31—35, Казань, 1868).

О Священнодѣйстви вѣнчанія и помазанія Царей на Царство *).

Царелюбивая Россія глубоко чувствуетъ и съ преимущественною торжественностію выражаетъ радость о Царѣ своемъ въ день его священнаго вѣнчанія на царство. И въ высококомъ свѣтѣ является царственное величіе помазанника Божія въ сей день вѣнчанія.

Во святилищѣ Божіемъ, среди избранныхъ членовъ государства, священнодѣствиемъ запечатлѣвается державная власть, основанная на законѣ престолонаслѣдія, отъ Царя царствующихъ пріемлетъ благословеніе Самодержецъ могущественной монархіи, чтобы быть живымъ орудіемъ промышленія Божія, слугою Божіимъ. Священнымъ помазаніемъ обновляются духовныя силы избранника Божія, чтобы онъ могъ понести бремя великаго служенія, чтобы его направленіемъ въ царствѣ земномъ приготовлялись граждане царства небеснаго. Видимый причастникъ царственной власти Того, Емуже *дадеса всяка власть на небеси и на земли*, приближается къ престолу Вседержителя и становится ближайшимъ общникомъ Божественной трапезы.

Представляя себѣ такое значеніе священнаго вѣн-

*) Статя А. В. Горскаго. Писана въ 1856 году.

чанія и помазанія православныхъ царей нашихъ, невольно чувствуемъ желаніе объяснить себѣ начало и происхождение сего учрежденія православной церкви и православной державы.

Для сего намъ нужно обратиться къ учрежденіямъ греческой церкви и имперіи и къ древнимъ отечественнымъ памятникамъ.

1.

Времена первыхъ христіанскихъ императоровъ не представляютъ указаній на особенные церковные обряды, при вступленіи ихъ на престоль. Это объясняется, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что первые державные покровители церкви вступали на престоль, еще до принятія св. крещенія. Сохранился только нѣкоторый намекъ на церковные обряды въ сказаніи объ императорѣ Θεодосіи Великомъ. Историкъ церковный, бл. Θεодоритъ, епископъ кирскій, повѣствуетъ, что когда Θεодосій, послѣ знаменитыхъ побѣдъ надъ Готами, явился ко двору императора Граціана, то, въ предзнаменованіе царствованія, видѣлъ во снѣ, что св. Мелетій, патріархъ антioxійскій, одѣвъ его царскою порфирію и возложилъ на него вѣнецъ. Это обстоятельство едва ли было бы замѣчено исторіею, если бы св. Мелетій не принималъ дѣйствительно участія въ вѣнчаніи Θεодосіи на царство. Правда, самъ же Θεодоритъ замѣчаетъ, что Θεодосій получилъ знаки царскаго достоинства отъ Граціана ¹⁾: но крестившись въ Солунѣ и прибывъ потомъ въ Константинополь, онъ могъ принять и церковное благословеніе на подвигъ царствованія отъ

¹⁾ Theodoretī histor. Eccles. L. V. c. 6. Βασιλέα κροχαιροτόνηκε.

св. Мелегія, который тогда, во главѣ втораго все-ленскаго собора, занимался устройеніемъ дѣль православія въ Константинополѣ.

Вѣнчаніе царское тогда было не отдѣльно отъ вступленія на престоль, или отъ провозглашенія императоромъ. Въ этой поспѣшности коронованія и въ другихъ обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ, можно усматривать слѣды обычая тѣхъ временъ, когда вступленіе на престоль связывалось съ смутнымъ движеніемъ преторіанцевъ.

Вотъ нѣкоторыя черты изъ обрядовъ коронованія восточныхъ императоровъ, въ пятомъ и шестомъ вѣкахъ.

По смерти Маркіана, общимъ согласіемъ сената избранъ на престоль Левъ (457). Провозглашеніе его избранія должно было совершиться на обширномъ полѣ Марсовомъ, въ присутствіи всѣхъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ и патріарха Анатолія. вмѣстѣ съ ними собрались сюда и безчисленныя толпы народа и войско. Хоругви и знамена, въ знакъ скорби о лишеніи императора, лежали поверженные на землю. Въ собраніи начали раздаваться голоса: „Услыши Боже, молимъ тя, Левъ да будетъ царемъ.“ — Явился и Левъ. Возвели его на возвышеніе. Хоругви и знамена немедленно воспрянули отъ земли. Отвсюду загремѣли привѣтствія: „Левъ Августъ! Богъ даровалъ тебя. Богъ да сохранитъ тебя. Много лѣтъ да царствуетъ Левъ“. Вслѣдъ затѣмъ, новоизбранный царь, окруженный сомкнутыми рядами воиновъ, облеченъ въ царскую одежду, и тогда же возложили на него діадиму. Въ такомъ украшеніи, со щитомъ и копіемъ въ рукахъ, снова явился онъ народу и говорилъ къ нему рѣчь, въ которой общалъ неутомимую дѣятельность въ правленіи и объявлялъ свои милости войскамъ. Въ древнемъ описаніи сихъ об-

рядовъ ²⁾ начего не говорится о молитвословіи церковномъ, при возложеніи отличій царскаго достоинства: но присутствіе при семъ патріарха Анатолія заставляеть предполагать, что онъ принималъ въ семъ участіе, соотвѣтственное его сану. По окончаніи сихъ обрядовъ императоръ торжественно шествовалъ въ городъ. На пути, онъ приносилъ благодареніе Господу Богу, сперва въ походной церкви, потомъ въ знаменитомъ храмѣ св. Іоанна Предтечи, гдѣ хранилась честная его глава, наконецъ въ великой церкви константинопольской. Вступая во храмъ, императоръ каждый разъ обыкновенно снималъ съ себя вѣнецъ; а во храмѣ св. Іоанна Предтечи и въ великой церкви, возлагая его на св. престоль, вмѣстѣ съ тѣмъ приносилъ свои дары святилищу, состояшіе въ утвари церковной. Въ великой церкви онъ слушалъ литургію, и по окончаніи моленія возлагалъ ему на главу вѣнецъ самъ патріархъ.

Подобнымъ образомъ совершилось избраніе и вѣнчаніе на царство императора Анастасія (491 г.), только не на полѣ Марсовомъ, а въ ипподромѣ, для большей видимости. Сначала, онъ былъ поднятъ на щитѣ; потомъ въ одной изъ дворцовыхъ палатъ возложилъ на себя царскія украшенія: хламиду и вѣнецъ. При этомъ, въ описаніи замѣчено, патріархъ Евѣимій совершалъ молитву и пѣло было: Господи помилуй. Послѣ коронованія Анастасій также приносилъ Господу благодареніе въ великой церкви, вступивъ въ нее безъ вѣнца; вносилъ вѣнецъ свой во святилище и почтилъ церковь своими дарами ³⁾. Особенностію коронованія Анастасіева, которая удержива-

²⁾ Constantini Porphyrogeniti de cerimoniis Aulae Byzantinae. I. I. c. 91. Ed. Niebuhr. vol. I. p. 410.

³⁾ De ceremon. aul. Byzant. Cap. 92, p. 417.

лась и при вѣнчаніи послѣдующихъ императоровъ, было то, что, прежде вѣнчанія на царство, патріархъ призналъ за нужное просить у новоизбраннаго Государя исповѣданія вѣры и обѣщанія хранить православіе на престолѣ, и Анастасій исполнилъ требуемое ⁴⁾.

Преемникъ Анастасія Іустинъ, также былъ провозглашенъ императоромъ въ ипподромѣ (518 г.). Въ присутствіи патріарха Іоанна и всѣхъ чиновъ подняли его на щитѣ; потомъ, въ рядахъ воиновъ, облеченъ онъ въ царскую одежду, а патріархъ возложилъ на него вѣнецъ ⁵⁾.

Юстиніанъ Великій, по болѣзни императора Іустина, провозглашенъ императоромъ во дворцѣ, въ великій четвертокъ, а коронованіе совершено въ первый день св. Пасхи (527 г.) Въ современномъ описаніи прямо сказано, что при этомъ присутствовалъ епископъ, т. е. патріархъ константинопольскій; онъ совершилъ молитву и возложилъ вѣнецъ на Юстиніана ⁶⁾.

Въ такихъ чертахъ опредѣлилось священнодѣйствіе вѣнчанія греческихъ императоровъ и для послѣдующихъ временъ, какъ показываютъ это лѣтописи греческія. Только чаще вѣнчаніе совершалось не на полѣ, или въ ипподромѣ, или во дворцѣ, но во храмѣ. Предпочтительно государи короновались въ созданной Юстиніаномъ великолѣпной церкви св. Софіи, но иногда и въ другихъ храмахъ Константинополя. Императоръ Фока короновался во храмѣ св. Іоанна Предтечи ⁷⁾. Ираклій самъ короновался ⁸⁾ и короно-

⁴⁾ Euaqr. Histor. Eccl. III, с. 32. Требованіе возникло по поводу сомнѣній въ православіи Анастасія.

⁵⁾ De cerimoniaul. Byzant. L. I, с. 93, р. 426.

⁶⁾ Ibid. Cap. 95 р. 432.

⁷⁾ Theophanis Chronographia. Ed. Paris 1355. р. 243.

⁸⁾ Ibid. р. 250.

валъ своего сына Ираклія въ придворномъ храмѣ св. Стефана ⁹⁾.

Царствующій государь обыкновенно короновалъ и супругу свою, возлагая на нее вѣнецъ самъ. Такъ короновалъ императоръ Іустинъ I-й супругу свою Люпицію, которая при коронаціи переименована въ Еввимию ¹⁰⁾, Іустинъ 2-й—Софію ¹¹⁾, Тиверій—Анастасію ¹²⁾, Фока—Леонтію ¹³⁾.

Часто, еще при жизни императора, возлагаемъ былъ вѣнецъ на наслѣдника престола, несмотря на его молодые годы и даже младенчество. Иногда эту честь раздѣляли съ отцемъ не одинъ, а двое и трое его сыновъ. Такъ императоръ Василій Македонянинъ короновалъ своихъ дѣтей Константина, Льва и Александра ¹⁴⁾. На своихъ дѣтей государь возлагалъ вѣнецъ самъ, при содѣйствіи патріарха, который совершалъ молитву. Императоръ Константинъ, возстановитель иконопочитанія, вѣнчанъ былъ еще пяти лѣтъ въ ипподромѣ. Патріархъ произнесъ молитву, а отецъ Константина Левъ возложилъ на него вѣнецъ ¹⁵⁾.

Въ X вѣкѣ, когда собраны чиноположенія разныхъ обрядовъ, совершавшихся при дворѣ константинопольскомъ, священному вѣнчанію царей данъ такой видъ: императоръ вступаетъ въ церковь св. Софіи вмѣстѣ съ патріархомъ. Въ золотыхъ вратахъ, ведущихъ изъ притвора во храмъ, онъ возжигаетъ свѣщи; идетъ къ солеѣ; молится предъ святыми вратами и, вмѣстѣ съ патріархомъ, восходитъ на амвонъ. Здѣсь

⁹⁾ De cerimon. aul. Byzant. l. II. c. 27, p. 627.

¹⁰⁾ Theophan. Chronogr. p. 141.

¹¹⁾ Ibid. p. 204.

¹²⁾ Ibid. p. 211.

¹³⁾ Ibid. p. 243.

¹⁴⁾ Constantin. Porphyrogen, de vita Basilii Imperatoris, cap. 34. 35.

¹⁵⁾ Theophan. Chronograph. p. 379.

уже уготованы на особомъ столѣ царская порфира и вѣнецъ. Патріархъ совершаетъ молитву надъ порфирю, и, по окончаніи молитвы, ближайшіе чины двора возлагаютъ ее на государя. Потомъ возглашаетъ молитву и надъ вѣнцемъ и возлагаетъ его на главу государя. При этомъ народъ восклицаетъ *Святъ, Святъ, Святъ. Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*. Послѣ троекратнаго возглашенія сего славословія, слѣдуетъ возглашеніе многолѣтія нововѣнчанному царю. Потомъ государь въ вѣнцѣ отходитъ на свой престолъ и пріемлетъ поклоненіе отъ всѣхъ чиновъ. А прочее,—прибавлено въ чиноположеніи,—что касается до вечера любви (*ἀγάπη*) и пріобщенія, совершается по обычаю праздниковъ¹⁶), т. е. какъ въ великіе праздники, такъ и въ день коронованія императоръ пріобщался св. таинъ, и устраивалась при дворѣ трапеза для высшихъ сановниковъ и патріарха.

На томъ же основаніи утверждается и древнѣйшее, какое дошло до насъ, церковное чиноположеніе царскаго вѣнчанія на греческомъ языкѣ. Оно кратко; состоитъ только изъ двухъ молитвъ, произносимыхъ патріархомъ. Обѣ сии молитвы вошли въ составъ чиноположенія коронованія російскихъ государей. Послѣ первой молитвы возлагается на царя порфира, послѣ второй корона. Вслѣдъ за коронованіемъ въ чиноположеніи упоминается о пріобщеніи преждеосвященныхъ св. даровъ и о восклицаніяхъ народа: *слава въ вышнихъ Богу*. Въ чиноположеніи указаны также нѣкоторыя особенности въ короно-

¹⁶ De serimon. aul. Byz. L. I, с. 35, р. 191. Съ сими чиноположеніемъ согласно коронованіе Никифора Фоки (963 г.), но конца недостаетъ (ibid. р. 433). Въ летописяхъ о коронованіи во храмѣ на амвонѣ упоминается въ исторіи императора Михаила (811 г.) Theoph. Chronogr. р. 418.

ваніи супруги императора или дѣтей ихъ. На нихъ возлагается вѣнецъ не самимъ патриархомъ, но императоромъ, которому передаетъ его патриархъ по благословеніи ¹⁷⁾.

Но ни въ лѣтописяхъ, ни въ придворномъ чиноположеніи коронованія императоровъ греческихъ, ни въ чинѣ церковнаго священнодѣйствія не упоминается о помазаніи коронуемаго лица св. муромъ отъ патриарха.

Впрочемъ, въ X-мъ же столѣтіи находимъ и упоминаніе о муропомазаніи царей греческихъ, именно въ соборномъ актѣ церкви константинопольской, при патриархѣ св. Поліевктѣ. Нѣкоторыя слова изъ сего постановленія приводитъ толкователь церковныхъ правилъ Θεодоръ Вальсамонъ, патриархъ антиохійскій ¹⁸⁾. Здѣсь сравнивается, по своему дѣйствию, помазаніе царей съ муропомазаніемъ, котораго сподобляется каждый по св. крещеніи. Послѣ сего лѣтописцы греческіе, говоря о восшествіи государей на престоль, вмѣстѣ съ коронованіемъ упоминаютъ о помазаніи, хотя не всегда. Такъ Никита Хониатъ говоритъ о помазаніи св. муромъ императора Мануила Комнина отъ патриарха Михаила ¹⁹⁾; Никифоръ Григора о помазаніи и вѣнчаніи никейскаго государя Θεодора Ласкаря ²⁰⁾; Георгій Пахимеръ — о помазаніи сына Андроникова Михаила ²¹⁾.

¹⁷⁾ Coar, Euchologium Graec. Venet. 1730, p. 726.

¹⁸⁾ Именно въ толкованіи на 12-е правило собора авсирскаго. Beveregii Pandectae canonum. Т. 1 р. 385. Ὡς ἐπεὶ τὸ χρίσμα τοῦ ἁγίου βαπτίσματος τὰ πρὸ τοῦτου ἁμαρτήματα ἀπαλείφει, οἷα καὶ ὅσα ἄν ᾶσι, πάντως καὶ τὸ χρίσμα τῆς Βασιλείας τὸν πρὸ ταύτης γεγονότα φόνον παρὰ τοῦ Τζιμισκῆ ἐξήλειψεν.

¹⁹⁾ Nicet. Choniat. Histor. Ed. Paris 1647, p. 36. См. также о коронованіи Алексія III Комнина р. 294.

²⁰⁾ Nicephori Gregor. Histor. Ed. Paris 1702. Т. I, p. 32. 32.

²¹⁾ Georgii Pachymeris Histor. Andronici. L. 3. Ed. Paris 1666, p. 134.

Первоначальное основаніе къ соединенію царскаго вѣнчанія съ помазаніемъ находится, безъ сомнѣнія, въ ветхозавѣтномъ помазаніи царей народа Божія, по Божественному чрезъ Самуила установленію. Къ царямъ христіанскимъ переноситъ оное молитва, которую возглашаетъ патріархъ предъ возложеніемъ порфиры. Въ сей молитвѣ, послѣ упоминанія о помазаніи царя Давида пророкомъ Самуиломъ, читается: „Самъ и нынѣ... вѣрнаго раба Твоего помазати удостоитъ елеомъ радованія, одѣй его силою съ высоты, возложи на главу его вѣнецъ отъ камене честнаго, и даруй ему долготу дней, даждь въ десницу его скипетръ спасенія, посади его на престолъ правды“. Какъ въ словахъ молитвы, слѣдующихъ за упоминаніемъ о помазаніи елеомъ радованія, ясно усматривается примѣненіе къ разнымъ обстоятельствамъ вѣнчанія царскаго, — здѣсь имѣется въ виду облаченіе порфирію, возложеніе вѣнца, возглашеніе многолѣтія, воспріятіе скипетра, возсѣденіе на престолѣ: такъ естественно было, чтобы и словамъ: *помазати удостоитъ елеомъ радованія*, соотвѣтствовало не одно только духовное, невидимое помазаніе отъ Святаго, но и видимое помазаніе освященнымъ муромъ отъ священнодѣйствующаго совершителя таинъ.

Какъ совершалось коронованіе императоровъ греческихъ въ соединеніи съ священнымъ муропомазаніемъ, это объясняетъ въ своей исторіи Іоаннъ Кантакузинъ, самъ носившій вѣнецъ царскій ²²⁾. Его описаніе такъ подробно и вѣрно, что имъ воспользовался Кодицъ въ своемъ изложеніи обрядовъ двора греческаго ²³⁾. Симеонъ архіепископъ солунскій, объяснялъ тотъ же самый чинъ въ своемъ истолкованіи обрядовъ церковныхъ ²⁴⁾.

²²⁾ Lib. 1. Cap. 41.

²³⁾ De officiis curiae Constantinopol, cap. 17.

²⁴⁾ De divin. templo eiusque inauguratione. Cap. 143—147.

Пользуясь сими указаніями, послѣдованіе вѣнчанія и помазанія царей греческихъ можемъ представить въ такомъ видѣ.

Предварительно коронуемый государь приготавливалъ исповѣданіе своей вѣры, которое долженъ былъ возгласить въ церкви и потомъ передать патріарху за собственноручнымъ подписаніемъ. Оно содержало въ себѣ символъ вѣры никео-цареградскій и обѣщаніе хранить апостольскія преданія и установленія соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ. „Равно обѣщаюсь, присовокуплялъ коронуемый государь, пребыть и всегда являться вѣрнымъ и истиннымъ служителемъ (δῆλος) и сыномъ св. церкви, ея защитникомъ и заступникомъ, а къ подданнымъ милостивымъ и человѣколюбивымъ, сколько это возможно и надлежитъ“.

Поутру того дня, когда назначено быть коронацію, со ступеней дворца бросаемы были народу, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, такъ называемыя епикомвиі, или свертки заключавшіе въ себѣ по три монеты золотыхъ, столько же серебряныхъ и столько же олововъ. Затѣмъ, въ виду народа, былъ поднимаемъ коронуемый государь на щитѣ. Щитъ сей поддерживаемъ былъ самимъ императоромъ, — если коронавался его сынъ, — и первыми лицами въ государствѣ, въ томъ числѣ и патріархомъ.

Сошедши со щита, государь шествовалъ во храмъ св. Софіи. Здѣсь уготованъ былъ для него особый деревянный чертогъ, въ которомъ, при благословеніи отъ архіереевъ, онъ облачаемъ былъ въ царскія одежды: далматикъ (Σάκκος) и діадиму, или широкое препоясаніе ²⁵⁾ Въ семъ облаченіи исходилъ онъ изъ

²⁵⁾ Въ такомъ значеніи слово: діадима встрѣчается у позднихъ греческихъ писателей довольно часто. Ducang. Glossar. Graec. T. I. p. 290. ὃ δὲ νῦν καλεῖται διαδήμα, ἐλέγετο παλαιὰ ζώνη στρατιωτικῆ. Codin. de offic. c. 6, p. 34.

чертога, занималъ мѣсто на золотомъ престолѣ, поставленномъ на возвышеніи, и слушалъ литургію.

Предъ гѣніемъ: *Святый Боже*, патриархъ, возшедши на амвонъ, чрезъ избранныхъ священнослужителей приглашалъ коронуемаго государя къ священному помазанію, и, по вступленіи его на амвонъ, совершалъ установленныя молитвы, призывая милость Божію на помазуемаго ²⁶). Вмѣстѣ съ симъ онъ помазывалъ главу государя мѣромъ крестообразно и возглаголюя громко: *Святъ*. Это возглаголеніе повторяли стоящіе съ нимъ на амвонѣ служители алтаря троекратно, и потомъ народъ. По изъясненію Симеона солунскаго, этимъ словомъ внушалось, что царь освящается отъ Святаго, и посвящается Христомъ въ царя освященныхъ ²⁷). Затѣмъ патриархъ возлагалъ на помазанника вѣнецъ, возглаголюя: *ἀξιος*, (достоинъ), — что также повторялось троекратно священнослужителями и народомъ.

Тогда же совершалось и коронованіе императрицы. Сошедши съ своего престола, она останавливается предъ солею. Императоръ, сходя къ ней съ амвона, бралъ изъ рукъ патриарха благословенный имъ вѣнецъ и возлагалъ его на главу своей супруги, при возглаголеніи патриархомъ молитвы о государѣ, государынѣ и всѣхъ подданныхъ. Но о мѣропомазаніи императрицы не говорится.

²⁶) 'Ο δε πατριάρχης τὰς ἐπὶ χρίσει τῶν βασιλέων συντεθειμένος δίστασιν ἐρχάς. Joh. Cantacuzenus. Ἰκετένει δὲ καὶ εὐμενίζει τὸν Θεὸν ὑπὲρ τοῦ μέλλοντος χρισθῆσεσθαι βασιλέως, прибавляетъ Крестинъ.

²⁷) Троекратное возглаголеніе *Святъ*, какъ мы видѣли выше, встрѣчается еще въ „Описаніи обрядовъ двора константинопольскаго, — Константина Порфиророднаго“. Но тамъ оно представляется только народнымъ восклицаніемъ, и притомъ относится, повидимому, не къ лицу коронуемому, но стоитъ на ряду съ молитвенными воззваніями къ Господу Богу. Притомъ же это восклицаніе, *Святъ, Святъ*, упоминается и въ коронованіи императрицы. De ceremon. aul. Byzant. Lib. 1, с. 40 p. 202.

Возвратившись на свои престолы, императоръ держалъ въ рукѣ крестъ, а императрица златую вѣтвь.

Когда приближалось время великаго выхода на литургію, императоръ возлагалъ на себя златотканную мантию и, съ крестомъ въ правой рукѣ и нарексомъ въ лѣвой²⁸⁾, шествовалъ во главѣ священнослужителей, переносящихъ св. дары изъ предложенія въ св. алтарь. Вступивъ на солею, онъ привѣтствовалъ патріарха, стоящаго въ царскихъ вратахъ, а патріархъ государя—взаимнымъ поклоненіемъ. Въ то же время одинъ изъ діаконовъ кадилъ ему и возглашалъ громко: да помянетъ Господь Богъ державу царства твоего во царствіи своемъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Затѣмъ государь, сложивъ съ себя мантию, снова отходилъ на свое мѣсто.

Когда наступало время приобщенія св. Таинъ, патріархъ чрезъ своихъ діаконовъ приглашалъ государя къ участию въ св. трапезѣ. Государь входилъ святыми вратами въ алтарь, кадилъ св. трапезу во кругъ, и потомъ патріарха. Послѣ сего, сложивъ съ себя вѣнецъ, принималъ изъ руки патріарха часть Тѣла Христова и чашу съ животворящею Кровію. По приобщеніи св. Таинъ, императоръ, снова возложивъ на себя вѣнецъ, исходилъ изъ алтаря на свой престолъ.

По окончаніи литургіи, принявъ благословеніе отъ патріарха и присутствующихъ архіереевъ и цѣловавъ ихъ руки, императоръ восходилъ въ возвышенныя палаты храма (*τὰ κατηχημένα*), откуда могъ быть видимъ всѣми. При появленіи его здѣсь, возглашалось ему всенародно многолѣтіе.

Такъ описываются обряды вѣнчанія царскаго въ

²⁸⁾ *Νάοεργε* называлась вѣтвь или малый жезль, съ изображеніемъ креста на верху, имѣющій подобіе скипетра.

позднѣйшія времена имперіи греческой. Но архіепископъ солунскій Симеонъ, кромѣ другихъ отличій царскаго достоинства, которыми украшается помазуемый царь, упоминаетъ еще объ *акакіи*, или о шелковомъ платкѣ съ землею, который былъ возлагаемъ при коронованіи на лѣвую руку государя, въ напомианіе о тлѣнности земнаго величія. Извѣстно, что императоры греческіе употребляли этотъ символическій знакъ и въ другія торжественныя времена, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой акакію ²⁹⁾). Такъ въ описаніи обрядовъ двора константинопольскаго, составленномъ въ X вѣкѣ, говорится объ употребленіи акакіи въ день Пасхи, но въ другомъ значеніи. Здѣсь сказано: „царь имѣетъ въ правой рукѣ побѣдное знаменіе креста, а въ лѣвой знакъ земнаго нашего существа, имѣющаго возстать“ ³⁰⁾). Тоже наблюдалось въ день Пятдесятницы ³¹⁾, Рождества Христова, Богоявленія и Преображенія ³²⁾). Согласно съ значеніемъ, какое дается акакіи въ изъясненіи Симеона солунскаго, одинъ русскій путешественникъ, бывшій въ Константинополѣ при коронаціи императора Мануила Палеолога и его супруги, рассказываетъ о другомъ обычаѣ, наблюдавшемся тогда при вѣнчаніи государей.

Онъ говоритъ, что по окончаніи литургіи и послѣ наставленія отъ патріарха, прежде всякихъ поздравленій отъ подданныхъ, подходятъ къ нововѣнчанному государю „мраморницы и гробоздатели“ и, представляя ему различные виды мрамора, спрашиваютъ, изъ какого именно повелитъ онъ устроить себѣ гроб-

²⁹⁾ Codin. de offic. C. VI, p. 37.

³⁰⁾ De ceremon. aul. Byzant. L. II. Cap. 52, p. 766.

³¹⁾ Ibid. L. I. C. 9, p. 62.

³²⁾ Ibid. L. I. C. I, p. 22. 23.

ницу? ³³). Впрочемъ названіе *ἀρχία* или *ἀρχεῖαρχία* по своему значенію могло подавать и другія назидательныя мысли, напр. о незлобіи.

Обозрѣвъ обряды священнаго вѣнчанія и помазанія греческихъ императоровъ, посмотримъ теперь, какъ сіи учрежденія постепенно переходили къ намъ.

2.

Самодержцы греческіе строго охраняли преимущества своего сана отъ грозныхъ воителей сѣвера, которые часто вторгаясь въ предѣлы имперіи, домогались не однихъ ея сокровищъ, но и требовали себѣ отличій царскаго достоинства: порфиры и вѣнца. Константинъ Багрянородный, „въ наставленіи сыну своему Роману, какъ царствовать“, даетъ между прочимъ урокъ, что если Хазары, Турки, Русскіе, или другой какой народъ сѣверный, скиѣскій, за какія нибудь услуги будутъ требовать себѣ царскихъ одеждъ или вѣнцевъ, то отвѣчать имъ, что эти украшения предоставлены однимъ императорамъ, но и ими не всегда употребляются, а только въ торжественные праздники, и обыкновенно хранятся въ первенствующемъ храмѣ столицы; что еще Константиномъ Великимъ положено зачатіе не передавать ихъ другимъ, подъ угрозою отлученія отъ церкви. Объявляя недоступными для другихъ владѣтелей отличія царскаго сана, Константинъ Багрянородный въ тоже время воспрещаетъ лицамъ императорскаго дома вступать въ брачныя союзы съ предводителями воинственныхъ дружинъ сѣвера ³⁴).

³³) Русск. временникъ ч. I, стр. 311. изд. 1829. Описываемая здѣсь коронація относится къ 1392. г.

³⁴) De administratione imperii. С. XIII.

Но слабость имперіи измѣняла ея величію и неприкосновенности. Еще внука Константина Багрянороднаго, дщерь Романова, Анна должна была оставить чертоги царскіе и итти въ землю русскую, чтобы быть супругою державнаго правителя Россіи, св. Владиміра. А потомки св. Владиміра, по устроенію судебъ Божіихъ, постепенно возвышаясь въ своемъ могуществѣ, наслѣдовали отъ державы греческой и ея уставы и ея царственныя отличія.

Древніе наши памятники историческіе не сообщаютъ опредѣлительныхъ указаній, съ какими обрядами церковными соединено было вступленіе на престолъ нашихъ князей, великихъ и удѣльныхъ. Всего чаще оно означается въ лѣтописяхъ выраженіемъ: *сѣде на столѣ*. Престоломъ наши предки означали верховный престолъ Царя всѣхъ, Бога: а столомъ называли тронъ земныхъ царей и князей ³⁵). Итакъ кто *во княжался* ³⁶), тотъ возсѣдалъ на столъ княжескій. Это совершалось въ соборной церкви главнаго города княжескаго, при благословеніи Святителя, или другихъ духовныхъ лицъ. Такъ о В. князѣ Изяславѣ Мстиславичѣ лѣтопись говоритъ: „сѣде въ Кыевѣ на столѣ дѣда своего и отца своего, съ честію великою“. Гдѣ же это совершилось, — видно изъ слѣдующихъ за тѣмъ словъ: „Изяславъ же отъ Свѣтца Софьи поѣха, и съ братією, на Ярославль дворъ, и Угры позва съ собою на обѣдъ и Кіяны, и ту обѣда съ ними на велицѣмъ дворѣ на Ярославли“ ³⁷). Итакъ Изяславъ возведенъ на праотеческій престолъ въ кievскомъ Софійскомъ храмѣ. Подобнымъ образомъ Вячеславъ Владиміровичъ, призванный къ занятію престола великокняжескаго,

³⁵) Это видимъ въ Шестодневѣ Іоанна ексарха болгарскаго.

³⁶) Выраженіе нашихъ лѣтописей соотвѣтствующее слову: *воцарился*. Полн. собр. русск. лѣтоп. т. 2, с. 159.

³⁷) Полн. собран. русск. лѣтоп. т. 2, с. 56.

едва вступилъ въ Кіевъ, какъ отправился во храмъ св. Софіи и тамъ возсѣлъ на столъ своего дѣда и отца ³⁸⁾). Въ 1206 г. великій князь Всеволодъ послалъ старшаго сына своего Константина княжить въ Новгородъ. Отпуская его изъ Владиміра, отецъ далъ ему крестъ и мечъ, говоря: „крестъ будетъ твоимъ хранителемъ и помощникомъ, а мечъ твоею грозою. Богъ далъ тебѣ старѣйшинство между братьями: и Новгородъ Великій—старшее княженіе во всей землѣ русской. По имени твоему, тако и хвала твоя“. По прибытіи въ Новгородъ, Константинъ былъ встрѣченъ множествомъ народа и епископомъ Митрофаномъ. Это было въ воскресный день. Прямо отправились въ церковь св. Софіи, и здѣсь посадили Константина съ честію на столъ княжескомъ ³⁹⁾). Князь владимірскій на Волини Владиміръ Васильковичъ избралъ преемникомъ по себѣ сына Давилова Мстислава и далъ ему на то грамоту. Мстиславъ немедленно отправился во Владиміръ, созвалъ боаръ княжескихъ и знатнѣйшихъ жителей Владиміра, русскихъ и иноземцевъ, и вступилъ въ соборный храмъ Пресвятыя Богородицы. Здѣсь повелѣлъ онъ прочесть грамоту, которою за нимъ утверждался престолъ владимірскій, а епископъ Евсигній благословилъ его крестомъ воздвизальнымъ на княженіе ⁴⁰⁾).

Въ древнихъ спискахъ богослужебныхъ книгъ находимъ и молитву, какая произносилась при благословеніи князя на престолъ. Эта молитва таже самая, какая и нынѣ возглашается при возложеніи руки святительской на главу царя вѣнчаемаго. Приведемъ ее по списку XIV вѣка: „Господи Боже нашъ, Царю

³⁸⁾ Полное собраніе русск. лѣтоп. т. 2, 57.

³⁹⁾ Под. собр. русск. лѣтоп. т. 1, стр. 177.178. См. также т. 3, с. 33.

⁴⁰⁾ Полн. собр. лѣт. т. 2, с. 215.

царствующимъ и Господи господствующимъ, иже Самуиломъ пророкомъ избравый раба Своего Давида, и помазавъ того въ царя на люди Твоя Израиля! Самъ и нынѣ услыши моленіе насъ недостойныхъ, и призри отъ святаго жилища Твоего, и вѣрнаго Ти раба (имярекъ), его-же благоволилъ еси вздвигнути царя на языкъ Твой святой, иже снабдѣ честною кровію Единороднаго Ти Сына, помазати сподоби масломъ взрадованія, одежды его силою свыше, возложи на главу его вѣнецъ отъ камени честнаго, даруй ему долготу дній, даждь въ десницѣ его скипетръ спасенія, утверди его на престолѣ правды, огради его вооружествомъ Пресвятаго Ти Духа, укрѣпи мышцу его, покори ему всѣ поганья языки, насади въ сердце его страхъ Твой, и къ послушнымъ быти ему милостию, соблюди его въ непорочнѣй вѣрѣ, покажи его извѣстна хранителя Святыя Твоея Соборныя церкви велѣній, яко да разсуждаетъ люди Твоя правдою и нищихъ Твоихъ судомъ, спасетъ сыны убогихъ, и наслѣдникъ будетъ и небснаго Ти царствія“. Въ рукописи эта молитва надписывается такъ: *молитва благословити царя и князя* ⁴¹⁾.

Вмѣстѣ съ благословеніемъ святительскимъ, конечно, возлагались на поставляемаго князя и отличія княжескаго достоинства. Какія же то были отличія? Въ лѣтописи XIII столѣтія они различаются отъ принадлежностей сана королевскаго. Говоря о предложеніи папы Иннокентія IV-го Даниилу князю Галицкому принять санъ королевскій, лѣтописецъ выражается такъ: „присла папа послы честны, носяще вѣнецъ и скипетръ и коруну, еже наречеться королевскій санъ“ ⁴²⁾. Изъ этихъ словъ лѣтописца должно

⁴¹⁾ Синод. библиот. Потребникъ № 675, стр. 166.

⁴²⁾ Полн. собр. лѣтоп. т. 2, стр. 191.

заклѣчить, что Данииль, будучи долгое время княземъ, не имѣлъ еще такихъ украшеній, какія были присланы ему папою.

Къ отличіямъ княжескаго достоинства принадлежали: мантия или *кочь*, и богатоукрашенная шапка или *клобукъ*. Князь черниговскій Михаилъ, готовясь принести въ жертву за Христа не только свой санъ, но и жизнь, повергъ въ виду мучителей своихъ *кочь* на землю, сказавъ: „примите славу свѣта сего, а азъ не хочу“⁴³⁾. Когда изнесены были изъ земли мощи св. мучениковъ Бориса и Глѣба, князь черниговскій Святославъ, для уврачеванія язвы на тѣлѣ своемъ, прилагалъ руки св. Глѣба къ больному мѣсту на шеѣ, къ очамъ и къ темени. Во время служенія потомъ литургіи, Святославъ почувствовалъ, что-то бодеть ему голову. И снявъ *клобукъ*, Святославъ нашель, что то былъ ноготь съ руки св. Глѣба⁴⁴⁾. Итакъ *клобукъ* находился на головѣ князя и въ церкви, во время службы. Въ древнемъ спискѣ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, съ изображеніемъ ихъ страданій и чудесъ въ картинахъ, не однократно представляется св. Борисъ на молитвѣ въ шатрѣ также съ покрытою головою⁴⁵⁾. Форму *клобука* Святославова можно видѣть въ извѣстномъ изборникѣ, носящемъ имя сего князя, гдѣ самъ онъ изображенъ со всѣмъ своимъ семействомъ. *Клобукъ* Святославова имѣеть видъ не высокой, круглой шапки, желтоватаго цвѣта съ темно-

⁴³⁾ Полн. собр. русск. лѣт. т. 5, стр. 185.

⁴⁴⁾ Полн. собр. русск. лѣт. г. 5, стр. 146. См. также. 2, с. 72, гдѣ говорится о Ярославѣ галичскомъ, сидящемъ на „отни мѣстѣ въ клобуцѣ“.

⁴⁵⁾ Рукопись XIV в. принадлежитъ Библіотекѣ московской синодальной типографіи: См. стр. 69. 71. На стр. 58 изображено, какъ Господь Иисусъ Христосъ „подаеть вѣнци Борису и Глѣбу“. И здѣсь князья представлены въ шапкахъ; а въ рукахъ Спасителя для каждаго изъ нихъ вѣвечь.

красною опушкою. Прибавимъ къ этому, что въ спискахъ древняго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ названіемъ клобука означается кидарь первосвященнической ⁴⁶⁾, а въ одномъ мѣстѣ придано ему значеніе и короны ⁴⁷⁾. Отсюда видно, что въ древности слово клобукъ не имѣло того частнаго значенія, какое усвоется ему нынѣ; а сближеніе клобука съ кидаромъ даетъ ему характеръ священнаго украшенія, которое могло быть не слагаемо и въ церкви, потому что и возлагалось въ церкви.

Въ то бѣдственное время, когда надъ Россією тяготѣло иго монгольское, и наслѣдіемъ престола княжескаго распоряжалась воля ханская, князья, вступающіе въ управленіе своими княжествами, по прежнему обращались къ церкви за благословеніемъ. Великій князь Александръ Ярославичъ, возвратившись изъ орды „съ пожалованіемъ царскимъ“, т. е. съ утвержденіемъ отъ Хана на великомъ княженіи, прибылъ во Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, въ сопровожденіи духовенства и народа, встрѣтилъ его со святыми иконами у златыхъ вратъ и посадилъ его на столѣ отца его Ярослава ⁴⁸⁾. Если иногда и были присылаемы изъ орды особы чиновники для возведенія великаго князя на престолъ, — это не могло препятствовать исполненію требованія церковнаго: ибо обрядъ гражданскій совершался у дверей соборнаго храма, слѣдовательно или на пути князя во

⁴⁶⁾ Именно: Исход. 28, 39. 40. 29, 9. 36, 36. Лев. 8, 13. 16, 4. Езек. 21, 26. 44, 18. Славянскій переводъ Пятикнижія и пророковъ принадлежитъ самой глубокой древности.

⁴⁷⁾ Именно въ переводѣ пр. Захаріи 3, 5. Здѣсь читается: *и возложите корону и клобукъ чистъ на главу ему*, тогда какъ въ греческомъ текстѣ говорится только о кидарѣ.

⁴⁸⁾ Полн. собр. р. лѣтоп. т. 1, с. 202. Никонов. лѣт. т. 3, с. 34.

храмъ, или по исходѣ изъ храма, гдѣ призывается благословеніе свыше на новаго государя ⁴⁹⁾).

Но вотъ это монгольское наконецъ свергнуто. Московскіе великіе князья, при благословеніи Господнемъ и постоянномъ содѣйствіи отчизно-любивыхъ пастырей, постепенно приготовили Россію къ торжеству надъ ея поработителями. Іоаннъ III-й довершилъ труды своихъ предшественниковъ. И тотъ же могущественный самодержецъ, супругъ Софіи Палеологъ, послѣдней отрасли православнаго императорскаго дома, съ царскою торжественностію коронуетъ своего внука (1498 г.) вѣнцемъ и бармами, наслѣдованными отъ греческихъ императоровъ.

Въ семейныхъ преданіяхъ великихъ князей московскихъ сохранялось извѣстіе, что еще предокъ ихъ Владиміръ Мономахъ, сынъ царицы греческой, получилъ въ даръ отъ греческаго императора украшенія царскаго достоинства. И этотъ даръ, какъ драгоценное наслѣдіе, вмѣстѣ съ преданіемъ, переходилъ отъ одного поколѣнія къ другому, изъ Кіева во Владиміръ, изъ Владиміра въ Москву. Съ той поры, какъ для насъ доступны духовныя завѣщанія великихъ князей, мы видимъ это наслѣдіе назначаемымъ отъ отца обыкновенно старшему сыну. Въ этихъ завѣщаніяхъ наслѣднику московскаго престола, съ другимъ достоинствомъ, предоставляются золотая шапка и бармы, хотя и не называются они мономаховыми ⁵⁰⁾).

Для торжества государственнаго Іоаннъ пригласилъ соборъ святителей: митрополита Симона, архі-

⁴⁹⁾ „Выйде изъ Орды князь великій Василій Васильевичъ, а съ нимъ посоль Мансаръ Улавъ царевичъ, тотъ его посадилъ на великое княженіе—у Пречистые у Золотыхъ дверей“ Полн. собр. лѣт. т. 5, с. 264.

⁵⁰⁾ Собран. госуд. грам. т. 1. № 21. 25. 34. 41. 42. 86 и 87. Духовныя завѣщанія Іоанна Даниловича, Іоанна Іоанновича, Дмитрія Іоанновича, Василья Дмитріевича, Василья Васильевича.

епископа ростовскаго и пять епископовъ: суздальскаго, рязанскаго, тверскаго, коломенскаго и сарскаго. Въ успенскомъ соборѣ устроено было возвышеніе, какъ и на поставленіи святительскомъ; и на этомъ возвышеніи приготовлены три стула: для великаго князя, для внука его Дмитрія и для митрополита. Въ избранный воскресный день, 4-го февраля, поутру перенесены въ соборъ бармы и шапка мономаховы, и положены на налоѣ среди церкви. По прибытіи великаго князя, митрополитъ съ соборомъ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ началъ молебствіе Пресвятой Богородицѣ и Святителю Петру. Предъ окончаніемъ молебна, когда пропѣты были послѣдніе тропари, митрополитъ и великій князь вступили на возвышеніе и возсѣли на своихъ мѣстахъ, а юный Дмитрій только приблизился къ своему мѣсту и сталъ предъ ними. Тогда великій князь обратился къ митрополиту съ слѣдующею рѣчью: „Отче Митрополитъ! по изволенію Божію и древнему обычаю нашихъ предковъ, великіе князья отцы передавали старшимъ своимъ сыновьямъ великое княженіе. И я благословилъ было еще при себѣ своего перваго сына Ивана великимъ княженіемъ: но, по волѣ Божіей, сына моего Ивана не стало въ живыхъ. Послѣ него остался первый сынъ его Дмитрій: и я благословляю его при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ владимірскимъ, московскимъ и новгородскимъ.“ Послѣ сей рѣчи митрополитъ указалъ князю Дмитрію вступить на свое мѣсто, благословилъ его крестомъ и, возложивъ на преклоненную главу его свою десницу, возгласилъ молитву, издревле употребляемую при поставленіи царей и князей на престолъ, которую привели мы выше. По окончаніи молитвы, двое архимандритовъ поднесли митрополиту, а митрополитъ подалъ великому князю

бармы для возложенія на поставляемаго. При вѣнчаніи императорскомъ въ Константинополѣ возлагалась при этомъ царская одежда: а здѣсь великій князь возлагалъ на своего внука оплечья ея, или бармы. По чину тогоже царскаго вѣнчанія митрополитъ произнесъ и другую молитву, тайную: „Господи Боже Вседержителю и Царю вѣковъ! Иже земный человѣкъ, Тобою Царемъ сотворенный, поклони главу свою Тебѣ помолитися, Владыко всѣхъ. Сохрани того подъ кровомъ Твоимъ, удръжави того царство, благоугодная Ти творити всегда того сподоби, возсіай во днѣхъ его правду и множество мира, да въ тихости его тихо и безмолвно житіе проживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ“. Вслѣдъ за сею молитвою, митрополитъ подалъ великому князю шапку монахову, а великій князь возложилъ ее на своего внука, при благословеніи святительскомъ. Затѣмъ слѣдовало окончаніе молебствія: ектенія сугубая и молитва ко Пресвятой Богородицѣ. По возглашеніи сей молитвы, когда митрополитъ и великій князь снова сѣли на своихъ мѣстахъ, архидіаконъ на амвонѣ возгласилъ многолѣтіе обоимъ великимъ князьямъ. И митрополитъ съ соборомъ духовнымъ, равно какъ и другіе дѣти великаго князя, бояре и весь народъ приносили поздравленіе обоимъ государямъ. Священнодѣйствіе заключено поученіемъ митрополита къ новопоставленному великому князю и поученіемъ великаго князя къ своему внуку. Поученіе митрополита было кратко и просто: „Господинъ и сынъ, Князь великій Димитрій! по изволенію Божию дѣдъ твой Князь великій пожаловалъ, благословилъ тебя великимъ княженіемъ. И ты, господинъ и сынъ мой, имѣй въ сердцѣ страхъ Божій, люби правду и милость и судъ праведный; сохраняя послушаніе къ своему государю и дѣду в. князю,

и пекись отъ всего сердца о православномъ христіанствѣ. А мы тебя своего господина и сына, благословляемъ и молимъ Бога о вашемъ здравіи“. Наставленіе великаго князя своему внуку состояло въ тѣхъ же выраженіяхъ. Великіе князья слушали потому литургію: но о помазаніи Димитрія святымъ муромъ и о причащеніи святыхъ таинъ лѣтопись не говоритъ. При выходѣ изъ церкви великій князь Димитрій осыпанъ былъ деньгами, золотыми и серебряными, троекратно, и столько же еще разъ предъ соборами архангельскимъ и благовѣщенскимъ, которые посѣщалъ онъ для поклоненія ⁵⁴⁾).

Изъ сего описанія видно, что вѣнчаніе великаго князя Димитрія расположено и совершено было по древнему цареградскому чиноположенію, въ которомъ не упоминалось о муропомазаніи поставляемыхъ на царство. А чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, другой внукъ Іоанна III-го съ возложеніемъ на себя вѣнца мономахова, восхотѣлъ и помазаться святымъ муромъ и принять именованіе царя, которымъ издревле привыкли у насъ величать самодержцевъ греческихъ.

Сынъ великаго князя Василя Іоанновича, Іоаннъ, оставшись трехъ лѣтъ по смерти отца своего, еще тогда былъ благословленъ на престолъ митрополитомъ Даніиломъ. Лѣтопись рассказываетъ объ этомъ событіи съ примѣчательною подробностію. „И начаша говорить она, государя ставити князя Ивана Васильевича на великое княженіе въ соборной церкви Пречистыя Богородицы, митрополитъ Данило, и архіепископы и епископы, и архимандриты и игумены, и весь причетъ церковный, и князи и бояре и все православное христіанство. Благослови его митрополитъ крестомъ, и нача ему высочайшимъ гласомъ

54) Полн. собр. р. лѣт. т. 6, стр. 241—243.

глаголати: „Богъ, государь, благословляетъ ты князь великій Иванъ Васильевичъ, владимерскій, московскій, новгородскій, псковскій, тверскій, югорскій, пермскій, болгарскій, смоленскій и иныхъ земель многихъ, царь и государь всеа Русіи! Добръ, здоровъ буди на великомъ княженіи, на столѣ отца своего“. И начаша ему пѣти многолѣтіе ⁵²⁾).

Не коронованный тогда, конечно по малолѣтству, великій князь Иванъ Васильевичъ въ декабрѣ 1546 г. объявилъ митрополиту Макарію и боярамъ о своемъ намѣреніи торжественно вѣнчаться на царство. Черезъ мѣсяць (16 янв. 1547) это желаніе было исполнено. Первая половина священнодѣйствія, собственно вѣнчаніе происходило, въ томъ же порядкѣ, какъ совершалось и прежде ⁵³⁾. Только знаки царскаго сана возлагалъ на Іоанна митрополить, и прежде всего возложилъ крестъ отъ животворящаго древа, потомъ уже бармы и шапку мономахову; наконецъ подалъ въ руки новаго царя скипетръ. Митрополить же возвелъ его на уготованное царское мѣсто и посадилъ на немъ; а послѣ всего говорилъ ему поученіе, весьма обширное. Во время литургіи, послѣ пѣсни херувимской, возложилъ на царя еще украшеніе изъ наслѣдія мономахова, золотую цѣпь. Всѣ сіи вновь упоминаемые знаки царскаго достоинства преподаваемые были безъ особыхъ молитвъ. По приобщеніи же Св. Таинъ, митрополить черезъ двухъ діаконовъ призывалъ царя къ священному мѣропомазанію и къ причащенію тѣла и крови Христовой. Архіепископы и епископы подали св. мѣро, и митрополить помазалъ имъ царя на челѣ, на ушахъ, на персяхъ, на

⁵²⁾ Полн. собр. русск. лѣтоп. т. 4, с. 299.

⁵³⁾ Дополн. къ акт. истор. т. 1. № 39. Древн. вѣстие. изд. 2, ч. VII, с. 4. Царствен. книга стр. 129.

плечахъ и на рукахъ; возгласяя каждый разъ: печать и даръ Святаго Духа. Наконецъ преподаны были новопомазанному царю святые дары, но не внутри алтаря, а на томъ же мѣстѣ, гдѣ совершалось помазаніе ⁵⁴).

Десять лѣтъ Іоаннъ носилъ именованіе царя, не тревожась мыслию, что совершилъ дѣло неслыханное на Руси. Въ это время совершилъ онъ многіе истинно царскіе подвиги: преодолѣлъ самого себя, устроилъ законодательство, покорилъ царство казанское. Среди трудовъ достославнаго царствованія вдругъ вознимѣлъ онъ желаніе испросить себѣ у патріарха константинопольскаго „благословеніе о вѣнчаніи“ и какъ бы утвержденіе въ воспріятомъ имъ царскомъ достоинствѣ. Можетъ быть, возбудилъ въ немъ это желаніе бывшій тогда въ Москвѣ митрополитъ кизическій Іоасафъ. Онъ могъ указать на то, что, по греческому чиноположенію царскаго вѣнчанія, долженъ возлагать вѣнецъ на поставляемаго царя или коронованный прежде государь, или патріархъ, и только онъ одинъ ⁵⁵). Это мѣстное обыкновение, утвердившееся вѣками и поддерживаемое въ видахъ государственнаго благоденствія, могло поселить сомнѣніе въ душѣ Іоанна. Какъ бы то ни было, только отпуская митрополита кизическаго въ Константинополь, царь поручилъ ему переговорить съ патріархомъ „о своемъ дѣлѣ царскомъ“, и въ тоже время послалъ

⁵⁴) Описаніе коронованія въ Царствен. книгѣ не полно. Повѣствователь, кажется, слѣдовалъ въ описаніи обрядовъ чиноположенію вѣнчанія Дмитріева. Позднѣ кто-то увидѣлъ нужду дополнить разсказъ: но не зная порядка священнодѣйствія.

⁵⁵) У Кодина (de officiis Constantinopol. cap. XVII. p. 21.) прямо сказано: εἰ δὲ οὐκ ἔστι πατὴρ αὐτοῦ, ποιεῖ τούτο (τὸ στέμμα ἐπιτίθειν τῇ κεφαλῇ τοῦ νέου Βασιλέως) μόνος ὁ Πατριάρχης. См. также Исторію Никифора Григоры (Lib. 2, cap. 2, p. 1.), гдѣ онъ порицаетъ архіепископа болгарскаго Дмитрія за присвоеніе себѣ права помазывать св. муромъ царя.

бывшаго архимандрита суздальскаго Θεодорита просить у патріарха соборнаго благословенія на совершенное митрополитомъ Макаріемъ царское вѣнчаніе ¹⁾. Θεодоритъ возвратился изъ Константинополя съ успокоительнымъ обѣщаніемъ, что требуемое будетъ исполнено, какъ скоро откроется возможность собрать епископовъ. ⁵⁶⁾ Спустя четыре года дѣйстви-тельно получена была ожидаемая грамота отъ патріарха Іоасафа и собора святителей греческихъ. Въ этой грамотѣ патріархъ подтверждаетъ ту мысль, что совершенное митрополитомъ Макаріемъ не можетъ быть крѣпко, что только римскому и константинопольскому первосвященникамъ дано преимущество вѣнчать царей. Но имѣя въ виду происхожденіе Іоанна отъ рода св. Владиміра, имѣвшаго за собою въ супружествѣ царевну греческую Анну, и дарованіе императоромъ Константиномъ Мономахомъ великому князю Владиміру Всеволодовичу царскаго вѣнца и другихъ украшеній (какъ свидѣтельствовали Русскіе); равно принимая во вниманіе великія добродѣтели и благодѣянія Іоанна и пользу испрашиваемаго утвержде-нія для всего православнаго христіанства, патріархъ и соборъ, благодатію Св. Духа, предоставляли Іоанну быть и именоваться царемъ законно-вѣнчаннымъ ⁵⁷⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ, какъ свидѣтельствуеетъ кн. Курбскій, прислалъ царю книгу царскаго вѣнчанія ³⁸⁾: но эта книга не произвела никакихъ измѣненій въ коронованіи царей.

Священнодѣйствіе вѣнчанія на царство Θεодора

⁵⁶⁾ Соборная грамота духовенства восточной церкви, утверждающая санъ царя за В. К. Іоанномъ IV Васильевичемъ, изд. кн. Оболенскимъ. 1850, ст. 30.

⁵⁷⁾ Соборн. грамота с. 11, и буквальный переводъ ея с. 17.

⁵⁸⁾ Сказанія кн. Курбскаго. Изд. 2, с. 138.

Іоанновича совершенно во всемъ согласно съ чиномъ коронованія его родителя ⁵⁹⁾).

При коронованіи Бориса Θεодоровича Годунова, котораго вступленіе на престолъ было внѣ предѣловъ древняго царственнаго порядка, выступлено также изъ предѣловъ древняго церковнаго чина, именно: сдѣланы были нѣкоторыя дополненія къ прежнему чину, которыя впрочемъ не удержались въ послѣдующее время, кромѣ преподанія царю вмѣстѣ съ скипетромъ и державы ⁶⁰⁾. По возложеніи царскаго вѣнца, патріархъ подалъ царю *яблоко* или державу, съ слѣдующими словами: „сіе яблоко—знаменіе твоего царствія. Яко убо сіе яблоко пріимъ въ руцѣ свои держиши, тако держи и вся царствія, данныя тебѣ отъ Бога, соблюдая ихъ отъ враговъ непоколебимо“. Другія дополненія заключались въ новыхъ молитвахъ и дѣйствіяхъ. Предъ совершеніемъ св. муропомазанія патріархъ произнесъ двѣ молитвы о помазуемомъ царѣ. Потомъ, совершивъ помазаніе и пріобщивъ царя св. Тайнъ, патріархъ снова возложилъ на него своею рукою вѣнецъ, съ возглашеніемъ: *аксіосъ*, и совершилъ еще двѣ молитвы, усиленными моленіями какъ бы желая прочіѣ утвердить вѣнецъ на главѣ Боровой. Молитвы предъ помазаніемъ не представляются стройно составленными. Изъ двухъ же молитвъ при вторичномъ возложеніи вѣнца на главу царя, примѣчательна по своему составу первая, впрочемъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій. Вотъ она: „Боже Боговъ и Господи Господей, Создателю чиновъ огневидныхъ, Содѣтелю силъ неосязаемыхъ, Творче всего видимаго и невидимаго! Твоею силою совершается

⁵⁹⁾ Чинъ вѣнчанія на царство Θεодора Іоанновича въ Собр. Государск. грам. Г. 2, № 51.

⁶⁰⁾ Чинъ вѣнчанія на царство Бориса Годунова въ Дополненіяхъ къ актамъ Истор. Г. 1, № 145.

все. Ты заповѣдалъ въ пустыни синайской пророку Моисею поставить князей и властителей ко исправленію людей Твоихъ, Израиля. Ты благоволилъ, чтобы пророкъ Самуилъ отъ рога елеа Твоего помазалъ Саула на царство, и потомъ самого во пророцѣхъ Божественнаго Давида;—чтобы пророкъ Нааванъ помазалъ Соломона царя ко исправленію рода іудейскаго и во славу Твоея благодати. Ты въ послѣдняя лѣта ниспослалъ Единороднаго Сына Твоего, Царя невидимой и видимой твари, Господа нашего Іисуса Христа, для спасенія рода человѣческаго отъ прелести діаволи: Онъ же, по своей неизреченной благодати, для спасенія нашего, предалъ себя на распятіе, вкусилъ смерть, въ третій день воскресъ, и по четырехдесяти днехъ возшелъ на небеса, пославъ Божественныхъ и священныхъ своихъ учениковъ проповѣдать всему міру благодать и власть Божественнаго и покланяемаго Духа, во еже устроить начала и власти по всей земли, ко исправленію и совершенію Христомысленныхъ людей... Тояже благодати сподобившись и я, грѣшный и недостойный патріархъ Іовъ, благодатию Всевышняго Духа, вѣнчаю на царство царя благочестиваго самодержца Бориса Ѳеодоровича, и молю да приидеть на него благодать Святаго Твоего Духа. И какъ помазалъ Ты, Господи, древнихъ царей чрезъ пророковъ Твоихъ святыхъ, въ новомъ же завѣтѣ чрезъ блаженнѣйшихъ патріарховъ, такъ и нынѣ вѣнчается помазанный благодатию Св. Духа, въ царѣхъ рабъ Твой Борисъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ, для устроенія словесной Твоей паствы православной. Сподоби его пребывать въ Божественныхъ Твоихъ заповѣдехъ. Глаголи въ сердцѣ его все благое о церкви Твоей и о всѣхъ людехъ Твоихъ, да и мы въ мирѣ его съ миромъ пребудемъ, вѣроу утверждаясь въ кротости и правдѣ молитвами

Пресвятая Богородица и Приснодѣвы Маріи, святыхъ славныхъ и всехвалныхъ Апостоль, святыхъ Боговѣнчаныхъ и равноапостольныхъ царя Константина и матери его Елены и всѣхъ святыхъ Твоихъ“. Вторая молитва, произнесенная при возложеніи вѣнца царскаго, имѣеть видъ общаго моленія о царѣ и его супругѣ, которая здѣсь называется „нововѣнчанною“, хотя въ чиноположеніи и не говорится о возложеніи на нее вѣнца.

Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, и потомъ цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ короновались согласно съ первоначальнымъ чиномъ царскаго вѣнчанія, принятымъ при Іоаннѣ⁶¹⁾. Въ вечеріе коронованія Михаила Ѳеодоровича, на все-нощномъ бдѣніи отправлялась служба живоначальной Троицѣ, московскимъ чудотворцамъ и преподобному Сергію. А въ самый день вѣнчанія совершалось молебствіе живоначальной Троицѣ, Божіей Матери, святителю Петру и пр. Сергію. Въ нѣкоторыхъ подробностяхъ вѣнчанія царя Алексія Михайловича видна характеристическая черта времени патріарха Іосифа, когда въ обрядахъ церковныхъ любили все опредѣлять по своему разсужденію. Напр. во время херувимской пѣсни, при перенесеніи св. Даровъ, митрополитъ новгородскій, шедшій съ крестомъ благословлялъ имъ царя⁶²⁾. Помазаніе царя совершалось и на брадѣ и подъ брадою. Новопомазанннй царь приобщался св. даровъ непосредственно послѣ патріарха, такъ что въ слѣдъ за помазаніемъ и при-

⁶¹⁾ Чинъ царскаго вѣнчанія Василія Іоанновича въ акт. археогр. экспед. Т. 2. № 47—Михаила Ѳеодоровича—въ госуд. грамат. Т. 3. № 16—Алексія Михайл. въ древней Визиліе. ч. VII, с. 234.

⁶²⁾ „Егда на херувимской пѣсни сотвориша выходъ, митрополитъ Афеоній приде ко государю царю и благослови его великаго государя честнымъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, его же несе на переносѣ“.

общеніемъ царя, снова затворялись царскія врата, и патріархъ приобщалъ св. таинъ митрополитовъ и прочихъ сослужащихъ съ нимъ. Послѣ заамвонной молитвы, царю поднесенъ антидоръ, или „святыхъ причастій подножіе, еже есть святая дора, на трехъ блюдехъ: на одномъ хлѣбъ Спасовъ, на другомъ хлѣбъ Пречистыя Богородицы, на третьемъ хлѣбъ Иоанна Предтечи“.

Въ чиноположеніи вѣнчанія Царя Θεодора Алексѣевича ⁶³⁾ усматривается особенность иного времени, видна заботливость о приведеніи царскаго вѣнчанія въ ближайшую сообразность съ греческими установленіями и обычаями. Послѣ рѣчи, въ которой государь изъявлялъ свое желаніе короноваться по обычаю предковъ, патріархъ предлагаетъ ему вопросъ: како вѣруеши и исповѣдуеши Отца и Сына и Св. Духа? И государь отвѣтствуетъ: вѣра убо моя сія есть: вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя и проч. По исповѣданіи вѣры, патріархъ глаголетъ: благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ тобою! По примѣру греческихъ царей, на коронуемаго государя возложена царская одежда; потомъ уже св. крестъ, бармы и вѣнецъ съ тѣмиже самими молитвами, какія возглашались и прежде. Священное муропомазаніе началось непосредственно по приобщеніи патріарха, всѣхъ епископовъ и священниковъ, но до приобщенія діаконовъ. Для приобщенія св. Даровъ новопомазанный царь введенъ царскими вратами во св. алтарь и поставленъ близъ св. престола „И царскія двери затвориша,—говоритъ чиноположеніе,—и святѣйшій патріархъ возьмъ часть святаго тѣла, положи на дискось яшмовый, такожде положи и крови Христовы въ потирій (а тотъ дискось и потирій

⁶³⁾ Напечатано въ древн. Визіоэ. ч. VII, с. 304.

язь Рима, повелѣніемъ Божиимъ, водами приплы въ день, въ великій Новградъ, при св. Антоніѣ Римлянинѣ, еще ему живу сущу). И потомъ повелѣ свя-тѣйшій патріархъ благочестивому царю глаголати: *Върую Господи и исповѣдую, и Вечери твоея тайныя* и пр. И вземъ даде отъ дискоса часть животворящаго тѣла въ руки, и благочестивый государь причастися тѣлу Христову; такожде подаде, отъ потира, и крови Христовы“. Приобщеніе царя въ алтарѣ совершалось съ затворенными царскими вратами.

По семуже исправленному чиноположенію совершилось и коронованіе соцарствующихъ Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича ⁶⁴).

Такимъ образомъ чинъ вѣнчанія царскаго, въ концѣ XVII столѣтія, совмѣщаль въ себѣ всѣ учрежденія и обычаи вѣнчанія греческихъ императоровъ и русскихъ великихъ князей и первыхъ царей и знаменательный обрядъ врученія новопоставленному государю акакіи, если не исполнялся у насъ буквально, то замѣнялся другимъ подобнымъ обычаемъ. Непосредственно послѣ коронованія, государи наши слѣдовали изъ успенскаго собора въ архангельскій, гдѣ, по древнему выраженію, „прощаясь у гробовъ“ царственныхъ предковъ своихъ, видѣли они и *ко-неизъ престающаго* (2 Кор. 3, 13).

Съ Петромъ Великимъ престоль державы русской облекся новымъ величіемъ. Повелители Россіи приняли наименованіе Императора. Новое наименованіе не измѣнило однакоже церковнаго чиноположенія вѣнчанія на престоль. Если и являются въ немъ нѣкоторыя перемѣны и дополненія, то они зависѣли отъ другихъ причинъ.

Священнодѣйствіе вѣнчанія съ этого времени получа-

⁶⁴) Древн. Вавилон. Ч. VII, с. 405.

еть свое окончательное образованіе. Мы видѣли, что еще при великихъ князьяхъ вѣнчаніе на престолъ было предваряемо молебнымъ пѣніемъ. Но это молебствіе не было приспособлено къ предназначаемому священнодѣйствію. А при коронованіи царя Θεодора Алексѣевича и двухъ соцарствующихъ государей, оно совершалось только священнодѣйствующими. Коронуемые государи вступали во храмъ уже по окончаніи молебствія. Чтобы молитвою всѣхъ приготовить къ великому священнодѣйствію, чиноположенію данъ полный видъ молебнаго пѣнія ⁶⁵).

Оно предваряется возглашеніемъ псалма 100-го и исповѣданіемъ вѣры.

При вступленіи вѣнчаемаго государя во храмъ возглашается псаломъ: *милость и судъ воспою Тебѣ Господи*. Въ немъ царственный пророкъ въ образѣ своего дѣйствованія преднаписуетъ образъ царя праведнаго. Примѣчательно, что на сей самый псаломъ указывалъ митрополитъ всероссійскій Никифоръ великому князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху въ своемъ наставительномъ посланіи. „Одно скажу тебѣ еще, христіолюбивый мой князь, — писалъ Никифоръ, — вспоминай третій псаломъ перваго часа, т. е. сотый, и со вниманіемъ пой его: *милость и судъ воспою тебѣ Господи* и проч. Это есть истинный образъ, какимъ долженъ быть царь и князь“ ⁶⁶). Итакъ возглашеніе сего псалма предъ началомъ царскаго вѣнчанія есть какъ бы исполненіе древняго завѣщанія.

Исповѣданіе символа вѣры коронуемымъ государемъ вслухъ всей церкви — какъ мы уже видѣли — есть исполненіе другаго завѣщанія православной древности.

⁶⁵) Въ такомъ видѣ совершенно коронованіе Императрицы Екатерины 1-й. Дѣян. Петра Вел. Изд. 2. Г. 10, стр. 62.

⁶⁶) Русск. Достопамят. Ч. 1, стр. 74.

Въ составъ чиноположенія вѣнчанія, по чину мольбнаго пѣнія, необходимо должны были войти нѣкоторыя дополненія, и вошли: ектенія, тропарь, паремія изъ пророковъ и чтенія изъ Апостола и Евангелія. Прошенія ектеніи сосредоточиваются въ одномъ главномъ предметѣ, въ молитвѣ о царѣ, вѣнчаемомъ на царство. Тропарь есть также краткая молитва о царѣ и царствѣ. Чтеніе изъ пророка Исаи (49, 13—19.) объ избавленіи Сіона отъ враговъ рукою Божіею указываетъ основаніе величія православной державы. Слова Апостола, изглаголанныя Духомъ Святымъ, и слова самого Господа нашего Ісуса Христа возвѣщаются въ церкви, какъ законоположеніе самого Царя царствующихъ о царской власти, и какъ основаніе вѣнчанія царя именемъ Господнимъ и помазанія таинственнымъ мѣромъ.

За симъ слѣдуетъ самое вѣнчаніе. Императорская мантия или порфира съ цѣпью ордена св. Андрея Первозваннаго замѣнили древнюю царскую одежду, съ бармами и златою цѣпью; императорская корона замѣнила древнюю шапку или вѣнецъ Мономаховъ. Но молитвы святительскія съ осѣненіемъ крестнымъ и возложеніемъ руки на главу вѣнчаемаго государя тѣже самыя, какія возглашались и древле.

По древнему же чину, украшенный порфирною и короною самодержецъ пріемлетъ скипетръ и державу, возсѣдаетъ на своемъ императорскомъ престолѣ и пріемлетъ вѣрноподданнческія поздравленія.

Но вотъ достопримѣчательная особенность коронаванія императорскаго: умиленная молитва, возглашаемая колѣнопреклоненнымъ въ порфирѣ государемъ ⁶⁷⁾.

⁶⁷⁾ Въ чинѣ коронаванія Императрицы Екатерины 1-й сей молитвы нѣтъ, такъ какъ сія молитва возглашается отъ лица дѣйствительно царствующаго. Но въ чинѣ коронаванія Императрицы Анны Іоанновны она уже находится.

Прежде она только незримо могла восходить изъ глубины души вѣнченосца къ Богу, вся вѣдущему, нынѣ слышитъ и раздѣляетъ сію молитву съ царемъ молящимся весь соборъ церковный. Порфиросный молитвенникъ благодаритъ Царя царствующихъ за удостоеніе величайшаго на землѣ званія и вмѣстѣ проситъ, по примѣру мудрѣйшаго изъ царей, премудрости свыше для благоустроенія ввѣряемаго ему царства во славу Всесвятаго имени.

Соотвѣтственно молитвѣ, приносимой монархомъ, возносится и подданными молитва съ колѣнопреклоненіемъ: молитва благодарственная о дарованіи царя по сердцу Божію, и умилоостивительная о ниспосланіи ему всего благопотребнаго къ прохожденію великаго служенія, и о явленіи къ нему и чрезъ него ко всѣмъ Божественной благости.

„Поученіе“, прежде однообразно повторяемое при каждомъ новомъ вѣнчаніи на царство, уступило мѣсто свободно произносимой рѣчи священнодѣйствующаго іерарха.

Священнодѣйствіе вѣнчанія довершается благодатнымъ обновленіемъ силъ нововѣнчаннаго императора чрезъ св. таинства муропомазанія и приобщенія Тѣла и Крови Христовой. Принявъ священное помазаніе, путемъ освященныхъ, онъ входитъ въ святилище и приступаетъ къ Божественной трапезѣ, яко освященный.

Такимъ образомъ очевидно существенное единство вѣнчанія императорскаго съ древнимъ вѣнчаніемъ царскимъ. Но на что не рѣшались, по характеру времени, древніе наши цари, то достойно ввела самодержавная воля перваго Императора Русскаго, — именно коронованіе супруги царствующаго государя. На основаніи древнихъ примѣровъ въ греческой имперіи и въ ознаменованіе высокихъ доблестей своей

супруги, явленныхъ особенно среди опасностей войны турецкой, Петръ Великій благоволилъ приобщить ее къ священнодѣйствию вѣнчанія и помазанія (7 мая 1724). Священнодѣйствовалъ архіепископъ новгородскій. Императоръ, самъ держа въ одной рукѣ скипетръ, другою возложилъ на государыню императорскую мантию и корону, и вручилъ ей державу. А во время пѣвія каноника подвелъ ее къ царскимъ вратамъ, гдѣ она была помазана св. мѣромъ на челѣ, на персяхъ и на обѣихъ рукахъ, и приобщилась животворящаго Тѣла и Крови Христовой.

Изъ сего обозрѣнія видно, какъ державные владыки Россіи, постоянно заботясь, чтобы все было „государеву имени къ чести и повышенію“, постепенно усвоили себѣ учрежденія и обычаи коронованія греческихъ императоровъ. Сначала мы видимъ въ употребленіи только молитвы царскаго вѣнчанія, потомъ и украшенія царскаго сана. Съ принятіемъ имени царя, самодержцы русскіе помазуются св. мѣромъ. Послѣдніе помазанники изъ царей вводятся для приобщенія во святилище. Первый изъ императоровъ русскихъ возлагаетъ корону на свою супругу.

О трудахъ Митрополита Кипріана по части богослуженія.

Дѣятельность Митрополита Кипріана принадлежитъ замѣчательной эпохѣ въ исторіи церковнаго устава и стоитъ въ тѣсной связи съ литургическими движеніями, которыя въ то время происходили на востокѣ и отражались измѣненіями въ составѣ и строѣ тогдашняго обряда. Кипріанъ особенно чутко слѣдилъ за этими движеніями и больше, чѣмъ кто либо другой изъ русскихъ церковныхъ дѣятелей, имѣлъ возможность наблюдать и переносить ихъ результаты на русскую почву. Постоянныя сношенія съ Константинополемъ и тѣсныя личныя связи съ патріархомъ Филовеемъ (оставившимъ по себѣ такой видный слѣдъ въ тогдашней литургической письменности), ставили его лицомъ къ лицу со всѣмъ, что вырабатывалось въ этомъ центрѣ тогдашняго церковнаго міра и выходило отсюда съ авторитетомъ общепринятаго церковнаго порядка. Далѣе, ему былъ какъ нельзя лучше извѣстенъ Аѳонъ, гдѣ онъ провелъ годы своей ранней молодости и получилъ религіозное и книжное образованіе. А извѣстно, что Аѳонъ тогдашняго времени былъ великою культурной и церковной силою. Онъ былъ школою, изъ которой выходили тогдашніе лучшіе дѣятели и нѣсколько патріарховъ, заявившихъ себя почтенными трудами въ области ли-

тургической. Здѣсь выработались и нашли себѣ твердую почву разныя формы монашескаго быта, начиная общежитіемъ до идиорритмовъ и келліотовъ, а это обстоятельство повліяло на обработку устава и на образованіе келейнаго монашескаго правила. Наконецъ, въ этой монашеской колоніи сошлись представители со всѣхъ концовъ церковнаго міра: Греки, Славяне, Грузины, Арабы, Армяне. Каждая изъ этихъ національностей имѣла здѣсь свои монастыри, свои мѣстные культурные центры, изъ которыхъ аеонскіе обычаи и порядки разносились въ метрополию. Киприану было хорошо извѣстно и состояніе церковной жизни въ земляхъ славянскихъ — Болгаріи и Сербіи, — съ которыми онъ былъ связанъ родственными отношеніями. Откуда онъ былъ родомъ: изъ Болгаріи или Сербіи — для насъ, въ данномъ случаѣ, безразлично, и самая неопредѣленность этого вопроса можетъ служить доказательствомъ особенной его близости къ этимъ обѣимъ странамъ.

Поставленный въ такія близкія отношенія къ главнымъ пунктамъ тогдашняго церковнаго міра, Киприанъ имѣлъ полную возможность воспользоваться результатами тогдашняго положенія дѣлъ и перемѣстить на русскую почву то, что еще не успѣло перейти отсюда въ нашу практику. Въ своей литургической дѣятельности онъ является именно такимъ компиляторомъ тогдашнихъ греко-славянскихъ порядковъ, съ которыми успѣлъ хорошо ознакомиться книжнымъ путемъ, или по личному опыту.

Литургическимъ вопросомъ первой важности для тогдашней русской церкви былъ церковный уставъ. Извѣстно, что впервые онъ былъ принятъ у насъ въ студійской редакціи и введенъ преп. Θεодосіемъ въ Печерскомъ монастырѣ. Въ то время и въ Константинополѣ это былъ наиболѣе распространенный типъ

устава, которому слѣдовали и патриаршіе монастыри, и мірскія церкви, какъ видно изъ типика патр. Алексѣя, который принялъ за основаніе своего изложенія практику студійскаго монастыря, заимствовавъ при этомъ кое что изъ типика Великой церкви и кое что измѣнивъ и дополнивъ согласно съ условіями монастыря, имъ основаннаго. Но уже въ концѣ XI вѣка на востокѣ начинаетъ сильно заявлять свои права уставъ іерусалимскій. Никонъ Черногорець постоянно принимаетъ его въ соображеніе при рѣшеніи литургическихъ вопросовъ, ставитъ между типиками великихъ монастырей и говоритъ о его распространеніи въ антiохійскомъ патриархатѣ. Спустя около полу столѣтія, мы встрѣчаемся въ Константинополѣ съ уставомъ императрицы Ирины, который она дала основанному ею женскому монастырю (1114 г.) Благодатной (*Μονή τῆς χαριτομένης* — благовѣщенія). Въ сожалѣнію, въ немъ идетъ рѣчь о дисциплинарныхъ порядкахъ, а объ уставѣ службы говорится очень мало; но изъ того, что извѣстно и изъ этихъ краткихъ указаній, уже видно, что въ него вошли нѣкоторыя особенности службы, свойственныя уставу іерусалимскому; напр. о всенощныхъ и часахъ. Еще замѣтнѣе сказываются эти черты въ уставѣ (опять дисциплинарномъ) Саввы Сербскаго (нач. XIII в.), данномъ Хиландарскому монастырю. И тотъ и другой представляютъ одинъ типъ и изложены въ одномъ порядкѣ, а по мѣстамъ даже сходны дословно. Впослѣдствіи по тому же образцу былъ составленъ и ктиторскій уставъ для монастыря, основаннаго Михаиломъ Атталіотомъ. О Саввѣ Сербскомъ извѣстно, что онъ нѣсколько разъ путешествовалъ въ Іерусалимъ къ святымъ мѣстамъ и, какъ самъ говоритъ, старался подражать тамошнимъ церковнымъ порядкамъ. Въ его уставѣ есть ясныя намеки на заим-

ствования изъ типика іерусалимскаго, или лучше сказать, изъ той его редакціи, которая была въ то время принята на Аѳонѣ и отличалась отъ іерусалимской въ правилахъ о постѣ и въ службѣ первой и послѣдней его недѣли. Такъ, въ главѣ о бдѣніяхъ (гл. 8) говорится: „бдѣнія да бывають въ недѣли и владычнія праздники и въ памяти прочихъ великихъ святыхъ, *о нижже синаксарь научить.*“ Но въ синаксарѣ студійскаго устава ни слова не говорится о всеобщихъ бдѣніяхъ, и ссылка на нихъ сама собою указываетъ, что въ то время на Аѳонѣ существовали инныя записи устава, отличныя отъ студійскихъ.

Такимъ образомъ, основанія іерусалимскаго устава въ XII—XIII вѣкѣ были уже приняты на Аѳонѣ и отсюда заимствованы Саввою въ его хиландарскій типикъ; а это въ свою очередь показываетъ, что краткая запись студійскаго устава, (*ἀποτόποιετῆς χαριστάβεωσ τῆς μευῆς τῶ στυδίου*) введенная Аѳанасіемъ Аѳонскимъ въ его лавру, не имѣла будущности, и въ XII вѣкѣ уже уступила мѣсто практикѣ аѳоно-палестинской. Георгій Мтацмнядели, одинъ изъ настоятелей Иверскаго монастыря (+1072 г.), перевелъ на грузинскій языкъ уставъ Саввы Освященнаго (Аѳонъ. Порф. I. 195).

Отъ конца XIII вѣка мы имѣемъ уже полную запись іерусалимскаго устава, находившуюся въ употребленіи въ монастырѣ св. Авксентія, близъ Константинополя. Рукопись эта была изготовлена трудами одного монаха этой обители и, какъ значитъ въ предисловіи, пожертвована въ Ватопедскій монастырь архимандритомъ на поминъ души. Въ виду нападеній, дѣлаемыхъ на эту запись и отрицанія ея принадлежности къ тексту устава, скажемъ, что для нашихъ выводовъ то или другое рѣшеніе не будетъ важно, потому что въ Румянцевскомъ музеѣ есть списокъ іерусалимскаго устава того же вѣка и той

же самой редакціи. Въ началѣ XIV вѣка уставъ этотъ не только былъ введенъ въ употребленіе, но и признанъ авторитетомъ патріарховъ едва ли не всего востока. Когда сербскій архіепископъ Никодимъ, исполняя волю перво-пастыря сербскаго Саввы, рѣшился ввести у себя полный церковный уставъ, онъ обратился за пріобрѣтеніемъ его въ Константинополь, выписалъ черезъ своего посланца списокъ іерусалимскаго типика „и преложилъ его въ свой языкъ отъ писменъ греческаго языка“. Это было въ 1319 году. Но еще нѣсколько раньше, въ бытность игуменомъ хиландарскимъ, Никодимъ отправлялся въ Константинополь, по поводу бывшихъ тогда династическихъ усобицъ въ Сербіи, и тамъ видѣлъ уставъ трудолюбивый тѣхъ мужей (патріарховъ—константинопольскаго, іерусалимскаго, антиохійскаго), „державшихъ типикъ по обычаю св. града Іерусалима, по уставу св. Саввы пустынножителя“. Замѣчательно, что онъ получаетъ этотъ уставъ изъ монастыря „святаго предтечи и крестителя Іоанна“. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что здѣсь разумѣется монастырь студійскій, а если это такъ, то роль студійскаго устава закончилась на самой его родинѣ, и онъ уступилъ свое мѣсто другому.

Такимъ образомъ, въ XIV вѣкѣ положеніе іерусалимскаго устава окончательно упрочилось, и онъ былъ принятъ на всемъ востокѣ и у южныхъ Славянъ. Но въ Россіи господство его начинается позже, и мы по крайней мѣрѣ цѣлымъ столѣтіемъ отставали въ этомъ отношеніи отъ Востока. Первые списки славянскаго устава, бывшаго въ употребленіи нашей церкви, относятся къ послѣдней половинѣ XIV вѣка и носятъ на себѣ слѣды сербизмовъ, указывающихъ на заимствованіе его отъ южныхъ славянъ, а первый изъ извѣстныхъ русскихъ переводовъ появил-

ся въ самомъ началѣ XV вѣка и принадлежитъ Аѳонасію высотскому. На практикѣ эта отсталость имѣла послѣдствія очень невыгодныя. Мы находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ востокомъ и получали отъ него богослужебныя книги, но эти послѣднія, какъ извѣстно, подчиняются уставу, какъ своему регулятору, и перемѣны въ области послѣдняго неминуемо сказываются на обработкѣ и строѣ отдѣльныхъ служебныхъ книгъ. Выходило такъ, что эти вновь получаемыя книги, какъ редижированныя по іерусалимскому уставу, не сходились съ дѣйствовавшимъ у насъ студійскимъ типикомъ и становились въ противорѣчіе съ установившеюся практикою службы. Заходили эти перемѣны и путемъ живыхъ сношеній, какъ особыя литургическіе обычаи, принятые на Востокѣ, но несходныя съ нашими. Вслѣдствіе этого возбуждались вопросы и недоумѣнія, за разрѣшеніемъ которыхъ наши церковныя власти обращались къ патріархамъ и вообще свѣдущимъ лицамъ. Такъ Θεогностъ сарайскій отъ имени русскаго митрополита предлагаетъ на патріаршемъ соборѣ рядъ вопросовъ, изъ которыхъ нѣкоторые прямо возникали изъ несходства тогдашняго греческаго устава съ нашею студійскою практикою. Напр., слѣдуетъ ли служить въ среду и пятницу на сырной недѣлѣ, также въ великую пятницу, пржедосвященную службу или нѣтъ? Мы, слѣдуя студійскому уставу, продолжали въ эти дни служить обѣдню, но на Востокѣ этотъ обычай уже былъ оставленъ. Понятно, что такими одиначными палліативными мѣрами общаго затрудненія рѣшить было нельзя, потому что неудобно же было на каждый подобный случай дожидаться отвѣта издалека. да подобныя оффиціальныя рѣшенія никимъ образомъ не могли исправить сотни и тысячи рукописныхъ уставовъ, тріодей и служебниковъ, по

которымъ велась служба. Надобно было подумать о соглашеніи нашихъ церковныхъ книгъ съ движеніями устава на Востокъ и прежде всего дать русской церкви этотъ новый уставъ, ввести его въ практику и согласить съ нимъ тогдашнія служебныя книги. Рѣшенію этой задачи много содѣйствовалъ митроп. Кипріанъ. Повидимому, онъ хорошо сознавалъ практическія невыгоды подобнаго положенія дѣлъ и хотѣлъ помочь ему ознакомленіемъ Руси съ современнымъ греческимъ обрядомъ и перенести его на русскую почву. Къ сожалѣнію, ему не пришлось рѣшить вполнѣ этой задачи и стать на высоту современныхъ церковныхъ требованій. Не видно ни откуда, чтобы онъ далъ этотъ новый уставъ русской церкви, или утвердилъ его своимъ авторитетомъ. Заботясь объ установленіи однообразія въ текстѣ служебныхъ книгъ, онъ не произвелъ цѣльнаго исправленія, согласно съ ихъ редакціею на Востокъ, а ограничился одиночными опытами въ этомъ родѣ, на сколько было въ силахъ одного человѣка. Будучи въ своемъ родѣ любодѣтельною пчелою, выражаясь словами предисловія къ іерусалимскому уставу, онъ изъ Константинополя беретъ синодикъ, который чтутъ въ Софіи цереградской, и переводитъ молитвы и каноны патріарха Филоея; изъ болгарскихъ требниковъ заимствуетъ уставъ литургіи, вводитъ его въ употребленіе на Москвѣ въ своемъ служебникѣ и пересылаетъ Псковичамъ; въ студійскомъ монастырѣ переписываетъ лѣствицу, а въ свою псалтирь вноситъ аѳонскіе обычаи (напр. чинъ панагій, канонъ Григорія Синаита), словомъ, перенимаетъ отвсюду самыя живыя новости литургическаго дѣла. Но при такой отрывочной работѣ, результаты ея оказались неполными, и желаемое однообразіе въ текстѣ книгъ и формѣ обряда осталось „*primum desiderium*“. Не смотря на исправленный слу-

жебникъ, на пересмотрѣнные чины таинствъ, которыми были снабжены Псковичи черезъ попа Харитона, вопросы, съ которыми считался Киприанъ въ письмѣ къ Аѳанасію и въ пастырскихъ своихъ посланіяхъ, на практикѣ не были порѣшены, и Фотій спустя 10—20 лѣтъ, былъ принужденъ повторять рѣшенія Кипріана по поводу тѣхъ же вопросовъ, съ которыми имѣлъ дѣло послѣдній. Если Псковичи продолжали по прежнему держаться обливательнаго крещенія, ѣли наканунѣ Богоявленія и въ день Усѣкновенія мясо, служили въ великую субботу мѣопмонъ, это не было съ ихъ стороны, что называется злоупотребленіемъ, но происходило отъ затруднительности *благоупотребленія* при существованіи двухъ источниковъ практики, или лучше сказать въ томъ случаѣ, когда наибольшее число источниковъ говорило въ пользу прежняго, а не новаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Чтобы стать на путь благоупотребленія, имъ нужно было забыть прежніе обычаи, отказаться отъ наличныхъ служебныхъ книгъ и вопреки ихъ тексту, вопреки установившемуся порядку, вести дѣло по указаніямъ пастырскаго посланія. Но невозможно было сразу достигнуть этой перемѣны: нужно было подождать, когда старая редакція требниковъ и уставовъ будетъ замѣнена новою. И дѣйствительно, когда это случилось, прекратились и недоразумѣнія.

О Митрополитѣ Кипріанѣ у насъ было писано довольно въ общихъ курсахъ церковной исторіи и отдѣльныхъ монографіяхъ. Но полной, критической оцѣнки его литургической дѣятельности, его отношеній къ тогдашнему обряду на Востокѣ, не сдѣлано ни въ одной, точно также какъ не показано, какими источниками онъ пользовался при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ тогдашней церковной практики и что новаго внесено имъ было въ составъ нашихъ бого-

служебныхъ книгъ. А между тѣмъ этою то дѣятельностію и заявилъ себя преимущественно Кипріянь, посвятивъ ей большую часть своей жизни. Болѣе подробное и обстоятельное изложеніе его литургическихъ трудовъ сдѣлано въ Исторіи Р. Церкви Высокопреосвящ. Макарія ч. IV и въ статьѣ: Правила Митрополита Кипріяна, въ Православномъ Соборѣ. 1865 ч. II, а подробное описаніе и основательный анализъ его служебника и требника — въ Описаніи рукоп. Синод. Библ. т. III. Болѣе правильный текстъ его посланій изданъ въ Русской Исторической Библіотекѣ (Изданіе Археогр. Комм. 1880 г.)

Служебникъ Митрополита Кипріяна.

Этотъ служебникъ, по составу своему, есть ничто иное, какъ сокращенный евхологій, или такая церковно-служебная книга, въ которой совмѣщаются молитвы и послѣдованія, входящія теперь въ составъ служебника и требника. Теперешній типъ служебника образовался не раньше XVII вѣка, и раздѣленіе между нимъ и требникомъ устанавливается съ печатныхъ изданій. До тѣхъ же поръ между служебникомъ и требникомъ не проведено было строгой грани различія и не принято особаго названія. VIII-я книга Апост. Постановленій можетъ служить древнѣйшимъ образцомъ такого смѣшаннаго сборника, въ который вошло изложеніе литургій и послѣдованіе таинствъ вмѣстѣ съ молитвами и обрядами на разные случаи. Въ такомъ же видѣ представляются евхологій по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ. Едва ли не каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенности въ составѣ и разности въ расположеніи служебнаго матеріала, начиная кратчайшими

записями съ изложеніемъ одной литургіи и кончая такими полными сборниками, какъ требники XIV — XV в. заключающіе до 180 статей литургическаго и каноническаго содержанія ¹⁾). Служебникъ Кипри-

¹⁾ Этому разнообразію состава соотвѣствуютъ и разныя названія, подъ которыми были извѣстны служебникъ и требникъ у древнихъ греческихъ и славянскихъ писателей. Болѣе употребительное изъ нихъ есть „Еυχολόγιον“, по славянски „молитвенникъ“. Въ описи церковнаго имущества монастыря Ксидургу (1143 г.) упоминается въ числѣ книгъ „Еυχολόγιον ἔχον σαυρὸν ἀρχιεπισκοπῆς...“ (Акты Пантаел. монаст. стр. 50). Въ описи имущества монастыря св. Пантелеймона (1232): οκτώηχος δικαῖνος, ψαλτήριον, Εὐχολόγιον, ἐσαγγέλιον, κοντάκιον, τριώδιον, προφητικὸν μελαίον, τολιχὸ, ἀναγνωστικὸν πεντηκοστήριον. (Acta patr. IV p. 56). Тоже названіе встрѣчается и въ завѣщаніи игумена Герасима, изданномъ Монфокономъ. (Palaeogr. gr. p. 404). Это названіе перешло и въ славянскую терминологию. Въ синод. уставѣ XII в. № 330 (л. 198) молитву, произносимую священникомъ передъ обѣдомъ „Господи Боже нашъ небесный, и животворящій хлѣбъ“ указываетъ искать въ евхологіи. У Никона Черногорца (Такт. сл. 14) молитва разрѣшительная послѣ исповѣди заключается „въ молитвенницѣ“. Тамъ же, по его словамъ, находились молитвы крещенія и монашескаго пострига (сл. 16). Въ слав. Кормч. 1282 г. (рукоп. Синодальн. библиот. № 132) говорится „Бгда ѿстоитъ новосіиный поупъ. оурокъ свон. оу сборноиѣ цркви. како же обыузи есть. ейиѣ ѿпоуцаи и къ пороуеиеніи емоуѣ цркви на казакъ дасть емоуѣ ѿ роукоу своєю мѣткнику“. Въ отвѣтахъ на вопросы Кирика молитвы при крещеніи и муропомазаніи „поупъ въ молитвенницѣ кажетъ“. Ипат. лѣтописъ, говоря о пожертвованіяхъ Владиміра Васильковича Волынскаго въ постройенія имъ церкви, упоминаетъ: „и молитвенникъ да“. Для знакомства съ составомъ этой служебной книги, замѣчательно слѣдующее прибавленіе: списа же и служебникъ св. Георгію и молитвы вечерни и утрени особъ молитвенника. Молитвенникъ же купи въ протопоповноіе ида на немъ 8 гривенъ кунъ. Въ составѣ молитвенника заключался и служебникъ съ молитвами священника на вечернѣ и утрени. Владиміръ Волынскій списываетъ ихъ отдѣльно. Греческія и славянскія рукописи съ изложеніемъ литургій и службъ требника болѣею частію не имѣютъ особой надписи и вачиваются обыкновенно „службою“ (т. е. литург.) Златоуста. Отсюда произошло и позднѣйшее названіе „служебникъ“, которому соотвѣтствуетъ греч. λειτουργάριον, или διακονίον. Чаще же эти рукописи называются: молитвенникъ, молитовникъ. Напр. „Молитовникъ ѿ взъ поуниаємъ уи ѿлиторгни ѿ Златоустаго. (Служебн. Имп. Пуб. Библ. 1342 г. Срезн. Древн. пам. письма 245) Треби. библ. Воскр. монастыря № 7, 1380 г. называется „молитвенникомъ“ якоже святии отци изложиха Василій, Григорій, Іоаннъ Златоустый. (Амф. Арх. Опис. Библ. Воскр. мон. стр. 10.

ана принадлежит къ той же семьѣ неустановившихся литургическихъ сборниковъ, и его составитель не довелъ своего труда до конца. Не выписывая его

Срезневск. 206) Наавање служебникъ встрѣчается очень рѣдко, и намъ извѣстны только два-три случая: написана бысть служба си **сѣго Іоана Златоустаго** (1400 г.); (Пам. Срез. 134) служебникъ Владимира Волынскаго, служебникъ Кипріяна. Въ перечнѣ книгъ, необходимыхъ священнику, между прочимъ, упоминается „летургія“ въ славянск. Кормч. XIII в. (Starine VI. 127). И понове да имають апостоль, евангеліе, летургію, тріодь, номоканонъ, псалтирь, охтайкѣ и господскимъ праздникомъ службу и чтенія на поученіе людемъ“.

Тактиконъ. Слово это употребляется въ смыслѣ устава и сборника чиновъ (τάξις), или послѣдованій церковныхъ, а въ частности соотвѣтствуетъ нашему евхологію. Любопытный образчикъ такого сборника представляетъ греческ. рукоп. синодальн. библ. № 279, съ слѣдующею надписью *Ιωαννου του εισηγηταου βασιλευος και αυτοκρατορος Ρωμικων. του κωνσταντουπολιτικου του Θω αχτιου*. Какъ видно изъ этой записи, рукопись принадлежала византійскому императору Іоанну Кантакузему, отказавшемуся отъ престола и постригшемуся подъ именемъ Іоасафа. Содержание тактикона обвиняетъ литургіи, послѣдованіе крещенія, миропомазанія, брака, елеосвященія, молитвы священника на вечернѣ и утренѣ, службу на вечернѣ пятидесятницы, обрядъ омовенія ногъ въ великій четвергъ, освященіе воды въ навечеріе богоявленія и разныя молитвы. Особенно замѣчательно, что нѣкоторые молитвы елеосвященія написаны отъ лица императора Іоанна и повторяютъ его имя. Такъ какъ елеосвященіе совершалось въ древности и надъ здоровыми, то вѣроятно по этому требнику справлялось оно и надъ Кантакузеномъ, причемъ было внесено въ молитвы и его имя. У византійскихъ императоровъ было въ обычаѣ запасаться такими книгами и онѣ составляли необходимую принадлежность даже ихъ походной библіотеки, не говоря о постоянной, дворцовой. Въ книгѣ De sermionibus aulae Byzant упоминается въ числѣ книгъ походной библіотеки „ή εχολογηία της εκκλησίας“. (De serm 467, ed Bonn).

Контѣкионъ въ значеніи церковной книги упоминается въ Acta patr. T. II. p. 567, гдѣ описывается инвентарь великой церкви. Службы, молитвы и пѣнопѣнія иногда писались на свиткахъ пергамина, которые наворачивались на круглую ручку и когда ихъ нужно было читать, — разворачивались. На такихъ большихъ листахъ писались литургіи отдѣльно отъ прочихъ службъ, а потому и слово *κωντακιον* сдѣлалось синонимическимъ служебнику. Вальфамонъ: *το της του Ιωαννου λειτουργικας κωντακιον*. Ad 32 cap. Corp. Trull. У Монокона въ перечнѣ книгъ одного настоятеля монастыря поименованы между прочимъ: *κωντακια δυο. το ευ εχον τα προηγιασμενα και το ετερον ευδα η βαπτισιας*. Palaeogr. p. 404. Такіе свитки съ записями литургіи сохранились и доселѣ. Записи на дѣломъ свиткѣхъ противополгается тетради (тетраδιον); это обычный форматъ рукописей. Подробн. у Дуканжа и Монокона.

содержанія (оно подробно изложено въ Описаніи Рук. Синод. Библіотеки), мы здѣсь замѣтимъ только, что изъ видѣнныхъ нами греческихъ и славянскихъ евхологіевъ ни одинъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ нашей рукописи, и если изъ нея исключить чинъ вѣнчанія, то она будетъ близко подходить къ типу первыхъ печатныхъ служебниковъ. При настоящемъ же составѣ не видно, чтобы переписчикъ или редакторъ служебника руководился какимъ нибудь обдуманномъ планомъ и придалъ ему законченный видъ. Для обиходной пастырской практики онъ былъ слишкомъ не полонъ и не имѣлъ даже чина крещенія и исповѣди; не обнималъ онъ и тѣхъ службъ, которыя особенно нуждались въ исправленіи, и о которыхъ Кипріанъ говоритъ въ посланіи къ Псковичамъ и въ отвѣтахъ игумену Аѳанасію.

А потому служебникъ Кипріана не рѣшилъ вопроса о его нормальномъ составѣ и имѣлъ вліяніе на выработку его типа столько же, сколько и другіе неполные евхологіи. Изъ нихъ-то впослѣдствіи и выдѣлилось содержаніе служебника. Вслѣдствіе этой случайности состава, Кипріановъ служебникъ не повторился вполнѣ въ другихъ спискахъ (по крайней мѣрѣ намъ они неизвѣстны) и остался одинокимъ. Та серія евхологіевъ, которая примыкаетъ къ нему и повторяла исправленія, въ него внесенныя, представляетъ все таки болѣе или менѣе значительныя дополненія. Таковы: служеб. синод. № 347—952 и нашей академіи евхологіи № 77. Первый, какъ видно изъ Описанія рукоп. С.-Б., во многомъ сходенъ и по составу и по изложенію съ служебникомъ Кипріана, имѣя лишнимъ противъ него чинъ крещенія, а въ свою очередь не имѣетъ чина вѣнчанія. Нашъ евхологіи въ общихъ статьяхъ списанъ съ служебника Кипріана слово въ слово и повторяетъ да-

же мелкія его особенности, не исключая ошибокъ писца въ подлинникѣ. Этотъ порядокъ статей продолжается до молитвъ утреннихъ включительно; но затѣмъ начинаются дополненія, во главѣ которыхъ стоитъ чинъ индикта и цѣлый рядъ статей изъ требника, кормчей и октоиха, приближающихъ вашу рукопись къ полнымъ евхологіямъ. Изъ остальныхъ статей служебника не записаны только 4 молитвы (на очищеніе церкви, на поставленіе кресту, надъ виномъ служебнымъ, на отверженіе церкви, л. 122—123). Отправляясь отъ этихъ общихъ статей, переписчики относили иногда къ Кипріану и всю рукопись, въ которую онѣ входили, то есть дѣлали заключеніе отъ частнаго къ общему, отъ извѣстныхъ отдѣловъ къ цѣлому. Такимъ путемъ перенесено было на синодальную рукопись № 375—326 названіе Кипріанова требника. Не только нельзя доказать, чтобы всѣ статьи, входящія въ эту рукопись, были исправлены, переведены или списаны Кипріаномъ, но даже и тѣ, которыя общи этому требнику съ служебникомъ его, отличаются особенностями перевода и изложенія и взяты изъ другихъ источниковъ. Для рѣшенія вопроса о принадлежности Кипріану рукописи, извѣстной подъ именемъ его служебника, мы не имѣемъ такихъ твердыхъ и рѣшительныхъ данныхъ, какія напримѣръ представляетъ собственноручно списанная имъ „лѣствица“, и другія рукописи одинаковаго съ нею почерка. Почеркъ служебника отличается отъ автографовъ Кипріана и, по очень вѣроятной догадкѣ описателей рукописей С.-Б., принадлежитъ иноку Иларію, который оставилъ свое имя въ припискѣ на л. 132. (Опис. III, 12) Онъ же воспроизвелъ съ подлинной рукописи и извѣстную запись Кипріана: „сей служебникъ переписанъ (въ подлинникѣ вѣроятно стояло

„преписахъ“) рукою своею (моею)“ и т. д... съ на-
ставленіемъ переписчикамъ точно слѣдовать тексту
подлинника, безъ малѣйшихъ поправокъ и измѣненій.
Но подпись эта относилась не ко всему составу ру-
кописи, а только къ одной ея части, гдѣ заключал-
ся текстъ литургій. Вопреки обычаю переписчиковъ
того времени оставлять запись съ отмѣткою года
и дня окончанія работы и помѣщать ее на кон-
цѣ рукописи, гдѣ собственно трудъ и оканчивался,
здѣсь подпись не сопровождается никакими хроно-
логическими указаніями и читается на л. 72, въ
средицѣ рукописи, непосредственно за текстомъ ли-
тургій, а это, по нашему мнѣнію, показываетъ, что ав-
тографъ Кипріана только этою частію и ограничи-
вался. Дальнѣйшихъ статей въ первоначальной ру-
кописи не было: онѣ собраны и введены въ составъ
служебника позднѣйшимъ собирателемъ, который вклю-
чилъ сюда не одни подлинные труды Кипріана, но
и то, что ему лично не принадлежало. Напримѣръ
чинъ малаго освященія воды, переведенный Феодо-
ромъ ростовскимъ. Съ другой стороны не вошло въ
него и правленіе Кипріаномъ крещеніе дѣтское.
Наконецъ, нѣкоторыя служебныя подробности проти-
ворѣчатъ его же собственнымъ замѣчаніямъ о соста-
вѣ тогдашней службы; напр. не одно и то же число
вечернихъ и утреннихъ молитвъ положено по слу-
жебнику и въ посланіи къ Аѳанасію.

Спросимъ теперь: что новаго внесъ Кипріанъ въ
исправленный имъ текстъ литургій, и какое значеніе
имѣетъ его служебникъ въ исторіи развитія и об-
работки литургійныхъ обрядовъ. Но чтобы отвѣ-
тить на этотъ вопросъ, намъ слѣдуетъ нѣсколько
оглянуться назадъ и привести въ извѣстность, въ ка-
комъ положеніи находилась тогда обработка литур-
гій *на востокъ*.

Не смотря на тысячелѣтній періодъ своего существованія, восточныя литургіи въ XIII и XIV вѣкѣ далеко не достигли однообразія и законченности. Всего болѣе въ этомъ отношеніи страдала часть предварительная и заключительная. Обряды приготовленія священника къ службѣ, его облаченіе, совершеніе проскомидіи со всею ея обстановкою, правила относительно внѣшняго положенія и приемовъ служащихъ въ алтарѣ, отношеніе діакона къ священнику во время службы, не говоря о точной редакціи молитвъ,— все это оставалось дѣломъ будущаго, точно также, какъ и рѣшеніе многихъ казуистическихъ вопросовъ служебной практики. Обычай, конечно, создавалъ извѣстные приемы на этотъ счетъ; болѣе практичныя изъ нихъ удерживались и передавались, но чтобы изъ нихъ составился извѣстный кодексъ правилъ, а эти правила получили санкцію и были внесены въ самый текстъ литургіи какъ руководство — этого до сихъ поръ не было, и чѣмъ древнѣе литургійные списки, тѣмъ слабѣе развита въ нихъ ритуальная сторона.

Патріархъ литургійныхъ записей—Барбериновъ списокъ у Гоара—заключаетъ однѣ только молитвы, указывая, что нужно говорить, и обходя какъ говорить, и что при этомъ дѣлать. Обряды проскомидіи вовсе не записаны; указателемъ ея служить одна молитва *προσκομιδῆς*, а для послѣдующихъ частей—другія молитвы, къ нимъ относящіяся. Другіе списки, изданные Гоаромъ, въ большей или меньшей степени раздѣляютъ тѣ же условія. Перечень греческихъ рукописей литургійнаго содержанія изъ другихъ библиотекъ приводитъ къ такимъ же заключеніямъ. Такъ, въ Савостьяновскомъ собраніи рукописей (Рум. муз.), вывезенныхъ съ Аѳона, есть очень древній греч. евхологій, судя по письму XI—XII в. Въ немъ литургія Василия Великаго, помѣщенная во главѣ про-

чихъ, начинается молитвою ἐν τῷ σκευοφράκιῳ, т. е. теперешнею молитвою предложенія, а Златоуста — съ молитвъ объ оглашенныхъ. Чина проскомидіи и указаній обрядовыхъ дѣйствій не записано. Въ синодальномъ еххологіѣ, судя по надписи, принадлежавшемъ импер. Іоанну Кантакузену (слѣд. полов. XIV, № 279) изложеніе литургіи Златоуста также начинается не съ проскомидіи, а молитвою προέξως. Въ служебн. № 472 (XIV—XV в.)—тотъ же пріемъ. Рядомъ съ этими образцами встрѣчаются литургійные списки съ болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ обрядовъ проскомидіи, облаченія, входа; но едва ли не каждый изъ нихъ отличается своими разностями, отличающими неустойчивость и колебаніе въ постановкѣ ритуальной части. Такъ, въ однихъ все дѣло ограничивается указаніемъ на счетъ приготовленія агнца и чаши (Синод. Библ. Опис. III, стр. 2—6), въ другихъ число просфоръ колеблется между одною и тремя, не заходя далѣе четырехъ. Ясно выраженнаго пятипросфорія мы нигдѣ не нашли въ спискахъ до XV вѣка. Образчикомъ того же неустойчиваго изложенія могутъ служить славянскіе рукописные служебники Синод. Библ. XII—XIV в., служебникъ Воскрес. монастыря XIV в. № 7 (опис. Арх. Амфил.); сюда же слѣдуетъ причислить и греческій списокъ литургіи 1306 г. съ подробнымъ описаніемъ проскомидіи, видѣнный Пр. Порфиріемъ въ Есфигменѣ (Аэонъ, путеш. 297), и греческіе списки, приводимые Гоаромъ вслѣдъ за Барбериновымъ.

Въ такомъ же приблизительно положеніи находилась обработка ритуальной стороны и въ другихъ службахъ. Часословы, псалтири, октоихи, стихирари и кондакари давали обильный служебный матеріалъ, употребленіе котораго регламентировалось уставомъ. Общій ходъ всеневныхъ службъ былъ въ этомъ от-

ношеніи опредѣленъ какъ нельзя лучше, но обрядовыя подробности, казуистическіе приемы въ исполненіи тѣхъ или другихъ ея частей, точное распредѣленіе обязанностей священника, діакона и низшихъ церковныхъ служителей въ ходѣ службы—оставались въ положительной регламентации и въ разныхъ уставахъ и церковныхъ книгахъ излагались различно. Уставъ іерусалимскій уже внесъ крупную долю въ обработку этой казуистической стороны: онъ давалъ на этотъ счетъ много практическихъ указаній, но они были слиты съ текстомъ службы, предусматривали далеко не всѣ подобные случаи и расходились съ рубриками другихъ служебныхъ книгъ. Прибавимъ къ этому обрядовый формализмъ, особенно строго соблюдавшійся въ монастыряхъ, стремленіе закрѣпить требованія дисциплины въ опредѣленномъ кодексѣ однажды навсегда установленныхъ правилъ, придать церковной службѣ тотъ же однообразный видъ, опредѣливъ до мельчайшихъ подробностей жесты, манеру, приемы служащихъ лицъ—и мы поймемъ, сколько условій соединилось для того, чтобы обратить особенное вниманіе на разработку устава съ этой обрядово-казуистической стороны.

Къ сожалѣнію, процессъ этой работы не оставилъ слѣдовъ въ историческихъ памятникахъ той эпохи и остается неизвѣстнымъ—когда, кѣмъ и при какихъ условіяхъ велось это дѣло. Мы знаемъ о немъ по его результатамъ, по той окончательной редакціи, которая явилась на свѣтъ въ XIII—XIV вѣкѣ подъ именемъ „*diataxis tēs ierodiahoniās* или *ordo*“ патриарха Филсоея. Эта обработка простиралась на всѣ главныя службы устава и имѣла въ виду опредѣлить подробности обряда для службъ суточного круга и литургіи. Дѣло было задумано и велось систематически. Составитель *ordo* держался іерусалимскаго устава и

не только слѣдовалъ принятому здѣсь порядку службы, но во многихъ случаяхъ дѣлалъ изъ него буквальные извлеченія и повторялъ особенности текста. *Διάταξις* напечатанъ въ евхологїи Гоара, и желающихъ ознакомиться ближе съ его содержаніемъ мы отсылаемъ къ этому изданію; но кромѣ того, онъ помѣщается въ началѣ греческихъ рукописныхъ и старопечатныхъ требниковъ, откуда попалъ и въ евхологїю Гоара.

Что касается до принадлежности этого устава патриарху Филоою, то на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ кромѣ надписи въ заглавіи. По крайней мѣрѣ на уставъ литургїи онъ не имѣетъ правъ авторства. Этотъ послѣдній по греческимъ спискамъ извѣстенъ раньше Филоея и предупреждаетъ его дѣятельность чуть ли не цѣлымъ столѣтіемъ. А такъ какъ уставъ вечерни и утрени стоитъ въ самой тѣсной связи съ уставомъ литургїи, и обѣ эти части носятъ печать работы одного лица, одного редактора, то нельзя не придти къ заключенію, что Филоею не былъ авторомъ и того отдѣла, который относится къ вечернѣ и утренѣ. Весьма вѣроятно ему принадлежитъ окончательная редакція *ordo*, и подъ его санкцію, какъ патриарха, онъ былъ пущенъ въ ходъ и получилъ практическое значеніе. Филоею, который такъ много потрудился на литургическомъ поприщѣ, всего ближе было взять на себя распространеніе этого труда и связать свое имя съ его окончательною редакцію. Но еслибы Филоею и не имѣлъ прямаго отношенія къ *ordo*, и въ такомъ случаѣ появленіе послѣдняго подъ именемъ этого патриарха показывало бы, что въ глазахъ своихъ современниковъ Филоею пользовался широкою литургическою извѣстностію, и его имя придавало авторитетъ всякой новой работѣ въ области устава.

Итакъ, уставъ литургіи составляетъ одно общее съ уставомъ суточныхъ службъ и есть ничто иное, какъ его дальнѣйшее распространеніе и примѣненіе. Что общимъ уставомъ было сдѣлано относительно утренней и вечерней службы—преимущественно праздничной—то же самое имѣлъ въ виду и уставъ литургіи относительно этой послѣдней, т. е. однообразное изложеніе обрядовой ея стороны и точное опредѣленіе служебныхъ правъ священника и діакона. Это видно изъ самаго названія *ordo*: „*διάταξις τῆς ἱεροδιακονίας ἧ ἡοοῦ πὼς ὑπῆρτεῖ ὁ διάκονος μετὰ τῆ ἱερέως ἐν τῷ μεσσηῶ ἐσπεριῶ τοῦ τε ὄρθρου καὶ τῆ λειτουργία*“.

У Гоара уставъ литургіи изданъ слитно съ ея текстомъ, точно также какъ издается въ греческихъ и славянскихъ служебникахъ, и выдѣлить отсюда обрядовый матеріалъ представляется дѣломъ очень не легкимъ. Во всякомъ случаѣ при такомъ изложеніи трудъ составителя устава сливается съ текстомъ и замѣтенъ гораздо менѣе, чѣмъ въ отдѣльномъ изданіи устава для службъ суточныхъ. Но первоначально было не такъ: уставъ литургіи появился на свѣтъ отдѣльно отъ ея текста и слился съ послѣднимъ уже послѣ, въ видахъ большаго удобства при отправленіи службы. Нужно думать, что тотчасъ по составленіи, онъ былъ пущенъ въ ходъ въ видѣ дополненія къ уставу, или какъ обработанное изъ него извлеченіе для руководства служащихъ и помѣщался особенною статьею. Даже и въ теперешнемъ слитномъ изложеніи слѣды его прежняго одиночнаго существованія даютъ себя чувствовать въ слѣдующихъ признакахъ: 1) уставъ не только излагаетъ ходъ и порядокъ постоянныхъ обрядовъ литургіи, но и затрогиваетъ случайные, казуистическіе вопросы изъ ея практики. Такіе случаи не могли имѣть мѣста въ общемъ строѣ службы и возникнуть изъ ея общаго изложенія въ

служебникѣ, но составляютъ искусственное къ ней дополненіе. Наприм. объ употребленіи эписговатія; какъ поступать, если просфора окажется теплою; гдѣ стоять священнику во время евангелія, если за алтаремъ не будетъ свободнаго мѣста; какъ произносятся возгласы передъ евангелиемъ, если служатъ нѣсколько дьяконовъ; какъ поступать, когда въ церкви присутствуетъ епископъ; когда служить съ рипидою и безъ нея.

2) Въ уставѣ попадаются замѣчанія, идущія отъ лица составителя; таковы выраженія: „якоже рѣхомъ, якоже множицею рѣхомъ, идѣже и мы научихомся видѣти“—а они могли попасть въ литургійную запись изъ особаго руководства или наставленія.

3) На то же указываютъ и замѣчанія, направленные къ исполнителямъ службы отъ имени составителя; напр. *σήμερον και ετιζοβα.... ως και εν τη ευχη προτη* и проч.

4) Видно, что эти замѣчанія вставлены послѣ и приложены къ основному тексту молитвъ особо. Молитвы, какъ извѣстно, помѣщались въ служебникѣ одна за другою, каждая подъ своимъ именемъ, а въ уставѣ эти названія повторяются при изложеніи обрядовъ, хотя самыя молитвы и не пишутся.

Эти соображенія подтверждаются самымъ дѣломъ изъ существованія греческихъ и славянскихъ записей устава, изложенныхъ отдѣльно отъ службы. Такъ, въ одномъ греческомъ рукописномъ уставѣ изъ синод. библи. № 381—369 мы нашли его подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *περι τῶ πῶς δεῖ ἐκτελεῖσθαι τῆν δεσποικαι ιερὰν λειτουργίαν*“ (ф. 24). Статья эта замѣчательна какъ документъ для рѣшенія вопроса о времени происхожденія «*διατάξεις τῆς ἱεροδιακονίας*», и той редакціи литургіи, которая въ славянскомъ переводѣ является впервые въ списокѣ Еввимія терновскаго и въ служебникѣ Митро-

полита Кипріяна. Время происхожденія синодальной записи опредѣляется слѣдующими данными: во время молитвы, читаемой священникомъ по освященіи даровъ, діаконъ поминаетъ въ диптихѣ живыхъ слѣдующія лица: патріарха Аѳанасія, епископа Нифонта, благочестивыхъ и богохранимыхъ царей Андроника и Ирины. Константинопольскій патріархъ Аѳанасій, преемникъ Григорія Кипрскаго, вступилъ на престолъ 1289 г. и отрекся отъ него 1293, послѣ четырехлѣтняго управленія, наживъ себѣ недоброжелателей, благодаря крутымъ мѣрамъ, съ которыми онъ принялся за исправленіе тогдашняго разшатаннаго духовенства и монашества. Уступивъ катедру Іоанну XII, онъ вторично занималъ ее отъ 1304 по 1311 годъ. Какого изъ двухъ Андрониковъ: старшаго, или младшаго разумѣть въ данномъ случаѣ, ясно не видно, но судя по упоминанію объ Аѳанасіѣ, естественно предполагать Андроника старшаго, который занималъ престолъ съ 1287 по 1332 г. и вступилъ во второй бракъ съ Ириною, дочерью Вильгельма VI Монфортскаго, въ 1285 г. (Du Cange. Famil. Byzant. p. 235). Такимъ образомъ, основываясь на синодальномъ спискѣ устава, видно, что онъ уже существовалъ между 1289 и 1311 годомъ, а если такъ, то замного предупредилъ дѣятельность Филоея и былъ составленъ ранѣе его.

Не имѣя возможности издать этотъ замѣчательный документъ вполнѣ, мы въ настоящемъ случаѣ, изложимъ его содержаніе въ общемъ очеркѣ, на сколько это нужно для опредѣленія особенностей древнѣйшей редакціи *Ordo* и ея отношенія къ славянскимъ спискамъ. — (См. прилож. № 1). Эти послѣдніе становятся извѣстными со второй половины XIV в. и представляютъ ничто иное, какъ переводъ и много много по мѣстамъ передѣлку греческаго текста. Та-

ковъ напр. уставъ литургіи Евѳимія терновскаго (1360—1389), современника патр. Филоея. Онъ изданъ, не совсѣмъ исправно, въ Гласникѣ Сербскаго Ученаго Дружства (1869 г. кн. VIII 289) по списку, сдѣланному Савостьяновымъ съ рукописи Зографскаго монастыря, и обнимаетъ порядокъ обрядовыхъ дѣйствій съ начала проскомидіи до конца литургіи ²⁾. Молитвы священника всѣ опущены, кромѣ первой входной, которая („Господи ниспосли руку Твою“) введена была впервые въ *Ordo* и не читается въ болѣе раннихъ литургіяхъ; записаны только ектеніи, да и тѣ не всегда въ полномъ видѣ. Евѳимій терновскій стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Аѳону. Онъ могъ имѣть подъ руками подлинный уставъ Филоея, перевести и издать его вскорѣ по появленіи. У насъ, на Руси, этотъ уставъ сначала былъ извѣстенъ отдѣльно отъ служебника, и Кипріанъ, посылая Псковичамъ исправленные чины разныхъ службъ, пересылаетъ и *уставъ* божественныя службы Златоуста отдѣльно отъ самой службы. Но въ Кипріановомъ служебникѣ онъ уже введенъ въ текстъ послѣдней и сливается съ ея содержаніемъ. Въ требникѣ № 376—268 чинъ этотъ, подъ именемъ Филоея и какъ переводъ Кипріана, помѣщается особо отъ литургіи и простирается не на проскомидію только, но и на

²⁾ Время происхожденія и употребленія этого списка опредѣляется замѣчаніемъ о томъ, какъ поминать патріарха и царя на ектеніи послѣ освященія даровъ: „Сѹ Фѹ МІ ОУ ПРОСЦЕЩЕНОМУ АРХІЕПІСКОПУ КЕЛИКАГО ГРОДА ТРЪНОВА. И КЪСМА БОЛГАРО ПАТРІАРХОУ И О ПРИНОСАЕМЪ СЪМА ДДРЫ ГѢИ БОУ ИШЕМОУ... И ХРСТОМУКИВНОМУ ЦРЮ ИШЕМОУ ІОАННОУ ШИШАНОУ И БЛГОУСТІЯТИ ЦРИЦИ ЕГО МАРИИ“ (300—301). Неизвѣстно, почему, въ предисловіи къ изданію, этотъ чинъ называется „проскомидіа“. Гораздо вѣрнѣе его подлинное заглавіе: „БЖТВЕННА СЛЪБД СЪМЪХЪ АНТЕРГЕД ДІАКОНСКА“, т. е. литургія, какъ служилъ ее діакону съ священникомъ, а не одному священнику.

весь составъ обѣдни отъ начала до конца ³⁾). И замѣчательно, что этотъ уставъ излагается очень близко къ списку Евѣиміеву и повторяетъ большую часть его особенностей сравнительно съ служебникомъ Кипріана ⁴⁾. Это даетъ понять, что отдѣльные списки устава перешли къ намъ въ южно—славянской редакціи и списаны съ сербскихъ или болгарскихъ переводовъ, а не переведены съ греческаго. Но рядомъ съ ними существовала и другая редакція, введенная въ составъ литургіи. Эта послѣдняя появилась одновременно съ первою и вѣроятно сдѣлана прямо съ греческаго подлинника самимъ Кипріаномъ.

Благодаря своему удобству въ служебной практикѣ, она взяла верхъ надъ первою и въ служебникахъ позднѣйшаго времени вытѣснила ее окончательно ⁵⁾. Кипріану принадлежитъ распространеніе въ Россіи той и другой редакціи устава, а потому имя его ставилось надъ обѣими.

Со введеніемъ устава, литургія сдѣлала видный шагъ впередъ и получила болѣе твердую постановку и округленность. Всѣ части, которыя доселѣ не под-

³⁾ Вѣроятно такой же уставъ былъ помѣщенъ и въ началѣ требника № 375—326, но онъ не сохранился, и отъ него осталось только оглавленіе, а самая служба не имѣетъ обрядовыхъ указаній.

⁴⁾ Огмѣченныя въ Опис. С. Б. разности (т. III. стр. 204—205) повторяются въ изложеніи Евѣимія, и самое начало наставленія „егда хошетъ“ и т. д. читается буквально сходно. Только изъ лицъ, поминаемыхъ на 4-й просфорѣ, въ Евѣиміевомъ нѣтъ царей. Изъ святыхъ русскихъ не упоминается никого. Исправляемъ неточность, вкравшуюся въ Описаніе, будто бы „замѣчаніе, какъ поступать съ просфорю тендою (въ этомъ требникѣ) опущено“. Замѣчаніе это не опущено, но только высказано короче: „и прѣвращаетъ его (агнецъ) лицъ аще не топлъ яко да не испущаетъ влагу“. (Такъ въ Евѣиміевомъ спискѣ, — Гласи. 291, — такъ и въ синод. рук. № 376 л. 8 об.).

⁵⁾ Впрочемъ и спустя цѣлое столѣтіе, уставъ литургіи переписывался отдѣльно, какъ видно изъ требника № 375—326, который по надписи значитъ переписаннымъ съ Кипріанова служебника слово въ слово.

давались положительному рѣшенію, были подробно развиты и обработаны, и это прежде всего нужно сказать о предварительной части, или проскомидіи, которая въ уставѣ получила слѣдующія новыя дополненія.

1. Наставленіе священнику, какъ готовится къ службѣ: *μελλον ο ιερεις* и т. д. Въ болѣе раннихъ спискахъ литургіи его не встрѣчалось, но самая необходимость приготовления къ службѣ, въ той или другой формѣ, сознавалась конечно ранѣе ⁶⁾.

2. Сокращается число приготовительныхъ молитвъ и вмѣсто прежнихъ записывается одна передъ входомъ въ алтарь: *κυριε εσταπρωσειλον...* Замѣна эта объясняется предыдущимъ замѣчаніемъ касательно приготовления. Правило, которое долженъ былъ выполнить служащій священникъ, безъ сомнѣнія, заключало въ себѣ и тѣ покаянныя молитвы, которыя прежде помѣщались во главѣ службы.

3. Подробно излагается порядокъ облаченія — и по мѣстамъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ съ тѣмъ, что говорится объ этомъ въ уставѣ вечерни и утрени.

4. Въ чинѣ проскомидіи, не смотря на подробное изложеніе словъ и обрядовъ при приготовленіи агнца и чаши, при извлеченіи частицъ изъ просфоръ, говорится опредѣленно только о четырехъ просфорахъ, причемъ надъ послѣднею поминаются и живые и умершіе. Такимъ образомъ, греческая редакція служебника въ *διαταξις* не рѣшила вопроса о числѣ просфоръ въ смыслѣ нынѣшняго порядка проскомидіи и

⁶⁾ Наставленіе, какъ готовится священнику къ службѣ, читается въ глаголитскомъ евангеліи XIII в. (Ang. Mai. Nova Bibl. Vett. Patt. V. 105). И да не литургисуетъ пощ не отпѣвъ вечерни и утрени и часовъ. (Starine VI. 127). Болѣе снисходительное требованіе—въ отвѣтахъ Кирику. (Истор. Р. Ц. Высокопр. Макара. III. 187). Митроу. Клярианъ въ посланіи къ Аванасію упоминаетъ о „правилѣ чернцемъ къ причастію“.

примыкаетъ къ наибольшей ихъ цифрѣ, извѣстной по литургійнымъ спискамъ того времени. Вообще на этотъ счетъ мы напрасно стали бы искать положительнаго рѣшенія въ древнихъ служебникахъ, и вывести изъ нихъ пятиричное число можно развѣ только съ большими и большими натяжками. У Симеона Солунскаго счетъ прерывается на трехъ (просфора для агнца, богородичная, святыхъ), а прочія не обозначены ⁷⁾. У патріарха Николая грамматика (XI в.) указывается пять проскомидійныхъ просфоръ, или, лучше сказать, соответствующихъ имъ группъ: просфора для агнца (*τὴν ὑφωθεισάν προσφορὰν*), богородичная (*σφραγισθεῖσα εἰς τὴν τιμὴν τῆς παναγίας*), за святыхъ, живыхъ и умершихъ (*τὰς τῶν ἁγίων καὶ τὰς τῶν ζώντων ἀνθρώπων καὶ τεθνεώτων*) ⁸⁾. Въ уставѣ Императрицы Ирины в синодальномъ № 330—380—семь ⁹⁾. Въ спискахъ, изданныхъ у Гоара: въ одномъ (р. 94)—четыре, и на послѣдней поминаются живые и умершіе, въ другомъ (р. 100) счетъ прерывается на третьей, а потомъ глухо говорится о поминовеніи живыхъ и умершихъ, въ третьемъ (р. 104)—также о трехъ.

Изложение литургіи въ служебникѣ Кипріана не вноситъ ничего новаго въ сравненіи съ греческимъ

7) Ὁ δευτερεύων τῶν ἱερέων ἐν τῇ προθέσει ἀπελθὼν καὶ ἐκ τῶν προσφερόμενων ἄρτων ἕνα λαβὼν σφραγίζει τοῦτον σταυροειδῶς μετὰ τῆς λόγχης... (De sacr liturg. Mign. Patr 155 p. 264) καὶ ἕτεράν λαβὼν προσφορὰν ἐκ τῆς ἐν μέσῳ σφραγίδος μίαν ἐξάγει μερίδα... εἰς τὴν τιμὴν προσάγει τῆς Θεομήτορος... ἕκ προσφορὰς ἕτερας... ἐξάγων... τῶν ἁγίων πάντων... (280—281), τὸτο οὖν τελέσας ὁ ἱερεὺς ἔπειτα καὶ λοιπὰς προσφέρει μερίδας... о живыхъ и умершихъ (284). Затѣмъ, по словамъ Солунскаго, священникъ читаетъ молитву литіи на всеобщей (ἣν λέγομεν ἐν τῇ τῶν ἀγρολιῶν λιτανείᾳ): приносимъ Господи жертву сію въ иренебесный звой жертвенникъ о всякой душѣ христіанской озлобленнѣй... и т. д.

⁸⁾ Сау. 13—14. Ар. Pitra Spicil. IV, p. 470—471.

⁹⁾ Опис. III. 266. Тур. Irenes. Monum Eccl. Gr. IV, p. 215.

diataxis и тѣсно примыкаетъ къ нему какъ къ своему подлиннику. Тѣ особенности, которыя характеризуютъ этотъ послѣдній сравнительно съ древнѣйшими списками греческой литургіи, вполне приложимы и къ служебнику Кипріана. Уставъ этотъ и для грековъ былъ явленіемъ недавнимъ, въ своемъ родѣ новинкою: тоже значеніе, если не въ большей степени, имѣлъ онъ и для русской церкви, какъ видно изъ сравненія его съ болѣе ранними списками славянскими. Съ этого времени въ нашихъ служебникахъ начинается устанавливаться различіе между уставомъ, или указомъ, и службою литургіи, причемъ подъ первымъ разумѣется изложеніе проскомидіи и всей обрядовой части до начала литургіи, а подъ службою—молитвы и послѣдованія литургіи оглашенныхъ и вѣрныхъ. Раздѣленіе, конечно, не точное (такъ какъ уставъ по своей задачѣ долженъ обнимать ходъ обрядовъ литургіи въ полномъ ея составѣ—съ проскомидіи до конца), но оно получило право гражданства въ нашемъ старинномъ литургическомъ языкѣ и удерживается въ тѣхъ спискахъ, которые или были сняты съ Кипріанова служебника, или обработаны на его основѣ. Тѣ же списки, которые заглавливаются „служба“, чина проскомидіи не имѣютъ.

Отмѣтимъ теперь главныя особенности литургіи по служебнику Кипріана и опредѣлимъ точнѣе его отношеніе къ уставу Филооея. Самое ея заглавіе „уставъ“ повторяетъ первыя слова Филооеева „*diataxis*“, а прибавленіе: „како достоинъ священнику съ діакономъ служить“, взято оттуда же и есть переводъ съ греческаго: *πὸς ὑπηρετεῖ ὁ διάκονος μετὰ τῷ ἱερέως*. Слѣдующее затѣмъ наставленіе священнику, какъ готовится къ службѣ, съ небольшими измѣненіями, переводитъ извѣстную статью: *μέλλων ὁ ἱερεύς*, стоящую во главѣ греческаго чина. Нѣсколько иначе,

сравнительно съ гоаровымъ спискомъ, излагаются дѣйствія на проскомидіи при поминовеніи живыхъ и умершихъ. У Гоара въ *διὰ ταῖς* ясно упоминается только о четырехъ просфорахъ, и послѣдняя (т. е. четвертая), какъ мы уже замѣтили, назначается для поминовенія архіепископа и всего священнаго чина, создателей обители, живыхъ и умершихъ. Въ служебникѣ Кипріана поминаемыя лица раздѣляются на три группы (въ первую входятъ: епископство и духовенство, во вторую—цари, въ третью—всѣ прочіе живые и умершіе) и поминаются въ три пріема слѣдующимъ образомъ: послѣ ясно обозначенной третьей просфоры (о святыхъ) говорится: „*таже пріемъ иную просфуру*“ (*εἶτα λαβὼν ἕτεραν προσφορὰν λέγει*), слѣдовательно четвертую, священникъ поминаетъ священный чинъ; „*таже пріемъ паки просфуру*“, поминаетъ о здравіи царя и всѣхъ православныхъ христіанъ. Нельзя не согласиться съ описателями рукописей Синодальной Библіотеки, что здѣсь идетъ рѣчь о той же четвертой просфорѣ, но, допустивъ это, нѣтъ основанія видѣть пятую и въ слѣдующемъ выраженіи: „*и паки пріемъ просфуру*“ глаголетъ сице о памяти и оставленіи грѣховъ и т. д. Выраженіе тождественное съ предыдущимъ. Въ самомъ дѣлѣ „*таже пріемъ паки просфуру*“ не одно ли и тоже, что „*и паки пріемъ просфуру*“. Слово „*таже*“ не имѣетъ никакого вліянія на перемѣну этого смысла, потому что излагаетъ послѣдовательность пріемовъ и значить: потомъ, далѣе (*εἶτα*). Другое дѣло, еслибы было сказано: иную, другую, или чтонибудь въ этомъ родѣ. Но при отсутствіи такого положительнаго признака остается одно изъ двухъ: или признать здѣсь четыре-просфоріе, — высшую цифру, до которой доходитъ въ тогдашнихъ спискахъ литургіи счетъ просфоръ, — или допустить шести-

просфоріе. Находить же тутъ пятипросфоріе (какъ въ Опис. С. Б. III. 13), можно только съ большою натяжкою въ пользу теперешняго чина. Шестипросфоріе явилось въ нашихъ позднѣйшихъ служебникахъ, именно благодаря этой неопредѣленной редакціи, когда каждое изъ такихъ упоминаній о просфорахъ стали принимать не за обозначеніе отдѣльныхъ группъ, или приемовъ поминовенія, а за обозначеніе отдѣльныхъ просфоръ ¹⁰). Определенное пятипросфоріе и шестипросфоріе не замедлило выродиться изъ этой формулы съ помощію легкой прибавки. Стоило только прибавить къ послѣдней формулѣ: „и паки приемятъ просфуру“ слово „ину“, чтобы получилась опредѣленная система пятипросфорія, какъ это дѣйствительно и было сдѣлано въ синодальномъ служебникѣ № 347.

У Гоара нѣтъ замѣчанія „пріемъ финикъ собираетъ крошки около Святаго блюда“. Для насъ оно имѣетъ значеніе, какъ указаніе на практику, которой Кипріанъ хотѣлъ дать ходъ въ русской церкви и о которой говоритъ въ посланіи къ Аѳанасію. Конечно, митрополитъ Кипріанъ не самъ придумалъ это правило, но, безъ сомнѣнія, взялъ его изъ готовыхъ греческихъ списковъ устава, подобно тому какъ въ литургіи Евѳимія терновскаго замѣчено на этотъ счетъ: и вземъ метлицу собираетъ....

Какъ въ проскомидійной части, такъ и въ изложеніи литургіи, служебникъ Кипріана отличается преобладаніемъ казуистическихъ подробностей и замѣчаніями относительно положенія, жестовъ, поклоновъ

¹⁰) Образчикомъ можетъ служить синод. служ. № 350—606, XV в. Въ немъ уставъ или проскомидія изложенъ согласно съ редакціей митр. Кипріана, но просфоръ положено шесть, и на пятой, которая у Кипріана обозначена глухо, прямо назначается поминать царей, князей и всѣхъ живыхъ, а шестая за умершихъ. (Опис. III. 46).

и субординаціи служащихъ лицъ. Въ этомъ отноше-
ніи Кипріанова редакція превосходитъ чинъ Фило-
ееевъ, извѣстный по Гоару, и заимствуетъ нѣкото-
рыя детали изъ устава вечерни и утрени, такъ что
родство нашего служебника съ этимъ послѣднимъ
не подлежитъ никакому сомнѣнію. Предусмотрѣны
даже такіе случаи, когда бываетъ въ церкви епископъ
и когда не бываетъ, когда служба происходитъ въ
монастырѣ и когда въ приходскихъ церквахъ.

Относительно пѣнія „Святый Боже“ отмѣчается
въ служебникѣ одна подробность, о которой идетъ
рѣчь въ поученіи новгородскому духовенству, имен-
но: сначала поютъ эту пѣснь пѣвцы, а потомъ „на
слава и нынѣ“ трижды—священникъ и діаконъ въ
алтарѣ ¹¹⁾). Въ служебникѣ № 350—606, гдѣ Ки-
пріанова редакція подверглась измѣненіямъ, на этотъ
счетъ сказано слѣдующее: „аще хотятъ, поютъ и
сами Святый Божей опосля“.

Замѣчаніе, гдѣ стоятъ священнику во время чте-
нія евангелія, расходится съ правиломъ на этотъ
счетъ, по списку Гоара. Тамъ читается: „ὁ ἱερεύς
ἰσταμένοσ ἐμπροσθεν τῆσ ἀγίας τραπέζησ“, между тѣмъ
какъ въ Кипріановомъ служебникѣ говорится: „іерей
же стоя за святою трапезою“, и только по необхо-
димости, вслѣдствіе тѣсноты алтарныя, допускается

11) Замѣчаніе это читается и въ греческомъ чинѣ съ тѣмъ только
различіемъ, что здѣсь дѣло идетъ по видимому не о троекратномъ,
а объ однократномъ пѣніи въ алтарѣ (Гоар р. 68). Въ литургіи
Евѣимія Терновскаго: егда услышатъ коющихъ слава и нынѣ, гла-
голють и тѣи тридесятое трищи, творяще вкуупѣ и поклоненія три
(стр. 295). Теперь это обыкновеніе осталось при архіерейскомъ
служеніи, но прежде было (какъ и должно было быть по своей идеѣ)
принадлежностію обыкновенной священнической службы и употреб-
лялось преимущественно въ большихъ городскихъ и кафедральныхъ
церквахъ при служеніи соборомъ. (Поуч. Кипр. къ духовенству
новгородскому). Означая хваленіе Бога горними силами, такъ какъ
алтарь означаетъ небо, оно составляло продолженіе и завершеніе
пѣнія трисвятаго въ церкви, т. е. хваленія Бога на землѣ.

ему стоять передъ престоломъ. Замѣчаніе это имѣеть близкое отношеніе къ устройству небольшихъ церквей, въ которыхъ престоль стоялъ такъ близко къ восточной стѣнѣ, что едва можно было обойти его. „Аще ли есть св. трапеза близъ „зѣда“ (задняя стѣна) и не возможно обходить священнику“. (Служ. 1386 г. Рук. Рум. Муз. № 100 л 72) ¹²⁾.

Священникъ, поставивши Св. Дары на престоль, послѣ великаго входа, спускаеть фелонь и молится „χαλῶσας φελόνιον“. Этого замѣчанія о фелони у Гоара нѣтъ, но оно читается у него въ разночтеніяхъ литургійныхъ списковъ р. 92. Слѣдовательно, Кипріанъ руководился какимъ нибудь другимъ греческимъ спискомъ литургіи, отличнымъ отъ изданнаго въ евхологіѣ.

Странную особенность представляетъ служебникъ Кипріана въ изложеніи взаимныхъ обращеній священника къ діакоу послѣ великаго входа. Священникъ неизвѣстно къ кому обращается съ словами: „благословите Святіа“ и получаетъ въ отвѣтъ отъ діакона: Духъ Святый найдетъ на тя и проч. Въ греческомъ изданіи дѣло поставлено иначе. „Благословите Святіа“ — вовсе нѣтъ, напротивъ діакоу обращается къ священнику съ словами: „помолись обо мнѣ“ и получаетъ въ отвѣтъ: „Духъ Святый найдетъ на тя“. Множественная форма перваго выраженія была, вѣроятно, взята изъ обрядовъ соборной службы, какъ и дѣйствительно подобное обращеніе читается въ служебникѣ синод. XII в. № 342—605. (Опис. III 2.) ¹³⁾.

¹²⁾ Въ записи на сербскомъ апостоли въ монастырѣ Боговачи говорится о возобновленіи и расширеніи церкви апостоловъ, которая была такъ тѣсна, что въ ней едва могли умѣститься десять человекъ. а св. трапеза за святой алтарь призмалена, яко не возможно бѣ сужителѣмъ кругомъ окрестъ ея ходити и бѣ создана 1554“ (Гласи 1866 IV, 20).

¹³⁾ „Благословите святіа“ было, повидимому, обращеніемъ старшаго

Передъ освященіемъ Даровъ не положено молитвы: Господи иже Пресвятаго Твоего Духа... согласно съ древнѣйшими служебниками, но замѣчено только: „преклоняются трижды предъ св. трапезою, молящеся въ себѣ“. Позднѣйшій дополнительный литургій, желая указать, что именно должны говорить священникъ и діаконъ, включилъ обращеніе къ Св. Духу, которое впрочемъ имѣло назначеніемъ не освященіе Даровъ, а подкрѣпленіе служащихъ. На этомъ основаніи, какъ личная молитва священника, оно вполне прилично на этомъ мѣстѣ и не нарушаетъ послѣдовательнаго плана службы.

Послѣ возгласа: изридно о Пресвятей... переводчикъ, не понявъ хода рѣчи, сталъ переводить, что говорится, въ томъ же смыслѣ и въ такихъ же оборотахъ, о воспоминаемыхъ святыхъ, простымъ родительнымъ падежемъ: Святаго Іоанна пророка и предтечи и т. д. Эта неправильность перевода остается и доселѣ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ служебникъ, согласно со спискомъ Гоара, дѣлаетъ замѣчаніе, что діаконъ, стоя на амвонѣ, долженъ присматриваться къ положенію священника въ алтарѣ и соображаться съ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Это предполагаетъ или царскія двери открытыми, или низкую алтарную преграду, чрезъ которую можно было видѣть, что дѣлается внутри алтаря.

Діаконъ опоясывается ораремъ не на амвонѣ, а въ алтарѣ, передъ тѣмъ какъ приступить къ причастію. (Такъ и у Гоара).

къ младшимъ или къ равнымъ. Такъ по синодальному уставу, (330—380) обращается будильникъ къ братіи (л. 246 об.), а къ старѣйшимъ говоритъ: благослови владыко (ibid. 247). Тоже говоритъ священникъ, обращаясь послѣ трапезы къ братіи, а ему отвѣчаютъ: благослови отче. (л. 201 об.).

У Гоара, священникъ, преподавая діакону часть хлѣба говоритъ въ первомъ лицѣ: я преподаю тебѣ (μεταδίδομι). Въ служебникѣ Кипріана, согласно съ нынѣшнимъ и большею частію греческихъ, эта формула излагается въ третьемъ лицѣ.

Сводя къ общему итогу наблюденія надъ текстомъ Кипріанова служебника, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Списокъ этотъ сдѣланъ съ греческаго и удержалъ многія особенности подлиннаго языка. Впрочемъ, оригиналомъ для него послужилъ не греческій списокъ, помѣщенный у Гоара, но близкій къ нему по изложенію и одной съ нимъ редакціи. Равно далека онъ и отъ теперешняго печатнаго служебника какъ въ проскомидіи, такъ и въ изложеніи обрядовъ литургіи и текстѣ молитвъ. Ближе къ подлиннику, по изложенію, стоитъ уставъ, далѣе отъ него—литургія.

2. Переводчикъ видимо старался предусмотрѣть и изложить возможные подробности обрядовой практики.

3. Переводчикъ старался примѣнить этотъ чинъ къ потребностямъ русской церкви и, въ виду этого требованія, вводилъ нѣкоторыя дополненія и давалъ объясненія, имѣвшія значеніе для русской практики. Но этотъ мѣстный элементъ въ переводѣ значительно уступаетъ иноземному — греческому, и преобладаніе послѣдняго, какъ мы видѣли выше, оказывается чуть ли не на каждой страницѣ. Отмѣтимъ здѣсь слѣды этого вліянія въ языкѣ. Передавая греческое „τροῖστος“ буквальныймъ выраженіемъ „настоящій“, поясняетъ послѣднее прибавленіемъ: рекше игумену. Греч. ἐπίκαιμια переводитъ словомъ зарукавье, δίσκος — словомъ святое блюдо или просто блюдецъ, ἀρχιδιάκονος — первослужитель и т. д. ¹⁴⁾ Въ числѣ святыхъ, по-

¹⁴⁾ Подробности см. приложение II.

минаемых на проскомидіи, вводитъ Петра новаго чудотворца Русскаго. (Память Петра Митрополита внесена и въ псалтирь митрополита Кипріяна). Тѣмъ же условіемъ объясняется и упоминаніе о благочестивомъ и боголюбивомъ князи нашемъ имркъ и всѣхъ благочестивыхъ князій нашихъ иже русскою землею пекущимся.

Служебникъ Кипріяна не имѣлъ рѣшительнаго вліянія на обработку литургіи и на окончательную установку ея однообразнаго типа. Не смотря на свой авторитетъ, на заботу Кипріяна о распространеніи исправленнаго текста литургіи и на строгое внутренне переписчикамъ не отступать отъ самой буквы подлинника, дальнѣйшіе списки литургій не оправдали этихъ усилій, и изъ сравненія служебниковъ XIV—XV в. оказывается, что тогда обращались въ употребленіи три особые типа, изъ которыхъ одинъ остался чуждымъ кипріяновскаго исправленія, а два другіе сложились на его основѣ. Къ первому принадлежатъ списки древнѣйшей редакціи, не вытѣсненные исправленнымъ чиномъ. Онъ характеризуется неустановившимся порядкомъ проскомидіи и разногласіемъ въ изложеніи дальнѣйшихъ молитвъ и обрядовъ. Таковы два служебника типогр. Библ. XV в. №№ 129, 130 и синод. служебникъ № ³⁴⁵/₃₉₈, который хотя и ранѣе Кипріяна, но послужилъ образцомъ для позднѣйшихъ. синод. служебникъ № ³⁴⁸/₆₀₀, какъ видно изъ приписки, былъ написанъ Ѳеодоромъ пресвитеромъ въ Хутынскомъ монастырѣ въ лѣто 6908 (1400) и, по справедливому заключенію описателей Синодалн. Библ., составленъ подъ вліяніемъ служебника Варлаама Хутынскаго.

Второй типъ отличается отдѣльнымъ изложеніемъ устава литургіи отъ ея текста, т. е. обрядовыхъ замѣчаній—отъ молитвъ и эктеній. Уставъ этотъ имѣетъ

свои особенности сравнительно съ изложеніемъ его въ служебникѣ Кипріана и раздѣляетъ отличія списка Евѳиміева. Переводъ молитвъ большею частію сходенъ съ служебникомъ Кипріана, но подробности обряда записываются иначе. Зависѣли эти особенности отъ того, что и при отдѣльномъ изложеніи устава все таки нельзя было обойтись безъ указаній на обрядовые приемы въ текстѣ службы, а эти указанія переходили иногда цѣликомъ изъ служебниковъ прежнихъ. (Такъ въ синод. требн. № 375). Къ третьему типу принадлежатъ служебники съ уставомъ въ текстѣ службы. Это самая богатая семья литургій XV в. Онѣ построены на основѣ исправленнаго Кипріаномъ чина и примыкаютъ къ нему самымъ тѣснымъ образомъ, но отличаются своими разностями въ обрядахъ, въ изложеніи молитвъ, и едва ли не каждый списокъ своими мелкими особенностями. Нѣкоторыя изъ нихъ были направлены противъ слабыхъ сторонъ, допущенныхъ въ редакціи Кипріановой и которыя сами собою напрашивались на исправленіе. Такъ, опускаются нѣкоторыя казуистическія замѣчанія, не имѣвшія общаго значенія, помѣщаются молитвы приготовительныя къ службѣ или пращальныя, точнѣе опредѣляется число просфоръ и доводится до пяти ¹⁵⁾. Изъ синодаль-

¹⁵⁾ Таковы служебники изъ библиотекъ троицкой Лавры № 216 и 224 (писаны 1474 г.); въ послѣднемъ близко подходитъ и служебникъ воскресенской новоіерусалимской библиотекы № 3. (см. опис. А. Амфилохія). Надѣвая эпитрахиль священникъ говоритъ: благословенъ Богъ изливаѣй благодать.—(№ 224 л. 5) Замѣчаніе, какъ поступать съ просфорою сырою, изложено короче и въ иныхъ выраженіяхъ. На 4-й просфорѣ поминаются раздѣльно лица священнаго чина, а затѣмъ „ихъ же иматъ (священникъ) по имени живыхъ“, а о царяхъ и князьяхъ ничего не говорится. На другой (5-й) просфорѣ поминаются умершіе. Какъ и въ воскресенскомъ спискѣ, дѣвокѣ представляется право вынимать частицы и поминать. Нѣтъ благословенія предложенія или жертвенника во время малаго входа (въ служеб.

ныхъ служебниковъ особенно замѣчательнъ по своему отношенію къ Кипріанову списку служебникъ № 347, усвояемый въ припискѣ Сергію Радонежскому. На самомъ же дѣлѣ этотъ списокъ позднѣе и принадлежитъ къ семьѣ служебниковъ XV в. Замѣтка о принадлежности его преп. Сергію сдѣлана позднѣйшею рукою, тою же самою, что и въ служебникѣ Кипріана и въ спискѣ № 352; въ немъ помѣщенъ уставъ литургіи, а чинъ проскомидіи изложенъ согласно съ Кипріановымъ служебникомъ, помѣщается даже уставъ службы преждеосвященныхъ, а онъ появился у насъ уже послѣ митр. Кипріана (Опис. III 28). Основаніемъ для такого заключенія послужило, можетъ быть, прибавленіе имени Преп. Сергія на поляхъ рукописи въ проскомидіи, но эта приписка можетъ доказывать только употребленіе служебника въ Сергіевой лаврѣ. Въ библиотекѣ нашей Академіи есть не полный требникъ (№ 184), гдѣ, также на поляхъ, приписывается имя Преп. Сергія и притомъ тѣмъ же самымъ почеркомъ, что и вся рукопись. Но на такомъ основаніи было бы рискованнымъ относить ее къ Преп. Сергію. Возвращаясь къ синод. служебнику, мы должны сказать, что вліяніе Кипріановой редакціи отразилось здѣсь не вполне и оставило мѣсто особенностямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ отмѣчены въ Описаніи рукописей (III 29—30), а молитвы вечернія и утреннія записаны въ иномъ числѣ и составѣ.

Болѣе полные служебники XVI в., кромѣ ясно выраженного шестипросфорія, отличаются сборнымъ компилятивнымъ характеромъ и, вводя новыя по-

№ 216). Полагается молитва передъ евангеліемъ: всякій въ сердцахъ нашихъ... Послѣ великаго входа священникъ обращается къ діакону съ словами: помолися о мѣ... Не касаемся другихъ отличій болѣе мелкихъ.

дробности, удерживаютъ многое изъ литургійныхъ списковъ XII—XIII в. Шестипросфоріе выродилось въ нихъ совершенно послѣдовательно изъ постановки проскомидіи въ служебникѣ Кипріановомъ, гдѣ живые подраздѣляются на двѣ категоріи и поминаются въ два приема.

Для характеристики этого сборнаго типа беремъ служебникъ, бывшій волоколамскій, теперь библ. М. Д. Академіи, № 85, къ которому близко подходитъ и синод. служебникъ № ³⁵⁵/₃₀₃. Въ нашемъ служебникѣ, писанномъ очень неразборчиво и неисправно какимъ то пресвитеромъ Косьмою, оставившимъ свое имя въ молитвѣ по освященіи Св. Даровъ (л. 31 об.), не говорится ни о царяхъ, ни о патріархѣ, а вездѣ о князѣ и архіепископѣ. Слѣдовательно, служебникъ писанъ не только до патріаршества, но и до принятія Иваномъ IV царскаго титула. Не вошли въ него и тѣ дополненія къ входнымъ молитвамъ, которыя показаны въ стоглавѣ. (Въ нѣкоторыхъ служебникахъ XVI в. выписки изъ стоглава о входныхъ молитвахъ помѣщались особою статьею подъ именемъ „устава“. (Опис. III—65)) Тѣмъ не менѣе приготовительная часть изложена въ немъ съ такими подробностями, которыхъ служебники XV в. не имѣли. Уставъ Кипріановъ, опредѣливъ въ общихъ чертахъ требованія, обязательныя отъ служащаго священника, сослался на обычное правило и ограничился одною молитвою. Такого сжатого изложенія впослѣдствіи оказалось недостаточно, и стали записывать по прежнему цѣлый рядъ приготовительныхъ молитвъ, тѣмъ болѣе что онѣ сами собою предполагались уставомъ Кипріана. И вотъ нашъ служебникъ открывается тропарями и входными молитвами іерею передъ службою а наставленіе сокращается. При надѣваніи эпитрахля записаны оба

стиха: „емше Иисуса“ и „благословенъ Богъ изливаяй„. Послѣ облаченія записаны: молитва іерею отъ всякія скверны, молитва передъ службою и краткое покаяніе. Въ чинѣ проскомидіи 2-я просфора называется богородичною, а 3-я крестовою; остальные не перечисляются, но указано слѣдующую частицу класть на дольнѣй странѣ агнца, и при этомъ поминаются архіепископъ и весь священническій чинъ; частица, полагаемая на „правомъ розѣ“, назначается за князя и православныхъ христіанъ, — на лѣвомъ розѣ“ — за усопшихъ. Во время малаго входа полагается благословеніе жертвенника, (тоже что въ синод. № 352. Опис. III. 50) передъ евангеліемъ — молитва: всіей свѣтъ; записана заупокойная эктенія и молитва на любовь, передъ освященіемъ даровъ положено призываніе Св. Духа, передъ возгласомъ: Святая Святымъ — нѣсколько молитвъ изъ канона къ причащенію. Слѣдующія за тѣмъ подробности при причащеніи, которыхъ нѣтъ въ служебникѣ Кипріана, согласны съ служебниками Антонія Римлянина и Варлаама Хутынскаго, повторяя такимъ образомъ особенности литургійной практики XII—XIII в. Въ концѣ приводятся двѣ новыхъ молитвы: 1-я похраняя дары и 2-я совлачаяся ризъ. И такъ, вотъ какой сложный агрегатъ составляется въ XVI в. на основаніи исправленной Кипріаномъ редакціи, и какими новыми подробностями осложнилась эта послѣдняя.

Служебникъ нашей Академіи, бывшій волоколамскій (№ 88), представляетъ образчикъ еще болѣе немѣлаго обращенія съ именемъ Кипріана. Судя по письму, рукопись относится къ XVI в. Въ ней не упоминается о патріархѣ. иногда говорится о царѣ, иногда же по старому о великомъ князѣ нашемъ, откуда можно заключать, что она писана съ болѣе древняго списка, въ которомъ еще не упоминалось

о царѣ. Литургія Златоустова изложена здѣсь коротко, безъ указанія обрядовыхъ дѣйствій, съ сокращеніемъ молитвъ и эктеній и въ иномъ переводѣ, чѣмъ въ служебникѣ Кипріановомъ. Въ послѣдствіи къ ней былъ приписанъ другимъ почеркомъ извѣстный уставъ литургій съ прибавленіемъ, что онъ „списанъ съ греческихъ книгъ святымъ Кипріаномъ митрополитомъ Кіевскимъ“. Отъ этого между текстомъ литургій и уставомъ вышло несоотвѣтствіе; первый помѣщенъ въ неисправленномъ видѣ, а послѣдній присоединенъ къ нему совершенно механически.

Седмипросфоріе не связано ни съ какою особою редакціею служебника, но составляетъ естественное продолженіе той неопредѣленности въ перечнѣ проскомидійныхъ просфоръ, какая замѣчается въ прежнихъ спискахъ, и новую попытку приурочить порядокъ проскомидійныхъ поминовеній къ опредѣленному числу просфоръ.

О значеніи Кипріана въ обработкѣ литургій преждеосвященныхъ можно судить по тѣмъ отличіямъ, какія представляетъ она въ его служебникѣ сравнительно съ другими списками, болѣе ранними. Древніе списки этой службы вообще отличаются крупными разностями въ изложеніи обрядовой части и могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ типамъ: а) литургій съ изложеніемъ устава службы и б) безъ него. Первый болѣе поздній, соответствуетъ Филоееву уставу, второй—тѣмъ спискамъ, которые его не имѣютъ. Мы будемъ называть его первою редакціею. Въ служебникѣ Кипріана записана эта послѣдняя, начинающаяся словами: „божественная литургія преждеосвященныхъ; молитвы предложенія не глаголется“. Въ ней записаны молитвы священника, общій ходъ вечерни, эктеніи, но очень мало говорится объ обрядовыхъ дѣйствіяхъ. Изъ списковъ этой краткой редак-

ци онъ воспользовался такими, въ которыхъ были сдѣланы исправленія и дополненія, согласныя съ духомъ іерусалимскаго устава, и благодаря этому обстоятельству, литургія преждеосвященныхъ сдѣлана подъ его перомъ значительный шагъ впередъ особенно среди другихъ ея записей въ служебникахъ славянскихъ. Кипріанъ первый изъ русскихъ пастырей настаивалъ на отмѣненіи прежняго обычая служить литургію преждеосвященныхъ въ среду и пятницу сырной недѣли и въ пятницу на страстной. Въ этомъ случаѣ онъ слѣдовалъ практикѣ палестинскихъ монастырей, которая стала входить въ общее употребленіе съ іерусалимскимъ уставомъ, и выразился на этотъ счетъ въ граматѣ къ Новгородскому духовенству такимъ образомъ: „а въ среду масляныя недѣли и въ пятницу нѣтъ никакой службы, но только часы съ вечернею поются, и въ великую пятницу потомужъ“. Согласно этому правилу, онъ воспользовался для своего служебника тѣми списками, которые были соглашены съ требованіемъ іерусалимскаго устава между тѣмъ какъ въ студійскихъ ¹⁶⁾ въ самомъ началѣ преждеосвященныхъ читалось такое замѣчаніе: „въ среду сыропустныя недѣли вечеръ на литургии“.

Въ Кипріановомъ служебникѣ обрядъ осѣненія свѣчами съ кадиломъ, на преждеосвященной, усвоится священнику, между тѣмъ какъ въ служебни-

¹⁶⁾ Обычай служить преждеосвященную на сырной недѣлѣ и въ великую пятницу держался въ студійской практикѣ, какъ это видно изъ древѣйшихъ уставовъ синодальной и типографской бібліотекъ, изъ многихъ служебниковъ и евангелій аиракосъ. (Подробн. см. въ особомъ сочиненіи о литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Москва. 1850 г.). Славянскіе служебники синод. библ. № 343, 345, 346 повторяютъ это замѣчаніе. (См. Опис. III подъ этими номерами) Оно удерживается и въ служебникахъ XV вѣка, а это показываетъ, что Кипріанова редакция долго не могла вытѣснить старыхъ порядковъ.

кахъ прежней редакціи (по крайней мѣрѣ во многихъ изъ нихъ) возгласъ: свѣтъ Христовъ... произносить діаконовъ, выходя, послѣ первой пареміи, къ царскимъ вратамъ съ кадиломъ и двумя или тремя свѣчами. Что касается до положенія лица, совершающаго этотъ обрядъ, то оно представляется здѣсь иначе, чѣмъ въ теперешнемъ служебникѣ и прямо замѣчено, что іерей, ставъ предъ Св. трапезою, *ни востокъ зря*,... назнаменовавъ крестообразно кадиломъ на св. трапезу, речетъ велегласно: „свѣтъ Христовъ“... Чтобы священникъ подходилъ при этомъ къ царскимъ дверямъ и обращался къ народу, мы нигдѣ не читали въ старинныхъ требникахъ: здѣсь говорится глухо *ιστάται κατὰ πύλον τῆς αὐτῆς τραπεζῆς*, и только въ одномъ спискѣ, приводимомъ у Гоара, замѣчено, что священникъ произноситъ эти слова „εἰς διαστόλα“ т. е. близъ алтарной рѣшетки (р. 202) ¹⁷⁾. По теперешнему уставу священникъ, взявъ свѣчу и кадило, сначала становится передъ престоломъ, къ востоку зря, а потомъ обращается къ народу и произноситъ: свѣтъ Христовъ... Такое исполненіе исторически вѣрнѣе и соотвѣтствуетъ древней постановкѣ этого обряда, когда онъ совпадалъ съ временемъ зажиганія свѣчей при наступленіи сумерокъ, и діаконовъ выходилъ для этого со свѣчею изъ алтаря, а слова „свѣтъ Христовъ“ произносилъ въ церковныхъ вратахъ, слѣдовательно между притворомъ и храмомъ.

Наконецъ, характеристическую черту литургіи преждеосвященныхъ по служебнику Кипріана составляетъ замѣчаніе, которое помѣщено во главѣ ея и гласитъ слѣдующее: „литургія преждеосвященныхъ, молитвы

¹⁷⁾ Объясненіе этого обряда и цитаты, указывающія на его исполненіе діакономъ, см. въ нашей статьѣ о пѣсенномъ послѣдованіи (Приб. къ Твор. Св. Отц. 1880 кн. 3).

предложенія не глаголется". Считать нашего митрополита авторомъ этого дополненія конечно нѣтъ никакого основанія: оно вошло въ его служебникъ изъ готовыхъ греческихъ списковъ и выражало собою состояніе тогдашней греческой практики ¹⁸⁾. Кипріяны очень хорошо знали о ней и старался дать ей ходъ въ русской церкви. Доказательствомъ могутъ служить слѣдующія его слова въ посланіи къ игумену Аванасію: „на прежесвященныя (т. е. на литургіи преждеосвященныхъ) сосуды священныя расставлявая, ничего нѣсть глаголати, но токмо въ умѣ молитися въ себѣ“ Дѣло въ томъ, что порядокъ преждеосвященной службы опредѣлялся постепенно, и въ ея изложеніи пробивались по временамъ черты, взятая изъ полной литургіи, а еще чаще державшіяся въ практикѣ по недоразумѣнію исполнителей службы. Въ числѣ этихъ неумѣстныхъ дополненій попала въ литургію постную и молитва предложенія по аналогіи съ проскомидіею на литургіи полной. Она появилась сначала въ греческихъ спискахъ, а отсюда перешла и въ служебники славянскіе. Но употреблялась ли эта молитва сначала въ практикѣ и потомъ уже перешла въ служебники, или наоборотъ, опредѣленно сказать не можемъ; можно утверждать только, что въ XIII — XIV вв. уже была сознава ненормальность такого порядка, а противъ него дѣлаются замѣчанія на страницахъ служебниковъ. Даже болѣе — греческіе списки требниковъ XIV — XV вв. представляютъ борьбу стараго порядка съ новымъ, а нѣкоторые изъ нихъ совмѣщаютъ въ себѣ слѣды обѣихъ редакцій. Любопытный образчикъ такой ком-

¹⁸⁾ Въ греческомъ требникѣ, (рукопись синод. библ. № 281), это замѣчаніе читается буквально: η δεκα λειτουργια των προηγιασμενων. εζηη προηγιασως ου ημεται. ф. 48 об.

пиляціи дасть синод. греческій евхологіи № 280 (XV в.). Въ немъ литургія преждеосвященныхъ открывається молитвою предложенія „*εὐχὴ ἐν τῷ σκευοφολακίῳ*“, но противъ нея, на полѣ, сдѣлана тою же рукою замѣтка: „*ταύτην τὴν εὐχὴν οἱ δὲ λέγουσιν οἱ δὲ ὀ*“. Казалось бы, этимъ замѣчаніемъ дѣло и должно было окончиться, но на самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько страницъ, гдѣ идетъ рѣчь о приготовленіи преждеосвященныхъ даровъ, вставлено замѣчаніе совершенно устраняющее молитву предложенія, но съ оговоркою: „*хотя въ нѣкоторыхъ служебникахъ она и читается*“¹⁹). Въ большей части греческихъ списковъ не приводится этой молитвы, и можетъ быть потому что она была тождественна съ молитвою предложенія въ литургіи полной. Въ одномъ требникѣ воскрес. новоіерусалимской бібліотеки передъ литургіею преждеосвященныхъ, по словамъ ея описателя, читается какая то молитва, но какая именно, не показано; поэтому приведемъ ее по синод. списку № 280, гдѣ она читается такимъ образомъ: φ 60. «*Κοριε ο Θεος ημων ο χριστης και δημιουργος των απαντων ο αγαθων ημας*

¹⁹) φ. 61 об. *ου μεν τι λεγει (ο ιερευς) των συνηθων τη προθεσει, η ευχην προθεσεως, ει και εν τισιν ευρηται ευχη προθεσεως, αλλα μονον περικαλυψας τα αγια και θυμιασας απερχεται.* Болѣе обстоятельное замѣчаніе о неупотребленіи этой молитвы читается въ евхологіи № 279 (XIV—XV в.) слѣдующимъ образомъ: *ου μεν ται λεγει τα εν τη προθεσει συνηθων ουτε μην ευχην προθεσεως* προηγιασμενη γαρ και προτετελειομενη θυσια εστι και εν τισι των κοντακιων (κοντακιον—свитокъ записи литургіиная, или вообще литургическаго содержанія, служебникъ) ευχη προθεσεως ευρηται, αλλα μονον περικαλυπτων ταυτα (αγια δωρα) αστερικω. (φ. 144 об. 145. № 281. φ. 43).* У Гоара съ прибавленіемъ *μηδὲν ἔλωσ λαλῶν... ἀλλ' ἢ μόνον δι' εὐχῶν ἀγίων πατέρων* (р. 191). У Симеона Солунскаго: *ἀλλ' ἐν τῷ ἱερῷ ποτηρίῳ εἰσάχεται δόξα τινός ἐπιλεγμένης εὐχῆς οὐνοῦ καὶ ὕδωρ.* (Resp. ad Gabr Pentar. 57. Mign. Patr. T. 155, p. 909).

εις τας πανσεπτεις ημερας ταυτας ικανωσον ημας τη προσφερειν
 θυσιαν προηγιασμενην εις δοξαν και αιουου χυ ου οτι ηγιασται
 και δεδοξασται.... Какъ видимъ, она не самостоятельно
 составлена, но скомпилирована изъ разныхъ источни-
 ковъ: часть ея взята изъ заамвонной великопостной
 молитвы, другая—изъ литургiи Златоустовой. Иначе
 читается она по криптоферратскому списку у Гоара
 (Cryptoferratense Falascae) *κύριε ὁ θεὸς ἡμῶν ἐξαπόστει-
 λον ἡμῖν δυνάμιν ἐξ ὕψους ἀγίου σου καὶ ἐνισχύσον ἡμᾶς τῆ προσ-
 φέρειν σοι θυσίαν ἀναμάρτην, θυσίαν προηγιασμένην εἰς δόξαν
 καὶ αἰῶνα τῷ χριστῷ σὺ* (р. 201. cf. О литург. прежд.
 даровъ 89)

Въ другихъ спискахъ читаются другiя дополненiя,
 которыя въ Кипріановомъ служебникѣ или обойдены,
 или прямо устраняются какъ несоотвѣтствующiя дѣ-
 лу. Такъ напр. въ морелліевомъ изданiи назначается
 священнику, приготовляя дары, читать: вѣрую Гос-
 поди и исповѣдую (Goar р. 200) и конечно для то-
 го, чтобы показать, что предлагаются дары уже пре-
 существенныя. Въ барбериновомъ спискѣ удержана
 слѣдующая проскомидiйная деталь: священникъ гово-
 ритъ: единъ отъ воинъ копiемъ ребра ему прободe.
 (ibid. р. 200. 201). По другому криптоферратскому
 списку (Cryptof. Falascae ibid. р. 201), при влiяни
 воды и вина въ чашу произносятся слова неизвѣст-
 ныя по другимъ служебникамъ.

Подъ влiянемъ Кипріанова служебника образова-
 лась особая группа списковъ преждеосвященной ли-
 тургiи, въ которыхъ были удержаны отмѣченныя
 нами ея особенности. Такъ, въ служебникѣ нашей
 Академiи, № 77 (XV в.), всѣ три литургiи читаются
 буквально сходно съ синодальнымъ Кипріановымъ, не
 исключая ошибокъ переписчика. Но этого далеко нельзя
 сказать о большинствѣ позднѣйшихъ списковъ. Въ нѣ-
 которыхъ изъ нихъ продолжаетъ держаться текстъ до-

кипріановской редакціи ²⁰⁾, въ другихъ — введенъ уставъ или указъ службы преждеосвященныхъ, котораго Кипріанъ не успѣлъ изложить въ своемъ служебникѣ и тѣмъ завершить его окончательную работу. Въ славянскихъ спискахъ онъ дѣлается извѣстнымъ уже послѣ Кипріана, и нѣтъ положительныхъ основаній связывать его появленіе на Руси съ именемъ этого дѣятеля. Одна изъ существенныхъ частей этого устава „чинъ приготовления агнцевъ“, была изложена митр. Фотіемъ въ посланіи къ Псковичамъ и изложена, какъ видно, впервые, потому что представляется дѣломъ совершенно новымъ и „недовѣдомымъ“. (В—преосв. Макарія. Истор. Р. Ц. IV прилож. XXVIII). Въ полномъ же составѣ онъ является въ синод. служебникѣ, такъ называемомъ Сергія Преподобнаго и въ Кипріановомъ требникѣ ²¹⁾, а въ греческомъ текстѣ помѣщенъ у Гоара (Evch. p, 190).

Съ именемъ Теодора Студита издано у Мина (Patr Curs Compl. T. 99 p. 1688—1690) объясненіе литургіи преждеосвященныхъ, подъ заглавіемъ: *επιφυλατὴ τῆς θείας Λειτουργίας τῶν προηγιασμένων*. Этотъ небольшой трактатъ (переводъ его см. прилож. 3) не подходитъ къ тому, что извѣстно подъ именемъ указа или *επιφυλατὴ* въ греческихъ спискахъ и излагаетъ вкраткѣ общій ходъ литургіи преждеосвященныхъ съ нѣкоторыми объясненіями, но безъ указанія обрядовыхъ подробностей. А потому оно не есть ни толкованіе на эту литургію, ни уставъ или чинъ ея, а скорѣе—отрывокъ изъ наставленія о томъ какъ совершать литургію преждеосвященныхъ, составленнаго въ руководство священникамъ и идущаго отъ лица

²⁰⁾ Доказательствомъ служатъ греческія печатныя изданія, приведенныя у Гоара, р. 200—202.

²¹⁾ И тотъ и другой—позднѣе Кипріана.

авторитетнаго. Это видно изъ первыхъ его словъ: „послушай меня внимательно, чадо, какъ должно совершать священнодѣйствіе преждеосвященныхъ“, и изъ замѣчанія на концѣ, гдѣ составитель называетъ себя свѣдущимъ чловѣкомъ и ссылается на примѣръ еще болѣе свѣдущихъ. Считать авторомъ этого курса Феодора Студита нѣтъ положительныхъ основаній. Какъ произведеніе псевдонимное, оно стало извѣстно подъ его именемъ, можетъ быть потому, что появилось еще въ эпоху студійскаго устава и вышло изъ тамошней практики, а можетъ быть и по упоминанію о канонѣ степенныхъ псалмовъ, который приписывается Феодору Студиту.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Уставъ литургіи изъ греческаго рукописнаго типика Синод. Библ. № 381—369 XIII—XIV в. ф. 24 ¹⁾).

Περι τῆς πῶς ἐκτελεῖσθαι τὴν θείαν ἱερουργίαν.

Ἐν τῷ μελλεῖν ἐκτελεῖσθαι τὴν θείαν ἱερουργίαν ἀπερχεται ὁ τε ἱερεὺς καὶ ὁ διάκονος ἐμπροσθεν τῶν ἁγίων θυρῶν καὶ πρῶσι μετανοίας τρεῖς λέγοντες τὴν εὐχὴν· κυριε ὁ θεὸς μὴ εἰς ἀποστείλον... (молитва записана вся) ἀσπαζόμενοι τὰς ἁγίας εἰκόνας καὶ εἰς τὰς χεῖρας πρὸς μίαν μετανοίαν· εἶτα εἰσερχονται εἰς τὸ ἅγιον βῆμα καὶ λαμβάνει ὁ μὲν ἱερεὺς τὸ στιχάριον ἐν τῇ ἀριστερᾷ χεὶρὶ καὶ προσκυνεῖ τρεῖς κατὰ ἀνατολάς καὶ σφραγίζει αὐτὸ λέγων· ἀγαλλισθῶ... λαβὼν ἐπιτραχήλιον... εἶτα λαβὼν ζωνὴν...

Καὶ μετὰ ταῦτα φορεῖ τὸ δεξιὸν ἐπιμανικίον λέγων... καὶ εἰς τὸ ἀριστερόν...

¹⁾ Передаемъ текстъ безъ соблюденія палеографическихъ особенностей подлинника.

εἶτα λαβὼν τὸ φαίλονιον...

Ὁ διακονὸς λαβὼν καὶ αὐτὸς τὸ τε ὠρᾶριον καὶ τὸ στιχᾶριον ἐν τῇ λαῖα χεῖρι ποιεῖ τῷ ἱερεὶ μετανοίαν λέγων· εὐλογήσον...

Εἶτα ἀπερχόνται ὁμῆ ἐν τῇ αγία προθεσὶ καὶ ἐπαίρει ὁ μὲν ἱερεὺς τὴν προσφοράν ²⁾ καὶ λέγει ἰσταμένος κατὰ ἀνατολᾶς. εὐλογητός... ἣν καὶ σφραγίζει τρίτον μετὰ τῆς λογγῆς καὶ λέγει εἰς ἀναμνησιν... καὶ ποιεῖ προσκομιδὴν ὅπως· εἰς τὸ ἐν μέρος λέγει· ὡς πρόβατον... εἰς τὸ δευτερόν... καὶ εἰς τὸ τρίτον... καὶ εἰς τετάρτον.

Замѣчанія о томъ какъ поступать съ просфорою сырою нѣтъ.

Καὶ μετὰ τούτο (ποσλѣ приготοвлєніа чаши) λαμβανει τὴν ἑτεράν προσφοράν ³⁾ καὶ λέγει προσδεξάι κυριε τὴν θυσιαν ταυτην δια πρεσβειων τῆς υπερευλογημενης...

Εἶτα λαμβανεί τὴν τρίτην προσφοράν ⁴⁾ καὶ λέγει· δυναμει τв темиш...

Καὶ εἰς τὴν Δ (τετάρτην) προσφοράν ⁵⁾ καὶ μνησθητι κυριε τв архιεпископв ημων τв δεινος (и о всемъ священномъ чинѣ) μνησθητι κυριε καρποφορηντων (затѣмъ воспоминаются: цари, палата и воинство, монастырь сей, путешествующіе, плавающіе, плѣнные) μνησθητι καὶ των ἐν ἐλπίδι ἀναστασεως ζωης αιωνиш хеχοιμημενων πατερων καὶ ἀδελφων... καὶ τῆς ἐμῆς ἀναξιωτητος. (Противъ слова τв дειнос, гдѣ говорится объ архієпископѣ, сдѣлана на полѣ выноска: ἐν ταυτ μνημονευονται οι βασιλειс κατ'ονομα· εἶτα μνημονευει вс θελει ζωντων καὶ τεθνεωτων φ. 25 обор.).

Ὁ διακονὸς λαβὼν θυσιάτου...

κατηξεί ο ἱερεὺς τὸν ἀστερισχὸν (говоря: словомъ Господнимъ небеса утвердишася)... τὸ καλωμμα... τὸ ἑτερόν καλωμμα... τὸν ἀερα...

²⁾ 1-я просфора, изъ которой вынимается агнецъ.

³⁾ 2-я просфора.

⁴⁾ 3-я.

⁵⁾ 4-я—и послѣдняя; надъ нею поминаются живые и умершіе.

Ζατѣмъ послѣ кажденія діакономъ алтаря и все-го храма, при чтенія про себя 50 псалма, священникъ съ діакономъ становятся передъ престоломъ, и говоритъ священникъ: *κυριε Ιη Χε Θεος ημων* *δος ημιν προθυμιαν και ισχυον εκτελεισθαι (?) μετα φοβη και προσοχης την θειαν ιερουργιαν* ⁶⁾.

Малый входъ: *εις ταυτην την εισοδον απερχεται ο διακονος και αιρει* ⁷⁾ *το ευαγγελιον και προπορευσας εμπροσθεν τε ιερεως και ελθοντων εν τω μεσω ναη ισταται ο διακονος εκ δεξιη (?) και λεγει: τε κυριε δεηθωμεν... ιστεον και ταυτο οτι εν ταις εορταις φαλλομεν τον τρισαχιον υμνον μετα τε ασματος οτε μελλουσιν οι φαλται προς το δοξα· ερχεται ο διακονος εις τον ιερεα κρατων το υρарιον εν τη δεξια χειρι και λεγει: ευλογησον δεσποτα το δοξα (въ подлинникѣ написано неразборчиво; мы читаемъ то доξα т. е. пѣνне три-святаго „на слава“) και ο ιερευς ευλογητος ο θεος ο εν τριαδι αγια δοξαζομενος και στραφεις ο διακονος денκνυει τω λαω το υрарιον και ητως αρχεται ο домоesticος τε доξα· τε τε φαλλομενη συνερχονται οι ιερεις και οι διακονοι εν τω συνθρονω τε διακονη λεγοντος πρωτη (?) *κελευσον δεσποτα και οι ιερεις ευλογητος ο ερχομενος... και μετα ταυτο απερχονται εις την αγιαν καθεδραν και δεικνυσι αυτην μετα τε οраριη λεγων· ευλογησον δεσποτα την αγιαν καθεδραν...⁸⁾**

⁶⁾ Этой молитвы нѣтъ ни у Гоара, ни въ теперешнемъ служебникѣ.

⁷⁾ Діаконъ самъ беретъ евангеліе, а не принимаетъ его изъ рукъ священника.

⁸⁾ Т. е. нужно знать, что въ праздники поемъ трисвятное съ пѣніемъ, и когда дойдутъ пѣвцы до славы (при пѣніи трисвятаго), діаконъ подходитъ къ священнику, держа орарь въ правой рукѣ и говоритъ: благослови владыко славу (пѣнне трисвятаго на слава), священникъ—благословенъ Богъ славимый во Св. Троицѣ; и обратившись діаконъ, показываетъ народу орарь, и тогда домоesticъ (регентъ пѣвцовъ) начинаетъ „слава“. При пѣніи сего сходятся священники и діакони къ сопрестолію и когда протодіаконъ скажетъ: поведи владыко, а іереи—благословенъ грядый... послѣ сего отходятъ къ св. каѳедрѣ (горнее мѣсто) и (діаконъ) показываетъ на нее ораремъ, говоря: благослови владыко св. каѳедру"... Этихъ по-

По поставленіи свв. даровъ на престолъ—*και χαλασας (ο ιερευς) το φελονιον... λεγει προς τον διακονον· μησθητι με δεσποτα και ο διακονος προς αυτον· πνευμα αγιον... ειτα λεγει πλιν ο διακονος τω ιερει. μησθητι με δεσποτα· οδε μησθητη σβ κυριος και εξερχεται και ισταται εν τω μεσω ναυ.*

Дѣйствія священника и діакона во время канона евхаристіи ф. 29 обор.

Ο διακονος εισερχεται εν τω αγιω βηματι και ασπαζεται ακρον της αγιας τραπεζης προσκυνησας τρις· ειτα στρεφεται προς τον ιερεα και ποιει και αυτω μετανοιαν. οτε δε εκφωνει τον επινικιον υμνον αρει τον αστερισκον ο διακονος· ειτα λαβων το αγιον ριτιδιον ισταται δεξιθεν (?) τв ιερωσ και ριπιζει τα

дробностей нѣтъ у Гоара, ни въ теперешнемъ служебникѣ, а между тѣмъ онѣ рисуютъ весьма замѣчательную сторону древняго обряда, уцѣлѣвшую теперь въ случайныхъ отрывкахъ, потерявшихъ первоначальный исторической смыслъ. Дѣло идетъ о службѣ соборной въ праздники и касается исполненія трисвятаго. Передъ тѣмъ, какъ начать это пѣніе въ послѣдній разъ, діаконъ, взявъ благословеніе у священника, выходилъ къ царскимъ дверямъ и движеніемъ орара давалъ domestiку знакъ начинать послѣдній разъ трисвятое „на слава“, въ это время служащіе направлялись къ горнему мѣсту. Обращеніе діакона къ священнику съ словами: „благослови владыко время трисвятаго“, по теперешнему служебнику, есть ничто иное какъ обращеніе за благословеніемъ; возгласъ священника „яко святъ еси“.. составляетъ отвѣтъ на это обращеніе, но отвѣтъ недостаточенъ ясно выраженный и несоответствующій вполнѣ своему значенію. Въ греческомъ уставѣ, нами приведенномъ, это соотвѣтствіе выдерживается. Теперь обращеніе не произносится вслухъ, а отвѣтъ священника: яко святъ еси... произносится возгласно. По тѣсной связи того и другаго слѣдовало бы ихъ согласить; а потому или оба произносятъ возгласно, или тайно, какъ обмѣнъ взаимныхъ обращеній священника и діакона. Повидимому дѣло происходило послѣднимъ способомъ. Теперешній выходъ діакона къ царскимъ дверямъ и особенное движеніе ораремъ по направленію къ народу съ словами „и во вѣки вѣковъ“ есть ничто иное, какъ распоряженіе, которое отдавалъ діаконъ посредствомъ орара начинать трисвятое. Весьма вѣроятно при этомъ онъ произносилъ: „слава отцу“ (δοξα); откуда и выродился теперешній—мало идущій къ дѣлу—возгласъ: и во вѣки вѣковъ. Что касается до возгласа „Господи спаси благочестивыя“ то въ основаніи его лежитъ древній обычай по которому священникъ, по вступленіи въ алтарь, обращался къ народу съ привѣтствіемъ и благословеніемъ. Въ полной силѣ онъ удержался теперь при служеніи архіерейскомъ.

αγια δωρα· οτε δε εκφωνει ο ιερευς· Λαβετε φαγετε λαβων εν τη δεξια χειρι το υραριον ο διακονος ισταται εκ τω ανατολικω μερωσ της αγιασ τραπεζης επαιρει τωτο εμπροσθεν των αγιων δωρων· ομοιω και εις το αγιον ποτηριον οτε λεγει ο ιερευς το πιστε εις αυτη παντες· οτε δε σφραγιζει ο ιερευς τα αγια (δωρα) λεγει ο διακονος προς αυτον· ευλογησον δεσποτα αγια δωρα. (Молитвы: Господи иже Пресвятаго Твоего Духа, нѣтъ).

φ 29 об. 30.⁹).

Ο διακονος τα διπτοχα των κεκοιμημενων αναγνως λεγει και ων εκαστος κατα διανοιαν εχει και παντων και πασων· και οτε ο ιερευς εκφωνησει· το εν πρωτοις· τα διπτοχα των ζωντων λεγει οτωσ· εις πριαρχ¹⁰) Αθανασίου τυχ' η τον δεινος. του αγιωττ και οικουμενικου πριαρχ· εις επισκοπ νιφωνος του πανιερωττ επισκοπ ημων δειν· και υπερ του προσκομιζοντος τα αγια δωρα κω τω θω ημων ιωαννητις ιερομοναχω του τιμιου πρεσβυτεριου... υπερ σωτηριασ κρατωσ νικησ των ευσεβεστατων και θεοφυλακτων βασιλεων ημων ανδρονικω και ειρη.

⁹) „Діаконовъ, прочитавши диптихи умершихъ, говоритъ: и тѣхъ, кого кто имѣеть въ мысли и всѣхъ и вся. И когда іерей возгласитъ: въ первыхъ... произноситъ диптихи живыхъ такимъ образомъ: въ патріархахъ Аванасія, или кого случится другаго, святѣйшаго и вселенскаго патріарха; въ епископахъ Нифонта, преосвященнѣйшаго епископа нашего, или такого то, и о приносящемъ Святые Дары Господу Богу нашему Іоанникіѣ іеромонахѣ. „Этимъ указаніями опредѣляется время, когда написанъ излагаемый уставъ литургіи.— Въ эктениі послѣ евангелія въ той же рукописи читается: *ετι δεομεθα υπερ των ευσεβεστατων και φιλοχριστων βασιλεων ημων ανδρονικου και ειρηνης.* φ. 32 обор.

На концѣ рукописи (φ. 196—198) другимъ, позднѣйшимъ почеркомъ, записанъ такой же уставъ литургіи, но изложеніе его оканчивается проскомвдіею.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Особенности перевода литургіи въ Кипріановомъ служебникѣ.

„По еже сотворити настоящему, рекше игумену, обычный поклонъ“. Въ греческомъ *μετά τό ποιῆσαι τῆν συνήθη τῶ προσεῶτι μετάνοιαν*. Переводчикъ употребивъ слово настоящій, буквально соотвѣтствующее греческому *προσῶτος*, но неупотребительное въ славянскомъ языкѣ, поясняетъ его болѣе понятнымъ „игумень“.

„Отходятъ малыми дверьми къ жертвеннику“. Разумѣются сѣверныя двери вводящія въ алтарь „*θυρίδες*“—дверцы. Этихъ словъ нѣтъ у Гоара. „Страшному *судищу* твоему“—*τῶ φοβερῶ σὺ βῆματι*. Переводъ неясный; нужно было бы перевести „престолу“. Переводчикъ взялъ во вниманіе первое общее значеніе слова *βῆμα* (отъ *βαίω*), которое означаетъ кафедру, трибуналъ, судейское мѣсто.

Оурарь=орарь, *ὄραρον*.

Обложи мя-*περιέβαλέ με*.

Поручия=поручи, *ἐπιμαχία*

Десное зарукавіе=правый поручь.

Діаконъ благоукрашаетъ святая=*ἐκοσμησάτω τὰ ἱερά*.
(приготавливаетъ)

Святое блюдо=*δίσκος*

Показуетъ діаконъ съ ураремъ. (11 об.)

Знаменаетъ съ нимъ (копьемъ) *трижды*; — буквальный переводъ съ греческаго *σφραγίζει τὸν αὐτῶ*.

Знаменіе просфоры=печать *σφραγίς*.

Въ лѣвой сторонѣ *знаменуя* печати *τῆς σφραγίδος*.

Ребра ему отверзе=прободѣ.

И возьмъ часть съ *святимъ* копьемъ (грецизмъ).

Первослужитель=архидіаконъ.

- Ихъ же молитвами посѣти=ἐπισκέψαι (сѣнь).
Кадить престолъ около=κύχλω.
Время послужити Господеви χαίρῶς τῆ ποιῆσαι τῷ
χριστῷ.
О смиреніи всего міра ὑπὲρ τῆς εἰρήνης.
О честнемъ храмѣ семь οἴκῳ.
Борителя=εὐπλοσάτα.
Молитва согласія 1-го=антифона перваго.
Держава безприкладна τὸ κράτος ἀνέκμαστον.
Сѣдалище=θρόνος.
Святое возношеніе (л. 8) ἀναφορά. (канонъ евха-
ристїи).
Литонъ,—простертіе его.
На престолѣ херувимствъ κἀξάνη νό ἐπί θρόνῳ χε-
ροῦνικῶ ἐποῦμενος“.
Священствовати (святое тѣло) ἱεροουργήσαι.
Притычетъ звѣзду трижды. (звѣздицу—къ дискусу)
Опахать=вѣять—ριπίσαι.
Омовеніе души=νίψις τῆς ψυχῆς.
Присѣщаетъ свѣтъ лица твоего=ἐπισκέπτει.
Діаконъ время приемъ. (13).
Укропникъ, укропецъ=сосудъ съ теплою водою,
теплота.
Святая лавита.=λαβίς—лѣвица
Потираетъ губою на се установленною.
Дора—просфора, изъ которой вынимается агнецъ,
антидоръ.
Перенось великій=великій входъ.
-

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Иже во святыхъ отца нашего Теодора Студита объясненіе божественной литургіи преждеосвященныхъ.

(Patr. Curs. Compl. T. 99 p. 1688—1690).

Послушай меня прилежно, чадо, какъ должно совершать службу преждеосвященныхъ. Ибо въ другихъ священнодѣйствіяхъ священнослуженіе совершается открыто и безъ опасенія, въ этомъ же прикровенно и неполнѣ; а посему и служба бываетъ во всемъ болѣе таинственна.

И такъ іерей, облекшись въ священную одежду, произнесши вполнѣ (*ὁλοκλήρως*) трисвятое и дневной тропарь съ троекратнымъ (воззваніемъ) „Боже милостивъ буди мнѣ грѣшному“ и прочитавъ молитву кадила, становится передъ св. трапезою и, кадя ее крестообразно, возглашаетъ, не „благословенно царство“, какъ знаменіе побѣды и нелицепріятнаго достоинства, но „благословенъ Богъ.“ (возглашая), какъ выраженіе смиренія и несокрушимаго моленія. Пророческое же оное предначинаніе (*προοίμιον*—предначинательный псаломъ) произносится братьями, а іерей читаетъ молитвы свѣтильничнаго. Когда же и то и другое (т. е. и псаломъ, и молитвы) окончится, совершаетъ эктенію съ возгласомъ; а чтець тотчасъ начинаетъ канонъ (положенное число) псалмовъ степенныхъ. (Въ это время) божественный тайносовершитель, прочитавъ про себя (*ἀνὰ στόμα διεξιῶν*) 50-й псаломъ, приготовляетъ неопустительно преждеосвященный хлѣбъ на жертвенникѣ, и на каждый антифонъ степенныхъ возглашаетъ малую эктенію (*ἀττισιν*).

При пѣніи пѣвцомъ псалма (τὸ ψαλμὸν ἤχομενον), ¹⁰⁾, кадитъ все святилище вмѣстѣ съ храмомъ, а при пѣніи тропарей, послѣ славы ¹¹⁾, бываетъ входъ безъ евангелія съ кадиланицею; когда же читаются чтенія, братія сидятъ. По окончаніи ихъ іерей ¹²⁾ поетъ „да исправится“ съ присоединенными къ нему стихами, причемъ братія преклоняютъ колѣна, (γόνυ) что бываетъ и въ молитвахъ ¹³⁾. По вступленіи божественныхъ даровъ (т. е. въ алтарь, по перенесеніи съ жертвенника) тотчасъ затворяются двери; іерей покрываетъ дары верхнимъ покровомъ (πέπλω), который обыкновенно называется воздухомъ, а во время возношенія (ὑψωσις) не поднимаетъ покрыва, но, изъ подъ него снизу возвышая хлѣбъ, говоритъ: „преждеосвященная святая“, и воздухъ тотчасъ снимается. Изъ сихъ и подобныхъ указаній открывается таинственная жертва, священнодѣйствіе уже совершенное и преждеосвященное наитіемъ креста и соединенное съ святою кровію. Затѣмъ, когда братія призываются къ причастію словами: „со страхомъ Божиимъ, вѣрою и любовію“, слова эти показываютъ въ немъ (т. е. въ таинствѣ) божественный образъ божественной и животворящей Троицы, называя страхомъ божественную и свѣтоначальную славу Отца, — вѣрою единое и собезначальное Слово, любовію же — благаго и всесвятаго Духа. Послѣ причащенія братій говорится: „спаси Боже люди твоя“, и начертавъ божественное знаменіе честнаго креста надъ

¹⁰⁾ Вѣроятно разумѣются тѣже антифоны изъ псалмовъ.

¹¹⁾ „Τὸν τροπάριον ψαλλομένον μετὰ τῆν δοξάν“. Подъ тропарями здѣсь разумѣются теперешнія стихиры на Господи воззвахъ, такъ названныя по способу пѣвческаго исполненія (τρόπος τροπάριον).

¹²⁾ „Да исправится“ назначается пѣть священнику по нѣкоторымъ епискамъ служебника.

¹³⁾ Т. е. во время произнесенія молитвъ также становились на колѣна. О такомъ обычаѣ говорить Кассіанъ.

святыми дарами, (іерей) не оставляетъ ихъ на св. трапезѣ, но переноситъ въ предложеніе, а послѣ своего приобщенія, совершающій таинство произносить предписанную молитву. Предлагаю тебѣ это, чадо, какъ человѣкъ знающій, то что видѣлъ у людей въ высшей степени свѣдущихъ, и такъ бываетъ не здѣсь только ¹⁴⁾, но и въ другихъ священнодѣйствіяхъ ¹⁵⁾. (И здѣсь) послѣ приглашенія къ приобщенію (бываетъ) перенесеніе даровъ въ предложеніе и закрытіе божественныхъ вратъ, кромѣ одного возвышенія хлѣба, такъ какъ оно происходитъ открыто ¹⁶⁾, да въ началѣ совершается проскомидія и возглашается „благословенно царство“ Богу нашему, которому слава во все вѣки. Аминь.

И. Мансветовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁴⁾ Т. е. въ литургіи преждеосвященныхъ.

¹⁵⁾ Разумѣется, полная литургія въ ея разныхъ отрасляхъ.

¹⁶⁾ Т. е. отличіемъ полной литургіи служитъ открытое возвышеніе агнца, а не подъ покровомъ, какъ выше сказано о возвышеніи даровъ преждеосвященныхъ.

О свободѣ совѣсти.

(Продолженіе).

IV.

Выше было замѣчено, что, благодаря миланскому эдикту о всеобщей терпимости, церковь вела уже дѣло пропаганды такъ, какъ хотѣла, а не какъ только могла. И мы видѣли, чего хотѣла церковь въ дѣлѣ проповѣди христіанства. Возникаетъ вопросъ: въ какое отношеніе къ пропагандѣ христіанства стало само государство, среди котораго преимущественно велась пропаганда христіанства въ эпоху внутренняго развитія церкви Христовой, т. е. государство греко-римское? Оставалось ли это государство только препятствовавшимъ церкви въ ея прозелитической дѣятельности, какъ этого повидимому должно было ожидать, судя по миланскому эдикту, и какъ этого должна была бы желать церковь, судя по изложеннымъ принципамъ ея собственной прозелитической дѣятельности; или же государство приняло какое-либо иное положеніе въ отношеніи къ вопросу о распространеніи христіанства? Для рѣшенія этого вопроса мы должны будемъ прослѣдить религіозную политику римскаго правительства съ момента полученія церковью полной внѣшней свободы до того времени, когда христіан-

ство окончательно восторжествовало надъ греко-римскимъ язычествомъ.

Прежде всего, конечно, долженъ быть вопросъ о религиозной политикѣ самаго виновника провозглашенія закона о всеобщей терпимости—Константина. Со времени изданія миланскаго эдикта царствованіе Константина можетъ быть раздѣлено на двѣ половины: до побѣды надъ Ликиніемъ и послѣ оной. По отношенію къ верховнымъ правамъ самого Константина эти половины, какъ извѣстно, одна отъ другой отличаются тѣмъ, что со времени побѣды Константинъ становился безусловно свободнымъ распорядителемъ судебъ имперіи. И должно признать, что главное направленіе политики Константина въ ту и другую эпоху не было противно основной идеѣ миланскаго эдикта—предоставить каждому не—христіанину оставаться таковымъ, если хочетъ, а каждому христіанину—предоставить возможность свободно удовлетворять своимъ религиознымъ потребностямъ. Около 316 года Константинъ высказываетъ тотъ же взглядъ на вопросъ о свободѣ религіи, какой видимъ въ миланскомъ эдиктѣ. Такъ въ письмѣ „къ епископамъ и народамъ“ Африки Константинъ, когда извѣстное дѣло донатистовъ окончилось неудачно, говоритъ, что теперь должно ожидать уже только „небеснаго врачеванія“ заблудившихся. Поэтому онъ совѣтуетъ епископамъ удерживаться на почвѣ взаимной терпимости, такъ какъ „и религія наша должна убѣдить насъ“ къ такому отношенію къ дѣлу, хотя бы терпимость эта влекла даже за собой неприятности для толерантной стороны, „ибо—поучаетъ Константинъ епископовъ и народы—чтò иное значить жить въ этомъ вѣкѣ во имя Божіе, какъ не то, чтобы мужественно сносить нападки людей мятежныхъ?“ Въ другомъ письмѣ онъ хвалитъ африканскихъ епископовъ за то,

что „они не желаютъ мщенія (со стороны его, стоявшаго на сторонѣ этихъ епископовъ) людямъ нечестивымъ и преступнымъ, врагамъ церкви“, а напротивъ просятъ, чтобы донатисты, о которыхъ и шла рѣчь, получили свободу. „Истинное и совершенное познаніе Бога, говоритъ Константинъ, состоитъ въ послушаніи Его повелѣніямъ, въ томъ, чтобы благодушно вѣровать, сознавая, что бѣльшее наказаніе противники церкви примутъ тогда, когда наступитъ жизнь будущая“ и т. п. ¹⁾). Такова его была теорія. Законодательныя мѣропріятія не были также противны этой теоріи. Изъ этихъ мѣропріятіи, имѣвшихъ прямое или косвенное отношеніе къ религіозной свободѣ, можно отмѣтить слѣдующія: христіанская церковь, какъ дозволенное въ государствѣ общество, получила значеніе юридической личности. Отсюда—признанное формально право законнаго владѣнія имуществомъ. Къ законамъ, касавшимся этого предмета, должно отнести и право получать по завѣщаніямъ (*factio testamenti passiva*), усвоенное Константиномъ церкви, и слѣдовательно, какъ коррелятивъ этого права,—право каждаго дѣлать завѣщанія въ пользу церкви (*factio testamenti activa*),—право, которымъ такъ дорожили римскіе граждане: „ибо нѣтъ ничего, какъ выразился одинъ законъ, болѣе свойственнаго людямъ, какъ быть свободнымъ въ своей послѣдней волѣ, когда человекъ ничего уже болѣе не можетъ желать“. Константинъ удаляетъ также изъ современнаго положенія дѣль все то, что, будучи противно принципу религіозной свободы, было слѣдствіемъ положенія этой свободы до закона о всеобщей терпимости. Такъ онъ отмѣняетъ продолженіе наказанія за преступленія противъ языческой бывшей государ-

¹⁾ Patr. cursus completus. latin. VIII, 491—9.

ственной религіи. Было бы, конечно, несообразностью, если бы люди продолжали терпѣть наказаніе за то, что теперь перестало считаться преступленіемъ, т. е. за оставленіе государственной религіи. Относилось это въ особенности къ христіанамъ, остававшимся въ изгнаніи единственно за то, что „не служили идоламъ“, „изгнаннымъ изъ воинскаго сословія“, „лишеннымъ права занимать почетныя должности“ и т. п. ¹⁾. Тѣмъ болѣе, конечно, Константинъ долженъ былъ оградить свободу обращенія къ христіанству со стороны желающихъ обратиться. Иудеи, напр., обнаружили, что обращеніе іудея къ христіанству не всегда безопасно. Поэтому въ 315 году Константинъ „объявилъ іудеямъ, ихъ старѣйшинамъ и патриархамъ, что если послѣ этого кто-нибудь изъ нихъ осмѣлится нападать или иначе какъ-нибудь выражать свою ярость противъ того, кто оставитъ ихъ дикую (feralis) секту и обратится къ почитанію Бога, таковой необходимо будетъ преданъ пламени“ ²⁾. Такой же смыслъ огражденія свободы, обращенія и пребыванія въ церкви имѣлъ законъ Константина о томъ, чтобы „ни одному христіанину не находиться въ рабствѣ у іудеевъ“. Если же таковой, т. е. рабъ христіанинъ, отыщется у іудея, то христіанина отпускать на волю, а іудея наказывать денежною пеней ³⁾. Евсевій комментируетъ изданіе этого закона тѣмъ, будто Константинъ „считалъ несправедливымъ, чтобы *искупленные Спасителемъ рабствовали убійцамъ проковъ и Самого Господа*“: объясненіе едва ли по отношенію къ Константину справедливое, хотя, вѣроятно, самъ Евсевій и смотрѣлъ на дѣло такимъ обра-

¹⁾ Евсевій, Жизнь Констант. I, 20.

²⁾ Codex Theodos. Lib. XVI, tit. de Iudeis, l. 1.

³⁾ Евсевій, Жизнь Конст. рус. пер. 250.

зомъ. Вѣроятно же всего, причиною изданія закона была полная необезпеченность отъ іудейскаго фанатизма и отъ іудейскаго прозелитизма лицъ христіанскаго исповѣданія, зависимыхъ отъ іудеевъ въ социальномъ отношеніи. Такъ самъ Константинъ указываетъ, что іудеи, купивъ рабовъ „другой секты“, обрѣзывали ихъ, т. е. обращали въ іудейство. Поэтому, если съ одной стороны законъ о неимѣнні іудеями рабовъ христіанъ можетъ представляться подававшимъ поводъ къ ложнымъ обращеніямъ къ христіанству: стоило только рабу обратиться къ христіанству и на него, очевидно, должна была распространиться сила этого закона; но съ другой — конечно, справедливость требовала и огражденія лицъ одной религіи отъ возможности насилія въ дѣлѣ религіи со стороны лицъ другой религіи. Впрочемъ іудеи не оставили своихъ наклонностей и послѣ изданія такихъ законовъ: при концѣ своей жизни Константинъ долженъ былъ повторить законъ о томъ, чтобы іудеи „не беспокоили и не наносили обидъ“ іудею, обратившемуся къ христіанству (336 г.), „подъ страхомъ наказанія соответствующаго обидѣ“, а впослѣдствіи императоръ Констанцій снова упоминаетъ о кулѣ іудеями рабовъ „иной націи“ и обрѣзаніи ихъ, конечно насильственномъ ¹⁾. — Для свободы внутренняго устройства и вообще внутренней жизни церкви важны слѣдующія законодательныя распоряженія Константина: какъ извѣстно, римское законодательство налагало нѣкоторыя ограниченія въ правахъ на тѣхъ изъ римскихъ гражданъ, кои навсегда пожелали бы оставаться неженатыми (такъ наз. *lex Iulia et Papia Poppoea*).

1) Cod. Theodos. XVI, tit. VIII, 5. Вообще, по выраженію Готфреда. Константинъ во все свое царствованіе былъ то за іудеевъ, то противъ нихъ, смотря по тому, страдала ли *ихъ* религіозная свобода, или же *они* насилывали свободу другихъ.

Естественно, что этотъ законъ былъ стѣснителенъ для христіанъ и даже для всѣхъ людей, если только за каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ признается право свободы въ удовлетвореніи своимъ душевнымъ расположеніямъ. При существованіи этого закона то, въ чемъ христіане полагали высшую ступень нравственной жизни—дѣвство, предъ римскимъ закономъ оказывалось если не преступленіемъ, то проступкомъ. Евсевій рассказываетъ, что „царь, слѣдуя здравому разсужденію“, измѣнилъ этотъ законъ, такъ какъ причиной, заставлявшей многихъ отказываться отъ супружества, по мнѣнію Евсевія, бываетъ любовь къ мудрости. Созоменъ же прямо объясняетъ, что законъ римскій отмѣненъ въ виду стѣснительности его для христіанъ: „царь увидѣлъ, говоритъ Созоменъ, несправедливость этого закона въ отношеніи къ подвижающимся въ дѣвствѣ и безчадіи ради Бога“¹⁾. Изъ того же принципа исходилъ законъ объ иммунитетѣ клириковъ, хотя на практикѣ законъ оказался не совсѣмъ удачнымъ. Первое распоряженіе относительно этого предмета выражено Константиномъ въ письмѣ къ Авилину и относилось только къ клирикамъ африканскихъ церквей. Мотивомъ этого распоряженія служила мысль—„чтобы клирики не отвлекались отъ служенія, подобающаго Божеству и, ничѣмъ небезпокоймые, тѣмъ лучше исполняли свой законъ“²⁾. Этого, впрочемъ, требовала и простая справедливость, если уже разъ признано равноправіе культовъ: если служители культа языческаго пользовались иммунитетомъ въ весьма широкой степени³⁾, то, конечно, это должно было предоставить и христіанскимъ кли-

¹⁾ Евсевій, *ibid.* IV, 26. Созоменъ, I, 9.

²⁾ Евсевій, *Истор.* X, 7.

³⁾ См. у *Veugnot*, *Hist. de la destruction du pagan.* Paris, 1838. t. I, 77.

рикамъ. Въ 319 году иммунитетъ былъ распростра-
ненъ и на другія области, подвластныя лично Кон-
стантину, и притомъ такъ, что всѣ совершенно (om-
nes omnino) гражданскія обязанности не касались
болѣе клириковъ ¹⁾). Вышло, однако же, изъ этого
то, что многіе богатые граждане, старавшіеся, обык-
новенно, всевозможными средствами уклоняться отъ
государственныхъ повинностей, въ виду такого за-
кона принимали даже низшія церковныя должности,
дабы воспользоваться иммунитетомъ. Не осталось это,
вѣроятно, безъ вліянія и на увеличеніе числа обра-
щеній язычниковъ къ христіанству, но, конечно, об-
ращеній мнимыхъ, — хотя и нельзя, кажется, согла-
ситься съ тѣмъ, что „язычники толпами спѣшили къ
церкви“ въ виду закона объ иммунитетѣ ²⁾); ибо не
могъ же расчитывать каждый обращающійся къ цер-
кви непременно сдѣлаться клирикомъ. Все-таки Кон-
стантинъ долженъ былъ въ послѣдствіи постановить,
чтобы богатые граждане, римскими законами обязан-
ные нести повинности, не вступали въ духовное зва-
ніе, но чтобы это дѣлали только лица съ неболь-
шимъ состояніемъ ³⁾). — Подобно тому какъ законъ объ
иммунитетѣ, какъ замѣчено было, не составлялъ осо-
бой привилегіи для клира христіанскаго сравнитель-
но съ должностными лицами культа языческаго: такъ
точно распространеніемъ правъ языческаго культа на
христіанскія церкви было и право завѣщанія въ пользу
церквей, право совершать отпущеніе рабовъ въ цер-
кви, какъ это право было по отношенію къ языче-
скимъ храмамъ и нѣк. др. ⁴⁾).

1) Cod. Theodos. XVI, tit. II, 2.

2) Beugnot, Ibid.

3) Opulentos enim seculi, говорить законъ, necessitates subire oportet, pauperes ecclesiarum divitiis sustentare. Cod. Theodos. XVI, tit. II, 6.

4) Chastel, Hist. de la destruction du pagan. en Orient, Paris, 1868. p. 58.

Нѣсколько инымъ представляется отношеніе Константина къ внутреннимъ дѣламъ іудейства, хотя въ силу миланскаго эдикта должно бы ожидать и для іудеевъ такой же полной свободы, какъ и для христіанъ. Такъ въ 315 году Константинъ вмѣшивается въ вопросъ объ іудейскомъ прозелитизмѣ, въ томъ смыслѣ, что ограничиваетъ даже добровольный переходъ къ іудейству. Законъ, сюда относящійся, собственно составляетъ продолженіе уже указаннаго закона, ограничивавшаго фанатизмъ іудеевъ въ преслѣдованіи ихъ единовѣрцевъ, обратившихся къ христіанству: „если кто изъ народа (*ex populo*) присталь бы къ ихъ гнусной сектѣ (*ad nefariam sectam*) и посѣщаль бы ихъ сборища, тотъ вмѣстѣ съ ними будетъ подверженъ заслуженному наказанію“¹⁾. Готофредъ думаетъ, что подъ „народомъ“ должно разумѣть христіанъ: слѣдовательно, это законъ противъ отступниковъ отъ христіанства, что, конечно, еще болѣе удаляло бы этотъ законъ, по его тенденціи, отъ принциповъ миланскаго эдикта. Но, кажется, основанія для такого мнѣнія, выставляемыя Готофредомъ, недостаточны: именно, Готофредъ думаетъ это потому, что *doctorum constans est sententia, apostatam dici non posse, si quis ab improba secta ad aliam improbam se transferat, veluti de judaismo ad paganismum et viceversa*²⁾. Но, вѣдь, законъ и не употребляетъ технического термина: *apostata*-отступникъ. Если же судить по аналогіи съ фактами законодательства преемниковъ Константина, то должно признать, что законъ относится болѣе къ не-христіанскому населенію, чѣмъ христіанскому, т. е. запрещался іудейскій прозелитизмъ среди язычниковъ. По крайней мѣрѣ сыновья Кон-

¹⁾ Cod Theod., L. XVI tit. V, 1.

²⁾ Comment. Cod. Theod. t. VI, p. 237.

стантина, по свидѣтельству Созомена, заботились о томъ, чтобы лица, по рожденію не принадлежавшія къ іудейству, ненаказанно не переходили къ іудейству, но чтобы „всѣ, подавшіе хотя надежду присоединенія къ христіанству, блюлись для церкви“ ¹⁾ Едва ли кромѣ того въ эту эпоху и были еще случаи отступленія христіанъ къ іудейству. Св. Іоаннъ Златоустъ въ послѣдствіи упоминалъ объ одной жестокой мѣрѣ противъ іудеевъ, пытавшихся будто бы возстановить іерусалимскій храмъ: это именно—членовредительныя наказанія, послѣдовавшія за эту попытку. „Царь Константинъ, говоритъ Златоустъ, увидѣвъ ихъ покушеніе возстановить храмъ, обрѣзалъ у нихъ уши и, положивъ на ихъ тѣлѣ знакъ ихъ возмущенія, водилъ ихъ всюду, какъ бѣглецовъ и негодяевъ, такимъ искаженіемъ тѣла дѣлая ихъ примѣтными для всѣхъ и вразумляя жившихъ повсюду іудеевъ не отваживаться на подобныя дѣла“ ²⁾. Другихъ свидѣтельствъ объ этомъ однако же нѣтъ, и поэтому содержаніе разсказа Златоуста считаютъ невѣрнымъ преданіемъ дошедшимъ до него ³⁾. Вѣроятнѣе всего, что это преданіе имѣло основаніемъ факты той борьбы, которую Константину приходилось вести съ іудейскимъ фанатизмомъ, борьбы, къ которой Константинъ обязывался уже въ силу положеній миланскаго эдикта ⁴⁾, хотя, конечно, должно признать, что запрещеніе переходить къ іудейству язычниковъ переступало уже за предѣлы буквы закона о всеобщей терпимости.

¹⁾ Истор. рус. пер. 212—13.

²⁾ Противъ іудеевъ, рус. пер. стр. 580.

³⁾ *Schröckh, Kirchengesch.* V, 107.

⁴⁾ У позднѣйшихъ писателей сохранились факты, показывающіе, съ какимъ фанатизмомъ іудеи нарушали чужое право свободы религіи. См. напр. у Епифанія Кипр. русс. пер. ч. I, стр. 230—32,—о преслѣдованіи вѣского Іосифа, желавшаго обратиться къ христіанству.

Миланскій эдиктъ, конечно, относился не только къ христіанамъ, но и къ язычникамъ. Въ отношеніи къ дальнѣйшей судьбѣ религіозной слободы язычниковъ при Константинѣ можно отмѣтить слѣдующіе факты: Константинъ *очень желалъ*, какъ онъ самъ выразился, объединить всѣ народы въ ихъ понятіяхъ о божествѣ, хотя (этого нельзя совсѣмъ отрицать) въ числѣ основаній такого желанія былъ и утилитарный мотивъ громадной государственной выгоды отъ религіознаго объединенія (*christi tōu dhrosiōu pragmatōu*¹⁾). Но Константинъ свое желаніе не старался приводить въ исполненіе вопреки желанію тѣхъ, религіозныя мнѣнія которыхъ желательно было бы объединить. Въ 319 году Константинъ о язычникахъ выражается такъ: „желающіе рабствовать своему суевѣрію публично могутъ отправлять свои обряды“ (*ritum proprium*). „Идите къ вашимъ общественнымъ жертвенникамъ и святилищамъ и отправляйте празднества по вашему обычаю!“—обращался Константинъ къ язычникамъ:— „ибо мы не запрещаемъ и открыто (*libera luce*) справлять обязанности стариннаго злоупотребленія (*usurpationis*)“²⁾. Когда Константинъ пересталъ совсѣмъ зависеть отъ языческой политики Лицинія, онъ снова торжественно подтвердилъ полную религіозную свободу язычниковъ. Одинъ изъ историковъ передаетъ, правда, что послѣ побѣды надъ Лициніемъ, Константинъ „торжественною грамотою объявилъ живущимъ на востокъ подданнымъ, чтобы они *чтили христіанскую вѣру*, — Богомъ

1) Евсевій, Ж. К. 154; ср. Минь t. VIII, 494. Созоменъ передаетъ, что, побуждая язычниковъ, бывшихъ подъ властію Лицинія, обратиться къ христіанству, Константинъ обращалъ ихъ вниманіе на то, что „Богъ христіанскій обладаетъ великою силою: Онъ любить подавать ревнующимъ о Немъ въ обиліи всѣ блага; каково бы ни было ихъ предпріятіе, они всегда оживляются благими надеждами, и т. д. — Истор. 32.

2) *Veignot*, I, 80.

признавали только Того, Кто дѣйствительно Богъ“. Объявленіемъ этимъ онъ, по Созомену, „думалъ привести подданныхъ къ вѣрѣ христіанской“. Слѣдовательно, если судить по словамъ Созомена, то нужно признать, что Константинъ, какъ только сдѣлался полновластнымъ распорядителемъ имперіи, немедленно обнаружилъ давленіе на свободу язычниковъ¹⁾. Весьма возможно, конечно, что въ области, принадлежавшей Лицинію, нашлись люди, которые не вѣрили въ толерантность Константина и изъ страха послѣшили принять вѣру побѣдителя: вѣроятно, о такихъ то и говорилъ Евсевій, что „надмевавшіеся надеждою на суетное, они теперь самымъ дѣломъ приняли Бога Константина и *согласимся* признавать его Богомъ истиннымъ и Единимъ²⁾. Но такой смыслъ дѣйствій Константина послѣ побѣды, какой придаетъ имъ хотя бы Созомень, опровергаетъ оригиналь этой торжественной грамоты, сохранившійся у Евсевія. Это такъ называемый „эдиктъ о заблужденіи многобожія“ (323 г.). Въ этомъ эдиктѣ Константинъ категорически заявляетъ: „хочу, чтобы для общей пользы міра и всѣхъ людей народъ наслаждался спокойствіемъ и безмятежностію, — хочу, чтобы, *подобно вѣрующимъ*, пріятности мира и тишины вкушали и *невѣрующіе*. Пусть никто не беспокоитъ другаго; пусть каждый дѣлаетъ, что хочетъ (*разумѣется, въ дѣлѣ религіи*)“, потому что, говоритъ Константинъ, „люди здраво-

1) Созом. Исторія 32. Вѣроятно, подобныя выраженія Созомена даютъ поводъ и новѣйшимъ историкамъ утверждать, что политика Константина до побѣды надъ Лициніемъ отличается отъ политики послѣ этой побѣды. Изъ послѣдующаго однако же будетъ видно, что, какъ говоритъ Беньо (Beugnot. I, 84), это различіе все-таки не таково, чтобы Константинъ, умѣренный въ виду язычествующаго соперника, обратился въ нетолерантнаго государя, сдѣлавшись единовластителемъ.

2) Ж. К. русс. пер. стр. 121.

мыслящіе должны знать, что только тѣ будутъ жить свято и чисто, коихъ Самъ Богъ призоветъ почитать предъ святыми Его законами, и отвращающіеся пусть, если угодно, владѣють жребіемъ своего лжеученія“. Константинъ упоминаетъ и о способахъ пропаганды, которые, по его мнѣнію, возможны и пригодны: „питаясь извѣстными мыслями самъ, никто да не вредить ими другому: чтò одинъ узналъ и понялъ, то пусть употребить, если возможно, на пользу ближняго, а когда это невозможно, долженъ оставить его. Ибо иное дѣло добровольно принять борьбу за безсмертіе, а иное быть вынужденнымъ къ ней посредствомъ казни (?)“. Вслѣдъ затѣмъ Константинъ прибавляетъ слѣдующія, важныя для исторіи, мысли: „я упомянулъ и долѣе распространился объ этомъ въ особенности потому, что, какъ я слышу, нѣкоторые говорятъ, будто обряды языческихъ храмовъ будутъ уничтожаемы. Посовѣтывалъ бы я это (уничтоженіе) всѣмъ людямъ, если бы сильное противоборство гибельнаго заблужденія въ душахъ нѣкоторыхъ людей не укоренилось слишкомъ глубоко“¹⁾. Такія заявленія, очевидно, свидѣ-

¹⁾ Евсевій. Ж. К. рус. пер. СПб. 1849, стр. 143—150. Въ большей части приведеннаго отрывка слѣдую указанному русскому переводу, въ концѣ мы уклоняемся отъ этого перевода. Евсевій передаетъ по гречески это мѣсто такимъ образомъ: ταῦτα εἶπον, ταῦτα διεξήλθον μακρότερον ἐπειδὴ τὴν τῆς ἀληθείας ἀποκρούσασθαι πῶς οὐκ ἐβουλόμην μάλιστα ὅτι τινὲς ὡς ἀκούω, φασὶ τῶν ναῶν περιρῆσθαι τὰ ἔσθῃ. ὁ περὶ συνεβασυλευσα ἅν πάντων ἀνθρώπων и пр. Migne Pat. cursus. Compl. ser. lat. t. VIII, p. 279. Бродьи (Broglie—L' Eglise et l' impir. Romaine au IV siecle, Paris, 1859, t. I, 1. p. 345) предполагаетъ, что греческимъ: περιρῆσθαι Евсевій передаетъ латинское periisse. Но прошедшее время глагола, по мнѣнію Бродьи, должно быть передано собственно будущимъ временемъ: „эту фразу, т. е. περιρῆσθαι periisse, τὰ ἔσθῃ τῶν ναῶν говорить Бродьи, христіане-побѣдители повторяли въ преувеличенной увѣренности, что Константинъ положилъ себѣ ограничить язычниковъ въ отношеніи религіозной свободы,“ другими словами — фраза эта въ устахъ христіанъ означала, что теперь будетъ уничтоженъ культъ язычества. Съ своей стороны Константинъ совѣтывалъ бы такое уни-

тельствуютъ, что Константинъ, сдѣлавшись единовластнымъ, намѣренъ былъ держаться политики миланскаго эдикта, не признавая возможнымъ ограничивать религіозную свободу язычниковъ даже на будущее время, пока язычество само собою не искоренилось бы изъ сердець язычниковъ.

Итакъ законодательная теорія Константина, насколько эта теорія имѣла отношеніе къ пропагандѣ христіанства, была вѣрна тому положенію, что изъ его подданныхъ отвращающіеся отъ христіанства могли владѣть жребіемъ своего лжеученія. Соотвѣтствовала ли этой теоріи практика?— Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе необходимо поставлять, что въ вопросѣ о свободѣ религіи нужно считать нарушеніемъ этой свободы не только прямое принужденіе къ переходу изъ одной религіи въ другую, но и принужденіе косвенное. Къ послѣднему виду принужденія должно отнести: а) уничтоженіе культа противной религіи; в) привлеченіе къ религіи путемъ привилегій, выгодъ, сопряженныхъ съ перемѣной религіи, — привлеченіе, сопряженное съ нарушеніемъ спокойствія мирныхъ обитателей государства, но не исповѣдующихъ благопріятствуемую государствомъ религію, и т. п. (1).

чтоженіе, но, какъ видно изъ текста, не совѣтуетъ по причинѣ того, что условія для этого слишкомъ не благопріятны, т. е. потому, что язычество живетъ еще въ сердцахъ людей.— На то, что Константинъ отказывается дать такой совѣтъ, совѣтъ уничтожать „обряды храмовъ“, указываетъ самая грамматическая конструкція эдикта, какъ онъ передается у Евсевія: какъ извѣстно, частица *αὐ*, когда она соединяется съ изъяснительнымъ наклоненіемъ, обозначаетъ такое дѣйствіе, которое могло бы совершиться, но не совершилось по причинѣ не наступленія нужныхъ для него условий.

1) Подобныя дѣйствія можно назвать и косвеннымъ гоненіемъ, какъ ихъ и называлъ еще историкъ Сократъ, говоря объ отношеніи Юліана къ неблагопріятствуемому имъ христіанству: „гоненіемъ я называю то, когда какимъ нибудь образомъ возмущаютъ спокойствіе мирныхъ жителей (Истор. рус. пер. стр. 282)“. На этомъ основаніи Юліана Сократъ поставляетъ въ числѣ гонителей, хотя, какъ ниже мы увидимъ, Юліанъ никого не преслѣдовалъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, за исповѣданіе имъ самимъ оставленной религіи.

Въ первомъ отношеніи, т. е. по вопросу о томъ, уничтожалъ ли Константинъ культъ язычества въ дѣлахъ споспѣшествованія распространенію христіанства, отрицательный отвѣтъ долженъ бы слѣдовать уже потому, что въ каждой строкѣ историческихъ письменныхъ памятниковъ времени Константина видно свободное существованіе языческаго культа, и притомъ существованіе совершенно легальное. Тоже самое должно сказать и о такъ называемыхъ вещественныхъ памятникахъ, какъ-то: монетахъ, надписяхъ на публичныхъ сооруженіяхъ и т. п. ¹⁾ Сюда же должно отнести и мнѣнія о Константинѣ въ его отношеніяхъ къ языческому культу людей незаинтересованныхъ особенно восхвалять его терпимость, какъ напр. язычниковъ въ родѣ ритора Ливанія, который положительно утверждалъ впоследствии, что Константинъ предоставилъ языческой культъ его собственному нравственному безсилію: по свидѣтельству Ливанія, Константинъ присвоивалъ себѣ только доходы языческихъ храмовъ, но не касался священныхъ церемоній язычества, т. е. культа въ собственномъ смыслѣ ²⁾. Наконецъ извѣстно, что Константинъ даже въ послѣдніе годы своей жмзни издавалъ законы, обезпечивавшіе гражданскими правами служителей языческаго культа—жрецовъ и фламинновъ, что конечно предполагаетъ тѣмъ болѣе свободу культа въ его отпращеніи, вещественныхъ принадлежностяхъ и т. п. Таковы законы 331 и 337 г. ³⁾ Однако же существуетъ причина, по которой обыкновенно ставится этотъ вопросъ: это — упорныя свидѣтельства древнихъ историковъ о томъ, что Константинъ ис-

¹⁾ Факты см. въ ст. *Brieger'a* въ *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, 1880. IV, 2, ss. 179 и пр.—о релігіозной политикѣ Константина.

²⁾ *Chastel*, *Hist. de la destruction du pagan.* p. 63.

³⁾ *Cod. Theod. Lib. XII, tit. I, 21. tit. V, 2.*

треблялъ предметы языческаго культа, подразумѣвается, не справляясь о степени религіозной нужды въ нихъ язычниковъ, запиралъ храмы, запрещалъ жертвоприношенія и т. п. Свидѣтельства эти заключаются въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *Евсевій* говоритъ: „для народа и войска въ предѣлахъ римской имперіи повсюду заключались врата идолослуженія“ ¹⁾. *Евсевій* же, указавъ на факты разрушенія Константиномъ храмовъ, указываетъ и на благопріятные, съ точки зрѣнія *Евсевія*, результаты этихъ фактовъ для распространенія христіанства: „суевѣрные люди (язычники), говоритъ *Евсевій*, собственными очами увидѣвъ пустоту бывшихъ всюду храмовъ и идоловъ, либо *обращались къ спасительному ученію*, либо, не дѣлая этого, стали презирать суетность своихъ предковъ, смѣяться надъ богами“ и пр. ²⁾. Съ точки зрѣнія *Евсевія* и послѣднее представляло собой успѣхъ, какъ почва для настоящаго обращенія. *Сократъ* говоритъ, что Константинъ „совершенно отвергъ богослуженіе язычниковъ“ и рассказываетъ примѣры разрушенія языческихъ храмовъ при Константинѣ ³⁾. Константинъ, по словамъ *Сократа*, не только возвышалъ дѣла христіанъ, но и разрушалъ памятники явчества ⁴⁾. *Созоменъ* говоритъ: „такъ какъ многія селенія и города, отвращаясь отъ ученія христіанскаго, ревновали о древнихъ отеческихъ обычаяхъ, то Константинъ почелъ необходимымъ внушить подданнымъ равнодушіе къ идолослуженію и для удобнѣйшаго достиженія сей цѣли напередъ приучить ихъ къ презрѣнію капищъ и истукановъ“. Служившіе при дворѣ христіане объѣзжали города съ царскими грамотами „и приводили

¹⁾ Жизнь Конст. 210.

²⁾ Ibid. 212.

³⁾ Ист. рус. пер. 78.

⁴⁾ Ibid.

въ исполненіе желаніе царя“. Это приученіе, по Созомену, и состояло именно въ разрушеніи идоловъ и храмовъ ¹⁾. Описывая дѣятельность дѣтей-преемниковъ Константина, Созомень говоритъ, что „они подтвердили *отцовскіе законы* противъ жертвоприносителей, почитателей идоловъ или другимъ образомъ совершавшихъ языческое богослуженіе“. Политика Константина, слѣдов., представляется Созоменомъ политикой репрессіи противъ язычества. Сократъ прибавляетъ при томъ, что „тогда подобныя явленія способствовали великому успѣху христіанства“. Созомень же, какъ видно изъ приведенныхъ его словъ, дѣйствія Константина прямо объясняетъ прозелитическими мотивами и въ другомъ мѣстѣ рассказываетъ, что результатами разрушеній были многочисленныя обращенія къ христіанству, при чемъ замѣчаетъ, что обращенія эти были добровольны „безъ всякаго *приказа* со стороны царя“ ²⁾. *Теодоритъ* утверждаетъ, что Константинъ, „видя свое государство въ безуміи, хотя рѣшительно запретилъ приносить жертвы демонамъ, однако храмовъ ихъ не разрушилъ, а только приказалъ запереть ихъ“ ³⁾. Кажется, Теодоритъ понимаетъ это закрытіе храмовъ какъ всеобщее, по всему государству. Къ этому присоединяется и свидѣтельство нѣкоторыхъ законовъ кодекса Феодосія, въ родѣ напр. одного закона, изданнаго Констанціемъ, въ которомъ Констанцій повидимому прямо считаетъ свой законъ „запрещающій суевѣріе“ продолженіемъ закона своего „божественнаго родителя“ ⁴⁾. При бли-

¹⁾ Истор. 90—1. 212.

²⁾ Ibid.

³⁾ Истор. пер. 345.

⁴⁾ Свидѣтельства подобнаго рода, т. е. какъ бы указывающія на репрессію язычества при Константинѣ, собраны у *Beugnot*, t. I, pp. 95—108.

зайшемъ разсмотрѣніи дѣла однако же находится не только полная возможность примирить настойчивость такихъ свидѣтельствъ, какъ свидѣтельство Евсевія, Созомена и др. объ искорененіи предметовъ языческой набожности (храмы, статуи) съ фактами, свидѣтельствующими о противномъ, но и необходимость признать, что Константинъ оставался вѣрнымъ общаціямъ эдикта „о заблужденіи многобожія“. Не излагая подробно основаній этой возможности ¹⁾, укажемъ конечный результатъ сравненія противорѣчивыхъ фактовъ: должно признать, что Константинъ дѣйствительно уничтожалъ языческіе храмы, но такіе, „въ которыхъ, по выраженію Евсевія, обыкновенно ни одинъ честный человѣкъ не рѣшался войти“ ²⁾, каковыхъ храмовъ язычество создало уже достаточное количество, какъ напр. храмъ Венеры на одной изъ высотъ Ливана, это по истинѣ, по выраженію того же Евсевія, „училище злодѣйства“. Подобное же училище злодѣйства было въ Египтѣ въ видѣ института жрецовъ культа Нила. Въ Александрію послано было повелѣніе „истребить весь родъ подобныхъ людей, какъ скверну“. Точно также Константинъ разоблачалъ обманныя прорицанія языческихъ жрецовъ ³⁾ и вообще нанесъ сильный ударъ всей организаціи этого публичнаго обмана народа, которую представляли собой языческія прорицалища. Константинъ несомнѣнно стѣснилъ также одну отрасль языческаго суевѣрія, имѣвшую связь съ языческой религіей: это такъ назыв. *ars divinatoria*, въ цѣляхъ которой, какъ средство

¹⁾ Вопросъ этотъ разработанъ въ цитованныхъ сочиненіяхъ *Veignot*, *Chastel*'а, а также въ указанной статьѣ *Brieger*'а. Въ русской литературѣ объ этомъ — у проф. *Лаишарева*—Отнош. государства къ религ., Кіевъ, 1877.

²⁾ Жизнь Конст., р. пер. стр. 208—211.

³⁾ Евсев. Ж. К. стр. 247.

узнавать будущее, совершалось нѣчто подобное жертвоприношенію въ собственномъ смыслѣ: убивались животныя, и при томъ — жрецами. Но стѣсненіе это состояло все-таки только въ томъ, что двумя законами запрещались *тайныя* гадательныя дѣйствія и притомъ имѣвшія такъ сказать политическую окраску, т. е. имѣвшія цѣлю узнать будущее касательно вопросовъ государственныхъ, касательно особы государя и т. п.¹⁾.— Между частными лицами весьма вѣроятно были ревнители, которые, пользуясь личнымъ отвращеніемъ царя къ язычеству, разрушали предметы языческаго культа ²⁾ и Константинъ не пытался при такихъ случаяхъ становиться на букву закона, какъ это дѣлалъ впоследствии Юліанъ. Предположить можно, что бывало и повелѣніе Константина разрушить нѣкоторые храмы и не того разряда, о которомъ только что упомянуто: таковы были храмы заброшенные и бесполезные по малому количеству населенія вокругъ ихъ ³⁾. Но изъ этого видно, что о Константинѣ по всей справедливости должно сказать, что если онъ и велѣлъ разрушить нѣкоторые храмы, то разрушеніе это совершалось не какъ разрушеніе предметовъ набожности, но какъ предметовъ или средствъ

¹⁾ Законъ касательно этого предмета (Cod. Theod. L. IX, tit. 16, 3.) выражался буквально такимъ образомъ: „нужно преслѣдовать и строго наказывать тѣхъ, кои занимаются или покушаются заниматься искусствомъ магіи и которые (съ помощію этого искусства) стараются привлечь къ возмущенію души неопытныя. Но не должно преслѣдовать тѣхъ, которые пользуются этимъ искусствомъ, чтобы найти исцѣленіе отъ болѣзней, чтобы, какъ это бываетъ у земледѣльцевъ, препятствовать сѣву, бурѣ уничтожать жатву“, — ибо, говоритъ законъ, цѣль дѣйствій послѣдняго рода „доставить людямъ благодѣянія божества и сохранить плоды ихъ трудовъ“. Константинъ такимъ образомъ въ этомъ законѣ, очевидно, нисколько не становится въ оппозицію собственно къ религиознымъ убѣжденіямъ язычниковъ.

²⁾ Θεодоритъ, по крайней мѣрѣ (Истор. III, 7) рассказываетъ объ одномъ такомъ ревнителѣ, пострадавшемъ при Юліанѣ.

³⁾ Beugnot, I, 107.

общественной безнравственности, прикрывавшейся религиозностью и тѣмъ усыплявшей общественную совесть. Въ этомъ отношеніи Константинъ, конечно, посягалъ въ смыслѣ формальномъ, въ смыслѣ разрушенія status quo, на существованіе язычества и нарушалъ безусловную свободу культовъ. Но нужно имѣть въ виду, что возможно говорить о свободѣ культовъ теперь, когда христіанскіе народы Европы, несмотря на множество вѣроисповѣднѣхъ различій, согласны въ одномъ—въ обязательности принциповъ евангельской морали, дѣлающей возможнымъ совѣстное существованіе христіанскихъ исповѣданій. Не то, конечно, въ IV вѣкѣ, когда признать абсолютную свободу всѣхъ формъ языческаго культа значило отказаться отъ основныхъ началъ гуманизма. Подобное нарушеніе принципа безусловной свободы должно быть признано тѣмъ болѣе справедливымъ, что примѣръ подобнаго отношенія къ проявленіямъ культа вообщественнымъ показалъ даже самъ языческій Римъ запрещеніемъ нѣкоторыхъ формъ культа, какъ напр. культъ Изиды въ Римѣ или культъ Вакха: храмъ Изиды былъ разрушенъ, а вакханаліи запрещены ¹⁾). Тоже самое должно сказать объ ограниченіи гадательнаго искусства: противъ этого искусства вооружались и языческіе императоры, въ родѣ Тиверія и Діоклатіана, которые въ свою очередь имѣли прецедентъ въ извѣстныхъ законахъ Двѣнадцати Таблицъ, преслѣдовавшихъ смертною казнью гадательное искусство ²⁾). Отсюда понятно, какъ должно понимать выраженія Евсевія въ родѣ слѣдующихъ: Константинъ „своими законами безпрестанно запрещалъ при-

¹⁾ *Gibbon, Hist. de la decadance et de la chute de l'empire romain, P. 1838, I. p. 494.*

²⁾ *Beugnot, I, 32—3.*

носить жертвы, воздвигать статуи“, „царственнымъ окомъ своимъ онъ смотрѣлъ, не скрывается ли гдѣ остатковъ заблужденія и т. п. ¹⁾). Заблужденіе существовало не только въ остаткахъ, но и, если такъ можно выразиться, въ полномъ своемъ составѣ. По замѣчанію Гиббона, если бы Константинъ издалъ какой-либо законъ, который бы соотвѣтствовалъ выраженіямъ Евсевія, т. е. запрещалъ бы языческій культъ, то онъ несомнѣнно стоялъ бы во главѣ императорскаго кодекса, чего однако же совсѣмъ не видно ²⁾). Нельзя также не обратить вниманіе на то, что когда историки указываютъ на самые факты разрушенія или запрещенія язычества Константиномъ, то не выхо-

1) Ж. К. стр. 246—247. 210.

2) Ibid. p. 493.—На основаніи вышеупомянутой ссылки императора Констанція (Cod. Theodos. XVI, tit. 10. 2.) на законъ „своего отца“, запрещающій будто бы язычество въ его установленіяхъ, нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ полагаютъ, что такой законъ дѣйствительно былъ изданъ Константиномъ, при чемъ одни (между ними Готофредъ) относятъ его къ концу царствованія Константина (333—37), другіе непосредственно ко времени послѣ побѣды надъ Лициніемъ (*Chastel*, p. 64—7), а изданіе эдикта „о заблужденіи многобожія“, очевидно противорѣчащаго этому предполагаемому закону, объясняютъ тѣмъ, что Константинъ очень скоро замѣтилъ будто бы несвоевременность такого запретительнаго закона: „съ этимъ закономъ въ рукахъ ревнители христіанства разрушали предметы языческаго культа, чѣмъ производили смущенія и раздѣленія въ государствѣ, которыя такъ не нравились Константину“.—Но едва ли признаніе существованія такого закона не будетъ натяжкой: если были дѣйствительно разрушенія, то они могли быть совсѣмъ безъ всякаго закона въ рукахъ. Если же, какъ видно изъ текста эдикта о многобожіи, Константинъ, напротивъ, въ этомъ эдиктѣ особенно распространяется о томъ, чтобы никто, т. е. ни язычники, ни христіане, — не вредилъ другъ другу и притомъ, въ виду только *слуха* объ уничтоженіи языческаго культа, то прямое заключеніе отсюда то, что тѣмъ менѣе *самъ* Константинъ рѣшился бы на дѣйствія, не совѣтуемая другимъ. — Если же отнести изданіе этого предполагаемаго закона къ позднѣйшей эпохѣ, къ 333—337 гг., то единственнымъ основаніемъ для этого будетъ то развѣ, что *больше нигде* помѣстить этотъ законъ безъ явнаго противорѣчія фактамъ: основаніе едва ли достаточное! — Въ виду этого справедливѣе ссылку Констанція на законъ отца признать неосновательной или, по крайней мѣрѣ, неразъясненной, чѣмъ Константину навязывать такой законъ, который и помѣстить куда-либо оказывается затруднительно.

дять изъ сферы тѣхъ фактовъ, на которые указаль еще Евсеvий и которые не имѣють того смысла, который даеть имъ и Евсеvий я его послѣдователи, т. е. смысла уничтоженія языческой религiи или же тѣхъ прозелитическихъ намѣренiй, которыя усматриваль Созомень.

До какой степени вопросъ объ уничтоженiи языческаго культа былъ еще преждевременнымъ. если даже допустить, что Константинъ оставилъ точку зрѣнiя свободы принятiя христанства, это не могъ не видѣть Константинъ уже въ томъ фактѣ, что ему же самому около 323 года пришлось отстаивать религиозную свободу отъ насилiй язычниковъ, принуждавшихъ христанъ къ исполненiю обрядовъ языческаго культа. Таковъ законъ о „непринужденiи клириковъ и другихъ христанъ къ жертвоприношенiямъ люстральнымъ“, въ коемъ Константинъ угрожаетъ тѣлеснымъ наказанiемъ за такое принужденiе ¹⁾. Ясно, что уже одинъ такой законъ самъ по себѣ показываетъ, что язычество и существовало и признано было какъ фактъ легальный, который приходилось только вводить въ легальныя нормы. Язычники, кромѣ того, позволяли себѣ иногда публичныя насмѣшки надъ христанствомъ, въ особенности, когда въ средѣ церкви возгорѣлся арианскiй споръ: насмѣшки эти доходили до того, что арианскiе споры составляли сюжетъ языческихъ театральныхъ представлений ²⁾. По свидѣтельству исто-

¹⁾ Cod. Theodos. L. XVII, tit. II, 5. „Люстральными жертвоприношенiями“ назывались публичныя жертвоприношенiя, совершавшiяся по различнымъ случаямъ, имѣющимъ интересъ общественный, какъ напр. жертвоприношенiя за (про) плодородiе полей, за избавленiе отъ физическихъ бѣдствiй и т. п. Comment. Gothotr. *ibid.*, p. 31. Возможность насилiй со стороны язычниковъ Готофредъ объясняетъ тѣмъ, что въ это время личный составъ магистратуры и сената состоялъ изъ язычниковъ. *Ibid.*

²⁾ Евсеvий, Ж. К. стр. 952.

риковъ, хотя и враждебныхъ христіанству, лично самъ Константинъ за свою религію подвергался едва не публичнымъ насмѣшкамъ и оставлялъ ихъ безъ послѣдствій, конечно, будучи вынужденъ къ такой безнаказанности положеніемъ религіознаго вопроса въ то время.

Остается вопросъ о мѣрахъ привлеченія къ христіанству путемъ привилегій, выраженія благоволенія обратившимся и т. п. И здѣсь главнымъ свидѣтелемъ является тотъ же Евсевій. Объявивъ себя „епископомъ внѣшнихъ дѣлъ“, Константинъ, по Евсевію, „согласно съ этими словами, надзиралъ надъ всѣми подвластными себѣ и побуждалъ, сколько было силы, вести жизнь благочестивую“ ¹⁾ Фраза эта, конечно, довольно темная, она можетъ обозначать и убѣжденіе къ принятію христіанства, равно какъ можетъ обозначать и простое стремленіе къ устроенію государственному на нравственныхъ началахъ. Но въ другихъ мѣстахъ Евсевій даетъ болѣе категорическія свидѣтельства, которыя, повидимому, заставляютъ и приведенное мѣсто понимать болѣе въ первомъ, нежели во второмъ смыслѣ. Такъ Евсевій говоритъ о томъ, какъ Константинъ относился къ личному составу администраціи, т. е. къ своимъ чиновникамъ, на которыхъ конечно всего удобнѣе было дѣйствовать, въ цѣляхъ обращенія ихъ къ христіанству. По Евсевію, Константинъ въ провинціи посылалъ такихъ правителей, которые „большею частію посвятили себя спасительной вѣрѣ, а кто казался язычникомъ, тому запрещалъ приносить жертвы“. Этотъ же законъ, говоритъ Евсевій, „простирался и на самую высокую должность окружныхъ начальниковъ“, т. е. „когда таковые были язычниками, онъ повелѣвалъ имъ оста-

¹⁾ Ж. К. стр. 247.

влять идолопоклонство“¹⁾). Во всякомъ случаѣ, по Евсевію выходитъ, что своимъ чиновникамъ Константинъ поставлялъ дилемму: или сохранить должность, принявъ христіанство, или потерять должность въ случаѣ вѣрности язычеству. Оставляли ли чиновники язычники свои должности, или на оборотъ оставляли свое язычество, но удерживали должности, но Созоменъ, если только онъ не повторяетъ Евсевія, говорить, что „съ того времени христіане какъ бы совершенно овладѣли правительственными должностями римской имперіи (Истор. рус. пер. стр. 33)“.— Но съ другой стороны, новѣйшіе историки, сличая всѣ факты, находятъ, что христіане не только не овладѣли всѣми должностями, или, другими словами, язычники не только оставались на своихъ должностяхъ, но и публично заявляли свое язычество, вмѣшивая въ дѣла язычества и самого Константина. Такъ, извѣстенъ цѣлый рядъ римскихъ консуловъ, которые воздвигали жертвенники языческимъ богамъ. И это было въ позднѣйшій періодъ единовластительства Константина. Въ честь самого Константина приносились жертвы при его жизни. Послѣ его смерти язычники почтили, геній императора по языческому обычаю. Конечно, въ фактахъ послѣдняго рода было много притворства, и когда миновала надобность въ этомъ притворствѣ, тѣ же язычники говорили, что онъ былъ *novator, turbator legum priscaarum* и т. п.²⁾ Но это съ очевидной ясностію показываетъ, что сказаніе Евсевія и повтореніе Созомена о томъ давленіи, которое

1) Ж. К. 139—40.

2) Veignot, I. 97. 106 и др. Chastel, p. 60—61. Составъ администраціи Константина исключительно изъ христіанъ не могъ быть уже потому, что обычай вынуждалъ Константина избирать администраторовъ изъ знатныхъ семей, а эти послѣдніе пользовались такою свободой, что не всегда сообразовались съ волей императора.

Константинъ оказывалъ на своихъ чиновниковъ, нужно принимать съ весьма большимъ ограниченіемъ. Очень возможно, что повелѣніе чиновникамъ-язычникамъ не „приносить жертвы“, „оставить идолопоклонство“ и т. п. касалось идолопоклонства не какъ личной религіи чиновниковъ, но какъ именно только культа, въ который чиновники замѣшивали представителя государственной власти, т. е. имъ запрещено приносить жертвы какъ представителямъ императора, во имя его, откуда еще нѣтъ основанія выводить запрещенія жертвоприношеній, если таковыя совершались, какъ акты личной набожности чиновника, когда онъ являлся въ качествѣ частнаго человѣка ¹⁾. — Другія свидѣтельства, касающіяся того же вопроса, у Евсевія таковы: „уподобляясь громогласному вѣстнику Божію, взывалъ царь посредствомъ грамоты ко всѣмъ областнымъ правителямъ, и отклоняя поданныхъ отъ демонскаго служенія, побуждалъ ихъ къ принятію истинной вѣры“ ²⁾. „Забываясь о наибольшемъ обращеніи къ Слову, царь дѣлалъ много пожертвованій для вспомошествованія бѣднымъ, и тѣмъ поощряя ихъ слѣшить къ спасительному ученію, едва ли не то же говорилъ самъ, что сказалъ апостоль: аще виною, аще истиною Христосъ да проповѣдуется (Фил. I, 18)“ ³⁾. Какой смыслъ имѣетъ влагаемое въ уста Константина выраженіе апостола, конечно, трудно съ точностію опредѣлить, хотя Гиббонъ, напр., прямо на этихъ словахъ основываетъ заключеніе, что Константинъ въ вопросѣ, такъ сказать, о качествѣ распространенія христіанства былъ индефферентистъ: „онъ имѣлъ

¹⁾ Такъ объясняетъ разсказъ Евсевія въ Жиз. Констант. II, 44. *Lassaulx*. *Der Untergang des Hellenismus*, München, 1854, s. 30.

²⁾ *Ibid.* 151.

³⁾ *Ibid.* 214. Русскій переводъ: „Какъ бы ни проповѣдывали Христа, притворно, или искренно, и тому радуюсь“.

обыкновеніе, по словамъ Гиббона, говорить, что онъ одинаково доволенъ, будетъ ли вѣра Христова исповѣдываться сердцемъ или же только устами“¹⁾). Войско Константина, повидимому, на половину было языческое. Евсевій описываетъ такимъ образомъ отношеніе Константина къ войску: „Константинъ располагалъ къ ревностному храненію дня воскреснаго всѣхъ воиновъ“. Принявшимъ христіанство онъ давалъ въ этотъ день „свободу отъ службы“, а другимъ еще не принявшимъ божественнаго ученія предписалъ въ воскресные дни собираться на открытыхъ площадяхъ и тамъ, по данному знаку, всѣмъ вмѣстѣ возносить къ Богу предварительно выученную молитву“²⁾). Областнымъ начальникамъ предписано было чтить день воскресный и дни мучениковъ, „и все это дѣлалось къ удовольствію царя“, замѣчаетъ Евсевій. Созоменъ, говоря о распространеніи христіанства въ вѣкъ Константина, представляетъ дѣло такимъ образомъ: рассказавъ объ успѣхѣ обличенія обмана, который Константинъ открылъ въ Африкѣ, гдѣ обнаружено было, что „предметы благоговѣнія язычниковъ наполнены соломой и нечистотами“, вслѣдствіе чего язычники „стали обнаруживать презрѣніе къ нимъ“, историкъ отмѣчаетъ особенно одинъ классъ обращавшихся къ христіанству въ вѣкъ Константина: это именно были такіе, которые „завидуя христіанамъ въ получаемыхъ ими отъ царя почестяхъ, почли необходимымъ подражать обычаямъ государя; иные, начавъ внимательно изслѣдовать ученіе христіанской вѣры, то знаменіями и сновидѣніями, то бесѣдами епископовъ или монаховъ были приведены къ убѣжденію, что и въ самомъ дѣлѣ лучше исповѣдывать

1) Указан. соч. I. 448.

2) Ж. К. стр. 227.

христіанство. Съ того времени жители городовъ и селеній добровольно оставляли прежнія свои понятія. Этимъ временемъ, съ котораго началась, по мнѣнію Созомена, такая переменна, было время разрушенія Константиномъ храмовъ и идоловъ. Въ примѣръ такого добровольнаго обращенія Созоменъ указываетъ на мѣстечко Майюму. „Въ награду за такое благочестіе“ царь возвелъ мѣстечко въ городъ. Кромѣ этого мѣстечка къ христіанству обратилось много и другихъ городовъ: „они добровольно, прибавляетъ Созоменъ, безъ всякаго приказанія со стороны царя испровергли свои капища и кумиры“ ¹⁾. Такимъ образомъ Созоменъ не только говоритъ о почестяхъ какъ причинѣ обращенія нѣкоторыхъ, но также и то, что Константинъ самъ признавалъ возможность и законность „награды за благочестіе“, т. е. за обращеніе въ христіанство. Константину доставляло „удовольствіе“ не только обращеніе городовъ его собственнаго государства, но и обращеніе народовъ другаго государства: по разсказу Созомена же, когда иберійцы съ предложеніемъ оборонительнаго и наступательнаго союза отправили къ Константину пословъ, которые разсказали ему „съ какимъ усердіемъ у нихъ весь народъ чтитъ Христа, царь выразилъ имъ свое удѣвольствіе и сдѣлалъ все по ихъ желанію“ ²⁾. Позднѣйшіе историки разсказываютъ, будто

¹⁾ Созом. Истор. руск. пер. 92—93.

²⁾ Ibid. 99. Постоянно воюя съ римскою имперіей, такъ назыв. варвары, кажется, иногда эксплуатировали прозелитическія наклонности римскихъ правителей, обманывая ихъ касательно религіи. Таковъ напр. разсказъ у Прокопія въ его Персид. Войн., русск. пер. 1861, стр. 29. Сократъ какъ-то глухо разсказываетъ объ одномъ случаѣ обращенія варваровъ при Константинѣ: „вѣру въ трофей христіанства, варваревъ (Сарматовъ) онъ разбилъ такъ сильно, что отнялъ у нихъ право на полученіе и того золота, какое обыкновенно выдавали имъ и прежніе государи. Претерпѣвъ неожиданное пораженіе, они тогда приняли спасающую Константина христіанскую вѣ-

обращеніе въ эту эпоху иногда сопровождалось положительной наградой обращаемымъ: бѣлой одеждой и нѣсколькими серебряными монетами ¹⁾). Болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ объ этомъ однако же нѣтъ. Быть можетъ, этому дало поводъ то мѣсто изъ Евсевія, гдѣ онъ, описывая щедрость Константина, говоритъ, что въ праздникъ Пасхи Константинъ „раздавалъ гражданамъ и черни всякаго рода богатые подарки“ ²⁾). Но эти подарки, конечно, не имѣли никакой прозелитической цѣли.

Итакъ несомнѣнно, что Константинъ желалъ обращенія своихъ подданныхъ въ христіанство. Какъ это бывало и не при одномъ Константиѣ; желанія главы государства многими исполнялись вопреки внутреннему убѣжденію и сознанію истинности новой религіи. Уже во имя одного желанія Константина происходило то, что, какъ выражается Гиббонъ, было много обращеній людей такихъ, кои — или боялись потерять, или желали пріобрѣсть. Это вполне подтверждается самимъ Евсевіемъ. Константинъ желалъ, конечно, чтобы люди близкіе къ нему исповѣдывали христіанство. Таковыми они, по словамъ Евсевія, и были: „людьми, вѣрующими въ Бога, говоритъ Евсевій, онъ ограждался какъ бы какими крѣпкими стѣ-

ру“ (Истор. р. пер. 79). По словамъ Сократа представляется такимъ образомъ, что варвары обратились, какъ будто бы признавъ, что Константинъ обладаетъ религіей, которая помогаетъ ему, тогда какъ они не обладаютъ таковой: расчетъ едва ли доступный варварамъ, несмотря на всю грубость пониманія религіи, обнаружившюся въ немъ. Нельзя утверждать положительно, но въ тоже время нельзя не заподозрить, что обращеніе это было въ угоду Константину подобно тому какъ Иберійцы очевидно желали угодить Константину, доводя до его свѣдѣнія объ усердномъ у нихъ почитаніи Христа. У армянъ, по разсказу Созомена, царь Тирידатъ, самъ обратившись къ христіанству „всѣмъ подданнымъ предписалъ указомъ исповѣдывать ту же вѣру“. Ibid.

¹⁾ Gibbon, указ. соч. р. 448.

²⁾ Ж. К. стр. 246.

нами“ ¹⁾. Но Евсевій самъ же, дѣлая обзоръ царствованія Константина, разсуждаетъ и такимъ образомъ: при Константинѣ, говоритъ Евсевій, „я самъ замѣчалъ владычество двухъ тяжкихъ пороковъ — разрушительную силу ненасытныхъ и лукавыхъ людей, расхищавшихъ чужое имущество и *невъразимое притворство обманщиковъ*, лицемѣрно присоединявшихся къ церкви и ложно носившихъ имя христіанъ. Человѣколюбіе и добролюбіе, искренность вѣры и прямодушіе располагали царя довѣрять людямъ, бывшимъ повидимому христіанами и *подъ маскою притворства снискать истинное его расположеніе*. Довѣряя же имъ иногда онъ совершалъ недолжное“. „Впрочемъ, прибавляетъ Евсевій, божественное правосудіе не замедлило наказать этихъ людей“ ²⁾. Евсевій въ дальнѣйшей главѣ, кажется, даже намекаетъ на опредѣленные лица, которыя были такими лицемѣрами, — когда говоритъ объ одномъ „изъ мудрецовъ“, который въ присутствіи Константина „безъ мѣры“ (по обычаю лицемѣровъ) началъ восхвалять мысли Константина противъ многобожія ³⁾. Но, кажется, также самъ Константинъ ранѣе Евсевія видѣлъ такихъ людей и цѣнилъ ихъ по достоинству, хотя, конечно, не могъ предотвратить самое ихъ существованіе, не отказавшись лично отъ христіанства. Въ своемъ словѣ къ I вселенскому собору Константинъ не отрицаетъ существованія такихъ людей, изъ коихъ „одни слушаютъ наставленія для испрошенія милости, другіе бѣгутъ на проповѣдь — для снисканія покровительства; иные привѣтствуютъ проповѣдниковъ какъ людей ласково принимающихъ, а нѣкоторые любятъ

¹⁾ Ibid. 271.

²⁾ Ibid. 271.

³⁾ Ibid. 272.

ихъ за то, что они даютъ подарки; дѣйствительные же любители истины — рѣдки“¹⁾). И дѣйствительно, первый вселенскій соборъ упоминаетъ уже если не прямо о ложно обращающихся къ христіанству, то о ложно *каявшихся* въ своемъ отступленіи въ язычество (какое отступленіе имѣло мѣсто, какъ видно изъ пр. 11-го, въ области, за два года до созванія собора подвластной Лицинію): 12-е правило говоритъ между прочимъ о предосторожности противъ такихъ кающихся и возвращавшихся къ христіанству *по наружности*. Нѣкоторые изъ кающихся послѣ заявленія о своемъ желаніи присоединиться къ церкви „относились къ своему покаянію равнодушно и небрежно“ (Зонара), дѣлали только „видъ вхожденія въ церковь“ и этотъ видъ считали для себя „довольнымъ ко обращенію“ (пр. 12-е). Такъ какъ правило 11-е того же собора упоминаетъ объ обратномъ явленіи, — именно, что во время господства Лицинія, нѣкоторые, считаясь христіанами, безъ всякаго насилія, вѣроятно, въ угожденіе Лицинія²⁾, обращались къ язычеству: то очень возможно, что и теперь, тѣ „дѣлавшіе видъ вхожденія въ церковь“, о которыхъ говоритъ 12-е правило, были упоминаемые Константиномъ мнимые любители истины, кои обращались къ ней только изъ угожденія сторонѣ, сдѣлавшейся сильной, т. е. правительству Константина. — Все это въ концѣ концовъ ведетъ къ тому, что были вѣроятно субъекты, эксплуатировавшіе покровительство христіанству со стороны власти въ свою пользу...

Къ концу царствованія Константина уже замѣтно обнаружилось, что въ вопросѣ о томъ, какъ христіанство должно пользоваться своей побѣдой надъ язы-

¹⁾ Ibid. 208.

²⁾ Терновскій. Греческая церковь въ періодъ Всел. Соб. стр. 14.

чествомъ въ цѣляхъ своего распространенія, образовалось уже два взгляда: взглядъ, если можно такъ выразиться, свободы и взглядъ принужденія, если не прямого, то косвеннаго — признаніе законности и цѣлесообразности давленія на культъ не — христіанъ, привлеченія не однимъ путемъ проповѣди, а и путемъ стѣсненія. Взглядъ принужденія, конечно, покуда существовалъ только въ литературѣ, но не примѣнялся въ оффиціальной сторонѣ жизни церкви ¹⁾. Представителемъ перваго взгляда можетъ быть названъ Лактанцій — человекъ, какъ извѣстно, близкій къ Константину, а другаго — историкъ Евсевій и малоизвѣстный западный епископъ Фирмикъ Матернъ (*Firminus Maternus*), современникъ Евсевія, но сочиненіе котораго, въ коемъ выразились взгляды, противоположные взглядамъ Лактанція, появилось уже послѣ смерти Евсевія ²⁾. Нельзя не замѣтить, что мысли о свободѣ религіи, выраженные въ извѣстныхъ намъ эдиктахъ Константина, имѣютъ большое сходство съ извѣстной мыслью Лактанція: *nihil est tam voluntarium, quam religio*. И изъ всего сказаннаго о Константинѣ видно, что принципиально онъ не опровергалъ положенія Лактанція, хотя бы кто призналъ, что его желаніе распространенія христіанства косвенно и стѣсняло свободу религіи. Иначе совсѣмъ относился къ дѣлу Евсевій, хотя, конечно, Евсевій нигдѣ прямо не высказываетъ своего желанія — привести родъ человѣческой въ лоно единой церкви какими бы то ни было средствами и пожертвованіями по отношенію къ христіанскому принципу терпимости. Но что чувство Евсевія не было противъ принудительныхъ мѣръ въ

¹⁾ Ср. разобранныя выше правила соборовъ IV в.

²⁾ Сочиненіе это *de errore profanarum religionum*, между 340—50. См. *Weinharten—Zeittafeln zur Kirchengesch. Leipz. 1874.*

особенности тамъ, гдѣ принудительное вступленіе въ церковь маскируется какими-нибудь побочными обстоятельствами, это съ очевидностію ясно изъ сочиненій Евсевія. Такъ это, напр., со всею ясностію можно усматривать въ разсужденіяхъ Евсевія по случаю изданія Константиномъ строгихъ законовъ противъ еретиковъ и послѣдствій такихъ законовъ, причемъ осторожность оставляетъ Евсевія и онъ какъ будто бы проговаривается. „Начальники нечестія, говоритъ Евсевій, послѣ царскаго указа объ отобраніи молитвенныхъ домовъ у еретиковъ обращались въ бѣгство“. Изъ ихъ послѣдователей „одни страшились царской угрозы, до времени притворствовали и съ подложными чувствованіями вползали въ церковь“: „ибо, когда ихъ схватывали, „они готовы были на все, лишь бы въ притворствѣ найти себѣ спасеніе. Другіе напротивъ будто и съ искреннимъ расположеніемъ приходили къ надеждѣ на лучшее. Послѣднихъ предстоятели церкви тщательно различали и тѣхъ, которые проникли въ церковь подъ маскою притворства, далеко отгоняли, а другихъ, дѣлавшихъ это съ чистымъ намѣреніемъ, долго испытывали и, достаточно увѣрившись (въ ихъ искренности), присоединяли къ числу христіанъ... Такъ-то поступали съ безчестными иновѣрцами!“ восклицаетъ Евсевій ¹⁾). Не много нужно пронитательности, чтобы видѣть, что Евсевій въ этой торжественной тирадѣ въ сущности описываетъ очень печальный фактъ: ужасающее притворство тѣсныхъ еретиковъ и раскольниковъ, все „безчестіе“, которыхъ состояло только въ желаніи укрыться отъ преслѣдователей, по невозможности искренно присоединиться къ церкви. Самъ, не замѣчая того, Евсевій воздастъ похвалу пастырямъ православной церкви: изъ приве-

¹⁾ Ж. К. стр. 227.

денныхъ словъ его видно, что пастыри боролись противъ такой системы привлеченія въ церковь—притворныхъ „далеко отгоняли“, не желая номинальнаго присоединенія къ церкви. Но Евсевій видѣлъ въ такомъ состоянн дѣлъ торжество церкви: „такимъ образомъ, говорилъ онъ, члены общаго тѣла, приходя въ единеніе, сочетавались въ стройное цѣлое, и собранная въ самой себѣ вселенская церковь сіѣла одна: — на землѣ ни еретическихъ, ни раскольничьихъ обществъ нигдѣ болѣе не оставалось!“ Послѣднее было, конечно, слишкомъ большой гиперболой. Важнѣе же всего то, что такое торжество церкви Евсевій всецѣло приписываетъ Константину. Можетъ быть характеръ явнаго насилія, очевиднаго въ Евсевіевомъ описанн отношенія государства къ диссидентамъ въ самомъ христіанствѣ, укрывался отъ глазъ Евсевія оттого, что эти приводимые къ церкви были все таки, по крайней мѣрѣ относительно, свои люди, тогда какъ не — христіане были чужіе, по отношенію къ которымъ и средства привлеченія должны быть деликатнѣе. Но съ несомнѣнностію можно заключить, что Евсевій не былъ уже тѣхъ мнѣній о свободѣ, коихъ держался Лактанцій! Ибо отъ мнѣній, подобныхъ приведеннымъ, одинъ только шагъ до признанія годности механически насильственнаго введенія людей въ церковь Христову. Быть можетъ этимъ взглядомъ Евсевія объясняется постоянное преувеличеніе тѣхъ мѣръ, которыя предпринимались правительствомъ противъ не — христіанъ, и его открытая радость при разказахъ о снѣнннхъ еретиковъ и раскольниковъ, въ числѣ коихъ была и такая безобидная секта, какъ Новаціане, а равно и тотъ колоритъ, который Евсевій даетъ дѣятельности Константина, выставляя его почти что гонителемъ чужихъ религій. — Точку зрѣнн терпимости къ заблужденію язычниковъ уже совершенно

оставляетъ упомянутый Ф. Матернъ. Вопросъ о язычествѣ въ его глазахъ существуетъ не какъ вопросъ *объ обращеніи* язычниковъ къ христіанству, но какъ вопросъ *объ уничтоженіи* культа язычниковъ. Онъ призываетъ преемниковъ-сыновей Константина „пресѣчь соблазнъ, противопоставить ему строгость законовъ, дабы суевѣріе языческое не оскверняло болѣе имперіи римской“, — тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію этого писателя, „уже немного остается“ сдѣлать для того, чтобы „долу ниспроверженный діаволь притихъ и погибла пагубная зараза суевѣрія“ ¹⁾. Мнѣніе это, т. е. что немного уже оставалось для истребленія язычества, было въ высшей степени ошибочно, какъ показала послѣдующая исторія; не всѣми также раздѣлялась мысль о томъ, что искорененіе язычества нужно начинать съ внѣшняго, т. е. съ культа, а не со внутренняго, т. е. съ сердца человѣка ²⁾. Но это показываетъ, что къ концу царствованія Константина явились иныя мнѣнія, чѣмъ какія ознаменовали начало его правленія. Царствованіе его сыновей и началось при существованіи такихъ мнѣній.

В. Кипарисовъ.

¹⁾ Beugnot I, 129. Chastel, 78—79.

²⁾ Какъ мы увидимъ, въ самомъ концѣ IV вѣка Августинъ вооружался противъ такой мысли объ уничтоженіи язычества: по его мнѣнію, „мы должны начать съ уничтоженія идоловъ въ сердцахъ“ людей, послѣ чего оставшіе идоловъ въ сердца сами разобьютъ своихъ идоловъ вещественныхъ.

Къ исторіи Рогожнаго кладбища.

О такъ называемомъ Рогожскомъ кладбищѣ въ настоящее время стали говорить и писать очень много. Поводомъ къ этимъ толкамъ и писаніямъ служить періодически возбуждаемый раскольниками при удобныхъ обстоятельствахъ, а теперь возбужденный ими и поддерживаемый съ особенною настойчивостью вопросъ о распечатаніи алтарей въ рогожскихъ часовняхъ, о снятіи съ нихъ печатей, наложенныхъ правительствомъ въ то время, когда у московскихъ поповцевъ не осталось ни одного бѣглаго попа изъ дозволенныхъ указомъ 1822 года и въ силу этого указа открыто служившихъ на кладбищѣ, напротивъ появились недозволенные архіереи и попы австрійскаго или бѣлокриницкаго поставленія: алтари рогожскихъ часовенъ и были запечатаны, какъ надобно полагать, въ видахъ пресѣченія для этихъ послѣднихъ возможности явиться здѣсь на смѣну прежнихъ бѣглыхъ поповъ, отправлять здѣсь такъ же открыто, какъ отравляли тѣ, не однѣ уже священническія, но даже архіерейскія службы, и такимъ образомъ сдѣлать Рогожское кладбище центромъ „старообрядчества, приѣмлющаго новую австрійскую іерархію“, какъ прежде оно было центромъ бѣглопоповства, или, выражаясь пораскольнически, „старообрядчества, приѣмлющаго бѣгствующихъ отъ велико-россійской церкви іереевъ“. Возбуждая

вопросъ о распечатаніи рогожскихъ алтарей, сами раскольники, въ своихъ прошеніяхъ объ этомъ, представляемыхъ высшимъ правительственнымъ лицамъ, не скрываютъ того, что они желаютъ и ищутъ не просто снятія печатей съ этихъ алтарей, а именно дозволенія, или дарованія правъ бѣлокриницкому священству, австрійскимъ архіереямъ и попамъ, отправлять здѣсь всѣ церковныя службы и особенно служить литургію. Такое дозволеніе было бы равносильно признанію со стороны правительства за этими лжеименными архіереями и попами дѣйствительныхъ архіерейскихъ и священническихъ сановъ. Несомнѣнно, что раскольники въ сущности желаютъ и ищутъ именно этого, хотя въ своихъ прошеніяхъ съ обычнымъ лицемѣріемъ заявляютъ, что „о дарованіи своему духовенству (?) какихъ-либо особыхъ правъ, или преимуществъ (?) они утруждать правительство не желаютъ и не просятъ даже (!) о признаніи за ними (?) духовнаго званія, или сана“. Если такимъ образомъ сами раскольники стараются нѣсколько прикрыть истинную цѣль своихъ домогательствъ предъ правительствомъ, то наша „либеральная пресса“, охраняющая и мелѣющая расколь, разъясняетъ ее съ рѣдкимъ усердіемъ и не менѣе рѣдкою откровенностію: однѣ по просьбамъ и указаніямъ самихъ раскольниковъ, другія по собственному либеральному вождѣлѣнію, всѣ наши газеты, за весьма немногими исключеніями, общимъ хоромъ вопіютъ теперь о дарованіи расколу полныхъ религіозныхъ правъ, о признаніи раскольническихъ архіеревъ и поповъ наравнѣ съ духовенствомъ не только инославныхъ религій, но и православнымъ, о дозволеніи имъ служить открыто въ своихъ храмахъ, и проч. и проч., всѣ вмѣстѣ съ этимъ осыпаютъ бранью и ругательствами тѣхъ немногихъ писателей, которые имѣютъ еще смѣлость возвысить

голосъ въ защиту православія и среди ложныхъ газетныхъ толковъ о расколѣ провозглашать о немъ горькую, но непререкаемую правду. И всѣ эти, почти ежедневно повторяемые нескончаемые толки „либеральныхъ“ газетъ о признаніи и огражденіи закономъ такъ называемыхъ религіозныхъ правъ раскола явились и являются именно по поводу возбужденнаго раскольниками вопроса о распечатаніи алтарей въ часовняхъ Рогожскаго кладбища.

Но что такое это пресловутое Рогожское кладбище? когда и какъ оно возникло? когда и какъ явились на немъ тѣ обширныя и богато украшенныя часовни, о которыхъ столько говорятъ теперь и пишутъ? имѣютъ ли онѣ, по самому своему происхожденію, дѣйствительныя права на покровительство законовъ, котораго ищутъ для нихъ раскольники и „либеральные“ друзья ихъ? Точная справка объ этомъ съ первоначальною исторіею Рогожскаго кладбища и его часовень, очевидно, имѣетъ особенный интересъ и особенную важность въ настоящее время, когда вопросъ объ этихъ учрежденіяхъ, выражаясь по нынѣшнему, „обострился“ и „стоитъ на очереди“. Между тѣмъ этого не сдѣлали и не дѣлаютъ доселѣ не только „либеральные“ газетчики, которымъ, впрочемъ, нѣтъ и дѣла до исторіи, но и тѣ серіозные писатели, которые при рѣшеніи вопросовъ о Рогожскомъ кладбищѣ желали бы, конечно, опереться на его исторію. Эти послѣдніе доселѣ не дѣлали такой справки только за невозможностію ее сдѣлать, ибо первоначальная исторія этого темнаго учрежденія, называемаго Рогожскимъ кладбищемъ, остается еще покрыта мракомъ неизвѣстности; точныхъ и достовѣрныхъ документальныхъ извѣстій объ учрежденіи кладбища и его часовень совсѣмъ почти не имѣется. Правда, г. Мельниковъ говоритъ: „Рогожское клад-

бище имѣть свою исторію, богатую любопытными подробностями. Для составленія этой исторіи въ петербургскихъ и московскихъ архивахъ матеріаловъ недостаточно. Они давно ожидаютъ изслѣдователя, который когда-нибудь въ подробной исторіи рогожцевъ выведетъ на свѣтъ Божій множество такихъ фактовъ, которые изумятъ незнакомыхъ съ ними доселѣ читателей“ (*Рус. Вѣст.* т. LXIII, стр. 5). Но г. Мельниковъ, говоря это, разумѣлъ только новѣйшую исторію Рогожскаго кладбища, начиная со второй четверти текущаго столѣтія. О первоначальной же его исторіи самъ этотъ писатель, составившій именно по доступнымъ ему архивнымъ документамъ самое подробное доселѣ описаніе кладбища, нашелъ возможнымъ сказать весьма немного, и именно вотъ что: „Во время чумы 1771 года московской поповщинѣ было отведено мѣсто (?) за Покровскою заставой, на землѣ принадлежавшей деревнѣ Новоалександровкѣ, населенной старообрядцами же. Здѣсь московскіе старообрядцы устроили знаменитое Рогожское кладбище... При учрежденіи кладбища въ 1771 году была построена небольшая деревянная часовня. Черезъ пять лѣтъ она *была замѣнена* обширною каменною во имя Николая Чудотворца. *Въ 1790 году* рядомъ съ нею была построена огромная холодная часовня Покрова Пресвятыя Богородицы, едвали не самая обширная изъ всѣхъ московскихъ церквей за исключеніемъ развѣ соборовъ“ (*Тамъ же* стр. 16 и 18). Сообщивъ эти краткія и, какъ увидимъ, не совсѣмъ точныя извѣстія о времени учрежденія Рогожскаго кладбища и построенія первыхъ его часовень, самъ же г. Мельниковъ говоритъ далѣе, что важнѣйшіе документы, по которымъ можно было бы изложить исторію кладбища, „пропали безслѣдно“. По его словамъ, „въ конторѣ Рогожскаго кладбища находился ар-

хивъ; но *самыя важныя бумаги* обыкновенно прятались подъ деревянную колокольней устроенною подлѣ часовенъ. Тамъ была устроена подземная кладовая, гдѣ хранились *замѣчательнѣйшіе акты*, полотняныя церкви, антиминсы и т. п. *Самыя важныя бумаги* находились въ домахъ конторщиковъ. Куда дѣвались бумаги, бывшія у конторщиковъ и въ тайной кладовой подъ колокольней, — неизвѣстно. Одни говорятъ, что сгорѣли во время какого-то пожара на Рогожскомъ кладбищѣ; другіе увѣряютъ, что онѣ переданы въ руки именитѣйшихъ членовъ рогожской общины, и называютъ ихъ даже по именамъ; третьи наконецъ сказываютъ, что драгоценныя бумаги находятся у наследниковъ Сивинина и Корнѣева (двухъ бывшихъ конторщиковъ). Какъ бы то ни было, онѣ безслѣдно пропали для изслѣдователей русскаго раскола. А для исторіи его онѣ составляютъ чрезвычайно важный матеріалъ“ (стр. 35). Справедливо ли все это, сказать трудно; несомнѣнно лишь одно, что первоначальная исторія Рогожскаго кладбища доселѣ остается малозвѣстною и что поэтому каждый уясняющій ее документъ, отысканный въ раскольническихъ, или иныхъ архивахъ, приобретаетъ особенную цѣнность, еще болѣе возвышаемую современнымъ положеніемъ вопроса о Рогожскомъ кладбищѣ и его часовняхъ. Два такіе новооткрытые документа, проливающіе не малый свѣтъ на первоначальную исторію кладбища и его часовенъ, мы имѣемъ теперь подъ руками и желаемъ познакомить съ ними читателей въ виду особенной ихъ важности для рѣшенія возбужденнаго теперь вопроса о рогожскихъ алтаряхъ. Это 1) донесеніе бывшаго главнокомандующаго въ Москвѣ князя Прозоровскаго императрицѣ Екатеринѣ II-й отъ 25 октября 1792 года, 2) записка митро-

полита Новгородскаго и С.-Петербургскаго Гавріила, помѣченная 9-мъ ноября того же 1792 года ¹⁾.

До свѣдѣнія императрицы Екатерины дошло (какъ видно, не официальнымъ путемъ), что въ Москвѣ раскольники начали строить обширную часовню, на подобіе церкви. Въ виду того, что существовали указы, воспреещающіе построеніе раскольническихъ церквей и часовень (ук. 21 іюля 1768 г. и ук. 6 апр. 1778 г.), и находя вообще дѣломъ противузаконнымъ и крайне дерзкимъ, что безъ личнаго ея разрѣшенія и даже безъ ея вѣдома раскольники осмѣлились въ самой Москвѣ, къ очевидному вреду для православной церкви, строить свою часовню въ огромныхъ размѣрахъ, императрица указомъ отъ 17 сентября 1792 года потребовала у тогдашняго московскаго главнокомандующаго князя Прозоровскаго объясненій, что это за часовня, какіе раскольники и съ чьего дозволенія начали ее строить. Всеподданнѣйшимъ отвѣтомъ на этотъ указъ императрицы Екатерины и служило донесеніе князя Прозоровскаго отъ 25 октября. Приведемъ сначала подлинный текстъ этого любопытнаго документа.

Всеимлостивѣйшая Государыня!

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ отъ 17 сентября я получить удостоился, которымъ повелѣваете мнѣ, всеимлостивѣйшая Государыня! донести Вашему Величеству о строящейся здѣсь часовнѣ старообрядцевъ.

Здѣсь, Всеимлостивѣйшая Государыня! двѣ часовни, одна

¹⁾ Оба документа хранятся въ *Москов. Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ*. За отысканіе и сообщеніе ихъ мы обязаны благодарностію Х. К. Максиму.

въ Преображенскомъ называемой безпоповщины, которая въ самомъ камеръ-коллежскомъ валу близъ Преображенской заставы, для которой валь сей заровнянъ, а окружена новымъ, чтобъ болѣе лать мѣста погосту. Сія часовня каменная, представляетъ наружность церкви, около оной довольно каменнаго жилаго строенія, въ которомъ они содержатъ богадѣльню болѣе 1000 человекъ, а внѣ камеръ-коллежскаго валу въ нѣкоторомъ разстояніи ихъ кладбище и тамъ часовня. Вторая, о которой Ваше Императорское Величество спрашивать изволите, старообрядцевъ на принадлежащей Андроновской слободѣ земли, низменной и не весьма къ хлебопашеству способной, между большихъ дорогъ владимірской и коломенской, отъ заставы камеръ-коллежскаго валу въ трехъ верстахъ, гдѣ тожъ довольно деревяннаго жилаго строенія и богадѣльня, гдѣ бѣдные изъ единовѣрцевъ ихъ помѣщаются, и тутъ же садъ и кладбище ихъ. Я по вступленіи въ настоящую мою должность былъ на обоихъ оныхъ кладбищахъ, и у старообрядцевъ по ихъ просьбѣ осмотрѣть одной часовни ветхость, а другой—неспособность. Я оныя подлинно нашелъ, что деревянная ветка, а въ каменной отъ сырости-ль, или отъ худаго построенія даже что съ стѣнъ течетъ и такой тяжелый воздухъ, что въ оной и часу пробыть, казалось мнѣ, безъ вреда не можно. И сіи часовни имѣютъ наружность церквей одноглавыхъ. Они просили меня вмѣсто сихъ, ветхой деревянной и сырой каменной, позволить имъ построить одну каменную новую часовню, въ низу бѣ была теплая, а въ верху холодная.

Итакъ найдя оныя часовни съ немалымъ строеніемъ существующія и молевые производится публично, то и заключилъ я, что сіе Вашему Императорскому Величеству известно и заведены оныя начально съ высочайшаго дозволенія. А какъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ манифестомъ 762 повелѣно раскольникамъ никакого притѣсненія не дѣлать, а за тѣмъ и отъ 10 апрѣля 790 г. полученный мною отъ Вашего Величества указъ по матеріи потаенныхъ и нелѣпыхъ зборищъ братства, исключая сіи собранія запрещается полиціи въ оныя входить и дѣлать препятствія въ молитвенныхъ собраніяхъ, а все сіе сообразя считалъ я возможнымъ мнѣ позволить вмѣсто ветхой и другой неспособной построить имъ новую часовню; зная жъ, что планъ вновь желаемой ими построить сочинялъ архитекторъ Казаковъ чрезъ посредство именитаго гражданина

Никиты Павлова, но виновать я, Всемилостивѣйшая Государыня! что онаго не посмотрѣлъ, надѣялся несумѣнно, что архитекторъ Казаковъ сочинить оный пристойно съ ихъ положеніемъ.—Они часовню сію заложили въ 791 г. Какъ я увѣдомленъ былъ отъ губернатора, что они заложили ее велику и съ выпусками для алтаря и намѣрены поставить пять главъ: я взялъ у нихъ планъ и нашелъ, что они заложили не по плану архитектора Казакова, а сняли сами планъ съ церкви, что въ Бутырской слободѣ. Я приказалъ какъ имъ, такъ и полицейскому архитектору Карину выпуски для алтаря отломать, величины убавить и здѣлать планъ съ одной главой и крестомъ; но о неубавкѣ оной величины они усиленно меня просили, поставляя основаніемъ что имѣютъ они въ Москвѣ и около оной единовѣрцевъ до 20.000 душъ. Я планъ оной съ фасадой у сего всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству подношу, плана же архитектора Казакова я отыскать не могъ по причинѣ смерти Никиты Павлова, у коего оной былъ, но внукъ его не нашелъ и Казаковъ чернаго у себя не оставилъ. Они же симъ лѣтомъ довели часовню до карниза и представляетъ теперь видъ дому. Если Ваше Величество повелите уничтожить шпиль, то я оной со всѣмъ прикажу убавить.

Нынѣ, получа высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, за долгъ почелъ для всеподданнѣйшаго Вашему Величеству донесенія выправиться съ законами о построеніи часовень, какъ я прежде не остерехся о семъ выправиться. И начиная съ древнихъ законовъ получалъ свѣдѣніе, что въ 1718 году, когда по указу Государя Петра перваго была перепись раскольникамъ, отведено имъ за серпуховскими воротами одно кладбище, не различая разныхъ между ими вѣръ, безпоповщины и старообрядцевъ, и въ 771 г. когда Покровской церкви, что въ Красномъ селѣ, священники жаловались, что раскольники умирающихъ моровою язвою привозятъ къ церкви оставляютъ, то по указу Правительствующаго Сената приказано имъ погребать своихъ мертвецовъ на отведенныхъ въ полѣ кладбищахъ, а буде тамъ мѣста для нихъ недостаточно, то отвести имъ пристойное мѣсто въ полѣ Московской губернской канцеляріи. Въ сіе то время и отведены имъ мѣста для кладбищъ, гдѣ нынѣ и вышеупомянутыя часовни. Я читалъ учрежденіе охранительной комиссіи, и въ росписаніи о всѣхъ вообще кладбищахъ видны по приурочкѣ и оныя кладбища; но тогда при назначеніи кладби-

ща не различено вѣрѣ. Но о часовняхъ я ничего не нашелъ, кромѣ въ 722 г. повелѣно всѣ часовни, не говоря раскольничьи, но вообще, упразднить, а въ 727 году повелѣно которыя до того времени не разобраны, тѣ оставить, а и прочіе, о конхъ будутъ просьбы, строить позволять, рассматривая архіереямъ, чтобы не было правильнаго препятствія и раскольникамъ способу. Наконецъ, въ 733 г. именнымъ указомъ императрицы Анны Іоанновны запрещено впредь часовни строить, а старыя гдѣ имѣются, тѣ оставить въ прежнемъ состояніи. Но и въ семь указѣ о раскольникахъ ничего не упоминается, что меня побудило, Всемилостивѣйшая Государыня! переговорить о семь съ Петромъ Дмитріевичемъ Еропкинымъ, какъ онъ главный членъ былъ охранительной комиссіи, сказавъ ему, что имѣю я отъ Вашего Величества высочайшее повелѣніе безъ огласки о семь свѣдать, то онъ мнѣ сказалъ, какъ и по дѣламъ видно, Покровской церкви священники, а онъ сказалъ, что и многие просили о томъ священники сель, близъ Москвы лежащихъ, что раскольники умершихъ язвой привозили и тамъ ихъ оставляли, для чего-де и опредѣлено было къ главнымъ или управляющимъ раскольникамъ разныхъ селъ надъ симъ смотрѣніе и даны имъ доктора, и хотя де время прошло давнее, но помнится ему, что князь Григорій Григорьевичъ Орловъ позволилъ имъ сдѣлать часовню, гдѣ бъ они могли отпѣвать умершихъ, и онъ сказалъ, что я о семь могу и Вашему Императорскому Величеству донести. Да еще видно по дѣламъ въ губернскомъ правленіи, что когда безпоповщина поставила главу и крестъ на часовнѣ, то во время главнокомандованія графа Чернышева внѣшній московскій митрополитъ требовалъ отъ губернскаго правленія, для чего оное быть могло, то правленіе, ссылаясь на всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества вышеупомянутый 762 г. манифестъ, отозвалось, что въ отмѣну онаго войти не можетъ ¹⁾. Сихъ

1) Это любопытное извѣстіе можетъ служить объясненіемъ, почему въ дѣлѣ о построеніи Рогожской часовни уже не видно протеста со стороны митрополита Платона: разъ оскорбленный гражданскою властію въ своемъ справедливомъ требованіи, онъ не хотѣлъ уже, какъ видно, подвергать себя подобному оскорбленію въ другой разъ. Можно предполагать, что теперь, видя московскихъ властей, митрополитъ Платонъ обратился съ жалобою къ самой императрицѣ Екатерины и что именно по его указанію потребовала императрица объясненій у князя Прозоровскаго.

свѣдѣній собиравіе умедлило всеподданнѣйшее мое о семъ донесеніе Вашему Императорскому Величеству.

Что я не справясь съ законами, а здѣлалъ только заключеніе на видимомъ, далъ на то позволеніе, то заключеніе мое, что я рѣшить сіе могу, наипаче подкрѣпилъ высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, о которомъ я выше упомянулъ, чтобъ старообрядцамъ не наноситъ никакого препятствія въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, какъ позволеніе (непозволеніе?) строить часовни щиталь я будетъ въ ихъ молитвахъ препятствіе, признаю, Всемилостивѣйшая Государыня! виновнымъ, что не доложася Вашему Величеству оное позволеніе. Итакъ павъ предъ стопы Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше прошитъ милосерднаго прощенія

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій

князь А. Прозоровскій.

Октября 25 дня, 1792 г.
Москва.

Изъ приведеннаго документа мы получаемъ нѣсколько достовѣрныхъ историческихъ указаній, частью подтверждающихъ, частью исправляющихъ и дополняющихъ прежнія извѣстія объ основаніи обоихъ раскольническихъ кладбищъ въ Москвѣ—и Преображенскаго и Рогожскаго. Таковы именно: а) указанія относительно мѣстъ, отведенныхъ правительствомъ подъ то и другое кладбище и относительно причинъ, вызвавшихъ это распоряженіе; б) свидѣтельство столь свѣдущаго и авторитетнаго въ настоящемъ случаѣ свидѣтеля, какъ бывшій „главный членъ охранительной комиссіи“ Еропкинь, что дозволеніе устроить на Рогожскомъ кладбищѣ часовню, и именно часовню для отпѣванія умершихъ, первоначально было дано княземъ Григоріемъ Орловымъ, командированнымъ императрицею въ Москву по случаю происходившихъ тамъ безпорядковъ во время чумы 1771 года; в)

справка самого Прозоровскаго, изъ которой видно, что въ 1790 году, когда онъ вступилъ въ должность московскаго главнокомандующаго, на Преображенскомъ кладбищѣ существовала уже „каменная часовня, представлявшая наружность церкви и около оной довольно каменнаго жилого строенія“, въ которомъ находилось призрѣваемыхъ болѣе 1000 человекъ, а на Рогожскомъ было даже двѣ часовни, „имѣющія наружность церковей одноглавыхъ“, — каменная (во имя святителя Николы) и деревянная (Покровская); г) его же точное показаніе, что главная изъ существующихъ теперь часовень Рогожскаго кладбища, обширная и богато украшенная, начата постройкою въ 1791 году, къ осени 1792 года выведена до карниза и слѣд. окончена была строеніемъ не ранѣе 1793 г. (а не въ 1790, какъ показано у г. Мельникова и въ другихъ сочиненіяхъ, наприм. въ *Истор. свѣд. о единовѣр. церквахъ* л. 20 об.) ¹⁾. Но для насъ всего интереснѣе и важнѣе въ донесеніи князя Прозоровскаго приведенныя имъ, конечно, не многія, но за то совершенно новыя подробности о самомъ построеніи послѣдней изъ упомянутыхъ часовень Рогожскаго кладбища, — подробности, изъ которыхъ съ достаточною ясностію видно, что часовня эта, принятая подъ особенное покровительство нынѣшними радѣтелями раскола, была и построена незаконнымъ образомъ, своимъ существованіемъ обязана лукавству и наглымъ обманамъ раскольниковъ, съ одной стороны, и непростительной

¹⁾ Протоіерей Андрей Журавлевъ, въ извѣстной своей книгѣ, первый разъ изданной въ 1794 г., говоритъ уже, что на Рогожскомъ кладбищѣ раскольники „воздвигли огромный молитвенный, на подобіе церкви, домъ, или часовню, а для зимы теплую другую, со множествомъ келій“ (*Полн. ист. изв. о раск. изд. 2-е, ч. IV, стр. 48*).

списходительности къ нимъ, или вѣрнѣе потворству ихъ наглостямъ высшаго правительства Москвы, — съ другой.

Изложимъ ходъ дѣла по указаніямъ князя Прозоровскаго въ его донесеніи императрицѣ Екатеринѣ.

Немедленно по вступленіи въ должность московскаго главнокомандующаго, кн. Прозоровскій посѣтилъ оба раскольническія кладбища, какъ это дѣлали и нѣкоторые другіе главнокомандующіе прежде и послѣ него. На Рогожскомъ былъ онъ по нарочитой просьбѣ самихъ раскольниковъ. Пригласить къ себѣ князя Прозовскаго они имѣли особыя побужденія: тогда у нихъ было рѣшено уже воздвигнуть на своемъ кладбищѣ такую часовню, или церковь, которая своей обширностію и великолѣпіемъ затмѣвала бы всѣ православныя церкви въ столицѣ. Дозволеніе на постройку новой часовни надѣялись они испросить у главнокомандующаго подъ предлогомъ ветхости и неудобства двухъ, дотолѣ существовавшихъ на кладбищѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ одинъ только *предлогъ*: если деревянная (Покровская) часовня, построенная съ разрѣшенія князя Орлова въ 1771 году, могла обветшать въ теченіе девятнадцатилѣтняго существованія, то каменная (Никольская), построенная пятью годами позже ¹⁾, въ четырнадцать лѣтъ не могла сдѣлаться вовсе неудобною для дальнѣйшаго существованія и пользованія ею. Намѣренно, на случай осмотра, конечно, можно было привести ее въ запущенный видъ; но что на самомъ дѣлѣ она была и прочна и удобна, несомнѣнно явствуетъ изъ того, что раскольники впоследствии и не ду-

¹⁾ Въ книгѣ *Свидѣнія о единоовѣр. церквахъ* сказано, что эта часовня построена въ 1776 году (л. 20 об.); г. Мельниковъ также говоритъ, что Никольская часовня построена „черезъ пять лѣтъ“ послѣ деревянной, несправедливо утверждая только, что она построена въ замѣвъ этой послѣдней.

мали закрывать ее, тѣмъ паче уничтожать, напротивъ, благополучно пользовались ею еще болѣе шестидесяти лѣтъ, пока не была она въ 1854 году обращена въ единовѣрческую. Итакъ именно подъ предлогомъ мнимой ветхости и негодности прежнихъ двухъ часовень рогожскіе раскольники задумали просить московскаго главнокомандующаго о дозволеніи построить вмѣсто этихъ двухъ одну каменную. У нихъ уже приготовленъ былъ для представленія главнокомандующему и планъ будущей часовни: планъ составилъ по ихъ просьбѣ архитекторъ Казаковъ. По этому плану часовня должна была быть двухъ-этажная, съ зимнимъ помѣщеніемъ внизу и лѣтнимъ вверху, размѣровъ, какъ надобно полагать, довольно скромныхъ, безъ особыхъ выступовъ для алтаря, — вообще планъ составленъ былъ такъ, чтобы при начальственномъ разсмотрѣніи не могъ внушить никакихъ затрудненій относительно разрѣшенія произвести по оному постройку часовни. Но планъ этотъ назначали только для начальственнаго разсмотрѣнія; на самомъ же дѣлѣ раскольники вовсе не намѣрены были ему слѣдовать, — замыслили, напротивъ, построить часовню совсѣмъ иначе, въ размѣрахъ грандіозныхъ и въ видѣ пятиглавой соборной церкви. Для нихъ нужно было имѣть только дозволеніе произвести постройку, а затѣмъ они надѣялись, что все могутъ сдѣлать по своему, — и старую каменную часовню оставить въ неприкосновенности и воздвигнуть новую, вовсе не придерживаясь утвержденного плана. Главнымъ затѣйщикомъ и руководителемъ въ этихъ замыслахъ обмануть правительство былъ, какъ можно догадываться, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ тогда прихожанъ Рогожскаго кладбища, упоминаемый княземъ Прозоровскимъ „именитый гражданинъ“ Никита Павловъ. Именитый гражданинъ этотъ извѣстенъ нѣсколько своими подвигами на

перемазанскомъ соборѣ 1779 года: въ его домѣ происходили нѣкоторыя изъ соборныхъ засѣданій, и здѣсь-то онъ, ярый защитникъ перемазанства, позволялъ себѣ наглыя ругательства и насилія противъ ивока Никодима и другихъ обличителей перемазанскихъ заблужденій,—у него даже была устроена засада для Никодима, котораго хотѣли если не убить, то подвергнуть тяжкимъ побоямъ, и самъ онъ публично, въ цѣломъ собраніи, не разъ „судилъ“ Никодиму и другимъ своимъ противникамъ „жалованье дубинъ“¹⁾. Видно вообще, что это былъ для Рогожскаго кладбища своего рода Илья Алексѣевъ (Ковылинъ), такъ же самовластно распоряжавшійся здѣсь, какъ этотъ послѣдній распорядился на Преображенскомъ. И если объ одномъ изъ болѣе разсудительныхъ между тогдашними перемазанцами, Дмитріѣмъ Ѳедоровѣмъ²⁾, митрополитъ Платонъ, лично его знавшій, имѣлъ основаніе выразиться, что это *nequissimus bipedum, nullius conscientiae* (негоднѣйшій человѣкъ, безъ всякой совѣсти)³⁾, то Никита Павловъ, конечно, заслуживалъ таково отзыва еще болѣе.

Итакъ, составивъ лукавый планъ обмануть правительство, выборные отъ рогожцевъ, съ Никитою Павловымъ во главѣ, явились къ новому московскому главнокомандующему. Объяснивъ крайнюю будто бы нужду построить на кладбищѣ часовню въ замѣнъ двухъ старыхъ, якобы совершенно ветхихъ и неудобныхъ, они просили князя Прозоровскаго лично посѣтить

1) См. А. Журав. *Полн. ист. извѣстіе о раск.* ч. IV, стр. 65—67, 76—77.

2) Онъ понималъ и имѣлъ смѣлость сказать на перемазанскомъ соборѣ, что дѣйствія предковъ, повторявшихъ крещеніе и другія таинства надъ приходящими отъ Великороссійской церкви, были незаконны, и за то подвергся гнѣву отъ прочихъ перемазанцевъ (Журав. *Полн. ист. изв.* IV, стр. 55—56).

3) Письма м. Платона къ м. Амвросію, стр. 41.

кладбище, чтобы удостовериться въ печальномъ положеніи старыхъ часовенъ и вытекающей отсюда необходимости построить новую. Князь Прозоровскій принялъ приглашеніе, поѣхалъ на Рогожское кладбище, чтобы „осмотрѣть одной часовни ветхость, а другой неспособность.“ Какъ принимали его на кладбищѣ, объ этомъ, разумѣется, онъ не имѣлъ надобности сообщать императрицѣ; объ осмотрѣ же часовенъ писалъ, что будто бы „подлинно нашель: деревянная ветха, а въ каменной отъ сырости-ль, или отъ худаго построенія даже со стѣнъ течеть и такой тяжелой воздухъ, что въ оной и часу пробыть, казалось ему, безъ вреда невозможно.“ Принявъ это во вниманіе и руководясь тѣмъ соображеніемъ, что если существовали прежнія часовни, заведенныя, какъ онъ полагалъ, съ высочайшаго соизволенія, то и построеніе новой будетъ не противно высочайшей волѣ, особенно же когда сама императрица манифестомъ 1762 г. и указомъ 1790-го повелѣла никакихъ притѣсненій раскольникамъ не дѣлать и препятствія имъ въ молитвенныхъ собраніяхъ не чинить, князь Прозоровскій „почелъ возможнымъ позволить рогожцамъ *вмѣсто* ветхой и другой неспособной построить новую часовню.“ Впослѣдствіи, когда императрица потребовала у него объясненій по этому дѣлу, онъ самъ сознался, что, давъ позволеніе строить часовню, поступилъ опрометчиво и неосторожно („*неостережся* выправиться съ законами о построеніи часовенъ“), самъ призналъ себя „виновнымъ“ и просилъ „милосерднаго прощенія,“ что „не справясь съ законами“ и „не доложась Ея Величеству“ далъ такое дозволеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этой опрометчивости и неосторожности онъ приведенъ былъ излишнимъ довѣріемъ и снисходительностію къ раскольникамъ, особенно же къ старѣйшему изъ нихъ „именитому граж-

данину“ Никитѣ Павлову. Свою довѣрчивость къ Никитѣ Павлову онъ простеръ до того, что, дозволивъ построение часовни, не сталъ даже и разсматривать планъ ея, заранѣе составленный архитекторомъ Казаковымъ „черезъ посредство“ этого „именитаго гражданина“.

Такое непростительное потворство, или, по крайней мѣрѣ, слѣпое довѣріе главнаго начальства Москвы придало раскольникамъ еще болѣе дерзости. Они смѣло приступили теперь къ исполненію своихъ замысловъ: старую каменную часовню разбирать и не подумали, а на мѣстѣ деревянной заложили новую такихъ размѣровъ, что съ нею не могла сравниться по обширности ни одна изъ всѣхъ тогдашнихъ московскихъ церквей, не исключая и соборовъ ¹⁾. Планъ Казакова они тѣмъ смѣлѣе оставили теперь безъ употребленія, что и самъ князь Прозоровскій не потрудился даже взглянуть на него: у нихъ имѣлся другой, для котораго принята была за образецъ благолѣпная церковь Рождества Христова, что въ Бутыркахъ. По этому плану часовня должна была имѣть совершенное подобіе соборнаго храма о пяти главахъ.

Итакъ, въ 1791 году на Рогожскомъ кладбищѣ раскольники начали строить соборъ обширнѣе Успенскаго. Надобно полагать, что объ этомъ пошли толки по Москвѣ, по крайней мѣрѣ московскій губернаторъ нашелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія самаго главнокомандующаго о подозрѣніяхъ, внушаемыхъ производимою на Рогожскомъ кладбищѣ постройкою. Князь Прозоровскій не разсудилъ теперь съѣздить на кладбище и лично осмотрѣть, какія тамъ

¹⁾ Точное извѣстіе о размѣрахъ этой часовни будетъ приведено ниже.

начаты работы; онъ ограничился тѣмъ, что потребовалъ на разсмотрѣніе планъ, по которому часовня строится. Этимъ онъ далъ возможность раскольникамъ скрыть отъ него одинъ обманъ, который обнаружился бы самъ собою при осмотрѣ построекъ на мѣстѣ,—именно тотъ, что они оставили въ неприкосновенности старую каменную часовню, *вмѣсто* которой, за совершенной будто бы ея неудобностью, равно какъ и *вмѣсто* деревянной, сами просили и отъ правительства получили дозволеніе построить новую. Но другаго обмана нельзя было прикрыть: планъ производимой постройки необходимо было представить главнокомандующему по прямому его приказанію, и по разсмотрѣніи плана обнаружилось, что онъ *составленъ не Казаковымъ, а по сличеніи съ планомъ Казакова, потребованнымъ для сей цѣли, оказался нисколько на него не похожимъ, ни по размѣрамъ, ни по фасадамъ, ни по внутреннему расположенію.* Продолжая потворствовать раскольникамъ, князь Прозоровскій, къ удивленію, оставилъ безнаказаннымъ это ихъ самоуправство, за которое они подлежали отвѣтственности по закону: онъ потребовалъ только, чтобы размѣры часовни были сокращены и чтобы она не имѣла того совершеннаго подобія соборной церкви, какое было придано ей на планѣ,—чтобы „выпуски“ для алтаря были уничтожены и *вмѣсто* пяти главъ была выведена только одна. Но и здѣсь опять, по первому пункту этихъ распоряженій, онъ сдѣлалъ уступку раскольникамъ, дозволилъ имъ не сокращать размѣры новостроющейся часовни въ уваженіе ихъ „усиленной просьбы“, основанной на томъ, что „въ Москвѣ и около оной ихъ единовѣрцевъ до 20,000 душъ“. За исполненіемъ двухъ остальныхъ пунктовъ свсего распоряженія князь Прозоровскій приказалъ наблюсти полицейскому архитектору Ка-

рину. Такимъ образомъ дѣло обошлось благополучно для раскольниковъ и относительно другаго ихъ обмана, хотя онъ и былъ уже открытъ правительствомъ: теперь, даже съ дозволенія самого главнокомандующаго, они могли совершенно безопасно строить часовню въ тѣхъ огромныхъ размѣрахъ, какъ именно желали и начали строить безъ его дозволенія, тайкомъ...

Такова исторія постройки главной рогожской часовни, кратко изложенная въ донесеніи князя Прозоровскаго императрицѣ Екатеринѣ, — современномъ и несомнѣнно достовѣрномъ историческомъ документѣ, хотя и не съ такою откровенностію излагающемъ темную, весьма неприглядную сторону дѣла, какъ то было бы сдѣлано въ документѣ не официальнаго происхожденія и не такимъ лицомъ, какъ московскій главнокомандующій, слишкомъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ и даже за него отвѣтственный. И все же однако, повторимъ опять, изъ этой исторіи съ достаточной ясностію открывается, что Рогожская часовня, которую по ходатайствамъ раскольниковъ приняли теперь подъ свое особенное покровительство и нѣкоторыя вліятельныя лица и особенно „либеральные“ газетчики, была даже и построена противузаконнымъ, преступнымъ образомъ, что своимъ существованіемъ она обязана съ одной стороны лукавству и наглымъ обманамъ раскольниковъ, съ другой непростительному потворству и снисхожденію къ нимъ тогдашняго главнаго начальника Москвы, который и самъ, наконецъ, долженъ былъ признать себя виноватымъ здѣсь, поступившимъ не согласно съ законами, и всеподданнѣйше просить себѣ у императрицы Екатерины „милосерднаго прощенія“.

Для чего же понадобилось московскимъ поповцамъ такая громадная часовня, представлявшая совершенное подобіе собора?—Это нѣсколько объясняется въ другомъ документѣ, съ которымъ намъ слѣдуетъ познакомиться читателей.

„Записка“ митрополита Гавріила, какъ видно изъ сдѣланной на ней замѣтки, составлена почти одновременно съ донесеніемъ князя Прозоровскаго императрицѣ Екатеринѣ. Какое ея назначеніе, для кого она писана и кому представлена?—опредѣлить этого мы не можемъ; но что она имѣетъ официальный характеръ, это очевидно. Поводомъ къ ея составленію послужила полученная митрополитомъ Гавріиломъ просьба петербургскихъ старообрядцевъ о дарованіи имъ благословеннаго священства, къ которой они приложили за чѣмъ-то копію съ прошенія, поданнаго московскими поповцами главнокомандующему въ Москвѣ. Объ этомъ послѣднемъ прошеніи собственно и идетъ рѣчь въ запискѣ митрополита Гавріила. Но приведемъ сначала подлинный ея текстъ.

Старообрядцы петербургскіе подали мнѣ прошеніе, чтобъ имъ быть въ числѣ сыповъ православныхъ греко-россійскія церкви, и отъ меня получать священниковъ равно, какъ въ екатеринославской епархіи, при томъ приобщили съ прошенія копію отъ старообрядцевъ московскихъ, поданнаго главнокомандующему въ Москвѣ, въ ней написано:

1) Что они имѣютъ деревянный при кладбищѣ молитвенный храмъ.

2) Что отъ дней Никона патріарха терять они духовныхъ властей гоненіе.

3) Чтобъ дозволить строить имъ церкви для служенія литургіи по старопечатнымъ книгамъ, какъ и въ екатеринославской епархіи, умалчивая, что сіе дозволеніе отнесено къ епархіальному архіерею; и что они имѣютъ пороковъ, что бѣглые попы у нихъ служатъ, и просятъ:

1) Чтобъ имъ построить церкви.

2) Имѣть священниковъ приходящихъ къ нимъ.

3) Чтобъ быть у нихъ архіепископу приходящему самопроизвольно, на такомъ положеніи, какъ они пребываютъ.

4) Чтобъ онъ не былъ подъ вѣдомствомъ духовныхъ властей, отдѣляясь отъ нихъ какъ въ городскомъ положеніи въ статьяхъ 124, 125 и 126 о иностранныхъ предписано.

5) Чтобъ имъ въ чиновложеніи ихъ быть вѣдомымъ по духовнымъ дѣламъ въ ихъ консисторіяхъ не сообщаясь великороссійскимъ духовнымъ властямъ.

Сія просьба довольно изъясняетъ намѣреніе ихъ,—стараятся начать свою церковь, отдѣля отъ господствующей въ Россіи, и имѣть своего архіепископа и консисторію.

Начали строить церковь превышающую пространствомъ и огромностью Успенскій соборъ: онъ длиною 17, шириною 12, а ихъ церковь длиною 25, шириною 15 сажень, чтобы огромностію сего храма унижать первую въ Россіи церковь въ мысляхъ простаго народа.

А особливо въ преклонныхъ къ расколу усилить къ нимъ уваженіе.

Въ Москвѣ приверженныхъ къ расколу больше 20.000; многія епархіи, особливо нижегородская до того доходила, что церкви лишаются своихъ приходоѡ. Ежели изъ губерній соберутся чиновначальники ихъ въ такой пространной церкви, въ которой до 3000 народа можетъ вмѣститься, когда они предполагаютъ быть у нихъ архіепископу и консисторіи, когда сія толпа фанатиковъ сдѣлаетъ соборы, каковы уже и были, и положенія свои возвѣстятъ въ губерніяхъ, изъ которыхъ они придутъ въ Москву, сіи, не имѣющіе привязанности къ правительству, могутъ ли обнадѣжить безопасностію столицы?

Они просятъ, чтобъ ихъ почитать такъ удаленными отъ господствующей церкви, какъ удалены католики и лютеране: можно ль надѣяться, чтобъ ихъ фанатизмъ, распространяющійся по всей Россіи, почиталъ Государя правовѣрнымъ?

Великій Петръ, монархъ пронидательный, нареклъ ихъ лютыми неприятелими, государству и Государю непрестанно зломыслищими.

Внимая симъ обстоятельствамъ, думаю:

1) Чтобъ начатую ими церковь обратить на другія, предписанныя закономъ Монархини, для призрѣнія бѣдныхъ, или для пользы общественной установленія.

2) Дозволить имъ построить часовню, какая для погребенія усопшихъ на кладбищѣ потребна, безъ колокольни.

(Сія записка прислана отъ преосвященнаго митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго, ноября 9 дня 1792 г.)

Слѣдуетъ прежде всего отмѣтить приведенное въ „запискѣ“ новое, совершенно неизвѣстное доселѣ извѣстіе о первой попыткѣ петербургскихъ поповцевъ учредить въ Петербургѣ, такъ названное впоследствии, Единовѣріе. Изъ „записки“ не видно, когда именно петербургскіе старообрядцы подали объ этомъ прошеніе митрополиту Гавріилу, — въ томъ ли же 1792 г., когда составлена „записка“, или нѣсколько ранѣе; во всякомъ случаѣ здѣсь важно то обстоятельство, что они сдѣлали эту попытку — ввести у нихъ Единовѣріе много ранѣе извѣстнаго дѣла объ учрежденіи единовѣрческой церкви въ нижегородской епархіи, по поводу котораго послѣдовало Высочайшее повелѣніе позволять учрежденіе такихъ церквей и по другимъ епархіямъ, когда будутъ поступать о томъ прошенія отъ старообрядцевъ (указъ 12-го марта 1798 г.); петербургскіе просители ссылались только на примѣръ учрежденія Единовѣрія въ екатеринославской епархіи, послѣдовавшаго на основаніи Высочайшаго указа отъ 21 іюля 1788 года. Быть можетъ именно сношенія съ начинателями этого послѣдняго дѣла, съ самыми первыми дѣятелями по учрежденію Единовѣрія, инокомъ Никодимомъ и другими, бывавшими въ Петербургѣ, внушили и петербургскимъ старообрядцамъ мысль искать и себѣ благословеннаго священства, подать о томъ прошеніе митрополиту Гавріилу, принимавшему ближайшее участіе въ предпріятіи Никодима. На сей разъ однако же прошеніе петербургскихъ старообрядцевъ, какъ видно изъ исторіи единовѣрческихъ

церквей въ Петербургѣ ¹⁾, было оставлено безъ уваженія. Что послужило къ тому поводомъ?—въ точности неизвѣстно; но можно догадываться, что просители возбудили сомнѣніе относительно искренности ихъ желанія войти въ общеніе съ церковію чрезъ принятіе благословеннаго священства, и быть можетъ это сомнѣніе прежде всего было внушено именно тѣмъ, что къ своему прошенію они приложили копію съ просьбы московскихъ поповцевъ, поданной главнокомандующему въ Москвѣ. Ради чего, въ самомъ дѣлѣ, могла быть приложена эта копія петербургскими старообрядцами? Не желали ли они узнать мнѣніе митрополита Гавріила о содержаніи поданной московскими поповцами просьбы, чтобы въ случаѣ благопріятнаго объ ней отзыва съ его стороны и самимъ устроиться на изложенныхъ въ ней основаніяхъ, даже прямо не указывали ли этого? Въ такомъ случаѣ неблагопріятный исходъ собственнаго ихъ дѣла вполне понятенъ, такъ какъ прошеніе московскихъ поповцевъ, съ котораго они приложили копію, было документомъ содержанія совершенно недозволительнаго. Митрополитъ Гавріиль, какъ и слѣдовало ожидать, былъ до крайности возмущенъ, узнавъ теперь о существованіи этого документа, представленнаго раскольниками высшей гражданской власти въ Москвѣ, и нашелъ нужнымъ составить объ немъ оффиціальную „записку“.

Единоувѣріе и въ самую пору своего учрежденія и долгое время послѣ того представляло для духовнаго правительства не мало основаній и поводовъ относиться къ нему съ нѣкоторымъ недовѣріемъ и опасеніемъ, которыя отчасти отразились и на самыхъ, такъ называемыхъ, „пунктахъ Единоувѣрія“. Если инокъ Ни-

¹⁾ Первая единоувѣрческая церковь въ Петербургѣ открыта уже въ 1799 г.

кодимъ и ближайшіе его сотрудники правильно понимали сущность Единоѣрія и не внушали никакихъ сомнѣній относительно искренности желаемаго ими единенія съ церковію, то въ другихъ, и современныхъ имъ и позднѣйшихъ единоѣрцахъ, весьма замѣтно проявляли себя ихъ старыя раскольническія стремленія къ отдѣльному отъ церкви существованію, стараніе охранить себя отъ общенія съ церковными. И хотя можно сказать съ утѣшеніемъ, что съ недавняго времени истинныя, правильныя понятія о Единоѣрії стали уже болѣе и болѣе входить въ сознаніе единоѣрцевъ, благодаря такимъ дѣятелямъ, каковъ досточтимый архимандритъ Павелъ, но и теперь еще среди единоѣрцевъ есть горячіе поборники совершеннаго отдѣленія Единоѣрія отъ церкви чрезъ учрежденіе особой единоѣрческой іерархіи съ епископомъ во главѣ, руководимые и разжигаемые Иваномъ Верховскимъ, состоящимъ, къ прискорбію церкви, даже единоѣрческимъ священникомъ въ Петербургѣ. Эти ревнители учрежденія особой единоѣрческой (въ сущности старообрядческой, или точнѣе раскольнической) іерархіи обыкновенно указываютъ на примѣръ самого Никодима, который, учреждая Единоѣріе, просилъ также епископа для будущихъ единоѣрцевъ. Но не говоря уже о томъ, что Святѣйшій Синодъ не нашелъ возможнымъ исполнить этотъ пунктъ его просьбы, каковую невозможность безъ сомнѣнія понималъ потомъ и самъ Никодимъ, трудно допустить, чтобы этотъ послѣдній, при его искреннемъ стремленіи къ единенію съ церковію и при его личныхъ столь же искреннихъ отношеніяхъ къ современнымъ ему іерархамъ православной церкви, желалъ даже посредствомъ учрежденія архіерейства для единоѣрцевъ внести новое раздѣленіе въ православную русскую церковь, поставивъ это архіерейство въ совер-

шенное съ нею разъобщеніе, чего именно хотять, опираясь на его примѣръ, нынѣшніе ревнители обособленія Единовѣрцевъ, чрезъ дарованіе имъ особаго епископа. И если у этихъ нынѣшнихъ „ревнителей“ подверглась такому искаженію и злоупотребленію мысль Никодима, то у ближайшихъ къ его времени старообрядцевъ она искажалась стремленіями еще болѣе рѣзкими и уродливыми, какъ это именно показываетъ примѣръ московскихъ поповцевъ, подавшихъ московскому главнокомандующему прошеніе, сущность котораго излагается въ „запискѣ“ митрополита Гавриіла. Въ своемъ прошеніи московскіе раскольники основываются на постановленіи относительно поселявшихся въ екатеринославской епархіи старообрядцевъ, которымъ дано благословенное священство и церкви, т. е. на Высочайшемъ указѣ отъ 21 іюля 1788 года, содержавшемъ рѣшеніе по начатому Никодимомъ дѣлу объ учрежденіи Единовѣрія. Но чего просятъ? Не священниковъ, какихъ дозволено было екатеринославскому архіепископу давать обращающимся къ нему съ просьбою старообрядцамъ, а ни болѣе, ни менѣе, какъ архіепископа, притомъ не законнымъ порядкомъ поставленнаго для нихъ въ православной церкви, но такою, который былъ бы принятъ ими на томъ же положеніи, на какомъ существовали у нихъ впослѣдствіи дозволенные правительствомъ бѣглые попы, находившіяся въ совершенной независимости отъ православной церкви, существовалъ бы на правахъ, предоставленныхъ живущимъ въ Россіи духовнымъ лицамъ инославныхъ исповѣданій, и для внутренняго управленія старообрядческими дѣлами имѣлъ бы свою консисторію, безпрепятственно строилъ бы церкви и служилъ въ нихъ. Самое прошеніе по этому они представили не митрополиту московскому и не въ Св. Синодъ, а главнокомандующему Москвы, высшему

представителю гражданскаго правительства, отъ котораго единственно и желали получить разрѣшеніе по предмету ихъ просьбы, совершенно минуя духовную власть. Итакъ, девяносто лѣтъ тому назадъ московскіе поповцы, въ надеждѣ ли обрѣсти „древле-православнаго“ епископа, существованію которыхъ многіе изъ нихъ вѣрили тогда, или въ чаяніи переманить въ расколъ какого-либо изъ православныхъ епископовъ (что удалось впоследствии ихъ потомкамъ), просили у гражданскаго правительства въ сущности того же самаго, о чемъ хлопочутъ и нынѣшніе раскольники, уже имѣя въ изобиліи архіепископовъ и епископовъ австрійскаго поставленія,—просили, чтобы гражданское правительство дозволило имѣть имъ своихъ архіереевъ на правахъ духовенства инославныхъ религій. Любопытно лишь то отличіе, что раскольники конца прошлаго столѣтія хотѣли опереться въ своемъ прошеніи на указъ 1788 г. о единовѣрцахъ екатеринославской епархіи (чего нынѣшніе не дѣлаютъ), и въ своихъ замыслахъ о собственномъ, особомъ, ни отъ кого независимомъ старообрядческомъ архіепископѣ явились такимъ образомъ изказителями мысли Никодима о благословенномъ епископствѣ, не отдѣльномъ отъ церкви и не чуждомъ общенія съ ея чиноначаліемъ. Митрополитъ Гавріиль справедливо замѣтилъ, что упомянутый указъ 1788 г. къ просьбѣ московскихъ раскольниковъ не имѣетъ никакого отношенія и что они, прикрываясь этимъ указомъ и желая принять личину Единовѣрія, составляющаго едино съ православною церковію, въ сущности хотятъ „начать свою церковь“, отдѣльную отъ православной. Это замѣчаніе митрополита Гавріила вполне прилагается и къ нынѣшнимъ единовѣрцамъ партіи Верховскаго, которые стремятся съ дозволенія власти достигнуть того же, что успѣли сдѣлать тайкомъ отъ

правительства нынѣшніе раскольники, учредивъ свою бѣлокриницкую іерархію, — прилагается и къ этимъ нынѣшнимъ раскольникамъ, желающимъ для своей тайно устроенной іерархіи испросить дозволеніе правительства на открытое существованіе: тѣ и другіе одинаково стремятся—съ вѣдома и разрѣшенія гражданской власти „начать свою церковь“, особую отъ православной, и эти церкви, если бы дозволены были правительствомъ, слились бы воедино, какъ сродныя по своимъ началамъ, чтобы съ большей силой противодрѣствовать церкви православной. На такое слияніе проектируемой Верховскимъ единовѣрческой іерархіи и церкви съ раскольнической іерархіей и церковію встрѣчаются даже и указанія въ разныхъ его сочиненіяхъ: онъ вообще не полагаетъ никакого различія между Единовѣріемъ и старообрядчествомъ (расколомъ), а различаетъ только старообрядчество отъ новообрядчества, якобы принятаго „архипастырствомъ“ православной церкви, равно какъ не скрываетъ, что единовѣрецъ, какимъ онъ понимаетъ его, долженъ имѣть болѣе единомыслія и духовнаго общенія съ раскольническимъ архіепископомъ Антоніемъ (Шутовымъ) и ему подобными, нежели съ митрополитомъ Филаретомъ и прочимъ православнымъ „архипастырствомъ“. Случай изъ исторіи раскола въ прошломъ столѣтіи, о которомъ первый разъ узнаемъ мы теперь изъ „записки“ митрополита Гавріила, имѣетъ такимъ образомъ вразумляющее значеніе и для настоящаго времени...

Но для насъ представляетъ особый интересъ то обстоятельство, что митрополитъ Гавріиль съ затѣями раскольниковъ—получить дозволеннаго гражданскимъ правительствомъ своего архіепископа, на правахъ духовенства инославныхъ религій, ставить въ ближайшую связь предпринятую ими постройку обширной каменной часовни на Рогожскомъ кладбищѣ, любо-

пытную исторію которой мы изложили по „донесенію“ князя Прозоровскаго.

Когда именно подана московскому главнокомандующему просьба отъ раскольниковъ, упоминаемая въ „запискѣ“ митрополита Гавріила, изъ записки этой не видно въ точности; но такъ какъ въ просьбѣ говорится между прочимъ о существующемъ на кладбищѣ „деревянномъ молитвенномъ домѣ,“ то значитъ просьба подана ранѣе 1791-го года, когда часовня эта была уже сломана и на ея мѣстѣ начата постройка новой каменной. По всей вѣроятности, прошение подано раскольниками въ 1790 году тому же главнокомандующему князю Прозоровскому, который потомъ дозволилъ имъ строить каменную часовню. Въ такомъ случаѣ связь между замысломъ раскольниковъ—получить дозволеннаго архіепископа и построениемъ соборной церкви на Рогожскомъ кладбищѣ, затмѣвающей своей обширностью и великолѣпіемъ всѣ православныя, существовавшія тогда въ Москвѣ, становится еще вѣроятнѣе. И вообще, нельзя не согласиться, что митрополитъ Гавріиль имѣлъ, конечно, достаточныя основанія поставить во взаимную связь оба эти предпріятія московскихъ раскольниковъ-поповцевъ. И такъ обширная и великолѣпная каменная часовня, имѣвшая точное подобіе соборнаго храма, которую, какъ мы видѣли, съ разными обманами, совершенно незаконнымъ образомъ, раскольники начали строить и построили на Рогожскомъ кладбищѣ, предназначалась для торжественныхъ служеній архіепископа, котораго они желали пріобрѣсти съ разрѣшенія гражданской власти,—долженствовала быть его кафедральнымъ соборомъ. Какое опять близкое сходство съ нынѣшними обстоятельствами! Для чего и нынѣ такъ хлопочуть раскольники о распечатаніи алтарей въ этой самой, незаконно, обманомъ построенной часовнѣ, какъ не

для того, чтобы, съ разрѣшенія правительства, открыть возможность своимъ ложнымъ архіепископамъ и епископамъ служить въ ней со всею желаемою торжественностью, и такимъ образомъ сдѣлать ее именно каедральнымъ соборомъ австрійскаго архіерейства и центромъ всего „старообрядчества приѣмлющаго эту австрійскую, или бѣлокриницкую іерархію“?..

Митрополитъ Гавріилъ съ достаточною подробностію показалъ, сколько произошло бы зла, еслибъ современные ему раскольники достигли своихъ желаній, если бы имъ было позволено имѣть своего архіепископа и открыть архіерейскія служенія въ ихъ соборѣ, затмѣвающимъ своею обширностію Успенскій: зло будетъ не меньше, если удастся достигнуть своихъ желаній и нынѣшнимъ раскольническимъ ходатаямъ объ открытіи алтаря Рогожской часовни для торжественныхъ служеній своимъ архіепископамъ и епископамъ.

Девяносто лѣтъ тому назадъ, быть можетъ, именно вслѣдствіе благовременнаго вмѣшательства со стороны митрополита Гавріила, замыслы раскольниковъ не удались, — имѣть архіепископа имъ не дозволено и архіерейскихъ служеній въ Рогожской часовнѣ никогда не происходило, хотя съ самой часовней и не поступили такъ, какъ предлагалъ онъ. Достигнуть ли своей цѣли нынѣшніе раскольники, стремящіеся къ ней съ небывалою доселѣ настойчивостію и призывавшіе на помощь себѣ доселѣ небывалыхъ же союзниковъ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ „либеральная пресса,“ — удастся ли имъ открыть алтарь своей часовни для архіепископовъ и епископовъ австрійскаго поставленія? — это вѣдомо только Богу, на всецѣльную помощь котораго святая церковь и возлагаетъ все свое упованіе...

Н. Субботинъ.

Критическія замѣчанія

по поводу ениги протоіерей и профессора Иванцова-Платнова: «Религіозныя движенія на христіанскомъ востокѣ въ IV и V вѣкахъ» (М. 1881 г.).

„Тысячу разъ доказано самымъ дѣломъ, что нѣтъ ни чего столько вреднаго торжеству истины, какъ слѣпая ревность неразумныхъ защитниковъ ея, проявляющаяся въ уиорномъ повтореніи неудовлетворительныхъ, одно-стороннихъ и, какъ всегда бываетъ при этомъ, совершенно излишнихъ доказательствъ“. *Профессоръ И. В. Чельцовъ*. („Исторія“, стр. V).

„Нѣтъ ни одного историческаго труда, противъ котораго критика не могла-бы сдѣлать замѣчаній. Нѣтъ ни одного историческаго произведенія, о которомъ бы можно было сказать, что оно вполне совершенно и окончательно воспроизводитъ извѣстный фактъ или извѣстную эпоху и что далѣе по этому предмету не нужны и невозможны никакія новыя болѣе полныя и болѣе правильныя въ извѣстныхъ пунктахъ представленія и изслѣдованія“. *Протоіерей Иванцовъ*. („Первыя лекція“, 53).

Сочиненіе о. протоіерей А. М. Иванцова, профессора церковной исторіи въ московскомъ Университетѣ: „Религіозныя движенія“ и пр. составилось изъ

статей, помѣщенныхъ въ журналъ „Православное Обозрѣніе“ за 1880—1881 годы и представляетъ собою подробную критическую оцѣнку моей докторской диссертации: „Вселенскіе соборы IV и V вѣка. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ александрійской и антиохійской“ (М. 1879). Слѣдовательно, оно представляетъ собою нѣсколько запоздалый разборъ сочиненія, которое перестало уже быть интересомъ дня и отошло въ область исторіи. Но это не лишаетъ сочиненія протоіерея Иванцова своего рода значенія. По крайней мѣрѣ оно интересуется меня, по причинамъ очень понятнымъ, интересуется, быть можетъ, то учебное заведеніе, изъ стѣнъ котораго вышло сочиненіе, подвергаемое критикѣ о. Иванцовымъ, вѣроятно, заинтересуетъ и тѣхъ, конечно немногихъ, любителей богословской науки, которые привыкли слѣдить за движеніемъ нашей русской богословской науки; помимо этого оно заслуживаетъ вниманіе безотносительно къ кому-либо, такъ какъ оно выражаетъ взгляды часто до противоположности различные отъ взглядовъ, высказанныхъ въ моей книгѣ, и значитъ представляетъ явленіе, которому должно быть отведено мѣсто въ развитіи нашей церковно-исторической науки и которое требуетъ критики и оцѣнки со стороны лицъ, не совсѣмъ согласныхъ съ воззрѣніями почтеннаго церковнаго историка. Все это заставляеть меня принять на себя, правда, нѣсколько скучную, задачу пересмотрѣть результаты и аргументы моей книги и сопоставить ихъ съ результатами и аргументами сочиненія о. Иванцова. Само собой разумѣется, эта провѣрка результатовъ и доказательствъ, имѣющихъ мѣсто въ моей книгѣ, и оцѣнка результатовъ и доказательствъ, находящихся въ сочиненіи о. Иванцова, не могутъ быть произведены всесторонне и полно. Иначе

пришлось-бы написать книгу вдвое-втрое бѣльшую, чѣмъ какую составилъ мой критикъ (а онъ составилъ книгу едва ли меньшую, чѣмъ моя,—въ его книгѣ 238 стр. довольно убористой печати, а въ моей—283 не столь убористой печати). Вслѣдствіе этого приходится ограничить свой трудъ, выбирать для критическаго разбора только главныя положенія, главные аргументы, болѣе выдающіяся стороны сочиненія о. Иванцова. Это, безъ сомнѣнія, представляетъ своего рода неудобства. Такъ какъ мы будемъ выбирать для разбора то или другое въ сочиненіи о. Иванцова по своему желанію, своимъ побужденіямъ, вообще по личному вкусу, то мы всегда можемъ подвергнуться упреку въ *субъективизмъ* выбора предметовъ для критики; но къ сожалѣнію мы не видимъ другаго пути въ разрѣшеніи принятой нами на себя задачи.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору книги о. Иванцова по существу дѣла, мы желали бы дать краткую характеристику критическихъ *пріемовъ* нашего рецензента,—затѣмъ свойствъ и качествъ его научныхъ, насколько они выразились въ его трудѣ. Онъ былъ на столько внимателенъ къ намъ или лучше сказать къ нашей учено-литературной дѣятельности, что взялъ на себя трудъ (а можетъ быть и доставилъ себѣ удовольствіе) вскользь обозрѣть всю нашу учено-литературную дѣятельность (Гл. II). Съ своей стороны мы ограничимся указаніемъ характеристическихъ и бросающихся въ глаза особенностей критическаго таланта рецензента ¹⁾. Безъ сомнѣнія, это

¹⁾ Быть можетъ слѣдовало бы,—въ видахъ большаго соответствія

было бы дѣломъ излишнимъ, если бы изъ этихъ разъясненій получился лишь одинъ тотъ результатъ, что читатель составилъ бы себѣ понятіе о моемъ рецензентѣ, какъ писателѣ съ извѣстными манерами, методомъ, свойствами и качествами. Нѣтъ, разсмотрѣніе—по крайней мѣрѣ — *приемовъ* нашего критика во многомъ должно облегчить нашъ трудъ разбора его книги — впоследствии, потому, что многое съ большимъ правомъ можно будетъ оставить безъ серьезнаго разсмотрѣнія, относя это къ манерамъ автора писать такъ, а не иначе, и не перебирать въ подробности то, что объясняется общимъ литературнымъ характеристическимъ методомъ рецензента.

между характеристикой нашихъ трудовъ нашимъ рецензентомъ и характеристикой съ нашей стороны *приемовъ* и свойствъ литературной дѣятельности его,—бросить взглядъ и на прочія церковно-историческія произведенія о. Иванцова; но къ сожалѣнію серьезныхъ между ними немного. Безъ сомнѣнія, самымъ (если не единственно) капитальнымъ его трудомъ должно признать его докторскую диссертацию: „Обзорніе источниковъ для исторіи древнѣйшихъ сектъ“, („Иреси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ“ ч. I); но сочиненіе это представляетъ не больше, какъ введеніе въ дѣйствительную исторію ересей и расколовъ даннаго времени, представляетъ собою лишь зачатки будущаго, судя по различнымъ замѣткамъ, разсѣяннымъ въ книгѣ, очень значительнаго въ научномъ отношеніи труда. Высказать что-либо опредѣленное о книгѣ поэтому еще рано: подождемъ... Жаль, что почтенный профессоръ, упрекая насъ въ томъ, что мы не сосредоточились на изученіи какихъ-либо опредѣленныхъ сторонъ древней церковной исторіи, а слишкомъ разбрасываемся въ выборѣ предметовъ для литературной обработки (стр. 65), самъ не подалъ другимъ поучительнаго примѣра сосредоточенности на чемъ-нибудь опредѣленномъ въ кругу своей науки, а перескакиваетъ отъ одного литературнаго подбѣла къ другому: отъ разбора „источниковъ“ къ разбору книги Чичерина (отнюдь не исторической), къ догматическимъ разсужденіямъ о Ю. Самаринѣ, а отсюда къ догматическимъ движеніямъ IV и V вѣковъ и къ другимъ вопросамъ. По крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ приниматься за религіозныя движенія IV и V вѣка, слѣдовало-бы написать сначала о религіозныхъ движеніяхъ первыхъ трехъ вѣковъ. Такой образецъ сосредоточенности въ дѣлѣ былъ-бы для молодежи поучительнѣе громкихъ призывовъ и внушительныхъ фразистыхъ воззваній. Во всякомъ случаѣ наша литературная дѣятельность гораздо сосредоточеннѣе дѣятельности о. Иванцова,—она посвящена древне-греческой церкви,

На первых же страницах своей книги о. Ивановъ замѣчаетъ: „предупреждаемъ, что мы желали бы отнестись къ книгѣ г. Лебедева съ возможной серьезностью и пожалуй строгостью“ (5). Что-жь? Дѣло похвальное. Серьезность и строгость критики есть первое условіе плодотворнаго развитія науки. Серьезная и строгая критика всегда напередъ обѣщаетъ — внести большій или меньшій вкладъ въ науку. Кому неизвѣстно правило, что изъ споровъ рождается истина? Въ сущности вся наука есть прямая или непрямая, но всегда строгая, критика писателемъ текущаго времени писателей прежняго времени. На критику строгую, серьезную не въ правѣ выражать неудовольствіе авторъ, подвергающійся критикѣ, и публика не должна смотрѣть, какъ на занимательное побоище, интересъ котораго въ томъ, что одинъ изъ писателей непременно выходитъ сраженнымъ и посрамленнымъ, а другой — ликующимъ и торжествующимъ. Но къ сожалѣнію, серьезность и строгость, съ какими нашъ критикъ желаетъ отнестись къ нашему труду, не всегда и далеко не всегда соотвѣтствуютъ представленію объ истинной серьезности и строгости. Серьезность его критики часто превращается въ простое желаніе постоять на своемъ безъ всякихъ или достаточныхъ основаній, провозглашать истины очень и очень старья, какъ очень новья и важныя, высказывать докторальнымъ тономъ положенія очень сомнительной пробы, вообще какъ-то черезчуръ оригинальничать: утверждать, что отрицаютъ другіе, отрицать, что утверждается большинствомъ и т. д. Строгость рецензента тоже какая-то особая, такъ сказать, „самобытная“, не въ примѣръ другимъ. Это строгость чиновника покойнаго III Отдѣленія... Она отличается необыкновеннымъ усердіемъ отыскать такое, чего не разсмотрѣли не только присяжные и

неприсяжные цѣнители ¹⁾ моей книги, но о чемъ я и самъ не догадывался. Она хочетъ не читать и изучать книгу, а оцѣнить ее по возможнымъ и невозможнымъ выводамъ, послѣдствіямъ, заключеніямъ. разоблачить самый „духъ“ книги, найти аллегорію въ прямыхъ словахъ (не даромъ критикъ въ своей книгѣ является поклонникомъ александрійской школы), навязать автору идеи, тенденціи, которыхъ нѣтъ въ его книгѣ, и вести очень ревностную и часто красно-рѣчивую словесную борьбу съ продуктами собственной находчивости и призраками собственной, слишкомъ живой, фантазіи...

Обращаемся къ указанію критическихъ приемовъ и раскрытію свойствъ и качествъ подлежащей нашему разсмотрѣнію книги, дающихъ не совсѣмъ-то лестное представленіе о трудѣ нашего рецензента.

Критикъ, какъ мы замѣтили, должно быть съ точки зрѣнія „строгаго“ отношенія къ моей книгѣ, хочетъ прочитывать въ ней больше того, что ею сказано, существующія въ ней положенія хочетъ доводить до послѣднихъ выводовъ, до геркулесовыхъ столбовъ. Онъ говорить: „можетъ быть иные читатели его (т. е. моей) книги будутъ послѣдовательнѣе автора и проведутъ раскрывающіяся въ ней воззрѣнія до дальнѣйшихъ основаній и выводовъ“ (стр. 5). Такимъ читателемъ моей книги и является мой критикъ, вычитывая въ ней между строкъ то, чего въ ней нѣтъ, (или, лучше сказать, что ему угодно было), но что именно будто-бы я и хотѣлъ развить, разумѣется, больше намеками, подъ сурдинку. Можно подумать,

¹⁾ За исключеніемъ впрочемъ одного (г. Матвѣева), который по литературнымъ счетамъ со мной въ своей брошюрѣ по поводу моей книги отнесся ко мнѣ очень не любезно. Замѣчательно, что съ этимъ критикомъ моей книги о. Иванцовъ иногда сходится до букввальности. Отчего это завистло?

авторомъ, т. е. мной, поставлена (черезъ публикацію своего сочиненія) какая-то ловушка, въ которую многіе попали по слѣпотѣ и только нашъ критикъ избѣгъ грозящей ему опасности, благодаря своей чрезвычайной проницательности; никто изъ тѣхъ, кому надлежитъ вѣдать это, не замѣтилъ, куда клонится книга своими выводами, одинъ почтенный критикъ усмотрѣлъ, чего не узрѣли другіе и притомъ многіе. Возможное ли это дѣло? И какой смыслъ, какая необходимость была для автора вводить своихъ читателей въ какой-то обманъ: говорить имъ одно для того, чтобы они думали что-то другое? Что за странная комедія, что за игра въ жмурки? Проницательный критикъ, конечно, ясно представлялъ себѣ подобныя вопросы, но они не умудрили его. Вообще довольно странно судить кого-либо не за проступокъ, а за возможность проступка, за логическій процессъ выводовъ и заключеній, не принадлежащій самому судимому. Фактовъ и доказательствъ этой характеристической черты приемовъ моего критика можно было бы привести великое множество (чуть не изъ каждой страницы его книги), но мы, конечно, ограничимся немногими и наиболѣе вышуклыми. Такъ критикъ настойчиво и не разъ навязываетъ намъ мысль, будто мы допускаемъ, что школы александрійская и антиохійская своимъ вліяніемъ въ то или другое время, изслѣдуемое нами, непреодолимо влекли своихъ послѣдователей то къ защитѣ православія то къ защитѣ ереси, и притомъ каждый разъ такъ, что если александрійцы становились на защиту православія, то антиохійцы на защиту ереси, и наоборотъ, — притомъ всѣ наличные члены школы данного времени, — притомъ всегда. Пародировавъ воззрѣнія моей книги, критикъ, напр., говоритъ, что будто я думаю такъ: *«непретемно въ извѣстной школѣ должна была возник-*

нуть извѣстная мысль, которая должна была дать поводъ къ извѣстнымъ волненіямъ. *Непремѣнно* защитниками еретической мысли въ извѣстную эпоху должны были стать послѣдователи одной школы, а защитниками православія — послѣдователи другой. *Непремѣнно* такимъ образомъ изъ одной школы должны были выходить православные богословы, а изъ другой — еретики“ (45). Въ другомъ мѣстѣ критикъ разсуждаетъ: „авторъ старается *всю* догматическую дѣятельность, *всю* богословскіе споры IV и V вѣковъ объяснить изъ направленія школъ александрійской и антиохійской„ (43). Послѣ этого критику ничего больше не остается, какъ въ противоположность мнѣ провозгласить великую истину: „какого-либо неизбѣжнаго предопредѣленія, по которому бы въ извѣстномъ спорѣ лица, вышедшія изъ одной школы, *непремѣнно* становились на одну сторону, а изъ другой — на другую, одни держались православія, а другіе дѣлались еретиками, не могло быть“ (39). Критикъ, проводя мои мысли „до дальнѣйшихъ выводовъ“, индѣ прибавить многократное: *непремѣнно*, индѣ: *весь* — *весь*, индѣ опять: *непремѣнно*, и получается смыслъ или *непремѣнно* нелѣпый, или *всецѣло* вздорный. Но критику до этого мало дѣла. Онъ охотно вступаетъ въ полемику съ своими собственными измышленіями, безжалостно казнить ихъ, поражаетъ и низвергаетъ, а самъ выходитъ изъ такой борьбы торжествующимъ и вседовольнымъ. Желательно бы знать, гдѣ я говорилъ, что послѣдователи одной школы *непремѣнно* становятся защитниками положимъ — ереси, а послѣдователи другой положимъ — православія? Такихъ обобщеній въ моей книгѣ нѣтъ и искать ихъ нельзя. Ужели онъ не замѣтилъ, что я не отношу антиохійцевъ Евстафія и Флавіана къ еретикамъ-аріанамъ, какъ слѣдовало бы, если бы „*непремѣнно*“ моего критика было и моимъ „непре-

мѣнно?“ Ужели онъ не знаетъ изъ моей книги, что Маркелла и Анолинарія, хотя я и отношу къ представителямъ школы александрійской, однако не объявляю защитниками православной вѣры, какъ слѣдовало бы, если бы законъ, навязанный мнѣ критикомъ, былъ моимъ историческимъ закономъ? Что дало ему хоть малѣйшее право утверждать, что *всю* догматическую дѣятельность, *всѣ* споры IV и V вѣковъ я вывожу изъ борьбы двухъ школъ между собою? Развѣ я утверждалъ гдѣ-либо въ своей книгѣ, что мелетіанскіе споры, ересь Фотина, пелагіанство, аріанство Готовъ и Вандаловъ, догматическое ученіе о благодати и свободѣ, о паденіи и искупленіи, о почитаніи святыхъ, раскрытое и разъясненное въ это время,— все это слѣдуетъ выводить изъ борьбы двухъ школъ? Недоумѣваю и удивляюсь. Послѣ этого понятно, что провозглашеніе о. Иванцовымъ истинъ, противныхъ моимъ якобы положеніямъ, должно часто оставлять безъ послѣдствій, уроки должно возвратитъ по адресу учителя въ виду полной ихъ ненадобности, для читателя моей книги. — Въ особенности критикъ тратитъ много совершенно напрасныхъ усилій на то, чтобы доказать, что я выставляю аріанъ прогрессистами (?), и затѣмъ на то, чтобы побѣдоносно опровергнуть такой неправильный взглядъ на этихъ древнихъ еретиковъ. Читая подобныя страницы сочиненія о. Иванцова, по истинѣ припоминаешь заглавіе одного Шекспирова сочиненія: „много шуму изъ ничего.“ Собственно объ этомъ намъ вовсе не стоило бы и говорить. Кто читаетъ мою книгу не съ цѣлію писать длинныя критическія статьи, тотъ едва ли отыщетъ въ ней что-либо подобное, для того нѣтъ надобности въ какихъ-либо разъясненіяхъ по поводу сейчасъ указанныхъ поползновеній моего критика. Дѣло (книга) говоритъ сама за себя. Тѣмъ не менѣе мы войдемъ въ

нѣкоторыя подробности касательно указаннаго пункта, потому что въ этомъ случаѣ очень типично выразилась черта критическихъ приемовъ о. Иванцова, провинительность котораго идетъ такъ далеко, что онъ въ моемъ сочиненіи читаетъ какое-то другое сочиненіе можетъ быть *самого* Баура. Правдивая и даже съ точки зрѣнія самыхъ притязательныхъ людей совершенно невинная характеристика аріанъ, бывшихъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, какая находится въ моей книгѣ, подала критику поводы взвести на меня многочисленныя обвиненія. Я говорю объ аріанахъ, присутствовавшихъ на первомъ вселенскомъ соборѣ: „они утверждали, что древнѣйшимъ мнѣніямъ (въ области вѣры) не должно слѣдовать безъ провѣрки ихъ (у меня цитата). На соборѣ никейскомъ аріанству благопріятствовали мужи, искусные въ совопросничествѣ, отвращавшіеся простоты вѣры (тоже—цитата). Не даромъ Аванасій называетъ аріанствующихъ богослововъ *свободномыслящими* богословами. Вообще партію собора, противоположную православнымъ, можно назвать *либерально - рационалистическою*“ (6. 7). Теперь посмотримъ, во что превращается эта характеристика аріанъ въ книгѣ о. Иванцова? Послѣ его тончайшаго анализа моихъ словъ ему представляется партія аріанъ, будто-бы на основаніи вышеуказанныхъ словъ, прогрессивною, умною, одаренною необыкновенными талантами и т. п. Извративъ мои мысли, критикъ мой послѣ этого весьма удобно и сильно опровергаетъ эти искаженныя мысли, которыя онъ выдаетъ за мои, но которыя съ полнѣйшимъ правомъ я объявляю его собственной выдумкой. Вотъ самый процессъ, посредствомъ котораго критикъ успѣшно извращаетъ и подтасовываетъ мои мысли. Указавъ на сдѣланную мною характеристику членовъ собора никейскаго—аріанъ и православныхъ, авторъ тотчасъ же (75) предлагаетъ себѣ вопросъ:

можно ли арианство назвать „прогрессом“ (?)? Какъ будто и я въ вышеуказанныхъ словахъ назвалъ арианъ прогрессистами (критикъ, кажется смѣшиваетъ слова—либераль и прогрессистъ, какъ это впрочемъ нерѣдко смѣшивается въ настоящее время въ литературѣ, но почтенному критику благоразумнѣе было бы и не слѣдовать непохвальнымъ обычаямъ легкой прессы), какъ будто либерализмъ приписываю я арианамъ отъ собственнаго желанія, а не на основаніи древнихъ источниковъ, какъ будто бы въ понятіи либерала непременно заключается что-то очень похвальное ¹⁾). А рѣшивъ вопросъ, что арианство не было „прогрессомъ“, критикъ вдается въ широкія разглагольствованія о томъ, что напрасно я „желаю представить арианъ высоко (даже „высоко“ — куда метнулъ!) образованными“ (85), напрасно „вывожу заключение о высокомъ умѣ и широкомъ“ (критикъ не можетъ удержаться отъ выраженной, указывающихъ наибольшую степень: „высокій“, „широкій“) „образованіи арианскихъ учителей“ (84). Въ заключение своихъ разсужденій по поводу вышеуказанной характеристики нами арианъ, разобравъ подробнѣе ученіе арианъ, критикъ не можетъ отказать себѣ въ удо-

1) Самъ критикъ очень хорошо понимаетъ, что названіе — либераль можетъ быть употребляемо и въ худомъ и хорошемъ смыслѣ. Такъ, приписавъ канадскійскімъ учителямъ (Вас. В., Гр. Б., Гр. нис.) „большое свободомысліе“ (стр. 207) и, слѣдовательно, назвавъ ихъ, выражаясь теперешнимъ языкомъ, „большими либералами“, критикъ сейчасъ же приходитъ въ опасеніе, какъ бы не съелъ кто-либо вышеназванныхъ лицъ людьми „свободомысленными“ въ худомъ смыслѣ слова, а потому и спѣшитъ оговориться въ скобкахъ: „конечно въ лучшемъ смыслѣ этого слова“. Замѣтимъ еще: неужели критикъ думаетъ, что и такіе писатели древности, какъ Аэсасій, Александръ александрійскій и другіе, называя ихъ „свободомысленными“, хотѣли похвалить арианъ? Кажется, это одно соображеніе должно бы сдерживать критика въ полетахъ его фантазій? Не замѣтилъ критикъ и того, что древніе писатели, называя арианъ либеральными, не называли ихъ прогрессистами или какъ-нибудь въ этомъ родѣ.

вольствіи воскликнуть иронически: „такъ логично, рационально и прогрессивно было это ученіе“ (101). Но кто-жъ это и утверждаетъ? Авторъ борется съ призраками, созданными его причудливымъ воображеніемъ. Если критикъ желалъ разбирать и опровергать дѣйствительныя мысли автора, онъ долженъ былъ указать собственныя слова его, въ которыхъ выражаются эти мысли. Но этого условія не соблюдено, и не соблюдено единственно потому, что вѣдь критику, о. Иванцову, приходилось вступать въ полемику не съ чужими, а съ самоизмышленными идеями и формулами. Я полагаю, не часто встрѣчаются такія критики, какъ о. Иванцовъ, не останавливающийся ни предъ какими препятствіями, лишь-бы критика вышла хлесткою, зажигательною, а въ концѣ концовъ самъ критикъ торжественно пожинающимъ дешевыя лавры. — Въ началѣ третьей главы своей книги я дѣлаю снова характеристику аріанъ, — аріанъ, какими они являлись въ умственномъ отношеніи между первымъ и вторымъ вселенскимъ соборомъ; эта характеристика занимаетъ у меня шесть страницъ (47—52) и составлена въ точнѣйшемъ соотвѣтствіи съ показаніями древнихъ писателей. Здѣсь я не отступаю отъ документовъ ни на шагъ. Я нашелъ, что они были такими же, какими являлись представители аріанъ на первомъ вселенскомъ соборѣ ¹⁾. Въ заключеніе я го-

¹⁾ Считаю не вужнымъ приводить всей характеристики аріанъ, какъ она сдѣлана нами, упоминаемъ лишь главныя черты ея. „Они (аріане)—говоримъ мы — хотя не сердцемъ вѣровать въ правду евангельскую, а постигать истины вѣры путемъ конечнаго мышленія... Способность аріанъ вдаваться въ тончайшія изслѣдованія вѣры служила приманкою, на которую они уловляли неопытныхъ. Діалектическое, разсудочное направленіе, господствовавшее въ обществахъ аріанскихъ, вмѣсто того, чтобы помогать разъясненію вопросовъ вѣры, только запутывало ихъ... Страсть къ новизнѣ, къ оригинальнымъ мыслямъ въ богословствованіи, составляетъ отличительную черту круговъ антиникейскихъ“ и пр.

ворю: „если мы захотимъ обозначить кратко сущность принциповъ, которыми руководились въ арианствующихъ кружкахъ, то мы можемъ назвать это рационализмомъ или либеральнымъ богословствованіемъ. Знаніе выше вѣры, вѣра должна провѣряться разумомъ, вотъ что провозглашали представители антиникейскаго направленія — одни громко, другіе сдержанно“ (52). Повидимому, характеристика эта не представляетъ ничего особеннаго, и въ особенности ничего такого, изъ-за чего стоило бы копыя ломать какому-либо критику. Но не такъ представляется дѣло для такого критика, какъ о. Иванцовъ. Изъ этой характеристики онъ выводитъ заключеніе (любимый его методъ, за неимѣніемъ другихъ способовъ добыть матеріалъ, пригодный для его полемическаго жара), что будто по нашему воззрѣнію аріане „были истинными двигателями богословской науки“ (158), что они отличались „прогрессивнымъ характеромъ“, что „они во всѣхъ пунктахъ (догматическаго развитія) шли впередъ никейцевъ т. е. православныхъ“ (167), что они „показали міру высокія интеллектуальныя, какъ и нравственныя качества“ (182) и пр., и пр. Но спрашивается гдѣ доказательства существованія такихъ воззрѣній въ книгѣ? этого критикъ не указываетъ, а очень и очень не мѣшало-бы сдѣлать это. Во всякомъ случаѣ эти мысли не взяты изъ нашей книги, а изобрѣтены плодовитымъ мышленіемъ нашего критика ¹⁾. Такимъ же характеромъ навязыванія не принадлежащихъ нашей книгѣ воззрѣній

¹⁾ Критикъ сознается, что добыть такія и подобныя результаты изъ моей книги ему удастся при помощи особаго метода, не чрезъ изученіе фактовъ книги и воззрѣній, въ ней прямо выраженныхъ, а чрезъ изученіе „смысла нашихъ воззрѣній“ (182). Не споримъ: можетъ быть смыслъ нашихъ воззрѣній ему яснѣе, чѣмъ кому-бы то ни было, не исключая и насъ самихъ.

отличаются его замѣчанія о нашихъ сужденіяхъ о символахъ аріанскихъ (171. 167). Это ужь представляетъ еще дальнѣйшій выводъ изъ приписанной намъ мысли о прогрессивности антиникейцевъ или аріанъ ¹⁾).

1) Единственно, что могло-бы дать поводъ къ навязыванію нашей книгѣ не принадлежащихъ ей мыслей, составляетъ нѣсколько замѣчаній объ аріанствѣ на стр. 107. 108 нашей книги. Эти замѣчанія, впрочемъ, только при тенденціозномъ чтеніи нашей книги могутъ подавать какой-либо поводъ къ кривотолкамъ. Окапчивая очеркъ исторіи аріанства съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы разсматривали его, и сказавъ о томъ, что аріанство доживало свои дни, мы нашли въ немъ много недостатковъ и фальшивыхъ стремленій, но однакожъ прибавили: „формулы аріанскія теряютъ свой кредитъ въ средѣ церкви. Но остается однакожъ отъ этихъ движеній, отъ этихъ споровъ, отъ этихъ стремительныхъ порывовъ — нѣчто, и это нѣчто переживаетъ аріанство, достается въ наследіе дальнѣйшимъ поколѣніямъ исторіи. Это нѣчто не было ни еретическимъ, ни вредноснымъ, ни опаснымъ для вѣры. Было оно характеристической чертой извѣстныхъ кружковъ, импульсомъ къ догматическому развитію въ церкви, поощрительнымъ началомъ къ раскрытію истинъ христіанскаго вѣдѣнія“ (мысль, замѣтимъ, едва ли заслуживающая какого-либо упрека, какъ скоро примемъ во вниманіе, что хотя аріане и не рѣшали, какъ слѣдуетъ, тотъ или другой богословскій вопросъ, но они первые поднимали его и тѣмъ вызвали оживленную литературную дѣятельность въ церкви). „Лучшія стороны въ аріанствѣ пережили самое аріанство. Осталась отъ него религіозная впечатлительность или чувство воспріимлемости къ вопросамъ вѣры, оставалась присущимъ здравый интеллектуальный интересъ къ вопросамъ богословскимъ, готовность искать истину, утверждать ее, бороться за истину, въ случаѣ нужды, и не уступать“. (Для того, чтобы не казалась эта характеристика преувеличенной нужно помнить, что мы считаемъ аріанство возникшимъ изъ-подъ вліянія знаменитой антиохійской школы, къ которой всѣ эти черты могутъ быть приложимы съ полнымъ правомъ: аріане носили въ большей или меньшей мѣрѣ характеръ школы, ихъ породившей). „Арианизмъ имѣлъ въ себѣ многу худыхъ сторонъ, но онъ не вовсе былъ чуждъ и сторонѣ добрыхъ“. Допустимъ даже, что эта характеристика, чтобы быть болѣе справедливою, должна быть болѣе блѣдною. Но и въ такомъ видѣ, въ какомъ она въ нашей книгѣ, можетъ ли она возбуждать столько шума и трескотни, столько разглагоульствованія и опасеній, сколько она вызвала у нашего критика (до и послѣ 180 стр.)? Да и самъ критикъ, ни мало не сумнясь, приписываетъ „еретическимъ направленіямъ, имѣвшимъ внутреннее средство съ александрійскимъ богословствованіемъ (каковы гностики), особенно высочій полетъ мысли и особенно сильное возбужденіе богословской науки“ (165), поэтому не можетъ, кажется, отказывать и аріанству, если не въ особенно высокомъ полетѣ мысли, (котораго мы собственно не согласны находить у гностиковъ въ ихъ причудливыхъ фантазмагоріяхъ),

Вообще по книгѣ о. Иванцова нельзя составить себѣ не только вѣрнаго, но и приблизительно вѣрнаго представленія о нашей книгѣ. Для того, чтобы составить должное безпристрастное сужденіе о моей книгѣ по критической оцѣнкѣ ея рецензентомъ, необходимо читать параллельно съ этой оцѣнкой и мою книгу. Иначе никакого понятія о книгѣ нашей нельзя составить, кромѣ извращеннаго. Мы сами не узнаемъ свою книгу въ такомъ подтасованномъ, взятомъ, урѣзаномъ или преувеличенномъ и всегда тенденціозномъ толкованіи нашихъ мыслей, какое имъ дается въ книгѣ о. Иванцова. Для того, чтобы дать ясное понятіе о тѣхъ или другихъ искаженіяхъ нашей книги, намъ пришлось-бы перепечатать цѣлыя листы изъ нея, но само по себѣ понятно, такой трудъ не можетъ найти себѣ мѣста на страницахъ сравнительно не обширныхъ критическихъ статей нашихъ.

Доселѣ мы указывали такіе факты извращенія и кривотолковъ касательно нашей книги, какіе, создавая подъ перомъ о. Иванцова, обхватывали болѣе или менѣе цѣлое воззрѣніе на данныя явленія. Что же касается до его навязыванья намъ самоизмышленныхъ цѣлей и представленій по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ, то ихъ такъ много, что все перечестъ едва ли возможно. Приведемъ лишь нѣсколько неподражаемыхъ образцовъ. Критикъ преразвязно ус-

то по крайней мѣрѣ въ томъ, что оно служило импульсомъ къ догматическому развитію нѣкоторыхъ (и притомъ важныхъ) сторонъ христіанскаго ученія. (Если не ошибаюсь, критикъ въ примѣчаніи въ сейчасъ приведенныхъ его словамъ не съ какой другой цѣлью упоминаетъ объ арианствѣ, называя его здѣсь же явленіемъ, имѣвшимъ сродство съ „направленіемъ александрійскаго богословствованія“, какъ съ тѣмъ, чтобы и ему не отказывать въ *высокомъ полетѣ мысли* (ужь, кажется, слишкомъ много: вѣдь „высокій полетъ мысли“ тоже, что и гениальность!). См. еще что говорить о. Иванцовъ о значеніи арианства для развитія христіанскаго богословія на стр. 108).

волетъ намъ мысль, что будто, кромѣ православныхъ епископовъ, мы указываемъ двѣ партіи на никейскомъ соборѣ—арианскую и *полуарианскую*. (86). Что на этомъ соборѣ партія арианская имѣла представителей, это по мнѣнію критика вѣрно, но чтобы здѣсь имѣла мѣсто и партія полуарианская, которая возникла послѣ собора никейскаго, этой мысли допустить критикъ не желаетъ и тратитъ страницы на ниспроверженіе такого ложнаго показанія. Но къ нашему удовольствію и къ несчастію критика, послѣдняго показанія въ нашей книгѣ совсѣмъ не обрѣтается. Вотъ что говоримъ мы: „вторую группу арианствующихъ представителей на соборѣ составляли лица, которые *позднѣе* стали извѣстны съ именемъ полуарианъ. Это были не то ариане, не то православные. Они оставались въ колеблющемся, нерѣшительномъ состояніи“ (9). Спросимъ же: противъ кого и чего ведетъ свою войну о. Иванцовъ? Серьезное ли это отношеніе къ дѣлу, на которое онъ претендуетъ? Критикъ увѣряетъ читателя, что при описаніи перваго вселенскаго собора въ моей книгѣ отдается „безусловное“ (даже „безусловное“; непремѣнно въ увеличенной степени) предпочтеніе показаніямъ Евсевія предъ показаніями Аѳанасія“ (117), но для этого у него нѣтъ и не можетъ быть никакихъ доказательствъ, когда исторія никейскаго собора излагается мною на основаніи документовъ, взятыхъ какъ изъ Евсевія, такъ и изъ Аѳанасія. Каждый согласится, что только тогда можно было-бы говорить о безусловномъ предпочтеніи показаній одного лица предъ показаніями другаго, если бы показанія этого втораго лица совершенно игнорировались. Серьезный ли это критическій приѣмъ? Критикъ съ полною безцеремонностью навязываетъ мнѣ мысль, будто я оракійскій церковный округъ „весь“ представляю зараженнымъ арианствомъ, во „всю“ эпоху арианства

и приписываю это будто влиянію здѣсь антиохійской школы (146). Совсѣмъ не понимаю, гдѣ въ книгѣ моей критикъ вычиталъ эту не существующую въ ней мысль? Что касается до аріанства во Фракіи, то я выражаюсь объ этомъ очень осторожно. Я говорю: „въ такихъ странахъ, какъ Сирія, Фракія, Азія, Понтъ, аріанство, говоря сравнительно, господствовало“ (41). А о томъ, какое направленіе александрійское или антиохійское господствовало во Фракіи, у меня въ книгѣ нѣтъ разсужденій. Опять спрашиваю: серьезное ли это отношеніе къ дѣлу? Разумѣется, съ такими абсурдами, которые сочиняетъ самъ критикъ, бороться очень просто и ихъ ничего не стоитъ обращать въ прахъ, но какая польза отъ такой полемики для науки и для читателей? Съ такой же безцеремонностью рецензентъ утверждаетъ, что я будто бы допускаю влияніе и дѣйствіе александрійскаго направленія богословской мысли въ римскомъ и иллирійскомъ округахъ или что будто Понтъ, Каппадокію, Фригію и Памфилію считаю „всецѣло“ зараженными аріанствомъ (149—150). Ничего такого я не утверждаю, а все это утверждаетъ мой критикъ за меня подѣ влияніемъ полемическаго одушевленія. О. Иванцовъ дѣлаетъ открытіе, будто я „разсудочный методъ признаю единственно научнымъ въ богословіи“ (162 прим.). Но гдѣ я утверждаю что-либо подобное и какимъ образомъ согласить съ этой будто бы моей мыслью то, что я считаю самымъ полезнымъ дѣломъ для успѣховъ богословской науки въ древней церкви соединеніе методовъ и возрѣній александрійцевъ и антиохійцевъ (стр. 280 и д.)? При разборѣ моего изслѣдованія о второмъ вселенскомъ соборѣ критикъ то и дѣло навязываетъ книгѣ такія намѣренія и мысли, отъ которыхъ я также далекъ, какъ и самъ онъ. Такъ, онъ замѣчаетъ, будто второй вселенскій соборъ изобра-

женъ мною дѣйствующимъ подѣ влияніемъ антиохійскаго направленія ради „гегелевски-бауровскаго діалектическаго процесса“ который будто бы я приложилъ вообще къ развитію своего сочиненія (188). Я ни о какихъ гегелевски-бауровскихъ процессахъ при составленіи своего сочиненія не думалъ и очень мало значенія придавалъ вообще нѣмецкимъ искусственнымъ церковно-историческимъ комбинаціямъ, но допускалъ (и допускаю) влияніе антиохійской школы на дѣятельность втораго вселенскаго собора по тѣмъ побужденіямъ, доказательства которыхъ подробно мною и раскрыты въ книгѣ. По вопросу о македоніанахъ критикъ приписываетъ мнѣ такія странныя воззрѣнія, что просто не знаешь: въ шутку говоритъ онъ или въ серьезъ? Критикъ курсивомъ прописываетъ такія слова, выдавая ихъ за собственные мои: „македоніане вѣровали во Св. Духа правильно, въ духѣ православія и вообще во всемъ изъявили согласіе съ учителями церкви присутствовавшими на соборѣ“ (215). У меня говорится далеко не то: македоніане, *кажется*, во всемъ изъявляли полное согласіе съ требованіями отцевъ собора, за исключеніемъ принятія слова „единосущный“ (и затѣмъ въ примѣчаніи я говорю: „что македоніане согласны были во всемъ прочемъ въ вѣроученіи, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что съ ними и рѣчи не было о Духѣ Св. Въ Духа Св. они, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ тѣ, кои были на соборѣ, нужно полагать, вѣровали одинаково съ отцами“ . Стр. 123). Мысль моя будетъ совершенно ясна, если прочесть всю страницу (123) моей книги, на которой говорится, что македоніане, по свидѣтельству историковъ, соединились было (разумѣется, не всѣ) съ церковію, но потомъ отпали снова изъ-за слова „единосущный“, котораго они не хотѣли принять. Я полагаю, что этихъ-то ма-

кедонянь, болѣе близкихъ къ церкви, и призывали на соборъ, чтобы убѣдить ихъ принять слово „единосущный“ и войти въ нѣдра церкви. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что эти македоніане неправильно учили и о Духѣ Св.: на это нѣтъ никакихъ указаній у древнихъ историковъ. Историки обращаютъ вниманіе лишь на одинъ фактъ, что соборъ хотѣлъ внушить имъ мысль о принятіи слова „единосущный“, а помимо этого — ничего. Но моему критику нѣтъ дѣла до подробностей; онъ довольствуется тѣмъ, что выхватить одну—двѣ фразы и строить на нихъ любопытную гипотезу, которую затѣмъ путемъ анализа превращаетъ въ ничто. Не мои, а свои собственные сужденія приводитъ критикъ, выдавая ихъ за мои, когда говоритъ объ одномъ изъ представителей втораго вселенскаго собора, Кириллѣ іерусалимскомъ. Критикъ въ такомъ видѣ передаетъ мои сужденія читателю: „Кириллѣ іерусалимскій для него (т. е. для меня) также несомнѣнный (читатель уже знаетъ, что о. Иванцовъ при передачѣ моихъ воззрѣній никакъ не можетъ удержаться отъ прибавленій: „всецѣло“, „весь“, „непремѣнно“ а въ настоящемъ случаѣ „несомнѣнный“, когда ему угодно бываетъ изуродовать мою мысль), арианецъ“ (228). Правда ли это? Совершеннѣйшая ложь. О Кириллѣ во всей моей книгѣ упоминается лишь однажды, и притомъ мимоходомъ, въ замѣткѣ. Вотъ подлинныя слова моей книги: „Кириллѣ одолженъ собору (II всел.) своимъ утвержденіемъ на кафедрѣ (Theod V, 9), — ибо онъ доселѣ считался сторонникомъ арианъ (Sac. V, 8) ¹⁾ — вслѣдствіе чего онъ, конечно, дѣйствовалъ за одно съ

¹⁾ Критикъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (137) считаетъ это показаніе Сократа „поспѣшнымъ“. На какомъ основаніи? слѣдовало бы доказать.

соборомъ“ (142). Можно ли на основаніи этихъ словъ приписывать мнѣ мнѣніе, будто я считаю Кирилла „несомнѣннымъ“ аріаниномъ, предоставляю судить каждому. Критикъ, очевидно, бравируетъ и шутитъ надъ моею теоріей, положенной въ основѣ книги — о вліяніи школъ александрійской и антиохійской на догматическія движенія на востокѣ, когда увѣряетъ читателя, будто я Амвросія медиоланскаго (и даже будто папу Льва) причисляю „къ школьникамъ александрійскимъ“ (232). Ужъ право никакъ не могу догадаться, откуда извлекаетъ подобныя „выводы„ мой критикъ ¹⁾). Его фантазія такъ причудлива и порывиста, что уяснить себѣ ея полеты нѣтъ ни малѣйшей возможности человѣку, необладающему такою же фантазіей. Относительно Евтихія и Діоскора критикъ подмѣниваетъ мои сужденія своими, и въ результатѣ выходитъ нѣчто, надъ чѣмъ мой рецензентъ и готовъ изощрять свой критическій талантъ. По его словамъ, Евтихія я представляю себѣ обладающимъ „твердымъ и яснымъ умомъ“ (235). Это очень вольная передѣлка слѣдующаго моего сужденія, отъ котораго я не отказываюсь, о Евтихіи: „касательно умственныхъ способностей Евтихія западные писатели не высокаго мнѣнія. Но съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться только отчасти. Правда, что Евтихій не получилъ серьезнаго и систематическаго образованія, но онъ былъ изворотливъ, обладалъ мыслью твердою, понятія

1) Я нигдѣ въ своей книгѣ не причислялъ Амвросія „къ школьникамъ“ александрійскимъ. Но если я его и призналъ бы приверженцемъ александрійскихъ доктринъ, послѣдователемъ александрійскаго богословскаго направленія, то нимало не погрѣшилъ бы въ этомъ. Блаженный Иеронимъ говоритъ: „былъ у него (Руфина) Амвросій (медиоланскій), коего всѣ почти книги наполнены рѣчами О игена“. (Твор. Иеронима ч. V, стр. 3. Кіевъ, 1880). Но несмотря на то, что подобное замѣчаніе объ Амвросіи было бы справедливо, въ книгѣ моей ничего такого не говорится. Этому вопроса и совсѣмъ не касался.

его опредѣленны и строго формулированы. Вообще онъ отчетливо представлялъ *свое ученіе*, на сколько это возможно¹⁾. Отъ этого сужденія до категорическаго заключенія, что Евтихій обладалъ „твердымъ и яснымъ умомъ“, еще далеко. Я утверждаю только, что онъ не такъ былъ глупъ, какъ думаетъ о немъ Nefele на основаніи источниковъ очень сомнительной важности. О Діоскорѣ мой критикъ влагаетъ въ мои уста прямой вздоръ, (быть можетъ потому, что въ этомъ случаѣ критика выходитъ занимательнѣе). Критикъ допускаетъ, что я въ одно и тоже время считаю Діоскора и „истинно-православнымъ“ (не просто православнымъ, а „истинно“ православнымъ,—нельзя обойтись безъ того, чтобы не утрировать самоизобрѣтенную невѣрную мысль; при семъ случаѣ эти слова ставятся въ кавычкахъ, какъ будто это собственныя наши слова: развѣ всякій пойдетъ справляться, такъ ли именно въ моей книгѣ, да и у многихъ-ли она есть въ наличности?) „и монофизитомъ“ (238). Выходитъ ужъ дѣйствительно слишкомъ странно и само по себѣ невѣроятно. Справка съ моей книгой показываетъ, что критикъ просто-на просто подвергаетъ фальсификаціи мои сужденія. Въ книгѣ сказано: „справедливо говоритъ Діоскоръ о своей пламенной ревности (и только—ревности) къ вѣрѣ: „я прилагаю попеченіе о вѣрѣ православной и апостольской“ (это собственныя слова Діоскора; пусть они несправедливы, но неужели, приводя ихъ, автору (мнѣ) слѣдовало переиначивать и какъ-нибудь урѣзывать?). „Я направляю, продолжаетъ Діоскоръ, умъ свой къ чисто божественному, не смотрю на личность, не забочусь ни о чемъ, какъ только о своей душѣ и о правой

¹⁾ Еще бы онъ не понималъ ясно и собственнаго ученія! Вѣдь тогда едва ли удалось ему увлечь за собою когонибудь!

вѣрѣ“. „Дѣйствительно, замѣчаю я, таковъ характеръ Диоскора; но его ревность (о ней только и говорю я) приняла не то направленіе, какое должно. Онъ погубилъ и свою вѣру и свои духовныя силы“ (212). Кто не пойметъ этихъ словъ моихъ и перетолкуетъ ихъ вкось и вкривь, кромѣ развѣ моего привязчиваго критика? Вѣдь этакъ онъ — чего добраго — и Аванасія Великаго обличить въ восхваленіи Арія, — Аванасія, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій приводитъ собственныя слова Арія, говорившаго о себѣ: „отъ избранныхъ Божіихъ по вѣрѣ, святыхъ чадъ, правовѣрныхъ, пріавшихъ Св. Духа Божія, причастниковъ премудрости, богоучимыхъ и во всемъ премудрыхъ научился я“ (Твор. II, 163), — и не подвергаетъ разбору и опроверженію эти заявленія Арія. Всякому извѣстно, какую цѣну имѣютъ заявленія еретиковъ о своей вѣрѣ: каждый изъ нихъ выставляетъ себя ревнителемъ не какой другой, а именно православной вѣры. При разборѣ моего трактата о халкидонскомъ соборѣ критикъ считаетъ долгомъ опровергнуть слѣдующую мысль, будто-бы мою: „халкидонскій соборъ имѣлъ особенное вліяніе на дальнѣйшее развитіе богословской науки“ (238, эти слова ставятся въ кавычкахъ, какъ бы они взяты прямо изъ моей книги). Но напрасно читатель сталъ бы искать эту мысль въ моей книгѣ: она чистѣйшій плодъ досужливой пронизательности критика. Въ книгѣ говорится (полагаю, что именно это мѣсто искажено критикомъ: другого подходящаго къ его мысли мѣста въ книгѣ нѣтъ. Критикъ не потрудился даже процитовать страницу. Такъ молъ лучше: кто и захотѣлъ бы справиться съ моей книгой и безпристрастно рѣшить споръ между мною и критикомъ, и тотъ предумышленно удерживается критикомъ отъ такого справедливаго дѣла): „вообще нужно сказать, что

вся послѣдующая богословская литература, не исключая и современной намъ православной литературы, стоитъ слишкомъ близко по своимъ началамъ къ халкидонскому собору“ (282. Не думаетъ ли критикъ, что въ наше время ужъ отказались отъ началъ халкидонскаго собора?). Мы отнюдь не высказывали такой мысли, что халкидонскій соборъ возбудилъ богатую богословскую дѣятельность, или что-либо подобное. — Итакъ навязываніе намъ со стороны критика самоизмышленныхъ мнѣній и сужденій, странныхъ и уродливыхъ, составляетъ одинъ изъ главныхъ приѣмовъ о. Иванцова, какъ рецензента. Критикъ беретъ мысли не такъ, какъ онѣ изложены въ книгѣ, а въ видѣ преувеличенномъ, или усѣченномъ, ясныя мысли превращаетъ въ темныя, непонятныя, осторожное замѣчаніе, сказанное условно и предположительно, выдаетъ за рѣшительное сужденіе. вмѣсто прямой истины, раскрытой въ книгѣ, беретъ произвольный выводъ ¹⁾ (хотя бы онъ сдѣланъ былъ противъ всякой логики). Все это у него энергично, одушевленно, бойко и краснорѣчиво опровергается. Но въ концѣ концовъ, кромѣ траты чернилъ и бумаги, не получается ничего. Конечно, наука отъ элукубрацій критика не можетъ ничего выиграть. Даже самое уваженіе къ печатному слову, кажется, совсѣмъ неизвѣстно критику...

Критикъ забралъ себѣ въ голову, что книга моя написана будто въ подражаніе нѣмцамъ (46), и такъ или иначе повторяетъ свою мысль очень часто, утверждая: это-де не ново, это сдѣлано-де другими, это хотя-де и выставляется авторомъ, какъ что-то — „ори-

¹⁾ На стр. 228 своего сочиненія о. Иванцовъ извѣщаетъ читателей, что онъ боленъ. Нельзя ли объяснить нѣкоторыхъ свойствъ его приѣмовъ изъ этого обстоятельства?

гинальное“, но оно очень старо, „затаскано“, „на-доѣло до приторности“, брошено-де теперь и т. д. Доказывать, что представляющееся не новымъ въ нашемъ сочиненіи вовсе не такъ старо и затаскано, какъ думаетъ критикъ—дѣло бесполезное. Ни одинъ писатель, если онъ не хочетъ быть какимъ-нибудь „самобытникомъ“, какимъ-нибудь чудакомъ, стоящимъ внѣ связи съ современнымъ движеніемъ науки, въ особенности на Западѣ,—не чуждается того, что сдѣлано въ наукѣ и что составляетъ общее достояніе всѣхъ адептовъ ея. Было-бы странно изолировать себя и чуждаться того, что сдѣлано другими. Въ этомъ смыслѣ и мой трудъ не оригиналенъ. Онъ стоитъ на уровнѣ теперешней западной науки и раздѣляетъ, быть можетъ, ея недостатки. Но отмѣтить всѣ эти недостатки и устранить ихъ, этого не въ состояніи сдѣлать одинъ человекъ (хотя-бы такимъ былъ и проницательный критикъ). Наука, конечно, не будетъ стоять на одномъ мѣстѣ, двинется впередъ, но едва-ли намъ русскимъ, по крайней мѣрѣ въ скоромъ будущемъ, можно надѣяться занять мѣсто во главѣ научнаго движенія, стать впереди западныхъ ученыхъ. Мечтать объ этомъ нѣтъ основаній. Этимъ, конечно, я не проповѣдую какого-либо рабства предъ западной наукой. Рабства въ нашей богословской наукѣ нѣтъ и не можетъ быть уже по тому одному, что всякое перенесеніе результатовъ западной науки на русскую почву необходимо по нашимъ вѣроисповѣднымъ особенностямъ должно сопровождаться значительнымъ видоизмѣненіемъ этихъ результатовъ. Все же работа, требующая и умѣнья, и энергіи, и критическаго такта, и извѣстной доли независимости. Мечтать объ очень многомъ—пока нѣтъ основательныхъ поводовъ. Но не въ этомъ сущность дѣла, о которомъ мы хотимъ сказать. О. Иванцовъ ужъ слишкомъ часто такъ или

иначе, прямо или косвенно, въ текстѣ или подѣ строкой выступаетъ съ своимъ заявленіемъ, что это или то не представляетъ новости въ нашей книгѣ. Желательно-бы было, чтобы онъ это доказывалъ, а не просто провозглашалъ; желательно, чтобы онъ указывалъ, что общаго и различнаго между нашимъ трудомъ и трудами другихъ ученыхъ. Вѣдь недостаточно намековъ и брошенныхъ какъ-бы мимоходомъ инкриминацій, указаній, хотя на видъ внушительныхъ и сильныхъ, но совсѣмъ бездоказательныхъ. Намъ кажется, что критикъ, дорожащій достоинствомъ своего дѣла, едва-ли такъ сталъ-бы поступать. Вообще читая тѣ мѣста книги о. протоіерея Иванцова, въ которыхъ является о подражательности нашей книги, чувствуется, что онъ хочетъ унижить автора, выставить его чистото неопытнымъ подмастерьемъ въ своемъ ремеслѣ, человѣкомъ, идущимъ на помочахъ, но не безъ своего рода гонора. Уронить честь другаго—это желаніе такъ и слышится въ каждомъ заявленіи, что это или то несамостоятельно въ нашей книгѣ. Вообще оцѣнки того, что сдѣлано авторомъ книги „Вселенскіе соборы“, что имъ внесено въ науку (по крайней мѣрѣ ужъ въ частныхъ вопросахъ), въ книгѣ критика нѣтъ. Если же объ этомъ иногда и говорится, то не безъ тонкой (или какой тамъ) ироніи. Всѣ его какъ-бы мимоходомъ дѣлаемые заявленія о степени несамостоятельности нашего труда, говоримъ, бездоказательны, голословны, рассчитаны на вѣру читателя. Такъ серьезныхъ критическихъ статей не составляютъ. Нерѣдко его желаніе подорвать значеніе нашего труда со стороны самостоятельности обращается въ какую-то болѣзненную мономанію. Единственно, кажется, на томъ основаніи, что, какъ ему представляется, я „свысока“ (гдѣ?) отношусь къ труду епископа Іоанна, критикъ бросаетъ мнѣ упрекъ, что я „по мѣстамъ пользуюсь“

этимъ трудомъ (205). Конечно, защищать чью-либо честь дѣло очень хорошее, но къ чему же достигать этого путемъ совершеннѣйшей напраслины? Трудно указать хоть что-либо общее между трудомъ епископа Іоанна и моимъ—даже по второстепеннымъ и третьестепеннымъ вопросамъ. Черезъ нѣсколько страницъ затѣмъ, говоря о томъ, что я слишкомъ буквально понялъ выраженія православныхъ учителей IV вѣка о неприкосновенности и непреложности никейскаго символа, критикъ замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ я „пожелалъ слѣдовать нѣкоторымъ ученымъ“ (208). Признаюсь откровенно, ни одного ученаго не знаю, который-бы развивалъ ту же мысль. Я считалъ это результатомъ моего собственнаго изученія источниковъ. Желательно было-бы, чтобы критикъ указалъ—какіе ученые дѣлали это до меня, которые бы могли быть мнѣ извѣстны? Критикъ, должно думать, введенъ въ заблужденіе указаніями по этой части въ статьѣ Гарнака, напечатанной въ Энциклопедіи Герцога (2-ое изданіе, т. VIII., стр. 212 и д., о „конст. символѣ“—появилось въ 1881 году). Не полагаетъ-ли онъ, что я пользовался однимъ сочиненіемъ, процитованнымъ въ этой статьѣ? ¹⁾ Но по всему видно, что моему критику это сочиненіе совсѣмъ неизвѣстно, онъ въ глаза его не видалъ и однакожъ предполагаетъ, что оно меня во многомъ надуумило, и это лишь по указаніямъ другаго лица (Гарнака), и весьма не впопадъ. Критикъ въ этомъ случаѣ до того дошелъ въ своей подозрительности касательно моей самостоятельности, что не видя и не читая какой-нибудь книги, на томъ одномъ основаніи, что эта книга цитруется мной (при

¹⁾ Статья эта вліяла на ходъ мыслей моего критика въ изслѣдованіи о II вселенскомъ соборѣ, находящемся въ VI гл. его книги, о чемъ онъ однакожъ не промолвилъ ни слова...

какомъ-бы то ни было случаѣ), готовъ думать и утверждать, что именно отсюда-то и взято мной что-либо, и это по отдаленнымъ догадкамъ, хотя между книгой, какую онъ разѹмѣетъ (сочиненія Каспари), и моимъ сочиненіемъ нѣтъ и тѣни сходства. А при одномъ случаѣ критикъ, въ видахъ дискредитированія моей научной самостоятельности, чуть не ставитъ мнѣ въ упрекъ то, что я слѣдую древнимъ церковнымъ писателямъ. Критикъ позволяетъ себѣ выразить болѣе, чѣмъ странную мысль. Приводимъ слова о Иванцова: „соброръ (II всел.) осудилъ и маркелліанъ и аполлинаристовъ, которыхъ не только г. Лебедевъ, но и многіе въ то самое время ставили въ связь съ александрійцами“ (223). Выходитъ, что г. Лебедевъ совершилъ какой-то проступокъ, взявъ сужденіе о маркелліанахъ и аполлинаристахъ отъ среды компетентныхъ лицъ, современныхъ этимъ еретикамъ. Неужели г. Лебедеву слѣдовало быть самостоятельнымъ и въ этомъ случаѣ?.....

Весьма часто намекая о несамостоятельности моего труда и такимъ образомъ унижая его достоинства, критикъ съ другой стороны также не рѣдко выставляетъ противъ меня такіа мысли, какія есть и въ моей книгѣ, и даже усваиваетъ себѣ мои идеи и разъясненія, не упоминая о томъ, что это раскрыто въ моей книгѣ, и такимъ образомъ къ униженію моего сочиненія выдастъ за свои только идеи и возрѣнія такіа, какія въ равной степени принадлежать и мнѣ и ему. Было-бы очень долго перечислять такіе случаи. Ихъ можно встрѣтить на многихъ, очень многихъ страницахъ. Напр. при раскрытіи исторіи перваго вселенскаго собора критикъ, какъ будто-бы въ поученіе мнѣ, разъясняетъ, что такое было полуаріанство, какимъ характеромъ оно отличалось (87); но то же самое и въ такихъ же чертахъ раскрыто и

у меня въ книгѣ (стр. 9). Чѣмъ, спрашивается, отличается характеристика о. Иванцова: „полуаріанство не имѣло никакого опредѣленнаго характера, никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній, по временамъ оно сближалось то съ православіемъ, то съ настоящимъ аріанствомъ“—отъ характеристики, сдѣланной мною: „лица, которыя стали позднѣе извѣстны съ именемъ полуріанъ, были не то аріане, не то православные. Они оставались въ колеблющемся, нерѣшительномъ состояніи. Ихъ воззрѣнія имѣли такъ мало характернаго, что аріане считали ихъ своими сторонниками, а православные—своими“? Говоря о положеніи догматическихъ партій между первымъ и вторымъ вселенскимъ соборами, критикъ внушаетъ читателю, что на символъ никейскій слѣдуетъ смотрѣть такъ-то, а не какъ нибудь иначе. Но въ его разъясненіяхъ нѣтъ никакого различія отъ моихъ разъясненій. „Символь никейскій былъ, говоритъ о. Иванцовъ, дорогъ учителямъ церкви прежде всего потому, что они видѣли въ немъ твердое и точное, наилучшее выраженіе истины православной“ (175). Едва ли можно найти какое-либо различіе въ этомъ объясненіи отъ того, какое дается моею книгой: „чѣмъ больше въ кругахъ антникейскихъ развивалось стремленіе устранить истинное ученіе о Божествѣ Сына Божія, что было главнымъ опредѣленіемъ никейскаго символа, тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе было желаніе православной стороны защитить этотъ символъ“ (61). Какъ новость, какъ что-то отличное отъ моихъ воззрѣній, критикъ раскрываетъ свое мнѣніе о достоинствѣ символовъ полуаріанскихъ, явившихся между I и II Вселенскими соборами. Онъ говоритъ: „г. Лебедеву должны быть извѣстны дѣйствительныя причины и настоящій смыслъ составленія этихъ символовъ“. (Дается знать, что это неизвѣстно мнѣ или

скрыто мной)... „Главная ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы какъ-нибудь вывести изъ употребленія никейскій символъ, замѣнить его другимъ, возвратить церковное сознаніе къ неопредѣленности по вопросу объ отношеніи лицъ Св. Троицы“ (173). Эти мысли до такой степени сходятся съ мыслями моей книги, что можно подумать, что критикъ перенесъ ихъ въ свою книгу изъ моей. Я также говорю: „составленіемъ символовъ новыхъ они (аріане) хотѣли поставить въ забвеніе символъ никейскій. По свидѣтельству Аванасія, вражда къ никейскому символу именно и побуждала вождей аріанскихъ изобрѣтать новыя формулы вѣроученія. Они хотѣли, по его словамъ, затмить, обратить въ ничто догматику, которая утверждена символомъ никейскимъ“ (57). Такихъ же примѣровъ можно привести не мало и изъ исторіи II вселенскаго собора. Какъ своего рода открытіе, какъ результатъ, добытый собственнымъ изученіемъ источниковъ, мой критикъ излагаетъ соображеніе касательно вліянія Діодора тарсійскаго на дѣла II вселенскаго собора. „Рядомъ съ Мелетіемъ г. Лебедевъ могъ-бы указать на Діодора, онъ несомнѣнно былъ однимъ изъ вліятельныхъ членовъ собора. Особенное вліяніе Діодора можно предполагать въ двухъ важныхъ вопросахъ, рѣшавшихся на соборѣ—въ избраніи Флавіана преемникомъ Мелетію и въ предложеніи Нектарія на каѳедру константинопольскую“ (189). Имѣлъ-ли какое вліяніе Діодоръ на избраніе Флавіана, мы ни откуда не знаемъ; но что касается до значенія того же Діодора въ рѣшеніи вопроса о замѣщеніи каѳедры константинопольской Нектаріемъ, то это раскрыто у насъ: „епископомъ столицы, разъясняли мы, становится Нектарій, тарсійскій уроженецъ. Избраніе его состоялось по вліянію и указанію въ особенности двухъ членовъ собора: Флавіана

и Діодора“... (140). Въ поученіе мнѣ говорится, что я не воспользовался и не указалъ въ доказательство моего взгляда касательно характера II вселенскаго собора—на отношеніе этого собора къ маркелліанамъ и аполлинаристамъ. Критикъ пишетъ: „въ пользу своей мысли могъ-бы (т. е. я) указать еще на то, что соборъ осудилъ маркелліанъ и аполлинаристовъ, противъ которыхъ издавна возставали антиохійцы, между тѣмъ какъ александрійцы нѣкоторое время защищали Маркелла и Аполлинарія“ (193). Но въдѣ у насъ эта же мысль проведена съ достаточною ясностью безъ всякихъ указокъ со стороны моего критика. Разъясняя, подѣ какимъ вліяніемъ составленъ былъ символъ константинопольскій, этотъ главный актъ въ дѣятельности II вселенскаго собора, — я пишу: „символъ въ догматѣ о воплощеніи Сына Божія направленъ противъ Маркелла и Аполлинарія (а если направляли, то, безъ сомнѣнія, осуждали ихъ), а Маркеллъ и Аполлинарій считались страшными врагами христіанскаго ученія въ кружкахъ антиохійствующихъ; въ обществахъ же, дружественныхъ съ александрійскимъ богословствованіемъ, на нихъ смотрѣли не очень строго“ (120). Критикъ объявляетъ каппадокійское направленіе богословской мысли александрійскимъ, но съ значительнымъ отличіемъ отъ послѣдняго,—оно сближалось, по его сужденію, съ направленіемъ антиохійскимъ. (199 — 200). Такую мысль я не считаю новою для себя, не считаю какимъ-нибудь дальнѣйшимъ шагомъ въ области науки, какъ скоро тоже самое говорилось и мною: „всѣ эти (Василій Великій, Григорій нисскій, Амфилохій иконійскій) и подобныя лица были приверженцами александрійскихъ идей лишь въ ограниченномъ смыслѣ. Въ это время антиохійское направленіе начинается

замѣтно проникать и въ ряды александрийцевъ“ (142). Критикъ весьма рѣдко даетъ понять, существуетъ-ли раскрываемая имъ мысль и въ моемъ сочиненіи, или же она составляетъ собственность критика; вслѣдствіе этого читатель — умышленно или неумышленно со стороны критика — приписываетъ многое проникательной наблюдательности и учености критика, что, однако, еще раньше раскрыто въ разбираемой имъ книгѣ.

Критикъ вообще строгъ къ автору, но ужъ, кажется, строгъ чрезъ мѣру. Онъ строгъ къ автору, но не подчиняетъ себя самого тѣмъ строгимъ требованіямъ, съ какими обращается къ другому. Критикъ очень недоволенъ нашими замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ сочиненій Аѳанасія, сообщающихъ свѣдѣнія о I вселенскомъ соборѣ, — сочиненій, въ которыхъ мы указали (правда, мимоходомъ и единственно съ тою цѣлю, чтобы оградить себя отъ упрека въ неполнотѣ и гипотетичности описанія нами этого собора) неточности, ироническое изображеніе аріанъ, засѣдавшихъ на соборѣ, сбивчивость показаній. Такого отношенія къ показаніямъ св. отца критикъ никакъ терпѣть не можетъ, хотя онъ изъ многихъ мѣстъ нашего сочиненія хорошо могъ знать, что такая критическая замѣтка произошла не отъ недостатка уваженія къ этому замѣчательному дѣятелю никейской эпохи, а просто изъ желанія безпристрастія. Но самъ, не замѣчая того, критикъ совершенно также относится къ этому источнику, когда говорить, что въ показаніяхъ Аѳанасія и Евсевія можно находить „недомолвки, неточности и противорѣчія“ (111). Въ сущности и мы выразили ту же мысль, какую и нашъ критикъ, только послѣдній — въ болѣе смягченномъ видѣ. Критикъ очень недоволенъ нами (191), когда мы называемъ Григорія нисскаго „простодушнымъ и неопытнымъ въ дѣлахъ церковныхъ“ (на

основаніи подлинныхъ словъ брата его, Василія Великаго, и съ цѣлію указать, что его положеніе на II вселенскомъ соборѣ не могло быть выдающимся и руководственнымъ); онъ отыскиваетъ въ нашей книгѣ какое-то „легкое отношеніе“ къ Григорію Богослову (не указывая точно, чѣмъ оно можетъ быть прочно доказано изъ нашего сочиненія—228). Но, не позволяя намъ характеризовать перваго, какъ мы это дѣлаемъ, (указывая черты въ характерѣ Григорія нискаго, какъ указаны онѣ его братомъ Василіемъ) и выставляя на видъ будто-бы легкое отношеніе ко второму, критикъ разрѣшаетъ себѣ характеризовать Григорія Богослова въ такихъ чертахъ, которыя едва-ли кто найдетъ мягкими и умѣстными. Онъ находитъ, что свои отзывы о нѣкоторыхъ явленіяхъ Григорій писалъ „подъ вліаніемъ раздраженнаго состоянія“, что въ этихъ отзывахъ можно находить „болѣзненную раздражительность“ (216—17). При другомъ случаѣ критикъ говоритъ: „мечтательность, непрактичность, болѣзненная раздражительность, нѣкотораго рода упрямство и рѣзкость—все это было въ характерѣ Григорія“ (227). Полагаемъ, что критикъ не похвалилъ-бы насъ и, очень вѣроятно, разгнѣвался-бы на насъ, если бы мы позволили себѣ подобныя выраженія объ очень уважаемомъ отцѣ Церкви. Но критикъ, кажется, пишетъ, прилагая къ себѣ латинскую половицу: *quod licet Jovi, non licet bovi.* ¹⁾ Вслѣд-

¹⁾ На стр. 119 критикъ высказываетъ такое сужденіе объ отношеніи современной научной критики къ писаніямъ отцевъ и учителей Церкви, съ которыми мы не думаемъ соглашаться и которое мы считаемъ долгомъ сильно ограничить. Онъ говоритъ: „уваженіе къ памяти такихъ дѣятелей“ (какъ Св. Аѳанасій—извѣстный отецъ Церкви)“ не обязываетъ, конечно, представителей современной науки закрывать глаза предъ всѣмъ, что въ писаніяхъ (и дѣятельности) ихъ можетъ подлежать критикѣ; тѣмъ болѣе не обязываетъ во всемъ держаться тѣхъ *воззрѣній* (?), стремленій, *какихъ они держались*

ствіе строгаго отношенія къ другимъ и снисходительнаго къ себѣ критикъ часто, по разнымъ случаямъ, позволяетъ себѣ такіе научные приемы, которые считаетъ грѣхомъ у другихъ, хотя между приемомъ имъ осуждаемымъ и его собственнымъ нѣтъ ни малѣйшаго различія. О. Иванцовъ признаетъ произвольнымъ изображеніе — какое дѣлаю я — внутренняго состоянія Евсевія кесарійскаго при подписаніи имъ никейскаго символа, проицательнымъ не въ мѣру наше, какъ онъ выражается, „описаніе борьбы помысловъ въ душѣ Евсевія“ (111), предостерегаетъ читателя, чтобы онъ не слишкомъ вѣрилъ автору книги „о Вселенскихъ соборахъ“, такъ какъ „онъ съ участниками собора не былъ близко знакомъ“ (71). Критикъ даетъ знать, что авторъ дозволяетъ себѣ злоупотребленіе, когда говоритъ не только то, что указывается прямо источниками, но и что можно выводить изъ нихъ на основаніи соображеній и психическаго анализа историческихъ личностей. Но подобныя предостереженія критикъ предназначаетъ лишь для другихъ, самъ же этимъ правиламъ осторожности ни чуть не думаетъ подчиняться. Онъ свободно читаетъ, какъ въ книгѣ, въ душѣ автора сочиненія „Вселенскіе соборы“, угадываетъ его желанія и оповѣщаетъ о нихъ читателя, роется въ его душѣ, какъ въ собственной

въ свое время“. Этимъ сказано слишкомъ много. По нашему мнѣнію, православной научной критикѣ не могутъ подлежать *всѣ* воззрѣнія св. отцевъ, въ которыхъ они согласно высказываютъ догматическія истины,—это составляетъ такъ называемое преданіе Церкви, и относительно его неумѣстна критика (потому что она можетъ быть одобрительная и не одобрительная). Иное дѣло индивидуальныя мнѣнія отцевъ Церкви по тому или другому богословскому вопросу, иное дѣло ихъ историческія показанія; „представители новѣйшей науки не обязываются закрывать здѣсь глаза“. Это строго нужно разграничивать, чтобы не придти къ выводамъ, неблагопріятнымъ для интересовъ Церкви. Примѣромъ такого отношенія къ дѣлу служить сочиненіе „Вселенскіе соборы IV и V вѣка“.

кладовой. Так онъ объявляетъ, что „къ Евсеію кесарійскому г. Лебедевъ *желаетъ* отнестись сочувственно“ ¹⁾ (52. Какъ это критику удалось узнать о моихъ желаніяхъ, если о нихъ ни прямо, ни косвенно въ книгѣ не говорится? ²⁾). Какъ въ душѣ автора разбираемой имъ книги, такъ и въ душахъ прежде почившихъ отцевъ и братій онъ читаетъ ихъ

1) А при другомъ случаѣ о. Иванцовъ въ разрѣзѣ съ этимъ говорить (110), что отъ меня „достается“ таки Евсеію и что я забрасываю его „грязью“. Удивительно — наглядное доказательство моего сочувствія къ Евсеію! Послѣ этого ничего не стоитъ утверждать, что и мой почтенный рецензентъ, подвергая ѣдкой критикѣ мое произведеніе, питаетъ ко мнѣ нѣжныя чувства, симпатизируетъ мнѣ.

2) Кажется, иногда о. Иванцовъ въ своихъ заключеніяхъ объ авторѣ книги „Всееленскіе соборы“ руководится аналогіей, заимствуемой отъ своего личнаго опыта, нисколько впрочемъ не поучительнаго. Такъ онъ пишетъ: „настоящая книга (т. е. моя), явившаяся докторскою диссертацией, какъ будто составилась случайно изъ ряда отдѣльныхъ статей, которыя авторъ сталъ печатать въ журналѣ, можетъ быть, безъ всякаго представленія (и это говорится о человѣкѣ въ здоровомъ умѣ?) о томъ, что у него выйдетъ изъ всего этого“. Ужъ это, что называется—съ больной головы да на здоровую. Подобный случай, о которомъ здѣсь пишетъ критикъ, какъ о возможномъ съ моей стороны, дѣйствительно былъ въ его литературной дѣятельности. О. Иванцовъ возмимѣлъ нѣкогда желаніе написать въ качествѣ докторской диссертациі исторію ересей и расколовъ первыхъ трехъ вѣковъ, въ такомъ смыслѣ написалъ и вступительную (первую) главу въ журналѣ „Православное Обзорнѣ“ подъ заглавіемъ: „Ереси и расколы“ и т. д., но прежде чѣмъ приступить къ разбору самыхъ ересей и расколовъ, онъ вздумалъ бѣгло обозрѣть, продолжая писать въ томъ же журналѣ, источники исторіи ересей (для нуждъ учености), но такъ увлекся этимъ дѣломъ, что забылъ о содержаніи вступительной главы, о томъ, какое его было первоначальное намѣреніе, такъ что все сочиненіе ограничилось однимъ обзоромъ источниковъ, однимъ введеніемъ къ сочиненію, которое первоначально намѣтилъ себѣ авторъ. Отсюда вышла та непропорціональность частей сочиненія (сначала объ источникахъ говорится очень коротко, а потомъ черезчуръ пространно), на которую указано ему было на диспутѣ, причѣмъ сочинитель и повѣдалъ свой секретъ о томъ, что настоящій видъ сочиненія произошелъ случайно вопреки начальному плану сочинителя. Очевидно, критикъ полагаетъ, какъ онъ выразилъ это въ вышеуказанныхъ словахъ, что и всѣ пишутъ сочиненія такъ же, какъ онъ, но смѣемъ завѣрить его, что онъ очень ошибается, мѣряя другихъ на свой аршинъ. Во всякомъ случаѣ мы не подходимъ подъ его мѣру.

внутренніе помыслы и стремленія. Онъ знаетъ, что большая часть епископовъ присутствовавшихъ на арианскихъ соборахъ въ IV вѣкѣ, „оставались въ душѣ православными“ ¹⁾ (146. Спрашивается: ужъ не былъ-ли онъ знакомъ съ этими мужами, жившими и и скончавшимися въ IV вѣкѣ?). Вслѣдствіе указанной черты, присущей характеру моего критика — позволять себѣ то, чего онъ не позволилъ-бы другому на его мѣстѣ, онъ считаетъ себя въ правѣ давать такія разъясненія, высказывать такія воззрѣнія, которыя въ книгѣ другаго готовъ подвергнуть безпощадному осужденію. Онъ никакъ не можетъ признать, чтобы могли существовать и дѣйствовать „антиохійцы, усвоившіе себѣ александрійскія воззрѣнія, и александрійцы, принявшіе антиохійское направленіе“ (198. Замѣтимъ: мысли эти, дѣйствительно, наши, но, по обыкновенію критика, приведены онѣ въ видѣ утрированномъ). Приводя это наше воззрѣніе, критикъ не считаетъ нужнымъ подвергать его подробному разбору, какъ неимѣющее никакой цѣны, и ограничивается лаконическимъ замѣчаніемъ: „такими опредѣленіями, конечно, ничего опредѣлить нельзя“ (ibid). Согласимся. Но вѣдь въ такомъ случаѣ критикъ долженъ строго осуждать и самого себя за составленіе имъ опредѣленія о томъ, что такое были ариане въ отношеніи къ школамъ. Ариане, говоритъ онъ, „это были не просто александрійцы и антиохійцы, а запутавшіеся въ мысляхъ (?) александрійцы и недоразвившіеся (?) антиохійцы“ (107). Позволимъ себѣ спросить критика: можно-ли опредѣлить что-либо такого рода опредѣленіемъ? Или и онъ, критикъ, не правъ,

¹⁾ Эту мысль мимоходомъ обронилъ Гефеле въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Исторія соборовъ“. О. Иванцовъ подвѣялъ ее. Небольшая находка!

допуская опредѣленія, какія не позволяетъ дѣлать мнѣ, или мы оба правы. Но критикъ мало помышляетъ о такихъ вопросахъ. Вѣдь иное дѣло онъ, критикъ: ему все позволительно, иное дѣло авторъ какой-либо книги: этому спускаться нечего нельзя.

Указанныя нами черты приемовъ критики о. Иванцова въ общемъ составляютъ тяжкій грѣхъ критика противъ обще-установившихся правилъ серьезной и строгой критики научной. Отъ всего, что нами указано выше въ характеристикѣ о. Иванцова, какъ критика, страдаетъ моя книга, моя честь, какъ ученаго, потому что первая превращается подъ руками о. Иванцова во что-то такое, что съ трудомъ узнаешь и самъ авторъ, послѣ того какъ идеи и положенія книги прошли сквозь тиски критической придирчивости критика, а вторая уничтожается, сколько возможно. Но, безъ сомнѣнія, это грѣхъ не смертный; грѣхъ сей можно простить... Есть, однако, у критика грѣхи непростительные, какъ обнаружилось это изъ его книги; грѣхи вопіющіе, грѣхи противъ науки, или что тоже противъ самой истины. Эти грѣхи тѣмъ неожиданнѣе, чѣмъ сильнѣе заявленія критика, что онъ будетъ вести дѣло въ своей книгѣ съ полною серьезностью и со всею строгостью. А извѣстно, кому много дано, съ того много и взыщется. Грѣхи, о которыхъ мы хотимъ сказать, проистекли отъ различныхъ причинъ, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть оправдана въ положеніи о. Иванцова. Такими причинами можно признать не совсѣмъ глубокое знакомство съ источниками, нежеланіе справляться въ должныхъ случаяхъ съ показаніями древнихъ памятниковъ, неустановленность возрѣній на одно и то же явленіе, и отсюда шаткость и нетвердость сужденій, подчасъ бѣглое изученіе разбираемой имъ книги, забвеніе нѣкоторыхъ элементарныхъ свѣдѣній и пр.

Тѣмъ страннѣе видѣть въ его книгѣ тѣ грѣхи, о которыхъ мы хотимъ сказать, что это именно грѣхи, въ которыхъ онъ щедро обвиняетъ книгу „Вселенскіе соборы“ и ея автора. Говоря такъ, мы отнюдь не отрицаемъ научныхъ качествъ и свойствъ, присущихъ книгѣ о. Иванцова. Въ ней проявляется то, что вообще отличаетъ учено-литературную его дѣятельность: и научное пониманіе дѣла, и основательное знаніе, и талантъ. Но въ книгѣ рядомъ съ этимъ есть и то, чего не желалось-бы видѣть въ ней.

Намъ, какъ и всякому человѣку, интересующемуся наукой, конечно, весьма не желательно встрѣчать въ книгѣ претендующей на поучительность для сравнительно молодыхъ поколѣній по части научной осторожности, внимательности и серьезности (63, 68 и др.), встрѣчать промахи, говорящія о нашемъ критикѣ, что онъ не всегда является проводникомъ въ наукѣ тѣхъ качествъ, которыя онъ требуетъ отъ другихъ. Въ его книгѣ есть положительные ошибки, которыхъ однакожь легко было-бы избѣжать при нѣкоторой бдительности надъ собой и при болѣе тщательной провѣркѣ сообщаемыхъ имъ извѣстій съ помощью книгъ, имѣть которыя было-бы не трудно подъ рукой. Переходимъ къ фактамъ или уликамъ на лицо. Признаемся насъ сильно поразило неоднократное заявленіе критика, по поводу приводимыхъ нами извѣстій въ своей книгѣ, что будто наши цитаты нужно непременно провѣрять, такъ какъ онѣ будто набраны нами изъ вторыхъ рукъ и часто ихъ нѣтъ въ источникахъ, въ тѣхъ мѣстахъ этихъ послѣднихъ, гдѣ-бы имъ долженствовало быть. Говоримъ, — это заявленіе очень поразило насъ, потому что мы поставили себѣ *спеціальною* цѣлю, — искренно и неуклонно — не брать ни одного факта у какого-бы то ни было, хотя самаго авторитетнаго, иностраннаго или

русскаго, ученаго—на вѣру, безъ строжайшей провѣрки источниковъ, изъ которыхъ-бы фактъ могъ быть заимствованъ. Да и случаевъ такихъ въ моей книгѣ очень мало, большая часть фактовъ, служащихъ основой для моего сочиненія, заимствована мною прямо изъ источниковъ. Каково же было мое удивленіе, когда оказалось, какъ заявляетъ мой критикъ, что цѣль, какую я себѣ поставилъ и какую я выполнилъ, по моему убѣжденію, строго и неуклонно, далеко не достигнута. Я въ конецъ изумлялся, читая такія и подобныя реплики въ книгѣ о. Иванцова касательно моего сочиненія: „лучше было-бы, еслибы авторъ (т. е. я) указывалъ вездѣ, какія свидѣтельства и свѣдѣнія заимствуются имъ у другихъ писателей и какія прямо извлекаются изъ первоисточниковъ“ (56); „въ иныхъ мѣстахъ авторъ (т. е. опять я) говоритъ, откуда онъ беретъ передаваемые свѣдѣнія, а въ другихъ не считаетъ это нужнымъ“ (66); „факты и цитаты, приводимыя авторомъ (мною), требуютъ провѣрки“ (154); „выписки изъ первоисточниковъ не вездѣ заимствуются изъ самыхъ этихъ первоначальныхъ памятниковъ, а чрезъ посредство нѣмецкихъ пособій“ (155). Я читалъ и перечитывалъ эти и подобныя строки въ книгѣ о. Иванцова и никакъ не могъ понять, откуда могли-бы взятъ въ умѣ критика такія подозрѣнія, когда они совершенно не основательны и разрушаются для меня яснымъ представленіемъ о томъ, какъ я поставилъ себѣ вести дѣло въ книгѣ и какъ я велъ его. Наконецъ, понял... Правда, я не уяснилъ себѣ всѣхъ этихъ обвиненій, но уяснилъ себѣ по крайней мѣрѣ большинство ихъ. Я понялъ, что критикъ—кто-бы могъ это подумать?—менѣе меня знакомъ съ источниками науки и свойствами ихъ и, слѣдовательно, не я виною того, что критикъ приписалъ мнѣ такъ много обви-

нений, которыхъ я не заслуживалъ. Прозрѣть мнѣ помочь самъ критикъ. Обыкновенно, онъ выставляетъ свои обвиненія въ указанномъ отношеніи голословно, въ общихъ, но внушительныхъ фразахъ, становящихся тѣмъ внушительнѣе, чѣмъ чаще онѣ повторяются въ его книгѣ, но два—три раза онъ отступилъ отъ своей манеры общихъ, голословныхъ обвиненій, снизошелъ до указанія частныхъ фактовъ, доказывающихъ мою провинность, и здѣсь-то выдалъ свою некомпетентность. Лучше бы было для критика, всегда витать въ области общихъ воззрѣній, голословныхъ увѣреній, не сходя на фактическую почву! На стр. 80 своей книги критикъ говоритъ: „такія слова дѣйствительно находятся въ церковной исторіи Сократа. Только — замѣчается въ замѣткѣ къ этой фразѣ—не въ 9-ой главѣ первой книги, на которую ссылается г. Лебедевъ, а въ 8 й. Вѣроятно, длиннота главы, на которую жалуется авторъ“, (кстати сказать: никакой подобной жалобы нѣтъ у меня въ книгѣ: здѣсь, читатель, видите ли, иронія, которая, какъ мы сейчасъ покажемъ, такъ неумѣстна!) „помѣшала ему привести точный цитатъ. Подобныя неточности встрѣчаются у г. Лебедева и въ другихъ мѣстахъ“ ¹⁾. Однако есть-ли тутъ неточность, а равно и въ другихъ мѣстахъ? Нималѣйшей. Справляясь съ исторіей Сократа, мы нашли, что въ той самой книгѣ, въ той самой главѣ (9), на какую указывается въ нашемъ сочиненіи, находятся именно тѣ самыя слова, которыхъ почему-то не нашелъ о. Иванцовъ. Это можетъ провѣрить всякій интересующійся дѣломъ. Очень жаль, что мой критикъ такъ неосто-

¹⁾ Разумѣется, возможно, что въ книгѣ есть опечатки, которыя могли подавать поводъ критику заподозрѣвать мою ученую добросовѣстность, но полагаю, что такихъ случаевъ очень мало, если они есть.

роженъ, прибѣгая къ ироніи, гдѣ она такъ мало у-мѣстна и должна быть обращена на самого критика. Полагаемъ, что критикъ, отыскивая нашу ссылку въ слишкомъ длинной девятой главѣ Сократа (она занимаетъ по русскому переводу 18 страницъ), вслѣдствіе поспѣшности не нашелъ ея тамъ (хотя она тамъ бук-вально находится). Дѣлать нечего, критикъ на удачу пустился въ розыскиванія моей цитаты въ 8-й главѣ Сократа и нашелъ, но.... совсѣмъ не тѣ слова, на которыя я ссылаюсь. Если бы критикъ потрудился взять въ руки подлинный текстъ Сократа (изданный Минемъ), на который я ссылаюсь въ моей книгѣ, тог-да критикъ не впалъ бы въ смѣшную и не извини-тельную ошибку. Въ греческомъ текстѣ то мѣсто, какое я привожу въ книгѣ, читается въ подлинникѣ такъ (оно приведено и въ книгѣ моей): *ἰδιώτας καὶ μὴ ἔχειν* (*ἐχούσι*) *ὑπόσιν*, а то мѣсто, на которое, по мнѣ-нію критика, я ссылаюсь, совсѣмъ не такъ: *ὡς ἄφε-λες καὶ ἰδιώτας διέσπευε* ¹⁾. Если бы критикъ дѣйстви-тельно серьезно отнесся къ своей задачѣ, онъ долженъ бы провѣрять сочиненіе по тѣмъ книгамъ, на которыя указываетъ авторъ, а иначе попадешь въ просакъ, какъ и случилось сейчасъ съ критикомъ. Но критикъ очень развязно (даже черезъ-чуръ развязно для „стро-гаго“ критика) сейчасъ же готовъ выводить заклю-ченіе, что я небрежно привожу цитаты, забираю ихъ изъ вторыхъ рукъ, не провѣряю ихъ, беру, быть мо-жетъ, изъ нѣмцевъ... Показавъ собственное небреж-ное отношеніе къ источникамъ, критикъ однакожъ дѣ-лаетъ заявленіе: „г. Лебедевъ не точенъ въ цитатахъ, не точенъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ“ ²⁾. Теперь

¹⁾ Благодаря своей невнимательности къ источникамъ, критикъ возводитъ на насъ при этомъ случаѣ тенденціозное и тяжкое обви-неніе; вѣскольکو ниже мы возвратимся къ этому вопросу.

²⁾ Самъ критикъ по части цитации не представляетъ образца до-

мы знаемъ, кто болѣе не точенъ въ данномъ случаѣ критикъ или авторъ? Но вѣдь однакожъ на чемъ-нибудь да основалъ же свои обвиненія критикъ, что я неточенъ: *и въ другихъ мѣстахъ книги?* Невозможно представить, чтобы критикъ выступилъ съ такимъ укоромъ противъ насъ по дѣйствию своего слишкомъ живаго воображенія? Дѣло значительно разъясняется, когда мы обратимъ вниманіе еще на одну замѣтку въ книгѣ ученаго критика. На стр. 91—2 у него читаемъ: „авторъ (т. е. я) ссылается на 4 главу I-й книги истории Θεодорита (касательно лицъ, вышедшихъ изъ антiохійской школы). Но,—внушительно говоритъ критикъ,—въ указанной главѣ, заключающей посланіе Александра александрійскаго, есть только указаніе на соотношеніе ученія аріева со мнѣніями Лукіана, и ничего не говорится о какомъ-либо вліяніи антiохійской школы на другихъ представителей арианства“. Я увѣренъ, что этотъ и подобные случаи, когда критикъ не могъ отыскать моихъ цитатъ у Θεодорита (а быть можетъ почему-либо и у другихъ писателей), и дали ему поводъ выводить заключеніе, что я неточенъ въ цитатахъ, заимствую ихъ у другихъ безъ провѣрокъ, почему легко ошибаюсь въ ссылкахъ и т. п. Но если вникнуть въ дѣло попристальнѣе, то окажется, что я ни чуть не виноватъ, а виноватъ одинъ лишь мой критикъ. Я дѣлаю ссылки на Тео-

бросовѣности. Такъ, приводя цитаты по русскому переводу сочиненій Аонасія, онъ, повидимому, очень предупредительно указываетъ и глазу того или другаго сочиненія этого писателя (напр. на стр. 91: „см. Ае. о соборахъ ариминскомъ и т. д., гл. 23^а“). Но критикъ выпускаетъ изъ вниманія то обстоятельство, что сочиненія Аонасія въ подлинникѣ изданы съ раздѣленіемъ на главы, а въ русскомъ переводѣ этого раздѣленія совсѣмъ не соблюдено. Очевидно, критикъ взялъ цитату у какого-нибудь иѣнца, но не сообразилъ того, что раздѣленія на главы въ русскомъ изданіи-то и нѣтъ! Ничего подобнаго въ нашей книгѣ не встрѣчается и быть не можетъ. Мы на прокатъ не брали чужихъ цитатъ.

дорита въ греческомъ изданіи Миня, а мой критикъ вздумалъ провѣрять мои цитаты по русскому изданію этого историка, воображивъ, что это все равно. Но оказывается, что это не все равно. Русскій переводъ сдѣланъ съ другаго изданія Θεодорита, чѣмъ съ какого напечатанъ текстъ Θεодорита у Миня, вслѣдствіе чего между русскимъ переводомъ и изданіемъ Миня есть существенная разница въ счетѣ главъ церковной исторіи Θεодорита: что заключается въ четвертой главѣ первой книги въ изданіи *Миня*, то въ русскомъ переводѣ помѣщено въ пятой главѣ и т. д. (есть разница въ счетѣ главъ и въ другихъ книгахъ исторіи Θεодорита—между русскимъ изданіемъ и изданіемъ *Миня*). Очевидно, если взять русскій переводъ исторіи Θεодорита и смотрѣть въ немъ четвертую главу, то въ ней не окажется того, на что я ссылаюсь. Такъ и случилось съ критикомъ въ этомъ случаѣ и, вѣроятно, неоднократно ¹⁾. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, что мой критикъ совсѣмъ не знаетъ, что церковная исторія Θεодорита издается не одинаково, иначе я (на случай подобныхъ неопытныхъ критиковъ) упомянулъ бы объ этомъ обстоятельстве въ своей книгѣ. Изъ приведенныхъ выше фактовъ ясно видно, что мой критикъ не близко знакомъ съ источниками и съ первоисточниками—недостатокъ тѣмъ болѣе чувствительный, что вслѣдствіе его критикъ впадаетъ въ неточности, позволяетъ себѣ поспѣшныя обвиненія противъ автора разбираемой имъ книги. Вообще мой критикъ по собственной винѣ изъ обвинителя, какимъ онъ хочетъ быть, превращается

¹⁾ Цитирую-жъ я греческое изданіе Θεодорита и другихъ историковъ, а не русское, не вслѣдствіе какой-нибудь ученой притязательности, а потому что я по мѣстамъ въ своей книгѣ буквально привожу изъ нихъ отрывки греческаго текста и, по мѣрѣ надобности, исправляю и во всякомъ случаѣ провѣряю русскій переводъ.

въ обвиняемаго,—мы мѣняемся ролями.—Укажемъ другіе случаи, изъ которыхъ тоже видно, что критикъ не безъ грѣха предъ наукою по части твердости, точности и основательности его познаній. На стр. 138 критикъ утверждаетъ, что Григорій нисскій имѣлъ „особенное порученіе, возложенное на него антиохійскимъ соборомъ 379 года, объѣхать палестинскія церкви и возстановить въ нихъ порядокъ церковный“. Критикъ не указываетъ источника (онъ часто такъ поступаетъ), откуда онъ занялъ это свѣдѣніе. Полагаемъ, что онъ взялъ его изъ патристики Филарета черниговскаго (автора извѣстнаго неисправностию своихъ показаній); но откуда бы не взялъ его критикъ, оно болѣе, чѣмъ не точно. Стоило критику справиться съ собственными сочиненіями Григорія (если только о. Иванцовъ зналъ, что въ сочиненіяхъ Григорія можно навести справку объ этомъ), и тогда открылось бы ему, что Григорій не имѣлъ такой широкой миссіи, какую приписываетъ ему критикъ. Григорій заѣзжалъ въ Іерусалимъ *случайно*. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Григорій говоритъ: „мнѣ по необходимости случилось быть въ тѣхъ мѣстахъ ради собора, созваннаго для устройства церкви аравійской (а не палестинской). А такъ какъ Аравія сосредѣлена странѣ іерусалимской, то я обѣщался представителямъ іерусалимскихъ церквей прибыть къ нимъ“¹⁾. Смыслъ поѣздки въ Іерусалимъ, значитъ, совсѣмъ другой. Критику не слѣдовало бы слишкомъ довѣряться своимъ, хотя бы и авторитетнымъ на его взглядъ, руководителямъ²⁾. Случается, о. Иванцовъ во зло

¹⁾ Твор. Григ. нисскаго въ рус. пер. Ч. VIII, 459.

²⁾ А иногда о. Иванцовъ просто забываетъ то, что слѣдуетъ твердо помнить всякому, даже не особенно ученому, историку. Такъ онъ называетъ теорію субординаціи „чисто александрійскимъ“ ученіемъ (стр. 92). Но онъ забываетъ, что субординаціонистами были

употребляетъ свои права критика и смѣется надъ наукой, приводя то такія цитаты, которыя говорятъ далеко не то, что онѣ должны говорить по мысли критика, то такія, въ которыхъхъ совсѣмъ нѣтъ того, для доказательства чего дѣлается ссылка о. Иванцовымъ. На стр. 217 критикъ, опровергая нашу замѣтку о томъ, что Григорій Богословъ былъ почитателемъ римской церкви, утверждаетъ, что въ томъ мѣстѣ сочиненій Григорія, на которое я ссылаюсь, заключается противоположная мысль, „выражается то воззрѣнiе, что Константинополь—новый Римъ равенъ въ чести старому Риму“, и значить, по сужденiю о. Иванцова, Григорій скорѣе былъ почитателемъ новаго Рима или почитателемъ того и другаго Рима. Вотъ это мѣсто изъ Григорія: „два Рима, два свѣтила для вселенной. Что до красоты, они по *красотѣ* не уступаютъ другъ другу, а если спросишь объ ихъ вѣрѣ, одинъ съ древняго времени шель добрымъ путемъ и *идеть*, а другой (Константинополь) былъ *прежде* правослественъ, но теперь *не таковъ*, напротивъ же того погрязъ въ безднѣ гибели“ (Твор. Григ. въ русск. пер. VI, 23). Итакъ, по Григорію, Римъ древній и новый равны только по красотѣ—подразумѣвается—архитектуры и географическаго положенiя, но вѣдь критику не это слѣдовало доказать и не то опровергнуть. Изъ приведеннаго мѣста всякій (и даже не ученый) выведеть заключенiе, что Григорій былъ почитателемъ именно Рима, Рима древняго, какъ влiятельнаго религіознаго центра во вселенной. А иногда, какъ мы сказали, о. Иванцовъ дѣлаетъ въ такомъ родѣ ссылки на источники, что остается загадкой, къ

и Тертуліанъ и Ипполитъ: неужели и они были „чистыми александрийцами?“ Да и не развили ли они этого ученiя пораньше александрийцевъ (Оригена)? Объ этомъ критикъ могъ бы узнать хоть изъ своей диссертаціи: „Ереси и расколъ“.

чему это сдѣлано, такъ какъ въ нихъ совершенно не заключается того, что они должны заключать по идеѣ критика. На стр. 226 о. Иванцовъ замѣчаетъ: „что сочиненіе Григорія нисскаго о *Св. Духъ* писано было въ это время (во время II вселенскаго собора), объ этомъ см. свидѣтельство Иеронима de viris illustribus гл. 128“. Смотримъ и ничего не находимъ въ ней доказывающаго мысль критика. Глава 128 указаннаго сочиненія гласитъ: „Григорій, нисскій епископъ, нѣсколько лѣтъ назадъ (когда же именно?) читалъ мнѣ и Григорію Назіанзину свои книги *противъ Евномія* (а не о Св. Духѣ). Говорятъ, что онъ писалъ и теперь пишетъ много сочиненій „(вотъ и вся 138 глава). На стр. 138 о. Иванцовъ пишетъ: „о томъ, какъ *сильно* распространено было арианство въ Палестинѣ, можно получить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ писаній Иеронима: „жизнь св. Иларіона“ и Епифаніева Панарія: ерес. LXIX, 24, 27, 28“. Но смѣемъ увѣрить почтеннаго критика, что мы внимательно перечитали и жизнь Иларіона, описанную Иеронимомъ, и указанная критикомъ главы Панарія, и однакожь не нашли здѣсь *ни одного* слова, въ которомъ бы можно было обрѣсти указаніе на степень (я тѣмъ менѣе *сильную* степень) распространенія арианства въ Палестинѣ¹⁾. Что бы значилъ сонъ сей? Бдительность надъ собою дѣло далеко не лишнее для нашего критика. Критикъ неправильно приводитъ первое правило II-го вселенскаго собора. У него это правило читается такъ: „да не отмечается *символъ вѣры* трехъ сотъ восемнадцати отцевъ, бывшихъ на соборѣ въ Никеѣ, но да пребываетъ онъ *непреложнымъ*“ (209). Смѣемъ замѣтить критику, что греческія слова, τῆς πίστεως пере-

¹⁾ Можно допустить, пожалуй, опечатку въ указаніи главъ изъ Панарія, но вѣдь не опечатка же ссылка на жизнь Иларіона!

веденным у него словами „символь вѣры“ имѣють болѣе широкое значеніе. Напримѣръ, наша церковь исповѣдуетъ „вѣру никейскую“, но символа никейскаго въ ней никто не знаетъ, исключая специалистовъ—богослововъ ¹⁾. На стр. 15 критикъ утверждаетъ, что споръ о почитаніи трехъ святителей—Василія Вел., Григорія Богослова и Іоанна Златоуста относится къ XIII вѣку, тогда какъ онъ былъ при Алексѣѣ I Комнинѣ, слѣд. или въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка ²⁾. Въ книгѣ о. Иванцова есть географическія неточности, тѣмъ болѣе странныя, что онѣ касаются вещей самыхъ элементарныхъ. Критикъ ошибочно полагаетъ, что Палестина находится въ Малой Азіи („Палестина изъ всѣхъ мало-азіатскихъ странъ“ стр. 134), ошибочно же называетъ епископовъ — кесарійскаго въ Палестинѣ и тирскаго въ Фи-

¹⁾ Впрочемъ, въ русскихъ книгахъ это правило переводится и приводится неидеально. Въ „Опытѣ курса законовѣднія“ Іоанна смоленскаго правило читается такъ, какъ читаетъ его нашъ критикъ; также оно читается и въ книгѣ Правиль (изд. 1862). Но другіе читають не такъ. Въ старопечатной Кормчѣ (изд. 1653 г.) переводъ сдѣланъ точнѣе: „яже въ Никей... вѣра“ (см. переводъ правилъ съ толкованіями въ Чт. О. Д. Дух. Пр.); такъ же переведено это правило и въ казанскомъ изданіи „Дѣяній Вселен. соборовъ“ въ рус. переводѣ. Конечно буквальный переводъ текста правилъ съ толкованіями вольной передачи его, а слѣд. переводы Кормчѣ книги и казанской Академіи заслуживають предпочтенія предъ другими.— Считаю нужнымъ довести до свѣдѣнія моего критика, что слова правила: „да будетъ непреложнымъ“, представляютъ собой неправильный переводъ греческихъ словъ *ἀλλὰ μένει ἐκείνου κρείον*, эти слова слѣдовало бы перевести о. Иванцову такъ: „но да пребываетъ она (вѣра) господствующею“. Если бы здѣсь разумѣлся символъ никейскій, а не вѣра никейская въ общемъ смыслѣ, то получилась бы весьма странная мысль, именно, что соборъ былъ первымъ нарушителемъ своего собственнаго правила, такъ какъ соборъ этотъ издалъ новую редакцію символа безъ сомнѣнія съ тѣмъ, чтобы она стала „господствующею“ въ церкви. Во всякомъ случаѣ напрасно критикъ нашъ не справляется съ греческимъ текстомъ источниковъ.

²⁾ Если здѣсь опечатка, то спрашивается: почему критикъ поспѣшалъ пустить книгу въ свѣтъ, не исправивъ типографскихъ погрѣшностей?

никии „малоазіатскими“ (ibid); почему-то думаетъ, что Палестина лежитъ рядомъ съ Віеиніей („Палестина и лежація рядомъ съ ней Финикія... Віеинія“, 132); это все равно, что сказать: Петербургъ лежитъ рядомъ съ Москвой¹⁾.

Къ числу недостатковъ книги о. Иванцова нужно отнести далѣе то, что въ ней дѣло не обходится безъ противорѣчій, неумѣстныхъ въ сочиненіи, претендующемъ на строгое отношеніе къ другимъ. Вѣдь читатель будетъ поставленъ въ затрудненіе — чему же вѣрить: тому-ли, что говорится въ одномъ мѣстѣ книги ученаго критика, или тому, что говорится въ другомъ? Будемъ-ли смотрѣть на подобныя противорѣчія, какъ на свидѣтельство неустойчивости критика въ воззрѣніяхъ, или какъ на свидѣтельство поспѣшности работы и недостаточнаго вниманія къ дѣлу—все равно этотъ фактъ не теряетъ своего значенія. Говоря объ отношеніи Аристотеля и его логики и діалектики къ антиохійской школѣ, о. Иванцовъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (106) пишетъ: „страсть къ діалектикѣ и софистикѣ и самое искусство софистики аріанство, предполагають (правильно или нѣтъ— не объяснено), заимствовало отъ антиохійской школы, которая *будто бы образовалась* подъ особеннымъ влияніемъ логики и риторики Аристотеля“,—здѣсь, очевидно, выражено или косвенное отрицаніе влиянія Аристотеля на антиохійскую школу или во всякомъ случаѣ сильное недозѣріе къ положительному рѣшенію вопроса; а въ другомъ мѣстѣ книги (162) въ разрѣзъ съ сейчасъ приведенными словами, критикъ, нимало не сомнѣваясь, признаетъ влияніе Аристотеля

¹⁾ Быть можетъ, не стоило бы упоминать объ этихъ сравнительно неважныхъ—географическихъ погрѣшностяхъ критика, но мы не могли не сдѣлать этого, принимая во вниманіе слишкомъ высокій діапазонъ, съ какимъ критикъ поучаетъ другихъ...

на школу и притомъ въ полной мѣрѣ, безъ всякихъ ограниченій: „антіохійское богословіе находясь *болѣе* подѣ вліяніемъ аристотелевой философіи, обращало“ и пр. Критикъ, повидимому, еще не рѣшилъ вопроса о вліяніи Аристотеля на антіохійскую школу. По-дождемъ... Не уяснилъ себѣ съ должною полнотою критикъ и другаго вопроса: были-ли мелетіане и приверженцы Павлина въ Антіохіи умиротворены и примирены между собою еще до II вселенскаго собора или же нѣтъ? У него встрѣчается и то и другое воззрѣніе на вопросъ. Сначала, когда онъ говоритъ о вліяніи такъ называемыхъ отцевъ—каппадокійцевъ на дѣла церкви, онъ представляетъ примиреніе этихъ партій совершившимся фактомъ и замѣчаетъ: „эти учителя церкви положили начало къ примиренію въ самой Антіохіи партіи мелетіевой съ павлиновою, примиренію искреннему и *полному* (196); а чрезъ нѣсколько страницъ, когда пришлось критику изобразить дѣятельность II вселенскаго собора и объяснить, почему собору не удалось окончить распри между двумя указанными партіями, онъ затянулъ совѣзмъ другую пѣсню: „вѣроятно въ самомъ состояніи антіохійскаго христіанства“ (критикъ забываетъ, что христіанство одно и нѣтъ христіанства ни антіохійскаго, ни римскаго, а есть христіане антіохійскіе, римскіе и пр. — это къ слову) „остались еще нѣкоторыя причины, по которымъ соединеніе партіи Мелетія съ партією Павлина не могло пока представляться своевременнымъ“ (217); „можетъ быть до времени“ (до какого это?) „нужно было партіи Мелетія держаться въ сторонѣ отъ партіи Павлина“ (218. Ужъ и нужно? Значитъ нужны споры, раздѣленія въ Церкви?). Да какъ же это такъ—спросимъ критика. Вѣдь партіи еще до II вселенскаго собора приходятъ къ примиренію „искреннему и *полному*,—

и вдругъ имъ *нужно* нѣкоторое время чуждаться другъ друга! Согласитесь, что въ такихъ разсужденіяхъ помимо, ослѣпляющей глаза, мистификаціи ничего нѣтъ. Мы также не могли составить себѣ яснаго представленія о взглядѣ о. Иванцова на происхожденіе символа константинопольскаго, — этотъ взглядъ у него какъ-то двоится. На стр. 208—9 о. Иванцовъ говоритъ: “ частныя дополненія (къ символу никейскому, сдѣланныя, по воззрѣнію критика, на различныхъ соборахъ раньше 381 года) по общему согласію на новомъ (II) вселенскомъ соборѣ *сведены въ одну редакцію* константинопольскую; притомъ въ константинопольской редакціи, вѣроятно, приняты были во вниманіе не только мало-азійскія, но и палестинскія и можетъ быть еще какія нибудь мѣстныя редакціи символа “. Итакъ, судя по этимъ словамъ критика, II вселенскій соборъ *составилъ* символъ константинопольскій въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ соборъ никейскій составилъ символъ того-же имени. Въ другихъ же мѣстахъ своей книги (224 и др.) о. Иванцовъ не соглашается допустить „составленіе“ символа константинопольскаго II вселенскимъ соборомъ и признаетъ только “ принятіе и утвержденіе “ имъ символа, слѣдовательно символа уже готоваго, прежде существовавшаго, такъ что не къ чему было уже сводить въ одну редакцію редакціи многихъ символовъ—мало-азійскихъ и пр. и пр. Какой дѣйствительный взглядъ о. Иванцова—Богъ вѣсть. Читатель въ недоумѣніи, при видѣ противорѣчивыхъ сужденій почтеннаго ученаго ¹⁾).

1) Еще — сначала въ одномъ мѣстѣ книги онъ характеризуетъ александрійское направленіе, какъ такое, въ которомъ „преобладали *отвлеченныя* созерцательныя стремленія“ (25), а позже онъ самъ же протестуетъ противъ приписываемаго намъ отъ него пониманія „спекуляціи“ въ смыслѣ „отвлеченности мышленія“ (гдѣ у насъ вы-

Быть можетъ, также не мѣшало-бы критику изучить повнимательнѣе книгу, которую онъ подвергаетъ своему строгому суду. Это желаніе мы основываемъ между прочимъ на слѣдующемъ фактѣ. Критикъ заявляетъ: „авторъ не пользуется тѣми фактами, какими можно было-бы воспользоваться. Такъ г. Лебедевъ не ссылается на то указаніе соотношеній арианства съ ученіемъ Павла самосатскаго и Лукіана антиохійскаго, какое находится въ посланіи Александра александрійскаго“ (90). Пользуемся-ли мы этимъ посланіемъ или забываемъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ изъ нашей книги: „замѣчательно однакожь, по одному древнему свидѣтельству, и ересіархъ былъ также ученикомъ все того же Лукіана антиохійскаго“ (стр. 9), и затѣмъ цитата: *Alexandri epistola et cet.* ¹⁾ Такіе промахи едва-ли дѣлаютъ честь строгому критику. Въ книгѣ о. Иванцова встрѣчает-

сказана подобная мысль, критикъ не указываетъ, а мы, признаемся, не могли отыскать въ своей книгѣ ничего подобнаго; быть можетъ эта мысль и есть у насъ, но желательно было бы знать, въ какой комбинаціи она выражена?). Критикъ вообще немало противорѣчій открываетъ въ нашей книгѣ, но такихъ, о которыхъ мы не считаемъ нужнымъ и говорить-то,—противорѣчій дутыхъ, дѣланныхъ. Къ счастью, критикъ не могъ отыскать противорѣчій прямыхъ, отъ которыхъ не свободна его собственная диссертация: „Ересн и расколы первыхъ вѣковъ христіанства“ (М. 1877). Изъ нея намъ припомнился слѣдующій яркій примѣръ противорѣчій въ указаніи фактовъ. На стр. 115 утверждается: „партія Ипполита не была особенно сильна численностью“, а на стр. 203 сообщается, что къ приверженцамъ Ипполита принадлежало „большое число христіанъ“. Слава Богу, такихъ противорѣчій у меня въ книгѣ не оказалось.

¹⁾ Ошибка о. Иванцова, кажется, произошла отъ того, что онъ знаетъ посланіе Александра только по Исторіи Θεодорита, а межъ тѣмъ цитирую „якы соборовъ“, гдѣ также помѣщено это посланіе. Прочитавъ мою книгу, критикъ, быть можетъ, замаятовалъ: есть ли у меня указаніе на отношеніе Арія къ Лукіану, и просматривалъ мои ссылки на источники, чтобы провѣрить: есть ли у меня указаніе на этотъ фактъ; но не найдя ссылки на Исторію Θεодорита (I, 4), заключилъ, что я упустилъ изъ вниманія вышеуказанный фактъ, тогда какъ у меня фактъ ясно отмѣченъ, но по другому источнику.

ся случай такой передачи наших будто-бы мыслей, что мы затрудняемся понять ихъ. Не могли взять въ толкъ и того, что хочеть сказать критикъ по поводу нашихъ мыслей. Подобный примѣръ можно читать на стр. 232. „Не будь онъ (Несторій) по воспитанію человѣкомъ—это передаются наши мысли—который ничего не зналъ дальше стѣнъ монастырскихъ и книгъ, а будь онъ человѣкомъ опытнымъ касательно злобы дня; не будь онъ школьникомъ антиохійскимъ и (въ подлинникѣ: а) александрійскимъ, изъ него вышелъ-бы совсѣмъ другой человѣкъ. Но что говорить о томъ, чего нѣтъ“. „Къ чему здѣсь обобщенія, замѣчаетъ критикъ, къ чему намеки о нравственныхъ (?) качествахъ александрійскихъ школьниковъ (?) вообще? Мы находимъ, продолжаетъ критикъ, такіе намеки по меньшей мѣрѣ излишними и неосновательными. Полагаемъ, что при слѣдующемъ изданіи своей книги г. Л.—въ потрудится исключить изъ нея нѣкоторыя изъ этихъ строкъ, вѣроятно случайно попавшія въ печать“... Рѣшительно не понимаемъ замѣчаній о. Иванцова. Правда, мы причисляемъ къ приверженцамъ школы александрійской—Аѳанасія, Василія В., Григорія Бог., и Григ. нисскаго; но что худаго въ томъ, если станемъ утверждать, что они были опыты касательно „злобы дня“, хорошо знакомы были съ духомъ времени, съ духомъ общества, съ потребностями времени и сообразно съ этимъ дѣйствовали, не жертвуя убѣжденіями? Съ другой стороны, что похвальнаго въ томъ, что нѣкоторые антиохійцы, какъ Феодоръ мопсуетскій и Несторій, дѣйствительно не обладали знаніемъ духа времени, какимъ обладали первые: Феодора и Несторія сгубили книжный буквализмъ и непониманіе религиозныхъ потребностей времени. Впрочемъ мы готовы сдѣлать уступку критику—выпустить при второмъ изданіи книги (нужда въ которомъ, кста-

ти замѣтить, очень ощутительна) слово: „школьникъ“, антиохійскій, которое мы употребили *однажды* въ своей книгѣ. Но что касается какихъ либо другихъ выпусковъ на основаніи сейчасъ указанныхъ словъ критика, то пусть сначала онъ напишетъ комментарий къ своимъ словамъ, тогда и увидимъ: нужно-ли слѣдовать его совѣту или же можно и не слѣдовать! 1)

Пожалуй слѣдовало-бы еще сказать о характерѣ ироніи, съ какой относится къ нашему труду критикъ, о литературныхъ достоинствахъ его книги, вообще высокихъ, но не исключаяющихъ нѣкоторыхъ недостатковъ—какъ-то растянутости, повтореній, но мы оставимъ эти вопросы въ сторонѣ: и безъ того пришлось написать довольно, прежде чѣмъ могли мы приступить къ разбору самыхъ возрѣвнѣй научныхъ о. Иванцова, составляющихъ суть его книги и предметъ нашей критики.

II.

Книга о. Иванцова состоитъ изъ семи главъ. Разбирать первыя двѣ главы мы не станемъ, такъ какъ онѣ не непосредственно посвящены предмету нашего сочиненія „Вселенскіе соборы IV и V вѣка“. Первая глава касается общаго характера сектантскихъ движеній IV и V вѣка и даетъ характеристику древнихъ богословскихъ школъ. Что касается до общаго характера сектантскихъ движеній, то описаніе его о. Иванцовымъ имѣетъ мало отношенія къ предмету нашей диссертациі, раскрывающей спеціальнѣйшій вопросъ о

1) На стр. 230 книги о. Иванцова читаемъ слѣдующее, будто бы наше сужденіе: „антиохійская или несторіанская партія — представительница *раціонализма*, александрійская или православная — представительница *раціонализма*“.

Это что еще?!

догматической дѣятельности вселенскихъ соборовъ IV и V вѣка, а о характеристикѣ школъ, какую дѣлаетъ о. Иванцовъ, поговоримъ нѣсколько въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашихъ статей (при разсмотрѣніи вліянія школъ на догматическія движенія между I и II вселенскими соборами). Вторая глава „характеризуетъ научные и литературные приемы г. Лебедева“, а потому не имѣетъ общенаучнаго интереса; впрочемъ, нѣсколько замѣчаній относительно разсужденій критика въ этомъ отдѣлѣ мы уже сдѣлали, надѣемся сдѣлать и впередъ, не посвящая однакожь этому дѣлу спеціальнаго трактата.

Начнемъ разборъ книги о. Иванцова прямо съ III-ей главы, такъ какъ эта глава посвящена критическому анализу нашихъ результатовъ, изложенныхъ въ I-ой главѣ нашей книги. Здѣсь критикъ болѣе или менѣе подробно касается происхожденія арианства и исторіи никейскаго собора. Эти два вопроса главнымъ образомъ и разсмотримъ въ настоящей главѣ.

Вопросъ о происхожденіи арианства, какъ и вопросы о происхожденіи другихъ главныхъ ересей IV и V вѣка—аполлинаризма, маркелліанства, несторіанства и евтихіанства или монофизитства въ нашемъ сочиненіи *едва* затронуты. Мы очень хорошо понимаемъ, что, если эти вопросы изучить всесторонне и въ ихъ основѣ, то для этого нужно-бы написать отдѣльную, очень почтенныхъ размѣровъ диссертацию. Поэтому, о происхожденіи этихъ ересей мы сказали мало и даже очень мало. Мы занялись (и хотѣли заняться) другимъ вопросомъ о догматической дѣятельности вселенскихъ соборовъ IV и V вѣка, что и составило суть нашей книги.

Объ арианствѣ и его происхожденіи поэтому-то мы говорили мимоходомъ. Ересь арианская нами изложена не вполне, а лишь съ нѣкоторыхъ сторонъ, ко-

торыя должны были уяснить дѣятельность нѣкоторыхъ изъ указанныхъ соборовъ. Тѣмъ не менѣе то, что сказано нами въ нашемъ сочиненіи о происхожденіи аріанства, основано на такихъ твердыхъ историческихъ данныхъ, что мы не имѣемъ никакихъ побужденій отказываться отъ высказаннаго нами мнѣнія и присоединяться къ мнѣнію о. Иванцова, весьма отличному отъ нашего.

Аріанство по своему происхожденію мы объясняли влияніемъ на учителей аріанства школы антиохійской первой половины IV вѣка. О. Иванцовъ скептически относится къ нашему воззрѣнію, но его скепсисъ, какъ намъ кажется, не имѣетъ никакого серьезнаго основанія. Едва-ли часто можно встрѣчать въ Церковной Исторіи фактъ, который-бы такъ можно хорошо подтвердить и доказывать, какъ это можно сдѣлать въ отношеніи къ факту происхожденія аріанства изъ-подъ влиянія антиохійской школы. Въ самомъ дѣлѣ, о такомъ происхожденіи аріанства говоритъ самъ глава аріанъ—Арій, сами православные, — именно: Александръ, еп. александрійскій, самъ видѣвшій зарожде- ніе и происхожденіе аріанства, и послѣдующіе писа- тели утверждали ту же мысль. Арій, въ письмѣ къ Евсевию никоидійскому, изложивъ свое ученіе, на- зываетъ себя и Евсевія учениками Лукіана (пресви- тера), извѣстнаго представителя антиохійской школы конца III и начала IV вѣка; онъ говоритъ: „помни наши скорби истинный солукіанистъ“ (Θεοδ. I, 5). Извѣстный Александръ александрійскій, на глазахъ котораго обнаружилось аріанство впервые въ Алек- сандріи, ни мало не сомнѣвается, что это лжеученіе есть плодъ антиохійской школы. Онъ пишетъ Алек- сандру византійскому: „вы знаете, что вновь возстав- шее противъ церковнаго благочестія ученіе первоначально принадлежало Евіону и Артемѣ и есть подра- жаніе Павлу самосатскому, который былъ еписко-

помъ антиохійскимъ“ (отъ Евіона, конечно, производить аріанство едва ли справедливо: быть можетъ, никогда не существовало такого и лица, но несомнѣнно то, что, такъ называемымъ, евіонитскимъ ересямъ свойственно было уничижать Христа, а это составляетъ тенденцію и аріанъ; а сопоставлять ученіе аріанъ съ ученіемъ монархіанъ — Артемона и Павла самосатскаго и очень можно: монархіане слишкомъ высоко цѣнили ветхозавѣтную догму монотенстическую и въ слишкомъ неумѣренной защитѣ этой догмы унижали новозавѣтную догму о полномъ и всецѣломъ Божествѣ Сына Божія, но тоже самое дѣлали и аріане, которые выходили изъ той мысли, что Отецъ выше Сына, поставляя Сына въ подчиненное положеніе къ Богу Отцу) „и котораго преемникъ — Лукианъ въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣлъ общенія съ тремя епископами“ (изъ-за чего — исторія ничего не знаетъ: изъ-за догматическихъ-ли разностей въ воззрѣніяхъ, или изъ-за какихъ-либо другихъ причинъ). „Ихъ-то нечестія осадокъ заимствовали явившіеся нынѣ у насъ изъ — несущники и ихъ-то тайною отраслю должны быть почитаемы Аріій, Ахилла и соборъ прочихъ лукавствующихъ“. (Θεод. I, 4). Можно ли сомнѣваться въ правдивости этого свидѣтельства Александра касательно зависимости аріанства отъ школы антиохійской, представляемой Лукианомъ — не думаемъ. Конечно, то правда, что древніе писатели, рассуждавшіе о происхожденіи ересей, часто дѣлали очень поспѣшные выводы о генесисѣ ересей, часто сближали какую-нибудь новую ересь съ древнею уже осужденною отъ Церкви, — въ тѣхъ видахъ, чтобы вселить отвращеніе къ ней въ сердцахъ прочихъ христіанъ. Но объ Александрѣ мы не имѣемъ права такъ думать. Свидѣтельство Александра, какъ мы видѣли выше, подтверждали сами еретики

(Арій), а потому слова Александра получают значеніе историческаго факта. Послѣдующіе писатели также держались того же возрѣнія о происхожденіи аріанства изъ-подъ вліянія антиохійской школы. Таковъ былъ историкъ V вѣка Филосторгій. Правда, Филосторгій былъ писателемъ аріанскаго направленія, но отъ этого его свидѣтельство не теряетъ своей цѣны, напротивъ еще выигрываетъ въ цѣнности. Аріанамъ лучше могло быть извѣстно, откуда ведутъ они свое ученіе, чѣмъ кому-либо другому. Тѣмъ больше слѣдуетъ довѣрять Филосторгію, что это согласуется съ показаніями и самого Арія и православныхъ писателей древности, да и не можетъ быть заподозрѣно въ тенденціозности. Что въ самомъ дѣлѣ аріане могли пріобрѣсти отъ того, что раскрывали мысль о связи своего ученія съ школой антиохійскою и Лукіаномъ въ частности, — право, ничего, въ особенности въ то время, когда жилъ Филосторгій и когда всѣ главные счеты были уже давно покончены у православныхъ съ аріанами? А между тѣмъ Филосторгій очень обстоятельно отмѣчаетъ, что главнѣйшіе представители аріанства были учениками Лукіана, значить вышли изъ антиохійской школы. Такими онъ считаетъ ближайшихъ соратниковъ Арія: Евсевія никомидійскаго, Мариса халкидонскаго, Θεогниса никейскаго, Леонтія антиохійскаго, Антонія тарсійскаго, Астерія софиста и другихъ (кн. II, 3. 14). Филосторгій отмѣчаетъ и третью генерацію лицъ, вышедшихъ изъ той же антиохійской школы и заявившихъ себя аріанствомъ, именно учениковъ, учившихся у учениковъ Лукіана (III, 15).

Послѣ этихъ фактовъ намъ представляется мнѣніе о происхожденіи аріанства изъ школы антиохійской въ высшей степени основательнымъ, фактически твердымъ и вѣрнымъ. Сомнѣваемся, чтобы возможно бы-

ло сдѣлать какія-либо серьезныя возраженія противъ этого мнѣнія. Единственно вѣскимъ возраженіемъ представляется вотъ что (критикъ нашъ тоже дѣлаетъ это возраженіе): объ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ Лукіана исторія ничего почти не знаетъ; если будемъ производить арианство отъ Лукіана, то будемъ производить его отъ чего-то совершенно неизвѣстнаго. Возраженіе это, по нашему сужденію, легко устраняется. Мы знаемъ, чему учили ученики Лукіана, какія воззрѣнія они защищали, знаемъ, что они ставили свои воззрѣнія въ связь съ ихъ образованіемъ, какое они получили въ школъ Лукіана; слѣдовательно, будетъ ничуть не поспѣшнымъ заключать, что въ школъ они были подготовлены къ развитію тѣхъ воззрѣній, съ какими исторія встрѣчаетъ ихъ впослѣдствіи. О Лукіанѣ можно сказать: по плодамъ его познаете его. Приведемъ себѣ на память еще слѣдующую параллель. Всѣ историки философіи считаютъ Аммонія Саккоса основателемъ неоплатонизма, но о самомъ ученіи Аммонія ничего неизвѣстно. Считается достаточнымъ, что знаменитый Плотинъ, возведшій въ систему ученіе неоплатоническое, учился у Аммонія, для заключенія, что Аммоній былъ основателемъ неоплатонической школы. Тоже можно думать и объ отношеніи арианства къ Лукіану.

Сколько знаемъ, въ западной наукѣ (къ которой нашъ критикъ относится полупрезрительно, полуснисходительно) мнѣніе о происхожденіи арианства отъ школы антioxійской представляется господствующимъ. Раньше имѣли кредитъ и другія мнѣнія (въ родѣ тѣхъ, которыя развиваетъ въ противоположность намъ критикъ), но они уже оставляются въ виду ихъ эфемерности и бездоказательности. Въ русской литературѣ первое мнѣніе высказывается тоже нерѣдко, хотя въ должной полнотѣ не было еще никѣмъ раскрыто (безъ

сомнѣнія, потому, что у насъ наукой занимаются вообще не особенно энергично). Того же мнѣнія держался и покойный А. В. Горскій, который, въ своемъ сочиненіи объ Аѳанасіи Великомъ, настойчиво утверждаетъ мысль о той связи, которая соединяла арианъ, какъ бывшихъ учениковъ антиохійской школы, не вдаваясь впрочемъ въ прямое изслѣдованіе вопроса о происхожденіи арианства: „Арій, говорилъ почтенный изслѣдователь, получилъ образованіе въ Антиохіи, славился діалектикой“. „Отверженный въ Египтѣ, онъ обратился къ своимъ друзьямъ въ Палестинѣ, Сиріи и Малой Азіи, гдѣ были у него товарищи по училищу“. „Филосторгій, перечисляя *вышедшихъ подобно Арію изъ антиохійскаго училища*, насчитываетъ до одиннадцати епископовъ, изъ которыхъ большая часть принимали потомъ живое участіе въ дѣлѣ Арія и *держались его стороны*“. „Самое дѣятельное участіе въ судьбѣ Арія принялъ Евсевій никомидійскій — его товарищъ по антиохійскому училищу“¹⁾. Больше нашъ ученый ничего не говоритъ о происхожденіи арианства, безъ сомнѣнія, считая достаточно того, что имъ сказано въ вышеуказанныхъ словахъ. Не потому, конечно, покойный Горскій присоединялся къ подобному мнѣнію, что тогда, быть можетъ, это было моднымъ мнѣніемъ, развитымъ Бауромъ и другими нѣмцами, а потому, что оно опирается на факты, а не на фантазію, а, какъ извѣстно, отъ добра добра не ищутъ.

О. же Иванцовъ этому ясному и основательному мнѣнію хочетъ противопоставить другое — о происхожденіи арианства изъ-подъ вліянія александрійской школы, въ частности отъ Оригена, съ примѣсью къ этому вліянію какихъ-то языческо-неоплатоническихъ

1) Жизнь св. Аѳанасія Великаго стр. 36—38 М. 1851.

элементовъ. Это мнѣніе составляетъ взглядъ, противоположный нашему взгляду. Оно очень не ново, даже можно сказать очень обветшало и лучшими западными историками сдается уже въ архивъ. Впрочемъ, что это мнѣніе не ново, этого не скрываетъ и почтенный критикъ. Онъ вообще говоритъ о своихъ воззрѣніяхъ по научнымъ вопросамъ, что они составляютъ „припоминаніе стараго“ (стр. 6). Дѣйствительно, его объясненіе происхожденія аріанства вліяніемъ александрійской школы можно находить въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ Баура, а также у Гагема-на, Гефеле, превосходнаго критика, но плохаго историка, и другихъ. Изъ русскихъ ученыхъ оно встрѣчается въ очень развитомъ видѣ у г. Снегирева, въ его сочиненіи: „Ученіе о лицѣ Іисуса Христа“ (стр. 284—292, Казань, 1870) ¹⁾. Но, конечно, то еще не большая бѣда, что воззрѣніе критика не ново. Не все то хорошо, что ново. Быть можетъ, теорія о. Иванцова очень основательна, покоится на фактическихъ доказательствахъ, констатируется ходомъ исторіи аріанства? къ сожалѣнію, этого никакъ нельзя сказать. Правда, о. Иванцовъ тратитъ очень много разсужденій на доказательство внутренняго сходства аріанства и александрійско-оригеновскихъ воззрѣній (стр. 93 и дал.). Но онъ не можетъ привести ни одного доказательства фактическаго и непререкаемаго въ пользу своей теоріи. Въ концѣ концовъ самъ изслѣдователь, о. Иванцовъ, сознается, что его теорія есть только теорія и никакъ не больше, и тѣмъ предостерегаетъ читателя не слишкомъ довѣряться ей. Онъ не умалчиваетъ, что его соображенія о происхожденіи ари-

¹⁾ Мысль о вліяніи языческо-неоплатоническихъ идей на происхожденіе аріанства развита у Гефеле и можно сказать доведена до той крайности, которая ясно даетъ знать о непригодности теоріи.

анства имѣютъ лишь „предположительный характеръ“, что его разъясненія дѣлаются „при помощи различныхъ (?) комбинацій и аналогій, а не на основаніи прямыхъ показаній источниковъ“ (109). Значитъ, кто хочетъ, пусть вѣритъ о. Иванцову въ его разъясненіяхъ, а кто не хочетъ, не вѣрь. Мы принадлежимъ къ невѣрующимъ въ теорію о. Иванцова. Мы сами когда-то начали съ того же, что проповѣдуетъ теперь о. Иванцовъ, т. е. допускали, что арианство вышло изъ-подъ вліянія александрійско-оригеновой школы, но въ виду полной фактической бездоказательности должны были отказаться отъ этого воззрѣнія. Въ исторіи очень легко проводить параллели и аналогіи, но отъ этого доказываемая мысль не становится яснѣе и тверже, хотя, быть можетъ, и выигрываетъ въ философичности и своего рода привлекательности. Лучше держаться фактовъ! Критикъ въ пользу своего мнѣнія не приводитъ никакихъ историческихъ показаній изъ времени развитія арианства. Онъ не сослался даже на свидѣтельство Елифанія, производившаго арианство отъ Оригена, а также и на свидѣтельство Маркелла, выводившаго арианство изъ этого же источника ¹⁾. Можно полагать, что критикъ не надѣялся найти достаточно опоры для своего мнѣнія въ этихъ одностороннихъ показаніяхъ, и, замѣтимъ, очень хорошо сдѣлалъ. Въмѣсто того, чтобы имѣть дѣло съ историческими свидѣтельствами, критикъ, пренебрежительно отвернувшись даже отъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя хоть сколько нибудь могли бы придать внѣшней благовидности для его воззрѣнія (какъ сейчасъ указаннаго свидѣтельства) задрапировывается въ философскій плащъ

¹⁾ См. объ этомъ у Нендера. *Allgem. Gesch.* B. I., S. 796—7. Gotha. 1856.

и прямо и безбоязненно разсѣкаетъ гордіевъ узелъ при помощи „различныхъ комбинацій“.

Къ прискорбію критика не только нельзя доказать фактически, что арианство возникло, какъ дальнѣйшій, но прямой выводъ изъ александрійско-оригеновскихъ началъ, но и найдется не мало фактовъ, говорящихъ противъ его теоріи. Не перечисляя всего, скажемъ лишь немного. Отцы церкви, напр. Аѳанасій, вопреки арианамъ, которые, вѣроятно, въ видахъ смущенія православныхъ почитателей Оригена, называли Оригена своимъ споспѣшникомъ, ясно доказывалъ, что съ большимъ правомъ православные должны считать Оригена своимъ учителемъ, а отнюдь не ариане. Неужели—спросимъ критика—такой ученый богословъ, какъ Аѳанасій, житель Александріи, знакомый, безъ сомнѣнія, лично съ самимъ Аріемъ, ошибался, не признавая Оригена единомышленникомъ арианъ? Или неужели допустимъ, что Аѳанасій обманывалъ себя, обманывалъ и другихъ? Это мнѣніе тѣмъ безпристрастнѣе, что Аѳанасій не былъ поклонникомъ Оригеновой системы. Послѣдовательнѣйшіе изъ арианъ ни во что ставили какъ Климента, такъ и Оригена. Сократъ замѣчаетъ объ Аэціѣ, что онъ Климента и Оригена совсѣмъ не зналъ (II, 35), т. е. пренебрежительно относился къ Клименту и Оригену, этимъ столпахъ александрійской школы. Мыслимо ли это, если допустимъ, что арианство стояло въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ александрійской школой, какъ думаетъ о. Иванцовъ? Въ этомъ случаѣ Аэцій смотрѣлъ также на Оригена, какъ и вся антїохійская школа (о чемъ скажемъ впоследствии), изъ которой, по нашему мнѣнію, выродился арианизмъ. Съ другой стороны: есть-ли хоть одинъ фактъ, который-бы свидѣтельствовалъ, что ариане пренебрежительно относились къ Лукіану, главѣ антїохійской школы, учите-

лю Арія? Нѣтъ. Достоинно замѣчанія то обстоятельство, что въ древней Церкви на взглядъ нѣкоторыхъ представлялось совсѣмъ невозможнымъ дѣломъ, — быть въ одно и тоже время и почитателемъ Оригена и приверженцемъ аріанства. Такъ, когда видѣли, что къ аріанству присталъ нѣкто пресвитеръ Тимоѳей, человекъ „дышавшій Оригеномъ“, то, совсѣмъ не могли переварить мысли: какъ это могло случиться, что поклонникъ Оригена и вдругъ не принадлежитъ къ „единосущникамъ“ (Сокр. VII, 6). Значить, въ древней Церкви для людей съ просвѣщеннымъ взглядомъ представлялось дѣломъ невозможнымъ — поставять въ связь такіе два факта, какъ оригенизмъ и аріанство. (Неужели о. Иванцовъ проникательнѣе тѣхъ лицъ, которые знали оригенизмъ и аріанство побольше и поближе, чѣмъ мы теперь знаемъ?) Очень страннымъ представляется и вотъ какой фактъ съ точки зрѣнія критика. Аріанство есть плодъ александрийско-оригеновскаго богословствованія; такъ. Но какимъ же чудомъ аріанство меньше всего нашло себѣ жаркихъ послѣдователей въ Александріи и Египтѣ? Правда, шуму въ Александріи и Египтѣ по поводу аріанства было много, но Египетъ и въ особенности Александрія любили шумѣть, но все дѣло и ограничилось шумомъ. Перечитайте посланіе Александра александрийскаго къ Александру византійскому, написанное въ то время, когда аріанство получило громкую извѣстность въ Александріи и Египтѣ, сочтите, сколько приверженцевъ Арія поименовано здѣсь — и вы поразитесь чрезвычайно малымъ числомъ сторонниковъ Арія: изъ епископовъ здѣсь не упомянуто *ни одного*, изъ пресвитеровъ — опять *ни одного* (изъ пресвитеровъ приверженцемъ ереси названъ только одинъ Арій), изъ діаконовъ — девять (Ѳеод. I. 4). Согласитесь, что вѣдь этого очень не

много, если допустимъ съ о. Иванцовымъ, что арианство есть растеніе туземное для Египта? Въ другомъ посланіи того же Александра, „посланіи окружномъ“, написанномъ позднѣе предыдущаго посланія, опять перечисляются приверженцы ереси въ Александріи и Египтѣ, но опять ихъ оказывается мало. Число простыхъ клириковъ съ девяти поднялось до 11. Между приверженцами ереси, кромѣ того, насчитывалось и двое епископовъ—Θεона и Секундъ. Но кто не согласится, что число еретиковъ арианъ и по этому посланію ничтожно, поразительно ничтожно, въ особенности, когда возьмемъ во вниманіе, что это былъ большой церковный округъ, изъ котораго еп. Александръ могъ созывать цѣлыхъ сто епископовъ для осужденія арианъ (Сокр. I. 6). Что касается до свѣтскаго общества, народа въ Египтѣ, то сколько мірянъ принадлежало къ арианству—объ этомъ исторія мало знаетъ¹⁾.

Итакъ факты не въ пользу теоріи о. Иванцова, а рѣшительно противъ нея²⁾.

О. Иванцовъ, впрочемъ допускаетъ, что арианство возникло на почвѣ александрійской, но съ нѣкоторымъ воздѣйствіемъ и антиохійской школы (107). Мы съ своей стороны тоже готовы сдѣлать уступку въ пользу александрійской школы, если онъ приметъ, что арианство вышло изъ антиохійской школы съ нѣ-

1) Правда, Созоменъ (I, 15), неизвѣстно на какомъ основаніи полагаетъ, что къ Арію пристало не мало народу въ Египтѣ, но если извѣстіе и справедливо, то это ровно не имѣетъ никакого значенія, какъ скоро не можетъ быть доказано, что народъ былъ проникнутъ оригеново-александрійскими идеями. Жители Египта, въ особенности Александріи, вѣдь, очень любили шумѣть.

2) Не мѣшаетъ напомнить о. Иванцову, что г. Болотовъ, авторъ недавно вышедшаго спеціальнаго и основательнаго изслѣдованія „Ученіе Оригена о св. Троицѣ“ (СПБ. 1879), не находитъ возможнымъ поддерживать теоріи въ родѣ теоріи о. Иванцова и замѣчаетъ: „по своему происхожденію арианство не стоитъ въ причинной связи съ оригенизмомъ“ (397).

которымъ воздѣйствіемъ александрійской школы, воздѣйствіемъ тонкимъ, неуловимымъ, но возможнымъ, потому что идеи по природѣ своей текучи и не поддаются герметическому закупориванію.

Переходимъ къ исторіи Вселенскаго собора. Сдѣланный нами очеркъ этого вселенскаго собора, кажется, совсѣмъ не нравится критику. Онъ, что называется, и рветъ и мечетъ, подвергая разбору наши воззрѣнія. Но мы не видимъ особенной научной необходимости отказаться отъ того, что нами сказано въ нашей диссертациі. Впрочемъ, мы вполне готовы осуждать тѣ мысли и мнѣнія относительно I вселенскаго собора, какія по обыкновенію навязываетъ намъ критикъ, потому что этихъ мыслей и мнѣній мы никогда не держались. Но обращаемся къ разбору сужденій о. Иванцова о нашей книгѣ.

Критикъ прежде всего недоволенъ нашей характеристикой отцевъ церкви, засѣдавшихъ на I вселенскомъ соборѣ. Эта характеристика въ общемъ у насъ такова: „эта партія (православная) состояла изъ героевъ вѣры, ознаменовавшихъ свою вѣру исповѣдничествомъ въ предшествовавшія гоненія. Ихъ вѣра была проста, пряма и искренна. Они вѣровали, какъ и чему учила Церковь, не вдаваясь въ тончайшія изслѣдованія. Эти члены вполне подчиняли свой разумъ святой вѣрѣ“ (О. Иванцовъ, стр. 76). Характеристика эта подтверждена фактами и свидѣтельствами и повидимому не заключаетъ въ себѣ ничего такого, изъ-за чего-бы можно было вести войну противъ насъ. Но критикъ здѣсь усматриваетъ что-то въ родѣ стремленія унижить отцевъ собора, выставить ихъ людьми необразованными. „Едва-ли можно, пишетъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, назвать партією *простецовъ* и *невъждъ* (курсивъ у о. Иванцова) партію, къ которой принадлежали почти всѣ дѣятели богословской литературы начала

IV вѣка“ (77). Читая эти строки о Иванцова, невольно воскликнешь: „вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день“! Да гдѣ жъ онъ нашелъ, что я считаю отцевъ собора „простецами и невѣждами“?—Это для меня остается неизвѣстнымъ. (Правда, эти слова встрѣчаются у насъ въ характеристикѣ отцевъ собора—критикъ ихъ не приводитъ въ данномъ случаѣ, а приводитъ позже, — но въ такой комбинаціи, которая, какъ мы увидимъ ниже, не бросаетъ ни малѣйшей тѣни на православныхъ членовъ собора). Главнымъ образомъ его поразило замѣчаніе, которое мы дѣлаемъ въ заключеніе указанной характеристики: „говоря, какъ о характеристической чертѣ этой партіи о томъ, что она отстранялась отъ пытливыхъ изслѣдованій, мы должны однакожъ признать, что къ этой партіи принадлежали и нѣкоторыя (это слово критикъ подчеркиваетъ) лица, имѣвшія серьезное образованіе, отличавшіяся въ діалектикѣ и учености“ (у о. Иванцова, стр. 78). Это замѣчаніе, по сужденію критика, неосновательно, потому что имъ недостаточно оцѣниваются умственные качества православныхъ членовъ собора, и потому что оно противорѣчитъ будтобы историческимъ показаніямъ (при этомъ онъ дѣлаетъ ссылки на историковъ, которыхъ мы разберемъ сейчасъ). Напрасно гнѣвается критикъ. Мы *ничего* не исказили въ историческихъ показаніяхъ и сдѣлали характеристику отцевъ въ полномъ соотвѣтствіи съ фактами. Число православныхъ членовъ собора, объ образованіи и заслугахъ которыхъ для богословской науки подлинно извѣстно, было дѣйствительно не велико. Критикъ въ укоризну и опроверженіе нашего воззрѣнія перечисляетъ всѣхъ, какихъ онъ и исторія знаютъ, выдающихся по своему просвѣщенію православныхъ членовъ собора, но онъ насчитываетъ только пятерыхъ: Александра александрійскаго (отъ

котораго, замѣтимъ, осталось два посланія, хотя имъ и писано было больше), Іакова низивійскаго, Евстаѳія антиохійскаго, Маркелла апкирскаго (впослѣдствіи еретикъ) и Аѳанасія Великаго, тогда еще архидіакона. ¹⁾ Такимъ образомъ самъ критикъ нашъ могъ насчитать очень немного православныхъ членовъ собора, образованность и ученость которыхъ можетъ быть подтверждена фактами. Если возьмемъ число всѣхъ православныхъ членовъ собора, руководясь въ этомъ случаѣ вычисленіями самого критика, который полагаетъ, что аріане составляли какую-нибудь десятую часть общаго собранія отцевъ (стр. 77), то выйдетъ, что число православныхъ представителей въ Никейѣ простиралось до 290 (число членовъ собора

¹⁾ Можно было-бы задать себѣ вопросъ: можно-ли считать Аѳанасія за дѣйствительнаго члена собора, когда членами собора были лишь епископы? Но мы не хотимъ спорить по этому вопросу. Будемъ считать его дѣйствительнымъ членомъ собора, какъ желаетъ этого о. Иванцовъ. Важенъ другой вопросъ: можно ли говорить объ Аѳанасіи, какъ о дѣятелѣ богословской науки, когда рѣчь идетъ о I Вселенскомъ соборѣ, какъ скоро извѣстно, что вся литературная дѣятельность Аѳанасія относится ко времени значительно позднѣйшему никейскаго собора. Правда, Аѳанасію принадлежатъ два сочиненія: „Противъ язычниковъ“ и „О воплощеніи Бога Слова“, о которыхъ думаютъ, что они написаны Аѳанасіемъ еще до I вселенскаго собора. Но доказательства, на которыя опирается это мнѣніе, не имѣютъ большой силы. Говорятъ: въ нихъ не упоминается и даже стороною не опровергается арианство, слѣдовательно, они написаны до развитія арианства (равнѣ 318 года) и конечно до I вселенскаго собора. Но нужно помнить, что эти сочиненія аполлогетическія, слѣдовательно, написаны противъ нехристіанъ. Къ чему же здѣсь было прилетать полемику противъ арианъ? Говорятъ еще: эти сочиненія отличаются юношескою живостью. Но вѣдь есть писатели, которые до старости сохраняютъ юношеское одушевленіе; къ такимъ писателямъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ и Аѳанасій. Если Аѳанасій писалъ эти сочиненія еще до времени развитія арианства, то непонятнымъ представляется, почему послѣ изданія этихъ сочиненій Аѳанасій прерываетъ на цѣлыя 25 лѣтъ и даже больше свою литературную дѣятельность, такъ какъ литературная дѣятельность его достигаетъ своего развитія не ранѣ пятидесятихъ годовъ IV вѣка. Не правильнѣ-ли будетъ и вышеупомянутыя сочиненія его относить къ тому же періоду литературной дѣятельности его?

обыкновенно полагають въ 318, вычтя 10% арианъ, такъ и выйдетъ круглымъ счетомъ, какъ мы сейчасъ сказали). Значить, по вычисленію самого критика, выходить, что число ученыхъ лицъ православной стороны относилось къ числу такихъ, объ образованіи которыхъ ничего не извѣстно, какъ 5: 290. И, слѣдовательно, мы имѣли достаточныя основанія сказать, что „нѣкоторые“ члены православной стороны отличались серьезнымъ образованіемъ и ученостью, но не могли и не должны были говорить: „многіе“ или „всѣ“. потому что этого мы не могли-бы доказать; не доказываетъ и нашъ оппонентъ.

Критикъ укоряетъ насъ въ томъ, что будто бы, составляя характеристику православной стороны собора, мы воспользовались древними свидѣльствами односторонне. У древнихъ писателей, по его словамъ, на первомъ планѣ выступаетъ указаніе на просвѣщенность и ученость православныхъ членовъ собора, а ихъ простота на второмъ (78); и еще, по его мнѣнію, авторъ, т. е. я, приводитъ „свидѣтельства древнихъ источниковъ въ усѣченномъ видѣ или не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ они находятся въ самыхъ источникахъ“ (79). Критикъ думаетъ, что въ особенности испорчены нами свидѣтельства *Евсевія*, *Сократа* и *Созомена* (стр. 79, прим. 13). Но въ дѣйствительности ничего такого нѣтъ. Свидѣтельства взяты въ томъ видѣ, какъ они находятся въ источникахъ, только они пропущены сквозь фильтръ критики, чего о. Иванцовъ знать не хочетъ. Провѣримъ тѣ источники, къ которымъ онъ апеллируетъ.

Евсевій (жизнь Константина, III, 9) говорить о *всѣхъ* представителяхъ собора: „изъ служителей Божіихъ одни знамениты были словомъ мудрости, другіе украшались строгостію жизни и подвижниче-

ствомъ, а иные отличались мѣрностью нрава; были между ними и такіе, которыхъ уважали за долголѣтіе, были и другіе блиставшіе юностію и бодростію душевною; были также лица еще недавно вступившія на поприще служенія“ (вся глава). Что можно вывести изъ этой главы Евсевія—ничего опредѣленнаго. На соборѣ были лица всякія,—и только. Вотъ почему мы не обратили особеннаго вниманія на эту главу Евсевія. Но было еще побужденіе, приводившее къ тому же,—побужденіе поважнѣе. Мы совсѣмъ не знаемъ, о комъ говоритъ Евсевій, какъ о лицахъ отличавшихся „словомъ мудрости“, а потому и не помѣстили этихъ словъ въ характеристикѣ православной стороны собора (въ чемъ критикъ видитъ продерзость съ нашей стороны. 79). Мы не знали, и теперь не знаемъ: говоритъ ли здѣсь Евсевій о православныхъ членахъ собора, или объ аріанахъ, или о тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Сомнительно, чтобы онъ говорилъ здѣсь о православныхъ отцахъ, такъ какъ онъ самъ былъ приверженцемъ аріанства всегда и на самомъ соборѣ никейскомъ (объ этомъ ниже, а также см. въ нашей книгѣ стр. 2 прим.); очень можетъ быть, что онъ говоритъ здѣсь объ аріанахъ, но это недостоверно извѣстно (кто можетъ проникнуть въ душу Евсевія, писавшаго эти строки?); вѣроятнѣе всего, что онъ говоритъ здѣсь о православныхъ и аріанахъ вмѣстѣ, а въ такомъ случаѣ на какомъ основаніи примѣнять эти слова лишь къ православнымъ членамъ собора и не лучше ли совсѣмъ игнорировать ихъ, что я и сдѣлалъ (и сдѣлалъ, полагаю—благоразумно).

Сократъ (I, 8) также не даетъ ничего такого для характеристики православной стороны собора, что было бы опущено мною въ ущербъ истинѣ и безпристрастію. Въ 1-й книгѣ въ восьмой главѣ (къ

которой критикъ отсылаетъ автора въ видахъ вразумленія послѣдняго) нѣтъ ничего новаго въ сравненіи съ Евсеіемъ. Сократъ буквально повторяетъ характеристику членовъ собора никейскаго, сдѣланную Евсеіемъ (а мы знаемъ, какую цѣну имѣютъ показанія этого послѣдняго историка). Итакъ, какимъ образомъ Сократъ можетъ научить насъ чему нибудь особенному, когда онъ лишь повторяетъ слова другого въ указанномъ отношеніи? При разсмотрѣніи свидѣтельства Сократа о Иванцовъ въ особенности ставить въ упрекъ автору книги „Вселенскіе соборы“ то, что будто-бы онъ не въ пользу отцевъ православной стороны собора направилъ слова нѣкоего древне-аріанскаго писателя Савина (правильнѣе: Савина) и не воспользовался замѣчаніями Сократа по поводу этихъ словъ Савина. Послушаемъ, что говорить противъ насъ критикъ: „изъ историка Сократа авторъ приводитъ свидѣтельство, что для противоположной партіи отцы никейскаго собора казались людьми простыми и неимѣющими знанія“. И въ примѣчаніи къ послѣднимъ словамъ тирады о Иванцовъ пишетъ: „ιδιώτας καὶ μὴ ἔχον ὑπόβλην, — авторъ рѣшительнѣе передаетъ смыслъ послѣдняго эпитета (какого?) казались „неождадами“ и для большей выразительности ставить эти слова въ кавычкахъ“. Затѣмъ о Иванцовъ въ текстѣ продолжаетъ: „такія слова дѣйствительно находятся въ исторіи Сократа, но они принадлежать не самому Сократу, а аріанскому писателю Савину. Сократъ тутъ же опровергаетъ этого Савина и опровергаетъ между прочимъ свидѣтельствомъ Евсевія кесарійскаго, на котораго ссылается самъ Савинъ, какъ на „свидѣтеля мудраго и достойнаго“ (80). Здѣсь, читатель, почти, что ни слово, то ложь, а возникло это скопленіе лжи у критика вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ. Дѣ-

дать нечего, приходится вразумить и научить серьезнаго критика. Во первыхъ, приводя слова Савина въ своей книгѣ, мы отнюдь не выражали своего согласія съ ними. Мы просто замѣтили, что „для партіи противоположной они (отцы собора) казались простецами и даже „невѣждами“ (стр. 3). Но вѣдь это такъ и въ самомъ дѣлѣ было. „Казались“, но съ правомъ-ли? На этотъ вопросъ утвердительно я не отвѣчаю. Что же тутъ ненаучнаго, превратнаго? Во вторыхъ, напрасно критикъ думаетъ, что я самъ и умысленно („для большей выразительности“) перевелъ одно изъ выраженій Савина (какое именно—у критика не поймешь), въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на отцевъ собора,—неуважительно словомъ „невѣжды“. Мнѣ не предстояло такого труда; я взялъ выраженіе готовое: оно находится въ русскомъ переводѣ Сократа (на стр. 53). Я никогда не слыхалъ, что переводъ Сократа сдѣланъ съ какою-либо злокозненною тенденціей. Критикъ дѣлаетъ мнѣ упрекъ совершенно несправедливо. Онъ не потрудился прочесть со вниманіемъ ту главу Сократа, какую я цитирую (девятую). Глава оказалась очень длинною (предательская длиннота!), онъ просмотрѣлъ ее кое-какъ, второй разъ прочесть счелъ обременительнымъ и рѣшилъ, что должно быть нужно искать цитируемое мною мѣсто въ предъидущей (восьмой) главѣ, случайно натолкнулся на слова Савина, схожія съ тѣми, какія я привожу—и вотъ готово обвиненіе, что я позволяю себѣ переводить такъ, какъ не переводятъ другіе,—что я перевелъ-де съ злонамѣренною цѣлію унижить отцевъ собора. А на повѣрку оказывается, что критикъ борется съ вѣтряными мельницами, подобно извѣстному герою Сервантеса. Если бы критикъ да взглянулъ въ греческій текстъ Сократа (у меня услужливо указана и страница, надъ

чѣмъ напрасно подсмѣивается критикъ) и если бы онъ провѣрилъ это мѣсто по русскому переводу, онъ не сталь-бы бросать грязью въ другихъ. Но нашъ критикъ нѣ столько хочетъ истины, сколько ищетъ поводовъ и пищи для своей подозрительности ¹⁾. Въ третьихъ слѣдуетъ значительно ограничить слова критика, что будто Сократъ рѣшительно опровергаетъ замѣчаніе Савина о простотѣ и малообразованности отцевъ собора. Опять бѣда для критика вышла изъ за того, что онъ (ужь и не знаю—почему....) читалъ все восьмую главу Сократа, тогда какъ я указывалъ (и весьма ясно) читателю девятую. Въ девятой же главѣ онъ усмотрѣлъ бы слѣдующія слова Сократа по поводу замѣчанія Савина (усмотрѣлъ бы и нѣсколько постигъ бы): „онъ (Савинъ) не понимаетъ, что если (по русск: „хотя-бы“) члены собора и были просты (ὄς εἰ καὶ ἰδιώται ἤσαν οἱ τῆς συνόδου), они однако, просвѣщенные Богомъ и благодатию Духа Святаго, не могли отступить отъ истины.“ Очевидно, Сократъ не очень чуждался и не боялся мысли, что отцы собора были просты и неучены. Онъ хорошо понималъ, что дѣло не въ учености, а въ способности сказать и утверждать истину. Замѣчаемъ все это не въ защиту самихъ себя (нѣтъ надобности защищаться въ томъ, чего совѣмъ нѣтъ въ нашей книгѣ), а единственно для вразумленія критика строгаго, но не разборчиваго въ средствахъ полемики. То правда, что Сократъ опровергаетъ слишкомъ дерзкое замѣчаніе Савина объ отцахъ собора и опровергаетъ словами

¹⁾ Быть можетъ, кто подумаетъ: „не стоило разбирать такіа мелочи“. Это правда, но замѣйте, подобныя кривотолки моихъ возрѣній, въ особенности возрѣній, высказанныхъ въ первыхъ главахъ моей книги, и послужили фундаментомъ для дальнѣйшихъ обвиненій насъ критикомъ... Намъ хочется указать тотъ (ложный) путь, какими добываетъ критикъ свои „разныя комбинаціи“ на нашъ счетъ.

Евсевія, но не идетъ до крайности. Простота отцевъ (разумѣется, не всѣхъ) была для него фактомъ, но такимъ, изъ котораго нельзя выводить заключенія о несовершенствѣ и того дѣла, для котораго они собрались и которое они исполнили.

Не много помогаетъ критику и аппеллированіе въ защиту своихъ критическихъ кривотолковъ и къ историкъ Созомену. Созомень повидимому вноситъ нѣкоторыя новыя черты въ описаніе отцевъ собора. Онъ говоритъ (I, 17): „на соборъ съѣхалось много и другихъ превосходныхъ (*καλοί*) и доблестныхъ мужей (кромя поименованныхъ у него выше: Макарія іерусалимскаго, Евстаѳія, Александра александрійскаго, Витона и Викентія. Чѣмъ извѣстны въ исторіи эти два послѣднія лица, сказать трудно; навѣрное и Созомень этого не зналъ): „одни изъ нихъ отличались способностью мыслить и краснорѣчіемъ, другіе славились знаніемъ Священнаго Писанія и прочихъ наукъ, иные знамениты были добродѣтельною жизнію, а нѣкоторые приобрѣли извѣстность тѣмъ и другимъ“. Напрасно однакожь критикъ возлагаетъ много надеждъ на Созомена. Для всякаго видно, что Созомень вмѣсто сообщенія извѣстій пускается въ риторикъ (вѣдь онъ писалъ черезъ сто лѣтъ послѣ собора никейскаго). Слова Созомена и на самомъ дѣлѣ не представляютъ ничего новаго, никакого цѣннаго прибавленія къ словамъ Евсевія по тому же поводу (а слова Евсевія малоцѣнны). Онъ, Созомень, не имѣлъ подъ руками никакихъ сколько-нибудь важныхъ документовъ, изъ которыхъ-бы могъ извлечь что-либо достойное особеннаго уваженія. Созомень въ этомъ мѣстѣ просто перефразируетъ Евсевія. Это замѣчено давно. Не знаетъ этого лишь нашъ критикъ. Вотъ что говоритъ извѣстный комментаторъ Созомена Валезій: *porro Sosomenus hic imitatur Eusebium, qui ita scri-*

bit..... (у Миня, т. 67). Итакъ нужно отказаться отъ надеждъ найти у Созомена что-либо значительное по вопросу о характеристикѣ отцовъ собора въ сравненіи съ другими источниками. Мы тоже цитируемъ Созомена въ своей книгѣ въ данномъ случаѣ, но относимся къ нему съ тою осторожностью, какой требуетъ наука (3) ¹⁾. Едва ли основательно нашъ критикъ дѣлаетъ намъ упрекъ (79. 80) за то, что слова Созомена о членахъ собора: „одни совѣтовали не дѣлать нововведеній въ преданной издревности вѣрѣ“ (*μη νεωτερίσειν πίστιν* — позднѣйшій александрійскій шиболетъ, ведущій начало, быть можетъ, отъ времени никейскаго собора, но только онъ впоследствии перешелъ въ крайность ²⁾), — „и это были въ особенности тѣ, которымъ простота нравовъ внушала безхитростно принимать вѣру въ Бога; а другіе утверждали, что древнѣйшимъ мнѣніямъ не должно слѣдовать безъ провѣрки ихъ“ (I, 17), — понимаемъ такъ, что первую половину этой цитаты относить къ православнымъ отцамъ собора, а вторую („а другіе“ и пр.) къ арианамъ. Онъ, критикъ — хочеть поправить насъ и направить на путь истинный. Онъ старается доказать, что и первая и вторая половина цитаты относится къ отцамъ православнымъ собора. Осмѣлимся не согласиться съ критикомъ. Нужно понимать это мѣсто Созомена такъ, какъ мы понимаемъ. Очевидно, здѣсь указываются двѣ партіи съ различными до противоположности и несомвѣстимости стремленіями.

¹⁾ Приходитъ на мысль еще слѣдующее соображеніе: не слѣдуетъ ли похвальный отзывъ Созомена относить ко всѣмъ членамъ собора православнымъ и арианствующимъ, подобно тому какъ слѣдуетъ относить такой же отзывъ Евсевія о членахъ собора? — Потому что Созомень, какъ увидимъ ниже, довольно высоко цѣнитъ умственные качества арианъ (см. ниже наши сужденія о качествахъ арианствующихъ членовъ собора).

²⁾ См. нашу книгу „Вселенскіе соборы“.

Одни говорили: не слѣдуетъ подновлять вѣру—*μὴ νεωτερίζειν*, а другіе — напротивъ — нужно подвергать критикѣ старыя мнѣнія—и какъ-бы заявляли: слѣдуетъ *νεωτερίζειν πίστιν*. Очевидно, подъ первыми должно разумѣть православныхъ, подъ вторыми аріанствующихъ. Да и развѣ могли говорить православные отцы: будемъ подновлять (измѣнять) вѣру? Вѣдь это значило-бы вѣру ставить ниже разума, ставить разумъ критеріемъ вѣры. Неслыханное дѣло приписывать такую тенденцію православнымъ отцамъ собора! Знаемъ, что лица, подобныя нашему критику, не повѣрятъ нашимъ соображеніямъ, а потому постараемся подтвердить свою мысль чѣмъ-нибудь болѣе положительнымъ. Какъ нужно понимать слова Созомена, въ разрѣшеніи этого вопроса намъ окажетъ существенную помощь прежде всего Александръ александрійскій. Онъ считаетъ себя и всѣхъ православныхъ поборниками и защитниками вѣры, „безъ хитрости принимающими вѣру въ Бога“, а своимъ противникамъ—аріанамъ приписываетъ излишнюю пытливость, горделивое стремленіе „провѣрять“ вѣру при помощи критическаго анализа. Вотъ слова Александра: „не считаемъ благочестивымъ того, кто осмѣливается простирать свою пытливость до изслѣдованія сей тайны (догмата о Сынѣ Божіемъ), не внимая словамъ Писанія: высшихъ себе не ищи, крѣпльшихъ себе не испытай (Сир. 3, 21). Самъ Спаситель нашъ, поставляя апостоловъ, послѣшилъ удалить отъ нихъ, какъ бремя, всякую пытливость касательно Его существа“ (см. „Вселенскіе соборы“, стр. 4). Еще, тотъ же Александръ говоритъ, что древніе отцы, авторитетъ преданія въ глазахъ аріанъ не имѣли никакого значенія: „они (аріане) изъ древнихъ отцевъ никого не хотятъ равнять съ собой и только однихъ себя считаютъ мудрыми, разумѣющими догматы вѣры“

(„Вселенскіе соборы“ стр. 7). Далѣе, одинъ изъ защитниковъ православія во время засѣданій никейскаго собора прямо объявилъ аріанамъ: „мы *безхитро-стно впруемъ*, не трудись понапрасну отыскивать *доказательства* на то, что постигается (только) вѣрою“ (ibid. 3). Не ясно-ли теперь, къ кому должны быть приложены слова Созомена о тѣхъ, которые желали „провѣрки древнѣйшихъ мнѣній“? Ни къ кому другому, какъ именно къ аріанамъ. Ученый Гелле понимаетъ также слова Созомена, какъ понимаемъ и мы (Concilien Geschichte, V. I, 298. Изд. 2-ое). Нашъ критикъ не могъ представить никакого доказательства въ пользу своего пониманія спорнаго мѣста изъ Созомена за исключеніемъ одного, очень шаткаго. Онъ указываетъ на то, что въ концѣ той же главы Созомена послѣ тѣхъ словъ историка, какія мы разбираемъ, упоминается имъ Аѳанасій, о которомъ сказано: „въ помянутыхъ разсужденіяхъ сталъ принимать особенное участіе“ и Аѳанасій. Здѣсь критикъ видитъ доказательство, что именно къ такимъ лицамъ, какъ Аѳанасій, нужно относить слова Созомена о членахъ собора, требовавшихъ „про-вѣрки мнѣній“. Не думаемъ соглашаться съ мнѣніемъ критика, потому что изъ этого замѣчанія Созомена ясно не видно, къ какой сторонѣ принадлежалъ Аѳанасій—къ тѣмъ-ли, кто не желалъ дѣлать нововведеній, или къ тѣмъ, кто желалъ „про-вѣрки древнѣйшихъ мнѣній“. Вѣдь могъ быть онъ весьма полезенъ членамъ собора и въ разсужденіяхъ о томъ, что не слѣдуетъ „дѣлать нововведеній въ вѣрѣ“. Это тоже нужно было доказывать и доказывать противъ аріанъ. Мы думаемъ, что въ этомъ и выразилось то особенное участіе Аѳанасія въ разсужденіяхъ, о которомъ говорятъ Созомень.

Итакъ аппелляція нашего критика къ историкамъ

Евсевію, Сократу и Созомену должна оставаться безъ всякихъ послѣдствій; она не можетъ измѣнять той характеристики православной стороны собора, какая сдѣлана нами. Эта характеристика составлена въ точной сообразности съ документами. Ничего въ этихъ документахъ не перетолковано вкось и вкривь (какъ напротивъ дѣласть нашъ критикъ), ни одного свидѣтельства мы не приводимъ въ „усѣченномъ“ видѣ, въ чемъ обвиняетъ насъ критикъ. Мы должны еще указать на то, что критикъ нашъ совсѣмъ молчитъ о тѣхъ историческихъ свидѣтельствахъ, на которыя ссылаемся мы въ книгѣ своей и въ отношеніи къ которымъ характеристика, составленная нами, отцовъ собора есть самая точная копія. Мы говоримъ объ историкахъ Руфинѣ и Θεодоритѣ. Оба эти историка въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ должны быть поставлены выше Евсевія, Сократа и Созомена, когда рѣчь идетъ о первомъ вселенскомъ соборѣ. Руфинъ писалъ независимо отъ Евсевія, не имѣлъ повода прибѣгать къ пустой фразѣ, какъ приходилось это дѣлать Евсевію, жилъ ранѣе Сократа и Созомена, изъ которыхъ для перваго исторія Руфина была источникомъ, откуда онъ заимствовалъ свои рассказы. Θεодоритъ писалъ тоже независимо отъ Евсевія (за немногими исключеніями) и пользовался такимъ источникомъ свѣдѣній, какимъ не пользовались другіе историки—это письма Евстаѳія, епископа антїохійскаго, члена православной стороны собора никейскаго, слѣдовательно очевидца. Что же показываютъ эти два свидѣтеля—Руфинъ и Θεодоритъ? Оба они утверждаютъ, что большинство православныхъ отцовъ собора состояло изъ людей, отличавшихся качествами нравственными, бывшихъ исповѣдниками, обладавшихъ такой могущественной вѣрой, которая прославила ихъ чудотвореніями, и ни одинъ изъ этихъ историковъ не ставитъ

отличительнымъ признакомъ православныхъ членовъ собора ученость и діалектику (Руфинъ это послѣднее свойство приписываетъ аріанамъ, какъ ихъ отличительный признакъ). Руфинъ говоритъ: *Cumque in eodem concilio esset confessorum magnus numerus (da, magnus numerus) sacerdotum, omnes Aarii novitatibus adversantur. Favebant vero ei viri in quaestionibus callidi, et ob id simplicicati fidei adversi* (Hist. I, 2). Преобладающее большинство православныхъ отцевъ собора были герои вѣры по Руфину; совершенно также думаю и я (стр. 3). Θεодоритъ съ своей стороны перечисливъ тѣхъ, изъ кого преимущественно состоялъ соборъ, — а такими, по его извѣстію, были „мужи украшенные дарами апостольскими“, мужи „носившіе на тѣлѣ своемъ извы Господа Іисуса“, чудотворцы, — заключаетъ такъ свою характеристику: „кратко сказать, тамъ можно было видѣть собравшійся сонмъ мучениковъ (I, 7). Значитъ, и Θεодоритъ держался того воззрѣнія, что главный контингентъ православныхъ членовъ собора состоялъ не изъ такихъ, которые отличались особенною ученостію, высокимъ образованіемъ, а ревностію къ вѣрѣ и силою вѣры. А это именно мы и утверждаемъ въ своемъ сочиненіи.

Итакъ ничто не препятствуетъ признать нашу характеристику православныхъ отцевъ собора точною и вѣрною. Мы смотримъ на этихъ отцовъ точно также, какъ смотрѣла на нихъ сама древность, знавшая ихъ лучше насъ. Кромѣ того, для насъ не совсѣмъ понятны усиленныя желанія о. Иванцова доказать, что діалектика, ученость, образованность имѣли не послѣднее, а можетъ быть главное мѣсто въ дѣятельности собора. Мы держимся того воззрѣнія, что, еслибы на первомъ вселенскомъ соборѣ не было и ни одного научно-образованнаго отца, то со-

боръ этотъ и его дѣятельность ничего не потеряли бы въ своемъ значеніи и авторитетѣ. Для утвержденія истинны и провозглашенія православнаго догмата нужна была не ученость и діалектика, а твердая увѣренность въ истинѣ и глубокое сознание, внутреннее и сердечное, что единственно правильное рѣшеніе—то, какое указывалось соборомъ: не было надобности искать неминуемой опоры ни въ особенной учености, ни въ діалектической тонкости.

Какъ характеристика православныхъ членовъ собора, по сужденію о. Иванцова, составлена нами не безъ коварной цѣли принизить ихъ умственные качества, такъ характеристика неправославныхъ членовъ собора—аріанъ,—по сужденію того же критика,—составлена нами съ цѣлю польстить уму и способностямъ этихъ лицъ. Лстить аріанамъ мы не имѣли намѣренія, а сказали о нихъ то, что нашли въ источникахъ. Критикъ въ особенности недоволенъ слѣдующими словами, которыми мы заканчиваемъ характеристику аріанствующихъ членовъ собора: „въ числѣ лицъ этой партіи естественно (утвержденіе: „естественно“ представляетъ собой заключеніе изъ предъидущихъ разсужденій, основанныхъ на фактахъ, объ аріанахъ, ихъ направленіи и стремленіяхъ,— разсужденій, которыхъ критикъ не удостоиваетъ точнаго разбора) можно было встрѣчать много образованныхъ богослововъ, много писателей церковныхъ; но изъ нихъ же естественно выходили и открытые еретики, по скольку они не полагали должныхъ границъ между разумомъ и вѣрою“ (7). О. Иванцовъ всю характеристику аріанъ собора и въ особенности послѣднее замѣчаніе въ ней находитъ „односторонними и невѣрными“. „Прежде всего, пишетъ онъ, здѣсь дается слишкомъ преувеличенное понятіе объ образованности аріанъ. Понятіе это ни на чемъ твер-

домъ не основывается“ (*будто?*) „О высокой образованности арианъ“ (*о таковой, т. е. о высокой образованности у меня нѣтъ рѣчи*) „и собственно первыхъ представителей арианства изъ древнихъ историковъ опредѣленно говоритъ арианецъ Филосторгій“ (*сейчасъ увидимъ — точно ли это такъ?*). Затѣмъ приводя наши слова о томъ, что въ числѣ арианъ было много образованныхъ богослововъ, много писателей церковныхъ, критикъ вопрошаетъ: „мы не знаемъ, кого же здѣсь разумѣть г. профессоръ?“ (*если критикъ этого не знаетъ, то чрезъ нѣсколько строкъ приобрететъ знаніе*). „Въ числѣ первыхъ представителей арианства мы рѣшительно не можемъ припомнить“ (*разумѣется, нельзя припомнить, чего не знаешь*) „значительныхъ писателей“ (*да мы и не говоримъ о значительныхъ писателяхъ, а просто писателяхъ; это не одно и то же, стр. 83*). Приводимъ факты, на которыхъ съ достаточной ясностію можно будетъ видѣть, что наши слова покоятся на твердыхъ основаніяхъ, а филиппика о. Иванцова на томъ, что онъ самъ называетъ—*незнаніемъ*. Мы укажемъ на многихъ епископовъ арианскаго направленія, о которыхъ извѣстно, и что они засѣдали на соборѣ никейскомъ (это мы докажемъ), и что они были или образованными лицами, или писателями, а иногда и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ (это тоже докажемъ).

Первое лицо, на которое мы укажемъ, съ полнѣйшею справедливостію, это Евсевій кесарійскій. Онъ еще до собора никейскаго заявилъ себя замѣчательнѣйшими богословскими трудами, каковы: „Церковная Исторія“, „Praeparatio evangelica“, „Demonstratio evangelica“ et cet. Онъ пріѣхалъ на соборъ, какъ выражаются французы, съ большимъ багажемъ учености; его имя гремѣло въ восточной церкви; толь-

ко учености своей онъ обязанъ знакомствомъ и дружбой съ первымъ христіанскимъ царемъ. Мы положительно затруднились бы, если бы отъ насъ потребовали сравнить Евсевія по учености, образованности съ какимъ-либо членомъ православной стороны собора, тоже церковнымъ писателемъ. Такихъ знаменитостей, какъ Евсевій, на сторонѣ православныхъ отцовъ совсѣмъ не было. Скажутъ: „а Аѳанасій?“ Но Аѳанасій не былъ извѣстенъ какъ писатель, въ особенности какъ знаменитый, во времена собора никейскаго. Аѳанасій во времена собора былъ будущею знаменитостію. Думаемъ, не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что ученость и широта образованія Евсевія покрывали и затѣняли собою ученость и образованность всѣхъ просвѣщенныхъ, какихъ только мы знаемъ, православныхъ отцевъ собора. На этомъ замѣчаніи собственно и должны были бы окончить наши объясненія касательно Евсевія, еслибы о. Иванцовъ не задалъ намъ задачи, отъ разрѣшенія которой мы не въ правѣ отказаться въ виду желанія быть основательными и не уклоняться отъ поставляемыхъ намъ возраженій. Дѣло въ томъ, что ученый критикъ нашъ не позволяетъ намъ считать Евсевія аріаниномъ и такимъ образомъ отнимаетъ у насъ самое сильное доказательство нашей мысли о томъ, что между аріанами были лица образованные и писатели — богословы. Критикъ объявляетъ: „можно ли считать Евсевія аріаниномъ, это еще вопросъ *неръешенный*“ (84). Признаемся, такое заявленіе насъ очень и очень изумляетъ. Мы считаемъ Евсевія аріаниномъ и доказательство этого, очень сильное, находимъ въ „Дѣяніяхъ“ VII Вселенскаго собора. Въ „Дѣяніи“ пятомъ VII Вселенскаго собора вотъ что написано: „патріархъ Тарасій сказалъ: „посмотримъ какого мнѣнія держится Евсевій“ (кесарійскій?). Началось чтеніе по-

сланія Евсевія къ Евфратіону—аріанскаго содержания. По прочтеніи нѣсколькихъ строкъ изъ него Тарасій спросилъ соборъ: „принимаемъ-ли этого“ (Евсевія)? Соборъ сказалъ: „да не будетъ, онъ долженъ быть ненавидимъ“. Потомъ еще продолжено было чтеніе того же посланія, послѣ чего соборъ сказалъ: „анаѳема этимъ книгамъ и пользующимся ими“. Нѣкоторые отцы собора замѣтили: „изъ этого чтенія стало очевидно, что тутъ заключается аріанскій смыслъ.“ Тарасій съ своей стороны сказалъ: „отвергаемъ это сочиненіе его“. Соборъ присоединился къ этому мнѣнію и провозгласилъ: „и отвергаемъ, и *анаѳематствуемъ*“ (Дѣянія Вс. соб. Рус. пер. т. VII, 400—402). Неужели и послѣ этого вопросъ объ аріанизмѣ Евсевія всетаки остается „нерѣшеннымъ“ для о. Иванцова? Нужно предположить одно изъ двухъ: или о. Иванцовъ совсѣмъ не знаетъ дѣяній VII вселенскаго собора и его опредѣленій, не читывалъ ихъ, или знаетъ ихъ, но не придаетъ значенія имъ. Какое предположеніе будетъ вѣрнѣе—мы не знаемъ. Если остановимся на первомъ предположеніи, то оно не дѣлаетъ чести учености критика; а если на второмъ, то оно совсѣмъ непонятно!...¹⁾

¹⁾ Быть можетъ, ученый о. протоіерей найдетъ наши доказательства аріанизма Евсевія, заимствованныя изъ „Дѣяній“ собора, неудовлетворительными, недостаточными. Въ виду этого приведемъ нѣкоторыя мысли Евсевія, заключающіяся въ сочиненіи Евсевія „О Церковномъ Богословіи“, рѣшительно аріанскаго характера. Евсевій здѣсь говорить: „не должно осуждать тѣхъ, кто называетъ Сына тварью (*κτίσμα*), и кто утверждаетъ, что Онъ, какъ и всѣ твари, изъ ничего (*ἐξ οὐκ ὄντων*). Есть только одно царство—царство Бога Отца, и Самъ Сынъ подчиненъ царству и власти Отца. Отецъ и Сынъ не равночестны (*οὐδὲ ἰσοτιμοὺς*). Сынъ знаетъ Отца, какъ Своего Бога, и молится Ему; „Онъ (Сынъ) почитаетъ, молится и прославляетъ своего Отца, признавая Его также своимъ Богомъ“. Отецъ и Сынъ суть двѣ различныхъ ипостаси и суть два различныхъ существа. Сынъ „любленъ Отцу“ (De Escl. Theolog. p. 65—70. 108. 121—2. Colou. 1628).

Вторымъ образованнымъ членомъ арианской партіи на соборѣ никейскомъ былъ Евсевій никомидійскій. Онъ получилъ образованіе въ извѣстной школѣ антиохійской пресвитера Лукіана (какъ свидѣтельствуется посланіе Арія къ Евсевию и историкъ Филосторгій). Евсевій слылъ за человѣка извѣстнаго ученостію. Созомень (православный Созомень, а не арианинъ Филосторгій) называетъ его „мужемъ ученымъ; (*ἄνδρα ἐλλόγιμον*—*virum doctissimum* I, 15). И всѣхъ вообще арианъ, приставшихъ къ ереси до никейскаго собора, онъ называетъ „сильными по убѣдительности слова“ (*ibid*). Евсевій писалъ посланія безъ сомнѣнія догматическаго содержанія ко всѣмъ епископамъ (*ἔγραψε ταῖς πρὸς τὰς ἐπισκόπους*—*ibid*). Изъ этихъ посланій Евсевія и посланій другихъ арианскихъ епископовъ составила первая арианская литература, которая служила опорой арианамъ въ ихъ дальнѣйшей дѣятельности. (Сокр. I, 6). Вообще Евсевія никомидійскаго со стороны образованности и литературной дѣятельности можно ставить въ параллель съ Александромъ александрійскимъ, членомъ православной стороны собора.

Третьимъ представителемъ арианства на соборѣ никейскомъ изъ числа образованныхъ богослововъ можно считать Θεодора, еп. праклійскаго (во Фракіи). Что онъ былъ на соборѣ никейскомъ, это видно изъ свидѣтельствъ Геласія Кизическаго (*Gelasii. Hist. Concilii Nicaeni. Lib. II, cap. 7*). Блаженный Θεодоритъ (а не арианинъ Филосторгій) называетъ его „человѣкомъ весьма ученымъ (*ἐλλόγιμος διαφέροντος*—*eximia doctrinae vir*—въ изданіи Миня *Lib. II, cap. 2*, а въ рус. пер. гл. 3). По свидѣтельству того же Θεодорита, онъ написалъ комментаріи на Св. Евангелія (*ibid*), а также извѣстны его толкованія и на другія

книги Св. Писанія; наконецъ славился, какъ знатокъ исторіи (Иерон. „О знам. мужахъ,“ гл. 90).

Арій. Быть можетъ, Арія не слѣдовало бы принимать въ счетъ, такъ какъ онъ не былъ полноправнымъ членомъ собора никейскаго, а только былъ призваемъ на соборъ и велъ споры съ отцами; но принимая во вниманіе то, что мы, перечисляя представителей науки и образованности на православной сторонѣ собора, не упустили и Аѳанасія, который тоже не былъ полноправнымъ членомъ собора, имѣемъ основаніе говорить и объ Аріи.—Арій былъ воспитанникомъ школы Лукіана; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, онъ былъ катехетомъ или наставникомъ знаменитой александрійской школы (такъ думаютъ Kölling, Hagemann, на основаніи нѣкоторыхъ замѣчаній Θεодорита). Онъ извѣстенъ и какъ писатель. Ему принадлежатъ Ѡали, затѣмъ религіозныя поэмы, приспособленныя ко вседневному употребленію, догматическія посланія, символъ. Источники свѣдѣній о литературной дѣятельности Арія извѣстны (Аѳанасій, Сократъ, Филосторгій). Арій, конечно, не можетъ быть названъ значительнымъ писателемъ, но мы и не говорили въ своей книгѣ о множествѣ „значительныхъ“ писателей среди членовъ аріанской стороны собора никейскаго.

Изъ группы аріанскихъ представителей на соборѣ никейскомъ извѣстны своимъ образованіемъ еще слѣдующія лица: Аѳанасій, еп. аназарвскій. Что Аѳанасій былъ на соборѣ никейскомъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Филосторгій (Supplementa). Онъ вышелъ изъ школы Лукіана; впоследствии онъ былъ продолжателемъ дѣла Лукіана по школъ: сдѣлался однимъ изъ преемниковъ учительской обязанности Лукіана (Филост. III, 15). Какъ писатель, онъ мало извѣстенъ. Аѳанасій Великій приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ

отрывки из догматико-экзегетического послания своего соименника, но больше ничего о нем неизвестно. Прочие члены арианской стороны собора: епископ Морисъ халкидонскій, Θεогнисъ никейскій, Минофантъ ефесскій (Θεод. I, 7; Gelasii II, 7) известны также, какъ лица, получившія правильное образование. Всѣ трое они были учениками Лукіана (Филост. II, 14, и такъ какъ Созоменъ (см. выше) всѣхъ епископовъ, приставшихъ къ сторонѣ Арія до собора никейскаго—а такими именно и были трое поименованныхъ лицъ—называетъ „сильными по убѣдительности слова,“ то, вѣроятно, такую же способностью отличались Морисъ, Θεогнисъ, Минофантъ ¹⁾).

Сколько было всѣхъ представителей арианства на соборѣ—точно неизвестно. По исчисленію однихъ (Руфина) 17 лицъ, по исчисленію другихъ (Флосторгія) 22 лица, а по нашему предположенію и нѣсколько больше. Но во всякомъ случаѣ арианскихъ представителей на соборѣ было гораздо меньше, быть

¹⁾ Когда мы дѣлали въ своей диссертациі замѣчаніе объ образованности и писательствѣ арианскихъ членовъ собора, то кромѣ поименованныхъ сейчасъ лицъ мы припоминали и объ Георгіи лаодикійскомъ, очень раннемъ писателѣ изъ числа арианъ. Онъ писалъ, подобно Аванасію апазарвскому, посланія въ пользу арианъ еще до никейскаго собора (Твор. Аванасія Великаго III, 128; объ одномъ посланіи его, какъ полезномъ для исторіи арианства, упоминаетъ также Григорій нисскій, — Твор. его въ рус. пер. т. V, стр. 27). Кромѣ того онъ известенъ своимъ сочиненіемъ „противъ Манихеевъ“ (Cave. Historia litteraria T. I, p. 208). Помнили мы также и объ Астеріи, древнѣйшемъ писателѣ арианскомъ; онъ выступалъ, какъ писатель, еще до никейскаго собора. Сочиненій его часто касается Аванасій и специально разбиралъ ихъ Маркеллъ анкирскій. Были-ли эти два лица на соборѣ никейскомъ—неизвестно; но возможно, что и были. Во всякомъ случаѣ они составляли вѣсть съ прочими приверженцами арианства сомкнутое и связанное единствомъ интересовъ общество первоначальныхъ арианъ. Отдѣлить ихъ (Георгія и Астерію) отъ прочихъ членовъ этого общества—въ представленіи очень трудно.—Вообще нужно замѣтить, что по очень понятной причинѣ мы не вправе ожидать отъ православныхъ писателей многочисленныхъ свѣдѣній объ образованности арианъ; но и то, что знаемъ объ этомъ, все-таки достаточно.

можетъ, согласно съ мнѣніемъ о. Иванцова въдесятеро меньше, чѣмъ сколько было здѣсь отцевъ православнаго образа мыслей. Слѣдовательно, принимая во вниманіе процентное отношеніе лицъ образованныхъ и писателей церковныхъ на сторонѣ православныхъ и на сторонѣ аріанъ собора никейскаго къ общему числу тѣхъ и другихъ, мы имѣли достаточное основаніе замѣтить, что въ средѣ аріанъ было много образованныхъ богослововъ, много церковныхъ писателей (но не прибавляли эпитета „значительныхъ“, что за насъ сдѣлалъ критикъ *motu proprio*), чего не могли однакожь сказать о православной сторонѣ собора, такъ какъ этого мы не сумѣли бы доказать, какъ не сумѣли доказать этого и нашъ критикъ. Настаивая на правильности нашей характеристики аріанъ, присутствовавшихъ на соборѣ, мы нисколько не думаемъ о какомъ-либо возвеличеніи аріанъ. Если бы обо всѣхъ аріанахъ собора никейскаго извѣстно было, что они были лицами даже очень образованными и знаменитыми писателями, это не представляло бы ничего зазорнаго для собора православнаго никейскаго, не могло бы сдѣлать аріанъ привлекательными въ глазахъ историка. Дѣло не въ томъ, были ли они учены или нѣтъ, а какъ они относились къ важнѣйшимъ вопросамъ христіанства, помогала ли имъ ихъ наука правильному рѣшенію этихъ вопросовъ? Если ихъ въ этомъ отношеніи не за что похвалить, то, значить, ихъ ученость и ихъ наука были не въ пользу имъ (на этой точкѣ зрѣнія и стоимъ мы въ сочиненіи „Вселенскіе Соборы“).

Разсмотрѣвъ замѣчанія о. Иванцова относительно сдѣланной нами характеристики какъ православной стороны никейскаго собора, такъ и аріанствующей того же собора, мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что предвзятость, притязательность, тенден-

ціозность и вслѣдствіе этого неосновательность не на нашей сторонѣ, а всецѣло на сторонѣ ученаго критика.

Послѣ всѣхъ тѣхъ сужденій о. Иванцова, съ которыми мы имѣли дѣло доселѣ и которыя высказаны въ третьей главѣ его книги, соответствующей первой главѣ нашей книги, критикъ проводитъ черту и дѣлаетъ еще нѣсколько замѣчаній касательно нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ нами въ той же первой главѣ. Не знаемъ, то ли значить эта черта, что критикъ находитъ свой переходъ отъ однихъ разсужденій къ другимъ не имѣющимъ логической связности, или то, что сужденія, высказанныя имъ послѣ черты, имѣютъ эпизодическій характеръ и сдѣланы, такъ сказать, мимоходомъ. Предполагаемъ послѣднее, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о такихъ предметахъ, которые не имѣютъ близкаго отношенія къ идеѣ нашей книги. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности входить въ подробности касательно его заключительныхъ замѣчаній о первой главѣ нашей книги: пришлось бы говорить и очень много, и очень долго, между тѣмъ впереди еще много работы, имѣется въ виду разборъ цѣлыхъ трактатовъ написанныхъ критикомъ по поводу дальнѣйшихъ главъ нашей книги. Нужно сберечь время и трудъ. Опуская разсмотрѣніе подробностей въ замѣчаніяхъ критика, мы, конечно, можемъ навлечь на себя упреки съ его стороны и со стороны читателей его книги, но въ такой двойной и даже тройной работѣ, какъ наша, когда намъ приходится возстановлять подлинный текстъ нашей книги, немилосердно искажаемый критикомъ (часто вмѣсто всякихъ объясненій намъ слѣдовало бы просто перепечатывать цѣлыя страницы изъ нашей книги), доказывать основательность и научность положеній, изложенныхъ въ нашей книгѣ, разбирать и

показывать нетвердость и неосновательность возражений критика, написавшаго цѣлую книгу противъ насъ,—по необходимости будутъ и должны быть пропуски, оставлены будутъ безъ критики такія замѣчанія о. Иванцова, по поводу которыхъ объясненія были бы далеко не лишними.

Критикъ прежде всего выражаетъ несогласіе (и выражаетъ рѣзко и бранчиво) съ нашими сужденіями о такихъ источникахъ для исторіи никейскаго собора, какъ два посланія Аѳанасія „Объ опредѣленіяхъ никейскаго собора“ и „Къ африканскимъ епископамъ“ и посланіе Евсевія „къ Кесарійцамъ“. Мы находимъ противорѣчія между показаніями Аѳанасія и Евсевія. Критикъ это противорѣчіе тоже усматриваетъ, но старается такъ или иначе сгладить его, примирить или затушевать. Чтобы рѣшить нашъ споръ съ нимъ, критикомъ, для этого слѣдовало бы сдѣлать то, что сдѣлать мы, по причинѣ сейчасъ указанной, не можемъ. Намъ слѣдовало бы выписать буквально тѣ мѣста изъ двухъ посланій Аѳанасія, въ которыхъ содержатся нѣкоторыя данныя для исторіи никейскаго собора, а также выписать все, или большую часть посланія Евсевія „къ Кесарійцамъ“, подвергнуть ихъ сличенію и анализу. Не принимаемъ на себя этого сложнаго дѣла, котораго мы не приняли на себя и раньше, когда составляли свое сочиненіе, гдѣ было сдѣлать это еще умѣстнѣе, а ограничились краткой *замѣткой*: нельзя же о всякомъ побочномъ вопросѣ писать отдѣльные экскурсы. Допустимъ, что вопросъ объ отношеніи показаній Евсевія къ показаніямъ Аѳанасія и послѣ нашей замѣтки остается вопросомъ спорнымъ (допустимъ, пожалуй, и то, что самая замѣтка могла бы быть полнѣе и выражена искуснѣе и лучше: о словахъ мы не думаемъ спорить). Сдѣлалъ ли что-либо о. Иванцовъ для уясненія вопро-

са, и если сдѣлалъ, каково достоинство сдѣланнаго? Доселѣ еще ни одному ученому не удалось поставить въ гармонію и связь два рода сказаній о никейскомъ соборѣ—Аѳанасіевыхъ и Евсевіевыхъ; доселѣ каждый изъ ученыхъ, писавшихъ о никейскомъ соборѣ, давалъ такое или другое мѣсто сказаніямъ Аѳанасія и Евсевія въ исторіи никейскаго собора, по своему личному усмотрѣнію, потому что не выработано достаточныхъ критеріевъ для разрѣшенія вопроса, потому что соединить два рода указанныхъ сказаній очень трудно, если не невозможно (удастся ли когда-либо кому-либо соглашеніе сказаній этихъ—дѣло сомнительное). Поэтому Мѣлеръ (см. о немъ замѣтку въ нашей книгѣ стр. 20. 21), не находя возможнымъ поставить въ связь эти два рода сказаній, жертвуетъ сказаніемъ Евсевія въ пользу Аѳанасія, устраняя совершенно первое, а Гефеле находитъ возможнымъ указать определенное мѣсто сказанію Аѳанасія рядомъ съ сказаніемъ Евсевія; изъ русскихъ богослововъ: еп. Іоаннъ располагаетъ сказанія въ „Исторіи Вселенскихъ соборовъ“ при изложеніи никейскаго собора такъ, я въ своей книгѣ такъ, о. Иванцовъ еще иначе. И каждый въ своемъ родѣ правъ, потому что у каждого нѣтъ твердой почвы подъ ногами. Насколько правы или неправы другіе писатели о соборахъ—дѣло не наше, но правъ ли нашъ критикъ, выставяющій *свою теорію* соглашенія сказаній Аѳанасія и Евсевія? По нашему мнѣнію критикъ, о. Иванцовъ, желая выступить въ качествѣ руководителя слѣпотствующихъ, самъ оказывается слѣпымъ не менѣе другихъ. Онъ изучилъ документы, о которыхъ рѣчь у него, недостаточно, полагая, что прочелъ разъ какой-нибудь документъ, нашелъ въ немъ нѣкія кажущіяся основанія для какихъ-либо воззрѣній, и дѣлу конецъ, а остальные

доказательства вѣдь такъ легко добыть путемъ „разныхъ комбинацій“, quasi—научныхъ умозрѣній (на каковыя комбинаціи онъ большой мастеръ и къ которымъ онъ охотно прибѣгаетъ за недостаткомъ фактовъ и положительныхъ оснований: наговорить много—поди разбирай тамъ). Печать полнѣйшаго произвола лежитъ на заявленной критикомъ теоріи соглашенія показаній Аѳанасія и Евсевія. Критикъ безъ всякихъ дальнихъ околичностей полагаетъ, что сказаніе Аѳанасія о никейскомъ соборѣ нужно помѣщать въ срединѣ сказанія Евсевія о происхожденіи никейскаго символа, т. е. попросту одинъ документъ вставить въ средину другаго, отличнаго отъ перваго, и дѣло съ концемъ. Критикъ пишетъ: „между предложеніемъ Евсевія кесарійскаго (внесшаго на разсмотрѣніе и утвержденіе такъ называемый кесарійскій символъ) и принятіемъ окончательной редакціи никейскаго символа (*это и есть сказаніе Евсевія*) происходило самое тщательное и многостороннее разсмотрѣніе каждаго термина новой редакціи (т. е. символа никейскаго); и вотъ здѣсь-то (*очень определенно!*) вѣроятно (?) и было мѣсто тѣмъ разсужденіямъ о наилучшемъ выраженіи ученія о Сынѣ Божіемъ, какія описываетъ Аѳанасій въ посланіи „объ опредѣленіяхъ никейскаго собора“ (но почему же критикъ забылъ о другомъ посланіи Аѳанасія: къ „африканскимъ епископамъ“, въ которомъ описываетъ этотъ отецъ тоже самое?), „а не прежде предложенія Евсевія, какъ полагаетъ г. Лебедевъ“. (113). Критикъ, опровергая наши замѣчанія относительно противорѣчія между показаніями Аѳанасія и Евсевія и разбирая нашу попытку примиренія ихъ, какъ она изложена въ нашей книгѣ, самъ своей попыткой примиренія ихъ еще разъ доказываетъ, что это дѣло очень трудное и во всякомъ случаѣ совершенно неудавшее-

ся нашему критику. Теорія примиренія этихъ двухъ авторовъ, предложенная критикомъ, есть актъ насилія надъ документами. Краткій анализъ посланія Евсевія сейчасъ покажетъ: возможно-ли такое безцеремонное отношеніе къ источникамъ, какое позволяетъ себѣ о. Иванцовъ? Между предложеніемъ Евсевія принять его символъ или кесарійскій ¹⁾ и окончательнымъ составленіемъ символа никейскаго нѣтъ основаній допускать то „всестороннее“ разсмотрѣніе каждаго термина новаго символа, о какомъ говоритъ Аѳанасій (а есть всѣ основанія утверждать то, что утверждаю я въ своей книгѣ). Евсевій говоритъ въ „посланіи“, что когда онъ прочелъ предложенный имъ символъ, то послѣ этого „ни откуда изложеніе вѣры не встрѣтило возраженій“; затѣмъ императоръ предложилъ внести слово „единосущный“ въ символъ и „епископы составили слѣдующее изложеніе вѣры“ (никейское). Вслѣдъ затѣмъ изложеніе (символъ) было

1) О. Иванцевъ недоумѣваетъ, почему мы такъ называемый символъ кесарійскій, представленный Евсевіемъ на соборъ, признаемъ символомъ самого Евсевія. Онъ старается доказать, что это по-длинно былъ символъ помѣстной кесарійской церкви, а не символъ лично составленный Евсевіемъ. Но доказательства его слабы. Если Евсевій, представляя символъ на соборъ, и говорилъ при этомъ, что вѣру эту онъ „принялъ отъ предшествующихъ епископовъ“ и что она „исповѣдуется при оглашеніи и крещеніи“, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ представлялъ на соборъ *символъ* кесарійской церкви. Вопервыхъ, объ этомъ онъ прямо не говоритъ; во-вторыхъ, онъ замѣчаетъ, что вѣрѣ этой онъ „научился изъ Божественнаго Писанія“, значитъ, указывается самостоятельный источникъ той вѣры, которую изложилъ письменно Евсевій; въ третьихъ, прочіе ариане представляли на соборъ тоже символъ, ими составленный, а не какой-нибудь уже существовавшій, — почему же не могъ сдѣлать того же и Евсевій? Въ четвертыхъ, въ сборникахъ символовъ древней Церкви въ настоящее время онъ относится къ разряду символовъ „отдѣльныхъ учителей Церкви (см. Hahn. Bibliothek der Symbole, 1877). Въ пятыхъ, русскіе изслѣдователи (напр. А. В. Горскій) считаютъ символъ Евсевія за личное (злостное) произведеніе этого епископа. Въ шестыхъ, не можетъ быть представлено ясныхъ доказательствъ, что это былъ символъ кесарійской церкви.

обнародовано: *edita formula* (на соборѣ). Дѣян. I, 191—5. Apud Migne, XX. 1539). Гдѣ здѣсь можетъ быть указано мѣсто для тѣхъ разсужденій собора, о какихъ упоминаетъ Аѳанасій (очевидно, эти разсужденія были раньше, какъ мы и утверждаемъ)? Судя по словамъ Евсевія (а можемъ-ли мы ихъ перетолковывать вкось и вкривь, какъ дѣлаетъ о. Иванцовъ (стр. 114), не обращая въ ничто и того немногаго, что мы знаемъ о соборѣ, между прочимъ, изъ разсматриваемаго посланія Евсевія?), провозглашеніе символа послѣ того, какъ принялъ опредѣленное участіе въ этомъ дѣлѣ императоръ, произошло быстро и безъ особыхъ споровъ. — Если съ другой стороны взглянемъ на содержаніе сказаній Аѳанасія, о которыхъ у насъ рѣчь, то довольно бѣлаго взгляда, чтобы замѣтить, что помѣщать ихъ здѣсь, гдѣ хочетъ помѣстить ихъ о. Иванцовъ — отнюдь нельзя. Аѳанасій въ своихъ сказаніяхъ говоритъ о различныхъ заявленіяхъ аріанъ въ пользу своего ученія, о томъ, какіе споры были съ ними у отцевъ собора по поводу ихъ ученія, какъ аріане чувствовали себя притѣвленными, смущенными ¹⁾. (Твор. Аѳанасія I, 338—40; III, 320—322). Все это, безъ сомнѣнія, было на первыхъ порахъ собора никейскаго, а не во время окончательнаго дѣянія собора, когда составлялся символъ, о чемъ повѣствуетъ Евсевій. Сблизить сказанія Аѳанасія съ сказаніями Евсевія, какъ это дѣлаетъ о. Иванцовъ, это значитъ смѣшать

¹⁾ Правда, Аѳанасій сейчасъ же послѣ этихъ разсказовъ говоритъ и о провозглашеніи на соборѣ—единосущія; но такого быстрого хода дѣлъ на соборѣ, длившемся довольно долго, не могло быть. Аѳанасій даетъ лишь слишкомъ общій очеркъ дѣлъ соборныхъ, а потому у него представляется, какъ будто-бы всѣ соборныя разсужденія по догматическому вопросу кончились весьма быстро: заразъ произошли и разборъ и осужденіе аріанства —и провозглашеніе символа.

въ одно — начало собора съ концемъ его. Въ жару полемики критикъ просто не можетъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что онъ говоритъ. Послѣ этого видно, что помирить, поставить въ дѣйствительную гармонию сказанія двухъ древнихъ писателей о никейскомъ соборѣ вовсе не такъ легко, какъ думаетъ критикъ. Какъ ни примиряй ихъ между собою, все-таки остается мѣсто сомнѣнью: такъ ли это? А эту мысль мы и хотѣли сказать, когда говорили въ своей книгѣ, что между сказаніями Аѳанасія и Евсевія существуетъ разнорѣчіе... (подробности см. въ нашей книгѣ) ¹⁾.

Конечно, разнорѣчіе, существующее между сказаніями Аѳанасія и Евсевія, можно легко объяснить (но объяснить происхожденіе разнорѣчія, понятно, еще не значитъ устранить его) различіемъ цѣлей, какія они имѣли въ виду при написаніи своихъ извѣстій, и притомъ гораздо лучше и основательнѣе, чѣмъ какъ дѣлаетъ это о. Иванцовъ (стр. 112). Напр. критикъ совершенно опускаетъ изъ виду то, что сочиненія Аѳанасія, въ которыхъ изложены свѣдѣнія о соборѣ, имѣютъ характеръ полемическій, вслѣдствіе чего для него важно было описать не столько самый процессъ происхожденія символа, —

¹⁾ Кстати сказать: критикъ считаетъ неосновательною нашу мысль, что на соборѣ предлагались партіями вѣроизложенія, которыя и рассматривались здѣсь. Въ противоположность намъ онъ полагаетъ, что „обмѣнъ мыслей между православными и арианствующими происходилъ, вѣроятно, въ живомъ спорѣ, а не въ послѣдовательномъ предложеніи рефератовъ (этого слова, замѣтимъ въ скобкахъ, у насъ совсѣмъ не встрѣчается) одного за другимъ“ (113—114). Не правда. Живой обмѣнъ мыслей само собою былъ, а предложеніе такого или другаго вѣроизложенія со стороны членовъ собора (аріанскихъ) также имѣло мѣсто на соборѣ. Если бы о. Иванцовъ *внимательно прочелъ до конца* посланіе Евсевія, то встрѣтилъ-бы тамъ такіа слова (которыя должны были вразумить его): „когда въ *письменныхъ изложеніяхъ*, поданныхъ *другими*, мы встрѣчали“ и пр. (Дѣян. I, 197).

этимъ едва ли можно было достигнуть какихъ либо результатовъ въ борьбѣ съ аріанами,—сколько доказать, на какихъ изреченіяхъ изъ Священнаго Писанія опирается догматъ никейскій о единосущіи. А это именно онъ и дѣлаетъ при описаніи дѣяній собора.

Критикъ въ частности остается очень недоволенъ нашими замѣчаніями по поводу сказаній Аѳанасія о соборѣ никейскомъ, когда мы разсматриваемъ ихъ независимо отъ сказаній Евсевія, какъ источникъ для внутренней исторіи этого собора. Мы считаемъ дѣломъ совершенно бесполезнымъ разбирать замѣчанія о. Иванцова по поводу нашихъ замѣчаній по указанному вопросу. У насъ въ книгѣ говорится то же, что и онъ критикуетъ, но говорится не въ такомъ родѣ, тонѣ и духѣ. Критикъ до нельзя утрировалъ наши мысли и въ такомъ утрированномъ видѣ безпощадно разбираетъ ихъ; но въ такомъ видѣ мы не можемъ признать наши мысли за подлинно наши. Очень жаль, что онъ не приводитъ текста нашего сочиненія. Остается рекомендовать читателю не довѣрять нашему критику, когда онъ приводитъ наши мнѣнія собственными своими словами (слич. „Всел. соб.“ стр. 16, „Религ. движ.“ стр. 116). По существу дѣла лишь замѣтимъ: во первыхъ, напрасно критикъ находитъ что-то неподобающее въ предположеніи, что описаніе Аѳанасіемъ положенія аріанъ на соборѣ проникнуто ироніей. Иронія была очень обыкновеннымъ элементомъ въ сочиненіяхъ древнихъ христіанскихъ писателей, когда они говорятъ о врагахъ православія. Она встрѣчается у Иринея, Евсевія, Григорія Богослова, Кирилла александрійскаго; есть она и у Аѳанасія. Во вторыхъ, новѣйшіе ученые, которыхъ нѣтъ основанія заподозривать въ пристрастномъ отношеніи къ Аѳанасію, тоже находятъ, что въ описаніяхъ никейскаго собора, сдѣланныхъ этимъ писателемъ, нѣтъ раздѣльности въ

представленіи о партіяхъ собора, слиты въ одно, партія Евсевія никоидійскаго и Евсевія кесарійскаго. Говоримъ о Неандерѣ, который высоко ставитъ Аванасія и отдаетъ ему полнѣйшее уваженіе, какъ великому дѣятелю въ никейскую эпоху (*Allgem. Geschichte*, V. I, 618—19) ¹⁾.

Быть можетъ утомленный многочисленными пререканіями съ нами по поводу первой главы нашей книги, критикъ конецъ главы обзрѣваетъ бѣгло. Здѣсь у меня сдѣланъ критическій анализъ тѣхъ объясненій, какими оправдываетъ себя Евсевій въ „посланіи къ Кесарійцамъ“ въ принятіи имъ символа никейскаго и главнѣйшихъ терминовъ никейскаго ученія о Сынѣ Божіемъ. Я нахожу эти объясненія Евсевія лицемѣрными и не столько открывающими истинное душевное расположеніе Евсевія, сколько прикрывающими его отъ взоровъ постороннихъ, вижу нѣкотораго рода сдѣлку Евсевія съ своею совѣстью. Критикъ не соглашается со мной и въ немногихъ словахъ даетъ знать, что онъ считаетъ объясненія Евсевія искренними, высказанными отъ души, безъ заднихъ мыслей. Но съ этимъ взглядомъ критика нельзя согласиться, если принять во вниманіе цѣльный релігиозный образъ Евсевія: Евсевій является аріаниномъ до собора никейскаго, такимъ же былъ и на соборѣ (онъ колебался подписать символъ никейскій), такимъ же остался и послѣ никейскаго собора, во все время своей дѣятельности. Можно ли послѣ этого допускать какой-то неестественный моментъ въ жизни Евсевія, когда бы онъ душевно вѣрилъ ученію право-

¹⁾ Правда это мнѣніе Неандера оспариваетъ Гефеле (*V. I, S. 307—308*), находя, что въ сказаніяхъ Аванасія различаются аріане и евсевіане (отъ Евсевія никоидійскаго); но онъ оспариваетъ и Мелера по тому же вопросу. Вообще объ этомъ споры и разнорѣчія возможны и даже неизбежны.

славному, какъ готовъ то допустить о. Иванцовъ? Во всякомъ случаѣ сторонникамъ нашего мнѣнія мы можемъ выставить такого авторитетнаго и осторожнаго въ своихъ сужденіяхъ ученаго, какимъ былъ покойный церковный историкъ А. В. Горскій, который въ своемъ сочиненіи „Жизнь св. Аѳанасія“ говоритъ: „въ посланіи къ церкви кесарійской Евсеіей частію клеветою, частію лжетолкованіемъ старается объяснить свое согласіе подписать символъ никейскій“ (стр. 43). Не вижу никакихъ основаній отступать отъ этого мнѣнія.

Вотъ тѣ немногія замѣчанія, какія мы нашли нужнымъ сдѣлать по поводу третьей главы книги о. Иванцова, соответствующей первой главѣ нашей книги, — хотя такихъ замѣчаній можно было бы сдѣлать вдвое и втрое больше, но пора дать отдыхъ себѣ и читателю ¹⁾.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Быть можетъ о. Иванцовъ не пожелаетъ оставить нашихъ критическихъ замѣчаній безъ отвѣта съ своей стороны. Въ виду этого мы попросили бы его помедлить отвѣтомъ до времени окончанія нашихъ статей (мы надѣемся окончить трудъ въ первыхъ трехъ книжкахъ *Прибавленій* за 1882 г. и слѣд. ему придется ждать гораздо меньше, чѣмъ сколько ждали мы конца его статей: онъ тянулъ разборъ нашей книги болѣе года, и мы терпѣливо ждали, хотя по нѣкоторымъ причинамъ пассивное положеніе для насъ было не желательным), и тогда пусть онъ подвергнетъ нашу рѣчь критикѣ или строгой и серьезной, или какой тамъ знаетъ.

ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ИЗДАЮТСЯ:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе)

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(ежемѣсячно).

Годовая цѣна за оба журнала и съ „Толкованіями на Ветхій Заветъ“—**семь руб.** съ пересылкою; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“—**пять руб.**, за „Христианское Чтеніе“ съ „Толкованіями“—**пять руб.**

Адресоваться: „въ редакцію Церковнаго Вѣстника и Христианскаго Чтенія въ С.-Петербургѣ“.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Ц Ъ Н А

безъ пересылки. **3 р. 50 к.**

съ доставк. и пересылк. **4 р. 50 к.**

Подписка принимается въ Епархіальной библіотекѣ, въ Высоко-Петровскомъ монастырѣ, и въ редакціи—на Донской улицѣ въ д. Ризположенской церкви, въ квартирѣ протоіерея В. П. Рождественскаго.

Тамъ же принимается подписка и на слѣдующія изданія Общества любителей духовнаго просвѣщенія:

ДУХОВНЫЙ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЧТЕНІЯ ВЪ ОБЩЕСТВѢ

Любителей духовнаго просвѣщенія.

Цѣна годоваго изданія „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ **6 р. 50 к.** съ пересылкою на годъ и доставкою въ Москвѣ **7 р.**

Воскресныя бесѣды.

„Воскресныя Бесѣды“ будутъ издаваться и въ 1882 году и выходить еженедѣльно. Въ нихъ будутъ помѣщаемы житія святыхъ.

Цѣна годоваго изданія изъ 52 листовъ съ перес. 1 р. 10 к., за полгода съ перес. 60 к.; за три мѣсяца съ перес. 35 к.; за мѣсяць 10 к., съ перес. 20 к.

Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и святыхъ стцевъ съ толкованіями. Въ первомъ томѣ заключаются правила апостоловъ и святыхъ седми вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. *На веленой бумагѣ* цѣна 1-го тома 5 р., съ перес. 5 р. 50 к., отдѣльно каждый выпускъ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Всѣхъ отдѣльныхъ выпусковъ три. *На простой бумагѣ:* 1-го выпуска нѣтъ; 2-й и 3-й на простой бумагѣ имѣются и продаются по 80 к. каждый съ перес. по 1 руб.

Житія святыхъ съ назидательными поученіями и уроками изъ жизни святыхъ—52 житія (изъ Воскресныхъ бесѣдъ 1879 года). Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Изложеніе Божественной литургіи св. Іоанна Златоустаго. Состав. Ѳ. И. Рахманиновымъ. Цѣна 10 к., съ пер. 15 к.

„СТРАННИКЪ“

на 1882 годъ.

Выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе журнала съ пересылкою внутри Имперіи **шесть рублей.**

Адресъ: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 105, кв. № 1).

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1882 году.

Цѣна изданія: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на мѣсяць 1 р.

Подписка принимается въ редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, д. № 3, кварт. 5.

ВЪ 1882 ГОДУ
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости,

2, Воскресное чтеніе,

3, Труды Кіевской Духовной Академіи.

„Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ выходить *два раза* въ мѣсяцъ, „Воскресное Чтеніе“ *еженедѣльно*, „Труды Кіевской Духовной Академіи“ *ежемесячно* книжками отъ 10 до 12 листовъ, изъ коихъ отъ 3 и 4 листовъ будутъ заняты переводомъ твореній блаж. Иеронима и Августина и не менѣе 7—оригинальными статьями.

Цѣна *за годъ* съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудami—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудami—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудami—12 р. с.

Адресъ: въ редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Кіевскія Университетскія Извѣстія въ 1882 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп.

Подписка принимается въ канцеляріи Правленія Кіевского Университета.

2. ПАТРОЛОГІЯ.

А. ТВОРЕНІЯ СВ. ОЦЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ.

а) Совокупныя изданія (collectanea) сихъ твореній.

аа) на иностранныхъ языкахъ.

1998. *Orthodoxographa Theologiae sacrosanctae ac syncerioris fidei Doctores numero LXXVI, Ecclesiae columina luminaque classirima, Authores partim graeci, partim latini, ob vetustatem et eruditionem venerandi, quorum quidam nulli hactenus visi: verbis breves, divini vero Spiritus doctrina multorum scriptorum quantumvis prolixa volumina superantes, ut vere possint appellari Theologica Bibliotheca, abunde satis sufficiens Theologo in omnem usum futura sive Biblia utriusque Instrumenti interpretari sive haereses convellere, discordiae, religionis pesti, mederi, concordiam in Domino, Ecclesiae salutem, alere, et veram religionem (cujus finis charitas est) docere velit.*

Insunt Authores: Abgarus Edessenae Rex. Christi epistola ad Abgarum. Lentulus. Pontius Pilatus. Iacobus Iustus. Nicodemus Hierosolymitanus. Hermas. Dionysius Areopagita. Ignatius Antiochenus. Mariae Deipa-

rae Virginis epistola ad Ignatium. Polycarpus Smyrnen-
sis. Iustinus Philosophus. Tatianus. Ammonius Alexan-
drinus. Eusebius Caesariensis. Victor Capuanus. Marti-
alis epistolae duae ad imitationem Pauli scriptae. Theo-
philus Antiochenus. Athenagoras Atheniensis. Grego-
rius Neocaesariensis. Methodius Cyrensis. Arnobius. Pet-
rus Alexandrinus. Pantaleon. Nilus Episcopus. Antonius
Aegyptius. Chromatius. Candidus Arianus. Marius Victo-
rinus. Gregorius Nyssenus. Faustinus Presbyter. Ma-
ximus Abbas. Marcus, discipulus Maximi. Iunilius Af-
ricanus. Victor Uticensis. Eugenius Carthaginiensis.
Leo Romanus. Gennadius Constantinopolitanus. Thalas-
sius. Ioannes Maxentius. Hormisda. Theodulus Coele-
syriensis. Salonius Viennensis. Eustus Regiensis. Clau-
dianus Viennensis. Sidonius Aruernensis. Symmachus
Sardus. Orientalis Ecclesiae epistola ad Symmachum.
Iustus Orgelitanus. Nicephorus Chartophylax. Olympio-
dorus Diaconus. Andreas Cretensis. Gildas Badonius.
Iulianus Toletanus. Albinus Flaccus. Paulinus Aquileien-
sis. Bertramus Presbyter. Ignotus auctor, subscriptus:
Idiota vir pius. Claudius Scotus. Ionas Aurelianensis.
Udalricus. Pelegrinus Pannonensis Drogo Hostrensis.
Lanfrancus Cantuarensis. Samuel Israelita. Henricus
Langenstein. Petrus de Alliaco. Georgius Trapezuntius.
Concilium Basiliense (1439). Georgius Florus. Canones
Apostolorum. Sybillina Oracula. Fortunatus Pictaviens-
sis. Ruffinus Aquileiensis. Paulinus Nolanus. Testamenta
Patriarcharum. Omnes in uno volumine.

Basileae, 1555. F^o. Въ обтянутыхъ кожею до-
скахъ (Н. 26).

1999. Eiusdem operis editio alia, LXXXV Auctorum
scripta continens. Basileae, 1569. F^o. Въ пергам.
пер. (Г. 14).

2000. Sententiae ss. Patrum de venerandarum ima-
ginum usu, comprobatae in sancta et generali
VII Synodo, imperantibus Constantino et Irene
matre, anno Christi nativitatis 756 et eorum
imperii octavo incipiente. G. M. T. interprete.
Parisiis, 1562. 12°. Въ кож. пер. съ золотымъ

обрѣзомъ (17,91). Книга по листамъ скрѣплена слѣдующею надписью: „сію книгу въ числѣ прочихъ книгъ послѣ покойнаго Преосвященнаго Платона Архіепископа Московскаго и Сѣвскаго оставшихся указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, по представленію Святѣйшаго же Правительствующаго Синода Члена Преосвященнаго Тимофея Митрополита Московскаго и Сѣвскаго въ 1760 году съ прочими оставшими книгами велено отдать катедральнаго Чудова монастыря въ книгохранительницу“.

2001. *G. Fabricii Chemnicensis. Poëtarum Veterum ecclesiasticorum opera christiana et operum reliquiae atque fragmenta: thesaurus catholicae et orthodoxae Ecclesiae, et antiquitatis religiosae, ad utilitatem juventutis scholasticae collectus, emendatus, digestus et commentario quoque expositus.*

Insunt poëmata: Alcimi, Ambrosii, Amoeni, Aratoris, Columbani, Cypriani, Damasi, Dracontii, Drepanii, Fortunati, Gregorii, Hilarii, Hymnographorum, Iuvenci, Incertorum quorundam auctorum, Lactantii, Mamerti, Merobaudis, Paulini Consularis, Paulini Nolani, Prosperi, Prudentii, Rustici, Sedulii, Tertulliani, Victorini Afri, Victorini Pictaviensis, Victoris Massiliensis. In uno volumine.

Basileae, 1564 4°. Въ кож. пер. (20,79).

2002. *Expositiones sacrae.*

Insunt I, in varios libros Veteris Novique Testamenti et in alia quaedam expositionum auctores: Iunilius Africanus, Gregorius Neocaesariensis, Olympiodorus, Salonius Viennensis, Iustus Origelitanus, Rufinus Aquileiensis, Petrus Alliacus, Theodulus Coelesyriae Presbyter, Chromatius, Fortunatus, Georgius Trapezuntius; 2) doctrinae sacrae auctores: Petrus Diaconus, Claudianus Mamertus Viennensis, Sidonius, Hugo Eterianus, Tichonius, Drogo, G. F. Baldinus, Idiota inscriptus, Faustus, Episcopus Galliae, Iona Aureliensis, Rabbi Samu-

et Marrochianus, Henricus de Hassia, Eugenius Carthaginensis, Pelegrinus, Isaacus Presbyter, Aldhelmus, Renhardus Lutz Erythropolitanus, Albinus seu Alcuinus, Isidorus Hispalensis. 3) sermonum sacrorum auctores: Alcimus Avitus Viennensis, Gregorius Nyssenus, Gaudentius Brixianus, Caesarius Arelatensis, Antonius Nebrissensis, Ioannes Atrocianus; 4) apologiae sacrae scriptores: Iustinus Philosophus, Iulianus Pomerius Toletanus, Faustinus, Ioannes Maxentius. In uno volumine Basileae, 1569. F^o. Въ пергам. пер. (11,90).

2003. Conciones graecorum Patrum, a *Petro Pantino* Tiletano nunc primum graecè editae latinèque conversae.

Insunt: Ioannis Chrysostomi Homilia in Natalem Domini et in Praecursorem. Antiochus ad Eustathium de cogitationibus. Ioannis Damasceni Homilia de Sabbato sancto et Epistola de corpore et sanguine Domini. Fragmentum copiosius de eapse re. Annotationes P. Pantini in priorem orationem de nativitate beatae Virginis, a Billio editam. Germani Archiepiscopi Constantinopolitani Homilia de praesentatione divae Virginis in templo. In uno volumine.

Antverpiae, 1609. 8°. Въ обтянутыхъ бѣлою кожею доскахъ (26,91). На заглавномъ листѣ надпись: „Ex Bibliotheca Collegii Mohileani Kiowienensis“. И ниже: „Ex libris Iacobi Golossewicz Werecky. An. Dm. 1626“.

2004. Bibliothecae veterum Patrum seu scriptorum ecclesiasticorum, per *M. de la Bigne* collectae tomi duo graeco-latini, qui varios graecorum auctorum libros antea latinè tantùm in novem istius Bibliothecae tomis, nunc verò primùm utraque lingua editos in lucem complectuntur.

Insunt opera: tomo I. S. Ignatii Antiocheni. Athenagorae Atheniensis. Theophili Antiocheni. Tatiani Assyrii. Hermiae Philosophi. Gregentii Tephrensensis. S. Dionysii Alexandrini. Procli Constantinopolitani. Theodori Presbyteri Raithu. Zachariae Mitylenensis. Theodori Abucarae. Theoriani. Leonis Romani. Leontii Byzantini.

Constantini Harmenopuli. Caesarii, fratris s. Gregorii Nazianzeni. Sententiae ss. Patrum de venerandarum imaginum usu in VII Synodo comprobatae. Dorothei Archimandritae. Marci eremitaе. Hesyehii. Antiochi Abbatis. Accedunt annotationes, notae et scholia in s. Ignatii, Athenagorae, Theophili, Tatiani, Dionysii Alex. et Zachariae scholastici opera; tomo 2 S. Iacobi Apostoli. S. Basillii Caesariensis. S. Ioannis Chrysostomi et S. Gregorii Papae liturgiae, una cum Liturgia sacra seu Missa Apostolica S. Petri; item opera Germani Patr. CPol. S. Maximi. Nicolai Cabasilae. Nicolai Methonensis. Samonae Gazaei. Nicetae. Euthymii Philothei. Hippolyti. Agapeti. Aeneae Gazaei. Hesyehii. Chryssippi. Andreae Hierosolymitani. Pantaleonis. Nemesii. Olympiodori. Expositio ss. Patrum in Cantica Canticorum. Pselli. Titi Bostrensis. Amphiloehii Iconiensis. Timothei Hierosolymitani. Cyrilli Hierosolymitani. Aristaeae de LXX interpretibus. Palladii Helenopolitani. Ioannis Moschi. S. Nili Monachi. Thalassii Abbatis. Accedunt notae in homiliis Asterii et in historiam Palladii Helenopolitani.

Voll. 2. Lutetiae Parisiorum, 1624. F^o. Въ кож. пер. (5,105). Оба тома по начальнымъ и конечнымъ листамъ скрѣплены слѣдующею надписью: „Изъ Синодальной библіотеки, а подписано по приказанію Святѣйшаго Синода Синодальнаго дому Геродиакономъ Гедеономъ, 1775 году отъ Маіа“.

2005. Opuscula dogmatica veterum quinque scriptorum: Leporii Presbyteri, Capreoli Carthaginiensis, incerti auctoris Breviarium fidei, Isaaci ex Iudaeo et Victorini Afri, qui ante annos MCC claruerunt Nunc primum in lucem edita studio et opera I. Sirmondi. Parisiis, 1630. 8°. Въ пергам. пер. (16,91).
2006. Graeco-latinorum Patrum Bibliothecae novum auctarium. Tomus duplex: alter exegeticus, alter historicus et dogmaticus, quibus continetur: tomo I. S. Asterii aliorumque plurium dissertissimorum

Ecclesiae graecae Patrum (S. Procli, Athanasii Alex., Basilii Seleuc. s. Ioannis Chrysostomi, s. Cyrilli Hierosolymitani, Titi Eostrensis, s. Eulogii, Leontii Constantinopolitani, Hesychii Hierosolymitani, Eusebii Pamphili, Ioannis Thessalonicensis, s. Gregorii Antiocheni, s. Anastasii Antiocheni, Anastasii Sinaitae, Georgii Nicomediensis, Georgii Chartophylacis, Iacobi Monachi, s. Andreae Cretensis. Incerti Auctoris Laudatio s. Ioannis Baptistae, s. Germani Patr. CP., Michaelis Synacelli, Photii Patr. CP., Leonis Augusti, Pantaleonis Diaconi) lectae novae eruditissimaeque cum pari pietate orationes et homiliae in dominicas praesertim sanctissimaeque Dei Genitricis solennitates;

tomo II. Historia haeresis monothelitarum sanctaeque in eam sextae Synodis actorum vindiciae. Diversorum item antiqua ac medii aevi tum historiae sacrae tum dogmatica graeca opuscula. Insunt opuscula: Agathonis Diaconi, Ioannis Constantinopolitani, Andreae Cretensis, Anonymi de Iacobitarum et Chatzitzariorum haeresi, Narratio de rebus Armeniae, Ioannis Archiep. Nicaeni, s. Isaac Armeniorum Catholici, s. Maximi, Timothei Presb. CP., s. Ioannis Damasceni, Gregorii Presb. Caesar., Acta Nicenae Synodi auctore anonymo, s. Nicephori, Historia imaginis Salvatoris, Hippolyti, Naucratii Confessoris, s. Nicolai Studitae Confessoris, s. Lucae Iunioris, Georgii Metochitae. Accedit Manuclis Palaeologi in laudem defuncti Theodori fratris dicta oratio, quâ pleraque Occidentis Graecorum Imperii tractantur ac consurgentisque Osmanici: ut et duplici adjunctâ Deliberativa Demetrii Cydonii.

VoII. 2. Operâ ac studio *F. Combes*. Parisiis, 1648. F. Въ кож. пер. (2,105).

2007. Heptas praesulum christiana sapientia et fecundia clarissimorum:

Leo Magnus Pont. Romanus, Maximus Taurinensis, Petrus Chrysologus Ravenensis, Fulgentius Ruspensis, Valerianus Cemeliensis, Amedeus Lausanensis et Asterius Amasensis.

Th. Raynaudus priorem editionem variis ad ss. Leonem et Fulgentium accessionibus instructam

octoginta Fulgentii sermonibus ex mss. cumulavit: censuram inofficiosae censurae libri de praedestinatione et gratia s. Fulgentio vindicati apposuit: Valerianum Cemeliensem accurata defensione texit adversus Parcum charitatis criminatorem: Amedei homilias florulentissimas de Deipara addidit. Hac postrema editione divi Fulgentii liber tertius de veritate praedestinationis et gratiae, antea mutilus, nunc primum prodit suis omnibus capitibus absolutus. Perinde atque divi Asterii homiliae, quibus adjuncti sunt ejusdem authoris sermones omnino viginti longe elegantissimi. Lugduni, 1652. F^o. Въ пергам. пер. (6,80).

2008. Graeciae orthodoxae scriptores. T. I—II voll. 2, quibus continentur:

T. I. Nicephorus Blemmida, Ioannes Veccus. Petrus Mediolanensis. Georgius Pachymeres. Esaias Cyprius. Ioannes Argyropulus. Gregorius Protosyncellus. Georgius Trapezuntius. Ioannes Plus Ademis. Hilario Monachus. Niceta Byzantinus;

T. II. Ioannes Veccus. Constantinus Chartophylax. Georgius Metochita. Maximus Chrysoberga.

De processione Spiritus Sancti et aliis.

Leo Allatius nunc primum e tenebris eruit et latine vertit: cujus notae in postremum tomum rejiciuntur. Accedunt de Gregorio Palama Graecorum sententiae. Romae, 1652—1659. 4°. Въ кож. пер. (31,61).

2009. Maxima Bibliotheca veterum Patrum et antiquorum scriptorum ecclesiasticorum, primo quidem a *Marg. de la Bigne* in Academia Parisiensi Doctore Sorbonico in lucem edita. Deinde celeberrimorum in Universitate Coloniensi Doctorum studio, plurimis authoribus et opusculis aucta ac historica methodo per singula saecula,

quibus scriptores quique vixerunt, disposita. Hac tandem editione Lugdunensi, ad eandem Coloniensem exacta, novis supra centum authoribus et opusculis hactenus desideratis lucupletata et in tomos XXVII distributa. Huic etiam editioni accesserunt indices quatuor: I. Authorum alphabeticus; II. Classicus, authores per materias, de quibus egerunt, exacte distribuens; III. Synopsis appellatus et IV Generalis materiarum amplissimus. Tomi I.—XXVII voll. 27, quibus continetur:

- T. I. Tres ex quatuor supra laudatis Indicibus.
- T. II. In duas partes divisus, quarum prior continet scriptores saeculi primi: posterior scriptores secundi, id est, a Natali Christi ad an. 200. Insunt scriptores: Parte 1-ma: S. Iacobus, frater Domini. S. Marcus Evangelista. S. Petrus, Apostolorum princeps. S. Barnaba. Hermas sive Hermes. S. Prochorus unus e septem Diaconis. S. Linus, unus ex 70 Christi discipulis. S. Ignatius Antiochenus. S. Polycarpus Smyrnensis. S. Martialis Lemovicensis, cognomiae Cephas. S. Dionysius Areopagita. S. Clemens Romanus. Appendix ad saec. I: Aristetas de LXX interpretibus. Testamenta XII patriarcharum Sybillarum oracula. Gaspar Varrerius; parte 2-da: S. Iustinus Philosophus et martyr. Athenagoras Atheniensis. Theophilus Antiochenus Tatianus Assyrius. Melito Sardensis. Irenaeus Lugdunensis.
- T. III. Scriptores ab an. 200 ad an. 300. Clemens Alexandrinus. Minucius Foelix. Hippolytus. Ammonius. S. Victor Capuanus. S. Gregorius Thaumaturgus. Sixtus (Sextus) Philosophus. Dionysius Alexandrinus. S. Zeno Veronensis. Victorinus Pitabionensis. S. Dorotheus Tyrus. Arnobius Africanus. Lactantius. S. Methodius Eubulus Patavensis. Isaac ex Iudaeo.
- T. IV. Scriptores ab an. 300 ad an. 360. Eusebius Pamphilus. Iulianus Hispanus. S. Antonius Magnus. Pachomius Monachus. Oresiesis Monachus. Macarius Senior. Serapion Thmuitanus Iulius Eirnicus Maternus. Hermias Philosophus. Lucifer Calaritanus. Victorinus Africanus. Phebadus, aliás Sebadius. Pacianus Bareinonensis. Didymus Ale-

- xandrinus. S. Optatus Milevitanus. Victor Antiochenus. Titus Bostrensis. S. Cyrillus Hierosolymitanus.
- T. V. Scriptores ab an. 360 ad an. 400. Apollinarius Laodicensis. Andreas Caesariensis. S. Damasus Romanus. Faustianus. Philo Carpathius. Philastrius Brixianus. Idacius sive Itacius Clarus. Caesarius Gregorii Nazianzeni frater. Asterius Amasenus. Theophilus Alexandrinus. Ioannes Hierosolymitanus. Diadocus. Abba Dorotheus. Gaudentius Brixianus. Chromatius Aquileiensis. Aurelius Prudentius. Amphilocheus Iconiensis. Novatus. S. Martinus Taronensis. Marcus Eremita. Sophronius Presbyter Hierosolymitanus. Timotheus Episcopus Alexandrinus. Proba Falconia. Eusebius Vercellensis. Severianus Gabalitanus. Evagrius. Ponticus.
- T. VI. Scriptores ab an. 400 ad an. 440. Maximus Taurinensis. Tichonius. Synesius Cyrensis. S. Paulinus Nolanus. Benedictus Paulinus Petricordius. Severus Sulpicius. Quintus Iulius Hilarion. Severus Rhetor. Paulus Orosius. Coelius Sedulius. Belisarius Poeta. Liberius Poeta. S. Proclus Constantinopolitanus. Eusebius Emesenus. S. Eucherius. Gregentius Tephrensis. Claudianus Mamertus alius Mamercus. Apollinarius Sidonius. Eudocia, Theodosii Junioris uxor. Bacharius.
- T. VII. Scriptores ab an. 440 ad an. 460. Leporius Monachus. Capreolus Carthaginensis Anonymi Breviarium fidei. Ioannes Cassianus. Vincentius Gallus. Socrates Novatianus. Hermias Sozomenus. S. Isidorus Pelusiota. Sixtus III Romanus Pont. Petrus Chrysologus. Leo Magnus. S. Nilus Abbas Constantinopolitanus. S. Simeon Stylita. S. Hilarius Arelatensis. Idacius sive Ithacius.
- T. VIII. Scriptores ab an. 460 ad an. 500. Prosper Aquitanicus. Arnobius Iunior. Theodorus in coenobio Raithu Presbyter. Salvianus Massiliensis. Salonus. Claudius Marius Victor. Basilus Seleucensis. Valerianus Cemeliensis. Faustus sive Faustinus Rhegiensis. Ruricius Senior. Desiderius Aquitanicus. Theodulus Coelesyriae Episcopus. Nemesius Emesenus. Aeneas Gazaeus Antonius Honoratus. Agnellus Ravennatensis. Drepanius Florus. Cerealis Castulensis. Victor Vitensis. Eugenius Carthaginensis. Gelasius Papa. Gildas Sapiens. Vigilius Tapsensis. S. Paschasius. S. Caesarius Arelatensis.

- Tetradius Caesarii nepos. S. Paterius seu Patritius. S. Oriensius sive Orensius. Remigius. S. Eleutherius Tornacensis.
- T. IX. Scriptores ab an. 500 ad an. 540. S. Fulgentius Ruspensis. Petrus Diaconus. Eonodius Ticinensis. Nonnus Panopolitanus. Rusticus Helpidius. Turcius Rufus. S. Laurentius Novariensis. Fulgentius Ferrandus Carthaginiensis. Cresconius seu Cristonius Africanus. Marcellinus Illyricus. Ioannes Maxentius Antiochenus. Alcimus Avitus. S. Benedictus Nursinus. Leontius Byzantinus. Dracontius Hispanus. Justus Orgelitanus. Arethas Cæsareensis. Agapetus Diaconus. Zacharias Mitylenensis. Anastasius Sinaita.
- T. X. Scriptorum ab an. 540 ad an. 580. Facundus Hermianensis. Arator Subdiaconus. Primasius Adrumetinus. Iulius Africanus. Rusticus Diaconus. Martinus Braccarenensis. S. Ioannes Climacus. Ioannes Abbas de Raithu. Daniel Monachus Raithunus. Venantius Fortunatus. Andreas Cretensis.
- T. XI. Scriptores ab an. 580 ad an. 600. Gregorius Florens seu Florentius. Fredegarius Scholasticus. Evagrius Scholasticus. Isaaci Syri Monachi duo. Chrysippus Hierosolymitanus. Anastasius Antiochenus. S. Gallus Abbas. Iornandes sive Iordanus Ravennatensis. Evantius Abbas. Sedatus. Aurelius Cassiodorus.
- T. XII. Scriptores ab an. 600 ad an. 700. S. Columbanus Scotus. S. Aileranus Scoto-Hibernus. Cumeanus Scoto-Hibernus. S. Eulogius Alexandrinus. Isychius sive Hesyehius. Sophronius Hierosolymitanus. Honorius I Papa. Antiochus Monachus. Leontius Neapolitanus. S. Eligius Noviomensis. Petrus Laodicensis. Georgius Pisides. Thalassius Monachus. Eugenius Iunior Tiletanus. Berengosus Abbas. Esaias Abbas. Theophridus Abbas. S. Maximus Confessor. Incerti authoris Antitheses haereticorum et Ecclesiae Orthodoxae circa nonnulla fidei dogmata. Ioannes Carpathius. Nicephorus Chartophylax. S. Ildefonsus Tiletanus. Iulianus Toletanus. Georgius Nicomediensis. Iacobus Bulgarus. Severus Alexandrinus. Cosmas Hierosolymitanus. Pantaleon Diaconus. Petrus Apollonius Collatinus. Marculfus Monachus. Demetrius Cyzicenus. Anonymi Narratio de recta fide Armenorum. Ioannes Nicænus. Ioannes Thessalonicensis. S. Gregorius

Antiochenus. Incerti authoris Encomium in S. Ioannem Baptistam. Anastasius Bibliothecarius. Ioannes IV Papa. Dalmatus. Theodorus I Papa. S. Martinus I Papa. Anonymi Commemoratio eorum, quæ sæviter acta sunt in s. Martinum Papam. Anonymi Relatio motionis factæ in s. Maximum Monachum. Anastasius Monachus. Anonymi Relatio de dogmatibus s. Maximi et Theodosii. Anastasius Apocryfarius. Theodosius et Theodorus fratres. Anonymus scriptor alexandrini Chronici. Anonymi Narratio de Dominica imagine. Zacharias Hierosolymitanus. Anonymi Tractatus de captivitate Persica. Anonymi Narratio in depositionem vestis Deiparæ in Blachernis. Anonymi Encomium in depositionem zonæ Deiparæ. S. Leander Hispalensis.

T. XIII. Scriptores ab an. 700 ad an. 800. Althelmus vel Adehelmus sive Adelmus. S. Germanus Constantinopolitanus. S. Bonifacius. Paulus Diaconus. Marcus Idruntinus. Anastasius Abbas. Incerti authoris Contra Severianos. Etherius Uxamensis. Ambrosius Autpertus sive Ansbertus. Ordo Romanus de divinis Catholicæ Ecclesiæ officiis. Anonymi Narratio de miraculo ad imaginem Iesu Christi facto. Anonymi Narratio de miraculo quod contigit tempore quo Persæ urbem Constantinopolitanam obsederunt.

T. XIV. Scriptores ab an. 800 ad an. 840. Theodulphus Aurelianensis. Modoinus Augustodunensis. Iesse Ambianensis. S. Nicephorus Constantinopolitanus. Apponius. Lucas Abbas Præmonstratensis. Udalricus. Claudius Hispanus. Ionas Aurelianensis. Dungalus Diaconus. Methodius Constantinopolitanus. Michael Syncellus. Leidradus Noricus. S. Agobardus Lugdunensis. Amulo Lugdunensis. Paschasius Ratbertus. Engelmodus Suessionensis. Theodorus Studita. Iosephus Thessalonicensis. Naucreatus, Theodori Stud. discipulus et successor. Halitarius Cameracensis. Amalarius Metensis. Freculphus Lexoviensis.

T. XV. Scriptores ab an. 840 ad an. 860. Servatus Lupus. Florus Magister. Christianus Druthmarus Grammaticus. Uvalafridus Strabus. Hippolytus Thebanus. S. Eulogius Cordubensis. Aluarus Cordubensis. Angelomus Luxoviensis. Ratramnus sive Bertramus Corbejensis. Galindo Prudentius. Lugdunensis Ecclesiæ libri adversus I.

Scotum: De tribus epistolis et De tenenda veritate Scripturæ.

- T. XVI. Scriptores ab an. 860 ad an. 900. Basilius Imperator. Theodorus Abucara. Petrus Siculus. Luitbertus Moguntinensis. Otrifridus Monachus. Ravennatensis Ecclesiæ Cleri epistola ad Carolum Iuniorum. Germania Episcoporum epistola ad Ioannem VIII Papam. G. Lugdunensis epistola ad Radulphum Turonensem Archiepiscopum. Ado Viennensis. Remigius Antissiodorensis. Salomon Episcopus Constantiensis ad Rhenum. Valdramus Argentoratensis Smaragdus Abbas.
- T. XVII. Scriptores ab an. 900 ad an. 1000. Auxilius. Leo Sapiens. Radulphus Flaviacensis. Heriveus Remensis. Odo Abbas. Pelegrinus vel Peregrinus Laureacensis. Moyses Barcepha. Flodoardus Abbas. Adelagus Brementis. S. Odilo Arvernus. Gerbertus (Sylvester II Papa).
- T. XVIII. Scriptores ab an. 1000 ad an. 1100. Fulbertus Carnotensis. Berno Abbas. Bruno Herbipolensis. Hermannus Augiensis. Humbertus Cardinalis. Hugo Lingonensis. Durandus Troannensis Abbas. Adelmanus Brixienensis. Guitmundus Aversanus Episcopus. Micrologus. Olympiodorus Monachus. Rabbi Samuel Afer. Deodvinus Leodiensis. Theophylactus Bulgarus. Ioannes Calocas Patr. CP. Ioannes Xiphilinus Patr. CP. Beatus Samona. Michael Psellus. S. Anselmus Lucensis. Beatus Lanfrancus, Angliæ Primas. Anonymi De Berengarii damnatione multiplici. Victor III Papa.
- T. XIX. Scriptores ab an. 110 ad an. 1120. Euthymius Zigabenus. Zacharias Chrysopolitanus Episcopus. Alexius Comnenus Græcorum Imperator. Constantinus Harmenopolus.
- T. XX. Scriptores ab an. 1120 ad an. 1130. Honorius Augustodunensis. Isaac Magnæ Armeniæ Catholicus. Germanus Patr. CP. Beatus Amedeus Lausanensis. Callixtus II Papa. S. Bruno Astensis. Oddo Astensis. Stephanus Augustodunensis. Guillelmus de Campellis.
- T. XXI. Scriptores ab an. 1130 ad an. 1140. Goffridus Abbas Vindocinensis. S. Norbertus, ordinis Præmonstratensis fundator. Hildebertus Archiepiscopus Turonensis. Marbodius Rhedonensis. Petrus Alfonsus. Odo Tornacensis Abbas. Drogo Hostiensis Episcopus. Petrus Diaconus.

- Ioannes Sapiens Cyparisiotta. Potho Monachus. Nicolaus Claraevallensis. Philippus Solitarius.
- T. XXII. Scriptores ab an. 1140 ad an. 1150. Michael Glycas. Symeon Iunior Theologus. Basilius Monachus. Ioannes Carpathius. Theodorus Edessenus. Fragmenta ex vita s. Syncreticæ. Elias Presbyter. Petrus Abbas. Leo Imperator. Theoleptus Philadelphiensis. Anonymi Canones duo ex Euchologio. Symeon Thessalonicensis. Theorianus Græcus. Manael Patr. CP. S. Petrus Mauritius, dictus Venerabilis. Petrus Pictaviensis. Guillelmus Abbas S. Theodorici. Guigo, Prior Carthusiæ. Hugo Eterianus. Arnoldus Carnotensis. Arnulphus Lexoviensis. Hugo Rothomagensis.
- T. XXIII. Scriptores ab an. 1150 ad an. 1180. Alfredus Rievallensis Abbas. Anonymi Rythmi de laude virginitatis. Guarricus, Abbas Igniacensis. Anonymus Decanus Reicherspergensis. Ioannes Sarisberiensis. S. Hildegardis Abbatissa. Eckbertus. Ioannes Zonaras. Nicolaus Methonensis. Petrus Cellensis.
- T. XXIV. Scriptores ab an. 1180 ad an. 1200. Petrus à Natali. Guigo, Carthusiæ Prior. Bernardus, Carthusiæ Prior. Ioannes, Carthusiæ Monachus. Stephanus de Chalmeto. Alexander III Papa. Ebrardus sive Eberhardus. Bernardus Abbas Fontis Calidi. Ermengardus sive Ermen-gandus.
- T. XXV. Scriptores ab an. 1200 ad an. 1300. Stephanus Tornacensis. Nicetas Choniates. Michael Choniates. Lucas Tudensis. Reimerus. Catalogus haeticorum deliramentorum. Petrus de Pilichdorf. Refutatio errorum quibus Valdenses distinentur. Index errorum Valdensium. Modus examinandi Valdenses. Fragmentum de erroribus Berghardorum. Anonymi Epistolæ septem de sacramento Eucharistiae. S. Edmundus Parisiensis. Nico Græcus. Guillelmus Arvernus. Guillelmus Minorita. Stephanus Templier. Urbanus IV (III) Papa. Robertus Sorbonensis. Engelbertus Abbas Admontensis. Guibertus Tornacensis. Humbertus Romonensis seu Romanensis. S. Coelestinus V Papa. David de Augusta. Iacobus Cajetanus Cardinalis. Athanasius Patr. CP. Ptolemeus Lucensis. Georgius Pachymeres.
- T. XXVI. Scriptores ab an. 1300 ad an. 1600. Iustus Abbas Cisterciensis. Barlaamus Gyrencensis vel Hieracensis.

Andronicus Constantinopolitanus. Theodorus Lector. Lupoldus Bebenburgius. Petrus Bertrandus Senior. Nicolaus Cabasilas. Gregorius Palamas. Philotheus Patr. CP. Nicolaus Oresmius. Gerardus Zutfanus. Radulphus de Rivo. Manuel Calecas. Articuli revocati Parisiis per Guidonem. Articuli de divina essentia. Parisiensis Academiae Constitutiones. Ioannis de Mercurio errores. Ioannis de Ulticurta errores et propositiones. Conclusionum revocatio per Simonem. Formula revocationis per Guidonem. Articulorum Ludovici revocatio. Magistri Ioannis de Calore revocatio. De Almaricianorum haeresibus narratio. Dionysii Soulechat Minoritae revocatio. Manuel II Palaeologus. Demetrius Cydonius Thessalonicensis. Hieronymus Sancta Fide. Georgius Scholarius sive Gennadius. Richardus Hampolus sive Pampopolitanus. Mapheus Vegius Laudensis. Bessarion Patr. CP. et Cardinalis. Ioannes Antonius Campanus. Moyses Mardenus Assyrius Iacobita.

- T. XXVII. Supplementum bipartitum, cuius prima pars continet auctores, qui post editos praecedentes tomos detecti sunt et ad saecula, quibus vixerunt, revocantur, secunda eos repraesentat, quorum aetas ignoratur, additis quibusdam Anonymorum opusculis. Accedunt indices quatuor. Insunt Scriptores: p. I. Hippolytus Portuensis. Commodianus Gazaeus. Eustathius Antiochenus. S. Damasus Papa. Evagrius. Severianus. Marius Mercator. Theodotus Ancyranus. S. Arsenius Diaconus. S. Eucherius. S. Nilus Monachus et Abbas. S. Caesarius Arelatensis. S. Fulgentius Ruspensis. Eustathius Constantinopolitanus. Nicetas David Paphlago. S. Anselmus Lucensis; p. II. Alexander Lico. Hiperechius Presbyter. Evagrius Monachus. Ioannes Geometra. Severinus Episcopus. Eusebius incerti loci Episcopus. Eutropius Abbas. Porcarius Abbas. Paulus Diaconus. Maximus Planudes. Martinus de Lauduno. S. Galli monasterii illustrium virorum et antiquorum Patrum Epigrammata. Merobaudes Hispanus scholasticus. Incerti auctoris Carmen de Bebiani baptismo et uxoris Aprae obitu. Incerti Carmen de laudibus Domini. Incerti De Cantico Moysis. Incerti De die Paschatis. Incerti De die Ascensionis. Anonymi De fide. Anonymi De haeresibus, cum refutatione cujusdam operis falso

sub Augustini nomine Conficti. Anonymi Monachi, ut videtur Ratisbonensis Benedictio Dei seu Commentariolus quomodo Deus praecipue per Psalmos benedicendus, atque laudandus sit. Anonymi Oppositio ex parte Severianorum contra fidem orthodoxam cum responsione incerti quoque authoris. Anonymi (qui à quibusdam creditur esse Manuel Calecas, ab aliis Pantaleo) Tractatus contra graecorum errores. Incerti Collectanea contra Iudaeos. Anonymi Collectanea de quibusdam haeresibus earumque authoribus. Incerti in rem animi utilis narratio. Missae Aethiopum, Mozarabum, Graecorum Missa et ordo divini Officii Gothici Mustarabum. Missa, qua utuntur antiqui Christiani Episcopatus Angamallensis in montanis Mallabarici Regni apud Indos orientales. Missales orationes e gothico missali.

Lugduni, 1677. F^o. Въ кож. пер. (1,107). Изъ библиотеки Троицкой Лаврской Семинаріи.

2010. Apparatus ad Bibliothecam Maximam veterum Patrum et antiquorum Scriptorum ecclesiasticorum, Lugduni editam, in quo quidquid ad eorum scripta et doctrinam variosque scribendi et docendi modos pertinet, dissertationibus criticis examinatur et illustratur. T. 1—2 voll. 2, quorum primo De scriptoribus primi et secundi Ecclesiae saeculi ac de omnibus Clementis Alexandrini operibus, secundo vero De scriptoribus latinis tertii et quarti Ecclesiae saeculi, qui christianae religionis veritatem adversus ethnicos vindicaverunt, disseritur.

Opera et studio *N. le Nourry*, Benedictini. Parisiis, 1703. 1715. F^o. Въ кож. пер. (2,108). Изъ библиотеки Троицкой Лаврской Семинаріи.

2011. Ecclesiae graecae monumenta studio atque opera *I. B. Cotelerii*, qui e mss. exemplaribus deprompsit, latine interpretatus est. notisque illustravit. T. I—IV voll. 4, quibus continetur:

T. I. Eclogae Legis Mosaicae. Basilii Caesariensis oratio in Prov. VI, 4. Eiusdem oratio tertia de jejunio. Sacra ad Synodum Ephesinam. Xysti Papae Epistola ad Cy-

rillum Alex. Alia ejusdem ad eundem. Homilia Pauli Emeseni. Theodoretī Epistola ad Iohannem Antiochenum. Epistola Flaviani Patr. CP. ad Leonem Romanum. Leonis Papae et Romanae Synodi Epistola ad Pulcheriam Augustam. Leonis Synodica ad Constantinopolitanos. Hilarionis seu Hilarii Diaconi Epistola ad Pulcheriam. Gallae Placidiae ad Aeliam Pulcheriam. Leonis Romani Epistola ad Archimandritas Constantinopolitanas. Fragmentum Epistolae Anatolii Patr. CP. ad Leonem Romanum. Nomocanon. Ioannis Antiocheni Oratio in donationes Monasteriorum laicis factas. Martyrium S. Eupli. Aliud ejusdem martyrium. Vita s. Syncreticae. De haeresibus liber s. Iohannis Damasceni. Apophthegmata Patrum. Notae.

- T. II. Asterii Amaseni Homiliae in Psalmos V, VI et VII. Fragmentum Synodi Sextae. Basilii et Apollinaris Epistolae. Basilii Epistola ad Iulianum Imperatorem. Basilii Epistola pro conterraneo et alia pro hospite. Libanius Basilio. Alia Libanii ad Basilium. Basilii Libanio. Basilii Theodosio Imperatori. Amphilochei Epistola Synodica. Photii Epistolae. Dominici Gradensis Epistola ad Petrum Antiochenum. Responsum Petri Antiocheni. Michaelis Cerularii CP. Epistola ad Petrum Antiochenum. Petri Antiocheni Epistola ad Michaëlem CP. Michaëlis CP. Epistola ad eundem. Arsenii CP. Testamentum. Alexii Comneni Novella. Euthymii vita. Ex Prato spiritali Iohannis Moschi capita inedita. Neophytus Inclusus De calamitatibus Cypri. Germani CP. Epistolae duae ad Cyprios. Ioannes Zonaras De matrimonio duorum sobrinorum cum eadem femina. Theodori Balsamonis Epistola de jejuniis.
- T. III. Collectio quaestionum, excerpta per compendium ex evangelica consonantia Hesychie Presbyteri Hierosolymorum. Ephraemi Laudatio in Basilium. Evagrii Monachi quaedam. Ex vita Evagrii, conscripta à Palladio. Iohannis Chrysostomi in Matth. XXI, 23. Ex Palladii Historia Lausiaca. Aegyptiorum Monachorum historia sive Paradisus. Nilus De octo vitiis. Sabae vita per Cyrillum Scyphopolitanum. Timotheus Presbyter Constantinopolitanus De triplici receptione haeticorum. Idem ex Niconis Pandecte. Anastasii Sinaitae De tribus Quadragesimis. Anastasii Caesariensis De jejuniis

Deiparae. Ex Nicone De jejuniis. Nicephori C. Politani synodici canones. Ejusdem Nicephori Confessoris Epistola canonica. Iohannis Presbyteri Epistola ad Leonem Grammaticum, Archiepiscopum Calabriae, cum Leonis canonico responso. Iohannis Zonarae Canon in Deiparam. Theodori Balsamonis Epistola de Rasophoris. Criminationes adversus ecclesiam Catinam, cum epistola Graecorum ad Innocentium III. Phile in S. Spiritum versus.

- T IV. Vita s. Euthymii Abbatis, auctore Cyrillo Scythopolitano. Vita s. Cyriaci Anachoretæ, auctore Symeone Metaphraste. Typicum sive Regula monasterii Gratiaeplenaë. Excerpta ex Herone Geometra De mensuris. Antiquum Rationarium Augusti Caesaris et Novum Rationarium Alexii Comneni Imperatoris. De mensuris et ponderibus et notis ea significantibus. Vita s. Stephani junioris, auctore Stephano Diacono Ecclesiae Constantinopolitanae.
- Lutetiae Parisiorum, 1677—1692. 4°. Въ кож. и кор. пер. (28,163 и Г. 838).

2012. Μελίσσα.

Ἐν τῇ παρουσίᾳ βιβλῶ ἐνεστί ταδε Ἀπομνημονευμάτων ἐκ διαφόρων, τῶντε καθ' ἡμᾶς καὶ τῶν θύραθεν βιβλίων τόμοι τρεῖς. Μαξιμου κεφαλαίων περὶ τελείας ἀγάπης καὶ ἄλλων ἀρετῶν ἑκατοντάδες δ'. Θεοφίλου πρὸς Αὐτόλοχον περὶ Θεοῦ καὶ πίστεως χριστιανῶν βιβλία γ'. Τατιανῶς Ἀσσυρίου λόγος κατὰ ἔθνων.

Νεωστὶ τοποθεῖσα καὶ διορθωθείσα ἐπιμελέστατα. Ἐνετίησι, 1680. F° min. Въ бѣломъ кож. пер. (12,90). 2 экземпляра. Изъ Синодальной библиотеки.

2013. Ad Ephesinum Concilium variorum Patrum Epistolae ex manuscripto Cassinensis bibliothecae codice desumptae. Item ex Vaticanae bibliothecae manuscripto Commonitorium Coelestini Papae Episcopis et Presbyteris euntibus ad orientem; Tituli decretorum Hilarii Papae; Neapolitanum Concilium; Epistolae Anacleti Papae. Nunc primum in publicam lucem data per F.

Ch. Lupum Ipreensem. Lovanii, 1682. 4°. Въ кож. пер. (6,91).

2014. *Varia sacra seu Sylloge variorum opusculorum graecorum ad rem ecclesiasticam spectantium. Cura et studio St. le Moyne, Theologi Leydensis, qui collegit, versionis partem addidit, et notis et observationibus uberioribus illustravit. T. I—II. voll. 2, quibus continetur:*

T. I. Polycarpi Smyrnensis Epistola. Barnabae Epistola. Hippolyti Sermo *περὶ τοῦ παντός*. Hippolyti Laterculus, in quo continentur lemmata illius operum. Brevis interpretatio Orationis Dominicae. Germani Tractatus de sex Synodis oecumenicis. Brevis elucidatio fidei christianae. Brevis instructio quomodo credere debeamus. Basilii Magni Expositio fidei. Euthymii Zigabeni Praefatio in Psalmos. Nili Doxopatrii Notitia Patriarchatum. Manuelis rhetoris Constantinopolitani Apologia. Ecclesiae Constantinopolitanae Epistola ad Bohemos. Bartholomaei Edesseni Confutatio Hagareni. Confutatio Muchammedis. Nomina mensium variarum gentium. De ponderibus et mensuris. Fragmenta de ponderibus et mensuris. Antonii Eparchi varia opuscula. Divi Chrysostomi Epistola ad Caesarium. Prolegomena Auctoris (le Moyne), in quibus tres dissertationes de Polycarpo, Barnaba et Hippolyto. Notae et observationes uberiores.

T. II. In varia sacra notae et observationes Stephani le Moyne.

Lugduni Batavorum, 1685. 4°. Въ пергам. пер. (61,265).

2015. Sancti Patris nostri Iustini philosophi et martyris opera. Item Athenagorae Atheniensis, Theophili Antiocheni, Tatiani Assyrii, et Hermiae philosophi tractatus aliquot. Quae omnia graece et latine emendatiora prodeunt. Editio nova juxta Parisinam 1636. Vol. I. Coloniae, 1686. F°. Въ пергам. пер. (2,104). Изъ библиотекы Архiepископа Меѳодія. На заглавномъ листѣ находится надпись: „Ex libris Platonis Leuszinoff

emptus 1765^a. Того же изданія второй экзем-
пляръ въ кож. пер. (2,104).

2016. Supplementum Patrum complectitur multa ss.
Patrum, Conciliorum, Scriptorumque ecclesiasti-
corum opera, quae primum e mss. codicibus
eruit, notis et dissertationibus illustravit *I.*
Hommey.

Insunt opera quaedam: s. Ambrosii, s. Augustini, s. Ber-
nardi, Guiberti Abbatis de Novigento, Guilielmi Dia-
coni, Henrici de France, s. Hildeberti, Iacobi Folque-
rii Eremitae, Ioannis XXXVIII Cisterciensis Abbatis,
Marbodi Remensis Episcopi, Nicolai de Clamengis, Ra-
dulphi Fontanellensis.

Vol. 1. Parisiis, 1686. 8° min. Въ поргам. пер.
(36,91). Изъ библіотеки Августина, Архіепископа
Московскаго.

2017. Analecta graeca sive varia opuscula graeca
hactenus non edita. Ex mss. codicibus eruerunt,
latine verterunt et notis illustrarunt Monachi
Benedictini. T. I. vol. 1. quo continetur:

Vita s. Euthymii Abbatis, auctore Cyrillo Scythopolitano.
Vita s. Cyriaci Anachoretae, auctore Symeone Metaphraste.
Typicum sive regulae monasterii Gratiae plenae. Excerpta
ex Herone Geometra De mensuris. Antiquum rationa-
rium Augusti Caesaris et Novum rationarium Alexii
Comneni Imperatoris. De mensuris et ponderibus et no-
tis ea significantibus. Vita s. Stephani Iunioris, auctore
Stephano Diacono CP.

Lutetiae Parisiorum, 1688. 4°. Въ кор. пер.
(13,629).

2018. Ein Denckmahl des alten Christenthums,
bestehend in des heil. Macarii und anderer
hocherleuchteten Männer aus der alten Kirche
hochsterbaulichen und ausserlesenen Schrifften
ausgefertiget von *G. Arnold.*

Th. I bestehend in des heiligen Macarii Homilien.
Gosslar, 1699. 12°. Въ кож. пер. (10,208).

2019. Ejusdem operis editio tertia. Gosslar, 1716. 12°. Въ кож. кор. (6,418).
2020. Spicilegium ss. Patrum ut et haereticorum seculi post Christum natum I. II et III, quorum vel integra monumenta, vel fragmenta, partim ex aliorum Patrum libris jam impressis collegit et cum codicibus manuscriptis contulit. partim ex mss. nunc primum edidit ac singula tam praefatione quam notis subjunctis illustravit *I. E. Grabius*. T. 1—2 voll. 2, quibus continetur:
- T. 1. Epistola Abgari ad Iesum. Responsoriae literae Iesu ad Abgarum. Historia in Archivis Edessenis subjuncta. Omnia haec ex Eusebii Historia eccles. excerpta. Dicta aliqua Iesu Christi, quae in IV Evangeliiis non exstant, ex s. Lucae Actis Apostolorum, Barnabae Epistola aliisque Patribus: Fragmenta Evangelii secundum Hebraeos ex s. Ignatio aliisque Patribus. Fragmenta Evangelii secundum Aegyptios ex Pseudo-Clemente Romano et Clemente Alexandrino. Fragmentum Actuum Apostolorum apocryphorum ex Isidoro Pelusiota. Fragmenta Constitutionum Apostolorum ex Epiphania etc. Fragmenta praedicationis s. Petri ex pluribus Patribus. Fragmenta Apocalypseos Petri ex Clemente Alex. etc. Fragmenta Actuum Petri ex Clemente Alex. et Origene. Acta Pauli et Theclae. Fragmentum aliorum Actuum Pauli ex Origene. Testamenta XII Patriarcharum. Fragmenta Epistolae 2 Clementis Rom. ad Corinthios. Fragmentum graeci textus Recognitionum Pseudo-Clementis. Fragmenta Sermonum Pseudo-Clementis. Dictum s. Barnabae, quod in ejus Epistola non reperitur. Fragmentum graeci textus Pastoris Hermae. Fragmenta Simonis Magi scriptorum.
- T. 2. Martyrium s. Ignatii cum inserta Epistola ejusdem ad Romanos. Fragmenta Epistolae s. Ignatii ad Antiochenos. Aliud insigne s. Ignatii dictum ex Ioanne Chrysostomo. Fragmenta librorum Papiae Hierapolitani. Fragmenta libr. XIII et XXIII Commentariorum Basilidis haeresiarchae in Evangelium. Aliud Basilidis fragmentum ex Origene. Fragmenta Epistolarum Valentini haeresiarchae. Fragmenta Homiliarum Valentini. Valentini

Dissertatio quaedam. Fragmenta libri Epiphanii haeretici de justitia. Fragmentum libri Isidori haeretici de adnata anima. Fragmentum Moralium Isidori. Fragmenta ejusdem lib. I et II Commentariorum in Prophetam Parchor. Ptolemaei haeretici prolixa ad Floram Epistola. Fragmenta Heraclionis haeretici Commentariorum in s. Lucae Evangelium. Fragmenta plurima Commentariorum in s. Joannis Evangelium. Fragmenta Traditionum Matthiae. Fragmentum Apologiae Quadrati. Excerpta ex Agrippae Castoris Tractatu contra Basilidem. Fragmenta Disputationis Iasonis et Papisci. Fragmenta deperditae Orationis s. Iustini contra Graecos. Duæ periodi istius particulæ Apologiae II, quæ intercidit. Sententia una atque altera deperditae partis Dialogi cum Tryphone. Fragmenta libri contra Marcionem. Prima pars libri de resurrectione. Fragmenta Commentarii in Hexaameron. Fragmenta aliorum Tractatum Iustini Martyris. Fragmenta supposititii libri III De Trinitate. Supplementum et emendatio Responsionis ad quaest. 20 ad orthodoxos. Fragmenta V Commentariorum historicorum Hegesippi ex Eusebio. Aliud libri Fragmentum ex Photio. Fragmenta Dionysii Corinthii Epistolae ad Romanos. Fragmentum Commentarii Theophili Antiocheni in Evangelia. Fragmentum Commentarii ejusdem in Canticum Canticorum.

Cum praefationibus in omnia scripta ss. Patrum et aliorum editorum auctorum, cum notis et dissertationibus. Editio secunda. Oxoniae, 1700. 8°. Въ наукѣ (H. 673).

2021. Ejusdem operis editio altera, priori auctior et emendatior. Oxoniae, 1714. 8°. Въ непрам. пер. (11,91).
2022. Collectio nova Patrum et Scriptorum graecorum: Eusebii Caesariensis, Athanassi et Cosmae Aegyptii. Haec nunc primum ex mss. codicibus graecis, italicis, gallicanisque eruit, latine vertit, notis et praefationibus illustravit *B. de Montfaucon*. T. 1—2 voll. 2. Parisiis, 1707.

F^o. Въ кож. пер. (1, 106). Изъ библиотеки Троицкой Лаврской Семинаріи.

2023. Bibliotheca orientalis Clementino-Vaticana, in qua manuscriptos codices syriacos, arabicos, persicos, turcicos, hebraicos, samaritanos, armenicos, aethiopicos, graecos, aegyptiacos, ibericos et malabaricos, jussu et munificentia Clementis XI Pont. Max. ex Oriente conquistos, comparatos, auctos et Bibliothecae Vaticanae addictos, una cum iis, quos sacra Congregatio de fide propaganda in eandem Bibliothecam inferri jussit: recensuit, digessit, excerpisit et genuina scripta à spuriis secrevit, praemissa singulorum auctorum vita, *I. S. Assemanus*, Maronita. T. 1—3 voll. 4, quibus continetur:

T. I. De Scriptoribus Syris orthodoxis. Insunt Scriptores: s. Simeon Barsaboë, Seleuciaepiscopus. S. Milles, Susaepiscopus. Iabachues Chaldaeus. Isaias Adabi Arzunita. Iacobus Nisib. Ephraem Syrus. Isaac senior. Balaeus Syrus. Zenobius s. Ephraemi discipulus. Absamias Presbyter Edessenus. Gregorius Abbas. S. Maruthas Episcopus Tagritensis. S. Acacius Episcopus Amidae. Rabulas, Episcopus Edessae. Ibas Episcopus Edessae. S. Isaac Magnus. Cosmas Presbyter. S. Symeon Stylites SS. Baradatus et Iacobus Monachi. Maras Episcopus Amidae. Nounus Episcopus Edessae. Iacobus Diaconus Edessenus. Mochimus Presbyter Mesopotamenus. Petrus Presbyter Edessenus. Samuel Presbyter Edessenus. Iosue Stylites. S. Iacobus Episcopus Sarugensis. Georgius Iacobi discipulus. Simeon Episcopus Beth-Arsamensis Chronicon Edessenum. Xystus Episcopus. Ioannes Apa-meensis Monachus Ioannes Saba. Isaac Niuivita. Abraham Nephtharenus. Georgius Episcopus Targitensis. Constantinus Episcopus Haran. Phocas Edessenus. Iacobus Episcopus Edessae Georgius Episcopus Arabum. Daniel Episcopus Salchensis. Ioannes Maro Patriarcha Antiochiaepiscopus. Theophilus Edessenus Maronita. Ioannes Lephe-diensis Patriarcha Maronitarum. Moyses Accarensis Patr. Maron. Ioannes Sulaca Patriarcha Chaldaeorum. Adam

seu Timotheus Episcopus Amidae. Gabriel Episcopus Hesno. Georgius Amira Patr. Maron. Isaac Sciadrensis Episcopus Tripolis. Ioseph Accurensis Patr. Maron. Abugarus Rex Edessae. Archelaus Episcopus Cascarae. Addenda et corrigenda. Index codicum mss.

- T. II. De Scriptoribus Syris Monophysitis dissertatio. Insunt scriptores: Barsumas Presbyter et Archimandrita Xenajas Mabugensis. qui et Philoxenus Episc. Hierapolis. Paulus, Episcopus Callinici. Maras, Episcopus Amidae. Ioannes Episcopus Telae. Ioannes Bar-Aphtanius Abbas Cansarensis. Zacharias Episcopus Melitinae. Iacobus Baradaeus seu Zanzalus, Episcopus Edessae. Petrus Iunior, Patr. Aut. Monophys. Moyses Aghelaeus, et Symeon Abbas. Ioannes Episcopus Asiae. Cyriacus, Episcopus Amidae. Thomas Heracleensis. Elias Patr. Iacobitarum. Ioannes Episcopus Bassorae. Dionysius I Patr. Iacobit. Cyriacus Patr. Iacobit. Ioannes Episcopus Darae. Philoxenus Lazarus Episcopus Bagdadensis. Theodosius Patr. Iacobit. Dionysius II Patr. Iacobit. Basilius I Patr. Iacobit. Moyses Barcepha Episcopus Beth-Raman. Dionysius III Patr. Iacobit. Ioannes VII Sarighta Patr. Iacobit. Athanasius V Patr. Iacobit. Ioannes X, qui est Barsusan, Patr. Iacobit. Ioannes VIII, Abdon, Patr. Iacobit. Dionysius IV, Patr. Iacobit. Ioannes IX Patr. Iacobit. Michael I Magnus Patr. Iacobit. Dionysius Iacobus Barsalibi, Episcopus Amidae. Ioannes Saidus Barsabuni, Episcopus Melitinae. Theodorus Ioannes Bar-Vehibun, Patr. Iacobit. Ioannes XIV, qui et Iosue Pusillus, Patr. Iacobit. Iacobus Severus Episcopus Tagritensis. Ioannes XV Bar-Maadani, Patr. Iacobit. David Pauli et Daniel Chettab. Gregorius Barhebraeus, vulgo Abulpharagius, Primas Orientis. Patriarchae et Primatis seu Maphriani Syrorum tum Iacobitarum, tum Nestorianorum. Dioscorus Gabriel Episcopus Gezizae. Discorus Bar-Kairaeus, Primas Iacobit. Severus Episcopus Cansarensis. Ioannes Saba Primas Iacobit. Daniel Presbyter. Ignatius V, qui et Ioseph Bar-Vahib, Patr. Iacobit. Ignatius IX, qui et Behenamius Hedlensis, Patr. Iacobit. Ignatius XI, qui et Ioannes seu Ananias Xenajas, Patr. Iacobit. Ignatius XII, qui et Noë Libaniota Patr. Iacobit. Addenda et corrigenda. Catalogus Patriarcharum Iacobitarum. Catalogus Prima-

tus seu Maphrianorum Iacobitarum. Index codicum mss. complectitur annos 450—1494.

T. III. Partes 1—2. De Scriptoribus Syris Nestorianis.

Par. 1. Catalogus Ebedjesu Sobensis de Scriptoribus Syris Nestorianis, annos Christi complectens 50—1300. Appendix ad hunc Catalogum, continens Scriptores ab an. 400 ad an. 1693. Accedunt Scriptores incertae aetatis: Omarus Bassorensis. Ioannes Scholasticus, qui et Philoponus Monophysita. Iahia, seu Ioannes Hariri, Tagritensis filius, cognomento Abul-Nasrus, Iacobita. Theodorus Abucara, Episcopus Haran. Andreas Edessenus. Elias Edessenus Episcopus. Abraham Bassorensis. Abu. lezrus Chedri filius, Presbyter. Patriarchae Chaldaeorum seu Nestorianorum à s. Thoma Apostolo ad praesentem usque diem. Patriarchae Chaldaeorum ordine alphabetico. Index Syriacus alphabeticus eorundem Patriarcharum. Addenda et corrigenda. Index rerum.

Par. 2. Dissertatio de Syris Nestorianis, eorum historia, ritus etc.

Romae, 1719 — 1728. F^o. Въ кож. пер. (1. 2944).

2024. Anecdota graeca sacra et profana ex codicibus manu exaratis nunc primum in lucem edita, versione latina donata et notis illustrata a *I. Ch. Wolfto*. T. 1—4 voll. 2, quibus continetur: Photii contra Manichaeos libri IV Gregorii Nysseni de resurrectione. Libanii Epistolae. Excerpta ex Catena ms. Excerpta ex Damascii (Damasceni) libro ms. De principiis. Notae et emendationes in Hesychii Lexicon.

Hamburgi, 1722—1724. 8° min. Въ пергам. и кож. пер. (15,91).

2025. Vetera Analecta sive Collectio veterum aliquot operum et opusculorum omnis generis, carminum, epistolarum, diplomatum, epitaphiorum etc. Cum itinere germanico, adnotationibus et aliquot disquisitionibus *I. Mabillon* Benedictini. Nova editio, cui accessere Mabillonii vita et aliquot opuscula. Subjungitur opusculum *Eldefonsi* Hispanensis Episcopi De pane eucharistico, azymo ac fermentato et Eusebii Romani ad The-

ophilum Gallum Epistola de cultu sanctorum ignotorum.

Elenchus contentorum in hac nova editione:

Vita I. Mabillon. Itineris Germanici descriptio. Variarum observationum ex mss. codd. germanicis. Varia opuscula: Fragmentum Epistolae Candidi Arriani ad Marium Victorinum de Christo. Responsio Marii Victorini. Armenii et Honorii Monachorum Sententia de libris Canonicis Veteris ac Novi Testamenti simulque brevis Confessio fidei. Auxilii Tractatus de causa Formosi Papae. Ejusdem alia quaedam, ad Formosum Papam pertinentia Abbaudi abbatis Tractatus de fractione corporis Christi. S. Laurentii Episcopi Homilia de muliere chanaanica. Dionysii Exigui Epistola ad Eugipium Presbyterum. Fragmenta duo ex Commentario Gregorii Episcopi Turonensis in Psalmos. Taionis Episcopi. Caesaraugustani Praefatio ad Quiricum Episcopi. Barcinonensem. Quirici Responsio ad Taionem. Pirminii Abbatis De singulis libris canonicis. Caroli Magni Praefatio in Homiliarium Pauli Diaconi et Epistolae duae. Odilberti Archiepiscopi Mediolanensis. Responsio ad Carolum Magnum, de baptismo. Leidradi Episcopi Lugdunensis. De Sacramento baptismi ad Carolum Magnum. Claudii Episcopi Taurinensis Praefatio in libros informationum literae et spiritus super Leviticum, ad Theodemirum Abbatem Ejusdem Praefatio expositionis in Epistolam ad Ephesios. Supplementum ad librum IV Amalarii de officiis divinis. Vulfadi Archiepiscopi Bituricensis Epistola Pastoralis. Gerberti Scholastici (Silvestri II Papae) Epistola de sphaerae constructione. Ejusdem Sermo de informatione Episcoporum et ad Ottonem Imperatorem Praefatio in locum Porphyrii a se illustratum. Anonymi Monachi Ratisbonensis libellus de suis tentationibus, varia fortuna et scriptis. Ioannis Abbatis Prologus ad Imperatricem viduam Henrici in opus precum variarum. Roberti Abbatis Prologus in Cantica Cantorum. Algeri Scholastici elogium, auctore Nicolao Leodiensi Canonico. Algeri Praefatio in librum de misericordia et justitia. Alulfi Monachi Prologus in librum qui dicitur Gregorialis. Hugonis à S. Victore opusculi De studio legendi caput ultimum. Abonis Abbatis Collectio canonum. Fragmentum Concilii

Carthaginensis an. 534. Fragmentum historicum de Concilio Aquisgravenſi. Additamentum ad Concilium Tuſiſiense. Ludovici Pii Imperatoris Capitulare de monaſterio Pictavenſi s. Crucis. Ordo officii celebrandi ante Paſcha in Eccleſia s. Benedicti Friſingeniſi. Antiquae conſuetudines monaſteriorum ordinis s. Benedicti. Scriptum Fratrum de Monte Caſino ad Monachos ordinis s. Benedicti Teutonicos de ritibus Caſinienſium et Cluniacenſium. Willelmi Abbatis Prologus in Conſuetudines Hirſaugienſes. Formulae oblationis puerorum in Monaſteriis. Variæ literæ, quibus ſocietatem ſuffragiorum ineunt Cluniacenſes, Cartuſienſes etc. Ritus probationis per aquam frigidam, ab Eugenio II Papa inſtitutæ. Forma excommunicationis. Kalendarium antiquiſſimum Eccleſiæ Carthagineniſi. Veteres Litanie Anglicanæ. Litanie Carolinæ. Initium Hiſtoriæ paſſionis ſanctorum Scillitanorum. Paſſio s. Demetrii Martyris, per *Anaſtaſium Bibliothecarium*. Acta s. Crispinæ Virginis et Martyris. Paſſio s. Mammarii Martyris in Africa. Paſſio s. Maximiliani. Marculi Donatiſtæ paſſio. Fragmentum Epistolæ Macroſii Donatiſtæ ad plebem Carthaginenſem de paſſione Maximiani et Isaac Donatiſtarum. paſſio Theodoriti Presbyt. Antioch. Paſſio s. Philippi Episcopi Hadrianopolitani. Vita s. Hieronymi Presb. auctore Gennadio. Elogium ss. Hieronymi et Auguſtini ex libro Gennadii Maſſil. De viris illuſtribus. Aridii Abbatis vita, auctore s. Gregorio Turon. Aridii Teſtamentum. Brevis narratio de translatione corporis s. Benedicti in Galliam. Hinemari Archiep. Remenſis Epistola ad Carolum Imperatorem de auctoritate vitæ s. Dionysii, ab Anaſtaſio tralatae. Hugonis Archidiaconi Turonenſis Dialogus ad Fulbertum de quodam miraculo quod contigit in translatione s. Martini. Gudini Planctus rythmicus ſuper morte Conſtantii Monachi Luſoviienſis. Index vetuſtiſſimus Romanorum Pontificum. Alter eorundem index paulo recentior. Diptycha Eccleſiæ Arelatenſis. Triplex ſeries Archiepiſcoporum Viennienſium et Episcoporum Gratianopolitanæ ſedis. Nomina Episcoporum Matisconenſium. Acta Archiepiſcoporum Rotomagienſium. Vetus formula celebrandi Concilii Provincialis in Eccleſia Rotomageniſi. Ritus ordinandi Episcopi in Metropoli Rotomageniſi. Quorundam Episco-

porum Carnutensium obitus elogia. Forma juramenti investiendi Canonici Carnutensis. Acta Episcoporum Cenomanensium. Excerpta ex Instrumento visitationis quam fecit Simon Archiep. Bituricensis. Incerti Poëtae versus de Episcopis et Archiepiscopis quarundam eparchiarum cum epitaphiis aliquot Episcoporum. Alcuini versus de Aquila Episcopo Saltzburgensi. Breve Chronicon Auri-liacensis Abbatiae. Chronicon monasterii s. Michaëlis in Pago Virdunensi. Antiqua collectio veterum inscriptionum Romanarum. Descriptio regionum urbis Romae. Rythmus Satyricus de temporibus Roberti Regis. Breves annales Ratisbonenses. Annales Weingartenses. Annales Einsidlenses. Dies intrantes et exeuntes. Veteris Poëtae Carmen apologeticum adversus obtrectatores Romanae Curiae. Epitaphia Principum et illustrium personarum. Epitaphium Venerabilis Bedae. Epitaphia duo Lanfridi Abbatis Benedictoburani: necnon versus *de tribus primis Abbatibus ejus loci. Adelmanni Scholastici Rythmi alphabetici de viris illustribus sui temporis. Virorum aliquot illustrium Elogia. Aviti Presbyteri Epistola ad Palconium Episc. Bracarensem. Belle-sarii Scholastici versus acrostichi de Sedulio poëta. Honorii Scholastici versus ad Iordanem Ep. Raven. Venantii Fortunati Versus ad Childebertum Regem. Versus in velo quod à Chintilane Rege Romam directum est. Veteres formulae Andegavenses. Venerabilis Bedae Epistola ad Albinum Abbatem. Albini (Alcuini) Epistolae novae 26. Ejusdem versus de Cuculo. Alii versus de Gallo. Veronae rythmica descriptio antiqua. Theodulfi Episcopi Aurelianensis Carmina varia. Flori Diaconi Lugdun. Carmina varia. Haganonis Episcopi Epistola ad Rampertum Ep. Brixiensem. Sindberti Ep. Murbacensis Epistola encyclica. Ejusdem Indiculum ad Episcopum. Prudentii Ep. Trecensis Epistola ad fratrem. Rabani Episcopi ad Ratleicum Abbatem Prologus de Martyrologio suo. Fragmenta ex libro Ermenrici Monachi Augiensis de Grammatica. Heirici Monachi Versus ad Hildeboldum Ep. Autisiodorensem. Haldoini Abbatis Versus ad tumulum s. Remigii. Theudoini Catalaunensis Epistola ad Almanum Monachum. Almanni rescriptum ad Theudoinum. Angilberti Abbatis Versus ad Ludovicum Regem. Nomina monasteriorum cum qui-*

bus societatem habuit Augiense saeculo IX. Excerpta ex Necrologio Augiensi. Caroli Crassi Imp. Commemoratio apud Augienses instituta à Cadoldo Ep. Novariensi. Eliae Ep. Ierosolym. Epistola encyclica. Benedicti IV Papae Epistola encyclica. Mantionis Ep. Catalaunensis Epistola ad Fulconem Archiep. Remensem. Gerardi Monachi Prologus in vitam s. Romani Episcopi. Alberti Abbatis Miciacensis Epistola ad Ioannem XVII Papam. Ejusdem Diploma. Praefatio Helperici Abbatis in librum de Computo. Ademari Monachi Acrostichon ad Rohonem Ep. Engolismensem. Osmundi Ep. Astoricensis Epistola ad Idam Comitissam Bononiensem. Epistolae Tegernsenses variorum virorum. Epitaphium Ellingeri Abbatis. Epistola Gozechini Scholastici ad Valcherum Scholasticum. Deoduini Ep. Leodiensis Epistola de Corpore et Sanguine Domini. Confessio s. Brunonis. Oratio dicenda ante perceptionem Corporis et Sanguinis Domini edita à s. Anselmo Archiep. Cantuar. Alia ante communionem dicenda contra pervasores. Diploma pro coenobio Campidonensi. Willelmi Anglorum Regis Epistola ad Ioannem Abbatem Fiscamnensem. Ioannis Abbatis Epistolae III. Warini Abbatis Epistola ad Ioannem. Willelmi Abbatis Metensis Epistolae VII. Ejusdem Oratio in Commemorationem s. Augustini. Guidonis Comitum Epistola ad Lambertum Ep. Atrebatensem. Galteri Ep. Magalonensis Epistola ad Robertum Praepositum insulanum. Hildeberti Ep. Cenomanensis Epistola ad Reginoldum Monachum Cantuar. Ejusdem Prologus in vitam s. Radegundis Reginae. Supplementum Cibelli Sugerii Abbatis de consecratione Ecclesiae suae. Guigonis Cartusiae Prioris Epistola ad Durbonenses fratres de supposititiis beati Hieronymi Epistolis. Oddonis Abbatis s. Remigii Epistola ad Thomam Comitem de quodam miraculo s. Thomae Apostoli. Siberti Prioris Epistola ad Rodulfum Abbatem s. Trudonis. Rodulfi Responsio. Waselini Abbatis Epistola ad Abbatem Florinensem. Evervini Steinteldensis Praepositi Epistola ad s. Bernardum Abbatem. Hugonis Metelli, Canonici regularis Epistola ad Gerlandum. Odonis Monachi Cantuar. Epistola ad Adam fratrem suum. Ioannis II Archiep. Lugdunensis, Epistola ad Glascuensem Episcopum. Anonymi Abbatis Epistola ad Monachos

Pratellenses. Alia ad eosdem. Heruardi Leodiensis Archidiaconi Epistola ad G. Canonicum Laudunensem. Herberti Monachi Epistola de haereticis Petragoricensibus. Guillelmi Ep. Mutinensis Epistola flebilis de sua assumptione in cardinalitiam dignitatem. Humberti Delphini Viennensis Epistola quâ statuit, ut Cartusiensium lites statim sine juris solemnitate finiantur. Ioannes Archiep. Arelatensis fratri Bonaventurae facultatem dat aedificandi ecclesiam et conventum in castro Salonensi. Benedictio Ludovici, filii Ludovici Ducis Andegavensis, facta à Ioanne Patr. Alexandrino an. 1377. Caroli VI Francorum Regis Literae, quibus Iudaei conversi a spoliatione bonorum suorum vindicantur. Ioannis Mabillon opuscula.

Parisiis, 1723. F^o. ВЪ КОЖ. пер. (6,629).

2026. S^s. Patrum, qui temporibus Apostolicis floruerunt, Barnabae, Clementis, Hermae, Ignatii, Polycarpi opera vera et supposititia, una cum Clementis, Ignatii, Polycarpi actis et martyriis. *I. B. Cotelerius*, societatis Sorbonicae theologus ex mss. codicibus eruit ac correxit, versionibusque et notis illustravit. Accesserunt in hac nova editione notae integrae aliorum virorum doctorum, qui in singulos Patres memoratos scripserunt; item *G. Beveregii* Codex canonum primitivae Ecclesiae vindicatus, *I. Usserii* Dissertationes Ignatianae et *I. Pearsonii* Vindiciae Epistolarum s. Ignatii atque alia. Recensuit et notulas aliquot suas et aliorum adpersit *I. Clericus*. Editio altera auctior et accuratior. T. 1—2 voll. 2. Amstelaedami, 1724. F^o. ВЪ КОЖ. пер. (6,105).

2027. *H. Canisii*. Thesaurus monumentorum ecclesiasticorum et historicorum sive Lectiones antiquae ad saeculorum ordinem digestae variisque opusculis auctae, quibus praefationes historicas, animadversiones criticas et notas in singulos

auctores adjecit *I. Basnage*. Cum indicibus locupletissimis. T. I—IV in VII partibus, voll. 4, quibus continetur:

- T. I. Sæcula III—VII. Excerpta ex libro Hippolyti, Episcopi Portuensis, De Theologia et incarnatione, contra Beronem et Helicem. S. Gregorii Thaumaturgi XII capita de fide et anathematismis. Serapionis Adversus Manichæos. Titi Bostreni Adversus Manichæos. S. Oresii Abbatis de VI cogitationibus sanctorum. S. Basilii Magni Contra Arianos. Eunomii Confessio fidei, Apologia et Scholia, seu Disputatio cum orthodoxo. Expositio ss. Patrum: Magni Basilii et Gregorii Theologi de orthodoxa fide. Epistola s. Gregorii Nysseni contra Apollinarium ad Theophilum Alex. Didymi Alex. Contra Manichæos. I. Chrysostomi Brevis interpretatio in s. Evangelium secundum Ioannem. Ejusdem Epistola ad Cæsarium monachum. Basilii Seleuc. Demonstratio adversus Iudæos de adventu Christi. Prosperi Aquitani *Chronicon integrum*. Victoris Tunnunensis *Chronicon*. Ioannis Abbatis Biclariensis *Chronicon*. Fausti Regiensis *Epistolæ*. Ruricii Lemoviceni *Epistolæ*. Epistola Eugippii Abbatis in vitam s. Severini ad Paschasium Diaconum. Cogitosus de s. Brigida. Zachariae Mitylensis *Syntagma adversus Manichæos*. Anastasii Patr. Antioch. *Orationes quinque*. Anastasii Sinaitæ *Orationes*. Evanti Abbatis *Epistola contra eos, qui sanguinem animalium immundum et carnem mundam judicant*. Leontii Byzantini *Contra Eutichianos et Nestorianos*. Ejusdem alia opuscula. Desiderii Episcopi Cadurceni *Epistolæ*. *Epistolæ diversorum ad Desiderium*. Vita s. Magni, authore Theodoro. S. Adamanni Scoti *De s. Columbano Scoto*. S. Althelmi Stireburnensis *De laude virginum et de octo principalibus vitiis*. Appendix I continens *Animadversiones domini Caperonnier in varia opuscula ss. Patrum*.—II. *Carmen beati Columbani*. *Sermo s. Galli Confessoris*. *Fragmentum Leontii Cyprii Contra Hebræos*.
- T. II par. 1. Sæculum VIII. Acta s. Cathberti a Venerab. Beda conscripta. S. I. Damasceni *Contra Acephalos et Monophysitas*. Ejusdem *Adversus Nestorianos*. S. Zachariae Papæ sex cum dimidio capita ex libro III

Dialogorum s. Gregorii Magni. Hodoeporicon s. Willibaldi, scriptum a sanctimoniali Heidenheimensi. Vita s. Wunebaldi, ab eadem scripta. Vita et revelatio s. Lamberti, auctore anonymo. Collectio historica chronographica, collectore Gallo quodam. S. Willibaldi De vita s. Bonifacii. Collectanea incerti auctoris contra Severianos. Epitome canonum, quam Adrianus I Papa Carolo Magno obtulit. Etherii et Beati De adoptione Christi contra Elipandum. Flacci Alcuini Epistolae. Ejusdem Homilia in natalem s. Willibrodi, Liber de vita et rebus gestis s. Willibrodi et Elegia in s. Willigisum parentem s. Willibrodi. Carmina incerti auctoris de Carolo Magno et Leonis Papae ad Carolum adventu. Flacci Albini seu Alcuini Dialectica et Grammatica. Ejusdem Epistolae duae.

T. II. p. 2. Saeculum IX. S. Nicephori Patr. CP. Opuscula quatuor contra Iconomachos. Benedictio Dei ex Cassiodoro et Isidoro, ab anonymo ad Bathurium Ep. Ratisbonensem. Fragmentum Annalium Francicorum. Theodulphi Abbatis Elegiae epistolares ad Modoinum et Aigulfum. Item Modoini Epistola responsoria elegiaca. Ejusdem Theodulphi et aliorum poemata. Halitgarii De vitis et virtutibus et ordine poenitentium. Liber poenitentialis ex scrinio Romanae Ecclesiae. Antiquus Liber poenitentialis Romanus, ab Halitgario exscriptus. Poenitentiale Halitgarii seu alterius incerti auctoris una cum Epistola Hormisdæ Papae. Excerptum ex Libro Prosperi, Quantum remedii habeat confessio peccatorum. Epistola Gregorii Magni ad Secundinum. S. Isidori Epistola de restauratione sacerdotis. S. Isidori De conversis. Vita s. Solae Angli, scripta ab Ermenoldo. Poemata Walfridi Strabi. Ejusdem Hortulus et Sermo de subversione Hierusalem. Poenitentiale Rhabani. Martyrologium Rhabani. Synodus Regia Ticina. Conventus Ticinensis. Genealogia Caroli Magni, auctore anonymo. Photii Patr. CP. Epistola ad Michaëlem Bulgarorum Regem. Ejusdem De divinatione, incarnatione etc. de voluntatibus gnomiceis in Christo. Stewartii Dissertatiuncula de descriptione Photiana. Theodori Abucarae Disputationes tres. Ejusdem Tractatus de unione et incarnatione.

T. II. p. 3. Martyrium s. Desiderii Viennensis, ab Adone

collectum. Anastasii Abbatis Liber contra Iudaeos. Collectanea contra Iudaeos. Collectanea de quibusdam haeresibus. De gestis Caroli Magni, a quodam Monacho s. Galli. Martyrologium Notkeri. Epigrammata seu Hymni sacri illustrium monasterii s. Galli. Carmina Salomonis Ep. Constantiensis ad Dadonem Episcopum. Vita s. Gregorii Magni, ab incerto auctore conscripta. Vita s. Walpurgis virginis et abbatissæ Heidenheimensis, scripta à Wolfhardo Monacho Hasenrietano.

T. III. p. 1. Sæcula X—XI. Vita s. Burchardi Ep. Herbipolensis, auctore anonymo. Synodus Engilnheimensis. Synodus Augustana. Vita s. Willibaldi Ep. Aichstadiani, auctore anonymo. Chronicon Hippolyti Thebani. De s. Adalberto Ep. Pragensi auctor aequaevus. De Adalhaide, conjugè Ottonis I, auctore familiari ejus. Meginfredi De vita et virtutibus beati Emmerammi. Arnolphi de Cham et Vochburg De miraculis s. Emmerammi. Pannegyricus Wiponis ad Heinricum III. Vita ss. Koliani, Kolomani et Totnani. Vita s. Guntheri. Hermanni Contracti Chronicon. Humberti Sylvae Candidae Episcopi Adversus calumnias Michaëlis Patr. CP. Ejusdem Contra Nicetam Pectoratum cum relatione brevi rerum Constantinopoli ab Apostolicae Sedis Legatis Gestarum an. 1054. Vita Henrici à Zwifaltach. Othloni De vita s. Bonifacii. S. Anselmi Lucensis Contra Guipertum Antipapam pro defensione Gregorii VII. Ejusdem Collectanea. Statuta canonum de officio sacerdotum. Menologium Graecorum.

T. III. p. 2. Saeculum XII. Udalscalci Narratio de controversiis inter Hermannum Ep. Augustanum et Eginonem Abbatem s. Udalrici, una cum Epistolis Paschalis quinque, Arnolphi Archiepiscopi tribus et Eginonis quatuor. Vita et res gestae s. Henrici I Imperatoris. De vita beati Othonis Episc. Bambergensis, una cum quibusdam Epistolis Paschalis, Calixti et Innocentii Pontificum et Bolislai Polonorum Ducis, ut et Imbraconis Ep. Herbipolensis Oratio in funere s. Othonis. Vita et passio s. Tyemonis seu Theodamari Archiep. Salisb. Metelli Tegenseensis Quirinalia in laudem s. Quirini martyris. Fragmentum ex libro contra Folmarum. Officium de s. Carolo. Brevis relatio de origine, fundatione et progressu monasterii Windbergensis in Bavaria. Chronicon incerti

auctoris a nativitate Domini usque ad annum 1167. Monumenta Salisburgensia. Friderici I Barbarossae Expeditionis asiatica. Vita s. Mechtildis Abbatissae in Diessen et Oetilstetten, auctore Engelhardo Abbate in Lankhaim. Ekerhardi Decani s. Galli De vita beati Notkeri Balbuli ejusque canonizationis processus. Historia de Guelfis Principibus, auctore Altorfensi seu Weingartensi Monacho. Chronicon Weingartense a Christo nato ad an. 1197.

T. IV. Sæcula XIII—XVI. Guntheri Monachi Historia Constantinopolitana sub Balduino. Descriptio terrae sanctae, auctore Burchardo de Monte Sion. Iacobi de Vitiaco Praefatio in Historiam orientalem et occidentalem. Tractatus contra Graecorum errores de processione Spiritus Sancti, de animabus defunctorum, de azymis et fermento, de obedientia Romanae Ecclesiae. Constitutiones Concilii Viennensis. Constitutiones Concilii Salisburgensis. De vita et miraculis s. Ermenoldi Abbatis Prufeningensis. Theodorici Turingi De s. Elizabeth. Acta s. Albani martyris, auctore incerto. Annales Heinrici Steronis ab an. 1152 ad an. 1300. Annales Eberhard; ab an. 1273 ad an. 1305. Vita s. Walpurgis virginis et Abbatissae, scripta à Philippo praesule Aichstadiano. Concilia bina Salisburgensia, anno 1310 habita. Andronici Constantinopolitani Dialogus contra Iudaeos. Guilielmi de Baldensel Hodoeporicon ad terram sanctam, anno 1336, una cum Epistola ad Petrum Abbatem aulae Regiae. Itinerarium Rudolphi de Frameynspurg in Palaestiam, ad montem Sinai et in Aegyptum, anno 1346. Barlaami de Seminaria Ep. Gyraensis Epistolae ad Graecos. Ejusdem Ethica secundum stoicos. Epitome bellorum à christianis Principibus pro recuperatione terrae sanctae susceptorum. Hussitica. De fundatione Ecclesiae Ilmensis et Tegernseensis et de translatione s. altaris. Item Fragmentum Chronicon Thaddaei Scotorum Abbatis Ratisbonae de s. Kiliano, s. Virgilio et s. Lullo. Disputatio Capituli Ecclesiae Pragensis cum Rokyzana de Hussiticis controversiis. anno 1465. Descriptio terrae sanctae. auctore Anshelmo, an. 1509. Actus sive processus canonizationis beati Notkeri an. 1514. Catalogus scriptorum contra Iudaeos ex biblio-

theca Ioannis Molani. De vita s. Gebhardi Constantiensis Episcopi, per Felicem Manilium.

Antverpiae, 1725. F^o. Въ кож. пер. (2,106).

Изъ библиотеки Троицкой Лаврской Семинаріи.

2028. Eiusdem operis editio alia in VI voluminibus. Amstelaedami, 1725. F^o. Въ кож. пер. (2,106).

2029. I. *Sirmondi* operum tomi I—III et V, quibus continentur scripta ss. Patrum et scriptorum ecclesiasticorum:

T. I. Eusebii Caesariensis opuscula XIV. Marcellini et Faustini Libellus precum ad Imperatores. Rufini Palaestini Liber de fide. Notae in XL Sermones novos s. Augustini. Opuscula dogmatica veterum quinque scriptorum, scilicet: Leporii Presbyteri Libellus emendationis, Capreoli Ep. Carthaginensis Epistola ad Vitalem et Tonantium, Breviarium fidei adversus Arrianos haereticos, Isaac ex Iudaeo Liber fidei. Victorini Afri Liber contra Manichaeos, item, De principio diei, Notitia provinciarum et civitatum Africae. Praedestinatus sive praedestinatorum haeresis et libri s. Augustino temere adscripti refutatio, auctore incerto. S. Valeriani Comeliensis Homiliae XX. Appendix Codicis Theodosiani, cum Epistolis aliquot veterum Conciliorum et Pontificum Romanorum. Apollinaris Sidonii opera. Ennodii opera.

T. II. S. Aviti Viennensis opera. Idatii Chronicon et Fasti Consulares. Marcellini Chronicon. Facundi Hermianensis opera. Eugenii Toletani et aliorum aliquot opuscula. Theodulfi opera. Amolonis Epistolae ad Gothescalum. S. Augustini Sententiae de praedestinatione, et gratia et de libero hominis arbitrio. Servati Lupi Liber de tribus quaestionibus. Rabani Moguntini Epistolae tres adversus Gothescalum.

T. III. Caroli Calvi et successorum aliquot Franciae Regum Capitula. Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Goffridi Abbatis Vindocinensis opera. Petri Cellensis Epistolarum libri IX. Alexandri III ad Petrum Cellensem Epistolae XVI.

T. V. S. Theodori Studitae Libri aliquot dogmatici, Epistolae etc. graecae et latine, pleraque Sirmondo interprete.

- Venetis, 1728. F^o. Въ обтянутыхъ кожею доскахъ (1,213).
2030. *Chrestomathia patristica sive Loci illustres ex antiquissimis Patribus graecis selecti ac nova versione latina scholiisque latinis per schediasmata quaedam in usum juventutis gymnasticae adornati. Cum praefatione I. F. Burgii. Vra-tislaviae, 1739. 8°. Въ кож. пер. (19,91). На поляхъ начальныхъ листовъ книги написано: „Ex libris Iohannis Czyszkievicz, tandem ex bibliotheca seminarii, quod habetur in Laura s.-stae Triados sancti Thaumaturgi Sergii post defunctum Ignatium Czyszkievicz“.*
2031. *Anecdotorum fasciculus sive s. Paulini Nolani, anonymi scriptoris (Glossae in Exodum), Alani Magni ac Theophylacti opuscula aliquot I. A. Mingarellius, canonicus ordinis s. Augustini nunc primum edidit, praefationes ac scholia addidit, graeca latine reddidit. Romae, 1756. 4°. Въ кор. пер. (9,202).*
2032. *A. M. Bandini. Graecae Ecclesiae vetera monumenta ex bibliotheca Medicea. T. I. Iustini Magni Imperatoris et Eudociae Augustae opera quaedam anecdota nunc primum ex mss. codicibus bibliothecae Mediceae graece et latine in lucem prodeunt. Florentiae, 1762. 8°. Въ кор. пер. (32,91).*
2033. *A. M. Bandini. Fasciculus rerum graecarum ecclesiasticarum, exhibens Tractatum Basilii Magni de synisactis, Nicephori Callisti Xanthopuli Sermonem in s. Mariam Magdalenam, codicum aliquot insigniorum notitiam. Omnia graece nunc primum prodeunt ex Medicea bibliotheca. Florentiae, 1763. 8°. Въ кож. пер. (12,91).*

2034. *Ch. F. Rössler*. Bibliothek der Kirchenväter in Uebersetzungen und Auszügen aus ihren fürnehmsten, besonders dogmatischen Schriften, sammt dem Original der Hauptstellen und nöthigen Anmerkungen. Aelteste Periode bis auf Kirchenversammlung zu Nicäa. Zwote Periode bis auf die Kirchenversammlung zu Chalcedon.

Th. 1. Griechische Väter vom Barnabas bis auf dem Irenaeus.

Th. 3. Lateinische Väter vom Minucius Felix bis auf dem Lactantius.

Th. 5. (2 Periode) Athanasius. Eusebius. Cyrillus von Ierusalem.

Leipzig, 1776—1780. 8°. ВЪ кож. пер. (3,207).

2035. *Ch. F. Matthaei*. Lectiones Mosquenses. T. I—II voll. 2, quibus continetur:

Vol. I. Ioannis Chrysostomi Homilia: Ἐορτή, ἀδελφοί, μέλλει προσελθόνειν. Specimen Catenae ineditae ad quatuor Evengelistas. Excerpta ex anonymi libello medico. Excerpta ex grammatica Georgii Lecapeni. Notitia codicis Columellae et ad ejus librum X ex eodem variae lectiones. Variae lectiones ad Aratum. Variae lectiones ad Cleomedis librum I de meteoris.

Vol. II. Severiani Gabalitani Oratio: Ἀνοιγέσθω σήμερον πᾶν στόμα. Gregorii Thessalonicensis (Palamae) Dialogus, qui inscribitur: Theophanes. Scholium Theodori Studitae. Fragmentum Gregorii Nazianzeni. Specimen scholiorum in Psalmos. Interpretatio Symboli. Glossarium parvum in Epistolas Apostolorum. Variae lectiones ad Plutarchi libros de placitis philosophorum. Animadversionum farrago ad modo laudatum Glossarium in Epistolas Apostolorum.

Lipsiae, 1779. 8°. Два экземпляра: одинъ въ одномъ кор. пер. другой въ двухъ бум. пер. (13,196 и Н. 549 и 579).

2036. Veterum Patrum ecclesiasticorumque scriptorum analecta nova,

hoc est, Origenis, Dionyssii Alexandrini, Gregorii Thaumaturgi, Helenae et Constantini, Paphnutii, Nectarii Patr. CP., Ioannis Chrysostomi, Severiani Gabalitani, Cyrilli Alexandrini et Maximi Monachi opera, nunc fere primum graece et latine prodeuntia. Accedit Cosmae Indicopleustae Aegyptii Monachi Topographia christiana. Venetiis, 1781. F^o. Въ наукѣ (5,90).

2037. Fragmenta Patrum graecorum. Edidit et illustravit *F. Münter*. Fasc. I.

Papias. Irenaeus. Eusebius. Theodorus Mopsuestenus. Hafniae, 1788. 8°. Въ бум. пер. (13,207).

2038. Epistolarum Pontificum Romanorum à s. Clemente I usque ad s. Leonem Magnum tomus I, continens Epistolas Pontificum à s. Clemente I usque ad s. Xystum III,

id est, s. Clementis I, s. Soteris, s. Eleutheri, s. Victoris I, s. Cornelii, s. Lucii, s. Stephani I, Xysti II, s. Dionysii, s. Melchiadis, s. Silvestri I, s. Iulii I, s. Liberii, s. Damasi I, s. Siricii, s. Innocentii I, s. Zosimi, s. Bonifacii I, s. Coelestini I et s. Xysti III. Ex recensione *P. Constantii*, cum ejusdem admonitionibus et selecta adnotatione. Curavit aliorumque nonnullas et suas animadversiones addidit *C. T. G. Schoenemann*. Vol. I. Gottingae, 1796. 8°. Въ кож. пер. (H. 1259).

2039. Reliquiae Sacrae sive auctorum fere jam perditorum secundi tertiique saeculi fragmenta, quae supersunt. Accedunt Epistolae synodicae et canonicae, Nicaeno concilio antiquiores. Ad codices mss. recensuit notisque illustravit *M. I. Routh*. T. I—IV voll. 4. quibus continetur:

T. 1. Papias. Seniores apud s. Irenaeum. Quadratus et s. Aristides. Agrippa Castor. Aristo Pellaeus. Melito Sard. S. Claudius Appollinaris. Dionysius Corinthus et Pinytus. Hegesippus. Martyres Lugdunenses. Ecclesiae Viennensis et Lugdunensis fragmenta. Pantaenus. Rhodo.

Concilium Caesariense. Polycrates. Concilium Lugdunense. Maximus. S. Serapio Antiochenus et Presbyter apud s. Clementem Alexandrinum.

T. II. Cajus Presbyter. Alexander Hierosolymitanus. Apollonius. Auctor adversus Cataphrygas. Iulius Africanus. Chronologus. Ambrosius. Concilium contra Noetum. S. Dionysii Alexandrini Epistola canonica ad Basilidem etc. S. Gregorii Neocaesariensis Epistola canonica. Concilium Antiochenum contra Paulum Samosatenum.

T. III. S. Cornelius. concilia Carthaginensia Dionysius Romanus. Pierius. Theognostus. S. Victorinus. S. Pamphylus martyr. S. Lucianus martyr. Hymnus vespertinus. Theonas S. Petrus Alexandrinus. S. Phileas. Concilia Ancyranus canones. Concilii Neocaesariensis canones.

T. IV. Incertus auctor de canone S. Scripturarum. Appendix I: Concilium Eliberitanum. Concilium Romanum. Gesta purgationis Felicis Episcopi Aptungitani. Epistola Imperatoris Constantini Magni ad Probianum. Concilium Arelatense I: Gesta apud Zenophilum. Accusatio in Mensurium et Secundum. Ex s. Augustino. Appendix II: Archelai disputatio cum Manete. Addita quaedam ad Archelaum et s. Dionysium Alexandrinum pertinentia. Apologia s. Pamphili martyris pro Origene, a Rufino latine versa. Addenda: s. Dionysii Alexandrini, ex libris ejus De natura. Asclepiadis Fragmentum.

Oxonii, 1814 — 1818. 8°. Вь коленк. пер. (10,196 и Г. 1779). На заглавномъ листѣ первого тома находится надпись: „Liber Spiritualis Academiae Mosquensis e dono Auctoris. 1841“.

2040. Reliquien, das ist, auserlesene Stellen aus den Schriften der Väter und Lehrer der Kirche. Eine Nachlese zu den Briefen aus allen Jahrhunderten der christlichen Zeitrechnung. Von I. M. Sailer. Hefte 1—3 vol. 1. München, 1816—1821. 8°. Вь кор. пер. (11,399 и 30,554). Два экземпляра.

2041. K. Unterkircher. Die echten Schriften der apostolischen Väter: des Clemens von Rom, der

Martyrer Ignaz und Polykarp, nebst den echten Martyrgeschichten der zwey letztern aus der Grundsprache übersetzt und mit Anmerkungen und Bemerkungen versehen. Innsbruck, 1817. 8° min. Въ кор. пер. (18,206).

2042. Leonis Diaconi Caloënsis Historia Scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes. E bibliotheca Regia nunc primum in lucem edidit, versione latina et notis illustravit *C. B. Hase*. Insunt, praeter Leonis Historiam, scripta: Nicephori Phocae Augusti Liber de velitatione bellica. Ioannis Epiphaniensis Historiarum fragmentum. Theodosii Monachi Epistola de expugnatione Syracusarum. Parisiis, 1819. F^o. Въ папкѣ (11,240).

2043. Goldkörner der Weisheit und Tugend. Zur Unterhaltung für edle Seelen von *I. M. Sailer*. In zwey Abtheilungen enthaltend:
1.500 Sprüche der Weisen lateinisch und deutsch. II. 250 Sprüche mit und ohne Glossen. In I Abth. I. Selectae Iani Anisii sententiae senariis expressae. 2. Ludovici Vivis Symbola sapientiae. 3. Ex ejusdem Ludovici Introductione in sapientiam. 4. Sententiae s. Martini Bracarensis Episcopi ad Mitonem Regem.
Vol. 1 Dritte verbesserte und viel vermehrte Ausgabe. gratz, 1819. 8°. Въ кор. пер. (2,396 и Г. 4012).

2044. Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita ab *Ang. Majo*. T. I—VIII voll. 8, quibus continetur:

- T. I. Eusebius Caesariensis. Photius Patr. CP. Polychronius. Variorum commentarii in Daniele. Commentarii praevii. A. Symmachus. Julius Victor. C. M. Apuleius Grammaticus.
T. II. Diodorus Siculus. Dio Cassius. Eunapius. Dexippus. Jamblichus. Menander. Appianus. Polybius. Dionysius Halicarnassensis. Petrus Magister. Nicephorus Blem-

- mydes. Eubulus. Julianus Laodicensis. Basilius Imperator. Photius seu potius Germanus. Theodorus Metochita.
- T. III. Ephraemius Byzantinus. Methodius Monachus. Victorinus Philosophus. Ferrandus Diaconus Carthaginensis. Reliquiae Tractatus antiquissimi in Lucae evangelium. Sermonum Arrianorum fragmenta antiquissima. Fragmenta antiqua duo ex libris apocryphis Veteris Testamenti. Accedunt Julii Titiani et Hilarii Arelatensis fragmenta duo. Sermonum antiquorum aliae reliquiae. Liturgica fragmenta antiqua. Fragmentum contra Arrianos. Florus Diaconus Lugdunensis. S. Isidorus. Evangelium secundum Matthaem versionis antehieronymianae. Julius Parisinus. Januarius Nepotianus. S. Augustini Tractatus de musica. Sermones veteres quatuor. Theoduli sive Thomae Magistri Orationes. Sibyllae libri XI, XII, XIII, XIV.
- T. IV. Synodi Constantinopolitanae, an. 1166 habitae, actiones. Codices arabici bibliothecae Vaticanae, vel a christianis scripti vel ad religionem christianam spectantes. Codices persici ejusdem bibliothecae.
- T. V. Inscriptionum christianarum graecarum et latinarum aevi milliarum pars prima. Codices chaldaici sive syriaci Vaticani Assemaniani. Codices hebraici bibliothecae Vaticanae. Codices aethiopici ejusdem bibliothecae. Ejusdem bibliothecae codices slavici. Codices coptici ejusdem bibliothecae. Controversia coptica. Codices armeniaci bibliothecae Vaticanae. Codices iberici ejusdem bibliothecae.
- T. VI. Theodorus Mopsuestenus. Theorianus. Nerses. Atto Senior. Atto Junior. Atto Cardinalis. Remigius. Petrus Damianus. Petrus Diaconus. A. Valerius.
- T. VII. Patrum doctrina de Verbi incarnatione. Leontii et Johannis sacrarum rerum liber. Leontius Hierosolymitanus. S. Ambrosius Mediolanensis Anonymi Expositio fidei. Patrum Nicaenorum Confessio fidei adversus Paulum Samosatensem. S. Julio 1 Papae supposita scripta dogmatica Praeponitur Erechtii Episcopi fragmentum. S. Gregorii Thaumaturgi Expositio accurata fidei. Eulogii Patr. Alex. fragmentum libri de Trinitate et de incarnatione. Sabini Episcopi Epistola ad Polybium

лица Василія Никольскаго на тему «О написаніяхъ псалмовъ».

Справка: Ректоръ Академіи увѣдомилъ Правленіе училища о полученіи этого сочиненія.

Опредѣлили: Принять съ свѣдѣнію.

XVI. Прошеніе экстраординарнаго профессора Казанской Духовной Академіи Александра Гренкова: «Родственница моя, вдова діакона Софья Ростуновская поручила мнѣ почтительнѣйше ходатайствовать предъ академическимъ Совѣтомъ, не благоволитъ ли Совѣтъ выдать ей кандидатское сочиненіе сына ея Сергѣя Ростуновскаго, бывшаго студента Академіи и умершаго въ январѣ текущаго года. Рѣшаясь обратиться къ Совѣту съ сею просьбою моею родственницы, имѣю честь присовокупить, что въ случаѣ согласія со стороны Совѣта на просьбу Ростуновской, означенное сочиненіе покойнаго ея сына Совѣтъ благоволитъ переслать на мое имя въ Казань».

Опредѣлили: Выслать профессору Александру Гренкову кандидатское сочиненіе бывшаго студента здѣшней Академіи С. Ростуновскаго.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „20 іюля 1881 г. По статьѣ 1-й изъясляю согласіе; прочія читаль“.

ЖУРНАЛЪ

собранія Совѣта Академіи 16-го августа 1881 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея Сергія Смирнова, всѣ члены Совѣта, кромѣ помощниковъ ректора В. Кудрявцева и Н. Субботина.

Слушали: I. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 31-го іюля сего года за

№ 3732: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 28-го текущаго іюля, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, окончившіе въ семь году курсъ кандидаты Московской Духовной Академіи назначены: преподавателями въ духовныя семинаріи: Александръ Голубевъ въ Томскую и Николай Яхлановъ въ Тобольскую, оба по основному, догматическому и нравственному богословію, Дмитрій Якимовичъ въ Таврическую (съ 15-го августа) и Николай Никольскій въ Пензенскую, оба по церковной исторіи, Іосифъ Павловскій въ Благовѣщенскую по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей, Иванъ Яхонтовъ въ Ярославскую и Петръ Созонтьевъ въ Таврическую (съ 15-го августа), оба по психологіи, обзору философскихъ ученій и педагогикѣ, Петръ Спасскій въ Вятскую, по греческому языку, и Иванъ Каменскій въ Екатеринославскую, по латинскому языку; помощниками инспектора въ духовныя семинаріи: Иванъ Димитровъ въ Вятскую, Стефанъ Бьялевскій въ Полтавскую и дѣйствительный студентъ той-же академіи, священникъ Виталій Джанаевъ въ Тифльскую. Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода имѣетъ честь увѣдомить о семъ Совѣтъ Московской Духовной Академіи, для зависящаго распоряженія, присовокупляя, что 1) объ ассигнованіи слѣдующихъ поименованнымъ лицамъ, по положенію, денегъ сообщено вмѣстѣ съ симъ Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ; 2) Въ виду состоявшагося избранія кандидата той же Академіи Елпидифора Покровскаго на должность помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи не встрѣчается препятствій къ утвержденію его въ этой должности, указаннымъ въ уставѣ духовныхъ академій (§ 67) порядкомъ, и 3) не получившіе назначенія на службу прочіе, окончившіе курсъ въ упомянутой Академіи воспитанники имѣются въ виду при предстоящемъ замѣщеніи, согласно Высо-

чайше утвержденнымъ 15-го мая 1876 г. и 9-го декабря 1878 г. опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода отъ ^{18-го марта}_{1-го апрѣля} 1876 г. и ¹⁶₂₂ ноября 1878 г., начальническихкихъ и наставническихкихъ вакансій въ духовныхъ училищахъ, и могущихъ открыться среди наступающаго учебнаго года вакантныхъ мѣстъ въ семинаріяхъ».

Справка: 1) Кандидатъ Елпидифоръ Покровскій, согласно его прошенію, избранъ на должность помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи 9-го іюня сего года и того же числа допущенъ къ исправленію этой должности; но такъ какъ во время обученія въ Академіи онъ три года пользовался казеннымъ содержаніемъ, то Совѣтъ Академіи, имѣя въ виду отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода къ Высокопреосвященному Митрополиту Московскому, отъ 22-го января 1876 года за № 274, просилъ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ разрѣшить Покровскому отбыть обязательный для него срокъ духовно-учебной службы на должности помощника секретаря при Академіи и о послѣдующемъ не оставить Совѣтъ Академіи увѣдомленіемъ, чтобы Покровскій могъ быть представленъ къ утвержденію въ должности, на которую избранъ. 2) По §§ 67 и 86 Б. п. 6 устава духовныхъ академій помощникъ секретаря Совѣта и Правленія Академіи, по избраніи въ Совѣтъ, утверждается въ должности епархіальнымъ Преосвященнымъ. 3) По распоряженію ректора Академіи сообщено назначеннымъ на службу воспитанникамъ Академіи о состоявшемся относительно ихъ распоряженіи высшаго начальства.

О п р е д ѣ л и л и: 1. Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи кандидата Елпидифора Покровскаго въ должности помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи со дня избранія его въ эту должность 9-го іюня сего года, при чемъ предста-

вить Его Высокопреосвященству самый актъ избранія. 2) Документы назначенныхъ на духовно-учебную службу бывшихъ воспитанниковъ Академіи препроводить въ мѣста ихъ службы. 3) Сдѣлать надлежащее сообщеніе о нихъ Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

II. Сданный отъ Его Высокопреосвященства съ резолюціею: „Въ Совѣтъ Академіи къ руководству“ послѣдовавшій на имя Его Высокопреосвященства указъ изъ Святѣйшаго Синода отъ 3-го іюля сего года за № 2755: «По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 147, съ заключеніемъ Комитета по представленію Преосвященнаго Казанскаго, о разрѣшеніи возбужденныхъ Совѣтомъ Казанской Духовной Академіи вопросовъ относительно опредѣленія сроковъ службы избираемыхъ на различныя должности въ Академіи лицъ и способовъ вознагражденія за временное исправленіе таковыхъ должностей. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета, изъясненное въ прилагаемомъ при семъ журналѣ, утвердить и, для надлежащихъ, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженій и исполненія, препроводить, въ копіи, при указѣ къ Вашему Преосвященству».

III. Приложенную при указѣ копію съ журнала Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 147: «Въ журналѣ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 147, опредѣлено: Изложенное въ представленіи Казанскаго Архіепископа ходатайство о разрѣшеніи вопросовъ, касающихся службы въ духовныхъ академіяхъ по выборнымъ должностямъ, возникло изъ того, что избранный на инспекторскую должность экстраординарный профессоръ Миротворцевъ не былъ допущенъ къ исправленію этой должности до утвержденія въ оной высшимъ начальствомъ; исполненіе же обязанностей по этой должности поручено было преждему инспектору,

профессору Ивановскому, который и разсчитанъ за временное исправленіе инспекторской должности, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, изъ штатнаго жалованья по оной. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого обстоятельства и возбужденныхъ по поводу онаго, Совѣтомъ Казанской Духовной Академіи, вопросовъ, Учебный Комитетъ находить, что 1) Профессоръ Миротворцевъ, избранный Совѣтомъ Академіи на должность инспектора, по окончаніи четырехлѣтняго срока службы въ оной профессора Ивановскаго, могъ быть съ большимъ правомъ допущенъ къ временному занятію оной впредь до утвержденія вышнимъ начальствомъ выбора академическаго Совѣта, нежели прежній инспекторъ, который по собственному-ли его нежеланію подвергаться новой баллотировкѣ или по неизбранію Совѣта, не былъ предназначенъ къ дальнѣйшему прохожденію этой должности и потому долженъ былъ уступить свое мѣсто другому лицу, коимъ, въ настоящемъ случаѣ, и былъ Миротворцевъ. 2) Такъ какъ профессоръ Миротворцевъ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 6-го марта сего года утвержденъ въ должности инспектора съ 12-го декабря 1880 г., то съ этого же времени и должно считаться четырехлѣтіе его службы, и съ этого же числа должно быть разсчитано ему жалованье по этой должности. Полученное же профессоромъ Ивановскимъ вознагражденіе за исправленіе инспекторской должности въ теченіе трехъ мѣсяцевъ должно быть отнесено на другой источникъ. 3) Въ устраненіе на будущее время недоразумѣній, подобныхъ настоящему, предложить академическимъ Совѣтамъ производить баллотировку на выборныя должности инспектора и помощниковъ ректора заблаговременно до окончанія сроковъ службы лицъ, занимающихъ эти должности по прежнимъ избраніямъ, съ чѣмъ вмѣстѣ устранились бы неудобства, происходящія отъ временнаго замѣщенія этихъ должностей, въ особенности инспекторской, ли-

цамъ, временно назначаемыми къ исполненію обязанностей по этимъ должностямъ. 4) За симъ въ отдѣльномъ разрѣшеніи представленныхъ Преосвященнымъ Архіепископомъ Казанскимъ частныхъ вопросовъ не представляется надобности».

О п р е д ѣ л и л и: Утвержденное Святѣйшимъ Синодомъ заключеніе Учебнаго Комитета принять къ вѣдущему руководству.

IV. Сданный отъ него же указъ Святѣйшаго Синода отъ 5 сего августа за № 3085: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 10-го минувшаго іюля за № 298, журналъ Учебнаго Комитета № 196, состоявшійся по представленію Вашего Преосвященства объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, доктора богословія, Евгенія Голубинскаго въ званіи ординарнаго профессора. П р и к а з а л и: экстраординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, доктора богословія, Евгенія Голубинскаго утвердить въ званіи ординарнаго профессора на одну изъ имѣющихся вакансій, съ производствомъ ему содержанія по сему званію со дня избранія его въ оное, на предписанныхъ для сего въ законѣ основаніяхъ; о чемъ, къ исполненію, послать Вашему Преосвященству указъ».

О п р е д ѣ л и л и: 1) Объявить (и объявленъ) указъ Святѣйшаго Синода ординарному профессору Е. Голубинскому. 2) Внести въ послужный списокъ Е. Голубинскаго объ утвержденіи его въ званіи ординарнаго профессора со дня избранія въ это званіе Совѣтомъ Академіи. 3) Копію съ указа сообщить, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи.

V. Предложеніе ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова: „Честь имѣю предложить Совѣту Академіи: не угодно-ли будетъ Совѣту на открывшуюся вакансію

экстраординарнаго профессора зачислить кандидатомъ доцента по кафедрѣ библейской исторіи Андрея Смирнова, старѣйшаго изъ доцентовъ по службѣ при Академіи, извѣстнаго своими учеными трудами, и подвергнуть его баллотированію въ слѣдующемъ собраніи Совѣта“.

С п р а в к а: 1) По опредѣленію Учебнаго Комитета, утвержденному Святѣйшимъ Синодомъ и препровожденному для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства и исполненія въ духовныхъ академіяхъ, при указѣ онаго, отъ 8-го іюня 1870 г. за № 1548, положенныя по уставу профессорскія кафедры (по 9 кафедръ ординарнаго и экстраординарнаго профессоровъ) распределены между тремя отдѣленіями академіи слѣдующимъ образомъ: къ церковно-историческому и церковно-практическому отдѣленіямъ отнесено по 5 профессорскихъ кафедръ, въ томъ числѣ по 2 кафедры ординарнаго профессора на каждое отдѣленіе, а къ богословскому отдѣленію, въ виду значительнаго числа отнесенныхъ къ нему общеобязательныхъ предметовъ, 6 профессорскихъ кафедръ, въ томъ числѣ три кафедры ординарнаго профессора; остающіяся же за тѣмъ свободными двѣ профессорскія кафедры, будутъ ли онѣ кафедрами ординарнаго профессора, или экстраординарнаго, предоставляются, по усмотрѣнію Совѣта, достойнѣйшимъ преподавателямъ академіи къ какому бы отдѣленію они не принадлежали. 2) Послѣ утвержденія Е. Голубинскаго въ званіи ординарнаго профессора состоятъ замѣщенными въ Московской Духовной Академіи 5 кафедръ ординарнаго профессора: 1 въ богословскомъ отдѣленіи, 3 въ историческомъ, 1 въ практическомъ и 8 кафедръ экстраординарнаго профессора: 4 въ богословскомъ отдѣленіи, 2 въ историческомъ и 2 въ практическомъ. 3) Андрей Смирновъ состоитъ въ должности доцента Академіи по кафедрѣ библейской исторіи съ 24 сентября 1870 года.

О п р е д ѣ л и л и: Записать доцента А. Смирнова кан-

дидатомъ на вакансію экстраординарнаго профессора и подвергнуть его баллотированію въ слѣдующемъ общемъ собраніи Совѣта.

VI. Сданное отъ Его Высокопреосвященства отношеніе къ нему Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 22 іюля за № 3558, о томъ, что указомъ Правительствующаго Сената (по Департаменту Герольдіи) отъ 22 іюня сего года за № 4008 произведены, за выслугу лѣтъ, въ Статскіе Совѣтники, профессеры Московской Духовной Академіи: Алексѣй *Лебедевъ*, Иванъ *Мансветовъ* и Василій *Ключевскій*, первые двое съ 24 октября, а послѣдній съ 10 апрѣля 1880 года. При семъ отношеніи возвращенъ докторскій дипломъ профессора А. Лебедева.

VII. Сданное отъ него же отношеніе п. д. Герольдмейстера департамента Герольдіи Правительствующаго Сената отъ 14 іюля за № 1597, при коемъ препровождена выписка изъ журнала Правительствующаго Сената, состоявшагося 3 іюля 1881 года, о производствѣ помощника инспектора Московской Духовной Академіи, Коллежскаго Ассессора, Николая Воскресенскаго въ Надворные Совѣтники согласно съ представленіемъ. Въ приложенномъ при отношеніи указѣ Правительствующаго Сената по департаменту Герольдіи, отъ 2 іюля сего года за № 99, помощникъ инспектора Академіи Н. Воскресенскій значится произведеннымъ за выслугу лѣтъ въ Надворные Совѣтники съ 24 октября 1880 года.

О п р е д ѣ л и л и: 1) О производствѣ въ чины профессоровъ А. Лебедева, И. Мансветова, В. Ключевскаго и помощника инспектора Н. Воскресенскаго внести въ послужные ихъ списки и объявить произведеннымъ въ чины. 2) Такъ какъ профессоръ В. Ключевскій состоитъ на преподавательской службѣ при Московскомъ Университетѣ, то сообщить Совѣту сего Университета о производствѣ г. Ключескаго въ чинъ Статскаго Совѣтни-

ка съ означеннымъ старшинствомъ. 3) Докторскій дипломъ выдать по принадлежности профессору А. Лебедеву.

VIII. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 31 іюля за № 3729: „Дѣйствительный студентъ Московской Духовной Академіи Платонъ Щегловъ обратился къ Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода съ прошеніемъ о предоставленіи ему какой-либо должности по духовно-учебному вѣдомству, или же объ освобожденіи его отъ обязательной службы по сему вѣдомству, безъ взысканія денегъ за казенное содержаніе его въ упомянутой Академіи. Изъ дѣлъ Канцеріи Оберъ-Прокурора видно, что Щегловъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 6/23 апрѣля 1878 года, освобожденъ былъ отъ обязательной духовно-учебной службы, безъ взноса денегъ за казенное содержаніе его въ духовной академіи, о чемъ тогда же и дано было знаніе Преосвященному Митрополиту Московскому синодальнымъ указомъ. Вслѣдствіе сего, Канцелярія Оберъ-Прокурора имѣетъ честь покорнѣйше просить Правленіе Московской Духовной Академіи о сообщеніи свѣдѣнія, былъ ли Щегловъ въ свое время поставленъ академическимъ начальствомъ въ извѣстность объ упомянутомъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода».

Справка: По справкѣ съ дѣлами, ректоръ Академіи сообщилъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 6 сего августа за № 642, что между другими документами дѣйствительнаго студента Московской Духовной Академіи Платона Щеглова Совѣтомъ Академіи, при отношеніи отъ 4 іюня 1878 года за № 203, препровождено было въ Новгородскую духовную консисторію, для выдачи дѣйствительному студенту Щеглову, и свидѣтельство въ томъ, что по указу Святѣйшаго Синода отъ 29 апрѣля 1878 г. за № 1206, онъ, Щегловъ, освобожденъ отъ обязательной духовно-училищной службы безъ взноса денегъ за казенное содержаніе въ

Академіи, съ сохраненіемъ за нимъ права занять учительскую должность въ мужскомъ духовномъ училищѣ по указанному въ § 66 училищнаго устава порядку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Отношеніе той же Канцеляріи отъ 7 сего августа за № 3882, коимъ сообщается Совѣту Академіи, для зависящаго распоряженія, о томъ, что по утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 1 текущаго августа, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, окончившій въ семь году курсъ въ Московской Духовной Академіи кандидатъ Василій *Лебедевъ* назначенъ помощникомъ смотрителя въ Касимовское духовное училище и что объ ассигнованіи слѣдующихъ Лебедеву, по положенію, денегъ нынѣ же сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ.

Справка: По распоряженію ректора Академіи дано знать кандидату В. Лебедеву о назначеніи его на должность помощника смотрителя Касимовскаго духовнаго училища.

Опредѣлили: 1. О назначеніи кандидата В. Лебедева на должность помощника смотрителя Касимовскаго духовнаго училища и относительно ассигнованія слѣдующихъ ему, по положенію, денегъ сообщить, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи. 2. Документы кандидата Лебедева препроводить въ мѣсто его службы.

X. Телеграмму попечителя Одесскаго учебнаго округа П. А. Лавровскаго, отъ 14 сего августа, на имя ректора Академіи: «Благоволите немедленно телеграфировать, желаетъ ли Іоакимовъ занять мѣсто въ Керчи; въ противномъ случаѣ назначу другаго.»

XI. Заявленіе ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова о томъ, что замедленіе со стороны кандидата Л. Іоакимова въ принятіи священства, какъ необходимаго условія для вступленія въ должность законоучителя Кер-

ченскихъ гимназій, произошло отъ того, что онъ не успѣлъ вступить въ бракъ до Успенскаго поста. По окончаніи же поста онъ надѣется немедленно вступить въ бракъ и, по принятіи священнаго сана, отправиться къ мѣсту службы въ Керчь. Въ такомъ смыслѣ онъ, ректоръ Академіи, и телеграфировалъ попечителю Одесскаго учебнаго округа, а также телеграммой далъ знать кандидату Іоакимову о содержаніи телеграммы г. попечителя, съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно увѣдомилъ попечителя о времени своего отправленія къ должности. Въ отвѣтъ получена 15 августа слѣдующая телеграмма кандидата Іоакимова: «Увѣдомилъ телеграммой попечителя, что приѣду въ Керчь священникомъ до перваго сентября.»

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношеніе директора Александровскаго Орловскаго реальнаго училища отъ 9 іюля за № 355, коимъ проситъ объявить кандидату Ильѣ Ливанскому, что онъ опредѣленъ г. управляющимъ Московскимъ учебнымъ округомъ, съ 1-го августа сего года, на должность законоучителя означеннаго училища съ обязательствомъ принятія имъ священства и настоятельства при училищной церкви и съ увольненіемъ его, Ливанскаго, согласно отзыву Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ обязательной службы по духовно-учебному вѣдомству безъ взысканія слѣдующихъ съ него денегъ за казенное содержаніе во время обученія его въ Московской Духовной Академіи.

Справка: По полученіи сего отношенія немедленно было сообщено содержаніе онаго кандидату Ливанскому.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Вѣдомость Правленія Академіи о суммахъ за іюль мѣсяцъ сего года, по коей значится, что отъ іюня къ іюлю оставалось наличными деньгами 21.447 р. 70¹/₂ к., билетами 81.740 р., итого 103.187 р. 70¹/₂ к.; въ теченіе іюля поступило на приходъ наличными деньгами

25.343 р., билетами 300 р., итого 25.643 р., въ расходѣ наличными деньгами 5.852 р., 11 к.; затѣмъ къ 1-му сего августа состоялось въ академической кассѣ наличными деньгами 40.938 р. 59¹/₂ к., билетами 82.040 рублей, итого 122.978 руб. 59¹/₂ к., кромѣ того залоги подрядчика И. Губонина по двумъ подрядамъ на разныя постройки въ академическихъ зданіяхъ въ 5⁰/₁₀ билетахъ Государственнаго Банка на 5000 руб., и наличными для уплаты подрядчику и на вознагражденіе архитектора по одному изъ подрядовъ 7.768 руб. 80 к.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Представленія Московскаго Комитета для цензуры духовнымъ книгъ съ отчетомъ о сочиненіяхъ и картинахъ, рассмотрѣнныхъ комитетомъ въ теченіи апрѣля, мая, іюня и іюля сего года.

Опредѣлили: Отчеты представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

XV. Отношеніе прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы отъ 7 іюля за № 1621, коимъ увѣдомляетъ о полученіи въ цѣлости принадлежащихъ Московской синодальной библіотекѣ рукописей за №№ 416, 85, 822/273, 1002/359 и 326/375.

XVI. Отношеніе его же отъ 18 іюля за № 1733, при коемъ препровождены на двухмѣсячный срокъ рукописи синодальной библіотеки за № 963, 964 и 965, составляющія одинъ сборникъ подъ заглавіемъ: «О древностяхъ Россійскаго Государства».

Справка: Сборникъ этотъ требовался для ученыхъ занятій профессора Е. Голубинскаго. О полученіи онаго ректоръ увѣдомилъ прокурора синодальной конторы 21 іюля.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVII. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, при коемъ прислано по экземпляру 1) магистерскихъ диссертаций: Дмитрія Дубакина: «Вліяніе христі-

анства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленія «Домостроя». Спб. 1880 г. и Ивана Пальмова: «Гуситскоѳ движеніе. Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи». Спб. 1881 г. 2) — брошюры: «Годичный актъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи 17 февраля 1881 года» и 3) — журналовъ засѣданій Совѣта Академіи за 1879—80 учебный годъ.

XVII. Отношеніе Совѣта Казанской Духовной Академіи, при коемъ прислано для здѣшней академической библіотеки по экземпляру сочиненій: экстраординарнаго профессора И. Бердникова подъ заглавіемъ: «Государственное положеніе религіи въ Римско-византійской имперіи. Томъ первый. Государственное положеніе религіи въ Римской имперіи до Константина Великаго» и доцента Курганова: «Отношенія между церковію и гражданскою властію въ Византійской имперіи», представленныхъ и защищенныхъ на степень доктора богословія.

XIX. Докладъ секретаря Совѣта И. Кратирова о томъ, что получены съ почты присланныя безъ препроводительной бумаги Записки Императорскаго Харьковского Университета 1879 года т. 1. Харьковъ. 1881.

О п р е д ѣ л и л и: Присланныя изданія сдать въ академическую библіотеку и о полученіи оныхъ увѣдомить съ выраженіемъ благодарности за сообщеніе.

XX. Представленіе библіотекаря Академіи И. Корунскаго: «Долгъ имѣю почтительнѣйше представить Совѣту о нижеслѣдующихъ пожертвованныхъ въ библіотеку книгахъ: а) обществомъ гг. профессоровъ чрезъ г. инспектора и профессора П. Горскаго-Платонова: 1) Чтенія въ Московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія за 1871 г. январь. Вып. 1. 2) Православ. Обзорніе за 1874 г. №№ 1—12. 3) Русскій Архивъ за 1865 г. № 8; 1868 г. №№ 1—12; 1872 №№ 1—12; 1873 №№ 1—3, 5—12; 1874 №№ 1—2, 4—12; 1875 №№ 1—2, 5—11; 1876 №№ 1—6, 8—9, 11—12; 1877

вып. 1, 3, 4, 8; 1878 вып. 8 и указатель къ этому журналу за 1872 г. 4) Бесѣда: 1871 кн. 1, 3—12; 1872 кн. 1, 3—12 дубл. кн. 7, 10, 11. 5) Вѣстникъ Европы: 1870 г. №№ 1—12; 1871 №№ 1—12; 1872: 1—6, 8—12; 1873: 2—12; 1874: 1—12; 1875: 3—8, 11—12; 1876: 1—5, 7—11; 1877: 1; 1878: 3, 6, 12; 6) Азіатскій Вѣстникъ 1872 кн. 1. 7) Русскій Вѣстникъ 1859 г. т. 19—24; 1870: т. 85—86; № 5; т. 88—90; 1871: 91—96; 1872: 97—98; № 5; т. 100; №№ 9, 12; 1873: 103—105, 107—108; 1874: 109; № 4; 111, 112; № 9; 114; 1875: 117—120; 1876 № 1; 1877 № 8. 8) Гражданинъ за 1872 и 1873 г. Сборникъ къ этому журналу за 1872 г. ч. 2. 9) Дѣло за 1872 г. №№ 10 и 12. 10) Журналъ минист. нар. проsv. за 1871 г. т. 153—158. 11) Отечественныя записки 1858 г. т. 116; № 4; 118; №№ 7, 9; т. 121; 1859: №№ 2, 7; т. 126; 1860: 128; №№ 1, 6; т. 131—133; 1870: 188—193; 1871: 194—199; 1872: 200—205; 1873: 207—210 и № 12; 1874: 212—217; 1875: 218—219 №№ 9, 11; 1876: 224—229; 1877 № 12; 1878: 236—241; 12) Заря за 1870 № 1—12; 1871 №№ 1—12; 1872 №№ 1, 2. 13) Знаніе за 1870 №№ 1, 2; 1871 №№ 1—4, 6—12; дубл. № 8; 1876 №№ 1—12. 14) Морской сборникъ за 1871 г. т. 112—117. 15) Русская старина за 1871 г. (Записки Болотова т. 2 ч. 8—14); 1872 № 1; 1873 №№ 1—11; дубл. № 11; 1874: 1—12 (т. 9—11); дубл. №№ 3—4, 6—7, 9—11; 1875 №№ 2—12; дубл. № 2, 6—10, 12; 1876: 1—12 (т. 15—17). 16) П. Якубовича. Путеводитель по Европѣ. Изданіе редакціи журнала «Всемирный путешественникъ» за 1874 г. б) отставнымъ капитаномъ Д. А. Брокеромъ: 1) La Sainte Bible. Par. D. Martin. T. 2. Amsterdam, 1707. F^o. въ вож. пер. 2) Amusemens philologiques en prose et en vers. t. 3. Halle, 1780. 8° въ кор. пер. 3) Raff. Naturgeschichte für Kinder. Frankfurt, 1784. 8° въ кор. пер. в Профессоромъ А. Лебедевымъ его сочиненіе: «Очерки

развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи (XVI—XIX вв.) Москва, 1881. г) Магистрантомъ Спб. Университета И. А. Шляпкинымъ его сочиненіе: «Русское поученіе XI вѣка о перенесеніи мощей Николая Чудотворца и его отношеніе къ западнымъ источникамъ.» Спб. 1881 г. Сверхъ того для церковно-археологическаго музея при библиотекѣ принята мною отъ студента 2 к. Стефана Звѣрева Государственная ассигнація въ 25 руб. выпуска 1815 г. за № 4897695.

О предѣлѣли: Благодарить жертвователей.

XXI. Отношеніе ректора Кіевской Духовной Академіи на имя ректора здѣшней Академіи, отъ 17-го іюля за № 541, въ коемъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о студентѣ 1-го курса Кіевской Духовной Академіи, Ильѣ Пальмовѣ, изъявившемъ желаніе перейти въ студенты того же курса въ Московскую Духовную Академію: «1) На приѣмномъ испытаніи во 2-й половинѣ августа 1880 года Пальмовъ получилъ баллы удовлетворительныя, и потому 28-го того же августа прінятъ въ число казенно-коштныхъ студентовъ Академіи по церковно-практическому отдѣленію. 2) Въ теченіи 1880/81 учебнаго года онъ написалъ всѣ три положенныя на сей годъ сочиненія и получилъ баллы: 3 за сочиненіе по психологіи, 4— по словесности и 4½ за сочиненіе по классической филологіи. Устное испытаніе онъ сдалъ только по тремъ предметамъ и получилъ баллы: 4 по теоріи словесности, 2 по психологіи и 3 по нѣмецкому языку. Сдачу испытанія по другимъ предметамъ 1 курса онъ пріостановилъ вслѣдствіе разстройства нервовъ и упадка силъ. Испросивши себѣ отпускъ, онъ немедленно выѣхалъ изъ Кіева. 3) Поведеніе И. Пальмова за 1880/81 учебный годъ по инспекторской вѣдомости отмѣчено балломъ 5 (отлично); въ поведеніи его за время пребыванія въ Кіевской Академіи не замѣчено ничего предосудительнаго; временный отпускъ его изъ Академіи до оконча-

нія испытаній былъ единственно слѣдствіемъ разстроеннаго состоянія его здоровья».

Справка: По прошенію И. Пальмова о принятіи его въ число студентовъ 1 курса Московской Духовной Академіи въ собраніи Совѣта оной 7 іюля сего года было опредѣлено: Предоставить ректору Академіи, протоіерю С. Смирнову войти въ сношеніе съ ректоромъ Кіевской Духовной Академіи о сообщеніи подробныхъ свѣдѣній о студентѣ сей Академіи Ильѣ Пальмовѣ и войти въ сужденіе по его прошенію послѣ полученія этихъ свѣдѣній и разсмотрѣнія его документовъ, когда они будутъ получены.

Опредѣлили: 1) Такъ какъ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ректоромъ Кіевской Духовной Академіи о студентѣ сей Академіи Ильѣ Пальмовѣ, не оказывается препятствій къ перемѣщенію его въ студенты Московской Духовной Академіи, то принять его, Пальмова, въ число своекоштныхъ студентовъ 1 академическаго курса и просить Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи о высылкѣ документовъ Пальмова. 2) Постановленіе сіе объявить студенту Пальмову.

XXII. Прошеніе студента II курса С.-Петербургской Духовной Академіи Владиміра Соловьева: «Окончивъ въ прошломъ 1880 году полный курсъ наукъ въ Рязанской Духовной Семинаріи со степенью студента семинаріи, я поступилъ въ число студентовъ С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ нынѣшній годъ сдалъ экзаменъ 1 курса церковно-практическаго отдѣленія. Пробывъ около десяти мѣсяцевъ въ С.-Петербургѣ, я убѣдился, что тамошній климатъ очень вреденъ для моего здоровья: недѣли двѣ я страдалъ отъ лихорадки и мѣсяць даже провелъ въ академической больницѣ, пользуясь медицинскими пособіями отъ ревматизма въ ногахъ. Вслѣдствіе этого я осмѣливаюсь безпокоить Совѣтъ покорнѣйшею просьбою зачислить меня въ число студен-

товъ II курса Московской Духовной Академіи, гдѣ климатъ почти не разнится отъ климата моей родины (Рязанской губерніи, города Скопина) и гдѣ удобнѣе для меня продолжать свое образованіе по значительной дешевизнѣ жизни сравнительно съ петербургскою.

Справка: На основаніи п. III Высочайше утвержденныхъ 8 іюня 1869 года дисциплинарныхъ правилъ для учащихся въ открытыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, примѣненныхъ по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ $\frac{3}{18}$ сентября того же года и къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, ректоръ здѣшней Академіи просилъ, отъ 6 сего августа, ректора С.-Петербургской Духовной Академіи сообщить свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи студента Владиміра Соловьева; но таковыхъ свѣдѣній еще не получилъ.

Опредѣлили: Войти въ сужденіе по прошенію студента В. Соловьева по полученіи свѣдѣній объ его успѣхахъ и поведеніи во время обученія его въ С.-Петербургской Духовной Академіи.

XXIII. Представленныя учителемъ Ярославскаго духовнаго училища Николаемъ Берсеневымъ: а) свидѣтельство конторы Московской Преображенской больницы для душевно-больныхъ, данное 21 іюля сего года за № 1241 ему, Берсеневу, согласно просьбѣ, въ томъ, что онъ съ 18 августа 1880 года находился на излѣченіи въ Преображенской больницѣ и, по случаю выздоровленія, выбылъ изъ оной 26 мая 1881 года; б) свидѣтельство и. д. благочиннаго Ростовскаго уѣзда Ярославской епархіи, церкви села Воронина священника Симеона Покровскаго, данное 3 сего августа за № 102 ему же, Берсеневу, въ томъ, что, по увольненіи отъ учительской должности при Ярославскомъ духовномъ училищѣ, во время пребыванія въ домѣ отца своего, священника церкви села Турскола, Ростовскаго уѣзда Ярославской епархіи Павла Берсенева, онъ велъ себя отлично хорошо.

Справка: Свидѣтельства о состояніи здоровья Николая Берсенева и о поведеніи его со времени увольненія отъ должности учителя Ярославскаго духовнаго училища, послѣдовавшаго 15 декабря 1880 года, требовались отъ Н. Берсенева по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 7 іюля сего года, вслѣдствіе его прошенія о принятіи его вновь въ число студентовъ II курса Московской Духовной Академіи.

XXIV. Заявленіе ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова о томъ, что онъ получилъ отъ и. д. смотрителя Ярославскаго духовнаго училища формальное сообщеніе о состояніи здоровья Николая Берсенева. Изъ сообщенія, основаннаго на документахъ, видно, что надежды на совершенное выздоровленіе Берсенева имѣть нельзя.

О п р е д ѣ л и л и: Въ виду неблагонадежности состоянія здоровья Николая Берсенева, по которой онъ и былъ уволенъ изъ числа студентовъ Московской Духовной Академіи въ 1879 году, отказать ему, Берсеневу, въ принятіи его вновь въ студенты Академіи и выдать ему представленную имъ копію съ формулярнаго списка о службѣ въ Ярославскомъ духовномъ училищѣ.

XXV. Прошеніе бывшаго студента 2 курса Московской Духовной Академіи, богословскаго отдѣленія, Василія Зеленецкаго, уволеннаго въ іюнь сего года изъ числа студентовъ Академіи по болѣзни, о принятіи его снова въ число студентовъ Академіи съ сохраненіемъ за нимъ казеннаго содержанія, такъ какъ онъ въ настоящее время оправился отъ болѣзни и желаетъ продолжать академическое образованіе. При прошеніи онъ прилагаетъ документы, возвращенные ему Совѣтомъ Академіи чрезъ Тульскую Духовную Консисторію, послѣ увольненія его изъ числа студентовъ Академіи, и свидѣтельство Богородскаго земскаго врача Кравеца, данное ему, Зеленецкому, 8 іюля сего года въ томъ, что онъ съ января мѣсяца сего 1881 года по іюль мѣсяць страдалъ

разстройствомъ нервной системы, доходившей по временамъ до сильно развитой психондріи, вслѣдствіе чего не въ состояніи былъ предаваться никакимъ научнымъ занятіямъ.

Опредѣлили: 1. Оставить Василя Зеленецкаго въ числѣ студентовъ II курса съ сохраненіемъ за нимъ казеннаго содержанія. 2. Постановленіе сіе сообщить, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи. 3. Документы Зеленецкаго приложить къ дѣламъ.

XXVI. Прошеніе студента IV курса Николая Румянцова о выдачѣ ему кандидатскаго его сочиненія срокомъ на три мѣсяца.

Опредѣлили: Выдать просителю кандидатское его сочиненіе на означенный въ прошеніи срокъ.

XXVII. Прошеніе кандидата Московской Духовной Академіи XX курса, Дмитрія Никольскаго, о выдачѣ ему копии съ кандидатскаго его аттестата по причинѣ утраты имъ подлиннаго. При прошеніи приложена копія явочнаго заявленія кандидата Д. Никольскаго, поданнаго имъ 5 февраля 1879 года во Владимірское городское полицейское управленіе о томъ, что выданный ему изъ Правленія Московской Духовной Академіи въ 1857 году аттестатъ на степень кандидата имъ утраченъ и онъ не имѣетъ средствъ на оплату публикаціи объ этой утратѣ.

Опредѣлили: Выдать просителю копію съ кандидатскаго его аттестата.

XXVIII. Отношеніе Правленія Старицкаго духовнаго училища, коимъ просить увѣдомить о томъ: какъ сданы пробныя лекціи въ Академіи по греческому языку окончившимъ въ 1879 году курсъ наукъ въ Московской Духовной Академіи кандидатомъ Василюемъ Никольскимъ.

Опредѣлили: Препроводить въ Правленіе Старицкаго духовнаго училища копію съ донесенія комиссіи изъ наставниковъ Академіи о выдержаніи кандида-

томъ Васи́лемъ Нико́льскимъ пробныхъ лекцій по греческому языку.

XXIX. Отношеніе Правленія Сѣвскаго духовнаго училища, коимъ увѣдомляетъ о полученіи магистерскаго диплома помощника смотрителя сего училища Ивана Преображенскаго.

О п р е д ѣ л и л и : Принять къ свѣдѣнію.

XXX. Отношенія семинарскихъ Правленій съ документами студентовъ семинарій, назначенныхъ, согласно распоряженію высшаго Начальства, къ поступленію въ составъ новаго (XL) академическаго курса:

1. Правленія Архангельской духовной семинаріи съ документами Павла Чурина.

2. Правленія Астраханской духовной семинаріи съ документами Леонида Рязанскаго, при чемъ Правленіемъ семинаріи не объяснена причина, по которой оно отправляетъ въ Московскую Духовную Академію одного воспитанника, вмѣсто двухъ, требуемыхъ Совѣтомъ Академіи на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 22 іюня сего года за № 2589.

3. Правленія Витебской семинаріи съ документами Ивана Соколова 2-го.

4. Влоанской—съ документами Александра Сергіевскаго.

5. Владимірской—съ документами Гавріила Былинскаго, Петра Сперанскаго и Ивана Богословскаго.

6. Екатеринбургской—съ документами Анемподпта Дородницына.

7. Калужской—съ документами Стефана Нико́льскаго и съ объясненіемъ а что другой изъ назначенныхъ Правленіемъ семинаріи для поступленія въ число студентовъ Московской Духовной Академіи воспитанникъ Калужской семинаріи Василій Знаменскій рапортомъ отъ 13 августа заявилъ Правленію, что по случившейся съ нимъ болѣзни онъ не можетъ отправиться для сдачи

экзамена на поступленіе въ число студентовъ имѣющаго образоваться новаго учебнаго курса Московской Духовной Академіи, и въ виду отправленія другихъ лучшихъ по успѣхамъ воспитанниковъ, въ качествѣ волонтеровъ, въ тѣ или другія духовныя Академіи, въ настоящее время не можетъ быть замѣненъ другимъ благонадежнымъ для поступленія въ Московскую Духовную Академію воспитанникомъ».

8. Костромской—съ документами Владиміра Соколова и Николая Лебедева.

9. Курской—съ документами Ивана Городенскаго.

10. Минской—съ документами Григорія Шелютіна.

11. Московской—съ документами Николая Добронравова.

12. Рязанской—съ документами Алексѣя Орлова, Сергѣя Маргаритова и Александра Шостыіна.

13. Саратовской—съ документами Николая Разумовскаго.

14. Смоленской—съ документами Михаила Соколова.

15. Тверской—съ документами Александра Богородскаго, Ивана Соловьева, Всеволода Флерова и Александра Ванчакова.

16. Тульской—съ документами Андрея Дружинина и Ивана Знаменскаго.

17. Ярославской—съ документами Михаила Надежина и Николая Рудинскаго.

XXXI. Отношеніе Правленія Рижской духовной семинаріи о томъ, что избранный для поступленія въ текущемъ году въ Московскую Духовную Академію студентъ сей семинаріи Иванъ Речема заболѣлъ и въ Академію вовсе не явится.

XXXII. Отношеніе Правленія Рязанской духовной семинаріи съ документами студентовъ оной: Ивана Рудинскаго, Стефана Остроумова, Ивана Волкова и Федора Богословскаго, изъявившихъ желаніе отправиться для

поступленія въ число студентовъ Московской Духовной Академіи въ качествѣ волонтеровъ.

XXXIII. Отношеніе Правленія Тверской духовной семинаріи съ семинарскими аттестатами воспитанниковъ оной: Павла Соколова и Ѳедора Воздвиженскаго, изъясвившихъ желаніе держать вступительный экзаменъ въ Московской Духовной Академіи въ качествѣ волонтеровъ, также прошенія сихъ воспитанниковъ о допущеніи къ повѣрочнымъ испытаніямъ. При прошеніяхъ приложены метрическія свидѣтельства о рожденіи и крещеніи Соколова и Воздвиженскаго и документы по воинской повинности.

XXXIV. Прошенія о допущеніи къ повѣрочнымъ испытаніямъ студентовъ духовныхъ семинарій: Астраханской—Стефана Виноградова, Ивана Граникова, Петра Кривельскаго, Сергѣя Попова; Витебской—Митрофана Журавскаго, Владиміра Савицкаго, Нила Серебренникова, Ивана Соколова 1-го; Виѣанской—Алексѣя Аѳонскаго, Николая Былова, Николая Грузова, Василя Смирнова; Владимірской—Михаила Никольскаго, Петра Скабовскаго, Александра Снегирева, Сергѣя Сперанскаго, состоящаго надзирателемъ при Владимірскомъ духовномъ училищѣ, Петра Строева, Ѳедора Стурницега, Михаила Холуйскаго; Вологодской—Николая Вальскаго, Петра Виноградова, Николая Мадиновскаго, Павла Рувина, состоящаго учителемъ Вологодскаго духовнаго училища; Воронежской—Семена Замахаева, Ивана Козьмина, Стефана Попова; Еватеринославской—Онисифора Краснокутскаго; Калужской — Николая Добромыслова, Николая Покровскаго, Ивана Разумовскаго, Николая Смирнова, Николая Чиннова; Костромской—Николая Арсеньева, Павла Громова, Константина Красовскаго, Владиміра Магнитскаго, состоящаго учителемъ Галичскаго духовнаго училища, Николая Птицына, Александра Чижова; Курской—Григорія Соколова; Минской—

Иосифа Боборыко, Николая Трусковскаго; Московской—Сергѣя Боголѣпова, Ильи Виноградскаго, состоящаго учителемъ Волоколамскаго духовнаго училища, Виктора Кедрова, Сергѣя Косъминкова, Николая Счастлива, Владимира Соколова, Александра Соловьева, Михаила Тихвинскаго, Сергѣя Шумова; Нижегородской — Михаила Николаевскаго; Новгородской—Платона Розова; Орловской—Андрея Митропольскаго, Александра Рябинцева; Рязанской — Василя Катагощина, Николая Насилова, Алексѣя Пазлова, Павла Житова, состоящаго надзирателемъ при Рязанской духовной семинаріи, Александра Лебедева—при Касимовскомъ духовномъ училищѣ, Андрея Смирнова, состоящаго псаломщикомъ при Благовѣщенской церкви въ г. Рязани; Тверской—Петра Вознесенскаго, Александра Малыгина, Александра Сорогожскаго: Тульской — Николая Введенскаго, Дмитрія Воскобойникова, Владимира Генерозова, Димитріана Нарциссова, состоящаго надзирателемъ при Ефремовскомъ духовномъ училищѣ, Евгенія Никольскаго, Константина Покровскаго; Черниговской—Михаила Доброгаева; Ярославской—Александра Лаврова, Дмитрія Лаврова.

XXXV. Отношеніе Преосвященнаго Θεодосія, Епископа Вологодскаго, отъ 10 сего августа за № 1029, о томъ, что студенты Вологодской духовной семинаріи: Николай Малиновскій, Петръ Виноградовъ и Николай Вальскій, желающіе поступить для продолженія образованія въ Московскую Духовную Академію, въ политическомъ отношеніи благонадежны.

XXXVI. Докладъ секретаря Совѣта И. Кратирова о томъ, что студенты Виѣанской духовной семинаріи: Алексѣй Аѳонскій, Николай Быловъ, Владимірской—Петръ Скабовскій, Костромской—Павель Громовъ, Тверской—Александръ Сорогожскій, учитель Вологодскаго духовнаго училища Павель Рукинъ, надзиратели: Ефремовскаго духовнаго училища Димитріанъ Нарциссовъ и Во-

ловоламскаго—Ильи Виноградскій не представили метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи и крещеніи, а Рукинъ и Виноградскій—также и семинарскихъ аттестатовъ. Всѣ они дали обязательство представить означенные документы въ началѣ будущаго сентября мѣсяца.

Опредѣлили: 1. Явившихся для поступленія въ составъ новаго академическаго курса студентовъ духовныхъ семинарій допустить къ повѣрочному испытанію. 2. Поручить врачу академической больницы, доктору Аристархову, освидѣтельствовать состояніе здоровья всѣхъ явившихся къ испытанію, съ тѣмъ, чтобы онъ донесъ Совѣту—нѣтъ ли между ними расположенныхъ къ хроническимъ болѣзнямъ, или слишкомъ слабого тѣлосложенія, которое препятствовало бы имъ продолжать образованіе въ Академіи.

XXXVII. Въ семь же собраній разсуждаемо было о производствѣ повѣрочнаго испытанія прибывшимъ студентамъ духовныхъ семинарій для поступленія въ составъ новаго (XL) академическаго курса, по назначенію начальства и по собственному желанію.

Опредѣлили: 1) Въ числа 17 и 18 августа назначить письменныя упражненія по священному писанію и догматическому богословію. Тему для перваго упражненія избрать приватъ-доценту М. Муретову; для послѣдняго доценту А. Бѣляеву, съ тѣмъ, чтобы сочиненія были писаны въ классной залѣ, подъ наблюденіемъ помощника инспектора.

2) 19, 20 и 21 августа произвести устное испытаніе по греческому языку посредствомъ комиссіи изъ ректора Академіи, протоіерея Сергія Смирнова, профессора П. Горскаго и приватъ-доцента И. Корсунскаго.

3) 22, 24 и 25 августа произвести устное испытаніе по латинскому языку посредствомъ комиссіи изъ ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, профессоровъ П. Горскаго и П. Цвѣткова.

4) 26 августа назначить письменное упражненіе литературное. Тему избрать помощнику ректора В. Кудрявцеву.

5) 27, 28 и 31 августа произвести устное испытаніе по церковной исторіи, составивъ для сего комиссію изъ профессоровъ Е. Голубинскаго, А. Лебедева и Д. Касицына.

6) 2, 3 и 4 сентября произвести устное испытаніе въ знаніи догматическаго богословія посредствомъ комиссіи изъ помощника ректора по богословскому отдѣленію, профессора В. Кудрявцева, доцента А. Бѣлаева и и. д. доцента Н. Иванцева.

7) Для тѣхъ воспитанниковъ, письменныя упражненія которыхъ окажутся удовлетворительными, а нѣкоторые изъ устныхъ отвѣтовъ будутъ не вполне удовлетворительны, если только средній баллъ будетъ выше 3, допустить возможность переэкзаменовки по тѣмъ предметамъ, отвѣтки по которымъ будутъ нѣсколько ниже этого балла.

8) Журналъ сей, на основаніи § 86 Б. п. 1 академическаго устава, представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Макарія, Митрополита Московскаго и Коломенскаго.

На семь журналѣ по ст. I—XXXVI резолюція Его Высокопреосвященства: «По статьѣ 1-й, пункту 1-му, изъявляю согласіе. Прочія статьи читаны.» По статьѣ XXXVII резолюція: «Утверждается».

ЖУРНАЛЪ

собранія Совѣта Академіи 5 сентября 1881 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, всѣ члены Совѣта, кромѣ профессоровъ Н. Субботина и И. Мансветова.

Слушали: I. Внесенныя предсѣдателями комиссій,

производившихъ повѣрочныя испытанія воспитанниковъ духовныхъ семинарій и одного воспитанника классической гимназiи, явившихся къ повѣрочнымъ испытанiямъ въ Московскую Духовную Академiю для поступленiя въ составъ новаго (XL) академическаго курса: 1) донесенiя о достоинствѣ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытанiяхъ:

а) Донесенiе комиссiи, производившей испытанiе по догматическому богословiю: «Честь имѣемъ донести Совѣту Академiи о результатахъ произведеннаго нами испытанiя по догматическому богословiю студентовъ, заявившихъ желанiе поступить въ Академiю. Изъ нихъ двадцать одинъ получили балль 5, семьдесятъ четыре— $4\frac{1}{2}$ или 4, восемь— $3\frac{1}{2}$ или 3, двое— $2\frac{1}{2}$ и 2. Такимъ образомъ отличныхъ отвѣтовъ 20%, очень хорошихъ 70%, удовлетворительныхъ около 8%, неудовлетворительныхъ 2%. Отвѣты студентовъ семинарій Владимирской, Введенской, Тульской, Калужской и Ярославской въ среднемъ выводѣ дали $4\frac{1}{2}$,—Тверской— $4\frac{1}{3}$,—Витебской, Московской, Костромской, Рязанской— $4\frac{1}{4}$,—Астраханской и Калужской—4,—Вологодской— $3\frac{3}{4}$. Какихъ либо выдающихся и общихъ особенностей въ отвѣтахъ экзаменовавшихся замѣчено не было.»

б)—Коммиссiи, производившей испытанiе по церковной исторiи: «Коммиссiя церковно-историческаго отдѣленiя, присутствовавшая на повѣрочномъ экзаменѣ по церковной исторiи, считаетъ долгомъ донести Совѣту Академiи касательно достоинства и качества отвѣтовъ, данныхъ студентами семинарій, экзаменовавшимися по указанному предмету, слѣдующее: экзамень показали, что студенты, подвергавшіеся оному, въ настоящій разъ оказались болѣе солидно подготовленными, чѣмъ въ прошлый годъ, какъ это можно видѣть изъ того, что въ прошломъ году ни однимъ изъ экзаменовавшихся не дано было отвѣта, который можно было бы признать отличнымъ

и отмѣтить балломъ пять, тогда какъ нынѣшній разъ 11 студентовъ заслужили отмѣтку пять, 45—дали отвѣты очень хорошіе ($4\frac{1}{2}$ —4), 46—дали отвѣты хорошіе ($3\frac{1}{2}$ —3) и 2 неудовлетворительные ($2\frac{1}{2}$ —2).»

в) — Коммиссія, производившей испытаніе по древнимъ языкамъ: «На повѣрочномъ испытаніи 1881 года студенты семинарій обнаружили весьма удовлетворительное знаніе классическихъ языковъ, что видно изъ полученныхъ ими на испытаніи балловъ. — Изъ 105 человекъ балль 5 получили по греческому языку 22, по латинскому—18; балль $4\frac{1}{2}$ по греческому—19, по латинскому 23; балль 4 по греческому—32, по латинскому—30; балль $3\frac{1}{2}$ по греческому—14, по латинскому—16; балль 3 по греческому—15, по латинскому—16, балль $2\frac{1}{2}$ по греческому—1, по латинскому — 1; балль 2 по греческому 1, балль 1 по греческому—1, по латинскому—1. Изъ двухъ послѣднихъ категорій нѣкоторые студенты выказали недостаточное знаніе значенія греческихъ и латинскихъ словъ и формъ спряженія глаголовъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ созвучныхъ словахъ латинскихъ искали значенія греческихъ словъ и наоборотъ. Иные довольно затруднялись въ переводѣ.»

г) Донесеніе о сочиненіи по священному писанію: «Имѣю честь донести Совѣту Академіи, что на данную мною по св. писанію Новаго Завѣта тему: «въ какомъ смыслѣ Христосъ запрещаетъ употребленіе клятвы между своими послѣдователями—въ словахъ: *маголю вамъ не клятися всяко... буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: миши же сею, отъ непріязни есть* (Матѣ. 5. 34, 37)?» одинъ студентъ (изъ Виѣанской семинаріи) написалъ отличное сочиненіе, помѣченное балломъ 5; восемь студентовъ получили весьма хорошій балль: $4\frac{1}{2}$ (изъ Тульской и Костромской семинаріи по два студента, изъ Виѣанской, Тверской, Владимірской и Мпнской—по одному), восемнадцать—очень хорошій 4 (изъ Тульской и Рязанской семинаріи—по три студента, —изъ Ярославской

и Вологодской—по два,—изъ Виѣанской, Московской, Тверской, Екатеринославской, Архангельской, Калужской, Курской и Костромской—по одному); семьдесятъ шесть студентовъ представили хорошія сочиненія съ балломъ: $3\frac{1}{2}$ (четыре студента—изъ Рязанской семинаріи, изъ Калужской и Астраханской—по три, изъ Владимірской, Воронежской и Тверской—по два, изъ Московской, Костромской, Курской, Витебской, Минской, Екатеринославской и Виѣанской—по одному) и 3 (изъ Владимірской—семь, изъ Московской—шесть, изъ Рязанской и Тверской—по пяти, изъ Костромской и Витебской—по четыре, изъ Тульской—три, изъ Калужской, Вологодской, Астраханской, Ярославской и Орловской—по два, изъ Минской, Воронежской, Смоленской, Саратовской, Черниговской, Петербургской, Виѣанской—по одному); два сочиненія помѣчены неудовлетворительнымъ балломъ: $2\frac{1}{2}$ (студента Московской семинаріи) и 2 (болгарина, окончившаго курсъ въ Кіевской семинаріи). Средній баллъ всѣхъ вообще сочиненій равняется $3\frac{1}{2}$: изъ нихъ пять сочиненій студентовъ Виѣанской семинаріи въ среднемъ выводѣ даютъ 4; восемь сочиненій студентовъ Тульской семинаріи, два—Екатеринославской и два—Курской даютъ $3\frac{3}{4}$; двѣнадцать—Рязанской, восемь—Костромской; шесть—Калужской, четыре—Вологодской и Ярославской, три Минской— $3\frac{1}{2}$; десять—Владимірской, девять—Тверской, пять—Астраханской и три—Воронежской— $3\frac{1}{3}$, девять—Московской и пять—Витебской—3. Какъ на недостатокъ многихъ сочиненій слѣдуетъ указать на то, что всѣ они въ большей или меньшей мѣрѣ вращаются въ сферѣ общихъ разсужденій о клятвѣ и ея значеніи въ практической жизни челоука; писавшіе мало углублялись во внутренній смыслъ даннаго для изъясненія текста; во многихъ также сочиненіяхъ даетъ себя знать недостаточное знакомство съ подлиннымъ текстомъ изреченія Спасителя“.

д) Донесеніе о сочиненіи по догматическому богословію: «На заданную по догматическому богословію тему «о вліяніи религіозности на богословствованіе» восемь студентовъ написали отличныя сочиненія, отмѣченныя балломъ 5; сорокъ два—очень хорошія, съ балломъ $4\frac{1}{2}$ и 4; пятьдесятъ два—удовлетворительныя, съ балломъ $3\frac{1}{2}$ и 3, и трое—неудовлетворительныя, получившія баллъ 2. Въ среднемъ выводѣ всѣ вообще сочиненія даютъ баллъ $3\frac{5}{7}$; въ частности—средній баллъ сочиненій студентовъ Тульской семинаріи равняется $4\frac{1}{4}$,—Владимірской, Костромской, Вологодской, Минской—4;—Астраханской и Ярославской— $3\frac{3}{4}$; Московской и Ивановской— $3\frac{2}{3}$; Витебской, Тверской и Рязанской— $3\frac{1}{2}$; Калужской— $3\frac{1}{3}$. Однимъ изъ главныхъ достоинствъ въ сочиненіяхъ нужно признать то, что почти во всѣхъ нихъ даны болѣе или менѣе опредѣленные и прямые отвѣты на тему и только въ немногихъ сочиненіяхъ встрѣчаются или чрезмѣрно большіе приступы, или общія мѣста, или рассужденія, имѣющія слишкомъ отдаленное отношеніе къ предмету рѣчи. Не замѣтно, чтобы были какія нибудь другія особенности, достаточно характерныя и которыя бы притомъ встрѣчались во многихъ сочиненіяхъ».

е) По философіи: «Изъ сочиненій, написанныхъ державшими приѣмный экзаменъ воспитанниками семинарій, на тему: «что побуждаетъ человѣка къ созданію идеаловъ и какое значеніе ихъ въ наукѣ и жизни», по ихъ сравнительному достоинству обозначено балломъ 5—4 сочиненія, балломъ $4\frac{1}{2}$ и 4—48, балломъ $3\frac{1}{2}$ и 3—52 сочиненія и одно балломъ $2\frac{1}{2}$. Изъ этого видно, что представленныя сочиненія вообще могутъ быть названы вполне удовлетворительными. Дѣлать же какіе либо общіе выводы на основаніи этихъ сочиненій объ особенностяхъ умственнаго развитія воспитанниковъ той или другой семинаріи представляется затруднительнымъ».

Несмотря на то, что въ настоящемъ году изъ нѣко-рыхъ семинарій прибыло значительное число воспитанниковъ, сочиненія ихъ не обнаруживаютъ никакихъ рѣзко выдающихся особенностей, въ сравненіи съ сочиненіями воспитанниковъ другихъ семинарій, и вообще довольно разнородны по достоинству. Наиболѣе замѣтный недостатокъ, встрѣчающійся во многихъ сочиненіяхъ, тотъ, что въ нихъ недостаточно правильно и точно различаются понятія: идея, идеаль и понятіе (въ логическомъ смыслѣ). Вслѣдствіе этого, обиліе общихъ мѣстъ; вмѣсто напр. опредѣленнаго разрѣшенія вопроса о значеніи идеаловъ встрѣчаются очень общія рассужденія о значеніи понятій объ истинѣ, добрѣ, прекрасномъ. Изложеніе представленныхъ сочиненій, за немногими исключеніями, логически связанное и грамматически правильное».

2) Списки лицъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію, съ означеніемъ по 5—балльной системѣ достоинства устныхъ отвѣтовъ и сочиненій каждаго изъ нихъ.

II. Заявленіе ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова: «Во время производства повѣрочныхъ испытаній студентовъ духовныхъ семинарій, желающихъ поступить въ составъ новаго курса Московской Духовной Академіи, явились ко мнѣ два иностранца: уроженецъ гор. Дамаска Александръ Кезма и болгарскій уроженецъ, изъ г. Салота въ восточной Румелии Стефанъ Стефановъ, также воспитанникъ Иркутской классической гимназіи Александръ Холодковскій — съ прошеніями о дозволеніи имъ держать повѣрочное испытаніе вмѣстѣ съ студентами семинарій для поступленія въ составъ новаго академическаго курса. По разсмотрѣніи представленныхъ просителями документовъ оказалось, что: 1) А. Кезма и С. Стефановъ окончили въ текущемъ году полный курсъ наукъ въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ по второму разряду: первый въ С.-Петербургской,

второй—въ Кіевской; успѣхи того и другаго по предметамъ семинарскаго курса означены въ ихъ аттестатахъ баллами 4 и 3, поведеніе балломъ 5. Стефановъ обучался одному изъ древнихъ языковъ—латинскому, а греческому не обучался. 2) А. Холодковскій въ настоящемъ же году окончилъ курсъ наукъ въ Иркутской классической гимназіи съ аттестатомъ зрѣлости при поведеніи отличнымъ. Имѣя въ виду относительно иностранцевъ Кезмы и Стефанова, что: 1) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 11 марта (9 апрѣля) 1869 г., состоявшемуся согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, поставлено въ извѣстность начальствамъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, чтобы они поступающимъ въ сіи заведенія иностранцамъ оказывали всевозможное снисхожденіе, какъ на приемныхъ и выпускныхъ экзаменахъ, такъ и во время прохожденія наукъ, не стѣсняясь требованіями уставовъ сихъ заведеній; 2) что на основаніи сего опредѣленія разрѣшено было Совѣту Московской Духовной Академіи Святѣйшимъ Синодомъ допустить къ повѣрочному испытанію для поступленія въ составъ академическаго курса въ 1873 году болгарскихъ уроженцевъ, іеродіаконовъ Игнатія и Харлампія, окончившихъ курсъ въ Московской духовной семинаріи по второму разряду (указъ отъ 28-го августа 1873 г. за № 2698) и въ 1874 году болгарскаго же уроженца, іеродіакона Веніамина Мачуковскаго, изучавшаго въ Херсонской духовной семинаріи науки четырехъ низшихъ классовъ, кромѣ греческаго и латинскаго языковъ (указъ отъ 10 мая 1874 г. за № 1335),—я разрѣшилъ допустить иностранцевъ А. Кезму и С. Стефанова къ повѣрочному испытанію, а также и А. Холодковскаго, какъ удовлетворяющаго требованіямъ академическаго устава отъ желающихъ поступить въ духовныя Академіи.»

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 22 іюня сего года за № 2589, разрѣшено было Совѣту

Московской Духовной Академіи вызвать въ составъ новаго академическаго курса изъ лучшихъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ семинарскаго ученія изъ семинарій: Архангельской 1, Астраханской 2, Витебской 1, Виѣанской 1, Владимірской 3, Екатеринославской 1, Калужской 2, Костромской 2, Курской 1, Минской 1, Московской 1, Рижской 1, Рязанской 3, Саратовской 1, Смоленской 1, Тверской 4, Тульской 2 и Ярославской 2, съ тѣмъ, между прочимъ, чтобы, по окончаніи приемныхъ испытаній, въ Академіи, Совѣтъ представилъ Святейшему Синоду свѣдѣнія, требуемыя по опредѣленію Синода отъ 11 февраля 1849 г., съ указаніемъ и тѣхъ лицъ, которые явятся на экзамены не по вызову и будутъ приняты въ число воспитанниковъ Академіи. 2) Въ число 30 воспитанниковъ, которые были вызываемы изъ семинарій въ Академію, явились 27 воспитанниковъ: явились по одному, вмѣсто двухъ, изъ Астраханской и Калужской семинарій и не явился воспитанникъ Рижской семинаріи. Правленіе Калужской семинаріи, препровождая въ Совѣтъ Академіи документы одного изъ своихъ воспитанниковъ, объяснило Совѣту, въ отношеніи отъ 14 августа за № 338, что другой изъ назначенныхъ Правленіемъ семинаріи для поступления въ число студентовъ Московской Духовной Академіи репортомъ отъ 13 августа заявилъ Правленію, что, по случившейся съ нимъ болѣзни, онъ не можетъ отправиться для сдачи экзамена на поступленіе въ число студентовъ Академіи и, въ виду отправления другихъ лучшихъ по успѣхамъ воспитанниковъ, въ качествѣ волонтеровъ, въ тѣ или другія духовныя Академіи, не можетъ быть замѣненъ другимъ благонадежнымъ для поступления въ Академію воспитанникомъ. Правленіе Рижской семинаріи, отношеніемъ отъ 10 августа за № 261 также сообщило, что избранный для поступления въ текущемъ году въ Московскую Духовную Академію студентъ сей семинаріи

заболѣлъ и въ Академію вовсе не явится. Правленіе же Астраханской духовной семинаріи не объяснило причины, по которой оно отправило въ Московскую Духовную Академію одного воспитанника вмѣсто двухъ. 3) Въ качествѣ волонтеровъ явились къ повѣрочнымъ испытаніямъ 77 студентовъ духовныхъ семинарій, въ числѣ ихъ три учителя духовныхъ училищъ и 1 псаломщикъ, также три студента изъ Вологодской духовной семинаріи: Петръ Виноградовъ, Николай Малиновскій и Николай Вальскій, 1 воспитанникъ классической гимназіи и 2 иностранца; но двое изъ студентовъ семинарій Московской и Рязанской оставила, по болѣзни, Академію при самомъ началѣ повѣрочныхъ испытаній. 4) По Высочайшему повелѣнію, объявленному Совѣту Московской Духовной Академіи къ исполненію указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 28 октября 1875 года за № 2820, воспитанники Вологодской духовной семинаріи допускаются въ духовныя Академіи не иначе, какъ съ разрѣшенія каждый разъ Святѣйшаго Синода, по предварительномъ удостовѣреніи отъ Преосвященнаго Вологодскаго о полной ихъ благонадежности. 5) Преосвященный Θεодосій, епископъ вологодскій, отъ 10 августа сего года за № 1029, увѣдомилъ Совѣтъ Академіи, что студенты Вологодской духовной семинаріи: Петръ Виноградовъ, Николай Малиновскій и Николай Вальскій въ политическомъ отношеніи благонадежны. 6) По уставу духовныхъ академій § 86 А. п. 1, зачисленіе въ студенты академій и на казенное содержаніе предоставлено Совѣту Академіи. По § 127 того же устава: «пріемъ студентовъ въ Академію совершается не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія, назначеннаго Совѣтомъ Академіи, на основаніи подлежащихъ статей устава.» 7) Въ §§ 9, 10 и 11 правилъ о пріемѣ студентовъ въ Московскую Духовную Академію, изданныхъ Совѣтомъ оной, значится: «Достоинство устныхъ отвѣтовъ и сочиненій обозначается баллами 1, 2, 3, 4, 5. Получив-

шій по устному отвѣту или по одному сочиненію баллъ меньше 3, не принимается въ Академію, если въ первомъ случаѣ не выдержитъ вторичнаго испытанія, а во второмъ не напишетъ удовлетворительнаго сочиненія на другую, заданную ему тему. На основанія отвѣтокъ объ отвѣтахъ и сочиненіяхъ, Совѣтъ составляетъ списокъ студентовъ, причемъ сочиненія принимаются въ расчетъ болѣе, нежели устные отвѣты.» 8) Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 8 марта 1873 года, № 10, подтверждено, чтобы семинарскія Правленія не предназначали къ поступленію въ академію воспитанниковъ, расположенныхъ къ хроническимъ болѣзнямъ, или слишкомъ слабого тѣлосложенія, а академическіе Совѣты не принимали бы таковыхъ, подвергая всѣхъ явившихся къ испытанію надлежащему медицинскому освидѣтельствуванію. 9) Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 4 декабря 1872 года № 2489, предписано, чтобы Совѣты Академій въ представляемыхъ донесеніяхъ о составѣ новыхъ курсовъ обозначали поименно, а не счетомъ, кто изъ державшихъ повѣрочное испытаніе и принятыхъ на казенное содержаніе или своекоштными студентами, или вовсе не принятыхъ въ студенты Академіи, присланъ по назначенію семинарскихъ начальствъ и кто прибылъ къ таковымъ испытаніямъ по собственному желанію въ качествѣ волонтера. 10) По распоряженію г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, изложенному въ отношеніи къ бывшему Высокопреосвященному Митрополиту Московскому Иннокентію, отъ 19 сентября 1874 года № 3412, требуется, чтобы представляемыя Святѣйшему Синоду, на основаніи указа онаго, отъ 4 іюня 1872 года, свѣдѣнія о пріемѣ студентовъ были сопровождаемы отзывами академическихъ Совѣтовъ—по какимъ предметамъ повѣрочнаго испытанія отвѣты поступающихъ въ Академію воспитанниковъ семинарій были слабы, съ объясненіемъ притомъ, изъ какихъ семинарій воспитан-

ники оказались слабо подготовленными по тѣмъ или другимъ предметамъ. 11) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, состоявшимся вслѣдствіе журнала Учебнаго Комитета и полученныхъ изъ епархій представленій о результатахъ пріема въ 1880/81 учебномъ году воспитанниковъ въ составъ новыхъ курсовъ въ духовныхъ академіяхъ, постановлено: предложить академическимъ Совѣтамъ: а) при исчисленіи балловъ воспитанниковъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію, брать въ счетъ для составленія изъ нихъ общаго или средняго вывода, кромѣ собственно экзаменическихъ балловъ, баллы воспитанниковъ по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, принимая въ надлежащее вниманіе и баллы поведенія, съ тѣмъ, чтобы, при одинаковыхъ баллахъ по успѣхамъ, отдаваемо было предпочтеніе тому, кто имѣеть высшій баллъ по поведенію; б) если бы, независимо отъ сего, изъ присланныхъ на казенный счетъ и принятыхъ въ число студентовъ академіи оказались воспитанники, не получившіе по своимъ балламъ права на предоставленіе имъ имѣющихся въ данное время свободными казеннокоштныхъ вакансій, то таковымъ предоставлять ближайшее право на эти вакансіи по мѣрѣ ихъ открытія, если просвѣщенная заботливость существующихъ при нѣкоторыхъ духовныхъ академіяхъ обществъ вспоможенія недостаточнымъ студентамъ не найдетъ возможнымъ оказать имъ помощи въ содержаніи. (Указъ Св. Синода Высокопреосвященнѣйшему Макарію, Митрополиту Московскому, отъ 20 апрѣля 1881 года за № 1337). 12) Въ заключеніи Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 110, утвержденномъ Святѣйшимъ Синодомъ и препровожденномъ въ копіи къ Его Высокопреосвященству, при указѣ отъ 12 іюня сего года за № 2512, поставлено академическимъ Совѣтамъ въ обязанность: 1) предложить профессорамъ и преподавателямъ Академій, дабы, при производствѣ пріемныхъ повѣрочныхъ испытаній,

они строго сообразовались съ программами семинарскаго курса и не предлагали такихъ вопросовъ для устныхъ отвѣтовъ, равно какъ и не назначали такихъ темъ для письменныхъ упражненій, которыя выходили бы изъ предѣловъ этихъ программъ; 2) сдѣлать распоряженіе о болѣе тщательномъ производствѣ пріемныхъ испытаній, дабы въ случаѣ неудачнаго отвѣта экзаменующагося на предложенный или доставшійся ему вопросъ по тому или другому учебному предмету, предлагаемы ему были другіе вопросы, чрезъ что ему дана была бы возможность поправить свой худой балль, если онъ зависѣлъ только отъ случайности, а экзаменующіе получили бы болѣе твердое основаніе для рѣшительнаго заключенія объ его познаніяхъ въ этомъ предметѣ; въ случаѣ же совершенно неудовлетворительной сдачи экзамена кѣмъ-либо изъ рекомендованныхъ семинаріями воспитанниковъ, съ точностію обозначать въ экзаменскихъ спискахъ, на какіе именно вопросы даны были экзаменующимся неудовлетворительные отвѣты и въ чемъ состояли недостатки его устнаго отвѣта или написаннаго имъ сочиненія, вслѣдствіе которыхъ онъ не признанъ достойнымъ поступленія въ Академію, каковыя отмѣтки и препроводять въ правленіе той семинаріи, изъ которой присланъ воспитанникъ, недостойный пріема въ Академію. 14) Для студентовъ I-го курса имѣются 45 вакансій: 30 положенныхъ по штату и 15 назначенныхъ по Высочайше утвержденному опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 8/21 августа 1879 года; кромѣ того пять стипендій: 1 протоіерея А. В. Горскаго въ 200 р., 1 протоіерея А. И. Невоструева въ 180 р. и три стипендіи Н. И. Соколова, изъ нихъ двѣ по 200 руб. и одна въ 140 рублей.

III. Донесеніе врача академической больницы Павла Арстархова, съ приложеніемъ списка воспитанниковъ семинарій, прибывшихъ въ Академію для поступленія въ составъ новаго академическаго курса, коихъ онъ

свидѣтельствоваль въ отношеніи тѣлосложенія и состоянія здоровья. Изъ отмѣтокъ, сдѣланныхъ имъ на этомъ спискѣ, не видно, чтобы кто-либо изъ сихъ студентовъ, по тѣлосложенію или состоянію здоровья, не могъ продолжать образованіе въ Академіи.

Опредѣлили: 1. Признать достойными къ поступленію въ число студентовъ Академіи:

1. Александра Сергіевскаго, присланнаго изъ Виоанской семинаріи.

Андрея Дружинина, присланнаго изъ Тульской семинаріи.

Ивана Знаменскаго, присланнаго изъ Тульской семинаріи.

Владимира Магнитскаго, волонтера изъ студентовъ Костромской семинаріи, учителя Галичскаго духовнаго училища.

5. Алексѣя Орлова, присланнаго изъ Рязанской семинаріи.

Гавріила Былинскаго, присланнаго изъ Владимірской семинаріи.

Николая Рудинскаго, присланнаго изъ Ярославской семинаріи.

Александра Чижова, волонтера изъ студентовъ Костромской семинаріи.

Николая Трусовскаго, волонтера изъ студентовъ Минской семинаріи.

10. Евгенія Никольскаго, волонтера изъ студентовъ Тульской семинаріи.

Платона Розова, волонтера изъ студентовъ Новгородской семинаріи.

Александра Снегирева, волонтера изъ студентовъ Владимірской семинаріи.

Михаила Надежина, присланнаго изъ Ярославской семинаріи.

- Александра Ванчакова, присланнаго изъ Тверской семинаріи.
15. Александра Шостьина, присланнаго изъ Рязанской семинаріи.
- Николая Добронравова, присланнаго изъ Московской семинаріи.
- Павла Громова, волонтера изъ студентовъ Костромской семинаріи.
- Стефана Остроумова, волонтера изъ студентовъ Рязанской семинаріи.
- Петра Сперанскаго, присланнаго изъ Владимірской семинаріи.
20. Владиміра Соколова, волонтера изъ студентовъ Московской семинаріи.
- Григорія Шелютина, присланнаго изъ Минской семинаріи.
- Николая Счастлиева, волонтера изъ студентовъ Московской семинаріи.
- Всеволода Флерова, присланнаго изъ Тверской семинаріи.
- Ивана Козмина, волонтера изъ студентовъ Воронежской семинаріи.
25. Николая Птицына, волонтера изъ студентовъ Костромской семинаріи.
- Ивана Волкова, волонтера изъ студентовъ Рязанской семинаріи.
- Петра Виноградова, волонтера изъ студентовъ Вологодской семинаріи.
- Петра Кривельскаго, волонтера изъ студентовъ Астраханской семинаріи.
- Сергѣя Маргаритова, присланнаго изъ Рязанской семинаріи.
30. Василія Смирнова, волонтера изъ студентовъ Вианской семинаріи.

- Ивана Соловьева, присланнаго изъ Тверской семинаріи.
- Семена Замахаева, волонтера изъ студентовъ Воронежской семинаріи.
- Димитріана Нарциссова, волонтера изъ студентовъ Тульской семинаріи.
- Николая Лебедева, присланнаго изъ Костромской семинаріи.
35. Анемподиста Дородницына, присланнаго изъ Екатеринославской семинаріи.
- Николая Чиннова, волонтера изъ студентовъ Калужской семинаріи.
- Григорія Соколова, волонтера изъ студентовъ Курской семинаріи.
- Ивана Разумовскаго, волонтера изъ студентовъ Калужской семинаріи.
- Павла Чурина, присланнаго изъ Архангельской семинаріи.
40. Дмитрія Воскобойникова, волонтера изъ студентовъ Тульской семинаріи.
- Стефана Никольскаго, присланнаго изъ Калужской семинаріи.
- Михаила Соколова, присланнаго изъ Смоленской семинаріи.
- Леонида Рязанскаго, присланнаго изъ Астраханской семинаріи.
- Павла Соколова, волонтера изъ студентовъ Тверской семинаріи.
45. Ивана Городенскаго, присланнаго изъ Курской семинаріи.
- Владимира Генерозова, волонтера изъ студентовъ Тульской семинаріи.
- Владимира Соколова, присланнаго изъ Костромской семинаріи.

- Михаила Тихвинскаго, волонтера изъ студентовъ
Московской семинаріи.
- Ивана Соколова 2-го, присланнаго изъ Витебской
семинаріи.
50. Михаила Холуйскаго, волонтера изъ студентовъ
Владимірской семинаріи.
- Ивана Соколова 1-го, волонтера изъ студентовъ
Витебской семинаріи.
- Николая Былова, волонтера изъ студентовъ Ви-
ванской семинаріи.
- Николая Разумовскаго, присланнаго изъ Саратов-
ской семинаріи.
- Федора Стуринцаго, волонтера изъ студентовъ
Владимірской семинаріи.
55. Николая Добромыслова, волонтера изъ студентовъ
Калужской семинаріи.
- Александра Богородскаго, присланнаго изъ Твер-
ской семинаріи.
- Константина Красовскаго, волонтера изъ студен-
товъ Костромской семинаріи.
- Нила Серебренникова, волонтера изъ студентовъ
Витебской семинаріи.
- Михаила Доброгаева, волонтера изъ студентовъ
Черниговской семинаріи.
60. Сергѣя Косминкова, волонтера изъ студентовъ
Московской семинаріи.
- Сергѣя Боголѣпова, волонтера изъ студентовъ Мо-
сковской семинаріи.
- Павла Рукина, учителя Вологодскаго духовнаго
училища, волонтера изъ студентовъ Вологод-
ской семинаріи.
- Сергѣя Попова, волонтера изъ студентовъ Астра-
ханской семинаріи.
- Сергѣя Шужова, волонтера изъ студентовъ Москов-
ской семинаріи.

65. Николая Покровскаго, волонтера изъ студентовъ Калужской семинаріи.
Ивана Граникова, волонтера изъ студентовъ Астраханской семинаріи.
Стефана Попова, волонтера изъ студентовъ Воронежской семинаріи.
Александра Лебедева, волонтера изъ студентовъ Рязанской семинаріи.
Иосифа Боборыко, волонтера изъ студентовъ Минской семинаріи.
70. Петра Строева, волонтера изъ студентовъ Владимірской семинаріи.
Федора Богословскаго, волонтера изъ студентовъ Рязанской семинаріи.
Ивана Богословскаго, присланнаго изъ Владимірской семинаріи.
Андрея Смирнова, волонтера изъ студентовъ Рязанской семинаріи, псаломщика города Рязани.
Митрофана Журавскаго, волонтера изъ студентовъ Витебской семинаріи.
75. Петра Возпесенскаго, волонтера изъ студентовъ Тверской семинаріи.
Сергѣя Сперанскаго, волонтера изъ студентовъ Владимірской семинаріи.
Александра Кезму, окончившаго курсъ въ С.-Петербургской духовной семинаріи.
Николая Смирнова, волонтера изъ студентовъ Калужской семинаріи.
Николай Малиновскаго, волонтера изъ студентовъ Вологодской семинаріи.
80. Александра Лаврова, волонтера изъ студентовъ Ярославской семинаріи.
Федора Воздвиженскаго, волонтера изъ студентовъ Тверской семинаріи.

- Алексѣя Аеонскаго, волонтера изъ студентовъ Ви-
еанской семинаріи.
- Михаила Никольскаго, волонтера изъ студентовъ
Владимірской семинаріи.
- Николая Грузова, волонтера изъ студентовъ Ви-
еанской семинаріи.
85. Николая Введенскаго, волонтера изъ студентовъ
Тульской семинаріи.
- Александра Малыгина, волонтера изъ студентовъ
Тверской семинаріи.
- Константина Покровскаго, волонтера изъ студен-
товъ Тульской семинаріи.
- Павла Житова, волонтера изъ студентовъ Рязан-
ской семинаріи.
- Ивана Рудинскаго, волонтера изъ той же семинаріи.
90. Петра Скабовскаго, волонтера изъ студентовъ Вла-
димірской семинаріи.
- Онисифора Краснокутскаго, волонтера изъ студен-
товъ Екатеринославской семинаріи.
- Николая Вальскаго, волонтера изъ студентовъ Во-
логодской семинаріи.
- Андрея Митропольскаго, волонтера изъ студентовъ
Орловской семинаріи.
- Александра Холодковскаго, окончившаго курсъ въ
Иркутской классической гимназіи.
95. Стефана Виноградова, волонтера изъ студентовъ
Астраханской семинаріи.
- Алексѣя Павлова, волонтера изъ студентовъ Рязан-
ской семинаріи.
- Виктора Кедрова, волонтера изъ студентовъ Мо-
сковской семинаріи.
- Николая Арсеньева, волонтера изъ студентовъ Кост-
ромской семинаріи.
99. Дмитрія Лаврова, волонтера изъ студентовъ Яро-
славской семинаріи.
2. На приведеніе въ исполненіе опредѣленія о при-

нати въ число студентовъ Академіи студентовъ Вологодской духовной семинаріи: Петра Виноградова, Николая Малиновскаго, Николая Вальскаго и окончившаго курсъ въ С.-Петербургской духовной семинаріи по второму разряду иностранца Александра Кезмы испросить установленнымъ порядкомъ разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. 3. Ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ, чтобы благоволено было принять въ число студентовъ Академіи болгарскаго уроженца Стефана Стефанова по вниманію къ тому, что не вполнѣ достаточныя познанія его въ предметахъ семинарскаго курса могли зависѣть отъ недостаточнаго знанія имъ русскаго языка во время прохожденія семинарскаго курса и могутъ быть восполнены въ теченіи академическаго курса. 4. Ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ, чтобы, въ случаѣ принятія иностранцевъ Александра Кезмы и Стефана Стефанова въ число студентовъ Московской Духовной Академіи, ассигнована была на содержаніе ихъ въ Правленіе Академіи особая сумма изъ кредита, назначеннаго на содержаніе воспитанниковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ изъ иностранцевъ. 5. Изъ принятыхъ въ Академію студентовъ зачислить Александра Сергіевскаго на стипендію имени протоіерея А. В. Горскаго, Андрея Дружинина и Ивана Знаменскаго на двѣ полныя стипендіи имени Н. П. Соколова, слѣдующихъ 45 студентовъ принять на казенныя вакансіи, Ивану Соколову 2-му предоставить стипендію протоіерея А. И. Невоструева во 180 р., и Михаилу Холуйскому—стипендію Н. Соколова во 140 рублей. 6. Обратиться къ Совѣту Братства Преподобнаго Сергія съ просьбою о вспоможеніи студентамъ Николаю Разумовскому, Александру Богородскому и Ивану Богословскому, которые присланы изъ семинарій Саратовской, Тверской и Владимірской въ Академію на казенный счетъ, но не получили права на поступленіе въ число казенно-коштныхъ студентовъ Академіи. 7. Остальнымъ студен-

тамъ, занимающимъ низшія мѣста въ спискѣ, предоставитъ содержаться на своемъ иждивеніи. 8. Прибывшимъ въ Академію въ качествѣ волонтеровъ студентамъ семинарій: Рязанской—Николаю Насилову, Тверской—Александру Сорогожскому, Витебской—Владимиру Савицкому, Орловской—Александру Рябляцеву, Московской—Ильѣ Виноградскому, учителю Волоколамскаго духовнаго училища, какъ недостаточно подготовленнымъ къ прохожденію академическаго курса, отказать въ приѣмѣ въ Академію въ качествѣ студентовъ и выдать имъ подъ росписку ихъ документы. 9. Представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новаго академическаго курса съ приложеніемъ копій съ донесеній экзаменаціонныхъ комиссій о достоинствѣ отвѣтовъ, данныхъ явившимися на повѣрочное испытаніе. 10. Постановленіе, изложенное въ п. 5, сообщить для зависящихъ распоряженій Правленію Академіи съ приложеніемъ списка студентовъ, принятыхъ на казенное содержаніе и стипендіи. 11. Поручить инспектору Академіи, профессору П. Горскому собрать отъ студентовъ, принятыхъ въ составъ 1-го курса, собственноручныя показанія о желаніи ихъ поступить на то или другое отдѣленіе Академіи и избрать для спеціальнаго изученія одинъ изъ новыхъ языковъ и предложить—не пожелаетъ ли кто изъ нихъ слушать лекціи по Естественнo-научной апологетикѣ. 12. Увѣдомить подлежащія семинарскія Правленія о полученіи присланныхъ ими документовъ студентовъ семинарій, принятыхъ нынѣ въ студенты Академіи. 13. Увѣдомить Рязанскую духовную консисторію о принятіи въ число студентовъ Академіи псаломщика Андрея Смирнова и Правленія Вологодскаго и Галичскаго духовныхъ училищъ о принятіи въ студенты Академіи учителей Павла Рукина и Владимира Магнитскаго.

IV. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта Академіи за 16 августа се-

го года: «31 августа 1881 г. По статьѣ 1-й, пункту 1-му, изъясляю согласіе. Прочія статьи читаны».—Въ первомъ пунктѣ 1-й статьи изложено было ходатайство Совѣта предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи кандидата Московской Духовной Академіи Елпидифора Покровскаго въ должности помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи со дня избранія въ эту должность—9 іюня сего года.

Опредѣлили: Объ утвержденіи Е. Покровскаго въ должности помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи съ 9 іюня сего года сообщить, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи и внести въ послужный списокъ г. Покровскаго.

V. Отношеніе Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи, протоіеря І. Л. Янышева, отъ 18 августа сего года за № 834, на имя ректора здѣшней Академіи, со свѣдѣніями объ успѣхахъ и поведеніи къ теченію 1880—81 учебнаго года своекоштнаго студента С.-Петербургской Духовной Академіи Владиміра Соловьева. По разсмотрѣніи этихъ свѣдѣній, оказалось: 1) что Владиміръ Соловьевъ имѣеть по поведенію баллъ 5, по предметамъ общеобязательнымъ: основному богословію 4.50, психологіи 4.50, Священному Писанію Новаго Завѣта 4, древнимъ языкамъ 3.62, французскому языку 4; по специальнымъ предметамъ церковно-практическаго отдѣленія: обзору важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ 3.50, пастырскому богословію и исторіи проповѣдничества 3.50; славянскимъ нарѣчіямъ 3, средней баллъ за годъ по семестровымъ сочиненіямъ 4.50, общій баллъ за годъ 3.89; 2) что онъ изучалъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи на первомъ курсѣ такіе предметы, которые въ Московской Духовной Академіи преподаются студентамъ на II-мъ и III-мъ курсахъ, именно: основное богословіе, священное писаніе Новаго Завѣта, обзоръ важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ, пастырское богословіе и исто-

рією проповѣдничества, но не изучалъ священнаго писанія Ветхаго Заѣта, философіи и теоріи словесности, преподанныхъ студентамъ здѣшней Академіи 1-го курса церковно-практическаго отдѣленія въ минувшемъ учебномъ году.

Справка: 1) Свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи студента С.-Петербургской Духовной Академіи Владиміра Соловьева сообщены ректоромъ сей Академіи по отношенію ректора Московской Духовной Академіи вслѣдствіе прошенія Соловьева о принятіи его въ число студентовъ II-го курса церковно-практическаго отдѣленія здѣшней Академіи. 2) Въ правилахъ о приѣмѣ въ Московскую Духовную Академію студентовъ изъ другихъ духовныхъ Академій, составленныхъ Совѣтомъ и утвержденныхъ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ, между прочимъ сказано: «Если окажется, что нѣкоторые предметы, которые уже пройдены въ Московской Академіи до того курса, на который переходитъ студентъ изъ другой Академіи, еще не выслушаны имъ; то онъ обязанъ слушать ихъ въ Московской Академіи вмѣстѣ съ студентами низшихъ курсовъ, если по росписанію классовъ окажется это возможнымъ, и во всякомъ случаѣ обязанъ выдержать изъ нихъ испытаніе при окончаніи учебнаго года».

VI. Заявленіе ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова о томъ, что студентъ Владиміръ Соловьевъ далъ обязательство выслушать въ 1881—82 учебномъ году лекціи по священному писанію Ветхаго Заѣта, философіи и теоріи словесности вмѣстѣ съ студентами I курса и сдать при окончаніи учебнаго года экзаменъ по этимъ предметамъ.

Опредѣлили: 1. Такъ какъ по свѣдѣніямъ, сообщаннымъ ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи о студентѣ сей Академіи II-го курса церковно-практическаго отдѣленія Владимірѣ Соловьевѣ, не оказывается

препятствій къ принятію его въ число студентовъ Московской Духовной Академіи, и онъ согласенъ выполнить требуемое правилами обязательство относительно наученія предметовъ, которыхъ онъ не изучалъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи на 1-мъ курсѣ и сдачи экзамена по этимъ предметамъ въ концѣ учебнаго года, то принять Владиміра Соловьева въ число своекоштныхъ студентовъ Московской Духовной Академіи II-го курса, церковно-практическаго отдѣленія, и просить Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи о высылкѣ документовъ Соловьева. 2. Постановленіе сіе объявить студенту Соловьеву.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 сент. 1881 г. По статьямъ I—III изъясляю согласіе. Прочія читаны».

ЖУРНАЛЪ

общаго собранія Совѣта Академіи 7 сентября
1881 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, ординарные и экстраординарные профессора Академіи, кромѣ Н. Субботина и И. Мансветова.

Приглашены были въ собраніе и прочіе преподаватели для участія въ сужденіи о распредѣленіи уроковъ на наступившій 1881—82 учебный годъ.

I. Въ собраніи семь, согласно опредѣленію Совѣта отъ 16-го августа сего года, произведено было баллотированіе доцента по кафедрѣ библейской исторіи Андрея Смирнова въ экстраординарнаго профессора по той же кафедрѣ на имѣющуюся вакансію.

По произведенному баллотированію доцентъ Смирновъ

получилъ 11 избирательныхъ голосовъ и не получилъ ни одного не избирательнаго.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи доцента Андрея Смирнова въ званіи экстраординарнаго профессора со дня избранія, причѣмъ представить свѣдѣнія о положеніи профессорскихъ кафедръ въ Академіи и самый фактъ баллотирования.

II. Разсуждали о распредѣленіи уроковъ и учебныхъ часовъ на 1881—82 учебный годъ.

Справка: По уставу духовныхъ академій § 88 А, п. I: „Распредѣленіе предметовъ ученія и порядка ихъ преподаванія во всѣхъ отдѣленіяхъ Академіи“ предоставлено утвержденію общихъ собраній Совѣта. § 133: «Предметы общеобязательные и спеціальные по отдѣленіямъ распредѣляются въ трехъ первыхъ курсахъ, продолжающихся три академическихъ года, а въ четвертый годъ имѣющіе подвергнуться магистерскому испытанію слушаютъ особыя практическо-спеціальныя лекціи и, подъ руководствомъ наставниковъ, приготавливаются къ преподаванію въ семинаріи избираемыхъ ими предметовъ». § 134: „Лекціи по каждому предмету распредѣляются Совѣтомъ такъ, чтобы въ трехъ первыхъ курсахъ было не менѣе 18, а въ четвертомъ не менѣе 9 лекцій въ недѣлю, каждая лекція по часу“. § 137: «(Студенты) перешедшіе въ четвертый курсъ избираютъ для слушанія въ этомъ курсѣ тѣ изъ предметовъ своего отдѣленія, по которымъ имѣютъ держать экзаменъ на степень магистра и быть преподавателями въ семинаріяхъ».

Опредѣлили: I. Распредѣлить уроки и учебные часы на первыхъ трехъ курсахъ по слѣдующей таблицѣ:

**Распределение уроковъ въ Московской Духовной Академіи
на 1881—82 учебный годъ.**

ПЕРВЫЙ КУРСЪ.						
отдѣл.		Богословское.	Историческое.	Практическое.		
дни	час.	Аудитория № I.	№ III.	№ V.		
Вторник.	Посеѣдънне.	9	Н ѣ м е ц к і й я	з ы к ъ.		
		10	Естест	венно-научная апо	логетика.	
		11	Естест	венно-научная апо	логетика.	
		12	А н г л і й с к і й я		з ы к ъ.	
		1	А н г л і й с к і й я		з ы к ъ.	
		9	Г р е ч е с к і й я		з ы к ъ.	
	Вторник.	10	Н ѣ м е ц к і й я		з ы к ъ.	
		11	Л а т и н с к і й я		з ы к ъ.	
		12	Л а т и н с к і й я		з ы к ъ.	
		1	Естест	венно-научная апо	логетика.	
		Среда.	9	Естест	венно-научная апо	логетика.
			10		Библейск. исторія.	Словесность.
11	Патристика.		Библейск. исторія.			
12	Ф и л о с о ф і я.					
1	Ф и л о с о ф і я.					
Четверг.	9	Патристика.	Библейск. исторія.			
	10	Патристика.	Библейск. исторія.			
	11	Ф и л о с о ф і я.				
	12	П с и х о л о г і я.				
	1	П с и х о л о г і я.				
Пятница.	9	П с и х о л о г і я.				
	10		Древн.гражд.истор.	Словесность.		
	11	П с и х о л о г і я.				
	12	Ф и л о с о ф і я.				
	1	Патристика.	Древн.гражд.истор.			
Суббота.	9	Г р е ч е с к і й я		з ы к ъ.		
	10		Древн.гражд.истор.			
	11		Древн.гражд.истор.			
	12	Священное	Писаніе Ветхаго	Завѣта.		
	1	Священное	Писаніе Ветхаго	Завѣта.		

Студенты I курса имѣють два послѣобъясненіе класса французскаго языка.

Распределение уроковъ въ Московской Духовной Академіи
на 1881—82 учебный годъ.

ВТОРОЙ КУРСЪ.							
отдѣл.	Богословское.		Историческое.	Практическое.			
дни	час.	№ II.	№ IV.	№ VI.			
Вторникъ.	Понедѣльникъ.	9					
		10	Нѣмецкій	и англійскій	языки.		
		11	Сравни. богословіе.	Русск. гражд. истор.	Словесность.		
		12	Сравни. богословіе.	Русск. гражд. истор.	Словесность.		
		1	О с н о в	н о е б о г о	с л о в і е.		
		9		Русск. гражд. истор.	Русскій языкъ.		
		10		Русск. гражд. истор.	Русскій языкъ.		
		11		Новая гражд. истор.	Словесность.		
		12	Еврейскій языкъ.	Новая гражд. истор.	Словесность.		
		1	Г р е ч	е с к і й я	з ы к ъ.		
		Среда.	Среда.	9		Новая гражд. истор.	Церковное право.
				10	Сравни. богословіе.	Новая гражд. истор.	Церковное право.
11	Сравни. богословіе.			Древн. церк. истор.	Русскій языкъ.		
12	Еврейскій языкъ.			Древн. церк. истор.	Русскій языкъ.		
1	О с н о в			н о е б о г о с	л о в і е.		
Четвергъ.	Четвергъ.	9	О с н о в	н о е б о г о с	л о в і е.		
		10	И с т о р	і я ф и л о	с о ф і и.		
		11	И с т о р	і я ф и л о	с о ф і и.		
		12	Еврейскій языкъ.				
1	Л а т и	н с к і й я	з ы к ъ.				
Пятница.	Пятница.	9	Л а т и	н с к і й я	з ы к ъ.		
		10	И с т о р	і я ф и л о	с о ф і и.		
		11	И с т о р	і я ф и л о	с о ф і и.		
		12	Г р е ч	е с к і й я	з ы к ъ.		
		1	Священное	Писаніе Ветхаго	Завѣта.		
Суббота.	Суббота.	9		Древн. церк. истор.	Церковное право.		
		10		Древн. церк. истор.	Церковное право.		
		11	Священное	Писаніе Ветхаго	Завѣта.		
		12	Ф р а в	л у з с к і й я	з ы к ъ.		
		1	О с н о в	н о е б о г о с	л о в і е.		

Распределение уроковъ въ Московской Духовной Академіи
на 1881—82 учебный годъ.

ТРЕТІЙ КУРСЪ.				
отдѣл.	Богословское.	Историческое.	Практическое.	
дни	№ IV.	№ V.	№ VII.	
Понедѣльникъ.	9	Священное	Писаніе Нового	Завѣта.
	10		Новая церк. истор.	
	11	Священное	Писаніе Нового	Завѣта.
	12		Новая церк. истор.	
	1		Визант. церк. истор.	
Вторникъ.	9	Н ѣ м е ц к і й я	з ы к ъ .	
	10	Г р е ч е с к і й я	з ы к ъ .	
	11	Библи. археологія.	Истор. русск. раскол.	Пастыр. богословіе.
	12		Истор. русск. раскол.	Гомилетика.
	1		Визант. церк. истор.	
Среда.	9	П е д а г о г и к а .		
	10	Нравств. богословіе.		
	11	Священное	Писаніе Нового	Завѣта.
	12	Священное	Писаніе Нового	Завѣта.
	1	Л а т и н с к і й я	з ы к ъ .	
Четвертъ.	9		Истор. русск. церк.	
	10	Догмат. богословіе.	Истор. русск. церк.	Гомилетика.
	11	Библи. археологія.	Истор. русск. раск.	Пастыр. богословіе.
	12	Догмат. богословіе.	Истор. русск. раск.	
	1		Визант. церк. истор.	
Пятница.	9	Н ѣ м е ц к і й я	з ы к ъ .	
	10		Истор. русск. церк.	Церков. археологія.
	11	Г р е ч е с к і й я	з ы к ъ .	
	12	Догмат. богослов.	Истор. русск. церк.	Церков. археологія.
	1	Л а т и н с к і й я	з ы к ъ .	
Суббота.	9	П е д а г о г и к а .		
	10	Нравств. богослов.	Новая церк. истор.	Церков. археологія.
	11	Ф р а н ц у з с к і й я	з ы к ъ .	
	12	Догмат. богослов.	Новая церк. истор.	Церков. археологія.
	1	Ф р а н ц у з с к і й я	з ы к ъ .	

Студенты III курса имѣють два послѣбѣденные класса англійскаго языка.

2. Вмѣнить въ обязанность наставникамъ, чтобы они, какъ относительно практическихъ уроковъ, такъ и въ руководствѣ студентовъ IV-го курса къ преподаванію предметовъ семинарскаго и училищнаго курсовъ, слѣдовали требованіямъ академическаго устава и послѣдующихъ постановленій Святѣйшаго Синода.

III. О назначеніи студентамъ сочиненій на наступившій учебный годъ.

О п р е д ѣ л и л и : 1. Назначить студентамъ I и II курсовъ по три сочиненія по слѣдующимъ предметамъ: а) студентамъ всѣхъ отдѣленій I курса два сочиненія философскихъ и одно сочиненіе: студентамъ богословскаго отдѣленія по священному писанію Ветхаго Заветъа, церковно-историческаго по библейской исторіи, церковно-практическаго по словесности; б) студентамъ всѣхъ отдѣленій II курса—одно сочиненіе по исторіи философіи и два сочиненія: студентамъ богословскаго отдѣленія по сравнительному и основному богословію, церковно-историческаго по древней церковной исторіи и новой гражданской исторіи, церковно-практическаго—по словесности и церковному праву; кромѣ того вмѣнить въ обязанность студентамъ всѣхъ отдѣленій II и III курсовъ представить по одной проповѣди своего сочиненія. 2. Для написанія сочиненій студентамъ I и II курсовъ назначить слѣдующіе сроки: перваго сочиненія съ 10 сентября по 25 октября, втораго—съ 1 ноября по 20 декабря, третьяго—съ 10 января по 11 апрѣля, а для проповѣдей—студентамъ III курса съ 10 по 20 сентября, студентамъ II курса съ 10 по 20 января. 3. Предоставить отдѣленіямъ сдѣлать распоряженіе относительно темъ для кандидатскихъ сочиненій студентамъ III-го курса и для магистерскихъ диссертаций студентамъ IV курса. 4. Требовать, чтобы студенты III-го курса представили сочиненія не позже 20 апрѣля, а также, чтобы студенты двухъ первыхъ курсовъ представляли сочиненія аккуратно къ опредѣленнымъ срокамъ. 5. Какъ о рас-

предѣленія классовъ и учебныхъ часовъ, такъ и о назначеніи студентамъ сочиненій сообщить наставникамъ Академіи и объявить студентамъ.

IV. Донесенія отдѣленій о томъ, что студенты III-го курса: богословскаго отдѣленія— Андрей Діевскій, Евлампій Пріоровъ, Василій Никольскій, историческаго— Николай Добровольскій, практическаго— Иванъ Виноградовъ, представили сочиненія на степень кандидата, которыя, по разсмотрѣніи въ отдѣленіяхъ, признаны удовлетворительными для этой степеніи. Сочиненіе Добровольскаго означено балломъ 5—, Діевскаго $4\frac{1}{2}$, Пріорова, Никольскаго и Виноградова 4.

V. Донесенія коммиссій, производившихъ испытанія студентовъ Николая Добровольскаго и Ивана Виноградова въ предметахъ III-го курса, о томъ, что оба эти студента выдержали испытанія удовлетворительно и получили слѣдующіе баллы:

Николай Добровольскій по священному писанію Новаго Завѣта 4, педагогикѣ 5, исторіи русской церкви 5, исторіи раскола 5, по языкамъ: греческому $4\frac{1}{2}$, латинскому 5.

Иванъ Виноградовъ по священному писанію 4, педагогикѣ 4, пастырскому богословію и гомилетикѣ 4, церковной археологіи $3\frac{1}{2}$, по языкамъ: греческому 3, латинскому $3\frac{1}{2}$.

Справка: По вниманію къ тому, что студенты III-го курса Діевскій, Пріоровъ и Никольскій имѣли какъ по общеобязательнымъ, такъ и по специальнымъ предметамъ отдѣленія за три года не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3; а Добровольскій за первые два курса средній баллъ 5—, Виноградовъ 4+ и оба они не держали предъ каникулами испытаній по предметамъ, означеннымъ въ донесеніяхъ экзаменаціонныхъ коммиссій и не представили кандидатскихъ сочиненій вслѣдствіе болѣзни, дозволено было Совѣтомъ Академіи всѣмъ означеннымъ студентамъ представить кандидатскія сочиненія

(Никольскому въ исправленномъ видѣ) во время каникулъ; а Добровольскому и Виноградову сдать экзамень въ началѣ настоящаго учебнаго года.

Опредѣлили: 1. Студентовъ III-го курса: Андреа Діевскаго, Евлампія Приорова, Василя Никольскаго, Николая Добровольскаго и Ивана Виноградова перевести въ IV курсъ, предоставивъ имъ избрать группы предметовъ для практическо-спеціальныхъ занятій, согласно утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ таблицѣ испытаній на степень магистра.

2. Объ утвержденіи ихъ въ степени кандидата представить, въ свое время, Его Высокопреосвященству.

VI. Донесенія комиссій, производившихъ испытанія студентовъ II-го курса церковно-историческаго отдѣленія Николая Скворцова, 1-го курса церковно-практическаго отдѣленія Сергѣя Лебедева и Николая Протопопова о томъ, что Николай Скворцовъ получилъ на испытаніи по русской гражданской исторіи баллъ 4, Сергѣй Лебедевъ по священному писанію Ветхаго Завѣта $4\frac{1}{2}$, метафизикѣ и логикѣ 4+, психологіи 4+, словесности 5, по языкамъ: греческому 4, латинскому 5, нѣмецкому $4\frac{1}{2}$; его третнее сочиненіе по словесности означено балломъ 4+, экспромпты по психологіи 4, по словесности 5. Николай Протопоповъ по священному писанію $4\frac{1}{2}$, по метафизикѣ и логикѣ $4\frac{1}{2}$, психологіи 4+, словесности 5; по языкамъ: греческому 5, латинскому 5, нѣмецкому $4\frac{1}{2}$; его экспромптъ по психологіи означенъ балломъ $4\frac{1}{2}$, по словесности 4.

Справка: Николай Скворцовъ не сдавалъ экзамена по русской гражданской исторіи предъ каникулами по причинѣ болѣзни, а по другимъ предметамъ и сочиненіямъ получилъ средній баллъ 4; по той же причинѣ не держали экзаменовъ вмѣстѣ съ студентами своего курса и не представили одного изъ третнихъ сочиненій Сергѣй Лебедевъ и Николай Протопоповъ. Въ виду сего суж-

деніе объ означенныхъ студентахъ отложено было, по опредѣленію Совѣта отъ 9 іюня сего года, до начала наступающаго учебнаго года.

О п р е д ѣ л и л и: Перевести студентовъ Николая Скворцова, Сергѣя Лебедева и Николая Протопонова въ слѣдующіе курсы и дать имъ въ спискахъ мѣста, соотвѣтствующія оказаннымъ ими успѣхамъ въ наукахъ.

VII. Прошенія студентовъ IV курса Ивана Студитскаго и Николая Ильинскаго, о выдачѣ имъ кандидатскихъ сочиненій срокомъ на три мѣсяца

О п р е д ѣ л и л и: Выдать просителямъ кандидатскія ихъ сочиненія на означенный въ прошеніяхъ срокъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 сент. 1881 г. Утверждается. По статьѣ 1-й изъясляю согласіе.“

ЖУРНАЛЪ

частнаго собранія Совѣта Академіи 7 сентября 1881 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, всѣ члены Совѣта, кромѣ профессоръ Н. Субботина и И. Мансветова.

С л у ш а л и: I. Представленіе помощника ректора по богословскому отдѣленію, профессора Виктора Кудрявцева: „Во исполненіе постановленія Совѣта отъ 7 іюля сего года, богословское отдѣленіе Академіи въ собраніи своемъ 5 сентября входило въ разсужденіе о мѣрахъ къ замѣщенію, вакантной каѳедры патристики. Не имѣя въ настоящее время въ виду кандидата, который могъ бы замѣстить означенную каѳедру прямо съ званіемъ доцента или профессора, богословское отдѣленіе полагало бы возможнымъ оставить оную вакантную до слѣдующаго учебнаго года и рекомендовать для занятія ея студента IV-го курса Александра Мартынова. Студентъ

Мартыновъ въ теченіе трехъ лѣтъ неизмѣнно занималъ первое мѣсто въ спискахъ студентовъ богословскаго отдѣленія и по своимъ талантамъ, познаніямъ и усердію обѣщаетъ быть вполне достойнымъ преподавателемъ Академіи. Предполагаемая отдѣленіемъ мѣра, съ одной стороны, не можетъ сопровождаться ущербомъ въ ходѣ академическаго преподаванія, такъ какъ не слушавшіе патристики студенты 1-го курса, (на которомъ она читается въ настоящее время) могутъ удобно выслушать курсъ этой науки въ слѣдующемъ учебномъ году, но переходѣ на второй курсъ, совмѣстно съ будущими студентами 1-го курса. Съ другой стороны, она имѣетъ несомнѣнное преимущество въ томъ отношеніи, что заблаговременно предназначенный къ занятію катедры патристики кандидатъ можетъ въ теченіе года достаточно ознакомиться съ своимъ предметомъ и приступить къ чтенію лекцій съ большею подготовкою, чѣмъ какая возможна для преподавателей напр. семинарій, гдѣ въ настоящее время не преподается патристика, и гдѣ поэтому трудно было бы найти кандидата, спеціально подготовленнаго къ занятію академической катедры по этой наукѣ. Объ изложенномъ мнѣніи богословскаго отдѣленія Академіи имѣю честь довести Совѣту.⁴

О п р е д ѣ л и л и: 1. Соглашаясь съ мнѣніемъ богословскаго отдѣленія относительно замѣщенія вакантной катедры патристики, имѣть въ виду студента IV курса Александра Мартынова, какъ кандидата на катедру патристики при окончаніи имъ академическаго курса. 2. Примѣнительно къ § 65 акад. устава предложить кому-либо изъ наличныхъ наставниковъ Академіи принять на себя временное исполненіе обязанностей преподавателя по означенному предмету, въ случаѣ же, если не окажется изъ наставниковъ желающаго принять это предложеніе, отложить преподаваніе патристики до времени окончанія курса студентомъ Мартыновымъ, который,

какъ представило богословское отдѣленіе, можетъ вознаграждать опущенное совмѣстнымъ преподаваніемъ означеннаго предмета двумъ курсамъ. 3. Мнѣніе сіе представить на архипастырское благоусмотрѣніе Его Высочайшаго Императорскаго Святейшаго Синода.

II. Докладъ секретаря Совѣта И. Кратирова о томъ, что по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5-го сентября 1880-го года зачислены за студентами бывшаго I-го, нынѣ II-го, курса три стипендіи: Ломоносовская въ 250 р., Московскаго духовенства въ 200 р. и академическая изъ процентовъ на разные благотворительные капиталы въ 180 руб.; а назначеніе достойнѣйшихъ изъ студентовъ на эти стипендіи отложено до опредѣленія ихъ успѣховъ при окончаніи 1880—81 учебнаго года. По положеніямъ о стипендіяхъ Ломоносовской и академической, стипендіи эти предоставляются достойнѣйшимъ студентамъ по усмотрѣнію Конференціи или Совѣта, безъ всякихъ ограниченій; а по положенію о стипендіи Московскаго духовенства п. 3. „Стипендіаты избираются Совѣтомъ Академіи на четыре гола изъ лучшихъ студентовъ I-го курса, поступившихъ въ Академію изъ Московской или Византской духовныхъ семинарій», п. 7: «Избраніе того или другаго стипендіата представляется на утвержденіе Митрополита Московскаго.» По спискамъ, составленнымъ Совѣтомъ Академіи послѣ окончанія годичныхъ испытаній студентовъ въ іюнѣ 1880 года, лучшими оказались слѣдующіе студенты бывшаго I-го, а теперь II-го курса: на богословскомъ отдѣленіи: Александръ Струвниковъ изъ Тверской семинаріи, добровольно отказавшійся отъ казеннаго содержанія при поступленіи въ Академію; Иванъ Сапоровскій изъ Костромской семинаріи; на историческомъ отдѣленіи: Геннадій Поповъ изъ Костромской семинаріи, Сергій Садковскій изъ Москвитинской семинаріи; на церковно-практическомъ—Алексій Скворцовъ изъ Византской семинаріи, Сергій Лебе-

девѣ изъ Московской семинаріи. Всѣ они поведенія от-
лично хорошаго.

Опредѣлили: 1. На стипендію Московскаго духо-
венства зачислить Алексѣя Скворцова, поступившаго въ
Академію изъ студентовъ Вианской духовной семина-
ріи. 2. На приведеніе въ исполненіе сего опредѣленія
испросить созволеніе Его Высокопреосвященства. 3. На
стипендію Ломоносовскую принять Ивана Сапоровскаго,
на академическую—Геннадія Попова. 4. Постановленіе
по п. 3 сообщить для зависящихъ распоряженій Прав-
ленію Академіи.

III. Заявленіе инспектора Академіи, профессора П.
Горскаго-Платонова о томъ, что принятый въ число ка-
зеннокоштныхъ студентовъ I-го курса Петръ Кривель-
скій проситъ дозволенія Совѣта содержаться ему на сво-
емъ иждивеніи.

Справка: По опредѣленію Совѣта 48 студентовъ I-го
курса, получившихъ высшія мѣста въ приѣмномъ спискѣ,
и въ числѣ ихъ П. Кривельскій, зачислены на казенно-
коштныхъ вакансіи и полныя стипендіи; Ивану Соколо-
ву 2-му, занимающему 49-е мѣсто, предоставлена сти-
пендія протоіерея А. Невоструева въ 180 руб., Миха-
илу Холуйскому, занимающему 50-е мѣсто, — стипендія Н.
Соколова въ 140 руб.; а остальнымъ студентамъ, зани-
мающимъ низшія мѣста въ спискѣ, начиная съ Ивана
Соколова 1-го, предоставлено содержаться на своемъ
иждивеніи.

Опредѣлили: Дозволить студенту Кривельскому со-
держаться на своемъ иждивеніи, Михаилу Холуйскому,
получающему стипендію Н. П. Соколова въ 140 руб., пре-
доставить стипендію протоіерея Невоструева въ 180 руб.,
а стипендію въ 140 руб. назначить первому изъ свое-
коштныхъ студентовъ по порядку приѣмнаго списка Ива-
ну Соколову 1-му. Ивана Соколова 2-го принять на ка-
зенное содержаніе.

IV. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 17-го августа и 4-го сего сентября за № 4015 и 4361, коими сообщается Совѣту Академіи, для зависящихъ распоряженій, о томъ, что по утвержденнымъ Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ докладамъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, окончившіе въ семь году курсъ въ Московской Духовной Академіи кандидаты назначены на учительскія должности въ духовныя училища 11-го августа сего года: Стефанъ *Сорочинскій* въ Приворотское, Иванъ *Ключаревъ* въ Волоколамское, Матвѣй *Лебедевъ* въ Краснохолмское, Иосифъ *Санеблуде* въ Моздокское, всѣ четверо по арифметикѣ и географіи, Владиміръ *Товаровъ* въ Пермское, Иванъ *Панормовъ* въ Самарское, Василій *Тверецкій* въ Петровское, всѣ трое по русскому и церковнославянскому языку; Деметій *Мацкевичъ* въ Едвинецкое, Николай *Чикидовскій* въ Сторооскольское, Александръ *Преображенскій* въ Раненбургское, Сергій *Протопоповъ* въ Дмитровское, Александръ *Кохомскій* въ Муромское, Фодоръ *Боголюповъ* въ Волоколамское и Григорій *Соловьевъ* въ Звенигородское, всѣ семеро по латинскому языку; Иванъ *Цвѣтковъ* въ Вяземское, Николай *Успенскій* въ Астраханское и Яковъ *Недоходовскій* въ Бѣлевское, всѣ трое по греческому языку; 25-го августа назначены преподавателями въ духовныя семинаріи: Василій *Рейпольскій* въ Томскую по священному писанію, Николай *Миловзоровъ* въ Витебскую по основному, догматическому и нравственному богословію и Дмитрій *Некрасовъ* въ Пермскую по церковной исторіи, Иванъ *Доброкравовъ* учителемъ въ Волоколамское духовное училище по русскому языку съ церковно-славянскимъ. Къ сему Канцелярія присовокупляетъ, что 1) объ ассигнованіи слѣдующихъ поименованнымъ кандидатамъ, по положенію, денегъ сообщено вмѣстѣ съ симъ, Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ, и 2) что неполучившій

нынѣ назначенія кандидатъ той же Академіи Даниль *Якимовичъ* имѣется въ виду для замѣщенія соотвѣтствующей спеціальнымъ занятіямъ и родоприсхожденію его учебной должности въ семинаріи или училищѣ; до того же времени Академическій Совѣтъ имѣеть обратиться Якимовича въ епархію по мѣсту его родоприсхожденія съ выдачею ему для проѣзда билета и прогонныхъ денегъ, сообщивъ въ то же время епархіальному Преосвященному для должнаго со стороны послѣдняго относительно означеннаго кандидата распоряженія, согласно существующимъ правиламъ.

Справка: По распоряженію ректора Академіи дано знать назначеннымъ на службу кандидатамъ Академіи о состоявшемся относительно ихъ распоряженія высшаго начальства и сообщено Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій, послѣ чего нѣкоторые кандидаты явились въ Академію, получили отъ Правленія Академіи слѣдующія имъ по положенію деньги и отправились къ мѣстамъ службы.

Опредѣлили: 1. Препроводить документы кандидатовъ, назначенныхъ на службу, въ мѣста ихъ службы. 2. Сообщить епархіальному Преосвященному Волынскому объ обращеніи кандидата Якимовича, по мѣсту его происхожденія, въ Волынскую епархію впредь до назначенія его на духовно-учебную службу. 3. Сообщить о томъ же, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи и дать знать кандидату Якимовичу.

V. Собственноручныя показанія студентовъ IV-го курса о желаніи избрать ту или другую группу предметовъ для практическо-спеціальныхъ занятій и для магистерской диссертациі, примѣнительно къ утвержденной Святейшимъ Синодомъ таблицѣ испытаній на степень магистра.

Слѣдую этой таблицѣ, изъ предметовъ 1-й группы:

священное писаніе и еврейскій языкъ, избрали — Михаилъ Діомидовъ и Василій Никольскій.

II-ю группу предметовъ: богословіе основное, догматическое и нравственное—Михаилъ Богословскій, Сергѣй Виноградовъ, Александръ Мартыновъ, Василій Образцовъ, Алексѣй Троицкій.

III-ю группу: пастырское богословіе, гомилетику, литургику и каноническое право—Михаилъ Веселовскій.

IV-ю группу: всеобщую церковную исторію и исторію русской церкви—Сергѣй Доброумовъ, Викторъ Васильевскій, Сергѣй Марковъ, іеродиаконъ Сергій Ланинъ, Федоръ Соболевъ.

V-ю группу: всеобщую гражданскую и русскую исторію съ общею церковною исторіею—Василій Барновъ, съ русскою церковною исторіею—Николай Добровольскій, Николай Кедровъ, Василій Ключаревъ.

VI-ю группу: словесность, исторію литературы и логику съ гомилетикою—Михаилъ Знаменскій, Николай Ильинскій, Николай Красновскій, Николай Мячинъ, Веніаминъ Павловскій, Семень Уваровъ, съ каноническимъ правомъ—Владиміръ Остроуховъ.

VII-ю группу: психологію, исторію философіи, педагогику съ русскою церковною исторіею—Андрей Остроумовъ, съ гомилетикою—Христофоръ Угрелидзе.

Изъ предметовъ VIII-й группы: греческій языкъ съ священнымъ писаніемъ—Иванъ Арбековъ, съ основнымъ богословіемъ—Николай Румянцевъ, съ общею церковною исторіею—Иванъ Звѣревъ, Иванъ Студитскій, съ русскою церковною исторіею—Сергѣй Смирновъ, съ гомилетикою—Алексѣй Лебедевъ.

Латинскій языкъ съ основнымъ богословіемъ—Андрей Діевскій, съ догматическимъ богословіемъ—Евлампій Пріоровъ, съ общею церковною исторіею—Николай Щениловъ, съ русскою церковною исторіею—Петръ Козловскій, Григорій Небтаровъ, Веніаминъ Преображен-

скій, Василій Третьяковъ, съ гомилетикою — Василій Аквилевскій, Сергій Пономаревъ, съ каноническимъ правомъ — Константинъ Голубевъ, Иванъ Григоревскій, Петръ Пятницкій.

VI. Собственноручныя показанія студентовъ, принятыхъ въ составъ I-го академическаго курса, о желаніи ихъ поступить на то или другое отдѣленіе Академіи, избрать для спеціального изученія тотъ или другой изъ новыхъ языковъ и слушать лекціи по Естественнo-научной апологетикѣ.

По симъ показаніямъ изъявили желаніе изучать предметы

Богословскаго отдѣленія:

1. Андрей Дружининъ.
Николай Рудинскій.
Евгеній Никольскій.
Михаилъ Надежинъ.
5. Александръ Ванчаковъ
Александръ Шостыинъ.
Николай Добронравовъ.
Иванъ Волковъ.
Сергій Маргаритовъ.
10. Иванъ Соловьевъ.
Димитріанъ Нарциссовъ.
Николай Чинновъ.
Григорій Соколовъ.
Иванъ Разумовскій.
15. Павелъ Соколовъ.
Иванъ Городенскій.
Михаилъ Холуйскій.
Александръ Богородскій.
Иванъ Граниковъ.
20. Стефанъ Поповъ.
Петръ Вознесенскій.

- Николай Смирновъ.
Николай Малиновскій.
Алексѣй Аѳонскій.
25. Николай Введенскій.
Александръ Малыгинъ.
Иванъ Рудинскій.
Андрей Митропольскій.
Александръ Холодковскій.
30. Стефанъ^ъ Виноградовъ.
Стефанъ Стефановъ.

Церковно-историческаго отдѣленія:

1. Александръ Сергіевскій.
Иванъ Знаменскій.
Алексѣй Орловъ.
Гавріилъ Былинскій
5. Александръ Чижовъ.
Платонъ Розовъ.
Стефанъ Остроумовъ.
Петръ Сперанскій.
Владиміръ Соколовъ.
10. Николай Счастневъ.
Петръ Виноградовъ.
Петръ Кривельскій.
Василій Смирновъ.
Анемподистъ Дородницынъ.
15. Павелъ Чуринъ.
Дмитрій Воскобойниковъ.
Стефанъ Никольскій.
Леонидъ Рязанскій.
Владиміръ Генерозовъ.
20. Владимиръ Соколовъ.
Михаилъ Тихвинскій.
Иванъ Соколовъ 1-й.

- Николай Разумовскій.
Федоръ Стурницкій.
25. Николай Добромысловъ.
Михаилъ Доброгаевъ.
Сергѣй Косминковъ.
Сергѣй Боголѣповъ.
Павель Руквинъ.
30. Сергѣй Поповъ.
Сергѣй Шумовъ.
Николай Покровскій.
Александръ Лебедевъ.
Андрей Смирновъ.
35. Митрофанъ Журавскій.
Александръ Кезма.
Александръ Лавровъ.
Николай Грузовъ.
Онисифоръ Краснокутскій.
40. Константинъ Покровскій.
Николай Вальскій.
Алексѣй Павловъ.
Викторъ Кедровъ.
Николай Арсеньевъ.
45. Дмитрій Лавровъ.

Церковно-практическаго отдѣленія:

1. Владиміръ Магнитскій.
Николай Трусковскій.
Александръ Снегиревъ.
Павель Громовъ.
5. Григорій Шелютинъ.
Всеволодъ Флеровъ.
Иванъ Козминъ.
Николай Птицынъ.
Семенъ Замахаевъ.

10. Николай Лебедевъ.
Михаилъ Соколовъ.
Иванъ Соколовъ 2-й.
Николай Быловъ.
Константинъ Красовскій.
15. Нилъ Серебряниковъ.
Иосифъ Боборышко.
Петръ Строевъ.
Федоръ Богословскій.
Иванъ Богословскій.
20. Сергій Сперанскій.
Федоръ Воздвиженскій.
Михаилъ Никольскій.
Петръ Скабовскій.
24. Илья Пальмовъ.

Французскій языкъ.:

1. Виноградовъ Петръ.
Виноградовъ Стефанъ.
Генерозовъ Владиміръ.
Доброгаевъ Михаилъ.
5. Дородницынъ Анемподистъ.
Замахаевъ Семень.
Журавскій Митрофанъ.
Бедровъ Викторъ.
Кезма Александръ.
10. Краснокутскій Онисифоръ.
Птицынъ Николай.
Снегиревъ Александръ.
Соколовъ Михаилъ.
Стефановъ Стефанъ.
15. Холуйскій Михаилъ.
Чижовъ Александръ.
Чуринъ Павель.

Нѣмецкій языкъ:

1. Арсеньевъ Николай.
Афонскій Алексѣй.
Боборыко Юсифъ.
Боголѣповъ Сергѣй.
5. Богородскій Александръ.
Богословскій Иванъ.
Богословскій Ѳеодоръ.
Былинскій Гавріилъ.
Быловъ Николай.
10. Вальскій Николай.
Ванчаковъ Александръ,
Введенскій Николай.
Виноградовъ Стефанъ.
Воздвиженскій Ѳеодоръ.
15. Вознесенскій Петръ.
Волковъ Иванъ.
Воскобойниковъ Дмитрій.
Городенскій Иванъ.
Граниковъ Иванъ.
20. Громовъ Павелъ.
Грузовъ Николай.
Добромысловъ Николай.
Добронравовъ Николай.
Дружининъ Андрей.
25. Знаменскій Иванъ.
Козминъ Иванъ.
Косминковъ Сергѣй.
Красовскій Константинъ.
Кривельскій Петръ.
30. Лавровъ Александръ.
Лавровъ Дмитрій.
Лебедевъ Александръ.
Лебедевъ Николай.

- Магнитскій Владиміръ.
35. Малиновскій Николай.
Малыгинъ Александръ.
Маргаритовъ Сергѣй.
Митропольскій Андрей.
Надежинъ Михаилъ.
40. Нарцисовъ Димитріанъ.
Никольскій Евгенийъ.
Никольскій Михаилъ.
Никольскій Стефанъ.
Орловъ Алексѣй.
45. Остроумовъ Стефанъ.
Павловъ Алексѣй.
Покровскій Константинъ.
Покровскій Николай.
Поповъ Сергѣй.
50. Поповъ Стефанъ.
Разумовскій Иванъ.
Разумовскій Николай.
Розовъ Платонъ.
Рудинскій Иванъ.
55. Рудинскій Николай.
Рукинъ Павелъ.
Рязанскій Леонидъ.
Сергіевскій Александръ.
Серебренниковъ Нилъ.
60. Скабовскій Петръ.
Смирновъ Андрей.
Смирновъ Василій.
Смирновъ Николай.
Соколовъ Владиміръ.
65. Соколовъ Григорій.
Соколовъ Иванъ.
Соколовъ Павелъ.
Соловьевъ Иванъ.

- Сперанскій Петръ.
70. Сперанскій Сергѣй.
Строевъ Петръ.
Стурницкій Ѳедоръ.
Счастневъ Николай.
Тихвинскій Михаилъ.
75. Трусковскій Николай.
Флеровъ Всеволодъ.
Чинновъ Николай.
Чуринъ Павель.
Шелютинъ Григорій.
80. Шостьинъ Александръ.
Шумовъ Сергѣй.

Англійскій языкъ:

1. Дородницынъ Анемподистъ.
Доброправовъ Николай.
3. Кедровъ Викторъ.

Изъявили желаніе слушать лекціи по *Естественно-научной апологетикѣ*:

1. Арсеньевъ Николай.
Аѳонскій Алексѣй.
Богольповъ Сергѣй.
Богородскій Александръ.
5. Богословскій Иванъ.
Былинскій Гавріилъ.
Быловъ Николай.
Вальскій Николай.
Вавчаковъ Александръ.
10. Введенскій Николай.
Виноградовъ Петръ.
Виноградовъ Стефанъ.
Воздвиженскій Ѳедоръ.
Вознесенскій Петръ.

15. Волковъ Иванъ.
Городенкій Иванъ.
Граниковъ Иванъ.
Громовъ Павелъ.
Грузовъ Николай.
20. Доброгаевъ Михаилъ.
Добромысловъ Николай.
Добронравовъ Николай.
Дружининъ Андрей.
Замахаевъ Семень.
25. Знаменскій Иванъ.
Козминъ Иванъ.
Кедровъ Викторъ.
Кезма Александръ.
Косминьевъ Сергѣй.
30. Краснокутскій Онисифоръ.
Кривельскій Петръ.
Лавровъ Александръ.
Лавровъ Дмитрій.
Лебедевъ Александръ.
35. Магнитскій Владиміръ.
Малиновскій Николай.
Малыгинъ Александръ.
Маргаритовъ Сергѣй.
Митропольскій Андрей.
40. Надежинъ Михаилъ.
Нарциссовъ Дмитріанъ.
Никольскій Евгенийъ.
Никольскій Стефанъ.
Орловъ Алексѣй.
45. Покровскій Николай.
Поповъ Сергѣй.
Поповъ Стефанъ.
Птицынъ Николай.
Разумовскій Иванъ.
50. Розовъ Платонъ.

- Рудинскій Николай.
Рукинъ Павель.
Рязанскій Леонидъ.
Сергіевскій Александръ.
55. Серебренниковъ Ниль.
Скабовскій Петръ.
Смирновъ Андрей.
Смирновъ Василій.
Смирновъ Николай.
60. Снегиревъ Александръ.
Соколовъ Владиміръ.
Соколовъ Григорій.
Соколовъ Павель.
Соловьевъ Иванъ.
65. Сперанскій Петръ.
Строевъ Петръ.
Стурницкій Ѳедоръ.
Счастневъ Николай.
Тихвинскій Михаилъ.
70. Флеровъ Всеволодъ.
Холуйскій Михаилъ.
Чижовъ Александръ.
Чиновъ Николай.
Чуринъ Павель.
75. Шостыинъ Александръ.
76. Шумовъ Сергѣй.

Опредѣлили: 1. Утвердивъ распредѣленіе студентовъ IV-го курса по группамъ для практическо-спеціальныхъ занятій въ теченіе четвертаго учебнаго года и студентовъ I-го курса по отдѣленіямъ и по классамъ новыхъ языковъ, собственноручныя показанія студентовъ приложить къ дѣламъ Совѣта, а копіи съ нихъ сообщить наставникамъ подлежащихъ предметовъ и лекторамъ новыхъ языковъ. 2. Копію со списка студентовъ, изъявившихъ желаніе слушать лекціи по Естественнo-науч-

ной апологетикѣ, сообщить преподавателю оной, профессору Дмитрію Голубинскому.

VII. Прошенія своекоштныхъ студентовъ III и II курсовъ о дарованіи имъ средствъ къ содержанію для дальнѣйшаго обученія въ Академіи.

Справка: Въ настоящее время состоитъ вакантною I казенная стипендія на II курсѣ, свободны 7 стипендій въ Троице-Сергіевой Лаврѣ и три неполныя стипендіи Московской каѳедры по 110 руб.

При обсужденіи прошеній приняты были Совѣтомъ Академіи въ соображеніе успѣхи въ наукахъ, оказанные просителями въ минувшемъ учебномъ году, поведеніе ихъ и свѣдѣнія, сообщенныя инспекторомъ Академіи о матеріальныхъ средствахъ просителей.

Опредѣлили: 1. На казенную стипендію II курса, освободившуюся послѣ студента Молчанова, принять студента II курса Нестора Пхакадзе. 2. Студентовъ II-го курса: Александра Стратилатова, Дмитрія Неклепаева, Ивана Виноградова, Николая Филонова, Ивана Чанцева, Петра Киструссваго и Сергѣя Синьковского зачислить на свободныя стипендіи въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. 3. Студентовъ III-го курса Николая Надежина, Дмитрія Соколова и II-го курса Федора Пучковского зачислить на стипендіи Московской каѳедры по 110 рублей. 4. Определеніе сіе сообщить, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи, съ тѣмъ, чтобы оно сообщило Учрежденному Собору Лавры о студентахъ, зачисленныхъ на ея стипендіи.

VIII. Прошеніе своекоштнаго студента I-го курса Павла Житова, въ которомъ онъ объясняетъ, что не имѣетъ средствъ къ содержанію для обученія въ Академіи и потому проситъ зачислить его въ число студентовъ Академіи въ будущемъ учебномъ 1882—83 году, а теперь выдать ему документы, чтобы онъ могъ остаться въ

настоящемъ учебномъ году на прежней должности надзирателя Рязанской духовной семинаріи.

Опредѣляя: Выдать просителю его документы и исключить его изъ списковъ, а относительно принатія его въ число студентовъ Академіи въ будущемъ учебномъ году войти въ сужденіе въ свое время.

IX. Прошенія студента Орловской духовной семинаріи Александра Рябинцева и окончившаго курсъ, по второму разряду, въ Саратовской духовной семинаріи, Леонида Соловьева о дозволеніи имъ слушать академическія лекціи какъ по общеобязательнымъ предметамъ, такъ и по спеціальнымъ предметамъ церковно-историческаго отдѣленія на первомъ курсѣ, въ качествѣ постороннихъ слушателей. При прошеніи Л. Соловьева представлены слѣдующіе доументы: а) семинарскій его аттестатъ за № 209; б) выписка изъ метрической книги о рожденіи и крещеніи за № 25; в) свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку за № 425; г) удостовѣреніе Вольскаго городского полицейскаго управленія, выданное 31 августа сего года за № 4004 Леониду Соловьеву въ томъ, что со стороны Вольской полиціи нѣтъ препятствій къ выѣзду и проживанію его, Соловьева, въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи впредь до поступленія его въ Московскую Духовную Академію, съ каковою цѣлю онъ и отправляется въ означенный посадъ. -- Документы А. Рябинцева находятся при дѣлахъ Совѣта Академіи вмѣстѣ съ прошеніемъ о доущеніи его къ повѣрочнымъ испытаніямъ.

Опредѣляя: Дозволить А. Рябинцеву и Л. Соловьеву слушать академическія лекціи въ Московской Духовной Академіи, въ качествѣ постороннихъ слушателей, по предметамъ, означеннымъ въ ихъ прошеніяхъ, для чего и выдать имъ надлежащіе билеты.

X. Рапортъ священника Новгородской губерніи, г. Валдая Троицкаго собора Іосифа Молчанова отъ 15-го

сего августа: «Симъ честь имѣю, съ великимъ прискорбіемъ, донести Правленію Московской Духовной Академіи, что сынъ мой, студентъ 1-го курса Академіи, Иванъ Іосифовъ Молчановъ, уволенный въ домъ мой на лѣтнія каникулы, 5-го дня сего августа внезапно скончался отъ случайнаго отравленія стрихнинѣмъ, отпущеннымъ ему изъ Валдайской аптеки — аптекаремъ Кавецкимъ вмѣсто хинина. Печальное событіе это совершилось такъ: немного страдая отъ обыкновенной, простудной, лихорадки, сынъ мой послалъ въ аптеку Кавецкаго записку объ отпускѣ двухъ порошковъ хинина-муріатикумъ, по 4 грана каждый порошокъ; аптекарь Кавецкій, по своей небрежности и невниманію къ дѣлу своему, отпустилъ вмѣсто хинина-стрихнинъ—два порошка по 4 грана, завернувъ и запечатавъ порошки какъ слѣдуетъ и даже съ надписью, что посылаются два хинныхъ порошка. Въ полной увѣренности, что отпущена и получена хинина, сынъ мой одинъ изъ порошковъ растворилъ въ $\frac{1}{2}$ рюмкѣ чистой воды и принялъ внутрь, и затѣмъ, несмотря на всѣ старанія спасти жизнь его, вскорѣ скончался. Несчастная и внезапная кончина его послѣдовала въ 6-мъ часу пополудни 5-го августа. Довося о всемъ вышеизложенномъ Правленію Московской Духовной Академіи, препровождаю при семъ: 1) свидѣтельство о смерти сына моего, выданное отъ Валдайскаго уѣзднаго врача Василя Пятницкаго, за № 56 отъ 12-го сего августа и 2) билетъ, данный моему цескойному сыну на время лѣтнихъ каникулъ отъ г. инспектора Академіи, за № 557 отъ 10-го іюня сего года, съ надписью о погребеніи его, сдѣланною Валдайскимъ соборнымъ причтомъ.» Въ приложенномъ свидѣтельствѣ Валдайскаго уѣзднаго врача Пятницкаго содержится удостовѣреніе въ томъ, что «сынъ священника Валдайскаго Троицкаго собора о. Іосифа Молчанова,—студентъ 1-го курса Московской Духовной Академіи, Иванъ Іосифовъ Молчановъ, сего 1881-го

года, августа 5-го дня умеръ отъ случайнаго отравленія стрихниномъ (*strychninum purgaticum*), отпущеннымъ изъ аптеки вмѣсто хинина»; а на оборотѣ билета, выданнаго инспекторомъ Академіи студенту I-го курса Ивану Молчанову, находится удостовѣреніе причта Валдайскаго Троицкаго собора въ томъ, что означенный въ семь билетовъ студентъ Иванъ Молчановъ 5-го августа умеръ отъ отравы, а 8-го числа погребенъ по христіанскому обряду на градскомъ кладбищѣ, что и записано въ метрическую книгу о умершихъ подъ № 31-мъ.

О п р е д ѣ л и л и: Исключить Ивана Молчанова изъ списка студентовъ Академіи.

VI. Докторскія свидѣтельства и удостовѣренія церковныхъ причтовъ о болѣзни студентовъ Академіи: IV-го курса—Михаила Богословскаго, Виктора Васильевскаго, Михаила Веселовскаго, Константина Голубева, Ивана Григорьевскаго, Алексѣя Лебедева, Петра Козловскаго, Николая Красновскаго, Николая Мячина, Василя Образцова, Евлампія Пріорова, Петра Пятницкаго, Василя Третьякова, Христофора Учредидзе; III-го курса—Николая Преображенскаго, Владиміра Тацентова, II-го курса Сергѣя Богородскаго, Дмитрія Минервина, Александра Рождественскаго, Ивана Соколова, Николая Соловьева, Павла Ювенскаго.

XII. Заявленіе инспектора Академіи П. Горскаго-Платонова о томъ, что студенты: IV-го курса Константинъ Голубевъ, III-го курса Владиміръ Тацентовъ, Николай Преображенскій, II-го курса Сергѣй Богородскій, Дмитрій Минервинъ, Александръ Рождественскій, Иванъ Соколовъ, по выздоровленіи, явились въ Академію.

О п р е д ѣ л и л и: Принять къ свѣдѣнію, поручивъ инспектору Академіи донести Совѣту, когда явятся въ Академію остальные студенты, заболѣвшіе во время каникулъ въ домахъ родителей и родственниковъ.

XIII. Записка профессора П. Казанскаго со спискомъ

книгъ, которыя онъ проситъ приобрести для академической библіотеки.

Опредѣлили: Означенныя въ спискѣ книги приобрести для академической библіотеки, если ихъ не окажется въ библіотекѣ, по справкѣ съ наличностію оной, о чемъ и дать знать для исполненія библіотекарю Академіи съ тѣмъ, чтобы о послѣдующемъ онъ донесъ Правленію Академіи.

XIV. Докладъ секретаря Совѣта И. Кратирова о томъ, что принадлежащія Московской Синодальной библіотекѣ двѣ рукописи, изъ коихъ одна подъ заглавіемъ: „Сборникъ раскольническихъ сочиненій“ № 641, находилась у профессора Николая Субботина, другая подъ заглавіемъ: „Сборникъ полемическихъ бесѣдъ и другихъ сочиненій Сумеона Полоцкаго“ № 289—у приватъ-доцента Героея Татарскаго, возвращены ими въ Канцелярію для препровожденія по принадлежности.

Опредѣлили: Препроводить рукописи Прокурору Московской Синодальной Конторы съ выраженіемъ глубокой благодарности за присылку оныхъ и просить его не оставить Совѣтъ Академіи увѣдомленіемъ о полученіи рукописей.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 сент. 1881 г. По двумъ первымъ статьямъ изъявляю согласіе; прочія читаль.“

ЖУРНАЛЬ

собранія Совѣта Академіи 22 сентября 1881 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, члены Совѣта, кромѣ профессоровъ В. Кудрявцева, Н. Субботина, В. Потапова и И. Мансветова.

I, Въ собраніи семь, по случаю имѣющаго быть въ

семь году въ день основанія Московской Духовной Академіи, 1-го октября, торжественнаго акта, Совѣтъ Академіи входилъ въ разсужденіе о награжденіи студентовъ III и II курсовъ деньгами и книгами.

Справка: 1) По смѣтѣ доходовъ и расходовъ по Московской Духовной Академіи въ 1881 году назначено на награды студентовъ изъ процентовъ съ благотворительныхъ капиталовъ 162 р. 12 к. 2) Изъ студентовъ III и II курсовъ слѣдующіе студенты на годичныхъ испытаніяхъ, бывшихъ въ семь году, оказали наилучшіе успѣхи: III курса богословскаго отдѣленія: Сергѣй Никитскій, Алексѣй Новорусскій, Іосифъ Глаголевъ; историческаго отдѣленія: Сергѣй Свѣдковъ, Николлай Финиковъ, Дмитрій Богословскій; практическаго отдѣленія: Сергѣй Покровскій, діаконъ Василій Флеринъ, Иванъ Миловскій; II курса богословскаго отдѣленія: Алексѣй Струнниковъ, Иванъ Саворовскій, принятій по опредѣленію Совѣта отъ 7 сентября на Ломоносовскую стипендію въ 250 руб., и Александръ Грецовъ; историческаго отдѣленія: Геннадій Поповъ, Сергѣй Садковскій; практическаго отдѣленія: Алексѣй Свворцовъ, Сергѣй Лебедевъ.

Опредѣлили: 1. Студентамъ, оказавшимъ отличные успѣхи и нуждающимся преимущественно предъ другими, выдать денежныя награды, именно: студентамъ III-го курса: Сергѣю Никитскому, Сергѣю Свѣдкову и Сергѣю Покровскому по 20 руб., студентамъ II курса Александру Грецову, Сергѣю Садковскому и Алексѣю Свворцову по 15 руб. 2. Студентовъ III курса: Алексѣя Новорусскаго, Іосифа Глаголева, Николая Финикова, Дмитрія Богословскаго, діакона Василія Флерина, Ивана Миловскаго; II курса: Александра Струнникова, Геннадія Попова и Сергѣя Лебедева наградить книгами; которыя пріобрѣсти на сумму, остающуюся за назначеніемъ денежныхъ наградъ. 3. Миѣніе сіе представить

Его Высокопреосвященству на Архипастырское благоусмотрѣніе и утверженіе.

С л у ш а л и: II. Сданный отъ Его Высокопреосвященства послѣдовавшей на его имя указъ изъ Святѣйшаго Синода отъ 2 сего сентября за № 3414: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 12 минувшаго августа за № 9631, съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, вслѣдствіе представленія Вашего Преосвященства, о разрѣшенія Правленію Московской Духовной Академіи употребить изъ остатковъ отъ 3000 р., ассигнованныхъ по смѣтѣ названной Академіи на 1881 г. на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций, потребную сумму на изданіе сборниковъ по славянскимъ нарѣчіямъ, въ количествѣ 100 экз., предпринимаемое доцентомъ Академіи Воскресенскимъ. П р и к а з а л и: Въ виду того, что Совѣтъ Московской Духовной Академіи признаетъ предпринимаемое доцентомъ этой Академіи Воскресенскимъ изданіе сборниковъ по славянскимъ нарѣчіямъ дѣломъ полезнымъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить изданіе таковыхъ сборниковъ и расходъ по изданію оныхъ въ количествѣ 100 экз. отнести, согласно заключенію Хозяйственнаго Управленія, на счетъ остатковъ отъ 3 т. р., ассигнованныхъ по смѣтѣ Московской Духовной Академіи на 1881 г. на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций; о чемъ, для должныхъ къ исполненію распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

О п р е д ѣ л я л и: 1. Изъясненное въ указѣ опредѣленіе Святѣйшаго Синода объявить доценту Григорію Воскресенскому. 2. Копію съ указа сообщить, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи.

III. Предложеніе ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, о возведеніи въ званіе почетнаго члена Мо-

сковской Духовной Академіи бывшего воспитанника оной, XX курса, Г. Директора Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Тайнаго Совѣтника, Ивана Александровича Ненарокова, во уваженіе двадцатипятилѣтняго многотруднаго и многоплоднаго служенія его благу духовно-учебныхъ заведеній.

О п р е д ѣ л и л и: Предложеннаго кандидата въ почетные члены Академіи баллотировать для избранія въ это званіе въ ближайшемъ общемъ собраніи Совѣта.

IV. Составленный секретаремъ Совѣта И. Кратировымъ проектъ отчета о состояніи Московской Духовной Академіи въ 1880—81 учебномъ году.

О п р е д ѣ л и л и: Проектъ отчета утвердить, представить Святѣйшему Синоду и напечатать во всеобщее свѣдѣніе.

V. Представленіе Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ съ отчетомъ о сочиненіяхъ и картинкахъ, рассмотрѣнныхъ Комитетомъ въ теченіе августа мѣсяца сего года.

О п р е д ѣ л и л и: Отчетъ представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

VI. Отношеніе Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 18 сего сентября за № 2244, коимъ увѣдомляетъ о томъ, что препровожденныя при отношеніи Совѣта Московской Духовной Академіи, отъ 10 сего сентября за № 333, двѣ рукописи Московской Синодальной бібліотеки за № 289 и 641 получены въ цѣлости и сохранности.

О п р е д ѣ л и л и: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Отношеніе завѣдующаго устройствомъ бібліотекъ при тюрьмахъ и больницахъ, Θ. С. Ханова, отъ 7 сего сентября, при которомъ присланы въ даръ здѣшней академической бібліотекѣ, изъ числа поступившихъ къ нему книжныхъ пожертвованій, четыре книги, которыя могутъ быть полезны Академіи, какъ историческій матеріалъ,

именно: 1) Польская исторія Солиньяка, переведенная съ французскаго Ѳедоромъ Эминимъ, С.-Пб. 1766 г. 2) Описаніе Іерусалима. 3) Судебникъ царя Іоанна Грознаго. Москва. 1768 г. 4) Описаніе моровой язвы, бывшей въ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ. Москва 1775 г.

Опредѣлили: Книги сдать въ академическую библіотеку и благодарить жертвователя.

VIII. Докладъ секретаря Совѣта И. Кратирова о томъ, что получены съ почты и сданы въ библіотеку присланныя предсѣдателемъ комиссіи, Высочайше учрежденной при Святѣйшемъ Синодѣ для разбора дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ, Тайнымъ Совѣтникомъ, А. Ѳ. Бычковымъ, книги, признанныя Совѣтомъ Академіи нужными для академической библіотеки изъ числа поступившихъ отъ разныхъ мѣстъ и лицъ духовнаго вѣдомства въ книгохранилище при Святѣйшемъ Синодѣ, на основаніи указовъ его отъ 14 мая 1825 г. 15 ноября 1846 г., и назначенныхъ къ отсылкѣ въ разныя библіотеки, именно: 1) Другъ юношества, за 12 мѣсяцевъ. Москва, 1812. 2) Духовное уединеніе. Москва, 1799 года. 3) Душа, отрожденная благодатію Іисуса Христа. Москва, 1800 года. 4) Избранныя сочиненія г-жи де-ла-Мотъ-Гіонъ, или изъясненія и размышленія на дѣянія и посланія св. апостолъ, руководствующія къ внутренней жизни. Въ 3-хъ част. Москва, 1820—1821 гг. 5) Ночи или бесѣды мудраго съ другомъ. Москва, 1804. 6) О любви къ врагамъ. С.-Пб. 1817 г. 7) Объ отпущенія согрѣшеній ближнему. С.-Пб. 1817 г. 8) О скопцахъ. С.-Петербургъ, 1819 г. 9) Познаніе о любви Божіей. С.-Пб. 1817 г. 10) Прославленная любовь, или разсужденіе о истинной премудрости и истинномъ счастіи. Москва. 1818. 11) Размышленіе о презрѣніи и отрицаніи міра. С.-Пб. 1819 г. 12) Разсужденіе о смиреніи. С.-Пб. 1782 г. 13) Религія есть единственное основаніе счастья и истинной философіи. Въ 2. ч. 1 кв. Москва. 1805 г.

О п р е д ѣ л и л и: Выразить г. председателю комиссiи, Аванасiю Ѳедоровичу Бычкову, усердную благодарность Совѣта за присылку означенныхъ изданiй.

IX. Записки преподавателей Академiи: Андрея Смирнова, В. Соколова, лекторовъ по французскому и англiйскому языкамъ, Э. Керкова и Г. Ингельсона со списками книгъ, которыя они просятъ прiобрѣсти для академической библіотеки.

X. Представленіе библіотекаря Академiи И. Корсунскаго о разрѣшенiи прiобрѣсти для академической библіотеки продолженiя трехъ изданiй.

О п р е д ѣ л и л и: Означенныя въ запискахъ наставниковъ и лекторовъ Академiи книги, а также—въ представленiи библіотекаря продолженiя изданiй, прiобрѣсти для академической библіотеки, о чемъ и дать знать къ исполненiю библіотекарю Академiи.

XI. Отношеніе Совѣта Кіевской Духовной Академiи отъ 16 сего сентября за № 765, при которомъ препровождены документы студента 1 курса сей Академiи Ильи Пальмова: а) метрическое свидѣтельство за № 3063; б) семинарскiй аттестатъ за № 273; в) свидѣтельство о припискѣ въ призывному участку и г) подписка его въ неуклонномъ исполненiи требованiй, изложенныхъ въ §§ 166—168 устава духовныхъ академiй и въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 19 мая 1871 года за № 32, данная имъ по пренятiи въ число казеннокоштныхъ студентовъ Кіевской Академiи послѣ удовлетворительной сдачи прiемныхъ испытанiй въ 1880-мъ году.

С п р а в к а: Документы студента Пальмова требовались по опредѣленiю Совѣта здѣшней Академiи отъ 16 августа сего года. по воторому Пальмовъ, вслѣдствіе прошенiя, принять въ число своекоштныхъ студентовъ 1-го курса Московской Духовной Академiи.

О п р е д ѣ л и л и: Документы студента И. Пальмова

С. Смирнова, цѣна съ пересылкою 3 р. 2) Исторія Московской Славяно-Греко-Лавинской Академіи, *еюже*, ц. съ пер. 2 р. 3) Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи, *еюже*, ц. съ пер. 2 р. 25 к. 4) Предызображеніе Господа нашего Иисуса Христа и Церкви Его въ Вѣтхѣхъ Завѣтѣхъ (о ветхозавѣтныхъ прообразованіяхъ), *еюже*, ц. съ пер. 1 р. 25 к. 5) Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія Ап. Павла къ Ефесеямъ, *еюже*, ц. съ пер. 1 р. 50 к. 6) Сборникъ, изданный по случаю празднованія 50-лѣтія М. Д. Академіи ц. съ пер. 1 р. 7) Матеріалы для исторіи раскола за первое время его сущестованія. Томы 1-й, 2-й и 3-й, цѣна за каждый 2 р. 50 к. безъ перес. Томъ 4-й ц. 2 р. безъ пер. Т. 5-й ц. 2 р. 50 к. безъ пер. Томъ 6. ц. безъ пер. 2 р. (на пересылку каждаго тома прилагается плата за два фунта). 8) Братское Слово за 1876 (4 кн.) ц. безъ пер. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р. 9) Иеросхимонаха Іоанна сказаніе о обращеніи раскольниковъ заволжскихъ; ц. безъ пер. 75 к., съ пер. 1 р. 10) Исторія четырехъ послѣднихъ вселенскихъ соборовъ *А. Лебедева* ц. съ пер. 1 р. 50 к. 11) Церковный судъ въ первые вѣка христіанства *Н. Заозерскаго*, ц. съ пер. 1 р. 75 к. 12) Древній Славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. *Григорія Воскресенскаго*, ц. съ пер. 1 р. 50 к. 13) Жизнь Св. Аѳанасія Александрійскаго ц. съ пер. 50 к. О таинствѣ миропомазанія; Ц. съ пер. 50 к. 14) О поведеніи древнихъ христіанъ во дни воскресные и праздничные ц. съ пер. 20 к. 15) Св. Левъ, папа римскій ц. съ пер. 30 к. Божествѣ Сына Божія ц. съ пер. 20 к. 17) Св. Тихонъ, епископъ ронежскій ц. съ пер. 50 к. 18) О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ ц. съ пер. 40 к. 19) О Владыкѣ Израилевомъ ц. съ пер. 10 к. 20) Объясненіе 14 ст. 7 гл. пророка Ісаіи ц. съ пер. 10 к. 21) Объ Антихристѣ ц. съ пер. 40 к. 22) Объ образѣ дѣйствованія православныхъ Государей Греко-римскихъ въ IV, V и VI вв. въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ ц. съ пер. 30 к. 23) Исторія русской церкви. *Е. Голубинскаго*. Томъ 1. Періодъ 1. Кіевскій, или домонгольскій. Первая половина тома. Ц. безъ пер. 4 р. 50 к. съ пер. 5 руб. Вторая половина тома, — цѣна таже. — 24) Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. *И. Соколова*. Ц. съ перес. 3 р. 25) Любовь Божественная. Опытъ раскрытія главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ изъ начала любви Божественной. *А. Бьялева*. Ц. безъ пер. 1 р. 50 к. 26) Реформація въ Англіи. *В. Соколова*. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к. 27) Очерки развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи *А. Лебедева*. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к. 28) Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ, Хамитовъ и Іафетитовъ въ дѣлѣ религіознаго развитія этихъ трехъ группъ народовъ. *А. Бьялева*. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р. 29) Указатель къ Твореніямъ св. Отцевъ и къ прибавленіямъ духовнаго содержанія за 20 лѣтъ ц. съ пер. 30 к.

СОДЕРЖАНІЕ

ТВОРЕНІЯ СВ. КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

О поклоненіи и служеніи въ духѣ и истинѣ.

	Стр.
Книга седьмая. О любви къ братьямъ.....	5
Книга восьмая. Еще о любви къ братьямъ и о крадушемъ теляца или овцу.....	63

П Р И Б А В Л Е Н І Я.

Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. <i>Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Митропо- лита Московскаго</i>	1
О Священнодѣйстви вѣнчанія и помазанія Царей на цар- ство. <i>А. В. Горскаго</i>	117
О трудахъ Митрополита Кипріана по части богослуженія. <i>И. Мансветова</i>	152
О свободѣ совѣсти. <i>В. Кипарисова</i>	206
Къ исторіи Рогожскаго кладбища. <i>Н. Субботина</i>	239
Критическія замѣчанія по поводу книги протоіерея Иванцова. <i>А. Лебедева</i>	267
Систематическій каталогъ книгъ бібліотеки Московской Ду- ховной Академіи. <i>И. Корсунскаго</i>	305
Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи	113

СОДЕРЖАНІЕ
ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ
ПРИБАВЛЕНІЙ
КЪ ТВОРЕНІЯМЪ СВ. ОТЦЕВЪ,

Стран.

Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. <i>Высокопреосвященныйшаго Макарія, митрополита московскаго</i>	1.
О священнодѣйствіи вѣнчанія и помазанія царей на царство. <i>А. В. Горскаго</i>	117.
Исторія церкви Апостольской (академическія лекціи <i>А. В. Горскаго</i>).....	363.
О трудахъ митрополита Кипріяна по части Богослуженія. <i>И. Мансветова</i>	152. 413.
О свободѣ совѣсти. <i>В. Кипарисова</i>	206.
Къ исторіи Рогожскаго кладбища. <i>Н. Субботина</i>	239.
Ученіе о Логосѣ у Филона Александрійскаго и Іоанна Богослова. <i>М. Муретова</i>	496.
Письма митрополита Филарета къ <i>А. В. Горскому</i>	541.
Критическія замѣчанія по поводу книги протоіерея Иванцова. <i>А. Лебедева</i>	267. 571.

Исторія церкви Апостольской.

(Академическія лекціи А. В. Горскаго).

Отправленіе Апостола Павла въ Антиохію и новое путешествіе для проповѣди между народами языческими.

Прежде нежели заняться дальнѣйшимъ распространеніемъ христіанства между народами языческими, Павелъ положилъ намѣреніе посѣтить Антиохію, средоточіе церквей, образованныхъ изъ язычниковъ, гдѣ, можетъ быть, приготовлялось свиданіе съ другими проповѣдниками. Съ этою цѣлію его путешествія, повидимому, соединялась и другая. Онъ всегда старается воспрепятствовать открытію раздѣленія между христіанами изъ іудеевъ и христіанами изъ язычниковъ и отнять у іудеевъ и христіанъ изъ іудеевъ всякій даже мнимый предлогъ къ обвиненію, будто онъ врагъ своего народа и отечественной религіи. Поэтому онъ рѣшился посѣтить теперь и столицу іудейства, чтобы воздать благодареніе Богу отцевъ своихъ и при томъ, по обычаю іудейскому, въ храмѣ публично, и такимъ образомъ самымъ дѣломъ опровергнуть то обвиненіе. Тогда у іудеевъ было въ обыкновеніи (вѣроятно взято съ обѣтовъ назорейства) подвергшимся какойнибудь болѣзни, или другому какомунибудь важному бѣдствію, давать обѣтъ: если избавлюсь отъ этой на-

пасти, то принесу Іеговѣ жертву благодаренія въ храмѣ, тридцать сутокъ не буду пить вина, постригу себѣ волосы (Jos. de bell. 11, 15). Павелъ могъ наложить на себя такой обѣтъ по поводу освобожденія отъ какой либо опасности въ послѣднее время его пребыванія въ Коринѣ или случившейся при отправленіи его отсюда; какъ много опасностей и бѣдствій у него было, мы знаемъ изъ 2 Кор. 11, 26. 27. Форма, въ которой выражалось это благодареніе, была сама въ себѣ безразлична, и обладая духомъ христіанской мудрости, Павелъ ни мало не затруднялся въ отношеніи къ формѣ—быть для іудеевъ іудеемъ, въ отношеніи къ язычникамъ язычникомъ. Поэтому когда отправился онъ съ Акилою изъ Кенхреи въ малую Азію, то и началъ исполненіе своего обѣта (Дѣян. 18, 18). Потомъ спутника своего съ женою оставивъ въ Ефесѣ, куда и самъ обѣщался быть, посѣщилъ въ Іерусалимѣ, гдѣ посѣтилъ церковь и совершилъ обѣтъ свой во храмѣ (ст. 22). Исполнивъ обѣтъ, отправился въ Антіохію, гдѣ и пробылъ довольно времени вмѣстѣ съ Варнавою, (хотя незадолго и разстался съ нимъ) и другими прежними сотрудниками въ распространеніи христіанства. Съ нимъ въ общеніи пребывалъ здѣсь и апостоль Петръ. Такимъ образомъ христіане изъ іудеевъ и христіане изъ язычниковъ, апостоль іудеевъ и апостоль язычниковъ были между собою соединены чистымъ христіанскимъ союзомъ,—какъ вдругъ это прекрасное единство было нарушено нѣкоторыми іудействующими ревнителями, пришедшими изъ Іерусалима, вѣроятно съ худымъ умысломъ. Ихъ ограниченному іудейскому взгляду казалось соблазнительнымъ то, что они слышали о свободномъ проповѣданіи евангелія между язычниками. Хотя опредѣленіемъ апостольскаго собора давно уже фарисействующіе христіане были заставлены молчать,

но это не перемѣнило совершенно ихъ образа мыслей. Необыкновенное расширеніе круга дѣйствій Павловыхъ, при чемъ обращено особенное вниманіе на его путешествіе въ Іерусалимъ и Антиохію, снова возбудило противъ него зависть и соревнованіе. Чтобы придать болѣе силы своему голосу, эти ревнители выдавали себя за посланныхъ отъ Іакова изъ Іерусалима. Но это было совершенно ложно; они не имѣли такого полномочія. Эти люди не хотѣли признать своими братьями о Христѣ необрѣзанныхъ христіанъ изъ язычниковъ, которые не наблюдали обрядоваго Моисеева закона, и почитая ихъ за то нечистыми, гнушались вмѣстѣ съ ними принимать пищу. Петръ, въ началѣ такъ сильно защищавшій права христіанъ изъ язычниковъ, а потомъ и на апостольскомъ соборѣ, и теперь не измѣнилъ своему образу мыслей, но опасаясь, чтобы вѣрующіе изъ іудеевъ не произвели смятенія въ церкви, сталъ уклоняться отъ общенія въ трапезѣ съ обращенными изъ язычниковъ. Примѣръ особенно уважаемаго апостола сильно подѣйствовалъ и на другихъ, такъ что самъ Варнава сталъ устраняться общенія съ христіанами изъ язычниковъ. Павель, почитая это лицемѣріемъ, нашелъ нужнымъ въ присутствіи всѣхъ сказать Петру: „какъ ты, будучи іудеемъ, никакого затрудненія не находилъ прежде жить съ язычниками по язычески; а теперь хочешь принудить язычниковъ быть іудеями? Мы природные іудеи; если бы притязанія іудеевъ были справедливы, мы отнюдь не были бы грѣшниками подобно язычникамъ; какъ члены избраннаго народа мы были бы чистые, святые люди. Но совсѣмъ противную увѣренность мы выражаемъ нашими дѣйствіями. При всемъ нашемъ наблюденіи закона мы признали себя грѣшниками, которые также, какъ и прочіе люди, имѣютъ нужду въ оправданіи. Зная, что дѣлами закона ни

одинъ человѣкъ не оправдается предъ Богомъ, что это возможно только подъ условіемъ вѣры во Христа, — мы въ этой одной вѣрѣ и ищемъ оправданія. Съ этимъ не согласно искать снова оправданія въ дѣлахъ закона. Иначе мы должны думать, что Христосъ лишилъ насъ единственнаго средства оправданія и научилъ насъ грѣху, — научивъ отказаться отъ закона. Но этого да не будетъ!“ Златоустый думаетъ, что апостоль Петръ въ настоящемъ случаѣ поступилъ такимъ образомъ съ тѣмъ, чтобы дать Павлу случай сильнѣе обличить іудейское заблужденіе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя думать, чтобы Павелъ имѣлъ нужду раскрывать Петру, что оправданіе дается не закономъ, а Иисусомъ Христомъ; это было нужно единственно для іудействующихъ христіанъ, чтобы объяснить имъ противорѣчіе ихъ самимъ себѣ, когда они признаютъ себя христіанами и между тѣмъ продолжаютъ приписывать закону такую важность. Обличеніе такого образа мыслей въ лицѣ Петра, намѣренно принявшаго на время сторону его защитниковъ, не отражается Петромъ, но принятое имъ, какъ справедливое, должно было произвести болѣе успѣха, нежели опроверженіе безымянное или обличеніе людей малоизвѣстныхъ и малоуважаемыхъ.

Относя этотъ споръ Павла съ Петромъ, который, какъ показываетъ послѣдующая исторія, не произвелъ между ними никакого раздѣленія, къ этому времени, мы получаемъ нѣсколько болѣе свѣта для соображенія связи послѣдующихъ событій. Доселѣ заключенный между христіанами изъ іудеевъ и христіанами изъ язычниковъ миръ въ Іерусалимѣ былъ сохраняемъ. Доселѣ Павелъ въ церквахъ языческихъ долженъ былъ бороться съ невѣрующими іудеями, а не съ іудаистами. Теперь снова возникло это несогласіе въ столицѣ церковей языческихъ, и отсюда оно

быстро распространилось по всѣмъ церквамъ, которыя состояли изъ іудеевъ и язычниковъ. Можетъ показаться страннымъ, почему это несогласіе возникло именно теперь, а не въ другое время; возникло въ такое время, когда послѣднее пребываніе Павла въ Іерусалимѣ могло только болѣе служить къ тому, чтобы произвести благопріятное впечатлѣніе на сердца державшихся еще фарисейства христіанъ. Но этого можно было ожидать только развѣ въ людяхъ болѣе умѣренныхъ, а въ фанатическихъ ревнителяхъ, которые никакъ не хотѣли согласить своихъ началъ съ его образомъ ученія, надлежало ожидать совершенно противнаго. Они видѣли въ Павлѣ человѣка, который между язычниками говоритъ такъ свободно о законѣ, который христіанамъ изъ язычниковъ всегда усвоилъ равныя права съ христіанами изъ іудеевъ, который показывалъ себя прерителемъ закона и однако же онъ является въ Іерусалимѣ для совершенія обѣта. Не Павелъ здѣсь противорѣчилъ самъ себѣ; онъ смотрѣлъ на законъ по отношенію къ благодати искупленія, какъ на вещь безразличную, и пользовался имъ по христіанскимъ видамъ, какъ бы можно было достигнуть болѣе пользы. Для него не былъ важенъ законъ самъ по себѣ, но могъ быть важенъ, коль скоро могъ служить къ достиженію его апостольскихъ цѣлей, точно такъ же какъ и другія средства; но его противники перетолковывали его поступки, обвиняли его въ противорѣчьи съ самимъ собою, въ ласкательствѣ къ христіанамъ изъ язычниковъ.

Вліяніе этихъ противниковъ ученія Павлова быстро распространилось на христіанъ галатійскихъ и ахайскихъ (въ Коринѣѣ). Когда Павелъ, оставивъ друзей своихъ въ Антіохіи, на пути въ Ефесъ, посѣщалъ церкви во Фригіи и Галатіи, онъ не нашелъ еще въ нихъ никакой значительной перемѣны. Впрочемъ, уже

замѣчалъ, какъ эти іудействующіе учителя старались вкрасться въ основанныя имъ церкви, какую высказывали они ревность о спасеніи душъ обращенныхъ изъ язычниковъ, съ какимъ усердіемъ, повидимому, желали, чтобы сіи обращенные вполнѣ могли достигнуть обѣтованныхъ благъ царства Христова.

Павель избралъ потомъ мѣстомъ долговременнѣйшей дѣятельности городъ, особенно важный для распространенія евангелія, средоточіе сообщеній и торговли обширной части Азіи, самый большой торговый городъ въ Азіи по сю сторону Тавра—Ефесъ. Впрочемъ, здѣсь предстояла христіанству новая борьба съ чуждыми направленіями религіознаго духа, которыя или прямо выступали противъ него, или угрожали слиться съ нимъ. Здѣсь господствовала языческая магія ¹⁾, получившая начало свое отъ мистическаго служенія Діанѣ, а за этою языческою магіею имѣла доступъ сюда и магія іудейская. Неудовлетворяемый религіею и всегда жаждавшій новаго духъ времени поддерживалъ это ложное ученіе—открыть своими силами союзъ съ небомъ, съ духовными силами.

Три мѣсяца проповѣдывавъ евангеліе въ синагогѣ, Павель былъ вынужденъ, по причинѣ враждебныхъ расположеній, какія начали оказывать ему іудеи, обратиться къ язычникамъ и собирать своихъ слушателей въ домъ одного языческаго ритора, именемъ Тирана. Въ противоположность распространившейся здѣсь магіи, обманывавшей многихъ, сила Божія являла тѣмъ разительнѣйшія знаменія, чтобы отвлечь людей отъ этихъ прельщеній и открыть путь духовной силѣ истины въ ихъ сердца (Дѣян. 19, 11, 12). И хотя іудейское „исканіе знаменій“ могло все хри-

¹⁾ Извѣстны въ древности *Ἐρέσια γράμματα*, магическія письмена, которымъ присвоили силу непобѣдимую.

стіанство заключать въ однихъ этихъ явленіяхъ чувственныхъ, совершаемыхъ силою Божіею и почитать его только высшею магіею, подобно какъ думалъ Симонъ волхвъ, однако въ самомъ существѣ христіанства было положено, что гдѣ находило оно истинный доступъ въ сердце, тамъ возбуждало самое сильное отвращеніе отъ всякаго такого покушенія. — Тогда много шаталось въ этой странѣ іудейскихъ заклинателей, которые различными заговариваніями, заклинаніями, силою извѣстныхъ травъ, — по правиламъ, которыхъ начало возводили къ Соломону, изгоняли злыхъ духовъ изъ людей ими одержимыхъ, — и эти люди по свѣдѣніямъ ли своимъ въ искусствахъ, помогающихъ обманывать чувства, или пользуясь силами природы, другимъ неизвѣстными, или приводя въ раздраженіе воображеніе подверженныхъ болѣзнямъ, или дѣйствительно по связи съ духами темными — могли производить очень поразительныя съ перваго взгляда дѣйствія. Видя, какія дѣйствія совершаетъ Павелъ призываніемъ имени Іисуса Христа, они вздумали употреблять это имя въ своихъ заклинаніяхъ. Несчастное послѣдствіе такого покушенія (Дѣян. 19, 15. 16) произвело сильное впечатлѣніе на многихъ, которые дѣйствіями апостола хотя уже расположены были почитать Господа Іисуса сообщителемъ Божественныхъ силъ людямъ, однако не оставляли еще ни своего прежняго порочнаго поведенія, ни своего пустаго искусства, напротивъ также старались его совмѣстить съ христіанствомъ и самое христіанство употребить въ пособіе ему. Устрашенные этимъ происшествіемъ, жители Ефеса сами теперь пришли къ апостолу, принесли предъ нимъ раскаяніе въ своихъ порочныхъ дѣлахъ и объявили рѣшительное отреченіе отъ всего подобнаго. Книги, наполненныя магическими формулами и стоившія большой суммы (около

20000 рублей), были принесены на площадь и сожжены въ глазахъ всѣхъ.

Такъ какъ въ Ефесѣ можно было встрѣтить людей различныхъ вѣрованій востока, то Павелъ между прочимъ здѣсь нашель 12 человекъ изъ учениковъ Иоанна Крестителя, который призванъ былъ приготовить современныхъ соотечественниковъ своихъ къ явленію Искупителя; но, какъ обыкновенно случается, съ предуготовительными явленіями въ Царствѣ Божіемъ, по причинѣ различной пріемлемости сердець, не на всѣхъ одинаковое произвелъ впечатлѣніе. Изъ его училища вышли и такіе, которые, послѣдуя его указанію, съ живою вѣрою пристали къ Спасителю и нѣкоторые даже стали Его апостолами; и такіе, которые остались при очень недостаточныхъ понятіяхъ о лицѣ и ученіи Іисуса Христа; и такіе, которые, не подражая примѣру своего наставника, оставаясь въ своихъ крайнихъ предразсудкахъ, дѣйствовали противъ христіанъ даже враждебно (такъ какъ и начало секты учениковъ Іоанновыхъ, сохранившейся до новѣйшихъ временъ, по всей вѣроятности, надлежитъ относить какъ можно ближе ко временамъ евангельскимъ). Ученики Іоанновы, съ которыми встрѣтился Павелъ въ Ефесѣ, принадлежали ко второму изъ этихъ рядовъ. Неизвѣстно, въ Палестинѣ ли они стали учениками Іоанновыми и отъ него самого получили крещеніе, или привлечены были въ сообщество учениковъ его послѣ, — во всякомъ случаѣ надлежитъ о нихъ замѣтить только то, что они хотя и немногое знали о лицѣ и ученіи Іисуса Христа, однако считали себя въ правѣ называться христіанами такъ же, какъ и прочіе (Лука называетъ ихъ *μαθητάς* Дѣян. 19, 1). Павелъ и дѣйствительно думалъ въ нихъ найти христіанъ; но когда вошелъ съ ними въ разговоръ, то оказалось, что они еще ничего не получили отъ

прославленнаго Господа Исуса, даже не знали о Духѣ Святомъ. Павелъ охотно преподавалъ имъ наставленіе объ отношеніи служенія Іоаннова къ служенію Исуса Христа и крещенія Іоаннова къ крещенію, которое вводило въ общеніе съ Исусомъ Христомъ, дѣлало участниками божественной жизни, отъ него исходящей. Потомъ преподавалъ имъ христіанское крещеніе съ возложеніемъ на нихъ рукъ и молитвою. И въ ученикахъ Іоанновыхъ открылись тѣ же признаки сошествія Духа Святаго, какіе нѣкогда и въ апостолахъ.

Пребываніе Павла въ Ефесѣ было важно не только потому, что здѣсь и отсюда въ цѣлой малой Азій онъ могъ дѣйствовать для распространенія христіанства какъ чрезъ посредство собственныхъ путешествій, такъ и чрезъ учениковъ, которыхъ пріобрѣталъ себѣ вновь, — но и потому въ особенности, что, находясь здѣсь въ средоточіи столь многихъ сообщеній, онъ очень удобно могъ получать извѣстія о состояніи основанныхъ имъ церквей и соотвѣтственно ихъ нравственнымъ и религіознымъ потребностямъ дѣйствовать на нихъ письмами и чрезъ посланниковъ. Павелъ всегда носилъ въ душѣ своей заботы объ основанныхъ имъ церквахъ: такъ часто онъ упоминаетъ въ посланіяхъ своихъ, что онъ молится и благодаритъ о нихъ Бога ежедневно (1 Сол. 1, 2.—2 Сол. 1, 11.—1 Кор. 1, 4.—Еф. 1, 16.—Фил. 1, 9.); такъ въ изліяніи любви своей онъ увѣряетъ Коринѳянь, что всегда носитъ ихъ въ сердцѣ своемъ (2 Кор. 7, 3, но всего живѣе это изображается 2 Кор. 11, 28. 29).

Вѣроятно, вскорѣ послѣ прибытія своего въ Ефесъ, Павелъ получилъ непріятныя извѣстія о церквахъ галатійскихъ. Іудействующіе христіане, недавно снова возставшіе противъ ученія Павлова, успѣли здѣсь прежде другихъ мѣсть произвести возмущеніе, тре-

буя отъ христіанъ изъ язычниковъ исполненія закона обрядоваго, какъ необходимаго условія для участія въ царствѣ Божиємъ. Эти люди хотя были орудіями партіи, имѣвшей главное свое пребываніе въ Палестинѣ, однако, кажется, не происходили оттуда, но принадлежали къ числу еллинистовъ; несмотря на взаимную ревность въ исполненіи закона, обращаясь съ язычниками, они сами иногда ей измѣняли; потому апостоль упрекалъ ихъ за то, что они сами не соблюдаютъ закона, чего, кажется, нельзя было бы сказать о христіанахъ изъ іудеевъ палестинскихъ (Гал. 5, 3. 9.). Они не хотѣли признать апостольской важности Павла, потому что будто бы онъ не получалъ непосредственныхъ наставленій отъ Иисуса Христа, подобно прочимъ апостоламъ; утверждали, что проповѣдь евангельская зависитъ главнымъ образомъ отъ тѣхъ, которые отъ самого Иисуса Христа поставлены были апостолами; старались показать противорѣчіе между ученіемъ Павловымъ и ученіемъ прочихъ апостоловъ, которые позволяли наблюдать въ своихъ церквахъ законъ; а все это употребляли къ тому, чтобы обвинить Павла въ отступленія отъ чистоты ученія Христова и апостоловъ. При этомъ они старались увѣрить, что самъ Павелъ показываетъ себя іудеемъ, наблюдающимъ законъ, слѣдовательно иначе дѣйствуетъ между язычниками и льститъ имъ ко вреду истины. Такъ какъ это былъ еще первый примѣръ такого смѣшенія іудейства съ христіанствомъ и это смѣшеніе угрожало самому существованію евангелія въ новыхъ церквахъ введеніемъ обрядоваго іудейскаго служенія на мѣсто чисто христіанскаго, то эта опасность должна была произвести глубокое впечатлѣніе на апостола. Чтобы доказать галатійскимъ христіанамъ свою любовь, которую іудаисты хотѣли привести въ подозрѣніе, чтобы заставить ихъ почувствовать,

какъ важно то дѣло, о которомъ онъ заботится, Павелъ, несмотря на множество своихъ дѣлъ, рѣшился противъ своего обычая писать къ нимъ собственноручно (Гал. 6, 11.).

Онъ начинаетъ свое посланіе защищеніемъ своего апостольскаго призванія, которое онъ получилъ отъ Иисуса Христа, также какъ и прочіе апостолы, свидѣтельствуетъ христіанамъ галатійскимъ съ торжественными клятвенными увѣреніями, что нѣтъ другаго евангелія, кромѣ того, которое онъ возвѣщаетъ. Онъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы въ образѣ своего проповѣданія искать угожденія человѣкамъ, какъ это было прежде, когда, послѣдуя началамъ фарисейства, опирался только на человѣческіе авторитеты. Когда онъ вступилъ въ служеніе Иисуса Христа, то отрекся отъ всего этого; теперь учить и дѣйствуетъ по Божественному призванію. Потомъ доказываетъ имъ самую исторію, какъ онъ съ самаго начала проповѣдывалъ евангеліе по непосредственному Божественному просвѣщенію и независимо отъ всякой человѣческой имениности; какъ даже прочіе апостолы признали его независимый апостольскій характеръ (на соборѣ апостольскомъ). Вополнѣ увѣренный въ той мысли, что только вѣра въ Распятаго можетъ спасти человѣка и сообщить ему всю полноту Божественной жизни, онъ обращается къ Галатамъ съ такимъ сильнымъ упрекомъ: „безразсудные Галаты! кто это могъ оболстить васъ, забыть Иисуса распятаго, котораго мы изобразили предъ вашими глазами какъ единственное основаніе нашего спасенія, искать своего спасенія во внѣшнихъ вещахъ, въ дѣлахъ закона? О, какъ вы неблагоприятны! Начавши свое христіанство духомъ, Божественною жизнію, проистекающею отъ вѣры, начавши тѣмъ, что есть для насъ самаго высочайшаго, вы ищете теперь еще чего-то высша-

го, какого-то дополненія къ своему христіанству въ низкомъ, чувственномъ, земномъ, въ томъ, что на внутреннюю жизнь духа не можетъ имѣть никакого вліянія?“ Онъ ссылается на свидѣтельство ихъ собственнаго опыта: хотя сначала возвѣщаемо было имъ евангеліе независимо отъ закона, однако, по силѣ вѣры въ Искупителя, Божественная сила евангелія произвела между ними различныя свои дѣйствія.

Такъ какъ его противники опирались на важность ветхаго завѣта, то Павелъ доказываетъ имъ противъ этого, что и законъ имѣлъ только цѣлію приготовить къ явленію Искупителя, вѣра въ котораго всѣхъ вводитъ въ участіе Божественной жизни, что обѣтованія, данныя Аврааму, даны были подъ условіемъ вѣры, и эти обѣтованія исполнились во всѣхъ тѣхъ, которые послѣдовали Аврааму въ вѣрѣ, какъ истинныя его чада по духу; что явленіе закона должно было составлять только предуготовительный промежуточный періодъ между дарованіемъ обѣтованія и исполненіемъ его въ явленіи Искупителя. Іудейство и язычество, во всякомъ другомъ отношеніи между собою различныя, онъ ставитъ въ одинъ разрядъ въ отношеніи къ христіанству: это состояніе младенчества въ религіи, въ отношеніи къ зрѣлости и совершенности, которое даетъ полное право на все, чѣмъ могутъ наслаждаться сыны Божіи; это состояніе зависимости религіи отъ внѣшнихъ чувственныхъ вещей, отъ богослуженія, состоящаго въ однихъ чувственныхъ дѣйствіяхъ,—въ отношеніи къ состоянію религіи духа, внутренней жизни, слѣд. свободы.

Такъ какъ Павла обвиняли его противники, что онъ только изъ одного человѣкоудія освобождаетъ язычниковъ отъ исполненія тягостнаго для нихъ закона, то онъ не нашель лучшаго средства это опровергнуть и внушить Галатамъ довѣренность, какъ

представленіемъ имъ примѣра собственной жизни для подражанія. Онъ самъ жилъ между язычниками, какъ язычникъ, не связываясь Моисеевымъ закономъ, — чего конечно не сдѣлалъ бы, если бы былъ увѣренъ, что безъ соблюденія этого закона нельзя достигнуть полнаго обладанія благами царства Мессіи. Поэтому онъ предлагаетъ Галатамъ слѣдующее правило: будьте какъ я (въ отношеніи къ несоблюденію закона), потому что я самъ таковъ же, какъ вы (я природный іудей, но по несоблюденію закона сталъ подобенъ вамъ). Еслибы апостоль въ томъ, что онъ между іудеями въ Палестинѣ наблюдалъ обряды закона, находилъ противорѣчіе съ этими словами о собственномъ своемъ примѣрѣ, то конечно не сталъ бы на него указывать. Но этого противорѣчія по его началамъ не было, потому что онъ наблюдалъ обряды закона не всегда, но только въ извѣстныхъ отношеніяхъ и обстоятельствахъ. А это уже достаточно показывало, что онъ не приписываетъ имъ никакой объективной религіозной важности, что они, по его увѣренности, нисколько не могутъ служить къ оправданію и освященію человѣка; что онъ въ отношеніи къ нимъ наблюдаетъ одно правило, котораго держится вообще въ отношеніи ко всѣмъ вещамъ внѣшнимъ и безразличнымъ—изъ любви къ братіямъ ничѣмъ не соблазнять ихъ.

Павель убѣждаетъ Галатовъ хранить свободу, дарованную имъ Иисусомъ Христомъ, и не подклоняться снова подъ иго рабства. Заклинаетъ ихъ, что если позволять себя обрѣзывать, то Христосъ никакой не принесетъ имъ пользы; что кто обрѣжется, тотъ долженъ соблюдать и весь законъ; что ища оправданія отъ закона, они отказываются отъ союза со Христомъ, отпадаютъ отъ благодати. Эти слова Павла отнюдь не противорѣчатъ тому, что онъ самъ обрѣ-

заль Тимофея и во внѣшнихъ обрядахъ принаравливался къ іудеямъ. Онъ здѣсь говоритъ не о самомъ внѣшнемъ обрѣзаніи, но объ обрѣзаніи въ соединеніи съ выражающеюся въ немъ религиозною увѣренностію; язычникъ, когда принимаетъ обрѣзаніе, то можетъ это дѣлать не иначе, какъ въ той увѣренности, что чрезъ это и слѣдовательно чрезъ законъ, къ соблюденію котораго онъ обязывается обрѣзываніемъ, онъ можетъ получить оправданіе. А эта увѣренность конечно противорѣчитъ тому направленію, чтобы считать себя обязаннымъ своимъ спасеніемъ только Искупителю. Прогивопоставляя свою истинную, правильную любовь къ христіанамъ галатійскимъ хвастливой ревности о ихъ спасеніи іудаистовъ, апостоль говоритъ объ этихъ послѣднихъ: они ревнуютъ о васъ, но неправильно; они хотятъ васъ отлучить (отъ церкви Божіей), чтобы вы ревновали и о нихъ, т. е. чтобы вы согласились, что вы, какъ необрѣзанные язычники, не можете войти въ царство Божіе; чтобы поэтому вы позаботились сдѣлаться іудеями, какъ они. Тѣ, которые хвалятся внѣшними преимуществами (внѣшнимъ іудействомъ) принуждаютъ васъ къ обрѣзанію только для того, чтобы не быть гонимыми за крестъ Христовъ (т. е. за ученіе объ Иисусѣ распятомъ, какъ единственномъ основаніи спасенія). Они не хотятъ быть обязанными своимъ спасеніемъ только одному Господу и отказаться отъ всякой собственной заслуги, отъ всего, что думаютъ имѣть лишняго противъ другихъ. Они хотятъ обрѣзать васъ только для того, чтобы можно было имъ похвастаться вашею плотію, т. е. перемѣною, которую произвели въ васъ, но внѣшности заставивъ васъ сдѣлаться іудеями. Апостоль наконецъ закликаетъ Галатовъ, чтобы они никакого болѣе огорченія не наносили ему, потому что онъ носитъ на

тѣлѣ своемъ знаки страданій, понесенныхъ за дѣло Христово.

Далѣе во время пребыванія апостола въ Ефесѣ, обратили на себя особенное его вниманіе дѣла церкви коринѣской. Исторія этой церкви представляетъ образецъ явленій и движеній, которыя повторялись въ позднѣйшія времена церкви, — только въ большихъ размѣрахъ. Въ этой церкви стекались различныя вліянія: здѣсь нельзя было всего произвести изъ одного какого-либо вліянія напр., изъ вліянія различныхъ партій, — хотя общей причины для объясненія этихъ многочисленныхъ вліяній надлежитъ искать въ цѣломъ состояніи церкви того времени: новый духъ христіанскій еще такъ мало проникъ ее и такъ много еще оставалось ему бороться съ прежними практическими направленіями. Многіе изъ живыхъ и раздражительныхъ отъ природы Еллиновъ, бывъ увлечены сильнымъ впечатлѣніемъ, какое произвели на нихъ дѣйствія Павла въ Коринѣѣ, — показали сначала великую ревность къ христіанству: но въ ихъ непостоянныхъ умахъ христіанство не пустило еще глубокаго корня. Въ такомъ городѣ, каковъ былъ Коринѣѣ, гдѣ господствовало такое развращеніе нравовъ, гдѣ встрѣчалось столько искушеній къ сладострастію, — для поверхностнаго обращенія еще болѣе предстояло опасностей. Къ этому присоединилось, что когда Павелъ положилъ первое основаніе церкви коринѣской, за нимъ явились сюда другіе проповѣдники, которые возвѣщали евангеліе отчасти въ другой формѣ, отчасти по другимъ началамъ; этимъ они подали Еллинамъ, и безъ того склоннымъ къ раздѣленіямъ на партіи и спорамъ, поводы къ нѣкоторымъ расколамъ. Во первыхъ, были между ними такіе, которые подобно лжеучителямъ церкви галатской, хотѣли ввести христіанство, смѣшанное съ іудействомъ, которые не

могли терпѣть независимости и свободы, съ какими распространялось христіанство, проповѣдуемое Павломъ между язычниками, — хотя и не такъ рѣзко обнаруживали свои мнѣнія, какъ галатскіе лжеучители, такъ какъ называли себя не по имени Іакова, которому обыкновенно усвоили высшій авторитетъ самыя строгіе іудаисты, но по имени Петра. Могло быть, что такъ какъ они здѣсь имѣли дѣло съ людьми другаго рода, съ людьми греческаго духа, не такъ способными къ принятію іудейскаго вліянія, то и находили нужнымъ не вдругъ открыто и прямо высказывать, что имъ хочется, но напередъ искуснымъ образомъ ослабить начала, на которыхъ возвѣщаль евангеліе Павелъ, поселить недовѣрчивость къ его апостольству и отчуждить ихъ отъ него. Они начали распространеніемъ сомнѣній касательно апостольскаго достоинства Павла; выставляли единственно истинными апостолами тѣхъ, которые учились у самого Іисуса Христа и Имъ поставлены въ апостоловъ. Далѣе, они умѣли возбудить въ нѣкоторыхъ скрупулезныхъ совѣстяхъ сомнѣнія, къ которымъ легко могло подать поводъ жизнепроежденіе среди язычества и къ которымъ бывшіе прозелиты іудейства были очень способны. Такимъ образомъ явился въ церкви коринтской расколъ мнимыхъ послѣдователей Петра. Итакъ какъ одна противоположность всегда вызываетъ другую, то въ противоположность мнимымъ Петровымъ послѣдователямъ образовалась секта одностороннихъ послѣдователей Павла, которые хотѣли видѣть чистое христіанство только въ той формѣ, въ какой предлагалъ Павелъ; смѣялись надъ скрупулезностію совѣстей мнительныхъ и склонны были принять рѣшительное направленіе противъ всего іудейскаго. Въ первомъ направленіи мы находимъ ростокъ позднѣй-

шихъ сектъ іудействующихъ; въ послѣднемъ начало позднѣйшаго направленія маркіонитскаго.

Въ самой Павловой сектѣ усматриваемъ двоякое направленіе, которое происходило отъ слѣдующей причины. Къ числу учениковъ Іоанновыхъ, бывшихъ въ Ефесѣ и выдававшихъ себя за христіанъ, хотя ихъ познанія были слишкомъ ограничены, принадлежалъ нѣкто Аполлосъ, александрійскій іудей, получившій іудейско-греческую образованность, свойственную ученымъ александрійскимъ іудеямъ. Аквила и жена его довольно наставили его въ христіанствѣ, и когда онъ вознамѣрился отправиться въ Ахаю, то рекомендовали его церкви коринтской, какъ такого мужа, который своею ревностію, своими особенными дарованіями много можетъ сдѣлать въ пользу дѣла Божія. И особенно этихъ успѣховъ надлежало ожидать въ Коринтѣ, гдѣ его александрійская образованность могла открыть ему свободный доступъ къ большей части язычниковъ и іудеевъ. Дѣйствительно, александрійскій образъ развитія и изложенія, приближающійся болѣе къ греческому, особенно удовлетворялъ ученымъ коринтскимъ; но они, увлекшись имъ, слишкомъ много цѣны усвоили этой особенной формѣ и изъ-за нея пренебрегали простою проповѣдію Павла, который, бывъ у нихъ, ничего не хотѣлъ знать, кромѣ Христа, и Того распятаго. Мы здѣсь видимъ нѣчто подобное возникшему впоследствии на александрійской почвѣ гнозису (γνῶσις), который хотѣлъ возвыситься надъ вѣрою (πίστις).

Кромѣ того, мы видимъ въ церкви коринтской еще четвертую секту. Особенности ея духа трудно узнать, потому что имя ея, — если принимать какъ названіе секты, порицаемой апостоломъ, — не легко объяснить, и потому что въ 1 посланіи Павла къ Коринтянамъ не встрѣчается никакихъ опредѣленныхъ указаній на

эту секту, которыя могли бы послужить къ означенію собственнаго ея характера. Это тѣ, которые называли себя Христовыми. Если произнесенное апостоломъ порицаніе распространять и на тѣхъ, которые хотѣли быть только Христовыми, какъ этого требуетъ одинаковая грамматическая форма, то очевидно, что эти люди не въ томъ смыслѣ хотѣли быть только Христовыми, какъ желалъ того Павелъ (1 Кор. 3, 27), но что Коринѳяне несправедливо присвоили Христа себѣ однимъ, хотѣли Его сдѣлать нѣкоторымъ образомъ главою раскола. Въ такомъ случаѣ должно согласиться, что Павелъ, хотя ближайшимъ образомъ по поводу этого наименованія секты, но вмѣстѣ и въ отношеніи ко всѣмъ сектамъ, сказалъ: развѣ раздѣлился Христосъ (1 Кор. 1, 13)? Развѣ каждый расколъ имѣетъ свою частицу Христа, или своего Христа? Нѣтъ, Христосъ одинъ для всѣхъ, — Распятый за всѣхъ за васъ, въ Котораго вы крестились и Которому должны быть вѣрными.

Теперь спрашивается, что надлежитъ думать объ отличительныхъ чертахъ и происхожденіи этихъ послѣдователей Христовыхъ? Если взять во вниманіе, что о нихъ упоминаетъ апостоль рядомъ съ послѣдователями Петровыми, и сравнить это съ партією Аполлосовою въ отношеніи къ Павловой, то могло бы показаться весьма вѣроятнымъ, что Христовы послѣдователи находились въ такомъ же отношеніи къ Петровымъ, въ какомъ Аполлосовы къ Павловымъ, что этими именами означаетъ только особая партія, принадлежавшая къ сторонѣ иудействова. И такъ какъ послѣдніе выдавали себя отчасти за учениковъ Іакова, отчасти за учениковъ Петра, то можно бы думать, что здѣсь разумѣется отдѣльная партія Іакова съ Петровою. Первая въ іудействѣ строже и суровѣе, вторая свободнѣе и кротче. Но это предположеніе

отнюдь не поддерживается названіемъ *οὐ τὸς Χριστὸς*. Очень неестественно то объясненіе, будто оно произошло отъ обыкновеннаго наименованія Іакова — *ἀδελφὸς τοῦ Χριστοῦ*. Если бы были кто изъ партіи Іакова въ Коринѣ, то они назывались бы *οὐ τὸς Ἰακώβου*.

Но, признавая такъ называемыхъ „Христовыхъ“ за христіанъ изъ іудеевъ, съ бѣльшею вѣроятностію можно бы было развить это предположеніе въ такомъ видѣ. Наименованіе *οὐ τὸς Χριστὸς* — можно бы было сказать, — было такое наименованіе, которымъ партія Петрова называла самоё себя въ противоположность Павлу и его ученикамъ. Этимъ наименованіемъ послѣдователи Петровы хотѣли означить то, что они держатся истинныхъ апостоловъ Христовыхъ, отъ нихъ получили чистое Христово ученіе, чрезъ нихъ соединены со Христомъ, и, усвоивъ оное исключительно самимъ себѣ, хотѣли показать, что всѣ прочіе не заслуживаютъ имени христіанъ, они не ученики Христовы, не ученики какого нибудь истиннаго апостола Христова, но ученики людей, повредившихъ истинное ученіе Христово, выдающихъ свое вымышленное ученіе за подлинное Христово. Это значеніе, повидимому, не было бы чуждо предиката: *οὐ τὸς Χριστὸς* и оно могло бы быть еще подтверждено нѣкоторыми намеками въ обоихъ посланіяхъ, въ которыхъ апостоль защищаетъ свой истинно апостольскій характеръ и говоритъ о себѣ, что одинакое имѣетъ право сказать о себѣ какъ и другой, что онъ Христовъ (2 Кор. 10, 7). Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ хотя дѣйствительно Павелъ возстаетъ противъ тѣхъ, которые по извѣстнымъ причинамъ отвергали его апостольскую важность, однако отсюда еще не доказывается существованіе такого наименованія извѣстной секты между христіанами изъ іудеевъ. Читая подлѣ *οὐ τὸς Κηφᾶ* — *οὐ τὸς Χριστοῦ* ожидаешь, что этимъ послѣднимъ на-

именованіемъ означается партія, которая хотя имѣетъ общее происхожденіе съ Петровою, однако отъ нея и различается; между тѣмъ по этому толкованію *оі тоѵ Христоѵ* отъ *оі тоѵ Клѳѳѳ* различаются только по имени; а этого нельзя допустить, принимая во вниманіе отношеніе наименованій предъидущихъ двухъ партій. Итакъ можно бы было допустить это толкованіе только въ такомъ случаѣ, когда бы можно было найти такимъ образомъ не формальное только, но и вещественное различіе между двумя послѣдними партіями. Развѣ допустить, что не всѣ *оі тоѵ Клѳѳѳ*, но только самыя приверженныя къ іудейству, самыя строгіе изъ нихъ, несоглашаясь признать Павловыхъ христіанъ изъ язычниковъ участниками благъ Мессіи, присвоили своему іудействующему отдѣленію наименованіе *оі тоѵ Христоѵ*.

Впрочемъ, нѣтъ нужды связываться тѣмъ, что *оі тоѵ Христоѵ* ставится подлѣ *оі тоѵ Клѳѳѳ*. Отсюда еще не слѣдуетъ то, чтобы эти два наименованія необходимо означали двѣ сродныя партіи. Павелъ конечно не вымышлялъ членовъ противоположенія по произволу, какъ въ другихъ случаяхъ, но избраніе наименованій зависѣло отъ данныхъ историческихъ. Посему, если бы между іудействующими христіанами были не двѣ партіи, какъ между Павловыми, а только одна, то Павелъ и долженъ былъ показать только одно наименованіе. Въ такомъ случаѣ *оі тоѵ Христоѵ* онъ потому наименовалъ бы въ послѣднемъ мѣстѣ, что эта партія шла противъ всѣхъ вышенаименованныхъ сектъ, отвергла важность всѣхъ апостоловъ и другихъ придерживающихся ихъ учителей,—хвалясь тѣмъ, что хочетъ знать только Христа. По обстоятельствамъ коринтской церкви мы могли бы это дѣло представить такъ:

Когда одни приняли себѣ наименованіе послѣдова-

телей Павла, другіе Аполлоса, третьи Петра, тогда явились и такіе люди, которые отвергали важность всѣхъ этихъ учителей и хотѣли образовать себѣ чистое христіанство независимо отъ апостоловъ, изгнавъ, можетъ быть, изъ него все, что въ немъ противорѣчило ихъ философическимъ идеямъ. Зная вражду еллиназма съ іудействомъ, зная, какъ было сильно философическое направленіе въ Коринѣ, можно себѣ представить, какъ могла образоваться небольшая партія съ такимъ взглядомъ. Нисколько не невѣроятно, что нѣсколько лицъ съ философскою образованностію были увлечены тѣмъ, что они слышали объ ученіи Христовомъ и думали найти въ немъ нѣчто среднее съ своими прежними идеями. Христосъ казался имъ вторымъ, можетъ быть, высшимъ Сократомъ. Только они не могли рѣшиться принять ученіе Христово въ такой формѣ, въ какой оно проповѣдываемо было апостолами. Всѣ эти апостолы, казалось имъ, много примѣшивали іудейскаго и ученіе Христово изъясняли не такъ чисто. Думая держаться одного Христа, они хотѣли посредствомъ философической критики отдѣлать отъ переданнаго имъ чистое ученіе Христово. Подобныя явленія дѣйствительно встрѣчаются во II вѣкѣ.

Станнымъ можетъ показаться, что Павелъ не дѣлаетъ никакихъ особенныхъ опроверженій на начала такой секты, которая болѣе, нежели другія, грозила разрушеніемъ апостольскому христіанству. Но то, что онъ говоритъ въ другихъ отношеніяхъ о единственномъ источникѣ познанія истинъ божественнаго откровенія, что говоритъ противъ притязаній ума непросвѣщеннаго, берущагося судить о божественномъ, противъ ничтожности надменной философіи (1 Кор. 2, 11)—все это можетъ служить превосходнымъ опроверженіемъ главнаго заблужденія этой секты. И во-

обще въ характерѣ апостольской полемики было нападать болѣе на самый корень заблужденія, между тѣмъ какъ въ позднѣйшія времена церковная полемика занималась болѣе частными отраслями ея.

Несогласіе между Павловыми и Петровыми, между христіанами изъ язычниковъ и христіанами изъ іудеевъ, имѣло очень сильное вліяніе на практическія отношенія тѣхъ и другихъ, и отсюда произошли нѣкоторые споры. Іудеи и христіане изъ іудеевъ, когда обращались съ язычниками, то чрезвычайно беспокоились, какъ бы не оскверниться какимъ бы то ни было образомъ чрезъ прикосновеніе къ идолослужебнымъ вещамъ. Іудейскими раввинами были придуманы различныя средства, какъ уберечься отъ такого оскверненія и опредѣлено, что должно считать оскверняющимъ, и что нѣтъ: объ этомъ много толкуется въ Талмудѣ. Такъ какъ легко можно было подвергнуться такой опасности оскверненія, напр. купить на рынкѣ или въ гостяхъ наѣсться такого мяса, которое было отъ животнаго жертвеннаго: то не проходило ни одного дня, чтобы не пришлось помучиться такими опасеніями. Эта мнительность вѣроятно имѣла мѣсто не только въ тѣхъ, которые собственно принадлежали къ іудействующимъ противникамъ Павла, но мучила и слабыя совѣсти нѣкоторыхъ другихъ. Такъ какъ вѣра въ боговъ имѣла надъ ними великую силу прежде, то естественно они не вдругъ могли отрѣшиться отъ вѣры въ дѣйствительность ихъ: эти боги все еще оставались для нихъ чѣмъ-то существующимъ. И какъ язычество вообще можно назвать областію князя тьмы, то, видя въ идолахъ еще злыхъ духовъ, опасались яденіемъ посвященныхъ идоламъ мясъ войти въ соприкосновеніе съ самыми духами злыми. Что эти сомнѣнія тревожили не только іудаистовъ, но и другихъ изъ христіанъ, это видно изъ одного случая,

на который Павелъ указываетъ. Именно онъ говоритъ, что такіе немощные совѣстію находились между тѣми, которые ходили въ гости къ язычникамъ. А принадлежавшіе къ іудеямъ, конечно, никакъ бы не рѣшились ѣсть что нибудь у язычниковъ.

Надъ этимъ мучительнымъ безпокойствомъ другіе смѣялись и даже впадали въ противоположное заблужденіе—это были тѣ, которые выдавали себя за Павловыхъ христіанъ. Они хотя правильно понимали Павловы начала въ теоретическомъ отношеніи; но погрѣшали въ приложеніи ихъ; поелику у нихъ не доставало духа любви и благоразумія. Они говорили: идолы сами въ себѣ ничто; боги—это существа воображенія, поэтому и аденіе мясъ, имъ посвященныхъ, есть вещь безразличная. Относительно такихъ внѣшнихъ безразличныхъ вещей христіанинъ не связанъ никакимъ закономъ; ему все дозволено; πάντα ἔξεστιν—было ихъ изреченіе. Они ссылались на знаніе, на свободу, какую имѣютъ какъ христіане: ὑμῶς, ἐξουσία—было ихъ паролемъ. При этомъ они не обращали никакого вниманія на потребности слабѣйшихъ совѣстію; заставляли нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдовать своему примѣру только изъ за одного стыда быть осмѣянными за свою мелочную привязчивость и боязливость; и эти люди, принужденные дѣйствовать по этимъ внѣшнимъ причинамъ—противъ собственнаго убѣжденія были отъ того обезпоковиваемы въ совѣсти своей. „Такимъ образомъ, говорилъ Павелъ къ соблазнителямъ,—твой немощный братъ, за котораго Христосъ умеръ, отъ твоего знанія погибалъ“. Нѣкоторые съ этимъ надменіемъ знанія въ злоупотребленіи свободою христіанскою заходили такъ далеко, что не отказывались принимать участіе даже въ праздничныхъ вечерахъ, какія дѣлали язычники друзьямъ своимъ въ капищахъ по принесеніи жертвы изъ остат-

ковъ жертвеннаго животнаго, а послѣ этого легко могли принять участіе и въ другихъ порокахъ языческихъ. Такимъ образомъ они явно нарушали постановленіе собора апостольскаго о неяденіи идоложертвеннаго (Дѣян. 15). Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ здѣсь начало того односторонняго движенія къ теоретическому вѣдѣнію, того неправильнаго разумѣнія христіанской свободы, ложнаго безразличія въ нравственномъ ученіи, которыми позднѣе такъ злоупотреблялъ гностицизмъ, выдававшій себя за ученіе Павлово, для оправданія всѣхъ противонравственныхъ наслажденій. Впрочемъ, проповѣдники христіанской свободы въ Коринѣ такъ далеко еще не заходили. Хотя языческое развращеніе нравовъ и вкралось между нѣкоторыми членами коринеской церкви, однако они были далеки отъ того, чтобы оправдывать эту безнравственность, — иначе апостоль гораздо строже обличилъ бы ихъ.

Несогласіе въ началахъ Петровыхъ и Павловыхъ между собою, вѣроятно, имѣло вліяніе и на различный образъ ихъ сужденія о бракѣ и безбрачной жизни. Хотя собственное дѣйствіе христіанства состояло въ объясненіи высшаго значенія всѣхъ основывающихся на природѣ человѣческой нравственныхъ отношеній, однако прежде, нежели это все преобразующее и просвѣтляющее вліяніе христіанства могло открыться во всѣхъ отношеніяхъ жизни, строгій нравственный духъ евангелія, вступая въ борьбу съ духомъ растлѣнія, господствующимъ въ мірѣ, естественно могъ образовать направленіе аскетическое, уклоняющееся отъ супружескихъ связей. Это направленіе, безъ сомнѣнія, происходило уже не отъ іудействующей стороны церкви, потому что апостолы, на авторитетъ которыхъ Петровы послѣдователи по преимуществу ссылались, были женаты и въ своихъ путешествіяхъ

ходили вмѣстѣ съ своими супругами (1 Кор. 9, 6). Вообще, богатое дѣтьми супружество считалось ими особеннымъ благоволеніемъ Божиимъ и особенною честію; напротивъ, бездѣтный бракъ и безбрачная жизнь — поносными. А между Павловыми можно было находить тамъ и здѣсь особенное уваженіе къ безбрачной жизни; они даже думали въ этомъ отношеніи подражать своему апостолу.

Издѣваясь надъ мнительностію іудейства, неправильное свободомысліе побуждало иногда къ нарушенію предѣловъ, полагаемыхъ нѣкоторыми благодѣтельными обыкновеніями. Хотя можно было по справедливости признать, что существовавшее доселѣ разединеніе между женскимъ и мужскимъ поломъ въ отношеніи къ дѣламъ высшей жизни, христіанствомъ было уничтожено, и женскій полъ освобожденъ отъ своего прежняго рабства: однако нѣкоторые, водясь ложнопонимаемымъ ими духомъ свободы, начали это слишкомъ далеко распространять и преступать предѣлы, положенные природою и обычаемъ, которые однако же христіанство признавало и освѣщало. Являлись женщины въ церковныхъ собраніяхъ, противъ греческаго обычая, безъ покрывалъ; кромѣ сего и въ томъ онѣ хотѣли стать наравнѣ съ мужчинами, что хотѣли учить публично въ церкви.

Далѣе, недостатокъ любви христіанской оказывался и въ томъ, что родились споры за „мое“ и „твое“, и эти споры предлагались на рѣшеніе — не такъ, какъ было доселѣ въ обычаяхъ въ іудейскихъ и христіанскихъ церквахъ, — кому нибудь изъ среды самихъ братьей; но хвалявшіеся своею свободою христіане изъ язычниковъ не считали грѣхомъ являться предъ языческія судилища.

Отъ этого недостатка духа любви христіанской потеряло свое значеніе и то святое учрежденіе, кото-

рое собственно должно было служить къ изображенію и сохраненію любви и общенія между христианами,—христіанскія вечера, присоединившіяся къ евхаристіи. На этихъ вечерахъ должно бы было выказываться христіанское общеніе безъ всякаго различія состоянія и образованности; богатые и бѣднѣе, господа и слуги должны бы были раздѣлять между собою эти простые трапезы. Но въ церкви коринтской, гдѣ эти разности выражались очень рѣзко, нельзя этого было достигнуть. У Грековъ сохранялся издавна обычай—дѣлать такіа вечера, на которыхъ приносилъ свои кушанья всякій принимавшій въ нихъ участіе и на которыхъ каждый съѣдалъ то, что приносилъ съ собою. По этому старинному обычаю были учреждаемы въ коринтской церкви вечера, хотя этотъ обычай совершенно не соотвѣтствовалъ ихъ особенной цѣли, и на такихъ вечерахъ еще разительнѣе становилось различіе между богатыми и бѣдными: богатые предавались иногда даже неумѣренности, — чѣмъ совершенно осквернялось святое учрежденіе.

Въ ревнованіи о такихъ дарованіяхъ, которыя относились къ устному изложенію ученія религіи, открывается преимущественно греческій духъ и образованность церкви коринтской, а вмѣстѣ съ тѣмъ и одностороннее направленіе (1 Кор. 4, 20), которое болѣе цѣнило высокое слово, нежели богоугодную дѣятельную жизнь. Это непрактическое направленіе и вышеупомянутый недостатокъ всеодушевляющей любви усматривались и въ томъ, какъ они оцѣнивали и употребляли различныя учительныя дарованія; они болѣе искали поразительнаго и блестящаго, нежели того, что было полезнѣе для всеобщаго назиданія, выше всего ставили даръ говорить языками.

Къ какой изъ этихъ партій принадлежали против-

ники ученія о воскресеніи, нельзя опредѣлить съ достовѣрностію, потому что мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ ихъ собственномъ мнѣніи. У насъ для свѣдѣній объ этомъ предметѣ вотъ какіе источники: *возраженія* противъ ученія о воскресеніи, которыя по видимому предполагаетъ Павелъ, и собственные *доводы* Павла въ защищеніе этого ученія; только поэтому мы можемъ судить о началахъ, на которыхъ опровергали ученіе о воскресеніи. Но отсюда еще нельзя выводить никакихъ рѣшительныхъ заключеній. Что касается до перваго, то Павелъ могъ эти возраженія сдѣлать и самъ себѣ; такъ онъ часто дѣлаетъ, когда раскрываетъ какой нибудь важный предметъ; отсюда еще нельзя выводить, что такія-то и такія возраженія противъ ученія о воскресеніи дѣйствительно были тогда извѣстны. Что касается до втораго, то, доказывая догматъ о воскресеніи, онъ могъ слѣдовать порядку и связи этого догмата съ другими коренными истинами христіанской вѣры, въ какой онъ представлялъ его себѣ; а не порядку и связи ученія своихъ противниковъ.

Павелъ напр. приводитъ свидѣтельства объ истинности воскресенія Христова: но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы его коринѣскіе противники отвергали воскресеніе Христова. Павелъ и безъ этого мнѣнія могъ въ особенности раскрыть эту истину для того, что у него вѣра въ воскресеніе Искупителя была основаніемъ вѣры въ воскресеніе искупленныхъ. Далѣе онъ излагаетъ вмѣстѣ — ученіе о воскресеніи и ученіе о безсмертіи — и можно бы отсюда заключить, что противники его отвергали и личное безсмертіе. Но спрашивается, имѣлъ ли Павелъ такое точное понятіе о мнѣніи этихъ противниковъ? Послѣдовалъ ли онъ и въ этомъ случаѣ связи, въ какой истины вѣры представлялись его христіанскому сознанію, не

слѣдоваль ли мнѣнію тѣхъ, которые въ отвергающихъ ученіе о воскресеніи видѣли противниковъ ученія о безсмертіи? Въ обыкновенной полемикѣ іудейскаго богословія эти два ученія совпадали.

Производили это нападеніе на ученіе о воскресеніи отъ обыкновенныхъ противниковъ Павла изъ іудеевъ, т. е. Саддукеевъ, и заключали изъ того, что противники ученія о воскресеніи въ Коринѣ принадлежали къ іудействующей сторонѣ церкви коринеской. Это предположеніе повидимому подирѣпляется тѣмъ, что Павелъ въ свидѣтели истинности воскресенія Христа въ особенности приводитъ Петра и Іакова, какъ самыхъ именитыхъ лицъ въ глазахъ іудаистовъ: но это еще не доказательство. Во всякомъ случаѣ Павлу естественно было сослаться на свидѣтельство апостоловъ и свидѣтельству нѣкоторыхъ изъ нихъ о явленіяхъ имъ въ особенности дать особенную важность. Если бы Павелъ имѣлъ дѣло съ Саддукеями, то ему бы слѣдовало обратить вниманіе на то, собственно имъ принадлежавшее, опроверженіе ученія о воскресеніи, что о немъ не упоминается въ Пятонизисіи, — какъ это было представляли они Иисусу Христу. При томъ мы не находимъ ни одного примѣра, чтобы христіанство смѣшивалось съ саддукействомъ; и такъ какъ въ образѣ мыслей Саддукеевъ нельзя найти ничего совмѣстнаго съ христіанствомъ, то такое смѣшеніе даже весьма невѣроятно: подобно какъ трудно представить смѣшеніе эпикурейства съ христіанствомъ. Гораздо вѣроятнѣе, что соблазнились ученіемъ о воскресеніи нѣкоторые философски образованные христіане изъ язычниковъ и, можетъ быть, къ этому подавало поводъ, какъ въ послѣдующія времена, грубое разумѣніе этого ученія, господствовавшее между христіанами обыкновенными, которое потому въ особенности Павелъ и опровергаетъ. Воз-

раженія: почему душѣ въ высшемъ ея состояніи будетъ принадлежать тѣло такое же, каково то, которое она теперь имѣетъ,—и какъ возможно, чтобы это въ прахъ обратившееся тѣло снова возстало,—гораздо естественнѣе производить отъ христіанъ изъ язычниковъ съ нѣкоторою философскою образованностію, хотя—какъ замѣтили мы выше—еще нельзя отсюда заключать, чтобы противниками ученія о воскресеніи эти именно были дѣлаемы возраженія. И если бы мы могли положить за несомнѣнное, что подъ Христовыми надлежитъ разумѣть людей, понимавшихъ христіанство особеннымъ философскимъ образомъ, то весьма было бы вѣроятно, что эти люди составили себѣ особое понятіе о воскресеніи, которое хотѣли разумѣть только духовно.

Спрашивается, какимъ образомъ Павелъ получилъ первыя свѣдѣнія объ этихъ движеніяхъ въ коринтской церкви. Изъ нѣкоторыхъ намековъ, особенно во второмъ посланіи къ Коринтянамъ можно было бы заключать, что онъ писалъ къ нимъ первое посланіе, бывъ уже у нихъ во второй разъ, хотя и очень краткое время. Въ такомъ случаѣ весьма естественно допустить, что Павелъ, оставивъ Антиохію и прежде, нежели отправился на долгое время въ Ефесъ, предпринялъ новое путешествіе между народами языческими, почему былъ и въ Коринтѣ, хотя въ отрывочномъ повѣствованіи апостольской исторіи о томъ ничего не говорится. Тогда по этимъ намекамъ на вторичное его бытіе въ Коринтѣ можно бы было заключать, что онъ еще въ это время замѣтилъ въ церкви нѣкоторыя непріятности и имѣлъ уже причины грозить, или укорять. Если это такъ, то въ Ефесѣ Павелъ тѣмъ болѣе долженъ былъ позаботиться о полученіи подробнѣйшихъ свѣдѣній о состояніи коринтской церкви, оставленной имъ при такихъ небла-

гопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Но если Павелъ и не былъ еще въ другой разъ въ Коринѣ, то могъ въ Ефесѣ получить первыя свѣдѣнія о тѣхъ пагубныхъ перемѣнахъ, какія произошли въ коринеской церкви.

Услышавъ о развращеніи нравовъ, вкравшемся въ коринескую церковь и въ особенности о порочной жизни одного изъ членовъ ея, жившаго съ мачихою своею, Павелъ нарочитымъ посланіемъ укорялъ Коринѳянъ, что они терпятъ такого человѣка среди себя и требовалъ, чтобы они отказались отъ всякаго сообщенія съ подобными людьми.

Между тѣмъ пришелъ самъ Аполлосъ изъ Коринѳа. Онъ былъ совершенно чуждъ мысли быть главою секты, какъ хотѣли того Коринѳяне; онъ былъ совершенно однихъ мыслей съ Павломъ, и Павелъ склонялъ его идти снова въ Коринѣ (1 Кор. 16, 12.). Но можетъ быть потому, что излишнее уваженіе, какое оказывали ему въ Коринѣ, было самому ему неприятно, онъ не хотѣлъ того исполнить теперь. Потомъ Павелъ получилъ и еще отъ нѣкоторыхъ свѣдѣнія о состояніи коринеской церкви, какъ мы изобразили выше, наконецъ пришли посланные отъ самой церкви и принесли съ собою письмо; въ этомъ письмѣ предложено было ему нѣсколько вопросовъ (о жизни безбрачной 1 Кор. 7, 1., о яденіи идолжертвеннаго 8, 1., о духовныхъ дарованіяхъ, 12, 1. можетъ быть, и о правилахъ благочинія, 5. 10.), отчасти возбужденныхъ первымъ посланіемъ Павловымъ, отчасти происходившихъ отъ упомянутыхъ споровъ, отчасти родившихся отъ вліянія другихъ обстоятельствъ. Эти извѣстія, полученныя Павломъ отчасти отъ Аполлоса, отчасти изъ посланія коринескаго и отъ подателей его, отчасти отъ другихъ,—и побудили Павла написать къ нимъ посланіе которое слу-

жить образцомъ апостольской мудрости въ управленіи церковію и содержитъ въ себѣ начала многихъ преобразованій въ отношеніяхъ обыкновенной жизни. Вѣроятно, Павелъ его отправилъ съ возвращавшимися въ Коринѣ посланниками тамошней церкви.

Павелъ осуждалъ всякое дѣленіе въ коринѣской церкви. Только Христосъ есть глава, которой должно держаться; на проповѣдниковъ должно смотрѣть, какъ на орудія, которыми Богъ дѣйствуетъ; каждый изъ нихъ имѣетъ свою мѣру дарованій, чтобы споспѣшествовать тому дѣлу, которому всѣ должны служить. Чѣмъ тутъ хвалиться: я имѣлъ такого-то или такого-то учителя? Такое хваленіе дѣлаетъ тебя зависимымъ отъ людей; если бы ты все относилъ только ко Христу, чрезъ котораго входилъ въ общеніе съ Богомъ, то могъ бы на все смотрѣть, какъ на собственность (1 Кор. 4, 21). Эти слова показываютъ, какая свобода духа, какая возвышенность происходятъ изъ христіанскаго смиренія. Это всеобщее правило—какъ надлежитъ смотрѣть на всѣхъ проповѣдниковъ и ихъ личныя качества и какъ ими пользоваться—Павелъ объясняетъ потомъ нарочито своими отношеніями къ Аполлосу,—такъ какъ объ отношеніяхъ своихъ къ этому человѣку, съ которымъ находился въ тѣснѣйшей связи, могъ онъ говорить всего свободнѣе, безъ подозрительнѣе.

Тѣмъ, которые не находили въ его простой проповѣди искомой мудрости и которые отдавали достоинство только Аполлосу, онъ говорилъ: ваша вина, что вы не нашли въ моей проповѣди ученія мудрости; источникъ всякой мудрости, мудрости Божіей, а не мудрости міра,—въ ученіи о Иисусѣ распятомъ, Спасителѣ міра,—которое было средоточіемъ его проповѣди;—впрочемъ, эту Божественную премудрость можно находить въ немъ и разумѣть только

тѣмъ, которые имѣютъ чувство, способное къ принятію Божественнаго. Евангеліе потому не было для нихъ мудростію, что въ нихъ еще слишкомъ сильно плотское чувство,—это видно изъ ихъ споровъ.— Онъ даетъ Коринѳянамъ правило, по которому надлежитъ разсуждать о всякомъ учителѣ христіанскомъ. Кто признаетъ положенное имъ неизмѣняемое основаніе христіанской жизни, что Иисусъ есть Спаситель, что въ немъ одномъ надлежитъ искать спасенія, и на этомъ основаніи раскрываетъ далѣе христіанское ученіе, тотъ уже свидѣтельствуемъ этимъ, что онъ есть христіанскій учитель и чрезъ вѣру въ Того, въ Комъ единомъ ищетъ спасенія, онъ достигнетъ его и приведетъ другихъ къ нему. Но въ зданіи, построенномъ на этомъ основаніи, Божественное можетъ болѣе или менѣе быть смѣшано съ человѣческимъ и отъ того быть представлено болѣе или менѣе въ чистомъ видѣ. Отдѣлить человѣческое, отъ Божественнаго предоставляется времени—день явить—до послѣдняго суда. Иной, слишкомъ цѣнившій человѣческое, увидитъ все дѣло, которое онъ созидаль, погибшимъ, хотя основаніе, на которомъ онъ созидаль, и останется цѣлымъ и для него и для другихъ; а самъ онъ спасется только тяжкими искушеніями, которыя долженъ вытерпѣть для очищенія отъ человѣческаго, примѣшавшагося въ немъ къ дѣлу Божію (1 Кор. 3, 11.).

Въ отношеніи къ спорамъ, о яденіи идоложертвеннаго, достопримѣчательно, что Павелъ не ссылается на опредѣленіе собора апостольскаго въ Іерусалимѣ, чтобы удержатъ христіанъ изъ язычниковъ отъ яденія мяса идоложертвенныхъ, такъ какъ и христіанамъ изъ іудеевъ, принуждавшимъ язычниковъ къ обрѣзанію, не противопоставляетъ важности опредѣленія

того же собора, освобождавшего ихъ отъ того. Это было характеристическою чертою въ Павлѣ, что онъ ссылался не на внѣшнюю положительную заповѣдь, на *чѣлов*, но на внутренній законъ въ сердцахъ вѣрующихъ, на требованіе духа евангельскаго. Павелъ указываетъ прежде всего на законъ любви (8, 1.). Онъ не оспариваетъ того начала, которое всегда представляли свободомыслящіе Коринѳяне, что относительно такихъ внѣшнихъ вещей нельзя постановить никакого закона.—Но изъ духа евангелія доказываетъ имъ, что иногда и то, что позволительно само въ себѣ, можетъ быть непозволительнымъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, потому что можетъ противорѣчить закону любви, обязанности христіанина все дѣлать такъ, чтобы это сколько можно болѣе служило ко спасенію другихъ, къ славѣ Божіей. Доказываетъ имъ, что они сами отрицаются свободы христіанской, поставляя себя въ зависимость отъ внѣшнихъ вещей, которыми бы должны были пользоваться въ духѣ любви по требованію обстоятельствъ (6, 12.). И, выставя собственный примѣръ, говорить, что отказывается вовсе отъ употребленія мяса, лишь бы не соблазнить брата (8, 13.).

Разрѣшая вопросъ о безбрачной жизни, Павелъ держится середины между спорящими сторонами: онъ не пристаётъ ни къ тѣмъ, которые совсѣмъ осуждали безбрачную жизнь, ни къ тѣмъ, которые смотрѣли на нее, какъ на необходимое требованіе христіанскаго совершенства. Онъ соглашается, какъ можетъ быть вредно принужденное отреченіе отъ супружества въ такой церкви, какова коринѳская, и старается предостеречь ее отъ вредныхъ слѣдствій онаго (7, 1. 26.). Но кто имѣетъ отъ Бога даръ воздержанія и находитъ себя способнымъ вести такую жизнь, тотъ пусть избираетъ жизнь дѣвствен-

ную, такъ какъ въ ней безпрепятственно можно заниматься дѣлами царства Божія, особенно въ тѣ тяжкія времена (ст. 33. 34.). Сущность христіанскаго совершенства онъ поставляетъ не въ безбрачїи, не во внѣшнемъ отреченїи отъ земнаго: но въ отреченїи отъ міра сердцемъ. Богатъ ли ты или бѣденъ, славенъ или находишься въ низкой долѣ, но пользуйся всѣмъ этимъ такъ, чтобы могъ принести въ жертву все, чего бы отъ тебя ни потребовали, что бы ни было дорого твоему сердцу (1 Кор. 7, 30.).

Говоря о различныхъ званїяхъ, въ какомъ кто находился до своего обращенїя, Павелъ поставляетъ закономъ—оставаться каждому въ прежнемъ своемъ званїи. Христіанство не исторгаетъ человѣка изъ тѣхъ отношенїй, въ какія поставило его рожденїе, воспитанїе и Божественное опредѣленїе судьбы его. Оно только научаетъ смотрѣть на нихъ съ новой точки, съ новою мыслію. Оно не производитъ внезапныхъ переворотовъ, но все обновляетъ мало по малу силою внутренняго духа. Въ особенности Павелъ прилагаетъ эти начала къ разновѣрнымъ супружествамъ и къ состоянїю рабовъ; о послѣднихъ скорѣе пришлось говорить ему и потому, что евангелїе сперва находило между ними болѣе доступа и потому, что съ развитїемъ сознанїя достоинства и правъ чело-вѣческихъ чрезъ посредство христіанства въ нихъ скорѣе могло возбудиться желанїе свергнуть земное иго. И здѣсь христіанство, чтобы не смѣшать духовнаго съ мірскимъ и не погрѣшить противъ своей дѣли, собственно относящейся до спасенїя души, не брало на себя никакого внезапнаго насильственнаго преобразованїя отношенїй, и здѣсь оно хотѣло дѣйствовать только изъ духа, отъ сердца. Рабамъ евангелїе сообщило высшую жизнь, которая возносила ихъ за предѣлы ихъ земныхъ отношенїй. И хотя

апостоль не требовалъ отъ господъ, чтобы они давали свободу рабамъ своимъ, потому что это было внѣ круга его дѣйствій—вмѣшиваться въ устройство гражданскихъ отношеній, однако раскрывалъ въ господахъ сознаніе о такихъ обязанностяхъ, въ отношеніи къ рабамъ своимъ, такія внушалъ къ нимъ расположенія, такъ заставлялъ ихъ чувствовать свое братство съ христіанами изъ рабовъ, что отъ этого сами собою должны были измѣниться отношенія ихъ къ рабамъ.

Павель говорить рабамъ,—что хотя Божественный промыслъ отказалъ имъ въ гражданской свободѣ, однако это не должно сокрушать ихъ: они должны радоваться, что имъ Господь даровалъ истинную внутреннюю свободу. Но когда называетъ онъ эту свободу — единственно истинною, такъ какъ съ нею человѣкъ можетъ быть свободенъ отъ всѣхъ внѣшнихъ стѣсненій и безъ нея не можетъ имѣть цѣли никакая другая свобода, — онъ однако же не отнимаетъ второстепеннаго достоинства у свободы гражданской. Тому же самому рабу, которому говорить онъ о дарованной ему истинной свободѣ, онъ пишетъ: но если можешь сдѣлаться и свободнымъ, тѣмъ больше воспользуйся (7, 21). Отсюда видно, что апостоль состояніе свободы гражданской считалъ болѣе соотвѣтствующимъ званію христіанина и когда христіанству удастся обновить общественныя отношенія, то вездѣ принято будетъ и это преимущество, указанное апостоломъ.

Хотя апостоль признавалъ равное участіе въ искупленіи женскаго и мужскаго пола, однако тѣмъ не освобождалъ женщинъ отъ естественной подчиненности своимъ мужьямъ и приличной ихъ полу скромности. Почему не одобрялъ самое, повидимому, безразличное дѣло — то именно, что женщины коринте-

скія снимали покрывала свои съ головы во время богослуженія. Эти покрывала были символами власти надъ ними мужей ихъ и защитою ихъ скромности (11, 1—15). Тѣмъ менѣе онъ могъ позволить, чтобы женщины предлагали въ церковныхъ собраніяхъ наставленія; женщинѣ и законъ велить быть въ подчиненіи. Даже если бы ей встрѣтилось что нибудь непонятнымъ въ предлагаемомъ другими наставленіи, она не должна объ этомъ спрашивать тутъ же—въ собраніи, или послѣ—у самого наставника, но у своего мужа. Мужъ—глава ея; мужъ—ея учитель. Здѣсь открывается высокое понятіе объ обязанностяхъ мужа; союзъ супружества не земное только дѣло; онъ долженъ быть средствомъ воспитанія сочетавающихся лицъ для небеснаго. Когда я одинъ—отвѣчаю я за одного себя; когда съ судьбою моею связывается судьба другаго человѣка, я отвѣчаю и за него. Чего онъ не зналъ, для своего спасенія, чего онъ не дѣлалъ,—въ этомъ и я принимаю ближайшее участіе и подвергаюсь отвѣтственности.

Проникнутый духомъ любви, Павелъ сильно упрекаетъ за превращеніе порядка вечеръ любви въ вечери вражды и несогласія. Свято почитая Божественное учрежденіе евхаристіи, порицаетъ невнимательность и презорство, съ какими нѣкоторые къ ней приступаютъ. Какая цѣль этихъ вечеръ? Развѣ ѣсть и пить? На это есть свои дома. Какая цѣль евхаристіи? Воспоминаніе смерти Господней. А развѣ это возможно, когда у однихъ чувства разстроены безпорядкомъ предшествующихъ трапезъ, возбуждено неудовольствіе къ богатымъ, которые предъ ними услаждали свой вкусъ и лучшими явствами и хорошими винами; у другихъ омраченъ смыслъ употребленіемъ напитковъ, или, по крайней мѣрѣ, не способна душа для принятія духовнаго, бывъ отягощена пресыщеннымъ тѣломъ.

Похвалю васъ за это? Не похваляю. Такъ ли воспоминать смерть Христову? Такъ ли принимать хлѣбъ и чашу Господню?

Цѣня всякое дарованіе и служеніе въ церкви по отношенію его ко благу цѣлаго общества вѣрующихъ, апостоль старается примирить ихъ споры о дарованіяхъ и служеніяхъ, указывая на то, что болѣе всего имѣеть значенія, что останется съ человѣкомъ всегда — т. е. любовь. Говорящіе языками спорили съ пророчествующими. Говорить языками дарованіе высокое: виновникъ его Духъ Святый. Между язычниками нѣтъ ни одного такого примѣра. Однако не должно забывать, что это не единственное дарованіе; ихъ много по различію служеній и одинъ Виновникъ всѣхъ, раздающій каждому по своему произволу; если всѣ эти дарованія будутъ употребляемы на пользу церкви, нѣтъ сомнѣнія — она будетъ имѣть отъ того обильные плоды (12, 4—11). Церковь одно тѣло; каждый членъ имѣеть свою важность и свое значеніе; не должно быть между ними споровъ и соревнованія; не всякій все можетъ, не у всѣхъ дары такіе, которыми бы можно было пользоваться цѣлую церковь (12—31). Вотъ всеобщее важное дарованіе — любовь; безъ нея ничего не значать всѣ другіе дары; велики дарованія вѣры и надежды, но и тѣ ей уступаютъ. Это даръ, который останется съ человѣкомъ вѣчно; такого то дара надлежитъ болѣе домогаться (13, 1—13). Послѣ этого общаго разсужденія о дарованіяхъ, Павелъ переходитъ къ главному своему предмету, спорамъ о превосходствѣ дара языковъ предъ даромъ пророчества. Павелъ рѣшаетъ этотъ споръ въ пользу послѣдняго, какъ болѣе полезнаго для обыкновенныхъ дѣлъ церкви. Дара языковъ не надлежитъ отвергать, но и не давать ему излишняго уваженія въ сравненіи съ пророчествомъ; это не хорошо дѣлается, что

въ собраніяхъ церковныхъ выходятъ одинъ за другимъ и молятся въ слухъ всѣхъ говорящіе на незнакомыхъ языкахъ и такимъ образомъ отнимаютъ время у пророчествующихъ говорить въ назиданіе церкви. Что касается до меня, пишетъ апостоль, то хотя я болѣе васъ говорю языками, однако лучше хочу въ церкви сказать пять словъ вразумительныхъ, нежели тьму непонятныхъ. Въ особенности, никѣмъ не понимаемая молитва на незнакомыхъ языкахъ могутъ казаться соблазнительными для язычниковъ, приходящихъ въ мѣста церковныхъ собраній. Напротивъ, одинъ мѣткій взоръ пророка въ душу любопытнаго язычника, раскрывъ ему себя самого, заставитъ питать глубокое уваженіе къ христіанству и даже признать его истинною религіею (14. 23, 24).

Оставалось Павлу опровергнуть противниковъ ученія о воскресеніи. Онъ доказываетъ возможность воскресенія вообще примѣромъ воскресенія Іисуса. Если Онъ воскресъ, значитъ воскресеніе возможно. Если же Христосъ не воскресъ, то вся проповѣдь апостоловъ ничего не значитъ; вся вѣра въ ихъ проповѣдь напрасна; вся надежда на отпущеніе грѣховъ суетна; вѣтъ и не можетъ быть никакихъ ожиданій въ будущемъ—въ жизни будущей; христіанамъ остается одно настоящее и то бѣдственное. Но если на это не согласится исповѣдующій христіанство, если онъ признаетъ связь между воскресеніемъ Іисуса Христа и всѣми благами, какими мы можемъ наслаждаться въ Его царствѣ; если онъ считаетъ необходимымъ, чтобы Христосъ воскресъ, то онъ долженъ вѣрить, что и мы воскреснемъ (15, 12—20). Это также необходимо—необходимо въ порядкѣ возстановленія міра. Міръ подвергся смерти отъ одного человѣка: нужно, чтобы однимъ человѣкомъ онъ былъ и воздвигнутъ отъ смерти. Далѣе, нужно, чтобы все,

отпадшее отъ Творца, было покорено Ему Ходатаемъ; это невозможно иначе, какъ когда упразднится послѣдній врагъ Силы всеиждущей — смерть, т. е. когда умершее будетъ возвращено къ жизни (21—28). Принимая противниковъ воскресенія за противниковъ безсмертія, Павелъ прибавляетъ: если бы бытіе человѣка уничтожалось съ его смертію, то ничего бы не было лучше, какъ слѣдовать такому правилу: станемъ ѣсть и пить, завтра умремъ. Отъ чего же это язичники, видя насъ непрестанно умирающихъ, видя по мѣстамъ и мучениковъ, скончавающихся въ страданіяхъ дни свои, приходятъ къ намъ и требуютъ крещенія (ст. 29). Зачѣмъ и мы подвергаемъ себя столькимъ опасностямъ, мученіямъ и проч. (29—34)? Обращаясь опять къ противникамъ воскресенія, Павелъ продолжаетъ: нѣкоторымъ кажется, если жизнь будущая есть высшая степень бытія человѣческаго, то зачѣмъ человѣка и тамъ стѣснять тѣломъ? Тѣло-темница души. Но тѣло, которое мы получимъ съ воскресеніемъ, хотя образуется изъ поверженныхъ въ землю остатковъ, подобно какъ трава возникаетъ изъ сѣмени, — но отъ настоящаго тѣла оно будетъ различно, также какъ растеніе или колосъ пшеницы отъ зерна. И теперь въ цѣлой природѣ можно примѣчать это разнообразіе тѣлъ; отъ однихъ сѣмянъ рождаются такія растенія, отъ другихъ — другія; иначе устроено тѣло человѣческое, иначе тѣла животныхъ. У каждаго животнаго, по особому его свойству, жилищу и пр., своя форма тѣла. Тоже самое примѣчается и въ тѣлахъ небесныхъ, одни болѣе, другія менѣе; одни свѣтлѣе, другія тусклѣе. Такимъ же образомъ и тѣло, которымъ облечемся въ воскресеніе, не будетъ совершенно тоже самое, какое мы теперь носимъ, — немощное, презрѣнное; оно будетъ гораздо лучше, славнѣе. Первые элементы этого тѣла нахо-

дятся въ настоящемъ; но они очистятся, и явится тѣло вмѣсто тлѣннаго нетлѣнное, вмѣсто презрѣннаго славное, вмѣсто немошнаго сильное, вмѣсто душевнаго духовное. Само собою разумѣется, что плоть и кровь—настоящее это тѣло—царства Божія не наслѣдуютъ. Но такое преображенное тѣло почему же не можетъ быть легкимъ орудіемъ души? Чѣмъ оно будетъ отягчать душу? Не будетъ ли оно даже служить къ приумноженію совершенства природы человѣка (35—50)? Накопецъ, представляютъ еще вопросъ относительно воскресенія, на которомъ останавливается умъ пытливый, недовѣрчивый: когда это будетъ и что будетъ съ тѣми, кто не умретъ до воскресенія? Тѣ, которые не умрутъ до той поры, говоритъ апостоль, измѣнятся, преобразятся. А это воскресеніе и измѣненіе послѣдуетъ тогда, когда Иисусъ Христосъ вторично придетъ на землю, чтобы истребить навсегда смерть, которая чрезъ грѣхъ владычествовала надъ человѣкомъ.

Павель писалъ это посланіе около времени іудейской пасхи, какъ можно догадываться изъ намека (5, 17) и намѣренъ былъ въ то время, когда писалъ, пробыть въ Ефесѣ еще до пятидесятницы (16, 8). Въ концѣ писалъ онъ, что для его проповѣди еще много здѣсь дѣла, но много и противниковъ (ст. 9). Даже упоминаетъ объ ежедневной опасности смерти (15, 30).

Когда отправлялъ онъ это посланіе въ Коринѣ, у него уже былъ начертанъ обширный планъ для будущаго дѣйствованія. Положивъ достаточное основаніе распространенію церкви между народами греческими, особенно въ продолженіе многолѣтняго своего пребыванія въ Ахаіи и Ефесѣ, Павель намѣревался перенести кругъ своего дѣйствованія на западъ. Итакъ какъ онъ поставилъ себѣ правиломъ избирать для

своего дѣйствованія только такія мѣста, гдѣ никто еще не проповѣдывалъ, то хотѣлъ идти въ Испанію и начать свою проповѣдь съ самаго крайняго предѣла западной Европы, а проходя въ Испанію намѣренъ былъ посѣтить и Римъ, гдѣ уже, впрочемъ, давно была основана церковь (Римл. 15, 24. 28). Прежде нежели приступилъ къ исполненію этого плана, онъ хотѣлъ собрать въ церквахъ изъ язычниковъ милостыню въ пользу бѣдныхъ христіанъ іерусалимскихъ и доставленіе ея взять на себя вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ братьевъ (1 Кор. 16, 3. 4. 2 Кор. 1, 16). Этимъ поступкомъ онъ хотѣлъ показать христіанамъ изъ іудеевъ, жившимъ въ Іерусалимѣ, самое ощутительное свидѣтельство обращенія язычниковъ, заставить ихъ признать дѣйствіе Духа Божія и между христіанами изъ язычниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и заключить достойнымъ образомъ свои дѣйствія на Востокѣ, утвердивъ тѣсный союзъ христіанскаго общенія между вѣрующими изъ іудеевъ и вѣрующими изъ язычниковъ. Поэтому еще прежде отправленія помянутаго посланія къ Коринтянамъ онъ послалъ Тимоѳея съ нѣкоторыми другими братьями въ Македонію и Ахаію для собранія тамъ милостыни и для прекращенія возмутительныхъ вліяній въ церкви коринѣской (1 Кор. 4, 17; 16, 10). Онъ надѣялся чрезъ него получить извѣстія о томъ, какое впечатлѣніе произвело на церковь коринѣскую его посланіе. Но надежда его не исполнилась: Тимоѳею вѣроятно былъ чѣмъ нибудь остановленъ дойти до Коринѣа и потому возвратился въ Ефесъ, не принеши съ собою ожидаемыхъ апостоломъ извѣстій (Дѣян. 19, 22). Обезпокоившись этою нѣжною отеческою заботливостію (2 Кор. 2, 3. 4), Павелъ послалъ Тита въ Коринѣъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, чрезъ него получить нужныя извѣстія и сдѣлать распоряженія, соотвѣтственныя тому впечатлѣнію,

какое произведено посланіемъ (2 Кор. 2, 13). И такъ какъ намѣренъ былъ вскорѣ оставить Ефесъ, то положилъ условіе сойтись съ нимъ въ Троадѣ, гдѣ намѣренъ былъ пробыть долѣе, дабы болѣе заняться проповѣдью (ст. 12) и, можетъ быть, для начертанія плана своего путешествія соотвѣтственно вновь полученнымъ извѣстіямъ отъ Тита.

Между тѣмъ, возникло въ Ефесѣ сильное возмущеніе противъ апостола, которое было вмѣстѣ доказательствомъ важныхъ послѣдствій его проповѣди въ малой Азіи. Въ этомъ городѣ дѣлали серебряныя и золотыя модели знаменитаго храма Діаны, здѣсь находившагося, которыя разсылались всюду и доставляли богатые доходы городу. Нѣкто Димитрій, у котораго производилась большая фабрикація такихъ моделей и который содержалъ у себя много работниковъ, видя такіе могущественные успѣхи евангелія въ малой Азіи и ощущая уменьшеніе своихъ доходовъ съ началомъ упадка вѣры въ Діану, пришелъ въ опасеніе, что его ремесло и созвѣмъ потеряетъ свой ходъ. Онъ собралъ своихъ единомысленниковъ и легко могъ воспламенить ихъ негодованіе противъ людей, которые грозили уничтожить славу Діаны и лишить ихъ доходовъ. Народъ зашевелился; всѣ спѣшили на публичную площадь, гдѣ обыкновенно собирались; многіе кричали, сами не зная, о чемъ шло дѣло. Двое изъ спутниковъ Павловыхъ были схвачены. Такъ какъ народъ греческій, изъ котораго состояло главное народонаселеніе города, вообще питалъ ненависть къ жившимъ здѣсь іудеямъ, какъ врагамъ боговъ, и народная ненависть при маломъ оскорбленіи легко могла вспыхнуть въ мятежь, отъ котораго они много могли потерпѣть; то, въ настоящемъ случаѣ, когда еще многимъ было неизвѣстно, что собственно было причиною негодованія народнаго, — іудеи, слыша только

то, что народъ волнуется по причинѣ оскорбленія, нанесеннаго врагами боговъ, тотчасъ отнесли причину такого негодованія къ себѣ, и нѣкто, именемъ Александръ явился, чтобы дать народу объясненія и, въ случаѣ нужды, сложить вину на христіанъ. Но явленіе такого человѣка, который самъ принадлежалъ къ числу враговъ народной религіи, только произвело сильнѣйшее раздраженіе; крики еще болѣе увеличились. Впрочемъ, эти враждебныя расположенія питала къ апостолу, кажется, только чернь; начальники города знали образъ жизни и дѣйствованія Павла въ теченіе почти трехъ лѣтъ въ Ефесѣ и это не могло не дать имъ выгоднаго сужденія о Павлѣ. Нѣкоторые изъ правителей города, управлявшіе въ этотъ годъ дѣлами религіи въ малой Азіи (Ἀσιάρχαι), имѣвшіе надзоръ за публичными играми, изъявили даже участіе въ судьбѣ его, упросивъ его не являться народу во время этого волненія. Наконецъ городской стражничій успѣлъ успокоить мятущуюся толпу, представивъ, что удовлетворенія надлежитъ требовать законнымъ порядкомъ; что не можетъ быть, чтобы кто-нибудь возставалъ противъ великой богини ефесской, что за возмущеніе можно опасаться отвѣтственности.

Послѣ этого случая Павелъ оставилъ Ефесъ. Очень вѣроятно, что здѣсь и не одно такое несчастіе съ нимъ было (см. Дѣян. 20, 18. 19. Рим. 16, 4. 1 Кор. 15, 31. 2 Кор. 1, 8). Въ Македоніи много встрѣтилъ онъ огорченій (2 Кор. 7, 5.), но и обрадованъ былъ ревностію и любовью церквей, подвергавшихся непрерывнымъ гоненіямъ (2 Кор. 8, 1 и дал.). Здѣсь сошелся онъ съ Титомъ, котораго напрасно ожидалъ въ Троадѣ (2 Кор. 2, 13). Здѣсь узналъ отъ него, что его посланіе произвело спасительное прискорбіе въ церкви кориѳской (2 Кор. 7, 6—16). Всѣ изъявили негодованіе на беззаконника, — онъ

былъ отлученъ отъ общенія церковнаго; всѣ, имѣвшіе уваженіе къ апостолу, отказались отъ всякихъ сношеній съ нимъ, — и это произвело на него столь сильное впечатлѣніе, что онъ самъ созналъ свое преступленіе и изъявилъ сильную скорбь (2 Кор. 2, 7). Почему Павлу нужно было настоять, чтобы его снова приняли въ свою церковь. Весьма многіе показали великую ревность въ защищеніи апостольской важности Павла (2 Кор. 1, 14.), также какъ и скорбѣли о томъ, что причинили ему столько огорченій, и сильно желали видѣть его среди себя. Но противники Павла изъ іудеистовъ не только этимъ не были смягчены, но обличеніями его и покорностію, какую онъ находилъ въ другихъ церквяхъ, еще болѣе стали раздражены противъ него и все пытались дѣлать, чтобы представить его подозрительнымъ церкви (2 Кор. 3, 1. 5, 12). Они говорили: Павелъ только въ письмахъ строгъ, силенъ, а въ личномъ присутствіи слабъ (10, 10). Онъ болѣе грозитъ, нежели сколько можетъ сдѣлать; поэтому нечего его много страшиться. Сначала Павелъ далъ было знать (съ братьями коринѣскими), что скоро оставитъ Ефесъ и придетъ въ Коринѣ, и если худое не будетъ исправлено, то употребитъ всѣ свои права, всю строгость къ прекращенію безпорядковъ. Но такъ какъ онъ послѣ того долго оставался въ Ефесѣ, перемѣнилъ свой планъ и сталъ говорить Коринѣянамъ, что онъ сначала пойдетъ въ Македонію (1 Кор. 16, 5.), а оттуда уже и къ нимъ придетъ, — то и этимъ враги Павла воспользовались, чтобы обвинить его въ нетвердости, непостоянствѣ и нестойкости въ словѣ. Таковъ же, заключали далѣе, онъ и въ ученіи. Отсюда и противорѣчія его поведенія между іудеями и язычниками, именно въ отношеніи къ закону Моисееву. Они старались представить въ невыгодномъ

свѣтъ эту христіанскую мудрость, которая соединена была въ немъ съ простотою; говорили, что онъ различныя употребляетъ хитрости, чтобы какъ-нибудь обманывать людей (2, 17. 4, 2. 12, 16). Да и съ той стороны, которая привержена была къ апостолу, не все было сдѣлано, чего требовалъ Павелъ въ посланіи.

При такомъ состояніи коринѣской церкви Павелъ счелъ за нужное, не являясь въ Коринѣ, чтобы не встрѣтить здѣсь никакихъ новыхъ огорченій, чтобы насладиться съ вѣрующими только миромъ и любовію (1, 23.), написать къ нимъ еще посланіе, чтобы приготовить такимъ образомъ ихъ къ личнымъ своимъ дѣйствіямъ (13, 10). И отправилъ къ нимъ съ посланіемъ извѣстнаго имъ Тита съ двумя другими братьями, принимавшими дѣятельное участіе въ служеніи церкви (8, 16—23). Они должны были и заняться до прибытія Павла собираніемъ милостыни.

Для оправданія себя противъ подозрѣній въ искренности своего поведенія и характера, Павелъ ссылается въ этомъ посланіи на свидѣтельство собственной совѣсти (1, 12.), показываетъ причины, почему онъ перемѣнилъ планъ своего путешествія къ нимъ (15. 16. 23—2, 1.), свидѣствуется Богомъ, что въ проповѣданіи евангелія онъ никогда себѣ не противорѣчилъ, возвѣщалъ постоянно одно ученіе Христово и обѣтованія, которыя они получили, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ исполнены Иисусомъ Христомъ: въ этомъ можетъ ручаться ихъ собственная совѣсть или сознаніе перемѣны въ себѣ.

Желая оправдать свой апостольскій характеръ противъ враговъ своихъ, Павелъ вынужденъ былъ говорить здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ посланіяхъ, о себѣ, о своихъ трудахъ для царства Божія, о страданіяхъ, о дарахъ благодати Божіей въ откровеніяхъ.

Остальную часть лѣта и осень провелъ онъ въ Македоніи и, вѣроятно, въ это время простеръ свою проповѣдь до сосѣдственной области иллирійской, о чемъ упоминаетъ въ посланіи къ Римлянамъ (15, 19). Потомъ отправился въ Ахаію, гдѣ провелъ зиму (1 Кор. XVI, 6).

Такъ какъ Павелъ уже рѣшился съ началомъ весны, отправившись въ Іерусалимъ, перенести свой кругъ дѣйствованія на Западъ и посѣтить столицу міра; то ему желательно было войти съ тамошнею церковію въ соглашеніе предварительно. И отправленіе въ Римъ діакоиссы Фивы изъ церкви кенхрейской было потому самымъ лучшимъ случаемъ для Павла: съ нею онъ отправилъ къ церкви римской посланіе, въ которомъ рекомендовалъ ей и Фиву (16, 1. 2).

Сѣмя евангелія еще довольно рано могло быть принесено въ Римъ къ іудеямъ христіанами изъ іудеевъ; и, по привѣтствіямъ, приложеннымъ въ концѣ посланія къ Римлянамъ, видно, что въ Римѣ были люди, давно принадлежавшіе къ христіанству (Рим. 16, 7). Впрочемъ, коренное общество церкви состояло не изъ іудеевъ: большая часть христіанъ въ Римѣ была языческаго происхожденія; имъ проповѣдано было евангеліе учениками Павловыми независимо отъ закона Моисеева. Поэтому и Павелъ почиталъ обязанностію писать къ нимъ, какъ апостоль языкчиковъ (1, 13. 14). Въ церкви римской обстоятельства были таковы же, каковы и вообще въ тѣхъ церквахъ, гдѣ главный элементъ былъ языческо-христіанскій и къ нему примѣшивался іудейско-христіанскій. Христіане изъ іудеевъ не могли рѣшиться признать равенства въ царствѣ Божіемъ христіанъ изъ язычниковъ, не наблюдавшихъ обрядоваго закона. Христіане изъ язычниковъ сохраняли прежнее презрѣніе къ іудеямъ, даже и обращеннымъ, которое усиливалось еще болѣе гоне-

ніями іудеевъ, воздвигаемыми противъ проповѣдниковъ евангелія (гл. 11, 12, 17).

Въ посланіи къ Римлянамъ Павелъ предлагаетъ церкви, въ которой самъ еще не могъ проповѣдывать, начертаніе существенныхъ истинъ евангелія: онъ хотѣлъ воскресить въ ихъ сознаніи то, что имъ было возвѣщено, какъ ученіе христіанства (Рим. 15, 15). Поэтому посланіе къ Римлянамъ можетъ въ особенности служить къ тому, чтобы показать, что Павелъ признавалъ сущностію евангелія. Онъ начинаетъ увѣреніемъ, что онъ не стыдится явиться съ проповѣдію евангелія и въ столицѣ образованнаго міра. Это ученіе необходимо для всѣхъ, и для іудеевъ и для язычниковъ, потому что всѣ — грѣшники. Грѣшники — язычники, потому что грѣховными пожеланіями подавили въ себѣ лучшее вѣдѣніе о Богѣ, имъ прирожденное; вслѣдствіе чего безчестили Бога и въ возмездіе за недостойное почтеніе Бога преданы были тѣмъ большимъ порокамъ (гл. 1). Іудеи хотя и имѣли правильнѣйшее познаніе о Богѣ, Богъ оказывалъ имъ особое благоволеніе, но и они не были вѣрны обязанностямъ, которыя знали, и тѣмъ еще не извинительнѣе. Отсюда видно, какъ необходимо то великое евангельское устроеніе спасенія, которое доставляетъ человѣку оправданіе, не спрашивая его собственныхъ дѣлъ правды (гл. 2 и 3).

Этотъ путь оправданія признаетъ и Ветхій Завѣтъ. У Авраама и Давида мы уже находимъ подобную праведность (4). Плоды этого Божественнаго оправданія оказываются въ человѣкѣ миромъ и радостію, — радостію не только о надеждѣ будущей славы, но и въ настоящее время. Итакъ величественно и достопоклоняемо это домостроительство спасенія. Какъ чрезъ одного человѣка все было потеряно, такъ чрезъ одного же — новаго родоначальника человѣка — все восстановлено (5).

Только освященіе наше не можетъ быть и безъ нашего соизволенія, хотя не есть рабское наблюденіе закона, но болѣе свободный плодъ живо возбужденнаго въ насъ сознанія искупленія (6). Законъ для насъ мертвъ, равно и мы въ отношеніи къ закону. Таковъ ходъ внутренней жизни: сначала человѣкъ не знаетъ никакого закона и находитъ услажденіе во всѣхъ грѣхахъ своихъ. Потомъ онъ познаетъ законъ, старается исполнить его, усиливается, порывается—и всегда падаетъ подъ бременемъ своего дѣла безсильный. Только Христосъ даетъ возможность исполнить требованія закона, вложивъ въ человѣка новое начало жизни, вѣру въ свободно дарованную ему благодать (7). Такимъ образомъ возрожденному становится возможнымъ, что невозможно было долѣ для человѣка. И окончательный исходъ его жизни есть слава. Хотя онъ и долженъ еще много терпѣть, но его ожидаетъ вѣчная неизреченная слава, которой не можетъ похитить никакая земная сила (8).— Какъ бы я желалъ, пишетъ далѣе апостоль, преклонить братій моихъ по плоти къ принятію этого ученія о спасеніи. Но ихъ упорное сопротивленіе вѣрвать во Христа преграждаетъ имъ путь къ Нему; они думаютъ, что могутъ хвалиться праведностію дѣлъ своихъ. Впрочемъ, одинъ Богъ, какъ неограниченный Владыка, можетъ открывать эти пути къ оправданію: Онъ поставилъ нынѣ единственнымъ условіемъ спасенія вѣру во Христа; это зависѣло отъ Его свободного избранія (9). Если бы Израиль принялъ эту вѣру, онъ бы спасся (10). Однако и теперь этотъ знаменитый богоизбранный народъ не навсегда отвергнутъ. Обратятся съ начала язычники, а нѣкогда и Израиль весь. И тогда откроется слава премудрости Божіей различными путями, но всѣхъ грѣшниковъ

приводящей къ одной цѣли—спасенію и единственному средству спасенія—вѣрѣ въ Искупителя.

Въ практическихъ наставленіяхъ, составляющихъ послѣднюю часть этого посланія, Павелъ входилъ во всѣ отношенія, въ которыхъ находились новыя христіане, предвидѣлъ заблужденія, которыми могли они быть увлечены и старался ихъ предостеречь отъ того. Возмутительный духъ іудеевъ, не терпѣвшихъ никакого языческаго начальства, хотя не могъ быть сильнымъ между христіанами римскими, потому что большая часть ихъ была изъ язычниковъ; но и одно неправильное разумѣніе христіанской истины легко могло подать поводъ къ подобнымъ покушеніямъ. Какъ члены царства Божія, смотря на міръ язычскій, какъ на царство злаго духа, они легко могли войти въ борьбу со всѣми настоящими своими политическими отношеніями. Удобно могло получить и ученіе о христіанской свободѣ неправильное значеніе, такъ какъ Павелъ уже и имѣлъ случаи опровергать такое грубое, плотское толкованіе (Гал. 5, 13). Желая предостеречь отъ этихъ практическихъ заблужденій, Павелъ въ особенности старался внушить христіанамъ римскимъ, что какъ вообще на гражданское начальство надлежитъ смотрѣть, какъ на Божественное учрежденіе, постановленное для опредѣленныхъ цѣлей, имѣющихъ основаніе свое въ Божественномъ міроправленіи; такъ надлежитъ смотрѣть и на дѣйствительное того времени правительство и сообразно тому вести себя по отношенію къ нему.

Подъ конецъ Павелъ касается отношеній христіанъ свободомыслящихъ къ мнительнымъ, еще зараженнымъ іудейскими предразсудками. Обстоятельства здѣсь были таковы же, какъ и въ церкви коринтской. Одни ни мало не уважали запрещеніе ѣсть идоложертвенное и смѣялись надъ скрупулезностію христіанъ

изъ іудеевъ, а эти—яденіе идоложертвеннаго прямо выдавали за грѣхъ и потому произносили осужденіе на всѣхъ, которые дерзають ѣсть все безъ различія. Такимъ же образомъ нѣкоторые привыкли считать извѣстные дни за особенно святые; свободно мыслящіе напротивъ не хотѣли полагать никакого различія между днями по отношенію къ религіи. Павелъ старается раскрыть той и другой сторонѣ, что не должно быть никакихъ споровъ, никакихъ осужденій изъ-за предметовъ столь маловажныхъ; что всѣ попеченія христіанина должны быть сосредоточены на существенномъ его благѣ, которое есть жизнь для Господа, жизнь по вѣрѣ. Участіе въ царствѣ Божіемъ состоитъ не въ употребленіи того или другаго въ пищу и питіе или не употребленіи, но въ усвоеніи небесныхъ благъ внутренняго человѣка—правды,—проистекающаго отсюда мира и радости Божественной жизни (14, 17). Той и другой сторонѣ онъ внушаетъ терпѣть другъ друга любовью, не осуждать другъ друга; каждому стараться быть твердымъ въ собственной увѣренности и по ней поступать. Впрочемъ, болѣе крѣпкіе въ христіанскомъ убѣжденіи должны снисходить къ немощнѣйшимъ.

Проведши три мѣсяца въ Ахаіи, Павелъ, собравъ деньги, намѣренъ былъ отправиться въ Іерусалимъ и такимъ образомъ заключить свои апостольскія дѣйствія на Востокъ путешествіемъ, которое должно было запечатлѣть христіанское общеніе между обѣими сторонами, изъ которыхъ состояла церковь,—утвердить единство новой церкви.

О трудах митрополита Кипріана по части богослуженія.

Требникъ митрополита Кипріана.

Служебникъ митрополита Кипріана, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей теперешняго требника: чинъ обрученія и вѣнчанія, послѣдованіе малаго и большаго водоосвященія, послѣдованіе пятидесятницы и нѣсколько молитвъ. Уже по одному этому можно было бы утверждать, что Кипріанъ принималъ, или, по крайней мѣрѣ, ему усвоилось участіе въ исправленіи и обработкѣ требника. Это мнѣніе подтверждается и наличными фактами: такъ, онъ пересылаетъ псковичамъ нѣсколько исправленныхъ статей требника, обѣщая доставить другія по изготовленіи, а въ румянцевскомъ уставѣ начала XVII вѣка упоминается о Кипріановомъ молитвенникѣ, изъ котораго заимствуется индексъ запрещенныхъ книгъ. Но сохранился ли подлинный требникъ или молитвенникъ Кипріана, и есть ли возможность приурочить его къ какому-либо изъ существующихъ памятниковъ нашей старинной литургической письменности? Такимъ памятникомъ считается обыкновенно синодальная рукопись № 375 — 326 и отчасти требникъ № 376 — 268. Въ первомъ читается позднѣйшая записъ: „писанъ съ митрополича съ кипріанова пере-

воду (т. е. подлинника, образца) слово въ слово“. А на концѣ рукописи повторена собственноручная запись изъ служебника Кипріянова съ слѣдующимъ прибавленіемъ: „съ того служебника замышленіемъ и сердечнымъ желаніемъ господаря своего Михаила Яковлича переписахъ азъ многогрѣшный Сидко Молчановъ государю своему Михаилу Яковличу“. Писецъ окончилъ свой трудъ въ 18 недѣль, въ 1481 году. На основаніи этихъ данныхъ описатели синодальной библіотеки говорятъ, что эту рукопись можно признать *вполнѣ* за списокъ съ извѣстнаго подъ именемъ *кипріанова перевода* служебника и потребника (III 204). Другіе изъ ученыхъ склоняются къ тому же заключенію, но, не распространяя своего мнѣнія на весь составъ этой рукописи, думаютъ относить къ Кипріяну только статьи общія съ служебникомъ и признаютъ ее за списокъ съ послѣдняго, сдѣланный въ XV вѣкѣ (Пресвященный Макарій Ист. р. ц. IV 279). Въ указателѣ для обзорѣнія рукописей синодальной библіотеки Архимандрита Саввы говорится въ томъ же смыслѣ. (стр. 259)! Можно ли и насколько можно принять эти мнѣнія? Рѣшеніе этого вопроса опредѣлится отношеніемъ текста рассматриваемыхъ требниковъ къ служебнику и разъясненіемъ ихъ взаимнаго сходства.

Сдѣлаемъ съ этою цѣлію сличеніе текста требника и служебника въ общихъ статьяхъ и опредѣлимъ, насколько послѣднія могутъ быть названы буквальнымъ спискомъ слово въ слово съ кипріянова перевода, какъ значитса въ припискѣ. Начнемъ съ литургій. Въ служебникѣ онѣ расположены одна за другою въ теперешнемъ порядкѣ ¹⁾; въ требникѣ *а.* въ

¹⁾ Для удобства требникъ № 375 мы будемъ отмѣчать буквою *а.*, а № 376 буквою *б.*

обратномъ. Первою записана литургія Василя Великаго, второю и третьею—Златоустова и преждеосвященныхъ; въ требникѣ *b*. порядокъ согласенъ съ служебникомъ. Въ требникѣ *a*. помѣщена только одна служба Златоустова, а *устава* нѣтъ, въ требникѣ *b*. уставъ приложенъ отдѣльно и обнимаетъ всю литургію отъ проскомидіи до конца ¹⁾. Въ служебникѣ, какъ извѣстно, уставъ литургіи соединяется съ изложеніемъ службы, а здѣсь помѣщенъ отъ него отдѣльно. Изложеніе молитвъ въ Златоустовой литургіи, за немногими незначительными разностями въ переводѣ, совершенно сходно въ служебникѣ и требникахъ ²⁾. Что же касается до изложенія устава, то оно имѣетъ свои особенности и составляетъ списокъ съ евоиміевой проскомидіи, а не съ кипріанова текста.

Нѣкоторыя изъ этихъ особенностей отмѣчены въ описаніи рукописей (стр. 204 — 205), но далеко не исчерпываютъ всѣхъ разностей. Эти послѣднія происходили между прочимъ оттого, что въ служебникѣ текстъ литургіи былъ слитъ съ уставомъ, а въ требникѣ изложенъ отдѣльно, а потому приходи-

1) Уставъ этотъ называется твореніемъ Филовея патріарха Царяграда, списаже ся смиреннымъ митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси Кипріаномъ. Благодаря этому надписанію, относящемуся впрочемъ къ одному *уставу* службы,—и всю эту рукопись нѣкоторые считаютъ за списокъ съ Кипріанова требника.

2) Въ служебникѣ—борителя, въ требникѣ—супостата. Служебникъ—побѣдѣй (неправильно), требникъ—подобѣй. Служебникъ—еще приносимъ *ти* словесную сію и безкровную жертву. Требникъ—словесную сію службу и безкровную жертву. Служебникъ (л. 31) словесную жертву. Требникъ—священную. Въ требникѣ не упоминается о чтеніи апостола и евангелія. 2-я молитва вѣрныхъ не записана по ошибкѣ писца, но на полѣ сдѣлано замѣчаніе, что ее нужно искать на концѣ службы сѣя, гдѣ она дѣйствительно и находится. Въ служебникѣ молитва: „благодаримъ Тя Владыко человеколюбче“ помѣщается непосредственно за причащеніемъ, въ требникѣ послѣ возгласа „со страхомъ Божиимъ“ и перенесенія Св. Даровъ на жертвенникъ. Въ требникѣ ничего не говорится о возгласѣ „благословеніе Господне на васъ“, обѣ отпустить, и все послѣдованіе заканчивается молитвою потребити святая.

лось присоединять кое-гдѣ обрядовыя замѣчанія въ самой службѣ. Напримѣръ въ служебникѣ очень подробно излагается порядокъ приобщенія и раздѣленія агнца, въ требникѣ же очень коротко, такъ какъ подробное изложеніе помѣщалось особою статьей и оказывалось излишнимъ въ самомъ текстѣ. Болѣе разностей замѣчается въ литургіи Василя Великаго и преждеосвященныхъ. Онѣ обнаруживаютъ другой переводъ, другой списокъ служебника, а не передѣлку кипріанова. Прежде всего это нужно сказать о молитвѣ предложенія въ литургіи Василя Великаго. Она не только отличается отъ помѣщенной въ служебникѣ Кипріана, но читается иначе и сравнительно съ тою же молитвою въ требникѣ, передъ литургією Златоуста ¹⁾). Въ обоихъ требникахъ передъ литургією преждеосвященныхъ помѣщается въ видѣ особой статьи „уставъ“. Этого устава въ служебникѣ, какъ мы видѣли, нѣтъ, и онъ внесенъ изъ другаго позднѣйшаго источника. Въ служебникѣ отсутствіе этой статьи нѣсколько вознаграждается обрядовыми указаніями въ текстѣ службы, замѣняющими отдѣльный указъ. Но такихъ указаній немного, и они ограничиваются тремя, четырьмя; именно: что молитва предложенія на преждеосвященной службѣ не говорится, относительно порядка вечерни и чтенія паремій, осѣненія свѣчами и о прибавленіи съ 4-ой недѣли поста особой ектеніи о готовящихся къ просвѣщенію. Но даже и въ этихъ замѣчаніяхъ сравнительно съ уставомъ въ

¹⁾ Служебникъ съхрани, требникъ—съблуди въ священнодѣйствіи. Служебникъ—яко благословися, требникъ освятися. Служебникъ пречестное, требникъ—всечестное. Молитва вѣрныхъ 2-ая служебникъ—посѣщай... смиреніе наше, требникъ—миръ нашъ. Въ требникѣ пропущено о пѣніи символа вѣры. Служебникъ—съ сими божественными силами, требникъ—блаженными. Выѣтообразная и въ служебникѣ и въ требникѣ переводится тождеобразная.

требникъ есть свои разности ¹⁾). Изложеніе литургіи отличается отъ служебника и имѣетъ въ основаніи другой списокъ. Въ служебникѣ записанъ ходъ вечерни до паремій только въ общемъ очеркѣ; въ требникѣ относящіяся сюда дѣйствія передаются подробно, молитвы и ектеніи пишутся вполнѣ ²⁾). Текстъ молитвъ на антифонахъ не согласенъ съ соотвѣтствующими вечерними молитвами по служебнику, особенно въ 3-й и 4-й.

Равнымъ образомъ не вполнѣ сходятся онѣ съ молитвами на вечернѣ въ томъ же самомъ требникѣ, составляя особый переводъ ³⁾). Кроме того вечернія и утреннія молитвы требника отличаются отъ помѣщенныхъ въ служебникѣ числомъ, изложеніемъ и прибавленіемъ къ нимъ краткаго порядка или устава вечерни и утрени. Въ служебникѣ вечернихъ молитвъ—10, въ требникѣ—11. Въ описаніи рукописей синод. бібліотеки число ихъ показано невѣрно, точно такъ же какъ неправильна и ссылка на Киприановъ служебникъ въ доказательство тождества ихъ тамъ и здѣсь (III. 200). Въ служебникѣ молитвы надписываются цифрами: первая, вторая и т. д., въ требникѣ по порядку антифоновъ или псалмовъ, и входная молитва (вечеръ, завтра и полудне) соотвѣтствуетъ 9-му антифону. Затѣмъ 10-ю и послѣднею

¹⁾ По служебнику „да исправится“ поетъ священникъ, по требнику—пѣвецъ, а отвѣтное, „да исправится“—пѣвцы. Когда поетъ пѣвецъ, присутствующіе «молятся лежаще на колѣну», а когда они поютъ, то же дѣлаетъ пѣвецъ. (Послѣдняго замѣчанія нѣтъ въ служебникѣ). Въ уставѣ назначается творить поклоны три по пѣніи „Господи воззвахъ“ по перенесеніи Св. даровъ, по окончаніи «и нѣ силы небесныя», Запрещается при возгласѣ „преждеосвященна Святаа Святымъ“ поднимать агнецъ: священникъ только касается агнца. Чина приготовленія агнцевъ нѣтъ.

²⁾ Болѣе важныя отличія представляетъ изложеніе молитвы вѣрныхъ и по поставленіи Св. даровъ.

³⁾ Сравненіе текста этихъ молитвъ см. приложение IV.

записывается въ служебникѣ— „на преклоненіе главъ“; въ требникѣ 10-я по счету оказывается лишнею противъ служебника и называется молитвою прилежнаго моленія, а 11-ая главопреклонною. Что же касается до устава вечерни и утрени, то онъ наводитъ насъ на нѣсколько соображеній. Видно, что этотъ порядокъ взятъ изъ позднѣйшаго устава и не соотвѣтствуетъ изложенію молитвъ, расположенныхъ по порядку антифоновъ. Вопреки указанію на антифоны, въ уставѣ нѣтъ ни малѣйшаго на нихъ намека; видно, что ихъ тогда уже не было, и соотвѣтствіе съ ними молитвъ было потеряно. Уставъ вечерни начинается такими словами: „по вечернемъ же псалмѣ (т. е. предначинательномъ) и по окончаніи молитвы глаголются сія“ т. е. начальная ектенія и т. д.; а это показываетъ, что молитвы свѣтильничныя читались уже по теперешнему во время предначинательнаго псалма, а не слѣдовали порядку вечернихъ псалмовъ или антифоновъ, какъ было прежде. Въ служебникѣ, стало быть, молитвы остались въ томъ видѣ, какъ внесены изъ древнѣйшихъ источниковъ, а порядокъ вечерни приложенъ къ нимъ уже впоследствии и стоитъ въ связи съ уставомъ іерусалимскимъ, что видно изъ замѣчанія: „аще будетъ бдѣніе“.—Тоже нужно замѣтить и относительно устава утрени. Въ немъ порядокъ молитвъ нѣсколько иной, сравнительно съ служебникомъ, но число одинаково. Въ уставѣ молитва передъ евангеліемъ и самое чтеніе евангелія указаны послѣ поліелея (какъ теперь), а въ требникѣ она поставлена 11-ою послѣ хвалитныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ сохранилось указаніе на болѣе древній порядокъ утрени, когда евангеліе читалось послѣ хвалитныхъ псалмовъ и великаго славословія. Воспоминаніе объ этомъ порядкѣ сохранилось и въ позднѣйшемъ уставѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда при встрѣчѣ

большаго праздника съ воскресеньемъ полагалось два евангелія—праздничное и воскресное. Въ такомъ случаѣ послѣднее переносилось на конецъ утрени и читалось послѣ великаго славословія и входа, а праздничное—въ обыкновенное время передъ канономъ. (См. Марк. главы, въ службѣ Благовѣщенія.) Слѣды этого порядка сохранились въ пѣсенной утрени у Симеона Солунскаго (см. нашу статью о пѣсенномъ послѣдованіи). Въ служебникѣ Кипріяна этой молитвы нѣтъ вовсе, а вмѣсто нея читается молитва „на слава въ вышнихъ“. Отсутствие ея въ служебникѣ мы объясняемъ себѣ такимъ образомъ: здѣсь составъ молитвъ принаровняется къ тогдашнему строю службы; а такъ какъ въ уставѣ Филоея евангеліе было положено только въ большіе праздники и читалось передъ канономъ, то ее исключили, или воспользовались такимъ спискомъ, гдѣ ея не было. Въ уставѣ утрени полагается молитва прилежнаго моленія—та же, что и на вечернѣ; но ея нѣтъ ни въ служебникѣ ни въ требникѣ (т. е. на утрени). И такъ, при одинаковомъ счетѣ молитвъ утреннихъ, 11-ая въ служебникѣ и требникѣ разныя, а эта разность въ свою очередь объясняется вліяніемъ древнѣйшаго и позднѣйшаго строя службы. Въ позднѣйшемъ служебникѣ, напр. Троиц. Лавр. (№ 216) молитва „возсіяй“ записана 11-ю по древнему порядку, а въ самомъ уставѣ утрени помѣщается раньше; именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь должно читаться евангеліе. Помѣщается и молитва прилежнаго моленія,—прибавка еще болѣе поздняя.

Изъ остальныхъ статей общихъ служебнику съ требникомъ наибольшую близость отличаютъ: чинъ вѣнчанія (служ. л. 124 об. треб. 232), освященія воды наканунѣ Богоявленія (служ. л. 91 об. треб. 343 об.) и молитва надъ кутією (служ. 71 об. тр.

52). Последняя сходна дословно. Больше крупная разности представляют: последование освящения воды въ 1-й день августа (служ. 102—112. тр. 331—339) и чинъ омыти мощи святыхъ (служ. 133—135. тр. 339—343). Первое мы имѣемъ въ трехъ весьма близкихъ по времени спискахъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ свои особенности не только въ текстѣ, но и въ самой группировкѣ обрядовъ или составѣ последованія, именно: въ Киприановомъ служебникѣ, требникѣ и евхологіи изъ типографской библіотеки № 129, также XIV—XV вѣка. Въ последнемъ чинѣ малаго водоосвященія имѣетъ слѣдующее заглавіе: (л. 73) „Крещенье водное (т. е. освященіе воды. Крестить—значитъ благословлять, освящать) творимое чтными стлі. се преложи ѿ федоръ епѣ ростовский. Сергѣя патриарха соулогия. И такъ, по этому указанію, переводчикомъ чина малаго водоосвященія былъ еп. Ростовскій Θεодоръ, племянникъ препод. Сергія, извѣстный основатель Симонова монастыря. Какъ извѣстно, онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь по дѣламъ митрополіи, и въ 1389 году мы встрѣчаемъ его здѣсь уже въ санѣ архіепископа Ростовскаго, полученномъ отъ патриарха Филоея. Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Киприану, съ которымъ и возвратился въ Россію.

Издержавшись во время продолжительнаго путешествія, они на путевыя издержки сдѣлали заемъ въ 2000 новгородскихъ рублей и выдали кабалу или заемное поручительство (А. И. I N 252).

Въ тоже же время изъ грамоты Кипріана къ псковскому духовенству видно, что онъ посылалъ имъ и правый списокъ августовскаго священія воды, списанный, если не имъ собственноручно, то по его распоряженію и подъ его руководствомъ; далѣе о томъ же чинѣ, какъ объ извѣстномъ, онъ упоминаетъ въ

посланиі къ Аванасію, когда говоритъ объ очищеніи церкви, если вбѣжить въ нее собака. Все указываетъ на широкое употребленіе и извѣстность этого чина во время Кипріана, но который изъ дошедшихъ до насъ отъ этого времени списковъ вышелъ изъ подъ его редакціи, нельзя рѣшить положительно, но во всякомъ случаѣ, при сравнительной оцѣнкѣ служебника и требника, преимущество должно остаться на сторонѣ перваго. Переводъ здѣсь гораздо точнѣе и ближе къ подлиннику, ¹⁾ такъ что иногда являются гречизмы, неподходящіе къ нашей практикѣ; напримѣръ— святитель вмѣстѣ священникъ, какъ читается въ требникѣ; прошеніе о благовѣрныхъ и богохранимыхъ царяхъ въ требникѣ замѣнено выраженіемъ князя. Первая большая молитва въ служебникѣ положена таже, что у Гоара и въ теперешнемъ требникѣ, именно: „Боже великій въ совѣтѣхъ и чудный въ дѣлѣхъ“; но въ требникѣ записана другая: „Боже великій вышній въ Троицѣ святѣй покланяемый“. (Въ Иосафовскомъ требникѣ ее положено читать тайно во время стихирь, — очевидно, не знали куда дѣвать. Въ Иосифовскомъ требникѣ она была исключена). Что же касается до второй тайной молитвы, то во всѣхъ трехъ нашихъ спискахъ она одна и та же: „приклони Господи ухо Твое“, но читается различно: всего правильнѣе и ближе къ подлиннику въ служебникѣ сянодальномъ, а въ обоихъ требникахъ съ дополненіями и пропусками и въ переводѣ очень неисправномъ. Не будемъ указывать разностей между служебникомъ и требникомъ въ изложеніи и составѣ чина „омыти мощи святыхъ потребы ради“; ограничимся замѣчаніемъ, что онѣ начинаются съ заглавія, замѣчаются въ составѣ стихирь, но главное—въ изложеніи заклю-

¹⁾ Мы беремъ за основу греческій текстъ этого чина у Гоара.

чительнаго обряда омовенія мощей водою (которая затѣмъ употребляется нуждающимися) и въ числѣ молитвъ. Въ служебникѣ записывается только одна: „Боже великій и великоименитый“, а въ требникѣ двѣ: эта послѣдняя и другая: „Господи Боже нашъ Тебѣ молимся и Тебѣ пожремъ жертву хваления“. Вообще въ требникѣ обрядъ длиннѣе и оканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ, котораго нѣтъ въ служебникѣ: „начинаючи воду пити, глаголи се: се дается вода и сила честнаго креста рабу Божию имя рекъ на исцѣленіе и на отданіе грѣховъ въ жизнь вѣчную“ (л. 343). Въ библиотекѣ нашей Академіи есть требникъ или молитвенникъ (№ 83), ¹⁾ въ которомъ чинъ „омыти моща“ приписывается митрополиту Кипріану и предваряется слѣдующимъ замѣчаніемъ: списаніе сему ѿ грѣческыи книгъ. смиренныи митрополитѣ кїѣскыи и всеа рѣси кипріаномъ. (л. 163) Вотъ указаніе, хотя и позднѣйшее, на нашего митрополита, какъ на переводчика, или излагателя, этого послѣдованія. Но что мы видимъ, при сравненіи его съ тѣми же чинами, приписываемыми Кипріану, въ его (такъ называемомъ) служебникѣ и требникѣ? Не только новое изложеніе, но и особый составъ, особую редакцію, не подходящую ни къ тому, ни къ другому. Такъ стихиры читаются въ иномъ числѣ и по-

1) На первомъ его листѣ четкимъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, записано:

Служебникъ (въ оглавленіи онъ называется молитвенникомъ) семеновской протопопа Московскаго, духовника государскаго, въ иноцѣхъ Симона, родомъ Псковитина, вѣрою и любовію и добрыми дѣлами украшена, пачеже милостынею славна и дивна бывша паче всѣхъ, постриженника пречистыя обители Іосифова монастыря при игуменѣ Евфиміи Худомъ.

А данъ по душѣ его, держать на свидѣтельство, а попомъ по кельямъ не давать развѣ игумена или на путь. Кто учнетъ служить по нему пожаловать помянуть священноінока Симона у престола Христова.

рядкѣ, положены апостолъ и евангеліе и двѣ молитвы, а заключеніе обряда читается слѣдующимъ образомъ: „и посемь омываетъ мощи святыхъ или крестъ въ воду вложивъ свящавъ ю, разъемлютъ и пѣють отъ нея, и отпустить (т. е. священникъ) я съ миромъ“. Въ служебникѣ это замѣчаніе изложено короче: „омываютъ мощи и воду разъемлютъ болящии на потребу, и отпустить“.

Итакъ, три разныя изложенія заразъ имѣють притязаніе на происхожденіе отъ Кипріана; а послѣднее настаиваетъ на этомъ съ особою силою: на чьей сторонѣ правда, должно рѣшить не надписаніе, а ближайшій анализъ текста и другія соображенія.

Мы сличили текстъ служебника и требника кипріанова въ полномъ составѣ общихъ тому и другому статей и сдѣлали это съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность дать фактически обоснованный отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи этихъ рукописей одна къ другой и рѣшить, насколько требникъ № 375 можетъ оправдать находящуюся во главѣ его записку, „что онъ списанъ съ служебника Кипріана слово въ слово“. Замѣчаніе это оказывается несправедливымъ не только въ отношеніи полного состава служебника, но и относительно литургій, т. е. и того небольшого отдѣла этой рукописи, которая заключается извѣстною припискою отъ имени Кипріана. Оказывается, что даже и въ статьяхъ наиболѣе сходныхъ, онъ былъ списываемъ съ разныхъ подлинниковъ, подвергался передѣлкамъ и исправленіямъ. Такимъ подлинникомъ для литургій служила редакція евоиміева ¹⁾. Въ литургіи преждеосвященныхъ и въ изложеніи молитвъ вечернихъ и утреннихъ, не говоря о разностяхъ въ переводѣ, замѣчается еще вліяніе иного

¹⁾ Мы отнесли ее ко второму типу служебниковъ.

устава и иного строя службы. Сидко Молчановъ, переписавшій, по желанію господара своего Михаила Яковлича, служебникъ, имѣлъ подъ руками списокъ, надъ которымъ стояло имя митрополита Кипріяна и была повторена извѣстная его запись. Но списокъ не былъ точною копіею съ кипріянова перевода, а считался такимъ, можетъ быть, потому, что во главѣ его стояла литургія, имъ исправленная. Нѣтъ нужды, что уставъ ея изложенъ былъ здѣсь особо, какъ въ служебникѣ Евѳимія, но разъ онъ сдѣлался у насъ извѣстенъ при посредствѣ Кипріяна и составлялъ съ литургіею одно цѣлое, этого было довольно для позднѣйшаго переписчика, чтобы приписать тому же лицу не только литургію, но и другія статьи, которыя вошли въ этотъ требникъ частію изъ извѣстнаго съ именемъ Кипріяна служебника, частію изъ другихъ списковъ евхологія. Не прошло и сотни лѣтъ послѣ Кипріяна, какъ случилось это недоразумѣніе, и имя нашего митрополита, литургиста, очутилось во главѣ статей ему не принадлежащихъ. Требникъ № 375 написанъ въ 1481 году, а въ него уже вошло не мало такихъ службъ, которыя съ именемъ Кипріяна не имѣютъ ничего общаго, а другія настолько расходятся въ изложеніи съ его служебникомъ, что могутъ быть признаны по меньшей мѣрѣ новымъ переводомъ и новою редакціей. Переписчики въ этомъ случаѣ были очень неразборчивы и, на основаніи нѣсколькихъ статей, заключали къ принадлежности Кипріяну и полного сборника. Подобныя злоупотребленія именемъ авторовъ были вообще нерѣдки въ старинной письменности и часто основывались на извѣстности того или другаго лица въ извѣстномъ родѣ литературы. Напр. Θεодосій печерскій, Златоустъ и Кириллъ туровскій, какъ гомилеты; Θεодоръ Студитъ, какъ составитель тріоди. Или вотъ примѣръ болѣе

близкій и наглядный. Въ библиотекѣ нашей Акад. есть слѣдованная псалтирь XV-XVI вѣка съ записью на концѣ: „пѣтыря (sic) кипріановъ перево^а а письмо Герасима Замытского а по келіа^а ея не дають а держать ея на свидѣтельство“¹⁾). На основаніи приписки можно было бы считать эту рукопись кошею съ кипріановой слѣдованной псалтири; но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и приводить эту псалтирь во свидѣтельство, въ полномъ ея составѣ, было бы неосновательно. Она писана двумя разными почерками и съ двухъ подлинниковъ, изъ которыхъ однимъ былъ кипріановъ автографъ, а другимъ списокъ отличный отъ него по составу и изложенію. Къ первому относится псалтирь и часословъ, сходные дословно, списанные буква въ букву, не исключая описокъ; изъ второй взяты мѣсяцесловъ. Не говоримъ о статьяхъ дополнительныхъ, которыхъ въ кипріановомъ списокѣ не находится. Подобное случилось и съ кипріановымъ служебникомъ даже въ томъ составѣ, какой былъ усвоенъ ему въ XV вѣкѣ, въ списокѣ синодальномъ. Разъ начавшіяся дополненія продолжали увеличиваться съ новою силою и довели объемъ его до такого широкаго размѣра, какой представляютъ напр. синодальныя рукописи № 375—376.

Въ типографской библиотекѣ находится рукописный требникъ (№ 129—1278), въ которомъ между прочимъ записано „поученіе“, или пастырское наставленіе священникамъ, отъ имени митрополита Кипріана (л. 172). Оно начинается словами: „се тобѣ чадо гѣ поручи щѣ^а на службу“, а лицо, выдавшее его, говоритъ о себѣ: „азъ смиренный архіеппъ Кипрїимъ

¹⁾ Та же запись повторена на л. 454, и кромѣ того, въ началѣ рукописи, на внутренней сторонѣ доски написаны слова: „письмо Герасима Замытскаго“, а наверху перваго листа: „псалтыря кипріановъ переводъ“.

митрополитъ дѣла не имамъ“ и т. д. (л. 180). Но изъ этого, конечно, еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы и самый требникъ былъ списанъ съ кипріанова. И дѣйствительно, по составу онъ не подходитъ ни къ одной изъ вышеназванныхъ кипріановыхъ рукописей. Вечернія молитвы приводятся въ числѣ 7,—меньше той цифры, которая указана въ отвѣтахъ Аѳанасію. (Здѣсь 7-ая входная, 8-я по окончаніи вечерни). Чинъ августовскаго водоосвященія называется переводомъ Оеодора Ростовскаго; въ чинѣ пятидесятницы нѣтъ молитвы филоеевой; при воцерквленіи упоминаются кумъ и кума, вопреки наставленію Кипріана исковичамъ, чтобы впредь при крещеніи не было у нихъ кума и кумы, но кто нибудь одинъ. Записанъ чинъ исповѣданію, котораго нѣтъ въ прочихъ рукописяхъ. Къ сожалѣнію, рукопись дурно сохранилась и пострадала отъ времени: въ ней недостаетъ литургіи Златоустовой въ началѣ и многихъ листовъ въ концѣ.

Такимъ образомъ, по рукописямъ, за которыми надписаніе усвоаетъ названіе кипріановыхъ, нельзя опредѣлить, что именно въ нихъ принадлежитъ Кипріану и что нѣтъ, и какой изъ называемыхъ его именемъ списковъ требника стоитъ ближе къ его автографу. Мы не затрудняемся признать это право за изложеніемъ литургіи въ синодальномъ служебникѣ (№ 341—601), но что касается до чиновъ и обрядовъ требника, то при сравненіи ихъ между собою, по разнымъ рукописямъ quasi кипріанова перевода, встрѣчаешься съ такими разногласіями, при которыхъ становится невозможнымъ придти къ положительнымъ заключеніямъ, а потому и вопросъ о степени участія Кипріана въ обработкѣ и исправленіи тогдашняго требника не поддается фактическому рѣшенію и можетъ быть сведенъ къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ. То, что мы имѣемъ

въ трехъ названныхъ синодальныхъ рукописяхъ, составляетъ, собственно говоря, только матеріалъ для характеристики церковнаго обряда на Руси въ XIV XV вѣкѣ, а не результатъ трудовъ нашего митрополита по части богослуженія. Даже и воспользоваться этими данными, въ качествѣ обрядоваго матеріала извѣстной эпохи, не такъ легко, какъ это кажется съ перваго взгляда, особенно, когда дѣло дойдетъ до подведенія итоговъ и извлеченія общаго вывода. Дѣло въ томъ, что, для сужденія о состояніи обряда въ извѣстную эпоху, необходимо сравнительное изученіе ея съ предшествующею; потому что только тогда можно положительно сказать, что въ данную эпоху было выработано новаго и какимъ измѣненіямъ подвергалось прежнее. Примѣняя это требованіе къ нашему вопросу, мы должны сказать, что отъ XII—XIII вѣка до насъ дошло очень небольшое число служебныхъ книгъ, и едва ли не самое меньшее—евхологіевъ. Для исторіи литургіи, эти столѣтія даютъ еще значительный матеріалъ и позволяютъ вести ея исторію безъ перерыва, но что касается до послѣдованій требника (въ теперешнемъ смыслѣ этого слова), то ихъ сохранилось очень немного въ записяхъ; по крайней мѣрѣ намъ лично извѣстны они на перечотъ. Назовемъ нѣсколько обрядовъ и молитвъ въ студійскомъ синодальномъ уставѣ XII вѣка, отрывки изъ требника XIV—XV вѣковъ, въ собраніи рукописей Григоровича въ Публичномъ музеѣ, синод. требники до-кипріановской редакціи (№ 371—72), требникъ XIV вѣка неполный изъ бібліотеки Троицкой Лавры, такого же состава—отъ первой половины XIV вѣка—изданный Обществомъ Любителей Древней Письменности (1878 г. XXIV) и разнаго рода молитвы требничнаго круга въ служебникахъ синодальныхъ XII—XIII вѣка. Если прибавить къ этому греческіе

списки требника отъ XII — XIV вѣка, мы будемъ имѣть почти все главное, что осталось отъ этого времени и можетъ служить источникомъ для сравненія. Мы конечно далеки отъ мысли прослѣдить эти разности по всѣмъ указаннымъ спискамъ и во всѣхъ подробностяхъ обряда;—это потребовало бы цѣлой монографіи—ограничимся на этотъ разъ общими выводами изъ этого матеріала и сопоставимъ между собою только наиболѣе крупныя и выдающіяся данныя.

1) Греческіе евхологіи, въ XII—XIII вѣкѣ, какъ можно судить по гоарову изданію и савостьяновскому списку, въ Публичномъ музеѣ, заключаютъ не только послѣдованіе таинствъ, но и значительное число отдѣльныхъ молитвъ на разные случаи, не говоря о молитвахъ на вечернѣ, утренѣ и относящихся къ пѣсенному послѣдованію. Только эти послѣдованія далеко не всѣ достигли полноты и округленности въ обрядовомъ отношеніи, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ записаны только однѣ молитвы безъ указанія чина или обрядовой обстановки. Напримѣръ, молитвы надъ кающимися замѣняютъ полный чинъ покаянія, молитвы надъ больными—подробное изложеніе елеосвященія, служба вечерни пятидесятницы ограничивается однѣми молитвами колѣнопреклоненія съ немногими указаніями на ходъ самой вечерни, точно такъ же какъ и чинъ умовенія ногъ въ великій четвергъ записывается подъ именемъ: *τὰ διακονία τῆς ὑπέρου* (φ 92). Изъ обрядовъ таинствъ подробно записывается только чинъ крещенія, но нѣтъ еще молитвъ надъ младенцемъ и родильницею. Обрядовъ брака вовсе не записано, елеосвященіе представляется нѣсколькими молитвами: Въ сравненіи съ савостьяновскимъ спискомъ, синодальный евхологіи Іоанна Кантакузена (XIV вѣка) дѣлаетъ значительный шагъ впередъ: онъ представляетъ развитый и хорошо обставленный

порядокъ обрядовъ въ такихъ послѣдованіяхъ, для которыхъ въ савостьяновскомъ требникѣ положены однѣ только молитвы. Наприм., елеосвященіе, примѣнительно къ числу семи священниковъ, имѣеть семь чтеній и столько же молитвъ; помазаніе больного происходитъ въ семь приемовъ, но канона еще не записано; этотъ канонъ съ акростихомъ Арсенія читается въ другомъ савостьяновскомъ спискѣ (XV вѣка № 472—473); но акростихъ не выдержанъ и разбитъ. Чинъ умыванія, богоявленскаго водоосвященія и другихъ послѣдованій такъ же изложены подробно, читаются весьма близко къ теперешнему требнику и примѣнены къ обычаямъ устава іерусалимскаго.

2) Славянскіе списки евхологіевъ представляютъ ту же градацію. Въ самыхъ раннихъ, — а такими остались для насъ статьи и молитвы при служебникахъ XII—XIV вѣковъ и въ уставахъ студійскихъ — читаются однѣ молитвы, но обрядовой обстановки или послѣдованій еще нѣтъ. Исключеніе составляютъ обряды крещенія и брака, которые ранѣе другихъ округляются и принимаютъ систематическій видъ. Но, что составъ древняго молитвенника, обращавшагося на Руси въ XII—XIV вѣкахъ, былъ уже очень значителенъ и обнималъ множество молитвъ и службъ на разные случаи житейской и приходской практики, доказательствомъ могутъ служить указанія на эту сторону дѣла въ вопросахъ Кирика, въ правилѣ митрополита Іоанна, въ Печерскомъ патерикѣ, лѣтописяхъ и другихъ историческихъ источникахъ. Полной записи молитвенника отъ этого времени до насъ не дошло, но составъ его, безъ сомнѣнія, былъ много отличенъ отъ теперешняго. Кромѣ относительной краткости, онъ не былъ еще упорядоченъ и не приведенъ

въ систему даже и такую, въ какой, напримѣръ, являются у насъ записи XIV—XV вѣка.

3) Съ XIV вѣка число славянскихъ рукописныхъ требниковъ начинаетъ увеличиваться, а въ XV являются такія полныя записи, какъ синодальныя № 374—376, заключающія до 180 статей литургическаго и каноническаго содержанія. Благодаря болѣе близкимъ сношеніямъ съ Востокомъ, наши церковныя власти заботятся о соглашеніи славянскихъ служебныхъ чиновъ съ греческими, усваиваютъ себѣ результаты тамошняго литургическаго движенія и стремятся довести уровень обряда до той высоты на которой онъ стоялъ тамъ при патріархахъ Каллистѣ, Исидорѣ и Филоеѣ. Московскіе митрополиты принимаютъ на себя эту заботу и, при посредствѣ восточныхъ властей, вводятъ новыя чины и устанавливаютъ дополнительную, детальную сторону евхологія. Вопросы по исправленію обряда занимаютъ митрополитовъ Кипріяна и Фотія и вызываютъ съ ихъ стороны рядъ практическихъ мѣръ къ осуществленію этой мысли. Значительный вкладъ въ эту область дѣлаетъ Аѳонъ, и памятникомъ живыхъ книжныхъ сношеній съ нимъ, особенно же съ Хиландаремъ, является множество рукописей служебнаго содержанія сербскаго извода, дошедшихъ отъ XIV—XV вѣковъ, а между ними и нѣсколько требниковъ. Такимъ образомъ происходило увеличеніе состава требника, и въ него входили чины и молитвы, которыхъ дотолѣ не было. Въ отношеніи литургіи такою крупною прибавкою было введеніе устава Филоеева и чинъ литургіи преждеосвященныхъ, стоявшій съ первымъ въ необходимой связи и служившій существеннымъ его продолженіемъ. Обряды крещенія дополняются молитвами надъ родильницею и новорожденнымъ, чинъ елеосвященія сопровождается канономъ Арсенія, и молитвы умовенія ногъ

въ великій четвергъ начинаютъ совершать послѣ замвонной молитвы, а не передъ литургіею, какъ было принято въ уставѣ Алексѣевомъ, по обычаю великой церкви. Феодоръ Ростовскій переводитъ въ Константинополѣ чинъ малаго освященія воды, и съ его именемъ это послѣдованіе заносится въ типографскій требникъ № 129. По рукописи нашей Академіи (№ 183, XVII вѣка) ему приписывается переводъ молитвы Филоея, глаголемой на покрестьи (литія, крестный ходъ), егда гладъ наведеть. Кипріанъ посылаетъ псковичамъ синодикъ правый цареградскій, который чтуть въ великой Софїи, прибавивъ къ нему уставъ, какъ великихъ князей поминати, переводитъ канонъ Филоея въ нашествіе враговъ и другія его молитвы. Въ требникѣ и другихъ служебныхъ книгахъ XV вѣка мы уже находимъ большое число молитвъ и канонѡвъ константинопольскихъ патріарховъ XIV вѣка, а нѣкоторыя изъ этихъ произведеній становятся извѣстными въ славянскомъ переводѣ и того раньше. Молитвы Каллиста и Филоея вытѣснили изъ употребленія нѣкоторыя изъ прежнихъ подобнаго же содержанія и вошли въ требникъ на ряду съ оставшимися. Тоже случилось съ ними и у насъ на Руси. Особенно много встрѣчается ихъ въ сербскомъ требникѣ изъ синодальной библіотеки (XV в. № 374). Тутъ читается и молитва индикту (Филое.), и прибавочная на вечернѣ пятидесятницы, каноны и молитвы на безвѣдріе, засуху и отвращеніе непріятельскихъ нашествій и нѣсколько другихъ также мѣстно-византійскаго происхожденія. Нѣкоторыя изъ нихъ вносились въ славянскіе требники безъ имени составителей и, получивъ мѣстную переработку, принимались за произведенія славянскія. Такъ случилось съ молитвою „егда поставятъ митрополита и входитъ первѣе въ градъ и чтеть сію молитву предъ градомъ“. Подъ этимъ на-

званіемъ она читается въ синодальной рукописи № 374. Описатели синодальной бібліотеки признали ее за молитву сербскаго происхожденія, съ оговоркой „вѣроятно“, (Ш стр. 170) на томъ основаніи, что въ концѣ ея призываются на помощь Симеонъ и Савва сербскіе. Основываясь на этомъ отзывѣ, какъ мы видимъ, не положительномъ, а условномъ, въ гласникѣ Сербскаго Дружества 1866 г. эта молитва названа „од све прилике српскаго порекла“ и издана слово въ слово съ синодальной рукописи (144—149). На самомъ же дѣлѣ, молитва эта есть не что иное, какъ переводъ съ нѣкоторыми перифразами и вставками пастырскаго слова Филоея при вступленіи его на ираклійскую митрополию. Въ синодальномъ спискѣ сочиненій Филоея она называется: *ευχη επιβατηριος τυ επορευε отε πρωτου εισηλθωμεν εις την Ηρακλειαν* (§ 43), т. е. молитвою вступительною. Это — коротенькое пастырское слово, въ которомъ сознаніе трудности и важности архіерейскаго поприща соединяется съ желаніемъ новой паствѣ вѣшняго благополучія и нравственнаго улучшенія.

4) Въ виду этого наплыва новыхъ молитвъ и послѣдованій, становилось все болѣе и болѣе необходимымъ разбраться въ массѣ накопившагося литургическаго матеріала, подвести ему итогъ, ввести въ кругъ служебныхъ книгъ и согласить съ прежними обрядами. Эту задачу, по отношенію къ требнику, приняли на себя митрополиты Кипріанъ и Фотій, но, какъ ее выполнили, въ виду невозможности (говоримъ это за себя) опереться на подлинныя труды Кипріана, сказать не умѣемъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ труды можно было бы считать увѣнчавшимися успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы просмотръ и редакция чиновъ требника были проведены послѣдовательно и всесторонне, если бы дѣло ограничилось не рекомен-

дацію и сообщеніемъ просмотрѣнныхъ одиночныхъ чиновъ, а выразилось изданіемъ полнаго исправленнаго требника, и это исправленіе коснулось бы сколько содержанія и состава, столько же и текста требничныхъ службъ. Въмѣсто этого мы видимъ въ евхологіяхъ славянскихъ XV в. постепенное нарастаніе служебнаго матеріала. Они разрастаются въ обширные сборники чрезвычайно разнообразныхъ чиновъ, службъ, молитвъ и становятся проводниками практики великой церкви, Аѳона и земель южнославянскихъ. Такъ называемый служебникъ Кипріяна очень коротокъ, не имѣетъ даже такихъ необходимыхъ для пастырской практики службъ, какъ исповѣдь, браковѣчаніе, елеосвященіе, не говоря объ отсутствіи весьма многихъ, необходимыхъ, молитвъ на частные случаи. Требникъ № 375 отличается противоположнымъ качествомъ: это сборникъ чрезвычайно разнообразнаго матеріала и для практическаго употребленія не годится; изъ него нужно было многое исключить, чтобы примѣнить къ практикѣ приходскаго духовенства и сдѣлать доступнымъ для пользованія. Кромѣ одного чина на возстановленіе поколебавшейся трапезы, читается вслѣдъ за нимъ на тотъ же случай *уставъ иной* (Опис. III 200); тутъ же помѣщаются молитвы на вѣчаніе царя и привѣтствіе ему патріарха въ четвергъ святой недѣли (заимствовано изъ обрядника в. церкви), обряды при крещеніи оглашенныхъ въ великой церкви, кругъ молитвъ пѣсеннаго послѣдованія, и въ то же время нѣтъ полнаго чина покаянія. Въ требникѣ № 376—тоже эклектическое направленіе, отсутствіе опредѣленной цѣли въ выборѣ статей, и въ добавокъ — нѣсколько апокрифическихъ молитвъ суевѣрнаго характера, конечно не входившихъ въ планы Кипріяна. Вопросы, съ которыми обращался къ нашему митрополиту игуменъ Аѳанасій, лицо въ

своемъ родѣ выдающееся и сознательно знакомое съ церковнымъ уставомъ, показываютъ, что тогда еще не условились на счетъ числа молитвъ священника на вечернѣ и утренѣ, затруднялись, какъ хоронить священника мірскаго и монаха и оставались въ недоумѣніи относительно многихъ другихъ случаевъ. Положимъ—это вопросы болѣе или менѣе казуистическіе, отъ которыхъ несвободно никакое время: изчерпать ихъ вполнѣ невозможно, но замѣчательно, что многіе изъ нихъ не принадлежатъ къ числу мелкихъ, а отвѣты на нихъ не рѣдко можно было находить въ тогдашнихъ служебныхъ книгахъ. Русская практика, не имѣя надежнаго руководства, находилась въ положеніи затруднительномъ и стояла ниже тѣхъ средствъ, которыми могла бы располагать на основаніи тогдашнихъ источниковъ церковной практики. Крупное и мелкое, болѣе важное и незначительное въ такихъ сборникахъ, какъ требники XIV—XV вѣка, не было отдѣлено другъ отъ друга и служило затрудненіемъ при усвоеніи и пользованіи необходимымъ служебнымъ матеріаломъ. Были, безъ сомнѣнія, евхологіи болѣе краткіе и болѣе подходящіе къ практикѣ приходской, но опредѣленнаго типа подобныхъ служебниковъ не выработалось: они не оставили виднаго слѣда въ церковномъ быту и неизвѣстны въ тогдашней литургической письменности.

Псалтирь митрополита Кипріана.

Эта рукопись принадлежитъ бібліотекѣ Московской Духовной Академіи и писана Кипріаномъ собственноручно. Это подтверждается двумя записями, изъ которыхъ первая, вырѣзанная изъ подлинной рукописи и наклеенная на прибавленномъ бѣломъ листѣ, гласитъ: *псалты митрополича кипрїанова писма, бѣ*

игуменсково бѣвнѣа не давати ея никому иншѣ монастыреи постриженикѣ; а вторая—на нижнемъ краю 4-го и 5-го листа по теперешнему счету—(но прежде это были первый и второй листъ), читается: сия книга троецкаа сергіева монастыра а писмо киприанана. По составу своему эта рукопись всего болѣе подходить къ слѣдованной псалтири и состоитъ изъ слѣдующихъ частей. Первая, по 144 листъ включительно, содержитъ 150 псалмовъ съ дополнительнымъ 151 и библейскія пѣсни. ¹⁾ Вторая, листы 145—191, „часословець“ излагаетъ порядокъ всеневныхъ сутокныхъ службъ отъ полунощницы до малой павечерницы и заключается сказаніемъ о воздвиженіи Пресвятыя (чинъ панатіи). Въ третьей, листъ 191—264, содержится синаксарь или мѣсяцесловъ съ тропарями и кондаками на каждый день и съ замѣчаніями на счетъ службы въ большіе праздники. Введеніемъ къ ней служить статья о различіи праздниковъ большихъ, среднихъ и малыхъ. Въ четвертой части, листъ 264 об. 291, записана служба по тріоди, начиная недѣлею мытаря и фарисея до недѣли всѣхъ святыхъ включительно. Пятая и послѣдняя, листы 291 — 408 об., состоитъ изъ молитвъ, каноновъ, разныхъ церковныхъ пѣсней и послѣдованій на разные случаи. Конца не достаеъ за утратою послѣднихъ листовъ.

Псалтирь Кипріяна составляетъ весьма важный литургическій памятникъ и можетъ служить древнѣйшимъ образцомъ полной слѣдованной псалтири. Изъ греческихъ рукописей этого рода, ранѣе ея, намъ извѣстенъ только одинъ списокъ часослова аеонскаго монаха Фикары, (синодальной библіотеки № 269,

¹⁾ Конецъ 8-й пѣсни и начало 9-й, за утратою листа, не сохранились.

1341 года), а изъ славянскихъ два—три списка часослова изъ типографской библіотеки, относимые по каталогу къ XIII—XIV вѣкамъ, да весьма замѣчательная по составу псалтирь съ шестодневомъ изъ синодальной библіотеки № 431—325. Всѣ онѣ, впрочемъ, далеко уступаютъ кипріанову списку въ полнотѣ служебнаго матеріала и заключаютъ: или только псалмы съ библейскими пѣснями, или порядокъ суточныхъ службъ безъ псалтири и многихъ послѣдованій, записанныхъ въ рукописи кипріановой. Но главное, чѣмъ отличается эта послѣдняя, такъ это широкою постановкою синаксаря и особенно тріодной части. Здѣсь не только записаны тропари съ кондаками, но введены цѣлыя статьи изъ устава и много правилъ о постѣ и особенностяхъ службы по тріоди.

Для характеристики современнаго митрополиту Кипріану служебнаго строя и тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался для ознакомленія русскихъ съ тогдашними церковными порядками, рукопись нами разсматриваемая имѣетъ большую историческую цѣнность и даетъ нѣсколько положительныхъ указаній.

Прежде всего она указываетъ на господство у насъ іерусалимскаго устава и на его широкое примѣненіе въ тогдашней литургической практикѣ. Псалтирь Кипріана самымъ тѣснымъ образомъ связана съ этою отраслюю, или лучше сказать, съ полными списками этого устава, дошедшими до насъ отъ XIV — XV вѣковъ. Порядокъ суточныхъ службъ излагается въ ней согласно съ общею частію греческихъ и славянскихъ уставовъ того времени, совпадаетъ съ указаніями Симеона Солунскаго и съ изложеніемъ рукописныхъ и печатныхъ часослововъ какъ греческихъ, такъ и славянскихъ, а потому называется часословцемъ.... по уставу иже въ Іерусалимѣ лавры Преподобнаго отца нашего Саввы (листь 145). На

томъ же основаніи излагается и синаксарь, или служба по мѣсяцеслову, какъ замѣчено въ надписаніи этого отдѣленія. Правда, нѣтъ фактическихъ данныхъ для отличія синаксаря студійскаго отъ іерусалимскаго и для проведенія твердой грани, отдѣляющей составъ памятей по этимъ двумъ источникамъ: за неимѣніемъ положительнаго критерія, научное оправданіе этого раздѣленія становится невозможнымъ. Но въ мѣсяцесловной части есть другая сторона, въ которой отражается вліяніе уставовъ: это не составъ и группировка памятей, а служебныя замѣчанія и правила о постѣ, имѣющія основанія въ практикѣ студійской и палестинской. Такъ напримѣръ въ псалтири Кипріяна для большихъ праздниковъ и воскресеній назначаются бдѣнія. Одни изъ нихъ обязательны безусловно, другія оставляются на разсужденіе настоятеля, согласно съ замѣчаніями на этотъ счетъ въ іерусалимскихъ типикахъ. Объ агрипніяхъ въ нашей рукописи упоминается на листахъ 195 (оборотѣ), 221, 223, 232, 267, 288 (оборотѣ), 289 и другихъ.

Еще замѣтнѣе выдается эта черта въ тріодной части. Здѣсь, собственно говоря, составитель выступилъ за предѣлы псалтири слѣдованной и дѣлалъ обширныя, часто буквальныя выписки изъ іерусалимскаго устава. Поэтому мы находимъ здѣсь не только типичныя, но и большую часть обыкновенныхъ заурядныхъ правилъ, свойственныхъ этой отрасли устава, на счетъ службы великаго поста и пятидесятницы, и наглядно знакомимся съ изложеніемъ тріодной части по уставу, дѣйствовавшему на востокѣ и у насъ въ XIV—XV вѣкахъ. Не дѣлая подробнаго сличенія текстовъ, приведемъ лишь нѣсколько указаній болѣе наглядныхъ и характерныхъ. Напримѣръ, въ основаніе разрѣшенія на сыръ и яица въ среду и пятницу сырной недѣли положено правило патріарха

Никифора, но оно приводится не точно, но примѣнительно къ палестинскому обычаю справлять въ эти дни не литургію преждеосвященныхъ, а часы съ вечернею; а потому и подлинное правило, гдѣ рѣчь идетъ о трапезѣ «μετὰ τῶν προηγουμένων», измѣнено такъ: подобаетъ..... *по отпущеніи вечерни* ясти сырѣ и яица идеже: любо аще обрѣтается (265 оборотъ). Вѣроятно на основаніи того же устава назначается на первой недѣлѣ справлять преждеосвященную службу только по середамъ и пятницамъ: се бо прѣяхѡ ѿ лавры прѣбнаго ѡца нашего Савы и ѿ кинovia бгносна ѡца нашего евеиміа (листъ 275). Совершенно согласно съ нынѣшнимъ уставомъ дѣлается замѣчаніе о несовершеніи какъ преждеосвященной, такъ и полной литургіи въ великую пятницу и о томъ, какъ нужно въ этотъ день поститься (листъ 281). Не говоримъ объ общемъ строѣ службы, повторяемъ во многихъ случаяхъ характерныя черты извѣстныя изъ Никона Черногорца, изъ синодальнаго устава № 456 и изъ другихъ славянскихъ памятниковъ XIV—XV вѣка.

Но уставъ іерусалимскій, особенно въ первое время своего распространенія, былъ принятъ и дѣйствовалъ не въ чистомъ видѣ (который остается впрочемъ и неизвѣстнымъ по отсутствію болѣе или менѣе полныхъ записей до XIII вѣка), но съ дополненіями изъ практики другихъ мѣстностей. На Аѡнѣ, въ Константинополѣ, въ Антіохіи мѣстные церковныя порядки сталкиваются съ практикою іерусалимскою, и результатомъ этого столкновенія являются такія, на примѣръ, разнохарактерныя изложенія службы, какъ въ синодальной псалтири № 431. Такъ и въ киприановомъ часословѣ, несмотря на преобладаніе іерусалимскихъ порядковъ службы, упоминаются обычаи аѡнскіе и съ правами обычаевъ компетентныхъ. Эти

послѣдніе внесли значительную долю вліянія на обработку іерусалимскаго устава въ XIV—XV вѣкахъ и нейтрализовали его чистый типъ. Мы уже замѣтили, что подъ вліяніемъ аеонскихъ обычаевъ получили измѣненіе палестинскія правила о постѣ, или, лучше сказать, подверглись мѣстной переработкѣ. Сводная таблица этихъ правилъ, составленная Никономъ Черногогорцемъ на основаніи іерусалимскихъ, святогорскихъ и студійскихъ типиковъ, показываетъ, въ чемъ они сходились и чѣмъ отличались. Такъ въ псалтири киприановой порядокъ суточныхъ службъ излагается примѣнительно къ одиночному ихъ отправленію въ келліи, согласно съ устройствомъ скитскихъ монастырей и принятымъ издавна на Аеонѣ келейнымъ правиламъ. А потому одна и та же служба изложена и для общаго, и для одиночнаго исполненія, такъ что когда нѣтъ іерея, службу отправляетъ братъ (листъ 154 оборотъ). Въ синодальной псалтири № 406 келейное правило полунощницы положено отъ лица патріарха Филоея, якоже повелѣнъ творити ученику своему, но имя Филоея тѣсно связано съ Синаемъ и Аеономъ, гдѣ онъ получилъ богословско-аскетическое образованіе. Есть цѣлыя статьи, взятыя изъ аеонской практики, и дополненія къ уставу, сдѣланныя аеонскими монахами; на примѣръ извлеченіе изъ типика Святой горы о поклонахъ ¹⁾ (листъ 191), канонъ отцамъ и троичныя припѣвы Григорія Синаита (листы 291, 301). Въ канонѣ Григорія Синаита между похвалами разнымъ подвижникамъ читается слѣдующее обращеніе къ Аеону: горо бѣтвнаа. (символическій эпитетъ Богоматери) гору аеонскуа влчѣе схранѣи рѣно. храмбо твои ѣ и дѣ и полата и

¹⁾ См. приложение V.

бѣтвное селеніе. яко скрѣвица невестественнаа нынѣ
 ѿбогачши имѣ стѣ пѣвца твоа отроковице.... (л.
 293) Горѣ твоа стѣ отроковице, въ неже вси
 живѣ и иноци и смѣсни съхранѣи дво въ вса вѣкы.
 (294 об.) Горы стѣ прѣстателю аѳанасіе блѣне
 инокющѣ похвало словація и свѣтлаа. павель прѣ-
 зтврѣженіе. петръ степень тѣрѣ аѳоньскаа въскрѣмле-
 пѣа... Прѣте горнѣго іерлѣима ходатаа въспѣи къ свѣтѣ
 водителя сръбскыа. савѣ въ стлехъ великааго. сумѣна
 иже цѣтѣво прѣзрѣвше гора аѳона постигши и въ неи
 ѿ ба за труды дары приемше и чудеса и мѣры въсѣхъ
 просвѣщаютъ. (л. 295)!

Извѣстно также, что іерусалимскій уставъ принялъ
 въ себя много литургическихъ замѣчаній изъ Никона
 Черногорца и даже въ той самой формѣ, какъ они
 изложены въ его тактиконѣ. Расходясь во многихъ
 случаяхъ съ принятыми тамъ и здѣсь дисциплинар-
 ными и служебными обычаями, они не рѣдко даютъ
 особое рѣшеніе по вопросамъ устава и придаютъ ему
 своеобразный характеръ. Такъ напримѣръ въ древ-
 нѣйшихъ памятникахъ студійскихъ и аѳонскихъ для
 большихъ праздниковъ положено разрѣшеніе поста
 „и не было праздниковъ постныхъ“. Изъ столкнове-
 нія этого обычая съ правиломъ о безусловномъ со-
 блюденіи поста въ среду и пятницу происходили не-
 доумѣнія и споры. Никонъ Черногорецъ пытался рѣ-
 шать ихъ въ пользу древне-христіанскихъ постанов-
 леній, но не могъ провести послѣдовательно этого
 начала и остановился на полпути. Во всякомъ слу-
 чаѣ, ему принадлежитъ значительное усиленіе стро-
 гости поста, а съ тѣмъ вмѣстѣ и значительное влі-
 яніе на составъ типика. Псалтирь кипріанова во
 многихъ случаяхъ руководится правилами Никона.

Что касается до синиксаря нашей рукописи, то онъ
 замѣчательнъ по отсутствію мѣстно-студійскихъ па-

мятей (кромѣ общеизвѣстныхъ: напримѣръ Θεодора Студита), но въ то же время не заключаетъ ничего характерно іерусалимскаго, а носитъ сборный эклектической характеръ, совмѣщая памяти константинопольскія, іерусалимскія и аѳонскія. Изъ славянскихъ памятей въ ней замѣчается преобладаніе южно-славянскихъ (болгарскихъ, сербскихъ), а изъ русскихъ святыхъ записанъ только одинъ Петръ митрополитъ, подъ 21 декабря. Изъ южно-славянскихъ записаны: Арсеній Сербскій (28 октября), Іоаннъ Рыльскій (19-го), перенесеніе мощей Иларіона Меглинскаго (21-го), Савва Сербскій (января 14-го), Симеонъ Сербскій (13 февраля), Кириллъ Филосовъ, учитель славянской (14 февраля), Іоакимъ Сарандопорскій (16 августа). Внесеніе имени Петра митрополита принадлежитъ безъ сомнѣнія Кипріану, который, какъ извѣстно, отличался особеннымъ уваженіемъ къ памяти московскаго Святителя, написалъ ему службу и занесъ его имя въ молитву литургіи. Присутствіе большаго числа сербскихъ и болгарскихъ памятей показываетъ, что родиною кипріанова списка были южно-славянскія земли, и Кипріанъ вѣроятно списалъ его въ Хиландарѣ, съ какого нибудь сербскаго извода, на что указываетъ правописаніе рукописи, нѣкоторыя сербскія слова, (напримѣръ припрать и прапрать, вмѣсто паперть, притворъ) и упоминаніе Саввы и Симеона сербскихъ въ канонѣ Григорія Синаита.

Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности въ обрядѣ и языкѣ кипріановой псалтири.

На полунощницѣ, послѣ перваго отдѣленія непорочныхъ, на слава и нынѣ, положено аллилуія дважды: „аллилуія аллилуія слава тебѣ боже трижды (т. е. произнести три раза, въ три пріема) и поклоны три“. Въ томъ же смыслѣ сугубой аллилуія нужно понимать и то, что записано послѣ втораго отдѣле-

нія непорочныхъ: „аллилуія трижды съ тремя поклонами“. (л. 146 об.) Замѣчаніе это дословно повторено и въ копіи съ псалтыри Кипріяновой изъ бібліотеки нашей Академіи (л. 143 об.). Что это не описка, видно изъ замѣчанія въ концѣ перваго отдѣленія шестопсалмія и на концѣ его: „аллилуія дважды“. (л. 155, 155 об.).

Число поклоновъ на молитвѣ: господи владыко живота моего означается различно: 16 (четыре большихъ и двѣнадцать малыхъ), 15 (четыре большихъ и одиннадцать малыхъ), какъ видно изъ замѣчаній въ часословѣ и тріоди. (Объ этомъ будетъ рѣчь ниже).

Въ числѣ исполнителей службы упоминаются: уставникъ или канонархъ, игумень, церквиначальникъ (эклисиархъ), попъ недѣльникъ (чередной священникъ — ἐφημέριος ἱερέυς), установленный, нареженный братъ (ὁ ταχθεὶς μοναχός или ἀδελφός) олтарохранитель. Этотъ послѣдній, во время шестопсалмія, „впалѣтъ свѣщу и прилѣплѣтъ на святыхъ дверцахъ и приходитъ іерей и творить молитвы (л. 155, 155 об.). Доместикъ. Онъ начинаетъ на гласъ пѣсни моисеевы или библейскія въ канонѣ (156).

Въ меси (ἐν μέσῳ — въ общемъ собраніи, въ церкви) типика τὰ τοπικά т. е. изобразительныя) не глаголемъ въ великую четырехдесятницу но абіе џаконецъ 9-го часа глаголемъ (блаженны) л. 169). Замѣчаніе имѣетъ тотъ смыслъ, что τὰ τοπικά составляютъ начало обѣдни и обѣдницы, но онѣ не поются въ посты, а бываетъ тогда извѣстное прибавленіе къ 9-му часу въ видѣ блаженнѣ и т. д. Въ часословѣ Оикары говорится, что изобразительныя читаются только въ тѣ дни, когда трапеза положена два раза въ день (т. е. обѣдъ и ужинъ) и поются два часа: третій и шестой безъ девятаго.

Въ осьмомъ членѣ символа вѣры читается: и въ Духа Святаго *истиннаго* животворящаго (170 об).

На трапезѣ чередной священникъ ударить мѣдницу единожды (знакъ для чтеца), а потомъ трижды въ чашу (171 об).

Теперешнія молитвы на сонъ грядущимъ записаны послѣ повечерія и предоставляются усердію болѣе ревностныхъ монаховъ. „Аще кто произволяетъ отъ подвижнѣйшихъ инокъ, наединѣ въ келліи своей совершаетъ и сія молитвы, егда должно есть спати иноку“. Записано пять молитвъ (л. 187 об).

Въ сказаніи о воздвиженіи Пресвятыя (т. е. артоса или богородичнаго хлѣба) замѣчательны слѣдующія выраженія: объ апостолахъ говорится, что они „оставляху праздно господне мѣсто и на прочеліе полагаху скрижалъ отъ хлѣба, егоже снѣдаху... нарѣченный *дѣль* Христовъ“ (л. 190). Въ греческомъ печатномъ часословѣ 1676 года это мѣсто читается слѣдующимъ образомъ: *αφέντες κενόν τόπον ἐν τῷ προσκεφάλαιον εὐδίσασαυ καί ἐπί τῷ προσκεφάλαιῳ τριῖμα ἄρτυ.., ὁ εἰς τῆν τῆ Κορίν ἐπεχέχλητο μοῖραν.* (ф. 199). Отсюда видно, что слово прочеліе переводится греческимъ *προσκεφάλαιον*, что значить подушка, изголовье; скрижалъ—триѣма кусокъ, ломоть; дѣль—*μοῖρα* доля, часть.

На вечернѣ передъ литургіею въ день Благовѣщенія поется „да исправится“, за тѣмъ трисвятое, апостоль и т. д. литургія Златоустова (241 об).

Въ первый день августа, по окончаніи утрени, полагается литія съ честнымъ крестомъ внутрь монастыря: въ игуменію (игуменская келлія) и въ трапезу, и въ житницу, и въ винницу, и во вся келія братня, и возвращшимся бываетъ освященіе воды, и причащаются ей, и кропитъ іерей весь монастырь (л. 258).

Замѣчательны слѣдующія выраженія: навечеря недѣльская—воскресная (л. 268 об.); община, пѣніе

въ общинѣ, т. е. въ общемъ собраніи, а не отдѣльно; цѣливаемъ (цѣлуемъ) наперсный крестъ (270 об.); утреница (279 об.); исходимъ вси въ прусъ (283 об.)—притворъ паперть; тритекти — третій и шестой часъ вмѣстѣ (286).

Изъ отдѣльныхъ статей литургическаго содержанія отмѣтимъ слѣдующія двѣ:

1) О раздѣленіи праздникоу на три разряда и объ отличительныхъ признакахъ каждаго изъ нихъ (л. 191). Начинается: елика убо обдержная, заимствована изъ Никона Черногорца. Часть этой статьи издана у Pitra Spicileg Solesm (IV p. 445). Въ греческихъ типакахъ этой статьи намъ не встрѣчалось равно какъ и другихъ извлеченій изъ тактикаона, но она читается въ уставахъ славянскихъ какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ.

2) Отъ типака святаго горы о поклонахъ: когда оставляются поклоны въ великій постъ и снова начинаются, также о поклонахъ на каждую недѣлю. (л. 191 об.)¹⁾

Изъ ближайшихъ до времени Кипріяна часослововъ мы разберемъ и сравнимъ три слѣдующіе: греческій монаха Фикары, по рукописи синод. 1341 г., славянскій XIV вѣка, также изъ синодальной библіотеки, со службами изъ октоиха, тріоди и миней, и часословъ при уставѣ 1409 года изъ Императорской публичной библіотеки (№ 11 по каталогу рук. Толстова).

Первый изъ нихъ въ общемъ порядкѣ службы не представляетъ ничего выдающагося и замѣчательнаго лишь по тѣмъ дополненіямъ, какія получилъ примѣнительно къ келейному исполненію и въ такъ называемомъ скитскомъ правилѣ. По требованію послѣд-

1) Эту статью и объясненіе ея см. въ приложеніи V.

няго суточных службы совершались не въ общемъ собраніи, въ церкви, и отправлялись не съ участіемъ священника, а каждымъ изъ келліотовъ отдѣльно или наединѣ, въ противоположность отправленію ея въ общинѣ, на средѣ, въ мѣстѣ. Въ началѣ это примѣненіе, вообще говоря, не представляло затрудненій и происходило тѣмъ легче, что составныя части вседневной службы главнымъ образомъ заимствовались изъ псалтири съ дополненіемъ пѣсней изъ октоиха и тропологія. Впослѣдствіи, когда эти части были приведены въ порядокъ и заняли опредѣленное мѣсто въ составѣ часослова, келейное исполненіе суточной службы стало выдѣляться въ видѣ скитскаго правила, гдѣ на первомъ планѣ была поставлена псалтирь, а употребленіе прочихъ элементовъ службы было сокращено и упрощено до такой степени, что можно было исполнять ее одному и обходиться съ помощію самыхъ небольшихъ служебныхъ средствъ. Для скитниковъ исполненіе общаго устава стало необязательнымъ, какъ для праведника, которому законъ не лежитъ. „Ови убо ихъ, выражаясь словами древняго предисловія къ псалтири, часы съ междочасіемъ пояху, составивше избранныя псалмы съ тропари и съ молитвами и нарекоша книги твѣ часословець, друзи же единъ псалтирь пояху безъ молитвъ, инии же подвижнѣйши суще трисвятое съ покланяніемъ и съ молитвами псалтирь пояху“. Нѣкоторыя изъ теперешнихъ службъ часослова, даже на памяти позднѣйшаго устава XIV—XV вѣка, продолжали оставаться въ числѣ келейнаго правила: такъ напримѣръ полунощница, по уставу патр. Алексѣя, правится въ келліяхъ отдѣльно; по часословамъ и уставамъ іерусалимскимъ она отнесена къ числу службъ одиночныхъ, если монастырь келліотскій. Молитвы на сонъ грядущимъ не были обязательны для всѣхъ, но аще

кто произволить отъ подвижныхъ инокъ... Равнымъ образомъ и утреннія, по замѣчанію кипріанова часослова, глаголются не въ сборѣ, но особь, грядуще въ святую Божию церковь, и отличались отъ теперешнихъ краткостію.

Изъ лицъ, принимавшихъ участіе въ обработкѣ часослова для келейнаго правила, слѣдуетъ отмѣтить патріарха Филоея, съ именемъ котораго извѣстенъ по нѣкоторымъ часословамъ порядокъ келейной полунощницы, „яко же повелѣ творити ученику своему“, и Аеонскаго монаха Оикару, о часословѣ котораго пойдетъ рѣчь дальше.

Въ послѣдованіе вседневныхъ службъ Оикара ввелъ гимны, молитвы и тропари частію собственного сочиненія, частію заимствованные изъ другихъ писателей и конечно бывшіе въ употребленіи прежде. Извѣстно, что еще съ самой глубокой церковной старины стихословіе псалтири чередовалось съ молитвами и пѣснями, и эти послѣднія стали входить въ составъ служебной псалтири, отдѣляя части каѳизмъ на равномерныя отдѣленія. Орологій Оикары слѣдуетъ этому порядку, но отличается отъ другихъ однородныхъ памятниковъ особенною системою въ построеніи и расположеніи пѣсней и молитвъ. Оикара говоритъ, что каждый гимнъ раздѣляется во имя Троицы на три части, каждая часть дѣлится на три славы, а каждая слава—на три хвалы. Эта система трехчастнаго дѣленія болѣе послѣдовательно выдержана въ расположеніи каѳизмъ. Первые молитвы каждаго отдѣленія называются *προοίμιον* (напримѣръ *προοίμιον τῶν ᾠδῶν* т. е. библейскихъ пѣсней) предназначіемъ, введеніемъ,—названіе, которое съ одной стороны указываетъ на ихъ положеніе, а съ другой служить отголоскомъ древне церковнаго языка, по которому подъ *προοίμιον* разумѣлись самыя молитвы и пѣсни, предва-

рваншія чтеніе псалтири, или вообще исполнявшіеся въ началѣ службы. Въ этомъ смыслѣ употреблено у Іоанна Лѣствичника выраженіе „*πρωτολογία τῶν ὕμνων*“, когда онъ говоритъ о началѣ утренней службы, и объясняется слово *πρωίμια* у Зонары въ толкованіи на 117 правило Африканскаго собора: „*αἱ μὲν γὰρ εὐχαὶ προλέγονται ἄ; καὶ πρωίμια ἔπειτα*“. (Allat de libr p. 42). Затѣмъ, въ этомъ орологіѣ замѣчательно указаніе на семь поклоновъ или *μετανοίαι*, которые должно класть послѣ каждой каѳізмы и по произнесеніи 20 кратнаго господи помилуй. И то и другое число принадлежитъ къ мало употребительнымъ въ церковной практикѣ и составляетъ довольно рѣдкій литургическій вариантъ. По объясненію нашего источника, эти поклоны исполнялись такимъ образомъ: на первыхъ трехъ поднимали руки къ небу передъ каждымъ, произнося молитву мытаря, а на прочихъ — помилуй насъ Господи, помилуй насъ ¹⁾).

Часословъ синодальный (употребляемъ названіе приблизительно вѣрное, такъ какъ содержаніе этой рукописи гораздо обширнѣе), къ сожалѣнію сохранился не вполне и пострадалъ именно въ той части, которая для насъ, въ данномъ случаѣ, всего важнѣе, но и изъ того, что имѣется на лицо, можно видѣть весьма важное литургическое значеніе этого списка и его отношеніе къ вопросу о составѣ и обработкѣ древнихъ часослововъ. Прежде всего эта рукопись выдается своимъ сборнымъ, эклектическимъ характеромъ и носитъ слѣды святогорской, студійской и мѣстно - русской практики. Весьма вѣроятно, основою этого списка послужилъ какой либо болѣе

1) 269. Τὰς δὲ ἑπτὰ μετανοίας οὕτω δεῖ ποιεῖν. Εἰς μὲν τρεῖς ἐκτείνῃ τὰς χεῖρας εἰς ὕψος κατὰ μιαν καὶ λέγειν τὴν εὐχὴν τοῦ τελωνοῦ. Εἰς δὲ τὰς λοιπὰς λέγειν οὕτως. Ἐλεησον ἡμᾶς κυριε ἐλεησον ἡμᾶς.

древній греческій подлинникъ, съ котораго переводъ былъ сдѣланъ на Аѳонѣ, и въ которомъ святогорскіе обычаи были записаны наравнѣ со студійскими, но можетъ быть и такъ, что онъ составился на основаніи разныхъ источниковъ и записей. Въ ту пору, когда подлинникъ этотъ появился на свѣтъ, на Аѳонѣ элементы церковнаго устава еще не успѣли придти въ равновѣсіе, и рядомъ съ іерусалимско-святогорскою практикою продолжали держаться и обычаи студійскіе. На руси, какъ мы сказали раньше, эти обычаи въ XIV вѣкѣ имѣли еще большую силу, и далеко не всѣ были вытѣснены обычаями іерусалимскими, а потому и списки, въ родѣ синодальнаго, могли имѣть прямое практическое приложеніе. У насъ кромѣ того греческій подлинникъ былъ дополненъ службами русскимъ святымъ и получилъ новое мѣстное осложненіе. А. Сергій въ своей агиологіи указываетъ кромѣ синодальнаго еще одинъ списокъ часослова съ студійскимъ характеромъ изъ Публичной бібліотеки, и дѣлаетъ это заключеніе на основаніи записанныхъ въ немъ памятей, но этого списка мы не имѣли подъ руками. Что же касается синодальнаго, то онъ начинается изложеніемъ суточныхъ службъ и называется псаломникомъ по уставу святыя горы. Какъ подобаетъ пѣти въ кельи мнихомъ дневные и ночные часы, не токмо мнихомъ но и бѣльцомъ (т. е. мірянамъ) боголюбивымъ“. Въ самомъ его началѣ изложены молитвы куро-гласныя (т. е. полунощныя, которыя исполняются при первомъ пѣніи пѣтуха *αλεξτροφωνία*—пѣтоглашеніе). Такимъ образомъ и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ домашнимъ келейнымъ правиломъ; но что особенно замѣчательно, — составъ полунощницы отличается отъ положеннаго по другимъ часословамъ и заключаетъ такія молитвы, пѣсни и псалмы, какихъ не записано въ Кипріяновой псалтири,

ни въ другихъ современныхъ ей спискахъ ¹⁾. Чинъ заутрени также называется „по уставу святаго горы“ и начинается шестымъ псалмомъ, какъ и вечерня ²⁾. Порядокъ пасхальной утрени, часовъ, вечерни и павечерницы изложенъ согласно съ уставомъ патріарха Алексія и слѣдовательно по студійскому источнику, какъ показано въ Описаніи рукописей С. Б. III 545—547. Обозначеніе недѣль великаго поста сдѣлано по древнему ихъ названію примѣнительно къ содержанію службъ, положенныхъ на эти недѣли въ студійскихъ уставахъ и тріодахъ ³⁾. Напримѣръ, въ недѣлю 1-ю положена память пророковъ Моисея и Аарона и сборъ святаго отца; въ недѣлю 4-ю *вмѣсто нынѣшняго послѣдованія Іоанна Лѣстничника*—читается канонъ о впадшемъ въ разбойники, въ недѣлю 5-ю—о богатомъ и Лазарѣ. Это обозначеніе мы называемъ студійскимъ на томъ основаніи, что оно встрѣчается въ студійскихъ уставахъ и тріодахъ, но вѣрнѣе было бы назвать его древнѣйшимъ порядкомъ дѣленія великопостныхъ недѣль, такъ какъ, безъ сомнѣнія, изстари оно держалось и въ мѣстностяхъ палестинскихъ, и на святой горѣ; но къ сожалѣнію, полныхъ записей дѣйствовавшаго здѣсь устава мы не имѣемъ до XIII XIV вѣка, а это уже періодъ позднѣйшей обработки службы, и по нему нельзя судить о древнѣйшемъ со-

1) Описаніе С. Б. III—538.

2) Такъ было и по студійскому уставу. См. ниже.

3) Беремъ для сравненія уставъ типографскій XII вѣка, тріодъ синодальную XII вѣка, № 423, и греческую тріодъ изъ Савостьяновскаго собранія, и по нимъ будемъ отмѣчать названія великопостныхъ недѣль. 1-я недѣля великаго поста: память пророковъ Моисея и Аарона, Давида и Самуила и недѣля православія; 2-я недѣля—блуднаго и о дѣлателяхъ въ виноградникѣ (по содержанію Евангелія); 4-я о впадшемъ въ разбойники, о мытарѣ и фарисей; 5-я недѣля—о богатомъ и Лазарѣ, память Маріи египетской. Остальныя по теперешнему.

ставѣ службъ по типуку іерусалимскому. — Если теперь сравнимъ эти обозначенія съ тѣми, какія приняты въ псалтири слѣдованной Кипріана, то найдемъ здѣсь другую систему, и именно ту самую, которая принята въ служебныхъ книгахъ и уставахъ іерусалимской отрасли и удерживается въ уставѣ теперешнемъ. Изъ прибавленій славяно-русскаго содержанія назовемъ службы: на день Покрова Богородицы (не встрѣчающаяся въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ) и на память Бориса и Глѣба.

Часословъ при уставѣ Петербургской Публичной бібліотеки ¹⁾ (Отд. F, № 25, л. 134 об. 148), несмотря на то, что былъ писанъ 1409 года, — почти одновременно съ псалтирью Кипріана, и по самой связи съ уставомъ, пользовавшимся у насъ широкою извѣстностью, долженъ былъ имѣть обширное практическое примѣненіе, часословъ этотъ значительно расходится съ кипріановымъ и имѣетъ въ основѣ другой списокъ. Онъ содержитъ изложеніе однихъ суточныхъ службъ безъ мѣсяцеслова и тріоди, иногда имѣетъ въ виду одиночное ихъ исполненіе и свои особенности въ обрядѣ, которыя нельзя назвать ни образцовыми, ни общепризнанными. Такъ, молитва Ефрема Сирина (135 об): Господи владыко, читается слѣдующимъ образомъ:

Гѣ̄ вѣко̄ животоу моему дѣхъ оунынимъ и небреженимъ сребролюба пражнословимъ тщеславимъ ѿ жени ѿ мене. Второе отдѣленіе не представляетъ особенностей въ переводѣ, а третье читается такъ: еи гѣ̄ цроу даи же ми зрѣти моѣ съгрѣшенимъ и еже не-

¹⁾ Къ сожалѣнію, рукопись П. Б. не вполне сохранилась, и въ часословѣ не достаетъ, за утратою листовъ, окончанія междочасія 9-го часа, всей вечерни и большой части великовостной навечерницы (144—145 л.). Статьи о воздвиженіи Пресвятыя и о праздникахъ также нѣтъ.

осужати ми брата моего яко блвленъ и т. д. Въ киприановой псалтири переводъ другой: гѣ вѣко живо-
 тѣ моему доу празности лжкавствѣа любовластвѣа и празно-
 словѣа не дажѣ ми. (л. 147 об.) Продолженіе молитвы
 согласно съ теперешнимъ чтеніемъ. Въ счетѣ и способѣ
 исполненія поклоновъ во время этой молитвы также
 замѣчается разность. Именно: въ часословѣ 1409 г.,
 вслѣдъ за молитвою читается: таже метаніе 1 (т. е. одинъ
 поклонъ) и паки молитву сію (т. е. всю) 3-щи глаго-
 лемъ ю и три метанія. и другихъ метаній 12, гла-
 голюще къ себѣ, рекше въ тай: господи іисусе хри-
 сте сыне божій помилуй мя грѣшнаго и паки скон-
 чавше поклонъ глаголемъ молитву сію: господи и влады-
 ко и метаніе 1. " Такимъ образомъ выходитъ, что молитву
 произносили три раза сряду и на каждый разъ клали
 по одному поклону, затѣмъ слѣдовали 12 метаній
 съ молитвою Господи... помилуй мя грѣшнаго. Эти 12
 поклоновъ заканчивались еще однимъ послѣднимъ при-
 чтеніи въ четвертый разъ молитвы Господи Владыко,
 и такимъ образомъ всѣхъ поклоновъ было 16. Но
 всѣ ли они были одинаковы — т. е. большіе, — или
 одни изъ нихъ большіе, другіе малые — этого изъ под-
 ливнаго текста не видно. Во всякомъ случаѣ, прямо-
 го основанія для тако гораздѣленія не находится, если
 не считать отличіемъ для 12 малыхъ слово „другихъ“: *и
 другихъ* метаній 12. Но это признакъ очень не твер-
 дый; потому что можетъ указывать на новый рядъ,
 на новую группу поклоновъ, примыкающую къ дру-
 гой молитвѣ, а не на ихъ отличіе отъ трехъ пер-
 выхъ. Въ пользу такого заключенія говоритъ слѣдующее
 замѣчаніе въ концѣ утрени: таже молимся руки
 vzdѣючи *и тай* глаголемъ молитву сію Святаго Еф-
 рема.... Далѣе пишется самая молитва, и за нею слѣ-
 дуеть: и паки тріе метаніе, по семь прочихъ 12,
 глаголюще сице: Боже оцѣсти мя грѣшнаго и поми-

луй мя и метаніе. Создавый мя господи и помилуй мя и метаніе. Безъ числа согрѣшихъ господи прости мя и по̄ (поклонъ), по сихъ другихъ поклонъ 9. На послѣднемъ рцы всю молитву: господи владыко... и поклонъ единъ. Здѣсь опять нѣтъ раздѣленія поклоновъ на большіе и малые, но тѣ изъ нихъ, которые теперь принято называть малыми, перечисляются за урядъ съ тремя первыми, а послѣдніе 9 ничѣмъ не выдѣляются отъ конечнаго поклона, который относится ко всей молитвѣ. Переходя къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ изъ псалтири Кипріана мы находимъ здѣсь два изложенія статьи о поклонахъ: одно гдѣ говорится о 16-ти, близко подходящее къ теперешнему счету, и другое въ 15. По первому, сначала рѣчь идетъ о трехъ великихъ поклонахъ, которые кладутся въ продолженіи одной молитвы, за ними слѣдуютъ *етера* 12 каждый съ произнесеніемъ стиха „Боже очисти мя грѣшнаго“, и въ заключеніи еще разъ молитва „съ конечнымъ поклономъ“. Здѣсь первые три поклона уже прямо называются великими и по аналогіи съ ними такимъ же можетъ быть названъ и поклонъ конечный. (147 об.) При одиночномъ же исполненіи службы, по замѣчанію кипріановой псалтири „глаголемъ на кійждо поклонъ всю молитву“. Другой счетъ въ числѣ 15, (болѣе принятый въ цитуемой псалтири), составляется изъ 3 большихъ, 11 малыхъ и 1-го заключительнаго, какъ видно изъ слѣдующаго указанія въ концѣ утрени (л. 160 об.): и воздѣвше рудѣ глаголемъ молитву святаго ефрема *въ тайнѣ*, творяще поклоны 3, таже 11, глаголюще *въ себѣ*: ги исусе христе сыне божи помилуй мя“; посемъ воздѣвше рудѣ глаголемъ пред-

1) Въ другихъ мѣстахъ того же часослова дѣло представляется нѣсколько иначе и ближе къ теперешней практикѣ. Именно, послѣ третьяго часа: „и творимъ великія три поклоны глаголюще молитву... и прочихъ 12.“ Тоже послѣ 6 и 9 часа.

реченную молитву всю и поклонъ единъ“. Этотъ приемъ повторяется и на концѣ 3-го часа. (л. 166)

Греческіе рукописные уставы не всегда высказываются опредѣленно о числѣ и способѣ исполненія поклоновъ въ смыслѣ теперешняго обычая и колеблются въ счетѣ ихъ между 15-ю и 16-ю. Первые три поклона не приурочиваются прямо къ тремъ отдѣленіямъ молитвы, и не вездѣ ясно проведено различіе между поклонами большими и малыми. Въ этомъ отношеніи замѣчательно указаніе въ греческомъ уставѣ синодальной библіотеки № 487 (по дополнительному каталогу), которое мы приводимъ вполнѣ: *καὶ ἡμεῖς τὰς μεγάλας τρεῖς μετανοίας λέγοντες καθ' ἑκαστὴν μετανοίαν τὴν εὐχὴν ταύτην. καὶ καὶ δεσποτὰ ζωῆς μὴ ὡσαύτως καὶ τὰς ἵβ μικράς λέγοντες ἐν ταύταις τὸ ὁ θεὸς ἰασθῆτι μοι. (φ. 18 об.).* Въ уставѣ синод. № 456: *ἰσταμεθα μικρὸν εὐχομενοι καθ' ἑαυτοὺς ἐν τῷ ἰδίῳ λογισμῷ τὴν εὐχὴν ταύτην ἐκ ἧ τὸ ἀγίῳ ἑρραμ... τὴν αὐτὴν εὐχὴν λέγομεν ἐν ταῖς τρισὶ μετανοίαις (по другому списку: ἐν ἑκαστῇ τῶν τριῶν μεγάλων μετανοίῳν)... μετὰ δὲ ταύτας ἑτέρας ἵβ... ἐν δὲ τῇ ἵβ μετανοία λέγομεν τὴν προγραφῆσαν εὐχὴν. ὡσαύτως καὶ ἀνισταμεθα.*

Въ греческомъ печатн. часословѣ 1676 г. повидному рѣчь идетъ о пропзнесеніи молитвы 4 раза: *ἐὶδῶμεν μετανοίας γ' λέγοντες καθ' ἑαυτοὺς ἐν ἑκαστῇ μετανοίᾳ τὴν εὐχὴν τῆ ὁσίῳ Εφραὶμ... μετὰ δὲ ταύτας ἑτέρας μικράς ἵβ, ἔπειτα ἄυθις ἑτέραν μετάνοίαν μεγάλην μίαν (р. 137).*

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ оказывается, что правило о великопостныхъ поклонахъ въ древнихъ литургическихъ памятникахъ не было выражено такъ положительно и прямо, какъ въ уставѣ печатномъ, что существовала разница въ счетѣ и исполненіи ихъ и не вездѣ было проведено различіе между большими и малыми. Этихъ вопросовъ не устранила и псалтирь Киприана.

Что касается до часослова студійскаго, то, къ сожалѣнію, особыхъ записей его намъ неизвѣстно, а тѣ рукописи, въ которыхъ остались слѣды и цѣлые отдѣлы студійской практики, излагаютъ не матеріаль часослова въ послѣдовательномъ порядкѣ, а лишь отрывочныя детали службы, изъ которыхъ трудно вывести что нибудь опредѣленное. По счастью, этотъ пробѣлъ въ значительной степени можетъ быть пополненъ, благодаря студійскимъ уставамъ и особенно тѣмъ полнымъ его записямъ, въ которыхъ, кромѣ триоднаго и мѣсяцесловнаго порядка, изложенъ и порядокъ службы суточной. Имѣемъ въ виду синодальныя списки устава № 330—380 и 905—382. Это конечно не часословъ, какъ нельзя назвать часословомъ и первую общую часть іерусалимскаго устава, гдѣ записывается ходъ суточныхъ службъ,—даже больше—въ студійскомъ типикѣ эта часть разработана гораздо слабѣе и не проведена послѣдовательно: но все же, если выдѣлить отсюда то, что приходится на долю священника и діакона, мы получимъ въ остаткѣ служебный матеріаль, который входитъ въ составъ часослова, и можемъ судить о характерѣ послѣдняго.

Въ названныхъ студійскихъ уставахъ порядокъ суточной службы записанъ въ особой статьѣ, которая составляетъ дополненіе къ уставнику или дисциплинарной части подъ особымъ заглавіемъ: глава (точнѣ главы—такъ въ № 332) црѣвѣннаго правила подобны первому оуставнику различнымъ главамъ, въ црѣвѣнѣи простирающіи^{сь} слоубѣ, т. е. статьи или главы церковнаго устава подобнаго же содержанія съ различными главами перваго уставника и относящіяся къ церковной службѣ.

По этому источнику, служба начинается утренею и послѣдовательно ведется до поздней ночи, оканчиваясь павечерницею и келейнымъ правиломъ передъ

сномъ. Согласно этому порядку въ первой главѣ говорится о времени благовѣста къ утренѣ на цѣлый годъ, затѣмъ о пробужденіи братіи будильникомъ, о собраніи ихъ въ церкви, о началѣ утрени, о томъ въ какомъ порядкѣ должны стоять братія въ церкви и какъ вести себя. Конецъ этой статьи составляетъ переходъ къ дальнѣйшему изложенію утрени: именно говорится о пѣніи Богъ Господь и троичныхъ пѣсней примѣнительно къ числу праздниковъ, случающихся на недѣлѣ; затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ вводныхъ статей: о способѣ пѣнія шестопсалмія и нѣкоторыхъ вечернихъ пѣсней, о стояніи мнихомъ, слѣдуетъ продолженіе утрени: сколько и когда пѣть на утренѣ каѳизмъ, объ аллилуаріяхъ, о каѳизмахъ на вечернѣ, о томъ, какъ пѣть Богъ Богомъ и хвалитные псалмы, объ исполненіи псалтири на часахъ, о стихословіи библейскихъ пѣсней (на канонѣ), о томъ какъ и съ какими припѣвами исполняются хвалитные псалмы, великое славословіе и стихиры стиховныя.

О вечернѣ говорится очень мало и сдѣлано только нѣсколько замѣчаній о припѣвахъ на Господи воззвахъ и о томъ, когда соединяются хоры для совмѣстнаго пѣнія. Изъ первой части литургіи указываются праздничные припѣвы на входномъ стихѣ: „пріидите поклонимся“, и вся эта часть службы называется уставными „та топка“.

Изложенію павечерницы посвящается нѣсколько статей. Сначала рѣчь идетъ о томъ, въ какомъ порядкѣ стоятъ монахамъ, когда павечерница отправляется въ церкви, или внѣ ея въ паперти, и подробно описывается обрядъ цѣлованія или прощанія; затѣмъ говорится, когда поется павечерница въ церкви и внѣ ея, полная и сокращенная, какъ справляется павечерница великопостная и келейное правило передъ сномъ. Такъ какъ въ составъ послѣдняго входили и

молитвы за умершихъ, то это служить переходомъ къ статьѣ о числѣ годовыхъ паннихидъ и о томъ, въ какомъ порядкѣ онѣ справляются. Слѣдующія за тѣмъ статьи: о службахъ, на которыхъ братія стоятъ со свѣчами, о погребеніи и объ освѣщеніи церкви, въ праздники и будничные дни, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ часослову и касаются его лишь стороною.

Уже изъ одного перечня этихъ статей видно, что студійское изложеніе далеко не охватываетъ всего состава суточныхъ службъ, но занимается главнымъ образомъ дисциплинарною стороною дѣла и даетъ указанія на способъ пѣнія. Мы не имѣемъ здѣсь и того матеріала, который даютъ іерусалимскіе типики въ общей части, а скорѣе какую то выборку изъ нея, которая своими пробѣлами и перерывами даетъ косвенное указаніе на существованіе подробныхъ систематическихъ записей всендневной службы въ родѣ того, что мы называемъ часословомъ. Изчезновеніе ихъ не было дѣломъ простой случайности, чѣмъ то въ родѣ безслѣдной пропажи отъ дурнаго храненія: подобное явленіе на глазахъ сравнительно недалекаго времени было бы невозможно, если бы дѣло не объяснялось проще изъ сходства между студійскимъ и іерусалимскимъ уставомъ въ постановкѣ и веденіи суточной службы. Послѣдній легко воспринималъ и ассимилировалъ особенности перваго, а что не могло слиться съ нимъ, отпадало само собою и осталось надолго памятникомъ борьбы, нѣкогда происходившей между этими порядками.

Стоить только сравнить правила службы по мѣсяцеслову и тріоди въ студійскихъ уставахъ съ тѣмъ, что извѣстно на этотъ счетъ изъ іерусалимскихъ, чтобы убѣдиться, что мы и тамъ и здѣсь имѣемъ въ существѣ дѣла одинъ литургическій порядокъ, ту

же послѣдовательность обрядовыхъ дѣйствій, ту же терминологию и группировку служебнаго матеріала. Разности сводятся къ болѣе или менѣе значительнымъ деталямъ службы, къ дисциплинарнымъ порядкамъ, принятымъ здѣсь и тамъ, и что само собою понятно—къ разностямъ изложенія. Даже и эти послѣднія не такъ велики, какъ можно было бы думать, исходя изъ мысли о двухъ особыхъ строяхъ служебной практики.

Въ тріоди и мѣсяцесловѣ есть много мѣстъ сходныхъ и по изложенію, а это показываетъ, что оба устава имѣли въ основѣ общую запись и руководились тождественнымъ источникомъ. Въ концѣ XI вѣка, когда жилъ и писалъ Никонъ, общаго между этими уставами было такъ много, что онъ при самомъ старательномъ изученіи дѣла, могъ набрать три-четыре болѣе крупныхъ особенностей, да подмѣтилъ нѣсколько деталей въ ходѣ всендневной службы, съ пунктуальною точностію занесши все это въ первое слово своего тактикаона. Можно, разумѣется, не соглашаться съ Никономъ въ бѣдности его выводовъ относительно уставовъ и съ его характеристикой ихъ взаимнаго отношенія: основываясь на сохранившихся записяхъ можно настаивать на болѣе рѣзкой демаркаціонной чертѣ, какъ и увидимъ дальше въ строѣ суточной службы, но въ общемъ его заключеніе совершенно вѣрно, и представлять себѣ эти два типика за выраженіе двухъ особыхъ, рѣзко отличныхъ строевъ службы,—было бы несогласно съ фактической стороною дѣла и шло наперекоръ наличнымъ даннымъ.

Возвращаясь къ студійскому часослову, мы примемъ за основаніе его состава изложеніе суточной службы въ дополнительныхъ статьяхъ славянскаго устава синодальной библіотеки № 380—330, и по нему воспроизведемъ ея общій ходъ, останавливаясь

преимущественно на особенностяхъ студійской практики сравнительно съ іерусалимскою.

Въ положенный часъ ночи встаетъ будильникъ и идетъ къ игуменской келліи. Остановившись передъ нею, онъ дѣлаетъ земной поклонъ и просить у игумена благословенія словами: благослови и помолися за мя, отче святой. Получивъ въ отвѣтъ: Богъ да спасетъ тебя, будильникъ произноситъ громогласно: благословите святіи, и по этому знаку начинаютъ клепать въ верхнее било гостинницы. Въ это время будильникъ обходитъ братскія кельи, громко говоря: „благословите святіи“, и всѣ встаютъ. По окончаніи этого обхода, парамонарь идетъ клепать въ нижнее било, затѣмъ въ малое, а братія собираются въ церковь и въ молчаніи становятся въ паперти съ игуменомъ, при чемъ попы и дьяконы стоятъ спереди, а прочіе за ними по сторонамъ притвора. Чередной попь входитъ въ церковь и, ставъ передъ алтаремъ, беретъ поданную ему парамонаремъ кадильницу. Сдѣлавъ кадиломъ знакъ креста, поднимается на ступени, ведущія къ алтарю, входитъ въ него, трижды кадитъ передъ престоломъ, дѣлая кадиломъ знакъ креста и по разу на каждой его сторонѣ. По выходѣ изъ алтаря, его встрѣчаетъ одинъ изъ чтецовъ и идетъ передъ нимъ со свѣчею во все время кажденія церкви. Кажденіе начинается съ сѣверной ея стороны, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока священникъ доходитъ до царскихъ вратъ (т. е. до дверей вводящихъ изъ церкви въ притворъ). Сдѣлавъ кадиломъ однократно знакъ креста передъ ними, возглашаетъ: благословенъ Богъ нашъ, а братія отвѣчаютъ: аминь, приидите поклонимся и начинаютъ шестой псаломъ. Кадящій священникъ чрезъ царскія врата проходитъ въ притворъ, обходитъ кругомъ его, кадя стоящихъ здѣсь, начиная съ священниковъ, и дошедши

до царскихъ вратъ, останавливается передъ ними, обращается лицомъ къ алтарю и произноситъ: яко святъ еси иныѣ (вѣроятно тотъ же возгласъ, что и на литургіи предъ трисвятымъ). Затѣмъ входитъ въ церковь, сопровождаемый братьями, кадитъ южную сторону храма и, вступивъ въ алтарь, произноситъ передъ престоломъ: слава святѣй единосущнѣй... братія отвѣчаютъ аминь и начинаютъ шестопсалміе. Поютъ его со всѣмъ вниманіемъ не громко, но такъ чтобъ было слышно слегка, не предупреждая другъ друга, удерживаясь, во все продолженіе пѣнія отъ кашля и протяжанія (потягиваніе) и соглашаясь въ пѣніи съ парамонаремъ (или канонархомъ), стоящимъ по срединѣ между двумя сторонами поющихъ. Впрочемъ, такъ бываетъ отъ пасхи до воздвиженія, но съ воздвиженія собираются къ утренѣ не на паперти, но въ церкви и становятся не около стѣнъ, на мѣстахъ, а по срединѣ: впереди попы, за ними дьяконы и рядовые монахи, а по срединѣ впереди всѣхъ — старѣй обою сторону (старѣйшина надъ обѣими сторонами, таксіархъ), чтобы священникъ могъ свободно кадитъ стѣны и образа вокругъ церкви. Возгласъ: „благословенъ Богъ нашъ“ произноситъ передъ алтарными дверьми, въ притворѣ для кажденія не входитъ, но, обошедши кругомъ внутри церкви, останавливается передъ престоломъ... и тогда братія отходятъ къ стѣнамъ и занимаютъ свои обычныя мѣста. По окончаніи шестопсалмія въ праздники (въ свѣтлые дни) поется Богъ Господь съ дневнымъ тропаремъ, а въ будніе — троичныя пѣсни съ аллилуіа. Порядокъ въ пѣніи троичныхъ бываетъ различный и зависитъ отъ числа праздниковъ, случающихся на недѣлѣ. Если не бываетъ ни одного праздника, въ такомъ случаѣ 1-й трояченъ поется въ понедѣльникъ и вторникъ, каждый день по три раза, въ среду и

четвергъ — второй, въ пятницу и субботу — третій. Если же встрѣтятся на недѣлѣ только одинъ непраздничный день, въ такомъ случаѣ поются на утренѣ всѣ три тропы, каждый по разу.

О числѣ каѳизмъ. Отъ понедѣльника антипасхи до воздвиженія одна каѳизма, съ воздвиженія до великаго поста — двѣ. Каждая каѳизма дѣлится на три отдѣленія, заканчивающіяся пѣніемъ аллилуія, и это называется аллилуіарями.

Отъ недѣли всѣхъ святыхъ до воздвиженія по субботамъ полагаются двѣ каѳизмы: 1-я рече Господь Господеву моему съ аллилуія и 2-я блаженни непорочнии безъ аллилуія. На третьемъ аллилуіарѣ 1-й каѳизмы ударяють для сбора въ церковь рабочихъ. (Во вниманіе къ трудамъ, они вставали позднѣе). Послѣ непорочныхъ слѣдуетъ чтеніе и 50-й псаломъ, который поють стоя (во время чтенія сидѣли). Съ воздвиженія до великаго поста, когда полагаются въ субботу двѣ каѳизмы и затѣмъ третья — непорочны, рабочіе собираются на концѣ 2-й каѳизмы. Если случится въ субботу праздникъ, то непорочны поются съ аллилуія и раздѣляются на три части: такъ они поются въ 1-ю субботу великаго поста, въ лазареву и въ великую субботу „праздника ради“. Если же непорочны поются за мертвыхъ (т. е., бываетъ заупокойная служба), въ такомъ случаѣ онѣ раздѣляются на двѣ части; каждая изъ нихъ сопровождается заупокойною ектеніею и молитвою священника (Боже духовъ). Послѣ втораго отдѣленія произносятся: два тропаря за мертвыхъ (святыхъ ликъ и со святыми (упокой)) благословенъ еси, Господи, научи мя, покой Боже рабы своя, два раза съ тѣмъ же стихомъ, на слава и нынѣ трижды аллилуія.

На вечернѣ въ субботу и наканунѣ господскихъ праздниковъ полагается 1-я каѳизма, въ будніе дни —

ко Господу. вегда возвахъ. Далѣ примѣнительно къ порядку утрени, говорится о томъ, какъ пѣть Богъ Богомъ и хвалите Господа, хвалите имя Господне (поліелей), стихи пѣсней канона и часы.

Суть этихъ статей состоятъ въ указаніи, когда, на какой гласъ и съ какими аллилуіарями пѣть положенные на утренѣ псалмы и пѣсни. Основаніемъ для этого правила служить система аллилуіаріевъ (или припѣвовъ аллилуйныхъ), введенная Феодоромъ Студитомъ. По словамъ устава, онъ положилъ на каждый гласъ по 9-ти аллилуіаріевъ, такъ что полное число ихъ на всѣ гласы составляло 72. Эти девять аллилуіарей чередовались, судя по гласу и по значенію дня. Для однихъ псалмовъ, и въ извѣстные дни, полагались первые три, для другихъ слѣдующіе три, или послѣдніе 7-й, 8-й и 9-й. Хвалите имя Господне, или 134 псаломъ, въ недѣли отъ 1-го до 4-го гласа исполняется на 4-й гласъ, а въ слѣдующіе четыре—на 6-й. Псаломъ 135-й поется нѣсколько иначе: именно, къ первому его стиху: исповѣдайтесь Господеви, яко благъ, прибавляется сугубая аллилуія и антифонный припѣвъ: яко въ вѣкъ милость его съ аллилуіею простою (т. е. однократною). Къ этимъ двумъ псалмамъ поліелейнымъ прибавлялся и третій слѣдующій 136-й: на рѣкахъ вавилонскихъ; только его пѣли не съ сугубою аллилуіею, а съ простою. По студійскому уставу онъ былъ не великопостнымъ, но обыкновеннымъ, рядовымъ.

На утренѣ стихи пѣсней канона (разумѣются основныя библейскія пѣсни, послужившія основой канона) слѣдуетъ пѣть сполна и дожидаться, пока каждая сторона окончитъ свой стихъ. О распредѣленіи этихъ пѣсней по недѣльнымъ утрениамъ и о припѣвахъ къ нимъ замѣчено, что вторая пѣснь поется во вторникъ, если не будетъ праздника, въ полномъ ви-

дѣ и раздѣляется на четыре отдѣленія, изъ которыхъ первое съ начала до стиха 14-го „масло кравіе“, поется съ припѣвомъ „слава тебѣ Боже“, второе съ 15-го стиха до 22-го имѣетъ припѣвомъ „сохрани мя Господи“; съ 22 по 39—припѣвомъ служить: „праведенъ еси Господи“; отъ 39 „видите, видите“ и до конца—„слава тебѣ Боже“. Въ четвергъ поется четвертая пѣснь съ однимъ припѣвомъ— „слава силѣ твоей Господи“. Въ субботу седьмая пѣснь съ припѣвомъ: „отецъ нашихъ Боже благословенъ еси“ (л. 259). Выписанная статья очень замѣчательна по своимъ указаніямъ не только на древнѣйшее антифонное исполненіе библейскихъ пѣсней, но и по отношенію къ вопросу о происхожденіи и строеніи пѣсенныхъ канонъ, какъ извѣстной гимнографической формы. Строфы или тропари канона замѣнили собою эти первоначальные антифонные припѣвы и стали чередоваться между стихами библейскихъ пѣсней. (См. нашу статью о пѣсн. послѣд.).

Далѣе говорится, съ какими припѣвами поются хвалитные псалмы 148, 149 и 150. Замѣчательны по отношенію къ ходу службы указанія на припѣвы къ послѣднему изъ этихъ псалмовъ. Первые два стиха имѣютъ припѣвомъ: „Сыне Божій помилуй насъ“, третій— „слава тебѣ подавшему намъ свѣтъ“ (этимъ опредѣляется происхожденіе теперешняго возгласа передъ великимъ славословіемъ и мѣсто послѣдняго въ утренѣ); остальные— „тебѣ слава подобаетъ Господи“ (л. 260). При пѣніи (стихирь на?) „хвалите Господа“, стороны или хоры соединяются къ нимъ, сошедши съ своихъ мѣстъ, присоединяются попове и дьяконы; пропѣвъ богородиченъ, они снова расходятся, занимаютъ свои мѣста и стоятъ такимъ образомъ „донелѣже утренная пѣснь, сирѣчь слава въ вышнихъ Богу, пѣто будетъ“, а на вечернѣ хоры соеди-

няются при пѣніи стиха „яко утвердися милость его“ и на стихирахъ стиховныхъ.

Правила относительно литургіи ограничиваются слѣдующими замѣчаніями: а) парамонарь, передъ началомъ клепанія къ литургіи, долженъ взять молитву (благословеніе) отъ игумена, а въ случаѣ его отсутствія, отъ эконома, или отъ перваго изъ поповъ. б) Припѣвы къ стиху „пріидите поклонимся“ назначаются разные примѣнительно къ праздникамъ. Время, когда они поются на литургіи, обозначается такимъ образомъ: на уставныхъ (т. е. на изобразительныхъ та тоѣхъ, на псалмахъ положенныхъ въ уставѣ) иже на литургіи на входѣ поповствѣмъ“. л. 264 (т. е. на входѣ въ алтарь, совпадающемъ съ пѣніемъ этого стиха. Ср. входъ архіерея).

Павечерницу, которая въ различныхъ мѣстахъ студійскаго устава полагается большая, средняя и малая, — павечерницу иногда пѣли въ церквѣ, и тогда каждый долженъ былъ занимать назначенное ему мѣсто, а начальникъ сторонъ стоялъ впереди между хорами и подавалъ согласіе въ пѣніи. Когда же павечерница справлялась въ притворѣ — попы стояли впереди, съ правой и лѣвой стороны, за ними дьяконы, а за этими — вся остальная братія.

По окончаніи повечерія происходилъ обрядъ цѣлованія игумена съ братією и монаховъ между собою. Расходясь ко сну, они провожали день, прося другъ у друга прощенія. Въ краткомъ начертаніи студійскаго устава (ὑποπόμωσις) объ этомъ обычаѣ упоминается подъ именемъ: ὁ διὰ χειρῶν σταυροειδῆς ἀσπασμός (№ 19), у Никиты Стивата: περὶ τῆς διὰ χειρῶν ἀσπασμῆς (Mign Patrol Curs. 99 p. 1711), а въ студійскомъ синодальномъ уставѣ онъ очень подробно описывается въ статьѣ о цѣлованіи (л. 265). Обрядъ происходилъ такимъ образомъ.

Передъ окончаніемъ службы выходили съ своихъ мѣстъ игуменъ и экономя и, поднявшись на солею, встрѣчались передъ алтарною преградой, причѣмъ экономя кланялся игумену до земли. Затѣмъ тотъ и другой складывали свои руки крестообразно. Экономъ клалъ свою правую руку между рукъ игумена, а лѣвую прикладывалъ ладонью снаружи къ правой его рукѣ, и оба цѣловали, образовавшійся отъ такого сложенія рукъ, крестъ. По окончаніи обряда расходились и становились: игуменъ у праваго столпа алтарнаго, а экономя у лѣваго. Къ нимъ подходили сначала священники, діаконы и прочіе великосхимники — стоящіе на правой сторонѣ къ игумену, а по лѣвой — къ эконому, и между ними происходилъ обмѣнъ той же обрядности. Но когда подходили малосхимники, то сначала кланялись въ ноги игумену или эконому, потомъ, скрестивъ руки, стояли наклонивъ голову. Игуменъ или экономя касался головы ихъ крестообразно сложенными руками и цѣловалъ послѣдніа какъ бы голову подходящаго, при чемъ подходившій говорилъ: благослови и помолись за меня, и получалъ въ отвѣтъ: Богъ да спасеть тебя. Между собой малосхимники ограничивались поклономъ и словами: господи благослови и помолись за мя. Послѣ всѣхъ подходили два эпитимонарха (благочинные — хитроначальники) и, исполнивъ обрядъ цѣлованія по образцу священниковъ, съ равными себѣ, отступали на средину церкви, становились одинъ по одну, другой по другую сторону „старѣйшины обѣихъ сторонъ“ (такъ называется таксіархъ, или главный надзиратель за братіею въ церкви) и дѣлали земной поклонъ. Служащій священникъ произносилъ: яко святъ еси Боже нашъ... послѣ чего присутствующіе дѣлали три земныхъ поклона, съ произнесеніемъ на каждый изъ нихъ 12 разъ Господи помилуй, и соразмѣряя свои

движенія съ дѣйствіями игумена. Въ заключеніе пѣли 6-й псаломъ, святой Боже, Господи помилуй 12, а священникъ произносилъ отпускную молитву, во время которой всѣ падали на землю и затѣмъ расходились по келліямъ. Великопостная павечерница отличалась отъ всенедельной особымъ прибавленіемъ на концѣ, которое состояло въ томъ, что послѣ 6 го псалма произносили безъ пѣнія безъ раздѣленія стиховъ: блаженни непорочнии, затѣмъ нѣсколько тропарей, три молитвы: манассіину, и даждь намъ владыко, величая величаю тя и затѣмъ, послѣ отпускной молитвы, выходили изъ церкви ¹⁾.

Павечерница была послѣднею общею службою, по окончаніи которой монахи отправляли наединѣ особое келейное правило (л. 264 об. 268). Это правило, соотвѣтствующее позднѣйшимъ молитвамъ на сонъ грядущимъ, состояло въ томъ, что каждый изъ богоговѣнныхъ мнихъ долженъ былъ у себя въ келліи прочесть 12 псалмовъ въ четыре приема, по три псалма на каждый, съ двумя тропарями и богородичнымъ послѣ каждого отдѣленія. Только въ послѣднемъ отдѣленіи вмѣсто втораго псалма читалась молитва Манассіи. Затѣмъ еще нѣсколько тропарей, стихирь покаяннаго содержанія и заупокойныхъ, и все это оканчивалось молитвами: и даждь намъ владыко и величая, величаю. (Послѣдняя называется молитвою св. Евстратія). Мѣсто полунощницы занимало келейное правило, въ составъ котораго входили непорочны и заупокойные тропари. Кромѣ того въ монастырѣ Алексѣевомъ ежедневно, послѣ утрени и повечерія, отправлялась паннихида за храмоздателя, патріарха Алексія, въ придѣлѣ Пантелеимона, гдѣ

¹⁾ Чинъ пѣванія и подробности павечерницы, по студійскому уставу, см. приложение VI.

находился его гробъ (л. 271). По составу своему эта паннихида весьма замѣчательна и много отличается отъ теперешней. Но псалмы 19 и 20, которыми она начиналась, не были принадлежностію паннихиды царской, а входили въ составъ обыкновенной заупокойной литіи, какъ видно изъ приписки на полѣ синод. устава, № 330—380, гдѣ рѣчь идетъ о заупокойной службѣ въ субботу мясопустную, и изъ чина младенческаго погребенія въ требникѣ Діонисіевомъ.

Только патріархъ, Алексѣй, примѣняя этотъ общій порядокъ къ своему лицу, дѣлаетъ распоряженіе замѣнить въ послѣднемъ стихѣ 19 псалма выраженіе: спаси царя словомъ: спаси раба. Кромѣ ежедневныхъ паннихидъ справлялись, по распоряженію патріарха, еще семь особенныхъ годовыхъ, (въ родѣ теперешнихъ царскихъ) и время каждой изъ нихъ точно обозначено. Первая—въ субботу передъ пятидесятницею, (согласно общепринятому порядку) вторая—въ постѣ св. Апостоловъ, третья—12 августа, за два дня до храмоваго праздника въ монастырѣ и въ память обновленія главной успенской церкви, четвертая—въ постѣ Филипповъ, пятая въ субботу мясопустную, шестая—15 марта, за два дня до памяти Алексѣя челоуѣка Божія, — а это былъ день Ангела патріарха Алексѣя; седьмая паннихида не обозначена и вѣроятно справлялась въ день его смерти.

Изъ дальнѣйшихъ статей заключаетъ нѣсколько литургическихъ указаній глава о томъ, когда стоять на службѣ со свѣчами и объ освѣщеніи церкви въ будніе дни и праздники.

Особенно же замѣчательна въ этомъ отношеніи обширная статья о погребаніи, л. 273—278. Въ виду важности этой статьи для исторіи обряда, мы помѣщаемъ ее съ объясненіями въ приложеніи. (См. далѣе).

Сгруппируемъ теперь главные особенности студійскаго часослова сравнительно съ іерусалимскимъ, по этому изложенію, и покажемъ ихъ видовыя отличія.

Утренняя начиналась иначе и открывалась кажденіемъ при пѣніи 6-го псалма. Въ подлинникѣ „с плмъ“. Мы переводимъ это слово—шестой псаломъ, а не шестопсалміе, потому что о немъ идетъ рѣчь далѣе, и по аналогіи съ началомъ утрени по обычаю Св. горы, гдѣ утренняя начинается шестымъ псалмомъ (синод. рук. № 431). Ни о полунощницѣ, ни о псалмахъ 19 и 20, не говорится ни слова. Входя изъ притвора въ церковь, во время кажденія, священникъ произноситъ: яко святъ еси нынѣ... тотъ же возгласъ, что и на литургіи послѣ входа.

Число каеизмъ на утренѣ по студійскому уставу меньше чѣмъ по іерусалимскому и ограничивается одною въ періодъ отъ недѣли еоминной до воздвиженія и двумя—отъ воздвиженія до великаго поста; тогда какъ по іерусалимскому для перваго періода назначаются двѣ, а для втораго—три. Указывается также отличіе въ исполненіи непорочныхъ по субботамъ, въ праздники и въ дни будніе. Въ первомъ случаѣ они стихословятся съ аллилуія, а во второмъ просто, безъ аллилуій. Отсюда видно, что этотъ припѣвъ служилъ иногда отличіемъ праздничной службы, какъ и остается доселѣ съ этимъ значеніемъ въ уставѣ римскомъ. На этомъ то основаніи въ студійскомъ монастырѣ непорочны пѣлись съ аллилуія въ субботу первой недѣли великаго поста (память Θεодора Тирона), въ лазареву субботу и въ субботу великую. О теперешнемъ канонѣ съ тропарями на непорочныхъ не говорится ни слова, а вмѣсто нихъ служило припѣвомъ аллилуія.

Въ составъ поліелейныхъ псалмовъ входили три: 134, 135, 136, и слѣдовательно послѣдній изъ нихъ: на рѣкахъ вавилонскихъ, не былъ принадлежностію ве-

ликопостной только службы какъ теперь. Кромѣ того эти псалмы произносились съ аллилуія сугубою и однократною.

Что касается до великаго славословія, то оказывается, что его пѣли на утренѣ, и мнимое отсутствіе этой пѣсни, выставляемое Никономъ Черногорцемъ въ качествѣ отличительнаго признака для студійскаго устава, падаетъ само собою. По меньшей мѣрѣ это замѣчаніе не можетъ простираться на тѣ списки студійскаго устава, которые дошли до насъ, и очень можетъ быть недоразумѣніе произошло отъ того, что Никонъ не нашелъ великаго славословія въ изложеніи службы по мѣсяцеслову. Тамъ оно дѣйствительно не упоминается, но не потому чтобы его не было, а просто какъ часть обыкновенная, предполагаемая сама собою.

Обрядъ цѣлованія *диѣ христову*, послѣ павечерницы, не имѣлъ мѣста въ уставѣ іерусалимскомъ, и мы нигдѣ не встрѣчали его въ этихъ послѣднихъ, какъ греческихъ, такъ и славянскихъ. Онъ происходилъ гораздо короче и проще, очень близко къ теперешнему способу. Слѣдуетъ отмѣтить и придатокъ къ великопостной полунощницѣ въ видѣ непорочныхъ, о которомъ также *неизвѣстно изъ устава іерусалимскаго*.

О келейномъ правилѣ, послѣ павечерницы, также не говорится, а вмѣсто него, въ часословѣ Клиріана и другихъ однородныхъ источникахъ, положены для желающихъ молитвы на сонъ грядущимъ; (о составѣ ихъ см. выше) полунощница же поется въ келліяхъ, если монастырь келліотскій и въ церкви, — когда общезначительный.

Не было по студійскому уставу всенощныхъ, а по связи съ ними и малой вечерни, литіи и благословенія хлѣбовъ: первая имѣла мѣсто послѣ каждой вечерни, а послѣднее замѣнялось обыкновеннымъ столпомъ.

Мелкія статьи литургическаго содержанія приписываются Кипріану.

Съ именемъ Кипріана извѣстна разрѣшительная молитва, составленная имъ для прочтенія надъ гробомъ при погребеніи Луцкаго князя Димитрія. Она издана въ исторіи Русской Церкви преосв. Мамарія (т. IV прилож. XXVI), по списку XV в. изъ сборника Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, подъ заглавіемъ: молитва разрѣшити царя и князя и всякаго христіанина, твореніе господина Кипріана митрополита Кіевскаго и всея Руси, а списана въ Лутцѣ надъ гробомъ княжимъ Димитріевымъ. Кромѣ того она извѣстна по требнику синодальной бібліотеки № 378—898 (Опис. III. 232), по требнику XV в. нашей академической бібліотеки № 333 (л. 292), и по рукописи троїцкой Лавры № 284 (См. Опис. ч. II. стр. 61). По справкѣ описателей синодальной бібліотеки съ *Supplementa ad hist. Russ. monum* (р. 128) оказывается, что, во время Кипріана, въ Лутцѣ, былъ дѣйствительно князь Димитрій, называвшій себя великимъ, и такимъ образомъ молитва можетъ быть приурочена къ опредѣленной исторической личности. Во всѣхъ названныхъ спискахъ читается одна и та же молитва, начинающаяся словами: владыко Боже Отче вседержителю сотворивый челоуѣка... Принадлежность ея Кипріану не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній. Выдавать такія молитвы было въ обычаѣ того времени, а это право принадлежало епископамъ, которые, по просьбѣ болѣе извѣстныхъ лицъ, составляли на ихъ имя и пересылали подобныя разрѣшительныя грамоты.

Происхожденіе ихъ имѣетъ основаніе въ древне-церковной дисциплинѣ относительно кающихся и состоящихъ подъ эпитимією. Бывало такъ, что лица, несшія эпитимію, умирали неразрѣщенными; тогда

самъ собою возникалъ вопросъ: какъ относиться къ такимъ субъектамъ, считать ли ихъ находящимися въ союзѣ съ церковію, или какъ отлученныхъ. При той снисходительности, какая допускалась относительно разрѣшенія лицъ, находившихся въ опасности смерти, естественно было ею же руководиться и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о людяхъ, застигнутыхъ нечаянно смертію и не успѣвшихъ, вслѣдствіе этого, получить разрѣшеніе. Въ такомъ случаѣ невыполненное при жизни исполнялось по смерти, и принятіе въ общеніе съ церковію неразрѣшенныхъ совершалось посредствомъ разрѣшительной грамоты или молитвы, которую прочитывали надъ умершимъ. Іоаннъ діаконъ рассказываетъ о Григоріѣ Великомъ, что онъ отлучилъ одного монаха Фруктуоза за какой-то дурной поступокъ. Случилось такъ, что монахъ нечаянно умеръ, не успѣвъ получить разрѣшенія. Настоятель монастыря довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Григорія, и онъ посылаетъ съ однимъ изъ своихъ діаконѣвъ *pittakion*, — грамоту, хартію, чтобы тотъ прочелъ ее надъ гробомъ умершаго брата. На слѣдующую ночь умершій является игумену и объявляетъ, что въ тотъ часъ, какъ діаконъ прочелъ разрѣшительную молитву, онъ получилъ разрѣшеніе, и его душа была избавлена отъ осужденія. (Morin. de poenitent, L. X. c. IX p. 739). Этотъ рассказъ передается въ лѣтописи Георгія Амартола, и о грамотѣ говорится: *γράφας ἐν χαρτί ἐβύη ἰβόσαν αὐτὸν τῆ δεσφῆ*. (р. 642, по изданію Акад. Наукъ).

Греческіе списки разрѣшительной молитвы удержали указаніе на ихъ происхожденіе и первоначальное назначеніе и могутъ служить отголоскомъ древнѣйшаго церковнаго порядка. Если взять во вниманіе рядъ этихъ молитвъ, изданныхъ у Гоара, то мы увидимъ, что онѣ помѣщаются не въ чинѣ по-

гребенія, гдѣ дѣло идетъ объ обрядѣ обычномъ и надъ всѣми исполняемомъ, а въ группѣ молитвъ покаянныхъ и разрѣшительныхъ. Онѣ называются *εὐχαῖ συυφορητικαὶ* (откуда славянскій переводъ: молитвы прощальныя) и назначаются для произнесенія надъ умершимъ, находящимся подъ клятвою или отлученіемъ, (*εις πάσαν ἀράν καὶ ἀφορισμόν*. Euchol. p. 684), а также на разрѣшеніе скончавшагося связаннымъ отъ архіерея. (*ibid.* 686). Въ противоположность обычнымъ молитвамъ разрѣшенія на исповѣди, онѣ составлялись особо архіереями на подобные случаи, произносились ими самими, или посылались на хартіяхъ съ лицами уполномоченными (*ibid.*). Въ двухъ первыхъ изъ этихъ молитвъ, у Гоара, дѣло идетъ о разрѣшеніи отлученнаго, застигнутаго нечаянною смертію, а въ третьей имѣется въ виду нечаянно умершій отъ насилія варваровъ.

Болѣе широкое и общее употребленіе получили эти грамоты съ тѣхъ поръ, когда право выдавать ихъ перешло отъ архіерея къ священникамъ, духовникамъ, и было распространено на лица извѣстныя своею жизнію. Не ограничиваясь умершимъ въ отлученіи, стали выдавать ихъ для всякаго, кто желалъ перейти на тотъ свѣтъ съ большимъ обезпеченіемъ своей участи и въ качествѣ свидѣтельства отъ духовника, что извѣстное лицо не состоитъ подъ эпитимією и получило разрѣшеніе. Еще далѣе онѣ перестали выдаваться на извѣстное лицо и вошли въ составъ обрядовъ погребенія мірскаго и монашескаго. За лицами выдающагося общественнаго и церковнаго положенія оставалось впрочемъ преимущество имѣть особыя личныя разрѣшенія, которыя и получались въ видѣ грамотъ отъ мѣстнаго архіерея, или митрополита. Самый ранній изъ извѣстныхъ намъ случаевъ такого рода связывается съ личностію Θεодосія пе-

черскаго и съ его отношеніями къ Симону варягу. Симонъ просилъ прса. Теодосія помолиться за него и свой родъ, а для **большей убѣдительности** изложить эту молитву письменно. Не изыду тощъ отъ тебе, аще писаніемъ не извѣстиши ми, говоритъ онъ. Исполняя это желаніе, Теодосій написалъ ему прощальную молитву, первыя и послѣднія слова которой приводятся въ патерикѣ печерскомъ, и при этомъ дѣлается весьма важное въ литургическомъ отношеніи замѣчаніе, что эту молитву съ тѣхъ поръ стали влагать умершимъ въ руку, яко же первый Симонъ вложить себѣ повелѣ. Судя по выдержкѣ, молитва Теодосіева была не что иное, какъ разрѣшальная молитва надъ умершимъ, извѣстная и по стариннымъ требникамъ ¹⁾. Самому-же Теодосію принадлежитъ дополненіе къ ней, относящееся къ лицу просителя. Если все это мѣсто и приводимая выдержка принадлежатъ перу Симона Владимірскаго, а не внесены впоследствии, то это будетъ значить, что въ XIII в. разрѣшительная молитва уже существовала, и было въ обычаѣ вручать ее покойнику. Но обычай пошелъ конечно не со времени Симона варяга, и его оди-ночный примѣръ не могъ сдѣлаться основаніемъ практики. Основаніе, безъ сомнѣнія, лежало глубже, а самый обычай практиковался въ Византіи и имѣлъ связь съ индульгенціями. Въ разсказѣ о погребеніи Александра Невскаго говорится, что онъ самъ протянулъ руку, чтобы принять отъ епископа разрѣшительную грамату. Въ требникахъ XIV вѣка эти мо-

¹⁾ Во имя Отца и Сына и Св. Духа, молитвами Святыя пречистыя Богородицы и приснодѣвы Маріи... Святыхъ отецъ 318, иже въ Никей соборѣ, рече бо Господь заповѣдавъ имъ отгущати.... Кон. Егда придетъ праведный судія, хотя судити живымъ и мертвымъ...

литвы уже записываются въ чинѣ погребенія ¹⁾. Любопытное извѣстіе о томъ же обычаѣ находится въ житіи Евѳимія Новгородскаго. Блаженный Евѳимій, говорится здѣсь, яко видѣ себе болѣзнію одержима, посылаетъ къ первопрестольнику Іонѣ, митрополиту Кіевскому и всея Россіи благословенія ради и конечнаго прощенія. И тамо посланному пришедшу... первопрестольникъ, написавъ своею рукою, прощеную грамоту, посылаетъ съ нею нѣкоего священноинокъ, Евменія именемъ, повелѣвъ тому; прочетшу посланіе, въ руки тому вложить. Посланецъ, не заставъ Евѳимія въ живыхъ, принужденъ былъ исполнить данное ему порученіе надъ гробомъ святого. Гробъ открыли, и посланное посланіе благословенія и прощенія прочеть и въ руку того положивше, паки гробъ закрываютъ. (Пыпинъ Памят. старо-русск. литер. IV. 22) ²⁾. Въ требникѣ архимандрита Діонисія (№ 183 гл. 76) дѣйствительно читается съ именемъ митрополита Іоны разрѣшительная молитва подъ слѣдующимъ заглавіемъ: иже во святыхъ отца нашего Іоны, митрополита Кіевскаго и всея Русіи, новаго чудотворца, молитва и благословеніе и прощеніе надгробное преставляемуся рабу имѣркъ. Написана эта молитва въ первомъ лицѣ отъ имени митрополита Іоны, но никакого отношенія къ лицу Евѳимія не имѣетъ, а потому могла употребляться безразлично надъ каждымъ умершимъ ³⁾. Митрополитъ Кипріанъ написалъ подобное же разрѣшеніе для Луцкаго князя Дмитрія: оно

¹⁾ О молитвѣ прощальной, егда въ гробъ кладутъ, упоминается въ словѣ о непоминовеніи живыхъ. Пыпинъ IV. 217.

²⁾ Прощальная грамота митрополита Іоны Евѳимію см. А. Ист. I. № 269.

³⁾ См. приложение VII. Преосвященный Филаретъ упоминаетъ о разрѣшительной молитвѣ Іоны по рукописи волоколамской № 293. Обз. § 92 стр. 138. Судя по началу, она таже, что и нами приводимая, только вмѣсто имени Іона стоитъ имрекъ.

было прочтено надъ его гробомъ, а потомъ получило болѣе общее употребленіе, какъ видно изъ надписи, и вошло въ составъ требника ¹⁾. Впрочемъ, наибольшая практическая извѣстность выпала на долю не этихъ митрополичьихъ писаній, а молитвъ болѣе древнихъ, изъ которыхъ одна приводится въ патерикѣ съ именемъ Θεодосія печерскаго. Греческаго ея подлинника мы не знаемъ, но нѣкоторыя выраженія читаются въ молитвахъ прощальныхъ у Гоара. По славянскимъ спискамъ она становится извѣстною очень рано и записана подъ именемъ молитвы раздрѣшальной въ чинѣ мірскаго погребенія (погребальникъ бѣлецкій), по рукописи половины XIV в., изданной Обществомъ Любителей Древней Письменности (1878. XXIV л. 155), въ отрывкѣ изъ сербскаго требника XIV—XV в. въ собраніи Григоровича, гдѣ уцѣлѣло только ея начало, но съ слѣдующимъ любопытнымъ замѣчаніемъ: молитва сія сказаетсе носити сыновомъ и дочеремъ духовнымъ, аще отъ житія сего преставитсе, влагающе и въ гробъ, вложити ему въ десну руку, тако погresti и таже молитва си. (Викторовъ опис. рук. Григоровича № 34). Отсюда видно, что молитва выдавалась отъ духовника исповѣдникамъ, которые носили ее при себѣ и съ нею хоронились. Не говоримъ о требникахъ позднѣйшихъ, гдѣ она также читается, но рядомъ съ нею записывается и другая, которая можетъ считаться первоосновою теперь употребляемой и начинается словами: Богъ милосердый и многомилостивый. Она называется отпускою, иже написавъ, положити въ руку умершаго (Опис. III. 232), и помѣщалась въ старопечатныхъ требникахъ; и замѣчательно, что именно ее назна-

¹⁾ Извѣстна раздрѣшительная грамота Максиму греку Іереміи патриарха. Описаніе рукоп. С.-б. II, 2. 565.

чается класть въ руку покойника въ тѣхъ случаяхъ, когда молитвъ положено нѣсколько. (Напр. требн. наш. Акад. № 183, глава 76 на концѣ, синод. требн. № 378).

Извѣстно кромѣ того нѣсколько богослужебныхъ переводовъ и, повидимому, самостоятельныхъ статей, приписываемыхъ митрополиту Кипріану по славянскимъ рукописямъ. Довести справедливость этихъ указаній очень трудно, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ нельзя не назвать ошибочными. Поводомъ къ тому, чтобы связать съ именемъ Кипріана ту или другую статью, то или другое послѣдованіе, служили, вѣроятно, тождественныя съ ними его отвѣты игумену Аѳанасію и во многихъ случаяхъ злоупотребленіе его широкою литургическою извѣстностью. Книжники позднѣйшаго времени, чтобы придать авторитетъ новому изложенію обряда, вновь переводимой литургической статьѣ, ставили надъ нею имя какого либо виднаго литургическаго дѣятеля и при этомъ имѣли въ виду аналогію между надписываемою статьею и его подлинно извѣстными трудами. Само собою разумѣется, что это не исключаетъ написаній вѣрныхъ и указаній на труды подлинныя; но въ такомъ случаѣ въ пользу написанія должны говорить другія авторитетныя свидѣтельства.

Есть полное основаніе утверждать, что Кипріанъ былъ хорошо знакомъ съ трудами патріарха Филоея, и, благодаря своимъ личнымъ сношеніямъ, имѣлъ полную возможность переводить его молитвы, каноны и послѣдованія, а прежде переведенныя распространять въ церковномъ употребленіи. Дѣятельность Филоея въ литургическомъ отношеніи заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе что о ней остались свѣдѣнія у византійскихъ историковъ, а для знакомства съ его богослужебными произведеніями даетъ

хорошій матеріалъ синодальная греческая рукопись, заключающая собраніе его молитвъ и канонѡвъ (№ 349). Въ данномъ случаѣ мы будемъ говорить лишь о той незначительной части его сочиненій, съ которыми прямо или косвенно связано имя нашего митрополита, какъ переводчика.

Литургическому перу Филоея давало богатую пищу политическое положеніе тогдашней Византіи, вызывая его на составленіе молитвъ и канонѡвъ по поводу бѣдствій, которымъ подвергалась имперія отъ нападений непріятеля, войнъ, засухи и моровой язвы. Подобныя произведенія конечно могли имѣть приложеніе и къ тогдашнимъ обстоятельствамъ русской земли, страдавшей отъ татаръ и отъ ужасовъ черной смерти, а службы святымъ, молитва св. Духу на пятидесятницу и на молебнѣ въ день новолѣтія составляли очень полезное дополненіе къ тогдашнему еще не сложившемуся требнику, пополняя видный пробѣлъ въ его составѣ. Но что именно было переведено изъ этого Кипріаномъ и пущено имъ въ церковное употребленіе на Руси, остается неразрѣшимымъ по отсутствію положительныхъ указаній и тѣмъ болѣе, что многое изъ сочиненій Филоея могло быть переведено на Аѡнѣ сербскими переводчиками и взято Кипріаномъ въ готовомъ видѣ изъ Хиландаря и вообще при посредствѣ Аѡна. Нѣкоторые изъ этихъ переводовъ носятъ имя Θεодора Ростовскаго, а другіе, и притомъ значительное большинство, остались безъ указаній на переводчика, хотя и очень скоро сдѣлались извѣстны въ нашихъ служебныхъ книгахъ, напримѣръ: въ общей минеѣ XV вѣка (рукопись московской духовной Академіи № 77), въ каноникѣ 1453 года (синодальной бібліотеки № 468), и въ слѣдованной псалтири XV вѣка (бібліотеки троицкой лавры № 313). Не говоримъ о позднѣйшихъ.

Всего чаще надписывается потруженіемъ Кипріяна канонъ и молитва на поганые патріарха Филоея ¹⁾. Въ греческомъ синодальномъ сборникѣ филоеевыхъ сочиненій этого канона нѣтъ, а есть только молитва. Но что не Кипріявъ, и не русскій кто либо, былъ составителемъ канона, это видно изъ его содержанія и построенія, какъ нельзя лучше отвѣчающихъ подлиннымъ произведеніямъ константинопольскаго патріарха, и изъ прямыхъ надписей въ названной сейчасъ минеѣ (л. 281) и въ каноникѣ 1453 года. (л. 79 об.) Что же касается до молитвы, то она съ именемъ Филоея (тѣ автѣ) читается въ греческомъ сборникѣ его сочиненій и имѣетъ слѣдующее заглавіе: *εὐχὴ κατὰ πολέμιον*. Нач. *Δέσποτα κε ὁ Θεὸς ἡμῶν ὁ σοφίας ἀρρήτων λόγων*. (У Гоара нѣтъ). Принадлежность ея Филоею не подлежитъ сомнѣнію: ея первыя слова обличаютъ обычный пріемъ филоеева пера, пріемъ впрочемъ очень однообразный, вращающійся около одной темы и пользующійся одними и тѣми же выраженіями, какъ общимъ мѣстомъ. Разумѣемъ указаніе на мудрость, неизреченное слово, на управление къ лучшему, описание ужасовъ столицы и бѣдствій имперіи въ выраженіяхъ очень сходныхъ съ другими произведеніями нашего автора. При ясномъ обозначеніи его имени въ греческомъ сборникѣ невольно возникаетъ вопросъ: отчего въ старо-славянскихъ рукописяхъ эта молитва является произведеніемъ анонимнымъ? Это молчаніе мы объясняемъ себѣ такъ: молитва составляетъ заключеніе послѣдованія или канона. Во главѣ его стояло имя автора, а надъ молитвою, которая составляла съ нимъ одно цѣлое, оно оказывалось излишнимъ. Не имѣя

¹⁾ Канонъ Господу нашему Иисусу Христу и къ пресвятѣй Его Матери на поганья молебень. Твореніе святѣйшаго и вселенскаго патріарха Филоея и потруженіе же Кипріяна смиреннаго митрополита всея Руси.

подъ руками греческаго текста канона, нельзя, конечно, судить о составѣ акростиха, по которому онъ написанъ и долженъ былъ носить имя Филовея, но кажется въ богородичныхъ тропаряхъ читалось $\phi\iota\lambda\omicron\upsilon\epsilon\omicron\upsilon$, какъ можно догадываться по началу этихъ пѣсней въ славянскомъ переводѣ. Вотъ эти слова: бѣжуща— $\phi\epsilon\beta\upsilon\omicron\upsilon\tau\alpha$, крѣпкими— $\iota\sigma\chi\upsilon\rho\omicron\iota\varsigma$, слово— $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, оружіе $\delta\pi\lambda\omicron\nu$, буеть— $\theta\eta\rho\iota\omicron\tau\eta\varsigma$ (?), избавиль— $\epsilon\lambda\upsilon\theta\rho\omicron\varsigma\epsilon$, князь— $\delta\ \acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu$ (?), пѣснь— $\theta\mu\omicron\varsigma$. Наконецъ, къ открытію имени автора служить и богородиченъ 9-й пѣсни, въ которомъ составитель говоритъ о себѣ, что онъ „сплелъ эту пѣснь, возвратившись изъ изгнанія и приносить ее въ молитву о стадѣ семъ, ему же показала еси насъ пастыря и стража“. Такимъ образомъ, происхожденіе канона можно относить къ тому времени, когда Филовей вторично занялъ патриаршую кафедру и сталъ во главѣ церковнаго управленія.

Мы вдалились въ эти подробности, имѣя въ виду недоумѣніе, высказанное въ Описаніи Сб. (III. 56) на счетъ того „принадлежитъ ли къ потруженію Кипріяна одинъ переводъ, или и составленіе молитвы“ на поганя. Молитва несомнѣнно греческаго происхожденія; ея подлинникъ читается въ синодальномъ сборникѣ, и на него ссылался еще преосвященный Филаретъ Черниговскій. (Обзоръ пѣснописц. 348.). Кипріяну же принадлежитъ только трудъ перевода. Славянскимъ переводчикамъ сдѣлана и замѣна греческаго прозвища царь мѣстно—русскимъ князь, (вѣрныя князи), а въ другихъ молитвахъ призываніе на помощь славянскихъ святыхъ, на ряду съ тѣми, которые считались покровителями отъ враговъ въ Византіи. ¹⁾

¹⁾ Выдержки изъ этого канона см. приложеніе VIII.

Въ каноникѣ, изъ бібліотеки троицкой лавры № 284. (XVII вѣка л. 97) читается канонъ ко Господу нашему Иисусу Христу.... пѣваемый о гобзвѣ плода, твореніе смиреннаго митрополита всея Русіи Кипріана. (Описаніе троицкой бібліотеки II. 59). Тамъ же—канонъ молебень ко Господу нашему Иисусу Христу въ усобныхъ бранехъ иноплеменнымъ, твореніе Филоея, потруженіе же Кипріана митрополита кievскаго и всея Русіи (ст. № 313).

Служба или канонъ Петру митрополиту, его же, извѣстенъ по многимъ рукописямъ.

Въ Діонисіевомъ требникѣ митрополиту Кипріану приписывается переводъ съ греческаго особыхъ молитвъ на вечернѣ, часахъ, полунощницѣ и утренѣ ¹⁾. Это тѣ молитвы, о которыхъ упоминаетъ Симеонъ Солунскій въ изложеніи пѣсеннаго послѣдованія. На греческомъ онѣ извѣстны очень рано и читаются, кромѣ гоарова изданія въ греческомъ евхологіѣ XII—XIII вѣковъ изъ савостьяновскаго собранія въ Румянцевскомъ музеѣ. (Подробности въ нашей статьѣ о пѣсенномъ послѣдованіи. Творенія Св. Отцевъ 1880 г.) Въ славянскомъ переводѣ онѣ помѣщаются въ синодальномъ требникѣ № 371 (XIV вѣка), но безъ имени переводчика. Нѣтъ серьезныхъ основаній принять замѣчаніе о Кипріанѣ, какъ переводчикѣ этихъ молитвъ. Оно появляется въ рукописи XVII вѣка, и ранѣе намъ нигдѣ не встрѣчалось. Историческія соображенія въ этой рукописи не всегда отличаются разборчивостію, и молитвы пятидесятницы приписываются напр. патріарху антиохійскому Макарію, который былъ самовидцемъ Св. Духа, якоже и Апо-

¹⁾ Онѣ называются здѣсь „отъ древнихъ потребникъ собранныи... и переведенными отъ греческихъ книгъ святѣйшимъ митрополитомъ Кипріаномъ“. (№ 183 л. 38 Cf. Описаніе III. 144).

столи; егда молитвы сія творяше, тогда видѣ церковь огнемъ палашу (sic) и не возмогъ стояти, паде на колѣну повелѣ людемъ такоже молитися и оттолѣ уставися таковой празникъ. (Гл. 44 предисловіе) Прибавимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ извѣстны по рукописямъ ранѣе Кипріана, на примѣръ молитвы егда поютъ вечерню, по служебнику № 345—598, и въ иномъ переводѣ; три молитвы вечернія читаются въ службѣ пятидесятницы и упоминаются въ уставѣ синодальномъ № 380—330. Во всякомъ случаѣ часть ихъ была переведена ранѣе Кипріана, хотя неизвѣстно кѣмъ, и находилась въ употребленіи.

Въ требникѣ синодальномъ № 378—898 (XVI вѣка; Описаніе III. 235) „послѣдованіе провозенію надъ умершимъ младенцемъ“ надписывается твореніемъ митрополита Кипріана.

Тамъ же называется потруженіемъ смиреннаго Кипріана... молитвы како подобаетъ знаменати отроча.

Въ служебникѣ синодальномъ № 356—612 (XVI вѣка) называется благословеніемъ и присланіемъ митрополита Кипріана молитва, глаголемая въ отверженіи и по освященіи церкви, въ ней же случится умерети челоуѣку нужною смертію. Это таже молитва, что читается у Гоара р. 621 (Описаніе С. Б. III 63. Троицкой Лавры рукопись № 227).

И. Мансветовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Сравненіе молитвъ вечернихъ и утреннихъ по служебнику № 344 — 601 л. 112 об. и требнику № 375 — 326 л. 52 об.

Молитвы вечернія.

Мол. 1. Служеб. услыши молитву, требн. внуши; служ. еже ходити, требн. шествовати; служ. благъ въ крѣпости, требн. въ силѣ.

Мол. 2. Служ. обличи... покажи, треб. обличиши покажеш; служ. сотвори съ нами по твоему смотрѣнію, треб. по милости твоей; служ. и безъ грѣха, треб. безгрѣшно; служ. время живота нашего, треб. всякое лѣто живота нашего.

Мол. 3. Служ. помилуй насъ грѣшныхъ, треб. помяни насъ; служ. всѣмъ сердцемъ, треб. отъ всего сердца.

Мол. 4. Благодаримый немолчными пѣснями непрестанными и славословьи въ вышнихъ святыми силами; треб. иже немолчными пѣснями и непрестанными славословлени въ вышнихъ отъ святыхъ силъ воспѣваемый; служ. да подамы хвалу имени твоему святому, треб. еже подати величество; служ. жребій, треб. наслѣдіе.

Мол. 5. Служ. вѣдый ихъ же требуемъ и наиболее ихъ просимъ ли разумѣемъ, треб. свѣдый ихъ

же потребу имѣемъ о многомножае ихъ же просимъ или разумѣваемъ; служ. по всему благый, треб. и въ всемъ благый; служ. въ напасть, треб. въ искушеніе; служ. отъ непріязни, треб. отъ лукаваго; служ. и смотрѣніемъ все на пользу створи, треб. и вся къ полезному намъ устрои. ’

Мол. 6. Сдержай вся безмѣрною твоею силою, треб. иже пречистою ти силою преимѣя всяческая; служ. и далече твоя отъ насъ беззаконія наша, треб. и удаляя; служ. посѣти насъ благодатью пресвятаго духа и даждь намъ убѣжати лукаваго козни и свѣтъ (совѣтъ) непріязненныхъ, храня животь нашъ благодатию единачадаго сына твоего съ нимъ же благословенъ еси; треб. и посѣти насъ твоею благодатию и дай же намъ избѣжати и прѣе настоящаго дне отъ лукаваго многоплетенныхъ козней и ненавѣтенъ животь нашъ соблюди благодатию святаго ти духа.

Мол. 7. Боже великій страшный строя челоувѣка неизрѣченною благодатию и богатымъ промышленіемъ и даровавый намъ мира сего благая, обручивый намъ царство уготованное прежде сложенія мира, створивый намъ уклонитися отъ всякаго зла въ мимошедшую часть дне сего, дай же намъ Господи и прочее безпорока преити хваляще и благодаряще тебѣ благаго челоувѣколюбца Бога нашего. Треб. Боже великій и дивный, иже неизреченною благостынею и богатымъ промысломъ устраяя челоувѣчскій животь, иже мирская намъ и благая даровавъ и поручивъ намъ обѣтованное царство ради уже дарованныхъ намъ благъ, сотворивый насъ и нынѣшняго дне мимошедшую чѣя отъ великаго уклонитися зла и даруй намъ оставшее беззарока свершити предъ святою славою ти, славити тя единаго благаго и челоувѣколюбиваго Бога нашего.

Мол. 8. Служ. и дай же намъ сонъ безбоязненъ иже еси въ покой помощи нашей реклъ, треб. и дай же намъ сонъ его же въ упокоеніе ноци нашей даровалъ еси; служ. умиляющеса, треб. поуверзаеми.

Мол. 10. Въ служебникѣ надписываемая въ поклоненіе главы, соотвѣтствуетъ 11-ой требника, а 10-я въ требникѣ, лишняя противъ служебника, называется молитвою прилежнаго моленія. Итакъ, мы будемъ сравнивать 10-ю мол. служебника съ 11 требника. Служ. нечеловѣческія чающе помощи, но твоея ожидающе милости, треб. не отъ чловѣка ожидающе помощи, но твою чающе милость; служ. отъ всякаго гнѣва и отъ всякой противнаго дѣтели и отъ смыслъ суетныхъ и отъ всѣхъ похотій неприязниъ (sic). Треб. отъ всякаго врага и отъ всякаго спротивнодѣйства, помыслы суетными и вспоминачіи лукавыми.

Молитвы утреннія.

Сл. л. 116 об. Треб. 59.

Изъ нихъ мы выпишемъ 10-ю „на хвалите Господа съ небесъ“. Служ. Боже, Боже нашъ составлей мысленныя силы волею своею, тебѣ ся молимъ и тебѣ ся милиемъ прими славословленіе наше и богатыми дарми твоея благности воздаждь намъ, хвалимъ непрестанно отъ всея твари твоея, яко тебѣ поклоняеть всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ и всякъ духъ, всяка тварь хвалить непостижную твою славу.

Треб. Боже, Боже нашъ иже умныя и словесныя представивый силы своею волею, тебѣ приносимъ и тебѣ ся молимъ, прими наше со всѣмъ созданиемъ твоимъ еже по силѣ славословіе и богатыми твоея благности воздай же дарованія, яко тебѣ преклоняет-

ся всяко колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ и всяко дыханіе и созданіе хвалить непостижимую ти славу.

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Отъ типика святяя горы о поклонѣхъ. (Псалтирь митрополита Кипріана л. 191 об).

Отдаются (прекращаются) поклоны святяя чотыредесятницы въ церкви многая убо колѣнопреклоненія въ великую среду, а иже посредѣ собраніи и 3 великія отпустная (т. е. поклоны на отпустѣ) въ пятокъ на вечерни бывають. Имущія же заповѣдь и произволяющія рекше въ великую субботу въ келіяхъ своихъ творять (т. е. поклоны), судивше се (на томъ основаніи), яко за еже имѣти сей субботѣ постъ паче всего лѣта, (въ) субботу елико можетъ койждо творить и тако отдаются, и паки отъ всѣхъ святыхъ начинаютъ колѣнопреклоненія. Въ прочая же дни лѣта, егда нѣсть праздникъ, по скончаніи же 9-го часа въ пятокъ отдаются и даже до вечерни недѣльныя отъ сподоби господи въ вечерь сей безъ грѣха и паки начинаются.

Статья эта замѣчательна по нѣкоторымъ указаніямъ на мѣстную практику аѳонскихъ монастырей относительно поклоновъ. Именно: поклоны прекращаются въ великую среду, но не безусловно, а только въ томъ числѣ, какое принято для великопостнаго періода. Такъ что въ великую пятницу на вечернѣ остаются три великіе поклона на отпустѣ. А въ келіяхъ, изъ уваженія къ строгому посту великой субботы, произволяющіе продолжали поклоны и въ этотъ день. Съ этого же дня до недѣли всѣхъ свя-

тыхъ поклоны оставляются. Въ прочія недѣли, когда нѣтъ праздника, они прекращаются въ пятницу вечеромъ и начинаются „со сподоби Господи“ на вечернѣ воскресной, согласно съ 90 правиломъ Трульскаго собора.

Въ связи съ этимъ обычаемъ мы объясняемъ себѣ 39 правило бѣлецкаго устава или заповѣди, гдѣ говорится: въ среду страстныхъ недѣли полагается поклонъ, (по другому чтенію: полагаются поклоны) въ пятокъ той недѣли держати (Голуб. Истор. Р. Ц. I 514). Мысль та, что, кромѣ среды страстной недѣли, поклоны продолжаются и въ пятницу, конечно съ исключеніемъ четверга. Такъ какъ этотъ обычай противорѣчилъ практикѣ іерусалимскаго устава и потому во многихъ мѣстахъ не исполнялся, то въ другихъ спискахъ бѣлецкаго устава замѣчанія о пятницу нѣтъ вовсе, и дѣло представляется такимъ образомъ, что поклоны прекращаются въ великую среду.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI.

Синод. уставъ 330—380 л. 265.

о целованн. Прѣдн нсходн^ѣ нгоуменъ. ѿ десныма стороны. также и нконѣ. аще по^ѣ боудѣ. ѿдроугымъ стороны. и сѣрацетася сама. прѣдъ огородю олтаре^нною¹). непокръвенами главами. аще не зима боудѣ. тгда бо коупьами²) покрывають. посемь нкономъ по

¹) Прѣдъ алтарною преградю.

²) Кукульми—κοικουλλιον.

КЛОННТЬСА НГОУМЕНЪ ДО ЗЕМЛА. И ВЪСТАЕТЪ СЪ УСТАЕТЪ³⁾, РОУЦЪ СКОН ПОЛОЖЬ. ДЕСНОЮ ПРАМО РОУЦЪ ВЪРХОУ ЛЬВЪИ РОУКТЫ. ЯКО СЕ КРЪТЪМЪ ѿ ТАКОВАГО ПОЛОЖЕННА. ТАКО ЖЕ НГОУМЕНОУ СВОИ РОУЦЪ ВЪОБРАЖЬШЮ⁴⁾ ВЪЛЛАГАЕТЪ ДЕСНОЮ СИ РОУКОУ НКОНОМЪ МЕЖЮ НГОУМЕНИ РОУЦЪ. А ОУТРЪНАИ УАСТЬ⁵⁾ ЛЬВЪИ (не разобрано слово) ДЕСНЫИ РОУКТЫ НГОУМЕНА ПРЪДЪЛОЖИ⁶⁾ НГОУМЕНЪ КРАИ КОСНОВЕННИИ НКОНОМА КРАИ КОСНОУЕТЪ. ЛЕВЪИЕ КЪ СВОИМЪ ОУСТОМЪ СВОИ РОУЦЪ ОБРАЩАЕТЪ. И ЦЪЛОУЕТЪ ѿ ПЪРСТЪ СОУЩИНН ОБРАЗЪ КРЪТЪОВИДАНЪИ⁷⁾, ПОСЕМЪ ТАКОЖЕ И НКОНОМЪ ТВОРИТЬ И ЦЪЛОУЕТЪ И ТЪ ОБРАТНЪКЪ СВОИ РОУЦЪ ѿ СВОИХЪ ПЪРСТЪ КРЪТЪИИ ОБРАЗЪ. ПОСЕМЪ НГОУМЕ⁸⁾ СТАНЕТЪ ОУ ПЪРВАГО СЪЛАПА ДЕСНЫИ СТОРОНЫ ОЛТАРА. А НКОНОМЪ ОУ ПЪРВАГО НА ЛЬВЪИ СТОРОНЪ. ВЪЗНРАЕТАЖЕ ОБА НА ЗАПАДЪ. ИМОУЩА РОУЦЪ ВЪОБРАЖЕНЪ ЯКОЖЕ РЕЧЕНО ИЕСТЪ. ПОСЪ ПРХОДАТЬ ПОПОВЕ ДЕСНЫИ СТОРОНЫ ПО УИНОУ ПРЪДЪ НГОУМЕНА. ПОКЛАНАЮЩЕ ДО ЗЕМЛА. И НАПИСАНОЕ⁸⁾ ЦЪЛОВАНИЕ ТВОРАЩЕ СТОИТЬ ПРЪДЪ ОЛТАРЬМЪ. ѿЛОУУШЕСА⁹⁾ ѿ НГОУМЕНА ТАКОЖЕ И ЛЬВЪИ СТОРОНЫ. ПОПО КЪ НКОНОМОУ СЪТВОРШЕ. СТОИТЬ ИТИ ПРЪДЪ ОЛТАРЬМЪ. НЕ ѿЛОУУШЕ ѿ НКОНОМА НЪ НА КОУ.¹⁰⁾ ПО ТЪХЪ ДИИКОИИ. И КОЕИЖДО СТОРОНЫ. И ПРОУИИ ВЕЛИИИ СКИМЪИИИИ. ТЪ ЖЕ ОБРАЗЪ ТВОРАТЬ. И СТОИТЬ ПО УИНОУ ОУ КОЕИЖДО СТОРОНЫ. А МАЛНИ СКИМЪИИИИ НЕХОДАТЬ ОУБО ИТИ ОВН КЪ НГОУМЕНОУ. ИЕЛНКО ИХЪ

3) Соединяется, сходится.

4) Сложивши такимъ образомъ.

5) Внутренняя сторона руки—ладонь.

6) Приложить.

7) Образъ вкреста составляемый пальцами руки.

8) Изложено выше, указанное выше.

9) Отдѣльно отъ игумена.

10) Вмѣстѣ.

СТОИ ІАВЪ НА ДЕСНѢИ СТОРОНѢ. А ДРОУЗИИ КО ИКОНОМОУ. ІЕЛНКО НХЪ НА ЛѢВѢИ СТОРОНѢ СТОЯННІЕ. И НИЪ ОБРАЗЪ ¹¹⁾ НА НИХЪ ЦѢЛОВАНІА БЫВАЕТЪ. КЪЖДО ТѢХЪ. ПРИХОДА ИЛИ КЪ ИГОУМЕНОУ. ИЛИ КЪ ИКОНОМОУ. ПОКЛОНАТЬ ДО ЗЕМЛА. ПОСЕМЪ. СВЪАЗАВЪ РОУЦѢ ¹²⁾ ПОКЛОНИТЬ СВОЮ ГЛА. ОИЪЖЕ ПРИКОСНЕНІЕМЪ ¹³⁾ БРАТЬНА ГЛАВЫ. ЗНАМЕННІЕ СВОИМИ ПЪРСТЫ СЪТВОРЪ И ЦѢЛОВАВЪ ІА. ¹⁴⁾ ІАКО ТОГО ПРИКОСЪШАГОСА ГЛА. ПРИГЛЕТЪ ІЕМОУ БЪ СПІСИ ТА. ОМОМОУ ТИХО ІАВЪ РЕКИНО. БЛВН ПОМОЛНСА ЗА МА. ПОСѢ. МИНЕТЪ ПОКЛОНЪ ¹⁵⁾. И ПРОУЛА ВЪСА БЪ УИНОУ. И КОМОУЖДО ТОЖЕ ПРИРѢННІЕ ТИХЪ ОВЪЦАМЪ. СПРЪ. БЛВН. ПОМОЛНСА ЗА МА. И ОВЪ ВСѢХЪ РЕУЕНАМЪ НА НЕМЪ БЫВАЮТЬ. ІЕГДАЖЕ КЪ РАВЬНО УИНЫМЪ ІЕМОУ МАЛО СКИМЪНЫМЪ ПРИИДЕ ¹⁶⁾ ПОКЛОНАМЪСА ТЪУИНО КОМОУЖЪ ГЛЕТЪ. ГИ БЛВН ПОМОЛНСА ЗА МА. И ОИЪ ЖЕ ПРОТИВОУВЪЦАЕТЪ. ЗНАМЕННІАЖЕ ¹⁷⁾ НЕ ТВОРИТЬ. ПОСЪКОНЪУАНИИ ЖЕ ЦѢЛОВАНІА. МИМОХОДІИ. Б. ХЫТРОНАУАЛЬНИКА ¹⁸⁾. ІЕДНИЪ ОУБО НА ДЕСНОУЮ СТОРОНОУ. А ДРОУ НА ЛѢВОУЮ. И ПРИСТОУПАЪ ОВЪ КЪ ИГОУМЕНОУ. А ДРОУ. КЪ ИКОНОМОУ И ПОКЛОНИТЬСА ДО ЗЕМЛА КЪЖДО КЪ ІЕМОУ ЖЕ ПРИСТОУПІИ. И РОУКАМА ЦѢЛОВАНІЕ. ІАКОЖЕ РЕУЕНО ІЕСТЪ ТВОРИТИ. И СЕ СЪТВАРАЕТЪ ОВЪ ОБОЮ НА ПОПѢХЪ ЖЕ И НА ВЕЛНКЪХЪ СКИМЪНИЦѢХЪ ¹⁹⁾. ІЕГДА ЖЕ КЪ МАЛЫМЪ СКИМЪ-

11) Порядокъ, способъ.

12) Скрестивъ руки на груди.

13) Прикосновеніемъ.

14) Т. е. персты сложенные крестообразно.

15) Поклонившись, пройдетъ.

16) Т. е. малосхимникъ.

17) Знаменія креста.

18) Эпистимонархи.

19) Т. е. подходя къ понамъ и великосхимникамъ. они (эпистимонархи) исполняютъ обрядъ цѣлованія руками.

НИКОМЪ ПРИХОДАТЬ ПЪРСТЫ ²⁰⁾ КРЪТНЫ. ОБРАЗЪ НА ГЛАВѢ
 НХЪ НАЛАГАЮТЬ. ОНЫМЪ ²¹⁾ КЪ НИМЪ ПОКЛОНАЮЩЕ. И ПРИ-
 РИУАЮТЬ КЪЖДО ²²⁾ ТИХЫ. БЪ СПСН ТА. КАЛКО ЖЕ ИКОНО-
 МОУ ²³⁾ РЕУЕНО КЕСТЬ НА ЦЪЛОВАНИИ. АЩЕ ПОПОВЬСКИМЪ
 ПОУЧТЕНЪ БОУДЕТЬ САНЪМЪ. СНИМЪ ЖЕ АЩЕ НЕ БОУДЕ ПОПЪМЪ.
 ТО СТАРЪИ ВСЯХЪ ПОПО СЪТВОРН. КЪНЬГДАЖЕ СИ БЫВАЮТЬ.
 ТО СТОИТЬ СТАРЪИШИИ ОБОЮ СТОРОНОУ ²⁴⁾. ПОСРЪ ЦРКВЕ ПРИ
 КРАИ СРЕДЪ ²⁵⁾. СЪВАЗАНЪ РОУЦЪ НИМЪ. И КЕГДА ПРЕХО-
 ДИТА ХЫТРОНАУАЛЬНИКА НА ОБЪ СТОРОНѢ. КЕДНИЪ ОДЕСНОУЮ.
 А ДРОУ ОШНОУЮ. ПРИШЪДЪША СТАНЕТА ОБА ПОЛЪ СТАРЪИНИ
 ИЖЕ НА ОБОЮ СТОРОНОУ. И ПОКЛОИ ОНОМОУ ДО ЗЕМЛА. И
 РЕКШЮ ²⁶⁾. ГИ БЛВИ И ПОМОЛИ ЗА МА ТИХЫ. ПОКЛОНАЕТЪ
 СЪ НИМЪ ХЫТРОНАУАЛЬНИ. И ПОКЛОИТЬ ЖЕ ВСИ НА МЕСТѢ
 НА НЕМЪЖЕ СТОИТЬ. ГЛЮЩЕ СИЩЕ БЕЗГЛА ²⁷⁾. САЛВА ОЦЮ
 И СНОУ И СТОМОУ ДХОУ НЪ. БЛВЕНТЕ СТНИ БЛВИ ОУЕ ПО-
 СЕМ. ПОПО. РЕКШЮ КАКО СТЪ КЕСИ НЪ И ПРН ²⁸⁾. СТОИТЬ
 ЖЕ КЪЖДО КЪ СКОЕМЪ УИНОУ. И СЪТВОРА ВСИ ТРИ ПОКЛО-
 НИНИ ДО ЗЕМЛА РАВНО ДЪЛЖИЪ КЕСТЬ ²⁹⁾ ПО ПОКЛОИ-
 НИИ ВЪСТАЕТЪ. ГИ ПОИИ. ВІ. ГЛТИ О СЕБЕ ПОСЕ. ВЪТОРОЕ ³⁰⁾.
 ТВОРН. И ПАКЪ ГИ ПОИИ. ВІ. И ПОСЕМЪ ТРЕТНИЕКЪ ТВОРН
 НА КОЕМЪЖДО ПОКЛОНАНИИ. ИГОУМЕНА НАЗИРАМ ³¹⁾. И ТОМОУ

20) Перстами.

21) Т. е. малосхимникамъ.

22) Каждый, т. е. изъ эпископонарховъ.

23) Т. е. эконоомъ, или о эконои. См. выше.

24) Старѣйшій (главный надзиратель) надъ обѣими сторонами, на
 которыя раздѣлялись монахи, стоящіе въ церкви—таксiархъ

25) На срединѣ, впереди.

26) Говорится объ эпископонархахъ.

27) Тихо, про себя.

28) Нинѣ и присво

29) Т. е. каждый изъ братiй.

30) Т. е. поклоненіе.

31) Смотря на игумена.

ПОСЛѢДУЮЩА И ТАКО БО ВСН ВКОУПѢ. ДОБРОЮ ОУТВѢРНЮ И
 УНМЪ ³²⁾ ПОКЛАНАЮТЬ. А НЕ НИЗДЕ. А ДРОУГЫН ДРОУГЪДЕ.
 ИЖЕ МИРЬСКАГО ИЕСТЬ. НЕСТРОИЕННА НЕОУКРАШЕННА ³³⁾. ПО
 ТРЕТННМЪ ЖЕ ПОКЛОЕННН. НАУЫНѢ ПО МѢТКОУ ТВОРНКЫН.
 ГЛА СИЦЕ. ПРИДѢ ПОКЛОНИМЪ И ПРИПАДѢМЪ. И ПРОУАМ. И
 СЪ НИ ПОЮЩЕМЪ ВСЕМЪ. ПОЮТЬ. ѿ. ЖѢМЪ. СТЪН БѢ. ГИ
 ПОМН. ВІ. ТОМОУ БЫВЪШЮ ³⁴⁾. ШДЪ ПО И СТАВЪ ПРѢДЪ
 ОЛТАРѢ. И ПОКЛОИѢ. И ОБРАЩѢ ТВОРНТЬ МѢТКОУ. ВСЕМЪ НА
 ЗЕМАН ПАДЪШНМЪ. ГЛА СИЦЕ ХСЪ БЪ МѢТКАМИ СТЪНА БѢА.
 И ВСН ЛЮИЕ РЕКОУ. АМИ. ПОСѢ. ПОКЛОНАТЬ ДО ЗЕМЛА.
 ИГОУМЕНОУ ГЛА КЪЖДО: ГИ БЛЕН И ПОМОЛИСА ЗА МА. ОНЪ
 ЖЕ РЕУЕ. БЪ СПСН ВЪ. ОНИ ЖЕ ОБРАЩЫШЕ ДРОУГЪ КЪ
 ДРОУГОУ ТОЖЕ РЕКОУ. И ДРОУГЪ ДРОУГА СЛЫШАВЪШЕ: ИДОУТЬ
 ВЪ СВОМЪ КЕЛНА. ДОСТОНТЬ ВЪДѢ. ЯКО ИЕЛНШЪДЫ ѿ ИГОУ-
 МЕНА. ИЛИ ѿ ПО МѢТКА ѿПОУЩЕННЮ БЫВАЕТЪ. ВСН КО-
 ЛЕНЪ НА ЗЕМАН ПРЪКЛОНЫШЕ. ТАКО ПОСЛОУШАТИ ИЕА ДЪЛЖЫИ
 СОУ. СИЦЕ ОУЕО ВЪ ЦРѢН ПОДОБІЕ. ПОВѢРННЦА ПѢТА БЫТИ.
 АЩЕ ПРѢДЪ ТРАПЕЗЪННЦЕЮ ПОЮ. ДА БОУДѢ ЦЪЛОВАННІЕ
 ПРѢДЪ КРѢНЦЪМЪ. ³⁵⁾. ТАЦЕМЪ ЖЕ ОБРАЗЪМЪ ДАНЪМЪ. АЩЕ
 ВЪ ВЪНОУТРЪННМЪ ³⁶⁾ ПАПЪРТН. ИЛИ БЪ ВЪШЪННМЪ ³⁷⁾
 КРОМЪ ЦРѢКЪХЪ ДВѢРНН ³⁸⁾. АЩЕ ОУ СТЪГО ПАНТЕЛЪНМОА ³⁹⁾.
 ПРѢДЪ ДВѢРЪМИ ТОМЪЖЕ ЦРѢКЕ. ПОЮТЬ ПРѢДЪ ТРАПЕЗЪННЦЕЮ

³²⁾ Добрую утварію—*εὐχοσμία*—благочинно, чимъ—чинимъ—въ по-
 рядкѣ.

³³⁾ *Ἀχοσμία* (?).

³⁴⁾ Т. е. по окончаніи вѣнія.

³⁵⁾ Крестило—*Λουτήρ*, *Λεκανή*—чаша, въ которой святятъ воду.

³⁶⁾ *Ἐσωτερ. θυξ*—внутренній притворъ.

³⁷⁾ Чит. въшнемъ т. е. притворъ.

³⁸⁾ Кромъ—внѣ.

³⁹⁾ Особый притворъ, о которомъ нѣсколько разъ упоминается въ
 уставѣ Алексія.

ОУКРЪСТНАА ³⁵⁾. ИЛИ ВЪ КОЕМЪЖДО ПАПЪРТИ ⁴⁰⁾. Ѡ ВЕЛИКАГО ПАКА. Д. ДІ. НОМЕРА МЦА. СРѢ. ДО НАУАТЬКА ПО СЪГО ФИЛИПА. А Ѡ ДІ. ДО ВЕЛИКИМ СРѢ. ВЪ ЦРКВИ АЩЕ НЕ НАСТАНЕ ДНЬ. ВЪМЪЖЕ БЪ ГЪ ПОЮ. ТЪГДА БО И КРОМЪ ³⁸⁾ ЦРКВЕ ПОЮ. ТАКО И ВЪ СОУТЫ ⁴¹⁾. ДОСТОН ВЪДЪ. ЯКО ІЕГДА БЪ ГЪ НЕ ПОЕЪТСА. ПОЕЪТЪ. ПО. С. ХДМЪ НАВЕЪРНИЦА И ПРОУЕИ. И БЫВАЮ ПОКЛАМАННА. ТРИКРАТЬ. ПО СКОМЪУАНИИ ЦЪЛОВАНИИ. НА КОЕЖДО НХЪ ЯКОЖЕ ІЕСТЬ ШЕЛЕНО. ВІ. ГИ ПОИИ. ГЪМОУ. А ІЕГДА НАСТАНЕ ДНЬ. ІЕГДА ПОЕЪТЪ. БЪ ГЪ, ТО Ѡ ЖИВЫИ ВЪ ПОМОЩИ НАВЕЪРНИЦА ПОЕЪТЪ. ѠИЕМЛЮЩЕМЪСА ⁴²⁾ ДНЬМЪ ПАСХЫ. ТЪГДА БО Ѡ ПОИЕНИ АНТИПЪ. ДО ВЪТОРНИ. С. НЕ. АЩЕ И БЪ ГЪ ПОЕЪТЪ. НЪ НАВЕЪРНИЦА ВЪСА ЦЪЛА БЫВАЕ ПО ДРОУГОУМОУ ОУСТАВОУ. ІЕГДАЖЕ Ѡ ЖИВЫИ ПОМОЩИ ПРОУЕИЕПОЕ ⁴³⁾ ПОЕЪТЪ. ОВО ОУБО РОУКАМИ ЦЪЛОВАНИЕ СЪТВАРАЕТЪ. ЯКОЖЕ РЕУЕНО ІЕСТЬ. ПОКЛАМАННАЖЕ НЕ БЫВАЮ ⁴⁴⁾. НЪ ПОКЛОИЕНИЕ ДО ЗЕМЛА ОБАУЕ И ТОУ. ВІ. ГИ ПОИИ. ТАКО БО ТРИКРАТЬ ПОКЛАМАННА ДО ЗЕМЛЪ. ІЕГДА НЕ БЫВАЕТЪ БЪ ГЪ. И. Г. ПРОСТАМ ⁴⁵⁾. ПОКЛАМАННА. ІЕГДА ТО ПОЕЪТЪ. НЕ ТЪУИО. СРѢ. НА ОУТРЪ. НА УАХЪ. НА ВЪРНИ. ВЪСЪМЪ ВЪ СЛЪДОУЮЩЕМЪ НГОУМЕНОУ. ЯКОЖЕ МАОУИНОМЪ. И РАВНО ІЕМОУ ПОКЛАИАЮЩЕСА. НЪ И ПЪИИО ХЪРЬНОУ БЫВАЮЩО. НА КОИИИ СЛАЕЪ. АЛЪА АЛЪА. СЛА ТЕ ⁴⁶⁾. ПОЕМОУ ПОКЛАМАННА ДО ЗЕМЛЪ ДА БЫВАЮ. ПО

40) Т. е. въ томъ или другомъ притворѣ: внутреннемъ или вишнемъ.

41) Такимъ образомъ навечерница была службою ежедневною.

42) За исключеніемъ.

43) По ошибкѣ писца повторено дважды одно слово.

44) Со словъ: въ „поклоненіе“ до „не бываетъ Богъ Господь“— особый періодъ, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, что поклоны бывають въ тѣ дни, когда не положено Богъ Господь.

45) Т. е. поклоны малые не земные.

46) Замѣчательный образчикъ сугубой аллауія.

снѣзъ коюгождо. кгда вѣкъ не поютъ. бѣ гѣ. а кгда по-
ютъ въ поклоненни мѣ до землѣ. поклонанна проста. .
о павечерници въ вели. по ⁴⁷⁾.

Вѣдѣ юсть яко весь по кгда великая павечерница поютъ.
по скончанни кѣи и по. ѡ. ѡамъ. и по стѣи бѣ. дѣни
науннаю. бѣни испоро. не въ глѣ ни ⁴⁸⁾ въ стѣи раздѣ-
лаю ⁴⁹⁾. нѣ всемъ единоглаго глагошемъ. посѣ. поютъ
стѣи бѣ. тѣ. сѣмъ въ вышинѣ. и трѣ. окымъ мѣрды. и
дроу, трѣ. вѣкъ мон конѣ и бѣ. ⁵⁰⁾. рожниса нѣ ра.
посѣ глѣтъ мѣтвоу манаснѣ. юнже науало. гн вседържитѣ.
и дроюю мо. сню. дажъ намъ вѣко. мо. стѣо свѣстратнѣ.
велиуамъ велиуаю. посѣ. г. гн помнѣ и осквернышюуса
стра ⁵¹⁾. а гн помнѣ. н. посѣ. мо. ѡ по. бывши. бы-
вають ѡпоушѣе.

Въ дополненіе приводимъ въ переводѣ съ греческаго
статью Никиты Стивата: τὰρὶ τῆ δὴ ἀ χειρῶν ἀσπασμῆ.

(Mign. Patr. Curs. compl. T. 120 p. 1009).

Цѣлованіе посредствомъ рукъ имѣетъ свой смыслъ
не въ одномъ только дѣйствіи, но представляетъ
изслѣдующимъ наши порядки нѣчто вполне таин-
ственное, заключающееся въ видимомъ. Для созер-
цающихъ очами души оно открываетъ три слѣдую-
щія таинственныя вещи: примиреніе другъ съ дру-

⁴⁷⁾ Это заглавіе относится къ слѣдующему отдѣлу, гдѣ рѣчь идетъ
о порядкѣ павечерницы въ великій постъ.

⁴⁸⁾ Не въ гласъ, не по напѣву гласа, не пѣвчески, но скоро, безъ
пѣнія—χόμα.

⁴⁹⁾ Безъ раздѣленія на стихи.

⁵⁰⁾ Т. е. Богородичень.

⁵¹⁾ Такъ начинается одинъ изъ тропарей.

гомъ, отраженіе мечтаній ума и осѣненіе св. Духомъ. Ибо старшіе члены братства (*οἱ μεγάλοι*) соединяютъ при этомъ персты рукъ въ образъ креста и бывають покрыты кукулемъ незлобія, а вытянутыя длани простираютъ другъ передъ другомъ. Іереи и воспріявшіе полный образъ распятой жизни (т. е. великіе схимники) посредствомъ крестообразнаго сложенія пальцевъ означаютъ воздержность и ограниченіе въ словахъ и дѣйствіяхъ (*παρρησίας*), ради чего и облакаются благоговѣніемъ, какъ бы оружіемъ, а протяженіемъ рукъ (выражаютъ) расположеніе любви, которую, по заповѣди Христа, мы обязаны имѣть другъ къ другу..... прикосновеніемъ же пальцевъ, когда, по древнему обычаю (*παράδοσις*), подавая другъ другу правую руку, соединяемъ ихъ, вкладывая одну въ другую—этимъ выражаемъ взаимное единеніе, единоправіе и нерасторжимость любви. Цѣлованіемъ крестообразно сложенныхъ пальцевъ изображаемъ любовь къ распятой жизни и то, какъ влечемся къ ней всею душою.....

Но такимъ образомъ, по первому чину, соприкасаются другъ къ другу, какъ сказано, іереи, а также облеченные броней великаго образа и соединенные союзомъ любви. Но не такъ бываетъ въ отношеніи тѣхъ, которые носятъ лишь залогъ великаго образа (схимы)..... Эти послѣдніе, подходя съ неопкрытою головою, преклоняютъ ее предъ названными отцами, показывая этимъ съ одной стороны служебное къ нимъ отношеніе и смиреніе, а съ другой выражая прошеніе о благословеніи. Эти сначала знаменуютъ головы ихъ крестомъ, а затѣмъ, возложивши на нихъ правую руку и отнявши ее, отпускаютъ ихъ съ молитвою. Свойственно же тѣмъ и другимъ проносить при семъ: первымъ (т. е. подходящимъ)—прошу, благослови, а послѣднимъ—Богъ да спасеть тебя.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII.

(Требникъ рукоп. изъ библ. М. Д. Академіи № 183, статья 76).

Иже во святыхъ отца нашего Іоны митрополита Киевскаго и всеа русіи новаго чудотворца молитва и благословеніе и прощеніе преставльшемуся рабу божію имя рекъ. Господу помолимся.

Во имя святыхъ и живоначальныхъ троица, отца и сына и святаго духа. Се азъ смиренный Іона митрополитъ всеа русіи, молюся тебѣ Христу моему владыцѣ прощаю и разрѣшаю именемъ твоимъ сего раба твоего имя рекъ, подражая божественныхъ твоихъ устъ слову къ святымъ ученикомъ твоимъ и апостоломъ глаголющему: аще согрѣшаютъ предъ вами человекы семьдесятъ седмицею, прощайте ихъ, и паки: его же бо аще свяжете на земли и будетъ связанъ на небеси, и его же аще разрѣшите на земли и будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ; по божимъ же твоимъ владыко и неизрѣченнымъ судбамъ сподобивый мене въ превеликій тотъ санъ, человеческая согрѣшенія прощати и рѣшати: и азъ смиренный Іона митрополитъ всеа русіи именемъ твоимъ владыко Христе благословляю и разрѣшаю и простилъ есмь сего твоего раба имя рекъ отъ всѣхъ содѣянныхъ его согрѣшеній елика бо той тебѣ согрѣши волю и неволю, словомъ и дѣломъ и помышленіемъ, понеже бо владыко Христе всѣхъ царю пришелъ еси грѣшныхъ спасти и безотвѣтныхъ, и токмо ты единъ еси безъ грѣха, а человекъ нѣсть, иже живъ бывъ къ тебѣ не согрѣши; но молю твое владыко великое человекюлюбіе, яко въ придущій великій день страшнаго твоего суда десныя части того,

о немъ же молю твое милосердіе, раба твоего имя рекъ не отлучи, небеснаго твоего царства наслѣдіе ему даруй со всѣми сватыми отъ вѣка благоугодившими. Аминь.

Затѣмъ, черезъ нѣсколько строкъ, говорится: „написавъ въ руку дадутъ: Богъ милосердъ и многомилостивъ. Писана (молитва эта) во иноческомъ погребеніи“.

Изъ сравненія разрѣшительной молитвы Іоны съ прощальною грамотою, которая издана въ Историческихъ актахъ (I № 269), видно, что первая составлена на основаніи послѣдней; въ ней исключено все, что касается личныхъ отношеній Іоны къ Евѣимію и удержано только окончаніе, т. е. молитва о разрѣшеніи, да и та въ распространенномъ видѣ и примѣнительно къ церковному обряду. Это сравненіе показываетъ, какимъ образомъ передѣлывались личныя разрѣшительныя грамоты и входили въ общее употребленіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

Канонъ на поганья, твореніе Филоея патріарха, переводъ митрополита Кипріана. (Рук. М. Д. Акад. № 77, л. 281 об. 283).

Силою непобѣдимую, Христе, матере твоеа мольбама препоясавъ князя нашего, покори ему поганыхъ шатанія. (Пѣснь 3, троп. 1) Крѣпкими настояньми поганіи нынѣ настоють, полемъ и странами, на твое достояніе (такъ называется Константинополь): разори чистая державною ти силою. (Богород. той же пѣсни) Легионы варварскія, ставы и чины и полки сокруши

отъ поль и странъ находящихъ на люди твоя Владычице, раба твоего князя яко же Гедеона Мадинея (sic) съ малымъ зѣло поразивши. (п. 5 тр. 2) Князь вѣрный, креста предлагая твоего Сына, устремляется на враги стада твоего, Владычице, его же и укрѣпи, твоими обложьши мольбами, дѣво, окрестъ. (п. 6. тр. 3) Персская воинства и скиѣская первѣе погубила еси вкупѣ налегшимъ нужднѣ граду твоему, свѣтло воеводствовавши и спасшя своя люди, растлившихъ же твоя грады и страны, и нынѣ належащихъ поразивши варвары воеводствовавши такожде, яви свою державу. (п. 8 тр. 1) Полки тогда, Владычице, варварскія и чины и начальники и воеводы погубила еси отъ землѣ и отъ морѣ же стихія же сихъ дерзость, яко же воеводы наведши нуждны, и Вынѣ яже отъ странъ и поль находящихъ стерши, первое обнови свое чудо. (п. 8 тр. 3) Пѣснь, о пладычице чистая, отъ изгнанія возвращься, сплетъ приношу ти, сію молебную о стадѣ семъ, ему же показала еси насъ пастыря и стража, его же ради сію приими и се соблюди отъ звѣрей всяческихъ мольбами си. (Богород. 9-й пѣсни).

Ученіе о Логосѣ у Филона Александрійскаго и Іоанна Богослова

въ связи съ предшествовавшимъ историческимъ развитіемъ
идеи Логоса

(продолженіе).

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Логосъ въ сочиненіяхъ Филона Александрійскаго ¹⁾.

I.

Исходный пунктъ, задача и характеръ филоновой
логологіи.

Основная метода филоновой философіи. Представленіе Божества въ формѣ чистаго абстрактно-безпредикатнаго бытія составляетъ прямое слѣдствіе этой методѣ. Противоположность между Богомъ и міромъ и вытекающая отсюда необходимость связующаго ихъ звѣна, какъ исходный пунктъ филонова ученія о Логосѣ—посредникѣ. Стоическій пантеизмъ и раввинскій деизмъ, какъ единственно возможныя и логически неизбѣжныя слѣдствія исходнаго пункта филоновой логологіи. Избѣжать этихъ крайностей и найти ихъ философско-логическій синтезъ въ одномъ высшемъ теистическомъ воззрѣніи на Логоса—составляетъ основную задачу филоновой логологіи. Логическая невозможность такой задачи и опредѣляющійся ею своеобразный характеръ филоновой логологіи: ея неустойчивость, самопротиворѣчія и постоянныя колебанія изъ одной крайности въ другую противоположную; искусственная маскировка и внѣшне-грамматическое только (а не логическое) соединеніе этихъ крайностей въ сходной съ христіанскою теистической фразѣ, по своему подлинному смыслу всегда разрѣшающейся у Филона на свои антихристіанскія и логически несоединимыя элементы—стоическаго Логоса и раввинской Мемры. Частѣйшее проявленіе такого характера филоновой логологіи въ ученіи о Логосѣ: какъ безличной формѣ самооткровенія Божества, какъ самостоятельной личности, какъ средней между Богомъ и человѣкомъ (богочеловѣческой) природѣ и какъ универсальномъ искупителѣ міра.

Пантеизмъ и панлогизмъ, полное сліяніе Бога, Логоса и міра въ представленіи единаго, живаго и не-

¹⁾ Источники и пособія, находившіеся въ нашемъ распоряженіи, при составленіи этого отдѣла:

раздѣльнаго универса—съ одной стороны; деизмъ и ангелологизмъ, совершенное раздѣленіе Бога и міра тварно-личною Мемрою—съ другой: таковы противоположные выводы, къ какимъ пришла дофилоновская логология въ греческой философіи и іудейско-раввинской теософіи. Выходъ изъ этихъ противоположностей, ихъ объединеніе и примиреніе ко времени Филона и Иоанна предстояли какъ историческая задача дальнѣйшаго развитія идеи Логоса,—задача, рѣшеніе которой отчасти было уже предъуготовлено александрійскими синкретистами—предшественниками Филона.

Какъ же рѣшаетъ эту задачу Филонъ?

Такъ какъ указанная противоположность были, какъ мы знаемъ, явленіемъ отнюдь не случайнымъ, но опредѣлялись самымъ существомъ той абстрактно-философ-

а) Philonis opera, edit Francofurt. 1691 a.

б) Idem edit. Pfeifferi. V voll. 1785—92.

в) Philonea inedita, edit. Tischendorffii, 1868.

г) Philo vom Leben Moses, 1778, Dresden.

д) Grossmann, Quaestiones Philoneae, Lips. 1829.

е) Vacherot, Histoire critique de l'école d'Alexandrie, t. 1-er, Paris 1846.

ж) C. Pahoud. Le Logos de Philon et ses rapports avec la doctrine chrétienne, Laus. 1874.

з) H. Soulier, La doctrine du Logos chez Philon d'Alexandrie, 1876.

и) I. Réville, La doctrine du Logos dans le quatrième Évangile et dans les oeuvres de Philon. Paris. 1881.

і) Baur, Die Lehre von der Dreieinigkeit, Einl., Tübing. 1841.

к) Dorner, Die Lehre von Person Christi, Einl. Stutt. 1845.

л) Klasen, Die alttestamentliche Weisheit und der Logos der jüdisch—alexandrinischen Philosophie, 1878.

м) Zeller, Die Philosophie der Griechen, V, 110 и сл., 1868.

н) Heinze, Lehre vom Logos in der griechischen Philosophie, 1872.

о) Müller, Herzog's Real—Encyclopädie, t IX. art. Philo.

п) Dähne, Geschichtliche Darstellung der jüdisch—alexandrinischen Religions—Philosophie, Halle, 1834.

р) Gfrörer, Philo und die Alexandrinische Theosophie, 1831.

с) Keferstein, Philo's Lehre von den göttlichen Mittelwesen, Leipzig, 1846

т) Wolff, Die Philonische Philosophie, 1858.

у) Siegfried, Philo von Alexandria als Ausleger des Alten Testaments, Iena, 1875.

ской методы, какую шла дофилоновская логология,— то спрашивается прежде всего: какъ относится Филонъ къ самой этой методѣ?

Что Филонъ—философъ въ томъ же смыслѣ, какъ напримѣръ Платонъ, Зенонъ и др., это слѣдуетъ утверждать уже въ виду тѣхъ восторженныхъ отзывовъ, какіе нашъ Александріецъ дѣлаетъ о греческихъ философахъ. Такъ Гераклита онъ называетъ „великимъ и славнымъ“ ¹⁾, Сократа „изумительнымъ по мудрости“ ²⁾, Платона „пльнительнымъ и знаменитѣйшимъ между всѣми, кто заслужилъ удивленіе за свою мудрость“ ³⁾; Анаксагоръ и Зенонъ Элейскій величаются у Филона „полубогами и героями, составленными изъ безсмертныхъ и тлѣнныхъ сѣмянъ“ ⁴⁾; Парменидъ, стоикъ Зенонъ и Клеанъ суть „божественные мужи, образующіе священный союзъ“ ⁵⁾. Увлеченіе Филона греческими философами доходитъ до того, что онъ не стѣсняется ихъ изреченія ставить рядомъ съ богодухновенными словами Моисея и другихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, приписывая эти изреченія внушенію одного и того же Духа Божія ⁶⁾. Особенно высоко нашъ философъ цѣнитъ стоика Зенона, ставя его на одну доску съ Моисеемъ и причисляя обоихъ къ одной школѣ ⁷⁾.

Съ наименьшимъ увлеченіемъ высказывается Филонъ и о философіи вообще. Она, по нему, есть такое благо, съ которымъ не можетъ равняться ничто другое въ человѣческой жизни,—она есть корень и

1) Quis rerum divinarum haeres. Pf. IV, 92; Fr. 510, C.

2) De Plantatione Noe, Pf. 111. 120; Fr. 225, D.

3) De Profugis, Pf. IV, 252; Fr. 549, E Quod omnis probus liber, Fr. 867, A.

4) Quod omn. pr. lib. Fr. 881, B.

5) Quod omn. pr. lib. Fr. 873, D.

6) De iudice M. 11, 345. De posteritate Caini, Pf. 11, 320.

7) Quod omn. Pr. lib. M. 11, 454.

источникъ всѣхъ другихъ благъ для человѣка ¹⁾. Въ философіи Филонъ видитъ необходимую помощницу и даже руководительницу при изъясненіи Св. Писанія ²⁾, такъ что вся Библия является для нашего философа ничѣмъ инымъ, какъ книгою, заключающею въ себѣ подъ таинственно-аллегорическимъ покровомъ глубокия философскія истины, — книгою, откуда собственно и почерпали всю свою мудрость знаменитѣйшіе изъ греческихъ философовъ ³⁾. Самъ Моисей, этотъ величайшій и мудрѣйшій изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ и имѣющихъ существовать людей, является такимъ у Филона лишь потому, что онъ болѣе всѣхъ другихъ мыслителей былъ посвященъ въ глубочайшія тайны философскаго вѣденія ⁴⁾.

Давая такое значеніе философіи, Филонъ опредѣляетъ ее вообще какъ „ἐπιστήμη θεῶν καὶ ἀνθρωπίνων ἀτιῶν—вѣденіе причинъ божественныхъ и человѣческихъ“ ⁵⁾. Это—единственная, истинная, царская и средняя (т. е. ближайшая, болѣе прямая и торная) дорога къ познанію божественнаго ⁶⁾; идя только этою дорогою человѣкъ можетъ достигать истиннаго познанія Верховной Первопричины всего ⁷⁾, не уклоняясь при этомъ никуда въ сторону—ни на право, ни на лѣво ⁸⁾. Такою философія является, по мнѣнію Филона, вслѣдствіе того, что Богъ, какъ вполне умственная и всецѣло идеальная сущность (πάντως νοητή

¹⁾ De mundi opificio, Pf. 1, 34; Fr. 12, A Ibid. Pf. 1, 50; Fr. 17. Quod Deus sit immutabilis R 95.

²⁾ De Providentia Fr. 1117, A.

³⁾ De Poster. C. Pf. 11, 302. Quod omnia pr. lib. Fr. 873, D.

⁴⁾ Quod D. s. immut. Pf. 11, 452. De mundi op. Pf. 1. 4.

⁵⁾ De congressu quaerendae eruditionis gratia, Pf. IV, 176.

⁶⁾ Quod. D. s. immut. Pf. 11, 450. De migratione Abrahami, Pf. III, 478.

⁷⁾ De Charitate, Fr. 699, C.

⁸⁾ Quod D. s. immut. Pf. 11, 456.

φύσις), можетъ быть доступенъ одному только чисто-му мышленію (μόνη διανοία ¹⁾), уму (νόϛ ²⁾) или разсудку (λογισμῶ ³⁾).

На вопросъ: въ чемъ состоитъ это философское постиженіе Божества, Филонъ въ многочисленныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій даетъ довольно ясный отвѣтъ. „Философія, говоритъ онъ, ведетъ насъ отъ разсмотрѣнія міра къ познанію Творца его ⁴⁾. Умственный (т. е. божественный) міръ познается чрезъ чувственный; этотъ послѣдній служитъ какъ бы дверью въ тотъ, ибо какъ тѣ, кои желаютъ осмотрѣть городъ, входятъ въ него чрезъ ворота, такъ и тѣ, кои хотятъ познать тотъ невидимый міръ, вводятся въ него чрезъ разсмотрѣніе этого видимаго міра ⁵⁾).

¹⁾ De Ebriestate, Pf. III, 218: „τῆ γὰρ διανοίᾳ, ἣ μόνη τὸ Ὄν καταληπτόν ἐστι“ De confusione linguarum, Pf. III, 354.

²⁾ De nominum mutatione. Pf. IV, 332: „νοῦσι τὸ νοητὸν εἰκὸς μόνον καταλαμβάνεσθαι“. Quod D. s. immut. Pf. 11, 416: „ὁ δ' ἄρα οὐδὲ τῷ νόῳ καταληπτός, ὅτι μὴ κατὰ τὸ εἶναι μόνον“...

³⁾ De monarchia, Fr. 813, B: „ὑπερβάντες τῷ λογισμῷ πᾶσαν τὴν ὀρατὴν οὐσίαν ἐπὶ τὴν τοῦ αἰδιοῦς καὶ ἀοράτου καὶ μόνης διανοίᾳ καταληπτοῦ τιμὴν ἴωμεν, ὅς οὐ μόνον θεὸς θεῶν ἐστὶ νοητῶν τε καὶ αἰσθητῶν, ἀλλὰ καὶ πάντων δημιουργός.“

⁴⁾ De nominum matatione, Pf. IV, 351.

⁵⁾ De Somniis, Pf. V, 84 Cp. De monarchia Fr. 815, C—E: „Κοгда кто приходитъ въ городъ, въ коемъ гражданскія дѣла прекрасно устроены, то что другое помыслить онъ, какъ не то, что городъ этотъ управляется хорошимъ начальствомъ? Также точно кто вступаетъ въ міръ, этотъ поистинѣ великій городъ,—кто видитъ землю гористую и ровную, изобилующую растеніями и животными, — кто созерцаетъ быстрое теченіе рѣкъ и ручьевъ, волненія морей, температуру воздуха, ежегодныя перемѣны времени гола,—затѣмъ солнце и луну, этихъ вождей дня и ночи. — круговращеніе и движеніе прочихъ планетъ, неподвижныхъ звѣздъ и всего неба: не долженъ ли онъ по справедливости, или вѣрнѣе, по необходимости получить представленіе объ Отцѣ, Управителѣ и Творцѣ вселенной? Вѣдь никакое произведеніе искусства не можетъ явиться само собою. Міръ же есть произведеніе въ высшей мѣрѣ художественное, а потому и онъ долженъ быть образованъ существомъ, обладающимъ совершеннѣйшимъ разумомъ“.

Частнѣе и ближе этотъ философско-космологическій путь познанія Божества опредѣляется у Филона какъ постепенная логическая абстракція (*μεταβάσις*) отъ частныхъ явленій міровой жизни ихъ всеобщаго первоначала, какъ послѣдовательное восхождение мысли (*ἀναδραμεῖν τῷ λογισμῷ, ἀνάβασις τῆς διανοίας*) отъ даннаго въ опытѣ конкретнаго множества къ неданному абстрактному единству, отъ чувственнаго и матеріальнаго къ духовному и идеальному, отъ представленія и ощущенія къ понятію и идеѣ. Однимъ словомъ это тотъ самый абстрактно-логическій путь, какимъ, какъ мы знаемъ, шла вся вообще дохристианская философія въ изысканіи послѣдней первопричины бытія. „Вдохновенные мудрецы, говоритъ Филонъ, постепенно восходятъ свнзу вверхъ, какъ бы по небесной лѣстницѣ правильнымъ умозаключеніемъ (*εἰκότι λογισμῷ*) достигая Творца“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Филонъ восхваляетъ Авраама за то, что онъ въ своемъ познаніи не останавливается на чувственной природѣ и не принимаетъ видимый міръ за перваго и величайшаго Бога, но восходя мыслию (*ἀναδραμῶν λογισμῷ*) достигаетъ созерцанія другой умственной природы, превосходящей эту видимую, и вмѣстѣ Творца и вождя обѣихъ“ ²⁾. Подобно тому какъ и нашъ духъ, Бога, по Филону, невозможно созерцать тѣлесными очами; мы можемъ видѣть одно только священнѣйшее отраженіе его дѣйственности—міръ, отъ котораго путемъ

1) De praemiis et poenis Fr. 916, E; οἷτοι γε θεοπέσιαι καὶ τῶν ἄλλων διειρηνοχότες κάτωθεν ἄνω προήλθον, οἷα δὴ τινος οὐρανοῦ κλίμακος εἰκότι λογισμῷ στοχασόμενοι τὸν δημιουργόν“.

2) De Abrahamo Pf. V, 270: ἡοὺ μέχρι παντὸς ἀπατηθεῖς ἐπὶ τῆς αἰσθητῆς οὐσίας ἔστη τὸν ὁρατὸν κόσμον ὑπολαβὼν μέγιστον καὶ πρῶτον εἶναι θεόν, ἀλλ’ ἀναδραμῶν τῷ λογισμῷ φύσιν ἑτέραν ἀμείνω τῆς ὁρατῆς νοητὴν ἐθεάσατο καὶ τὸν ἀμφοῖν ποιητὴν ὁμοῦ καὶ ἡγεμόνα“.

абстракціи (κατὰ μετάβασιν) является возможность получить понятие о нерожденномъ и вѣчномъ правителѣ вселенной ¹⁾). Руководимый философіей умъ человѣческій возвышается (ὑπερκύψας) надъ всѣмъ чувственнымъ и устремляется къ духовному; и то, что видитъ здѣсь въ чувственно-матеріальной формѣ бытія (т. е. въ формѣ индивидуально-конкретныхъ явленій), тамъ созерцаетъ въ первообразахъ и идеяхъ (т. е. въ формѣ абстрактно-логическихъ понятій) ²⁾). Еще рѣшительнѣе высказывается Филонъ въ de Somniis: „изъ идей состоящей умственный міръ, говоритъ онъ, невозможно познать иначе, какъ только путемъ постепеннаго восхожденія отъ чувственнаго и видимаго міра, ибо никакой вообще умственный предметъ невозможно обнять мыслию, если не взять основу (точку отправленія) отъ предметовъ чувственныхъ.... сообразно этому и умственный міръ постигается нашимъ умомъ отъ чувственнаго, такъ что этотъ является какъ бы дверью въ тотъ“ ³⁾).

Въ виду приведенныхъ изреченій Филона, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, какой методы держался

1) De decalogo, Fr. 752, E: „οὐδέ ποτε ψυχὴν ὀφθαλμοῖς σώματος ἴσχυσαν θεάσασθαι, κάτοι φιλοτιμηθέντες ἀν πάσας φιλοτιμίας εἰπὼς ἰδεῖν διόντε ἦν ἀγαλμάτων ἱεροπρεπέστατον, ἀφ' οὗ κατὰ μετάβασιν εἰκὸς ἦν ἔννοιαν τοῦ ἀγεννήτου καὶ αἰθέριου λαβεῖν, ὅς ἅπαντα τὸν κόσμον ἠνωχῶν σωτηρίως, ἀόρατος ὢν κατευθύνει“.

2) De m. op. Pf. 1. 44: ἐπόμενος ἔρωτι σοφίας ποδηγετοῦντι, πᾶσαν τὴν αἰσθητὴν οὐσίαν ὑπερκύψας, ἐνταῦθα ἐφίεται τῆς νοητῆς καὶ ὧν εἶδεν ἐνταῦθα αἰσθητῶν ἐν ἐκείνῃ τὰ παραδείγματα καὶ τὰς ἰδέας θεασάμενος“.

3) De Somn Pf. V, 84: „τὸν ἐκ τῶν ἰδεῶν συσταθέντα κόσμον νοητὸν οὐκ ἔνεστιν ἄλλως καταλαβεῖν, ὅτι μὴ κατὰ τὴν ἔκ τοῦ αἰσθητοῦ καὶ ὀρωμένου τούτου μεταβάσασιν. Οὐδὲ γὰρ ἄλλο τῶν ὄντων αἰσώματων ἐνοῶσαι δυνατὸν, ὅτι μὴ τὴν ἀρχὴν λαβόντας ἀπὸ σωμάτων.... κατὰ τὸ ἀνάλογον καὶ ὁ νοητὸς ἀπὸ τοῦ αἰσθητοῦ κόσμου ἐνοήθη, πύλης ὄντος ἐκείνου“.

нашъ философъ въ построеніи понятія о Богѣ. Постепенное отвлеченіе отъ условныхъ явленій ихъ безусловнаго первоначала, восхожденіе мысли отъ чувственнаго къ духовному, логическое противоположеніе частнаго и конкретнаго всеобщему и абстрактному: вотъ, по Филону, единственный, находящійся въ нашемъ распоряженіи, путь къ постиженію Верховной Причины ¹⁾. Такимъ путемъ нашъ философъ приоб-

¹⁾ Гфрѣреръ 139 и сл., Вольфъ 13 иск. и Сулле 4 и сл. рядомъ съ этимъ абстрактно—философскимъ способомъ познанія Божества находятъ у Филона указанія на другой высшій и совершеннѣйшій путь, состоящій въ „непосредственномъ и адекватномъ видѣніи (βραδύς) Божества“.

То конечно правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій Филонъ выражается такъ, какъ будто непосредственное религиозное созерцаніе Божества онъ ставитъ выше, чѣмъ космологическій способъ познанія о Богѣ. Такъ въ de praem. et rapn. Fr. 916—917 Филонъ говоритъ, что космологическій путь познанія Божества свойственъ только несовершеннымъ мыслителямъ; совершеннѣйшіе же мудрецы должны идти не отъ діады (чувственнаго міра) къ монадѣ (Богу), не снизу вверхъ,—но наоборотъ: съ точки зрѣнія монады должны смотрѣть и на самую діаду, такъ сказать сверху внизъ. Ибо какъ солнце можно видѣть только чрезъ солнце, свѣтъ чрезъ свѣтъ, такъ и Богъ созерцается чрезъ одного себя (Ἐσωραταὶ δὲ ἀποτοῦ μόνου), а не чрезъ другое что—землю, солнце, міръ и пр. Точно также въ Leg. alleg. Pf. 1, 302 нашъ философъ утверждаетъ, что совершеннѣйшій и вполнѣ очищенный умъ не отъ произведенія познаетъ причину, не отъ тѣни самый предметъ (т. е. отъ міра Бога), но перешагнувъ все тварное возвышается до созерцанія самого рожденнаго и постигаетъ Его чрезъ него самого. Ср. de Abrah. Pf. V, 284 и др. см. у Гфрѣрера въ указ. мѣстѣ.

Но во 1-хъ, если бы нашъ философъ и дѣйствительно считалъ философско-космологическій путь познанія Божества не безусловно совершеннымъ, если бы онъ и на самоѣ дѣлѣ сознавалъ потребность въ непосредственномъ религиозномъ созерцаніи Божества, то во всякомъ случаѣ *fundamentale datum* для всей логологіи Филона, какъ увидимъ, служитъ чисто философское понятіе о Богѣ, какъ абстрактномъ первоначалѣ бытія,—понятіе, приобрѣтенное Филономъ путемъ философской абстракціи и космологическаго доказательства. Такимъ образомъ предполагаемое у Филона ученіе о непосредственномъ адекватномъ видѣніи Божества остается бездѣйственнымъ въ философскихъ воззрѣніяхъ Филона и потому не можетъ имѣть никакого значенія въ построеніи филоновой логологической системы.

Во 2-хъ, при ближайшемъ рассмотрѣніи какъ выше приведенныхъ такъ и другихъ подобныхъ же изреченій Филона о высшемъ познаніи Божества оказывается, что философъ разумѣетъ здѣсь не два раз-

рѣшаетъ всѣ тѣ многоразличныя опредѣленія Божества, какія разсѣяны по разнымъ мѣстамъ его сочиненій.

личныхъ пути познанія о Богѣ, но только разныя ступени одной и той же абстрактно-философской методы. Такъ это нужно полагать уже въ виду многочисленныхъ и притомъ весьма рѣшительныхъ заявленій Филона, что Бога самого въ себѣ, каковъ онъ есть по существу, а не по откровенію его дѣйственности въ мірѣ, никто изъ смертныхъ познать не можетъ (De Abrah. Pf. V, 266). Даже самъ Моисей величайшій, мудрѣйшій и святѣйшій изъ всѣхъ людей— даже онъ долженъ довольствоваться знаніемъ только того, что слѣдуетъ послѣ Бога (т. е. міра),—и уже отъ творенія—заклѣчать о творцѣ; ибо, прибавляетъ Филонъ, кто захочетъ видѣть непосредственно само Божество, тотъ ослѣпнетъ прежде чѣмъ увидитъ (Ср. *Pe profug. Pf. IV, 294—296. De m. op. Pf 1, 34; ibid. 44. De Post. S. Pf. 11. 342. Quod D. S. immut. Pf. 11, 416.*). Вообще никто изъ людей, по Филону, не можетъ познать Божество, каково оно есть по своей сущности, ибо мы не имѣемъ въ себѣ ничего такого, чѣмъ могли бы возрѣть на него—ни чувство, ни силы (*Μη νομίσῃς τὸ ὄν, ὃ ἐστὶ πρὸς ἀληθείαν, ὅπ ἀνθρώπου τινος καταλαμβάνεται, ὅραν γὰρ οὐδὲν ἐν ἑαυτοῖς ἔχομεν ᾧ δυνήσόμεθα ἐκεῖνο φαντασιασάσθηναι, οὐτ' αἰσθῆσθαι οὔτε ἴσχειν* De post mut. Pf. IV, 322 вл.). Такимъ образомъ Филонъ прямо исключаетъ для человѣка всякую возможность непосредственнаго познанія Божества, за отсутствіемъ у него (человѣка) всякаго органа для этого. Все, что доступно здѣсь человѣку, ограничивается только признаніемъ бытія или существованія Бога (το εἶναι, ἔπρῆξις) въ качествѣ неопредѣленной и всеобщей первопричины міровой жизни. Такое познаніе и составляетъ, по Филону, предметъ высшаго постиженія Божества,—то самое, что онъ называетъ познаніемъ Бога черезъ него самого, безъ посредства другаго. Но очевидно, такое понятіе о Богѣ есть только высшей и конечный результатъ той же абстрактно-философской методы, а не слѣдствіе какой-либо новой методы, отличной отъ космологической,— непосредственнаго адекватнаго видѣнія Божества.— Далѣе. — Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Филонъ говоритъ о высшемъ и совершеннѣйшемъ познаніи Божества черезъ него самого безъ посредства другаго, философъ всегда имѣетъ въ виду предостеречь неопытный умъ, что бы онъ въ процесѣ логическаго восхожденія отъ міра къ Богу не останавливался на полудорогѣ, на низшихъ ступеняхъ абстракціи,— т. е. отъ того, чтобы низшія и частныя проявленія божественной дѣйственности въ мірѣ неопытный умъ не принималъ за самостоятельныхъ боговъ, но чтобы возвышался надъ ними и доходилъ до абсолютной монады, единой и всеобщей первопричины бытія. Что дѣйствительно такое именно возвышеніе мысли надъ всѣмъ тварно - конечнымъ и восхожденіе ея къ чистой, въ себѣ неразличимой и всеобщей монадѣ разумѣетъ философъ, когда говоритъ о высшемъ постиженіи Божества черезъ него самого безъ посред-

Такъ, прежде всего, въ противоположность условному характеру частныхъ явленій Богъ, по Филону, долженъ быть мыслимъ какъ безусловная *первопричина* всего. Всѣ предметы видимаго міра находятся между собою во взаимной зависимости; каждое явле-

ства другаго, — это открывается изъ слѣдующихъ довольно ясныхъ изреченій Филона. Въ Leg. alleg. Pf. 1, 202 между высшимъ и низшимъ познаніемъ Филонъ дѣлаетъ такое различіе, что послѣднее доходитъ только до тѣни Божіей (*σκιὰ τοῦ Θεοῦ*), до міра и Логоса, вообще до причинъ вторичныхъ, — напротивъ первое возвышается до признанія единой, всеобщей и безусловной первопричины. Точно также на стр. 352 *ibid.* Филонъ прямо говоритъ, что это высшее познаніе Божества состоитъ въ полномъ отрѣшеніи нашего ума, при мысли о Богѣ, отъ всего чувственнаго и конкретно—различимаго и въ возвышеніи до абстрактной и въ себѣ неразличимой монады. Особенно ясно на этотъ счетъ высказывается нашъ философъ въ *de praes. et reop. Fr.* 813 Здѣсь Филонъ называетъ космологическій путь единственнымъ для познанія Божества: такъ какъ по своему существу Богъ неосуществимъ для человѣка, то послѣдній только по отраженію въ мірѣ божественной дѣйственности можетъ заключать о существованіи верховной первопричины, все устроившей. При этомъ Филонъ старается предупредить, чтобы на этомъ космологическомъ пути къ Богу человѣкъ не останавливался на полудорогѣ, чтобы вторичныхъ причинъ онъ не принималъ за первичныя и частныя проявленія божественной дѣйственности въ мірѣ (силы божественныя) не признавалъ за самостоятельныя божества, какъ халдеи и вообще политеисты язычники; но чтобы, перешагнувъ все частное и конкретное, человѣческой умъ возвышался къ единому, абстрактно-неразличимому и всеобщему первоначалу всего, которое должно быть представляемо не по сходству съ индивидуально-конечнымъ бытіемъ, но въ прямой логичной противоположности ему. Посему только до тѣхъ поръ, пока человѣческой умъ еще не достигъ совершенства, онъ признаетъ своимъ вождемъ и слѣдуетъ за Логогомъ (вторичная причина)... когда же онъ достигаетъ вершины вѣденія, онъ оставляетъ эту вторичную причину и возвышается до единого вождя вселенной Бога *De migr. Abr.* Pf. 111, 490—492 *Ср. De Sonn.* Pf. V, 54, *De Abrah.* Pf. V, 284. Изъ приведенныхъ изреченій кажется довольно ясно открывается: что разумѣетъ Филонъ подъ высшимъ познаніемъ Божества самого чрезъ себя безъ посредства другаго. Это — не „адекватное созерцаніе божественнаго существа“ самого въ себѣ и непосредственно, но только высшая и конечная ступень философской абстракціи, — такая ступень, на которой человѣческой умъ путемъ обыкновенныхъ умозаключеній доходитъ до познанія единой и всеобщѣйшей монады, представляемой ко всему различимому и индивидуально-конкретному бытію въ отношеніи прямой абстрактно-логической противоположности.

нѣе условливается другимъ и въ свою очередь служить условіемъ для третьяго; весь міръ представляетъ собою цѣпь условныхъ причинъ и слѣдствій. Напротивъ, Богъ, какъ послѣдняя первопричина бытія, самъ для себя достаточенъ, самъ собою доволенъ и ни въ чемъ другомъ кромѣ себя самого нужды не имѣетъ ¹⁾, Онъ одинъ только есть причина себя самого, — причина въ собственномъ и неограниченномъ смыслѣ (μόνος αἴτιος ²⁾), — условіе, но не слѣдствіе, — опредѣляющее, а не опредѣляемое, — первое, высшее, послѣднее и безусловное первоначало всего: αἴτιον πρῶτον ³⁾, πάντων αἴτιον ⁴⁾, τό πρεσβύτατον καί ἀνώτατον αἴτιον ⁵⁾, τό τῶν ὄλων αἴτιον ⁶⁾, просто αἴτιον ⁷⁾, также ἀρχή τοῦ παντός или ἡ ἀπάντων ἀρχή ⁸⁾. Какъ послѣдней и безусловной первопричинѣ всего, одному только Божеству свойственно дѣйствовать и опредѣлять (τό ποιεῖν δραστήριον αἴτιον, ἀρχή τοῦ δράν ἄτασιν) между тѣмъ, какъ необходимое свойство всего индивидуальнаго и конечнаго — страдать и быть опредѣляемымъ (τό πάσχειν ⁹⁾). Въ томъ же смыслѣ только одинъ Богъ называется у Филона существомъ истинно свободнымъ и не-

1) De nom mut. Pf. IV, 332: „τό δὲ αὐτὸ ἑαυτοῦ πλήρες καὶ αὐτὸ ἑαυτῷ ἰκανὸν χρῆζον ἑτέρου τὸ παράπαν οὐδεὺς. Ср. Leg alleg. Pf. 1, 186. De cherub. Pf. 11, 28.

2) Leg. alleg Pf. 1, 264. Ср. ibid. 314: „ὁ Θεὸς περὶ αὐτοῦ μόνου ἰσχυριεῖται πιστούμενος ἑαυτὸν ὃ μὴ δυνατόν ἄλλω“.

3) De specialibus Legibus. Fr. 805, B.

4) De somn. Fr. 589, C.

5) De plantatione Noe Pf. 111, 114. De monarch. Fr. 815, B.

6) De posteritate Caïni, Pf. 11, 342.

7) Leg. alleg. Pf. 1, 274.

8) De Posterif. Caïni Pf. 11, 308. De plant. N. Pf. 111, 126.

9) De cherub. Pf. 11, 42: „ἰδίον μὲν δὴ τοῦ Θεοῦ τὸ ποιεῖν, ὃ οὐδέ τις ἐπιγράφασθαι τῷ γεννητῷ.... ἰδίον δὲ γεννητοῦ τὸ πάσχειν. De gigantibus Pf. 11, 374: „ὁ Θεὸς οὐδὲ τῷ ἀρίστῳ τῶν φύντων ὁμοιος· ὅτι περὶ τὸ μὲν γέγονε τε καὶ πείσεται, ὃ δ' ἐστὶν ἀγέννητός τε καὶ ποιῶν αἰεί. „Ср. de m. op. Fr. 2, c. Leg. alleg. Fr. 41, D.

зависимымъ, тогда какъ все другое подчинено закону необходимости и не обладаетъ свободою ¹⁾).

Частныя явленія міровой жизни подвержены безчисленнымъ перемѣнамъ, непрестанно колеблются то въ ту, то въ другую сторону, никогда не остаются себѣ равными и тождественными, находятся въ постоянномъ процессѣ движенія и видоизмѣненій. Напротивъ того, ихъ абсолютная первопричина — Богъ пребываетъ всегда неизмѣннымъ (*ἔστηκεν αἰεὶ ἄτρεπτος καὶ ἀμετάβλητος*), неподвижнымъ (*ἀκίνητος, ἀρρεπτής*), твердымъ (*πάγιος, βέβαιος*), непоколебимымъ (*ἀκλινης*), вѣчно себѣ самому равнымъ (*αἰεὶ ἰσαίτατος ἑαυτῷ*) и тождественнымъ (*ἑστῶς ἐν ὁμοίῳ*), не принимающимъ ни прибавленія ни уменьшенія (*ἔλλειψιν ἢ πρόσθεσιν οὐκ ἀνέχων*) ²⁾; только одинъ

¹⁾ De Somn. Pf. V, 208 „ὁ μὲν Θεὸς ἐκούσιον, ἀνάγκη δὲ οὐσία (=το γεννητόν); ibid. 204: „ὁ Θεὸς ἐστὶ ἡ μόνη ἐλευθέρα φύσις“.

²⁾ Такую противоположность между индивидуально-конкретнымъ бытiемъ и Божествомъ Филонъ высказываетъ въ многочисленныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Вотъ наиболѣе важныя: De cher. Pf. II, 12: „τὸ μὲν Θεῖον ἄτρεπτον, τὸ δὲ γινόμενον φύσει μεταβλητόν“. Leg. alleg. Pf. I, 226: „μεжду тѣмъ какъ Богъ ἀκλινης ἔστηκεν αἰεὶ, тварь ταλαντεύει καὶ πρὸς τὰναντία ἀντιτρέπει“. — De spec. leg. Fr. 805, A: „γένεσις μὲν τροπαῖς ἀμυδρήτοις χρωμένη καὶ μεταβολαῖς, θεῖα δὲ φύσις ἀμετάβλητος“. — Leg. alleg. Pf. I, 266: „μηδὲνα ἐστῶτα ὅτι μὴ τὸν ὄντα θεόν, τὰ δὲ ἄλλα κλονούμενα καὶ ταλευόμενα“. — De nom. mut. Fr. 1053, B: „πρὸς ἀλήθειαν ἐστῶς ἐν ἡν ἄρα, τῶν μετ' αὐτὸ τροπαῖς καὶ μεταβολὰς παντοίων ἐνδεχομένων“. De somn. Pf. V, 110: „ἡ μὲν γένεσις κινητὸς ἐξ ἑαυτῆς, τὸ δὲ ἀγέννητον ἄτρεπτόν τε καὶ ἀκίνητον“. Leg. alleg. Pf. I, 204: „πᾶν τὸ γεννητὸν ἀναγκαῖον τρέπεσθαι ἴδιον γὰρ ἐστὶ τοῦτο αὐτοῦ, ὡσπερ θεοῦ ἄτρεπτον εἶναι“. ibid. 230: „πάντα τὰ ἄλλα τρέπεται, μόνος δὲ αὐτός (ὁ Θεός) ἄτρεπτός ἐστι“. De posterit. C. Pf. II, 262: „τὸ μὲν ἀκλινῶς ἐστῶς, Θεός ἐστιν· τὸ δὲ κινητόν, ἡ γένεσις“. — Ср. также: de Somn. Pf. V, 196; Quod omn. pr. lib Fr. 868, E; De nom. mut. Pf. IV, 322; De sacrific. C. et Ab. Pf. II, 76; De poster. C. Pf. II, 260; De confus. ling. Pf. III, 356; De m. op. Pf. I, 68; Leg. alleg. Pf. I, 126; De cher. Pf. II, 48. Специальному раскрытiю этого свойства Божiя Филонъ посвящаетъ также цѣлое сочиненiе: „Quod Deus sit immutabilis“.

Богъ называется у Филона истиннымъ и постояннымъ гражданиномъ міра, всѣ же другіе предметы суть не болѣе какъ странники и пришельцы 1). Поэтому также только одному Богу нашъ философъ усваиваетъ истинное и дѣйствительное бытіе (τὸ εἶναι),—между тѣмъ какъ частныя вещи, при постоянныхъ измѣненіяхъ своихъ, причастны только призрачному бытію (δόξη ὑφ'εστάναι), полубытію или быванію (τὸ γίγνεσθαι, ἐν γενέσει) 2).

Если всѣ частныя предметы міра являются сложными изъ частей и потому тлѣнными и разрушимыми, то очевидно ихъ безусловная и всеобщая первопричина не можетъ быть мыслима иначе, какъ существомъ абсолютно простымъ, несложнымъ, ни съ чѣмъ не смѣшаннымъ и вѣчно пребывающимъ въ неизмѣнномъ состояніи. Ни одна вещь въ мірѣ, говоритъ Филонъ, не можетъ быть названа простою природою, но каждая состоитъ изъ частей и принимаетъ смѣшеніе и раздѣленіе. Такъ напр. человекъ состоитъ, во первыхъ, изъ души и тѣла; душа, затѣмъ, слагается изъ двухъ сторонъ—разумной и неразумной, а тѣло—изъ холоднаго и теплаго, легкаго и тяжелаго, твердаго и жидкаго. Напротивъ, Богъ не есть смѣшеніе (οὐ σύγκριμα), но простая (ἀπλή), ни съ чѣмъ не смѣшанная и не слитная природа

1) De Cherub. Pf. II, 64: «μόνος κύριος ὁ Θεὸς πολίτης ἐστὶ, πόροιον δὲ καὶ ἐπήλυτον τὸ γενητὸν ἅπαν».

2) Quod det. pot. ins. sol. Pf. II, 240: «ὁ Θεὸς μόνος ἐν τῷ εἶναι ὑφέστηκεν, οὐ χάριν ἀναγκαίως ἐρεῖ περὶ αὐτοῦ· ἐγὼ εἰμι ὁ ὄν. οἷς τῶν μετ' αὐτῶν οὐκ ὄντων κατὰ τὸ εἶναι, δόξη δὲ μόνον ὑφ'εστάναι νομιζομένων». De m. op. Pf. 1, 6: πᾶν τὸ αἰσθητὸν ἐν γενέσει καὶ μεταβολαῖς, οὐδέποτε κατὰ τὰ αὐτὰ ὄν... τῷ μὲν ἀοράτῳ καὶ νοητῷ προσέμενεν ὡς ἀδελφὸν καὶ συγγενὲς αἰδιότητα, τῷ δὲ αἰσθητῷ γένεσιν τὸ οἰκεῖον ὄνομα ἐπεφήμισεν». Cp. Leg. alleg. Pf. 1, 228—230.

(φύσις ἀμιγῆς τῷ ἄλλῳ, ἀσύγκριτος), ¹⁾). Какъ твари свойственно тлѣніе и разрушеніе, такъ Богу—нѣтлѣніе и вѣчность; ибо что состоитъ изъ частей и сложно, то необходимо должно разрѣшаться на свои составные элементы, Богъ же не есть ни часть чего-либо другаго, ни въ себѣ самомъ не имѣеть частей ²⁾).

Однимъ изъ необходимыхъ признаковъ индивидуально конкретнаго бытія служитъ его качественность; всѣ предметы видимаго міра имѣютъ какія либо опредѣленные свойства, которыми они отличаются отъ другихъ предметовъ и которыя даютъ имъ извѣстное опредѣленное мѣсто въ безконечномъ разнообразіи конечныхъ бытій. Вопреки этому свойству условнаго бытія, Богъ, какъ безусловная первопричина, не можетъ быть мыслимъ ограниченнымъ какимъ либо опредѣленнымъ свойствомъ: всякая качественная опредѣленность, съ абстрактно-философской точки зрѣнія

¹⁾ L. alleg. Pf. 1, 189: „ὁ Θεὸς μόνος ἐστὶ, καὶ ἐν, οὐ σύγκριμα, φύσις ἀπλή. ἡμῶν δ' ἕκαστος καὶ τῶν ἄλλων ὅσα γέγονε πολλά... ὁ δὲ Θεὸς οὐ σύγκριμα οὐδὲ ἐκ πολλῶν συνεστῶς, ἀλλ' ἀμιγῆς ἄλλῳ“. De nom. mut. Pf. IV, 400: „ὁ Θεὸς οὐ σύγκριμα, φύσις ἀπλή ὧν κεραιμένας δὲ τὰς (σρετάς) τῶν ἀνθρώπων· ἐπειδὴ καὶ ἡμεῖς γεγόναμεν κραιματα, Θείου καὶ θνητοῦ συγκερασθέντων“. Quod D. s. immut. Pf. II, 412: Филонъ называетъ Бога *μόνην καὶ καθ' ἑαυτὴν ἀπροσδεῶ καὶ ἀπλήν φύσιν, ἀμιγῆ καὶ ἀσύγκριτον*“. *ibid.* 424: между тѣмъ какъ вещи уподобляются *διάδη*, которая есть *κεραιμένη ἐκατέρων*, οὐχ ἀπλή, ἄτε καὶ σύγκρισιν καὶ διάκρισιν ἐπιτεχομένη, Богъ напротивъ называется *ἡ ἀκρατος μονάς*“.

²⁾ Quod. mund. s. incor. Fr. 948, A—B: „ἔπεται μὲν τῷ γενομένῳ διάλοισι, ἀφθαρσία δὲ τῷ ἀγεννήτῳ... ὅσα τῶν συνθέντων φθείρεται, διάλοισιν εἰς τὰ ἐξ ὧν συνεστάθη λαμβάνει. De poster. C. Pf. II, 252: „ὁ Θεὸς ὅλον οὐ μέρος... τὸ ὄν οὐδενὸς χρεῖον, ὥστε μηδὲ τῆς ἀπὸ τῶν μερῶν ἀφελείας, οὐδ' ἂν ἔχοι μέρη τὸ παράπαν“.
De nom. mut. Pf. IV, 322: *τὰ μὲν αἰσθητὰ σύγκριτα καὶ φθορᾶς ἀνάμεστα, τὸ δὲ Θεῖον ασύγκριτόν τε καὶ ἀφθαρτόν*“. Cp. De m. op. Pf. 1, 6; Leg. alleg. Pf. 1, 262—264; De spec. leg. Fr. 805, A.

Филона на Божество, необходимо должна вести къ ограниченію безконечнаго, ибо каждое свойство необходимо предполагаетъ своего высшаго носителя, между тѣмъ какъ Богъ не можетъ имѣть ничего выше себя. Поэтому Филонъ называетъ Бога безкачественнымъ (*τὸ ἄποιον*), ¹⁾ чистымъ и неимѣющимъ никакого опредѣленнаго признака бытіемъ (*φιλὴν ἄνευ χαρακτῆρος ὑπαρξίν*) ²⁾; Божеству, говоритъ Филонъ, невозможно приписать никакихъ свойствъ, ибо оно, будучи нерожденнымъ и само приведши все въ бытіе, не имѣетъ нужды ни въ чемъ, что свойственно существамъ тварно-конечнымъ ³⁾.

Какъ составныя и качественныя діады, всѣ вещи въ мірѣ стоятъ другъ къ другу въ отношеніи взаимотрицанія и вражды: каждая вещь не есть то, что другія, — каждая исключаетъ всѣ прочія. Кромѣ того, и внутри себя всякій предметъ полонъ вражды и раздора, ибо каждая частная сторона его или свойство отрицаетъ всѣ другія. Въ противоположность этому, абсолютная первопричина, какъ вполне безкачествен-

1) *Leg. alleg. Pf. 1, 142: „ἄποιος ὁ Θεός οὐ μόνον ἀνθρωπόμορφος“.* *ibid.* 264: Ф. называетъ нечестивою мысль, что *ποιός ἐστί ὁ Θεός* *ὡς καὶ τὰ γλυπτὰ*. *Ibid.* 148: „ὁ ἢ ποιότητα οἰόμενος ἔχειν τὸν Θεὸν ἢ μὴ εἶνα εἶναι, ἢ μὴ ἀγέννητον καὶ ἀφθαρτον ἢ μὴ ἄτρεπτον, ἑαυτὸν ἀδικεῖ, οὐ Θεόν... δεῖ γὰρ ἠγεῖσθαι καὶ ἄποιον αὐτὸν εἶναι καὶ ἀφθαρτον καὶ ἄτρεπτον“. *Ср. Leg. alleg. Pf. 1, 362—364.* Въ томъ же смьслѣ Ф. называетъ Бога *ἀειδής, ἀσχιμάτιστος* и под. *Quod det. ins sol. Pf. II, 168. De nom. mut. Pf. IV, 322. De profug. Pf. IV, 228.*

2) *Quod D. s. immut. Pf. II, 412: „οὐδεμιᾶ τῶν γεγονότων ἰδέα παραβάλλουσι τὸ ὄν. Ἄλλ' ἐκβιβάζαντες αὐτὸ πάσης ποιότητος—ἐν γὰρ τῶν εἰς τὴν μακαριότητα αὐτοῦ καὶ τὴν ἄκραν εὐδαιμονίαν ἦν τὸ ψιλὴν ἄνευ χαρακτῆρος τὴν ὑπαρξίν καταλαμβάνεσθαι — τὴν κατὰ τὸ εἶναι μόνον φαντασίαν ἐνεδέξαντο, μὴ μορφώσαντες αὐτό. Ср. de monarch. Fr. 818, E.*

3) *Quod. D. s. immut. Pf. II, 410.*

ное и чистое бытіе, представляется у Филона совершеннѣйшимъ единствомъ (τὸ ἕν) и гармоніей (εἰρήνη) ¹⁾; она есть абсолютно неразличимая въ себѣ всеобщность (τὸ γενικώτατον) ²⁾, абстрактно-безпредикатное единство или монада (ἄχρατος μονάς) въ собственномъ и неограниченномъ смыслѣ ³⁾.

Какъ такое чистое единство и безразличная всеобщность, Божество Филона очевидно исключаетъ изъ себя всѣ признаки личнаго бытія: оно не причастно никакимъ проявленіямъ личной жизни, никакимъ сердечнымъ движеніямъ; оно безусловно ἀπαθής ⁴⁾, ἀμέτοχον πάντος πάθους τὸ παράπαν ⁵⁾. Если въ Ветхомъ Заветѣ о Богѣ говорится нерѣдко, какъ о существѣ живомъ и личномъ, то это, по Филону, дѣлается только въ видахъ педагогическихъ, — только для такихъ людей, которые иначе не могутъ быть вразумлены, а вовсе не потому, чтобы Богъ былъ таковымъ на дѣлѣ. Напротивъ—самъ въ себѣ и по своему существу Богъ никоимъ образомъ не неподобенъ въ этомъ отношеніи человѣку ⁶⁾, который любить, благово-

1) De Somn. Pf. V, 208: ὁ Θεὸς μόνος ἢ ἀψευδεστάτη καὶ πρὸς ἀλήθειαν ἔστιν εἰρήνη, ἣ δὲ γεννητὴ καὶ φθαρτὴ οὐσαία πᾶσα συνεχῆς κολεμος⁴.

2) Leg. alleg. Pf. 1, 228: Богъ называется манною, потому что евр. слово манна означаетъ: πάντων γένος, τὸ δὲ γενικώτατον ἐστὶ ὁ Θεός⁴. Ср. De post. C. Pf. II, 225.

3) Quod D. s. immut. Pf. II, 424. Ibid. 392. De spec. leg. Fr. 805, B. Leg. alleg Pf. 1, 188, 272. De congr. quaer. erud. gr. Pf. IV, 146. De m. op. Pf. 1, 868. Ibid 316. De vita contempl. Fr. 890, A.

4) De m. opif. Pf. 1, 68.

5) Quod D. s. immut. Pf. II, 410. De Abrah. Pf. IV, 318.

6) Quod D. s. immut. Pf. II, 412: Писаніе говоритъ съ одной стороны, что Богъ не какъ человѣкъ, а съ другой стороны—какъ человѣкъ. Въ первомъ случаѣ высказывается непреложная истина; второе говорится только для наученія толпы: для этой послѣдней сказано, что Богъ подобно человѣку воспитываетъ дѣтей своихъ,—

лить, гнѣвается, ненавидить и пр. Какъ *φίλη ἄνεο χαρακτήρος ὑπαρξίς* Богъ не можетъ быть мыслимъ ни безусловнымъ благомъ и любовью, ни абсолютною красотою, ни совершеннѣйшимъ разумомъ; по своему существу Богъ выше всѣхъ этихъ атрибутовъ личнаго бытія,—лучше чѣмъ само благо и любовь, совершеннѣе чѣмъ сама добродѣтель, прекраснѣе чѣмъ сама красота; его нельзя назвать и разумомъ въ собственномъ смыслѣ, ибо онъ выше всякой разумной природы (*ἀμείων ἢ λογικῆ φύσις*); онъ не есть даже и монада въ строгомъ смыслѣ, но чище чѣмъ сама монада и проще чѣмъ сама простота ¹⁾; его нельзя наконецъ назвать и жизнью, онъ больше и выше чѣмъ жизнь, онъ есть вѣчный и неизсякаемый источникъ жизни ²⁾.

Дальнѣйшимъ выраженіемъ этой абстрактной всеобщности и безсодержательности Божества является у Филона ученіе о совершенной непознаваемости и безымянности Верховнаго Существа. Чистое, абстрактно - безсодержательное, неизмѣющее никакихъ положительныхъ признаковъ бытіе очевидно не можетъ сдѣлаться предметомъ нашего умопредставленія

сказано это только въ видахъ назиданія и вразумленія, а не потому, чтобы Богъ дѣйствительно былъ подобенъ человѣку въ этомъ отношеніи.

¹⁾ Legat. ad Cajum Fr. 992, C: „τὸ πρῶτον ἀγαθόν (ὁ Θεός) κα καλόν καὶ εὐδαιμόνικα καὶ μακάριον, εἰ δὴ τὰληθῆς ἐπιτεῖν, το κρείττον μὲν ἀγαθοῦ, κάλλιον δὲ καλοῦ, καὶ μακαρίου μὲν μακαριώτερον, εὐδαιμονίας δὲ αὐτῆς εὐδαιμονέστερον“. De m. op. Pf. 1, 6: „κρείττων (ὁ Θεός) ἢ αὐτὸ τὰγαθόν καὶ αὐτὸ τὸ καλόν, κρείττων τε καὶ ἢ ἀρετῆ, καὶ κρείττων ἢ ἐπιστήμη“. De vita contempl. Fr. 890, A: τὸ ὄν καὶ ἀγαθοῦ κρείττον ἐστὶ καὶ ἐνὸς εὐκρινέστερον καὶ μονάδος ἀρχεγονώτερον. De praem. et. poen. Fr. 916, B. ib. 917, E. Leg. alleg. Pf. 1, 188. ibid. 186. De spec. leg. Fr. 805. B.

²⁾ De profug. Pf. IV, 310: ὁ Θεός πλέον τι ἢ ζωῆ, πηγὴ τοῦ ζῆν, ὡς αὐτὸς εἶπεν, ἀένναος“.

и слововыраженія; такъ какъ мы мыслимъ и говоримъ о предметѣ не иначе, какъ подѣ опредѣленнымъ признакомъ и съ извѣстной стороны. Поэтому Филонъ называетъ Бога *ἀκατάληπτον*, *ἀπεριόρητον*, *ἀπεριγραφοῦν*, *ἄρρητον*, *ἀκατονομάστον* и др. „Не думаю, говорить Филонъ, чтобы Сущее, каково оно есть въ своемъ существѣ, могло быть познано какимъ-либо человѣкомъ. Какъ нашъ умъ неизвѣстенъ намъ, такъ и Сущее недоступно познанію людей... Посему и собственнаго имени ему невозможно дать никакого ¹⁾. Правда, въ Ветхомъ Заветѣ Богу даются различныя названія: Богъ, Господь и пр. Но эти названія не выражаютъ истинной природы Божества; они усвояются Ему не въ собственномъ (*κυρίως*), а въ переносномъ или примѣнительномъ смыслѣ (*καταχρηστικῶς*). Въ этомъ случаѣ писаніе приспосаблиется къ ограниченности человѣческаго ума, немогущаго мыслить и представлять предметъ безъ опредѣленнаго признака и конкретнаго обозначенія. На дѣлѣ же Богъ не можетъ быть ни мыслимъ подѣ какимъ-либо опредѣленнымъ свойствомъ, ни названъ какимъ-либо собственнымъ именемъ ²⁾; ибо всякая

¹⁾ De nomin. mut. Pf. IV, 322—338.

²⁾ De vita Mos Fr. 614, A: „на вопросъ Моисея Богу: какое имя Ему?—Богъ отвѣчаетъ: азъ есмь снѣ, такъ какъ нѣ какое имя по отношенію ко мнѣ вообще не можетъ быть сказано въ собственномъ значеніи — οὐδὲν γὰρ ὄνομα ἐπ' ἐμοῦ τὸ παράπαν κυριολογεῖται“. De nom. mut. Pf. IV, 332: το „ἐγὼ ἐμὶ ὁ Θεὸς σός“ λέγεται καταχρηστικῶς οὐ κυρίως. De somn. Fr. 575, C: το πορωπάτω τὴν κατὰληψιν αὐτοῦ πάσης ἀνθρωπίνης διανοίας... μακρὰν ὄντα (познаніе Авраама о Богѣ) τοῦ ἀκατονομάστου καὶ ἄρρητοῦ καὶ κατὰ πάσης ιδέας ἀκατάληπτοῦ Θεοῦ“. Leg. ad Cajum Fr. 993, A: κυρίως ὄνόμασιν ἀδυνατῶν ἐπιβάτρα χρῆσθαι πρὸς δῆλωσιν τοῦ ὄντος“. De poster. C. Pf. II, 258: когда боголюбивая душа изслѣдуетъ: что есть сущее по своей природѣ, она приобретаетъ великое благо, а именно: она постигаетъ, что Богъ по своему бытію совсѣмъ не можетъ быть познать,—и только то одно узнаеть, что онъ непознаваемъ. Cr. Quis rer. div. haer. Pf. IV, 74.

опредѣленность, по Филону, есть признакъ конечности ¹⁾).

Лишивъ Божество всѣхъ опредѣленныхъ признаковъ, Филонъ однако же не могъ безъ явнаго самопротиворѣчія не оставить за нимъ одного, хотя и самаго общаго и совершенно безсодержательнаго, предиката, — а именно: чистаго, абстрактно-безпредикатнаго бытія въ качествѣ всеобщей и послѣдней первопричины условныхъ явленій. Какъ въ понятіи о нашей душѣ, съ выдѣленіемъ изъ него всѣхъ конкретныхъ свойствъ и частныхъ признаковъ, всегда въ концѣ концовъ остается неопредѣленный и неизвѣстный X, которой мыслится нами какъ общее абстрактное начало психической жизни; также точно и филоновское Божество, съ лишеніемъ всѣхъ опредѣленныхъ атрибутовъ, неизбѣжно должно сохранять за собою одинъ признакъ — свое бытіе или существованіе, которымъ опредѣляются и отъ котораго зависятъ, какъ отъ своей послѣдней и основной причины, всѣ условныя и единичныя явленія міровой жизни. „Богъ, говоритъ Филонъ, не доступенъ нашему познанію, развѣ только по бытію (*κατὰ τὸ εἶναι*); ибо одно только существованіе (*ὑπαρξίς*) вотъ то, что мы знаемъ о немъ, кромѣ же существованія — ничего“ ²⁾). Человѣкъ, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, можетъ знать о Богѣ не то, каковъ онъ есть; но только — что онъ *есть* или существуютъ (*οὐχ οἷός ἐστι ἀλλ' ὅτι ἔστι*)“ ³⁾). „Посему не сказано: *узрите меня*

1) De nom. mut. Pf. IV, 326: „τὰ γεννητῶν σύμβολα ὀνόματα μὴ ζῶντι παρά φύσιν ἀφ' ἑαυτοῖς“.

2) Quod D. s. immut. Pf. II, 416: ὁ δὲ Θεὸς οὐδε τῷ νῷ καταληπτός „τι μὴ κατὰ τὸ εἶναι μόνον, ὑπαρξίς γὰρ ἐστὶ ὃ καταλαμβάνομεν αὐτοῦ, χωρὶς δὲ ὑπάρξεως οὐδέν“.

3) De praem et poen. Fr. 916, B, — 917, A. Cp. Quod pot. ins.

(Второз. 32, 39), ибо Богъ по своему существу недоступенъ познанію твари,—но: *узрите яко Азъ есмь*, т. е. мое существованіе вы познаете. Это потому, что для человѣческаго разума достаточно ограничиться познаніемъ только того одного, что *существуетъ причина всего*. Пытаться же идти далѣе и вопрошать о существѣ и свойствахъ Бога есть крайняя степень неразумія. Даже Моисею, этому величайшему и мудрѣйшему изъ всѣхъ людей, Богъ не допустилъ этого, хотя тотъ и усиленно молилъ о семъ. Ему (Моисею) былъ данъ отвѣтъ, что онъ можетъ видѣть только *задняя*, а не лицо Бога. Это означаетъ: только то, что слѣдуетъ послѣ Бога, можетъ быть доступно познанію человѣка благонаправнаго,—самъ же Богъ, и только онъ одинъ, непознаваемъ. Бога можно знать только по его проявленіямъ въ силахъ, которыя послѣ него. Но силы эти въ своихъ произведеніяхъ открываютъ не *существо* Бога, а только его *существованіе* ¹⁾. Соотвѣтственно этому единственному предикату и имя можетъ быть усвоено Божеству только одно, выражающее его бытіе или существованіе, и ничего болѣе,—а именно: τὸ ὄν или ὁ ὢν, сущее или сый, евр. Йегова. Весьма опредѣленно высказывается объ этомъ нашъ философъ въ de Somniis: „разсматривая, говоритъ Филонъ, есть ли у Бога какое-либо имя, Писаніе ясно даетъ знать, что собственнаго нѣтъ никакого. Если же Онъ все-таки называется, то въ смыслѣ несобственномъ, такъ какъ Онъ не имѣетъ другаго имени, кромѣ τὸ ὄν—сущее. Объ этомъ свидѣтельствуемъ откровеніе въ извѣстномъ

sol. Pf. II, 202: „τὴν ἀκατάληκτον Θεοῦ φύσιν, ὅτι μὴ πρὸς τὸ εἶναι μόνον καταλαβεῖν αὐ δύνηται.

¹⁾ De poster. C. Pf. II, 342. Ср. подобное же de mon Fr. 816,—de profug. Fr. 474. De nom. mut. 1045 и др.

отвѣтъ, данномъ вопрошавшему (Моисею) объ имени Божіемъ: „*Азъ есмь Сый*“; дабы, при невозможности для человѣка мыслить Божество несущестующимъ, онъ—человѣкъ—признавалъ бы его бытіе ¹⁾). Итакъ, за невозможностію безъ абсурда мыслить Божество несущестующимъ, Филонъ усволяетъ ему только одинъ общій и безсодержательный признакъ, это: метафизическую необходимость быть или существовать въ качествѣ абстрактно-безпредикатнаго и всеобщаго первоначала условно-конкретныхъ явленій міровой жизни. Дальше такого гегелевскаго *Schlechtes Sein*, простаго и чистаго бытія, никакая философская абстракція въ понятіи о Богѣ идти не въ состояніи.

Объединяя всѣ доселѣ указанныя опредѣленія филоновскаго Сущаго, мы получаемъ представленіе о немъ, какъ о всецѣло абстрактной сущности, отрицающей изъ себя всѣ признаки реально-конкретнаго бытія. Какъ неопредѣленное единство и безразличная всеобщность, какъ чистое и вполне абстрактное бытіе, неимѣющее никакого конкретнаго содержанія, Богъ Филона очевидно стоитъ въ прямой логической противоположности всему индивидуально-конкретному и качественно-опредѣленному бытію. Противоположность эта ясно сказывается у Филона уже въ томъ, что всѣ выше изложенныя опредѣленія Сущаго онъ, какъ мы знаемъ, приобретаетъ путемъ отрицанія изъ понятія о Богѣ всѣхъ признаковъ индивидуально-конкретнаго бытія, путемъ прямаго логическаго противоположенія условнымъ и частнымъ явленіямъ ихъ безусловнаго и всеобщаго первоначала. Но, и кромѣ того, нашъ философъ ясно и прямо высказываетъ эту абстрактно-логическую противополож-

¹⁾ De Somn. Pf. V, 104.

ность между Безконечнымъ и конечнымъ, называя „Бога и тварь противоположными природами“ („θεός και γένεσις ἀντίπαλοι φύσει“ ¹⁾).

Пока сущее мыслится въ такой абстрактно-логической противоположности міру, оно очевидно не можетъ стоять къ послѣднему въ какихъ бы то ни было непосредственныхъ отношеніяхъ; оно не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего, что могло бы служить точкою соприкосновенія между нимъ и міромъ реальныхъ явленій. „Самъ въ себѣ и по себѣ Богъ, говоритъ Филонъ, не соприкасается съ чѣмъ либо другимъ ²⁾); ибо Сущее, какъ сущее, — т. е. мыслимое какъ чистый абстрактъ, отрѣшенно отъ всякихъ конкретныхъ свойствъ, — не имѣетъ отношенія къ чему-либо другому (τὸ γὰρ ὄν ἢ ὧν ἐστὶ, οὐχὶ τῶν πρὸς τι)“ ³⁾).

Между положеніемъ, которымъ мы начали изложеніе филонова ученія о Богѣ (Богъ есть безусловная первопричина всего), и тѣмъ, которымъ оканчиваемъ (Богъ не имѣетъ отношенія ни къ чему другому), замѣчается очевидное противорѣчіе. Съ одной стороны Божество мыслится какъ несоотносимое и въ себѣ заключенное бытіе; съ другой — оно представляется стоящимъ къ міру въ отношеніи дѣйствительной первопричины къ слѣдствію. Какъ примирить такія противорѣчивыя положенія? Какимъ образомъ абстрактно-безпрдикатное Сущее, само въ себѣ и по себѣ стоящее къ реальному бытію въ прямой логической противоположности и неимѣющее къ нему никакого отношенія, можетъ сдѣлаться дѣйствительною первопричиною міра и слѣд. стать въ дѣйствительныя отношенія πρὸς τι, къ другому?

¹⁾ Leg. alleg. Pf. 1, 248.

²⁾ Leg. alleg. Pf 1, 186.

³⁾ De nom mut. Pf. IV, 332.

Этотъ вопросъ служить общимъ и основнымъ исходнымъ пунктомъ для всей логологіи Филона. Чтобы найти выходъ изъ указаннаго противорѣчія, философъ обращается къ идеѣ *посредственнаго отношенія* Бога къ міру. Между абстрактно-безпредикатнымъ Сущимъ и реально-конкретнымъ бытіемъ онъ вводитъ посредствующее звѣно, которое должно служить логическою связью между обѣими противоположностями. Такимъ посредствующимъ звѣномъ у Филона являются „божественныя силы или божественныя логосы“ (θεῖοι δυνάμεις, θεῖοι λόγοι). „Сущее какъ сущее, говоритъ Филонъ, конечно не имѣетъ отношенія къ чему-либо; ибо оно само себя наполняетъ, само для себя достаточно и какъ до—такъ и послѣ творенія (міра) остается въ одномъ и томъ же состояніи, — совершенно неизмѣннымъ и нужды ни въ чемъ не имѣющимъ. Но изъ силъ, которыя Онъ (Богъ) протеръ въ бытіе для блага созданныхъ тварей, нѣкоторыя стоятъ въ отношеніи къ другому нѣчто (ένίιας συμβέβηκε λέγεσθαι ώσανει πρός τι), — каковы напр. царственная и благодѣющая. Ибо царь управляетъ кѣмъ-либо и благодѣтель совершаетъ добро кому-либо, такъ что управляемый и благодѣемый суть нѣчто совершенно отличное отъ царя и благодѣтеля“ ¹⁾. „Изъ оной (матеріи), говоритъ Филонъ въ другомъ мѣстѣ, Творецъ все произвелъ, самъ однако-же не прикасаясь (непосредственно); но Онъ употребилъ без-

¹⁾ De nom. mut. Pf. IV, 332—334: Послѣ выше приводимыхъ словъ: τὸ γὰρ ὄν ἢ ὄν ἐστὶ, οὐχὶ τῶν πρός τι, Филонъ продолжаетъ: αὐτὸ γὰρ ἑαυτοῦ πλήρες καὶ αὐτὸ ἐκαστῶ ἰκανόν καὶ πρό τῆς τοῦ κόσμου γένεως καὶ μετὰ τὴν γένεσιν τοῦ παντὸς ἐν ὁμοίῳ. Ἄτρεπτον γὰρ καὶ ἀμετάβλητον χρῆζον ἑτέρου τὸ παράπαν οὐθενός. τῶν δὲ δυνάμεων ἄς ἔτεινεν εἰς γένεσιν ἐπ' ἐνεργεσίῃ τοῦ συσταθέντος ἑνίιας συμβέβηκε ώσανει πρός τι: τὴν βασιλικήν, τὴν ἐνεργητικὴν κ. τ. λ.

тѣлесныя силы для того, чтобы каждый видъ (индивидуально-конкретнаго бытія) принялъ соотвѣтствующій образъ (т. е. качественно-опредѣленную форму)¹⁾. „Богъ, читаемъ въ третьемъ мѣстѣ, вообще не объемлется пространствомъ,—Онъ выше времени и мѣста; ибо все тварное сопрягши съ собою, Онъ ничѣмъ не объемлется и выше всего. Но хотя Онъ выше и внѣ всего созданнаго, тѣмъ не менѣе наполняетъ собою міръ. А именно: посредствомъ силы протершись до краевъ (вселенной) Онъ стройно и законосообразно сочленилъ каждую вещь съ другою... Посему и сказано: Онъ близъ есть и далекъ; т. е. Онъ касается каждаго своими силами—творческой и наказующей, которыя находятся вблизи всякаго, но Онъ очень далеко отдѣлилъ тварь отъ своей природы по существу“²⁾. Эти посредствующія силы, какъ увидимъ впоследствии, объединяются у Филона въ представленіи одной общей божественной первосилы или одного общаго божественнаго Логоса посредника³⁾. Въ немъ—въ этомъ Логосѣ—Сущее изъ абстрактной пустоты бытія въ себѣ переходитъ къ реально-дѣйственнымъ отношеніямъ во внѣ, —оставаясь въ себѣ заключенною и трансцендентною сущностію, въ тоже время дѣлается и дѣйствительною первопричиною реального бытія,—становится Творцомъ и Промыслителемъ міра⁴⁾.

1) De vict. offer. Fr. 857, E—858, A: „ἐξ ἐκείνης πάντ' ἐγέννησεν ὁ Θεός, οὐκ ἐραπτόμενος αὐτός... ἀλλὰ ταῖς ἀσωμάτοις δυνάμεσιν κατεχρήσατο πρὸς τὸ γένος ἕκαστον τῆν ἀριστοῦσαν λαβεῖν μορφήν“.

2) Poster. C. Pf. 11, 258—260.

3) См. De confus. ling. Pf. III, 374—376. De Sonm. Pf. V, 126. De migr Abr. Pf. III, 492—502. Подробнѣе эти мѣста будутъ рассмотрѣны впоследствии.

4) Почти всѣ изслѣдователи (особ. Мюллеръ 588,—Кеферштейнъ 3 исл., — Сулье 26 исл. и др. мн.) рядомъ съ абстрактно-безпри-

Итакъ, — слѣдуя за своими предшественниками, нашъ философъ въ идеѣ Логоса—посредника думаетъ найти логическое звѣно между абстрактно-безпредикат-

дикатнымъ Сущимъ находить у Филона другой противоположный принципъ бытія—матерію, и изъ дуалистической противоположности обоихъ принципозъ (въ смыслѣ позднѣйшихъ гностическихъ системъ) стараются построить филионову ученіе о необходимости посредниковъ между Богомъ и матеріей.

Но во 1-хъ, мы уже видѣли, что всѣ почти многоразличныя опредѣленія Сущаго Филонъ приобретаетъ путемъ абстрактно-логическаго противоположенія этого Сущаго собственно индивидуальнo—конкретнымъ и тварно-конечнымъ предметамъ, а не матеріи, какъ самостоятельному, рядомъ съ Богомъ или противъ него стоящему, принципу. Такимъ образомъ если иногда у Филона и высказывается противоположность между Богомъ и матеріей, то во всякомъ случаѣ эта противоположность сознается Филономъ не настолько ясно и рѣшительно, чтобы можно было дать ей принципиальное значеніе въ построеніи его логологіи.

Во 2-хъ, и это главное, Филонъ говоритъ о матеріи такъ рѣдко, и въ то же время на столько кратко и неопредѣленно, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности составить какое-либо общее представленіе о томъ, что собственно разумѣлъ философъ подъ матеріей. Вообще замѣтно, что идея матеріи не играла въ логологическихъ воззрѣніяхъ Филона никакой существенной и самостоятельной роли. Каждый разъ философъ касается этого предмета какъ-то бѣгло и случайно, не интересуясь ближайшимъ разъясненіемъ дѣла. Въ виду этого мы считаемъ незаконнымъ стянуть идею матеріи, какъ самостоятельнаго по отношенію къ Сущему принципа, во главу филионовой логологіи, хотя бы послѣдняя и выигрывала отъ этого въ большей опредѣленности и стройности.

Всѣ встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Филона, изреченія о матеріи группируются въ трехъ классахъ:

а) Въ однихъ мѣстахъ (большинство) матерія разсматривается какъ матеріалъ, изъ котораго Богъ образовалъ и сформировалъ міръ, въ смыслѣ стоической *ύλη, οὐσία* или *κατ᾽ἔργον*. Такъ въ *de mundi officio* Pf 1, 4—6 Филонъ словами стоиковъ говоритъ о матеріи, какъ страдательномъ или вещественномъ началѣ бытія, въ параллель дѣйствующему или духовному началу (Логосъ или умъ универса). „Необходимо, говоритъ онъ, различать въ существующихъ предметахъ два начала: одно дѣйствующее (*πραγούρων αἰτιον*), а другое—страждущее (*τὸ κατ᾽ἔργον*); начало дѣйствующее есть умъ универса чистѣйшій и совершеннѣйшій, — страждущее же начало бездушно и само въ себѣ неподвижно, но, движимое, образуемое и одушевляемое умомъ, превращается въ совершеннѣйшее произведе-ніе—этотъ міръ“. Въ *de cherub.* Pf. II, 66—68 Филонъ различаетъ четыре начала въ устроеніи міра: дѣйствующее (*τὸ ἀρ' οὐ=αἰτιον*), страдательное (*τὸ εἰς οὐ*), орудное (*τὸ δι' οὐ=ὄργανον*), и ко-

нымъ Сущимъ и индивидуально-конкретнымъ бытіемъ. Спрашивается: какого рода этотъ Логосъ — посредникъ и въ какое отношеніе къ міру ставить онъ Божество?

нечное или дѣловое (τὸ δι' ὅ—αἰτία). Подъ первымъ философъ разумѣть Бога, подъ вторымъ стихійную матерію, подъ третьимъ Логоса, подъ четвертымъ божественную благодать. Точно также въ de mundi orificio Pf. 1, 118 Филонъ очевидно понимаетъ матерію въ смыслѣ стоической ὕλη, если говорить, что для образованія міра Богъ употребилъ все вещество безъ остатка (πάσα κατεχρήσατο τῇ οὐσίᾳ—по друг. ὕλη—εις τὴν τοῦ ὕλου γένεσιν). Сама въ себѣ будучи инертною и неподвижною, неупорядоченной, безвидною, безкачественною, мертвою и бездушною, матерія преобразуется божественнымъ умомъ въ другое, лучшее состояніе: получаетъ порядокъ, строй, видъ, жизнь, движеніе и пр. (De m orif. Pf. 1, 12). Такимъ образомъ міръ, по Филону, подобно виноградной лозѣ, произросъ какъ бы изъ одного корня — изъ преобразованной божественнымъ умомъ безкачественной матеріи въ состояніе порядка и качественной опредѣленности (De Plant. N. Pf. 11, 86—88). Какъ вещественный матеріалъ представляеть Филонъ матерію въ de Profug. Pf. IV, 228: „есть нѣкорне, которые, безкачественную, безобразную и безвидную матерію считаютъ Богомъ, сами не вѣдая движущей причины и не стараясь научиться отъ вѣдущихъ... но есть и другіе люди, которые говорятъ, что умъ прившедши все устроилъ, безпорядокъ приведа въ порядокъ“. Въ томъ же наконецъ смыслѣ Филонъ говорить о матеріи, если для доказательства неразрушимости міра пользуется положеніемъ древней философіи: ex nihilo nihil fit, выводя отсюда невозможность обращенія въ ничто того, что произошло изъ нѣчто: „ὡσπερ ἐκ τοῦ μὴ ὄντος οὐδὲν γίνεται οὐδ' εἰς τὸ μὴ ὄν φθίρεται· ἐκ τοῦ γὰρ οὐδαμῆ ὄντος ἀμήχανόν ἐστι γενέσθαι τί, τό τε ὄν ἕξαπολέσθαι ἀνήυστον καὶ ἄκαυστον... (Quod m. s. incog. Gr. 939, D).

6) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій Филонъ склоненъ видѣть въ матеріи простую только потенцію бытія, реально не существующую, но только мысленно (in abstracto) противостоящую абстрактному принципу чистаго бытія—τὸ ὄν въ качествѣ абстрактнаго принципа небытія, чистого μὴ ὄν. Представляя собою полное отрицаніе всѣхъ признаковъ реального бытія — упорядоченности, образности, качественности и пр., матерія мыслится Филономъ какъ нѣчто реально неимѣющее въ себѣ ничего, но могущее быть всѣмъ (οὐδὲν ἕξ ἑαυτῆς ἔχουσα καλὸν δυναμένη δὲ πάντα γενέσθαι De m. or. Pf. 1, 12). Съ этой точки зрѣнія на матерію Филонъ получаетъ возможность говорить о Богѣ уже не только какъ о мірообразователѣ въ стоическомъ смыслѣ, но и какъ о творцѣ вселенной въ смыслѣ библейскомъ. Такъ въ de somn Pf. V, 36: „какъ солнце при

Предшествовавшая исторія ученій о Логосѣ, а также и собственная логика Филоновой философіи могли дать на этотъ вопросъ только два отвѣта.

восходѣ своемъ дѣлаетъ видимыми скртыя во мракѣ предметы, такъ и Богъ, породивъ все, не только привелъ въ явность (т. е. далъ видѣ и образъ), но и создалъ то, чего прежде не было, самъ будучи не только мирообразователемъ, но и Творцомъ (ὁ Θεὸς τὰ πάντα γεννήσας, οὐ μόνον εἰς τοῦμφανῆς ἤγαγεν, ἀλλὰ καὶ ἂ πρότερον οὐκ ἦν ἐποίησεν, οὐ δημιουργὸς μόνον ἀλλὰ καὶ κτιστὴς αὐτὸς ὤν. Ср. De ebriet. Pf. III, 188. De mon. Fr. 815, A). Смыслъ этихъ словъ не тотъ, что самую матерію Филонъ признавалъ твореніемъ Божиимъ (какъ Гросманъ 1, 19; Вольфъ 151),—или же что философъ видѣлъ въ ней эманацию изъ Божества въ смыслѣ неоплатаническаго (какъ Дане 1, 29): ни для того ни для другаго предположенія въ сочиненіяхъ Филона рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. По нашему мнѣнію значеніе приведеннаго изреченія сдѣлается вполне яснымъ, если принять, что Филонъ здѣсь разумѣетъ подъ матеріей не реальннй субстратъ, а только in abstracto мыслнмую возможность бытія, которая in se есть μὴ ὄν, нѣчто несуществующее. Съ этой точки зрѣнія Филонъ имѣлъ конечно законное право видѣть въ Богѣ болѣе чѣмъ простаго мирообразователя, но—и абсолютнаго Творца вселенней. Сообразно съ этимъ и самой актъ мирообразованія Филонъ иногда обозначаетъ такими терминами, которые указываютъ на твореніе міра изъ ничего—въ библейскомъ смыслѣ: ἐκ τῶν μὴ ὄντων εἰς τὸ εἶναι παραγαγεῖν, — γένεσις ἢ ἀγωγή καὶ ὁδός τις ἐστὶν ἐκ τῶν μὴ ὄντων εἰς τὸ εἶναι и под. Quod D. s. immut. Pf. 11, 438. Leg. alleg. Pf. 1, 250. De miqrat. Abr. Pf. 111, 496. De creat. princ. Fr. 728, B.

в) Наконецъ нельзя отрицать и того, что въ сочиненіяхъ Филона встрѣчаются и такія мѣста, въ которыхъ философъ говоритъ о матеріи, какъ самостоятельномъ, противобожественномъ принципѣ, служащемъ въ мірѣ источникомъ зла, нравственнаго раздора, всякаго рода нечистоты, тлѣнія и смерти (πεφωρμένην υλην, φθαρτὴν ἐξ ἑαυτῆς, πλημμελής καὶ ἀνώμαλος напр. Quaest. in exod. M. 360, De vict. offer. Fr. 857, E. Quis rer div haer. Pf. 1V, 70 и др.),—какъ о такомъ принципѣ, къ которому Божество стоитъ въ реальной и нравственной (а не абстрактно-логической только) противоположности и съ которымъ оно не можетъ вступать ни въ какія отношенія безъ уменія своей чистоты и святости. Здѣсь такимъ образомъ уже замѣтны зачатки педвѣйшаго гностическаго дуализма между Богомъ и матеріей.

Изъ сказаннаго видимъ, какъ противорѣчивы, неустойчивы и неопредѣленны воззрѣнія Филона на матерію; такъ что идея матеріи въ логологической системѣ Филона не только не имѣетъ никакого руководящаго значенія, но какъ разъ наоборотъ: самое понятіе матеріи въ ней видоизмѣняется и разнообразится сообразно съ различными точками зрѣнія Филона на природу Верховнаго Существа

Во первых. Какъ логическій абстрактъ отъ условныхъ явленій міровой жизни, Сущее, мыслимое отрѣшено отъ міра, въ существѣ дѣла есть простая, только въ нашемъ умѣ существующая потенція безъ реальной дѣйствительности, пустая абстрактная форма безъ конкретнаго содержанія. Получить жизнь, содержаніе, вообще реальность Сущее можетъ только въ тѣхъ же самыхъ явленіяхъ, отъ которыхъ оно отвлечено, какъ неданное абстрактное основаніе къ данному многообразію условно-конкретнаго бытія. Только въ мірѣ абстрактно-безпредикатное Сущее можетъ жить полною жизнью; толко здѣсь для него является возможность проявлять себя какъ живую силу, непрестанно работающую надъ произведеніемъ безконечнаго многообразія частныхъ формъ феноменальнаго бытія. Отсюда филонова, какъ и всякая другая болѣе или менѣе послѣдовательная, философія, если хочетъ видѣть въ Богѣ живую и реально-дѣйственную первопричину бытія, неизбѣжно должна представлять Божество во внутреннемъ, живомъ и имманентномъ отношеніи къ міру, — въ такомъ же точно отношеніи, въ какомъ каждая частная эмпирическая сила стоитъ къ обнимаемой ею области частныхъ явленій, — въ какомъ напр. душа, какъ общее абстрактное начало психической жизни, стоитъ къ частнымъ

и его отношеніе къ міру. Когда Филонъ развиваетъ стоическую идею имманенто-дѣйствительнаго отношенія Бога къ міру, тогда онъ видитъ въ матеріи вещественной субстратъ для дѣятельности божественнаго начала. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда философъ старается утвердить библейское воззрѣніе на Бога, какъ творца міра, онъ склоняется къ платоническому опредѣленію матеріи, какъ *μὴ ὄν*, реально не существующей абстрактной потенціи бытія. Наконецъ съ равнинскодействительской точки зрѣнія на Бога, какъ по вѣзмѣрную и самозаклученную сущность, Филонъ склоняется къ представленію матеріи въ видѣ самостоятельнаго антибожественнаго начала всякаго зла и нравственной нечистоты въ мірѣ.

проявленіямъ душевной жизни (уму, волѣ, чувствамъ и пр.) ¹⁾. Ясно, что при такомъ отношеніи Бога къ міру, идея Логоса — посредника должна разрѣшиться въ понятіе имманентно-безличнаго божественнаго разума или силы, посредствомъ которой Божество изъ абстрактной пустоты бытія въ себѣ переходитъ къ конкретной полнотѣ реальной жизни и имманентной дѣйственности въ мірѣ. Чтобы выполнить такую задачу, т. е. поставить Сущее въ имманентно-дѣйственыя отношенія къ міру, Логосъ съ одной стороны долженъ имманентно сливаться съ Божествомъ въ качествѣ его разума, силы или атрибута; а съ другой — Логосъ долженъ внутренне совпадать и съ міромъ въ качествѣ имманентной ему формы, закона или души. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ нѣтъ въ отдѣльности ни Бога, ни Логоса, ни міра, — а есть только одинъ, живой и нераздѣльный универсъ — Богъ; все есть Богъ и Богъ во всемъ: таковъ конечный результатъ, къ какому неизбежно влекла Филона логика имманентно-дѣйственнаго и живаго отношенія Бога къ твари, — и къ которому уже ранѣе Филона пришла философская мысль древняго грека въ лицѣ стоицизма.

Во вторыхъ. Вопреки пантеистическимъ выводамъ стоической логологии абстрактно-неопредѣленное Сущее можно мыслить самостоятельно по отношенію къ міру и трансцендентною личностію. Но въ такомъ случаѣ оно, какъ мы знаемъ, должно неизбежно обратиться въ бессодержательный абстрактъ, мертвый и пустой *Deus ex machina*, неимѣющій съ міромъ никакой внутренней связи и стоящій къ нему въ прямой деистической противоположности. Это — такъ ска-

¹⁾ См. предварит. замѣчанія стр. XXVI.

затъ, личность безличная, мышленіе безъ предмета мыслимаго, сила безъ жизни и реальныхъ обнаруженій¹⁾. Такое возрѣніе на Божество, отчасти не чуждое и греческой философіи, главнымъ образомъ было развито въ іудейско-раввинской теософіи. Подобно Филону, выдѣливъ изъ понятія о Богѣ всѣ конкретныя признаки и опредѣленные свойства, палестинскіе мыслители, какъ мы знаемъ, лишили Верховное Существо всякаго содержанія для его жизни и дѣйственности и обратили Его въ мертвый потусторонній абстрактъ, въ самозаклоченную и отрицающую всѣ внѣшнія отношенія сущность. Но чтобы пополнить и замаскировать получающуюся при этомъ пропасть между Творцомъ и тварью, іудейскіе раввины поставили между Богомъ и міромъ особаго посредника—Мемру, къ которому свели все, что въ ветхозавѣтной, какъ и во всякой другой, религіи усвоится непосредственно самому Божеству—твореніе міра, промышленіе и пр.—Очевидно, при той противоположности, какая является здѣсь между Богомъ и міромъ, Логось-посредникъ можетъ быть мыслимъ не иначе, какъ существомъ по своей природѣ стоящимъ безконечно ниже Верховнаго Существа, т. е. тварно-служебнымъ духомъ. Къ такому же возрѣнію неизбежно долженъ былъ бы склониться и Филонъ, если бы онъ хотѣлъ выдѣлить свое абстрактно-безпредикатное Сущее въ самостоятельную и вѣдѣнную сущность.

Такимъ образомъ Филону предстоялъ выборъ между двумя крайностями: или удержать представленіе о трансцендентной независимости Божества и въ такомъ случаѣ склониться къ деизму раввинской теософіи, выдѣлить Логоса въ самостоятельную тварно-служебную личность; или же поставить Божество въ

¹⁾ См. предвар. замѣч. XVI изд.

живыя и имманентно-дѣйственыя отношенія къ міру и въ такомъ случаѣ развить систему стоическаго панлогизма, слить Логоса съ Богомъ и міромъ въ единство субъекта.

Такъ Филонъ необходимо долженъ былъ бы поступить, если бы онъ былъ послѣдовательнымъ философомъ и строгимъ мыслителемъ, для котораго ничего не существуетъ кромѣ чистаго мышленія и логическихъ абстракцій. Но Филонъ—столько же философъ, сколько и мистикъ; онъ человѣкъ не одной только философической логики, но и глубокаго религіознаго чувства,—послѣднее развито въ немъ въ такой же мѣрѣ, какъ и философская рефлексія. Глубокая и искренняя религіозность даетъ себя замѣтить въ каждой строкѣ сочиненій Филона; ею окрапены и проникнуты почти всѣ разсужденія нашего философа; она движеть и управляетъ всѣми его думами, чаяніями и идеалами; она ясно сквозитъ въ тѣхъ вдохновенныхъ изліяніяхъ религіознаго чувства, въ томъ неподдѣльномъ религіозномъ восторгѣ, какими дышать многочисленныя страницы сочиненій Филона. Если искать сравненія, то въ этомъ отношеніи Филонъ представляетъ полный контрастъ до суровости строгому мыслителю Спинозѣ и всего болѣе напоминаетъ Шлейермахера, у котораго религіозное чувство заправляло всѣми философскими построеніями.

Человѣкъ съ такою религіозностію конечно всего менѣе могъ помириться въ сущности своей съ антирелигіозными выводами стоической и раввинской логики. Религіозное чувство, какъ мы знаемъ уже, не можетъ имѣть дѣла: ни съ безличнымъ пантеистическо-стоическимъ Логосомъ, разрѣшающимъ Божество въ простую міровую силу и теряющимъ его въ безконечномъ разнообразіи частныхъ формъ условнаго бытія; ни съ раввинскою тварно-личною Мемрою, уда-

ляющею Божество на неприступныя для человѣка надмірныя высоты. Для религіи нуженъ: съ одной стороны живой и стоящій въ имманентной близости къ твари Богъ, но не безлично — теряющійся въ мірѣ условныхъ явленій въ пантеистическо-стоическомъ смыслѣ, а съ другой — самостоятельный и внѣмірный творецъ и промыслитель, но не удаленный отъ твари непроходимой бездною деистической противоположности — въ іудейско-раввинскомъ смыслѣ. Соответственно этому, отъ имманентнаго Богу и міру Логоса стоической философіи религиозное сознаніе требуетъ личности (дабы при имманентномъ отношеніи къ твари Божество посредствомъ Логоса могло сохранять свою самостоятельность); а тварно-личной Мемрѣ раввинской теософіи оно стремится дать предикать божественности (дабы, при своей трансцендентности, Божество могло въ Логосѣ стоять въ непосредственно-близкихъ и имманентно-дѣйственныхъ отношеніяхъ къ твари). Отсюда для Филоновой логологии, по скольку она въ одинаковой мѣрѣ стремится удовлетворить интересамъ религіи и философіи, возникла задача: найти абстрактно-философскимъ путемъ синтезъ двухъ противоположныхъ понятій — имманентности и трансцендентности Божества, самостоятельной личности Логоса и его божественнаго достоинства, т. е. вообще примирить крайности раввинско-деистической и стоическо-пантеистической логологии.

Такимъ образомъ внутренняя задача Филоновой логологии совпадала съ ея историческомъ призваніемъ. Филону предстояло философскимъ путемъ рѣшить ту же проблему, какую христіанство рѣшаетъ на почвѣ религиознаго сознанія и, такъ сказать, непосредственнаго религиознаго опыта. Но если въ христіанствѣ, которое не вѣдаетъ никакихъ мертвыхъ метафизиче-

скихъ абстракцій, но видить въ Богѣ живую нравственную личность, эта задача находить, какъ увидимъ, свое полное рѣшеніе въ ученіи о самостоятельномъ-божественной личности Логоса и въ идеѣ Логоса—Богочеловѣка,—то напротивъ въ сферѣ филоновскихъ абстрактныхъ формулъ и метафизическихъ опредѣлений Сущаго, она—эта задача—сама въ себѣ заключаетъ логическую невозможность. Такъ какъ задача Логоса у Филона опредѣляется одною только метафизическою необходимостію — быть посредствующимъ звѣномъ между абстрактно-безпредикатнымъ Сущимъ и реально-конкретнымъ бытіемъ,—то одно изъ двухъ: или Сущее посредствомъ Логоса изъ абстрактной пустоты бытія въ себѣ переходить къ конкретной полнотѣ реальной жизни и имманентной дѣйственности въ мірѣ — но въ такомъ случаѣ противоположность божественнаго и тварнаго утрачиваетъ свое дѣйствительное значеніе и Богъ, Логосъ и міръ теряются въ субстанціальномъ безразличіи единого, живаго и нераздѣльнаго универса—въ стоическо-пантеистическомъ смыслѣ; или же Логосъ отстаиваетъ внѣмірную самостоятельность Божества—но въ такомъ случаѣ пріобрѣтаетъ всю свою силу равнинско-деистическая противоположность тварнаго и божественнаго, гдѣ все, стоящее внѣ единого и самозаключеннаго Божества, а слѣдовательно и Логосъ, должно быть мыслимо какъ нѣчто небожественное, тварно-конечное и по своей природѣ всецѣло противоположное Верховному Существо. Напротивъ, — при той противоположности, въ какой съ абстрактно-философской точки зрѣнія Филона стоятъ предикаты стоическаго и равнинскаго Логоса (каждой изъ нихъ есть именно то, что не есть другой; каждый утверждаетъ то, что отрицается другимъ), дѣйствительный логическій синтезъ ихъ въ одномъ высшемъ воззрѣніи на Логоса,—какъ на само-

стоятельную божественную личность, воплотившуюся въ человѣкѣ Исусѣ, въ христіанскомъ смыслѣ,—оказывается простою логическою невозможностію, невысказаннымъ абсурдомъ.

Легко угадать тѣ результаты, къ какимъ должна была повести филонову логологию такая логически невозможная задача ея. Какъ человѣкъ глубокаго релігіознаго чувства, Филонъ не желаетъ и не можетъ остановиться на антирелігіозныхъ выводахъ ни стоической ни раввинской логологии. Вопреки первой, онъ ясно сознаетъ нужду выдѣлить Бога въ самостоятельную и внѣ мірную сущность: тѣхъ, кто держится пантеистическихъ взглядовъ, онъ не стѣсняется называть „дерзкими нахалами и людьми съ проказеннымъ и разслабленнымъ мышленіемъ“. Въ такой же мѣрѣ нашъ философъ не удовлетворяется и раввинскою идеею тварно-личнаго посредника: часто онъ высказываетъ мысль, что только въ непосредственномъ общеніи съ Божествомъ человѣкъ достигаетъ полного удовлетворенія всѣмъ своимъ — умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ; нерѣдко онъ открыто старается обойти и устранить посредствующую роль Логоса, какъ простой только *деутеронъ* плочу, въ которомъ имѣютъ нужду лишь несовершенные люди, между тѣмъ какъ праведники и совершенные мудрецы возвышаются надъ всякимъ посредствомъ и достигаютъ непосредственнаго взаимообщенія съ самимъ чистѣйшимъ первоисточникомъ истинной жизни, полного знанія и вѣчнаго невозмутимаго блаженства ¹⁾. Не удовлетворяясь ни пантеистическо-стоическимъ Логосомъ ни раввинско-деистическою Мемрою—въ отдѣль-

¹⁾ De migr. Abr. Pf. III, 436. De congr. quaer. erud. gr. Pf. IV, 162. Leg. alleg. Pf. 1, 248. De Somn. Df. V, 182. Quod D. s. immut. pf. II, 456. Относительно этихъ и другихъ подобныхъ же мѣстъ подробная рѣчь ниже.

ности, Филонъ старается стать выше этихъ крайностей, объединить ихъ въ одномъ высшемъ воззрѣніи на Логоса. Съ этою цѣлю онъ силится по возможности сблизить обѣ противоположности, сгладить ихъ рѣзкости, такъ чтобы въ результатъ получалось нѣкоторое третье среднее понятіе, которое бы объединяло предикаты стоическаго Логоса и раввинской Мемры. Пользуясь обоюдностію греческаго слова: Λόγος (оно значить: и слово, членораздѣльный звукъ—Евр. Мемра,—и разумъ, умъ—греч. νοῦς), нашъ философъ вездѣ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о Логосѣ безразлично какъ въ стоическомъ, такъ и въ раввинскомъ смыслѣ. Объ имманентно—божественномъ Логосѣ стоической философіи онъ иногда рассуждаетъ повидимому какъ о самостоятельномъ, отличномъ отъ Сущаго, посредникѣ, усвоивъ ему предикаты личной Мемры. Наоборотъ, о личной Мемрѣ таргумистовъ онъ выражается такъ, что какъ будто ставитъ ее въ имманентное отношеніе къ Божеству и видитъ въ ней божественную природу Логоса стоическаго. Благодаря такому своеобразному сближенію и смѣшенію предикатовъ имманентно—божественнаго Логоса стоической философіи и личной Мемры раввинской теософіи, филонова логология получаетъ поразительное сходство съ христіанскимъ ученіемъ о Логосѣ какъ со стороны своей общей задачи и тенденціи, такъ даже и со стороны внѣшней формы и фразы.

Но, съ другой стороны, какъ философъ, считающій философію единственною дорогою къ истинному богопознанію, Филонъ въ рѣшеніи проблемы никакъ не можетъ отрѣшиться отъ философскихъ абстракцій и метафизическихъ формулъ; какъ философъ, онъ всецѣло стоитъ на почвѣ логики философской и потому вынужденъ спускаться въ сферу всѣхъ ея неизбѣжныхъ противорѣчій. Не имѣя возможности найти

дѣйствительный логическій синтезъ взаимно отрицающихъ себя предикатовъ стояческаго Логоса и раввинской Мемры, Филонъ замѣняетъ этотъ синтезъ фиктивнымъ и искусственно-механическимъ соединеніемъ обѣихъ противоположностей въ сходной съ христіанскою теистической фразѣ, логически разрѣшающей всегда на свои несоединимыя элементы. Всякій разъ, когда Филону предстояла необходимость ближе и точнѣе раскрыть содержаніе этой фразы, онъ волей-неволей принужденъ склоняться къ одной изъ отрицаемыхъ имъ крайностей прежней логологии. Смотри потому, какое требованіе религіознаго чувства наиболѣе заявляло съ сознанія Филона свои права въ извѣстный моментъ, нашъ философъ видимо тяготѣетъ то къ эллинскому пантеизму, то къ раввинскому деизму. Когда Филонъ стремится раскрыть и обосновать требуемую религіознымъ сознаніемъ идею имманентно—дѣйственной близости Творца къ твари, когда старается найти въ Богѣ живую и реальную силу; тогда онъ невольно увлекается стройной логикою эллинскаго пантеизма и развиваетъ идею имманентно—безличнаго Логоса стояческой философіи со всѣми ея пантеистическими выводами. Наоборотъ, въ тѣ минуты, когда сознаніе вѣрующаго іудея протестовало въ Филонѣ противъ пантеистическаго слиянія Бога съ міромъ, нашъ мыслитель ударяется въ другую крайность и обнаруживаетъ явное тяготѣніе къ тварно-личной Мемрѣ раввинской теософіи со всѣми ея деистическими выводами. Такимъ образомъ отъ теистической тенденціи и теистической задачи у Филона остается къ концѣ концовъ одна только пустая оболочка, внѣшняя форма и фраза—съ пантеистическимъ или деистическимъ содержаніемъ. Отсюда и то поразительное сходство съ христіанскою догматикою, благодаря которому Филона пѣкогда счи-

тали христіаниномъ, въ сущности есть не болѣе какъ простой только обманчивый миражъ, искусственно маскирующій несоединимыя противоположности раввинской и стоической логологіи посредствомъ пустой безсодержательной теистической фразы. Стоить пристальнѣе взглянуть въ эту фразу, какъ призракъ тотъ часъ же исчезаетъ и на его мѣстѣ со всею рѣзкостію выступаютъ противорѣчивыя крайности раввинской Мемры и стоическаго Логоса.

Изъ сказаннаго видимъ, съ какимъ мыслителемъ имѣемъ мы дѣло. Напрасно сталъ бы изслѣдователь искать у Филона какого-либо единства и стройной логичности въ построеніи и развитіи идеи Логоса. Логологія Филона не представляетъ одной послѣдовательной, законченной и въ себѣ замкнутой системы. Наоборотъ: постоянныя самопротиворѣчія и колебанія изъ одной противоположности въ другую, безвыходное вращеніе между Сциллою и Харибдою пантеистическо-стоической и раввинско-деистической логологій, бесплодныя усилія найти философскій выходъ изъ этого заколдованнаго круга самопротиворѣчій: все это не есть ничто случайное, наносное и, такъ сказать, мимолетное въ филоновой логологіи,—но составляетъ ея основную особенность, лежащую въ самомъ существѣ той задачи, которую рѣшать заставила Филона сама исторія. Разсматриваемая съ этой стороны, логологія Филона производитъ трагическое впечатлѣніе на изслѣдователя: замѣтно, что человѣкъ религіи въ ней борется съ человѣкомъ философіи,—религіозное сознание здѣсь стремится разорвать опутавшія его сѣти философской логики, и философская мысль силится побороть тотъ раздвой между религіей и философіей, какой былъ созданъ дохристіанскимъ историческимъ развитіемъ идеи Логоса. Иногда эта борьба повидимому готова придти къ благопріятной

развязкѣ.—иногда нашъ философъ такъ близко подходитъ къ истинному рѣшенію проблемы въ христіанскомъ смыслѣ, что кажется еще бы одинъ только шагъ и желанная цѣль была бы достигнута. Къ несчастію такого послѣдняго шага Филонъ никогда не въ состояніи сдѣлать безъ того, чтобы съ точки зрѣнія своихъ философскихъ абстракцій не впасть въ явный абсурдъ и невозможную нелѣпость ¹⁾).

И такъ, — если религіозное сознаніе побуждаетъ Филона искать въ Логосѣ то, что находитъ въ немъ и христіанство, — то наоборотъ философская логика заставляетъ его находить въ Логосѣ то, что составляетъ прямую противоположность христіанству и служить отрицаніемъ его. Если по своей задачѣ и тенденціи филонова логологія стоитъ выше крайностей іудаизма и эллинизма и приближается къ христіанскому ученію о Логосѣ, — то со стороны рѣшенія

¹⁾ Такому самопротиворѣчивому характеру филоновой логологіи вполне благоприятствовала самая внѣшняя форма ея изложенія. Филонъ не задавался цѣлью — систематизировать и цѣльно изложить свои логологическія воззрѣнія въ одномъ какомъ либо сочиненіи. Если бы онъ рѣшился на это, то очень можетъ быть ему пришлось бы избрать болѣе опредѣленный и рѣшительный путь и склониться въ одной изъ крайностей прежней логологіи. Но всѣ, удѣлившія до нашего времени, сочиненія Филона представляютъ собою ничто иное, какъ аллегорическій комментарий на Ветхій Заветъ, преимущественно на пятокнижіе Моисея. Вездѣ въ нихъ Филонъ ставитъ на первый планъ — изъясненіе таинственно-аллегорическаго смысла писанія, — причемъ о Логосѣ онъ говоритъ всегда болѣе или менѣе случайно и отрывочно, по поводу того или другаго библейскаго текста, скрывавшаго по мнѣнію Филона таинственное указаніе на Логоса. Смотря потому, какому воззрѣнію на Логосъ благоприятствовалъ библейскій текстъ, Филонъ раскрываетъ то пантеистическо-стоическое ученіе о Логосѣ какъ имманентно безличномъ божественномъ разумѣ, то равнинско-деистическую идею тварно-личной Мемры. Если же текстъ въ глазахъ Филона содержалъ указанія на предикаты какъ личнаго такъ и безличнаго Логоса, то философъ считаетъ возможнымъ говорить о нихъ рядомъ, какъ будто бы это были логически совмѣстимые моменты одного и того же понятія, а не взаимно исключающія себя противоположности.

проблемы она, по самому существу своей абстрактно-философской методы, не выработала и выработать не могла ничего существенно новаго сравнительно съ тѣмъ, что уже было сдѣлано раньше. Теизмъ во фразѣ, во внѣшней формѣ, въ общей задачѣ: этимъ Филонова логологія несомнѣнно возвышается надъ эллинскимъ пантеизмомъ и раввинскимъ деизмомъ и служитъ предвѣстницею христіанской идеи Логоса. Пантеизмъ и деизмъ, постоянныя колебанія между крайностями стоической и раввинской логологій, безвыходныя и неустранимыя самопротиворѣчія—въ содержаніи и подлинномъ смыслѣ этой фразы, въ дѣйствительномъ рѣшеніи проблемы: вотъ оборотная сторона дѣла, которую Филоново ученіе о Логосѣ стоитъ въ отрицательномъ отношеніи къ христіанству и спускается въ сферу всѣхъ противорѣчій эллинизма и іудаизма. Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ Филоновой логологіи.

Въ частности такимъ характеромъ отличается ученіе Филона о Логосѣ: какъ имманентно-безличной формѣ самооткровенія Божества, какъ самостоятельной личности, какъ средней между Богомъ и человекомъ (богочеловѣческой) природѣ и какъ универсальномъ искупителѣ міра.

а) Стремленіе видѣть въ Богѣ живую и дѣйственную силу, стоящую въ непосредственномъ взаимнообщеніи съ тварью, и въ то же время удержаться отъ эллинско-стоическаго пантеизма, ведетъ Филона къ своеобразному, неизвѣстному ни греческой философіи ни раввинской теософіи и весьма сходному съ христіанскимъ, различенію во внутренней жизни Божества двухъ моментовъ: Его бытія въ себѣ въ формѣ абстрактно-безпредикатнаго Сущаго и Его бытія въ состояніи Логоса, т. е. въ формѣ реально-дѣйствительнаго откровенія во внѣ, въ объективной сферѣ бы-

тія. Это даетъ Филону возможность говорить въ одно и то же время и о внѣмѣрности Божества (въ состояніи Сущаго) и объ имманентной дѣйственности Его въ мірѣ (въ состояніи Логоса),—видѣть въ Логосѣ такого открывателя Божества, въ которомъ оно находитъ непосредственный объектъ для своихъ имманентно-дѣйственныхъ отношеній и изъ абстрактной потенціи развивается въ живую и реальную силу. Точно также эта идея двойственности моментовъ во внутренней жизни Божества заставляетъ философа усвоить Логосу отличные отъ Сущаго и нерѣдко буквально-сходные съ христіанскими предикаты: образа Божія, Сына Божія, втораго Бога и проч.—Было бы однако же большею поспѣшностію и зависѣло бы отъ полнаго непониманія внутренняго характера филоновой логологии, если бы мы, подобно многимъ изслѣдователямъ извѣстнаго пошиба, въ этомъ своеобразномъ ученіи Филона о самооткровеніи Божества въ Логосѣ рѣшились видѣть что-нибудь больше искусственной маскировки тѣхъ пантеистическихъ выводовъ, къ которымъ неизбѣжно влекла Филона логика имманентно-дѣйственнаго откровенія Бога въ мірѣ. Такъ какъ съ своей абстрактно-философской точки зрѣнія на Бога Филонъ не былъ въ состояніи найти для жизни и дѣйственности безпредикатнаго Сущаго никакого другаго содержанія и объекта, кромѣ условно-ограниченной области бытія,—то и совпадающая съ христіанскою по своей внѣшне-формальной сторонѣ идея самооткровенія и самообъективированія Божества въ Логосѣ въ концѣ концовъ разрѣшается у нашего философа въ пантеистическо-стоическое понятіе саморазвитія абстрактно-всеобщаго божественнаго начала въ мірѣ условныхъ явленій. Отсюда и сходное съ христіанскимъ раздѣленіе Бога, Логоса и міра на дѣлѣ сводится у Филона къ формальному только и

абстрактно-мысленному, а отнюдь не дѣйствительному и реальному, различенію субстанции отъ ея атрибута и частныхъ модусовъ — въ пантеистическомъ смыслѣ. Отсюда же и личныя, сходныя съ христіанскими, наименованія Логоса у Филона теряютъ свой прямой смыслъ и обращаются въ простыя только персонификаціи и поэтическія олицетворенія безличной божественной силы или имманентно-безличнаго божественнаго разума. Такимъ образомъ, если съ одной стороны филонова логологія безъ сомнѣнія возвышается надъ греко-стоическимъ пантеизмомъ и приближается къ христіанскому теизму тѣмъ, что стремится во внутренней жизни Божества различить двойство моментовъ, найти въ Логосѣ реальный объектъ для имманентно-дѣйственныхъ отношеній Божества и тѣмъ хотя бы *in abstracto* отстоять трансцендентную независимость Божества по отношенію къ условному бытію, — то съ другой стороны, по самому существу своей абстрактно-философской методы, она могла дать мѣсто этой христіанской идеѣ и развивать ее не иначе, какъ только на счетъ дѣйствительной внѣмірности Божества и реальной самостоятельности Логоса, т. е. какъ разъ въ противоположномъ христіанскому пантеистическо-стоическомъ смыслѣ.

б) Такая пантеистическая логика имманентно-дѣйственнаго откровенія Бога въ мірѣ претитъ въ Филонѣ религиозному чувству вѣрующаго іудея; послѣднее нерѣдко заставляетъ философа протестовать въ пользу дѣйствительной трансцендентности Божества, — за реальное, а не формальное только, различеніе божественнаго и тварнаго, безконечнаго и конечнаго. Это ведетъ Филона къ раскрытію другаго, по своей внѣшности также сходнаго съ христіанскимъ, понятія о Логосѣ, какъ *лично* посредникѣ между Богомъ и тварью. Чтобы избѣжать неизбѣжныхъ при этомъ

раввинско-дейстическихъ выводовъ, нашъ философъ всѣми силами старается отличить Логоса отъ обыкновенныхъ тварей, поставить его превыше всѣхъ ангеловъ и архангеловъ и приблизить непосредственно къ самому Божеству въ качествѣ Его первороднаго сына и втораго Бога. Здѣсь опять нельзя конечно не признать у Филона значительнаго шага впередъ, сравнительно съ раввинско-дейстическою логологіею. Но этотъ шагъ ограничивается, какъ и въ отношеніи къ стоицизму, только внѣшне-формальною стороною, одною только фразою, заключающею въ себѣ далеко не христіанскій смыслъ. Какъ ни старается Филонъ возвысить личнаго Логоса надъ всѣми, даже самыми высшими и чистѣйшими, тварями, какіе возвышенные предикаты ни усвоитъ ему, — во всякомъ случаѣ, при абстрактно - метафизической точкѣ зрѣнія филоновой философіи на Божество, въ ней не было и быть не могло мѣста для христіанской идеи множественности (тройственности) божественныхъ ипостасей. Отсюда при всѣхъ возвышенныхъ предикатахъ своихъ, при всемъ превосходствѣ надъ прочими тварями, личный Логосъ — посредникъ въ концѣ концовъ все таки долженъ оставаться у Филона *небогомъ*, слѣдовательно простою, хотя бы и вышею и чистѣйшею, тварью, по своей природѣ столь же далеко отстоящею отъ Божества, какъ и всѣ другія твари; всѣ эти возвышенные предикаты Логоса выражаютъ у Филона, какъ увидимъ, только количественное, а отнюдь не качественное, превосходство Логоса надъ другими тварно-конечными существами. Такимъ образомъ и здѣсь, если и нельзя отрицать, что Филону не чужда была христіанская идея превыше ангеловъ стоящаго личнаго Логоса посредника, — то во всякомъ случаѣ эта идея могла имѣть мѣсто и развиваться въ филоновой логологіи

не иначе, какъ только въ анти-христіанскомъ, раввинско-дейстическомъ смыслѣ, т. е. на счетъ божественнаго достоинства Логоса и живыхъ, имманентно-дѣйственныхъ отношеній Творца къ твари.

в) Знакомъ, какъ увидимъ, нашъ философъ и съ идеей Логоса—Богочеловѣка. Нерѣдко Филонъ стремится найти въ Логосѣ такую среду, въ которой божественное и человѣческое стояли бы между собою въ вѣчномъ и нераздѣльномъ единеніи,—такую *среднюю* между безконечнымъ и конечнымъ природу, которая бы касалась обоихъ крайнихъ предѣловъ бытія, объединяла бы и совмѣщала ихъ въ себѣ. Это своеобразное понятіе средней природы Логоса безъ всякаго сомнѣнія далеко возвышаетъ филонову логологію надъ греческою философіей и раввинскою теософіей и дѣлаетъ ее предвозвѣстницею и предъуготовительницею христіанской идеи Богочеловѣка. Но—опять только съ внѣшне-формальной стороны, со стороны тенденціи и общей задачи. Филонъ ясно понимаетъ религиозную потребность въ идеѣ Богочеловѣка и старается найти этого Богочеловѣка въ Логосѣ. На дѣлѣ однако же филоновскій богочеловѣкъ прямо противоположенъ христіанской идеѣ полного имманентно-личнаго единенія въ Иисусѣ Божества съ человѣчествомъ. Эту идею Филонъ, съ точки зрѣнія своихъ философскихъ абстракцій, вынужденъ, какъ увидимъ, прямо и рѣшительно отрицать, какъ логическую нелѣпность. Отсюда и понятіе средней или богочеловѣческой природы Логоса въ концѣ концовъ остается у Филона или пустою, внѣшне-теистическою только, оболочкою пантеистической идеи воплощающейся въ мірѣ и особенно въ человѣкѣ, какъ своемъ модусѣ, безличной божественной силы въ стоическомъ смыслѣ; или же, когда Филонъ развивалъ понятіе средней природы Логоса съ раввинско-дейстической точки

зрѣнія на Бога и человѣка, она разрѣшается въ представленіе простой посредствующей между Творцомъ и тварью должности тварно-служебнаго Духа (ангела).

г). Точно такимъ же характеромъ отличается и филоново ученіе о Логосѣ какъ искупителѣ міра. Религіозное чувство не позволяетъ Филону ни остановиться на физическомъ детерминизмѣ эллинско-стоической философіи, ни удовлетвориться іудейско-раввинскимъ воззрѣніемъ на искупленіе человѣка чрезъ посредство ветхозавѣтнаго первосвященника и приносимую имъ жертву за грѣхъ. Подобно Іоанну, Филонъ одухотворяетъ и универсализируетъ ветхозавѣтный первосвященнический культъ; вмѣстѣ съ Іоанномъ, Филонъ считаетъ этотъ культъ дѣйственнымъ и спасительнымъ для человѣка лишь постольку, поскольку онъ служитъ типомъ и символомъ первосвященническаго служенія истиннаго и единственнаго искупителя міра—Логоса,—только въ немъ, этомъ Логосѣ—нашъ философъ находитъ универсальнаго и дѣйствительнаго примирителя и ходатая предъ Богомъ не только за еврейскій народъ, но и за все человѣчество, даже за весь тварно-конечный міръ. Однако же, при всемъ своемъ внѣшнемъ сходствѣ съ христіанскою сотериологіей, и эта филоновская идея универсальнаго искупленія міра въ Логосѣ по своему внутреннему значенію и подлинному смыслу, какъ увидимъ, стоитъ къ христіанству въ отношеніи прямого отрицанія и непримиримой противоположности. Философское сознаніе всякій разъ заставляетъ Филона разрѣшать эту идею: или въ пантеистическо-стоическое понятіе космическаго единства, гдѣ все индивидуально—конечное, а слѣдовательно и человѣкъ, какъ необходимый модусъ божественнаго Логоса, имѣютъ свое законно-необходимое мѣсто и стоятъ въ вѣчномъ примиреніи и нераздѣльномъ единеніи съ Бо-

жествомъ; или же въ простое, внѣшнее только заступничество тварнаго Духа предъ грознымъ Владыкою неба за преступленія людей, которое (заступничество) въ существѣ дѣла ничѣмъ не превышаетъ ходатайства ветхозавѣтнаго первосвященника и потому, какъ и это послѣднее, всегда должно оставаться бездѣйственнымъ по отношенію къ внутреннему возрожденію грѣховной природы падшаго чело-вѣчества.

М. Муретовъ.

**Письма митрополита Московскаго Филарета
къ А. В. Горскому.**

1.

Записку Вашу, Александръ Васильевичъ, о Аврамѣ читалъ не одинъ я, и кажется полезнымъ, чтобы она была извѣстна публикѣ. Но надобно пересмотрѣть изложеніе. Не указывать на сочинителя, а на сочиненіе. Яснѣе отдѣлать то, что говоритъ сочиненіе, отъ того, что говорите Вы. Нѣкоторыя формы рѣчи сдѣлать менѣе многосложными и отъ одного узла далеко протянутыми, чтобы читающему легче было разумѣть и менѣе запутываться въ нѣкоторыхъ Вашихъ изреченіяхъ. Нужно болѣе ясности или точности, дабы видно было, къ чему онѣ клонятся и противъ чего направлены. Не захотите ли довершить трудъ Вашъ?

Ф. М. Московскій.

Окт. 21.
1842

Письмо это писано къ А. В. Горскому, когда онъ былъ еще свѣтскимъ профессоромъ Академіи и состоялъ 10 лѣтъ на службѣ. Писано оно по поводу составленныхъ А. В. Горскимъ «возраженій противъ замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры». Замѣчанія эти принадлежали Д. П. Голохвостову и написаны имъ по поводу вышедшей въ 1842 году книги Горскаго: «историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевой

Лавры», въ которомъ Голохвастовъ, недовольный характерикою своего предка воеводы А. И. Голохвастова, бывшаго вмѣстѣ съ княземъ Долгорукимъ защитникомъ Лавры во время ея осады Поляками, подвергъ строгой критикѣ главу объ осадѣ Лавры и сдѣлалъ весьма неблагоприятный отзывъ объ Аврааміи Палицынѣ. Замѣчанія Голохвастова напечатаны были въ Москвитинѣ 1842 года кн. VI и VII. Тамъ же въ XII кн. того же года напечаталъ и Горскій свои возраженія на статью Голохвастова, которая предварительно представлялъ на разсмотрѣніе Митрополиту. Голохвастовъ отвѣчалъ Горскому антикритическою статьею подъ заглавіемъ: «отвѣтъ на рецензію и критику замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры. (Москвитян. 1844. кн. VI и VII).

2.

Отцу Протоіерю о Господь радоватися.

Радуюсь, что Вамъ открывается случай быть представленнымъ Государынѣ Императрицѣ.

Чего требуетъ чинъ двора, скажетъ Вамъ князь Сергій Николаевичъ *).

О чемъ будете вопрошены, говорите искренно, по возможности не протяженнымъ, но и не скуднымъ словомъ.

Врачебное искусство можетъ отнять нѣчто отъ тѣла, или способствовать приращенію недостающаго: но естьли пересѣчетъ тѣло, сохранить-ли жизнь? И училище можно врачевать отъятіемъ несроднаго, приращеніемъ недостающаго: а разсѣченіе на общую гимназію и закрытую семинарію, убивъ прежнюю жизнь, легко ли дать новую?

Мнѣ видится только неудобноисполнимость и вредъ сего плана: пользы же не видится.

*) Урусовъ.

Но постараюсь писать о семъ обстоятельнѣе въ слѣдъ за симъ.

Юля 26.
1860.

А. В. Горскій вызванъ былъ въ 1860 году въ Петербургъ для присутствованія въ Комитетѣ объ улучшеніи духовныхъ училищъ и выѣхалъ изъ Москвы 18 іюля. Въ мартѣ этого года онъ принялъ священство и въ іюнѣ возведенъ въ протоіерея. Письмо Митрополита писано ему было въ Петербургъ въ отвѣтъ на первое письмо его изъ Петербурга.

3.

Отцу Протоіерею Александру о Господь радоватися.

Къ Вамъ обращаюсь, потому что чаще встрѣчаюсь съ Вами: а слово мое, вмѣстѣ съ Вами, ко всему Академическому Собору. Примите съ любовію новаго Ректора и сохраните мнѣ утѣшеніе, которое всегда имѣлъ, видѣть Васъ, по возможности каждаго, въ единодушій пекущихся о истинномъ благѣ и достоинствѣ Академіи.

Генв. 20.
1861.

Новый Ректоръ Академіи — Архимандритъ Савва, бывшій Ректоръ Московской семинаріи, нынѣ Архіепископъ Тверскій.

4.

Имѣю необходимость сказать Вамъ, Отецъ Протоіерей, что Вы не имѣли права безобразить Вашими отмѣтками реэстръ книгъ, офиціально сообщенный мнѣ изъ другаго вѣдомства; что въ извѣстномъ Вамъ составѣ моей Канцеляріи недостаетъ людей для того, чтобы служить Академіи составленіемъ для нея реэстра книгъ по Вашимъ отмѣткамъ, что, по напи-

санному Вами вопросительному знаку, не могу я идти въ Библіотеку Синодальной Типографіи разсматривать книги и пополнять ихъ заглавія; что я не могу предложить Синодальной Конторѣ или представить С. Синоду, чтобы отдали Академіи книги, потому что противъ ея заглавія поставленъ крестикъ.

Время потеряно. А меня понуждаютъ. Я ожидалъ, что Академія извлечетъ реэстръ нужныхъ ей книгъ и представитъ, чтобы просить разрѣшенія Святѣйшаго Синода.

Сент. 9.
1861.

Въ 1861 году по ходатайству Митрополита Филарета дозволено было св. Синодомъ Академіи выбрать для своей библіотеки изъ библіотеки Московской Синодальной типографіи дублиеты старопечатныхъ книгъ, какія для Академіи окажутся нужными. На присланномъ въ Академію реэстрѣ А. В. Горскій отмѣтилъ крестиками нужныя книги, а противъ неполныхъ заглавій книгъ въ реэстрѣ поставилъ вопросительные знаки. Въ теченіе 1861—1863 г. старопечатныхъ книгъ изъ Синодальной типографіи въ библіотеку Академіи поступило 151 экз.

5.

Отцу Протоіерею миръ.

Архимандритъ Порфирій говорить:

„Синайская рукопись въ отношеніи Новаго Завѣта есть списокъ съ другой рукописи не православнаго, но еретическаго характера; ибо изъ текста этой рукописи можно извлечь потрясающія душу понятія о томъ, что Господь Иисусъ Христосъ не Сынъ Божій, но сынъ Пресвятыя Дѣвы Маріи и не вознесенъ на небо“ и проч.

Не доходило ли до Васъ сіе мнѣніе Архимандрита?

Не слыхалиль Вы, чѣмъ онъ сіе доказываетъ?

При семъ посылаю Вамъ *Notitiam codicis Sinaitici*. Здѣсь есть часть Новозавѣтнаго текста.

Не имѣю времени прослѣдить сіе. И глаза мои отказываются. Возмите себѣ когонибудь въ сотрудики, прослѣдите имѣющуюся въ сей книгѣ часть Новозавѣтнаго текста, нѣтъ ли чего такого, что могло бы подать поводъ къ тяжкому сужденію Архимандрита.

Дѣло немаловажно. Окажите мнѣ содѣйствіе, и о томъ, что усмотрите, напишите въ непродолжительномъ времени, съ возвращеніемъ книги.

М.
Юля 16.
1862.

На это письмо сохранился въ черновомъ видѣ отвѣтъ А. В. Горскаго слѣдующаго содержанія:

«Обвиненій Синайскаго списка Новозавѣтныхъ книгъ въ еретическомъ искаженіи, и именно относительно ученія о Сынѣ Божіемъ, я нигдѣ не видѣлъ, ни у о. Архимандрита Порфирія, который первый познакомился съ этою рукописью на Синаѣ и сообщил о ней свѣдѣніе, хотя и не скоро, ни у другихъ, какъ напр. у доктора Мюральта, который также самъ занимался этою рукописью, когда она была въ Петербургѣ.

О. Порфирій въ своей книгѣ: «первое путешествіе въ Синайскій монастырь въ 1845 году», изданной въ 1856 г., говоря объ этомъ спискѣ, именно о той части, которая содержитъ въ себѣ Новозавѣтныя книги, пишетъ (стр. 235): «онъ списанъ съ какого-то особаго изданія. Переписчикъ по невнимательности своей надѣлалъ много пропусковъ, напримѣ въ четырехъ Евангеліяхъ; но всѣ они современно пополнены на поляхъ рукописи. Кто дѣлалъ сіи пополненія, тотъ имѣлъ подъ руками священный текстъ, принятый во всѣхъ церквахъ, и изъ него на поля рукописи вносилъ слова и цѣлыя изреченія, какъ скоро замѣчалъ въ ней другое чтеніе». Вслѣдъ за тѣмъ о. Архимандритъ представляетъ по рукописи образцы разночтеній съ ихъ исправленіями, по его мнѣнію, современными списку, именно изъ Евангелія Мате. V, 19. VII, 18. IX, 9. 10. 14. 15. Іоан. 1, 28. VI, 23. Римл. XI,

5. Но ни одно изъ этихъ мѣстъ не содержитъ въ себѣ ничего еретическаго и совсѣмъ не относится къ догматическому ученію о Сынѣ Божіемъ. Если бы тогда Архим. Порфирію было извѣстно, что эта рукопись есть списокъ съ другой рукописи не православнаго, но еретическаго характера, то ему надлежало бы добросовѣстно это объяснить, а не слагать всю вину неисправности списка на переписчика.

Отсюда съ вѣроятностію должно заключить, что новыя обиненія, приводимыя Архим. Порфиріемъ противъ Синайскаго списка Новозавѣтныхъ книгъ, основываются не на томъ первоначальномъ знакомствѣ его съ рукописью, о которомъ говорить онъ въ своемъ путешествіи, но на чемъ нибудь другомъ. И едва ли не подало къ тому повода извѣщеніе (Notitia) Тишендорфа объ изданіи Синайскаго списка Библии, которое Ваше Высокопреосвященство изволили препроводить ко мнѣ для соображеній.

Въ извѣщеніи Тишендорфа (стр. 30) напечатано нѣсколько стривковъ изъ Новозавѣтныхъ книгъ по Синайскому списку, именно конецъ Евангелія Матѳея XXVII, 64—XXVIII, 25, начало Евангелія Марка I, 1—35, конецъ Евангелія Іоанна XXI, 1—25, конецъ 2 посл. къ Коринѣ. XI, 32—XIII, 13, начало посл. къ Галат. I, 1—17, конецъ 2 посл. къ Солун. II, 17—III, 18, начало посл. къ Евр. I, 1—7, конецъ кн. Дѣян. XXVIII, 17—31, начало Іаковлева посланія I, 1—II, 6 и изъ Апокалипсиса IX 5—X, 8.

Кромѣ того Тишендорфъ отдѣльно приводитъ нѣсколько разночтеній, или вариантовъ изъ всѣхъ Евангелій и изъ другихъ книгъ Новозавѣтныхъ (стр. 14—21) и наконецъ приложилъ оттискъ съ фотографическаго снимка, представляющій конецъ Евангелія Луки 24, 23—29. 31—37. 39—46. 49—53. Пропуски между стихами въ семь снимкѣ зависѣли единственно отъ условій типографскихъ.

Какъ видно изъ представленнаго перечисленія всѣхъ обширныхъ отрывковъ, они не содержатъ въ себѣ повѣствованія о рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа; посему и не даютъ понятія, въ какомъ видѣ излагается въ списокѣ исторія сего событія. Къ исторіи вознесенія Господня относится только заключеніе Евангелія Луки. Болѣе знакомъ со спискомъ собравныя Тишендорфомъ варианты.

1. Въ вариантахъ Синайскаго списка показано чтеніе:

Mat. 1, 18. Τοῦ δὲ Ἰησοῦ Χριστοῦ ἡ γένεσις οὕτως ἦν. Стоить: γένεσις. а не γέννησις. Не отсюда ли составлено

А. Порфириемъ заключеніе, что по списку Господь Иисусъ Христосъ не Сынъ Божій, но сынъ Пресвятыя Дѣвы Маріи (поелику γενεσις указываетъ на случайное бытіе), тѣмъ болѣе, что въ тѣхъ же вариантахъ Марк. 1, 1. опущено: υἱοῦ Θεοῦ, но читается такъ: ἀρχὴ τοῦ εὐαγγελίου Ἰησοῦ Χριστοῦ καθὼς γέγραπται... и Лук. 2, 33. ὁ πατὴρ αὐτοῦ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ вмѣсто: καὶ ἦν Ἰωσήφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ?

2. Въ фотографическомъ снимкѣ со списка Синайскаго читается:

Лук. 24, 51. καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εὐλογεῖν αὐτὸν αὐτοὺς διέστη ἀπ' αὐτῶν, καὶ αὐτοὶ ὑπέστρεψαν... Такимъ образомъ недостаетъ здѣсь словъ, которыя читаются вышѣ: καὶ ἀνεφέρετο εἰς τὸν οὐρανόν. Не на этомъ ли основаніи Арх. Порфириемъ сказано: „изъ текста этой рукописи можно извлечь понятіе, что Господь Иисусъ Христосъ не вознесся на небо“? Къ этому нужно присоединить, что конца Евангелія Марка, гдѣ повѣствуется о вознесеніи Господа, начиная съ 16, 8 въ спискѣ также недостаетъ.

Но не защищая указанныхъ чтеній предпочтительно предъ чтеніемъ общепринятаго текста, можно однакоже спорить противъ ложныхъ заключеній изъ нихъ выводимыхъ, а потому спорить противъ осужденія и самаго списка, какъ представляющаго текстъ, искаженный еретиками,

а) Чтеніе Мат. 1, 18. γενεσις вмѣсто γεννησις находится не въ одномъ Синайскомъ спискѣ, но и въ Ватиканскомъ; также и Лук. 2, 33, ὁ πατὴρ αὐτοῦ вмѣсто Ἰωσήφ.

б) Чтеніе Марк. 1, 1. безъ υἱοῦ Θεοῦ находится у нѣкоторыхъ древнихъ Отцевъ, между прочимъ у Василія Великаго (противъ Евномія кн. 2. § 15, по русск. перев. ч. 3. стр. 84).

в) Въ самомъ Синайскомъ спискѣ, по вариантамъ Тисендорфа, читается: Лук. 3, 23. καὶ αὐτὸς ἦν ὁ Ἰησοῦς ἀρχόμενος ὡσεὶ ἐτῶν τριάκοντα, ὃν υἱὸς, ὡς ἐνομίζετο, τοῦ Ἰωσήφ, и не показано; чтобы въ концѣ слѣдующаго за тѣмъ родословія Иисуса Христа отсутствовало послѣ τοῦ Ἀδάμ заключительное: τοῦ Θεοῦ.

г) Въ томъ же Синайскомъ спискѣ Иоанн. 1, 18, читается такъ: μονογενὴς Θεὸς εἰς τὸν κόλπον... вмѣсто: μονογενὴς υἱὸς ὁ ὢν εἰς τὸν κόλπον.

д) Вообще въ вариантахъ не замѣчено какого либо искаженія въ повѣствованіи о рождествѣ Господа нашего у Ев. Маттея, у Луки (1, 35 υἱὸς Θεοῦ), ни въ богословіи Св. Иоанна Богослова 1, 1 и слѣд.

Что касается до опущенія у Луки 24,51. словъ: *возношася на небо*, замѣчнаго критикою священнаго текста въ весьма немногихъ спискахъ, то оно также не представляется намѣреннымъ отрицаніемъ самаго событія, т. е. вознесенія. Въ книгѣ Дѣяній сіе событіе тѣмъ же Евангелистомъ Лукою описано обстоятельно, и списокъ Синайскій въ вариантахъ этой книги не представляетъ никакихъ опущеній, или искаженій разсказа. Выраженіе: *διέστη ἄπ' αὐτῶν*, удержанное въ Синайскомъ списокѣ Евангелія Луки, самою своею необычайностію и отрывочностію показываетъ, что нужно для него утраченное въ списокѣ дополненіе: *καὶ ἀνεβήκετο εἰς τοὺν οὐρανόν*, и эту послѣднюю фразу книга Дѣяній уже имѣетъ въ виду, когда повторяетъ ее, но безъ необходимаго поясненія, куда вознесся Господь, именно, когда говоритъ 1,2. *даже до дне, въ онъже заповѣда Апостоломъ Духомъ Святымъ, иже избра, вознесся (ἀνεβήκετο)*.

Изъ за немногихъ выраженій, при томъ неимѣющихъ рѣшительнаго значенія, отнимать цѣлый списокъ такой древности у Православной Церкви и отдавать его еретикамъ было бы слишкомъ неразсчетливо. Исторія Священнаго кодекса показываетъ что древніе списки священныя книгъ имѣютъ довольно отличій отъ общепринятаго текста, но эти разности не даютъ еще права присвоить эти памятники древности еретикамъ.

При томъ же О. Архимандритъ и Тишендорфъ согласны между собою въ томъ, что текстъ Новозавѣтныхъ книгъ въ списокѣ Синайскомъ тщательно исправленъ. Они несогласны между собою только въ томъ, что нашъ русскій изслѣдователь почитаетъ эти исправленія современными рукописи, а нѣмецкій ученый по почеркамъ насчитываетъ многихъ и разновременныхъ исправителей. И приготовляемое Тишендорфомъ изданіе должно представить не только вполнѣ текстъ списка но и всѣ его исправленія, съ указаніемъ, какое принадлежитъ первому исправителю, какое второму и т. д. Такимъ образомъ, если что признано было въ текстѣ древнею критикою церковною поврежденнымъ, то и будетъ представлено ею же исправленнымъ.

Изложивъ свои соображенія объ основаніяхъ, на которыхъ О. Архимандритъ утверждаетъ свои укоровизненные сужденія о списокѣ Синайскомъ, и представивъ уважительныя, по моему мнѣнію, обстоятельства, которыя должны смягчить этотъ отзывъ и устранивъ вытекающія изъ него послѣдствія, я не

касающъ вліянія личныхъ побужденій къ перемѣнѣ прежняго сужденія объ этомъ спискѣ, можетъ быть объяснимыхъ чувствомъ соревнованія къ ученому, который предвосхитилъ честь изданія въ свѣтъ памятника, не имѣ первоначально отеритаго,—чувствомъ раздраженія отъ не совсѣмъ выгоднаго отзыва Тишендорфа о замѣчаніяхъ О. Порфирія: quae de scriptura notavit, de aetate, de textu, in errore versantur pleraque (р. 7).

Между тѣмъ для болѣе полнаго сужденія о рукописи не считаю излишнимъ привести еще нѣкоторые варианты изъ указанныхъ Тишендорфомъ въ Синайскомъ спискѣ Евангелія. Въ немъ читается:

Мат. 1, 25. καὶ οὐκ ἐγίνωσκεν αὐτὴν ἕως οὗ ἔτεκεν υἱὸν (не τὸν υἱὸν). Слѣдующихъ же словъ αὐτῆς πρῶτότοκου во все нѣтъ. Также недостаетъ ихъ и въ спискѣ Ватиканскомъ.

5, 22. Πᾶς ὁ ὀργιζόμενος τῷ ἀδελφῷ αὐτοῦ ἐνοχος ἔσται, т. е. опущено: εἰκὴ всуе. Также опущено и въ Ватиканскомъ.

5, 44. Ἀγαπᾶτε τοὺς ἐχθρούς ὑμῶν καὶ προσεύχεσθε ὑπὲρ τῶν διωκόντων ὑμᾶς. Недостаетъ также, какъ и въ Ватиканскомъ, словъ: εὐλογεῖτε τοὺς καταρωμένους ὑμᾶς, καλῶς ποιεῖτε τοὺς μισοῦντας ὑμᾶς.

6, 13. Ὅτι σοῦ ἐστὶν ἡ βασιλεία... весь возгласъ опущенъ, какъ и въ Ватиканскомъ.

11, 19. Ἐδικαιώθη ἡ σοφία ἀπὸ τῶν ἔργων (вмѣсто τέκνων) αὐτῆς. Такъ и въ Ватиканскомъ.

16, 2. 3. Все мѣсто означенія небесныхъ ὀφίας γενομένης λέγετε и проч. опущено, какъ и въ Ватиканскомъ.

17, 20. На вопросъ учениковъ: *почто мы не возможемъ изгнати*, читаемъ отвѣтъ, какъ и въ Ватиканскомъ: διὰ τὴν ὀλιγοπιστίαν (а не ἀπιστίαν).

27, 48. Послѣ словъ: *и абіе текъ единъ отъ нихъ и приеъмъ зубу и воззе на трость, напакше его*, прибавлено: ἄλλος δὲ λαβὼν λόγχην ἐνούεεν αὐτοῦ τὴν πλευράν καὶ ἐξῆλθεν ὕδωρ καὶ αἷμα. И непосредственно за тѣмъ: *прочіи же глаголаху: остави, да видимъ, аще приидеть Имя спасти его*. Эта вставка изъ Евангелія Іоанна встрѣчается и въ спискѣ Ватиканскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ.

Марк. 11, 26. *Аще ли же вы не отпушате, ни Отецъ вашъ*, недостаетъ всего стиха, какъ и въ Ватиканскомъ.

15, 28. *И сбытся Писаніе, еже глаголетъ: и со без-*

законными *вмѣня*ся. Вовсе опущено, какъ въ Ватиканскомъ и Александрійскомъ.

Конецъ Евангелія Марка, какъ сказано уже выше, опущенъ.

Лук. 6, 1. *Въ субботу второпервую, деутеропрѣтѣ*—опущено, какъ въ Ватиканскомъ.

22, 43. 44. О явленіи Ангела Господу въ саду Геосиманскомъ и о потѣ кровавомъ, вопреки спискамъ Ватиканскому и Александрійскому, все мѣсто читается.

Иоанн. 5, 1. *Мета таѣта ην η εορτή των Ἰουδαίων...* 'Н εορτή, а не просто: εορτή, что благопріятствуетъ объясненію сего мѣста въ смыслѣ Пасхи Іудейской, а слѣдовательно и въ численіи четырехъ Пасхъ во время служенія Иисуса Христа.

8, 1—11. Всего сказанія о женѣ, ятой въ прелюбодѣянніи, недостаетъ.

Представляя всѣ сін замѣчанія и соображенія Вашему Высокопреосвященству, всенижайше прошу милостиваго снисхожденія, если окажутся они неудовлетворительными. Прочтенные въ извлеченіи Тишендорфова отрывка тексты и разсмотрѣнные варианты дали возможность придти къ болѣе положительнымъ выводамъ относительно списка Синайскаго ¹⁾.
Іюля 19-го, 1862 года.

¹⁾ Свои мысли о Синайской рукописи о. Архимандритъ Порфирій изложилъ въ брошюрѣ, вышедшей въ ноябрѣ 1862 года въ Сиб. подъ заглавіемъ: „Мнѣніе о Синайской рукописи, содержащей въ себѣ Ветхій Завѣтъ—неполный и весь Новый Завѣтъ съ посланіемъ св. Апостола Варнавы и книгою Ерми“. Но Митрополиту сообщенъ былъ отзывъ А. Порфирія о Синайской рукописи кѣмъ-то изъ Петербурга ранѣе. Въ маѣ 1862 года А. Порфирій представлялъ въ рукописи свое мнѣніе Оберъ-Прокурору Св. Синода А. П. Ахматову. Въ слѣдующемъ 1863 году противъ этого мнѣнія писали: К. П. Побѣдоносцевъ въ Русскомъ Вѣстникѣ (февр.) въ статьѣ: „Тишендорфъ и Синайская библія“, вышедшей кромѣ того отдѣльною брошюрою; А. С. Норовъ въ статьѣ: „защита Синайской рукописи библіи отъ нападеній О. Архимандрита Порфирія Успенскаго,“ и инспекторъ М. Д. Академіи Архимандритъ Михаилъ въ Прибавл. къ Твор. Св. отцевъ въ статьѣ: „о текстѣ Синайской рукописи библіи.“

6.

*Божіе благословеніе Отцу Протоіерею
Александрю.*

Примите должность ректора Академіи съ послушаніемъ. Полагаю, что Вамъ надобно будетъ принять и кафедру Богословскихъ наукъ. Сообразите и прочія послѣдствія происходящей перемѣны и скажите мнѣ Ваши мысли.

Надѣюсь, что Вы поступите по уставу святаго послушанія: и Господь благословитъ Ваше послушаніе плодами добра и мира.

Огт. 23.
1862.

До вступленія въ должность ректора Академіи, А. В. Горскій въ теченіе 30 лѣтъ читалъ Церковную Исторію и не совсѣмъ охотно перешелъ на кафедру догматическаго Богословія, которое читать обыкновенно предоставлялось ректору.

7.

Предлагаю Вамъ на разсужденіе, не ускорить ли возвращеніе бакалавра Соколова, чтобы удобнѣе текли здѣшнія дѣла. Важны ли тамошнія его пріобрѣтенія? И таковы ли, чтобы только тамъ получать ихъ можно было, а не здѣсь?

Огт. 25.
1862.

Бакалавръ Н. К. Соколовъ, впоследствии Профессоръ Московскаго Университета, отправился въ заграничное путешествіе въ началѣ 1861 года для изученія памятниковъ, касающихся исторіи западной церкви, и возвратился въ Академію въ 1863 году.

8.

Отцу Ректору и братѣи миръ.

Въ пятницу думалъ, что въ субботу напишу къ Вамъ, а въ субботу забылъ.

Дни у меня теперь не очень свободны: не лучше ли намъ съ Вами увидѣться вскорѣ. Выберите ближайшій день, какой для Васъ свободенъ.

Писанное мною о бакалаврѣ, находящемся за границею, кажется, Вы поняли не въ ту сторону, какъ я думалъ. Я не думалъ перемѣнить Ваше о немъ предположеніе, а только спрашивалъ о томъ, необходимо ли продолжить пребываніе его за границею? Не такъ же ли удобно ускорить возвращеніе, и здѣсь додѣлать неоконченное тамъ?

Ноябр. 5.
1862.

9.

Отцу Ректору и братѣи миръ.

Радуюсь, что Кіевскій Владыка благимъ окомъ посмотрѣлъ на нашу Академію.

Посылается Вамъ Синайская Библия. Какъ устроите работу? Мнѣ кажется:—посадить двоихъ, чтобы одинъ читалъ общепринятый текстъ Евангелія, а другой смотрѣлъ, тоже ли въ Синайскомъ (сему легче разбирать старинное письмо, когда слово уже прочитано по общепринятому тексту), и разночтенія Синайскія тотчасъ записывать. Такъ, по моему мнѣнію, надобно прослѣдить четырехъ Евангелистовъ. И сего можетъ быть довольно для того, чтобы рѣшить, справедливо ли Архимандритъ Порфирій подозрѣваетъ рукопись въ намѣренномъ искаженіи еретикомъ, или въ

ней есть только случайныя погрѣшности писца. Ибо все дѣло состоитъ въ основательномъ разрѣшеніи сего.

За симъ нужно будетъ обратить вниманіе на первыя главы книги Бытія, если онѣ есть въ Синайскомъ кодексѣ, и на главнѣйшія догматическія мѣста Ветхаго и Новаго Завѣта.

У Васъ теперь дѣла много: не берите на себя по сему дѣлу болѣе, какъ руководство и надзоръ, а поработаютъ пусть другіе.

Впрочемъ желаю знать, какъ Вы думаете вести дѣло.

Православное обозрѣніе пишетъ объ отношеніи Епископства къ монашеству: но, кажется, не во всемъ вѣрно. Замѣчаетъ, что С. Афанасій нашелъ нужнымъ убѣждать Драконтія принять монашество и, примѣтно, клонить заключеніе къ тому, будто Драконтій отказывается отъ Епископства, какъ необычайнаго для монаха. Напротівъ, это просто по смиренію.

Потомъ оно представляетъ таблицу Епископовъ изъ монаховъ и не изъ монаховъ. Я не провѣрялъ ее: но едва ли нѣтъ и здѣсь невѣрности: постриженные непосредственно предъ рукоположеніемъ едва ли не поставлены въ счетъ не монаховъ.

Ноябр. 18.
1862.

Кіевскій Митрополитъ Арсеній посѣщалъ Академію въ ноябрѣ 1862 года и былъ на лекціяхъ.

Результатомъ трудовъ по пересмотру Синайскаго кодекса была статья инспектора Академіи Архимандрита Михаила, напечатанная въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ за 1863 годъ подъ заглавіемъ: «о текстѣ Синайскаго рукописи Библии».

10.

Миръ Господень Отцу Ректору и братіи.

Во вторникъ намѣренъ быть въ Лаврѣ Государь

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ: а вскорѣ потомъ можетъ послѣдовать и посѣщеніе Лавры Ихъ Императорскими Величествами. Предлагаю сіе Вашему вѣдѣнію и вниманію.

О Синайской рукописи хорошо распоряжено. Я говорилъ о книгѣ Бытія потому, что не пересматривалъ рукопись, — днемъ по недостатку времени, а ночью по недостатку глазъ. Теперь я получилъ экземпляръ, кажется, менѣ блѣдный и болѣе доступный для моего зрѣнія.

Рѣчь напечатать, или нѣтъ, — воля Комитета.

Ноябр. 25.
1862.

Упоминаемая здѣсь рѣчь напечатана въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ за 1862 годъ: это рѣчь Митрополита при рукоположеніи бывшаго Ректора Академіи Архимандрита Саввы во епископа Можайскаго, Вигарія Московскаго.

11.

Отцу ректору и сподвижникамъ на поприщѣ духовнаго просвѣщенія — отъ Господа свѣтъ и миръ.

Благодарю за слово утѣшенія и благихъ желаній, въ день для меня достопамятный.

Что вы смотрите на меня свѣтло, въ томъ признаю ваше благое око и тѣмъ утѣшаюсь. Себѣ же могу приписать только доброе желаніе служить Вашему дѣлу и Вашему благу. Это мой долгъ, который дѣлаютъ мнѣ пріятнымъ Ваши расположенія и отношенія. Господь да утверждаетъ стопы Ваши на пути правомъ и мирномъ.

Скажите Виѣанскому отцу ректору и сотрудникамъ его, что благодарю ихъ и прошу не взыскать, что не пишу особо. Скуденъ бываю силами.

Декабрь 3.
1862.

Это—отвѣтное письмо на Академическое поздравленіе Владыки со днемъ его Ангела.

12.

Отцу Ректору Божіе благословеніе и миръ.

Отъ отца Намѣстника узнаете, что я полагаю быть Вамъ при срѣтеніи Императорскихъ Величествъ и въ служеніи.

Вѣроятно, наставники удостоены будутъ представленія Государю Императору. Наблюдайте, чтобы они были близко, если потребуютъ, и можетъ быть должны будутъ явиться тотчасъ, какъ потребуются.

Декабря 16.
1862.

Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ и Великою Княжною Марією Александровною изволили прибыть въ Лавру 18 декабря въ 8 часу вечера. Митрополитъ по болѣзни въ Лаврѣ въ это время не былъ. О пребываніи тогда въ Лаврѣ Государя Императора А. В. Горскій сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія въ письмѣ къ Митрополиту.

«Приношу всенижайшую благодарность Вашему Высокопреосвященству за милостивое дозволеніе участвовать мнѣ въ срѣтеніи Императорскихъ Величествъ и священнослуженіи въ ихъ присутствіи.

Долгомъ поставляю прежде официальнаго донесенія представить Вашему Высокопреосвященству о томъ, что въ совершившемся касалось собственно Академіи.

При срѣтеніи Государя Императора наставники Академіи и студенты находились въ сѣверномъ притворѣ Троицкаго собора, чрезъ который Ихъ Величества проходили въ Троицкій соборъ.

Послѣ всенощнаго бдѣнія, согласно съ письмомъ Вашего Высокопреосвященства я получилъ отъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода ¹⁾ распоряженіе, что Государю Императору благо-

¹⁾ А. П. Ахматова.

угодно видѣть всѣхъ наставниковъ Академіи и ректора Визанской семинаріи; для сего на другой день должны они явиться въ покои Ихъ Величествъ, когда будутъ потребованы.

Послѣ обѣдни, явившись вмѣстѣ съ инспекторомъ Академіи въ покои Ихъ Величествъ, мы удостоились быть представленными г. Оберъ-Прокуроромъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. Его Величество изволилъ спросить о времени моей службы и незаслуженно—милостиво отозваться о ней, по Вашему, милостивѣйшій Архикастырь, одобренію. Потомъ изволилъ спросить о числѣ воспитанниковъ въ нашей Академіи, и всегда ли бываетъ ихъ столько. Я отвѣчалъ, что нынѣ болѣе прежняго, при пособіи отъ Лавры для 8 человекъ своекоштныхъ. Въ заключеніе Государь Императоръ благоволилъ спросить о духѣ и направленіи молодыхъ людей, обучающихся въ Академіи, и я имѣлъ счастье, по милости Божіей, дать одобрительный отвѣтъ.— О. инспектора Академіи Его Величество изволилъ спросить о времени его службы и мѣстѣ его образованія.

Послѣ обѣда, къ которому и мы съ О. инспекторомъ удостоились приглашенія, введены были прочіе наставники Академіи, которыхъ, по порученію г. Оберъ-Прокурора я имѣлъ счастье представить Государю Императору. Его Величество изволилъ спрашивать нѣкоторыхъ старшихъ наставниковъ, какъ давно они служатъ, гдѣ образовались, — и обещавши всѣхъ, благоволилъ обратиться ко всѣмъ намъ съ такими словами: «Мнѣ очень пріятно васъ видѣть, господа. Благодарю васъ за вашу усердную службу. Вполнѣ надѣюсь, что ваше юношество подъ вашимъ руководствомъ будетъ воспитываться въ чистой истинѣ православія. Духовенство наше всегда отличалось приверженностію къ истинному православію: надѣюсь, что и новая генерація воспитанниковъ вашихъ будетъ слѣдовать по пути прежнихъ». Въ заключеніе Его Величество присовокунилъ: „еще разъ благодарю васъ за ваше усердіе. Я увѣренъ, что вы оправдаете мои надежды во всѣхъ отношеніяхъ“.

При этомъ общемъ представленіи Государыня Императрица пожелала видѣть только профессора Кудрявцева и изволила спросить его о времени его службы.

Всѣ удостоившіеся столь благосклоннаго пріема и едва ли не въ первый разъ для духовныхъ Академій имѣвшіе счастье представляться Державному Монарху Русскому, наставники Академіи не находили словъ достойно выразить милости-

вѣйшую снисходительность Ихъ Величествъ и, относя сіе Высочайшее вниманіе собственно къ тому, что Академія имѣетъ счастье состоять подъ Вашимъ Архипастырскимъ надзоромъ и управленіемъ, приносятъ Вашему Высокопреосвященству нижайшую благодарность за дарованное всѣмъ намъ утѣшеніе.

Засвидѣтельствовавъ предъ Государемъ Императоромъ свою готовность со всевозможнымъ усердіемъ соответствовать ожиданіямъ Его Величества, мы передали его желаніе и студентамъ.

19 Декабря.
1862.

13.

Отца Ректора и братію поздравляю съ благоволеніемъ Благочестивѣйшаго Государя Императора.

Желаю видѣть Васъ, отецъ Ректоръ, у себя завтра въ воскресенье, или въ понедѣльникъ. Это надобность должностная.

Декабря 22.
1862.

14.

Прочитайте, отецъ Ректоръ, посылаемое при семъ мнѣніе А. Порфірія о Синайской рукописи.

Желательно, чтобы вы возвратили оное мнѣ завтра вечеромъ; потому что книга сія должна возвратиться, откуда пришла.

Декабря 22.
1862.

15.

Свѣдѣніе о Высочайшемъ посѣщеніи Лавры возвращаю Вамъ, отецъ Ректоръ, для напечатанія. Здѣсь есть слова, измѣненныя Высочайшею рукою.

Посылаю Вамъ замѣчанія на мнѣніе Архимандрита Порфірія о Синайской рукописи. Не прогнѣвайтесь, что Вамъ трудно будетъ читать писанное мѣлко и

поспѣшно. Мыслей моихъ Вамъ не навязываю, а дѣлаю ихъ извѣстными Вамъ.

Января 1.
1863.

Извѣстіе о Высочайшемъ посѣщеніи Лавры написано въ Академіи и доставлено Митрополиту для разсмотрѣнія. Слава, сказанныя Императоромъ наставникамъ Академіи, представлены чрезъ Министра Двора Императору. Извѣстіе напечатано въ послѣдней книгѣ прибавленій къ твореніямъ св. Отцовъ за 1862 годъ и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1863 г. № 7.

16

Отцу Ректору и братіи священнаго побудрїя миръ.

Жаль, что трудъ Вашъ надъ Синайскою рукописью увеличился безъ большой нужды. Но воля Начальства должна быть исполнена.

Чтобы и по книгамъ Ветхаго Заветъ сдѣланныя изслѣдованія и выведенныя заключенія представить С. Синоду, — справедливо, и можетъ быть полезно. Трудъ и трудовое прїобрѣтеніе не должны пропасть.

Получилъ я отъ Васъ обратно статью Мюральта. Но полагаю, что съ нею къ Вамъ послано было отношеніе г. Оберъ-Прокурора, при которомъ она прислана ко мнѣ, а оно не возвратилось. Возвратите, если оно у Васъ.

Марта 7.
1863.

Это письмо, содержитъ отвѣтъ на слѣдующее письмо А. В. Горскаго къ Митрополиту, писанное 26 февраля:

«Въ то время, какъ разсмотрѣніе Синайскаго списка Библии, по указанному Вашимъ Высокопреосвященствомъ плану, приходило къ концу, отъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода получено въ Академическое Правленіе предписаніе, въ которомъ сказано:

«Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ ^{14 ноября}_{4 февраля} положилъ: пору-

чить Д. Академіямъ, чтобы онѣ сличили текстъ изданной пр. Тишендорфомъ Синайской рукописи Библии съ текстомъ, принятымъ въ Церкви православной, а въ мѣстахъ, которыя окажутся несогласными съ общепринятымъ текстомъ,—съ текстами важнѣйшихъ древнихъ рукописей, и представили свое заключеніе о достоинствѣ Синайскаго списка вообще, и въ особенности о томъ, должно ли признать его просто неисправнымъ, или еретическимъ, намѣренно поврежденнымъ подъ вліяніемъ ереси. Трудъ сей Св. Синодъ положилъ раздѣлить между Академіями Московскою, С.-Петербургскою, Кіевскою и Казанскою, поручивъ Московской Академіи разсмотрѣніе текста книгъ Новозавѣтныхъ».

Симъ требованіемъ а., слагается съ насъ разборъ текста Ветхозавѣтныхъ книгъ, и б., предписывается подвергнуть разсмотрѣнію текстъ *всѣхъ* книгъ Новозавѣтныхъ.

Во исполненіе сего послѣдняго требованія, намъ нужно будетъ еще продолжить чтеніе Синайскаго списка. За сдѣланнымъ уже сличеніемъ и разборомъ текста Новозавѣтныхъ книгъ, по предположенному нами плану въ началѣ, остается прочесть и сличать еще около 4-й части всего Новаго Завѣта. Къ окончанію сей работы и намѣренъ теперь приступить О. Инспекторъ. По окончаніи же, полный отчетъ о послѣдствіяхъ сличенія всего текста Новозавѣтнаго, нижеайше просимъ дозволенія представить Вашему Высокопреосвященству на благоразсмотрѣніе.

Что же касается до произведеннаго сличенія Ветхозавѣтныхъ книгъ по списку Синайскому; то, хотя настоящимъ распоряженіемъ Св. Синода это дѣло и возлагается на другія Академіи, но какъ сличеніе во многихъ значительныхъ мѣстахъ уже произведено и выводы изъ него уже сдѣланы, то и для предьявленія сдѣланныхъ своевременно распоряженій, и для пользы самаго дѣла, представляется не излишнимъ, собранныя при чтеніи многихъ главъ въ разныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта замѣчанія, съ объясненіемъ хода дѣла присоединить къ требуемымъ нынѣ соображеніямъ о текстѣ книгъ Новозавѣтныхъ».

17.

Отцу Ректору миръ.

Можете прибыть въ Москву, поручивъ Академію инспектору.

Читали Вы въ Православномъ Обзорѣни статью Вашего бакалавра объ Англійскихъ раціоналистахъ и что думаете о ней? Онъ говоритъ такъ, какъ будто бы можно было православіе съ раціонализмомъ мирить взаимными уступками. Можетъ ли такъ мириться истина съ ложью?—Почему онъ не къ Вамъ прислалъ статью свою? Желаю Вашего отвѣта.

Мар. 26.
1863.

Митрополитъ разумѣетъ статью бакалавра Н. К. Соколова, находившагося тогда за границею, напечатанною въ январской и февральской книжкахъ Прав. обзорѣни подъ заглавіемъ: „О протестантскомъ Богословіи и современномъ его направленіи въ Англии“.

18.

Отцу Ректору миръ.

Нѣкогда священникъ Рогожскаго кладбища изъявилъ желаніе говорить со мною втайнѣ, и я принялъ его, и мы бесѣдовали неоднократно, доколѣ наконецъ онъ самъ открылъ предметъ нашихъ сношеній, написавъ прошеніе о принятіи его въ общеніе Православной церкви. Но я не нарушилъ бы тайны, какъ не нарушаетъ ея духовный отецъ, если бы и не произошло такого послѣдствія. Такъ расположенъ я поступить и въ другомъ подобномъ случаѣ.

Скажите сіе г. Субботину, и пусть онъ изъ сего сдѣлаетъ употребленіе, какое найдетъ нужнымъ и удобнымъ.

Письмо возвращаю.

Окт. 26.
1863.

Этому письму предшествовало слѣдующее письмо А. В. Горскаго къ Митрополиту отъ 25 октября:

«Профессоръ нашей Академіи Николай Субботинъ нынѣ

объяснилъ мнѣ, что наканунѣ дня празднованія Казанской иконѣ Божіей Матери являлся къ нему подѣ видомъ прикащика, а сегодня прислалъ письмо изъ Москвы одинъ изъ членовъ раскольническаго общества, ижедіаконъ Филаретъ. Обращаясь къ нему, какъ къ автору извѣстныхъ статей о расколѣ, помѣщавшихся въ Русскомъ Вѣстникѣ, они искренно признали, что дѣла раскольниковъ дѣйствительно весьма плохи, и что трое изъ ихъ архіереевъ и онъ самъ — Филаретъ желали бы обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ изъявленіемъ намѣренія присоединиться къ Православной церкви, но не смѣютъ того сдѣлать сами, а просятъ бы его посредства. При этомъ Филаретъ высказывалъ надежду, что вслѣдъ за нимъ многіе и другіе присоединились бы къ Православію, только нужно бы до времени хранить это дѣло втайнѣ.

Довода о семъ до свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства и прилагая при семъ самое письмо Филарета, по просьбѣ г. Субботина испрашиваю Архипастырскаго разрѣшенія Вашего, что ему дѣлать: благоугодно ли будетъ Вашему Высокопреосвященству, чтобы онъ самъ явился въ Москву и принявъ наставленіе отъ Васъ, представилъ Вашему Высокопреосвященству ищущихъ соединенія, или благоволите приказать, чтобы онъ написалъ по имѣющемуся у него адресу къ своему знакомому, какъ имъ надлежитъ поступить въ настоящихъ обстоятельствахъ».

Упоминаемый въ письмѣ Митрополита священникъ Рогожскаго кладбища есть по всей вѣроятности, Петръ Ериловъ, который принялъ православіе на условіяхъ единовѣрія въ 1853 году. Архидіаконъ Бѣлокриницкаго митрополита Кирилла (нынѣ Геромонахъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря) Филаретъ былъ лично представленъ Митрополиту Филарету профессоромъ Субботинимъ, и съ того времени началось дѣло о присоединеніи къ Церкви его и вмѣстѣ съ нимъ изъяснившихъ на то согласіе жеерископовъ: Онуфрія Браиловскаго, намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи, и Шафнутія Коломенскаго, Бѣлокриницкаго священно-инока Іоасафа и іеродіакона Мельхиседека. Всѣ они присоединены къ Православной церкви на правилахъ единовѣрія 23 іюня 1865 года.

19.

Преподобнѣйшій отецъ Ректоръ!

Неожиданная новость, что Кіевская Академія не хочетъ разряднаго списка, выражающаго постепенность достоинства магистровъ, а алфавитнаго, выражающаго равенство. Есть ли въ семъ значеніе? А безъ мысли и значенія нужно ли было измѣнять утвержденный начальствомъ и временемъ порядокъ?

Можно пожалѣть, что уничтожено одно изъ средствъ, простое и наглядное, судить о постепенности достоинства.

Господь да поможетъ О. Протоіерею Петру душевнѣ и тѣлеснѣ.

Миръ всѣмъ и Вамъ.

Нояб. 6.
1863.

Протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, профессоръ М. Д. Академіи, въ это время былъ боленъ и 30 ноября сего года скончался.

20.

Отцу Ректору и братіи Божественнаго и духовнаго любомудрія отъ Господа благословеніе и миръ.

Далеко выше меня то, что Вы общимъ словомъ сказали мнѣ въ день моего Ангела. Благодарю Васъ за слово добраго общенія и молитвы, свидѣтельствующее, что Вы не забываете моего недостаточества.

Не поставьте мнѣ, обремененному, въ вину, что не вскорѣ исполняю пріятный для меня долгъ взаимнаго съ Вами общенія.

Продолжайте улаживать остатки дней моихъ Вашимъ чистымъ и правымъ единовушіемъ и единомысліемъ.

О подкрѣпленіи Вашего содержанія, Отецъ ректоръ, давно хотѣлъ я сказать. Напишите къ Алексѣю Петровичу ¹⁾ и поблагодарите его, что онъ добродушно печется о насъ.

Свѣтскаго смотрителя въ Звенигородскомъ училищѣ имѣть неудобно. Поищу средства распорядиться временно.

Преосвященные ²⁾ говорятъ, что на испытаніяхъ тѣ училища оказываются лучшими, которыми управляютъ монашествующіе, нежели тѣ, которыми управляютъ протоіереи.

Декабря 7.
1863.

21.

Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, на случай надобности въ ректорѣ для Казанской Академіи, не можетъ ли быть кандидатомъ инспекторъ Архимандритъ Михаилъ. Только три ректора семинарій современны ему: прочіе всѣ старѣе. Отдаю справедливость его достоинству. Но достанетъ ли его, еще не довольно опытнаго, чтобы твердо взять въ руки Академію, которая недавно цѣлымъ соборомъ, или по выраженію нашихъ законовъ, скопомъ подавала жалобу на своего ректора? При томъ мы были бы въ затрудненіи занять его мѣсто. Недавно Академія понесла потерю въ о. Протоіереѣ Петрѣ. Сколько теперь въ Академіи вакансій?

Разсудите о семъ внимательно и отвѣчайте обстоятельно.

О. инспектору не говорите о семъ, чтобы не волновать его мыслей.

¹⁾ Ахматову, Оберъ-Прокурору Св. Синода.

²⁾ Московскіе викарій, Преосв. Леонидъ и Савва.

Посылаю сіе чрезъ нарочнаго. Удержите его до завтра и чрезъ него пришлите отвѣтъ.

Дек. 15.
1863.

На это письмо А. В. Горскій отвѣчалъ:

На предложенный Вашимъ Высокопреосвященствомъ вопросъ: можетъ ли О. инспекторъ нашей Академіи Архимандритъ Михаилъ быть кандидатомъ въ ректоры для Казанской Академіи, долгомъ поставлю донести Вашему Высокопреосвященству.

О. инспекторъ Михаилъ на службѣ при Академіи 10-й годъ, а инспекторомъ (съ 25 марта 1861 г.) третій. По лѣтамъ службы назначеніе его въ ректоры Академіи было бы не безпримѣрно: Преосвященный Филаретъ Черниговскій сдѣланъ у насъ ректоромъ на 6 году службы, Преосвященный Евсеvій на 10-мъ, Преосвященный Алексій на 9-мъ. По дарованіямъ и познаніямъ О. Михаилъ несомнѣнно заслуживаетъ высшаго ученаго назначенія.

Но въ нашей Академіи нѣтъ готоваго человѣка изъ монашествующихъ, на котораго можно было бы возложить должность инспектора. Баккалавръ Іоаннъ только еще второй годъ на службѣ: ему нужно еще свободное неразвлеченное время для довершенія своего научнаго образованія. Въ нашемъ округѣ не видно инспектора, котораго можно было бы перевести въ Академію. Въ другихъ округахъ изъ нашей Академіи также нѣтъ такихъ людей. А вѣрить инспекторскую часть постороннему безъ предварительнаго знакомства съ нимъ и его съ Академіею, во многихъ отношеніяхъ неудобно.

Кончина О. Протоіерея Петра Спиридоновича отняла много силы у Академіи. Чго дѣлалъ онъ одинъ по Комитету для перевода Твореній отеческихъ, то нужнымъ оказывается разложить на двоихъ. Его преемникъ по классу можетъ заниматься только по своей части: въ помощники ему нужно будетъ призвать молодаго наставника. За тѣмъ изъ двухъ другихъ вакансій по Академіи, въ настоящее время одна замѣщена наставникомъ изъ воспитанниковъ Сиб. Академіи, только что окончившимъ курсъ; на другую, по классу патристики долженъ поступить наставникъ также изъ молодыхъ.

При такомъ положеніи дѣлъ если бы Академія еще лишилась настоящаго своего О. инспектора, уже приобрѣтшаго опытность въ преподаваніи своего предмета и потому болѣе

свободнаго для исполненія разныхъ порученій,—это лишеніе было бы для насъ весьма чувствительно, особенно при окончаніи курса.

По всѣмъ этимъ причинамъ нельзя не желать, чтобы О. Инспекторъ остался при нашей Академіи дотолѣ, пока готовится ему преемникъ. Можетъ быть это и прискорбно будетъ ему, тѣмъ болѣе что слухи о предполагаемомъ назначеніи начали уже расходиться: но Ваше Архипастырское вниманіе и увѣренность, что тамъ ли, здѣсь ли, всѣ служимъ единому Господу, надѣюсь успокоитъ временное волненіе. Желая устроить одну Академію, несправедливо было бы разстроить другую ¹⁾.

Такъ какъ по распоряженію Синодальной Конторы назначено мнѣ говорить слово въ день Рождества Христова въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, то испрашиваю разрѣшенія Вашего Высокопреосвященства прибыть въ Москву по окончаніи здѣшнихъ экзаменовъ, т. е. числа 22-го. Тогда надѣюсь представить Вашему Высокопреосвященству соображенія касательно распредѣленія обязанностей и дѣлъ послѣ О. Протоіерея Петра Спиридоновича, и относящееся до ученаго труда О. Владиміра Гете.

Декабря 16.
1863.

22.

Миръ Господень отцу Ректору.

Посылаю полученные отъ Алексѣя Петровича ²⁾ оправдательные документы о іереѣ Владимірѣ: выписку изъ письма Протоіерея Васильева, записку неизвѣстнаго и книгу. Къ нимъ же то присовокупите разсужденіе, что признаніе Владиміра отъ С. Синода православнымъ священникомъ требовало болѣе строгаго дознанія нравственнаго достоинства, нежели Ака-

¹⁾ Ректоромъ Казанской Академіи на мѣсто Іоанна, переведеннаго въ Петербургскую Академію въ 1864 году, назначенъ Архимандритъ Инновентій.

²⁾ Ахматова.

демическая степень. С. Синодъ не усомнился: можетъ не сомнѣваться и Академія.

Требуешь внимательнаго разсмотрѣнія вопросъ, довольно ли степени магистра для писателя многихъ книгъ среди области неправославія въ пользу православія, осужденнаго, смѣло противуставшаго осужденію отъ ультрамонтанцевъ, оправданнаго Архіепископомъ Сибуромъ, Галликанцемъ? А докторской степени не много ли? Пусть совѣщается о семъ Конференція.

Декабря 15.
1863.

Рѣчь въ этомъ письмѣ идетъ о присужденіи отъ Академіи ученой степени О. Владиміру Гетѣ. А. В. Горскій представилъ по сему дѣлу въ Конференцію слѣдующее мнѣніе:

«О. Владиміръ Гетѣ еще до присоединенія своего къ Восточной Православной церкви имѣлъ смѣлость обличать церковь римскую въ отступленіяхъ ея отъ чистоты древнихъ, Апостольскихъ учрежденій. Когда же сдѣлался членомъ церкви истинно-каѳолической, тѣмъ глубже почувствовалъ долгъ свидѣтельствовать истину предъ своими прежними собратіями. Истина сообщительна. „Говорить истину—это самое лучшее доказательство любви“,—повторяетъ онъ съ блаженнымъ Патріархомъ Фотиємъ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ и предлагаетъ на ихъ языкѣ новый плодъ своихъ изслѣдованій: *la Papauté schismatique, ou Rome dans ses rapports avec l'Eglise Orientale. Paris, 1863.*

Трудъ О. Владиміра не только привлекаетъ къ себѣ сочувствіе Православныхъ искренностію и твердостію изслѣдованія, но обращаетъ на себя вниманіе и науки православной, по важности вопроса, имъ разбираемаго, и ученому достоинству его раскрытія.

Церковь римская, въ своемъ самомнѣніи, привыкла называть насъ схизматиками за то, что будто бы мы отдѣлились отъ нея, какъ единой истинной церкви. О. Владиміръ задаетъ себѣ вопросъ: кто дѣйствительно схизматикъ въ отношеніи къ церкви истинно-каѳолической? И отвѣчаетъ: схизматики—это паны, виновники церковнаго раздѣленія. Раскрывая и доказывая это, онъ не входитъ въ разсмотрѣ-

ніе всѣхъ несогласій, раздѣляющихъ Церковь восточную отъ западной въ вѣроученіи, обрядахъ и учрежденіяхъ церковныхъ, но обращаетъ вниманіе только на ученіе римской церкви о Папѣ и показываетъ, что по установленію Иисуса Христа и Апостоловъ папа не долженъ быть, и до раздѣленія церковнаго не былъ тѣмъ, за кого выдаетъ себя нынѣ, не былъ и не долженъ быть главою церкви, верховнымъ ея правителемъ и непогрѣшимымъ судіею въ дѣлахъ вѣры.

Защитникъ Православія прежде всего обращается къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣстъ Новаго Завѣта, въ которыхъ опредѣляется, чѣмъ должна быть церковь Христова по волѣ ея Основателя, и потомъ разбираетъ тѣ изреченія св. Писанія, на которыхъ римскіе католики думаютъ утвердить особыя преимущества своего первосвященника (§ II). Но главное вниманіе автора обращено на свидѣтельство исторіи, подтверждающей Православное ученіе о Церкви и опровергающей притязанія папскія. Это свидѣтельство высказывается въ писаніяхъ св. Отцевъ, въ опредѣленіяхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, и во множествѣ событій въ теченіе многовѣковой жизни Церкви. Рядъ этихъ свидѣтельствъ онъ начинается отъ временъ Апостольскихъ и доводитъ до раздѣленія церковнаго (§ III—V), рассматриваетъ самый споръ Церквей восточной и западной въ лицѣ патриарха Фотія и папы Николая (§ VI), и за тѣмъ въ краткомъ очеркѣ представляетъ измѣнившіяся отношенія папъ къ Церкви восточной до Собора флорентійскаго (VIII). Войдемъ въ болѣе подробное изложеніе содержанія книги о. Гетъ и ея достоинства.

Во главѣ свидѣтелей истины стоитъ св. Климентъ римскій со своимъ посланіемъ къ церкви коринѣской, въ которой возникли волненія противъ іерархіи. Въ этомъ посланіи, писанномъ отъ имени церкви римской, нѣтъ никакихъ распоряженій, нѣтъ даже имени папы римскаго; но этимъ—то отсутствіемъ всякихъ признаковъ его верховной власти оно и важно для защитника православія. Далѣе опредѣляется значеніе римскаго епископа въ Церкви по его участію въ спорахъ о времени празднованія Пасхи и въ вопросѣ о крещеніи еретиковъ; разъясняются слова св. Иринея о церкви римской (Cont'r. Haeres. III. сар. 3) и св. Кипріана о кафедрѣ св. Петра, и рассматриваются дѣйствительные и вымышленные усердіемъ римскихъ писателей случаи, когда къ Еписко-

намъ римскимъ обращались, по дѣламъ своимъ и церковнымъ, посторонніе.

Не видя во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ и событіяхъ нервныхъ трехъ вѣковъ никакихъ доказательствъ верховной власти Первосвященника римскаго, авторъ переходитъ къ исторіи IV и V вѣковъ. Здѣсь въ опредѣленіяхъ соборовъ вселенскихъ I, II и IV онъ находитъ, какъ съ властію римскаго епископа уравнивается власть прочихъ патріарховъ, и въ особенности константинопольскаго. Обращаетъ вниманіе на то, какое участіе принимали папы въ учрежденіи соборовъ вселенскихъ и въ ихъ постановленіяхъ; объясняетъ обстоятельства, вызвавшія св. Аванасія Великаго, св. Іоанна Златоустаго и донатистовъ искать себѣ защиты въ Римѣ. Не находя и въ этомъ доказательствѣ высшихъ іерархическихъ правъ престола римскаго, онъ заключаетъ обзоръ разборомъ ультрамонтанскаго ученія о папѣ, которое римскіе богословы думаютъ защитить словами знаменитѣйшихъ Отцевъ и учителей III, IV и V вѣковъ.

Въ исторіи послѣдующихъ вѣковъ О. Владиміръ входитъ въ разсмотрѣніе несогласія между восточною и западною церквами по вопросу объ Акакіѣ, патріархѣ константинопольскомъ, о «трехъ главахъ» о титулѣ «вселенскаго». Останавливается на исторіи волненій моноелитскихъ и говоритъ о дѣйствіяхъ св. Мартина, папы римскаго, на Востокѣ, объ осужденіи папы Оворія на соборѣ вселенскомъ I, и о постановленіяхъ собора трульскаго, который напоминалъ церкви Римской объ отступленіяхъ ея отъ нѣкоторыхъ древнихъ учрежденій церковныхъ. Но особенное вниманіе обращаетъ на времена иконоборства, когда положено основаніе политическому отдѣленію папы отъ имперіи греческой и образованію свѣтскаго владычества папъ. Относя къ тому же времени и появленіе на Западѣ извѣстнаго Лжеисидорова собранія *epistolae decretales*, слишкомъ разширившаго власть папы, авторъ съ этой поры примѣчаетъ новый, дотогѣ неслыханный, владычественный тонъ въ посланіяхъ папскихъ.

Изъ этого краткаго очерка важнѣйшей части труда О. Владиміра видно, что ни одно замѣчательное явленіе въ исторіи Церкви, которое могло бы служить къ разрѣшенію разсматриваемаго вопроса, авторомъ не опущено изъ вниманія. Прибавимъ къ этому, что вездѣ ученый авторъ обращается къ первоначальнымъ источникамъ историческимъ, изреченія Отцевъ и факты историческіе объясняетъ безъ всякаго имѣ

насилія, поддерѣпляя свои слова строгими доказательствами, и обличая искаженіе ихъ смысла приверженцами римскаго престола. Можно не соглашаться съ нѣкоторыми частными его мнѣніями, напр. съ указаннымъ выше мнѣніемъ о времени появленія лжеисидорова каноническаго сборника: болѣе разборчивая критика относить его не къ концу VIII, а къ первой половинѣ IX вѣка. Но существо дѣла отъ того не измѣняется. Требовательный тонъ посланій папы Адріана I достаточно объясняется чувствомъ независимости папъ отъ императора греческаго.

Раскрывъ іерархическое значеніе папы въ исторіи первыхъ осьми вѣковъ и постепенно приготовивъ къ наступающему разрыву церковному, авторъ разсматриваетъ довольно подробно дѣло Фотія, патріарха константинопольскаго. Чтобы неуклоняться въ частности, до главнаго предмета не относящіяся, онъ оставляетъ въ сторонѣ противорѣчивыя показанія историковъ греческихъ и по возможности старается основать все изложеніе дѣла на подлинныхъ письмахъ и дѣянїяхъ соборныхъ той и другой стороны. Тщательное ихъ изученіе даетъ автору возможность представить правоту восточной Церкви въ этомъ несчастномъ спорѣ. Онъ обнаруживаетъ всю незаконность притязаній папскихъ и оправдываетъ твердость Фотія въ охраненїи свободы и независимости Церкви восточной отъ престола римскаго. При этомъ онъ обличаетъ пристрастіе и недобросовѣстность недавняго изслѣдователя дѣла Фотіева, аббата Жаже (Jager). Дѣло Фотіево показало, кто истинные виновники раздѣленія церковнаго. Споры между папою и Фотіемъ, говоритъ авторъ, не имѣли бы никакой важности, какъ и многія другія явленія такого же рода, встрѣчающіяся въ исторіи церкви, если бы Римъ въ своихъ дальнѣйшихъ сношенїяхъ съ Церковію восточною не настаивалъ на признанїи верховной власти папы въ Церкви. Но на дѣлѣ было не такъ. Римскіе папы своимъ властолюбіемъ положили начало раздѣленію: своими нововведенїями и властолюбивыми требованїями утвердили потомъ его. Это раскрываетъ авторъ въ послѣдней главѣ своей книги. Онъ не входитъ въ подробности всѣхъ нововведеній въ церкви римской, обѣщая особое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ; однако же касается важнѣйшихъ отступленій, на которыхъ указано было Фотіемъ, и потомъ обозрѣваетъ рядъ всѣхъ сношеній церкви восточной и западной до собора флорентійскаго. Обзорѣніе свое авторъ заключаетъ такими словами:

„1. Въ настоящемъ трудѣ мы имѣли цѣлю доказать, что въ IX вѣкѣ папы во имя Божіе вздумали наложить на церковь вселенскую иго, котораго она не знала въ теченіе первыхъ осьми вѣковъ; 2. Это любочестіе ихъ вызвало со стороны Церкви восточной законное сопротивленіе; 3. Такимъ образомъ папы были первою причиною раздѣленія; 4. Они и утвердили и увѣковѣчили его своими нововведеніями, и въ особенности возведеніемъ въ догматъ своего незаконнаго главенства; 5. Изъ этого раздѣленія произвели они дѣйствительную схизму, учредивъ церковь папистическую даже въ нѣдрахъ католической церкви Восточной и поставивъ такимъ образомъ жертвенникъ противъ жертвенника, епископство незаконное противъ епископства Апостольскаго“.

Выразивъ такимъ образомъ цѣль своей книги, авторъ справедливо могъ прибавить затѣмъ: «мы доказали всѣ эти пункты неопровержимыми фактами, и потому вправѣ сложить обвиненіе въ схизмѣ на самихъ же папъ, которые такъ щедры на подобныя обвиненія противъ несоглагошающихся признать ихъ самодержавіе и во имя слова Божія и преданія католическаго возстающихъ на ихъ святотатственное посягательство».

Признавая ученое достоинство сочиненія, которымъ О. Владиміръ засвидѣтельствовалъ свое убѣжденіе въ православіи восточной церкви, позволяю себѣ повторить, что онъ уже не въ первый разъ является обвинителемъ злоупотреблений римской церкви. Въ исторіи Іезуитовъ (3 тома), въ сочиненіяхъ, изданныхъ по поводу новаго догмата римской церкви о безгрѣшномъ зачатіи Божіей Матери, онъ уже давно показалъ себя ревностнымъ поборникомъ истины догматовъ и учрежденій церковныхъ. И въ настоящее время онъ съ успѣхомъ подвизается въ разборѣ и опроверженіи нечестиваго, антихристіанскаго сочиненія Ренана.

Отдавая уваженіе такимъ трудамъ О. Владиміра на пользу церкви, и въ особенности основательному защищенію восточной Православной церкви противъ папистовъ въ книгѣ *la Parauté schismatique*, и находя это произведеніе соответствующимъ требованію §§ 415. 416 уст. Духовныхъ Академій, честь имѣю представить Конференціи, не благоудно ли будетъ признать О. Владиміра достойнымъ степени Доктора Богословскихъ наукъ и исходатайствовать на сіе, установленнымъ порядкомъ, утвержденіе Святѣйшаго Синода»¹⁾

¹⁾ Опредѣленіемъ св. Синода 23 апрѣля 1864 года О. Владиміръ Гетъ возведенъ въ степень доктора Богословія.

Восточная церковь между первымъ и вторымъ вселенскими соборами.

(Критическія замѣчанія по поводу книги протоіерея и профессора Иванцова: Религіозныя движенія на христіанскомъ Востокѣ въ IV и V вѣкахъ. М. 1881.) ¹⁾

Аріане.—Православные. — Направленія Богословскихъ школъ.

III.

Четвертая глава книги о. Иванцова: „Религіозныя Движенія“ представляетъ собой чрезвычайно подробный разборъ второй главы нашей книги: „Вселенскіе Соборы IV и V вѣка“, настолько подробный, что эта глава превосходитъ указанную главу нашей книги больше, чѣмъ вдвое. Нельзя не поблагодарить критика нашего за такое вниманіе... Глава эта чуть ли не лучше всего, что имъ написано въ его книгѣ. Главное достоинство этой главы въ томъ, что она фактичѣе по своему содержанію, чѣмъ прочія части книги, меньше ударяется въ столь любимую авторомъ область „различныхъ комбинацій“, больше и внятнѣе прислушивается къ тому, что говорится въ моей книгѣ, меньше въ ней искаженій и произвольныхъ выводовъ, написана проще и безъ пафоса, но и эта глава, несмотря на указанные достоин-

¹⁾ Продолженіе. См. 1-ую книжку.

ства, какъ и все написанное критикомъ по поводу моей книги, не безъ значительныхъ недостатковъ: въ ней есть довольно всего такого, съ чѣмъ мы имѣли дѣло при разборѣ предъидущей главы его книги—о первомъ вселенскомъ соборѣ.

Какое содержаніе второй главы нашей книги, объ этомъ даетъ понятіе заглавіе ея сдѣланное въ самой книгѣ. Здѣсь говорится: „географическое распредѣленіе защитниковъ никейскаго собора, никейцевъ и противниковъ его, антиникейцевъ. Александрія — центръ для первыхъ, Антиохія для послѣднихъ“. Кажется для всякаго должно быть понятно: о чемъ рѣчь должна идти и дѣйствительно идетъ въ данной главѣ нашего сочиненія. Эпохой, какая здѣсь изображена, служитъ періодъ времени между I и II вселенскими соборами. Но мой проницательный критикъ усмотрѣлъ въ ней что-то совсѣмъ другое, ему одному вѣдомое. Объ этомъ критикъ и считаетъ долгомъ заявить, прежде чѣмъ войти въ тщательный анализъ частностей главы. Критикъ пишетъ: „направленіе религіозной мысли, развитіе религіознаго движенія, склонъ религіознаго убѣжденія въ ту или другую сторону есть дѣло попреимуществу духовное, потому и объясненія его нужно искать главнымъ образомъ въ области фактовъ духовныхъ, а не географическихъ (?). Существо и развитіе церковной жизни нельзя представлять себѣ въ видѣ какого-то неизбѣжнаго фатума, по которому цѣлымъ областямъ и округамъ непремѣнно (опять это: *непремѣнно!*) предназначается въ извѣстную эпоху быть православными, а другимъ неправославными“ (стр. 123—4). Критикъ въ этихъ словахъ счлится опровергнуть воззрѣнія нашей книги, но его усилія совершенно напрасны. Въ нашей книгѣ нѣтъ того, что онъ опровергаетъ. Во первыхъ, мы рѣшительно ни-

гдѣ не говоримъ о вліяніи географическихъ условій на направленіе религиозной жизни христіанскаго общества. Непостижимо: противъ кого направляетъ онъ перуны своей критики? Мы говоримъ, что въ такой-то странѣ тогдашняго христіанскаго міра наиболѣе было распространено никейское исповѣданіе или православіе, а въ такой-то — аріанство, но какъ отражались и вліяли на это географическое распредѣленіе церковныхъ воззрѣній и ересей—почва, климатъ, особенности флоры и фауны, раса данной страны, объ этомъ нѣтъ у насъ ни слова въ диссертациі. Подобное объясненіе распространенія такихъ или другихъ богословскихъ воззрѣній въ средѣ тогдашней церкви мы не менѣе критика признаемъ страннымъ. Въ своихъ изысканіяхъ о сравнительномъ распространеніи православія и аріанства мы беремъ дѣло, какъ оно есть, указываемъ факты, доказывающіе то, что въ данной странѣ преобладаніе оставалось или за православіемъ или ересью. Для насъ дороже всего была эта фактическая сторона дѣла. Правда мы не оставили безъ вниманія вопроса о причинѣ такого преобладанія или православія или аріанства въ болѣе выдающихся церквахъ изучаемой эпохи, но отыскивали объясненія явленія именно въ факторахъ духовныхъ, напр. во вліяніи центровъ религіознаго и умственнаго развитія въ церкви, во вліяніи школъ на явленіе, но и это дѣлали весьма осторожно и въ должныхъ границахъ. О какомъ-либо „фаталистическомъ предназначеніи“ однѣхъ странъ, „цѣлыхъ областей и округовъ“ къ православію или неправославію—мы не говорили и не думали говорить. Мы не утверждаемъ и того, чтобы какіе-либо „цѣлыя области и округи церковные“ поголовно становились въ изучаемую эпоху на сторону или православія или аріанства, и нимало удивляемся тому, какъ это нашъ

критикъ, опровергая наши мысли о томъ, что въ одной странѣ утверждалось наиболѣе правослаіе, а въ другой аріанство, осмѣливается провозглашать, что были будто бы случаи, когда „цѣлыя области, цѣлыя церковныя округа присоединялись къ аріанству“ (128). Этого отнюдь не было и быть не могло. Критикъ долженъ бы былъ доказать существованіе такого неизвѣстнаго въ исторіи факта. Съ своей стороны мы не рѣшились бы на такой поступокъ, не стали бы утверждать, что „цѣлыя церковныя округа“ (легко сказать!) всецѣло заражены были аріанствомъ. Кто понимаетъ исторію, тотъ не станетъ позволять себѣ подобныхъ антинаучныхъ преувеличеній...

Итакъ разборъ критикомъ второй главы нашей книги открывається странностью. Не мало и другихъ странностей высказываетъ критикъ, прежде чѣмъ приступить къ самому дѣлу, къ разбору этой главы по существу возрѣній и результатовъ. Критикъ долгоноcko возится съ вопросомъ: какіе именно годы IV столѣтія характеризую и изображаю я во второй главѣ, весь ли періодъ между первымъ и вторымъ вселенскими соборами или часть его: „судя по мѣсту, какое занимаетъ эта глава въ нашей книгѣ“, онъ склоненъ приходитъ къ одному выводу (спрашивается: кто судить, кромѣ развѣ нашего критика, о значеніи данной главы книги по *мѣсту* ея въ книгѣ, а не по самому ея содержанію?), а принимая во вниманіе содержаніе ея къ другому выводу. Критикъ допускаетъ, что книгѣ въ этомъ случаѣ не достаетъ опредѣленности (124—126). Но если бы критикъ читалъ книгу внимательно, ни единого недоразумѣнія не возникло бы въ его мысли, слишкомъ склонной къ недоразумѣніямъ. Въ данной главѣ я характеризую и изображаю (правда очень кратко, въ

чемъ однако нимало не раскаяваюсь: я не любитель широковѣщанія) ту часть IV вѣка, на какую падаетъ наибольшее усиленіе аріанизма въ христіанскомъ обществѣ Востока, именно 330 — 360 годы. Если бы критикъ съ достодожнымъ вниманіемъ прочиталъ данную главу нашей книги, то онъ нашелъ бы, что самымъ раннимъ фактомъ изъ исторіи аріанства, на который я указываю, служитъ извѣстное низверженіе Евстаѳія епископа антioxійскаго съ его каедръ, случившееся на соборѣ антioxійскомъ 330 года, и съ этого именно времени и слѣдуетъ начинать изчисленіе періода наибольшаго господства аріанства въ Восточной церкви, — изъ другихъ же мѣстъ книги онъ ясно усмотрѣлъ бы, что концемъ этого періода мы считаемъ пятидесятые годы IV вѣка, такъ какъ на шестидесятые и семидесятые годы того же вѣка мы смотримъ, какъ на поворотный пунктъ къ лучшему въ религиозныхъ дѣлахъ Востока, о чемъ мы напоминали читателю не разъ (стр. 105—6). Если же послѣ всего этого о. Иванцовъ задается вопросомъ: какое именно время мы характеризуемъ во второй главѣ, и создаетъ для себя недоразумѣнія изъ-за этого вопроса, то этому виною никакъ не наша книга, а критическія замашки о. Иванцова—создавать для себя препятствія, гдѣ нѣтъ и слѣда препятствій...

Продолжая высказывать различные упреки, такъ сказать предварительные упреки, при взглядѣ на вторую главу нашей книги, критикъ поставляетъ намъ въ вину, что мы взялись представить статистическія данныя для опредѣленія вопроса о сравнительной численности аріанъ и православныхъ въ данный періодъ, но этой задачи не удовлетворили, такъ какъ мы пренебрегли „точными приѣмами, какими статистика вырабатываетъ свои положенія“ (126). Такой

невозможной задачи, представить статистику арианъ и православныхъ въ періодъ времени наибольшаго развитія арианизма на Востокъ—сознаемся мы вовсе не брали на себя. Это было бы дѣломъ не только очень труднымъ и безпримѣрнымъ, но и совсѣмъ бесполезнымъ. Не только точныхъ, но и хотя сколько нибудь точныхъ статистическихъ данныхъ для рѣшенія вопроса историкъ не имѣетъ подъ руками и слѣдовательно никакіе хотъ бы самыя „точные“ приемы въ этомъ случаѣ ни къ чему опредѣленному не приведутъ. Критикъ совсѣмъ забываетъ, что статистика наука очень новая, а древность не заботилась о томъ, чтобы приготовить матеріалъ для какихъ-либо статистическихъ вычисленій по правиламъ новѣйшей науки. А изъ случайныхъ цифровыхъ показаній древности можно дѣлать выводы только очень и очень шаткіе и едва-ли даже приблизительно вѣрные. Правда, въ нѣмецкой литературѣ, очень богатой всякаго рода научными опытами, существуетъ одно, намъ извѣстное, сочиненіе подъ заглавіемъ: „географія и статистика древней церкви“ Wiltsh'a, но въ сущности въ этомъ сочиненіи никакой статистики—въ строгомъ смыслѣ слова—нѣтъ, а есть только quasi статистика. И было бы съ нашей стороны непозволительною смѣлостью брать на себя задачу, какой не могли удовлетворительно рѣшить и спеціалисты. Мы далеки были отъ такой задачи, и потому ни о какой статистикѣ нѣтъ рѣчи въ нашей книгѣ, а „на нѣтъ“, какъ говоритъ пословица, и „суда нѣтъ“. Къ чему же упреки о. Иванцова, что будто бы мы не воспользовались „точными приемами“ статистики? О чемъ другомъ свидѣтельствуютъ они, кромѣ праздномыслія критика? Критикъ услужливо указываетъ, чѣмъ слѣдовало бы намъ воспользоваться для статистическихъ выкладокъ, но чѣмъ

мы, къ его неудовольствію, не воспользовались. Онъ думаетъ, что намъ слѣдовало бы воспользоваться для указанной цѣли „епископскими подписями, сохранившимися отъ древнихъ соборовъ“. „Одно критическое разсмотрѣніе подлинности или неподлинности этихъ подписей могло бы дать, внушаетъ критикъ, дѣльные выводы для науки“ (126). Сомнѣваемся, чтобы изъ этого что-либо вышло особенно важное. Во всякомъ случаѣ мы не понимаемъ, почему бы о. Иванцову не заняться было этимъ дѣломъ самому въ его книгѣ „о религиозныхъ движеніяхъ“, почему бы ему не посвятить времени на изученіе „подписей епископскихъ“, вмѣсто того, чтобы трудиться надъ „припоминаніемъ стараго“, чѣмъ онъ, по его признанію (стр. 6), занятъ въ своей книгѣ? Онъ написалъ такъ много по поводу нашей второй главы, что если бы половину труда употребилъ на изученіе „подписей епископскихъ“ дѣло было бы и сдѣлано. Мы же и вообще церковные историки—имѣли бы удовольствіе встрѣтить въ книгѣ о. Иванцова помимо „припоминанія стараго“, и новенькое нѣчто! Все же была бы услуга для науки, хотя услуга и не Богъ—вѣсть какая важная...

Но здѣсь еще не конецъ упрекамъ, съ которыми обращается критикъ ко мнѣ и моему сочиненію прежде фактическаго разбора второй главы. Авангардная стычка еще не пришла къ концу. Отъ упрека касательно того, что я не всѣмъ воспользовался для своей цѣли, чѣмъ обязанъ былъ воспользоваться, критикъ переходитъ къ новой серіи обвиненій: что если я и воспользовался чѣмъ въ области науки для данной цѣли, то не такъ, какъ бы слѣдовало. Критикъ поставляетъ на видъ, что авторъ книги „Вселенскіе Соборы“ во второй главѣ „пользовался мало и одно-сторонне“ такимъ источникомъ свѣдѣній, какъ писа-

ня Аѳанасія, т. е. „факты подходящіе подъ его (мое) воззрѣніе, онъ замѣчалъ, а другіе, дающіе иное освѣщеніе дѣлу, опускалъ“. „Притомъ, продолжаетъ свои обвиненія критикъ, извлекая изъ писаній отеческихъ извѣстныхъ выраженія о состояніи православія и арианства въ той или другой странѣ, авторъ выставляетъ на видъ только такія, какія подходятъ подъ его тенденцію, да и тѣ приводитъ въ усѣченномъ видѣ и толкуетъ въ извращенномъ смыслѣ“ (стр. 127). Эти обвиненія представляютъ простое повтореніе того, что критикъ заявлялъ и при разборѣ главы нашей книги о никейскомъ соборѣ (стр. 79). Читатель не забылъ вѣроятно, какъ мало нашли себѣ подтвержденія подобныя инкриминаціи, когда критику пришлось доказать на фактахъ свои обвиненія. Это уже напередъ даетъ право и читателю и намъ не придавать вѣса и цѣны подобнаго рода голословнымъ заявленіямъ критика. Конечно каждый читающій эти строки въ книгѣ о. Иванцова пожелаетъ доказательствъ, фактовъ, которые бы подтвердили слишкомъ суровый приговоръ критика, но такихъ фактовъ и доказательствъ послѣдній и не думаетъ приводить. Простою бранью дѣло и ограничивается. Правда, критикъ замѣчаетъ въ успокоеніе читателя, что онъ „могъ бы все (это и подобное) подтвердить“ (129), но оставляетъ это дѣло внѣ своей задачи. Мы же съ своей стороны прямо должны объявить, что критикъ этого сдѣлать не въ состояніи... Въ нашихъ изысканіяхъ по вопросу, о которомъ мы трактуемъ во второй главѣ, критикъ въ частности не доволенъ тѣмъ, что мы „составляемъ свои заключенія о господствѣ православія или арианства въ извѣстной странѣ на основаніи (будто бы) отрывочныхъ выраженій, встрѣчающихся у писателей того времени—у Аѳанасія, Василія Великаго и др. Но этимъ отрывочнымъ выраженіямъ, имѣв-

шимъ часто смыслъ слишкомъ общій или какой-либо случайный (?) нельзя никакъ придавать—наставляетъ о. Иванцовъ — значенія опредѣленныхъ статистическихъ указаній“ (127). Желательно было бы знать, какія именно выраженія отцовъ, на которыя мы ссылаемся, какъ на имѣющія авторитетъ и доказательность, считаетъ критикъ нестоящими научнаго вниманія? На этотъ вопросъ отвѣта прямого по обыкновенію (хорошее ли это обыкновеніе?) не дается. Но нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить, какимъ именно святоотеческимъ выраженіямъ отказываетъ въ своемъ довѣрїи критикъ. Причина, по которой не указываетъ прямо критикъ на такія свидѣтельства, понятна; они слишкомъ громко вопіютъ противъ его критической привязчивости. Примѣровъ можно было бы представить немало. Удовольствуемся однимъ. Во второй главѣ я раскрываю мысль, что православіе въ александрійскомъ церковномъ округѣ было явленіемъ преобладающимъ, что здѣсь аріанство находило для себя очень ничтожное число послѣдователей, что всѣ епископы этого округа единодушно и ревностно поддерживали главнаго вождя православныхъ—Аѳанасія, и въ доказательство своей мысли я привожу, какъ я убѣжденъ, яснѣйшее свидѣтельство изъ писаній св. Аѳанасія. Я говорю въ своей книгѣ (стр. 36): „передавъ по одному случаю свои мысли о значеніи никейскаго символа, Аѳанасій писалъ: „предлагаемъ же не мы одни пишущіе это, но *всѣ* епископы Египта и Ливіи („въ числѣ почти девяноста:“ если хотите, почти статистическое указаніе), потому что *всѣ* одинаково мудрствуемъ и если случится кому лично не быть (на какомъ-либо соборѣ) всегда подписываемъ другъ за друга“. Вотъ какія свидѣтельства считаетъ о. Иванцовъ „случайными“ и „имѣющими общій смыслъ“, и потому не стоящими его научнаго вниманія! Скажите: можно

ли въ чемъ-либо столкнуться съ такимъ ученымъ, какъ о. Иванцовъ, который не только не даетъ значенія яснѣйшимъ изреченіямъ, но даже ставитъ въ упрекъ, въ вину, въ грѣхъ тѣмъ, кто осмѣливается это дѣлать? А такимъ смѣльчакомъ и являюсь я въ его черезчуръ скептическихъ глазахъ. О tempora!

Въ заключеніе своихъ предварительныхъ замѣчаній критикъ дѣлаетъ нѣсколько возраженій по поводу основной мысли нашей книги, отчасти выраженной и во второй главѣ. Въ этой главѣ мы утверждали, что православіе было сильнѣе, могущественнѣе и распространеннѣе тамъ, гдѣ имѣло мѣсто вліяніе александрійскихъ богословскихъ воззрѣній школы, какъ то въ Египтѣ, а также и тамъ, гдѣ замѣтно отражалось вліяніе плодотворной дѣятельности Аѳанасія въ пользу православія, т. е.: въ нѣкоторыхъ странахъ за предѣлами Египта. А объ арианствѣ мы утверждали, что оно сильнѣе и распространеннѣе было тамъ, гдѣ процвѣтала антиохійская школа—въ антиохійскомъ церковномъ округѣ и другихъ странахъ Востока, находившихся подъ вліяніемъ антиохійскаго богословствованія и вообще становившихся подъ руководство религіозныхъ стремленій, выходившихъ изъ Антиохіи, этого интеллектуальнаго центра на Востокъ. Эти воззрѣнія нашей книги о. Иванцовъ находитъ невѣрными. Онъ говоритъ: „опредѣляя статистически (?), въ какихъ странахъ преимущественно держалось православіе и въ какихъ распространялось арианство въ IV вѣкѣ, никакъ нельзя всего этого подводить подъ ту одностороннюю тенденцію, подъ которую подводитъ свои выводы г. Лебедевъ, т. е. будто бы православіе держалось тамъ, гдѣ господствовало вліяніе александрійской школы, а арианство, гдѣ сильнѣе было вліяніе антиохійское. Вообще распространеніе религіоз-

ныхъ движеній въ цѣлыхъ странахъ „(о цѣлыхъ странахъ мы нигдѣ не говоримъ, а говоримъ о преимущественномъ распространеніи или православія или аріанства; о существованіи цѣлыхъ странъ зараженныхъ „всецѣло“ аріанствомъ мы впервые слышимъ отъ нашего критика, но это мысль не заслуживающая вниманія. См. выше), „въ цѣлыхъ массахъ народныхъ“ (о массахъ народныхъ мы тоже не говоримъ, потому что не имѣемъ документовъ, свидѣтельствующихъ о настроеніи массъ народныхъ, а говоримъ мы о кругахъ интеллигентныхъ, вождяхъ христіанскаго народа, о какихъ сохранились для насъ свидѣтельства или въ сочиненіяхъ этихъ лицъ, или показаніяхъ историковъ: это слѣдуетъ различать!), „нельзя объяснить одними школьными вліяніями“. Поэтому, при разсмотрѣніи даннаго вопроса „не столько нужно обращать вниманіе, поучаетъ критикъ, на школьныя вліянія, сколько на другія, о которыхъ мы говорили въ первой статьѣ (правильнѣе: многое множество разъ до надобдливости) на вліянія личныя, іерархическія, политическія и т. д.“ (127—8). Отсюда видно, что критикъ не совсѣмъ отрицаетъ значенія школьныхъ вліяній въ данномъ вопросѣ, а придаетъ значеніе этимъ вліяніямъ, но только не исключительное: наряду со школою такъ или иначе отражались на исторіи распространенія православія и аріанства и другія историческія силы. Мы съ этимъ совершенно согласны. Мы нимало не отрицаемъ значенія въ распространеніи аріанства, напр. споровъ іерархическихъ, вліяній политическихъ, но мы устранимся отъ изслѣдованія всѣхъ этихъ причинъ. На это насъ уполномочиваетъ самое заглавіе нашего сочиненія: „Обзоръ догматической дѣятельности вселенскихъ соборовъ IV и V вѣка въ связи съ направленіями школъ александрійской и антїохійской“. Кажется, насъ слѣ-

довало бы хвалить за то, что, взявъ известную сторону дѣла, ею только мы и занимаемся, не развлекаясь сторонними вопросами. Воображаемъ: сколько неприятностей пришлось бы намъ выслушать отъ нашего критика, если бы мы ни съ того ни съ сего, по его теперешней рекомендаціи, стали бы говорить о вліяніяхъ іерархическихъ, политическихъ и т. д.! Сколько, совершенно умѣстныхъ, упрековъ надѣлалъ бы намъ за то, что мы отступаемъ отъ принятой нами задачи, отвлекаемся отъ главной цѣли и т. д.! Тогда онъ сталъ бы упрекать насъ за то, что мы расплываемся, какъ теперь упрекаетъ за то, что оставляемъ безъ вниманія то-то или то-то. Трудно имѣть дѣло съ такимъ критикомъ, какъ о. Иванцовъ. Безъ вины виноваты окажешься. Ужь такая натура у него! Что съ нимъ подѣлаешь? Нашъ критикъ, повидимому, желаетъ школьныя вліянія въ вопросѣ, о которомъ мы говоримъ, низвести въ число второстепенныхъ, не важныхъ вліяній, — такихъ, о которыхъ можно говорить, но о которыхъ не необходимо говорить. Къ сожалѣнію, мы не можемъ согласиться съ критикомъ, а настаивали и будемъ настаивать на томъ, что школы имѣли чрезвычайно важное вліяніе на утвержденіе православія въ однихъ мѣстахъ и на распространеніе аріанства въ другихъ. Укажемъ вотъ на какой очень внушительный фактъ. Нѣмецкій изслѣдователь Кинъ (католикъ, а не протестантъ: протестантамъ о. Иванцовъ мало вѣрить, считая ихъ вѣтрогонами), сообщая свѣдѣнія о первомъ періодѣ антиохійской школы до Діодора и Феодора мопсуетскаго, насчитываетъ всего 14 представителей антиохійской школы IV вѣка (кромѣ Лукіана и Дорофея основателей школы), и изъ нихъ 11 человекъ были, по его исчисленію, аріанами и только трое православными, да и въ числѣ этихъ

троихъ онъ насчитываетъ Мелетія антиохійскаго, первая половина исторической дѣятельности котораго запечатлѣна тоже аріанскими стремленіями ¹⁾. Неужели это случайность, что изъ 14 извѣстныхъ представителей антиохійской школы, современныхъ господству аріанства,—одиннадцать (или даже 12) человекъ были проникнуты аріанизмомъ? Но антиохійское вліяніе не осталось замкнутымъ, не ограничилось кружкомъ представителей школы; оно перешло въ болѣе широкія сферы, напр. въ сферу соборной догматической дѣятельности, имѣвшей не малое значеніе какъ для церковнаго округа антиохійскаго, такъ и за предѣлами его. Напротивъ, александрійская школа всегда въ это время давала сильныхъ борцовъ въ пользу никейскаго исповѣданія. Кромѣ самого Аѳанасія, такими были Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій нисскій, Амфилохій иконійскій, Дидимъ, Маркеллъ, Аполлинарій (двое послѣднихъ хотя и впали въ ересь, но не измѣняли своей привязанности къ никейскому исповѣданію). Исключеніе представлялъ одинъ Евсевій кесарійскій; онъ былъ по воспитанію александрійцемъ, но по религиознымъ симпатіямъ аріаниномъ. Неужели опять случайность, что лица воспитанныя на началахъ александрійской школы были ревностными врагами аріанства, хотѣли быть рѣшительными защитниками православія? Для поколѣній, современныхъ аріанизму, было вещь немислимою, непонятною, противоестественною, если какой-нибудь приверженецъ александрійской школы склонялся къ аріанизму (Сокр. VII, 6).^{*} Вліяніе александрійской школы больше всего, конечно, чувствовалось въ церкви александрійской и Египтѣ и затѣмъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ или издавна утвердилось

¹⁾ Kihn. Antiochenische Schule. S. 50—52. Weissenburg. 1866.

дѣйствіе александрійскихъ воззрѣній, или гдѣ представители этихъ воззрѣній начали въ это время находить себѣ особенное сочувствіе, разумѣется въ мыслящихъ кругахъ, а не массѣ народной. А гдѣ вліяніе этихъ воззрѣній чувствовалось, тамъ тверже держалось и никейское православіе. — Въ нашемъ мнѣніи о томъ, что интеллектуальная жизнь христіанскаго общества эпохи IV вѣка замѣтно обособляла различные церковные округа Востока, поставляла рѣзкія границы между ними, окрашивала ихъ въ опредѣленный цвѣтъ, подобно тому, какъ въ настоящее время окрашиваются очертанія того или другаго государства на географической картѣ, — въ особенности хорошо можетъ утверждать всякаго историка бл. Иеронимъ однимъ извѣстіемъ, сохраннымъ имъ въ „Апологиіи противъ Руфина“. Этотъ чрезвычайно важный свидѣтель касательно исторіи церковной IV вѣка указываетъ здѣсь на тѣ районы, на которые, дѣлилась вся Восточная Церковь въ вопросѣ о преимущественномъ значеніи тѣхъ или другихъ изданій кодексовъ Св. Писаній. Вотъ это примѣчательное свидѣтельство Иеронима. „Александрія и Египетъ въ своемъ изданіи семидесяти восхваляетъ какъ авторитетъ Исихія; отъ Константинополя до Антіохіи одобряются списки Лукіана мученика, въ промежуточныхъ между ними областяхъ читаются кодексы, которые въ обработкѣ Оригена были изданы Евсевіемъ и Памфиломъ, и во всемъ мірѣ происходятъ споры вслѣдствіе этого троякаго различія“¹⁾. Итакъ вещь не безпримѣрная въ исторіи церковной IV вѣка, что религиозно-умственные интересы, учено-богословскія симпатіи и отношенія создаютъ не согласныя между собою по воззрѣніямъ

1) Твор. Иеронима въ рус. пер. Часть V. стр. 81.

области въ христіанскомъ мірѣ. Гдѣ пользовались однимъ кодексомъ библіи, тамъ не пользовались другимъ. У каждой области былъ свой любимый кодексъ. Нисколько не удивительно, если христіанское общество IV вѣка на Востокѣ, подъ вліяніемъ своихъ ученыхъ руководителей съ ихъ не одинаковымъ религіозно-умственнымъ кругозоромъ, дѣлилось на области, гдѣ вліяніе однихъ авторитетовъ болѣе или менѣе вытѣсняло другіе авторитеты: гдѣ вліяли учителя антиохійскіе и представители антиохійской школы, тамъ не имѣли простора для своей дѣятельности учителя и представители александрійской школы и наоборотъ. Замѣчательно еще, что дѣленіе на районы, указанные Іеронимомъ, во многомъ совпадаетъ съ тѣмъ дѣленіемъ церковныхъ областей по ихъ преимущественному тяготѣнію къ православію или арианству, какое указано и нами въ книгѣ. У насъ въ книгѣ антиохійскій и константинопольскій церковные округа представлены запечатлѣнными однимъ религіознымъ характеромъ (арианство), Египеть и Александрія другимъ (никейское православіе); Палестина представляетъ до извѣстной степени нѣчто особенное (здѣсь среди общаго уваженія къ никейскому исповѣданію выдѣляется приверженностію къ арианству одна изъ очень важныхъ іерархическихъ кеедръ—кесарійская). Если повидимому такой чисто научно-спеціальнйй вопросъ: какому кодексу библіи должно слѣдовать—этому или тому, дѣлили церковь на несогласныя между собою области съ рѣзко очерченными границами, при чемъ стимуломъ къ такому дѣленію служило уваженіе къ голосу высокопочитаемыхъ представителей богословской науки тамъ или здѣсь, то насколько естественнѣе предполагать и утверждать возможность вліянія представителей богословской школьной науки въ такомъ живомъ и

интересномъ для каждаго спорѣ, какъ вопросъ о никейскомъ и антиникейскомъ исповѣданіи, — вліянія, которое также отгѣняло одну церковную область отъ другой, сѣверянь отъ южанъ и т. д.? По нашему мнѣнію такъ и было дѣйствительно.

Послѣ разсмотрѣнія тѣхъ предварительныхъ замѣчаній, которыя о. Иванцовъ предпосылаетъ разбору второй главы нашей книги, обратимся къ самому этому разбору и посмотримъ: точно ли онъ представляетъ собой цѣнное научное приобрѣтеніе? Прежде всего нужно сказать, что нашъ критикъ старается паче всего о томъ, чтобы подыскивать факты, которые бы приводили какъ разъ къ обратнымъ выводамъ, чѣмъ къ какимъ приходимъ мы, такъ что напередъ можно угадывать, что будетъ раскрывать критикъ: если мы утверждаемъ одно, то онъ почти всегда другое. Если мы утверждаемъ, что въ такой или другой странѣ твердо держалось православіе, то критикъ беретъ на себя задачу доказывать противное; также онъ поступаетъ, когда мы утверждаемъ, что тамъ или здѣсь наиболѣе было распространено арианство. Повидимому критикъ не столько ищетъ истины, сколько желаетъ похвалиться своей критической ловкостью и изворотливостью. Въ сущности, съ его точки зрѣнія рѣшительно дѣло безразличное: тамъ или здѣсь больше утверждалось православіе или арианство; у него нѣтъ ни малѣйшихъ представленій о историческомъ развитіи и условіяхъ этого развитія. Для него исторія это какой-то занимательный калейдескопъ (но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ).

Во второй главѣ рѣчь по вышеуказанному вопросу у насъ начинается съ обзора *александрійской* церкви и Египта; тѣмъ же начинается свою рѣчь и критикъ. Но на самыхъ первыхъ же шагахъ онъ не хочетъ идти однимъ путемъ со мною, а выбираетъ

самостоятельный путь, но по правдѣ сказать путь тернистый и неудобный, на которомъ не встрѣтишься съ лаврами. Мы утверждаемъ и доказываемъ, что александрійская и египетская Церковь стали оплотомъ православія въ никейскую эпоху, что здѣсь больше всего, чище всего, крѣпче всего держались никейской вѣры. Положенія, по нашему мнѣнію, безспорныя. Но критикъ не можетъ воздержаться, чтобы не поспорить. Онъ силится доказать вопреки моему возрѣнію, что въ указанномъ округѣ арианизмъ тоже былъ силенъ, что здѣсь онъ возникъ и потому здѣсь же быстрѣе всего распространился и пустилъ глубокіе корни. Намъ бы желалось видѣть доказательства возрѣній о. Иванцова. Въ нихъ у него нѣтъ недостатка, но какія это доказательства? Ничего ровно не доказывающія. Переберемъ вкраткѣ эти доказательства. Первое доказательство — идейное: здѣсь-де были распространены еще раньше появленія арианства мнѣнія гностическія, неоплатоническія, субординатическія. Были, — согласны, но не послужили къ утвержденію здѣсь арианской ереси. По крайней мѣрѣ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе, мы не знаемъ. Какъ сейчасъ увидимъ, не знаетъ таковыхъ и о. Иванцовъ. „Здѣсь, въ Египтѣ, говоритъ о. Иванцовъ, явились у Арія первые приверженцы“. Вѣрно, — но сколько ихъ было? Объ этомъ критикъ благоразумно умалчиваетъ. Выше, когда мы говорили о первомъ вселенскомъ соборѣ, мы перечислили ихъ: оказалось поразительно мало, такъ мало, что говорить на основаніи этого противъ насъ можетъ только такой неразборчивый критикъ, какъ о. Иванцовъ. (См. предыдущую главу). „Затѣмъ“, продолжаетъ говорить нашъ неутомимый противникъ, „наиболѣе вѣрными приверженцами Арія оставались первые египетскіе ученики“. Но спра-

шивается: много ли такихъ было? два епископа. Очень мало для цѣлой сотни епископовъ, составлявшихъ комплектъ высшей іерархіи въ Египтѣ. Дальше, критикъ желалъ бы заставить свидѣтельствовать Евсевія въ свою пользу, но, какъ всегда, неудачно. Критикъ приводитъ слѣдующую цитату изъ сочиненія Евсевія: Жизнь Константина: „пожаръ (т. е. аріанская смута, поясняетъ критикъ, но поясняетъ, какъ увидимъ далѣе, слишкомъ поспѣшно) „начался съ церкви александрійской, распространился по всему Египту, Ливіи и за предѣлы Фиваиды, а потомъ опустошалъ и другія области и города„. Но напрасно было бы видѣть здѣсь указаніе на какое-либо преимущественное распространеніе аріанства въ Египтѣ. Во 1-хъ, Евсевій говоритъ здѣсь (въ общихъ и ничего не значущихъ фразахъ, какихъ множество въ его сочиненіи: Жизнь Константина) объ очень раннемъ періодѣ въ исторіи религіозныхъ движеній IV вѣка, до никейскаго собора, а не объ этомъ времени говоримъ мы во второй главѣ нашего сочиненія: споры съ Аріемъ конечно въ началѣ взволновали церковь александрійскую, но это стало уже фактомъ прошедшимъ въ тридцатыхъ и дальнѣйшихъ годахъ IV вѣка. Во 2-хъ, Евсевій здѣсь подъ зачинщиками пожара едва-ли разумѣетъ аріанъ, а скорѣе православныхъ, такъ какъ онъ самъ стоялъ на сторонѣ первыхъ и не могъ порицать главу аріанъ и его поборниковъ: Евсевій подъ произведшими пожаръ въ Египтѣ, поэтому, вѣроятно же всего, разумѣетъ православныхъ, (въ крайнемъ случаѣ тѣхъ и другихъ безъ различія) и слѣдовательно цитата эта отнюдь не доказываетъ сильнаго и быстраго распространенія аріанства въ Египтѣ. Итакъ и Евсевій ничего не даетъ о. Иванцову для оппозиціи противъ насъ. Посмотримъ, какія еще доказательства своей мысли мо-

жетъ представить онъ. Критикъ ссылается на Мелетіанъ, египетскихъ раскольниковъ, которые держали сторону аріанъ. Но о. Иванцовъ забываетъ, что Мелетіане не были аріанами, и слѣдовательно и враждебныя ихъ отношенія къ Аѳанасію ничего еще не доказываютъ. Нашъ критикъ кажется и самъ чувствуетъ, что съ такими доказательствами далеко не уйдетъ. А потому въ чувствѣ отчаянія заканчиваетъ приведеніе доказательствъ въ свою пользу софистическимъ указаніемъ на слѣдующее обстоятельство: „то самое, что аріанская партія долго направляла свои усилія на Египетъ, показываетъ, что здѣсь предполагались (sic) элементы, благопріятствующіе развитію этой партіи“. говоритъ о. Иванцовъ. Разумѣется такіе аргументы не заслуживаютъ опроверженія, они заслуживаютъ вниманія, какъ характеристическая черта критика, съ отчаянія хватающагося за соломенку. Мы перечислили все, что могъ сказать критикъ въ свою пользу противъ раскрытыхъ нами положеній. Справедливость требуетъ замѣтить еще, что стараясь доказать жизнѣдѣтельность аріанизма въ Египтѣ, противопоставлявшаго себя здѣсь православію, критикъ рядомъ съ этимъ влетаетъ мысли о „подорванности“ аріанизма въ Египтѣ (стр. 129 — 131). Какъ примиряются въ головѣ критика такія противорѣчащія вещи какъ допущеніе существованія аріанскихъ враждебныхъ элементовъ въ Египтѣ съ одной стороны, а съ другой утвержденіе о подорванности аріанизма въ той же странѣ—рѣшить затрудняемся. Кажется въ первомъ случаѣ руководить критикомъ духъ оппозиціи въ отношеніи къ намъ, а во второмъ—не умолкающая истина. Замѣчательно, говоря о подорванности аріанства въ Египтѣ, критикъ не даетъ себѣ труда уяснить, когда это сдѣлано, какими способами, въ какихъ фактахъ

проявилось это дѣйствіе: критикъ или этого не знаетъ или умолчалъ. Думаемъ, что первое вѣрнѣе... Общія фразы, какими прикрывается въ данномъ случаѣ критикъ, лишь служатъ къ обнаруженію безпочвенности его историческихъ утвержденій.

За церковнымъ кругомъ египетскимъ въ своей диссертациі я разсматривалъ округъ іерусалимскій ¹⁾ или *палестинскій*. Критикъ слѣдуетъ по моимъ пятамъ, но конечно не съ тѣмъ, чтобы соглашаться со мной, а продолжать свои нескончаемые споры. Онъ заявляетъ рѣшительное „несогласіе“ съ нами по вопросу о томъ, какую сторону держалъ іерусалимскій округъ: сторону ли никейскаго исповѣданія или арианства? Мы утверждаемъ первое, критикъ усиливается доказать послѣднее. Нѣсколько строкъ, въ которыхъ у насъ въ книгѣ изчерпанъ весь вопросъ (стр. 87), даютъ поводъ писать критику цѣлыя страницы. Въ особенности много матеріала для оппозиціонныхъ замѣчаній даютъ критику наши слова: „Максимъ епископъ іерусалимскій стоитъ на сторонѣ Аѳанасія“ (о Максимѣ только это у насъ и сказано въ книгѣ). Онъ роется въ исторіяхъ Сократа и Созомена, извлекаетъ отсюда, правда съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, мысль, что Максимъ не былъ друженъ съ Аѳанасіемъ. Считаемъ излишнимъ входить въ разборъ

¹⁾ Критикъ на стр. 136 ставитъ намъ въ упрекъ то, что Палестину мы называемъ „іерусалимскимъ округомъ“, напоминая намъ, что Палестину нельзя называть „іерусалимскимъ округомъ“ ранѣе образованія этого патріархата (въ V вѣкѣ). Но во 1-хъ, мы въ своей книгѣ прибавляемъ: церковь іерусалимская „или палестинская“, во 2-хъ палестинскую церковь и ранѣе образованія іерусалимскаго патріархата древніе писатели именовали іерусалимскимъ округомъ; такъ Григорій нисскій, писавшій свои сочиненія въ IV вѣкѣ, напр. выражается: „я общался предъстоятелямъ св. іерусалимскихъ церквей“ и пр. Это совершенно такой же оборотъ рѣчи, какой употребляемъ и мы. Значитъ, мы говоримъ языкомъ, какимъ говорили въ первыя въ IV вѣкѣ (Твор. Григ. нис. ч. VIII, 459).

возраженій нашего критика на этомъ полѣ т. е. съ точки зрѣнія Сократа и Созомена ¹⁾). Укажемъ на болѣе важное, на то, что критикъ упускаетъ изъ вниманія главный источникъ свѣдѣній (на который однакожь у насъ въ книгѣ указано ясно и преимущественно): сочиненія Аеанасія, современника Максимова, имѣющаго большой авторитетъ въ показаніяхъ о Максимѣ, чѣмъ позднѣе жившіе Сократъ и Созоменъ, бравшіе свои матеріалы касательно исторіи арианства большею частію изъ того же Аеанасія, но освѣщавшіе эти матеріалы каждый по своему и нерѣдко безъ достаточныхъ основаній. Аеанасій, когда перечисляетъ епископовъ, приверженныхъ къ на-

1) Считаю однако не излишнимъ указать на нѣкоторыя жетоколованія и неточности, допущенныя критикомъ въ его разсужденіяхъ по поводу извѣстій Сократа и Созомена о палестинской церкви,—жетоколованія и точности, не совсѣмъ-то идущія къ лицу серьезнаго критика, какимъ о. Иванцовъ себя именуетъ. 1) Критикъ замѣчаетъ: „іерусалимская церковь не могла имѣть большаго вліянія на палестинскія церкви. Гораздо болѣе должна была имѣть вліянія Кесарія (которая нужно сказать оставалась въ рукахъ арианъ): Кесарія была митрополіею Палестины“ (136). Но это такъ должно бы быть, однакожь на дѣлѣ было не такъ. Было же такъ, что Іерусалимъ болѣе руководилъ Палестинной, чѣмъ Кесарія. Извѣстный комментаторъ Церковной Исторіи Созомена Валезій, по поводу извѣстій этого историка о дѣятельности Максима въ пользу Аеанасія, дѣлаетъ такое замѣчаніе конечно неизвѣстное нашему критику: „достоинно вниманія, какимъ авторитетомъ пользовался епископъ іерусалимскій, хоть онъ и не былъ митрополитомъ, однакожь сознавалъ на соборѣ сосѣднихъ епископовъ. не спрашивая позволенія у епископа кесарійскаго“. *Migne. Gr. Ser. t. 67, p. 261—2*). 2) Критикъ влагаетъ въ уста Сократа слова: „даже и Палестинскихъ епископовъ успѣлъ примирить“ (стр. 136), тогда какъ они принадлежать Созомену. 3) о. Иванцовъ утверждаетъ, что „египетскіе приверженцы Аеанасія“ дѣлали упрекъ Максиму, что онъ идетъ противъ Аеанасія (137), но такихъ приверженцевъ было всего на всего одинъ (Пафнутіи). И какъ это странно: о. Иванцовъ считаетъ Пафнутія вѣрнымъ приверженцемъ Аеанасія, а Максима двоедушнымъ, несмотря на то, что оба они присутствовали на соборѣ тирскомъ, осудившемъ Аеанасія? Правда Пафнутіи, по словамъ Созомена, обращался на этомъ соборѣ съ упрекомъ къ Максиму, что ему де неприлично участвовать въ незаконномъ дѣлѣ суда надъ Аеанасіемъ, но вѣдь съ этимъ же упрекомъ съ правомъ могъ и Максимъ обратиться къ Пафнутію (Соз. 11, 25)?

кейскому исповѣданію и дружественно относившихся къ нему лично, всегда между ними помѣщает имя епископа іерусалимскаго Максима (Твор. Аѳан. т. I. 256, 265). Онъ не сомнѣвается въ искренности и приверженности Максима къ его (Аѳанасія) личности и его дѣлу. Говоря о соборѣ іерусалискомъ 350 года онъ прямо замѣчаетъ: „встрѣтилъ я палестинскихъ епископовъ, и они, составивъ соборъ въ Іерусалимѣ, приняли меня *искренно*, отпустили съ миромъ“, и затѣмъ первымъ въ числѣ такихъ епископовъ, онъ указываетъ нашего Максима (I, 264—5)¹⁾. При другомъ случаѣ Аѳанасій замѣчаетъ, „что всѣ палестинскіе епископы, за исключеніемъ двухъ-трехъ, приняли Аѳанасія (здѣсь Аѳанасій пишетъ какъ бы отъ лица другаго) и возрадовались общенію съ нимъ“. (Послан. къ монахамъ. Томъ II, 98). Это очень важное свидѣтельство, и мы приводимъ его въ своей книгѣ въ доказательство того, что Іерусалимъ и Палестина дружественно относились къ Аѳанасію и его дѣятельности, стояли за него, а не за арианство. Но критикъ не удостоилъ ни малѣйшаго вниманія это свидѣтельство Аѳанасія. Безъ сомнѣнія и это свидѣтельство онъ относитъ къ числу тѣхъ „случайныхъ и имѣющихъ общій смыслъ“, на которыя, по его мнѣнію, не стоитъ обращать вниманія. Но если такое ясное и категорическое указаніе современника считать за ничто, послѣдую ученюй критикѣ о. Иванцова, то во что должна будетъ превратиться вся исторія? Она превратится въ достойную посмѣянія игрушку, во что она дѣйствительно подчасъ и пре-

1) Вѣру Максима похваляетъ и Епифаній, тотъ самый Епифаній, который по словамъ о. Иванцова „близко зналъ Палестину“ (стр. 138). Онъ называетъ Максима „блаженнымъ епископомъ — исповѣдникомъ“, имѣвшимъ „чистую вѣру въ православіе“ (Твор. Епиф. въ рус. пер. IV. 338).

вращается у о. Иванцова. Если есть свидѣтельство прямо противорѣчащее воззрѣнію историка, то слѣдуетъ зажмурить глаза и проходить мимо—вотъ чему поучаетъ критическая манера о. Иванцова. Приведенное нами свидѣтельство о положеніи вещей въ Палестинѣ, сколько знаемъ не игнорируется наукой, какъ напротивъ дѣлается о. Ивановымъ. Оно обращаетъ на себя вниманіе людей ученыхъ, на него пишутся пояснительные комментаріи. Такъ въ ученыхъ примѣчаніяхъ къ церковной исторіи Сократа одинъ изъ комментаторовъ этой исторіи, говоря о соборѣ іерусалимскомъ, дѣлаетъ изысканіе о томъ, кто были эти два три епископа, которые не выражали своего сочувствія Аванасію въ Палестинѣ и пишетъ: „всѣ епископы этого округа приняли его какъ друга (*ut amicum*), за исключеніемъ двоихъ или троихъ, быть можетъ Патрофила (скиеопольскаго) и Акакія“ (кесарійскаго) (*Migne. Gr. ser. t. 67, p. 261—2*). Итакъ на нашей сторонѣ и другіе ученые, которые подобно намъ придаютъ значеніе указанному свидѣтельству; а есть ли ученые, которые подобно о. Иванову пренебрегаютъ этимъ свидѣтельствомъ, объ этомъ можетъ быть знаетъ нашъ критикъ, а мы ничего такого не слышали? Заключаетъ свои разсужденія о Максимѣ нашъ критикъ заявленіемъ весьма неожиданнымъ. Оказывается, что онъ такъ много спорить съ нами потому, что вполне раздѣляетъ наше воззрѣніе на Максима! О. Ивановъ въ концѣ концовъ говоритъ: „Максимъ, мы думаемъ, сочувствовалъ праславію“. Но о чемъ же онъ въ такомъ случаѣ спорить по поводу нашей мысли о томъ же предметѣ¹⁾?—

¹⁾ Нужно сказать, что этотъ послѣдній результатъ достигается о. Ивановымъ какъ-то странно. На стр. 134 критикъ заявляетъ: „нужно дивиться тому, какъ авторъ (т. е. я) извращаетъ факты въ доказательство своей мысли“. Затѣмъ онъ ссылается на цитату

Есть еще у о. Иванцова два доказательства косвенныя, направленные против моего мнѣнія о Палестинѣ, какъ странѣ, въ которой православіе или никейское исповѣданіе сохранялось въ наибольшей чистотѣ, чѣмъ въ какихъ другихъ странахъ Востока. О. Иванцовъ приплетаетъ къ этому вопросу дѣятельность Кирилла іерусалимскаго и его огласительныя поученія. У насъ о Кириллѣ въ книгѣ упоминается однажды и то въ сноскѣ и въ частности во

приводимую у меня (Созом. II, 25), въ которой, по его сужденію, заключается обратное тому, что утверждаю я. Именно, что будто здѣсь Максимъ изображается лицомъ дѣйствовавшимъ враждебно противъ Аѳанасія, вопреки моему увѣренію, что онъ былъ „на сторонѣ Аѳанасія. А на стр. 137 критикъ утверждая, что Максимъ былъ лицомъ сочувствующимъ православію и Аѳанасію, въ доказательство этой мысли ссылаемся (можете себѣ представить!) на тотъ же фактъ, который выставляетъ онъ противъ меня на стр. 135. Критикъ говоритъ: изъ того самаго упрека, какой дѣлали ему (Максиму) египетскіе приверженцы Аѳанасія „видно, что они считали его своимъ по убѣжденію“. Итакъ чему больше нужно удивляться: тому ли, что я считаю Максима человекомъ стоявшимъ на сторонѣ православія и Аѳанасія (на основаніи словъ Созомена) или тому, что критикъ на основаніи одного и того же свидѣтельства дѣлаетъ два противоположныхъ сужденія!—Кстати сказать, что говоря о Максимѣ критикъ приписываетъ мнѣ недѣльность, которая появилась подъ его перомъ вслѣдствіе его не вниманія къ своему дѣлу. Онъ говоритъ (134), что будто я потому считаю Максима сторонникомъ Аѳанасія, что онъ былъ на соборѣ тирскомъ, но „вѣдь этотъ соборъ осудилъ Аѳанасія“, замѣчаетъ не безъ ироніи критикъ. Я отнюдь не указываю на то, что Максимъ былъ на соборѣ тирскомъ, какъ на доказательство его приверженности къ Аѳанасію, такая недѣльность, не принадлежитъ мнѣ. Если бы критикъ вдумался въ мою цитату: *Sosom. Lib. II. Cap. 25 ad finem*, то сталъ бы поскромнѣе и поосмотрительнѣе. Въ 25 главѣ второй книги Созомена разсказывается исторія собора тирскаго; эта исторія, само собою понятно, не могла давать никакого матеріала пригоднаго для моей цѣли; и только одни заключительныя слова этой главы имѣли значеніе для меня, потому то мной и прибавлено въ цитатѣ: *ad finem*. Этотъ конецъ главы, говорю, былъ для меня важенъ, и важность этого доказываетъ самъ критикъ, ссылаясь въ противорѣчіе себѣ, на тотъ же конецъ главы въ подтвержденіе православія Максима. Нужно дивиться тому, какъ безцеремонно обращается критикъ съ разбираемой имъ книгой, но нужно и пожалѣть его, такъ какъ его глумленіе, обращенное на другаго, возвращается на его же главу.

второй главѣ ничего о немъ не говорится (о Кириллѣ двумя-тремя словами упоминается при изложеніи II вс. собора). Взглянуть на вопросъ съ точки зрѣнія дѣятельности Кирилла составляетъ задачу, которую беретъ на себя критикъ независимо отъ нашихъ разсужденій. Въ этомъ случаѣ онъ какъ будто бы хочетъ пополнить наше сочиненіе. Дѣло хорошее; мы далеко не всего могли коснуться въ своемъ трудѣ. Къ несчастію то, что говоритъ критикъ о Кириллѣ не имѣетъ научнаго значенія. Мало того, оно выдаетъ, повидимому, научную некомпетентность критика. Критикъ хочетъ вопреки намъ доказать, что аріанизмъ имѣлъ значительную силу въ Палестинѣ и доказываетъ это между прочимъ исторіей Кирилла, но очень неудачно. Онъ доказываетъ это тѣмъ, что изъ огласительныхъ поученій Кирилла видно, что „выраженія символа (никейскаго) особенно непріятныя для аріанъ опускаются безъ объясненія“¹⁾. Извѣстно, что Кириллъ ведетъ свои поученія примѣняясь къ тексту символа: слова символа служатъ для него руководительною нитью въ его поученіяхъ, въ порядкѣ и содержаніи. Но какой это былъ символъ? О. Иванцовъ, кажется, полагаетъ, что это былъ по существу своему символъ никейскій, изъ котораго Кириллъ выпустилъ при изясненіи истинъ вѣры иѣкоторыя выраженія этого символа „непріятныя для аріанъ“, но онъ ошибается. Это былъ символъ не никейскій, а мѣстный, іерусалимскій, въ которомъ не было специфическихъ никейскихъ выраженій, а слѣд. ихъ и опускать не было нужды (какъ заставляетъ критикъ поступить Кирилла), а слѣд. и во-

¹⁾ Не совсѣмъ ясны слова о. Иванцова о символѣ Кирилла на стр. 187 поясняются на страницѣ 174, гдѣ этотъ символъ отнесенъ къ числу таковыхъ, которые представляютъ собою типъ никейскаго символа „съ сокращеніями и пополненіями“.

обще символъ Кирилла ничего не можетъ давать для утвержденія мысли, что аріанизмъ имѣлъ силу въ Іерусалимѣ. 1). Критикъ, думается намъ, не совѣмъ понялъ слова одного своего нѣмецкаго руководителя (Буркъ) и сочинилъ небылицу о символѣ никейскомъ и его искаженіяхъ Кирилломъ. Позднѣе другой нѣмецкій руководитель (Гарнакъ) вразумилъ о. Иванцова; послѣ этого урока, онъ уже не сталъ утверждать, что символъ Кирилла есть символъ никейскій, и, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ развивать мысль, что символъ Кирилла не есть символъ никейскій, но къ вопросу о символѣ Кирилла мы возвратимся въ своемъ мѣстѣ... Столь же мало доказательности въ пользу возрѣнія критика имѣетъ и его ссылка на Григорія нисскаго. Критикъ думаетъ, что Григорій отправлялся послѣ собора антиохійскаго 379 года въ Палестину затѣмъ, чтобы уврачевать

1) По нашему мнѣнію огласительныя поученія Кирилла скорѣе доказываютъ обратное, т. е., что аріанство въ Іерусалимѣ не имѣло особенной силы, слѣд. эти поученія прямо направляются противъ возрѣнія о. Иванцова. Въ самомъ дѣлѣ катехетъ, Кириллъ, въ своихъ поученіяхъ довольно сильно направляетъ свою рѣчь противъ Іудеевъ (рус. пер. стр. 178—179), не рѣдко противъ гностиковъ (165), въ частности симоніанъ, много говоритъ противъ манихеевъ (277), ратуетъ противъ Маркелла (279), предостерегаетъ даже отъ мнѣній Еллиновъ (187), но объ аріанахъ говоритъ (153, 155, 162) весьма мало и весьма кратко: главнымъ образомъ катехетъ порицаетъ форму строгихъ аріанъ: „было когда не было“ (Сына Божія). Отсюда, по нашему мнѣнію слѣдуетъ вотъ что: Кириллъ опасается, чтобы его слушатели не увлекались мнѣніями гностиковъ, манихеевъ и т. д., но мало имѣетъ опасеній на счетъ аріанъ, а потому и не обращаетъ на нихъ особеннаго вниманія. Согласитесь, что было бы совѣмъ непонятно, почему Кириллъ не опровергаетъ подробно аріанъ, если они имѣли многихъ приверженцевъ въ Іерусалимѣ, какъ думаетъ о. Иванцовъ? Правда о. Иванцовъ, какъ будто бы чувствовалъ силу подобнаго возраженія и старался предотвратить его. Онъ допускаетъ, что Кириллъ умышленно слишкомъ осторожно выражался объ аріанахъ изъ какой-то боязни „господствовавшаго въ Палестинѣ аріанизма“, но такія объясненія ничего не объясняютъ: они натянуты и неправдоподобны и едвали могутъ служить къ чести такого учителя церкви, каковымъ былъ Кириллъ?

эту церковь, потрясенную арианствомъ. (значить, арианство было сильно въ Иерусалимѣ и Палестинѣ, заключаетъ о. Иванцовъ (138). Но критикъ очень заблуждается. Что нашель и видѣль Григорій въ Иерусалимѣ и Палестинѣ, объ этомъ пишетъ онъ въ одномъ своемъ посланіи. Здѣсь перечисляются различныя ереси, какія имѣли мѣсто въ Иерусалимѣ и Палестинѣ; онъ упоминаетъ о хилиастахъ, какихъ-то еретикахъ, заблуждавшихся по вопросамъ хринологическимъ, но ничего яснаго здѣсь не говорится объ арианахъ¹⁾. На послѣднихъ нисскій или не обратилъ вниманія, или ихъ и совсѣмъ не было здѣсь, по крайней мѣрѣ не было въ большемъ числѣ. Перваго предположенія нельзя сдѣлать, какъ скоро мы возьмемъ во вниманіе, что по словамъ о. Иванцова, Григорій и прибыль-то въ Иерусалимъ затѣмъ, чтобы уречевать „церковь потрясенную арианизмомъ,“ значитъ нужно держаться втораго предположенія!

Итакъ мы думаемъ, что нѣтъ основаній соглашаться съ мнѣніемъ о. Иванцова, что Иерусалимъ и Палестина кишѣли арианами. Этого онъ не доказалъ, при всемъ желаніи развить мысль, противоположную мысли, нами выраженной. Однако нужно сказать, что мы не утверждали и не утверждаемъ, что въ указанной странѣ совсѣмъ не было арианъ, совсѣмъ не было арианскихъ движеній: гдѣ всего этого не было? Но если мы будемъ говорить о сравнительномъ распространеніи арианства въ странахъ восточныхъ въ IV вѣкѣ, то должны склоняться къ мысли, что Иерусалимъ и Палестина меньше пострадали, чѣмъ

¹⁾ Посланіе къ Евстафій и Амвросіи (Твор. Григ. нисскаго, въ рус. пер. т. VIII. 470—71).

другія страны Востока, были счастливѣе сосѣднихъ странъ по направленію къ сѣверу ¹⁾).

Критикъ расходится съ нами и по вопросу о томъ, гдѣ, въ какихъ странахъ Востока наиболѣе держалось и утверждалось арианство. Но его критика и здѣсь имѣетъ не больше успѣха, какъ и при разсмотрѣніи нашихъ мнѣній о странахъ, гдѣ съ особенною силою держалось православіе. Наша рѣчь въ данномъ случаѣ будетъ коротка, потому что мы не находимъ у о. Иванцова никакихъ доказательствъ, которыя бы имѣли хоть какое-нибудь значеніе въ качествѣ противовѣса нашимъ сужденіямъ,—будетъ коротка потому, что онъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія тѣ аргументы, на которыхъ опираемся мы, такъ что они остаются въ полной силѣ и послѣ критическихъ замѣчаній о. Иванцова. Главной страной, гдѣ, по нашему воззрѣнію, наиболѣе господствовало арианство,

1) Кромя Египта и Палестины, по нашему воззрѣнію, раскрытому нами въ книгѣ „Вселен. Соборы“, православіе тверже всего держалось на Западѣ—въ особенности въ церкви римской и иллирійской. Нашъ критикъ находитъ, что „это совершенно справедливо“ (149), хотя и не безъ оговорокъ, но мы не считаемъ нужнымъ спорить съ нимъ о вещахъ неважныхъ, а потому разсмотрѣнія подробности его сужденія мы по этому вопросу дѣлать не будемъ. Замѣтимъ лишь одно. Критикъ не очень склоненъ объяснять твердость православія здѣсь вліяніемъ александрійской школы. „Твердость Западной церкви въ православіи не можетъ быть объяснена одними школьными вліяніями“, замѣчаетъ критикъ. Согласны: одними этими вліяніями объяснить дѣла нельзя, но все-таки нельзя низко цѣнить дѣйствіе этого фактора. На Западѣ александрійское богословіе было въ значительномъ почетѣ, по крайней мѣрѣ въ средѣ вліятельнѣйшихъ пастырей церкви, а это много значило. Оно-то быть можетъ и помогло вождямъ церкви съ честью выдти изъ борьбы съ арианствомъ. По словамъ Иеронима, „столпы церкви“ Иларій никтавійскій, Амвросій медіоланскій, Викторинъ почивали на твореніяхъ главы александрійцевъ — Оригена (Твор. Иер. въ рус. пер. Т. V, 3), а о себѣ Иеронимъ говоритъ, что онъ много обязанъ своимъ богословскимъ образованіемъ александрійцамъ Дидиму и Аполлинарію (ibid. 15.18.25.29.83). Впрочемъ въ своей книгѣ мы нигдѣ не настаиваемъ на мысли, что вліяніе александрійской школы на Западѣ много помогло утвержденію здѣсь православія, какъ (не знаю съ чего) показалось это критику.

была *Сирія* съ *Антіохіей*. Такъ мы думали до критическихъ разъясненій о. Иванцова, такъ же думаемъ и теперь. Сколь сильно здѣсь распространень былъ аріанизмъ, объ этомъ находимъ неопровержимое свидѣтельство въ исторіи Созомена. (Это свидѣтельство мы цитировали и въ своей книгѣ, но не приводили его буквально). Вотъ это свидѣтельство: „Сирія и пограничныя области, особенно же Антіохія, страдали отъ неуройства и возмущеній (вслѣдствіе аріанства). Въ этихъ областяхъ было болѣе аріанъ, владѣвшихъ церквами, хотя не мало было и христіанъ церкви каѳолической. Вся антіохійская церковь едва не сдѣлалась аріанствующею“ (VI, 21). Здѣсь находится ясное указаніе на преобладаніе аріанъ въ Антіохіи и Сиріи, а это-то мы и доказывали въ своемъ сочиненіи. Спорить противъ всего можно, но спорить противъ такихъ ясныхъ свидѣтельствъ, какъ сейчасъ приведенное, и какъ тѣ, какія у насъ представлены въ книгѣ—трудъ бесполезный. Другою страшною, гдѣ распространился аріанизмъ съ особенною силою, я считаю *Фракію* съ Константинополемъ. Противъ этого критикъ тоже спорить, но такъ какъ въ окончательномъ выводѣ онъ считаетъ мое мнѣніе „справедливымъ“ (149), то и нѣтъ надобности входить въ препирательство съ критикомъ. Удовольствуемся тѣмъ, что мы согласны другъ съ другомъ по крайней мѣрѣ въ основномъ возрѣніи. Что касается до *Малой Азіи*,—въ теперешнемъ смыслѣ выраженія—въ которой по нашимъ изысканіямъ аріанство имѣло большое распространеніе, то всѣ возраженія моего критика въ этомъ случаѣ основываются на недоразумѣніяхъ. Ему съ чего-то представилось, что я считаю Каппадокію, Понтъ, Фригію и т. д. *всецѣло* зараженными аріанизмомъ (149 прим.). Но такой мысли мы нигдѣ не утверждаемъ. „Въ Азіи, Понтѣ

мы встрѣчаемъ множество епископовъ, противниковъ никейскаго исповѣданія“, говорили мы (Всел. Соборы, 46). Эта мысль едва ли спорная. Опровергать ее такимъ образомъ, какъ дѣлаетъ о. Иванцовъ едва ли достойно человѣка науки. Критикъ на это говоритъ: „Въ сущности аріанство въ Малой Азіи далеко не было такъ сильно, какъ это можно заключить по видимости—по многочисленнымъ соборамъ, собираемымъ здѣсь аріанами“, ибо „большая часть епископовъ присутствовавшихъ на нихъ *съ душъ* оставались православными“ (145—6). Напомнимъ нашему критику, что душа человѣка потемка, а души давно умершихъ мало-извѣстныхъ лицъ и суцая тьма. Читать ихъ помыслы не въ состояніи никто, не исключая и нашего проникательнаго критика. Объ этихъ лицахъ мы имѣемъ право судить только на основаніи свидѣтельствъ, какія сохранила для насъ древность. Странно: критикъ доказываетъ, что въ Малой Азіи аріанство было не особенно сильно, и однакожъ господство аріанства во Фракіи объясняетъ ничѣмъ другимъ, какъ именно тѣмъ, что Фракія „находилась въ постоянномъ сношеніи съ малоазійскими странами“ (148). Еще замѣтимъ въ пользу нашего мнѣнія и вопреки критику: по увѣренію Созомена Понтъ и Каппадокія очутились бы въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ Антиохія и Сирія, во время развитія аріанства, если бы въ первыхъ странахъ не было Василія Великаго и Григорія Назіанзина, предпринимавшихъ даже миссіонерскія путешествія для борьбы съ аріанствомъ въ своемъ отечествѣ (VI, 17. 21) ¹⁾.

¹⁾ Въ книгѣ о. Иванцова въ оглавленіи IV главы, которую мы разбирали, заявлено, что въ этой главѣ указаны „общіе результаты аріанскаго движенія и борьбы противъ него со стороны православія“, но ничего такого мы не усмотрѣли въ ней, если не принимать въ расчетъ нѣсколькихъ общихъ фразъ въ этомъ родѣ, каковыхъ впрочемъ у него много во ^{всѣхъ} главахъ.

IV.

Пятая глава книги о. Иванцова представляет характеристику школъ александрійской и антiохійской, опредѣляетъ ихъ значеніе въ религиозныхъ спорахъ IV вѣка (отчасти и V вѣка) и оцѣниваетъ ихъ важность въ развитіи богословія. Задача во многихъ отношеніяхъ очень интересная. Здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ факторахъ развитія богословской мысли древней Церкви, которые въ современной церковно - исторической наукѣ пользуются особеннымъ вниманіемъ, когда этой наукѣ приходится обсуждать явленія древней Церкви. Познакомимся со взглядами о. Иванцова на это дѣло. Свои взгляды въ этомъ отношеніи онъ высказываетъ не только въ пятой главѣ своего сочиненія, но ихъ же онъ отчасти раскрываетъ и въ первой главѣ того же сочиненія. При оцѣнкѣ взглядовъ о. Иванцова, поэтому, будемъ брать во вниманіе и содержаніе первой главы его книги. Критикъ частію соглашается со взглядами на александрійскую и антiохійскую школу, существующими въ наукѣ и въ извѣстной мѣрѣ высказанными въ нашей книгѣ, частію не соглашается и опровергаетъ ихъ. Нужно сказать, что по вопросу о школахъ спорить, возражать очень можно, потому что едва ли когда-нибудь кто-либо разрѣшить съ полною несомнѣнностію вопросъ о сравнительныхъ достоинствахъ того или другаго рода школьной интеллектуальной дѣятельности въ древней Церкви. Ни одинъ родъ этой дѣятельности не лишенъ очень видныхъ качествъ, но въ тоже время не чуждъ довольно замѣтныхъ недостатковъ: въ глазахъ одного изслѣдователя будутъ брать перевѣсъ достоинства, въ глазахъ другаго недостатки — и вотъ пища для споровъ. Далеко не все согласны въ вопросѣ о томъ,

какіе представители богословской мысли должны быть отнесены къ одной школѣ, къ одному направленію, какіе къ другимъ? Нужно ли всѣхъ писателей древней Церкви подводить подъ опредѣленные направленія или же нѣкоторыхъ или даже многихъ не нужно причислять ни туда, ни сюда, оставлять въ промежуточномъ пространствѣ? Сколько знаемъ, вопросы эти ни чуть не волнуютъ мысли западныхъ церковныхъ историковъ. Одни изъ изслѣдователей разрѣшаютъ указанные вопросы такъ, другіе иначе. Представляется полная свобода въ воззрѣніяхъ. Думаю, что это зависитъ отъ сравнительной опытности западныхъ историковъ. Они понимаютъ, что законодательство по этимъ вопросамъ невозможно, что споры ни къ чему опредѣленному не поведутъ. Не такъ стоитъ дѣло у насъ. Наша наука очень молодая и какъ такая она порывиста и самомнительна. Она хочетъ спорить, стоять на своемъ даже въ такихъ вопросахъ, гдѣ рѣшеніе всегда останется проблематическимъ. Въ качествѣ неофита, наша наука очень ретива и любопытна, она все хочетъ знать: почему, какъ, какой послѣдній результатъ, но она не соразмѣряетъ своихъ силъ съ тѣми запросами, какіе предъявляетъ; она не довольствуется тѣмъ, чтобы терпѣливо учиться, но хочетъ быть и учительницей. Отсюда слишкомъ большая порывистость, чрезмѣрное желаніе проникнуть въ самую суть, недовольство тѣмъ, что предлагается въ качествѣ крайняго научнаго результата, и въ концѣ концовъ излишнее доктринерство. Эти черты русской науки отпечатлѣваетъ на себѣ въ известной мѣрѣ и книга о. Иванцова. О. Иванцовъ знакомъ съ существующими представленіями западной исторической науки касательно школъ александрійской и антиохійской, но это знакомство его не удовлетворяетъ. Онъ ожидалъ отъ нея чего-то луч-

шаго, большаго, такого, что отличалось бы опредѣленностью и твердостью, доходило до формулы дважды два—четыре. И въ виду того, что его ожиданія не оправдываются, онъ собираетъ возможно большее количество возраженій противъ существующихъ взглядовъ въ указанной наукѣ. Нѣтъ спора, дѣло легкое собирать возраженія по вопросамъ въ такой области, гдѣ осязательная опредѣленность, математическая точность, вещь невозможная — собирать возраженія или разрушать, что сооружено другими, но иное дѣло создавать самому что-либо на мѣсто разрушаемаго. Первое довольно удастся о. Иванцову, второе очень не много. Но переходимъ къ самому анализу его воззрѣній.

Что такое школа александрійская и антиохійская, въ чемъ ихъ отличительный характеръ? На этотъ вопросъ о. Иванцовъ отвѣчаетъ такъ, какъ отвѣтилъ бы и всякій нѣмецъ. „Различіе между александрійскимъ и антиохійскимъ направленіями состояло въ разнообразіи методовъ, примѣняемыхъ тѣмъ и другимъ направленіемъ къ изслѣдованію религіозныхъ вопросовъ и отчасти въ самыхъ религіозныхъ вопросахъ, какими по преимуществу любило заниматься то или другое направленіе. Александрійское направленіе, развившееся подъ преобладающимъ вліяніемъ философіи Платона, любило преимущественно изслѣдовать высшую метафизическую сторону религіи (о внутренней сущности Божественной жизни и отношеніяхъ ея къ жизни тварной) путемъ высшаго философическаго созерцанія или умозрѣнія (конечно опираясь вмѣстѣ съ тѣмъ и на положительныя данныя откровенія)—путемъ такъ называемымъ спекулятивнымъ, синтетическимъ, приводя въ высшую цѣлостную гармонию частныя религіозныя истины и раскрывая ихъ во взаимной связи однѣ изъ другихъ. Антиохійское направленіе, находясь

болѣе подѣ вліаніемъ аристотелевской философіи, обращало преимущественное вниманіе на историческую сторону христіанства и старалось разъяснить ее путемъ положительнаго изслѣдованія—путемъ преимущественно аналитическимъ, логически разрѣшая внутренній смыслъ каждой въ отдѣльности религіозной истины самой въ себѣ“ (много сказано: *каждой* истины, довольно сказать, по нашему мнѣнію, нѣкоторыхъ истинъ) „и повѣряя свои заключенія буквальнымъ смысломъ мѣстъ св. Писанія“ (161-2). Вотъ основное воззрѣніе о. Иванцова на школы александрійскую и антиохійскую, оно представляетъ собой лишь словами критика выраженное очень извѣстное нѣмецкое воззрѣніе на дѣло. Само по себѣ оно не можетъ заслуживать никакихъ особенныхъ возраженій. Но та формулировка, какая дана ему русскимъ ученымъ, не можетъ быть оставлена безъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Критикъ обрусилъ нѣмецкое воззрѣніе, онъ его слишкомъ ясно и опредѣленно выразилъ, и въ этомъ видѣ само по себѣ точное опредѣленіе стало не совсемъ точнымъ. Нельзя представлять себѣ систематизацію христіанскихъ догматовъ какъ отличительную черту александрійцевъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ александрійцы поставили себѣ задачу „приводить въ высшую цѣлостную гармонію частныя религіозныя истины“; это можетъ быть приписано далеко не всемъ александрійцамъ. Это черта, принадлежащая одному изъ столповъ александрійской школы — Оригену, но едва ли она составляетъ характеристическую особенность прочихъ членовъ той же школы. Да и самому Оригену эта черта можетъ быть приписана въ условномъ, относительномъ и ограниченномъ смыслѣ. „Имя Оригена, говоритъ спеціалистъ по вопросу объ этомъ древнемъ учителѣ, окружено традиціоннымъ ореоломъ систематика, но традиціонное представленіе о немъ

справедливо лишь въ относительномъ смыслѣ. Можно считать общепризнаннымъ, что даже наиболѣе систематическое изъ сочиненій Оригена „о началахъ“, и оно довольно далеко отъ идеала систематическаго построенія. Оригенъ былъ писатель съ порывами къ систематизаціи, но фактически онъ всегда оставался не систематикомъ, а экзегетомъ. Что большая часть его сочиненій экзегетическаго характера, это не простая случайность: даже и тамъ, гдѣ Оригенъ выступаетъ, какъ систематизаторъ, онъ не рѣдко даетъ только комментаріи. Такъ напр. глава „о Христѣ“ въ книгѣ „о началахъ“ представляетъ въ сущности объясненіе ряда текстовъ¹⁾. Если такъ нужно думать объ Оригенѣ, о которомъ главнымъ образомъ и принято говорить, какъ о систематикѣ изъ александрійцевъ, то, что должно думать о другихъ представителяхъ того же направленія? Можно ли утверждать, что систематизація составляла цѣль ихъ богословствованія, душу ихъ литературной дѣятельности? Едва ли. Итакъ видимъ, что о. Иванцовъ въ числѣ признаковъ, характеризующихъ александрійскую школу, указываетъ такой, какой отнюдь не принадлежитъ къ числу главныхъ, хотя и высказывается какъ такой нѣкоторыми нѣмцами. Мы были осторожнѣе критика и не ставили этой черты въ числѣ характеристическихъ для александрійской школы (см. стр. 34). Напротивъ, въ вышеприведенномъ опредѣленіи другой восточной школы—антіохійской у о. Иванцова высказана не точная и не естественная мысль, что будто представители этой школы заняты были исключительно какимъ-то микроскопическимъ разсмотрѣніемъ каж-

1) Болотовъ. Ученіе Оригена о Св. Троицѣ. Стр. 187—88. (Здѣсь же авторъ въ томъ же родѣ приводитъ свидѣтельства Томасія и Редеппинга). Петерб. 1879 г.

дой релігійозной истини порознь, — подобно тому какъ какой-нибудь химикъ анализируетъ составные элементы растенія, минералла, металла, — не интересуясь вопросомъ о цѣлой совокупности релігійозныхъ истинъ, о системѣ ихъ. Намъ кажется этимъ сказано слишкомъ много. Критикъ безъ нужды унижаетъ антиохійцевъ. Во всякомъ случаѣ у нихъ никакъ нельзя отрицать систематизаціи въ томъ же смыслѣ, въ законъ находятъ ее у александрійцевъ: нельзя указать большаго, но нельзя не находить подобнаго же. Специалистъ по вопросу объ антиохійской школѣ Теодоръ Кинъ, послѣ тщательнаго изученія сочиненій Теодора мопсуестскаго вотъ что говоритъ о школѣ антиохійской: „объ школы александрійская и антиохійская одушевлены были и стремились къ наиболѣе глубокому познанію *внутренней связи* истинъ вѣры, въ надеждѣ достигнуть *систематическаго* обзрѣнія и изложенія ученія божественнаго откровенія, сближаясь съ свѣтскою наукою“ ¹⁾. И это не простыя фразы, не пустая риторика со стороны изслѣдователя, влюбленнаго въ предметъ своего изслѣдованія. Что систематизація была дѣломъ близко знакомымъ антиохійцамъ, это видно изъ того, что специфическо-антиохійское пониманіе догмы антропологической (она болѣе или

¹⁾ Kihn. Theodor von Mopsuestia S. 6. Freiburg im Br. 1880. — Тотъ же Кинъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Теодоръ раскрывалъ свои идеи „всегда въ научно-теологическомъ интересѣ. Онъ неослабно стремился изобразить и обосновать планъ творенія, ходъ развитія исторіи человѣчества и откровенія, отношеніе теперешняго преходящаго міра къ будущему. Ему присущъ глубокій взглядъ на исторію царства Божія въ В. и Н. Завѣтѣ, при чемъ онъ обращаетъ постоянное вниманіе на процессъ развитія міра будущаго. Теодоръ развилъ идеи Діодора до крайности послѣдовательно и систематично“ (45.46). Неужели всего этого мало, чтобы о. Ивановъ удостоилъ признать по крайней мѣрѣ важнѣйшаго изъ антиохійцевъ мыслителемъ систематическимъ, такимъ же, какимъ былъ и Оригенъ?

менѣе извѣстна) ¹⁾ не было высказываемо антиохійцами отрывочно и не оставалось безъ значенія для прочаго круга богословскихъ воззрѣній школы, нѣтъ, оно вело къ своеобразному, подробному раскрытію всей (если позволено будетъ такъ выразиться) тайны искупленія, опредѣляло собой весь кругъ идей христологическихъ и сотериологическихъ. Припомнимъ еще, что систематическое богословіе въ томъ видѣ, какъ оно излагается доселѣ въ православной церкви, обязано своимъ конечнымъ опредѣленіемъ со стороны формулировки и группировки и взаимной связи,—обязано Іоанну Дамаскину, а этого богослова самъ критикъ причисляетъ къ антиохійцамъ (стр. 166).

Частности и подробности раскрытія воззрѣній о. Иванцова на школы александрійскую и антиохійскую тоже не чужды ошибочности, неточности, смутности и лишены подчасъ простой опредѣленности.

Критикъ въ первой главѣ своего сочиненія позволяетъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности касательно александрійской школы, но не на радость и утѣшеніе для внимательнаго читателя дѣлаетъ онъ это. Здѣсь онъ различаетъ въ исторіи александрійской школы два періода: первый обнимаетъ, по его сужденію, Оригена и его непосредственныхъ учениковъ, другой періодъ обнимаетъ Діонисія александрійскаго, и затѣмъ Афанасія, Теофила и Кирилла. Первый періодъ называетъ онъ старо-александрійскимъ, а другой ново-александрійскимъ (стр. 25—6). Все это совершенно вѣрно. Но почему-то этими лицами онъ и ограничиваетъ кругъ александрійцевъ. Другихъ лицъ, которыхъ обыкновенно тоже относятъ къ той же алек-

¹⁾ Съ антропологіей и другими пунктами антиохійской системы можно ознакомиться по сочиненію г. Доброклонскаго: „Факултѣ Германскій (М. 1880).

сандрійской школѣ, онъ не причисляетъ сюда. Такъ онъ выдѣляетъ какъ двѣ отдѣльныя школы,—школу палестинскую (Памфилъ, Евсевій, Акакій кесарійскій, Кириллъ и Иоаннъ Иерусалимскіе) и школу каппадокійскую (Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій нисскій, Амфилохій). Обѣ эти послѣднія школы онъ не причисляетъ къ александрійской. Онъ говоритъ, кажется, ясно: „оба эти направленія, каппадокійское и палестинское, многіе смѣшиваютъ съ александрійскимъ направленіемъ, но напрасно“ (27). А впослѣдствіи, въ дальнѣйшемъ теченіи своего изслѣдованія, когда критику противъ меня нужно было (будто бы это нужно было?) выставить цѣлый рядъ блестящихъ представителей александрійской школы, которымъ, по его сужденію, я не отдаю уваженія и дани признательности, онъ преспокойно къ александрійцамъ причисляетъ и тѣхъ, о комъ прежде полагалъ, что ихъ „напрасно“ причисляютъ къ александрійцамъ, и именно такъ называемыхъ трехъ великихъ каппадокійцевъ. Такъ, поименовавъ болѣе выдающихся дѣятелей богословской науки III и IV и V вѣка, а въ числѣ ихъ и трехъ каппадокійцевъ, критикъ заявляетъ: „всѣ они принадлежали (значитъ безусловно!) александрійской богословской школѣ“ (165). Вотъ тутъ поди и толкуй съ нашимъ критикомъ. Онъ однихъ и тѣхъ же лицъ то причисляетъ къ александрійцамъ, то выдѣляетъ изъ среды ихъ, смотря по мѣрѣ надобности, т. е. единственно смотря потому, въ какомъ видѣ, въ томъ или другомъ исторія можетъ сдѣлаться орудіемъ нападенія на воззрѣнія моей книги, въ рукахъ о. Иванцова. Кромѣ того, можно находить много неопредѣленности, путаницы и неясности въ частности въ характеристикѣ школъ палестинской и каппадокійской. Критикъ не различаетъ ясно палестинское направленіе отъ каппадокійскаго. Если уже принялся за это,

онъ долженъ былъ сдѣлать это удовлетворительно. Не то видимъ у критика. Въ отличіе отъ александрійской школы, представляемой Климентомъ и Оригеномъ (древне-александрійской школы), критикъ находитъ у писателей и мыслителей направленія палестинскаго и каппадокійскаго „болѣе ясности и вообще и въ частности въ различеніи предметовъ вѣры и знанія; болѣе твердости въ пониманіи св. Писанія и въ охраненіи церковнаго преданія“ (27). Безъ сомнѣнія эти черты вполне подходятъ къ умственной фізіономіи трехъ каппадокійцевъ, но подходятъ-ли къ Евсевию и Акакію: неужели у этихъ аріанъ было столько же „ясности въ различеніи предметовъ вѣры и знанія“ (по нашему мнѣнію смѣшеніе вѣры и знанія—одинъ изъ отличительныхъ признаковъ аріанства), сколько у Василия и двухъ Григоріевъ, неужели у этихъ еретиковъ было столько же твердости въ пониманіи св. Писанія и въ охраненіи преданія, сколько и у каппадокійскихъ учителей? Если нѣтъ, если эта характеристика не къ лицу Евсевию и Акакію, то почему критикъ не выдѣлилъ ихъ въ какую нибудь особую школу? Въ этой группѣ дѣятелей—богослововъ, палестинскихъ и каппадокійскихъ, критикъ усматриваетъ въ сравненіи съ Оригеномъ „болѣе склонности къ изученію положительныхъ наукъ—историческихъ, фізіологическихъ и даже естественныхъ.“ Но неужели эта характеристика приличествуетъ Кириллу іерусалимскому, Акакію, Іоанну іерусалимскому, Амфилохію иконійскому? Кириллу она положительно не приличествуетъ, а приличествуетъ ли она Акакію, Іоанну и Амфилохію, объ этомъ ничего нельзя знать, потому что объ этихъ писателяхъ мы знаемъ очень мало, такъ мало, что пускаться въ обобщенія, объявлять, что они интересовались філологіей, исторіей, естествознаніемъ пред-

ставляется опрометчивымъ. Продолжая характеризовать эти школы, палестинскую и каппадокійскую, о. Иванцовъ пишетъ: „по своему богословствованію это направленіе“ (одно! какое же? Непосредственно предъ симъ говорилось о двухъ направленіяхъ, а теперь объ одномъ—о какомъ? если не ошибаемся, рѣчь идетъ опять объ обѣихъ школахъ) „ближе къ новоалександрійцамъ (Аѳанасію), чѣмъ къ старо-александрійцамъ“ (Оригену). Вотъ новость: неужели Евсевій кесарійскій ближе по своему направленію къ Аѳанасію, (едва ли они поблагодарили бы критика за его посредничество), чѣмъ къ Оригену? Такое замѣчаніе критика поразительно странно. Едва ли можно простить такой промахъ какому бы то ни было писателю, претендующему на ученость! Далѣе—ужели Кириллъ іерусалимскій хоть въ чемъ-нибудь, за исключеніемъ нѣкоторой склонности къ аллегоріи, можетъ быть по направленію сближаемъ съ Аѳанасіемъ, Теофіломъ, Кирилломъ alexandрійскимъ? Кириллъ такъ же мало сближается съ Аѳанасіемъ, какъ и не стоитъ „подъ вліяніемъ Оригена“. Его имя совсѣмъ некстати введено здѣсь (о Кириллѣ будемъ говорить ниже). Конецъ характеристики указанныхъ школъ—палестинской и каппадокійской то же въ своемъ родѣ не дурень. О. Иванцовъ пишетъ: „въ высококомъ уваженіи къ Оригену и къ греческой философіи и литературѣ оно болѣе сходилось съ послѣдними (ново-александрійцами), чѣмъ съ первыми“ (старо-александрійцами). И такъ выходитъ по сужденію о. Иванцова, что Кириллъ и Акакій уважали Оригена. Уважалъ ли его Акакій, мы ничего не знаемъ, а уважалъ ли его Кириллъ—объ этомъ мы должны были бы знать, но къ сожалѣнію въ сочиненіяхъ его ничего такого не оказывается. Откуда узналъ объ этомъ о. Иванцовъ? Уважалъ ли Кириллъ философію (а тоже Іоаннъ Іе-

русалимскій и Акакій) объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, а судя потому, что Кириллъ говоритъ въ своихъ поученіяхъ противъ Еллиновъ, можно заключать какъ разъ обратное. Вообще о. Иванцовъ довольно-таки переуцываетъ въ головѣ читателя представленія о богословскихъ направленіяхъ древней церкви.

Подробности, какія даются критикомъ касательно школы антиохійской тоже не отличаются научною точностью. Онъ пишетъ: „первыхъ ея представителей Дороея и Лукіана мы мало знаемъ“. Это—точно. „Даже наиболѣе славившихся ея учителей—Діодора тарсійскаго и Θεодора мопсуетскаго мы знаемъ только по нѣкоторымъ остаткамъ ихъ сочиненій и по отзывахъ о нихъ позднѣйшихъ писателей“ (27). Въ этихъ словахъ дается идея не совсѣмъ точная. Читатель конечно выноситъ такое впечатлѣніе, какъ будто мы и о Діодорѣ и Θεодорѣ знаемъ также мало, какъ и о Дороеѣ и Лукіанѣ. Но это не совсѣмъ такъ. Правда о Діодорѣ наши познанія ограничены, но нельзя того же сказать о Θεодорѣ. Выраженіе о. Иванцова: „мы знаемъ Θεодора только по нѣкоторымъ остаткамъ его сочиненій“, оставляетъ въ читателѣ такое впечатлѣніе, какъ будто отъ него сохранились до насъ такъ какія-нибудь обрывки, въ родѣ тѣхъ, какими мы владѣемъ отъ сочиненій Палія, Егезиппа, Флавіана антиохійскаго и пр. Но такое представленіе невѣрно. Можно ли назвать „нѣкоторыми остатками“ то, что въ изданіи извѣстной Патрологіи Миня занимаетъ болѣе обширнаго полутома. Право объ этомъ наслѣдствѣ слишкомъ мало сказать: „нѣкоторые остатки“. Нѣкоторыя изъ сочиненій Θεодора дошли до насъ, при томъ въ цѣломъ видѣ (толкованія на малыхъ пророкахъ). Къ тому же сохранились довольно значительныя отрывки отъ его сочиненій въ сирской литературѣ, изданные

въ латинскомъ переводѣ Сахау (von Sachau). Въ настоящее время издается еще цѣлый рядъ сочиненій Θεодора: толкованія на посланія Апостола Павла (на большую часть ихъ ¹⁾). Что дошедшее до насъ изъ сочиненій Θεодора не такъ незначительно, какъ думаетъ о. Иванцовъ, это уже видно изъ того, что о Θεодорѣ пишутся на Западѣ большія сочиненія—разумѣемъ сочиненіе Кина о Θεодорѣ и Юниліи, большая часть котораго посвящена Θεодору. Этотъ нѣмецкій ученый не чувствуетъ особеннаго стѣсненія отъ того, что далеко не все дошло до насъ изъ сочиненій Θεодора. Образъ этого богослова подъ перомъ Кина очень ясенъ и полонъ. Вообще можно сказать, что о Θεодорѣ мы имѣемъ не меньше документальныхъ основаній судить, какъ и объ Оригенѣ. Отъ Оригена сохранилось до насъ тоже не много (въ цѣльномъ видѣ и оригиналѣ собственно дошло сочиненіе: Противъ Цельса, нѣсколько гомилій ²⁾). О. Иванцовъ своими замѣчаніями о Тео-

¹⁾ Одинъ англичанинъ (Swete) въ 1880 году предпринялъ изданіе указанныхъ толкованій Θεодора (открытыхъ въ нѣсколькихъ кодексахъ). Въ первомъ томѣ, вышедшемъ въ 1880 году, помѣщены толкованія на посланія къ Галатамъ, Ефесеямъ, Филиппійцамъ, Колоссянамъ (томъ включаетъ въ себѣ болѣе 300 страницъ). Во второмъ томѣ будутъ помѣщены толкованія Θεодора на прочія посланія Павла, слѣдующія за посланіемъ къ Колоссянамъ (за исключеніемъ посланія къ Евреямъ). Эти толкованія въ качествѣ Θεодоровыхъ и раньше 1880 года были извѣстны людямъ науки. Въ прежнее время эти толкованія присоединялись къ толкованіямъ Амвросія медіоланскаго на посланія къ Римлянамъ и (два) къ Коринтянамъ, и извѣстны были подъ именемъ „Амвросіаста“. Въ этомъ видѣ толкованія Θεодора пользуются большимъ уваженіемъ и въ нашей богословской литературѣ. Извѣстный русскій экзегетъ, еп. Теофанъ, пишущій на страницахъ *Душ: чтенія* весьма часто пользуется этими толкованіями (только въ худшей редакціи, чѣмъ какая издана указаннымъ англичаниномъ), конечно не подозревая, что это комментарии Θεодора монсуэтскаго.

²⁾ Трудюлюбивый молодой ученый г. Болотовъ, (отъ котораго кстати сказать церковно-историческая наука вправе ожидать, судя по его сочиненію объ Оригенѣ, много полезныхъ трудовъ), въ сво-

дорѣ (вслѣдствіе какого-то нерасположенія и неблаговоленія къ антиохійской школѣ) хочетъ внушить мысль, что Θεодора мы не знаемъ и знать не можемъ, но, какъ видимъ, о. Иванцовъ даетъ ложное представление о Θεодорѣ. „Направленіе этой (антиохійской) школы, продолжаетъ свою рѣчь критикъ, наиболѣе извѣстно по писаніямъ двухъ учителей церкви, вышедшихъ изъ нея—Іоанна Златоустаго и Θεодорита кирскаго (27). Само по себѣ вѣрное замѣчаніе о. Иванцова можетъ вести однакожь къ невѣрнымъ заключеніямъ о томъ, кого слѣдуетъ считать выразительнѣйшимъ представителемъ антиохійской школы. Читатель можетъ подумать, что Златоустый и Θεодоритъ составляютъ главныхъ вождей и выразителей школы. Но это представление невѣрное. Носителемъ идей въ ихъ характеристическомъ видѣ считаютъ не этихъ лицъ, а Θεодора мопсуетскаго. То не бѣда, что отъ Θεодора сохранилось сравнительно немного сочиненій, несравненно меньше, чѣмъ отъ Златоустаго и Θεодорита. Центръ школы составляетъ Θεодоръ, въ его сочиненіяхъ отпечатлѣлись свойства школы въ наибольшей свѣжести и типичности. Какъ нельзя сказать, что направленіе александрійской школы „намъ наиболѣе извѣстно“ по писаніямъ Аванасія, Василія Великаго и Григорія Богослова, точно такъ же нельзя утверждать и относительно антиохійской школы, что направленіе это извѣстно наиболѣе по писаніямъ Златоустаго и Θεодорита. Какъ столпомъ александрійской школы считается Оригенъ, такъ столпомъ антиохійской школы Θεодоръ. Въ его (Θеодора) писаніяхъ и дѣятельности наи-

ей вышеупомянутой диссертациі объ Оригенѣ сосчиталъ: много ли страницъ дошло до насъ отъ Оригена и нашелъ, что въ греческомъ текстѣ сохранилось не болѣе 2000 страницъ (колоннъ) (стр. 143). Полагаемъ, что это не очень много.

болѣе отразился характеръ школы, онъ былъ главнымъ глашатаемъ ея идей, изъ его сочиненій и дѣятельности и можетъ быть наиболѣе извѣстно это направленіе. Писатели, принадлежавшіе къ антиохійской школѣ и жившіе до Θεодора, готовили ту почву, на которой раскрылось богословствованіе Θεодора, а писатели, жившіе одновременно съ нимъ и послѣдовавшіе за нимъ въ порядкѣ времени, отражали далеко не вполне характеръ антиохійской школы, каковы и были Златоустъ и Θεодоритъ (исключеніе представляетъ Несторій, который довольно вѣрно, но не толково слѣдовалъ доктринамъ Θεодора). Чѣмъ была антиохійская школа судятъ объ этомъ по сочиненіямъ Θεодора, а во что она превратилась въ трудахъ другихъ антиохійцевъ, что отъ нея *осталось*, объ этомъ заключаютъ по сочиненіямъ Златоустаго и Θεодорита. А для этого сравниваютъ этихъ продолжителей антиохійской школы съ ея главою (Θеодоромъ), какъ и дѣлаютъ въ наукѣ (Ферстеръ сравниваетъ Златоуста съ Θεодоромъ, а Кинъ Юнилія съ тѣмъ же Θεодоромъ по возрѣніямъ). Дѣятельность Златоустаго и Θεодорита составляютъ новый періодъ въ исторіи этой школы, выражающій ее уже неполнѣ и сближающій ее со школой александрійской, разумѣется до извѣстной степени. О. Иванцовъ, характеризуя школу антиохійскую замѣчаетъ: „учители этой школы обращали болѣе вниманіе на нравственную, чѣмъ на метафизическую сторону религіи“ (27). Здѣсь указывается черта вовсе не характеристическая для антиохійской школы. Изъ всѣхъ антиохійцевъ обращаетъ особенное вниманіе на нравственную сторону религіи (да и то не въ томъ смыслѣ, какъ обращали на нее вниманіе главные учителя христіанской нравственности, напр. Ефремъ Сиринъ) одинъ Златоустый. Ни о Діодорѣ, ни о Θεодорѣ, ни о Θεодоритѣ и ни о комъ

изъ болѣ раннихъ послѣдователей этой школы ничего такого нельзя сказать. Какимъ же образомъ исключительное явленіе можетъ быть возводимо въ характеристическую особенность школы? Тяготѣніе къ изученію положительнаго содержанія откровенія— вотъ специфическая особенность антиохійской школы. Неандеръ и Кинъ называютъ Θεодора „ученымъ“, а въ отличіе отъ него Златоустаго „теологомъ“¹⁾. Это значитъ: Θεодоръ стоялъ на научной богословской точкѣ зрѣнія, а Златоустый на точкѣ зрѣнія религиозныхъ потребностей своей церковной каѳедры. И значитъ, нравственно практическій характеръ богословствованія Златоустаго не есть характеристическая особенность школы, потому что этой особенности незамѣтно въ главномъ выразителѣ школы, въ Θεодорѣ.

Какъ велико было различіе между двумя школами и въ чемъ оно выражалось? За рѣшеніе этого вопроса о. Иванцовъ принимается нѣсколько разъ: видно, что онъ интересуется его. Но напрасно мы стали бы искать твердости и опредѣленности въ воззрѣніяхъ нашего ученаго. Онъ колеблется въ своихъ мнѣніяхъ, то поддерживаетъ одну сторону рѣшенія вопроса, то становится на другую. То утверждаетъ что-либо, то затѣмъ тоже самое отрицаетъ. Не легко ориентироваться среди его сужденій условно-утвердительныхъ, уступительно-положительныхъ. Право, кажется, такъ никто не пишетъ, какъ умѣетъ писать нашъ критикъ. О. Иванцовъ то-явственно утверждаетъ, что различіе между школами было и приводило оно къ спорамъ и разногласіямъ между привѣрженцами той и другой школы—александрійской и антиохійской. Онъ говоритъ: „иногда увле-

¹⁾ Kihn. Theodor von Mops. S. 45.

чение известнымъ школьнымъ методомъ, известнымъ направлениемъ могло доходить до крайности и встрѣчать себѣ такую же крайность, съ другой стороны могло вести къ существеннымъ разногласіямъ, столкновениямъ, раздѣлениямъ“ и т. д. (31). А въ другомъ мѣстѣ ему ничего не стоитъ утверждать, что школьныя вліянія могли быть столь ничтожны, что они не вели къ религіознымъ спорамъ. На стр. 29 у критика читаемъ: „оно (разнообразіе школьныхъ направлений) безъ сомнѣнія имѣло на нихъ (религіозныя движенія IV и V вѣка) нѣкоторое вліяніе, но представляетъ это вліяніе слишкомъ значительнымъ, выводитъ изъ него самое возникновеніе религіозныхъ споровъ и раздѣленій нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній“. Ито и се—вогь идея автора касательно вліянія школьныхъ направлений на религіозныя движенія IV и V вѣка, или если угодно: ни то ни се. Иногда онъ объявляетъ, что объясненіе догматическихъ движеній дѣйствіемъ школъ (александрійской и антioxійской) выдуманно нѣмцами: эти послѣдніе де разсматриваютъ древнюю Церковь съ точки зрѣнія школъ, существующихъ въ протестанствѣ, свои домашнія дразги перенесли въ исторію древнихъ временъ, тамъ стали отыскивать обнаруженіе такихъ же школьныхъ разногласій, какія сплошь и рядомъ встрѣчаются въ средѣ ихъ самихъ. Критикъ пишетъ: „объясненіе явленийъ религіозной жизни исключительномъ (къ чему же *исключительнымъ*? кто говоритъ о такомъ?) вліяніемъ школьныхъ доктринъ и направлений можетъ имѣть свой особенный (?) смыслъ въ нѣмецкомъ протестанствѣ, гдѣ дѣйствительно разнообразіе религіозной жизни иногда опредѣляется главнымъ образомъ школьными доктринами, слагающимися въ различныхъ богословскихъ факультетахъ. Но едва ли можно жизнь древней Церкви объяснять идеями, взятыми съ раз-

витія новѣйшаго протестантства“ (33 прим.). А иногда критикъ самъ себя опровергаетъ, устраняя сейчасъ данное объясненіе, именно когда даетъ разумѣть, что и безъ какихъ нибудь школьныхъ протестантскихъ разногласій раздѣленіе въ средѣ греческаго христіанскаго общества можно объяснять кореннымъ характеромъ Грековъ. Къ чему въ самомъ дѣлѣ допускать, что нѣмцы умышленно ищутъ копію своихъ школьныхъ раздѣленій въ древней Церкви, когда такое раздѣленіе лежало въ самомъ характерѣ Грековъ? Критикъ пишетъ: „Греки — народъ живой, даровитый, страстный—издавна были склонны къ увлеченію общими вопросами, къ спорамъ и раздѣленію на партіи по поводу ихъ. Это сказалося въ древней Греціи въ разнообразіи и спорахъ философскихъ школъ, возникшихъ тамъ. Это сказалося у Грековъ и въ христіанствѣ съ самаго начала распространенія его. Это сохранилось у Грековъ, сильно уже измѣнившихся въ своихъ племенныхъ свойствахъ до самаго конца ихъ политической самостоятельности“ (14. 15). Вотъ здѣсь то и нужно искать объясненія школьныхъ раздѣленій въ средѣ христіанскаго общества и IV вѣка, тѣмъ болѣе, что извѣстно (а это не опровергаетъ и критикъ), что александрійская школа становилась подъ знамя Платона, а антїохійская — Аристотеля. Споры школъ христіанскихъ представляютъ собой видоизмѣнившееся продолженіе споровъ философскихъ древней Греціи... Да и напрасно о. Иванцовъ полагаетъ, что одни нѣмцы *протестанты* объясняютъ вліяніемъ школъ развитіе религіозныхъ движеній IV и V вѣка. Это невѣрно. Нѣмцы - католики поступаютъ точно такъ же. Не перечисляя многихъ именъ, упомянемъ тѣ, кои сами приходятъ на умъ, разумѣмъ I. Гергенрѣтера, автора извѣстнаго сочиненія о патріархѣ Фотіи, который несмотря на кардинальскую шапку,

данную ему Шиёмъ IX, преспокойно толкуетъ такъ же о школахъ, какъ и протестанты, Теодора Кина, тоже католика, который выставляетъ взаимное противорѣчiе школь, какъ условiе вызывавшее споры, который признанiе различiя въ школахъ возводитъ въ принципъ, другаго Гергенрётера Ф. (кажется Филиппа), допускающаго борьбу (Kampf) между александрийцами и антиохійцами. Безъ сомнѣнiя, если говорятъ другiе и самъ критикъ о школахъ александрийской и антиохійской, то конечно между ними должно быть какое нибудь различiе. Это различiе не могъ не признавать и критикъ, но только объ этомъ различiи онъ разсуждаетъ какъ-то своеобразно: то утончаетъ его сводя къ нулю, то допускаетъ его въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ. Прямоты въ сужденiяхъ не ищите у критика. Такъ, онъ то—допускаетъ различiе школь только въ направленiи и методѣ, то — нѣтъ, то проводитъ это различiе и еще дальше. Онъ напр. разсуждаетъ: „когда берутся описывать признаки, характеризующiе различныя богословскiя школы, въ иныхъ случаяхъ эти различiя сводятся только къ особенностямъ направленiй и методовъ, въ иныхъ же случаяхъ распространяются и на самыя воззрѣнiя, господствовавшiя въ этихъ школахъ. Это далеко не одно и тоже. Если первое — различiе въ направленiи и методѣ различныхъ школь—есть дѣло извѣстное, то послѣднее—различiе въ самыхъ воззрѣнiяхъ религиозныхъ едва ли можетъ быть доказано“ (24 слича 128). А чрезъ двѣ-три страницы тотъ же критикъ отрицаетъ разницу между школой александрийской и антиохійской даже въ самомъ общемъ, въ направленiи. „Если брать во вниманiе только главныя и наиболѣе характерныя школы—александрийскую и антиохійскую—нельзя слишкомъ противопологать ихъ одна другой не только въ частныхъ богословскихъ воззрѣнiяхъ,

но и въ общемъ *направленіи* богословствованія“ (36). Но и на этомъ дѣло не кончается. Какъ бы снова передумавъ и рѣшивъ вопросъ иначе критикъ внушаетъ читателю: „иногда различіе школьныхъ вліяній не ограничивалось разнообразіемъ направленій и методовъ (значить разница въ направленіи паки существуетъ!), но выражалось и въ раздѣленіи мнѣній по извѣстнымъ богословскимъ вопросамъ“ (значить частныя воззрѣнія по частнымъ вопросамъ тоже существовали!) (40). Словомъ, выходитъ, что школы разнились и въ общемъ *направленіи* и въ самыхъ *воззрѣніяхъ* религіозныхъ. Чистое наказаніе читать и уяснять себѣ мнѣнія о. Иванцова. Доходитъ дѣло до того, что о. Иванцовъ скажетъ какую нибудь мысль о школахъ, и затѣмъ сейчасъ уступленіе: *хотя*; такихъ неприятныхъ для читателя: *хотя*, особенно много на стран. 40. Но при всей невыясненности и неустойчивости въ воззрѣніяхъ на школы, есть всё основанія *предполагать*, что отсутствіе различія въ школахъ для Иванцова на первомъ планѣ, а существованіе различія на второмъ. По крайней мѣрѣ о. Иванцовъ такъ усердно собираетъ возраженія противъ различія школъ, что его мнѣніе въ концѣ концовъ, хотя и не безъ труда, хотя и съ большими сомнѣніями, но уясняется. Однимъ изъ такихъ возраженій служитъ для него вотъ какой фактъ: „въ извѣстныхъ оригенистическихъ спорахъ конца IV вѣка (правильнѣе начала V вѣка) защитникомъ памяти великаго александрійскаго учителя и покровителемъ его учениковъ (?) является антиохіецъ — по происхожденію, воспитанію и направленію — Іоаннъ Златоустый, а противникомъ и преслѣдователемъ александріецъ Теофиль“ (31). Значить, послѣдователи одной школы не представляли изъ себя какой-либо партіи и представители противоположнаго направленія не всегда

являлись другъ для друга друзьями на сценѣ исторической. Фактъ безусловно справедливъ. Но изъ него ничего не слѣдуетъ для вопроса: дѣйствительно ли не было различія и строгаго различія между представителями школъ александрійской и антиохійской. Теофилъ александріецъ гвалтъ и преслѣдовалъ то же александрійцевъ-оригенистовъ не за то, что они были оригенисты, а за другое—нѣчто личное и частное; Златоустый принимаетъ подъ свое покровительство оригенистовъ не потому, что они были послѣдователями Оригена, а потому, что они были несчастными людьми, которымъ не могъ отказать въ помощи любвеобильный архипастырь; Теофилъ преслѣдовалъ оригенистовъ, но это не мѣшало ему увлекаться чтеніемъ сочиненій Оригена и послѣ борьбы его съ указанными оригенистами, а Златоустый и послѣ оказанія помощи этимъ лицамъ не думалъ зачитываться Оригеномъ, какъ не зачитывался имъ и прежде. Значить школы здѣсь совсѣмъ не причемъ; примѣръ выбранъ не удачно. Удачнѣе подобраны другіе частные примѣры, доказывающіе мысль о. Иванцова, что школы и ихъ представители не составляли собой какихъ нибудь двухъ міровъ, не имѣющихъ между собою никакого общенія (37—39) ¹⁾.

¹⁾ Примѣры, которые могли бы усиливать его мысль, далеко не исчерпаны критикомъ. Ему кажется остается неизвѣстенъ самый поразительный примѣръ общенія представителей двухъ школъ—александрійской и антиохійской, именно онъ не сослался на тотъ фактъ, что Феодоръ мопсуецкій (именно этотъ главный вождь школы антиохійской) пишетъ одинъ комментарий для Кирилла александрійскаго, быть можетъ по его просьбѣ, для Кирилла, неблагоклонность котораго къ школъ антиохійской извѣстна (Kihn. Theod. von Mops. S. 55). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ приведенныхъ критикомъ фактовъ могутъ имѣть и другое толкованіе, помимо того, какое даетъ имъ онъ самъ. Значеніе ихъ условное. А главное, никто и не утверждаетъ, что школы и ихъ представители находились какъ бы въ неискоренимой враждѣ между собою, были что называется на ножахъ. Этого никто не утверждаетъ, а слѣд. факты, извѣс-

Какъ ни мало отчетливости и научной простоты въ разъясненіяхъ о. Иванцова по поводу характера школъ александрійской и антійхійской, однакожь несомнѣнно, что различіе между ними онъ сводитъ къ методу толкованія Св. Писанія, къ общимъ принципамъ, которые высказывались въ богословскихъ трудахъ, вышедшихъ изъ той и другой школы, — въ особенностяхъ направленія, но не думаетъ соглашаться съ мнѣніемъ, что различіе простиралось и дальше, что оно породило своеобразныя частныя воззрѣнія у представителей школы александрійской и антїохійской. Такихъ воззрѣній, раздѣлявшихъ школы, о. Иванцовъ во всякомъ случаѣ не видитъ во времена аріанскихъ движеній (128). Позволимъ себѣ не согласиться съ подобнымъ сужденіемъ о. Иванцова и постараемся наоборотъ доказать, что существовало даже въ IV вѣкѣ между представителями школъ различіе и въ религиозныхъ воззрѣніяхъ, — которыя ставили школы въ извѣстнаго рода противоположность одна къ другой. Разумѣется, поскольку эти воззрѣнія не доходили до крайностей; иначе они были бы ужъ не просто воззрѣніями религиозными, а ересями и заблужденіями.

Но прежде чѣмъ сдѣлать это, слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: на основаніи какихъ документовъ и сочиненій мы будемъ характеризовать ту и другую школу по ихъ особенностямъ въ воззрѣніяхъ. Для школы александрійской (IV вѣка) источники свѣдѣній извѣстны и они безспорны. Таковы сочиненія Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія нисскаго, и эти источники болѣе, чѣмъ доста-

ленные критикомъ на указанныхъ страницахъ доказываютъ только, что противоположность школъ не предрасполагала къ коренной враждѣ между личностями, не исключала и добрыхъ отношеній между ними въ житейскихъ сношеніяхъ, не закрывала для учениковъ одной школы достоинствъ въ ученыхъ, принадлежащихъ къ другому лагерю.

точные для цѣли. Но вопросъ нѣсколько усложняется, когда приходится дать себѣ отчетъ: на какихъ источникахъ можно основать характеристику воззрѣній школы антиохійской. Хотя писателей, принадлежавшихъ къ школѣ антиохійской было и не мало во времена арианства, но отъ нихъ осталось мало сочинений, правильнѣе: мало изъ нихъ дошло до насъ. Притомъ же есть писатели, о которыхъ можно спорить: нужно ли ихъ причислять къ школѣ антиохійской, не слѣдуетъ ли ихъ скорѣе причислять къ другой школѣ? Наконецъ есть документы, относительно которыхъ можетъ возникать сомнѣнiе: точно ли они имѣютъ какое либо отношенiе къ школѣ антиохійской? Конечно въ подробности здѣсь нѣтъ возможности вдаваться. Выскажемъ, что нужно сказать, въ самыхъ короткихъ словахъ. Для характеристики антиохійской школы намъ послужатъ прежде всего нѣкоторые остатки отъ сочиненiй Евстаѳiя и Мелетiя епп. антиохiйскихъ, принадлежность которыхъ къ антиохiйской школѣ не отрицаетъ и о. Иванцовъ. Затѣмъ, для той же цѣли послужатъ намъ, сохранившiяся до насъ, свидѣтельства (у Θεодорита) о изуствномъ и письменномъ ученiи Флавiана еп. антиохiйскаго, принадлежность котораго къ школѣ антиохiйской не подлежитъ сомнѣнiю, а также отрывки изъ сочиненiй Евсевiя епископа, котораго историки единогласно относятъ къ антиохiйцамъ и даже поставляютъ его во главѣ этой школы средины IV вѣка. Далѣе для указанной цѣли мы воспользуемся писанiями Кирилла Иерусалимскаго. На какомъ основанiи? Быть можетъ онъ принадлежалъ къ александрийской школѣ, какъ, безъ всякихъ впрочемъ основанiй, полагаетъ о. Иванцовъ? Точное слѣдованiе Кирилла буквальному смыслу св. Писанiя (аллегорiя для него не имѣетъ особой привлекательности, хотя онъ и не избѣгаетъ ея); аналитическiй спо-

собѣ раскрытія христіанскихъ истинъ; отсутствіе какихъ бы то ни было слѣдовъ вліанія на него Оригена (въ это время александрійцы свою принадлежность къ александрійской школѣ всегда заявляли болѣе или менѣе открыто заявленнымъ сочувствіемъ Оригену): объ Оригенѣ у него нѣтъ сочувственнаго упоминанія, напротивъ онъ осуждаетъ мнѣнія Оригена; отсутствіе формулъ догматическихъ, любимыхъ въ средѣ александрійцевъ, и напротивъ употребленіе въ его сочиненіяхъ формулъ антиохійскаго характера (какъ это увидимъ сейчасъ при изложеніи его ученія); ясная принадлежность къ кружкамъ богослововъ несомнѣнно антиохійскаго характера (Епифаній ставитъ его въ одну группу съ Аніаномъ еп. антиохійскимъ и Георгіемъ лаодикійскимъ, не имѣвшими общенія съ александрійцами и враждовавшими противъ нихъ ¹⁾), — все это заставляетъ причислять Кирилла къ антиохійцамъ. Наконецъ къ числу антиохійцевъ его относятъ и нѣмецкіе какъ католическіе (Ф. Гергенретеръ), такъ и протестантскіе писатели (Куртцъ) ²⁾. Каждого изъ вышеуказанныхъ лицъ считаемъ антиохійцами въ широкомъ смыслѣ: не потому что они учились въ

¹⁾ Многими древними писателями Кириллъ причислялся къ арианамъ. Такъ поступили не только Сократъ, Созоменъ и Иеронимъ, — о чемъ знаетъ о. Иванцовъ, стр. 137, — но и Епифаній и Руфинъ — о чемъ нашъ критикъ кажется не знаетъ (см. Migne, t. 33, *testimonia veterum*: здѣсь же цитуются и вышеприведенное свидѣтельство Епифанія). Но слѣдуетъ ли изъ этихъ довольно настойчивыхъ свидѣтельствъ, что Кириллъ дѣйствительно былъ арианомъ? Не думаемъ. Нужно полагать, что его тяготѣніе къ кружкамъ антиохійцевъ, между которыми не было арианъ, давало поводъ древнимъ писателямъ прямо причислять его къ арианамъ.

²⁾ Въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій Кириллъ дѣлаетъ очень оригинальное толкованіе притчи Христовой о погибшей овцѣ изъ числа ста, толкованіе оригинальное (Твор. Кир. въ рус. пер. стр. 266—267), но въ то же время весьма сходное съ толкованіемъ той же притчи извѣстнымъ учителемъ антиохійской школы Аванасіемъ анazarвскимъ (Твор. Ав. Вел. III, 127). Ужъ не былъ ли Кириллъ дѣйствительнымъ ученикомъ этого антиохійца? дѣло не невозможное.

антиохійскомъ училищѣ, а потому что они выдерживали въ своихъ воззрѣніяхъ одно и тоже антиохійское направленіе. Мы такъ же воспользуемся для своей цѣли символами, составленными антиохійскими соборами. Кромѣ того, что эти символы возникли въ Антиохіи и слѣдовательно подъ вліяніемъ богословствованія, имѣвшаго мѣсто въ этомъ городѣ, а отъ имени этого города именно и названо рассматриваемое направленіе—антиохійскимъ, одинъ изъ первыхъ символовъ, послужившихъ образцемъ для прочихъ антиохійскихъ символовъ былъ символъ, какъ выдавали члены соборовъ антиохійскихъ, Лукіана, основателя школы. Для насъ очень важно знать, что составители символовъ, поставляли себя въ связь съ однимъ изъ важнѣйшихъ антиохійцевъ, Лукіаномъ основателемъ школы.—Вотъ тѣ источники, какіе послужатъ къ раскрытію идей антиохійской школы временъ арианскихъ.

Ученіе о Св. Троицѣ—чрезвычайно важный пунктъ догматики христіанской—въ каждой изъ указанныхъ двухъ школъ отъѣнялся такъ, что представитель одной школы не могъ повторять (или довольствоваться приведеніемъ) употребительнѣйшихъ формулъ другой школы, не чувствуя ихъ необычности или недостаточности для себя. Въ символѣ антиохійскомъ 341 года (извѣстнымъ съ именемъ Лукіана) вотъ какъ говорится о Св. Троицѣ: „исповѣдуемъ Отца, истинно сущаго Отца, Сына, истинно сущаго Сына, Св. Духа, истинно сущаго Св. Духа, такъ что не просто и не напрасно полагаются сіи имена, но означаютъ въ точности собственную (*διεῖαν-ἰδίαν*) каждого изъ именуемыхъ Упостась, Его чинъ и славу; почему по Упостаси три, а по согласію Единъ“ (т. е. Богъ) (Твор. Афан. III, 136). Въ символахъ антиохійскихъ Сыну Божію настойчиво приписывается „самостоятельное

бытіе“ (*καθ' εαυτὸν εἶναι*). Такъ эта мысль развивается въ символѣ антиохійскомъ 344 года (*ibid.* 143). Эта мысль о „самостоятельномъ бытіи“ Сына Божія тщательно уясняется въ сохранившихся сочиненіяхъ Мелетія антиохійскаго. Вотъ его слова: „будемъ исповѣдывать, что Сынъ Божій есть Богъ отъ Бога. Онъ (Сынъ) не существуетъ въ другомъ такъ, чтобы не существовалъ Самъ по себѣ. Сынъ не чуждъ личности и самостоятельнаго бытія, почему писаніе употребляетъ два выраженія: твореніе и рожденіе; выраженія: *созда* и *роди* не означаютъ того, чтобы объ одномъ и томъ же было сказано, повидимому, противоположное; но словомъ: *созда* означается то, что Сынъ есть ипостасный и вѣчный, а словомъ *роди* отличие и особое свойство Единороднаго“²⁾. Флавіанъ еп. антиохійскій ревностно утверждаетъ истину „о трехъ ипостасяхъ“ Св. Троицы и съ настойчивостью опровергаетъ тѣхъ, кто, какъ казалось ему, недостаточно твердо исповѣдуетъ эту истину, уклоняясь къ заблужденію, сливающему три Ипостаси (Θεοдоритъ. Ист. V. 3). Характеристично для антиохійской школы такъ же то, что въ ней въ это время явно избѣгали называть Духа Св. Богомъ, а довольствовались, когда приходилось говорить о Духѣ Св., изреченіями, взятыми прямо изъ Писанія: „Утѣшитель“ и пр. Такъ это находимъ во всѣхъ символахъ антиохійскихъ. (Говоря о символахъ антиохійскихъ, мы беремъ изъ нихъ такія изреченія, которыя, будучи характеристичны для антиохійскаго направленія, въ тоже время не заключаютъ въ себѣ прямыхъ аріанскихъ тенденцій). У Кирилла іерусалимскаго мысли о Св. Троицѣ близко подходятъ къ мыслямъ подлинно антиохійскаго направленія. Онъ

¹⁾ Твор. Епифанія въ рус. пер. ч. IV, 349. 351.

останавливается на раскрытіи Ипостасности Сына и принимаемъ предосторожности противъ возможности сліянiя Отца и Сына. Онъ пишетъ: „Слово ипостасное и живое, по ипостаси рожденное. Не сказалъ (Христось): Я и Отець одно и тоже, но: *Азъ и Отець едино есма*, чтобы не отчуждали Сына отъ Отца и не производили слитности понятіемъ о сыноотечествѣ“. Любопытно его толкованіе слова: *едино*. Единеніе относится у него не къ сущности, а къ произволенію и дѣйствию. „Едино, потому что нѣтъ между Ними никакого разногласiя и раздѣленiя, не иныя изволенiя у Отца, а иныя у Сына; *едино*, потому, что не иныя созданiя Христовы, а иныя Отчiя“¹⁾. Кирилль весьма часто называетъ Духа святаго „самостоятельнымъ“ и съ большою точностію описываетъ его ипостасность. „Духъ Св. самостоятеленъ, живъ“²⁾. Онъ „живый и самостоятельный, всегда соприсущъ Отцу и Сыну, не устами и гортанью Отца и Сына изрекаемый или выдыхаемый и въ воздухъ разливающийся, но ипостасный, самъ глаголющій и дѣйствующій“³⁾. Кирилль отказывается изслѣдовать вопросъ о еществѣ Духа Святаго и подобно другимъ антиохійцамъ довольствуется въ отношеніи къ Духу Св. оборотами, какіе указаны Св. Писаніемъ. Кирилль говоритъ: „о еществѣ же или ипостаси не любопытствуй. Если бы написано было, сказали бы мы, а чего не написано не осмѣлимся говорить“. И при другомъ случаѣ тотъ же Кирилль пишетъ: „Самъ Духъ Св. изглаголалъ Св. Писаніе, Самъ о Себѣ изрекъ, что было Ему угодно или что мы можемъ вмѣстить, посему да будетъ сказано, что

1) Твор. Кирилла іерус. въ рус. пер., стр. 157, 161.

2) Ibid. 299.

3) Ibid. 302.

Онъ изрекъ, а чего не изрекъ о томъ и говорить не отважимся“¹⁾).

Писатели александрійскаго направленія возвращались въ другомъ кругу воззрѣній. Если для антиохійцевъ на первомъ планѣ было ипостасное различіе лицъ Св. Троицы, то для александрійцевъ на первомъ планѣ выступаетъ ихъ единство, нераздѣльность и единосущіе. Начнемъ съ Аѳанасія. Этотъ великій александріецъ говоритъ: „Троица нераздѣльна и есть едина сама съ собой. Когда именуется Отецъ присущи Ему и Слово Его и въ Сынѣ Духъ. И если именуется Сынъ, то въ Сынѣ есть Отецъ и Духъ не внѣ Слова“ (Вс. Соб. IV и V в., стр. 96). Василий Великій мыслить подобно Аѳанасію. Онъ говоритъ: „кто представилъ въ умѣ Отца, тотъ представилъ и Его въ Немъ Самомъ и вмѣстѣ объялъ мыслию Сына. А кто имѣетъ въ мысли Сына, тотъ не отдѣляетъ отъ Сына и Духа, но относительно къ порядку послѣдовательно, относительно же къ естеству соединенно, впечатлѣваетъ въ себѣ во едино слиянную вѣру въ Три лица“ (ibid.). Тотъ же Василий пишетъ: „не раздѣлимъ нераздѣлимаго, не разсѣкай не разсѣкаемаго. Ибо Св. Троица есть свитая вервь (σπειρα) и достоитима въ вѣчной и единой славѣ, вездѣ имѣетъ одно и тоже единое Божество, неразрывна, не разсѣкаема, нераздѣльна“ (Твор. ч. III. 219). Онъ прямо называетъ Духа Святаго „единосущнымъ Отцу и Сыну“ (Вс. Соб. стр. 96). Григорій Богословъ единеніе Лицъ Святыя Троицы исповѣдуетъ съ такою же рѣшительностію, какъ Аѳанасій и Василий. Онъ на-

¹⁾ Ibid. 292. 275. Вышеуказанныя мысли антиохійцевъ въ значительной мѣрѣ можно находить и у позднѣйшихъ представителей этой школы, напр. у Ѳедора монсуецкаго. Этотъ писатель тоже ярко отдѣляетъ ипостасное бытіе лицъ Св. Троицы, какъ будто даже въ ущербъ для ученія о единосущіи. (См. Kihn, Theod. von Mops. S 396).

примѣръ пишетъ: „Сынъ не Отецъ, потому что Отецъ одинъ, но тоже, что Отецъ. Духъ не Сынъ, хотя и отъ Бога, потому что едиnorodный одинъ, но тоже, что Сынъ. И Три едино по Божеству“ (Твор. ч. III. 110). Тотъ же Григорій съ особеннымъ удареніемъ провозглашаетъ „Духъ, выслушайте это, исповѣдуется Богомъ“. „Я восклицаю: Духъ (Св.) есть Богъ“ (Вс. Соб. IV и V в., 136—7). Григорій нисскій стоитъ въ своихъ воззрѣніяхъ на Троицу на той же точкѣ зрѣнія. Онъ писалъ: „исповѣдуемъ, что Духъ Св. равночестенъ съ Отцемъ и Сыномъ, такъ что между ними нѣтъ никакого различія ни въ чемъ, что мыслится и говорится относительно Божескаго естества“ (ibid. 97). Полагаемъ, теперь различіе въ воззрѣніяхъ между антиохійцами и александрійцами по одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ догматики ясно. Антиохійцы обращали свое вниманіе при раскрытіи ученія о Св. Троицѣ на Упостасное различіе Лиць Божества, а александрійцы преимущественно разъясняли существенное единеніе Лиць Св. Троицы. Тѣ въ большинствѣ случаевъ въ затруднительныхъ вопросахъ касательно этого догмата довольствовались библейскими изреченіями, а эти выпренне богословствовали, не находя для себя препятствій въ томъ случаѣ, если Св. Писаніе своею буквою не давало данной истины, но вело къ ней изслѣдователей своимъ содержаніемъ и духомъ. Разница между антиохійцами и александрійцами вообще сводилась къ тому, что хотя александрійцы и не чуждались тѣхъ воззрѣній на догматъ о Троицѣ, какія преимущественно раскрывались у антиохійцевъ, но на этомъ они не останавливались, а позволяли себѣ вносить и своеобразныя воззрѣнія; антиохійцы же крѣпко держались тѣхъ представленій о догматѣ, какія у нихъ были въ особенномъ употребленіи, и *никогда* не позволяли се-

бѣ тѣхъ формулъ, въ какихъ александрійцы выражали учение о ближайшемъ единеніи Лиць Св. Троицы, потому безъ сомнѣнія, что эти формулы казались странными для ихъ богословской мысли. Такъ было по крайней мѣрѣ во времена до II вс. собора.

Такую же разность въ воззрѣніяхъ антиохійцевъ и александрійцевъ можно наблюдать и въ ученіи о Богочеловѣкѣ, по вопросамъ христологическимъ. Въ своей диссертациі мы утверждали, что антиохійская школа „съ особеннымъ вниманіемъ разработывала вопросъ о человѣческой природѣ Христа. Ибо задача этой школы съ самаго начала ея существованія состояла въ томъ, чтобы утвердить учение о полной, всецѣлой человѣческой природѣ Христѣ, такъ сказать уравновѣсить въ Немъ элементъ естественный и сверхъестественный. Идеализмъ же александрійцевъ, какъ мы замѣчали, приводилъ ихъ въ ихъ созерцаніяхъ къ перевѣсу Божественнаго надъ естественнымъ“, когда они углублялись въ раскрытіе ученія о Богочеловѣкѣ (Вс. Соб. IV и V в. стр. 68). Такъ оно и было, притомъ встрѣчаемъ это явленіе еще до времени развитія несторіанскихъ споровъ, еще въ IV вѣкѣ. Различать два естества въ Богочеловѣкѣ, указывать ихъ отличительныя свойства считаетъ своей особенной задачей Евстаѳій епископъ антиохійскій. Онъ напримѣръ говоритъ: „не Слово Божіе, котораго Богъ родилъ изъ Себя, чрезъ котораго сотворены ангелы и небеса, но челоѣкъ Христа (*ἄνθρωπος τοῦ Χριστοῦ*), воскресенный изъ мертвыхъ, возвышается и прославляется“¹⁾. Евсевій епископъ емисскій, приверженецъ ан-

¹⁾ Migne. Patr. curs. Gr. Ser. t. 18. (Eustathius) p. 685. У Евстаѳія ясно доказывается различіе двухъ естествъ во Христѣ и притомъ очень настойчиво, а мысль о ипостасномъ соединеніи естествъ во Христѣ довольно сильно опровергается. Такъ отличая во Христѣ „помазующаго“ (Бога) отъ „помазанника“ (человѣка), Евстаѳій

тіохійской школы, одинъ изъ очень важныхъ представителей ея, по свидѣтельствамъ Θεодорита, извѣстенъ былъ выдѣленіемъ, раздѣльнымъ представленіемъ двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ и въ этомъ отношеніи служилъ для позднѣйшихъ антиохійцевъ образцомъ ¹⁾. А Флавіанъ епископъ антиохійскій считается въ числѣ лицъ, подготовлявшихъ ту специфическую догму, которая отличала антиохійцевъ во времена Кирилла александрійскаго. Онъ напр. училъ такъ: „человѣческое естество сопрягается съ Божественнымъ (συνάπτεται — терминъ Θεодора и Несторія), причемъ каждое естество остается само по себѣ“ ²⁾. Кириллъ іерусалимскій человѣчество Христа описываетъ въ яркихъ чертахъ, не склоняясь къ мысли о тѣснѣйшемъ единеніи естествъ въ Богочеловѣкѣ. Онъ многократно говорить

замѣчаетъ: „помазанникъ получалъ пріобрѣтенную добродѣтель“ (ἐπίχριστον ἀρετήν) Ibid 687—8. Онъ весьма часто называетъ человѣческое естество Христа въ отличіе отъ Божественнаго „храмомъ“ (ναός), „палаткой“ (σκηνή). А опровергая мысль о сліяніи естествъ во Христѣ тотъ же антиохіецъ говоритъ: „если Павелъ возмѣщаетъ, что распятъ былъ Господь Славы (1 Кор. II, 8), то онъ имѣетъ въ виду человѣческое естество Его, ибо не должно приписывать страданіе естеству Божественному“ (р. 681—2). У Евставія по вопросу о лицѣ Богочеловѣка нельзя встрѣтить ни одного изъ выраженій, столь свойственныхъ и характерныхъ для школы александрійской. (О ней см. выше).

¹⁾ Herzog. Encykl. V. I (Antioch. Schule) 455; V. IV: 399 (Eusebius von Emesa). Евсевій, напрымѣръ, рассуждалъ такъ: Христосъ пришелъ спасти нашу природу, не принося ущерба для Своей. Если я скажу, что верблюдъ летаетъ, то вы тотчасъ найдете это нелѣпнымъ, потому что это не соотвѣтствуетъ природѣ, и сдѣлаете хорошо. Если я скажу, что люди живутъ въ морѣ, то вы не снесете этого, и вы опять поступите хорошо. А также, если я скажу, что та Сила (Δύναμις=Божество), которая отъ вѣка, которая есть природа безтѣлесная, и достоинствомъ не подлежащая страданію, которая у Отца, одесную, въ славіи, если я скажу, что эта природа страдаетъ, не заградите ли вы уши ваши? Тѣло (во Христѣ) подлежало страданіямъ и эти страданія я отношу къ Тому, кто обиталъ въ тѣлѣ, подобно тому какъ бросающій камень въ статую императора, наноситъ оскорбленіе самому императору“. (Theodoret) Opera (Eranistes), t. IV, p. 173—174. Paris 1642.

²⁾ Herzog ibid. V. 1., 456. См. вышецитированное сочиненіе Θεодорита, р. 106. Conf. 167.

о томъ, что Христосъ немечтательно, но дѣйствительно родился и распятъ; естество человѣческое Христа считаетъ вполне единосущнымъ нашему, человѣческому, такъ онъ замѣчаетъ: „Спаситель принявъ на себя подобострастное намъ, чтобы съ большимъ удобствомъ научены были люди“¹⁾). Въ особенности ясно Кириллъ отличаетъ два естества во Христѣ, когда описываетъ дѣйствіе Духа Святаго на человѣчество Христа, описываетъ такъ, какъ описываютъ это дѣйствіе позднѣйшіе антиохійцы. „По изъясненію нѣкоторыхъ, говоритъ онъ, начатки и преимущественные дары Святаго Духа, сообщаемые крещаемымъ, должны были сообщиться человѣчеству Спасителя, подающаго такую благодать“²⁾).

Какъ смотрѣли съ своей стороны александрійцы на соединеніе естествъ въ Богочеловѣкѣ, чѣмъ ихъ мысли разнились отъ мыслей антиохійцевъ, это довольно ясно станеть, если мы приведемъ ихъ изреченія, въ которыхъ они настаиваютъ на самомъ тѣсномъ общеніи естествъ Божескаго и человѣческаго Христа, при которомъ (общеніи) раздѣленіе естествъ отступаетъ на второй планъ, въ отличіе отъ антиохійцевъ. Аѳанасій Великій говорилъ: „Въ Христѣ видимое тѣло было тѣломъ не человѣка, но Бога“. Единеніе природъ и ихъ дѣйствій было во Христѣ такъ тѣсно, что немощи тѣла какъ бы стали немощами самой Божественной природы. Аѳанасій пишетъ: „Слово носило на Себѣ немощи плоти, какъ собственныя, потому что плоть сія была Его“. „Слово содѣлалось человѣкомъ и Себѣ усвоило свойственное плоти“. И о смерти Христа Аѳанасій пишетъ: „произошла смерть, тѣло пріяло

¹⁾ Твор. его, стр. 177.

²⁾ Ibid. стр. 304. Можно было бы привести еще нѣсколько характеристическихъ христологическихъ положеній изъ символовъ антиохійскихъ, но ради краткости рѣчи не дѣлаемъ этого.

оную по естеству, и Слово потерпѣло по изволенію“. Мысли Григорія Богослова о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ весьма сходны съ Аеанасіемъ. Соединеніе естествъ, по сужденію Григорія, преобладаетъ надъ различіемъ, раздѣленіемъ ихъ во Христѣ. Вотъ слова Григорія: „дольній человѣкъ сталъ Богомъ, послѣ того какъ соединился съ Богомъ и сталъ съ Нимъ едино, потому что препобѣдило лучшее“. Естества во Христѣ такъ объединились, по ученію Григорія, что одно въ другомъ какъ бы срастворились, одно перешло въ другое. „Въ Спасителѣ есть иное и иное (Божество и человѣчество различныя по качествамъ), но то и другое въ сраствореніи,—и Богъ вочеловѣчился и человѣкъ обожился, или какъ не именоваль бы сіе кто“. Мысли Богослова повторяетъ и Григорій нисскій и притомъ съ особенною выразительностію; онъ допускалъ самое близкое единеніе природъ во Христѣ. Человѣчество срастворилось, преложилось, смѣшалось съ Божествомъ и составило съ Нимъ одну сущность. Григорій говоритъ: „неможное (тѣло) чрезъ сраствореніе съ безпредѣльностью уже не осталось въ свойственной себѣ мѣрѣ и качествахъ, но вознесено десницею Божіею и стало вмѣсто человѣка Богомъ“. „Плоть, срастворенная съ Божествомъ, уже не остается болѣе въ своихъ предѣлахъ и при своихъ качествахъ, но подымается до Того, Кто подымлетъ все“. „И такимъ образомъ совершилось неизреченное смѣшеніе и соединеніе, связавшее человѣческую малость съ Божіимъ величіемъ“. „Во Христѣ человѣческое естество преложилось и претворилось къ Божескому“ (см. подробнѣе Вс. Соб. IV и V вѣка, 84—87). — Чѣмъ отличаются мысли александрійцевъ отъ мыслей антиохійцевъ — по вопросу о Богочеловѣкѣ и соединеніи двухъ естествъ въ Немъ, это кажется само собой ясно и понятно. Александ-

рійцы держались воззрѣній о самомъ близкомъ и тѣсномъ соединеніи естество въ Христѣ, антиохійцы же никакъ не хотѣли выпускать изъ вниманія различія естество въ Христѣ и говоря о соединеніи естество въ Христѣ постоянно раскрывали истину о цѣлостности и полнотѣ каждой изъ природъ во Христѣ. Александрійцы не рѣдко раскрывали и мысль о несліянномъ соединеніи естество въ Христѣ: это не представлялось ни малѣйшимъ противорѣчіемъ съ ихъ воззрѣніями; напротивъ антиохійцы, настаивая на цѣлости и несліянности естество, въ то же время *никогда* не позволяли себѣ говорить о такомъ тѣсномъ соединеніи естество, о которомъ часто и рѣшительно богословствовали александрійцы.

Сказаннаго, кажется, довольно для того, чтобы утверждать, что воззрѣнія александрійцевъ и антиохійцевъ не вполне совпадали одни съ другими: въ ихъ богословствованіи замѣчается предѣлъ, за который одни смѣло переходили, находя не позволительнымъ останавливаться предъ нимъ, а другіе доходили до этого предѣла и считали неумѣстнымъ, опрометчивымъ идти дальше. Со временъ Θεодора мопсуетскаго и до конца послѣдняго періода въ исторіи антиохійской школы можно было бы найти въ ней и еще больше разницы въ воззрѣніяхъ, по сравненію съ школой александрійской, но мы не пойдемъ такъ далеко, тѣмъ болѣе, что самъ о. Иванцовъ, *кажется*, признаетъ существованіе различія въ воззрѣніяхъ у антиохійцевъ и александрійцевъ позднѣйшаго времени, эпохи христологическихъ споровъ (стр. 40).

Итакъ мы видѣли, какъ опредѣляетъ о. Иванцовъ, общій характеръ школъ—александрійской и антиохійской, познакомились съ его взглядами на сходство и различіе этихъ двухъ направленій, на то, въ чемъ выражалось это различіе и какъ далеко заходило,—

все это мы обозрѣли и по возможности оцѣнили, но на этомъ еще рѣчь не кончается о школахъ у о. Иванцова. Онъ задается еще вопросомъ преимущественно теоретическаго свойства: какія достоинства и недостатки имѣла каждая изъ двухъ школъ? какая изъ нихъ болѣе послужила прогрессу (это слово критика) христіанскаго богословія? Вопросы чисто русскіе. Сколько знаемъ въ болѣе опытной и солидной литературѣ западной такихъ вопросовъ себѣ не предлагаютъ ученые. И это очень понятно. Вѣдь это тоже, что разсуждать: о наилучшемъ времени года, о счастливѣйшемъ возрастѣ жизни человѣческой и т. д. Въ сущности разсужденія о. Иванцова сводятся къ разрѣшенію дилеммы: что лучше синтезъ или анализъ въ наукѣ?! Неудивительно, если разсужденія о. Иванцова выходятъ довольно курьезны и, какъ часто случается съ нимъ, неопредѣленны, шатки и противорѣчивы.

Сначала критикъ указываетъ, что и то и другое направленіе богословствованія отличалось достоинствами, но имѣло и свои недостатки, онъ разсуждаетъ: „тотъ и другой методы (какіе—это сейчасъ уяснится) могли приносить свою пользу развитію христіанскаго богословія, ибо христіанскія истины требуютъ и того и другаго метода разъясненія. Но и тотъ и другой методы могутъ быть доведены до крайности и представлять своего рода опасности. Мышленіе исключительно спекулятивное (александрійское направленіе) можетъ слишкомъ далеко отвлекаться отъ положительнаго содержанія вѣры и впадать въ произволь, объясняя истины несогласно съ данными положительнаго откровенія; мышленіе преимущественно аналитическое (антіохійское направленіе), оставившая вниманіе на отдѣльныхъ истинахъ, можетъ упускать изъ вниманія ихъ внутреннюю связь и да-

же поставить ихъ въ противорѣчіе между собою,—руководствуясь исключительно буквальнымъ смысломъ откровенія, можетъ впасть въ формализмъ, утратить восприимчивость къ внутреннему смыслу и живому духу религиозныхъ истинъ“ (163). Мысли не хитрыя, истины прописныя, но вѣрныя и безпорныя. Не такыя дальнѣйшія размышленія критика. Дальше о. Иванцовъ старается выяснить, какъ онъ говоритъ,— научныя преимущества спекулятивнаго и аналитическаго метода (хотя это уже кажется сдѣлано и въ вышеприведенныхъ—словахъ его). „Если имѣть въ виду собственно прогрессъ науки, говоритъ онъ, движеніе впередъ, открытіе и освѣщеніе новыхъ сторонъ, возбужденіе новыхъ вопросовъ, то въ этомъ нужно отдать преимущество спекулятивному, синтетическому методу. Онъ по преимуществу возбуждаетъ и окрыляетъ мысль, расширяетъ ея горизонтъ, даетъ особенную смѣлость ея изслѣдованіямъ. Поэтому спекулятивный методъ нужно назвать зиждательнымъ, прогрессивнымъ началомъ въ наукѣ“ (164). Соглашусь и съ этими заключеніями критика. Но возникаетъ вопросъ, въ комъ и когда методъ александрійскій принесъ такіе богатые плоды? На стр. 165 перечислены всѣ главные александрійцы, которые своими трудами оправдали вышеуказанныя свойства александрійскаго направленія: это Климентъ, Оригенъ, Діонисій, Аѳанасій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій нисскій, Кириллъ александрійскій. (Почему-то въ этомъ перечнѣ не упомянутъ Кириллъ іерусалимскій, который ранѣе выставлялся критикомъ въ качествѣ александрійца; вѣроятно потому, что о. Иванцовъ сознается, что къ александрійцамъ онъ уже очень мало подходит по своему направленію). Но дѣйствительно ли ко всѣмъ нимъ можно прилагать то, что сказано критикомъ о качествахъ спе-

кулативнаго метода? Во всѣхъ ли нихъ этотъ методъ „возбуждалъ и окрылялъ мысль, расширялъ ея горизонтъ, давалъ особенную смѣлость и свободу ея изслѣдованіямъ“? Отвѣтъ получается утвердительный (165). Но этотъ отвѣтъ стоитъ въ разладѣ съ тѣмъ, что критикъ утверждалъ объ александрійцахъ въ первой главѣ своей книги. Тамъ указанная характеристика относилась только или главнымъ образомъ къ Оригену (25), а послѣдователямъ его уже не усвоилось „окрыленія“ и „разширенія горизонтовъ“ (26—27). Оно и правильнѣе. Собственно Оригенъ приложилъ спекулятивный методъ къ богословію со всею широтою, прямою, безграничною и смѣлостію. Но много ли оказалъ пользы Оригенъ наукѣ богословской? это вопросъ довольно трудный. Его значеніе было бы конечно чрезвычайно велико, если бы Оригенъ спекулятивное направленіе своего богословствованія основалъ на христіанскихъ принципахъ, но этого не было. Его спекулятивная система богословія была признана у неоплатониковъ, у гностиковъ, Филона, съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ она часто совсѣмъ не мирилась. Отъ этого—ся непрочность. Послѣ ея творца, она быстро теряетъ значеніе. Можно ли относиться къ этой системѣ Оригена съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ относится о. Иванцовъ? Не думаемъ. Дальнѣйшіе писатели александрійскаго направленія очень немного оригеновскаго удерживаютъ у себя. Ихъ задачей было критически выдѣлать то, что было лучшаго въ системѣ Оригена отъ того, что было въ ней не нужнаго, занятаго со стороны, не христіанскаго и фантастическаго. Но это такая работа, къ которой очень мало идутъ тѣ пышныя рекомендаціи александрійскаго направленія, въ какихъ онъ разсыпается предъ читателемъ, когда говоритъ о „прогрессѣ“, „открытіи новыхъ сторонъ“ „разши-

ренія горизонтовъ“, „смѣлости и свободѣ изслѣдованія“. Полагаемъ что въ этихъ рекомендаціяхъ такъ много сказано объ александрійцахъ, что и Оригенъ не оправдаетъ ихъ, въ особенности если возьмемъ во вниманіе, что его „спекуляціи“ въ большинствѣ случаевъ имѣли лишь тотъ отрицательный результатъ, что давали пищу для критической работы его послѣдователей.—Разхваливъ качества александрійскаго метода, критикъ не молчитъ и о его недостаткахъ, онъ пишетъ: „но этотъ методъ имѣетъ и ту опасную сторону, что предаваясь ему исключительно (а въ началѣ 164 стр. о. Иванцовъ утверждаетъ, что такихъ случаевъ не было), не провѣряя синтетическихъ построеній строгимъ логическимъ анализомъ и положительными данными, можно слишкомъ далеко унести въ область произвольныхъ мечтаній, отвлеченностей, фантазій, далеко отъ дѣйствительнаго содержанія жизни (насколько оно открывается намъ“) (164). Здѣсь уже сказано очень много не похвальнаго о синтетическомъ методѣ. На чемъ же провѣрить: такъ ли именно отражается этотъ методъ на его послѣдователяхъ? Разумѣется на тѣхъ же александрійцахъ, о которыхъ онъ упоминаетъ на слѣдующей страницѣ и которыхъ мы перечислили предъ этимъ. Но неужели всѣмъ имъ нужно приписать недостатки, которымъ отличается этотъ методъ по изображенію о. Иванцова? И въ какой мѣрѣ? А если не ко всѣмъ, то кому изъ нихъ нужно приписать недостатки неразлучные съ этимъ методомъ? Въ сущности всѣ подобные недостатки можно усмотрѣть изъ числа александрійцевъ опять только у Оригена, который преимущественно съ другой стороны, по нашему мнѣнію, говоря словами о. Иванцова, хотѣлъ служить „прогрессу науки“, „открытію новыхъ сторовъ“ въ богословіи. Если же эти недостатки при-

сущи только Оригену, то спрашивается къ чему тратить слова, къ чему эти разсужденія о методѣ спекулятивномъ „примѣнять“ ко всѣмъ александрійцамъ?—Затѣмъ о. Иванцовъ дѣлаетъ свои замѣчанія о аналитическомъ методѣ богословія (антіохійскомъ). Ему приписываетъ въ настоящемъ случаѣ одни достоинства, а недостатковъ въ немъ не усматриваетъ; но за то и достоинства его указываются въ очень скромныхъ размѣрахъ. Критикъ пишетъ: „методъ аналитическій, критическій, провѣряетъ всякое общее филозофское положеніе, строгимъ логическимъ анализомъ его внутренняго содержанія“, (остановимся здѣсь на минуту и спросимъ о. Иванцова: 1) къ чему рѣчь о филозофскихъ положеніяхъ, когда дѣло идетъ о богословіи? 2) ужели спекулятивный методъ не провѣряетъ своихъ положеній анализомъ, такъ что „всякое“ положеніе уже провѣряется со стороны другаго метода—яснѣе: методъ александрійцевъ антіохійскимъ? 3) неужели александрійцы только и дѣлали съ своимъ методомъ, что давали работу представителямъ другаго метода, работу безконечную: „провѣрять каждое положеніе“ ?!) „сравненіемъ съ показаніемъ опыта, съ дознанными фактами положительныхъ наукъ, съ прямыми свидѣтельствами памятниковъ“ (а ужъ будто обо всемъ этомъ забываютъ приверженцы спекулятивнаго метода?). „Этотъ методъ, разсуждаетъ о. Иванцовъ, по преимуществу предохраняетъ науку отъ излишнихъ увлеченій, подводитъ итоги сдѣланнымъ открытіямъ, разработываетъ частности возбужденныхъ вопросовъ, приводитъ въ соотношеніе новыя научныя открытія (свои или чужія?) съ признанными прежде истинами и фактами, вообще регулируетъ содержаніе науки и удерживаетъ на твердомъ пути и въ правильныхъ предѣлахъ ея непрестанное движеніе

впередъ“ (164—5). Такимъ образомъ методъ антиохійцевъ, по сужденію о. Иванцова, обрекаетъ ихъ на трудъ чернорабочихъ, додѣлывающихъ что либо по иниціативѣ и по мысли своихъ распорядителей и господъ, т. е. спекулятивистовъ. Такими онъ, о. Иванцовъ, и представляетъ антиохійцевъ. Онъ выдаетъ имъ очень не важный аттестатъ, съ которымъ далеко не уйдешь. „Особенно замѣчательныхъ вкладовъ въ области богословской науки, въ развитіи ея существенныхъ основъ, это направленіе мало принесло“ (166) (замѣтимъ мимоходомъ, что никакое развитіе существенныхъ основъ богословія, какъ такого, невозможно: основы даны Св. Писаніемъ Новаго и Вѣтхаго завѣта, и ни одна школа, будь то александрійская или антиохійская, ни одна школа чисто христіанская не можетъ служить развитію существенныхъ основъ богословія, потому что богословіе имѣетъ готовый предметъ для своего изслѣдованія, опредѣленный въ цѣломъ и частностяхъ—это христіанство). И такъ чтожь? должно ли согласиться съ о. Иванцовымъ, сказать: все принадлежитъ александрійцамъ и ничего или почти ничего („мало“) антиохійцамъ? Такими вопросами о школахъ, поставленными къ тому же—что называется ребромъ, мы не занимались и думаемъ нѣтъ основаній заниматься ¹⁾). Въдъ

1) Не помнимъ, чтобы какой-либо изъ западныхъ серьезныхъ церковныхъ историковъ, когда либо давалъ себѣ трудъ изслѣдовать подобные вопросы. Оно и понятно. Научнаго выигрыша отсюда не получится ни малѣйшаго. Выйдетъ одна пустая трата времени и труда. Можно оцѣнивать заслуги александрійцевъ и антиохійцевъ и не поставляя предъ собой гамлетовскаго вопроса: „быть или не быть“? Припоминается впрочемъ, что Дорнеръ касается этого вопроса въ его извѣстномъ сочиненіи: *Lehre von d. Person Christi*, Band. II. S. 139 (Berl., 1853) и отдаетъ предпочтеніе антиохійцамъ предъ александрійцами (въ эпоху Кирилла александрійскаго), но конечно онъ высказываетъ свое мнѣніе вскользь и не придаетъ ему важнаго значенія. Не припомнимъ: есть ли даже что либо въ

этакъ придется спорить о томъ, о чемъ не спорятъ: о вкусѣ. Но думаемъ, что о. Иванцовъ совсѣмъ не понимаетъ исторической миссиі антиохійской школы. Въ исторіи богословскаго развитія послѣдователи этой школы дѣлали тоже, что и новоалександрійцы (Аѳанасій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій нисскій). И тѣ и другіе поняли недостатки чрезчуръ смѣлаго и порывистаго, превысренняго богословствованія Оригена, тѣ и другіе поставили себѣ цѣлю ограничить, очистить, урегулировать его богословскія воззрѣнія—съ тѣмъ различіемъ, что александрійцы дѣлали это медленно и осторожно: для нихъ Оригенъ долго еще остается великимъ учителемъ, а антиохійцы съ тѣхъ поръ какъ выступили на исторической сценѣ тотчасъ же порываютъ всѣ связи съ Оригеномъ (Евстафій, Кириллъ, Діодоръ, Θεодоръ) ¹⁾. Въ этомъ отношеніи они всѣ (александрійцы и антиохійцы) работаютъ на одной нивѣ и результатомъ ихъ трудовъ и было то научное богословствованіе, которое отличало древнюю церковь, досталось въ наслѣдство и нашей церкви и наукѣ. Отдавать предпочтеніе одной школѣ предъ другой нѣтъ основаній. Онѣ много послужили богословскому знанію и одинаково достопочтенны. Если однихъ (александрійцевъ) Оригенъ вдохновилъ своимъ гениемъ, правильнѣе: лучшими сторонами своего гения и побуждалъ углубляться въ духъ христіанскаго

такоемъ родѣ у Баура, который извѣстенъ себѣ излишнею рѣшительностію сужденій?

¹⁾ Эти положенія требовали бы дальнѣйшаго развитія (мы чувствуемъ это и надѣялись было, что удастся сдѣлать въ данной главѣ хоть немного для разрѣшенія этой задачи), но мы не можемъ удѣлять для него мѣста. Когда въ нашихъ литературныхъ работахъ по церковной исторіи дойдетъ очередь по исторіи богословскихъ школъ и церковной литературы, объ этомъ будетъ сказано подробно. Къ сожалѣнію очередь эта не близка.

ученія, то для другихъ (антіохійцевъ) борьба съ оригеновой школой служила поощреніемъ къ выясненію простыхъ, но плодотворныхъ сторонъ богословской науки. Въ частности въ замѣчательныхъ спорахъ четвертаго и пятаго вѣка антіохійцы сослужили великую службу раскрытіемъ идей о ипостасности лицъ Божества (точнѣйшимъ опредѣленіемъ этого догмата: Кирилль, Мелетій, Флавіанъ и символы антіохійскіе православными своими положеніями), а александрійцы уясненіемъ вопроса единосущія Лицъ Божества, Ихъ внутренняго единства, далѣе въ хринологическихъ спорахъ антіохійцы уяснили вопросъ о цѣлостности и полнотѣ естества (въ особенности чловѣческаго) во Христѣ, а александрійцы раскрыли ихъ единеніе въ одномъ Лицѣ—Богочловѣка. (Кирилль александрійскій съ одной стороны, Θεодоритъ съ другой) ¹⁾.

Что касается до метода толкованія Св. Писанія, то въ этомъ антіохійцы даже превосходили александрійцевъ; они выработали полную герменевтику и значительно подвинули впередъ изученіе Св. Писанія. Всѣмъ извѣстно, что если въ настоящее время наука Св. Писанія обращается за справками къ древнимъ, то она вопрошаетъ именно антіохійцевъ: Златоуста, Θεодорита (весьма рѣдко александрійцевъ). А замѣтимъ: экзегетика составляла душу и суть тогдашняго богословія. Тогда не изучали ни церковной исторіи (правильнымъ научнымъ методомъ), ни каноники, ни гомилетики, ни патристики, ни даже догматики. Отъ этого-то различіе между школами яснѣе

¹⁾ Не то хотимъ сказать этимъ, что антіохійцы дѣлали то-то или то-то, чего другіе не дѣлали вовсе. Въ примѣненіи по всѣмъ сужденіямъ, какъ вышеизложенныя, нужно твердо держать въ памяти правило: a potiori fit denominatio.

всего выступает на экзегетикѣ ¹⁾. Впрочемъ, повторяемъ: мы не склонны ни возвышать ни одну древнюю школу на счетъ другой, ни унижать. И александрійцы и антиохійцы для насъ равно дороги и велики...

Еще два-три слова и кончимъ рѣчь нашу о школахъ. О. Иванцовъ въ доказательство значенія александрійской школы предъ антиохійской указываетъ на тотъ историческій фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ александрійцы сошли со сцены исторической (въ особенностяхъ съ VIII вѣка) наука богословская въ Греціи увяла (167). Доказательство ничего не доказывающее. Умерла школа александрійская, но вѣдь не осталась въ живыхъ и школа антиохійская (Дамаскинъ можетъ быть лишь съ нѣкоторой натяжкой названъ антиохійцемъ ²⁾), какъ дѣлаетъ это о. Иванцовъ, *ibid*). И отчего пала наука: отъ того ли, что не стало александрійцевъ, или отъ того, что не стало болѣе антиохійцевъ? Это еще вопросъ. А главное, не нужно забывать, что Греки позднѣйшихъ временъ изжились, потеряли умственную энергію; и въ этомъ лежитъ объясненіе упадка богословской науки. Школы же тутъ совсѣмъ не причемъ. Отчего такъ не любить антиохійцевъ о. Иванцовъ? Ужъ не потому ли, что я о нихъ много говорю въ своемъ сочиненіи? Взглянемте-ка о. Иванцовъ на наше вре-

1) Вотъ что говоритъ Теодоръ Кинъ о значеніи антиохійской школы для богословія въ сочиненіи: *Antioch. schale*: „сѣмя, посѣянное Діодоромъ и его учениками привело къ *замѣтельному развитію* (*Entwicklung*) богословской науки для церкви того времени и для всѣхъ позднѣйшихъ вѣковъ“ (S. 55). Слѣдуетъ тоже припомнить недавно приведенное мнѣніе Дорнера только, разумѣется, не нужно преувеличивать этого мнѣнія.

2) Дамаскинъ открываетъ эру византійской, такъ называемой, полусхоластики. Но развѣ антиохійцы были схоластиками? Правда методъ Дамаскина точный и разсудочный напоминаетъ методъ антиохійцевъ, но у него нѣтъ главнаго: *духа* антиохійцевъ.

мя, на науку современную. Богословіе, слава Богу, процвѣтаетъ. И однако-жъ какое направленіе преимуществуетъ? родственное-ли съ александрійскимъ или съ антиохійскимъ, спекулятивное или историко-критическое? Не только у насъ въ Россіи но и на Западѣ нѣтъ замѣчательныхъ спекулятивныхъ богослововъ. Богословіе разрабатывается путемъ историко-критическимъ. Ну положимъ у насъ въ Россіи мудро философствовать въ богословіи, можно впасть въ оригенизмъ, попросту: въ ересь. А что видимъ на Западѣ? Былъ правда тамъ спекулятивный богословъ Шлейермахеръ, былъ, но оставилъ послѣ себя не Богъ вѣсть какое наслѣдство. Отчего нѣтъ продолжателей дѣла александрійцевъ? Отчего всѣ изучаютъ богословскую науку по методу историко-критическому, слѣд. въ духѣ антиохійцевъ? Что это продолженіе-ли дѣла антиохійцевъ или возвращеніе къ антиохійскому методу! Антиохійцевъ и на Западѣ и у насъ можно насчитать много и очень много. А александрійцевъ—нѣтъ. Вредно это или полезно для науки? будетъ ли такъ идти дѣло и впередъ или измѣнится? На эти вопросы отвѣтъ одинъ: не знаемъ.

Всѣ разсужденія о. Иванцова о школахъ александрійской и антиохійской сводятся у него къ тому, чтобы произнести строгій и неумолимый приговоръ касательно третьей главы нашей диссертации. Въ этой главѣ критикъ находитъ извращеніе правильныхъ понятій о названныхъ школахъ и въ высшей степени тенденціозное освѣщеніе такихъ явленій, какъ арианское и противоаріанское движеніе IV вѣка. Сколько справедливости въ такихъ заключеніяхъ критика, сейчасъ увидимъ. Но прежде всего слѣдуетъ выставить на видъ то обстоятельство, что, подвергая разбору третью главу нашей книги, критикъ не постарался да-

же выяснитъ себѣ: какое ея содержаніе? Объ общемъ содержаніи ея критикъ говоритъ дважды, но въ такомъ родѣ, что замѣчанія его, помѣщенныя въ началѣ его пятой главы находятся въ явномъ противорѣчьи съ замѣчаніями, помѣщенными нѣсколько послѣ въ той же главѣ. А въ цѣломъ и тѣ и другія замѣчанія не соотвѣтствуютъ дѣйствительному содержанію третьей главы нашей книги. Критикъ не отличается должнымъ вниманіемъ къ своему дѣлу. Не хорошо! На стр. 156 критикъ пишетъ: „какъ видно изъ оглавленія“ (какъ увидимъ изъ оглавленія открывается совсѣмъ не то) авторъ (т. е. я) имѣлъ задачей раскрыть характеристику послѣдователей никейскаго и антиникейскаго или, что тоже (?), по его опредѣленію, александрійскаго и антиохійскаго направлений, преимущественно (?) по ихъ взглядамъ на отношеніе вѣры и знанія“. „Собственно новаго въ этой характеристикѣ ничего нѣтъ“. А на стр. 167 критикъ о содержаніи той же третьей главы пишетъ уже совсѣмъ другое: „большая часть третьей главы въ сочиненіи г. Лебедева (стр. 56—100) посвящена раскрытію положенія о прогрессивномъ будто бы характерѣ антиохійскаго или антиникейскаго, т. е. аріанскаго богословствованія сравнительно съ александрійскимъ или никейскимъ, т. е. православнымъ“. Въ первомъ случаѣ содержаніе главы объявляется почти ничтожнымъ, во второмъ приписывается ей такое оригинальное содержаніе и такое „новое“, что она всякому должна представляться весьма любопытною и даже блещущею. чрезчуръ большею „новизною“. Но ни та, ни другая характеристика главы третьей, сдѣланная о. Иванцовымъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному содержанію ея, какъ это ясно

видно изъ самаго заглавія главы, приложеннаго къ нашей книгѣ 1).

Какъ можно заключать изъ разнообразныхъ разсужденій о. Иванцова по поводу третьей главы нашей книги его мнѣніе склоняется къ тому, что эта глава направлена къ возвеличенію аріанъ (антіохійцевъ) и къ низведенію съ пьедестала православныхъ (александрійцевъ). Слѣдовательно содержаніе ея представляется не только не заключающимъ въ себѣ „ничего новаго“, а напротивъ чрезвычайно новымъ; таковымъ оно представляется прежде всего *намъ лично*. По словамъ критика въ этой главѣ раскрыты и проведены слѣдующія воззрѣнія: „антіохійцы старались двигать впередъ богословскую науку, александрійцы твердо держались старыхъ воззрѣній и формулъ“ (эти слова поставлены въ кавычкахъ, какъ будто бы это наши слова, но мы уже знаемъ, что критикъ иногда въ своей книгѣ подчеркиваетъ или ставитъ въ кавычкахъ тѣ или другія свои собственныя выраженія, выдавая ихъ за наши вопреки элементарнымъ законамъ серьезной критики, — и перестали удивляться такому фарсу). „На этомъ основаніи, продолжаетъ критикъ, научныя симпатіи г. Лебедева склоняются на сторону антіохійскаго богословствованія: о немъ онъ говоритъ съ особеннымъ одушевленіемъ (?); объ александрійскомъ же богословствованіи если и при-

1) Оглавленіе третьей главы у насъ таково: „характеристика никейцевъ и антиникейцевъ по ихъ взглядамъ на отношеніе вѣры и званія. Историко-критическое изложеніе воззрѣній тѣхъ и другихъ на ученіе о Ыюстаси Сына Божія, какъ оно изложено въ символѣ никейскомъ.—О лицѣ Христа Богочеловѣка.—О Духѣ Святомъ.—Различіе побужденій, дѣлей и сущности ученія никейцевъ и антиникейцевъ въ раскрытіи этихъ вопросовъ.—Сближеніе и примиреніе этихъ двухъ партій ко времени II Вселенскаго собора.—Что удержалось и послѣ примиренія въ той и другой партіи, какъ отличительная особенность направленія александрійскаго и антіохійскаго?“ Какъ „видно“ о. Иванцовъ не читалъ оглавленія третьей главы.

ходится сказать нѣчто съ похвалою, то какъ будто бы не совсѣмъ охотно и болѣе по другимъ соображеніямъ „(можетъ быть изъ боязни предъ такимъ критикомъ, какъ о. Иванцовъ?)“, а не чисто научнымъ. Антиохійское направленіе въ области богословія представляется у г. Лебедева научнымъ, рациональнымъ, прогрессивнымъ (?), либеральнымъ, александрійское же консервативнымъ, традиціоннымъ, склоннымъ къ рутинерству, буквализму и формализму. Антиохійскому направленію главнымъ образомъ (!) приписывается все то, что серьезнѣйшаго выработано христіанскимъ богословіемъ“ (160). Интересно знать, чѣмъ докажетъ все это нашъ критикъ? Да ничемъ. Не правдоподобно, но дѣйствительно!

Переберемъ всѣ доказательства, какія представляетъ о. Иванцовъ въ удостовѣреніе того, что мы въ самомъ дѣлѣ имѣли въ виду въ третьей главѣ нашей книги прославить и превознести антиохійцевъ (сирѣчь аріанъ) и унижить александрійцевъ (сирѣчь православныхъ). Намъ приходится быть очень краткими, потому что доказательства о. Иванцова не имѣютъ и тѣни доказательности. Мало того. Съ о. Иванцовымъ случалось тоже, что случилось древле съ библейскимъ Валаамомъ. Извѣстно, что Валаамъ долженъ былъ произнести проклятіе на Израильтянъ, но вмѣсто того, вопреки своей волѣ, онъ произнесъ благословеніе на народъ этотъ. О. Иванцовъ тоже хочетъ доказать, что я унижаю православныхъ (александрійцевъ), и возвеличиваю аріанъ (антиохійцевъ), вообще объявить меня опаснымъ человекомъ, но вмѣсто того доказываетъ, что въ моей книгѣ все обстоитъ благополучно и что слѣд. порицать меня было бы вопіющею несправедливостью. О. Иванцовъ, навязавъ мнѣ мысль, что будто я желаю выставить антиохійцевъ прогрессистами, а александрійцевъ рутинѣрами, берется увѣ-

рить читателя, что я „старюсь доказать это положеніе подробнымъ анализомъ развитія церковнаго ученія въ никейскомъ и антиникейскомъ направленіяхъ, въ періодъ между первымъ и вторымъ вселенскими соборами“. Для этой цѣли я, по словамъ критика, и излагаю ученіе по нѣкоторымъ богословскимъ пунктамъ какъ антиохійцевъ, такъ и александрійцевъ, дѣлая различныя выписки изъ аріанскихъ символовъ и изъ твореній отеческихъ ¹⁾.

„Но странное выходитъ дѣло — замѣчаетъ критикъ, — изъ этихъ выписокъ, если всмотрѣться въ нихъ внимательно, скорѣе можно вывести противоположное заключеніе: православное ученіе и въ томъ видѣ, какъ представляетъ его г. Лебедевъ во всѣхъ означенныхъ (въ моей книгѣ) пунктахъ, оказывается гораздо тверже и опредѣленнѣе, чѣмъ аріанское. Намъ поэтому (?) нѣтъ и надобности подробно разбирать положенія и доказательства г. Лебедева“ (167. 8. Вотъ такъ образцовый критикъ! Обозвалъ своего же товарища по наукѣ среселюбцемъ, а за что — „доказать это онъ не видитъ надобности“!) Критикъ восклицаетъ: „но странное дѣло“ и пр.; не правда, не странное дѣло,

¹⁾ Критикъ порицаетъ меня (стр. 168) за то, что я пользуюсь символами аріанскими, какъ источникомъ слишкомъ бѣднымъ для уясненія ученія аріанъ, но я послѣдую примѣру Анастасія, который писалъ по поводу этихъ символовъ особое сочиненіе, безъ сомнѣнія потому, что придавалъ имъ значеніе въ исторіи развитія аріанскаго ученія. Критикъ притомъ-же забываетъ, что я описываю догматическую дѣятельность соборовъ, а въ этомъ вопросѣ символы имѣютъ предпочтительную важность предъ сочиненіями, писанными въ древнее время по богословскимъ вопросамъ. Если же для характеристики православной стороны я пользуюсь сочиненіями отцевъ, а не символами, то единственно по тому, что православная церковь не создала въ IV вѣкѣ символовъ на соборахъ (за исключеніемъ никейскаго и константинопольскаго). Для меня важнѣе были бы соборныя символы православныхъ, чѣмъ сочиненія отеческія, по такимъ, къ сожалѣнію, нѣтъ (а если и есть нѣкоторые символы и кромѣ никейскаго и константинопольскаго, то ихъ истинное происхожденіе мало извѣстно).

а напротивъ весьма естественное. Я во все не думалъ доказывать, что православные суть рутинёры, а ариане — прогрессисты, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуесть самая книга моя. Удивительно ли, если о. Иванцовъ *не нашель* въ ней того, что подтверждало бы его тенденціозное обвиненіе, возведенное на насъ, въ аріоманіи, а напротивъ встрѣтилъ въ ней совершенно обратное? Такъ и должно было быть. Нельзя искать въ книгѣ, чего въ ней нѣтъ ¹⁾. Я очень радъ, что критикъ собственными устами объявляетъ истину, вопреки своему желанію. Вышеприведенныя слова критика составляютъ самую лучшую,

1) Во избѣжаніе дальѣйшихъ подробностей считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее примѣчаніе: критикъ, анализируя нашу третью главу, усматриваетъ въ ней не мало противорѣчій. Это по нашему мнѣнію не только естественно, но и совершенно неизбѣжно. Критикъ забралъ себѣ въ голову, что я хочу возхвалять прогрессивность арианскихъ воззрѣній, но съ этою предвзятою мыслию не выйдетъ то, что я помѣстаю прямо порицаю арианъ. Какъ примирить предвзятую идею съ наличными фактами? Съ точки зрѣнія критика, это можно сдѣлать очень просто: объявить, что мы въ книгѣ противорѣчимъ сами себѣ (хотя въ дѣйствительности мы противорѣчимъ лишь предвзятой тенденціи о. Иванцова). Точно также онъ поступаетъ, когда находитъ, что я высоко ставлю православныхъ или alexandрійцевъ. Такъ какъ это составляетъ прямое противорѣчіе приписываемой намъ отъ него идеѣ, то критикъ опять (вмѣсто того чтобы привести себѣ на память русскую пословицу, служащую эпитафю въ произведеніи Гоголя: „Ревизоръ“) винить насъ въ противорѣчій. Такимъ путемъ возникли въ умѣ критика, будто бы усмотрѣнныя имъ въ нашей книгѣ, противорѣчія на стр. 158 (прим.), 171 (прим.) 179 и т. д. Если я осмѣливаюсь сказать что-либо невыгодное объ антиохійцахъ, критикъ возглаголетъ: „это противорѣчіе“; если я похваляю alexandрійцевъ, критикъ возглаголетъ свое: „это противорѣчіе“. Но въ отношеніи къ чему противорѣчіе? въ отношеніи измышленной тенденціи критика. какую ему угодно было навязать мнѣ! Вообразите, читатель, ужасъ моего положенія? Критикъ не позволяетъ мнѣ не оуждать арианъ, ни хвалить православныхъ! Онъ запечаталъ мнѣ уста! И если я осмѣлюсь вымолвить хоть слово въ указанномъ родѣ, онъ готовъ казнить меня. О. Иванцовъ разрѣшаетъ мнѣ только *хвалить* арианъ, но и это разрѣшеніе дается съ заднею мыслию: лишь только покажется ему, что я хвалю арианъ, сейчасъ же слѣдуетъ бурная сцена съ его стороны. Куда ни кинь, все клинъ. Вотъ тутъ поди и пографъ на нашего своеобразнаго критика!

неопровержимую апологию нашего труда. Новый Валаамъ хотѣлъ посягнуть на честь неповиннаго чело-вѣка, но вмѣсто того воздалъ ему должное. Рѣдкій примѣръ самообличенія со стороны критика въ наше время, далекое отъ простоты и изворотливое! Отка-зываясь доказывать то странное обвиненіе, какое онъ возводитъ на насъ касательно аріоманіи, кри-тикъ затѣмъ пишетъ: „достаточно лишь показать общіе приемы (?), посредствомъ которыхъ авторъ (т. е. я) раскрываетъ или лучше сказать опровергаетъ свою мысль“ (ibid). Посмотримъ: въ чемъ дѣло? Пос-мотримъ: какъ „раскрываетъ или лучше сказать, какъ опровергаетъ свою мысль“, тенденцію нашъ критикъ, почтенный о. Иванцовъ? Критикъ вкратцѣ анализи-руетъ наше раскрытіе трехъ пунктовъ христіанскаго ученія, какъ оно выразилось въ средѣ православныхъ и аріанъ IV вѣка—1) о Сынѣ Божіемъ,—2) Бого-человѣкѣ,—3) о Духѣ Святомъ,—пунктовъ, которымъ посвящена третья глава нашей книги. Здѣсь онъ хо-четъ указать доказательства (а по терминологіи кри-тика: *приемы*) нашей злокозненности, нашей аріоманіи, нашего антиникейства. Но неудача, полнѣйшая неудача постигаетъ критика. Я полагаю, что своими разглагольствованіями въ данномъ случаѣ критикъ не убѣдилъ, въ чемъ ему хочется, ни одного изъ разум-ныхъ читателей; я даже сомнѣваюсь, чтобы критикъ и самъ-то серьезно вѣрилъ тому, что онъ говоритъ. Но къ дѣлу!

Во первыхъ, по его разсужденію, я будто бы на-хожу мало „твердости, опредѣленности и осмыслен-ности“ въ ученіи александрійцевъ (православныхъ) по вопросу о Сынѣ Божіемъ, какъ ипостаси, и что „твердымъ и осмысленнымъ“ я признаю будто уче-ніе аягтіохійцевъ (аріанъ). Прошу доказательства. Та-кого нѣтъ, потому что оно невозможно. Въ виду

этого критику ничего не оставалось дѣлать, какъ пуститься на фокусы, подрызгать перомъ и поставить точку. Такъ онъ и сдѣлалъ. Критикъ говоритъ, что я будто усиленно „стараюсь анализировать“ полуаріанскіе символы, чтобы найти въ нихъ подтвержденіе мнѣнія о прогрессивности ученія аріанскаго о Сынѣ Божіемъ, но моя попытка, по сужденію критика, ровно ни къ чему не приводитъ. „Въ догматѣ о ипостаси Сына Божія выраженія аріанскихъ символовъ— какъ авторъ (т. е. я) ни старается ихъ анализировать—представляютъ столько шаткости и противорѣчій, что ихъ въ этомъ пунктѣ никакъ нельзя сравнивать съ яснымъ и опредѣленнымъ ученіемъ Аѳанасія, Василія, Григорія Богослова“. „Изъ данныхъ и сравненій, представляемыхъ г. Лебедевымъ результаты выходятъ совершенно противоположный намѣреніямъ автора“ (моимъ) 169). Опять новый Валаамъ воздастъ мнѣ честь. Онъ вопреки своему намѣренію провозглашаетъ, что я не унижаю, а отдаю честь и хвалу ученію никейцевъ, а это я и имѣлъ въ виду, описывая движеніе никейцевъ и противоникейцевъ. Если бы я имѣлъ другую противоположную тенденцію, вѣдь это въ чемъ-нибудь да выразилось бы, но вотъ критикъ мой какъ ни старается подыскать хоть какое-либо доказательство въ пользу предвзятаго взгляда на мою книгу, это ему не удастся. Критикъ, рассматривая сказанное мною касательно аріанскаго ученія о Сынѣ Божіемъ, не находитъ здѣсь ничего, что подтверждало бы его клевету, а потому отдѣлывается пустою фразою: „какъ авторъ (т. е. я) ни старается анализировать“ аріанскіе символы съ извѣстною цѣлію, его попытки не удаются. Кромѣ того, что замѣчаніе это не болѣе какъ пустая фраза, оно положительно заключаетъ не позволительную несправедливость. Критикъ проглядѣлъ то обстоятель-

ство, что я прямо отказался анализировать арианское учение о Сыне Божіемъ и объяснилъ причину этого (стр. 61 прим.). Я кратко обозрѣлъ эти символы по вопросу о Сыне Божіемъ лишь съ тою единственною цѣлю, которая выражена у меня въ слѣдующихъ словахъ: „ясно и опредѣленно свой оппозиціонный характеръ въ отношеніи къ никейскому ученію эти символы высказываютъ въ томъ, что въ нихъ весьма часто подвергаются строгой критикѣ характеристическія выраженія, принятія отцами никейскими для утвержденія ученія о Божествѣ Сына Божія“ (58), и въ заключеніе своихъ разсужденій по вопросу замѣчаю: „въ такихъ-то формахъ выражалось противленіе никейской вѣрѣ; никейское исповѣданіе подвергалось постоянной и придирчивой (вотъ такъ похвала!) критикѣ“ (61). Сдается мнѣ, что критикъ очень не внимательно читалъ мою книгу и вмѣсто изученія ея занимался больше придумываніемъ „различныхъ комбинацій“.

Пойдемъ дальше. Другое доказательство моей ариоманіи критикъ долженъ былъ найти въ моемъ изложеніи ученія арианскаго о Лицѣ Богочеловѣка. Что же находимъ у критика? Ни малѣйшаго доказательства противъ меня. Онъ даже слегка похваливаетъ меня (и на томъ спасибо!). Вмѣсто доказательствъ, что мы заблуждаемся во взглядѣ на символы арианскіе, критикъ пишетъ: „г. Лебедевъ справедливо замѣчаетъ, что ариане“ и пр., „мы готовы признать извѣстный смыслъ за тѣмъ замѣчаніемъ г. Лебедева“ и пр. (169—170). Критикъ только хочетъ ограничить наши воззрѣнія на символы арианскіе по вопросу о Лицѣ Богочеловѣка. Вотъ вамъ и всѣ доказательства моей ариоманіи въ данномъ случаѣ. Благодаримъ критика за стараніе нѣсколько поправить наши воззрѣнія, ограничить ихъ, слѣдовательно по-

ставить дѣло точнѣе. Но, по нашему мнѣнію, критику и не предстояло ни малѣйшей надобности ради насъ брать такой трудъ. Мы вовсе не находили воззрѣній символовъ аріанскихъ ни умными, ни глубокомысленными, ни дѣлающими эпохи въ богословіи. Такое ограниченіе нужно развѣ для собственной фантазіи критика. Къ сожалѣнію и то, что вздумалъ сказать критикъ въ ограниченіе нашихъ (частію нашихъ, частію самоизмышленныхъ) воззрѣній, — лишено научности. Критикъ вопреки будто бы намъ заявляетъ, что положимъ символы аріанскіе не лишены цѣны въ отношеніи къ раскрытію ученія о Богочеловѣкѣ, но что еще болѣе значенія имѣло сочиненіе Аѳанасія: „о воплощеніи Бога Слова“, которое будто бы имѣло руководственное значеніе въ позднѣйшихъ спорахъ христологическихъ (170). Не понимаемъ: о какомъ сочиненіи Аѳанасія говоритъ критикъ. Если онъ разумѣетъ сочиненіе Аѳанасія, съ подобнымъ заглавіемъ, написанное этимъ отцемъ, какъ думаютъ, до развитія аріанства, то оно никакъ не могло удовлетворять спорившихъ въ V вѣкѣ по вопросу христологическому, такъ какъ въ немъ встрѣчались выраженія, которыхъ никакъ не могли принять антиохійцы, напр. „тѣло (Христа) по причинѣ снисшествія на оное Слова не потерпѣло свойственнаго тѣлесной природѣ тлѣнія, а напротивъ ради вселившагося въ него Божія Слова пребывало внѣ тлѣнія“ (Вс. Соб. IV и V в., стр. 84). Этимъ сочиненіемъ не могли быть довольны антиохійцы, и мы въ самомъ дѣлѣ не видимъ, чтобы это сочиненіе пользовалось какимъ-либо особеннымъ значеніемъ при рѣшеніи спорнаго христологическаго вопроса. Дѣйствительно одно изъ сочиненій Аѳанасія, излагавшее ученіе о Богочеловѣкѣ пользовалось огромнымъ вліяніемъ въ спорахъ христологическихъ — разумѣемъ его „посланіе“ къ

Епиктету коринѣскому, но очевидно не это сочиненіе Аванасія разумѣеть критикъ, такъ какъ то сочиненіе, о которомъ говоритъ онъ, появилось, по его словамъ, до борьбы аріанъ съ Маркелломъ, а посланіе къ Епиктету относится, какъ извѣстно, къ позднѣйшему термину. Ужъ не разумѣеть ли критикъ (чего добраго!) подъ именемъ сочиненія Аванасіа „о воплощеніи“ подложнаго сочиненія Аванасіева съ такимъ же заглавіемъ, но вѣдь это подложное сочиненіе, а о значеніи подложнаго сочиненія въ дѣятельности какого-либо писателя какъ-то странно и говорить (см. въ моей книгѣ, стр. 167). Ученый критикъ очевидно и самъ не знаетъ, о чемъ говорить онъ. И такъ первый способъ ограничить наши будто бы воззрѣнія безуспѣшенъ и даже болѣе: показываетъ плохое знаніе критикомъ того дѣла, о которомъ онъ судитъ. Второй способъ ограничить наше мнѣніе тоже не можетъ заслуживать похвалы. Критикъ замѣчаетъ, что мы правду сказали, что антиохійцы обращали особенное вниманіе на двойство естествъ во Христѣ въ противоположность александрійцамъ, которые обращали свое вниманіе на единство природъ, но... замѣчаетъ онъ: это нужно сказать объ антиохійцахъ позднѣйшаго времени — Діодоръ и Феодоръ — а не тѣхъ, которые жили раньше указанныхъ лицъ (170). Мысль несправедливая! Антиохійцы и до времени Феодора отличались тѣмъ же стремленіемъ, какъ это мы (надѣмся) ясно доказали, когда назадъ тому нѣсколько страницъ излагали ученіе о Богочеловѣкѣ такихъ лицъ, какъ Евстаѣій, Евсевій еmissкій и т. д. Критикъ мало знакомъ съ литературой антиохійцевъ. Жаль!

Можетъ быть больше доказательствъ нашей аріоманіи о. Иванцовъ находитъ въ раскрытіи третьяго и послѣдняго пункта въ ученіи аріанъ—о Св. Духѣ?

Ни чуть и даже напротивъ. Здѣсь ужъ онъ не обрѣлъ ни малѣйшаго подтвержденія своей клеветы и свое сужденіе изложилъ въ пяти строчкахъ, въ которыхъ выразилъ мысль, что православные учителя церкви ученіе о Св. Духѣ раскрыли превосходнѣе аріанъ (прошу прочесть эти строчки, стр. 171).

Вотъ и всѣ доказательства моей аріоманіи ¹⁾. Если читатель не найдетъ въ разсужденіяхъ о. Иванцова ничего, что доказывало бы стремленіе мое восхвалять аріанъ, провозглашать ихъ „прогрессистами“ и „двигателями науки“, то я и еще меньше, если это возможно...

По сужденію о. Иванцова, возвеличивая аріанъ, я въ тоже время унижаю православныхъ. Для раскрытія этой мысли критикъ пишетъ три страницы (174—6), но я, положа руку на сердце, объявляю, что ни одного аргумента здѣсь я не нашелъ, который бы дѣйствительно направлялся противъ меня и который бы стоило разбирать: это какое-то размышленіе на тему о достоинствахъ православныхъ писателей IV вѣка, которое къ его критической задачѣ имѣетъ мало отношенія. Ясно высказана лишь одна мысль, что напрасно я допускаю, что александрійцы (православные) были противъ всякихъ измѣненій въ символѣ никейскомъ и вообще противъ составленія по-

¹⁾ Съ горя, что ему не удалось сколько-нибудь убѣдительно доказать моей аріоманіи, критикъ хватаетъ одну мою полупразу и старается найти въ ней злокозненность. Онъ говоритъ (171): „г. Лебедевъ старается провести въ своемъ изслѣдованіи такую мысль, что самое составленіе многочисленныхъ символовъ у аріанъ служило доказательствомъ живаго прогрессивнаго движенія ихъ богословской мысли“, и въ подтвержденіе своего взгляда критикъ приводитъ слова нашей книги, что антиникейцамъ принадлежало „стремленіе въразумѣвать истины вѣры“ (у насъ, 57). Здѣсь критикъ беретъ полфразу безъ отношенія къ предъидущему и послѣдующему. Опровергать подобные аргументы критика мы считаемъ ниже своего достоинства.

выхъ символовъ, но эту не лишенную значенія мысль будетъ умѣстнѣе разобрать въ слѣдующей главѣ, гдѣ я буду разсуждать о происхожденіи символа константинопольскаго.

Въ концѣ разсматриваемой, пятой главы о. Иванцовъ снова возвращается къ своему коньку, именно, что аріанъ я восхваляю, а православныхъ унижаю. По поводу разсужденій о. Иванцова въ данномъ случаѣ мы имѣли возможность сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія раньше (Прибл. кн. I, стр. 280). Считаемо нужнымъ однако нѣсколько добавить сказанное прежде, тѣмъ больше что страницы моей книги, по поводу которыхъ онъ разсуждаетъ здѣсь, служатъ, кажется, для о. Иванцова главной опорой въ его quasi побѣдоносной критикѣ. Дѣйствительно, можетъ пожалуй показаться, что сами мы опрометчиво отдаемся въ его руки, позволивъ себѣ въ заключеніе третьей главы своей книги сказать нѣчто въ пользу аріанъ. Критикъ въ особенности возмущенъ слѣдующими моими замѣчаніями объ аріанствѣ: „съ теченіемъ времени аріанство усмиряется. Но остается однакожь отъ этихъ споровъ нѣчто, и это нѣчто переживаетъ аріанство, достается въ наслѣдіе дальнѣйшимъ поколѣніямъ въ исторіи. Это нѣчто стало характеристическою чертою извѣстныхъ кружковъ, импульсомъ къ догматическому развитію въ церкви, поощрительнымъ началомъ къ раскрытію истинъ христіанскаго вѣдѣнія. Лучшія стороны въ аріанствѣ пережили самое аріанство. Оставалась отъ него религіозная впечатлительность, неудержимая жажда истины, остался здравый интеллектуальный интересъ къ вопросамъ богословскимъ, готовность искать истину, утверждать ее, бороться за истину и не уступать. Аріанизмъ имѣлъ въ себѣ много худыхъ сторонъ; но онъ не вовсе былъ чуждъ (видите, какъ мы осторожно вы-

ражаемся) сторонъ добрыхъ. Утихли въ арианствѣ, сначала ничѣмъ не удержимые, порывы въ изслѣдованіи религіи“, но „оставалась почва для научнаго изслѣдованія въ границахъ, какія позволяла вѣра“ (Леб. 107—8; о. Иванцовъ 180—1). Приводя эти выраженія, критикъ не находитъ достаточно словъ, чтобы наказать нашу продерзость. Но его негодование совершенно не основательно. Къ арианамъ принадлежали и люди очень не глупые и много послужившіе развитію богословской науки. Припомнимъ Евсевія емисскаго, человѣка всецѣло отданнаго наукѣ и ради науки не мало пострадавшаго, Евсевія, подъ руководствомъ котораго воспитался (посредственно или непосредственно) такой богословскій талантъ, какъ Златоустый ¹⁾. Безъ сомнѣнія учитель внушилъ ему любовь къ богословскому знанію, раскрылъ ему глубину и значеніе истинъ Св. Писанія, пробудилъ его къ богословской дѣятельности. Въ какой мѣрѣ все это было—не знаемъ, но во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ знаменательный фактъ: великій Златоустъ учился у Евсевія. Будемъ ли отрицать заслуги для церкви Мелетія антиохійскаго, долгое время принадлежавшаго къ арианамъ ²⁾? Церковь антиохійская подъ его руководствомъ бодро выступила на борьбу съ Аполлинаріемъ и вела ее очень успѣш-

¹⁾ Иеронима, кн. о знам. мужахъ, гл. 129. Ст. 91. Herzog. Ен-сукл. IV, 398—9.

²⁾ О принадлежности Мелетія (до семидесятихъ годовъ IV вѣка) къ арианству мы подробно говорили въ своей диссертациі въ гл. IV. Быть можетъ, мы еще возвратимся къ этому вопросу въ теперешнихъ статьяхъ. Слѣдуетъ упомянуть (этотъ фактъ не былъ упомянутъ нами въ диссертациі), что и Епифаній хотя замѣтно питаетъ сочувствіе къ Мелетію, однакожъ ясно выражаетъ неувѣренность, дѣйствительно ли Мелетій былъ православнымъ и не во всемъ одобряетъ одну проповѣдь его (Рус. пер., т. IV 355—7). Но тотъ же Епифаній высказываетъ мнѣніе о благотворномъ вліяніи Мелетія на антиохійскую церковь.

но (Θеодор. V, 3). Можно ли не допускать религиозной впечатлительности у Мелетія, борца противъ аполинаризма, предсѣдателя II вс. собора? Я никакъ не рѣшаюсь на это. Замѣтимъ, что и Діодоръ былъ сначала аріаниномъ, македоніаниномъ ¹⁾, Діодоръ, имя котораго служило украшеніемъ церкви антиохійской, по свидѣтельству Θεодорита (IV, 25). Вотъ нѣсколько аріанъ (ихъ можно бы насчитать больше), которые или оставались аріанами навсегда или вошли въ лоно церкви, но и въ томъ и другомъ случаѣ извѣстны заслугами для блага церковнаго. Вотъ отъ такихъ-то лицъ и осталась въ наслѣдіе послѣдующимъ поколѣніямъ любовь къ истинѣ и религіозная впечатлительность. Далѣе, — не нужно забывать, что аріанизмъ по своему происхожденію мы считаемъ произведеніемъ антиохійской школы. Когда пало аріанство, въ кружкахъ, гдѣ оно господствовало, оставались въ чистомъ видѣ элементы, составлявшіе характеръ этой школы; выдѣлившись отъ аріанства, съ которымъ они доселѣ смѣшивались, эти элементы достались въ наслѣдство дальнѣйшимъ поколѣніямъ антиохійскаго направленія. И кто будетъ настолько несправедливъ, что не вспомнеть съ уваженіемъ, такія имена, какъ имена Іоанна Златоуста, Θεодорита, Іоанна антиохійскаго, Флавіана константинопольскаго, которые, выражая собой антиохійское направленіе, много пострадали за истину, неотступно держались ея, готовы были умереть за нее и дѣйствительно умирали. Читая ту ха-

¹⁾ Какъ свидѣтельствуєтъ Кириллъ александрійскій. Epist. ad Succensum. Migne. t. 77; 229. Это свѣдѣніе, сколько знаемъ, неизвѣстно въ наукѣ. Но пренебрегать имъ никакъ не слѣдуетъ. Быть можетъ по этой-то причинѣ призваны были на соборъ II вселенскій многіе Македоніане съ извѣстною цѣлю (см. IV гл. нашей диссертаціи).

рактистику нашу арианства, по поводу которой мы теперь говоримъ, не слѣдуетъ упускать изъ вниманія того обстоятельства, что эта характеристика есть подготовленіе—къ исторіи II вс. собора. На II вс. соборѣ, по нашему мнѣнію, верховодами были антиохійцы, которые такъ скомпрометировали себя во время арианскихъ движеній. Было бы въ высшей степени странно, если бы я сталъ говорить объ антиохійскомъ характерѣ II вс. собора, и въ то же время не разъяснилъ вопроса: что случилось съ прежними арианами, какія измѣненія произошли съ ними, почему антиохійцы теперь перестали быть подозрительными, какихъ услугъ церковь могла ждать отъ лицъ, нѣкогда державшихъ знамя арианства, насколько они могли быть полезны для богословской науки? Къ разъясненію этого вопроса и направлена та характеристика умиравшаго арианства, о которой у насъ рѣчь. Впрочемъ мы не думаемъ съ упорствомъ стоять за эту характеристику: если кому она не нравится, тотъ пусть возьметъ перо и исправитъ ее по своему пониманію и вкусу.

На послѣднихъ страницахъ той же пятой главы о. Иванцовъ съ другой стороны ставитъ намъ въ упрекъ, что мы унижаемъ александрійцевъ или православныхъ. Упрекъ напрасный. Критикъ не можетъ обосновать своего обвиненія. Въ тѣхъ замѣчаніяхъ, какія мы дѣлаемъ въ заключеніе нашей третьей главы объ александрійцахъ, критика вомуцаютъ въ особенности слѣдующія слова наши: „что касается до общества противниковъ арианъ, православныхъ, представители его не могли извлечь изъ борьбы съ арианствомъ никакихъ полезныхъ уроковъ“ (Леб. 109; о. Иванц. 182). Критику кажется, что этими словами я приписываю александрійцамъ рутинерство и умственную неподвижность, но онъ жестоко ошибается.

Я хотѣлъ этими словами сказать, что александрійцы представляли собой во многихъ отношеніяхъ образецъ, который могъ быть поучителенъ для антиохійцевъ, а для самихъ александрійцевъ антиохійцы не могли быть какимъ-либо поучительнымъ образцомъ. Эту мысль я и доказываю сейчасъ же послѣ приведенныхъ словъ; я говорю: „ихъ (александрійцевъ) основная точка зрѣнія не нуждалась въ измѣненіи и усовершеніи“ (109). Но критикъ по какимъ-то для меня не понятнымъ соображеніямъ заблагоразсудилъ опустить эти слова мои, приводя тираду изъ моей книги. Если бы критикъ соблаговолилъ совокупить во едино все, что я говорю объ александрійцахъ въ своей книгѣ; то онъ составилъ бы полный и вѣрный взглядъ на мое отношеніе къ александрійцамъ, къ которымъ я отношусь съ большимъ уваженіемъ, но критикъ сдѣлать этого почему-то не заблагоразсудилъ. Дальше,—онъ, критикъ, не можетъ простить мнѣ слѣдующаго замѣчанія объ александрійцахъ: „мысль (александрійцевъ) о неизмѣняемости символа никейскаго выражается *впослѣдствіи* въ крайность, приводитъ къ недоразумѣніямъ и рутинерству“ (Леб. *ibid.* о. Иванц., *ibid.*). Да, *впослѣдствіи* дѣйствительно такъ и было. Символь константинопольскій не былъ принятъ александрійцами, а затѣмъ тѣ же александрійцы въ эпоху монофизитскую не только явно отвергали символъ константинопольскій (на разбойничьемъ и халкидонскомъ соборѣ), но и прямо высказывались противъ всякихъ новыхъ вѣроопредѣленій, кромѣ символа никейскаго. Развѣ это не правда, и развѣ это можетъ служить къ чести позднѣйшихъ александрійцевъ? Въ данномъ случаѣ мы сказали то, что требовало отъ насъ безпристрастіе. Не думаетъ ли о. Иванцовъ, что безпристрастіе — вещь излишняя для историка? Критика нашего на-

конецъ смущаетъ наше заявленіе объ александрійцахъ: „интересъ къ религіозному знанію былъ и оставался у нихъ дѣломъ второстепеннымъ. Они не чуждались науки и не отдавались ей“ (ibid). Сознаюсь, что мысль моя выражена здѣсь не совсѣмъ ясно, потому что она высказана слишкомъ кратко. Мы держимся того воззрѣнія, что между тѣмъ какъ антиохійцы склонны были къ тихому, усидчивому кабинетному богословско-научному труду, александрійцы писали лишь ради практическихъ, жизненныхъ, но разумѣется религіозныхъ, потребностей. Θεодоръ мопсуетскій и Θεодоритъ — чисто ученые въ теперешнемъ смыслѣ слова, люди преимущественно кабинетные. Не совсѣмъ такими представляются александрійцы: они пишутъ тогда, когда требуютъ того нужды времени. Припомните: Аванасій сначала своей исторической дѣятельности почти ничего не писалъ, и принялся за это дѣло уже въ поздній періодъ своей жизни, когда увидалъ, что безъ литературнаго слова не обойдешься ¹⁾. Эту именно мысль и хотѣли выразить мы вышеприведенными словами. Главнымъ образомъ критика ввело въ заблужденіе касательно нашего взгляда на александрійцевъ то обстоятельство, что на послѣднихъ страницахъ третьей главы мы говорили о значеніи антиохійцевъ подробнѣе, чѣмъ о значеніи александрійцевъ. Но, удивляемся, какъ критикъ не понялъ того, что заслуги антиохійцевъ есть вопросъ, требующій раскрытія, тогда какъ вопросъ объ александрійцахъ

¹⁾ Даже о плодovitѣйшемъ писателѣ изъ александрійцевъ — Оригенѣ Филаретъ черниговскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Оригенъ писалъ много, но у него это не было плодомъ страсти. Его вынуждали писать. Самъ онъ неохотно принимался за это дѣло. Онъ писалъ по требованію нуждъ церкви (Истор. Ученіе объ отцахъ церкви. Т. I; 217).

рѣшенъ и безъ насъ (мы не видѣли ни малѣйшей нужды прибѣгать къ такимъ громкимъ фразамъ къ какимъ часто прибѣгаетъ (вѣроятно, въ пику намъ) о. Иванцовъ говоря объ александрійцахъ: мы считали и считаемъ это дѣломъ излишнимъ) ¹⁾.

Лактанцій говоритъ, что ему нужна была бы желѣзная грудь и сотня устъ, чтобы пересказать въ книгѣ всѣ ужасы гоненія Діоклитіанова. Я тоже долженъ сказать, что мнѣ необходимо было бы имѣть и желѣзную грудь и сотню устъ, чтобы исчислить всѣ прегрѣшенія о. Иванцова, обрѣтаемыя мною въ его книгѣ и въ частности въ пятой главѣ ея, но такъ какъ я не обладаю ни тѣмъ, ни другимъ, то и кладу перо на мѣсто.

А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Конѣцъ вѣнчаетъ дѣло. У нашего критика конѣцъ пятой главы вѣнчаетъ собою рядъ странностей, которыя онъ такъ старательно навязываетъ намъ. Въ своей книгѣ мы говоримъ въ заключительныхъ строкахъ третьей главы, что „въ древней церкви“ нѣкогда наступаетъ пора, послѣ чего „никакіе сильныя споры, которые потрясали бы вселенную не могли имѣть мѣста“ и заканчиваемъ тираду вопросомъ: „когда это совершилось“ (110)? Критикъ, приводя эти слова, такъ перетолковалъ ихъ, что они получили смыслъ прямо нелѣпный. „Когда это совершилось“? Повторяетъ о. Иванцовъ съ ироніей наши слова, и затѣмъ пишетъ (184): „мы и представить себѣ не можемъ, когда же это настало или имѣетъ настать (*это въ древней-то церкви?*) такая эпоха или такое состояніе, при которомъ бы никакіе споры, потрясающіе вселенную не могли имѣть мѣста въ церкви“ (мы говоримъ въ „древней церкви“ а критикъ переназначаетъ въ „церкви“ небольшая подгасовка)? Въ древней церкви такая эпоха дѣйствительно наступаетъ—по окончаніи христологическихъ споровъ. Объ этомъ самъ о. Иванцовъ пишетъ въ этой же книгѣ, въ самомъ началѣ ея, а потомъ забываетъ написанное. На стр. 12 онъ говоритъ: „когда въ вопросахъ о Св. Троицѣ и воплощеніи истина была выяснена и еретическія ученія побѣждены православіемъ, мысль еретическая схватывалась за болѣе спеціальныя вопросы, ложь находила себѣ убѣжище въ болѣе и болѣе тѣмныхъ уголкахъ“. „Когда это совершилось“? спросимъ мы забывчиваго критика?

Episcopum de obitu et funere s. Epiphani. Jobi Testamentum, scriptum sane apocryphum, sed valde antiquum. Anastasius Presbyter. Anastasius Abbas. Opuscula prisca duo de Spiritu Sancti processione a Patre Filioque. Paulus Diaconus. Petrus Diaconus. Tractatus antiquus de remuneratione post obitum non differenda. Henricus Parmensis. Claudius Taurinensis. Eustathius Monachus. Justinianus I Imperator. S. Niceta Episcopus. Hieronymus Donatus Venetus. Cajetanus Marinus. Tipucitus. Basilicorum supplementum.

T. VIII. Eusebius Pamphilus. S. Gregorius Nyssenus. S. Cyrillus Alexandrinus. Fragmentum, lingua gothico scriptum.

Romae, 1825—1833. 4°. Въ кор. пер., (4,202 и Г. 3359).

2045. Bibliothèque choisie des Pères de l'Église grecque et latine ou cours d'éloquence sacrée. Par M. N. S. Guillon T. 1—35 voll. 35, contenus:

T. 1. Discours préliminaire. Pères apostoliques et Pères apologistes.

T. 2. Suite des apologistes grecs.

T. 3—5. Apologistes latins.

T. 6. Les Pères dogmatiques: s. Athanase. Osius, Évêque de Cordoue. S. Alexandre, Évêque d'Alexandrie. Le Pape s. Jules. S. Methodius. Didyme l'Aveugle. Eusèbe Pamphyle. L'Empereur Constantin. S. Optat. S. Pacien, Évêque de Barcelone. S. Phébade, Évêque d'Agen. S. Mélicè d'Antioche. S. Astère d'Amasée.

T. 7. S. Hilaire de Poitiers. Supplement: S. Amphiloque d'Jcône. Lucifer. S. Antoine. S. Eusèbe de Samozate. S. Eusèbe de Verceil. Eusèbe d'Émèse. S. Eustache d'Antioche. Marcel d'Ancyre. Le Pape Libère. S. Philastre de Bresse. Conciles de Nicée, de Sardique, de Laodicée, de Rimini et de Séleucie. Extrait du cours de Laharpe sur l'éloquence de Pères. S. Grégoire de Nazianze.

T. 8. Suite de S. Grégoire de Nazianze.

T. 9. Suite de s. Grégoire de Naz. S. Basile de Césarie.

T. 10. Suite de s. Basile. S. Grégoire de Nysse. S. Éphrem.

- T. 11. Suite de s. Éphrem. S. Cyrille de Jérusalem. S. Gaudence. S. Ambroise.
- T. 12. Suite de s. Ambroise. S. Zénon de Vérone. Supplément: S. Martin de Tours. Le Pape s. Sirice. Nectaire de Constantinople. Conciles de Constantinople, de Paris, d'Alexandrie, d'Antioche, de Gangres, de Valence et d'Illyrie, de Rome (377, 378 et 379), de Sarogosse, de Constantinople (2 générale), d'Aquilée, d'Italie, de Constantinople et de Rome, de Bordeaux, de Trèves, de Nîmes, de Rome, d'Antioche, de Carthage, de Rome et de Milan, de Capoue. Synesius de Ptolemaïde. Cas-sien de Marseille.
- T. 13—26. S. Jean Chrysostome.
- T. 27. Suite de s. J. Chrysostome. Supplément: s. Proclus de Constantinople. S. Cyrille d'Alexandrie. S. Isidore de Péluse. Théodoret de Cyr. Sur Théodore de Mopsu-este. S. Nil Abbé. S. Basile de Séleucie. Historiens grecs (Eusèbe, Socrate etc.). Hétychius de Jérusalem. Anastase le Sinaïte. Photius de Constantinople. Balsamon. George de Nicomédie. Germain de Constantinop-le. Théophane Céranéus. L'Empereur Leon. Théophylacte. Oecumenius. Psellus. S. Jean Damascène. George Pisdès. Théodore Studite. S. Macaire. Cosme l'Égyptien. S. Jacques de Nisibe. S. Maruthas. Syméon le Métaphraste. S. Sophrone de Jérusalem. Némésius. Énée de Gaze. André de Crète. S. Denys l'Aréopagite. Poëtes grecs chrétiens. Conciles. S. Épiphanie. Ruffin. S. Jérôme.
- T. 28. S. Iérome. S. Paulin de Nole. Sulpice-Sévère. Ausone. Prudence. Sédulius. Iuvencus. Fortunat. S. Sidoine Apollinaire. Mammert Claudien. Victorin d'Arfique. Le Pape Damase. S. Célestin.
- T. 29—31. S. Augustin.
- T. 32. S. Hilaire, Archevêque d'Arles. S. Fulgence, Évê-que de Ruspe. S. A. Avite de Vienne. S. Eucher de Lyon. S. Remi de Reims. Salvien. Vincent de Lérins. S. Léon. S. Pietre Chrisologue. S. Maxime de Turin. Boèce Sénateur. Cassiodore. S. Prosper. Julien Pomère.
- T. 33. S. Césaire, Archevêque d'Arles. Ferrand Diacre. S. Leon le Grand, le Pape s. Innocent. Le Pape s. Hor-

misdas. S. Benoit, Abbé du Mont-Cassin. S. Germain. Evêque de Paris. S. Germain, Evêque d'Auxerre. S. Loup, Evêque de Troyes. Marius Mercator. Facundus, Evêque d'Hermiane. Fauste de Biez. S. Victor de Vite. Chrysippe de Jérusalem. Denys le Petit. S. Ennode, Evêque de Pavie. Arator. Eudocie. Proba Falconia. Paulin de Perigueux. L'Empereur Justinien. S. Grégoire le Grand. S. Isidore de Séville. S. Léandre. S. Ildefonse. S. Julien, Archevêque de Toleda. S. Colomban et s. Dorothee, Abbés. S. Jean Climaque. S. Eloi de Noyon. S. Boniface de Mayence. Grégoire de Tours. Principaux historiens et chronologistes ecclesiastiques, qui ont écrit en latin. Le Vénéralle Bédé. Charlemagne. Alcuin. Eginard. Paul de Warnefrid. Théodulphe d'Orléans. Amalatre. Alfred le Grand. Rhaban Maur. Pascale Radbert. Ratramne. Hinckmar, Archevêque de Reims.

T. 34. Amolon, Archevêque de Lyon. Wulfade. Agobard. Loup de Ferrières et al. Scolastiques. S. Bernard.

T. 35 S. Bernard (suite). Supplement: principaux écrivains ecclésiastiques des XIV, XV, XVI siècles.

Paris, 1828—1829. 8° min. Въ коп. пер. (2,205).

2046. A. Lafon. Compendium de la Bibliotheque choisie des Pères de l'Église grecque et latine, considérée sous le rapport de l'éloquence. Paris, 1834. 8° min. Въ коп. пер. (3,205).

2047. Auserlesene Reden der Kirchenväter auf die Sonn-und-Festtage des christlichen Jahres zur Beförderung des öffentlichen Predigtamter und zur Belebung der häuslichen Andacht. Jahrgänge 1—3 Bände 1—6 voll. 5, enthaltend.

B. 1. Ueber das Leben des heiligen Ephräm des Syrers. Rede des heil. Ephräm des Syrers über den geistlichen Wettstreit. Ueber das Leben des heiligen Bernhard von Clairvaux. Erste Advents-Rede des heil. Bernhard von Cl. Ueber das Leben des Bischofs Cäsarius von Arles. Zweite Advents—Rede des heil. Cäsarius von Arl. Ueber das Leben des heil. Gregor des Grossen. Dritte Advents-Rede des heil. Gregor des

Grossen. Vierte Advents-Rede des heil. Ephräm. Ueber das Leben des heil. Basilius des Grossen. Rede des Basilius auf die h. Geburt Christi. Erste Rede des heil. Bernhard von Cl. auf die Geburt des Herrn. Ueber das Leben des heil. Augustinus. Erste Rede des heil. Augustinus am Geburtstage des Märtyrers Stephanus. Vierte Rede des heil. Augustinus über den Märtyrer Stephanus. Ueber das Leben des heil. Beda des Ehrwürdigen. Rede des heil. Beda am Gedächtnistage des heil. Apostels und Evangelisten Iohannes. Rede des heil. Bernhard von Cl. auf die Geburt der unschuldigen Kinder. Rede des heil. Basilius des Grossen über den Tod. Rede des heil. Bernhard auf das Fest der Beschneidung des Herrn. Erste Rede des h. Augustinus an Epiphaniens-Feste. Ueber das Leben des heil. Chrysostomus. Rede des h. Chrysostomus am ersten Sonntage nach Epiphaniens. Erste Rede des h. Bernhard von Cl. auf d. zweiten Sonntag nach Epiphaniens. Rede des h. Chrysostomus über die Gottheit Christi. Ueber das Leben des h. Petrus Chrysologus. Rede des heil. Petrus Chrysologus über die Beschwich-tigung des Sturmes auf dem Meere. Zweite Rede des h. Chrysostomus über die Gottheit Christi. Rede des h. Augustinus über Matth. 13, 24—30. Ueber das Leben des heil. Ambrosius. Rede des h. Ambrosius über Matth. 13, 31—35. Rede des h. Basilius des Grossen von dem Glauben. Rede des heil. Augustinus über Matth. 20. 1—16. Rede des h. Gregor des Grossen auf den Sonntag Sexag. Rede des h. Ephräm des Syers weder jene, welche die Natur des Sohnes Gottes sorgfältig zu erforschen bestrebt sind. Aus dem Leben des h. Leo des Grossen. Erste Rede des h. Leo d. Grossen auf die 40-tägige Fasten. Rede des h. Basilius d. Grossen über das Fasten. Rede des h. Leo d. Grossen über die Verklärung des Herrn. Rede des h. Chrysologus über das Fasten und Almosen. Rede des h. Ephräm d. Syers von der Busse. Rede des h. Gregor des Grossen über das Ev. Ioh. 8, 46—59. Rede des h. Bernhard von Cl. von den 5 Tagen. Ueber das Leben des h. Epiphanius. Rede des h. Epiphanius am Palmfeste. Ueber das Leben des h. Cyprian. Rede des h. Cyprian von dem Abendmable des

Herrn. Rede des h. Bernhard von Cl. über das Leiden des Herrn. Rede des h. Epiphanius über das Begräbniss unsers Herrn. Ueber das Leben des h. Gregor von Nazianz. Zweite Rede des h. Gregorius von Naz. auf das heil. Pascha.

- B. 2. Rede des h. Gregor von Naz. auf den neuen Sonntag. Rede des h. Augustinus über das Altars-Sakrament an die Kinder. Rede des h. Gregor des Grossen üb. Ioh. 10, 11—17. Rede des h. Chrysostomus üb. Ioh. 16, 16—22. Rede des h. Bernhard von Cl. über d. rechten Gebrauch der Geschenke Gottes. Rede üb. die drei Brode zur Zeit der Bittgänge. Rede des h. Chrysostomus vom Gebete. Zweite Rede desselben vom Gebete. Zweite Rede des h. Leo d. Gr. über die Auffahrt des Herrn. Rede des h. Gregor d. Gr. am Pfingstsonntage. Rede d. h. Augustinus üb. die Sendung des h. Geistes. Rede des h. Chrysostomus vom h. Pfingstfeste. Rede des h. Basilius d. Gr. am Fest d. h. Dreifaltigkeit. Rede d. h. Augustinus am Fest d. h. Dreifaltigkeit. Erklärung des Ev. Luk. 6, 36—42 vom h. Ambrosius. Rede des h. Augustinus auf das Fest des Frohnleichnam's Christi. Rede d. h. Augustinus an 2 Sab. nach Pfingsten. Rede d. h. Gregor d. Gr. am 3 Sab. nach Pf. Rede d. h. Chrysostomus von d. Lobe des h. Ap. Paulus. Zweite Rede desselben von d. Lobe d. Ap. Paul. Dritte Rede des h. Chrys. von demselben. Rede d. h. Basilius d. Gr. über Hungersnoth und Dürre. Ueber das Leben des Origenes Adamantius. Rede d. Origenes üb. Matth 7, 15—21. Rede d. h. Petrus Chrysol. üb. Luk. 16, 1—9. Rede d. Origenes üb. Luk. 19, 41—47. Rede d. h. Basilius üb d. 115 Psalm oder üb. d. Glauben. Ueber d. Leben d. h. Makarius d. Grossen. Rede d. h. Makarius am 11 Sonntag nach Pf. Rede d. h. Gregor von Naz. üb. die Liebe gegen die Armen. Rede d. h. Leo d. Gr. auf d. Fest Aller Heiligen. Rede d. h. Basilius d. Gr. üb. d. Zorn. Rede d. h. Chrysostomus üb. Matth. 22, 15—21. Rede d. h. Petrus Chrysol. üb. Matth. 9, 18—26. Rede d. h. Ephräim d. Syr. üb. das jüngste Gericht.
- B. 3. (2 Jahrg. B. 1) Rede d. h. Augustinus üb. Eccl. 2, 1 und Ps. 38. Rede d. h. Chrysostomus am 1 Sonntage

im Advent. Rede d. h. Petrus Chrysol. üb. d. Einigkeit d. Glaubigen. Rede d. h. Makarius üb. d. unerforschlichen Wege d. Leitung Gottes. Rede d. h. Bernhard von Cl. üb. Exod. 16, 6. Rede d. h. Petrus Chrysol. üb. d. Menschwerdung Christi. Rede d. h. Gregor von Naz. auf die Geburt Christi. Rede d. h. Chrysostomus üb. Matth. 2, 1—2. Rede desselben üb. d. Märtyrer Stephanus. Fünfte Rede d. h. Leo d. Gr. üb. die Erscheinung d. Herrn. Rede d. h. Ephräm d. Syrers von d. Frömmigkeit und d. guten Werken. Rede d. h. Bernh. von Cl. über die geistliche Hochzeit. Rede d. h. Augustinus üb. Matth. 6. Rede d. Origenes üb. Matth. 8, 23—27. Rede d. h. Ephräm d. Syr. von d. christlichen Liebe. Rede d. h. Leo d. Gr. von d. Vielheit d. Gefahren dieses Lebens und Vergebung d. Sünden. Rede d. h. Chrysostomus üb. die Demuth. Rede d. h. Augustinus üb. Matth. 20, 1—16. Rede d. h. Chrysostomus üb. 1 Kor. 9, 24. Rede d. h. Basilius üb. die Demuth. Rede d. h. Maximus von Turin am Aschermittwoch. Rede d. h. Cyprian von d. Fasten und den Versuchungen Christi. Rede d. h. Chrysostomus üb. d. Anfang d. Fasten. Rede d. h. Leo d. Gr. auf d. zweiten Sonntag in den Fasten. Rede d. Augustinus auf d. 3 Sonntag in d. Fasten. Rede des h. Chrysostomus üb. Joh. 6, 1—15. Rede d. h. Makarius d. Gr. über: Leget den alten Menschen ab etc. Rede d. Maximus von Tur. am Palmsonntage. Rede d. Chrysostomus am Gründonnerstage. Rede d. h. Ephräm von d. Leiden d. Herrn, am Charfreitage Rede d. h. Gregorius von Antiochia üb. die Salben bringenden Frauen, am Charsamstage. Rede d. h. Chrysostomus gegen die Trunkenheit und üb. d. Auferstehung, am grossen Ostersonntage.

- B. 4. (2 Jahrg. B. 2). Rede d. h. Gregor d. Gr. auf d. 1 Sonntag nach Ostern. Rede d. h. Petrus Chrysol. auf d. 2 Sonntag nach Ostern. Rede des Beda auf d. 3 Sonntag nach Ostern. Rede d. h. Cyrillus auf d. 4 Sonntag nach Ostern. Rede d. h. Cyprian auf d. 5 Sonntag nach Ostern. Rede d. h. Augustinus auf Christi Himmelfahrt. Rede d. h. Chrysostomus üb. d. Auferstehung d. Herrn. Rede d. h. Gregor von Naz. zum h. Pfingstfeste. Rede d. h. Chrysostomus auf das

Pfingstfest. Rede d. h. Leo d. Gr. üb d. Pfingstfas-
ten. Rede d. h. Augustinus üb. Luk. 6, 36—43. Re-
de desselben üb. Ioh. 6. Rede d. h. Chrysologus üb.
Luk. 15, 1—8. Derselbe üb. d. Gleichniss von d. ver-
lorenen Drachme. Rede d. h. Augustinus an Geburts-
feste Iohannis d. Täufers. Rede d. h. Chrysostomus
zum Lobe d. h. Paulus am 4 Sonntage nach Pfingsten.
Fünfte Rede d. h. Chrysostomus von d. Lobe d. Ap.
Paulus am 5 Sonntage nach Pfingsten. 6 und 7 Rede
desselben von d. Lobe d. Paulus am 6 und 7 Sonnt.
nach Pfingsten. Rede d. h. Basilius d. Gr. ub. d.
Wucher. Am 8 Sonnt. nach Pfingsten. Rede d. h.
Chrysostomus von d. Busse etc. am 9 Sonnt. nach
Pfingsten. Rede des Beda d. Ehrwürd. am 10 Sonnt.
nach Pfingsten. Ueber das Leben des h. Bruno, Bi-
schofs von Segni. Rede d. h. Bruno am 11 Sonntage
nach Pfingsten. Rede des h. Beda am 12 Sonnt. nach
Pfingsten. Rede des h. Bernhard von Cl. gegen das
Laster d. Undankbarkeit, am 13 Sonnt nach. Pf. Rede
d. h. Augustinus am 14 Sonnt. nach Pfingsten. 6
Kapitel aus d. Abhandlung d. h. Bernhard von Cl.
über Sitten und Pflichten d. Bischöfe. Rede d. h.
Bernhard am 16 Sonnt. nach Pf. 2 Rede d. h. Greg-
gor von Naz. ub. d. Frieden, am 17 Sonnt. nach Pf.
Rede d. h. Chrysostomus am 18 Sonnt. nach Pf. Re-
de desselben ub. Feindschaft und Versöhnung, auf d.
19 Sonnt. nach Pf. Rede d. h. Basilius d. Gr. gegen
die Trunksuchtigen, auf den 20 Sonnt. nach Pfingsten.
Rede d. h. Gregor von Naz. über die durch Hagel-
schlag entstandene Bewüstung, auf den 21 Sonntag nach
Pfingsten. Rede d. h. Bernhard von Cl. am Feste al-
ler Heiligen.

- B. 5 (3 Jahrg. B. 1). Ueber d. Leben des Nicetas David.
Rede des Aniceta zum Lobe des h. Ap. Andreas. Rede
des Leo's des Weisen, auf den ruhmwürdigsten Vorste-
her der Kirche, Nicolaus. Rede des Gregorius von
Nicomedia auf die Verkündigung der Empfängniß Ma-
riä. Rede des h. Chrysostomus üb. d. Unglauben und
d. Glauben des Ap. Thomas. Ueber d. Leben des Gau-
dientius von Brescia. Rede des Gaudentius auf die Ge-
burt des Herrn, gegen den Geiz des ludas und für die
Armen. Zweite Rede d. Augustinus am Feste des

Märtyrers Stephanus. Dritte Rede d. Augustinus am Feste d. h. Stephanus. Rede d. h. Beda üb. die Beschneidung des Herrn. Rede d. h. Ephräm d. Syr. üb. die dreissig Lebensjahre I. Christi. Rede d. h. Ambrosius auf das Fest d. h. Sebastian. Rede d. h. Augustinus am Geburtsfeste des Märtyrers Vincentius. Rede d. h. Chrysostomus üb. Apgsch. 9,1. Rede d. h. Chrysostomus auf d. Märtyrer Ignatius von Antiochia. Rede d. h. Athanasius von Alexandria auf Mariä Reinigung. Rede d. h. Chrysostomus üb. d. Anfang d. Schöpfung. Rede desselben auf die Wahl des Matthias zum Apostelamte. Rede d. h. Gregors auf Matth. 5,13. Rede des Chrysostomus üb. Ioseph den Patriarchen. Rede d. Chrysologus auf das Fest der Verkündigung Mariens. Rede des h. Basilius von Seleucien üb. Maria, die göttliche Mutter und die Menschwerdung unsers Herrn I. Christi. Zweite Rede d. Basilius d. Gross. üb. d. Fasten. Rede des Beda am Palm-Sonntage. Rede des Augustinus am Gründonnerstage. Rede d. Ephräm d. Syr. auf das kostbare und belebende Kreuz und auf die zweite Zukunft des Herrn, wie auch von Liebe und Almosen. Rede des Gaudentius üb. das 2 Buch Moses an die aus dem Taufbrunnen getretenen Glaubensneulinge.

- B. 6. (3 Jahrg. B. 2). Rede d. Epiphanius auf die heil. Auferstehung Christi. Rede d. h. Leo d. Gr. üb. Matth. 16, 13—21. Rede d. Petrus Damianus auf d. heil. Georg. Festrede d. Procopius Diaconus auf d. Ap. und Ev. Markus. Rede d. Chrysostomus auf d. ersten Sonntag nach Ostern. Rede d. Laurentius Iustinianus auf das Eest d. h. Ap. Philippus und Iakobus. Rede d. Beda auf Kreuzerfindung. Rede d. Gregor von Nyssa am Tage der Himmelfahrt d. Herrn. Rede d. Gaudentius üb. d. verheissene Ankunft d. h. Geistes. Rede d. h. Chrysostomus üb. d. Ap. Barnabas. Ephräm d. Syrsers Lobrede auf Basilius d. Grossen. Rede d. Petrus Damianus auf Iohannes den Täufer. Rede d. Chrysostomus üb. d. Ap. Petrus und Paulus. Rede d. Cyrillus Hierosol. auf Mariä Heimsuchung. Rede d. h. Gregor auf die Felicitas und die sieben Brüder, ihr Söhne. Rede d. h. Asterius von Amasia am Feste der h. Magdalena. Rede d. Augustinus auf das Fest d. h.

Martha. Rede d. h. Cyrillus von Alex. auf die Verklärung Christi. Rede d. h. Augustinus auf d. Fest d. h. Laurentius. Alkuin's Rede auf Mariä Himmelfahrt. Rede d. h. Laurentius Iustinianus auf Bartholomäus den Apostel. Rede d. h. Chrysostomus auf die Ent-hauptung d. h. Iohannes d. Täufers.

Coblenz, 1828—1832. 8°. Въ кор. пер. (2, 207).

2048. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio *B. G. Niebuhr*i *C. F.* instituta, opera ejusdem *Niebuhr*i, *Im. Bekker*i, *L. Schopen*i, *G. Dindorf*i et *L. Dindorf*i aliorumque philologorum parata.
- Pars I. Dexippi, Eunapii, Patrii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri historiarum quae supersunt ex recensione *Im. Bekker*i et *B. G. Niebuhr*i *C. F.* cum versione latina per *I. Classen*um emendata. Accedunt eclogae Photii ex Olympiodoro, Candido, Nonnoso et Theophane et Procopii Sophistae Panegyricus, graece et latine, Prisciani Panegyricus, Annotationes *N. Vallesii*, *Labbei* et *Villoisonis* et indices *Classeni*.
- P. II. Procopius ex recensione *G. Dindorf*i. T. 1 — 2 voll. 2.
- P. III. Agathiae Myrinaei historiarum libri quinque cum versione latina et annotationibus *B. Vulcanii*. *B. G. Niebu*rius *C. F.* graeca recensuit. Accedunt Agathiae Epigrammata.
- P. XI. Leonis Diaconi Caloënsis historiae libri dicem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti e recensione *C. B. Hasii*. Addita ejusdem versione atque annotationibus ab ipso recognitis. Accedunt Theodosii Acroases de Creta capta e recensione *F. Jacobsii* et Luitprandi Legatio cum aliis libellis qui Nicephori Phocae et Ioannis Tzimiscis historiam illustrant.
- P. XIX. Nicephori Gregorae Byzantina historia graece et latine cum annotationibus *H. Wolfii*, *C. Ducangii*, *I. Boivini* et *Cl. Capperonmerii*. Cura *L. Schopen*i. T. 1—2 voll. 2.
- P. XX. Ioannis Cantacuzeni Eximperatoris Historiarum libri VI. Graece et latine. Cura *L. Schopen*i. T. 1 — 3 voll. 3.

Bonnae, 1828—1832. 8°. Въ кор. и бум. пер.
(1,174 Н. 297).

2049. Eiusdem editionis tomi separate editi:

- I. Georgius Syncellus et Nicephorus Constantinopolitanus. Ex recensione *G. Dindorfii*. Bonnae, 1829. 8°. Въ кор. пер. (Н. 297).
- II. Constantini Porphyrogeniti Imperatoris De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo graece et latine ex recensione *I. I. Reiskii*, cum eiusdem commentariis integris. T. 1—2 voll. 2. Bonnae, 1830. 8°, Въ кор. пер. (1, 174).
- III. Ioannis Malalae Chronographia ex recensione *L. Dindorfii*. Accedunt Chilmeadi Hodiique annotationes et R. Bentleii Epistola ad I. Millium. Bonnae, 1831. 8°. Въ кор. пер. (Н. 297).

2050. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio *B. G. Niebuhrri C. F.* instituta, auctoritate Academiae litterarum Regiae Borussicae continuata. Tomi separate editi:

- I. Chronicon Paschale. Ad exemplar Vaticanum recensuit *L. Dindorfius*. T. 1—2 voll. 2. Bonnae, 1832. 8°. Въ кор. пер. (Н. 297).
- II. Procopius. Ex recensione *G. Dindorfii* T. 1—2 voll. 2. Bonnae, 1833 8°. Въ кор. пер. (Н. 297).
- III. Theophylacti Simocattae Historiarum libri VIII. Recognovit *Im. Bekkerus*. Genesius. Ex recognitione *C. Lachmanni*. Vol. 1. Bonnae, 1834. 8°. Въ кор. пер. (Н. 297).
- IV. Georgii Pachymeris De Michaelae et Andronico Palaeologis libri XIII. Recognovit *Im. Bekkerus*. T. 1—2 voll. 2. Bonnae, 1835. 8°. Въ папкѣ (Н. 297).
- V. Merobaudes et Corippus. Recognovit *Im Bekkerus*. Bonnae, 1836. 8°. Въ кор. пер. (Г. 633 и Н. 297). 2 экземпля.
- VI. Michaelis Glycae Annales. Recognovit *Im. Bekkerus*. Bonnae, 1836. 8°. Въ кор. пер. (Н. 297).
- VII. Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum. Ad fidem codicis Vaticani recensuit *A. Mieneke*. Nicephori Bryennii Commentarii.

- Recognovit *A. Meineke*. Vol. 1. Bonnae, 1836. 8°. ВЪ кор. пер. (Н. 297).
- VIII. Constantini Manassis Breviarium historiae metricum. Ioelis Chronographia compendiaria. Georgii Acropolitae Annales. Omnia recognovit *Im. Bekkerus*. Vol. 1. Bonnae, 1836—1837. 8°. ВЪ бум. пер. (Н. 297).
- IX. Zosimus. Ex recognitione *Im. Bekkeri*. Bonnae, 1837. 8°. ВЪ кор. пер. (Г. 633).
- X. Pauli Silentiarum Descriptio s. Sophiae et ambonis. Ex recognitione *Im. Bekkeri*. Georgii Pisidae De expeditione Heraclii Imperatoris contra Persas acroases tres. S. Nicephori Constantinopolitani Breviarium rerum post Mauricium gestarum. Recognovit *Im. Bekkerus*. Vol. 1. Bonnae, 1837. 8°. ВЪ кор. пер. (Н. 297).
- XI. Ioannes Lydus. Ex recognitione *Im. Bekkeri*. Bonnae, 1837. 8°. ВЪ кор. пер. (Н. 297).
- XII. Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Ex recognitione *Im. Bekkeri*. Bonnae, 1838. 8°. ВЪ папкѣ (Н. 297).
- XIII. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab *Im. Bekkeri* suppletus et emendatus. T. 1—2 voll. 2. Bonnae, 1838—1839. 8°. ВЪ папкѣ (Н. 297).
- XIV. Annae Comnenae Alexiadis libri XV. Graeca ad codicum fidem nunc primum recensuit, novam interpretationem latinam subiecit, C. Ducangii commentarios duasque annotationes addidit *L. Schopenus*. Bonnae, 1839. 8°. ВЪ кор. пер. (Н. 297).
- XV. Ephraemius. Ex recognitione *Im. Bekkeri*. Bonnae, 1840. 8°. ВЪ кор. пер. (Н. 297).
- XVI. Constantinus Porphyrogenitus De thematibus et de administrando imperio. Accedit Hieroclis Synecdemus cum Bandurii et Wesselingii commentariis. Recognovit *Im. Bekkerus*. Bonnae, 1840. 8°. ВЪ кор. пер. (Г. 633).
- XVII. Historia politica et patriarchica Constantinopoleos. Recognovit *Im. Bekkerus*. Bonnae, 1849. 8°. ВЪ бум. пер. (Н. 297).
- XVIII. Michaelis Attalioetae Historia. Opus a W. Bruneto de Presle inventum, descriptum, correctum recognovit *Im. Bekkerus*. Bonnae, 1853. 8°. ВЪ кор. пер. (1, 174).
- XIX. Nicephori Gregorae Historiae Byzantinae libri postremi ab *Im. Bekkeri* nunc primum editi. Bonnae, 1855. 8°. ВЪ кор. пер. (1, 174).

2051. *L. Pelt. et H. Rheinwald.* Bibliotheca con-
cionatoria.

Sectionis primae, continentis orationes sacras Patrum
græcorum, syrorum ac latinorum e sex prioribus secu-
lis, volumen 1. Homiliarium patristicum collectum. ad-
notationibus criticis, exegeticis historicisque instructum.
Fasc. 1—2 vol. 1. Insunt homiliae quaedam Origenis,
Evsepii Caesariensis, Zenonis Veronensis, Athanasii,
Basilii Magni, Macarii et Ephraemi Syri.

Berolini, 1829. 8°. ВЪ кож. кор. (13,91).

2052. *A. B. Caillau et M. N. S. Guillon.* Collectio
selecta ss. Ecclesiae Patrum, complectens exquisi-
sitissima opera tum dogmatica et moralia, tum
apologetica et oratoria.

Tomi VII—XIII. Patres tertii Ecclesiae saeculi: Iulius
Africanus et Origenes. T. I—VII voll 7.

Parisiis, 1829. 8°. ВЪ кож. пер. (H. 591).

2053. *I. F. Boissonade.* Anecdota graeca e codicibus
regiis descripta et annotatione illustrata. T. 1—5
voll. 5, quibus continetur:

T. I. Sententiae collectae ab Ioanne Monacho, qui et Geor-
gides. Apophthegmata sanctorum Patrum. Sententiae
variae. Philosophorum orationes. Sententiae sapientum.
Septem sapientum sententiae. Novem sapientum apoph-
thegmata ad Alexandrum. Menandri et Philistionis sen-
tentiae. Paraenesis Menandri secundum elementum. Ver-
sus secundum elementum. Libanii exercitatio. Oratio de
Alexandro. Pselli opus medicum. Pselli lexicon medi-
cum. Pselli de agricultura. Theodori Hyrtaceni ad Im-
peratorem acclamatio. Ejusdem monodia in mortem
Regis Michaelis Palaeologi juvenis. Ejusdem monodia
in Nicephorem Chumnum. Nicephori Chumni ad ejus
filiam Reginam in viduitatis passionem. Ejusdem ad
Imperatorem in exitum heri filii ejus. Gregorii Cyprii
laudatio in Michaelem Palaeologum et juvenem Con-
stantinum. Ejusdem laudatio in Imperatorem Androni-
cum Palaeologum. Appendix: Plutarchi ecloga de impos-
sibili. Contra facile propendentes. Leonis Bardale ver-
sus jambici in posteriorem adventum. Ejusdem funeb-

res. Ejusdem in argenteam trullam. Ejusdem epistola ad magnum logethetam Metochitam. De epirrhematibus. Planudis antikismi. Miscellanea. Theodori Prodromi scheda muris. Ignatii versus in Adam. Varietas lectio — nis Phocylideae. Addenda et corrigenda.

- T. II. Nicephori Chumni laudatio in Imperatorem Andronicum Palaeologum. Oratio chrysobulla in quoddam Reginae propositum et quaesitum. Oratio chrysobulla ad excellentissimum Cralem Serbiae dicta. Theoduli rhetoris Magistri. Gregorii Cyprii. Manuel Palaeologi. Maximi Planudis. Anonymi interpretatio expedita nominum botanicorum etc. Theodori Hyrtaceni. Miscellanea.
- T. III. Theodori Hyrtaceni. Ioannis Gabrae. Adventus Mazari in inferos. Nicephori Gregorae. Michaelis Pselli. Polybii. Anonymi. Herodiani. Tryphonis. Cocondrii. Zonaei. Nicetae Serronis. Interpretationes dictionum scriptis s. Ap. Pauli contentarum. Quomodo dividamus recte scriptos in libris grammaticorum versus Selybriae sive Chortasmii. Nicephori Chumni. De duodecim anni mensibus, quibus opus est uti cibus in quoque eorum et a quibus abstinere. Hippocrates Cous Ptolomaeo Regi salutem. Pselli aenigmata, composita a Basilio Megalomita. Aulicalami aenigmata. Aenigma indominabile. Versus Anacreontici in forma confessionis divini et sapientissimi Ioannis Comneni Sozopolitae. Maximi Planudis versus. Sententiosa quaedam. Addenda et corrigenda.
- T. IV. Historia vitae Barlaami et Ioasaphi. Lexicon schedographicum. Domnini enchiridium introductionis arithmeticae. Theodori Prodromi contra senem, longam barbam habentem. Iambi secundum principium Ignatii, alii — Nili, alii Ptochoprodromi. Versus nocturni ab affecto commota anima alphabetice. Versus super precatationes. Libanii narratio. Michaelis Hamartoli epistola. De lyricis. Nomina Christi. Contra meretrices. Antonini Imperatoris epistola. Aminiani de Styge. Andrei Cretensis de sanctorum imaginum veneratione. Addenda et corrigenda.
- T. V. Martyrium s. Arethae etc. Leges Homeritarum. Notarum et Gennadii epistolae. Manuelis Oloboli versus. Nicephori Chumni. Georgii Pachymeris exercitatio. Michaelis Choniatae versus in Athenas. Nicolai Secun-

dini epistola ad Andronicum Callisti filium. Bessarion Andronico Callisti filio. Georgius Amirutzes Bessarioni. Theodorus Demetrio. Theodori epistola. Andronici Callisti in dominum Georgium Palaeologum Lisypatum. Gregorii epistola in Bessarionem Cardinalem. Gregorii sermo laudatorius in Bessarionem. Metaphrasis in vitam et thaumata s. Patris nostri Abercii. Addenda et corrigenda.

Parisis, 1829—1833. 8°. ВЪ коп. пер. (39, 197).

2054. Denkmale der christlichen Glaubens- und Sittenlehre aus allen Jahrhunderten gewählt und übersetzt von *J. M. Denis*. 2-te Ausgabe, durchgesehen und herausgegeben von *J. P. Silbert*. Bde 1—3 vol. 1.

- B. 1. Jahrhunderte 1—6. Ignatius von Antiochia Sendschreiben an die Kirche zu Ephesus. Iustinus Schutzschrift für die Christen. Cyprianus Unterricht vom Gebethe. Gregorius von Nazianz Rede von der Armenliebe. Augustinus Handbüchlein von dem Glauben, Hoffnung und Liebe. Fulgentius Trostschriften an die Wittve Galla.
- B. 2. Jahrhundert. 7 — 12. Isidorus von Sevilla Bussgebeth. Johannes von Damascus Lehre von den Tugenden und Fehlern. Alcuinus Drey Bücher von Gott und der heiligen Dreyeinigkeit. Leo VI, der Weise, Lobrede auf die heiligen Blutzeugen Christi. Anselmus von Canterbury, Ueber die Vorzüge der seligsten Mutter Gottes. Bernhard von Clairvaux, Von der Pflicht Gott zu lieben.
- B. 3. Jahrhundert. 13 — 18. Thomas von Aquino, Auslegung der apostolischen Glaubensbekenntnisses. F. Petrarca's Gespräch von der wahren Weisheit. Johannes Gerson Abhandlung von der Pflicht die kleinen Christo zuzuführen. Ludovicus Blosius Anleitung zu einem christlichen Leben. I. E. Nierembergs Christliche Denksprüche. Fr. von Salignac, Gedanken über Kreuz und Leiden.

Wien, 1830. 8° min. ВЪ коп. пер. (9, 206).

2055. *R. Klotz*. Bibliotheca Patrum Ecclesiae graecorum.

Pars III. Titi Flavii Clementis Alexandrini operum omnium tomi I—IV voll. 4.

Contenta: Protrepticum ad Graecos. Paedagogi libri III. Stromatum libri VIII. Libellus: Quis dives salvetur. Fragmenta. Scholia. Annotationes et indices.

Lipsiae, 1831 — 1834. 8° min. Въ коп. пер. (5, 206).

2056. *Ang. Maji*. Classicorum auctorum e Vaticanis codicibus editorum tomi IV — X. voll. 7, quibus continetur:

T. IV. Scripta Oribasii, Procopii, Isaei, Themistii, Porphyrii, Philonis, Aristidis et alia quaedam.

T. V. Auctores aliquot de re grammaticali. Carmina christiana et alia quaedam.

T. VI. Procopii Gazaei Commentarius in Genesim usque ad cap. XVIII. Ejusdem fragmentum in Canticum Salomonis. Anonymi Scholia in Matthaeum et Marcum. Glossarium vetus latinitatis.

T. VII. Scriptores de rebus Alexandri Magni. Commentarii in Virgilium. Dynamidia. Historica et grammaticalia quaedam.

T. VIII. Thesaurus novus latinitatis sive lexicon vetus e membranis nunc primum erutum.

T. IX. Procopii Gazaei Commentarius in Salomonis Proverbia. Ejusdem Catena veterum Patrum in Canticum Cantorum. Scholia minora in Evangelia Lucae et Iohannis. Herennii Commentarius ad metaphysica Aristotelis. Georgii Phrantzae Chronicon parvum rerum sui temporis.

T. X. S. Cyrilli Alexandrini Commenatrius in Lucae Evangelium. Aliorum Patrum fragmenta.

Romae, 1831—1838 8°. Въ коп. пер. (67, 267).

2057. *J. A. Hassl*. Reliquien aus dem chrstlichen Alterthume zur Weckung und Belebung des Glaubens. 2 Auflage.

Inhalt: Aus dem Sendschreiben des Barnabas. Aus den ächten Schriften der apostolischen Väter. Aus des Ignatius sieben Briefen Der heil. Polykapos von Smyrna. Die heil. Hermas und Papias und die Schriften unter ihrem Namen. Die heil. Quadratus und Aristi-

des und des erstern Vertheidigungsschrift. Vom heil. Märtyrer Iustinus, und namentlich seiner ersten Apologie. Die Schutz—oder Bittschrift des heil. Meliton, Bischof zu Sardes. Der heil. Dionysius, Bischof zu Korinth. Auszüge aus einem merkwürdigen Denkmale des heil. Alterthums. Als Anhang, ein kurzes Auszug aus der Martergeschichte der heil. Felicitas und ihrer sieben Söhne. Einiges vom heil. Theophilus, Bischof zu Antiochia. Aus den Schriften der heil. Irenäus, Bischofs zu Lyon. Aus den Schriften der Kirchenschriftstellers Tertullians. Vom Kirchenlehrer Origenes und seinen Schriften. Vom heil. Clemens von Alexandrien und seinen Schriften. Aus dem Büchlein des M. Minucius Felix, Octavius genannt. Vom heil. Gregorius dem Wunderthäter. Aus den Schriften des heil. Cyprianus. Von Eusebius, Bischof zu Cäsarea in Palästina. Uebergang von den Reliquien aus dem christlichen Alterthume zur folgenden Abhandlung. Gebeth und Stärkung des Glaubens.

Lindau, 1833. 8° min. ВЪ кор. пер. (19, 393).

2058. Darstellung des ältesten Christenthums aus den Schriften der ältesten Kirchenväter: Iustinus, Gregor von Nazianz, Hieronymus, Cyprianus, Lactanz, Irenäus, Hilarius von Poitiers, Theodoret von Cyrus, Athanasius, Cyrillus von Jerusalem, Gregor I, Clemens von Rom, Ignaz Martyr, Ambros, Augustin, Epiphanins, Basilius, Cyrillus von Alexandrien. Vol. I. München, 1837. 8° min. ВЪ кор. пер. (8,222).

2059. Bibliothèque ecclésiastique. Collection complète des ouvrages nécessaires a un pretre. Chefs d'oeuvre des Pères de l'église ou choix d'ouvrages complets des docteurs de l'église grecque et latine. Traduction avec le texte latin en regard. T. 1 — 4 voll. 4.

T. 1. S. Clement Rom. S. Ignace. S. Polycarpe. S. Iustin. Hermias. Tertullien. Minucius Felix.

T. 2 Origène. S. Cyprien. Lactance.

- T. 3. Suite de Lactance. S. Athanase. Eusèbe.
T. 4. S. Gregoire de Nazianze. S. Basile le grand.
Paris, 1837—1838. 8°. Въ коп. пер. (Г. 3707).
2060. Panthéon littéraire. Collection universelle des chefs d'oeuvre de l'esprit humain. Littérature latine. Philosophie chrétienne. Choix de monumens primitifs de l'église chrétienne, avec notices littéraires par *I. A. C. Buchon*.
Correspondance entre Plinè et Trajan au sujet des chrétiens. Tertullien: Vingt-trois traités. Minucius Felix: Octavius. S. Cyprien: douze traités. Lactance: Mort des persécuteurs; Institutions divines; Colère de Dieu; Oeuvre de Dieu; I. F. Maternus: Erreurs des religions profanes.
Paris, 1838. 8° majeure. Въ коп. пер. (Г. 2629).
2061. Ejusdem operis editio alia. Paris, 1840. 8° majeure. Въ коп. пер. (18,212).
2062. Panthéon littéraire. Choix d'ouvrages mystiques, traduits du latin en français.
Augustin: Confessions. Méditations. Boèce: Consolations de la philosophie. S. Bernard: Traité de la considération. Gersen: Imitation de Iesus—Christ. Card. Bona: Principes de la vie chrétienne; Chemin du ciel. Tauler: Institutions. Lois de Blois: Le directeur des ames religieuses.
Paris, 1840. 8° majeure. Въ коп. пер. (Г. 767).
2063. Panthéon littéraire. Littérature latine. Philosophie religieuse. Oeuvres de s. Iérome, publiées par m. *Benoist de Matoungnes*, sous la direction de m. *L. Aimé-Martin*. Paris, 1843. 8° majeure. Въ коп. пер. (Г. 3045).
2064. Bibliotheca Patrum ecclesiasticorum latinorum selecta. Ad optimorum librorum fidem edita, curante *E. G. Gersdorf*. Voll. I—XIII, quibus continetur:
- I. S. Clementis Romani Recognitiones, Rufino Aquil. Presbyt. interprete. Ad librorum mss. et editorum fidem expressae, curante *E. G. Gersdorf*.

- II.—III. S. Th. C. Cypriani opera genuina. Ad optimorum librorum fidem expressa brevique adnotatione instructa, curante *I. H. Goldhorn*. Pars I. Epistolae. P. II. Tractatus.
- IV.—VII. Q. S. F. Tertulliani opera. Ad optimorum librorum fidem expressa, curante *E. F. Leopold*, Pars I. Libri apologetici. P. II. Libri ad ritus et mores christianorum pertinentes. P. III—IV. Libri polemici et apologetici.
- VIII.—IX. S. Ambrosii Ep. Mediol. opera selecta. P. I. De officiis clericorum libri tres. P. II. Hexaemeri libri sex. Ad manuscriptorum et librorum fidem emendavit et selectam lectionum varietatem adiecit *R. O. Gilbert*. Praemissa est vita s. Ambrosii a Paulino scripta.
- X.—XI. F. Lactantii opera. Ad optimorum librorum fidem emendavit et cum selecta lectionum varietate edidit *O. E. Fritzsche*. P. I. Institutionum divinarum libri V priores. P. II. Inst. divin. libri VI et VII. Epitome libri de officio Dei. Liber de ira Dei. Liber de mortibus persecutorum. Fragmenta. Carmina.
- XII.—XIII. Arnobii oratoris adversus nationes libri septem. Recensuit, emendavit et adnotationibus illustravit *F. Oehler*. Minucii Felicis Octavius. I. Firmici Materni de errore profanarum religionum ad Constantium et Constantem Augustos liber. S. Meropii Pontii Paulini Ep. Nolani poema adversus paganos. Commodiani instructionum per litteras versuum primas libri duo. Recensuit, emendavit atque adnotavit *F. Oehler*. Lipsiae, 1838 — 1847. 8° min. Въ кор. пер. (4,206). Того же изданія томовъ II—III и XII другой экземпляръ (Н. 546 и 710).
2065. Spicilegium Romanum. Tomi I—X voll. 10, quibus continetur:
- I. Virorum illustrium CIII, qui saeculo XV exstiterunt, vitae, auctore coaevo Vespasiano Florentino. Praeit *B. Baldi* de scribenda historia tractatus.
 - II. Ang. Politiani Interpretatio poetica librorum quatuor Iliadis. Iacobi Sadoleti Cardinalis Tractatus de christiana ecclesia et alius ad Clementem VII. Aleandri Senioris Cardinalis Epistolae aliquot. Cosmae Hierosolymitani Commentarius ad carmina s. Gregorii Nazianzeni. Nonni

- ad duas ejusdem orationes. Libanii dictiones quatuor. Ioh. Philoponi Prologus ad Nicomachi Arithmeticam.
- III. SS. Martyrum Cyri et Iohannis laudes et miracula LXX. scriptore s. Sophronio, interpretibus Bonifacio Consiliario et Anastasio Bibliothecario. S. Petri Alexandrini vita eodem Bibliothecario interprete. Fragmenta theologica priscorum auctorum ex codicibus arabicis et syriacis. Henrici VIII R. A. Epistola adversus Lutherum.
- IV. Patrum ecclesiasticorum: Serapionis, Ioh. Chrysostomi, Cyrilli Alexandrini, Theodori Mopsuesteni, Procli, Diadochi, Sophronii, Iohannis Monachi, Paulini, Claudii, Petri Damiani scripta varia. Item ex Nicetae Thesauro excerpta. Biographi sacri veteres. Asclepiodoti militare fragmentum.
- V. Apponius in Canticum. Fausti, Fanstini, Arnobii, s. Cyrilli Alexandrini, Laurentii Episcopi et Alberici Diaconi sermones. Epistolae veteres et codicum ampla notitia. Stephanus in Prognosticum Hippocratis. Eustathius ad hymnum s. Iohannis Damasceni. Zonarae, Prodromi et Nicetae specimina. Choricii rhetoris scripta.
- VI. Pontificum Romanorum vitae. Collectiones canonicae. Innocentii III Papae sermones et dialogus. Rei liturgicae et historiae ecclesticae ac gnomiorum fragmenta. Sfortiae Pallavicini Cardinalis tractatus de principe erudito.
- VII. S. Germani Patr. Contantinopolitani De haeresibus et synodis. Photii item Patriarchi Syntagma canonum.
- VIII. Sedulii Scoti, Ang. Card. Valerii, Ant. M. Gratiani, Card. Ioh. Commendoni et P. Bembi, A. S. Sannazarrii, Iul. Valerii, Ant. Galatei, Iul. Caesaris Capacii, Onuphrii Panvini, Procli Lycii, s. Augustini Ep. Hipponensis opuscula.
- IX. Graeca vetera: Evsepii Alexandrini, s. Iohannis Damasceni, Photii. Latina vetera: Priscilliani, Sedulii, Claudii Tauriensis, Odoramni, Chronicon palatinum, Fragmenta sacra, Glossarium latinitatis. Recentiora: Poggii, Vespasiani, Panvini, et Catalogus ecclesiarum Romanarum.
- X. Synodus Constantinopolitana. Constantinus Diaconus. Severus Ant. Leontius. Nicephorus Patr. Nicolaus I Patr. Photius ad Armenios. Minora alia. Poggii Epistolarum centuria et oratio.
- Romae, 1839—1844. 8°. Въ кор. пер. (65,267).

2066. Sämmtliche Werke der Kirchenväter. Aus dem Urtexte in das Teutsche übersetzt. Bde 27—36 voll. 10, enthaltende sämmtliche Schriften des heiligen Ephräm aus Syrien, Diakonus zu Edessa und Kirchenlehres. Kempten, 1842—1847. 8°. Въ кор. пер. (8,206). Того же изданія тома 32-го другой экземпляръ въ бум. пер. (Б. 117).
2067. Patrum apostolicorum opera. Textum ex editionibus praestantissimis repetitum recognovit annotationibusque illustravit, prolegomena et indicem addidit *C. I. Hefele*. Editio altera, curis secundis aucta et emendata. Tubingae, 1842. 8°. Въ кор. пер. (14,207).
2068. Ejusdem operis editio tertia, versione latina, indicibus et aliis quibusdam aucta et emendata. Tubingae, 1847. 8°. Въ кор. пер. (14,207).
2069. L'Abbé *I. P. Migne*. Demonstrations evangeliques, traduites, pour la plupart, des diverses langues, dans lesquelles elles avaient été écrites; reproduites integralement, non par extraits; annotées et publiées par m. l'Abbé *M.* T. 1—16 voll. 16.
- T. 1. Tertullien. Origène. Eusèbe (Praeparation evangel.).
T. 2. Eusèbe (Demonstration evangel.). S. Augustin. Montaigne. Bacon. Grotius. Descartes.
T. 3. Richelieu. Arnaud. Choiseul. Pascal. Pelisson. Nicole.
T. 4. Boyle. Bossuet. Bourdaloue. Locke. Lami. Burnet. Malebranche. Lesley. Leibnitz. La Bruyère. Fenelon,
T. 5. Huet. Clarke.
T. 6. Duguet. Stanhope. Bayle. Leclerc. Dupin.
T. 7. Iacquelot. Tillotson. Haller. Sherlock. Lemoine. Pope. Leland.
T. 8. Louis Racine. Massillon. Ditton. Derham. D'Aguesseau. Polignac.
T. 9. Saurin. Buffier. Warburton. Tournemine. Bentley. Littleton. Fabricius. Addison. De Bernis. I. I. Rousseau. Seed.

- T. 10. Para du Phanjas. Stanislas I. Turgot. Statler. West. Beauzée.
- T. 11. Bergier. Gerdil. Thomas. Bonnet. Crillon. Euler. De-lamare. Caraccioli. Iennings.
- T. 12. Duhamel. Lignori. Butler. Bullet. Vauvenargues. Gue-nard. Blair. Le Franc de Pompignan. Deluc. Porteus. Gérard.
- T. 13. Diessbach. Jacques. Lamourette. Laharpe. Le Coz. Duvoisin. De la Luzerne. Schmitt. Pointer.
- T. 14. Moore. Silvio Pellico. Lingard. Brunati. Manzoni. Paley. Perrone. Dorléans. Campien. Pérennés.
- T. 15. Wiseman. Buckland. Marcel de Serres. Keith. Chal-mers.
- T. 16. Wiseman. Dupin ain. SS. Gregoire XVI.
Paris, 1843. 8° majore. ВЪ коп. пер. (2,268).
2070. *I. F. Baissonade*. *Anecdota nova*. *Descripta et annotata*.
Insunt: Nicephorus Chumnus. Manuel Palaeologus. Demetrius Cydone. Cabasilas. Ioannes Eugenius. Anonymus (Libanius) De rosa. Marcus Eugenius. Anonymi De signis mortis. Leo Philosophus. Theodorus Prodromus.
Parisiis, 1844. 8°. ВЪ коп. пер. (Г. 914).
2071. L'Abbé *I. P. Migne*. *Patrologiae cursus completus seu Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica omnium ss. Patrum, Doctorum Scriptorumque ecclesiasticorum sive latinorum sive graecorum, qui ab aevo Apostolico ad aetatem Innocentii III (an. 1216) pro latinis et ad concilii Florentini (an. 1439) tempora pro graecis floruerunt. Seriei graecae tomi 1—161 voll. 161 et Seriei latinae tt. 1—217 voll. 217.*
1) *Series graeca prior* ab aevo Apostolico usque ad Photii tempora (an. 863). T. 1—104.
- T. I. S. Clementis I Pont. Romani opera genuina et dubia: Epistolae duae ad Corinthios et totidem ad virgines. Constitutiones Apostolicae. Recognitiones.
- T. II. S. Clementis I Romani Homiliae XX. Epitome de

- gestis s. Petri. Liturgia. S. Barnabae Epistola. S. Matthiae Apostoli fragmenta. S. Bartholomaei Apostoli sententia brevis. S. Anacleti Papae epistolae et decreta. S. Hermae Pastor. Anonymi Testamenta XII Patriarcharum. Anonymi Epistola ad Diognetum. Presbyterorum et Diaconorum Achaiae epistola de morte s. Andreae.
- T. III. S. Dionysii Areopagitae opera omnia.
- T. IV. Scholia s. Maximi in opera beati Dionysii. Scriptores varii vitae s. Dionysii.
- T. V. S. Ignatius. S. Polycarpus. Evaristus Papa. Alexander I Papa. Sixtus I Papa. Telesphorus Papa. Hyginus Papa. Pius I Papa. Aniceta I Papa. Soterus Papa. Eleutherus Papa. S. Melito Sardensis. S. Papias Hierapolitanus. S. Quadratus Atheniensis. Aristides. Agrippa Castor. Aristo Pelloeus. S. Claudius Apollinaris Hierapolitanus. S. Hegesippus. Pantaenus. Rhodo. Maximus Hierosolymitanus. Polycrates Ephesius. S. Theophilus Caesariensis. S. Serapion Antiochenus. Apollonius. Plurimorum anonymorum saeculi secundi fragmenta. Ecclesiarum Viennensis et Lugdunensis epistola de martyrio s. Pothini Episcopi et aliorum plurimorum. Praemittitur fragmentum epistolae ss. martyrum Lugdunensium ad Eleutherum Romanum Pont. Appendix I. Passio ss. Epipodii et Alexandri. Append. II. Passio s. Symphoriani. Append. III. Acta ss. Antiochi, Thyrsi et Felicis. S. Victori I Papae epistolae. Archari Africani De Paschate.
- T. VI. S. Iustinus Philosophus. Tatianus Assyrius. Athenagoras. Theophilus Antiochenus. Hermias Philosophus. Appendices tres, continentes I spuria s. Iustini opera, II Acta martyrii ejus et eorum, qui cum eo, III fragmenta operum deperditorum Iustini, Tatiani et Theophili.
- T. VII. S. Irenaeus Lugdunensis.
- T. VIII—IX. S. Clemens Alexandrinus.
- T. X. Zephirinus Papa. Cajus Presbyter Rom. Iulius Africanus. Callistus I Papa. Urbanus Papa. Asterius. Urbanus Papa. Pontianus Papa. Antherus Papa. Fabianus Papa. Alexander Hierosolymitanus. Anatolius Laodicensis. Theognostus Alexandrinus. Pierius Alexandrinus. Malchio Presb. Antioch. S. Hippolytus Ep. Portuensis. S. Gregorius Thaumaturgus. Dionysius Alexandrinus. Maca-

- rius Magnus. Archelaus Mesopotam. Pamphilus Martyr. Phileas Ep. Thmueos. Theonas Alexandrinus. Appendixes: Dionysii Alex. exegetica quaedam. Ejusdem operum fragmenta. Acta s. Hippolyti.
- T. XI—XVII. Origenis Adamantii opera omnia genuina et spuria.
- T. XVIII. S. Methodius (Eubulius) Episcopus et martyr. Alexander Lycopolitanus. S. Petrus Alexandrinus. S. Alexander Alexandrinus. S. Eustathius Ep. Antiochenus et Confessor. Titus Bostrensis. Theodorus Heracleensis.
- T. XIX—XXIV. Eusebii Pamphili Caesariensis Episcopi opera omnia.
- T. XXV—XXVIII. S. Athanasii Alexandrini opera omnia genuina, dubia et spuria.
- S. XXIX—XXXII. S. Basilii Magni Caesariensis opera omnia, graece et latine. Alia autem opuscula, quae syriace nuper prodierunt, vide in serie latina.
- T. XXXIII. S. Cyrillus Hierosolymitanus. Petrus II Alexandrinus. Timotheus Alexandrinus. Apollinarius Laodiceus. Isaac ex Iudaeo christianus. Diodorus Tarsensis.
- T. XXXIV. SS. Macarii ambo, Aegyptius et Alexandrinus. Appendix ad Macariorum opera: Palladii Helenopolitani Historia lausiaca.
- T. XXXV—XXXVII. S. Gregorii Theologi, dicti Nazianzeni, Archiepiscopi CP. opera, cum scholiastis in s. Gregorium: Rufino, Elia Cretensi et aliis.
- T. XXXVIII. S. Gregorius Nazianzenus. Caesarius, frater s. Gregorii.
- T. XXXIX. S. Amphilocheus Iconiensis. Didymus Alexandrinus. Nectarius. Archiepiscopus CP.
- T. XL. Philo Carpasius. S. Asterius Amasenus. Nemesius Emesenus. Hieronymus Theologus graecus. Patres Aegyptii saeculi IV: s. Orsiesius, Abbas Tabennensis. S. Serapion Thmuitanus. S. Pachomius, Abbas Tabennen—sis. S. Antonius Magnus, Abbas. S. Isaias Abbas. Evagrius Ponticus.
- T. XLI—XLII. S. Epiphani Cyprii opera.
- T. XLIII. S. Epiphani opera (continuatio: opera dubia et spuria). Nonnus Panopolitanus.
- T. XLIV—XLVI. S. Gregorius Nyssenus.
- T. XLVII—LXIII. S. Ioannes Chrysostomus.

- T. LXIV. Supplementum ad s. I. Chrysostomi operum editionem Maurino—Benedictinam. Meletius Monachus.
- T. LXV. Severianus Gabalitanus. Theophilus Alexandrinus. Palladius Helenopolitanus. Philostorgius. S. Atticus Constantinopolitanus. S. Proclus CP. S. Flavianus CP. S. Marcus Eremita. Beatus Marcus Diadochus et Marcus Diaconus.
- T. LXVI. Theodorus Mopsuestenus. Synesius, Episcopus Ptolemaidis. S. Arsenius Eremita.
- T. LXVII. Socrates Scholasticus. Hermias Sozomenus Salaminius.
- T. LXVIII—LXXVI. S. Cyrillus Alexandrinus.
- T. LXXVII. Alia opera s. Cyrilli Alex. Theodotus Ancyranus. Paulus Emesenus. Acacius Berrhoeensis. Ioannes Antiochenus. Memno Ephesinus. Acacius Melitensis. Babylas Edessenus. Firmus Caesareae Cappadociae Episcopus Amphilocheus Sidenus. Operum s. Cyrilli ordo novus.
- T. LXXVIII. S. Isidorus Pelusiota. S. Zosimus Abbas.
- T. LXXIX S. Nilus Abbas.
- T. LXXX—LXXXIV. Theodoretus Cyrensis Episcopus.
- T. LXXXV. Basilius Seleuciensis. Euthalius Diaconus. Ioannes Carpathus. Eudocia Imperatrix. Aeneas Gazaenus. Zacharias Mitylenensis. Gelasius Cyzicenus. Theothimus Iunior Tomitanus. Ammonius Alexandrinus. Andreas Samosatensis. Gennadius Patr. CP. S. Quintianus Asculanus. Candidus Isaurus. Antipater Bostrensis. Dalmatius Monachus. Timotheus Byretensis. Eustathius Byretensis. Appendix ad saeculum V.
- T. LXXXVI. Par. I. Timotheus Presbyter CP. Ioannes Maxentius Antiochenus Presbyter. Theodorus Lector. Procopius Tyrorum Presbyter. Theodorus Scythopolitanus. Timotheus Hierosolymitanus. Timotheus III Patr. Alex. Theodosius Patr. Alex. Eusebius Alexandrinus. Eusebius Emesenus. S. Gregentius Taphrensis. Epiphanius Patr. CP. Epiphanius Cyprius. S. Isaacus Ninevitanus. S. Barsanuphius anachoreta Palaestinus. Eustathius Monachus. Iustinianus Imperator. Agapetus Diaconus CP. Leontius Byzantinus seu Hierosolymitanus.
- T. LXXXVI. Par. 2. Leontius Byzantinus (continuatio). S. Ephraemus Patr. Ant. Paulus Silentiarinus. S. Eutychius Patr. CP. Evagrius Scholasticus. S. Eulogius Alexan-

- rinus. S. Symeon Iunior. Zacharias Hierosolymitanus. Modestus Hierosolymitanus. Iobius Monachus. Erechtius Antiochiae in Perside Episcopus. S. Petrus Laodicensus.
- T. LXXXVII. Par. 1—2. Procopius Gazaesus.
- T. LXXXVII. Par. 3. Procopius Gazaesus (continuatio). Ioannes Moschus. S. Sophronius Hierosolymitanus. Alexander Monachus.
- T. LXXXVIII. Cosmas Indicopleustes. Constantinus Diaconus CP. Photini Manichaei et Pauli Christiani dialecti. Ioannes Scholasticus, cognomine Climacus. Agathias Myrinaeus Scholasticus. Dorotheus Archimandrita. Gregorius Antiochenus. Ioannes Iejunator Patr. CP.
- L. LXXXIX. Anastasius Sinaita Patr. Ant. Anastasius alius Patr. Ant. Anastasius Theopolitanus et Cyrillus Alexandrinus. Anastasius Abbas Palaest. Anastasius IV Antioch. Anastasius Presbyter. Antiochus Monachus.
- T. XC. S. Maximi Confessoris opera ex ed. *F. Combefis*.
- T. XCI. S. Maximus Confessor (continuatio). Thalassius Abbas. Theodorus Raithuensis Abbas.
- T. XCII. Chronicon Paschale. Georgius Pisida.
- T. XCIII. Olympiodorus Diaconus Alexandrinus. Hesychius Presbyter Hierosolymitanus. Leontius Neapolitanus in Cypro Episcopus.
- T. XCIV — XCV. S. Ioannes Damascenus, ex editione *M. Lequien*.
- T. XCVI. S. Ioannes Damascenus (continuatio). Ioannes Patr. CP. Ioannes Nicaenus Archiepiscopus. Ioannes Euboeensis Presb.
- T. XCVII. Ioannes Malala, Chronographus Byzantinus. Andreas Hierosolymitanus, Archiepiscopus Cretensis. Elias Metropol. Cretensis. Theodorus Abucara, Episcopus Carius.
- T. XCVIII. S. Germanus Archiep. CP. Cosmas Hierosolymitanus. S. Gregorius II Agrigentinus. Anonymi Becucciani Dogmata orthodoxa. Pantaleon Diaconus CP. Adrianus Monachus. Epiphanius Catanensis Diaconus. Pachomius Monachus. Philotheus Monachus. S. Tarasius Archiep. CP.
- T. XCIX. S. Theodorus Studita.
- T. C. S. Nicephorus Patr. CP. Stephanus Diaconus CP. Procopius Diaconus et Chartophylax CP. S. Gregorius Decapolita. Christophorus Patr. Alex. S. Methodius CP. Georgius Nicomediensis.

- T. CI—CIII. Photius Patr. CP.
- T. CIV. Photius Patr. CP. (continuatio). Petrus Siculus et Petrus Argorum Episcopus. Bartholomaeus Edessenus Monachus.
- 2) Series *graeca posterior*, in qua prodeunt Patres, Doctores, Scriptoresque Ecclesiae graecae ab aevo Photiano ad concilii usque Florentini tempora (an. 863—1439).
- T. CV. Nicetas David Paphlago. Nicetas Byzantinus. Theognostus Monachus. Anonymi Vita s. Nicolai Studitae. S. Iosephus Hymnographus.
- T. CVI. Iosephus Christianus. Nicephorus Philosophus. Andreas in Caesarea Cappadociae Archiepiscopus. Arethas Caesareae Cappadociae Episcopus. Ioannes Geometra. Cosmas Vestitor. Leo Patricius. Athanasius Ep. Corinthius. Opuscula graeca incertae aetatis.
- T. CVII. Leo Imperator, cognomine Philosophus vel Sapiens.
- T. CVIII. S. Theophanes Abbas et Confessor. Auctoris incerti Vita Leonis Armeni. Leo Grammaticus. Anastasius Bibliothecarius.
- T. CIX. Historiae Byzantinae Scriptores post Theophanem: Anonymi Chronographia; Constantinus Porphyrogenitus; Anonymi De vita Leonis Philosophi, Alexandri et Romani Imperatorum; Anonymi Dissertatio stelitentica contra Iconomachos. Ioannes Monachus Hierosolymitanus. Ioannes Cameniata. Demetrius Cydonius. Symeon Magister et Logotheta. Georgius Monachus. Iosephus Genesisus.
- T. CX. Georgius Monachus, cognomine Hamartolus.
- T. CXI. Nicolaus Patr. CP. Anonymi De Papis. Basilius Metropolitane Neopatr. Basilius Caesareae Cappadociae Episcopus minimus. Gregorius Presbyter Caesariensis. Anonymi Vita s. Lucae Junioris. Leo Grammaticus (v. t. CIX). Anonymi Vita s. Clementis Bulgariae Episcopi. Moses Bar-Cepha, Syrus Episcopus. Theodorus Daphnopates. Nicephorus Presbyter CP. Eutychius Patr. Alex. Georgius Monachus.
- T. CXII. Constantinus Porphyrogenitus
- T. CXIII. Constantinus Porphyrogenitus (continuatio). Hieroclis Grammatici Synedemus. Dexippus Athenaeus. Eupapius Sardonius. Petrus Patricius et Magister. Priscus

- Rhetor et Sophista. Malchus Rhetor Philadelph. Menandrus Protictor. Theophylactus (circa an. 630). S. Nicon Cretensis. Theodosius Hierodiaconus. Addenda: Romani junioris Imperatoris aurea bulla pro monasterio Xeropotami in monte Atho. Wesselingii Prolegomena et Commentarius in Hieroclis Synecdemum.
- T. CXIV—CXVI. Symeon Logotheta, qui et Metaphrastes.
- T. CXVII. Basilius Imperator Porphyrogenitus. Leo Diaconus Caloensis. Anonymi De velitatione bellica Nicephori Augusti et Excerpta ex historiis Arabum de expeditionibus syriacis Nicephori Phocae et Ioannis Tzimiscis. Hippolytus Thebanus. Ioannes Georgides Monachus. Ignatius Diaconus. Nilus Eparchus. Christophorus Protosecretis. Michael Hamartolus. Anonymi Versus politici catanuctici. Suidas.
- T. CXVIII. Oecumenius Triccae Episcopus.
- T. CXIX. Oecumenius (continuatio). Canonicum justum seu Synodica decreta et archieraticae constitutiones Constantinopolitanorum Patriarcharum et Archiepiscoporum: Par. 1, s. Ioannis Chrysostomi; Gennadii; Tarasii; Nicephori; Sisinii; Sergii; Alexii; Michaelis I Cerularii; Ioannis VIII Xiphilini; Nicolai III; Leonis Stypae et Arsenii; Nicolai IV Muzalonis; Theodoti II; Constantini IV Lichudae seu Chliarini; Lucae Chrysobergae; Michaelis III Anchiali; Theodosii I; Germani II; Manuelis II; Incertorum Patriarcharum; Par. 2: Nectarii; Nicolai I; Alexii; Michaelis Cerularii; Constantini Lichudae; Ioannis Xiphilini; Eustratii; Nicolai III; Lucae Chrysobergae; Georgii II Xiphilini; Ioannis IX Camateri; Philothei; Incertorum Patriarcharum. Apocrises, epistolae et sententiae aliorum Episcoporum et ss. Patrum: par. 1: Basilio Achrideni; Nicetae Metropolitae Heracleensis; Demetrii Chomatiani; Ioannis Citri; Eliae Metropolitae Cretensis; Nicephori Chartophylacis; Nicetae Thessalonicensis; Ioannis Zonarae, Theodori Balsamonis; par. 2: Petri Chartophylacis; Demetrii Syncelli, Metropolitae Cyziceni; Basilio Thessalonicensis; Demetrii Chomatiani; Theodori Balsamonis; Matthaei Monachi; Michaelis Nomophylacis Chumni, Metrop. Thessalonicensis.
- T. CXX. Anonymi Vita s. Nili Junioris. Theodorus Ep. Iconiensis. Leo Presbyter. Leo Grammaticus. Ioannes Presbyter. Epiphanius Monachus Hierosol. Alexius Patr. CP.

- Demetrius. Symeon Junior Theologus. Nicetas Chartophylax Nicaenus. Michael Cerullarius Patr. CP. Samonas Gazensis Ep. Leo Archidanus Bulgarorum Archiepiscopus. Nicetas Pectoratus, Presbyter et Monachus Stud. Ioannes Euchaitarum Metropolita. Ioannes Xiphilinus Patr. CP. Ioannes Diaconus CP.
- T. CXXI. Georgius Cedrenus.
- T. CXXII. Georgius Cedrenus (continuatio). Ioannes Scylitzes. Michael Psellus.
- T. CXXIII—CXXVI. Theophylactus Bulgariae Archiepiscopus.
- T. CXXVII. Nicephorus Bryennius. Constantinus Manasses. Nicolaus III Grammaticus, Patr. CP. Lucas Abbas Cryptopherrus. Nicon Monachus. Anastasius Caesareae Palaestinensis Episcopus. Nicetas Serron. Iacobus Monachus. Philipus Solitarius. Iob Monachus. Petrus Chrysolanus Ep. Mediol. Alexius Comnenus Imperator. Irene Augusta, conjux Alexii Comneni. Elias Presb. Cretensis. Nicetas Serronius, Metropol. Heracleensis. Nicephorus Botaniates. Nicetas Sides.
- T. CXXVIII—CXXX. Euthymius Zigabenus.
- T. CXXXI. Euthymius Zigabenus (continuatio). Anna Comnena.
- T. CXXXII. Theophanes Cerameus. Nilus Doxopates, seu Doxopatrius. Ioannes Patr. Ant. Ioannes II Comnenus. Isaacus magnus Catholicus Armeniae.
- T. CXXXIII. Arsenius Philotheites Monachus. Theorianus Orthodoxus. Ioannes Cinnamus. Manuel Comnenus Imperator. Alexius II Comnenus Imperator. Andronicus Comnenus Imperator. Ioannes Phocas. Epiphanius Monachus Agiopolites. Perdicus Protonotarius Ephesinus. Anonymi De Hierosolymis. Theodorus Prodromus.
- T. CXXXIV. Ioannes Zonaras.
- T. CXXXV. Ioannes Zonaras (continuatio). Georgius Xiphilinus Patr. CP. Isaacius II Angelus Imperator. Neophytus Presbyter. Ioannes Chelas. Nicolaus Ep. Methonensis. Eustathius Metropol. Thessalonicensis.
- T. CXXXVI. Eustathius Thessalonicensis (continuatio). Antonius Monachus. cognomine Melissa.
- T. CXXXVII—CXXXVIII. Theodorus Balsamon
- T. CXXXIX. Isidorus Metropol. Thessalonicensis. Nicetas Maroneias, Metropol. Thessal. Ioannes Ep. Cretensis.

- Marcus Patr. Alex. Ioel Chronographus. Nicetas Choniata seu Acominatus.
- T. CXL. Nicetas Choniata (continuatio). Epistola Constantinopolitanorum ad Innocentium III. Michael Acominatus Choniata, Nicetae frater. Theodorus Ep. Alaniae. Theodorus Andidensis. Manuel Magnus rhetor. Pantaleo Diaconus CP. Manuel Charitopulus. Germanus II Patr. CP. Michael Chumnus Theodorus Ducas Lascaris. Methodius Monachus. Nicephorus II Patr. CP. Constantinus Acropolita. Arsenius Autorianus Patr. CP. Georgius Acropolita. Theodorus II Lascaris Imperator. Nicephorus Chumnus. Alexander IV Papa. Sixtus VI Papa.
- T. CXLI. Ioannes Veccus Patr. CP. Constantinus Meliteniota. Georgius Metochita
- T. CXLII. Georgius Cyprius Patr. CP. Athanasius Patr. CP. Nicephorus Blemmida.
- T. CXLIII. Ephraemius Chronographus. Theoleptus Metropol. Philadelphiae. Georgius Pachymeres.
- T. CXLIV. Georgius Pachymeres (continuatio). Theodorus Metochita. Matthaeus Blastares.
- T. CXLV. Matthaeus Blastares (continuatio). Theodulus Monachus, aliàs Thomas Magister. Nicephorus Callistus Xanthopulus.
- T. CXLVI. Nicephorus Callistus (continuatio).
- T. CXLVII. Nicephorus Callistus (continuatio). Callistus et Ignatius Xanthopuli Monachi. Callistus Patr. CP. Callistus Telicoudes. Callistus Cataphugiota. Nicephorus Monachus. Maximus Planudes.
- T. CXLVIII. Nicephorus Gregoras.
- T. CXLIX. Nicephorus Gregoras (continuatio). Nilus Cabasilas, Metropol. Thessalon. Theodorus Meliteniota. Georgius Lapitha. Anonymi Catalogus librorum monasterii insulae Patmi.
- T. CL. Constantinus Harmenopulus. Macarius Chrysocephalus. Ioannes Caleca. Theophanes Nicaenus. Nicolaus Cabasilas. Gregorius Palama, Metropol. Thessalon.
- T. CLI. Gregorius Palama (continuatio). Gregorius Acyndinus. Barlaamus Calabrinus.
- T. CLII. Manuel Caleca Monachus. Ioannes Cyparissiota. Matthaeus Cantacuzenus. Ioannes Glycis, Esaias, Ioannes Caleca, Isidorus, Callistus, Philotheus Patriarchae

- Constantinopolitani: eorum diplomata, synodicae constitutiones, et epistolae ab an. 1310 ad an. 1372.
- T. CLIII. Ioannes Cantacuzenus.
 - T. CLIV. Ioannes Cantacuzenus (continuatio). Philotheus Patr. CP. Demetrius Cydone. Maximus Chrysoberga. Philotheus Archiep. Selymbriensis. Ioannes Palaeologus.
 - T. CLV. Symeon Thessalonicensis.
 - T. CLVI. Manuel Chrysoloras. Ioannes Cananus. Manuel II Palaeologus Imperator. Ioannes Anagnosta. Georgius Phrantza.
 - T. CLVII. Georgius Codinus. Ioannes Ducas.
 - T. CLVIII. Michael Glyca. Ioannes Diaconus Adrianopolitanus. Esaias Cyprius. Hilario Monachus. Ioannes Argypopolus. Theodorus Agallianus. Iosephus II Patr. CP. Iob Hamartolus Monachus. Bartholomaeus de Iano. Nicolaus Barbarus. Anonymi Narratio de vita Mohammedis.
 - T. CLIX. Laonicus Chalcocondyla. Leonardus Chiensis. Isidorus Cardinalis, Ruthenorum Episcopus. Ioannes Plusiadenus. Iosephus Methonensis.
 - T. CLX. Gregorius Melissenus seu Mamma Patr. CP. Genadius seu Georgius Scholarius Patr. CP. Georgius Gemistus seu Pletho. Matthaeus Camariota. Marcus Eugenicus Metropol. Ephesius. Nicolaus V Papa.
 - T. CLXI. Bessarion Nicaenus, Cardinalis. Georgius Trapezuntinus. Constantinus Lascaris. Theodorus Gaza. Andronicus Callistus. Imperatorum Constantinopolitanorum novellae constitutiones ab an. 1220 usque ad captam urbem.

3) Series *latina prior*, a Tertulliano ad Gregorium Magnum usque (an. 604).

- T. I—II. Q. S. F. Tertullianus.
- T. III. Acta ss. Perpetuae et Felicitatis. M. Minucius Felix. Anonymi Chronicon. SS. Celerini, Luciani, Caldonii, Moysis, Maximi, Nicostrati, Rufini aliorumque confessorum Ecclesiae Africanae Epistolae. SS. Maximi, Urbani, Sidonii et Macarii confessorum Romanorum Epistolae ad Cyprianum. S. Cornelii Papae et martyris Epistolae ad Cyprianum. S. Cypriani ad s. Cornelium Epistolae. Novatianus seu Novatus Presb. Romanus et haereticus. S. Lucius I Papa et martyr. S. Stephanus I Papa et martyr. Anonymorum scripta De rebaptismate,

Adversus Novatianum de lapsis, cum dissertationibus quibusdam. S. Pontius Diaconus Carthagin. Appendix: Passio s. Cypriani ex mss. s. Victoris.

- T. IV. S. Cypriani Ep. Carthag. opera omnia genuina, dubia, deperdita et supposititia.
- T. V. Sixtus II Papa et martyr. S. Dionysius Papa. S. Dionysius Alex. S. Felix Papa. S. Eutychianus Papa. S. Cajus Papa. Commodianus Gazaeus, poëta Africanus. S. Victorinus Petavionensis Episcopus et martyr. S. Magnes Presbyter. Arnobius rhetor Afer.
- T. VI. S. Marcellinus Papa. S. Marcellus Papa. S. Eusebius Papa. S. Melchiades Papa. Celsus. C. F. Lactantius.
- T. VII. C. F. Lactantius.
- T. VIII. Eusebius Pamphilus. Constantinus Magnus. Appendix: Epistola falso ascripta Melchiadi. Licinius, collega Constantini. Anulinus, Proconsul in Africa. Helena Imperatrix. Arius et Euzoius haeresiarchae presbyteri. Nazarius rhetor. Auctoris incerti Panegyricus Maximiano et Constantino dictus. Eumenius rhetor. Auctoris incerti Panegyricus Constantino Augusto. Monumenta historiae Donatistarum. Diocletianus et Maximianus Imperatores. Anonymorum Acta s. Felicis Episcopi, Acta ss. Saturnini, Felicis, Dativi, Ampelii et aliorum. Appendix ad illa acta de Mensurio et Caeciliano. Gesta purgationis Felicis Aptingitani Ep. Gesta purgationis Caeciliani. Mensurius Ep. Carthagin. Secundus Ep. Tigisitanus. Marcianus Ep. Africanus. Coecilianus Ep. Carthag. Petronius, Anianus et Iulianus, Quaestores Constantini. Anonymi Donatistae Presbyteri Sermo de vexatione Donatistarum. Anonymi Donatistae Presbyteri Passio Marculi et Isaac Donatistarum. Macrobius Donatista. S. Sylvester Papa. S. Marcus Papa. S. Iulius I Papa. Marius Victorinus rhetor. Candidus Arianus. Osius Ep. Cordub. Liberius Papa. S. Athanasii epistolae ad Liberium. Potamius Ep. Ulyssiponensis.
- T. IX—X. S. Hilarii Ep. Pictaviensis opera.
- T. XI. S. Zeno Ep. Veronensis. Appendix: Dissertationes de Zenone. S. Optatus Ep. Milevitanus.
- T. XII. S. Eusebius Vercellensis Ep. I. F. Maternus. S. Philastrius Brixianensis Ep.
- T. XIII. S. Felix II Papa. Faustinus et Marcellinus Presbyteri. S. Damasus Papa. Theodosius Magnus et Pacatus.

- Epistola Concilii CP. graeco-latine ad Theodosium. S. Vigilius Ep. Tridentinus et martyr. Epistolae Constantii Augusti et variorum ad Vigilium, graeco-latine. Anonymi ariani Sermones. Anonymi orthodoxi Expositio fidei catholicae. Breviarium fidei catholicae. Philocalus et Q. P. Silvius Ep. Octodurensis. Lucifer Ep. Calaritanus. S. Pacianus Ep. Barcinonensis. Q. I. Hilarianus. S. Siricius Papa.
- T. XIV—XVII. S. Ambrosii Ep. Mediolanensis opera genuina et spuria.
- T. XVIII. S. Martinus Ep. Turonensis. Tichonius Africanus. Hilarius Diaconus. Novatus catholicus. Anonymi Exhortatio ad monachos; Exhortatio ad sponsam Christi. S. Ambrosius Mediolanensis: Addenda ipsius operibus: Sermones e cod. Sessoriano. Aurelius Symmachus, vir consularis ethnicus. Maximus Grammaticus. Mamertinus, vir consul. Publius Victor. Ulfilas, Ep. Maeso-Göthorum arianus.
- T. XIX. Vettius Aquil. Iuvenus, poëta. Optatianus Porphyrius. Sedulius Coelius, poëta. Severus rhetor. Valeria Faltonia Proba. Ausonius, rhetoricae magister et poëta.
- T. XX. S. Phoebadius, Aginnensis Episcopus. S. Anastasius I Papa. Faustus Manichaeus. Sulpicius Severus Presbyter. Secundinus Manichaeus. S. Chromatius, Ep. Aquileiensis. S. Victricius, Ep. Rothomagensis. Pammachius et Oceanus. S. Innocentius I Papa. Zosimus Papa. Paulinus Ep. Mediolanensis. Severus Ep. Majoricensis. S. Bonifacius Papa. S. Gaudentius Ep. Brixiensis. S. Aurelius Ep. Carthagin. Bacharius Monachus. Zachaeus et Evagrius. Indices ad opera ss. Chromatii et Gaudentii.
- T. XXI. Rufinus Ep. Aquileiensis. Pelagius Monachus Britannus haeresiarcha. Iulianus Eclanensis Ep. Pelagianus. Coelestius Pelagii discipulus. Anianus Diac. Celestensis Pelagianus. Variantes lectiones et index in Rufinum.
- T. XXII—XXX. S. Eusebius Hieronymus.
- T. XXXI. F. Lucius Dexter. Paulus Orosius Presbyter. Leporius Presbyter. Evodius Upsalensis Episcopus. Indices in Lucium D. et P. Orosium.
- T. XXXII—XLVII. S. Aur. Augustinus, Hipponensis Episcopus.
- T. XLVIII. Marius Mercator.

- T. XLIX. Ioannes Cassianus, Presb. Massiliensis.
- T. L. I. Cassiani operum t. II. Vigilus Diaconus. Fastidius Britannus Ep. Possidius Ep. Calamensis. S. Coelestinus I Papa. Antoninus Honoratus, Ep. Constantiensis. S: Xistus III Papa. Vincentius Lirinensis. S. Eucherius Lugdunensis Episcopus. S. Hilarius Arelatensis Ep. Paschasius. Asturicensis Ep. An. P. Sylvius Ep. Octodunensis. Turribius, Asturicensis Ep. Indices in Cassianum.
- T. LI. S. Prosper, Aquitanus Presb. Idatius Ep. Aquae-flav. Marcellinus, comes. Index in Prosperum.
- T. LII S. Petrus Chrysologus, Ravennatensis Archiep. S. Valerianus, Ep. Cemeliensis. S. Nicetas Aquileiensis Ep.
- T. LIII. S. Salvianus, Presb. Massiliensis. Arnobius junior. historicus. Anonymi Praedestinatus sive de haeresi Praedestinatorum, cum Prolegomenis Gallandii et Appendice de eadem haeresi Mamertus Claudianus, Presb. Viennensis. S. Patricius Hibernorum Apostolus. Secundinus Ep. Hibern. Capreolus Carthag. Ep. Uranius Presbyter. Eustathius. Pol. Sylvius. Salonius Viennensis Ep. Ceretius, Salonius et Veranus. Philippus Presb. Leo Bituricensis. Victorius Cenoman. Eustochius Turo-nensis. Index in Salvianum.
- T. LIV—LVI. S. Leo Magnus.
- T. LVII. S. Maximus Taurinensis Ep.
- T. LVIII. S. Hilarus Papa. Simplicius Papa. S. Lupus, Tre-censis Ep. S. Ephronius Aeduensis Ep. Ruricius Lemo-vicensis Ep. Victor Vitensis Presb. Sidonius Apollinaris, Arvernorum Ep. Perpetuus, Turonensis Ep. Cerealis, Castellensis Ep. S. Eugenius Carthag. Ep. S. Faustus, Rhegiensis Ep. S. Felix III Papa. Gennadius, Massilien-sis Presb. Indices in Victorem Vitensem, Sidonium et Gennadium.
- T. LIX. Gelasius I Papa. S. A. E. Avitus. Ep. Viennensis. Ioannes Diaconus. S. Faustinus. Iulianus Pomerius Presb. Anonymi De genealogiis patriarcharum. Anonymi De computo Paschali. Anonymi De ordine monastico apud veteres Scotos. Aur. Prudentius poeta.
- T. LX. A. Prudentii operum t. II. Dracontius poeta. Indices in Prudentium et Dracontium.
- T. LXI. S. Paulinus Nol. Ep. Victor seu Victorinus. Mero-baudes Scholasticus. S. Orientius Ep. Ausciensis. S. Auspicius Tullensis Ep. Paulinus Petricordiensis. Amoe-

- nus. Secundinus Hibernus Ep. Drepanius Florus. Anonymi Carmen de laudibus Domini. Indices in Paulinum Nol.
- T. LXII. Paschasius Diaconus. Symmachus Papa. Petrus Diaconus, Vigilus Tapsensis Ep. Rusticius Elpidius. Euyppius Abbas. Indices in Vigilium Taps.
- T. LXIII. M. F. Ennodius Ticinensis Ep. Hormisda Papa. Trifolius Presb. Elpis, uxor Boetii. Sever. Boetius senator.
- T. LXIV. Boetii operum t. II.
- T. LXV. Felix IV Papa. S. Prosper ex Manichaeo conversus. Bonifacius II Papa. Montanus Ep. S. Eleutherius Ep. Tornacensis. S. Fulgentius Ruspensis Ep. S. Remigius Archiep. Rhemensis. Marcellinus comes. Index in s. Fulgentium.
- T. LXVI. Ioannes II Papa. Agapetus I Papa. Silverius Papa. Amator Augustodunensis Episcopus. S. Laurentius Novariensis Ep. S. Benedictus, monachorum occidentalium institutor. Index in S. Benedictum.
- T. LXVII. Dionysius Exiguus, Monachus. Facundus Hermianensis. Fulgentius Ferrandus, Carthagin. Diaconus. S. Iustus Ep. Urgellensis. Viventiolus Ep. Lugdunensis. Trojanus Ep. Santonensis. Pontanus Ep. Africanus. S. Caesarius Arelatensis Ep. Rusticus Diaconus Rom.
- T. LXVIII. S. Leo Senonensis Ep. Iulius Ep. Africanus. Mappinius Rhemensis Ep. Arator Subdiaconus Rom. Victor Capuanus Ep. S. Nicetius Trevirensis Ep. Agnellus Ravennatensis Ep. S. Aurelianus Arelatensis Ep. Primasius Adrumetanus Ep. Victor Ep. Tununensis. Liberatus Carthaginensis Diaconus. Indices in Aratorem et alios.
- T. LXIX. Vigilus Papa. Iustinianus Imperator. Gildas, cognomine Sapiens. Pelagius I Papa. Aurelius Cassiodorus senator et postea Vivariensis Abbas.
- T. LXX. Cassiodori operum t. II.
- T. LXXI. S. Gregorius Turonensis Ep. Fredegarius scholasticus.
- T. LXXII. Ioannes III Papa. S. Martinus Dumiensis, Ep. Bracarenensis. S. Germanus Parisiensis Ep. S. Domnolus Cenomanensis Ep. Radegundis Francorum Regina. Baudonivia monialis Pictaviensis. Benedictus I Papa. Licianus Carthaginensis Ep. S. Veranus Cibellitanus Ep.

Pelagius II Papa. S. Annarius Ep. Antissiodorensis. Stephanus Abbas Antissiodorensis. S. Sedatus Biterrensis Ep. S. Aregius vel Aridius Abbas Attanensis. Cogitosus. Marius Aventicensis Ep. Luculentius. Ioannes Arelatensis Ep. Ioannes Abbas Biclarensis. S. Leander Ep. Hispalensis. Antoninus Placentinus. Florianus Abbas. Anonymi Continuatio Eusebii Chronici (vide apud Eusebium). Iustinianus Imperator. Glycerius Imperator (v. t. LVI) Theodoricus, Gothorum Rex. Athalaricus. Amalasuintha. Theodotus seu Theodahadus. Vitiges. Clodovaeus I Francorum Rex. Clotarius I Francorum Rex. Childebertus Francorum Rex. Reccabedus Rex Visigothorum. Sigebertus Francorum Rex.

- T. LXXIII—LXXIV. Vitae Patrum: libri X. Appendix ad Vitae Patrum: Paradisus, auctore Heraclida eremita, e graeco translatus ab anonymo; Lausiaca Palladii cum prologo; Aegyptiorum Patrum sententiae, auctore incerto, translatae a Martino Dumienti. Addenda ad quosdam tomos: ad tom. VIII: Constantinus; ad tom. XIII: Damasus; ad tom. XX: Sulpicius Severus; ad tom. LI: Idatius: ad tom. LII: S. Severinus. Appendix ad saec. V: Sacramentarium Gelasianum; Armenius et Honorius monachi; s. Carilefus, Anisolensis Abbas primus; Siviardus, Anisolensis Abbas quintus. Indices in Vitae Patrum.
- T. LXXV—LXXVIII. S. Gregorius Magnus Papa.
- T. LXXIX. S. Gregorii Magni operum continuatio. S. Paterius, s. Gregorii discipulus et notarius. Alulfus. Monachus s. Martini Tornacensis.

4) Series *latina posterior*, a Gregorio Magno ad Innocentium III (an. 1216).

- T. LXXX. S. Entropius Ep. Tarra Monachus. Dinothus Abbas. Dynamius Patricius. S. Augustinus Anglorum Apostolus. S. Bonifacius IV Papa. Bulgarannus comes. Paulus Emeritanus. Gondemarus, Rex Gothorum. Marcus, Casinensis Monachus. S. Varnaharius Presb. S. Columbanus, Abbas Beccensis. S. Alphanus. Beneventanus Ep. S. Ailerannus Abbas. Ethelbertus Anglorum Rex. Deusdedit Papa. Sisebutus, Gothorum Rex. S. Berthichramnus, Cenomanensis Ep. S. Protadius. Vesuntinus Ep. Bonifacius V Papa. S. Sonatius, Rhemensis Ep. Verus, Ruthenensis Ep. Clotarius II, Francorum

Rex. Honorius I Papa. Appendix: Epistola s. Maximi ad Marinum etc. Dagobertus I Francorum Rex. S. Hadoindus, Cenomanensis Ep. S. Sulpicius Pius dictus, Bituricensis Ep. S. Aubertus, Cameracensis Ep. Ioannes IV Papa. Maximus Caesaraugustanus Ep. Eutranus Ticinensis Diaconus. Victor Carthaginensis Ep. S. Brulio Ep. Caesaraugustanus. Aemilianus Presb. et Abbas. Chindaswinthus Gothorum Rex. Cereswinthus Gothorum Rex. Taio, Caesaraugustanus Ep. Quiricius Episcopus.

- T. LXXXI—LXXXIV. S. Isidorus, Ep. Hispalensis.
- T. LXXXV—LXXXVI. Liturgia Mozarabica.
- T. LXXXVII. S. Gallus Abbas. Appendix: Epigrammata et hymni ab antiquis Patribus monasterii s. Galli; Tabula insigniorum mansionum monasterii s. Galli. S. Theodorus I Papa. Paulus Ep. CP. Maurus Ravennatensis Ep. S. Martinus I Papa. S. Gallus Claromontanus Ep. S. Paulus Viridunensis Ep. Rauracus Nivernensis Ep. S. Felix Ep. Lemovicensis. S. Palladius Antissiodorensis Ep. Constantius, Albigenis Ep. S. Abbo, Metensis Ep. S. Desiderius, Cadurensis Ep. S. Donatus, Ep. Vesontinus. S. Landericus, Ep. Parisiensis. S. Sigibertus, Francorum Rex. S. Livinus, Metensis Ep. S. Eugenius Toletanus Ep. S. Valerius Abbas. Appendix: Vita s. Fructuosi, Bracarensis Episcopi, auctore incerto. Annemundus, Lugdunensis Ep. Verus Ruthenensis Ep. S. Eligius, Noviomensis Ep. S. Audoenus Rothomagensis Ep. Clodoveus II, Francorum Rex. S. Balthildis. Regina. Marculfus Monachus. Appendix: Anonymi: Formulae veteres; Sirmondicae; Bignonianae etc. S. Cummanus. Vitalianus Papa. Ionas Elnonensis Abbas. S. Fructuosus Ep. Bracarensis. Chrodobertus Turonensis Ep. S. Faro Ep. Meldensis. Burgundofara, s. Faronis soror. S. Adeodatus Papa. Donus Papa Flav. Constantinus Imperator CP. S. Agatho Papa. Damianus Ticinensis Ep. S. Amandus Trajectensis Ep. S. Mansuetus Mediolanensis Ep. Francorum Regum praeceptiones ecclesiasticae. Diplomata Longobardica.
- T. LXXXVIII. Hon. Cl. Venantius Fortunatus Pictaviensis Ep. Defensor Locociagensis Monachus. Evantius Abbas. SS. Arculfus Ep. et Adamanus Abbas. Crisconius Ep. Africanus. Anonymus, cognomine Magister. Anonymi Regula

- ad virgines; Sententia de regulis devotarum; Concilium Hispalense; fragmentum. Anonymi De decem virginibus. Regum Francorum primae stirpis diplomata. Diplomata atque testamenta variorum Episcoporum, Abbatum etc.
- T. LXXXIX. Sergius I Papa. Ioannes VI Papa. Ioannes VII Papa. S. Aldhelmus Schireburnensis Ep. Faricius. Constantinus Papa. Ioannes Archiep. CP. Ceolfrius Anglo-saxo. Presbyter. Felix Ravennatensis Ep. S. Benedictus Crispus, Mediolanensis Ep. S. Egbertus Eboracensis Archiep. S. Gregorius II Papa. Carolus Majordomus. S. Willibrodus Ep. Ultrajectensis. S. Gregorius III Papa. S. Bonifacius Mogunt. Ep. et martyr. S. Zacharias Papa. S. Stephanus II Papa. S. Pirminius Abbas. Cyprianus Cassinensis Monachus. S. Chrodegangus Metensis Ep. S. Paulus I Papa. Alanus Abbas s. Mariae. S. Ambrosius Cadurcensis Ep. S. Stephanus III Papa. S. Sturmus Fuldensis Abbas. S. Ambrosius Autpertus Benev. Abbas.
- T. XC—XCIV. Beda Venerabilis.
- T. XCV. Beda Venerabilis (continuatio: opp. t. VI). Paulus Winfridus, Diaconus Forojuliensis. Sextus Pompejus Festus grammaticus.
- T. XCVI. Cyricius Barcinonensis Ep. S. Hildefonsus Toletanus Ep. S. Leodegarius Augustodunensis Ep. Leo II Papa. Benedictus II Papa. Ioannes V Papa. Iustinianus II Imperator. S. Iulianus. Toletanus Ep. Idalius Barcinonensis Ep. Felix Toletanus Ep. S. Lullus Moguntinus Archiep. Elipandus Toletanus Ep. Felix Urgellensis Ep. Heterius Uxamensis Ep. S. Beatus Presb. Rachio Argentinensis Ep. Angelramnus Metensis Ep. Wicbodus. Adrianus I Papa. Isidorus Pacensis. Ebeodoc et Ethelwolfus Abbates Hiberni. Marcus Idrontinus Ep. Petrus Archidiaconus. Catulfus. Constans Sacerdos. Garnerius Abbas. Anonyma scripta: Epistola incerti ad Pippinum Regem; Epistola Monachi ad Abbatem; Communitorium Episcopi ad Sacerdotes; Tractatus de remuneratione meritorum; Epistola cujusdam de ceromate; De apparatione s. Michaelis Archangeli in partibus occiduis Galliae ad montem Tumbam; Gesta Domni Dagoberti Francorum Regis; Gesta Regum Francorum; Chronica Episcoporum Metensium; Expositio Missae Romanae.

- Pippinus et Carlomannus, Francorum Reges. Variorum donationes et testamenta etc. sub regno Pippini.
- T. XCVII—XCVIII. Caroli Magni Imperatoris opera.
- T. XCIX. S. Paulinus Patriarcha Aquileiensis. Anonymi poe-
tae Saxonis Carmen de vita et gestis Caroli Magni.
S. Simpertus Murbacensis Abbas. S. Ludgerus Mimi-
gardfordensis Ep. Altfridus Monasteriensis Ep. Chartu-
larium Verthinense. Iosephus Alcuini discipulus. Far-
dulfus Sandionysianus Abbas. Dagulfus. S. Angilbertus
Abbas Centulensis. Leidradus Lugdunensis Ep. Amala-
rius Trevirensis Archiepiscopus. Petrus Nonantulanus
Abbas. Theodorus Archiepiscopus Cantuarensis. Asca-
ricus et Tusaredus. Index. in s. Paulinum.
- T. C—CI. B. Flaccus Albinus seu Alcuinus Caroli Magni ma-
gister et Abbas.
- T. CII. Smaragdus seu Ardo Abbas. Magnus Senonensis Ep.
S. Leo III Papa. Stephanus IV Papa. Paschalis I Papa.
Remigius Curiensis Ep. Frigulus. Victor Capuanus.
Pelagius.
- T. CIII. Sedulius Scotus. S. Benedictus Anianensis Abbas.
- T. CIV. S. Agobardus Ep. Lugdunensis. Eginhardus Abbas.
Roma Monialis. Claudius Taurinensis Ep. Ludovicus I
cognomine Pius, Imperator. Index in s. Agobardum.
- T. CV. Liber diurnus Romanorum Pontificum. Theodulfus
Aurelianensis Ep. S. Eigil Fuldensis Abbatissa. Berno-
winus Claromontanus Ep. Dungalus Reclusus dictus. S.
Adalhardus Corbeiensis Abbas. Ermoldus Nigellus. Eu-
genius II Papa. Valentinus Papa. Halitgarius Camera-
censis Ep. Ieremias Senonensis Archiep. S. Ansegisus
Abbas Fontanellensis. Fredegisus Abbas Turonensis.
Haiminius Monachus S. Vedasti Atrebatensis. Hildericus
Cassinensis Abbas. Ahyto seu Hetto Basiliensis Ep.
Iesse Ep. Ambianensis. S. Aldricus Senonensis Archiep.
Symposius Amalarus Presb. Metensis.
- T. CVI. Hilduinus Abbas s. Dionysii. Maxentius Aquileiensis.
Patriarcha. Candidus Fuldensis Monachus. Dodana sive
Duodena illustris femina. Ionas Aurelianensis Ep. Ardo
seu Smaragdus (v. t. CII. 9). Benedictus Diaconus.
Hildemarus Monachus. Lambertus Pultariensis Mona-
chus. Theganus Trevirensis Chorepiscopus. Agnellus sive
Andreas s. Mariae Ravennatis Abbas Gregorius IV
Papa. Frotharius Tullensis Ep. Eldefonsus Ep. Hispa-

- nus. Iosephus Sacerdos. Sergius II Papa. Freulfus Lexoviensis Ep. Columbanus Abbas s. Trudonis. Christianus Druthmarus Corbeiensis Monachus. Aurelianus Reomensis Monachus.
- T. CVII—CXII. Rabanus Maurus Fuldensis Abbas, postea Archiep. Moguntinus.
- T. CXIII—CXIV. Walafridus Strabus, Fuldensis Monachus.
- T. CXV. Agyto seu Haito Basileensis Ep. Audradus Senonensis Ep. Aldricus Cenomanensis Ep. Angelomus Ludoviensis Monachus. Leo IV Papa. Benedictus III Papa. S. Eulogius Archiep. Toletanus. Alvarus Cordubensis. Prudentius Trecensis Ep.
- T. CXVI. Ebbo Rhemensis Archiep. Hartmannus s. Galli Monachus. Ermanricus Augiensis Monachus. Erchambertus Frisingensis Ep. Nithardus s. Richarii Abbas. Amulo Lugdunensis Ep. Haimo Halberstatensis. Ep.
- T. CXVII. Haimonis Opp. t. II.
- T. CXVIII. Haimonis opp. t. III. S. Ansharius Hamburgensis Ep. S. Rembertus Hamburgensis Ep.
- T. CXIX. Florus Diaconus Lugdunensis. S. Servatus Lupus Presb. et Ferrariensis Abbas. Rodulfus Bituricensis Ep. Walterius Aurelianus Ep. Rothadus II Suessionensis Ep. Nicolaus I Papa. Index in s. Lupum Ferrariensem.
- T. CXX. Paschasius Radbertus, Corbeiensis Abbas.
- T. CXXI. Ratramnus Corbeiensis Monachus. Gotteschalvus Orbacensis Monachus. Lotharius I Imperator. Guntharius Coloniensis Ep. Theodoinus Catalaunensis Praepositus. Paulus Alvarus Cordubensis. Leovigildus Cordubensis Presb. Cyprianus Cordubensis Presb. Bernardus Monachus Francus. Wandalbertus Prumiensis Monachus. Aeneas Parisiensis Ep. Herardus Turonensis Ep. Iso Sangallensis Monachus. Grimaldus Sangallensis Abbas. Milo s. Amandi Monachus. S. Remigius Lugdunensis Ep. Vulfadus Bituricensis Ep. Adventius Metensis Ep.
- T. CXXII. Ioannes Scotus Erigena dictus. Adrianus II Papa.
- T. CXXIII. S. Ado Archiep. Viennensis. Usuardus Sangermanensis Monachus.
- T. CXXIV. Adrewaldus Floriacensis Monachus. Hincmarus Laudunensis Ep. Isaacus Lingonensis Ep. Odo Bellovacensis Ep. Hericus Antissiodorensis Monachus. Indices in Usuardum.

- T. CXXV. Hincmarus Rhemensis Archiep.
- T. CXXVI. Hincmari Rhemensis Operum t. II. Ioannes VIII Papa. Marinus Papa. Adrianus III Papa. S. Bertarius Cassinensis Abbas. Harmotus Sangallensis Abbas. S. Rembertus Hamburgensis Ep. Aimoinus Monachus Sangermanensis. Ratpertus Sangallensis Monachus.
- T. CXXVII—CXXVIII. Anastasius Bibliothecarius Abbas Romanus et Presbyter.
- T. CXXIX. Anastasii Bibliothecarii opp. t. III. Erchembertus Cassinensis Monachus. Angilbertus Corbeiensis Abbas. Berengaudus (v. t. XVII). Stephanus V Papa. Formosus Papa. Stephanus VI Papa. Romanus Papa. S. Tutilo Monachus Sangallensis. Grimlaicus Presb. Wolfhardus Presb. Hasenrietanus. Anamodus Ratisbonensis Subdiacon. Eutropius Langobardus Presb. Supplementum ad diplomata Leonis III et successorum: Privilegia et Epistolae Leonis III; Bulla Stephani IV; Bulla et Epistolae Paschalis I; Eugenii Papae II; Gregorii IV Papae; Sergii II; Leonis IV; Benedicti III; Nicolai I; Adriani II; Stephani V. Supplementum ad diversos scriptores: ad Smaragdum; ad Autpertum; ad Hadoinum Abb. Hebernus Archiep. Turonensis. Luidbertus Archiep. Moguntinus. Auxilius Francus Presb. Sebastianus Salmantic. Ep. Dulcidius Salmantic. Ep. Sigloardus Canonicus Rhemensis. Gozbertus. Anonymus sub nomine Pseudo-Luitprandi. Scripta anonyma varia IX saeculi.
- T. CXXX. Isidorus Mercator. Marcus Valerius Probus grammaticus. Anonyma ejusdem temporis scripta. Index in Isidorem Mercatorem.
- T. CXXXI. Fulco Archiep. Rhemensis. Riculfus Suessionensis Ep. Mancio Catalaunensis Ep. Martinianus Monachus. Ioannes IX Papa. Benedictus IV Papa. Christophorus Antipapa. Remigius Antissiodorensis Monach. Sergius III Papa. Notkerus Balbulus Sangalensis Monachus. Hatto, Moguntinus Archiep. Anastasius III Papa.
- T. CXXXII. Regino Prumiensis Abbas: Appendix I: De capitulis Reginoni attributis; alia capitula. Appendix II Actorum veterum: Epistola Zachariae Papae ad Theodorum Ticinensem Ep.; Admonitio synodalis antiqua et admonitio nova; Ordo ad celebrandos sacros ordines; Vetus confessio poenitentium; Missa pro tribulatione; Iona Augustodunensis Litterae de consecratione Eccle-

siae montis Buznini; Lamberti Cenomanensis Ep. epistolae ad Hildebrandum Sagiensem; Testamentum Riculfi Helenensis; Manumissio Constantiae; Testamentum Ademari Vicecomitis Sclarum et Tutilensis Abbatis; Litterae Rodmundi Augustodunensis Ep. de Centissae capella duobus clericis data; Concordia monachorum Tutilensium et Auriliacensium; Excommunicatio Ragenardi Senonensis Comitis: Litterae Richardi Bituricensis Archiep. de consecratione Ecclesiae Vipplensis; Litterae ejusdem de fisco presbyterali; Donum Ecclesiae de Lenatia monasterio de Capella in dioecesi Bituric.; Concordia monachorum s. Bertini in Sithiu cum parochianis de Calays; Manumissio Nicolai I de Marisiaco; Formulae veteres absolutionis poenitentium; Reginonis Liber de harmonica institutione. Bertarius Viridunensis Sacerdos et alius auctor incertus ejus continuator. Robertus Metensis Ep. S. Radbodus Traject. Ep. Salomon Constantiensis Ep. Waldrammus Argentinensis Ep. Odilo Monachus s. Medardi Suessionensis. Stephanus Leodiensis Ep. Hervaeus Rhemensis Archiep. Walterius Senonensis Ep. Radbodus Dolensis. Abbo Sangermanensis Monachus. Dado Ep. Viridunensis. Agio Archiep. Narbon. Appendix: Charta Raymundi Tolosani Comitis pro fundatione abbatis Vabrensis. Cyprianus Cordubensis Archipresb. Ioannes X Papa. Leo VI Papa. Hucbaldus s. Amandi Monachus. Miscellanea, ad musicam praesertim pertinentia. Stephanus VII Papa. Ioannes XI Papa. Seulfus Rhemensis Archiep. Leo VII Papa. Stephanus VIII Papa. Index in Reginonis opera.

- T. CXXXIII. S. Odo Cluniacensis Abbas. S. Odo II Cluniacensis Abbas. Cappidus Stavriensis Sacerdos. Marinus II Papa. Cosmas Iapygus Materiensis. Ioannes Italus Cluniacensis Monachus. Laurentius Cassinensis Monachus, postea Ep. Agapetus II Papa. S. Odo Archiep. Cantuariensis. Rorico Laudunensis Ep. Arthaldus Rhemensis Archiep. Odalricus Rhemensis Archiep. Sigehardus s. Maximini Monachus. Fridegodus Benedictinus Monachus. Ioannes XII Papa.
- T. CXXXIV. Atto Vercellensis Ep. Appendix: Fragmentum veterum precatonum in formam Litaniarum in honorem s. Eusebii; Nomina plebium episcopatus s. Eusebii; De variis Attonibus diatriba. Adalgerus Ep. S. Bruno Co-

- loniensis Ep. Leo VIII Antipapa. Utho Argentinensis Ep. Wiboldus Cameracensis Ep. Guillelmus Cabillonensis Monachus.
- T. CXXXV. Flodoardus Rhemensis Canonicus. S. Mathildis Regina. Gumpoldus Mantuanus Ep. Eraclius Leodiensis Ep. Ioannes XIII Papa. S. Udalricus Augustanus Ep. Benedictus VI Papa.
- T. CXXXVI. Ratherius Veronensis Ep. Liutprandus Cremonensis Ep. Eolquinus Sambertinianus Monachus. Gunzo, Diaconus Novariensis, Grammaticus. Richardus Floriacensis Abbas. Adalbertus Metensis Scholasticus. Index in Ratherii opera.
- T. CXXXVII. Wigo Decanus Phythwagensis monast. Helpericus Monachus s. Galli. Bernerus Abbas Humolariensis. Ethelwoldus Wintoniensis Ep. Widukindus Monachus Corbeiensis. Ioannes Abbas s. Arnulfi Metensis. Odo Diaconus Ausciensis. Benedictus VII Papa. Ioannes XIV Papa. Theodoricus Metensis Ep. Gezo Abbas Dertonensis. S. Dunstanus Cantuarensis Archiep. Adalbero Rhemensis Archiep. Folcuinus Laubiensis Abbas. Erkembaldus Argentinensis Ep. Adso Dervensis Monachus. S. Aymardus Cluniacensis Abbas. S. Maiolus Cluniacensis Abbas. Letaldus Miciacensis Monachus. Ioannes XV Papa. Guido II Podiensis Ep. S. Adalbertus Pragensis Ep. et martyr. Gregorius V Papa. Hrotsuitha virgo et monialis Gandersheimensis. Agius Presb. et Monachus.
- T. CXXXVIII. Richerus s. Remigii Rhemensis Monachus. Gerardus s. Medardi Suessionensis Decanus. Albinus Eremita. Teraldus. Amblardus. Anonyma scripta: De fundatione monasterii s. Arnulphi Metensis; Sermo de s. Clodoaldo confessore; Libellus de successoribus s. Hidulphi in Vosago; De gestis Episcoporum Antissiodorensium; Carmen de monasterio Gemmeticensi; Canonum prisca collectio; Epistola canonica ad presbyteros, diaconos et subdiaconos. Alfredus Anglorum Rex. Eduardus, Senior dictus, Anglorum Rex. Aetelstanus Anglorum Rex. Sequentes Anglorum tres Reges. Capitularia Regum Francorum. Trium Ottonum constitutiones. Monumenta liturgica. Varia monumenta ad sacramenta et officia ecclesiastica pertinentia. Monumenta monastica.
- T. CXXXIX. Benedictus s. Andreae Monachus. Silvester II

Papa (Gerbertus, primum Monachus illustris mathematicus). Leo Abbas et Legatus. Purchardus Augiae Divitis Monachus. Gozbertus Abbas Tegernseensis. Thietpaldus Tegernseensis Monachus. S. Abbo Floriacensis Abbas. Albertus Miciacensis Abbas. Rorico Moissiacensis Monachus. Aimoinus Monachus Floriacensis. Ioannes Diaconus Venetus. Herigerus Lobiensis Abbas, et Anselmus. Notgerus Leodiensis Ep. Thietmarus Merseburgensis Ep. Bridfertus Ramesiensis Monachus. S. Aelfricus Archiep. Cantuarensis. Ioannes XVIII Papa. Arnoldus Halberstatensis Ep. Sergius IV Papa. Henricus Parmensis Ep. Bruno Lingonensis Ep. Arnulphus Rhemensis Archiep. Constantinus s. Symphoriani Abbas. Benedictus VIII Papa.

- T. CXL. S. Henricus II Imperator et s. Cunegundis uxor ejus. Thangmarus Presb. Hildesheimensis. Alpertus s. Symphoriani Metensis Monachus. Burchardus Wormatiensis Ecclesiae Ep. Adelboldus Trajectensis Ep. S. Romualdus Abbas ordinis Camaldularum institutor.
- T. CXLI. Ademarus s. Cibardi Engolismensis Monachus. Bernardus Scholasticus Andegavensis. S. Fulbertus Carnotensis Ep. Guido Aretinus Abbas s. Crucis Avellanae. Incertorum auctorum opera: Annales Hildesheimenses; Annales Quedlinburgenses. Lambertus Aschafnaburgensis. Dudo s. Quintini Decanus. Gauslinus Bituricensis Archiep. Adalbero Laudunensis Ep. Guillelmus V Aquitaniae Dux. Guillelmus I Abbas s. Germani a Pratis. S. Guillelmus Abbas s. Benigni Divionensis. Robertus Francorum Rex. Meginfredus Magdeburgensis magister. Arnoldus ex Comite Monachus factus. Aribo Moguntinus Archiep. Ebalus Rhemensis Archiep. Ioannes XIX Papa. S. Godehardus Ep. Hildesheimensis. Catwallonus Rothonensis Abbas. Froumundus coenobita Tegernseensis. Eberhardus Abbas Tegernseensis. Peringerus Abbas Tegernseensis. Ellingerus Abbas Tegernseensis. Udalricus Abbas Tegernseensis. Godeschalcus. Leduinus Abbas s. Vedasti Atrebatensis. Othelboldus s. Bavonis Gaudensis Abbas. Benedictus IX Papa. Heribertus Eichstettensis Ep. Emma Anglorum Regina. Poppo Trevirensis Archiep. Angelrannus s. Richeri Centulensis Abbas. Papias Grammaticus. Rotbertus Londinensis Ep. Garcias

- Monachus s. Michaelis Cuxacensis. Dominicus Graden-
sis et Aquileiensis Patriarcha.
- T. CXLII. S. Bruno Herbipolensis Ep. Gregorius VI Papa.
Clemens II Papa. Oliva Ausonensis sive Vicensis Ep.
Rodulfus Glaber Cluniacensis Monachus. Seifridus Abbas
Tegernseensis. Vaso Leodiensis Ep. Odorannus Mona-
chus s. Petri Vivi. S. Odilo Cluniacensis Abbas. Berne
Abbas Augiae Divitis. Appendix: Annales Augienses;
Annales brevissimi. Wippo Presb. Helgaudus Floriacen-
sis Monachus. Gerardus I Cameracensis Ep. Hugo Lingo-
nensis Ep. Halinardus Lugdunensis Ep. Iordanus Lemo-
vicensis Ep. Guido de Castellione Rhemensis Archiep.
Anselmus Monachus s. Remigii Rhemensis: Index ad
s. Brunonis Commentarium in Psalmos.
- T. CXLIII. Hermannus Contractus Augiae Divitis Monachus.
S. Leo IX Papa. Victor II Papa. Berengarius Viceco-
mes Narbonensis. Theuzo Monachus s. Mariae de Flo-
rentia. Odo Monachus Fossatensis. Anselmus Canonicus
Leodiensis. Drogo Bellovacensis Ep. Stephanus X Papa.
Gozechinus Scholasticus. Ioannes Sabinensis Ep. Hum-
bertus Silvae Candidae Episcopus et Cardinalis. Adel-
mannus Brixiensis Ep. Nicolaus II Papa. Hugo II Ni-
vernensis Ep. Bovo Abbas s. Bertini. Frollandus Syl-
vanectensis Ep. Widricus Hannoniensis Abbas. Franco
Scholasticus Leodiensis. Maurilius Rothomagensis Ar-
chiep. Raimbaldus Arelatensis Archiep. Gervasius Rhe-
mensis Archiep. Leodegarius Viennensis Archiep. Ste-
phanus Cardinalis. Leo Atinensis Ep. Avesgotus Abbas
s. Petri Culturae Cenomanensis. S. Arialdus Diaconus et
Heblembaldus martyres. S. Anno Coloniensis Archiep.
Index in Hermannum Contractum.
- T. CXLIV—CXLV. S. Petrus Damianus Cardinalis Ep. Osti-
ensis.
- T. CXLVI. Othlonus Presb. et Monachus s. Emmerammi
Ratisponensis. Adamus Bremensis Canonicus. Appendix:
Chronicon breve Bremense. S. Ioannes Gualbertus Ab-
bas primus institutor Vallumbrosanae congregationis.
Gundecharus Eichstetensis Ep. Anonymus Haserensis.
Lambertus Hersfeldensis. Petrus Malleacensis Mona-
chus. Alexander II Papa. Hugo I Trecensis Ep. Deodu-
inus Leodiensis Ep. S. Lietbertus Cameracensis Ep.
Rogerius. Guido Ambianensis Ep.

- T. CXLVII. Ioannes Abrincensis Ep., postea Archiep. Rothomagensis. Arnulfus Clericus Mediolanensis. Theodoricus Paterburnensis Canonicus. Bertholdus Constantiensis Presb. Ioannes Fiscamuensis Abbas. Bruno Magdeburgensis Clericus Tomellus Monachus Hasnoniensis. Renallus magister sedis Barcinonensis. Marianus Scotus. Landulfus Senior Clericus Mediolanensis. S. Geraldus Silvae Majoris primus Abbas et fundator. Folcardus coenobii Sithivensis apud Atrebatas Monachus. Eusebius Bruno Andegavensis Ep. Gebuinus Lugdunensis Archiep. Galterius, cognomento Saveyr Meldensis Ep. Alphanus Salernitanus Ep. Guaiferius Casinensis Monachus.
- T. CXLVIII. S. Gregorius VII Papa. Wibertus seu Clemens III Antipapa. Bernoldus seu Bernaldus Constantiensis Presb.
- T. CXLIX. Anonymus, forte Lambertus Atrebatensis Ep. Godofredus Stabulensis Monachus. Samuel Marochianus ex Iudaeo christianus. Osbernus Cantuarensis Monachus. Bartholomaeus Abbas Majoris Monasterii. Bernardus Comes Bisuldunensis. S. Anastasius Monachus et eremita. S. Anselmus Lucensis Ep. Udalricus Cluniacensis Monachus. Willelmus Calculus Gemmeticensis Monachus. Victor III Papa. Guillelmus Apulus. Appendix: Breve chronicon Normannicum, auctore anonymo. Goufredus Malaterra Monachus Benedictinus. Willelmus I Conquestor Dux Nortmannorum et Anglorum Rex. Durandus Troarnensis Abbas. Guitmundus Archiep. Averanus. Ebrardus Watinensis monasterii Canonicus.
- T. CL. Lanfrancus Cantuarensis Archiep. et Angliae Primas. Bonizo Sutriensis, deinde Placentianus Ep. Guillelmus Abbas s. Arnulfi Metensis. S. Wilhelmus Hirsauigiensis Abbas. Herimannus Metensis Ep. Theodoricus s. Audoeni Monachus. Guido Abbas Farfensis. Aribo scholasticus. Henricus Clericus Pomposianus. Robertus de Tumbalena s. Vigoris Abbas. Gerardus II Cameracensis Ep. Raynaldus I Rhemensis Archiep. Ioannes Cotto. Fulco Corbeiensis Abbas. Rogerius Beccensis Monachus. Gillebertus Monachus Einonensis. Willelmus Clusienensis Monachus. Durandus Claromontanus Ep. Hemmingus Monachus et Presb. Wigorniensis. Radbobus II Tornacensis et Noviomensis. Agano Augustodunensis Ep.

Odalricus Rhemensis Praepositus. Bernardus Lutevensis Ep. Fulcoius Meldensis Subdiaconus. Constantinus Africanus Casinensis Monachus. Deusdedit Cardinalis Presb. Willelmus Pictaviensis, Luxoviensis Archidiaconus. Ioannes de Garlandia. Rufinus incertae sedis Episcopus. Index in Lanfrancum.

- T. CLI. Urbanus II Papa. Valcandus Mediani monasterii in Lotharingia Monachus. Gudinus Luxoviensis. Wido Monachus. Raymundus Arnalli s. Victoris Monachus. Alwalo. Ansellus scholasticus. Bernelinus. Otkerus Monachus. Encheriades. Anonymus civis Spirensis. Anonymus Monachus. Anonymus Fiscamnensis. Anonymorum scriptorum series: Libellus supplex monachorum Arelatensium; Sermo de s. Marculfo Nantensi Abbate et confessore; Opusculum metricum de septem artibus; Forma excommunicationis; Diptycha Ecclesiae Arelatensis; Nomina episcoporum Gratianopolitanorum; Nomina antistitum Matiscensis Ecclesiae; De Treuga Domini ex concilii 8 cum praemonitione de Marca; De pace iuxta concilia; Rhythmus satyricus de temporibus Roberti Regis; Rhythmus militum Mutinensium. Rhythmus de Ludovico II Imperatore per Aldegisum capto; Dissertatio de rhythmica veterum poesi a L. A. Muratorio. Varia scripta liturgica saeculi XI. Diplomatica XI saeculi: Radulfus III Burgund Rex; Henricus I Francorum Rex; Chuonradus II Imperator; Henricus III Imperator; Henricus IV Imperator; Aethelbedus II Anglorum Rex; Canutus I Daniae et Anglorum Rex; Machabaeus Scotorum Rex; s. Edwardus III Anglorum Rex et confessor; s. Stephanus I Hungarorum Rex; Andreas Hungarorum Rex; Bracilaus Bohemiae Dux. Appendix ad saeculum: Angilbertus Pusterla, Archiep. Mediolanensis; Andreas Bergomas Presb.; Petrus Bibliothecarius. Appendix ad saeculum X: Anonymi Panegyricus metricus Berengarii Imperatoris; s. Mathildis Regina; Ioannes Smera Polovecius; Formulae veteres.
- T. CLII. S. Bruno, ordinis Carthusianorum institutor.
- T. CLIII. S. Brunonis opp. t. II. Guigo I Carthusiae Prior generalis. Guigo II Prior Carthusiae. Bernardus, Ioannes, Stephanus de Chalmeto Carthusianenses. S. Hugo Ep. Lincolniensis. Magister Lambertus Carthusiensis domus Squillacensis Prior.

- T. CLIV. Hugo Abbas Flaviniacensis. Wolphelmus Brunwilerensis Abbas. Ekkeardus Urangiensis. Anonymi Gesta Trevirorum, cum continuatione prima et secunda. Theodoricus Monachus s. Matthiae Trevirensis. Eberwinus s. Martini Trevirensis Abbas. Auctoris incerti De vita s. Agritii ad monumenta Trevirensia referenda et Ex historia martyrum Trevirensium. Stephanus Abbas s. Iacobi Leodiensis. Lambertus a Legia. Auctorum incertorum Gesta Alberonis Archiep. Trevirensis, cum appendice ad Gesta Alberonis, auctore Balderico, et Chronicon s. Huberti Andaginensis.
- T. CLV. Goscelinus Cantuarensis Monachus. Lupus Protospatharius. Monachi Majoris Monasterii. Bruno. Bernardus Toletanus Ep. Manegaldus. Paulus s. Petri Carnotensis Monachus. Godefridus Bullonius, Lotharingiae Dux et Hierosolymitanus Rex primus. Ida Comitissa Bullonia et Godefridi Regis mater. Fulco Andegavensis Comes. Raymundus de Curamonta. Raymundus s. Aegidii Comes. Dermaticus Hiberniensis. Radulfus Cadomensis. Raymundus de Agiles Podiensis Canonicus. Robertus s. Remigii Rhemensis Monachus. Petrus Tudebodus Suiracensis Sacerdos. Fulcherius Carnotensis, Balduini I Capellanus. Gilo Parisiensis. Galterius Cancellarius. Fretellus Archidiaconus. Ioannes Wirzeburgensis Presb. Anonymi Brevis narratio belli sacri; Versus de viris illustribus dioecesis Tarwanensis, qui profecti sunt ad bellandum; Lamentum lacrymabile super infortunia hujus expeditionis; De primordiis sacrae religionis in Ierusalem. Cartulaire de l' Eglise du s. Sépulcre, opus recenter evulgatum a Eugenio de Rozière. Chartarum hujus ecclesiae auctores sequuntur. Regum. Principum et Praelatorum Ierusalem Epistolae. Radulfus Ardens. Thomas Eboracensis Ep. Richardus de Dumellis Abbas Pratellinus. Albericus Ostiensis Ep. Sulcardus Westmonast. Monachus. Amatus Burdegalensis Archiep. Poppo Metensis Ep. Anselmus Mediolanensis Archiep. Addenda ad Radulfum Ardentem: Epistola nuncupatoria Ioannis Cocquei; Vita Radulfi ex ejus scriptis. Homiliae Dominicales.
- T. CLVI. Ven. Guibertus Abbas s. Mariae de Novigento. Hermanus Monachus s. Mariae Laudunensis. Addenda ad Guiberti

- opera. Hugo Archiep. Rothomagensis. Robertus de Monte. Index in Guibertum.
- T. CLVII. Goffridus Vindocinensis Abbas. Theoffridus Abbas Efernacensis. Pibo Tullensis Ep. Suavius Abbas s. Severi in Capite Vasconiae. Folcardus Abbas Lobiensis. Adelgorius sive Adelgotus Magdeburgensis Ep. Theodoricus s. Huberti Andaginenensis Abbas. Hugo Lugdunensis Archiep. Petrus Alphonsi ex Iudaeo christianus. Galterus ab Insulis Magalonensis Ep. et Lietbertus s. Ruffi Abbas. Wernerus Abbas s. Blasii in Silva Nigro. S. Robertus Abbas Molismensis et ordinis Cisterciensis fundator. Index in opera Goffridi Vindocinensis.
- T. CLVIII. S. Anselmus Cantuarensis Archiep.
- T. CLIX. S. Anselmi opp. t. II. Eadmerus Cantuarensis Monachus. Gundulfus Roffensis Ep. Philippus I Francorum Rex. S. Hugo Cluniacensis Abbas. Valramus Numburgensis Ep. Gilbertus Lunicensis Ep. Gilbertus Crispinus Abbas Westmonast. Index in s. Anselmi opera.
- T. CLX. Sigebertus Cemblicensis Monachus. Anonymi Epistola praevia et prologus; Chronica Ducum et Principum Polonorum. Herengolus Abbas s. Maximi Trevirensis. Ioannes Marsicanus Tusculanus Ep. Odo Cameracensis Ep. Appendix; Excerpta ex libro Godefridi Rhemensis magistri. Walterius Cabillonensis Ep. Radulfus Tortarius Floriacensis Monachus.
- T. CLXI. Beatus Ivo Carnotensis Ep.
- T. CLXII. Ivonis opp. t. II. Lambertus Atrebatensis Ep. Franciscus Camenus. Galo Parisiensis Ep. Appendix: Epistola Anelli Cantoris s. Sepulcri ad Ecclesiam Parisiensem. S. Godefridus Ambianensis Ep. Reimbaldus Praepositus s. Ioannis Leodiensis. Ioannes Bezuensis Monachus et Anonymus cum eo. Petrus Shrysolanus Mediolanensis Archiep. Robertus de Arbrissello ordinis Fontis Ebraldi fundator. Appendix, continens diversorum diplomata, chartas et donationes ad Fontis Ebraldi monasterium. Leodegarius Bituricensis. Seherus Abbas Calmosiacensis. Ioannes Diaconus s. Audoeni Monachus. Anselmus scholasticus et Canonicus Laudunensis. Leo Marsicanus Cardinalis Ep. Ostiensis. Richardus Cardinalis Archiep. Narbonensis. Index in Ivonem.
- T. CLXIII. Paschalis II Papa. Gelasius II Papa. Laurentius Veronensis, Diaconus Pisanus. Anonymorum auctorum

хранить при дѣлахъ Совѣта и о полученіи ихъ увѣдомить Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи.

ХІІ. Заявленіе приватъ-доцента Академіи Романа Левитскаго о томъ, что онъ находится въ настоящее время въ состояніи тяжелой болѣзни и не можетъ отправлять служебныхъ обязанностей впредь до полного своего выздоровленія. При семъ приложено удостовѣреніе о болѣзни отъ пользующаго его врача.

О п р е д ѣ л и л и: Принять къ свѣдѣнію.

ХІІІ. Докторскія свидѣтельства и удостовѣренія церковныхъ причтовъ о болѣзни студентовъ Академіи: IV-го курса Ивана Арбекова, Сергѣя Маркова, Василя Никольскаго, Сергѣя Пономарева, Веніамина Преображенскаго, III-го курса Сергѣя Булгакова и I курса Петра Строева.

XIV. Заявленіе инспектора Академіи, профессора П. Горскаго о томъ, что С. Марковъ, по выздоровленіи, явился въ Академію.

О п р е д ѣ л и л и: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Прошеніе кандидата Московской Духовной Академіи, законоучителя Керченскихъ мужской и женской гимназій, священника Лазаря Іоакимова о высылкѣ ему копии съ отношенія попечителя Одесскаго учебнаго округа къ о. ректору Академіи объ открывшемся вакантномъ мѣстѣ законоучителя при Керченскихъ гимназіяхъ и о средствахъ, назначенныхъ для содержанія законоучителя.

О п р е д ѣ л и л и: Выслать священнику Іоакимову копию съ означеннаго въ его прошеніи отношенія попечителя Одесскаго учебнаго округа.

XVI. Прошеніе студента IV курса Ивана Звѣрева о выдачѣ ему на три мѣсяца кандидатскаго его сочиненія подъ заглавіемъ: «О попыткахъ возстановить подлинный текстъ сочиненія Цельса «Истинное слово (Λόγος ἀληθῆς)»

на основаніи сочиненія Оригена противъ Цельса (*κατὰ Κέλσου*).»

Опредѣлили: Выдать студенту Звѣреву кандидатское его сочиненіе на трехмѣсячный срокъ.

XVII. Отношеніе директора Александровскаго Орловскаго реальнаго училища, коимъ увѣдомляетъ о полученіи документовъ кандидата Московской Духовной Академіи Ильи Ливанскаго, состоящаго нынѣ законоучителемъ этого училища.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Прошенія студентовъ IV курса: казеннокоштнаго Михаила Діомидова и состоящаго на содержаніи Лавры Василя Никольскаго о дозволеніи имъ вступить въ законный бракъ: первому съ дочерью священника г. Москвы, Богородицерождественской, на Бутыркахъ, церкви Алексѣя Ансерова, дѣвицею Варварою Ансеровою, — второму съ дочерью священника Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, погоста Никологорскаго Іоанна Меморскаго, дѣвицею Александрою Меморскою.

По выслушаніи сихъ прошеній, студенты М. Діомидовъ и В. Никольскій призваны были въ собраніе Совѣта, въ которомъ было имъ объявлено содержаніе указа Св. Синода отъ 26 октября 1879 года за № 3768, разъяснены важныя неудобства, проистекающія отъ вступленія въ бракъ во время обученія въ Академіи и предложено отложить исполненіе ихъ намѣренія до окончанія курса или же представить уважительныя причины, побуждающія ихъ ко вступленію въ бракъ во время обученія въ Академіи. Представленныя ими объясненія признаны Совѣтомъ удовлетворительными. Тогда студенту Діомидову, состоящему на казенномъ содержаніи, было объявлено, чтобы онъ, на основаніи вышеозначеннаго указа, произвелъ уплату Правленію Академіи сполна и единовременно суммы, израсходованной казною на его содержаніе въ Академіи въ теченіи трехъ лѣтъ. Студентъ

Діомидовъ выразилъ согласіе исполнить это требованіе въ непродолжительномъ времени.

Опредѣлили: Дозволить студентамъ Никольскому и Діомидову вступить въ законный бракъ: первому съ дѣвицею Меморскою, послѣднему—съ дѣвицею Ансеровою, когда онъ, Діомидовъ, представитъ въ Правленіе Академіи сумму, израсходованную на его содержаніе въ Академіи.

XIX. Прошеніе студента 1-го курса богословскаго отдѣленія Сергѣя Маргаритова о дозволеніи ему изучать спеціальныя науки историческаго отдѣленія вмѣсто наукъ богословскаго отдѣленія.

Справка: По правиламъ, составленнымъ Совѣтомъ Академіи и утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ п. 20: «студенты перваго курса до 1-го октября перваго учебнаго года могутъ перейти въ другое отдѣленіе на первый курсъ безъ испытанія.»

Опредѣлили: Дозволить студенту Маргаритову перейти изъ богословскаго въ церковно-историческое отдѣленіе, о чемъ и объявить ему, также сообщить наставникамъ по спеціальнымъ предметамъ того и другаго отдѣленій.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства по ст. 1-й: «24 сент. 1881 г. утверждается»; по прочимъ статьямъ: «12 окт. 1881 г. См.»

ЖУРНАЛЪ

общаго собранія Совѣта Академіи 1 октября 1881 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ А. Смирнова и В. Ключевскаго.

I. Въ собраніи семь, по произведенному во исполне-

ніе опредѣленія Совѣта отъ 22 сентября баллотированію, избранъ въ почетные члены Московской Духовной Академіи Г. Директоръ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Тайный Совѣтникъ, Иванъ Александровичъ Ненарокомовъ во уваженіе двадцатипятилѣтняго многотруднаго и многоплоднаго служенія его благу духовно-учебныхъ заведеній.

Опредѣлили: 1. Изготовивъ дипломъ на званіе почетнаго члена Академіи для Тайнаго Совѣтника Ивана Александровича Ненарокова, просить его о принятіи этого званія; 2. Мнѣніе сіе представить на утверженіе Его Высокопреосвященства.

II. Донесеніе помощника ректора по богословскому отдѣленію, профессора В. Кудрявцева, о томъ, что вслѣдствіе сдѣланнаго наставникамъ Академіи предложенія — принять на себя временное исполненіе обязанностей преподавателя по кафедрѣ патристики, на условіяхъ, опредѣленныхъ § 65 академическаго устава, изъявилъ желаніе принять исполненіе этихъ обязанностей доцентъ по кафедрѣ догматическаго богословія Александръ Бѣляевъ, коему богословское отдѣленіе и полагало-бы предоставить преподаваніе патристики въ теченіи полугода.

Справка: Устава дух. академій § 65: „Одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ кафедръ, кромѣ крайнихъ случаевъ, впрочемъ никакъ не долѣе времени, требуемаго по § 54, для замѣщенія вакантной кафедры (т. е. не долѣе полугода). За сію послѣднюю, изъ присвоеннаго ей оклада, онъ получаетъ въ такомъ случаѣ, по усмотрѣнію Совѣта, съ разрѣшенія Преосвященнаго, вознагражденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ половиннаго оклада жалованья, сообразно съ должностію его на постоянной кафедрѣ.“

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи доценту догматическаго богословія Александру Бѣляеву исполнять обязанно-

сти преподавателя патристики въ теченіи полугода съ производствомъ вознагражденія за труды по этой послѣдней кафедрѣ въ размѣрѣ половиннаго оклада жалованья по постоянной его кафедрѣ, именно изъ 450 руб. въ годъ.

III. Заявленіе ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, о томъ, что 1) Студентъ III-го курса практическаго отдѣленія Константинъ Марковъ представилъ сочиненіе на степень кандидата, которое, по разсмотрѣніи профессоромъ И. Мансветовымъ, признано вполне удовлетворительнымъ для этой степени и означено балломъ 5; 2) Въ случаѣ перевода Маркова въ IV курсъ, онъ желалъ бы избрать для спеціальнаго изученія греческій языкъ съ литургикою.

Опредѣлили: 1. Перевести Константина Маркова въ IV курсъ и предоставить ему изучать предметы, избираемые имъ для практическо-спеціальныхъ занятій въ этомъ курсѣ. 2. Объ утвержденіи его въ степени кандидата представить, въ свое время, Его Высокопреосвященству.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „12 окт. 1881 г. По двумъ первымъ статьямъ изъявляю согласіе; третья статья читана.“

Ж У Р Н А Л Ъ

публичнаго общаго собранія Совѣта Академіи
1 октября 1881 года.

Присутствовали: Преосвященный Алексій, Епископъ Можайскій, викарій Московскій, ректоръ Академіи и всѣ ординарные и экстраординарные профессора Академіи, кромѣ А. Смирнова и В. Ключевского.

Въ собраніи семь, въ день основанія Московской Духовной Академіи, совершенъ былъ, на основаніи § 103

устава духовныхъ академій, торжественный актъ въ слѣдующемъ порядкѣ: ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ русской церковной исторіи Евгеніемъ Голубинскимъ прочитана была приготовленная имъ рѣчь: „О такъ называемой Іоакимовской лѣтописи Татищева“; затѣмъ секретаремъ Совѣта прочитанъ въ извлеченіи отчетъ о состояніи Московской Духовной Академіи въ теченіи 1880—81 учебнаго года; ректоромъ Академіи, протоіереемъ Сергіемъ Смирновымъ провозглашено было объ избраніи въ почетные члены Московской Духовной Академіи г. Директора Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Тайнаго Совѣтника, Ивана Александровича Ненарокова, во уваженіе двадцатипятилѣтняго многотруднаго и многоплоднаго служенія его благу духовно-учебныхъ заведеній, и розданы были Преосвященнымъ Алексіемъ лучшимъ воспитанникамъ III и II курсовъ награды деньгами и книгами, присужденныя имъ Совѣтомъ и утвержденныя Его Высокопреосвященствомъ.

Опредѣлили: Представить о совершеніи акта Его Высокопреосвященству.

На семь журналъ Его Высокопреосвященствомъ написано: „12 окт. 1881 г. Чит.“

Ж У Р Н А Л Ъ

публичнаго общаго собранія Совѣта Академіи
2 октября 1881 года.

Присутствовали: Преосвященный Алексій, Епископъ Можайскій, викарій Московскій, ректоръ Академіи и всѣ члены Совѣта, кромѣ профессоровъ Н. Субботина, Е. Голубинскаго, А. Смирнова и В. Ключевского.

Въ собраніи семь преподаватель Тверской духовной семинаріи, кандидатъ Николай Розановъ защищалъ пред-

ставленную имъ для полученія степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Евсевій Памфилъ, епископъ Кесаріи Палестинской.“ — Официальными оппонентами были: приватъ-доцентъ по кафедрѣ священнаго писанія Новаго Завѣта Митрофанъ Муретовъ и ординарный профессоръ по кафедрѣ церковной исторіи Алексѣй Лебедевъ.

По окончаніи диспута ректоръ Академіи, собравъ голоса членовъ Совѣта относительно достоинства защиты магистрантомъ его сочиненія, объявилъ, что всѣ члены Совѣта признаютъ защиту магистрантомъ его сочиненія удовлетворительною.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи кандидата Николая Розанова въ ученой степени магистра богословія.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „12 окт. 1881 г. Утверждается“.

Ж У Р Н А Л Ъ

собранія Совѣта Академіи 30 октября 1881 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, всѣ члены Совѣта, кромѣ профессора В. Потапова.

Слушали: I. Удостовереніе священника Московской Введенской, въ бывомъ Новинскомъ монастырѣ, церкви Ѳедора Румянцева въ томъ, что студентъ IV курса Московской Духовной Академіи Николай Ильинскій повѣнчанъ первымъ бракомъ съ дочерью исправляющаго должность псаломщика означенной Введенской церкви, дѣвицею Еватериною Дмитріевою Липеровскою 20 лѣтъ.

II. Удостовереніе причта Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда, Никологорскаго погоста Николаевской церкви въ томъ, что 18 октября сего 1881 года сту-

дентъ Московской Духовной Академіи IV курса Василій Никольскій повѣнчанъ первымъ бракомъ съ дочерью священника этой церкви Іоанна Меморскаго, дѣвицею Александрою Ивановою Меморскою 20 лѣтъ отъ роду.

III. Удостовереніе причта Московской Богородице-рождественской, на Бутыркахъ, церкви въ томъ, что 18 октября сего 1881 года студентъ Московской Духовной Академіи IV курса Михаилъ Діомидовъ повѣнчанъ первымъ бракомъ съ дочерью священника этой церкви Алексѣя Ансерова дѣвицею Варварою Ансеровою.

Означенныя удостовѣренія находятся на билетахъ, выданныхъ отъ Совѣта Академіи студентамъ Ильинскому, Никольскому и Діомидову на вступленіе въ бракъ съ поименованными дѣвицами.

Справка: Во исполненіе указа Святейшаго Синода отъ 26 октября 1879 г. за № 3768 студенты Ильинскій, Никольскій и Діомидовъ, по поводу ихъ прошеній о дозволеніи вступить въ бракъ, призываемы были 11 іюня и 22 сентября сего года въ собранія Совѣта, въ которыхъ было имъ объявлено содержаніе указа, разъяснены важныя неудобства, проистекающія отъ вступленія въ бракъ во время обученія въ Академіи и предложено отложить исполненіе ихъ намѣренія до окончанія курса, или же представить уважительныя причины, побуждающія ихъ къ вступленію въ бракъ. Означенные студенты представили объясненія, которыя признаны Совѣтомъ удовлетворительными, потому и разрѣшено имъ вступить въ бракъ, при чемъ Діомидовъ, состоявшій на казенномъ содержаніи, лишень былъ этого содержанія и представилъ 600 рублей, израсходованные казною на содержаніе его въ Академіи въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ академическаго образованія.

Опредѣлили: Просить Его Высокопреосвященство представить Святейшему Синоду о вступленіи въ бракъ студентовъ Ильинскаго, Никольскаго и Діомидова.

IV. Отношеніе Редакціоннаго Комитета по изданію при Академіи „Твореній св. отцевъ“ съ просьбою объ уплатѣ 489 руб. 4 к., причитающихся за напечатаніе при этомъ журналѣ, въ видѣ особаго приложенія къ журналамъ Совѣта, 19¹/₂ листовъ систематическаго каталога книгъ бібліотеки Московской Духовной Академіи и 300 отдѣльныхъ его экземпляровъ.—При отношеніи приложенъ подробный счетъ расходовъ на напечатаніе каталога, который оказался вѣрнымъ.

Справка: Изъ суммы, ассигнованной въ Правленіе Академіи по смѣтѣ текущаго года на напечатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций въ количествѣ 3000 руб., по настоящее время израсходовано 1171 р. 35 к. и 1828 р. 65 к. остаются свободными.

Опредѣлили: 1. Уплатить Редакціонному Комитету слѣдующіе за напечатаніе при журналѣ Твореній св. отцевъ особымъ приложеніемъ къ журналамъ Совѣта 19¹/₂ листовъ систематическаго каталога книгъ академической бібліотеки и за отдѣльные его оттиски 489 р. 4. к. изъ суммы, ассигнованной въ настоящемъ году на напечатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций. 2. На приведеніе въ исполненіе сего опредѣленія испросить Архипастырское соизволеніе Его Высокопреосвященства.

V. Сданный отъ Его Высокопреосвященства послѣдовавшій на его имя указъ изъ Святѣйшаго Синода, отъ 12 сего октября за № 3833: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 18 минувшаго сентября за № 11041, по ходатайству Преосвященнаго Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, о разрѣшеніи принять въ одну изъ духовныхъ академій уроженца острова Имброса, іеродіакона Апостолоса. П р и к а з а л и: Согласно ходатайству Преосвященнаго Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго и заключенію Хозяйствен-

наго Управленія, принять іеродіакона Апостолоса въ одну изъ духовныхъ академій, какую онъ избереть, и, въ случаѣ поступленія, содержаніе его въ Академіи отнести на счетъ кредита, ассигнованнаго на содержаніе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ воспитанниковъ изъ иностранцевъ, о чемъ, для зависящихъ распоряженій, Вашему Преосвященству послать указъ, а въ Хозяйственное Управленіе передать выписку изъ настоящаго опредѣленія.“

Опредѣлили: Принять указъ къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію въ томъ случаѣ, если іеродіаконъ Апостолосъ явится для поступленія въ Московскую Духовную Академію.

VI. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ Совѣта Академіи: 1) за 7 сентября сего года: „25 сент. 1881. По двумъ первымъ статьямъ изъясляю согласіе; прочія читалъ.“ Въ первой статьѣ этого журнала изложено было опредѣленіе Совѣта о зачисленіи, согласно представленію богословскаго отдѣленія, кандидатомъ на вакантную кафедру патристики студента IV курса Александра Мартынова при окончаніи имъ академическаго курса и о предложеніи кому либо изъ наличныхъ наставниковъ Академіи принять на себя временное исполненіе обязанностей преподавателя по этому предмету. Во второй статьѣ изложено было опредѣленіе Совѣта о принятіи между прочимъ на стипендію Московскаго духовенства студента II курса Алексѣя Скворцова; 2) — резолюцію, послѣдовавшую на журналѣ общаго собранія Совѣта за 1 сего октября: „12 окт. 1881 г. По двумъ первымъ статьямъ изъясляю согласіе; третья статья читана.“ — Въ первой статьѣ изложено было дѣло о состоявшемся 1 октября избраніи Г. Директора Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Тайнаго Совѣтника, Ивана Александровича Ненарокова въ почетные члены Мос-

ковской Духовной Академіи; во второй статьѣ — ходатайство Совѣта предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи доценту догматическаго богословія Александру Бѣляеву, согласно его желанію и мнѣнію богословскаго отдѣленія, исполнять обязанности преподавателя патристики въ теченіе полугода съ производствомъ ему вознагражденія за труды по этой послѣдней кафедрѣ въ размѣрѣ половиннаго оклада жалованья по постоянной его кафедрѣ, именно изъ 450 руб. въ годъ. 3) — резолюцію, послѣдовавшую 12 октября на журналѣ публичнаго общаго собранія Совѣта за 2 октября, которою кандидатъ Николай Розановъ, защищавшій диссертацию на степень магистра богословія, утверждается въ этой степени.

VII. Заявленіе ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова о томъ, что доцентъ А. Бѣляевъ 16 сего октября допущенъ къ временному исполненію обязанностей преподавателя по кафедрѣ патристики.

О предѣли л и: Утвержденныя Его Высокопреосвященствомъ постановленія Совѣта Академіи привести въ исполненіе, сообщивъ Правленію Академіи о принятіи А. Скворцова на стипендію Московскаго духовенства и о выдачѣ доценту А. Бѣляеву вознагражденія за чтеніе лекцій по патристикѣ съ 16 сего октября изъ оклада по 450 руб. въ годъ за вычетомъ 2% на пенсію.

VIII. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 19 и 30 сентября сего года за № № 4622 и 4864, изъ коихъ первымъ сообщается Совѣту Академіи, для завѣщающаго распоряженія, о томъ, что кандидатъ Московской Духовной Академіи *Юсифъ Павловскій*, опредѣленный на преподавательскую должность въ Благовѣщенскую духовную семинарію, уволенъ отъ этой должности вслѣдствіе его болѣзни, удостовѣренной медицинскимъ свидѣтельствомъ, по распоряженію Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, послѣдовав-

шему 5 сентября сего года, и затѣмъ имѣется въ виду для назначенія его на одну изъ вакансій по духовно-учебному вѣдомству, имѣющихъ открыться въ губерніяхъ, соответствующихъ, въ климатическомъ отношеніи, состоянію его, Павловскаго, здоровья; а во второмъ отношеніи сообщается, что кандидатъ І. Павловскій 19 сентября опредѣленъ на должность учителя по русскому языку съ церковно-славянскимъ въ Балашевское духовное училище.

IX. Отношеніе той же Канцеляріи отъ 6 сего октября за № 4963, коимъ сообщается Совѣту Академіи о томъ, что по утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 26 сентября, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской Духовной Академіи Данилъ *Якимовичъ* опредѣленъ на должность преподавателя по психологіи, обзору философскихъ ученій и педагогикѣ въ Смоленскую духовную семинарію.

Справка: По распоряженію ректора Академіи посланы кандидатамъ Павловскому и Якимовичу извѣщенія о состоявшемся относительно ихъ распоряженіи начальства, а также сообщено и Правленію Академіи.

Опредѣлили: Принимая къ свѣдѣнію изложенное въ отношеніяхъ и справкѣ, препроводить документы кандидатовъ Павловскаго и Якимовича въ мѣста ихъ службы.

X. Отношеніе Московской Духовной Консисторіи отъ 15 сего октября за № 5829, при коемъ препровождены орденскіе знаки и грамоты для Всемилостивѣйше пожалованныхъ въ 3 день іюля сего года кавалерами ордена св. Станислава 2-й ст. профессоровъ Московской Духовной Академіи Василя *Потанова* и Евгенія *Голубинскаго* и того же ордена 3-й ст. доцента Григорія *Воскресенскаго*.

XI. Заявленіе ректора Академіи, протоіерея С. Смир-

нова о томъ, что орденскіе знаки и грамоты выданы имъ каждому изъ пожалованныхъ кавалерами ордена св. Станислава по принадлежности, также сдѣлано распоряженіе объ истребованіи отъ нихъ и отсылкѣ въ Орденскій Капитулъ денегъ, слѣдующихъ съ нихъ по сему пожалованію.

Опредѣлили: Принимая къ свѣдѣнію изложенное въ отношеніи и справкѣ, внести въ послужные списки профессоровъ В. Потапова, Е. Голубинскаго и доцента Г. Воскресенскаго о Всемилоствивѣйшемъ пожалованіи ихъ кавалерами ордена св. Станислава означенныхъ въ отношеніи степеней.

XII. Вѣдомость Правленія Академіи о суммахъ за сентябрь мѣсяць, по коей значится, что отъ августа къ сентябрю оставалось наличными деньгами 34.284 р. 27 $\frac{1}{2}$ к., билетами 82.040 р., итого 116.324 р. 27 $\frac{1}{2}$ к.; въ теченіе сентября поступило на приходъ наличными деньгами 15.170 р. 69 к., билетами 5.350 р., итого 20.520 р. 69 к., въ расходъ наличными деньгами 16.915 р. 18 к.; затѣмъ къ 1 сего октября состояло въ академической кассѣ наличными деньгами 32.539 р. 78 $\frac{1}{2}$ к., билетами 87.390 р., итого 119.929 р. 78 $\frac{1}{2}$ к.; кромѣ того залоги подрядчика Губонина по подряду на разныя постройки въ академическихъ зданіяхъ въ 5% билетахъ Государственнаго Банка на 4.000 р. и по другому подряду на устройство церковнаго купола на 1.000 руб. и наличными для уплаты подрядчику и на вознагражденіе архитектора по первому подряду 7.768 р. 80 к.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Представленіе Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ съ отчетомъ о сочиненіяхъ и картинахъ, рассмотрѣнныхъ Комитетомъ въ теченіе сентября мѣсяца сего 1881 года.

Опредѣлили: Отчетъ представигъ на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства,

XIV. Вѣдомость ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ сей вѣдомости значится, что изъ наставниковъ Академіи не читали лекцій: профессоръ И. Мансветовъ по причинѣ командировки на V-й археологическій съѣздъ въ Тифлисъ; приватъ-доценты: В. Кипарисовъ и Р. Левитскій по болѣзни; по той же причинѣ профессоръ Д. Касицынъ и доцентъ В. Соколовъ опустили по двѣ лекціи; профессоръ П. Горскій опустилъ 5 лекцій, и. д. доцента Н. Иванцевъ 4 лекц. по причинѣ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей въ отдѣленіи Московскаго окружнаго Суда; В. Кудрявцевъ и Е. Амфитеатровъ опустили по 2 лекціи по уважительнымъ домашнимъ обстоятельствамъ.

Опредѣлили: Напечатать вѣдомость вмѣстѣ съ журналами Совѣта.

XV. Донесеніе инспектора Академіи, профессора П. Горскаго о томъ, что въ теченіе сентября мѣсяца сего года за студентами не замѣчено важныхъ проступковъ.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Прошеніе кандидата Московской Духовной Академіи XXI курса, настоятеля православной церкви въ Прагѣ, чдъ въ Богеміи, протоіерея Александра Лебедева, при которомъ онъ представляетъ написанное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Разности церквей Восточной и Западной въ ученіи о Пресвятой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ. По поводу латинскаго догмата о непорочномъ зачатіи“ и просить Совѣтъ Академіи допустить это сочиненіе на соисканіе магистерской степени, на основаніи стараго устава академій, подъ которымъ онъ учился и окончилъ курсъ.

Справка: 1) Определеніемъ Святѣйшаго Синода, отъ 21 января (25 февраля) 1870 года постановлено: „воспитанники духовныхъ академій, окончившіе курсъ подѣйствіемъ прежняго устава, должны быть возводимы въ ученныя степени на основаніи сего же устава и другихъ

бывшихъ по сему предмету распоряженій.“ 2) По правиламъ, касательно разсмотрѣнія и оцѣнки курсовыхъ студенческихъ сочиненій, утвержденнымъ по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 31 мая 1863 г., а) сочиненіе, написанное студентомъ для полученія ученой степени, первоначально разсматривается и оцѣняется наставникомъ Академіи, специально занимающимся тою наукою, къ кругу которой относится по содержанію своему сочиненіе студента; б) послѣ разсмотрѣнія и оцѣнки означеннымъ наставникомъ Академіи, сочиненіе сіе вновь пересматривается, однимъ послѣ другаго, двумя дѣйствительными членами Конференціи, и в) окончательно разсматривается въ общемъ собраніи членовъ Конференціи, подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго Преосвященнаго или лица особо для сего назначеннаго. 3) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 31 января 1869 г. постановлено между прочимъ: „представлять отзывы о курсовыхъ сочиненіяхъ обстоятельные и отчетливые, а не въ общихъ только выраженіяхъ по отношенію къ содержанію, изложенію и направленію; не давать рѣшительнаго предпочтенія достоинству курсовыхъ сочиненій предъ научными успѣхами въ продолженіе всего курса“; — отъ 10 апрѣля (9 мая) того года: „слѣдовать при оцѣнкѣ успѣховъ, поведенія и достоинства курсовыхъ сочиненій 10—балльной системѣ.“

О п р е д ѣ л и л и: Сочиненіе протоіерея Лебедева передать, для зависящихъ распоряженій, помощнику ректора по богословскому отдѣленію и увѣдомить автора, что для полученія степени магистра богословія онъ долженъ сдать экзаменъ по предметамъ академическаго курса, какіе были преподаваемы по прежнему уставу, предъ комиссіею изъ наставниковъ Академіи, для чего онъ можетъ явиться въ Академію во всякое время, кромѣ вакаціальнаго.

XVII. Прошеніе сверхштатнаго преподавателя естест-

венно-научной апологетики, профессора Д. Голубинскаго: „Опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 10-го октября 1880 года поручено было мнѣ руководство студентовъ къ преподаванію ариметики; этимъ я и занимался въ прошедшемъ 1880—81 учебномъ году. Но и въ настоящемъ учебномъ году были заявленія отъ нѣкоторыхъ студентовъ четвертаго курса о желаніи заняться ариметикою. А потому покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи объяснить, долженъ ли я и въ настоящемъ году заниматься со студентами ариметикою, или это поручено будетъ другому лицу. А также, не найдетъ ли Совѣтъ Академіи нужнымъ приобрести для академической бібліотеки указанныя въ изданной отъ Духовно-Учебнаго Комитета программѣ пособія по ариметикѣ и нѣкоторыя другія?“

Справка: Вслѣдствіе указа Святѣйшаго Синода отъ 23 мая 1880 года за № 1192, коимъ предложено было Совѣту Московской Духовной Академіи обязать студентовъ IV курса Академіи, при ихъ практическихъ занятіяхъ въ этомъ курсѣ, знакомиться между прочимъ съ учебниками курса духовныхъ училищъ, Совѣтъ Академіи отъ 16 октября того же года просилъ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ о безплатной высылкѣ въ Совѣтъ Академіи для означенной цѣли учебниковъ по предметамъ училищнаго курса въ количествѣ 10 экземпляровъ по каждому предмету; а при отношеніи Хозяйственнаго Управленія отъ 31 того же октября за № 10174 высланы были въ Совѣтъ Академіи 50 экземпляровъ программъ по предметамъ училищнаго курса.

Опредѣлили: 1) Просить профессора Димитрія Голубинскаго продолжать руководство студентовъ IV курса, желающихъ заниматься ариметикою, и доставлять въ Совѣтъ Академіи свѣдѣнія о послѣдствіяхъ этихъ занятій въ концѣ cadaго учебнаго года. 2) Вторично просить Хозяйственное Управление о высылкѣ въ Совѣтъ

Академіи одобренныхъ Святѣйшимъ Синодомъ учебниковъ по предметамъ училищнаго курса въ количествѣ 10 экземпляровъ по каждому предмету.

XVIII. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 19 сентября сего года за № 1001, при которомъ препровождены документы бывшего студента сей Академіи, принятаго въ число студентовъ Московской Духовной Академіи Владиміра Соловьева, именно: семинарскій его аттестатъ за № 431, метрическое свидѣтельство за № 3619 и свидѣтельство о посвященіи въ стихарь за № 346.

О п р е д ѣ л и л и: Приложить документы В. Соловьева къ дѣламъ Совѣта и о полученіи документовъ увѣдомить Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

XIX. Письмо священника Ревельскаго Преображенскаго собора Карпа Тизика на имя ректора Академіи, при которомъ препровождены жертвуемые имъ въ здѣшнюю академическую бібліотеку слѣдующія изданія: 1) М. Т. Ciceronis epistolae, изд. 1720 г.; 2) Eutropii Historia Romana, изд. 1780 г.; 3) Oeconomia salutis evangelica, eaque dogmatica, MDCCXLIV; 4) Οικειῶν διαλόγων βιβλίον, изд. 1690 г.; 5) Synopsis biblica, изд. 1593 г.; 6) Православное исповѣданіе Петра Могилы, изд. 1643 г.; 7) Лексиконъ Славеноросскій, изд. 1653 г.; 8) Святое письмо (копія), списанное 1820 г. 29 декабря.

XX. Отношеніе ректора И м п е р а т о р с к а г о С.-Петербургскаго Университета, при которомъ присланъ для здѣшней академической бібліотеки экземпляръ протоколовъ засѣданій Совѣта сего Университета за первую половину 1880—81 академическаго года съ приложеніемъ инвентаря бібліотеки за 1879 годъ.

С и р а в к а: Присланныя ректоромъ Университета п священникомъ К. Тизикомъ изданія сданы въ бібліотеку.

XXI. Представленіе бібліотекаря Академіи И. Корсунскаго: «Долгомъ поставляю почтительнѣйше пред-

ставить въ Совѣтъ о нижеслѣдующихъ пожертвованіяхъ въ бібліотеку и состоящій при ней церковно-археологическій музей: I. Въ бібліотеку отъ профессора Академіи И. Д. Мансветова: 1) И. Помяловскаго: сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа. Спб. 1881; 2) Н. О. Эмина: «Армянскія надписи въ Карсѣ, Ани и окрестностяхъ послѣдняго», Москва, 1881; 6) отъ профессора Ан. П. Смирнова: *S. Glassii Philologia sacra*. Jenae, 1668 (академическая бібліотека имѣетъ это сочиненіе, но въ другихъ изданіяхъ); в) отъ родителей бывшаго воспитанника Академіи, покойнаго П. М. Апостольскаго, священника Московской Богородицережденственской, что въ Путинкахъ, церкви М. Н. и жены его А. П. Апостольскихъ сочиненія ихъ сына, упомянутаго П. М.—ча: 1) Происхожденіе первобытныхъ вѣрованій по теоріи Герберта Спенсера. Москва, 1877, и 2) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ уѣздѣ; г) прямо въ бібліотеку получены съ почты: 1) *Catalogus codicum mss. bibliothecae Ossolinianae Leopoliensis*, Zesz. 2. Lwow, 1881; и 2) *Personalstand und Ordnung d. öffentlichen Vorlesungen an der K. k. Franz-Josefs-Universität zu Czernowitz im Winter-Semester 1881—1882*; д) чрезъ студента 2 курса Ст. Звѣрева отъ священника Московскаго Зачатіевскаго Дѣвичьяго монастыря Ил. Ст. Соколова: *Sal. van Til. Homiliae catecheticae et festales. Trajecti ad Rhenum, 1714. 4°*. Въ пергам. пер.—II. Въ церковно-археологическій музей чрезъ того же студента Ст. Звѣрева: а) отъ упомянутаго священника И. С. Соколова: 1) Подлинное рукописное окружное посланіе къ пастырь Виктора Садковскаго, православнаго епископа Переяславскаго и Бориспольскаго отъ 25 апр. 1789 г., 2) Описаніе (также рукописное) Спасо-Евѣиміевскаго Суздальскаго монастыря съ находящимися въ немъ св. мощамъ, составленное въ 1822 г.; 6) отъ жены титулярнаго совѣтника Ел. Ал. Прилуцкой: 1) Россійская

ассигнація въ 10 рублей, выпуска 1829 г., за № 211817 и 2) Польскій бумажный 1 рубль сер. выпуска 1866 г.; за № 12610958; п в) отъ надзирателя Москов. Донскаго дух. училища И. М. Лебедева: „Рукописное собраніе различныхъ церковныхъ пѣснопѣній, переложенныхъ на ноты. Въ кож. пер. на 122 листахъ въ полчетвертку. Рукопись 18 столѣтія“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и благодарить жертвователей.

XXII. Предложеніе ректора Академіи о выпискѣ для студентовъ въ 12 экземплярахъ греко-русскаго словаря, изданнаго Кіевскимъ обществомъ классической филологіи.

XXIII. Записки профессоровъ Е. Голубинскаго, П. Горскаго, П. Казанскаго, И. Мансветова, П. Цвѣткова, доцентовъ А. Бѣляева, В. Соколова, приватъ-доцентовъ І. Татарскаго, В. Велтистова и лектора В. Лучинина со списками книгъ, которыя они просятъ пріобрѣсти для академической бібліотеки.

Опредѣлили: Выписать означенный въ предложеніи ректора Академіи словарь въ 12 экземплярахъ, а также пріобрѣсти для бібліотеки книги, означенныя въ запискахъ наставниковъ Академіи, если ихъ не окажется въ бібліотекѣ, по справкѣ съ наличностію оной, о чемъ и дать знать бібліотекарю Академіи.

XXIV. Прошенія студентовъ: IV курса іеродіакона Сергія и III курса Петра Соколова о выпискѣ изъ Московской Синодальной бібліотеки на два мѣсяца нужныхъ для ихъ занятій сочиненіями рукописей подъ заглавіями: 1) «Студійскій уставъ патріарха Алексія», значащійся по каталогу бібліотеки подъ № 330, а по описанію Горскаго и Невоструева подъ № 380; 2) Сборники (непереплет.) рукописей №№ 4 и 5 по указателю бібліотекъ, составленному архимандритомъ Саввою.

Опредѣлили: Просить прокурора Московской Сп-

нодальной Конторы о высылкѣ въ Академію двухъ означенныхъ рукописей Синодальной библіотеки срокомъ на два мѣсяца.

XXV. Письмо председателя Комитета по устройству празднованія юбилея С. И. Баршева Г. Щуровскаго: «Согласно Высочайшему разрѣшенію 18 октября сего года имѣеть праздноваться юбилей пятидесяти-лѣтняго служенія на поприщахъ научномъ и служебномъ почетнаго опекуна и заслуженнаго профессора Сергія Ивановича Баршева. Комитетъ лицъ, организованныхъ для устройства такового празднованія, считаетъ своимъ долгомъ увѣдомить объ этомъ Московскую Духовную Академію, въ которой маститый юбиляръ состоитъ почетнымъ членомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить не отказать ему своевременнымъ извѣщеніемъ, въ какомъ видѣ означенная Академія намѣрена принять участіе въ предполагаемомъ празднованіи».

Справка: Вслѣдствіе сего письма составленъ былъ отъ Московской Духовной Академіи поздравительный юбиляру адресъ, который былъ прочитанъ въ день юбилея и поднесенъ юбиляру командированнымъ отъ Академіи профессоромъ И. Мансветовымъ.

Опредѣлили: Приложить письмо къ дѣламъ Совѣта.

XXVI. Прошеніе посторонняго слушателя академическихъ лекцій Леонида Соловьева о выдачѣ ему документовъ, такъ какъ онъ долженъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, возвратиться въ домъ своего отца.

Справка: По распоряженію ректора Академіи выданы Леониду Соловьеву его документы 19 сего октября.

XXVII. Донесеніе священника Казанской въ Москвѣ, въ Сущевѣ, церкви Александра Грузова о болѣзни студента IV курса Сергѣя Маркова, по которой онъ не можетъ явиться въ Академію на означенный срокъ.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXVIII. Прошеніе священника при Русской посольской церкви въ Вѣнѣ Василя Архангельскаго, студентовъ IV курса Петра Пятницкаго, Сергѣя Маркова и Николая Кедрова о выдачѣ имъ кандидатскихъ ихъ сочиненій срокомъ на три мѣсяца.

Опредѣлили: Выдать просителямъ кандидатскія ихъ сочиненія на означенный въ прошеніяхъ срокъ.

XXIX. Отношеніе Правленія Таврической духовной семинаріи, при которомъ возвращено кандидатское сочиненіе преподавателя сей семинаріи, кандидата Московской Духовной Академіи священника Николая Ильинскаго на тему: «Синтагма Матѳея Властара».

Опредѣлили: Возвращенное кандидатское сочиненіе приложить къ таковымъ же въ архивѣ дѣлъ Совѣта, увѣдомивъ о полученіи Правленіе Таврической семинаріи.

XXX. Отношеніе попечителя Одесскаго учебнаго округа, коимъ увѣдомляетъ о полученіи и препровожденіи директору Керченской Александровской гимназіи документовъ кандидата здѣшней Академіи Лазаря Іоакимова, опредѣленнаго на должность законоучителя Керченскихъ гимназій.

XXXI. Отношеніе Рижской духовной консисторіи о полученіи документовъ кандидата Ивана Яковлева, состоящаго нынѣ законоучителемъ епархіальнаго училища въ мѣстечкѣ Илукстахъ рижской епархіи.

XXXII. Отношенія Правленій духовныхъ семинарій и училищъ о полученіи документовъ кандидатовъ Московской Духовной Академіи, опредѣленныхъ на службу въ тѣ семинаріи и училища:

1) Отношеніе Правленія Вятской духовной семинаріи о полученіи документовъ Петра Спасскаго и Ивана Дилигентова.

2) Пензенской—о полученіи документовъ Николая Никольскаго.

3) Полтавской—Стефана Бѣлявскаго.

4) Таврической — Петра Созонтьева и Дмитрія Якимовича.

5) Ярославской—Ивана Яхонтова.

6) Отношеніе Правленія Балашевскаго духовнаго училища о полученіи документовъ Юсіфа Павловскаго.

7) Бѣлевскаго—о полученіи документовъ Якова Недоходовскаго.

8) Волоколамскаго—Ивана Ключарева, Ѳедора Боголѣпова и Ивана Добронравова.

9) Вяземскаго—Ивана Цвѣткова.

10) Дмитровскаго—Сергѣя Протопонова.

11) Единецкаго—Дометія Мацкевича.

12) Законоспаскаго—Михаила Бѣльева.

13) Звенигородскаго—Григорія Соловьева.

14) Касимовскаго—Василія Лебедева.

15) Краснохолмскаго—Матвѣя Лебедева.

16) Моздокскаго—Юсіфа Санеблидзе.

17) Муромскаго—Александра Кохомскаго.

18) Петровскаго—Василія Тверецкаго.

19) Раненбургскаго—Александра Преображенскаго.

20) Самарскаго—Ивана Панормова.

О п р е д ѣ л и л и: Принять къ свѣдѣнію.

XXXIII. Докладъ секретаря Совѣта И. Кратирова: «Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 2 декабря 1877 года за № 3588 утверждены были въ должности помощниковъ ректора Московской Духовной Академіи ординарные профессора: Викторъ Кудрявцевъ-Платоновъ—по богословскому отдѣленію и Николай Субботинъ—по церковно-историческому отдѣленію на 4 года—до 21 октября 1881 года. Нынѣ этотъ срокъ исполнился и потому не угодно-ли будетъ Совѣту Академіи сдѣлать распоряженіе объ избраніи установленнымъ порядкомъ профессорами богословскаго и историческаго отдѣленій по принадлежности помощниковъ ректора сихъ отдѣленій».

О п р е д ѣ л и л и: Предоставить профессорамъ богослов-

скаго и церковно-историческаго отдѣленій произвести въ ближайшемъ общемъ собраніи Совѣта установленную академическимъ уставомъ баллотировку для избранія помощниковъ ректора сихъ отдѣленій.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: «13 ноября 1881 г. По статьямъ I—IV изъясляю согласіе; прочія читаны».

Ж У Р Н А Л Ъ

общаго собранія Совѣта Академіи 19 ноября 1881 г.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, ординарные и экстраординарные профессора Академіи, кромѣ А. Смирнова, И. Мансветова и В. Ключевского.

I. Въ собраніи семь, по случаю истеченія четырехлѣтняго срока службы въ должности помощниковъ ректора Московской Духовной Академіи заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ: Виктора Кудрявцева - Платонова по богословскому отдѣленію и Николая Субботина по церковно-историческому отдѣленію, произведено было профессорами богословскаго и церковно-историческаго отдѣленій по принадлежности баллотированіе ординарныхъ профессоровъ сихъ отдѣленій на должность помощниковъ ректора.

Баллотированію были подвергнуты: въ богословскомъ отдѣленіи ординарный профессоръ Викторъ Кудрявцевъ-Платоновъ, въ историческомъ отдѣленіи ординарные профессора: Николай Субботинъ, Евгенийъ Голубинскій и Алексѣй Лебедевъ. По окончаніи баллотированія оказалось, что профессоръ В. Кудрявцевъ-Платоновъ единогласно избранъ на должность помощника ректора по богословскому отдѣленію, въ историческомъ отдѣленіи профессора Николай Субботинъ и Евгенийъ Голубинскій

также получили всѣ избирательные голоса, профессоръ же А. Лебедевъ получилъ два избирательныхъ голоса и 1 неизбирательный.

Справка: 1) По § 119 устава духовныхъ академій: „Помощники ректора избираются изъ ординарныхъ профессоровъ отдѣленія, на четыре года, посредствомъ закрытой баллотировки, профессорами каждаго отдѣленія по принадлежности, въ присутствіи Совѣта, и утверждаются по представленію епархіальнаго Преосвященнаго, Святѣйшимъ Синодомъ. 2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 3 сентября 1869 г. за № 3190, послѣдовавшимъ по поводу встрѣченнаго Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи затрудненія относительно не состоявшагося въ одномъ изъ академическихъ отдѣленій выбора на должность помощника ректора, вслѣдствіе полученія обоими избравшимися на оную профессорами равнаго числа голосовъ, дано знанію академическимъ Правленіемъ къ свѣдѣнію и руководству, что „въ случаѣ неизбрания помощника ректора въ одномъ изъ отдѣленій, выборъ кандидатовъ на эту должность принадлежитъ Совѣту Академіи, такъ какъ Совѣту вообще принадлежитъ контроль надъ дѣйствіями отдѣленій, и въ частности, по § 119, выборъ на должность помощниковъ ректора долженъ быть производимъ въ присутствіи Совѣта, чѣмъ очевидно и предоставлено ему право производства выборовъ въ означенномъ случаѣ“. 3) Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 2 декабря 1877 года за № 3588, ординарные профессора Академіи В. Кудрявцевъ-Платоновъ и Н. Суботинъ, выслужившіе 21 октября 1877 года, двадцатипятилѣтній срокъ преподавательской службы, оставлены, согласно состоявшемуся избранію ихъ академическимъ Совѣтомъ, на слѣдующія пять лѣтъ академической службы, до 21 октября 1882 года, и утверждены, согласно избранію профессорами подлежащихъ отдѣленій въ должности помощниковъ ректора: первый по бо-

гословскому отдѣленію, а второй — по церковно-историческому отдѣленію Академіи, на четыре года, до 21 октября 1881 года. 4) 21 октября 1882 года имѣеть исполниться тридцатилѣтіе преподавательской службы профессоровъ В. Кудрявцева и Н. Субботина и они, на основаніи § 59 академическаго устава, должны будутъ подвергнуться новому баллотированію для оставленія на профессорской службѣ при Академіи на слѣдующее пятилѣтіе.

Въ виду единогласнаго избранія профессорами церковно-историческаго отдѣленія на должность помощника ректора по сему отдѣленію двухъ профессоровъ Н. Субботина и Е. Голубинскаго предположено было подвергнуть ихъ баллотированію, на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 3 сентября 1869 года за № 3190 въ Совѣтъ Академіи, но профессоръ Е. Голубинскій заявилъ, что онъ не желаетъ принимать на себя обязанностей помощника ректора и отказывается отъ баллотировки.

Опредѣлили: Имѣя въ виду, что по § 119 устава духовныхъ академій помощники ректора Академіи избираются на четыре года; но въ настоящемъ случаѣ исполненіе требованія этого параграфа устава относительно срока службы профессоровъ Виктора Кудрявцева-Платонова и Николая Субботина въ должности помощника ректора находятся въ зависимости отъ § 59 того же устава, по которому профессора Кудрявцевъ-Платоновъ и Субботинъ, по истеченіи 21 октября 1882 года тридцатилѣтія ихъ преподавательской службы, подлежатъ новой баллотировкѣ въ Совѣтъ Академіи для оставленія на профессорской службѣ при Академіи на слѣдующее пятилѣтіе, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Виктора Кудрявцева-Платонова и Николая Субботина въ долж-

ности помощниковъ ректора: перваго по богословскому, втораго—по церковно-историческому отдѣленію по сроку ихъ тридцатилѣтней службы при Академіи—до 21 октября 1882 года, а также и о томъ, чтобы, въ случаѣ избранія въ свое время профессоровъ Кудрявцева и Субботина на слѣдующее пятилѣтіе профессорской службы при Академіи, предоставлено было Совѣту Академіи право представить ихъ къ утвержденію и въ должности помощниковъ ректора на слѣдующіе три года, т. е. до 21 октября 1885 года безъ повторенія баллотировки въ отдѣленіяхъ. При семъ представить Его Высокопреосвященству самые акты баллотированія, произведеннаго профессорами богословскаго и церковно-историческаго отдѣленій по принадлежности для замѣщенія должности помощниковъ ректора въ сихъ отдѣленіяхъ.

II. Довесеніе помощника ректора по богословскому отдѣленію профессора Виктора Кудрявцева: „Богословское отдѣленіе Академіи, выслушавъ отзывъ бывшаго доцента Московской Духовной Академіи, нынѣ профессора богословія въ Петровской земледѣльческой и лѣсной Академіи въ Москвѣ, священника Николая Елеонскаго о сочиненіи кандидата Ивана Корсунскаго, представленномъ въ рукописи на соисканіе степени магистра богословія, на тему: „Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта“ выразило свое согласіе съ отзывомъ священника Елеонскаго и признало, что означенное сочиненіе, по напечатаніи онаго, можетъ быть допущено до публичнаго защищенія на искомую степень, о чемъ и имѣю честь донести Совѣту Академіи“.

III. Отзывъ священника Николая Елеонскаго о сочиненіи кандидата И. Корсунскаго.

Справка: По § 31 Положенія объ испытаніяхъ на ученныя степени „Сочиненіе, представленное на степень магистра и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано; но въ Совѣтъ Академіи, для разсмотрѣ-

рѣнія, оно можетъ быть представлено и до напечатанія въ рукописи чистой и четкой“. По § 180 устава духовныхъ академій „Академіи имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-литературнаго содержанія сочиненій и сборниковъ, ими издаваемыхъ“.

Опредѣлили: Диссертацию кандидата И. Корсунскаго одобрить къ печатанію съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Совѣтъ Академіи требуемое цензурнымъ уставомъ и положеніемъ объ испытаніяхъ на ученые степени въ духовныхъ академіяхъ количество экземпляровъ для дальнѣйшихъ распоряженій.

На семь журналь резолюція Его Высокопреосвященства: „1 дек. 1881 г. По первой статьѣ изъясляю согласіе; прочія читаны“.

Ж У Р Н А Л Ъ

собранія Совѣта Академіи 19 ноября 1881 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея Сергія Смирнова, всѣ члены Совѣта, кромѣ экстраординарнаго профессора И. Мансвотова.

I. Въ собраніи семь Совѣтъ Академіи входилъ въ разсужденіе о назначеніи премии изъ процентовъ, въ количествѣ 640 руб., съ пожертвованнаго покойнымъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, по случаю совершившагося въ 1864 году пятидесятилѣтія Московской Духовной Академіи, капитала въ 12,500 рублей съ тѣмъ, чтобы получаемые на эту сумму проценты ежегодно были присуждаемы, какъ пособіе и поощреніе, одному изъ наставниковъ Академіи и чтобы основаніемъ для такого присужденія было полезное нравственное

вляніе на наставляемыхъ и некратковременная (не менѣе 6 лѣтъ) служба при Академіи.

Справка: 1) По правиламъ, составленнымъ Конференціею Академіи и утвержденнымъ покойнымъ Митрополитомъ Московскимъ Иннокентіемъ въ руководство на будущее время при избраніи изъ наставниковъ Академіи наиболее заслуживающихъ означенной преміи § 2: „Преимущественное право на награду даетъ старшинство по усердной и полезной службѣ“. 2) Изъ наставниковъ, не получавшихъ преміи, имѣеть старшинство предъ другими экстраординарный профессоръ Петръ Цвѣтковъ, состоящій на духовно-учебной службѣ съ 23 сентября 1869 года, а на преподавательской службѣ при Академіи съ 18 января 1871 года.

Опредѣлили: 1. Премію изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Филаретомъ на награды наставникамъ Академіи, выдать въ настоящемъ году экстраординарному профессору Петру Цвѣткову. 2. На приведеніе въ исполненіе сего опредѣленія испросить Архипастырское соизволеніе Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Митрополита Московскаго.

II. Слушали резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта Академіи за 30 октября сего года: „13 ноября 1881 г. По статьямъ I—IV изъясляю согласіе; прочія читаны“. Въ ст. I—III изложено было представленіе Совѣта Академіи относительно донесенія Святѣйшему Синоду о вступленіи въ бракъ студентовъ Академіи Ильинскаго, Никольскаго и Дюмидова. Въ опредѣленіи по ст. IV изложено было ходатайство Совѣта предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи уплатить Редакціонному Комитету по изданію твореній св. отцевъ изъ суммы, ассигнованной въ настоящемъ году на напечатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертаций, 489 р. 4 к., причитающіеся за на-

печатаніе при этомъ журналѣ, въ видѣ особаго приложенія къ журналамъ Совѣта Академіи, 19¹/₂ листовъ систематическаго каталога книгъ бібліотеки Московской Духовной Академіи и 300 отдѣльныхъ его экземпляровъ.

Опредѣлили: Утвержденное Его Высокопреосвященствомъ постановленіе Совѣта Академіи объ уплатѣ Редакціонному Комитету 489 р. 4 к. сообщить къ исполненію Правленію Академіи.

III. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 31 октября сего года за № 5410, коимъ сообщается Совѣту Академіи, для зависящаго распоряженія, о томъ, что кандидатъ Московской Духовной Академіи Василій *Рейпольскій*, опредѣленный на вакансію преподавателя по Священному Писанію въ Томскую духовную семинарію, нынѣ, по докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 17 октября, перемѣщенъ, согласно прошенію, на должность преподавателя по тому же предмету въ Вологодскую духовную семинарію, о чемъ и сообщено Преосвященнымъ Томскому и Вологодскому, а также и Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ.

Справка: По полученіи сего отношенія 5 сего ноября, послано, по распоряженію ректора Академіи, того же числа извѣщеніе кандидату Рейпольскому о перемѣщеніи его на должность преподавателя въ Вологодскую духовную семинарію съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно отправился къ новому мѣсту службы; а также сообщено и Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

Опредѣлили: Принимая къ свѣдѣнію изложенное въ отношеніи и справкѣ, препроводить документы кандидата Рейпольскаго въ Правленіе Вологодской духовной семинаріи.

IV. Отношеніе Преосвященнаго Наанаила, епископа

Архангельскаго, на имя ректора Академіи отъ 15-го октября сего года за № 2822: „Съ начала сего 1881—82 учебнаго года открыта въ Архангельской духовной семинаріи особая кафедра по ученію о русскомъ расколѣ на основаніяхъ, указанныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ $\frac{9}{28}$ января 1881 года (Церк. Вѣстн. № 13), съ жалованьемъ изъ епархіальныхъ средствъ. Озабочиваясь имѣть специально подготовленнаго преподавателя по этому предмету, я обращаюсь къ Вашему просвѣщенному содѣйствію и покорнѣйше прошу Васъ, предложить студентамъ Академіи IV-го курса, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ готовиться на означенную должность преподавателя въ Архангельскую духовную семинарію и о послѣдующемъ меня увѣдомить“.

Справка: По содержанію сего отношенія сдѣлано было объявленіе студентамъ IV курса, но никто изъ нихъ не выразилъ желанія предназначить себя къ поступленію на должность преподавателя ученія о расколѣ въ Архангельской семинаріи.

О п р е д ѣ л и л и: Принять къ свѣдѣнію.

V. Вѣдомость Правленія Академіи о суммахъ за октябрь мѣсяцъ, по которой значится, что отъ сентября къ октябрю оставалось наличными деньгами 32.539 р. $78\frac{1}{2}$ коп., билетами 87.390 р., итого 119.929 р. $78\frac{1}{2}$ к.; въ теченіе октября мѣсяца поступило на приходъ наличными деньгами 1.110 р. 84 к.;—въ расходъ 8.531 р. 36 к. за тѣмъ къ 1-му сего ноября состояло въ академической кассѣ наличными деньгами 25.119 р. $26\frac{1}{2}$ к., билетами 87.390 р., итого 112.509 р. $26\frac{1}{2}$ к.; кромѣ того залогъ подрядчика Губонина по двумъ подрядамъ въ наличныхъ деньгахъ и 5⁰/₀ билетахъ Государственнаго Банка на 4.000 руб., и наличными для уплаты подрядчику и на вознагражденіе архитектора за работы по устройству купола надъ академическою церковію 9.609 р. 60 к.

О п р е д ѣ л и л и: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Вѣдомость ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Въ этой вѣдомости значится, что приватъ-доцентъ Р. Левитскій, по причинѣ тяжкой болѣзни, не читалъ лекцій въ теченіе всего мѣсяца; профессоръ А. Смирновъ опустилъ 8 лекцій, четыре лекціи по болѣзни и четыре—по уважительнымъ семейнымъ обстоятельствамъ; профессоръ В. Потаповъ и приватъ-доцентъ В. Кипарисовъ опустили по 4 лекціи по причинѣ болѣзни, по той же причинѣ профессоръ П. Цвѣтковъ опустилъ 3 лекціи, профессоръ Д. Касицынъ и доцентъ Н. Заозерскій— по двѣ лекціи; лекторъ французскаго языка Э. Керковъ опустилъ день занятій, или 5 классовъ; н. д. доцента Н. Иванцевъ опустилъ 4 лекціи и профессоръ Е. Голубинскій—2 лекціи по уважительнымъ причинамъ; доцентъ В. Соколовъ— 2 лекціи для присутствованія въ двухъ собраніяхъ комиссіи народныхъ чтеній въ Москвѣ.

О п р е д ѣ л и л и: Напечатать вѣдомость вмѣстѣ съ журналами Совѣта.

VII. Предложеніе его же: „По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 9 іюня сего года, на основаніи § 52 инструкціи бібліотекарю Академіи, назначены были для ревизіи академической бібліотеки въ настоящемъ году два депутата изъ наставниковъ Академіи—приватъ-доценты Р. Левитскій и В. Велтистовъ, но г. Левитскій, по причинѣ тяжкой болѣзни, не можетъ исполнить возложенной на него Совѣтомъ обязанности, потому не угодно ли будетъ Совѣту Академіи назначить другаго депутата для ревизіи бібліотеки“.

О п р е д ѣ л и л и: 1. Назначить для ревизіи академической бібліотеки, вмѣсто приватъ-доцента Р. Левитскаго, доцента Александра Бѣляева. 2. Постановленіе сіе сообщить гг. Бѣляеву, Велтистову и бібліотекарю Академіи къ исполненію.

VIII. Донесенія ректора Академіи, протоіерея С. Смир-

нова и помощниковъ ректора по богословскому и церковно-историческому отдѣленіямъ, профессоровъ В. Кудрявцева и Н. Субботина, о томъ, что первое третное сочиненіе студентами I и II курсовъ и проповѣди студентами III курса поданы своевременно, кромѣ своекоштныхъ студентовъ II курса историческаго отдѣленія Николая Соловьева, не представившаго третнаго сочиненія по болѣзни, и Ѳедора Пучковскаго—по случаю присканія новой квартиры вслѣдствіе неудобствъ для занятій на прежней квартирѣ.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію, предоставивъ помощнику ректора по историческому отдѣленію Н. Субботину донести Совѣту, когда представятъ сочиненія Николай Соловьевъ и Ѳедоръ Пучковскій.

IX. Представленіе Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ съ отчетомъ о сочиненіяхъ и картинахъ, разсмотрѣнныхъ Комитетомъ въ теченіе октября мѣсяца сего года.

Опредѣлили: Отчетъ представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

X. Донесеніе инспектора Академіи, профессора П. Горскаго-Платонова о томъ, что въ теченіе октября сего 1881 года за студентами важныхъ проступковъ не замѣчено.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношеніе прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы отъ 10 сего ноября за № 2647, при коемъ препровождены пять славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки подъ наименованіями: во 1-хъ Сборники (непереплет.) рукописей №№ 4 и 5 по указателю, составленному архим. Саввою; во 2-хъ „Студійскій уставъ“ патріарха Алексія по каталогу бібліотеки № 330, а по описанію Горскаго и Невоструева № 380; въ 3-хъ „Проскинитаріонъ“ Арсенія Каллуди, Критскаго іеромонаха, переведенный съ греческаго

въ 1686 г.; іеромонахомъ Евѣміемъ №№ 529 и 543,— на два мѣсяца.

Справка: Присланныя рукописи, по полученіи съ почты, сданы въ академическую бібліотеку, о чемъ и дано знать тѣмъ лицамъ, для коихъ эти рукописи требовались. О полученіи рукописей о. ректоръ увѣдомилъ прокурора Синодальной Конторы.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношеніе Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 16 октября сего года за № 1128, при коемъ проведены для здѣшней академической бібліотеки магистерскія диссертациі: законоучителя Нижегородской губернской гимназіи священника Андрея Свѣтлакова „Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе корана“. Казань. 1875 г. и преподавателя Пензенской духовной семинаріи Евгенія Успенскаго «Христіанское умозрѣніе и человѣческой разумъ». Пенза. 1881 г.

XIII. Докладъ секретаря Совѣта И. Кратирова о томъ, что получены съ почты присланныя безъ препроводительныхъ бумагъ слѣдующія изданія: 1) Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея. Книга 27. Ярославль. 1881. 2) Варшавскія университетскія извѣстія. 1881. № 4. Варшава. 3) Двѣ брошюры, изданныя православнымъ миссіонерскимъ Обществомъ въ Казани: Евангеліе отъ Іоанна на чувашскомъ нарѣчій и рассказы изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. 4) Двѣ брошюры протоіерея Александра Сулоцкаго, изд. 1881 г. въ Омскѣ, подъ заглавіями: „Многочтимыя иконы по Западной Сибири“ и „Тобольскіе и Томскіе архипастыри“.

Опредѣлили: Присланныя изданія сдать въ академическую бібліотеку и за присылку оныхъ благодарить кого слѣдуетъ.

XIV. Записки профессоровъ В. Потапова и П. Цвѣткова со списками книгъ, которыя они просятъ приобрести для академической бібліотеки.

XV. Представленіе бібліотекаря И. Корсунскаго о разрѣшеніи выписать для бібліотеки продолженіи и пополненія изданій, нѣкоторыя части коихъ находятся въ бібліотекахъ.

Опредѣлили: Означенныя въ запискахъ профессоровъ В. Потапова и П. Цвѣткова и въ представленіи бібліотекаря изданія выписать для академической бібліотеки, о чемъ и дать знать бібліотекарю Академіи съ тѣмъ, чтобы объ уплатѣ денегъ по счетамъ книгопродавцевъ онъ представилъ Правленію Академіи.

XVI. Отношеніе конторы Преображенской больницы для душевно-больныхъ въ Москвѣ, отъ 10 ноября за № 1945, о томъ, что находившійся на излѣченіи въ сей больницѣ студентъ Московской Духовной Академіи Иванъ Виноградовъ умеръ 9 сего ноября.

Справка: Студентъ II курса Иванъ Виноградовъ состоялъ стипендіатомъ Лавры.

Опредѣлили: 1. Умершаго студента Ивана Виноградова исключить изъ списковъ. 2. На его стипендію въ Троице-Сергіевой Лаврѣ зачислить студента 2-го курса историческаго отдѣленія Ѳедора Пучковскаго, поручивъ инспектору Академіи сообщить о семъ начальству Лавры. 3. Пособіе отъ Московской каедры въ 110 рублей, которымъ пользуется студентъ Пучковскій, назначить студенту II курса практическаго отдѣленія Якову Розанову. 4. Постановленіе сіе сообщить, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи.

XVII. Прошеніе студента Воронежской духовной семинаріи Никанора Холодовича о дозволеніи ему слушать академическія лекціи по общеобязательнымъ предметамъ и спеціальнымъ—церковно-историческаго отдѣленія на 1-мъ курсѣ. При прошеніи приложенъ служебный аттестатъ, выданный Холодовичу 11 ноября 1881 года за № 610 отъ Воронежской казенной палаты. Изъ этого аттестата между прочимъ видно, что коллежскій реги-

страторъ Никаноръ Холодовичъ, бывшій помощникомъ секретаря въ означенной палатѣ, происходитъ изъ духовнаго званія, 29 лѣтъ отъ роду, по окончаніи курса наукъ въ Воронежской духовной семинаріи со степенью студента поступилъ въ 1878 году на службу въ Воронежскую казенную палату и состоялъ на оной до 7 сего ноября; въ штрафахъ, подъ слѣдствіемъ и судомъ не былъ, холостъ, уволенъ отъ службы, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ.

Опредѣлили: Предоставить ректору Академіи выдать Холодовичу установленный билетъ на слушаніе академическихъ лекцій по предметамъ, означеннымъ въ его прошеніи, въ теченіе 1881—82 учебнаго года, въ качествѣ посторонняго слушателя.

XVIII. Докладную записку секретаря Совѣта И. Крацова: «По смѣтѣ доходовъ и расходовъ по Московской Духовной Академіи въ 1881 году ассигновано между прочимъ на выдачу двухъ премій воспитанникамъ теперешняго IV-го курса за лучшія кандидатскія сочиненія, представленныя ими при окончаніи III-го курса, 200 р. изъ процентовъ съ капитала протоіерея Невоструева и 165 руб. изъ процентовъ съ капитала Митрополита Литовскаго Іосифа, кромѣ того 33 руб. изъ процентовъ съ капитала протоіерея Орлова, назначенныхъ на выдачу одному изъ студентовъ за преимущественные успѣхи въ сочиненіи проповѣдей. Суммы эти еще не получили своего назначенія, о чемъ имѣю честь доложить Совѣту Академіи, въ виду приближающагося окончанія смѣтнаго года».

Опредѣлили: Поручить отдѣленіямъ представить въ ближайшее собраніе Совѣта отзывы о тѣхъ изъ кандидатскихъ сочиненій воспитанниковъ IV курса, котормя они признаютъ заслуживающими премій, и преподавателю гомилетики—отзывы о лучшихъ проповѣдяхъ

изъ представленныхъ студентами II и III курсовъ въ теченіе 1880—81 учебнаго года.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1 дек. 1881 г. Согласенъ“.

Ж У Р Н А Л Ъ

общаго собранія Совѣта Академіи 4 декабря 1881 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея Сергія Смирнова, всѣ профессора Академіи, кромѣ А. Лебедева, В. Потапова и А. Смирнова.

Слушали: I. Донесеніе помощника ректора по богословскому отдѣленію профессора Виктора Кудрявцева: „Богословское отдѣленіе Академіи, выслушавъ отзывъ экстраординарнаго профессора Павла Горскаго-Платонова о сочиненіи кандидата Василя Никольскаго, представленномъ въ рукописи на соисканіе степени магистра богословія, на тему „О надписаніяхъ псалмовъ“, выразило согласіе съ отзывомъ профессора П. Горскаго и признало, что означенное сочиненіе, по напечатаніи онаго, можетъ быть допущено до публичнаго защищенія на искомую степень, о чемъ и имѣю честь донести Совѣту Академіи“.

II. Отзывъ профессора Павла Горскаго-Платонова о сочиненіи кандидата Василя Никольскаго.

Справка: По § 31 Положенія объ испытаніяхъ на ученія степени: „Сочиненіе, представленное на степень магистра и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано; но въ Совѣтъ академіи, для разсмотрѣнія, оно можетъ быть представлено и до напечатанія въ рукописи чистой и четкой“. По § 180 устава духовныхъ академій «Академіи имѣютъ свою собственную цензуру для тезисовъ, разсужденій и иныхъ учено-ли

тературнаго содержанія сочиненій и сборниковъ, ими издаваемыхъ».

Опредѣлили: Диссертацию кандидата В. Никольскаго одобрить къ печатанію съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Совѣтъ Академіи требуемое цензурнымъ уставомъ и положеніемъ объ испытаніяхъ на ученыя степени въ духовныхъ академіяхъ количество экземпляровъ для дальнѣйшихъ распоряженій.

III. Отношеніе директора канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Тайнаго Совѣтника, И. А. Ненарокова на имя ректора Академіи отъ 1 сего декабря за № 5906: «Получивъ при отношеніи отъ 18 минувшаго ноября за № 480 дипломъ на званіе почетнаго члена Московской Духовной Академіи, вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ принести Совѣту Академіи и Вашему Высокопреподобию искреннюю мою благодарность за честь, оказанную мнѣ избраніемъ въ это званіе и за лестное для меня сочувствіе со стороны ученой Академической корпораціи къ моему посильному служенію духовно-учебному дѣлу, принятое въ основаніе сего избранія».

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и приложить къ дѣлу.

На семь журналъ Его Высокопреосвященствомъ написано: «14 дек. 1881 г. Читалъ».

Ж У Р Н А Л Ъ

собранія Совѣта Академіи того же числа.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, всѣ члены Совѣта, кромѣ профессора В. Потапова.

I. Въ собраніи семь разсуждали о присужденіи премій за лучшія кандидатскія сочиненія студентовъ настоящаго

IV курса: а) въ количествѣ 200 рублей изъ процентовъ съ капитала протоіерея А. Невоструева и б) въ 165 р. изъ процентовъ съ капитала Преосвященнаго митрополита Литовскаго Іосифа.

На соисканіе премій представлены были 9 кандидатскихъ сочиненій, означенныхъ балломъ 5, именно: 1) отъ богословскаго отдѣленія—Александра Мартынова, Василія Образцова; 2) отъ церковно-историческаго—Виктора Васильевскаго, Ѳедора Соболева, Ивана Студитскаго, Сергѣя Доброумова и Николая Кедрова; 3) отъ церковно-практическаго—Петра Пятницкаго и Константина Маркова. Для обсужденія сравнительнаго достоинства представленныхъ сочиненій выслушаны были отзывы о нихъ я, по мѣрѣ надобности, рассмотрѣны самыя сочиненія.

Опредѣлили: 1. Премію изъ процентовъ съ капитала протоіерея А. Невоструева, въ количествѣ 200 р., назначить студенту богословскаго отдѣленія Александру Мартынову за его сочиненіе на тему: «Исторія догмата о твореніи міра за періодъ до-оригеновскій». 2. Премію съ капитала Митрополита Литовскаго, Іосифа въ количествѣ 165 руб., назначить студенту того же отдѣленія Василію Образцову за сочиненіе на тему: «Западно-христіанское мистическое богословіе перваго періода схоластики въ связи съ историческимъ очеркомъ его началъ и общимъ повятіемъ религіозной мистики. (Вѣкъ XII. Бернардъ Клервоскій и Викторинцы)». 3. Мнѣніе сіе представить на архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

II.—О присужденія награды въ количествѣ 33 рублей одному изъ студентовъ Академіи за преимущественные успѣхи въ сочиненіи проповѣдей изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго на этотъ предметъ протоіеремъ І. Орловымъ. При семъ выслушанъ былъ отзывъ преподавателя гомилетики В. Кипарисова о томъ, что лучшая изъ представленныхъ студентами II и III кур-

са проповѣдей принадлежить студенту III курса церковно-практическаго отдѣленія Сергѣю Покровскому.

Опредѣлили: 1. Награду въ 33 руб. за преимущественные успѣхи въ сочиненіи проповѣдей выдать студенту III курса церковно-практическаго отдѣленія Сергѣю Покровскому. 2. Мнѣніе сіе представить на архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

III. Слушали сданный отъ Его Высокопреосвященства, съ надписью „Совѣтъ сдѣлаетъ надлежащее распоряженіе“, указъ изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 ноября сего года за № 4339: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21 минувшаго октября за № 5226, объ учрежденіи при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета для обсужденія доставленныхъ ректорами православныхъ духовныхъ академій соображеній о тѣхъ измѣненіяхъ въ существующей организациі сихъ вышнихъ духовно-учебныхъ заведеній, какія, по указанію опыта, представлялись бы нужными и полезными. Приказали: Для ближайшаго обсужденія вышеозначенныхъ соображеній и для рѣшенія вопроса, какія именно измѣненія могли бы быть сдѣланы въ существующемъ уставѣ духовныхъ академій: 1) учредить при Святѣйшемъ Синодѣ особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ присутствующаго въ Синодѣ Преосвященнаго Архіепископа Казанскаго Сергія, съ назначеніемъ въ составъ Комитета слѣдующихъ лицъ: Предсѣдателя Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ протоіерея Іосифа, Васильева, Директора Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Тайнаго Совѣтника Ненарокова, инспектора С.-Петербургской Духовной Академіи, ординарнаго профессора Нильскаго, ординарнаго профессора той же Академіи Троицкаго, съ возложеніемъ на послѣдняго обязанностей дѣлопроизводителя Комитета, заслуженнаго

ординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи Пѣвницкаго, заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи Кудрявцева-Платонова и экстраординарнаго профессора Казанской Духовной Академіи Бердякова, и 2) поручить сему Комитету немедленно приступить къ возложеннымъ на него работамъ и за тѣмъ окончательныя свои соображенія представить на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода; о чемъ и дать знать Вашему Преосвященству указомъ“.

Опредѣлили: 1. Объявить (и объявленъ) указъ Святѣйшаго Синода заслуженному ординарному профессору В. Кудрявцеву-Платонову къ исполненію, 2. Копію съ указа сообщить, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи.

IV. Сданное отъ него же съ надписью „въ Совѣтъ Академіи къ руководству въ потребныхъ случаяхъ“ секретное отношеніе къ Его Высокопреосвященству Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 26 ноября сего года за № 243.

Опредѣлили: Изъясненное въ отношеніи распоряженіе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода принять къ надлежащему въ потребныхъ случаяхъ руководству.

V. Сданное отъ него же отношеніе къ Его Высокопреосвященству Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 27 ноября за № 5848, при коемъ препровожденъ списокъ профессоровъ Московской Духовной Академіи, произведенныхъ указомъ Правительствующаго Сената (по Департаменту Герольдіи) отъ 3 ноября 1881 года за № 6145, на имя Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода послѣдовавшемъ, въ Статскіе Совѣтники, за выслугу лѣтъ съ узаконеннымъ старшинствомъ. Въ этомъ спискѣ значатся произведенными въ *Статскіе Совѣтники* слѣдующіе экстраординарные профессора Академіи: Павелъ *Горскій-Платоновъ*, Василій *потановъ* и Евге-

ній *Голубинскій* (нынѣ ординарный профессоръ Академіи) съ 19 августа 1873 г. Александръ *Смирновъ* и Петръ *Казанскій*—съ 9-го и Дмитрій *Касицынъ* съ 17 ноября 1879 года.

О предѣлили: Объявить означеннымъ профессорамъ о производствѣ ихъ въ Статскіе Совѣтники и внести о семъ въ послужные ихъ списки.

VI. Отношеніе Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 27 ноября за № 13879: „Въ удовлетвореніе ходатайства Совѣта Московской Духовной Академіи, изложеннаго въ отношеніи отъ 6 сего ноября № 444, Г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода разрѣшилъ отпустить, безденежно, для указанной Совѣтомъ цѣли, 300 экз. книгъ, о высылкѣ коихъ по принадлежности Хозяйственнымъ Управленіемъ сдѣлано надлежащее распоряженіе. Сообщая о семъ Совѣту Московской Духовной Академіи въ послѣдствіе отношенія онаго № 444, Хозяйственное Управленіе покорнѣйше проситъ о полученіи книгъ Управленіе увѣдомить.»— Въ списокѣ учебниковъ по предметамъ курса духовныхъ училищъ, предназначенныхъ къ отпуску въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи, значатся слѣдующія изданія: 1) Библия, компактнаго изданія въ кож. 2) Псалтирь ц. п. 3) Часословъ ц. п. 4) Курсъ закона Божія, Свирѣлина. 5) Изъясненіе богослуженія съ церковнымъ уставомъ, его же. 6) Пространный Катихизисъ, Преосвященнаго Филарета, ц. п. 7) Священная Исторія Вѣтхаго и Новаго Завѣта, Соколова, въ 2-хъ ч. 8) Начатки христіанскаго ученія, ц. п. 9) Начальное наставленіе въ православной вѣрѣ, Соколова. 10) Руководство къ изученію древняго церковнаго пѣнія, Потулова. 11) Русская грамматика, Кирпичникова, въ 2-хъ част. 12) Славянская грамматика съ сборникомъ, Перевлѣскаго. 13) Грамматика древняго церковно-славянскаго языка, И. Смирновскаго. 14) Старо-славянская грамма-

тика, Колосова. 15) Ариеметика, Воленса, изд. Попова. 16) Собрание ариеметическихъ задачъ, его же. 17) Географія Россіи, Лебедева. 18) Сравнительная географія, Смирнова. 19) Географическій атласъ, Ильина. 20) Краткое руководство къ изученію латинскаго языка, Смирнова. 21) Руководство къ переводамъ съ русскаго на латинскій языкъ, его же. 22) Краткая просодія Кувшинскаго. 23) Латинская христоматія, Носова, 1 ч. 24) Латинскій словарь, Кронеберга. 25) Курсъ греческаго языка, Григоревскаго, 1 ч. и 2-я. 26) Греческая грамматика, Кюнера. 27) Греческая христоматія, Носова. 28) Русско-греческій словарь, Синайскаго. 29) Греко-русскій словарь, Грацинскаго. 30) Пропси Гербача, русскія, 31) французскія и нѣмецкія, 32)—латинскія и греческія. Каждое изданіе значитса въ количествѣ 10 экземпляровъ; а всего 330 экземпляровъ.

VII. Докладъ секретаря Совѣта о томъ, что семь изъ означенныхъ въ спискѣ изданій, именно: грамматика древняго церковно-славянскаго языка, И. Смирновскаго; старославянская грамматика, Колосова; ариеметика Воленса, изд. Попова; собраніе ариеметическихъ задачъ, его же; латинская христоматія, Носова, 1 ч.; греческая грамматика Кюнера; греческая христоматія, Носова, получены съ почты, каждое изданіе въ числѣ 10 экземпляровъ, и сданы въ академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принимая къ свѣдѣнію изложенное въ отношеніи и справкѣ, предназначенныя къ отпуску въ Совѣтъ Академіи изданія сдавать, по мѣрѣ полученія оныхъ, въ академическую библіотеку и о полученіи изданій увѣдомить, въ свое время, Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ.

VIII. Вѣдомость Правленія Академіи о суммахъ за ноябрь мѣсяцъ, въ которой значитса, что отъ октября въ ноябрь оставалось наличными деньгами 25.119 р. 26½ к., билетами 87.390 р. итого 112.509 р. 26½ к.;

въ теченіе ноября поступило на приходъ наличными деньгами 1.261 р. 60 к.,—въ расходъ 10.320 р. 34 коп.; за тѣмъ къ 1 сего декабря состояло въ академической кассѣ наличными деньгами 16.060 р. 52¹/₂ к., билетами 87.390 р., итого 103.450 р. 52¹/₂ к.; кромѣ того залогъ купца Губонина по двумъ подрядамъ на разныя постройки въ академическихъ зданіяхъ въ 5⁰/₁₀ билетахъ 1-го и 2-го внутреннихъ съ выигрышами займовъ по номинальной цѣнѣ билетовъ на 2.000 р. и наличными для уплаты подрядчику и архитектору по подряду на устройство купола надъ церковію 3.609 р. 60 к.

О п р е д ѣ л и л и: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Вѣдомость ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова, о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Въ этой вѣдомости значится, что привать-доцентъ Р. Левитскій, по причинѣ тяжелой болѣзни, не читалъ лекцій въ теченіе всего мѣсяца; также по причинѣ болѣзни опустили лекціи профессоры: В. Кудрявцевъ 4 лекціи, П. Цвѣтковъ 3, профессоръ Е. Голубинскій, доцентъ Н. Каптеревъ, привать-доцентъ І. Татарскій—по двѣ лекціи; лекторъ нѣмецкаго языка В. Лучининъ опустилъ 2 класса; привать-доцентъ И. Соколовъ — одну лекцію.

О п р е д ѣ л и л и: Напечатать вѣдомость вмѣстѣ съ журналами Совѣта.

X. Донесеніе инспектора Академіи, профессора П. Горскаго—Платонова о томъ, что въ теченіе минувшаго ноября за студентами важныхъ проступковъ не замѣчено.

О п р е д ѣ л и л и: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношеніе Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, отъ 31 октября сего года за № 1273, о томъ, что при этомъ отношеніи препровождаются для бібліотеки Московской Д. Академіи экземпляры диссертаций на ученныя степени: гг. П. Морозова, К.

Тресса, Д. Дубяго, Н. Слугинова, А. Загуменнаго, Г. Орлова и И. Пташицкаго.

XII. Докладъ секретаря Совѣта И. Кратирова о томъ, что 1) въ тѣхъ, присланномъ отъ Совѣта С.-Петербургскаго Университета, получены съ почты слѣдующія диссертациі: К. Тресса: «Употребленіе условныхъ предложеній въ Теренціевыхъ комедіяхъ». Варшава. 1880.; Д. Дубяго: «Теорія движенія планеты Діаны. Опредѣленіе окончательной орбиты». Спб. 1880.; Н. Слугинова: «Теорія электролиза». Спб. 1881.; А. Загуменнаго: «Объ ароматическихъ пинаконахъ и пинаволинахъ». Спб. 1880.; Г. Орлова: «О нѣкоторыхъ полиномахъ съ одною и многими переменными». Спб. 1881.; И. Пташицкаго: «Объ интегрированіи въ конечномъ видѣ ирраціональныхъ дифференціаловъ». Спб. 1881.; а диссертациі П. Морозова въ тѣхъ не оказалось. 2) Получены съ почты присланныя безъ препроводительныхъ бумагъ слѣдующія изданія: Варшавскія университетскія извѣстія, 1881. № 5. Варшава. Исторія богослужебныхъ пѣснопѣній православной католической восточной церкви, сост. протоіереемъ Н. И. Флоринскимъ. Изд. второе дополненное и исправленное. Кіевъ. 1881 г.; три экземпляра брошюры: «Наставленіе священнику, назначаемому для обращенія новопріятныхъ и руководствованія обращенныхъ въ христіанскую вѣру, составленное въ Бозѣ почившимъ Высокопреосвященнѣйшимъ Московскимъ Митрополитомъ Иннокентіемъ при вступленіи его на Камчатскую кафедру». Москва 1881.—Всѣ означенныя изданія сданы въ академическую бібліотеку.

Опредѣлили: 1. Выразить, кому слѣдуетъ, усердную благодарность Совѣта за присланныя изданія. 2) Вмѣстѣ съ выраженіемъ благодарности Совѣту С.-Петербургскаго Университета за присланныя диссертациі, просить оной о высылѣ диссертациі П. Морозова.

XIII. Записки профессора А. Лебедева и приватъ-до-

цента И. Соколова со списками книгъ, которыя они просятъ приобрести для академической библіотеки.

Опредѣлили: Означенныя въ запискахъ книги приобрести для библіотеки, если ихъ не окажется въ библіотекѣ, по справкѣ съ наличностію оной, о чемъ и дать знать къ исполненію библіотекарю Академіи съ тѣмъ, чтобы объ уплатѣ денегъ за книги по счетамъ книгопродавцевъ онъ представилъ въ свое время Правленію Академіи.

XIV. Представленіе библіотекаря Академіи И. Корсунскаго: «Въ 1879 году Совѣтъ опредѣлилъ выписать для академической библіотеки энциклопедическій словарь изд. проф. И. Н. Березинымъ. Но исполненіе этого опредѣленія встрѣтило препятствіе съ той стороны, что къ выписаннымъ уже въ библіотеку 1 и 3 томамъ этого словаря невозможно было сдѣлать пополненія путемъ покупки, такъ какъ разрознить цѣлое изданіе для этого никто изъ продавцевъ не соглашался. Предлагалось при этомъ обыкновенно цѣлое изданіе (въ 16 томахъ), цѣною въ 60 рублей, безъ переплета конечно. Недавно мнѣ удалось приобрести это все изданіе у букиниста за 45 рублей. Изданіе совершенно новое (оно же и вышло изъ печати недавно), при чемъ изъ 16 томовъ только два безъ переплета; всѣ же остальные 14 въ хорошихъ, большею частію въ прочныхъ и красивыхъ коленкоровыхъ, а частію въ обыкновенныхъ корешковыхъ переплетахъ. Не благоволитъ ли Совѣтъ разрѣшить приобретение этого изданія за 45 рублей?».

Опредѣлили: Принять въ библіотеку купленное библіотекаремъ полное изданіе энциклопедическаго словаря проф. Березина, о чемъ дать знать библіотекарю Академіи съ тѣмъ, чтобы объ уплатѣ 45 руб. онъ представилъ Правленію Академіи.

XV. Разсуждали о выпискѣ для академической библіотеки періодическихъ изданій на 1882-й годъ, при чемъ

былъ въ виду списокъ такихъ изданій выписанныхъ для библиотеки на текущій 1881-й годъ.

Опредѣлили: Выписать для академической библиотеки на 1882-й годъ слѣдующія изданія: Собрание узаконеній и распоряженій Правительства, Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, Чтенія въ общ. исторія и древностей при Московскомъ университетѣ, Русскій Архивъ, Русскую Старину, Семью и школу Киевскую Старину, изд. въ Кіевѣ, Историческій Вѣстникъ, въ Спб., Русь (съ 15 ноября сего 1881 года и до конца 1882 года), Востокъ, Россійскую библиографію, Allgemeine evangelisch-lutherische Kirchenzeitung, herausgeg. von Dr. Luthardt; Archiv für katholisches Kirchenrecht, von Dr. Vering; Archiv für slavische Philologie, von Leskien und Mehring; Beweis des Glaubens, von Andreä und Brachmann; Historische Zeitschrift, von Sybel; Jahrbücher für protest. Theologie, von Hase, Lipsius und and.; Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik, von Fleckeisen und Masius, Philosophische Monatshefte, von Schaarschmidt; Rad, judoslavenske Akademije, Vyd. u. Zagrebu; Revue des questions scientifiques, ed. a Bruxelles; Theologische Literaturzeitung, von Schürer; Theologische Quartalschrift, von Kuhn, Himpel und and.; Theologische Studien und Kritiken, von Köstlin und Riehm; Verhandlungen der philosoph. Gesellschaft zu Berlin; Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie, von Avenarius; Zeitschrift für die Kirchengeschichte, von Brieger; Zeitschrift für Philosophie und philosoph. Kritik, von Ulrici; Zeitschrift für Völkerpsychologie, von Lazarus und Steinthal; Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, von Hilgenfeld; Revue d'Archéologie.

XVI. Прошеніе экстраординарнаго профессора И. Мансветова о выпискѣ для него на мѣсячный срокъ изъ Императорской публичной библиотеки слѣдующихъ рукописей: 1) Церковный уставъ (око церковное), по описа-

нію рукописей графа Толстаго № 11-й; 2) Уставъ церковный, о которомъ сообщаетъ свѣдѣнія проф. Ягичъ въ статьѣ «Тірік Romanor.» (Starine, книга V, 1873 г. стр. 7).

XVII. Прошеніе приватъ-доцента І. Татарскаго о выпискѣ изъ Синодальной бібліотеки необходимыхъ для его занятій рукописей, означенныхъ по каталогу архимандрита Саввы подъ №№ 130, 286 и 396, срокомъ на три мѣсяца.

XVIII. Прошеніе студента IV курса Константина Маркова о выпискѣ для него изъ Московской Синодальной бібліотеки на трехмѣсячный срокъ нужныхъ для его занятій греческихъ рукописей: 1) «Андрея арх. Критскаго великій канонъ съ толкованіемъ»; 2) «Сборникъ статей, относящихся къ литургикѣ»; 3) «Θεοδουла монаха повѣствованіе о священныхъ пѣснопѣніяхъ»; 4) «Пѣснопѣнія—собраніе краткихъ изреченій разныхъ отцевъ и писателей церков. о свойствѣ и пользѣ божествен. пѣснопѣній», означенныхъ по алфавитному указателю греч. рукоп. М. С. Б—ки Архим. Саввы, изд. 3, 1858 г. подъ №№ 2, 269, 378 и 301, а по каталогу проф. Маттеи подъ №№ II, CCLVI, CCCLXV и CCLXXXVIII.

Опредѣлили: Обратиться въ управление Императорской публичной бібліотеки съ просьбою о высылкѣ въ Сѣвѣтъ Академіи рукописей, означенныхъ въ прошеніи профессора И. Мансветова на мѣсячный срокъ и къ прокурору Московской Святѣйшаго Синода Конторы о высылкѣ рукописей, означенныхъ въ прошеніяхъ приватъ-доцента Татарскаго и студента Маркова, срокомъ на три мѣсяца.

XIX. Заявленіе ректора Академіи, протоіерея С. Смирнова о томъ, что высланныя при отношеніи прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 18 іюля сего года, для профессора Е. Голубинскаго рукописи Московской Синодальной бібліотеки за № 693, 694 и

695, составляющія сборникъ подъ общимъ заглавіемъ «О древностяхъ російскаго государства» возвращены г. прокурору при отношеніи отъ 4 сего декабря за № 501^е.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XX. Прошенія студентовъ IV курса: К. Маркова, С. Доброумова и іеродіакона Сергія о выдачѣ имъ кандидатскихъ ихъ сочиненій срокомъ на три мѣсяца.

Опредѣлили: Выдать просителямъ кандидатскія ихъ сочиненія на означенный въ прошеніяхъ срокъ.

XXI. Свидѣтельство Московскаго врача при Старо-Екатерининскомъ отдѣленіи больницы для чернорабочихъ Леопольда Гинденбурга, данное 25 ноября сего года студенту 2-го курса Московской Духовной Академіи Ивану Орлову въ томъ, что онъ, Орловъ, съ 22 ноября сего года одержимъ воспаленіемъ дыхательныхъ вѣтвей, потому не можетъ явиться въ Академію.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXII. Докладъ секретаря Совѣта И. Кратирова. о томъ, что получены въ канцеляріи присланныя изъ Воронежской казенной палаты слѣдующіе документы: бывшаго чиновника сей палаты Н. Холодовича, состоящаго нынѣ постороннимъ слушателемъ академическихъ лекцій въ здѣшней Академіи: 1) семинарскій аттестатъ Холодовича, выданный ему правленіемъ Воронежской духовной семинаріи 12 іюля 1875 г. за № 1181 и 2) метрическое свидѣтельство о его рожденіи и крещеніи, выданное Воронежскою духовною консисторіею 12 апрѣля 1878 г. за № 2223.—О полученіи этихъ документовъ сообщено Воронежской казенной палатѣ.

Опредѣлили: Докладъ принять къ свѣдѣнію, а документы приложить къ дѣлу.

XXIII. Отношенія семинарскихъ и училищныхъ Правленій съ увѣдомленіемъ о полученіи документовъ окончившихъ въ текущемъ году курсъ въ Московской Ду-

ховной Академіи кандидатовъ, назначенныхъ на духовно-учебную службу въ семинаріи и училища:

- 1) Отношеніе правленія Вологодской духовной семинаріи о полученіи документовъ Василя Рейпольскаго.
- 2) Екатеринославской—Ивана Каменскаго.
- 3) Пермской—Дмитрія Некрасова.
- 4) Смоленской—Даніила Якимовича.
- 5) Тифлисской—священника Виталія Джанаева.
- 6) Отношеніе правленія Бѣлевскаго духовнаго училища о полученіи документовъ Якова Недоходовскаго.
- 7) Пермскаго—Владимира Товарова.
- 8) Приворотскаго—Стефана Сорочинскаго.
- 9) Старооскольскаго—Николая Чибидовскаго.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

На семь журналѣ резолюціи Его Высочайшеосвященства: „14 дек. 1881 г. Первые двѣ статьи утверждаются, прочія читаны».

- 1) Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія, *С. Смирнова*, цѣна съ пересылкою 3 р.
- 2) Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, *Сюжге*, ц. съ пер. 2 р.
- 3) Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи, *Сюжге*, ц. съ пер. 2 р. 25 к.
- 4) Предызображеніе Господа нашего Іисуса Христа и Церкви Его въ Вѣтхѣхъ Завѣтѣхъ (о ветхозавѣтныхъ прообразованіяхъ), *Сюжге*, ц. съ пер. 1 р. 25 к.
- 5) Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія Ап. Павла къ Ефессеямъ, *Сюжге*, ц. съ пер. 1 р. 50 к.
- 6) Сборникъ, изданный по случаю празднованія 50-лѣтія М. Д. Академіи ц. съ пер. 1 р.
- 7) Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія. Томы 1-й, 2-й и 3-й, цѣна за каждый 2 р. 50 к. безъ перес. Томъ 4-й ц. 2 р. безъ пер. Т. 5-й ц. 2 р. 50 к. безъ пер. Томъ 6. ц. безъ пер. 2 р. (на пересылку каждаго тома прилагается плата за два фунта).
- 8) Братское Слово за 1876 (4 кп.) ц. безъ пер. 3 р. 50 к. съ пер. 4 р.
- 9) Геросхимонаха Іоанна сказаніе о обращеніи раскольниковъ заволжскихъ; ц. безъ пер. 75 к., съ пер. 1 р.
- 10) Исторія четырехъ послѣднихъ вселенскихъ соборовъ *А. Лебедева* ц. съ пер. 1 р. 50 к.
- 11) Церковный судъ въ первые вѣка христіанства *Н. Заозерскаго*, ц. съ пер. 1 р. 75 к.
- 12) Древній Славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. *Григорія Воскресенскаго*, ц. съ пер. 1 р. 50 к.
- 13) Жизнь Св. Аѳанасія Александрійскаго ц. съ пер. 50 к. О таинствѣ мѣропомазанія; Ц. съ пер. 50 к.
- 14) О поведеніи древнихъ христіанъ во дни воскресные и праздничные ц. съ пер. 20 к.
- 15) Св. Левъ, папа римскій ц. съ пер. 30 к.
- 16) О Божествѣ Сына Божія ц. съ пер. 20 к.
- 17) Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій ц. съ пер. 50 к.
- 18) О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ ц. съ пер. 40 к.
- 19) О Владыкѣ Израилевомъ ц. съ пер. 10 к.
- 20) Объясненіе 14 ст. 7 гл. пророка Ісаи ц. съ пер. 10 к.
- 21) Объ Антихристѣ ц. съ пер. 40 к.
- 22) Объ образѣ дѣйствованія православныхъ Государей Греко-римскихъ въ IV, V и VI вв. въ пользу церкви противъ ерестиковъ и раскольниковъ ц. съ пер. 30 к.
- 23) Исторія русской церкви. *Е. Голубинскаго*. Томъ 1. Періодъ 1. Кіевскій, или домонгольскій. Первая половина тома. Ц. безъ пер. 1 р. 50 к. съ пер. 5 руб. Вторая половина тома, — цѣна таже. —
- 24) Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. *И. Соколова*. Ц. съ перес. 3 р.
- 25) Реформація въ Англіи. *В. Соколова*. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.
- 26) Очерки развитія протестантскій церковно-исторической науки въ Германіи *А. Лебедева*. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.
- 27) Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ, Хамитовъ и Іафетитовъ въ дѣлѣ религіознаго развитія этихъ трехъ группъ народовъ. *А. Билляса*. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.
- 28) Указатель къ Твореніямъ св. Отцевъ и къ прибавленіямъ духовнаго содержанія за 20 лѣтъ ц. съ пер. 30 к.

СОДЕРЖАНІЕ

ТВОРЕНІЯ СВ. ЕПИФАНІЯ КИПРСКАГО.

	Стр.
Противъ духоборцевъ. Ересь пятьдесятъ четвертая, а по общему порядку шестьдесятъ четвертая.	5
Противъ Аэрія. Ересь пятьдесятъ пятая, а по общему порядку семьдесятъ пятая.	34
Противъ Аномеевъ. Пятьдесятъ шестая, а по общему порядку семьдесятъ шестая ересь.	47

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Исторія церкви Апостольской. (Академическія лекціи <i>А. В. Горскаго</i>).	363
О трудахъ Митрополита Кипріяна по части богослуженія. <i>И. Мансветова</i>	413
Ученіе о Логосѣ у Филона Александрійскаго и Іоанна Богослова. <i>М. Муретова</i>	496
Письма митрополита Московскаго Филарета къ <i>А. В. Горскому</i>	541
Восточная церковь между первымъ и вторымъ вселенскими соборами. Критическія замѣчанія. <i>А. Лебедева</i>	571
Систематическій каталогъ книгъ бібліотеки Московской Духовной Академіи. <i>И. Корсунскаго</i>	345
Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи	193